

3 1761 00308921 6

Presented to the
LIBRARY *of the*
UNIVERSITY OF TORONTO
by
JOHN F. O. PATTERSON

БИБЛИОТЕКА

ПОД РЕДАКЦІЕЙ
С. А. ВЕНГЕГОВА

Т.

II.

ИЗДАНІЕ
С. ПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ АННУЕ 1900

ИЗДАТЕЛЬСТВО

102870⁷

Изъ черновыхъ набросковъ и недошедшихъ произведеній
1818—1819 гг.

Въ скобки заключены слова, въ подлинникѣ зачеркнутыя.

212. ПОЗВОЛЬ ДУШѢ МОЕЙ ОТКРЫТЬСЯ ПЕРЕДЪ Тобою.

Позволь душѣ моей открыться передъ тобою
И въ дружбѣ сладостной отраду почерпнуть
Скушая жизнью, томимая суетою
Я жажду близъ тебя, другъ и вѣрный, отдохнуть.
Ты помини, милая, зарю нашихъ дней
Младенцы, мы... любить умѣли
Какъ быстро наши дни улетѣли
Въ кругу чужихъ, въ немилон сторонѣ,
Я мало жилъ и наслаждался мало!
И сей мой хъ печальное начало
Наскучило, давно постыло мнѣ!
Къ чему мнѣ жить, Я не рожденъ для счастья,
Я не рожденъ для дружбы, для забавы,
..... и дѣланья
Я мало шлѣкъ изъ жизни сладострастья.

213. КАКЪ СЛАДОСТНО!... Но, Боги, какъ опасно.

Какъ сладостно!... но, Боги какъ опасно
Тебѣ внимать, твой видѣть милой взоръ!—
Забуду ль я отнынѣ... улыбку, взоръ прекрасной
Могуль забыть волшебный разговоръ?
Волшебница, зачѣмъ тебя я вѣдалъ.—
Узнавъ тебя, блаженство я позналъ
И счастье мое возненавидѣлъ.

214. И Я СЛЫХАЛЪ, ЧТО БѢДЫ СВѢТЬ.

И я слыхалъ, что бѣднѣй свѣтъ
Оною дружбою прекраснѣй,
Что безъ нее отрады нѣтъ;—
Что жизни бѣ путь намъ быть ужаснѣй,
Когда не тихон дружбы свѣтъ...
Но слушай, чувство есть другое
Оно и вѣжнѣй и томнѣй,
Въ трудахъ, заботахъ и въ покое

Всего не дремлетъ и горитъ
Оно мучительно, жестоко,
Коль язвы пламенной, глубокой
Элея натежды не живитъ...
Вотъ страсть, которой я слорою,
Которой вяну и дышу,
Которую въ душѣ пошу
И ни на что не промѣню...

215. КЪ ТЬЕ

Щастливъ, кто близь тебя любовникъ уносенной,
 Безъ томной робости твою ловить привычки вдорь,
 Движенья милья, привычї радговоръ
 И стѣтъ улыбки незабвенной.

К

216. ЭЛЕГІЯ.

(Къ Кагульскому памятнику)

Воспоминаемъ уносенный,
 Съ благоговѣемъ и тоской
 Объемлю грозный мраморъ твой,
 Кагула памятникъ надменный!
 Не смѣлый подвигъ Россіянъ,
 Не слава, даръ Екатерины,
 Не задувайскій Великанъ
 Меня воспаменяютъ пыль...

217. НАПРАСНО, МІЛЫЙ ДРУГЪ, Я МЫСЛИТЬ УТАИТЬ.

Напрасно, милый другъ, я мыслью утаить
 (Тоскующей души — холодное водненье,
 Ты поняла меня — проходить уносенье,
 Перестаю тебя любить...
 (Печеди навсегда часы очарованья,
 Пора прекрасная прошла,
 Погасли юныя желанья,
 Надежда въ сердцѣ умерла...

218. ДУБРОВЫ, ГДѢ ВЪ ТИШИ СВОБОДЫ.

Дубровы, гдѣ въ тиши свободы
 Встрѣчалъ я счастье каждый день,
 Ступаю вновь подъ ваши своды
 Ночь вашу дружескую тень.

219. СКАЖИ, КАКІЯ ЗАКЛИНАВЪЯ.

Скажи какія заклинанья
 Публютъ пать тобою власть,
 Всѣ хорони: на всѣ призыванья
 Готовъ я какъ бы съ неба пастъ—
 Довольно одного желанья—
 Я какъ тогаливнн холоны.

Въ латови по турецки хлопъ,
 Приисестни, позволи и мномъ
 «Явлюсь! Что дѣлать — я служу,
 Живу, кричму подъ вѣчнымъ шомъ—
 Какъ пьянка бѣдная ложу,
 За вами— слушаю, слыжу.

220. ВСЕ ПРИЗРАКЪ, СЧЕТА.

Все призракъ, счѣта	–	Безъ нѣмъ человекѣ
Все дрянъ и гадость		Звѣаль бы весь лѣтъ,
Слаканъ и красота		Къ нѣмъ лѣтъ еще прибавлю
Вотъ жизни радость		Лѣтъ съ нѣми заодно
Любовь и вино		Вино я съ нею славою
Намъ нужны равно		Она мнѣ льзѣтъ вино.

221. ДАВНО-ЛИ ТАИНЫМИ СУДЬБАМИ.

Давно-ли таинными судьбами
 Намъ жизни чаша подана?
 Еще для насъ она полна,
 Къ ея краямъ, прильнувъ устами,
 Мы шлемъ восторги и любовь,
 Намъ надежды, наслажденье,
 (Для насъ) все (новы) заблужденья,
 Какъ новы

222. Я МАЛО ЖИТЬ И НАСЛАЖДАЛСЯ МАЛО.

Я мало жилъ, и наслаждался мало...
 Но иногда дѣлалъ веселья рвалъ
 Я жизни витѣль лишь начало
 Кто знаетъ?

223. НЕДАВНО ТЫХИМЪ ВЕЧЕРКОМЪ.

Недавно тихимъ вечеркомъ
 Пришелъ судить я въ роцѣ пану
 И тамъ у роци ночь дубкомъ
 Увидѣлъ спящую Натану

224. ЗА СТАРЫЕ ГРѢХИ НАКАЗАНЫИ СУДЬБОИ.

За старые грѣхи наказанныи судьбой
 Я стражду, С. тѣмъ съ лекарствами въ желудкѣ
 Съ Меркуріемъ въ ..., съ расквашемъ въ разсудкѣ.

225. ПО Я НЕ ТОТЪ! МОИ ЗЛАТЫЕ ГОДЫ!

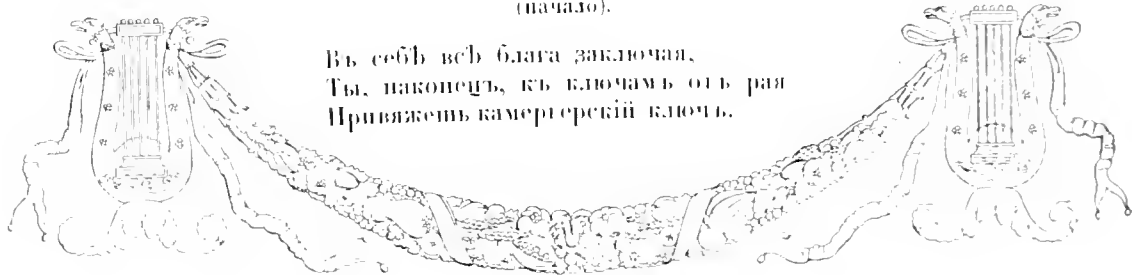
(Кн. А. М. Горчакову Огряновъ)

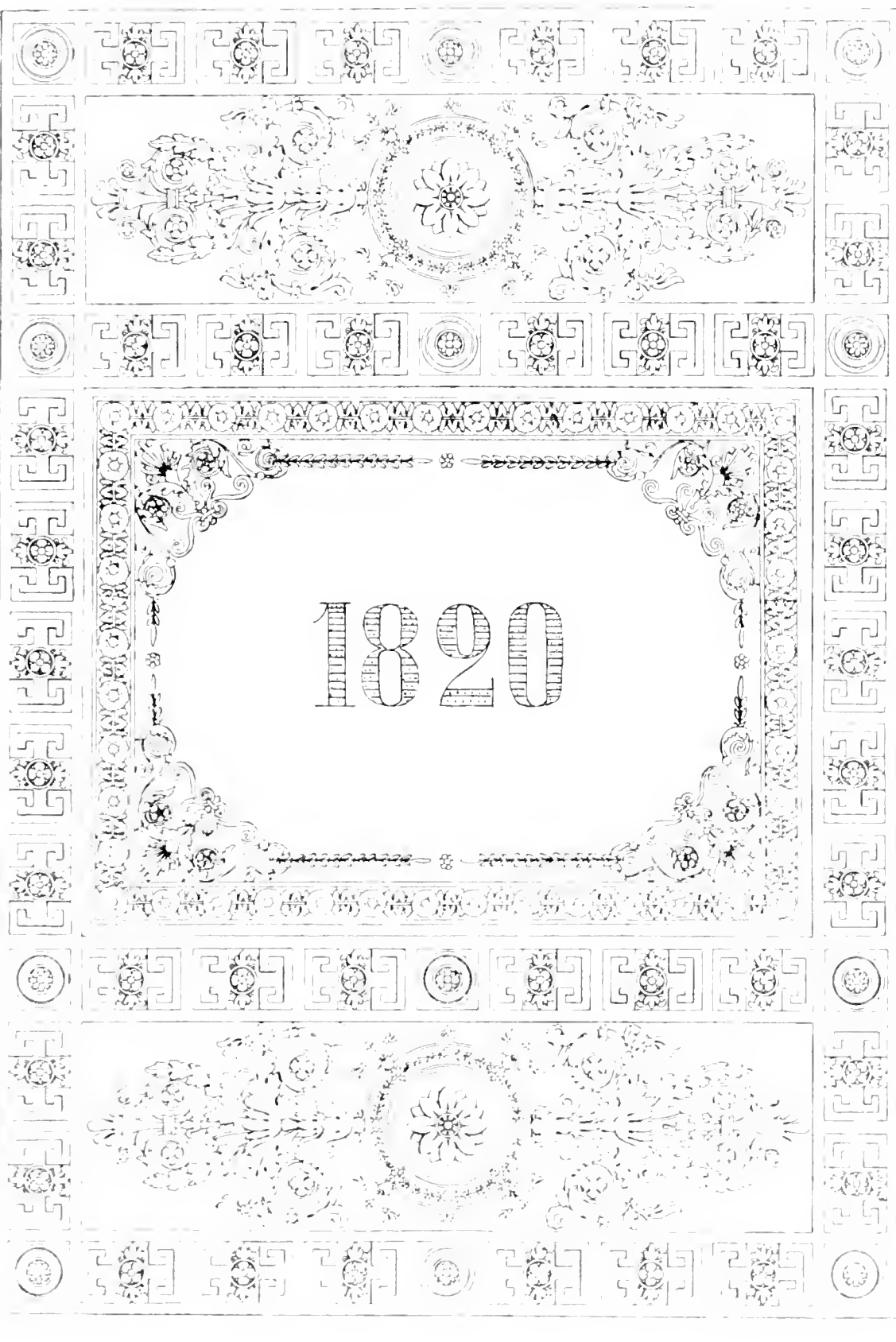
Но я не тотъ! мой златыя годы,
 Безумства жаръ, веселость, острога,
 Любовь стиховъ, любовь моеи свободы
 Проходить все, какъ легкая мечта.
 Такъ иногда за чашей ликования
 Найдеши меня, объятаго тоской,
 Задумчивымъ, съ повикшею головой
 И ты поймешь души моеи страданья!...

226. ПОСЛАНИЕ А. П. ТУРГЕНЕВУ.

(начало).

Въ себѣ все блага заключаю,
 Ты, наконецъ, къ ключамъ отъ рая
 Привяжешь камергерскій ключъ.

1820

227. ДОРИДЬ.

Я вѣрю: я любимъ: для сердца нужно вѣрить:
 Пѣтъ, милая моя не можетъ лгдемѣрить:
 Все непритворно въ ней: желаній томный жаръ,
 Стыдливость робкая, харитъ бездѣливый даръ,
 Нарядовъ и рѣчей пріятная небрежность,
 И ласковыхъ именъ младенческая пѣвность.

228. ДОРИДА.

Въ Доридь правится и локоны златыя
 И блѣдное лице, и очи голубыя.
 Вчера, друзей моихъ оставя пиръ ночной,
 Въ ея объятіяхъ я и вѣду шель душой:
 Восторги быстрые восторгами смѣнялись,
 Желанія гасли вдругъ и снова разгарались:
 Я галѣ: но среди невѣрной темноты
 Другія милыя мнѣ видѣлись черты,
 И весь я подогъ былъ таинственной печали,
 И имя чуждое уста мои шептали.

229. МНѢ БОЙ ЗНАКОМЪ.

Мнѣ бой знакомъ—люблю я звукъ мечей:
 Огъ первыиъ дѣтъ поклонникъ бранной Славы,
 Люблю войны кровавыя забавы
 И смерти мысль мила душѣ моей.
 Во дѣлѣ дѣтъ свободы вѣрнѣй воинъ
 Передъ собой кто смерти не видаеть,
 Тотъ полного веселья не вкушаетъ
 И милыхъ женъ добзаній не достоинъ.

230. ОЛЕНЬКА МАССОНЪ.

Ольга, крестница Кшириды,
 Ольга, чудо красоты,
 Какже ласки и обиды
 Расточать привыкла ты!
 Поцѣдуемъ сладострастья,
 Соблазнительнаго счастья
 Назначаетъ тайный часъ:
 Мы съ горячкою любовной
 Прибѣгаемъ въ часъ условной—
 Въ дверь стучимъ: но въ сонѣ разъ
 Слышимъ твой коварный шопотъ.

И служанки сонный ропотъ,
 И насмѣшливый отказъ.
 Ради рѣзвато разврата,
 Пріамическихъ заѣтъ,
 Ради пѣви, ради злата,
 Ради предести твоеи,
 Ольга, жрица наслажденія,
 Внемли нашъ влюбленный плачь
 День восторговъ, день забвенія
 Намъ навѣрное назначъ.

231-232. ПА АРАКЧЕВА.

I.

Всей Россіи притѣснитель
 Губнаторовъ мучитель.
 И Совѣта оный учитель.
 А царю—оный другъ и братъ.
 Подлость злобы, подлость мести,
 Безъ ума, безъ чувствъ, безъ чести—
 Кто жь оный, «среданный безъ дести»?
 Просто фрунтовой солдаты.

II.

Холодъ вѣчнаго солдата
 Благотвори свою судьбу:
 Ты стоишь дурковъ Герострата,
 Иль смерти пѣвца Коцебу:
 А впрочемъ,

ГРАФЪ А. А. АРАКЧЕЕВЪ.
 Съ гравированнаго портрета Уткина.

233. ВЪ ЖИЗНИ МРАЧНОЙ
И ПРЕЗРѢННОЙ.

Въ жизни мрачной и презрѣнной
 Былъ оный долго погруженъ.
 Долго все конца вселенной
 Осквернялъ развратомъ оный
 Но, поправясь понемногу,
 Онь задумалъ свой позоръ
 И теперь оскл- слова Богу
 Только что картежшии воръ.

ГРАФЪ О. Н. ДОЛГОРУКОВЪ—АМЕРИКАНЕЦЪ.
 Съ портрета Росселя 1817 г.

234. ПОГАСЛО ДНЕВНОЕ СВЕТЛО.

Подражание Байрону.

Погасло дневное светило:
 На море синее вечерний палъ туманъ.
 Шуми, шуми, послушное вътрило,
 Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ.
 Я вижу берегъ отдаленный,
 Земли полуденной юдннебные края:
 Съ волненьемъ и тоскою гуда стремлюся я,
 Воспоминаемъ уносный...
 И чувствую: въ очамъ родились слезы вновь:
 Душа кинется и замираетъ:
 Мечта знакомая вокругъ меня летаетъ:
 Я вспомнилъ прежнихъ днй безумную любовь,
 И все, чмъ я страдалъ, и все, что сердцу мило,
 Желаній и надеждъ томительный обманъ...
 Шуми, шуми, послушное вътрило,
 Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ.
 Лети, корабль, носи меня къ предѣламъ дальнымъ,
 По грозной прихоти обманчивыхъ морей,
 Но только не къ брегамъ печальнымъ
 Туманной родины моей,
 Страны, гдѣ пламенемъ страстей
 Впервые чувства разгорались,
 Гдѣ муды и бжнныя мнѣ тайно улыбались,
 Гдѣ рано въ буряхъ отцвѣла
 Моя потерянная младость,
 Гдѣ легкокрылая мнѣ измѣнила радость
 И сердце хладное страданью предала.
 Пекатель новыхъ впечатлѣній,
 Я вась бжгать, отечески края:
 Я вась бжгать, питомцы наслаждений,
 Минутной младости минутные друзья:
 И вы, панерениды порочныхъ заблуждений,
 Которымъ безъ любви я жертвовалъ собой,
 Покоемъ, славою, свободой и душой,
 И вы забыты мной, измѣнницы младья,
 Подруги тайная моей весны златья,
 И вы забыты мной... Но прежнихъ сердца равъ,
 Глубокихъ равъ любви, ничто не измѣнило...
 Шуми, шуми, послушное вътрило,
 Волнуйся подо мной, угрюмый океанъ...

235. МНЬ ВАСЬ НЕ ЖАЛЬ, ГОДА ВЕСНЫ МОЕЙ.

Мнѣ вась не жаль, года весны моей,
 Протекше въ мечтахъ любви напрасной.
 Мнѣ вась не жаль, о гашества попей,
 Воспѣтая цвницей сладострастной,
 (Мнѣ вась не жаль), невѣрные друзья,
 Выски шировъ и машы круговья,

Мнѣ вась не жаль, измѣнницы младья —
 Задумчивый, забавъ мждаюся я,
 Но гдѣ же вы, минуты умиленья,
 Младыхъ надеждъ, сердечной тишины,
 (Гдѣ прежній жаръ и пѣга вдохновенья?...
 Придите вновь, года моей весны.

ХРАМЪ ДИАНЫ ВЪ ТАВРИДѢ.

Рисункъ реконструкция А. Шмита (A. Schmitz).

236. ЧАДАЕВУ.

Съ морекато берега Тавриды.

Къ чему холодныя сомнѣнья?
 Я вѣрю: здѣсь быть грозный храмъ,
 Гдѣ крови жаждущимъ богамъ
 Дамилась жертвоприношенья;
 Здѣсь усюкося была
 Вражда свирѣпой эмениты:
 Здѣсь проводившица Тавриды
 На брата руку занесла:
 На снхъ развалинахъ свершилось
 Святое дружбы торжество,
 И днхъ великихъ божество

Своимъ созданьемъ возгордилось.

 Чадаевъ, поминишь ли былое?
 Давно ль съ восторгомъ молодымъ
 Я мыслилъ имъ роковое
 Предать развалинамъ инымъ?
 Но въ сердцѣ, бурями смиренномъ,
 Теперь и днхъ и тишина,
 И, въ умиленьи вдохновенномъ,
 На камнѣ, дружбой освещенномъ,
 Нишу я напн имени.

237. О ДЬВА-РОЗА, Я ВЪ ОКОВАХЪ.

Поображаше турецкой плетн.

О дѣва-роза, я въ оковахъ:
 Но не стыжусь провъ оковъ:
 Такъ соловей въ вѣстахъ лавровыхъ,
 Пернатый царь дѣвнхъ пѣвцовъ,

Близъ роза гордой и прекрасной
 Въ невольѣ сладостной живеть
 И пѣжко пѣсни ей поеть
 Во мракѣ ночи сладострастной.

238. УВЫ, ЗАЧЕМЪ ОНА БЛИСТАЕТЪ.

Увы, зачѣмъ она блистаетъ
 Минутной, пѣжной красотой?
 Она привѣтно увидаеть
 Во цвѣтѣ юности живонъ...
 Увиеть! Жизнью молодую
 Не толю наслаждаться ей:
 Не толю ратовать собою
 Шастливыи кругъ семьи свои.
 Безвѣстной, милои остроною
 Бесѣды наши оживляеть.

И тихой, ясною душою
 Страндыца дуну устакать,
 Сивну, въ волненьи думъ пелымахъ,
 Сокривъ уныиѣ мое,
 Наслушаться рѣчей веселыхъ
 И взглянуть на нее,
 Смотрю на всѣ ея движенья,
 Внимаю какнй дукъ рѣчей,
 И ми въ стнннхъ разлученья
 Ужасень для души моеи.

239. НА КАЧЕНОВСКАГО.

Хаврошось! ругатель закосивляи,
 Во тѣмб, въ пылѣ, въ презрѣннѣ посѣдьяи,
 Уймись, дружокъ! къ чему журнальнѣ шумъ
 И насквизел томительнѣя туность?
Затѣвникъ золъ! съ улыбкой скажетъ Глушость:
Несъжда дурь! зѣвай скажетъ Умъ.

240. КОГДА-БЪ ПИСАТЬ ТЫ НАЧАЛЪ СДУРУ.

Когда-бъ писать ты началъ сдурю
 Тогда-бъ на вѣрно ты пролезъ
 Сквозь нашу тѣсную цензуру
 Какъ виденъ въ царствіе Небесъ.

241. КАКЪ БРАНЬ ТЕБѢ НЕ НАДОБЛА.

Какъ брань тебѣ не надобла?
 Разчетъ коротокъ мой съ тобой:
 Ну, такъ я праждець, я безъ тѣла,
 А ты бездѣльникъ дѣловой.

242. ВІНОГРАДЪ.

Не стану я жидѣть о розахъ,
 Увидишь съ лѣткою весной:
 Миѣ милѣ и виноградъ на лозахъ,
 Въ кустахъ созрѣвшнхъ подь горою,
 Краса моеи долины злочнои,
 Ограда осени златои,
 Протолговатый и прозрачнои,
 Какъ персты дѣвы молодой.

243. ФОНТАНУ БАХЧИСАРАЙСКОГО
ДВОРЦА.

Фонтанъ любви, фонтанъ живої!
Принеси я въ царь тебѣ дивь роды,
Люблю немолчный говоръ твой
И поэтическія слѣзы.

Твоя серебряная пыль
Меня крошитъ росой холодной:
Ахъ, дейся, дейся, ключь отрадної!
Журчи, журчи свою мнѣ быль...

Фонтанъ любви, фонтанъ печальной!
И я твой мраморъ вопрошала:
Хвалу страивь прочесть я дальнюю,
Но о Маріи ты молчала...

Свидѣло бывшее гарема!
И здѣсь уже ль забвенно ты?
Пли Марію и Зарема
Однѣ счастливый мечты?

Нль только сонъ воображенія
Въ пустынной мѣлѣ парисовать,
Свои минутныя видѣнія,
Души неясный идралъ?

Пушкинъ у Бахчисарайскаго фонтана.

Рисункъ В. Я. Сурикова.

244. ДОЧЕРИ КАРАГЕОРГІЯ.

Гроза думы, свободы воинь,
Покрывай кровію святой,
Чуждый твой отецъ, преступникъ и терон,
И ужаса людей и славы былъ достоинь,
Тебя младенца онъ ласкалъ
На пламенной груди рукой окровавленной:
Твоей ирушкой былъ кивкалъ
Братоубійствомъ изобретной,
Какъ часто, возбуживъ свирѣной мести жарь,
Онъ молча наъ твоей невинной кодыбелью
Убійства новаго обдумывалъ ударь
И дельца твой внималъ, и не былъ чуждъ веселью!
Таковъ былъ: сумрачанъ, ужаснъ до конца,
Но ты, прекрасная, ты бурный вѣкъ отца
Смиреною жидино предъ небомъ идушила:
Съ мощныя грозной въ небесахъ,
Она, какъ сладкіи опіямъ,
Какъ чистая любви молитва восходила.

245. ЧЕРНАЯ ШАЛЬ.

Молдавская пѣсня.

Гляжу какъ безумный на черную шаль,
И хладную душу терзаетъ печаль.

Когда легковѣрецъ и молодъ я былъ,
Младую Гречанку я страстно любилъ.

Прелестная дѣва ласкала меня;
Но скоро я дожидъ до чернаго дня.

Однажды я созвалъ веселыхъ гостей:
Ко мнѣ поступался презрѣнный Еврей.

Съ тобою ируютъ (пешутъ) оныя друзья;
Тебѣ жъ измѣнила Гречанка твоя.

Я далъ ему злата и проклялъ его,
И вѣрнаго позвалъ раба моего.

Мы вышши: я мчался на быстромъ конѣ,
И кроткая жалость молчала во мнѣ.

Едва я завидѣлъ Гречанки порогъ:
Глаза потемнѣли, я весь изнемогъ...

Въ покой отдаленный вхожу я одинъ...
Невѣрную дѣву любзатъ Армянинъ.

Не завидѣлъ я свѣта: булатъ загремѣлъ...
Прервать поцѣлуя злодѣи не успѣлъ.

Безглавое тѣло я долго топталъ,
И молча на дѣву, блѣднѣя, взиралъ.

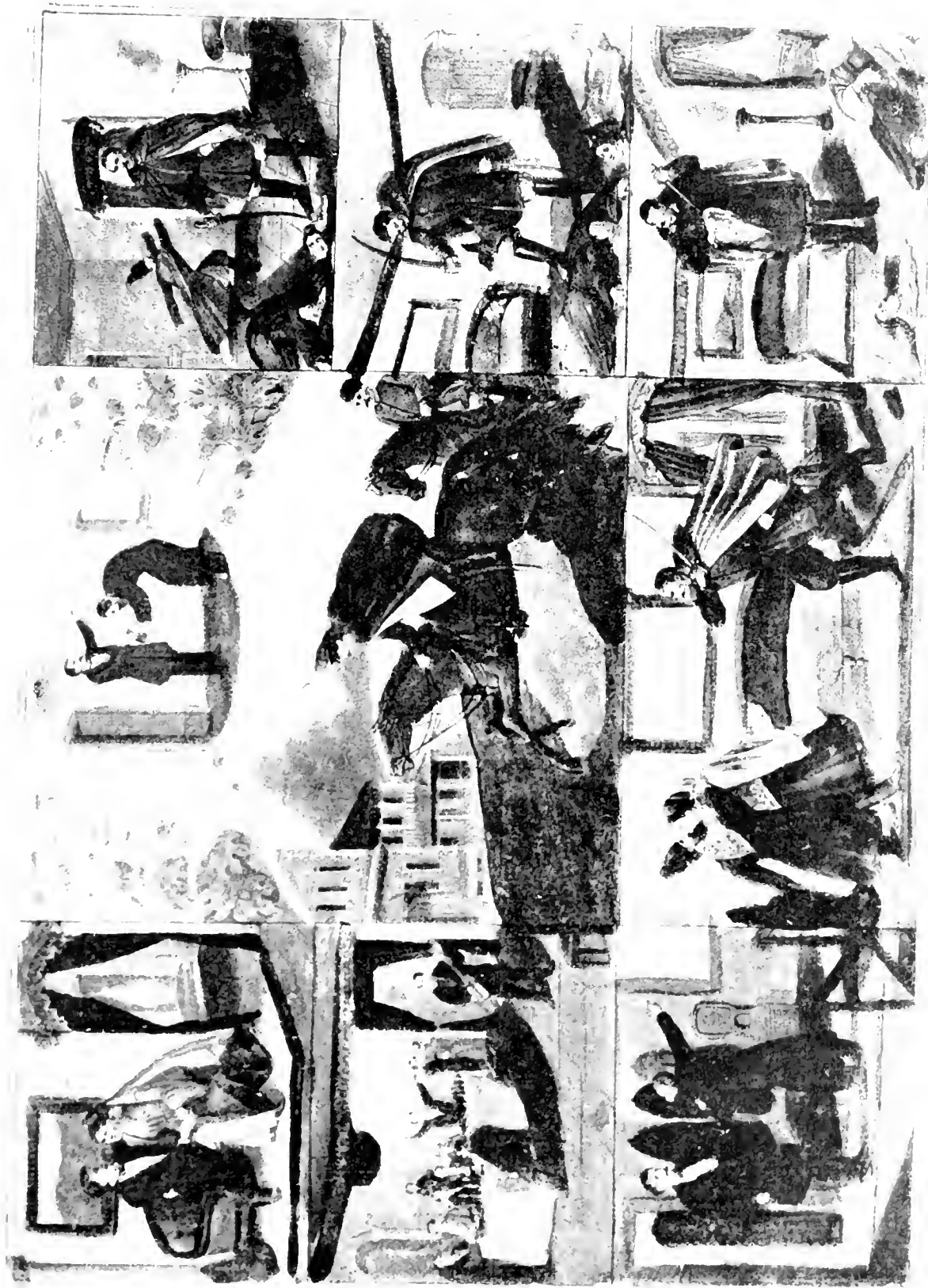
Я помню мольбы, текущую кровь...
Погибла Гречанка, погибла любовь.

Съ главы ея мертвой свизъ черную шаль,
Огерь я безмолвно кровавую сталь.

Мой рабъ, какъ настала вечерняя мгла,
Въ Дунайскія волны нхъ бросилъ гѣла.

Съ тѣхъ поръ не цѣлую прелестныхъ очей,
Съ тѣхъ поръ я не знаю веселыхъ почей.

Гляжу какъ безумный на черную шаль,
И хладную душу терзаетъ печаль.

ЧЕРНАЯ ШАБЛ

Древняя картина второй половины XIX в. (Из Пинакотеки колледжа П. Е. Гейбхарта).

Кн. П. А. ВЯЗЬСКИЙ.

Съ гравюры 1820-го г.

246. КЪ ПОРТРЕТУ ВЯЗЬСКАГО.

Судьба свои дары явить желала въ нёмъ,
 Въ счастливомъ базовиѣ соединивъ ошибкой
 Богатство, знатный родъ съ возвышеннымъ умомъ,
 И простодушіе съ извѣтельной улыбкой.

247. ПЕРЕЦА.

Среди зеленыхъ волкъ, лобзающихъ Тавриду,
 На утренней зарѣ я видѣлъ Перещу,
 Скрытый межъ деревь, едва я смѣлъ дохнуть:
 Надъ ясной влагою полубогиня грудь
 Младую, бѣлую какъ лебедь, воздымала
 И пѣну изъ власовъ струею выжимала.

*Рыдесть облаковъ летучая троя,
Рисовокъ Н. Леватина.*

248. РЫДЕТЬ ОБЛАКОВЪ ЛЕТУЧАЯ ТРОЯ.

Рыдесть облаковъ летучая троя,
 Звезда печальная, вечерняя звезда!
 Твои думы осеребрили увявший равнина,
 И дремлющий заливъ и черныхъ скалъ вершины,
 Люблю твои слабыи свѣтъ въ небесной вышинѣ:
 Онь думы разбухнулъ, уснувши во мнѣ:
 Я помню твои восходы, знакомое свѣтло,
 Натъ мирною страной, гдѣ все для сердца мило,
 Гдѣ строило тополи въ долинахъ воднелесь,
 Гдѣ дремлетъ живяши миръ и темныи кипарисъ,
 И сладостно шумитъ подутенная волна,
 Тамъ икопа въ горахъ, сердечной думой полна,
 Натъ моремъ и влачили задумчивую дѣнь,
 Когда на мѣжину сходила ночь дѣнь,
 И два юная во мѣть тебѣ пекала
 И именемъ своимъ погрусамъ называла.

249. АНТЕКУ ПОЗАБУДЬ.

Антеку позабудь ты для вѣнковъ лавровыхъ
 И не мори больныхъ, но угѣнай здоровыхъ.

Изъ Черновыхъ набросковъ.

250. ТАМЪ НА БРЕГУ, ГДѢ ДРЕМЛЕТЪ ЛБЪ СВЯЩЕННЫЙ.

Тамъ на берегу, гдѣ дремлетъ лбъ священный
 Твое я имя повторяю
 Тамъ часто я бродилъ уединенный
 И въ даль глядѣлъ... и милой встрѣчи ждалъ.

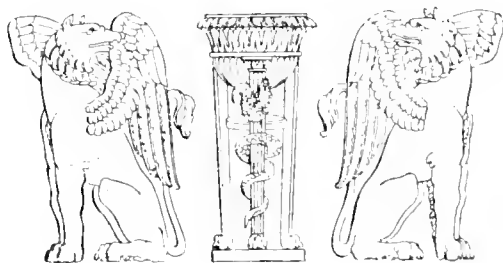
251. Я ВИДѢТЬ АЗИИ БЕЗПЛОДНЫЕ ПРЕДѢЛЫ.

(Боле законченныя и разборчивыя строки).

Я видѣлъ Азій безплодные предѣлы
 Кавказа дальній край..... обгорѣлы
 Жилъ же (дикое) черкесскихъ табуновъ

 Я видѣлъ... вершины
 Обвитые вѣтромъ холоднымъ облаковъ
 И закубанскія равнины
 (Ужасный край) чудесь!—Тамъ жаркіе ручьи
 Кипятъ въ утесахъ раскаленныхъ
 ...благословенная (цѣлебная) струя
 Наежа вѣрная страдальцевъ изнуренныхъ
 Мой взоръ встрѣчалъ близъ дивныхъ береговъ
 Увидшихъ юношей ниревъ
 На муку тайную Кирилой осужденныхъ

 И старость хилая въ печальныхъ сѣдинахъ

«КОЛОССЪ ДВУГЛАВЫЙ».

(Эльбрусъ съ Машукомъ).

ПУШКИНЪ НА КАВКАЗЪ ВЪ 1820 ГОДУ.

Въ первый числа мая мѣсяца 1820 года Пушкинъ по своей волѣ покинулъ Петербургъ и отправился на службу въ Екатеринославъ въ распоряженіе Н. П. Низова, бывшаго въ то время главнымъ почечителемъ иностранныхъ колонистовъ южной Россіи.

Покакъ неожиданно въ незнакомый городъ, Пушкинъ скучалъ и не зналъ, что съ собою дѣлать. Каталикъ какъ-то въ дождь по Дибру, онъ выкушалъ и схватилъ жестокую лихорадку. На его счастье проѣхалъ чрезъ Екатеринославъ на Кавказскія минеральныя воды корпусный командиръ Николай Николаевичъ Раевскій, извѣстный генералъ 1812 года. Его сопровождали дѣвочка и младшій сынъ Николай^{*)}, гвардіи

ротмистръ, съ которымъ Пушкинъ былъ друженъ еще со времени пребыванія въ Липецкѣ.

Раевскій-младшій поспѣшилъ разыскать Пушкина въ Екатеринославѣ. Онъ нашелъ его—небритаго, блѣднаго, худого, въ бѣлой еврейской халѣ. Поэтъ лежалъ на досчатомъ диванѣ; вмѣсто дѣкартова стола предъ нимъ кружка оледѣнѣлаго лимонада. Раевскій поручилъ больного почечителю д-ра Рудыковского, состоявшаго при генералѣ, и предложилъ ему совѣтственную поѣзду на Кавказъ. Нечего и говорить, что Пушкинъ съ восхищеніемъ принялъ предложеніе своего друга. Низовъ, перевезенный въ это время въ Кишиневъ, былъ очень радъ возможности передать

^{*)} По словамъ д-ра Рудыковского, Петра съ Пушкинымъ, Русскія Вѣстникъ 1841 г., N 1, генерала Раевского сопровождали на Кавказъ оба его сына. Въ письмѣ поэта къ брату Льву отъ 24 сентября 1820 г. сказано положительно, что Раевскій ѣхалъ на Кавказъ съ сыномъ и двумя дѣтьми. Точно также и въ путевыхъ запискахъ Геракова упоминается только одинъ младшій сынъ

Николай. Но въ Путешествіи въ Арарукъ, вспоминая о своемъ первомъ посѣщеніи Кавказа въ 1820 г., Пушкинъ говоритъ, что часто сидѣлъ съ Ал. Раевскимъ на берегу Поткумба. Для устраненія дѣлхъ противорѣчія остается предположить, что Ал. Раевскій прибылъ на помянутое мѣсто отсюда отлучившись отъ остальныхъ членовъ своего семейства.

генералу Раевскому надзоръ за порученнымъ ему молодымъ человекомъ.

Изъ Екатеринослава путешественники направились на Кавказъ чрезъ Новочеркасскъ и Ставрополь. Новизна совершалась не столько, какъ въдали въ старину. Генерала Раевского встрѣчали всюду съ подобающимъ почетомъ, предоставляли ему всякія удобства. Большой Пушкинъ быстро поправился. Постоянное общеніе съ просвѣщенными и дружески расположенными къ нему людьми дичине и скорбе всякихъ дѣкастеръ водостановило его здоровье. Въ семьѣ Раевскихъ чувствовалъ онъ себя спокойно и привольно. Исчезло тисненное чувство душевнаго одиночества, томившее его въ Екатеринославѣ. Онъ зналъ, что всякая мысль его, всякое впечатлѣніе найдеть себѣ откликъ и сочувствіе.

Къ Пушкину возвратилась его обычная шаловливость. По заведенному порядку, прѣѣзжіе на воды обиживались заявить коменданту имени и званія свои. Пушкинъ вызвался составить списокъ и отбѣтилъ въ немъ д-ра Рудыковского лейбъ-медикомъ, а себя недорослемъ. Мѣстныя медицинскія власти вѣдомостились, прочитавъ списокъ, и когда мистификація открылась, Рудыковскому пришлось оправдываться въ именованіи себя неподлежащимъ придворнымъ званіемъ. Пушкинъ же такъ и остался недорослемъ въ списокѣ побѣдителей Кавказскихъ минеральныхъ водъ^{*)}.

Въ 1820 г. городъ Янтарскъ еще не существовалъ даже по имени. Прѣѣзжіе ютились въ небольшомъ поселкѣ и отирались оттуда ежедневно къ горячимъ сернымъ ваннамъ, устроеннымъ въ ветхихъ туркменскихъ постройкахъ. Въ 1819 году генералъ Ермоловъ возобновилъ нѣкоторыя изъ нихъ, но все же отсутствіе даже элементарныхъ удобствъ свидѣтельствовало о выносливости большихъ и удѣрности ихъ въ цѣлебной силѣ источниковъ даже при самой непригодной обстановкѣ.

Въ іюнь 1820 г. былъ на водахъ, проездомъ изъ Персін, англійскій чиновникъ Виллокъ, за которымъ, по распоряженію генерала Ермолова, было установлено несласное наблюденіе. О жизни Виллока на водахъ дежурный штабъ-офицеръ майоръ Краковскій донесъ въ Тифлисѣ рапортомъ отъ 1 июля 1820 г. № 1839, въ которомъ, между прочимъ, сказано: «21 іюня приходили къ Виллоку лейбъ-гвардіи Гренадерскаго полка поручикъ князь Сергій Ивановичъ Мещерскій, лейбъ-гвардіи ротмистръ Николай Николаевичъ Раевскій и некоротель, находившійся въ свѣтъ его высокопревосходительства генерала Раевского, Александръ Сергѣевъ Пушкинъ».

Именно это неблагоустройство и восхищало Пушкина. «Въ мое время»,—вспоминалъ онъ въ 1829 году, послѣ вторичнаго посѣщенія Горячеводска,—«ванны находились въ лачужкахъ, пасторо построенныхъ. Источники, болѣею частью въ первобытномъ своемъ видѣ, били, дымились и стекали съ горъ по разнымъ направленіямъ, оставляя по себѣ бѣлые и красноватые слѣды. Мы черпали кипучую воду ковшикомъ изъ горы или дномъ разбитой бутылки. Нынче выстроены великолѣпныя ванны и дома. Бульваръ, обсаженный липками, проведенъ по склопенію Машука. Вездѣ чистенькія дорожки, зеленныя лавочки, правильныя цвѣтники, мостки, павильоны. Ключи обдѣланы, выложены камнемъ; на стѣнахъ ванны прибиты предписанія отъ полиціи: вездѣ порядокъ, чистота, краснота... Признаюсь, Кавказскія воды представляютъ пылъ болѣе удобностей, но мнѣ было жаль прежняго, дикаго состоянія: мнѣ было жаль крутыхъ каменныхъ тропинокъ, кустарниковъ и неогороженныхъ пропастей, надъ которыми, бывало, я карабкался».

Попавъ на Кавказъ послѣ бурной петербургской жизни, оставившей въ сердцѣ его горькій осадокъ, Пушкинъ чувствовалъ себя очень хорошо. Здѣсь онъ отдохнулъ душою и тѣломъ среди прекрасной южной природы и въ кругу млага семейства Раевскихъ. Свободный отъ стѣснительныхъ условій пустой свѣтской жизни, онъ думалъ, что обрѣлъ, наконецъ, ту свободу, которая была тогда его кумиромъ. Его восхищали на Кавказѣ и простая обстановка, панорамная военная станція, и горная природа, неизримо дѣйствующая на уроженца северныхъ равнинъ, и наконецъ, по собственному его слову, «та тѣнь опасности, которая такъ нравится мечтательному воображенію».

Тогдашнія настроенія Пушкина панорамноютъ его характеристику «Кавказскаго пѣвника»:

Отступникъ свѣта, другъ природы,
Покинулъ онъ родину предѣль
И въ край далекій полетѣлъ
Съ веселымъ призракомъ вольбы.

Свобода! онъ одной тебя
Еще искалъ въ подлунномъ мірѣ.
Страстями сердце погубя,
Охолодѣвъ къ мечтамъ и лирѣ,
Съ волненьемъ пѣни онъ внималъ,
Одуревшая тобою;
И съ вѣрой, пламенной мольбою
Твой гордый плоть обнималъ.

Мы не имѣемъ подробныхъ свѣдѣній о томъ, что дѣлалъ Пушкинъ въ теченіе двухмѣсячнаго пребыванія на Кавказскихъ водахъ. Единственный для этого источникъ — его письмо къ брату Льву изъ Кисловодска отъ 24 сентября 1820 г. Изъ него знаемъ, что поэтъ купался въ горячихъ (Бриныхъ) водахъ, которыя принесли ему большую пользу; посѣтилъ группы желѣзныхъ (Желѣзноводскъ) и кислыхъ (Кисловодскъ) источниковъ, много бродилъ по живописнымъ окрестностямъ этихъ мѣстъ и нередко любовался при солнечномъ восходѣ величественною картиною сѣвжной цѣпи Кавказа. Подобно «Кавказскому альбуму»,

Влааса межъ урюжыхъ скалъ,
Въ часъ ранней утренней прохлады.
Вперялъ онъ неподвижныя взоры
На отдаленныя громады
Сѣныхъ, румяныхъ, синихъ горъ.
Великолѣпная картина!
Очамъ казалась ихъ вершины
Недвижной цѣпью облаковъ,
И въ ихъ кругу колосъ двуязыкъ.
Въ вѣщѣ блстаетъ ледникомъ,
Дѣбрьскъ огромный, величавый,
Бѣлѣтъ на небѣ голубомъ.

Картина эта произвела на Пушкина неизгладимое впечатлѣніе. Въ письмѣ къ брату онъ выражаетъ сожалѣніе, что тотъ не видалъ «великолѣпную цѣпь кавказскихъ горъ, ледники ихъ вершины, которыя издали, на ясной зарѣ, кажутся страшными облаками, разнообразными и неподвижными». Въ 1829 году поэтъ вновь записалъ въ своемъ дневникѣ: «въ Ставрополѣ увидѣлъ я на краю неба облака, поразившія мнѣ взоры равно да девять дѣтъ. Они были все тѣ же, все на томъ-же мѣстѣ. Это — сѣвныя вершины кавказской цѣпи».

Изъ всѣхъ посѣтителей Кавказскихъ водъ въ 1820 г. только одинъ отмѣнилъ въ печати свое впечатлѣніе тамъ съ Пушкинымъ. Это былъ Гавриилъ Васильевичъ Гераковъ, пользовавшійся въ 1820-хъ годахъ весьма своеобразною известностью. Маленькаго роста, худой и бездарный, Гераковъ обладалъ неомѣримымъ самолюбіемъ, считалъ себя великимъ писателемъ и при- ставалъ ко всѣмъ съ непрошенными со- звѣтями и наставленіями. Литературная произвѣстность его могла бы дать богатое собраніе изреченій для пополненія знаменитыхъ афоризмовъ Кудьмы Прутова, этого типическаго представителя самолю- бивой бездарности.

Въ 1820 г., сопровождая въ качествѣ ментора какого-то юношу, совершавшаго образовательную прогулку по Россіи, Гераковъ попалъ на Кавказскія воды и отмѣнилъ въ своемъ дневникѣ подъ 2 августа: «стуть увидѣлъ Пуш...на, юнаго поэта, который необыкновенными своими дарованіями обращаетъ на справедливости общее на себя вниманіе. Желаю ему душевно всякаго блага, я ему высказала нѣкоторыя истины, которыя онъ слушалъ со смиреніемъ, что безъ сомнѣній дѣлаетъ честь его сердцу и характеру».

Часть дневника, изъ котораго взять этотъ отзывъ о Пушкинѣ, появилась первоначально въ Булгаринскомъ «Северномъ Архивѣ» 1823 г. № 1. Надо думать, что поэтъ не одобрилъ одобрительной аттестаціи и позволялъ себѣ неохотно отнестись къ Геракову. Но крайней мѣрѣ, въ полномъ изданіи дневника, вышедшемъ въ 1828 г.¹⁾, нѣтъ уже рѣчи о необыкновенныхъ дарованіяхъ Пушкина и отзывъ о немъ изложенъ въ мѣтѣ благосклонныхъ выраженій: «стуть увидѣлъ Пуш...на молодого, который готовъ съ похвальной стороны обратить на себя вниманіе общее: точно онъ можетъ, при дарованіяхъ своихъ; я ему отъ души желаю всякаго блага: онъ слушалъ и полную правду, но смирялся; и эта перемена дѣлаетъ ему честь».

Въ книгѣ Геракова находимъ цѣлый рядъ хронологическихъ датъ, по которымъ можно прослѣдить путь Раевскихъ, а слѣдовательно и Пушкина, по Кубани и Крыму и, такимъ образомъ, значительно пополнить хронологическую канву для біографіи поэта. Въ сохраненіи этихъ датъ заключается несомнѣнная и притомъ единственная литературная заслуга Геракова. Другія хронологическія указанія сгруппированы въ книгѣ П. О. Лернера «Труды и дни Пушкина», изд. 2-ое, Спб., 1907 г. 7 июня генералъ Раевскій писалъ своей дочери Екатериѣ Николаевнѣ: «другой день на водахъ, милая моя катинька». Изъ другихъ его писемъ къ дочери видно, что путешественники и на водахъ не сидѣли по воду на одномъ мѣстѣ, а перекочевывали изъ Горячеводска въ Желѣзноводскъ, изъ Желѣзноводска въ Кисловодскъ. Оттуда Раевскій писалъ 26 июля: «31-го мы возвращаемся». На самомъ же дѣлѣ Раевскіе прощались въ обратный путь лишь 5 августа. Они выѣхали въ свое крым-

¹⁾ Путевая записка по многимъ русскимъ губерніямъ. Петроградъ. 1828.

ское имѣніе Гурзуфъ. Пушкинъ попрежнему сопровождалъ путь. Путь лежалъ по правому берегу Кубани чрезъ станицы динейныхъ и черноморскихъ казаковъ. Въ то время Кубань отдѣляла русскія владѣнія отъ земель непокорныхъ черкесскихъ племенъ. Горскіе хищники пользовались малѣйшею оплошностью кордонныхъ постовъ для прорыва въ наши предѣлы. Они жгли станицы, отгоняли табуны и стада и уводили въ плѣнъ мужчинъ, женщинъ, дѣтей. Кто не могъ дать за себя выкупа отводился на невольничій рынокъ въ турецкую Анапу. Но всей кордонной линіи шла безпрерывная партизанская война, державшая въ постоянной тревогѣ населеніе пограничныхъ станицъ. Казаки выходили на полевая работы, какъ на сраженіе, съ оружіемъ въ рукахъ. Начало 1820 года ознаменовалось особенно смѣлыми набѣгами черкесовъ. Пользуясь тѣмъ, что Кубань покрывалась толстою ледяною корою, огромныя партіи хищниковъ нѣсколько разъ прорывались на русскую сторону.

Ермоловъ принялъ всѣ мѣры для безопаснаго сдѣдованія Раевскихъ по линіи. Мѣстные начальники получили отъ него приказаніе назначать для конвоя достаточное число казаковъ, а въ наиболее опасныхъ мѣстахъ и пѣхоту съ артиллеріей. Ермоловъ, относившійся съ большимъ уваженіемъ къ генералу Раевскому, распорядился оказаніи ему особаго почета. Увѣдомляя атамана Черноморскаго казачьяго войска о предстоящемъ проздѣ генерала, онъ писалъ ему (отъ 27 июля № 3103): «генералъ Раевскій, знаменитый заслугами своими, самъ отзовется съ похвалою на счетъ вагъ, похваля его сдѣлать вамъ много чести».

Понятно, что при такихъ условіяхъ путешествіе совершилось со всѣми возможными по тому времени удобствами. Пушкинъ былъ въ восхищеніи отъ поѣздки. Онъ писалъ брату Льву Сергѣевичу: «видѣлъ я берега Кубани и сторожевыя станицы—любовался нашими казаками: вѣчно верхомъ, вѣчно готовы драться; вѣчной предосторожности! Бхаль въ виду непріязненныхъ полей свободныхъ горскихъ народовъ. Вокругъ насъ бхали 60 казаковъ, за ними тащилась заряженная пушка съ зажженнымъ фитилемъ. Хотя черкесы нынче довольно смиренны, но нельзя на нихъ положиться: въ надеждѣ большого выкупа—они готовы напасть на извѣстнаго русскаго генерала; и тамъ, гдѣ бѣдный офицеръ безопасно скачетъ на перекладныхъ,

тамъ высокопреходительный легко можетъ попасть на арканъ какого нибудь чеченца. Ты донимаешь какъ эта тѣнь опасности правится мечтательному воображенію».

Изъ дневника Геракова видно, что 8 августа Раевскіе прибыли на почлегъ въ Кавказскую крѣпость (нынѣ станица) на Кубани, гдѣ стоялъ тогда Кабардинскій егерскій полкъ. Въ редутѣ Изрядный источникъ. 10 августа, путешественники вступили въ предѣлы Черноморскаго казачьяго войска. Здѣсь встрѣтилъ путь атаманъ Матвѣевъ и сопровождалъ до Тамани. Августа 15 переехали они, какъ выразился Пушкинъ, изъ Азии въ Европу, т. е. изъ Тамани въ Керчь, а чрезъ два дня были въ Феодосіи, которую нашъ поэтъ предпочитаетъ называть средневѣковымъ ея именемъ Кафа.

Въ Феодосіи Пушкинъ познакомился съ Семеновъ Михайловичемъ Броневскимъ, занимавшимъ въ 1802—1804 гг. должность правителя канцеляріи главнокомандующаго на Кавказѣ князя Н. Д. Цицианова. Въ 1823 г. Броневскій издалъ плодъ многолѣтнихъ трудовъ своихъ по изслѣдованію исторіи и географіи Кавказскаго края подъ названіемъ «Новѣйшія географическія и историческія извѣстія о Кавказѣ» (Москва 1823, двѣ части). Живя въ Феодосіи въ домѣ Броневскаго, Пушкинъ, конечно, много бесѣдовалъ съ нимъ о Кавказѣ и быть можетъ даже ознакомился съ его рукописями. Но крайней мѣрѣ очеркъ быта черкесовъ въ «Кавказскомъ плѣнникѣ» во многихъ отношеніяхъ напоминаетъ описаніе этого народа въ книгѣ Броневскаго.

На Кавказскихъ водахъ Пушкинъ отдѣлалъ окончательно (26 июля 1820 г.) эпилוגъ къ «Руслану и Людмилѣ». Никакихъ другихъ стихотвореній его, написанныхъ на Кавказѣ въ 1820 г., до сихъ поръ не открыто. Такимъ образомъ оправдываются слова Пушкина, что на Кавказѣ душа его была

... какъ прежде, каждый часъ
Подна томительною думой—
Но огнь поэзіи угасъ.

Изъ эпилוגа къ «Руслану» и изъ элетіи «Погаело дневное свѣтло» можно заключить, что въ то время Пушкинъ переживалъ мучительный процессъ расчета со своимъ прошлымъ, которое не оставило ему ничего, кромѣ сожалѣнія о легкомысленно прожитыхъ годахъ. Ему казалось,

что послѣ неспытанныхъ разочарованій охлажденная душа его потеряла способность отзываться на впечатлѣннн.

И скрылась отъ него навѣкъ
Богиня тихихъ впечатлѣннй.

Къ счастью, этотъ періодъ разочарованій и сомнѣній скоро миновалъ. Въ Крыму Пушкинъ вновь воспринялъ и духомъ и тѣломъ. Во второй половинѣ 1820 г. написано имъ нѣсколько превосходныхъ стихотвореннй. Къ этому же времени относятся и первоначальныя наброски поэмы «Кавказскій плѣнникъ», получившей окончательную отѣлку въ плѣнн Ржевскаго Каменкѣ 20 февраля 1821 года.

По словамъ П. П. Баргенева (Русскій Архивъ, 1866 г., стр. 1139) вѣннннн основа этой поэмы взята Пушкинымъ изъ разсказа его московскаго знакома и дальняго родственника Шмцова, который любилъ выдумывать про себя разныя небылицы. Однако разсказывалъ онъ при Пушкинѣ будто живя на Кавказѣ, попалъ въ плѣнъ къ горцамъ и былъ освобожденъ влюбившеюся въ него черкешенкою.

Если и былъ такой Шмцовъ, то едва ли Пушкинъ имѣлъ надобность въ его фантастическомъ разсказѣ для сюжета своей поэмы. Штъ сомнѣнн, что на Кавказѣ случилось ему слышать не одинъ разсказъ о дѣйствительномъ пребываннн па-

ннхъ офицеровъ въ плѣну у горцевъ. Исторн полковника Дельпоццо и особенно майора Швецова были тогда еще хорошо памянны кавказскимъ служакамъ. Любовь же горекой дѣвушкн къ русскому плѣннику такая благодарная тема для поэтическаго произведенн, что она напрашивалась сама собою.

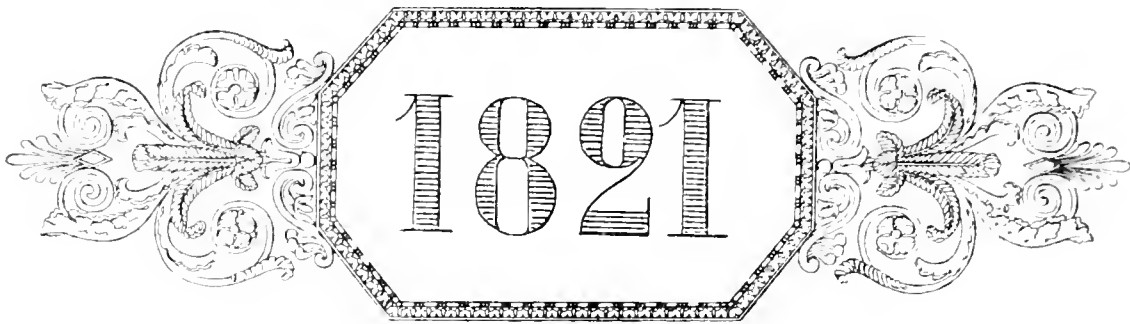
Первоначально Пушкинъ избралъ мѣсто дѣйствн своей поэмы Чечен; но художественная добросовѣстность не позволила ему описывать незнакому мѣстность. Онъ писалъ Гибдичу 24 марта 1821 г. изъ Кипишева: «съ вершинъ заоблачныхъ безснбжнаго Бенгу видѣль я только въ отдаленнхъ ледяныхъ главы Казбека и Эльбруса. — Страна моеи поэмы должна бы находиться на берегахъ шумнаго Терека, на границахъ Грузн, въ глухихъ ущельяхъ Кавказа — я поставилъ моего героя въ однообразныхъ равнинахъ, гдѣ самъ прожилъ два мѣсяца, гдѣ возвышаются въ дальнемъ разстоянн другъ отъ друга четыре горы, отрасль послѣдняго Кавказа».

Перенеся мѣсто дѣйствн съ береговъ Терека въ закубанскн равнины, населенныя черкесскими племенами, Пушкинъ упустилъ согласовать съ этой переѣнннн всѣ части поэмы. Оттого въ плѣнн черкесскихъ дѣвнцъ казакъ предостерегается противъ злыхъ замысловъ чеченца, который ходитъ за рѣкой.

Е. Вейденбаумъ.

Изъ рисунковъ Пушкина въ черновой «Кавказскои Пльнникѣ» (Тетрадь Румянцевскаго музея, № 2365; воспроизводится въ первый разъ).

252. ЗЕМЛЯ и МОРЕ.

Поэзия Мюсса.

Когда по шепель морей
 Зефиръ скользить и тихо вѣть,
 Въ вѣтрила гордыхъ кораблей
 И челны на волнахъ дѣлеть,
 Заботъ и думъ слагая грузъ,
 Тогда дѣвось я веселѣ
 И забываю пѣсни музы:
 Миѣ моря сладкій шумъ милѣ.
 Когда же волны по брегамъ
 Ревутъ, кипятъ и пѣной плещутъ,
 И громъ гремитъ по небесамъ,
 И молнии во мракѣ блещутъ:
 Я удаляюсь отъ морей
 Въ гостепримныя дубровы:
 Земля миѣ кажется вѣриѣй,
 И жалокъ миѣ рыбакъ суровый:
 Живеть на утломъ оиѣ челнѣ,
 И разище сѣбной пучины,
 А я въ надежной тишинѣ
 Внимаю шумъ ручья долины.

253. ДѢВЪ.

Я говорилъ тебѣ: страшися дѣвы милой!
 Я зналъ: она сердца влечетъ невольной силой.
 Неосторожный другъ, я зналъ: нельзя при ней
 Ниую замѣчать, ниухъ некатъ очей.
 Надежду потерявъ, забывъ измѣны сладость,
 Ныласть близъ нея задумчивая младость:
 Любимцы счастья, наперсники судьбы
 Смирению ей несутъ влюбленные мольбы:
 Но дѣва гордая нухъ чувства ненавидить
 И, очи онустивъ, не внемлетъ и не видитъ.

254. КРАСАВИЦА ПЕРЕДЪ ЗЕРКАЛОМЪ.

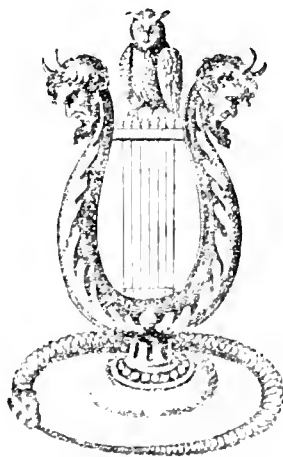
Взгляни на милую, когда свое чело
 Она предъ зеркаломъ цвѣтами окружась,
 Нерасть докономъ, и вѣрное стекло
 Улыбку, хитрый взоръ и гордость отражась.

255. ДЮНЕЯ.

Аромить въ тебя влюблешь: онъ молодъ и не разъ
 Украдкою вносемъ мы замѣчали васъ:
 Ты слушаешь его, въ безмолвнн красотѣ,
 Твой взоръ погнупленный желаніемъ горитъ.
 И долго послѣ, Дюнея,
 Улыбку пѣкнущю лицо твое хранитъ.

256. МУЗА.

Въ младенчествѣ моемъ она меня любила
 И семиствольную цѣвницу мнѣ вручила:
 Она внимала мнѣ съ улыбкой: и слегка
 Но званіемъ скважинамъ пустаго тростника
 Уже напирывала я слабыми перстами
 И гимны важныя, внушенныя богами,
 И пѣсни мирныя Фригійскіихъ пастуховъ,
 Съ утра до вечера въ пѣмой тѣни дубовъ.
 Приблжно я внимала урокамъ дѣвы тайной
 И, радуя меня наратою случайной,
 Откинувъ доконы отъ милого чела,
 Сама изъ рукъ моихъ свирѣль она брала:
 Тростникъ былъ оживленъ божественнымъ дыханьемъ
 И сердце напомнла святымъ очарованьемъ.

257. КАВКАЗСКІЙ ПЛЪВНИКЪ.

Кавказъ уже съ конца XVIII столѣтія привлекалъ къ себѣ вниманіе нашихъ писателей и представлялся нашей молодежи въ особомъ, романтическомъ освѣщеніи. Туда, въ ранней юности, влекло Карамзина, который «мечталъ быть завоевателемъ чернобровой пылкой черкешенки»; Державинъ, въ цитируемой Пушкинымъ одѣ гр. Зубову, и впоследствии — Жуковский, въ посланіи къ Воейкову, яркими поэтическими красками изображали дикую и величественную природу этого дальняго края и воинственный бытъ его населения. Замѣчательно, однако, что ни одинъ изъ нашихъ писателей, — если не считать Воейкова, пребываніе котораго на Кавказѣ ничѣмъ не отразилось въ литературѣ, — ни въ XVIII, ни въ началѣ XIX вѣка не былъ на Кавказѣ; всѣ говорили и судили о немъ только «изъ прекраснаго далека». Пушкинъ, по счастливой случайности, былъ первымъ изъ русскихъ поэтовъ, которому удалось побывать если не самый Кавказъ, то, по крайней мѣрѣ, его предверіе — минеральная вода, — гдѣ поэтъ провелъ съ семействомъ Раевскихъ, два мѣсяца.

Несмотря на то, что молодому поэту не пришлось проникнуть дальше «однообразнаго равнинъ, гдѣ возвышаются, на дальнемъ разстояніи другъ отъ друга, чепчаре горы, отрасль послѣдняя Кавказа», такъ что онъ только «съ вершинъ заоблачныхъ безвѣжнаго Бешту видѣлъ въ отдаленіи ледяныя главы Казбека и Эльбруса» (письмо къ Гибдому отъ 24 марта 1821 г.), — впечатлѣніе, произведенное на него кавказскою природою, было очень сильно и глубоко. «Жалюю, мой другъ», — писалъ онъ брату въ корѣ послѣ своего возвращенія въ Кишиневъ (24 сентября 1820 г.), — «что ты со мною вмѣстѣ не видѣлъ великолѣпную цѣнь этихъ горъ, ледяныя ихъ вершины, которыя издали, на легкой зарѣ, кажутся странными облаками, разноцвѣтными и недвижными: жалюю, что не всходилъ со мною на острый верухъ пятихолмнаго Бешту, Манука, Желѣзной горы, Каменной и Змѣиной». Рядомъ съ этими картинами, столь необычными для жителя нашей сѣверной равнины, воображеніе поэта рисовало оригинальные типы горцевъ, также

видѣнные имъ только издали, — картины ихъ первобытной жизни, отъ которой владѣликой свободой и удалью. «Кавказъ, знойная граница Азии, любовныиъ во всѣхъ отношеніяхъ», говоритъ онъ въ томъ же письмѣ къ брату: «Ермоловъ наполнилъ его своимъ именемъ и благотворнымъ гениемъ. Дикіе черкесы напуганы: древняя дерзость ихъ исчезла... Видѣлъ я берега Кубани и стокрековая станицы, любовался нашими казаками. Вѣчно верхомъ, вѣчно готовы драться, въ вѣчной предосторожности! Вхалъ въ виду непріязненныхъ полей свободныхъ горскихъ народовъ. Вокругъ насъ вхали 60 казачковъ, за нами тащилась заряженная пушка съ зажженнымъ фитилемъ. Хотя черкесы нынче довольно смиренны, но нельзя на нихъ положиться... Ты поймаешь, какъ эта цѣнь опасности правится мечтательному воображенію»...

Подъ влияніемъ тѣхъ же первыхъ впечатлѣній Кавказа поэтъ поторопился занести въ свою записную книжку (находится теперь въ Публичной Библиотекѣ), карандашемъ и со множествомъ поправокъ, нѣсколько стихотворныхъ строкъ:

Я видѣлъ Азии безплодные предѣлы,
Кавказа дальній край..... обгорѣлы,
Жилще дикое черкесскихъ табуновъ,
Я видѣлъ Манука и Эльбруса вершины,
Обитая вѣщомъ летучихъ облаковъ,
И закубанскія равнины...
Ужасный край чудесъ! Тамъ жаркіе ручьи
Кипятъ въ ущесахъ раскаленныхъ,
Тамъ изливаются цѣлебныя струи,
Надежда вѣрная страдальцевъ и плурешныхъ...

Написанный одновременно эпиграфъ къ «Руслану и Людмилѣ», представляющій по своему содержанию много общаго съ посвященіемъ «Кавказскаго Плъвника», ограждаетъ въ себѣ тѣ же впечатлѣнія:

Забытый свѣтомъ и молвою,
Далече отъ бреговъ Невы,
Теперь я вижу преть собою
Кавказа горцыя главы.
Надъ ихъ вершинами круглыми,
На скалахъ каменныхъ стреминь,
Интаюсь чувствами пылыми
И чудной предестыю картинъ
Прироцы дикои и урюмой...

По цѣлымъ часамъ сидѣть поэтъ съ трудомъ своимъ Ал. Раевскимъ на берегу Покумка, созерцая красоты горнаго ландшафта и бесѣдуя о Кавказѣ. Нахлынувшія на него новыя впечатлѣнія представляли рѣзкую противоположность съ тѣми, какія онъ переживалъ въ Петербургѣ, и съ тѣми горькими думами, которыя сопровождали его въ изгнаніе. Тамъ, далеко позади, оставались «минутой младости минувше друзья», съ нихъ самодовольнымъ, эгоистическимъ легкомысліемъ, «красы Лансъ, завѣтные пиры и клики радости безумной», а вмѣстѣ съ ними и «прелѣзная суета», и «двуязычная неприязнь» съ «простодушною клеветою»... Ему стало казаться, что его душа уже замерла для наслажденій тою жизнью, которая еще недавно представлялась въ такомъ розовомъ, привлекательномъ освѣщеніи и отъ которой теперь оставался только противный осадокъ:

Свою печаль утратилъ рѣзвыи нравъ,
 Душа часъ отъ часу пшветъ,
 Въ ней чувства пшь. Такъ легкой днеть дубравъ,
 Въ влоцахъ кавказскихъ каменветъ.
 ... рано въ буряхъ отцвѣта
 Моя потерянная младость,
 И детокрылая мнѣ пзмѣнила радость,
 И сердце младое страданью предала...

Въ предверіи величественной и дикой горной страны, окруженной романтическимъ ореоломъ и населенной дикимъ, но волюлюбивымъ и смѣлымъ народомъ, лицомъ къ лицу съ этой могучей природой, поражающей воображеніе, точно такъ же, какъ и позже, при переѣздѣ «изъ Азии въ Европу» на кораблѣ, среди «свободной стихіи», поэтъ представлялъ себя добровольнымъ «отступникомъ свѣта» и «трудомъ природы», отъ которой онъ, «искатель новыя впечатлѣнія», ждалъ успокоенія и обновленія.

Такое было то настроеніе, при которомъ сложился первоначальный замыселъ «Кавказскаго Альibiка». Пушкинъ задумалъ свою поэмѣ, вѣроятно, еще на Кавказѣ. 15 августа (см. выше статью Е. Г. Ве и те пбдумалъ: «Пушкинъ на Кавказѣ въ 1820 г.») поэтъ переѣхалъ изъ Тамани въ Керчь, 17 то былъ въ Феодосіи, а черезъ пятью, 24 августа, почти точасъ по прѣѣздѣ въ Гурзуфъ, уже занесъ въ свою записную книжку заглавіе новаго своего произведенія: «Владиміръ», тутъ же замѣченное другимъ названіемъ: «Кавказъ». Вопреки мнѣнію В. Е. Якушкина и сакал. изд. Пушк. П.

382, 413—414), совершенно произвольно утверждающаго, что имя «Владиміръ» не имѣеть никакого отношенія къ «Кавказскому Альibiку» и «указываетъ на замыслы Пушкина о поэмѣ изъ древне-русской исторіи», мы полагаемъ, согласно съ Анненковымъ, что поэтъ именно хотѣлъ дать это имя своему Альibiку: иначе зачѣмъ бы онъ написалъ его на той страницѣ записной своей книжки, которая предназначена была для заглавія новой поэмѣ и на которой, кромѣ заглавія, ничего другого и пшь? Пушкинъ отказался отъ первоначальнаго своего намѣренія дать герою поэмѣ собственное имя, можетъ быть, подъ влияніемъ годившейся журнальной критики, уверкавшей его въ томъ, что онъ «никакъ не назвалъ» Финна въ «Русланѣ»; можетъ быть, ему захопилось еще больше поизражать «забавниковъ Вѣстника Европы» поэмой, въ которой вовсе не будетъ собственныхъ именъ. На такое предположеніе паводитъ замѣчаніе самого Пушкина въ черновомъ письмѣ къ Гибдиму (22 апрѣля 1822): «Тѣ, которые пожурили меня за то, что никакъ не назвалъ моего Финна, не пашедь здѣсь ни одного имени собственнаго, конечно, почувствъ это за непростительную дерзость. Правда, что большей части моихъ читателей никакой нужды пшь то имени, и что я не боюсь никакой запуганности въ разсказѣ».

На оборотѣ заглавнаго листа поэмѣ въ записной книжкѣ находимъ два эпиграфа:

Gieb meine Jugend mir zurück!
 Goethe, Faust.
 C'est donc fini comme une histoire,
 Qu'une grand'mère dans ses vieux ans
 Vient de chercher dans sa mémoire
 Pour la conter à ses enfants.

Въ рукописи «Кавк. Альibiка», находящейся теперь въ Румянцевскомъ Музеѣ, находимъ итальянскій эпиграфъ изъ Пинтемонте, поэта, въ Россіи совершенно неизвѣстнаго, автора сатиръ и посланій въ то-раніанскомъ стилѣ (1753—1828):

Oh felice chi nat non pose il piede
 Fuori della nativa sua felice terra!
 Egli il cuor non lascia tutto in ozzetti
 Che di più riveder non a speranza,
 E ciò, che vive, morto non piange.

Наконецъ, изъ позднѣйшаго письма Пушкина къ кн. Вяземскому, отъ 14 октября

1823 г., мы узнаемъ, что для поэмы предназначался еще одинъ эпитафъ, именно — два стиха изъ посланія Вяземскаго къ «американцу» Толстому:

Ночь бурей роза—твердый камень,
Въ волненьяхъ страсти—легкий листъ.

Поэтъ исключилъ этотъ эпитафъ вследствие своихъ личныхъ отношеній къ Толстому, на котораго въ записной книжкѣ 1820 г., рядомъ съ набросками «Кавказскаго Пльиника», находится злая эпитаграмма. Соответственно этому, и изъ самой поэмы выкинуты были стихи, имбюціеся въ черновыхъ ея рукописяхъ:

Родился онъ среди снбговъ,
Но въ немъ страстей таился пламень;
Въ минуту счастья—сынъ шровъ,
Во дни гоненья—твердый камень...

Эпитафы, по примѣру Вальтера Скотта и Байрона, были въ ту пору вообще въ модѣ. Но Пушкинъ, приготовивъ нхъ цблный рядъ, въ концѣ концовъ, при печатаніи своей поэмы, все нхъ отбросилъ.

Среди первоначальныхъ набросковъ «Пльиника» находимъ три проформы поэмы:

I. (Буря, Бешту, Швени, Нгры, Черкесь, Дьва, Воспоминанье, Прощ, Портр...) Панаденье, (Война, Прощанье), Поббгъ *).

II. Черкесь, (Табугъ), Бой, Ббгъ, Ауль... Хата, Дьва.

III. Ауль, Пльиникъ, Дьва, Любовь, Бешту, Черкесь, Нгры, Швени, Воспоминанья, Тайна, Поббгъ, Ночь, Поббгъ.

Пушкинъ былъ занятъ своей поэмой цблые полгода и окончилъ ее, въ первоначальномъ видѣ, только 20 февраля 1821 г., въ имбнн Раевскихъ, Каменкѣ, а эпилогъ написалъ 15 мая въ Одессѣ. Поэма посвящена давнишнему другу Пушкина, которому поэтъ былъ обязанъ и своей поббдкой на Кавказѣ.—П. П. Раевскому, младшему сыну героя 12-го года, Раевскій, въ ранней молодости служившій въ гвардейскую гусарскую и стоявшій съ полкомъ въ Царскомъ Селѣ, подружился съ лицеецомъ Пушкинымъ, который былъ на два года старше его. Затбмъ они часто видались въ Петербургѣ—и, по словамъ Пушкина (въ письмѣ къ брату 24 сентября 1820), Раевскій оказалъ ему «важныя услуги, вбчно неза-

бвешная». Мы не знаемъ, въ чемъ именно заключались эти услуги, но изъ посвященія видимъ искреннюю, сердечную привязанность поэта къ своему молодому другу, съ которымъ его соединяла также и общность литературныхъ интересовъ. Весьма вброятно предположеніе, что именно черезъ Раевскаго и его сестеръ Пушкинъ впервые познакомился съ Байрономъ. Есть положительныя свидбтельства о томъ, что подлнхъ руководствомъ поэта началъ учиться англійскому языку, а въ августѣ 1820 г., когда онъ плылъ съ Раевскимъ на кораблѣ «изъ Азій въ Европу», имъ была написана, подл живымъ впечатлбніемъ только что прочитаннаго «Чайльдъ-Гарольда», элегія: «Погасло шевное свбтло»—первое стихотвореніе въ той полостѣ творчества Пушкина, когда онъ платилъ за н байронизму. Мы знаемъ также, что П. Раевскій довольно долго оставался однимъ изъ главныхъ совбтниковъ Пушкина въ разныхъ литературныхъ вопросахъ... *).

Но и послѣ окончанія «Кавказскаго Пльиника» Пушкинъ все еще продолжалъ его отдблывать и не торопился печатать. Въ декабрѣ 1820 г. онъ писалъ Гббдичу изъ Каменки: «Покаместъ у меня еще поэма готова, или почти готова», а въ мартѣ слбдующаго года сообщалъ Дельвигу: «Кончилъ я новую поэму Кавказскій Пльиникъ, которую надбюсь скоро вамъ прислать. Ты ею не совбшь будешь доволенъ—и будешь правъ». На другой день, въ письмѣ къ Гббдичу, который, какъ видно, возлагалъ на новое произведеніе Пушкина большія надежды, поэтъ извбщаетъ его, что новая поэма «окрещена Кавказскимъ Пльиникомъ», и тутъ же прибавляетъ: «Вы ожидали многое, найдете малое, очень малое». Такимъ образомъ, едва окончивъ свою поэму, Пушкинъ былъ уже ею доволенъ—и почти повторилъ о ней слова, сказанныя въ свое время о «Руслафѣ»: «Только послбдній, т. е. окончательный стихъ ея принесъ мнѣ истинное удовольствіе».

Рбшившись, наконецъ, напечатать «Пльиника», Пушкинъ сначала предложилъ изданіе поэмы Гббдичу («съ скоромъ времени пришло вамъ ее, дабы сотворили вы съ нею, что только будетъ угодно»).—Писалъ онъ 24 марта 1821 г., но не сбвншилъ съ

* Слова, поставленныя въ скобки, въ рукописи зачеркнуты.

* См. А. П. Майкова: Пушкинъ, Спб. 1899, стр. 137—161; Изъ споменій Пушкина съ П. П. Раевскимъ.

исполненіемъ этого обѣщанія, да повинному, не получалъ и отъ Гибдича опредѣленнаго отвѣта. Подошла сентя, 21 сентября, въ письмѣ къ Гречу, поэтъ жаловался на молчаніе Гибдича и, въ заключеніе, писалъ: «Хотѣлъ было я прислать вамъ отрывокъ изъ моего Кавказскаго Пѣвника, а дѣнь перешиваятъ хотѣли вы у меня купить весь кусокъ поэмы? Длинною 800 стиховъ; стихъ шириною 4 стопы; разрѣзано на 2 пѣсни. Дешево отдамъ, чтобы товаръ не залежался».

Дѣло, однако, затягивалось, и еще 2 января 1822 г. поэтъ писалъ къ Вяземскому: «Кавказскій мой Пѣвникъ кончить. Хочу напечатать, да дѣнь много, а денегъ мало, и меркантильной усѣбѣ моеи предстаницы Людмилы отбиваетъ у меня охоту къ изданіямъ». Пушкинъ былъ не очень доволенъ приемами Гибдича, извѣстнаго «Руслана», за котораго авторъ, кажется, не получилъ никакого вознагражденія, и потому не особенно охотно соглашался на новое участіе Гибдича въ подобномъ же дѣлѣ. Гибдичъ, между тѣмъ, узнавъ о предложеніи Пушкина Гречу и обѣщалъ: «Онь правъ», писалъ Пушкинъ брату 21 января 1822 г.: «Я бы долженъ былъ къ нему приблизить съ моеи новой поэмой, но у меня нѣтъ голова кругомъ. Отъ него не получалъ я давно никакого извѣстія: Гречу должно было писать и при сей вѣрной оказіи предложилъ я ему Пѣвника. Къ тому же, ни Гибдичъ со мной, ни я съ Гибдичемъ не будемъ торговаться и слишкомъ наблюдать казныи свою выгоду, а съ Гречемъ я сталъ бы безовѣстно торговаться, какъ со всякимъ братанымъ цѣнителемъ книжнаго ума».

Только 29 апрѣля 1822 г., т.-е. слишкомъ 14 мѣсяцевъ спустя послѣ окончанія поэмы, Пушкинъ отослалъ перебранную рукопись Гибдичу, поручая ему издать ее. «Недостатки этой повѣсти, поэмы или чего вамъ угодно, такъ ясны, что я нѣмъ не могъ рѣшиться ее напечатать», писалъ онъ. «Поэду возвышенному, просвѣщенному цѣнителю поэтовъ, вамъ предло моего Кавказскаго Пѣвника... завѣщая вамъ скучныя заботы изданія; но дружба ваша меня избавовала. Назовите это стихотвореніе сказкою, повѣстію, поэмою, или вовсе никакъ не называйте, называйте его въ духу пѣснѣвъ или только въ отной, съ предисловіемъ или безъ; отаю вамъ его въ полное распоряженіе».

Получивъ рукопись, Гибдичъ тотчасъ

же отпривилъ ее въ цензуру, или, какъ выражался Пушкинъ, — «поэтъ Бирюковъ». Послѣдній, между прочимъ, предложилъ нѣсколько поправокъ эстетическаго характера; такъ, напримѣръ, ему не понравился эпитетъ: «долгій поцѣлуй разлуки»; неумачными находилъ онъ и стихи:

Его томительную пѣву
Вкусна дуть она влодѣ.

Извѣщенный объ этомъ Гибдичемъ, Пушкинъ исправилъ забракованное цензоромъ мѣсто поэмы, предоставивъ Гибдичу замѣнить слово долгій какимъ угодно другимъ. Гибдичъ напечаталъ: «Горькій поцѣлуй разлуки», и Пушкинъ, по полученіи печатнаго экземпляра поэмы, писалъ ему 22 сентября 1822 г.: «Горькій поцѣлуй — предать». Въ слѣдующихъ изданіяхъ поэмы онъ, однако, возстановилъ прежній эпитетъ.

Кромѣ указанныхъ замѣчаній, Бирюковъ опротестовалъ выраженіе: небесныи пламень, и Пушкинъ согласился съ нимъ, находя, что оно «слишкомъ обыкновенно». Далѣе, цензоръ замѣчалъ, что черкешекъ неприлично говорить о томъ, что

Не много ратостнахъ почей
Судьба на долю ей послала—

и исправилъ эти стихи такъ:

Не много ратостнахъ ей днѣи
Судьба на долю испослала.

«Ей днѣи—ей-ей, неблагоумиче почей», — писалъ Пушкинъ Гибдичу. «Зарѣзала меня цензура!» — говоритъ онъ по этому же поводу въ поддѣишемъ письмѣ къ кн. Вяземскому (14 октября 1823 г.), которому хотѣлъ поручить второе изданіе своей поэмы: «Я не властенъ сказать, я не долженъ сказать, я не смѣю сказать ей днѣи въ концѣ стиха. Почей, почей, ради Христа, почей! Судьба на долю ей послала. То ли тѣло почей, ибо шемъ она съ нимъ не выдалась, смотри поэму. Пѣмъ же почъ неблагопрестоиче шя? Которые изъ 24 часовъ, именно противны духу нашей цензуры? Бирюковъ добрый малый, уговори его, или я сдѣлаю».

Больше всего пострадало отъ цензуры посвященіе поэмы, изъ котораго пришлось выбросить всѣ стихи, касающіеся личной судьбы поэта. Замѣчательно, что эти стихи не отобрали даже послѣ влодѣв поряточные и некрѣпко расположенные къ Пушкину: Александръ Тургеневъ писалъ

ки. Виземскому: «Жаль, что изъ предисловія должно выкинуть все то, гдѣ онъ говоритъ о клеветѣ и о гониміи на него, — и неправда, и неблагородно! Оттого и стихи сіи нехороши, car rien n'est beau que le vrai». Очевидно, Тургеневъ и другіе, разблывшіе его мнѣніе, находили связь Пушкина въ порядкѣ вещей и считали, что изъ альбимика неприлично жаловаться на свою судьбу: вѣдь, могло быть и гораздо хуже!..

Гибдичъ просилъ Пушкина прислать для приложения къ изданію поэмы, свой портретъ. «Своего портрета у меня нѣтъ, — да на кой чертъ имѣть его?» — отвѣчалъ Пушкинъ. Изъ мал. Тѣмъ не менѣе, Гибдичъ отыскалъ и нанечаталъ, въ гравюрѣ Е. Гейтмана, портретъ Пушкина въ ранней молодости, о которомъ повѣстилъ въ книжкѣ, послѣ текста поэмы, слѣдующее примѣчаніе:

«Издатели приговорають портретъ Автора, въ молодости съ него рисованный. Они думаютъ, что пріятно сохраняющіяся черты поэта, котораго первыя произведенія ознаменованы даромъ необыкновеннымъ».

«Александръ Пушкинъ мастерски литографированъ, но не знаю, похожъ ли: примѣчаніе издателей очень жестоко, незнаю, справедливо ли», — писалъ Пушкинъ Гибдичу 27 сентября 1822 г. ¹⁾

Цензурное разрѣшеніе на печатаніе Кавказскаго Альбимика было подписано Вирковомъ 12 іюня 1822 г., но печатаніе шло медленно, и Пушкинъ только въ концѣ сентября получилъ отъ Гибдича экземпляръ поэмы, вмѣстѣ съ экземпляромъ переведеннаго Жуковскимъ Шиллерскаго Улрика. «Скажи мнѣ, милый мой, шумитъ ли мой Альбимикъ?» — спрашивалъ онъ брата въ письмѣ отъ 8 октября: «A-t-il produit du scandal, — шнеть мнѣ Orlof, — voilà l'essentiel. Надѣюсь, что критики не оставятъ въ покоѣ характеръ Альбимика: онъ для нихъ созданъ, душа моя: я журналовъ не получаю, такъ потрудись, паннини мнѣ ихъ гонки — не ради исправленія моего, но ради смиренія кичливости моей».

¹⁾ По темнымъ слухамъ портретъ приписывается иногда лицезному дувернеру Пушкина С. Р. Чиркову. Это должно быть рѣшительно отвергнуто. Портретъ, несомнѣнно, принадлежит Брюлову. Подробности см. соч. Пушкина подъ ред. В. А. Ефремова, т. VIII (Сиб. 1905) стр. 384.

На новое произведеніе Пушкина, вслѣдъ за его появленіемъ въ печати, прежде всего обратили вниманіе близкіе къ поэту лица. Карамзинъ писалъ Дмитріеву: «Въ поэмѣ либерала Пушкина слогъ живописенъ: я недоволенъ только любовнымъ похожденіемъ. Талантъ дѣйствительно прекраснѣйшій: жаль, что нѣтъ устройства и мира въ думѣ, а въ голодѣ — ни малѣйшаго благоразумія». ²⁾ Чаадаевъ, по словамъ самого Пушкина въ письмѣ къ Виземскому отъ 6 февраля 1823 г., «вымыль (ему) голову за Альбимика: онъ находить, что онъ недоволенъ blasé. Чаадаевъ, по несчастію, знатокъ по этой части...» П. Раевскій также считалъ поэму своего друга «вдохомъ», но, вмѣстѣ съ тѣмъ, находилъ, что она «открыла путь, на которомъ посредственность встрѣтитъ камень преткновеній» ³⁾.

Журнальная критика, въ общемъ, встрѣтила Кавказскаго Альбимика большими похвалами. Первымъ отозвался Сыць Отечества въ небольшой библиографической замѣткѣ, ⁴⁾ въ которой было сказано:

«Шведъ Руслана и Людмила дарить насъ новымъ прекраснымъ произведеніемъ легкаго, пламеннаго, краснорѣчиваго пера. Пребываніе Поэта въ ионическомъ странѣ, видѣнныя страданія Прометея и прибытіе Аргонавтовъ Греческихъ, въ странѣ, и нѣтъ отличной воинственными, романтическими правами своихъ жителей, побудило его восписать дикія красоты ея и оживить картину Кавказскихъ горъ повѣстію о происшествіяхъ, какія нередко случаются въ тѣхъ мѣстахъ. Любители истинной поэзии найдутъ въ семъ небольшомъ, изящномъ стихотвореніи пріятную для себя пищу». Далѣе выписанъ эпизодъ поэмы.

Благонамѣренныи ⁵⁾ также отмѣтилъ въ новой поэмѣ «прекраснѣйшія картины, описанныя съ натуры мастерскою рукою, естественный и благородный разговоръ, легкую исправную версификацію» и пр., но высказалъ сожалѣніе, что въ поэмѣ встрѣчаются «вышшія мощныя слова и выраженія, напримѣръ: привѣтъ, слоготрастіе, молодая жизнь, а также нѣкоторыя излишніе и изысканныя эпитеты».

Вѣстникъ Европы, въ нѣсколько за-

²⁾ Письма Карамзина къ Дмитріеву, Сиб. 1866, стр. 337.

³⁾ Милковъ, Пушкинъ, стр. 116.

⁴⁾ 1822, ч. 80, № 35, Современная Русская Библиографія.

⁵⁾ 1822, ч. 19, № 36, Извѣстія о новыхъ книгахъ 1822 года.

поэмой, но зато очень длинной статьёй, подписанной буквами М. П. *) после общего разуждения о том, что «молодой стихотворец быстро итеть вперед», и подробного пересказа поэмы, остановился на частных замечаниях, преимущественно порицательного свойства. «Характер Черкешенки отдан мастерски: она «ест истинная дочь Кавказа, и портреты её должны висеть под портретами Душеньки в галерею красавиц, созданных Русскими стихотворцами: но «какая, что любезной Пушкин не описать нам подробнее этого волшебного мифовения, в которое героиня его воспламенилась любовью к павичику... Здесь были предметы для прекраснѣйшаго поэтического описанія». Что касается характера Павичика, то онъ, по мнѣнью критика, «страненъ и вовсе непонятенъ. Нельзя сказать, что составляет его основу: любовь или желаніе свободы... Но мнѣн. Пушкин могъ бы привести причину желанія свободы: любовь къ Отечеству. Зачемъ не взять онъ въ своего павичика стаго прекраснаго, Русскаго чувства: хотя страсти, но на родинѣ!.. Холодность павичика къ благодѣяніямъ Черкешенки во всѣхъ отношеніяхъ неизвинительна... Слова, сказанныя павичикомъ о себѣ:

Его другъ отвязъ отъ сладострастья, — или:

Безъ уносна, безъ желаній,
Я ваву жертвою страсти.

показываютъ, что павичикъ смотрѣлъ на любовь не съ благородной стороны. Можно ли выставить такія чувства!.. Сія стиха... напоминаютъ соблазнительности, коими наполнена первая поэма Пушкина. Пусть вспомнитъ онъ, что первымъ украшеніемъ Гомеровою Венерою почитается поже съядливости, избрѣтенныя симъ великимъ Стихотворцемъ. Неужели чувственности должна говорить Поэзія? Это ли святая цѣль ея?»

Указать, вѣдь, на «превосходный слогъ» и «легкость стихосложенія», критикъ отмѣчаетъ «въ которой погрѣшности касательно языка», — въ такомъ родѣ:

«Обнять страданіе едва ли сказать можно». — Въ сіяніи душа — нельзя сказать: при сіяніи души». — Первоначальная (любовь) — слово самое преданческое». «Сбѣю (шотокъ) — прилагательное несправдливое».

«Что такое беретъ павичикъ?» «Ночь влажной буркой, и пр. Ему бы лучше скинуть влажную бурку и осушиться». «На берегу завѣтныхъ водъ: что значатъ завѣтныя воды?» и т. д.

Два поствѣнія указанія рецензента вызвали замѣчанія Пушкина въ письмѣ къ кн. Вяземскому отъ 14 октября 1823 г.: 1) Подъ влажною буркою. Бурка не промокаетъ, и влажна только сверху, следовательно, можно спать подъ нею, когда нечѣмъ инымъ накрыться, — а сушить итья павичикости. 2) На берегу завѣтныхъ водъ. Кубань — граница. На ней карантинъ, и строго запрещается казакамъ перебѣжать обшюполь. Пыльни это потолкованіе забавнымъ Вѣстника Европы».

Подробный разборъ Кавказскаго Павичика былъ данъ П. А. Плетневымъ въ Соревитователѣ Просвѣщенія **). Критикъ наипааетъ статью замѣчаніемъ, что «повѣсть написана въ родѣ повѣстныхъ Англійскихъ поэмъ, каковыя особенно встрѣчаются у Байрона... Въ нихъ Подъ не предается вымысламъ чудеснаго, не составляетъ обширнаго повѣствованія, но избравъ одинъ случай въ жизни своего героя, ограничивается отдѣлкою картинъ, представляющихъ воображенію, смотря по вѣбвѣ обстоятельствамъ, сопровождающимъ главное дѣйствіе. Въ подобныхъ сочиненіяхъ выборъ происшествій, мѣстныхъ описаній и опредѣленій характера дѣйствующихъ лицъ составляетъ главное». Плетневъ затѣмъ содержание поэмы. Плетневъ высказываетъ, что «происшествіе можно бы сдѣлать и разнообразнѣе, и даже полнѣе... Хоть страсти... слишкомъ здѣсь коротокъ. Еще болѣе остается неполнымъ разказъ о павичикѣ. Его участь и несколько загадочна. Нельзя не пожелать, чтобы онъ, хотя въ другой поэмѣ, явился намъ и познакомилъ насъ съ своимъ судьбою». Далѣе критикъ обращаетъ особенное вниманіе читателей на описательную часть поэмы. «Повѣствованіе можетъ лучше обдумать стихотворецъ и съ меньшими заросаніями противъ Пушкина: но его описанія Кавказскаго края повсега остаются первыми, единственными. На нихъ остается неизмѣнный отпечатокъ вѣчной истины, пошлости, такъ сказать, беззаемости мѣсты, людей, вѣхъ жизни и ихъ дѣяній... Сверхъ того, сколько смѣлости въ начертаніи оныхъ, сколько искусства въ отысканіи! Краски и тѣни, т. е.

*) 1823, ч. 128, № 1.

**) 1822, № 40.

слова и разстановка букв, переменяются, смотря по различію предметовъ. Стихотвореніе то отваженъ, то глубоко, подобно разнообразной природѣ этого дикаго Азіатскаго края». Въ этихъ описаніяхъ, въ которыхъ «каждый стихъ блещетъ новою, прилично ему краскою», нашъ поэтъ, по мнѣнію Плетнева, «счастливо побѣждаетъ» Байрона. Что касается дѣйствующимъ лицамъ поэмы, то характеръ черкешенки изображенъ прекрасно, но характеръ альбумика «не совсемъ обдуманъ и, следовательно, не совсемъ удаченъ». Впрочемъ, прибавляетъ критикъ, — встрѣчая въ этой поэмѣ пропуски, означенные самимъ сочинителемъ, мы полагаемъ, что какія-нибудь обстоятельства заставили его представить публикѣ свое произведеніе не совсемъ въ томъ видѣ, какъ оно образовалось въ первомъ его состояніи». Въ заключеніе своего разбора Плетневъ замѣчаетъ, что «критика не можетъ и не должна говорить хладнокровно о подобныхъ произведеніяхъ, потому что они питаютъ образованный вкусъ: они однимъ своимъ появленіемъ уничтожаютъ ложно-прекрасное, очищаютъ поле словесности и разбиваютъ шумные толки невѣжества и пристрастій».

Наконецъ, въ Сынѣ Отечества *) появилась статья о Кавказскомъ Альбумѣ къ Вяземскаго. Послѣ общихъ разсужденій о значеніи «романтической» поэзии и объ ея правѣ на существованіе вопреки отрицательному приговору классиковъ, — тема, которую Вяземскій по рѣшительности развитъ впоследствии, въ своемъ предисловіи къ Бахчисарарскому Фонтану, критикъ переходитъ къ разбору поэмы, «Нашкинъ», — говоритъ онъ, — «созерцающая высоты поэтической Кавказа, пораженъ былъ Поэзіею Природы дикой, величественной. Поэзіею правды и обыкновеній народа грубаго, но смѣлаго, воистиннаго, красиваго; и, какъ Поэтъ, не могъ пребыть въ молчаніи, когда все говорило воображенію его, душѣ и чувстваваніямъ языкомъ новымъ и сильнымъ. Содержаніе настоящей Повѣсти просто и, можетъ быть, слишкомъ естественно: для читателя ея много занимательнаго въ описаніи, но мало въ дѣйствіи. Жаль, что Авторъ не приложилъ болѣе изображенія въ драматической части своей Поэмы: она была бы полнѣе и оживленнѣе. Характеръ Альбумика новъ въ Поэзіи нашей, но сознаться должно, что

онъ не всегда выдержанъ и, такъ сказать, не твердою рукою дорисованъ; впрочемъ, достоинство его не уменьшается отъ нѣкотораго сходства съ героемъ Байрона. Британскій Поэтъ не воображенно обязанъ характеромъ, приписаннымъ его герою. Не входя въ изслѣдованіе мнѣнія почти общаго, что Байронъ себя описывалъ въ изображеніи Child Harold, утвердить можно, что подобныя лица часто встрѣчаются взору наблюдателя въ мнѣншемъ положеніи общества. Преизбытокъ силы, жизни внутренней, которая въ честолюбивыхъ потребностяхъ своихъ не можетъ удовлетворяться уступками вишней жизни, щедрой для однихъ умѣренныхъ желаній такъ называемой облаи разума; необходимыя послѣдствія подобной распри: волненіе безъ дѣли, дѣятельность пожиральная, непримыслимая къ существованію; упованія, никогда не совершаемыя и вѣчно возникающія съ новымъ стремленіемъ, должны неминуемо посѣять въ душѣ тотъ нестерпимый зародокъ скуки, приторности, презрѣнія, который знаменуетъ характеръ Child Harold, Кавказскаго Альбумика и дѣмъ подобныхъ. Впрочемъ, повторимъ сей характеръ изображенъ во всей полнотѣ въ одномъ произведеніи Байрона; у нашего Поэта онъ только означенъ слегка; мы почти должны угадывать намѣреніе Автора и мысленно пополнять неоконченное въ его твореніи. Не лишнее, однако же, притомъ замѣтить, что въ самомъ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ знакомитъ насъ съ характеромъ своего героя, встрѣчаются пропуски, которые, можетъ быть, и удаляются отъ насъ многія черты, необходимыя для совершеннѣйшаго изображенія».

Затѣмъ критикъ замѣчаетъ, что «Авторъ представляетъ героя своего равнодушнымъ, охлажденнымъ, но не безчеловѣчнымъ, и мы съ неудовольствіемъ видимъ, что онъ избавленный отъ пѣна рукою страстной черкешенки... не посвящаетъ памяти ея ни одной привзательной мысли, ни одного сострадательнаго чувствованія».

Что касается черкешенки, то — «лицо ея совершенно поэтическое. Въ ней есть какая-то неопредѣленность, очаровательность. Явленіе ея, конецъ, — все представляется гайною. Мы знаемъ о ней только одно, что она любила, и довольно... Кстати, о строгихъ толкователяхъ, или, правильнѣе, нерасположенныхъ, замѣтимъ, что, можетъ быть, они поморщатся и отъ новаго произведенія Поэта пылаго и княжачаго

*) 1822, ч. 82, № 19.

жизню. Пустьай иль мертвая оледенелость не уживается съ горячностью дарования во цвѣтѣ юности и силы, но мы съ своей стороны, договаривать будемъ. Поэта следовало бы предвидѣть въ вдохновеніяхъ своей поэтической Этерн, въ полномъ уврѣненіи, что бдительная цензура, которой нельзя упрекнуть у насъ въ потворствѣ, умѣетъ и безъ помощи посторонней удерживать Писателей въ предѣлахъ позволеннаго».

Статья оканчивается замѣчаніемъ, что «все, что принадлежитъ до живописи въ настоящей Повѣсти, превосходно» и что стихосложение въ ней «отличное; можно, кажется, утвердить, что въ цѣлой Повѣсти нѣтъ ни одного вялаго, нестройнаго стиха. Все дышитъ свѣжестью, все кипитъ жизнью необыкновенною»...

Какъ Плетневъ, такъ и Вяземскій упоминають въ своихъ статьяхъ о произведеніяхъ въ текстѣ поэмы. Дѣло въ томъ, что Пушкинъ, переписывая Кавказскаго Плавника для отсылки Гибдичу, неключить въ разныхъ мѣстахъ 16 стиховъ. Первый изъ этихъ пропусковъ — четверостишие: «Родился онъ среди сивоговъ» и пр. послѣ стиха 70 первой пѣсни («Въ увидѣшемъ сердцѣ заключить»), обусловливался, какъ сказано выше, личными отношеніями къ «американцу» Толстому; второй пропускъ — 8 стиховъ о свободѣ послѣ ст. 82 той же 1 пѣсни («Свобода! онъ одной тебя») и пр. — ставяны были, конечно, по цензурнымъ соображеніямъ; наконецъ, въ заключительныхъ строкахъ 1 пѣсни, послѣ стиховъ:

Когда, друзьями окруженный,
Онъ съ нами шумно пировалъ—

выкинуто было еще 4 стиха:

Когда роскошныхъ дѣвъ веселья
Мягкими розами вѣнчалъ
И жаръ безумнаго похмѣлья
Минутной страсти посвящалъ.

Зтѣсь, можетъ быть, Пушкину показалось слишкомъ смѣлымъ и неумѣстнымъ упоминаніе о «дѣвахъ веселья» — буквальный переводъ французскаго *filles de joie*. Первое изъ пропусковъ въ изданіи 1822 г. были обозначены двумя рядами точекъ, и при первомъ изъ нихъ воть строкою отговорено: «Какъ это мѣсто, такъ и другія означены точками самимъ Сочинителемъ». Третій пропускъ былъ обозначенъ только многоточіемъ въ концѣ прерывающаго стиха.

Критикою Вяземскаго Пушкинъ былъ очень доволенъ. «Благодарю тебя, милый Вяземскій!» писалъ онъ 6 февраля 1823 г.: «Пусть утѣшитъ тебя Богъ за то, что ты меня утѣшилъ. Ты не можешь себѣ представить, какъ приятно читать о себѣ сужденіе умнаго человека. До слухъ поръ, читая рецензіи Восикова, Каменовскаго и проч., мнѣ казалось, что пожелавшаю у казники литературные толки пріятельницъ Варюшки и Буднова. Все, что ты говоришь о романтической поэзіи, прелестно... Благодарю за щелчокъ цензурѣ, но она и не этого стоитъ. Слышно, что благороднѣйшій классъ народа, классъ, мыслящій какъ бы то ни было, подверженъ самовольной расправѣ трусливаго дурака»...

Надо, однако, замѣтить, что Пушкинъ самъ, гораздо раньше всѣхъ своихъ критиковъ, сознавалъ недостатки и пробѣлы поэмы и предвидѣлъ, что характеръ плавника вызоветъ упрёки въ неопредѣленности и неясности. Въ черновомъ шлемѣ къ Гибдичу онъ хотѣлъ было подробно высказать собственное мнѣніе о своей поэмі, но отложилъ эти мысли для себя:

«Простота плана близко подходитъ къ бѣдности изобрѣтенія: описаніе нравовъ черкесскихъ — самое сносное мѣсто во всей поэмі — не свидано ни съ какимъ происшествіемъ и есть не что иное, какъ географическая статья или отчетъ путешественника; характеръ главнаго лица а всего-то нѣтъ двое — приличенъ болѣе роману, нежели поэмі, да и что за характеръ? кого займетъ изображеніе молодого человека, потерявшаго чувствительность сердца въ какихъ-то несчастныхъ, неизвѣстныхъ мнѣнію? Его бездѣйствіе, его равнодушіе къ личной жестокости горцевъ и къ предметамъ кавказской пѣвы могутъ быть очень естественны, но что тутъ трогательнаго? Легко было бы оживить разсказъ происшествіями, которыя сами собою истекали изъ предметовъ. Чаркесъ, плавникъ моего русскаго, могъ быть любовникомъ и завидливцемъ; de la вошь вамъ и сцены ревности, и отчаяніе, онажности, для свиданія и проч. нашего плавника и проч. мать, отецъ и братья ея могли бы имѣть важныя свои роли, свой характеръ... всѣмъ этимъ я пренебрегъ, во первыхъ, отъ лѣни, во вторыхъ, что разумная эти размысленія пришли мнѣ на умъ тогда, какъ обѣ части моего Плавника были уже кончены, а следовало начать по имѣль я духа»...

Мнѣнія краски вѣрны, но поправятся ли читателямъ, избалованнымъ поэтиче-

скими панорамами Байрона и В. Скотта? Я боюсь и напомнить объ нихъ волшебнымъ картинкамъ своимъ блѣдыми, тощими рисунками, сравненіе мнѣ будетъ убійственно. Къ счастью, наши артисты не въ состоянн уничтожить меня основательнымъ образомъ: тяжкія критики нхъ мало меня беспокоятъ: онѣ столь же безвредны, какъ и дуны, а шутки плохія и площадныя ничуть не смѣшиа и не забавны...

«Вы видите, что отеческая пьбность не ослѣвляетъ меня насчетъ Кавказскаго Пльнника. Но, признаюсь, люблю его, самъ не зная, за что: въ немъ есть стихи моего сердца. Черкешенка моя мнѣ мила, любовь ея трогаетъ душу. Предестная былъ о Пн малюнкѣ, обнимающемъ холодный мраморъ, правилась пламенному воображенно Руссо...»

Вяземскому, по поводу его критики, поэтъ сдѣлалъ только одно замѣчаніе: «Ты говоришь, душа моя, что онъ пльнникъ— с . . . с . . . за то, что не горюетъ о черкешенкѣ: но что говорить ему? Все повяла онъ—выражаетъ все: мысль объ ней должна была овладѣть его душою и соединиться со всѣми его мыслями,—это разумется, иначе быть нельзя: не надобно все высказывать,—это есть тайна занимательности. Другимъ досадно, что пльнникъ не кинулся въ рѣку вытаскивать мою черкешенку: да, сунься-ка: я плавалъ въ кавказскихъ рѣкахъ,—туть утоиень самъ, а ни чорта не същещь. Мой пльнникъ—умный человекъ, разсудительный, онъ не влюбленъ въ черкешенку, онъ правъ, что не утоиился...»

Подобный же упрекъ былъ сдѣланъ Пушкину его кншневскимъ пріятелемъ кн. В. П. Горчаковымъ. «Замѣчанія твои, моя радость, очень справедливы и очень спсходительны»,—отвѣчалъ ему поэтъ. «За чѣмъ не утоиился мой пльнникъ вслѣдъ за черкешенкой? Какъ человекъ, онъ поступилъ очень благоразумно, но въ героѣ поэмы не благоразумія требуется. Характеръ пльнника неудаченъ: это доказываетъ, что я не го жусь въ герои романтическаго стихотворенія. Я въ немъ хотѣлъ изобразить это равнодушіе къ жизни и къ ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души, которая сдѣлалась отличительными чертами молодежи 19-го вѣка. Конечно, поэму приличнѣе было бы назвать Черкешенкой,—я объ этомъ не подумалъ. Черкесы, ихъ обычаи и нравы занимаютъ большую и лучшую часть моей

повѣсти: но все это ни съ чѣмъ не связано, и есть истинный hors d'oeuvre. Вообще, я своей поэмой очень недоволенъ и починаю ее гораздо ниже Руслана, хоть стихи въ ней зрѣлы».

Въ подлинномъ письмѣ къ Вяземскому 14 октября 1823 Пушкинъ опять возвращается къ финальной сценѣ своей поэмы и замѣчаетъ: «Теперь я согласенъ, что это мѣсто писано слишкомъ въ обрѣзъ, да силы нѣтъ ни поправить, ни прибавить».

«Стихи моего сердца», «тайный гласъ души моей», «я не го жусь въ герои романтическаго стихотворенія»,—все эти выраженія съ достаточною ясностью указываютъ на личную основу Кавказскаго Пльнника. Выше мы видѣли, каково было то настроеніе, подъ влиянємъ котораго задумана была поэма: это же настроеніе отразилось и въ характерѣ ея героя. Пушкинъ въ лицѣ своего пльнника объективировалъ себя и придалъ своему созданно собственныя чувства и мысли, конечно, въ поэтически-приподнятомъ тонѣ. Разбѣжая въ предгорьяхъ Кавказа погь охранно казакѣ и подстрекая свое «мечтательное» воображеніе «тѣмъ опасності», онъ, конечно, легко могъ представить себѣ, въ чемъ именно могла заключаться эта опасность,—и фантазія нарисовала ему картину пльна и освобожденія при помощи влюбленной черкешенки. Тѣсная связь основного мотива въ характерѣ пльнника съ субъективнымъ чувствомъ Пушкина, помимо всего прочаго, еще особенно подчеркивается «элегіей пль поэмы Кавказъ»—«Я пережилъ свои желанія». Эта элегія, какъ видно пль рукописи Румянцевскаго музея, первоначально составляла часть рѣчи пльнника, обращенной къ черкешенкѣ, и должна была войти въ текстъ послѣ стиховъ 54—55 II-й части:

Безъ уноенья, безъ желаній,
Я вижу жертвою страстей...

но потомъ Пушкинъ выдѣлилъ ее пль поэмы и переписалъ особо (22 февраля 1821 г., т. е. два дня спустя послѣ окончанія поэмы въ первоначальной ея редакціи). «Черты охлажденнаго чувства» и «старость души», которую Пушкинъ считалъ одною пль характерныхъ особенностей современной ему молодежи и въѣнными признаками которой служили бездѣйствіе и равнодушіе,—эти мотивы попадаются у Пушкина въ началѣ 20-хъ годовъ: достаточно указать, напрнмѣръ, на

ПУШКИНЪ въ 1820 г.

Къ ладный портретъ Ж. Верне.

черновые наброски 1822 г.: «Ты правь, мой другъ», «Красы Лансь», «Шры, любовницы, друзья...» и пр. и относящуюся къ одному изъ нихъ замѣтку: «Ко всему была охота, ко всему охладѣть вѣрнѣй, я сталъ безчувствъ... Теперь кого удрекну?... И это смѣшно. Хочу возобновить дружбу, — какъ мертвецъ, не въ силахъ... любви: труды, не могу...»

Личное увлеченіе поэта, вызванное житейскими неудачами и разочарованіями, находило аналогичныя настроенія въ современной европейской поэзіи— у Байрона, съ которымъ Пушкинъ впервые познакомился въ эпоху созданія Кавказскаго Пльщика и какиособенно— у Шатобриана, съ произведеніями котораго онъ былъ уже давно и хорошо знакомъ. На недостаточную яркость характера Пльщика, въ смыслѣ «байронизма», указывать, какъ мы видѣли, кн. Вяземскій, предполагавшій, что сдѣланные въ поэмѣ пропуски должны были служить матеріаломъ для болѣе рѣзкихъ очерчаній. Но уже Годолитъ, въ одной статьѣ Московскаго Вѣстника 1827 г., подмѣтить близкое родство Пльщика не съ байроновскими героями, а съ Ренэ Шатобриана— главнымъ дѣйствующимъ лицомъ двухъ романовъ: «Ренэ» и «Атала». Это указаніе, на которое не обратила вниманія наша критика, было подробно обследовано и развито въ недавнее время В. В. Сиповскимъ, въ особомъ эссе: «Пушкинъ, Байронъ и Шатобрианъ»¹⁾. Заключенія г. Сиповскаго нельзя не признать весьма значительными. Рядомъ сопоставленій онъ показываетъ, что «байронизмъ» Пушкина въ Кавказскомъ Пльщикѣ сказанъ лишь въ немногихъ «опасныхъ» чертахъ, каковы упоминанія о «грозномъ» страданіи, о «бурной» жизни и о гордомъ, одинокомъ молчаніи, съ которымъ пльщикъ «таилъ пылкость сердца своего». Но эти черты оказались совсемъ не выдержанными и только внесли противорѣчіе въ тотъ образъ, который, несмотря на свою призрачность, былъ довольно близокъ къ автору и подтверждался цѣлою группою его лирическихъ стихотвореній. Такимъ образомъ, «влияніе внутренняго, глубокато Байронъ на Пушкина не имѣло во время созданія Кавказскаго Пльщика: герои пушкинской поэмы чужды гордой семьѣ байроновскихъ героевъ, и

нѣсколько чертъ, взятыхъ у нихъ, его совсемъ не маскируютъ, такъ какъ съ нимъ органически не сливаются». Къ этимъ словамъ можно еще прибавить, что въ ту пору нашъ поэтъ былъ знакомъ съ Байрономъ еще очень мало и зналъ его болѣе «по-наслышкѣ». Между тѣмъ, Шатобрианъ былъ его любимымъ писателемъ — и неудивительно, что Пльщикъ оказался гораздо ближе къ Ренэ, нежели къ соответствующимъ лицамъ байроновскихъ поэмъ. Ренэ оставилъ родину вследствие несчастной любви, а также, повидимому, и оттого, что среди цивилизованныхъ людей ему мало мѣста съ его безмѣрнымъ эгоизмомъ (эту черту мы встрѣтимъ въ пушкинскомъ Алеко). Впрочемъ, причины, заставившія его покинуть «родной предѣлъ», имъ самими такъ же мало выяснены, какъ и Кавказскимъ Пльщикомъ. Самая свобода, «веселый призракъ» которой мерещился вдали обоимъ героямъ, также велела обоимъ. Ренэ бѣжить къ дикарямъ Америки, но тоска слѣдуетъ за нимъ по пятамъ: его «охлажденное сердце» недолго наслаждалось радостями бытія вдали отъ суеты мірской; теплая, самоотверженная любовь дикарки не вытѣсняетъ изъ его сердца думъ о той женщинѣ, которую онъ оставилъ на родинѣ... Атала, влюбленная въ «пльщика» Ренэ, является къ нему ночью и съ тѣхъ поръ постоянно тайкомъ ходитъ къ нему и ведетъ съ нимъ долія бесѣды о любви. Потомъ она освобождаетъ юнато пльщика и умираетъ въ борьбѣ съ своею любовью. Другая героиня Шатобриана, Селота, отдавая всю свою жизнь Ренэ, въ награду за это услышала отъ него признаніе, что его сердце занято думою о другой женщинѣ. Селота ведетъ жизнь несчастную и, наконецъ, потерявъ дорогого человека, которому она принесла столько жертвъ, бросается въ рѣку. Въ эти трогательныя исторіи изображаются на фонѣ блестяще-написанныхъ картинъ американской природы. Известно, что соблюденіе такъ наз. «мѣстнаго колорита» (couleur locale) выставилось сторонниками романтизма какъ одно изъ главныхъ условій поэтической живописи: Шатобрианъ и въ этомъ отношеніи былъ учителемъ нашего поэта: въ погонѣ за мѣстными красками, французскій писатель вразно видѣлъ въ Америку и присматривался къ природѣ, къ обычаямъ и правамъ тѣхъ племенъ, жизнь которыхъ служила рамкою для его романовъ. Пушкинъ, какъ

¹⁾ Пушкинъ, жизнь и творчество. Спб. 1907, стр. 377—318.

видно изъ его переписки и изъ предисловія ко 2-му изданію *Кавказскаго Альбумика*, придавалъ мѣстному колориту очень важное значеніе: но его знакомство съ Кавказомъ въ пору созданія поэмы было еще очень незначительно: поверхностныя личныя наблюденія лишь въ незначительной степени дополнялись литературными источниками, каковы, напр., поэтическія, но все-таки взятыя изъ вторыхъ рукъ описанія Державина и Жуковскаго; можетъ быть, пользовался Пушкинъ также и разсказами Броневскаго¹⁾, но во всякомъ случаѣ для картинъ кавказской природы и жизни у поэта были лишь очень скудный матеріалъ. Пушкинъ и самъ сознавалъ это. «Сцена моей поэмы должна бы находиться на берегахъ шумнаго Терека, на границахъ Грузіи, въ гдѣху ущельяхъ Кавказа»,—писалъ онъ Гибичу: «я поставилъ моего героя въ однообразныхъ равнинахъ, гдѣ самъ прожилъ два мѣсяца...» Недостаточнымъ знакомствомъ съ мѣстными условіями объясняется и допущенная въ поэмѣ этнографическія ошибки,—появленіе «меченца» на берегу Кубани и смѣшеніе черкесовъ съ грузинами (черкешенка поетъ грузинскія пѣсни). Все это не помѣшало, однако, Пушкину силою своего воображенія дополнить недостатокъ фактическаго матеріала и создать тѣ яркія картины, которыхъ до него не знала наша поэзія и которыя по достоинству были оценены современной поэту критикой²⁾.

Изъ отзывковъ позднѣйшей критики о *Кавказскомъ Альбумикѣ* слѣдуетъ остановиться на замѣчаніяхъ Гоголя и Бѣлинскаго. Первый, въ небольшой статейкѣ «Нѣсколько словъ о Пушкинѣ», напечатанной въ *Арабескахъ* 1835 г., но написанной еще за три года переть тѣмъ, съ восторгомъ говоритъ о пушкинскихъ картинахъ Кавказа: «Судьба, какъ парочко, забросала его туда, гдѣ границы Россіи отличаются рѣзкою, величавою характерностью, гдѣ гладкая неизмѣримость Россіи прерывается подоблачными горами и обвѣвается тумомъ. Неполинскій, покрытый вѣчнымъ снѣгомъ Кавказъ, среди знойныхъ долинъ, поразилъ его: онъ, можно сказать, вызвалъ силу души его и разорвалъ послѣднія цѣпи, которыя еще тя-

готѣли на свободныхъ мысляхъ. Его альбумъ вольная поэтическая жизнь дерзкихъ горцевъ, ихъ схватки, ихъ быстрые, неотразимые набѣги, и съ этими поръ кисть его приобрѣла тотъ широкій размахъ, ту быстроту и смѣлость, которая такъ шила и поражала только что начинавшему читать Россію... Онъ одинъ только привелъ Кавказъ: онъ влюбленъ въ него всею душою и вѣрными чувствами: онъ проникнуть и шагнулъ его чужбыми окрестностями, южнымъ небомъ, долинами прекрасной Грузіи». *) и т. д.

Въ этихъ словахъ Гоголя слыты вѣдно впечатлѣнія *Кавказскаго Альбумика* и позднѣйшихъ, посвященныхъ Кавказу, стихотвореній 1829 г.: но уже то обстоятельство, что Гоголь не выдѣляетъ равней поэмы Пушкина, показываетъ, какъ высоко цѣнилъ онъ—самъ великій мастеръ поэтической живописи—красоту пушкинскихъ описаній въ этой поэмѣ. Бѣлинскій, выписавъ приведенное нами мѣсто изъ Гоголя въ общей части своей статьи о Пушкинѣ 1846 г., и обращаясь затѣмъ къ разбору собственно *Кавказскаго Альбумика*, также начинаетъ свою рѣчь о поэмѣ восторженной похвалою именно картинамъ природы. «Кавказскій Альбумикъ,—говоритъ критикъ,—былъ принятъ публикой еще съ большимъ восторгомъ, чѣмъ *Русланъ и Людмила*,—и, надо сказать, эта маленькая поэма вполне достойна была того приѣма, котораго мы встрѣтили. Въ ней Пушкинъ явился вполнѣ самимъ собой и, вмѣстѣ съ тѣмъ, вполнѣ представителемъ своей эпохи: *Кавказскій Альбумикъ* насквозь проникнуть ся наобозомъ. Впрочемъ, наосъ этой поэмы двойственный: Пушкинъ былъ явно увлеченъ двумя предметами—поэтической жизнью дикихъ и вольныхъ горцевъ и потому элегическимъ идеаломъ души, разочарованной жизнью. Изображеніе того и другого слилось у него въ одну роскошно-поэтическую картину. Грандіозный образъ Кавказа съ его воинственными жителями въ первый разъ былъ воспроизведенъ русской поэзіей,—и только въ поэмѣ Пушкина въ первый разъ русское общество познакомилось съ Кавказомъ, давно уже знакомымъ Россіи по оружію... Несмотря на всю незрѣлость таланта, которая такъ часто проглядываетъ въ *Кавказскомъ Альбумикѣ*, не-

¹⁾ См. выше статью Е. Г. Вейценбаума.

²⁾ О Кавказѣ, Цѣпи, см. также дальше въ статьяхъ Н. П. Дашкевича и Н. А. Котляревскаго.

^{*)} Соч. Гоголя, изд. X-е (М. 1889), т. V, стр. 207—208.

смотря на слишком юношеское одушевление зрѣлищемъ горъ и жизни ихъ обитателей, многія картины Кавказа въ этой поэмѣ и теперь еще не потеряли своей поэтической цѣнности. Принимаешь за Кавказъ к а т о П л в и н и к а съ гордымъ нахвреніемъ слегка передистоватъ его, въ незамѣтно увлекается имъ, перешагиваете его до конца и говорите: «все это юно, недрѣло, и однакожь такъ хорошо!» Какое же дѣйствіе должны были произвести на русскую публику эти живыя, яркія, великолѣпно-роскошныя картины Кавказа при первомъ появленіи въ свѣтъ поэмъ! Съ тѣхъ поръ, съ легкой руки Пушкина, Кавказъ сдѣлался для русскихъ завѣтной страной не только широкой, раздольной доли, но и неисчерпаемой поэзіи, страной кинучей жизни и смѣлыхъ мечтаній! Муза Пушкина какъ бы осветила давно уже на дѣлѣ существовавшее родство Россіи съ этимъ краемъ, купленнымъ драгоценною кровью сыновъ ея и возвышавшихъ ея героевъ. И Кавказъ — эта колыбель поэзіи Пушкина — сдѣлался потомъ и колыбелью поэзіи Лермонтова...»

Бѣлинскому, можно думать, было известно, что въ числѣ первыхъ стихотворныхъ попытокъ 14-лѣтняго мальчика Лермонтова были именно переписки пушкинской поэмъ, озаглавленные: «Кавказскій Павлинокъ» и «Черкеска», тѣ же повторены дѣлкомъ, безъ измѣненій, многіе стихи Пушкина. Въ эту юношескую наброску Лермонтова нѣтъ почти никакихъ картинъ кавказской природы, ему въ ту пору, конечно, вовсе невѣдомой, и все вниманіе обращено на романтическую фабулу. Павлинокъ не одинокъ: у него есть товарищи по несчастью, съ которыми онъ вмѣстѣ груститъ о своей судьбѣ. Его спасаетъ черкешенка и бѣжитъ вмѣстѣ съ нимъ; но для пуха черкеса наступаетъ бѣдѣца, а черкешенка бросается въ Терекъ, къ отчизнѣ ея отца, оказавшаяся убійцей Павлинка. Такимъ варіантомъ 14-лѣтній Лермонтовъ думалъ исправить развѣдку пушкинской поэмъ, вѣроятно, показанную ему, какъ и взрослымъ критикамъ 20-хъ годовъ, не совсѣмъ удовлетворительно...

«Какъ истинный поэтъ», продолжаетъ Бѣлинскій, «Пушкинъ не могъ описаній Кавказа ввести въ свою поэмъ какъ эпизодъ вѣтани: это было бы слишкомъ непрактически, а слѣдовательно — и прозаически, и потому онъ тѣсно связалъ свои

живыя картины Кавказа съ дѣйствіемъ поэмъ. Онъ рисуетъ ихъ не отъ себя, но передаетъ ихъ какъ впечатлѣнія и наблюденія Павлинка, героя поэмъ, и оттого онѣ являютъ особенную жизнь, какъ будто самъ читатель видитъ ихъ собственными глазами на самомъ мѣстѣ. Кто былъ на Кавказѣ, тотъ не могъ не удивляться вѣрности картинъ Пушкина: взгляните хотя съ возвышенностей, при которыхъ стоитъ Пятигорскъ, на отдаленную цѣпь горъ... Описанія ливой доли, разбойническаго героизма и домашней жизни горцевъ дышатъ чертами ярко вѣрными...»

Переходя къ анализу изображенныхъ въ поэмѣ характеровъ, Бѣлинскій, прежде всего, замѣчаетъ, что черкешенка «есть лицо совершенно идеальное и только вѣрнымъ образомъ вѣрное дѣйствительности. Въ изображеніи черкешенки особенно выказалась вся недрѣлость, вся юность таланта Пушкина въ то время. Самое положеніе, въ которое поставилъ поэтъ два главныхъ лица своей поэмъ, — это положеніе, наиболее влывившее публику, отзывалось мелодрамой и можетъ быть, потому самому такъ сильно увлекло самого молодого поэта. Но — такова сила истиннаго таланта! при всей театральности положенія, на которомъ завязанъ узелъ поэмъ, при всей его бездѣятности къ отношенію къ дѣйствительности, въ рѣчахъ черкешенки и Павлинка столько дилетической истины чувства, столько сердечности, столько страсти и страданія, что ничѣмъ нельзя оградиться отъ ихъ обаятельнаго увлеченія, при самомъ ясномъ сознаніи, въ то же время, что на всемъ этомъ лежитъ печать какой-то дѣтскости...»

Что касается самого Павлинка, то онъ является, въ глазахъ Бѣлинскаго, «героемъ своего времени». Его характеръ возбуждалъ восторгъ въ публикѣ именно тою неопредѣленностью и противорѣчивостью, которая была вѣрно подмѣчена, но совсѣмъ не вѣрно истолкована критикомъ 20-хъ годовъ. «Молодые люди особенно были восхищены имъ, потому что каждый видѣлъ въ немъ, болѣе или менѣе, свое собственное изображеніе. Эта тоска юношей по своей утраченной юности, это разочарованіе, которому не претествовали никакія озаорованія, эта агонія души во время ея сильнѣйшей дѣятельности, это кипѣніе крови при тушевомъ ходѣ, это чувство пресыщенія, постыдовавшее не да роскошнымъ широкъ жизни, а смѣшившее собой голоть и жажду,

эта жажда дѣятельности, проявляющаяся въ совершенномъ бездѣйствіи и апатической дѣи, словомъ, эта старость прежде юности, эта дружность прежде силы,— все это черты «стареювъ нашего времени» со времени Пушкина. Но не Пушкинъ рождать или выдумать ихъ: онъ только первый указалъ на нихъ, потому что они уже начали показываться еще до него, а при немъ ихъ было уже много... И Пушкинъ былъ самъ этимъ Пльшникомъ, но только на ту пору, пока писалъ его. Осуществить въ творческомъ произведеніи идеаль, мучившій поэта, какъ его собственный недугъ,— для поэта значить навсегда освободиться отъ него. Это же лицо является и въ слѣдующихъ поэмкахъ Пушкина, но уже не такимъ, какъ въ Кавказскомъ Пльшникѣ: слѣды за нимъ, въ безирестанно застаете его въ новомъ моментѣ развитія и видите, что оно движется, идетъ впередъ, дѣлается сознательнѣе, а потому и интереснѣе для васъ. Въ этомъ отношеніи Кавказскій Пльшникъ есть поэма историческая.

Въ эту же словахъ великаго критика совершенно вѣрно подмѣчена тѣсная связь поэмы Пушкина съ настроеніемъ современнаго поэту поколѣнія. Дѣйствительно, Кавказскій Пльшникъ является хронологически первымъ изъ тѣхъ произведеній нашей изящной литературы

Въ которыхъ отразился вѣкъ
И современный человекъ,
Съ его одолевшимъ умомъ,
Книжницъ въ дѣствіи пустомъ.

Въ элегической характеристикѣ пушкинскаго героя,— характеристикѣ туманной и отрывочной, теперь, въ исторической перспективѣ, намъ не трудно угадать знакомыя черты той эпохи, отличительною особенностью которой, по выраженію одного позднѣйшаго критика, была «напряженность первовъ чувства при парализѣ первовъ движенія». Въ пору созданія Кавказскаго Пльшника это положеніе уже ясно сознавалось мыслящею частью русскаго общества, и сознаніе его становилось, подъ вліяніемъ событій внѣшнихъ и внутреннихъ, все болѣе и болѣе жгучимъ и невыносимымъ. «Туманный призракъ свободы» уже успѣлъ перелетѣть съ Запада на Востокъ, въ самое сердце еще такъ недавно неподвижной Россіи, и мечты нѣмецкаго Тугенбунда уже находили отголосокъ въ «вольнлюбивыхъ надеждахъ»

Союза Благочестія. Пушкинъ еще въ Петербургѣ «съ волненіемъ» не только «внималъ», но и самъ сочинялъ «пѣсни, одушевленные свободой», и «съ вѣрой, пламенной молитвою обнималъ ея торжвй подлгъ»: свою поэму онъ отдѣлывалъ въ той самой Каменкѣ, которая уже становилась «гнѣдомъ» будущихъ декабристовъ...

По поговорицѣ: «Все минется, одна правда останется», описательная часть Кавказскаго Пльшника, полная поэтической правды, и въ глазахъ самого поэта, и въ мнѣніи критики пережила повѣствованіе, которымъ Пушкинъ, какъ мы уже видѣли, былъ недоволенъ уже при самомъ окончаніи поэмы. Впоследствии поэтъ отзывался о своемъ произведеніи еще строже. «Пльшникъ—зелень»,— писалъ онъ Бестужеву 30 ноября 1826 г.,—«и передъ поэзіей кавказской природы поэма моя—голицынская проза». Въ своихъ критическихъ замѣткахъ начала 1830-хъ годовъ Пушкинъ говоритъ, что «Кавказскій Пльшникъ—первый неудачный опытъ характера, съ которымъ я паслу сладилъ: онъ былъ принятъ душею всего, что я ни написалъ, благодаря нѣкоторымъ элегическимъ и описательнымъ стихамъ. Но зато Николай и Александръ Раевскіе и я—мы вдоволь надъ нимъ посмѣлялись». Пльшники относились, конечно, къ неудачному «байронизму» героя, который изъ «мрачнаго, демоническаго», гордо замкнутаго въ себѣ страдальца обратился въ элегическаго «сытника». Ник. Раевскій говорилъ Пушкину о необходимости изгнать изъ поэтической слога напыщенность и внести въ него естественность и простоту и въ то же время находилъ, что «произведенія отрывочнаго свойства требуютъ всей роскоши поэзіи—сильно задуманнаго характера и положенія». Ничего этого онъ не видѣлъ въ Кавказскомъ Пльшникѣ и потому относился къ этому произведенію отрицательно. Пушкинъ соглашался съ этимъ мнѣніемъ, но ему, все-таки было жаль своей юношеской поэмы, въ которой были «стихи его сердца». Въ 1829 г., во время своей пѣздки въ Арзрумъ, когда онъ имѣлъ случай пролѣхать черезъ весь Кавказъ, провѣрить и доволнить свои раннія впечатлѣнія, онъ случайно нашелъ въ Ларсѣ «измараншій списокъ» своего Пльшника и «перечелъ его съ большимъ удовольствіемъ. Все это слабо, молодо, неполно, но многое угадано и выражено вѣрно». Можно ду-

мать, что это замѣчаніе относится особенно къ описательной части поэмы.

Кромѣ описаній и повѣствовательнаго эпизода, въ поэмѣ представляетъ интересъ и еще одна сторона политическая, именно—то отношеніе поэта къ русскому завоеванію Кавказа, которое выразилось въ «эпизодѣ». Эпизодъ этотъ, мало соответствующій общему «вольнлюбивому» настроенію автора, написанъ три мѣсяца спустя послѣ окончанія поэмы. Но основная ея тема намѣчена уже въ письмѣ Пушкина къ брату отъ 24 сентября 1820 г.: «Ермоловъ наполнилъ его (Кавказъ) своимъ именемъ и благотворнымъ гениемъ. Дикіе черкесы науганы; древнія дерзости ихъ исчезаютъ. Дороги становятся чашею отъ часу безопаснѣе, многочисленные конвой—плынинами. Должно надѣяться, что эта завоеванная сторона, до сихъ поръ не приносившая никакой существенной пользы Россіи, скоро сблизитъ насъ съ персїанами безопасною торговлею, не будетъ намъ претрадою въ будущіяхъ войнахъ и, можетъ быть, сбудетъ для насъ умеренческой планъ Панаполеона въ разсужденіи завоеваній Индіи...» Завоеваніе Кавказа представляется Пушкину историческою миссіею Россіи со временемъ чуть ли не Метислава Тугараканскаго, и онъ мечтаетъ о возможности когда-нибудь поэтически изобразить эти кровавыя картины нашей исторіи, вспомнить полки и покорители, лезвѣи и мшигрельцевъ, Цицианова, влдіе Ленкорани Котляревскимъ и тѣ удорныя, многодѣлннн битвы, которыя сдѣлали русскихъ «кизляками злобачной державы». Впечатлительная поэтъ видимо увлекся «строгими преданьями» Кавказа и тѣми мыслями, какія ему приходилось слышать въ военной средѣ, окружавшей генерала Раевского: это увлеченіе становится еще болѣе понятнымъ, если вспомнить, что Пушкинъ еще такъ недавно мечталъ о «мушкетрѣ и саблѣ» и рисовалъ себя на конѣ «среди воинственныхъ дружинъ». Боевой тонъ «эпизода» вызываетъ строгое осужденіе въ Вяземскаго. «Мнѣ жаль», писалъ онъ Тургеневу 27 сентября 1821 г., «что Пушкинъ окровавилъ послѣдніе стихи своей повѣсти. Что за герой Котляревскій, Ермоловъ? Что тутъ хорошаго, что онъ, «какъ черная зараза, губилъ, уничтожилъ племена»? Отъ такой славы кровь становится въ жилахъ и волосы дыбомъ становятся. Если бы мы просвѣщали племена, то было

бы что восхитѣль. Поэзія не союзница палачей: политикѣ они могутъ быть нужны и тогда суду исторіи рѣшить, можно ли ее оправдывать, или нѣтъ; но гимны поэта не должны быть славословіемъ рѣли. Мнѣ жасно на Пушкина: таковъ восторгъ, настоящій анахронизмъ. Досадно и то, что, разумеется, мнѣ о томъ и намекнуть нельзя будетъ въ моей статьѣ. Человѣколюбивое и нравственное чувство мое покажетъ движеніемъ мятежническимъ и бѣсовскимъ внушеніемъ въ глазахъ нашихъ христолюбивыхъ цензоровъ...»¹⁾

Мы не знаемъ, высказаны ли были эти мысли Вяземскимъ самому Пушкину—перениска поэта не даетъ на это никакихъ указаній; но, сравнивая эпизодъ Кавказскаго Пльбнника съ тѣмъ, что писалъ Пушкинъ восемь лѣтъ спустя,—въ Пугеиствѣи въ Арзрумѣ, о завоеваніи Кавказа и о необходимости просвѣщенія черкесовъ, видимъ, что отъ презаніаго юпопескаго шовинизма не осталось уже и слѣда.

Первое изданіе Кавказскаго Пльбнника, встрѣченное публикой съ большимъ сочувствіемъ, скоро разошлось, и Гибдичъ, уже лѣтомъ 1823 г., завелъ рѣчь о новомъ изданіи поэмы. Но Пушкинъ, получившій отъ него за первое изданіе только очень печальный экземпляръ на 500 р. асс., не торопился съ своимъ согласіемъ: «Timeo Danaos», писалъ онъ Вяземскому изъ Одессы, 19 августа 1823 г.: «боюсь, чтобы онъ со мною не поступилъ какъ прежде...» Вяземскій предложилъ поэту свои услуги, и Пушкинъ, въ письмѣ отъ 14 октября, поручилъ ему второе изданіе Руслана и Пльбнника, причемъ сообщилъ нѣсколько поправокъ къ тексту послѣдннго. Это изданіе, однако, тогда не состоялось, можетъ быть, потому, что Вяземскій взлетѣ за изданіе Бахчисарайскаго Фонтана; по крайней мѣрѣ, Пушкинъ, 13 июня 1824 г., писалъ брату: «Слушай, дуна мой! Денги мнѣ нужны. Протан на годъ Кавказскаго Пльбнника за 2000 р., кому бишь?» При этомъ опять сообщены были тѣ же поправки къ тексту, о которомъ уже писано было Вяземскому. Между тѣмъ, нѣкій Евстафій Ольсеской, почтовый цензоръ, служившій потомъ въ III Отдѣленіи, напечаталъ Кавказскаго Пльбнника, безъ согласія автора, съ нѣмецкимъ стило-

¹⁾ Мавловъ въ Пушкинѣ, стр. 146, 150.

¹⁾ Остайевскій Архивъ, II, 274.

творнымъ переводомъ Вульфурта. Возмущенный этой продажей, Пушкинъ хотѣлъ начать противъ Ольдекопа дѣло и переписывался объ этомъ съ Вяземскимъ и другими своими друзьями, но ничего не добился: впоследствии, въ 1827 г., онъ опять пробовалъ жаловаться на самоуправство Ольдекопа Бенкендорфу, но и отъ него не получилъ никакого удовлетворенія. Пльнъ сомнѣній въ томъ, что новое издание Пльнника задержалось именно вслѣдствіе исторіи съ Ольдекопомъ. Оно было сдѣлано самимъ Пушкинымъ только въ 1828 г., причемъ въ текстъ поэмы были внесены нѣкоторыя исправленія. Въ третій разъ Кавказскій Пльнникъ былъ напечатанъ Пушкинымъ безъ перемѣнъ съ изданія 1828 г., въ книгѣ: «Поэмы и повѣсти Александра Пушкина», Сиб. 1835, часть I.

Громкій успѣхъ новой поэмы Пушкина побудилъ знаменитаго балетмейстера Дидло, въ концѣ 1822 г., составить изъ нея «большой древній національно-пантомимный балетъ», подъ названіемъ: «Кавказскій Пльнникъ, или Тѣнь повѣсты», съ музыкою Кавоаса. Этотъ балетъ былъ поставленъ сначала въ Петербургѣ, съ Истоминой въ роли черкешенки, а впоследствии — и въ Москвѣ¹⁾. Слухъ о немъ дошелъ и до Пушкина, который писалъ брату изъ Кишинева, 30 января 1823 г.: «Нини мнѣ о Дидло, объ черкешенкѣ-Истоминой, да которой я когда-

то волочился подобно Кавказскому Пльннику...» Модный въ ту пору композиторъ Гейнцшта положилъ на музыку «Черкесскую пѣсню».

Приведенное выше замѣчаніе Н. Раевского о томъ, что Кавказскій Пльнникъ «открылъ путь, на которомъ посредственностію найдеть себѣ камень преткновеній», оказалось, въ нѣкоторомъ родѣ, предсказаніемъ: «Именно эта поэма Пушкина, столь скоро осужденная самимъ авторомъ, была принята читателями съ особеннымъ восторгомъ и открыла эру байропическаго повѣтрія въ русской литературѣ: подражанія Кавказскому Пльннику продолжали плодиться и въ то время, когда съ творчества самого Пушкина свадаль послѣдній палеть байропизма»²⁾. Цѣль этихъ подражаній намъ извѣстны: «Киргизскій Пльнникъ, повѣсть въ стихахъ П. Муравьева, взятая съ истиннаго происшествія Оренбургской линіи», М. 1828 (рец. въ Москв. Телегр. № 12 и С. Б. в. Пч. № 94), и «Московскій Пльнникъ, повѣсть въ стихахъ, соч. Ф. С-ва», М. 1829. Въ 1832 г. П. В. Стапкевичъ, въ сотрудничествѣ съ П. А. Мельгуновымъ, напечаталъ въ Молвѣ (№ 75) народію на поэмы бездарныхъ подражателей Пушкина и Баратынскаго, подъ заглавіемъ «Калмыцкій Пльнникъ».

П. Морозовъ.

1) См. Дамскій Журналъ 1827, № 20.

2) Майковъ, Пушкинъ, 451.

Предисловіе Пушкина ко 2-му изданію «Кавказскаго Пльнника» (Спб. 1828)

Сія повѣсть, спсходительно приная публікою, обязана своимъ успѣхомъ вѣрному, хотя слегка означенному, изображенію Кавказа и Горскихъ нравовъ. Авторъ также соглашается съ общимъ голосомъ критиковъ, справедливо осудившихъ характеръ пльнника, нѣкоторыя отдѣльныя черты и проч.

КАВКАЗСКІЙ
ПЛЪННИКЪ,

П О В Ъ С Т Ъ .

Соч. А. Пушкина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ,

ВЪ ТИПОГРАФИИ Н. ГРЕЧА.

1 8 2 2 .

ПОСВЯЩЕНІЕ.

Николаю Николаевичу Раевскому.

Прими съ улыбкою, мой другъ,
Свободной музы приношеніе:
Тебѣ я посвящаю извѣстную лиру тѣмъ
И благоговѣнный свой досугъ,
Когда я поибалъ безвинный, безотрадный,
И шепотъ клеветы внималъ со всехъ сторонъ,
Когда канжаль измымы гладный,
Когда любви тяжелой сонъ
Меня перзали и мертвили —
И близъ тебя еще спокойство нагодилъ,
И сердце отдыгало: другъ друи мы любили.
И бѣры надо мной свирѣлость утомили:
Я въ мирной тишинѣ боговъ благословилъ.
Во дни печальныя разлуки
Мои задумчивыя звуки
Напоминали мнѣ Кавказъ,
Гдѣ шумурливый Бешту, (1) тучестынный величавый,
Ауловъ (2) и полій властитель пятиглавый,
Быль новый для меня Парнасъ.
Заблуду ли кремнистыя вершины,
Гремучіе ключи, увядшія равнины,
Пустыни знойныя, края, идь ты со мною
Длится души младая впечатлѣнья;
Гдѣ рыскасть въ юралеъ воинственный разбой,
И дикій гений вдохновенья
Таится въ тишинѣ глухой!
Ты здѣсь найдешь воспоминанья,
Быть можетъ, милое сердцу оней,
Противорѣчія страстей,
Мечты знакомыя, знакомыя страданья,
И тайный гласъ души мой.
Мы въ жизни разны шли: въ сбѣятіяго покоя
Едва-едва разивель, и вслѣдъ отца-героя
Въ поля кровавыя, полъ тучи вражьиго стрѣль.
Младенцею избранный, ты гордо полетѣлъ:
Отчество тебя ласкало съ умиленьемъ,
Какъ жертву милою, какъ снръный цвѣтъ надеждъ.

НИКОЛАИ НИКОЛАЕВИЧЪ РАЕВСКИИ-МЛАДШИИ.

Рисунокъ 1819 г., кн. П. Дюморжана, въ альбомъ М. П. Раевской въ зрѣлѣмъ возрастѣ. Орловскіу пани, принадлежалъ: вырѣзанъ съ Г. П. Орловымъ.

*И рано скорбь гонять, постигнувъ бѣду чуждымъ,
 И жерты клеветы и мстительную несправедь,
 Но, сердце зрѣвшаго свободной и тирании мѣ,
 И жадно близкою дружить оней,
 И смѣло мстить орудій
 Милъ было сладкимъ цѣлованіемъ.*

Ч А С Т Ь П Е Р В А Я.

Въ аульцѣ на своихъ порогахъ,
Черкесы праздные сидятъ.
Сыны Кавказа говорятъ
О бранихъ, гибельныхъ тревогахъ,
О красотѣ своихъ коней,
О наслаженьяхъ пикой пьви:
Вспоминають прекрасныхъ шен
Неогразимыхъ набѣи,
Обманы хитрыхъ уденей, (2)
Уары шашекъ (3) ихъ жестокихъ,
И мѣкость невѣжливыхъ стрѣлъ,
И пеньель разоренныхъ селъ,
И ласки пльвннцъ черноокихъ.

Текутъ бесѣды въ тишинѣ:
Душа плыветь въ ночномъ туманѣ:
И вдругъ прель мимо на койб
Черкесъ. Онъ быстро на арканѣ
Младого пльвнника влещеть,
Вотъ Руской! шциникъ возомилъ.
Ауль на крикъ его сбѣжалея
Ожесточенною толпой:
Но пльвннцъ хладный и пѣмой,
Съ обезображенной главой,
Какъ грунь, недвижимъ оставалъ.
Лица враговъ не видить онъ,
Угрозъ и криковъ онъ не слышитъ:
Надъ нимъ летаетъ смертный сонъ
И холодомъ глетворнымъ дышитъ.

И долго пльвннцъ молодой
Лежалъ въ забвеніи въжелемъ,
Ужъ полдень надъ его главой
Пыдалъ въ сіяніи веселомъ:
И жизни духъ проснулся въ немъ,
Невиный стоить въ устахъ раздвоя:
Согрѣтый солнечнымъ лучемъ,
Несчастный тихо приотворя:
Кругомъ обводитъ слабый взоръ...
И вишь: неприступную горъ
Надъ нимъ воздвигнулась громада,
Гнѣздо разбойничьихъ племей,
Черкеской вольности ограда,
Вспомнилъ юноша свои пльви,
Какъ сна ужаснаго тревоги,
И слышавъ: загремѣлъ вдругъ
Его закованнаго нои...
Все, все сказалъ ужасный звукъ:
Затмилась передъ нимъ природа.
Прости, священная свобода!
Онъ рабъ.

За скалами (5) лежить
Онъ у колочатого забора,
Черкесы въ полѣ, пльвъ надъзора,
Въ пустомъ аульцѣ все молчатъ,
Прель нимъ пустынный равнинъ
Лежать зеленой пеньелой:

Тамъ холмовъ гнущется грядой
Однообразная вершинъ;
Межъ нихъ уединенный путь
Вдали теряется угрюмой...
И пльвнника младого грунь
Тяжелой возновалась думой...

Въ Россію дальній путь ведетъ,
Въ страну, гдѣ пламенную младость
Онъ гордо началъ безъ заботъ:
Гдѣ первую позналъ онъ радость,
Гдѣ много милого любилъ,
Гдѣ обивалъ грозное страданье,
Гдѣ бурной жизнью погубилъ
Надежду, радость и желанье,
И душнхъ дней вспоминаше,
Въ увидимъ сердцѣ заключилъ.

Людей и свѣтъ извѣдалъ онъ,
И зналъ невѣрной жизни цѣну,
Въ сердцахъ друзей шашекъ измѣну,
Въ мечтахъ любви бедушный сонъ,
Наскуча жертвой быть привычной
Давно презрѣнной суеты
И неприязни двуязычной,
И простодушной клеветы,
Отступникъ свѣта, другъ природы,
Покинулъ онъ родной предѣлъ,
И въ край далекий полетѣлъ
Съ веселымъ призракомъ свободы.

Свободы! онъ одной тебя
Еще искалъ въ подлунномъ мѣрѣ,
Страстями сердце погубя,
Охолодѣвъ къ мечтамъ и дѣрѣ,
Съ волненьемъ пѣсни онъ внималъ,
Одушевленные тобою;
И съ вѣрой, пламенной мольбою
Твой гордый плоть обнималъ.

Свершилось... цѣлью упованья
Не зреть онъ въ мѣрѣ ничего,
И въ послѣдній мечтанья,
И въ сокрылся отъ него,
Онъ рабъ. Склонясь главой на камень,
Онъ ждетъ, чтобъ съ сумрачной зарей
Погасъ печальной жизни пламень,
И жаждетъ сѣни гробовой.

Ужъ меркнетъ солнце за горами:
Вдали раздался шумный гуль,
Съ полемъ народъ идетъ въ ауль,
Сверкая свѣтлыми косами.
Пришли: въ домахъ зажглись огни,
И постепенно шумъ нестройной
Умолкнулъ: все въ ночной тѣни
Объято пѣгою спокойной:
Вдали сверкаетъ горный ключъ,
Сбѣгая съ каменной стремнины:
Одѣлась зеленою тумъ

Кругомъ обведутъ слабый взоръ...

И видятъ ^{неприметно} ~~вдали~~ горы

Надъ ними воздвигнулася громада,

Тутъ же раздвоились видъ туманы

Черной Кокашоты отъ руда:

Колочились конюша! доль мѣльчъ -

Какъ на уфраного требови,

~~Видя ~~вдали~~ туманы~~...

И слышатъ - зареятамъ, вѣдуя

Ею забавившей ноги.

Во, во слышатъ уфрановъ; вѣдуя;

Затуманивъ передъ ними природу.

Прости, евлахивъ свобода!

Оубъ рабъ.

За каждымъ шумомъ

Оубъ у конюшата забора!

Чернѣе въ полѣ, нѣтъ надзора;

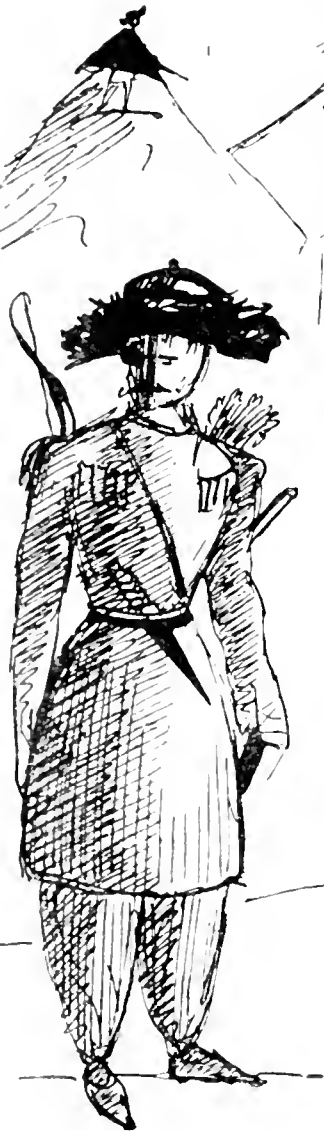
Въ шумовѣ ауетъ въ конюшата.

Передъ ними шумовившей рѣчи

• слышатъ земной шумови;

Мамъ конюшата мѣдушата рѣчи

Огнородившей вѣрившей;

Кавк.
Плебн.
Свобод.

ИЗЪ ЧЕГОДАЕВСКОЙ РУКОПИСИ «КАВКАЗСКАГО ПЛЕБНИКА», ПЬЕСЫ ПРИНАДЛЕЖАЩЕЙ АЛЕКСАНДРОВСКОМУ ДИТЕЛО

По подлинной рукописи воспроизводится здесь впервые.

Кавказа свистя в вершинах...
 Но кто, в сиянии думы,
 Среди глубокой тишины
 Плесть, украдкой ступая?
 Очнулся Руской. Передь нимъ,
 Съ привѣтомъ и вѣжьемъ и вѣмымъ,
 Стоитъ Черкешенка младая.
 На двѣхъ, молча, смотритъ онъ,
 И мыслить: это живой сонъ,
 Усталыхъ чувствъ игра пустая.
 Душою чужь озарена,
 Съ улыбкой жалости отрадной
 Колѣна преклонивъ, она
 Къ его устахъ кумьсь (6) прохладной
 Подноситъ тихой рукой.
 Но онъ забылъ сосудъ небесный:
 Онъ ловить жадною душою
 Приятной рѣчи звукъ волшебный
 И взоры двѣхъ молодой.
 Онъ чуждыхъ словъ не понимаетъ:
 Но взоръ умильный, жаръ зашилъ,
 Но голосъ вѣжливый говоритъ:
 Живи! и вѣжливъ оживаетъ.
 И онъ, собравъ остатокъ силъ,
 Велѣнью милому покорной,
 Привстаетъ, и чашей благотворной
 Томленья жажды утолить.
 Потомъ на камень вновь склонился
 Оягощенною главою;
 Но все къ Черкешенкѣ младой
 Угасшій взоръ его стремился.
 И долго, долго передь нимъ
 Она, задумчива, сидѣла;
 Какъ бы участіемъ вѣмымъ
 Утѣшить вѣжливца хотѣла;
 Уста невольно каждый часъ
 Съ пачатою рѣчью открывались:
 Она вздыхала, и не разъ
 Слезами очи наполнялись.
 За днями дни прошли какъ гѣнь.
 Въ горахъ, окованный, у стада
 Проводить вѣжливъ каждый день.
 Пещеры темная прохлада
 Его скрываетъ въ лѣтній зной;
 Когда же рогъ думы серебрястой
 Блеснетъ за мрачною горой,
 Черкешенка, грозной гѣнстой,
 Приноситъ вѣжливцу вино,
 Кумьсь, и ульевъ совъ душистой.
 И блѣсивѣжливое пишено:
 Съ нимъ тайный ужинъ раздѣляетъ;
 На немъ покоитъ вѣжливъ взоръ:
 Съ пейсной рѣчью сливается
 Очей и звуковъ разговоръ;
 Поетъ ему и вѣсни горь,
 И вѣсни Грузинъ счастливой. (7)
 И памяти истеривѣжливой

Передасть языкѣ чужой.
 Впервые двѣхъ душою
 Она любила, знала счастье;
 Но Руской жизни молодой
 Давно утратила сладострастье:
 Не могъ онъ сердцемъ отвѣчать
 Любви младенческой, открытой—
 Быть можетъ, сонъ любви забытой
 Болѣе онъ воспоминаетъ.

Не вдругъ увиаетъ наша младость,
 Не вдругъ восторгъ и броситъ насъ,
 И неожиданную радость
 Еще обнимемъ мы не разъ;
 Но вы, живая впечатлѣнья,
 Первоначальная любовь,
 О первый пламень упоенья,
 Не прилетаете вы вновь.

Казалось, вѣжливъ безнадежный
 Къ улылой жизни привикалъ,
 Тоску неволы, жаръ мятежный,
 Въ душѣ глубоко онъ скрывалъ.
 Влачась межъ угрюмыхъ скалъ,
 Въ часъ ранней, утренней пролады,
 Вперзалъ онъ неподвижный взоръ
 На отдаленныя громады
 Сѣдыхъ, румяныхъ, синихъ горъ.
 Великолѣпныя картины!
 Престола вѣчные свѣтловъ,
 Очамъ казались нѣхъ вершины
 Недвижной вѣжливю облаковъ,
 И въ нѣхъ кругу колосъ двуглавый,
 Въ вѣжливъ блистая ледяномъ,
 Эльбрусъ огромный, величавый,
 Вѣжливъ на небѣ голубомъ. (8)
 Когда, съ шумомъ сливаясь шумомъ,
 Предтеча бури, громъ гремѣлъ,
 Какъ часто вѣжливъ надъ шумомъ
 Недвижимъ на горѣ сидѣлъ.
 У ногъ его дымились тучи,
 Въ стени взвивался прахъ летучій:
 Уже приюга между скалъ
 Елень испуганный искалъ;
 Орлы съ утесовъ подымались
 И въ небесахъ перекликались;
 Шумъ лабуновъ, мычанье стада
 Ужъ гласомъ бури заглушались...
 И вдругъ на доли дождь и градъ
 Изъ тучъ сквозь молній извергались:
 Волнами роя крутизны,
 Сдвигая камни вѣжливые,
 Текли потоки дождевые—
 А вѣжливъ, съ горной вышины,
 Одинъ, за тучей громовой,
 Возврата солнечнаго ждалъ,
 Недосыгаемый грозою,
 И бури немощному вою
 Съ какой-то радостью внималъ.

Но Европейца все внимающе
Народъ свой чудный привлекалъ.
Межъ Горцевъ цыбниикъ наблюдалъ.
Нухъ въру, нравы, воспитанье,
Любилъ ихъ жизни простоту,
Гостепримство, жажду брани,
Движеній вольныхъ быстроту,
И легкость ногъ, и силу длани:
Смотрѣлъ по цыбамъ оны часамъ,
Какъ иногда Черкесь проворной.

Широкой стенью, по горамъ,
Въ косматой шапкѣ, въ буркѣ черной,
На немъ брания, пища, колчанъ,
Кубанскій лукъ, кинжалъ, арканъ,
И шапка, вѣсная подруга
Его трудовъ, его досуга.
Ничто его не являесть,
Ничто не бражнетъ: пѣшии, конями—
Все тожь же оны, все тожь же вить,
Необходимы, непреклонныи.

ЦЫБНИИКЪ И ЧЕРКЕШЕНКА.

Рисункъ Галиктонова (Сполярная збвннъ 1824).

Гроза безземныхъ казаковъ,
Его богатство — конь ретивый,
Къ лукъ склонясь, на стреленн
Ногою стронной опираясь,
Летать по волю скакуна,
Къ воинъ даранъ пріучаясь,
Онъ добовался красотой
Одежды бранной и престонъ.
Черкесь оружіемъ обвѣщенъ:

Онъ имъ горится, имъ утѣшенъ:
Нитомецъ горскыи табуновъ,
Товарищъ вѣрннн, гериднннн,
Въ пещерѣ въ градѣ слухонъ
Коварннн шннннн съ нимъ лаетъ,
И въручь, внезапной стрѣлой,
Завннн пуннннн, стремннннн:
Въ одно мнновеннн вѣрнннн бонъ
Рѣшннн ударъ его мотуннн.

И странника въ ущелья горъ
Уже влечеть арканъ летучий,
Стремится конь во весь опоръ,
Неподвѣтъ огненной отвѣги:
Все путь ему: болото, боръ,
Кусты, угресы и овраги:
Кровавый сѣдъ за нимъ бѣжитъ,
Въ пустынь топотъ раздается:
Сѣдой потокъ предъ нимъ шумитъ,
Онъ въ глубь кипящую несетъ:
И пушки, брошенные ко дну,
Глохаетъ мутную волну,
Изнемогая, смерти проситъ
И зреть ее передъ собой...
Но мощный конь его—стрѣлою
На беретъ пѣшкетый выноситъ.

Нѣ хвативъ рогатый пень,
Въ рѣку низверженный грозою,
Когда на холмахъ пеленою
Лежитъ бездушная ночь тѣнь,
Черкесъ на корни вѣковые,
На вѣтви вѣшаетъ кругомъ
Свои досѣхи боевые,
Щить, бурку, панцырь и шоломъ,
Колчанъ и лукъ—и въ быстры волны
За нимъ бросается потомъ
Неутомимый и безмолвный,
Глухая ночь. Рѣка реветъ:
Мощной токъ его несетъ
Вдоль береговъ уединенныхъ,
Удѣ на курганахъ возвышенныхъ,
Склонясь на коня, казаки
Углядѣ на темный бѣтъ рѣки —
И мимо ихъ, во мѣлъ чертѣи,
Плыветъ оружіе злодѣи...
О чемъ ты думаешь, казакъ?
Воспоминаешь прежни битвы
На смертномъ полѣ свой бивакъ,
Подковъ хвалебныя молитвы
И родину?... Коварный сонъ!
Простите, вольныя станицы,
И досъ отцовъ, и тихій Донъ,
Война и красныя дѣвицы!
Къ брегамъ причалилъ тайный врагъ,
Стрѣла выходитъ изъ колчана—
Взвилась—и падаетъ казакъ
Съ окровавленнаго кургана.

Когда же съ мирною семьей
Черкесъ въ отеческомъ жилищѣ
Сидитъ несчастною дорой,
И тѣлѣтъ угли въ невелищѣ:
И спрянувъ съ вѣрнаго коня,
Въ горахъ пустынныхъ запоздалый,
Къ нему войдетъ пришлецъ усталый
И робко сядетъ у огня:

Тогда хозяйнѣ благосклонной
Съ привѣтомъ, ласково, вѣстаетъ,
И гостю въ чашѣ благовоиной
Чихирь (?) оградный подаетъ,
Подъ влажной буркой, въ сакѣ дышней,
Вкушаетъ пушкикъ миринъ сонъ,
И утромъ оставляетъ онъ
Почета кровь гостеприимной. (12)

Бывало, въ свѣтлый Баиракъ (13)
Сберутся юности толпою:
И ра смѣняется игрою:
То полный разобрать колчанъ,
Они крылатыми стрѣлами
Пронзаютъ въ облакахъ орловъ;
То съ высоты крутыхъ холмовъ
Петеривливыми рядами,
При дашномъ знакѣ, вдаруть падуть,
Какъ лани землю поражаютъ,
Равнину пылью покрываютъ
И съ дружнымъ топомомъ бѣгутъ.
Но скученъ миръ однообразной
Сердцамъ, рожденнымъ для войны,
И часто игры воли праздною
Ирой жестокой смущены,
Нерѣдко шаши грозно блещутъ
Въ бездумной рѣзости пировъ,
И въ прахъ летятъ главы рабовъ,
И въ радости младенцы плещутъ.

Но Руской равнодушно зрѣтъ
Сіи кровавыя забавы,
Любилъ онъ прежде игры славы
И жаждой гибели горѣтъ,
Невольникъ чести безнощадной,
Вблизи видаетъ онъ свой конецъ,
На поединкахъ твердый, лашонъ,
Встрѣчая гибельный свинецъ,
Быть можетъ, въ думу погруженный,
Онъ время то воспоминалъ,
Когда, друзьями окруженный,
Онъ съ ними шумно пировалъ...
Жалѣтъ ли онъ о дняхъ минувшихъ,
О днѣхъ надежду обманувшихъ,
Нѣ, любопытный, созерцать
Суровой простоты забавы,
И дикаго народа нравы
Въ семь вѣрномъ зеркалѣ читать —
Тань въ молчаньи онъ глубоко
Движенія сердца своего,
И на мѣлъ его высоко
Не измѣнилось ничего,
Безнечной смѣлости его
Черкесъ грозные дивилсъ,
Щадили вѣкъ его младой
И топотомъ между собой
Своей добычею гордились.

42
 ...
 ...
 ...
 ...

...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...
 ...

ИЗЪ РУКОПИСИ КАВКАЗСКАГО ПЬЕШНИКА.
 авторъ: ... изъ Румянцевскаго музея. (изображ. А. 210)

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

Ты пухъ узнала, дѣва горь,
 Восторги сердца, жизни сладость;
 Твой огненный невинный взоръ
 Высказывалъ любовь и радость.
 Когда твой другъ во тѣмѣ ночной
 Тебя лобзая шмыгъ лобцанемъ,
 Старая ибгой и желанемъ,
 Ты забывала мѣрь земной,
 Ты говорила: альпинецъ милый,
 Развесели свои унылый,
 Склонись главою ко мнѣ на грудь,
 Свободу, родину забудь,
 Скрываться рада я въ пустынь
 Съ тобою, царь души моей!
 Люби меня: никто донынѣ
 Не цѣловалъ моихъ очей;
 Къ моей постелѣ одинокой
 Черкесь молодой и черноокой
 Не крался въ тиши нѣ ночной:
 Слышу я дѣвою жестокой,
 Неумолимой красотой,
 Я знаю жребіи мнѣ готовій:
 Меня отецъ и братъ суровыи
 Немилому продать хотѣтъ
 Въ чужой ауль цѣною злата;
 Но умолю отца и брата;
 Не то—найду книжалъ или ядъ,
 Непостижимой, чудной силой
 Къ тебѣ я вся привлечена:
 Люблю тебя, невольникъ милон,
 Душа тобой уносна...

Но онъ съ безмолвнымъ сожалѣніемъ
 На дѣву страстную взиралъ,
 И полнынъ тяжкимъ размысленемъ
 Словамъ любви ея внималъ,
 Онъ забывался: въ немъ тѣнились
 Воспоминанья прошлыхъ дней,
 И даже слезы изъ очей
 Однажды градомъ покатилась.
 Лежала въ сердцѣ какъ свинецъ
 Тоска любви безъ упованья,
 Предъ юной дѣвой наконецъ
 Онъ излягъ свои страданья.

«Забудь меня: твоей любви,
 Твоихъ восторговъ я не стою;
 Безцѣнныхъ дней не трать со мною;
 Другаго юношу зови.
 Его любовь тебѣ замѣнить
 Моей души печальный хладъ;
 Онъ будетъ вѣренъ, онъ обѣнитъ
 Твою красу, твой милый взглядъ,
 И жаръ младенческихъ лобзаній,
 И ибжность пламенныхъ рѣчей:
 Безъ уносна, безъ желаній
 Я вижу жертвою страстей.

Ты видишь слѣды любви несчастной,
 Душевной бури слѣды ужасной:
 Оставь меня: по пожалѣи
 О скорбной участи моей!
 Несчастный другъ, забывъ не преле
 Являлся ты мнѣ очамъ,
 Въ тѣ дни, какъ вѣрилъ я надеждѣ
 И умоительнымъ мечтамъ!
 Но поздно: умерь я для счастья,
 Надежды призракъ улетѣлъ;
 Твой другъ отвыкъ отъ сладострастья,
 Для ибжныхъ чувствъ окаменѣлъ...

«Какъ тяжело мертвыми устами
 Живымъ лобзаньямъ отвѣчать,
 И очи полныя слезами
 Улыбкой хладною встрѣчать!
 Измучась ревностью напрасной,
 Услѣвъ безчувственной душой,
 Въ объятіяхъ подруги страстной
 Какъ тяжело мыслить одругой!...

«Когда такъ медленно, такъ ибжно,
 Ты цѣнь лобзанія мои,
 И для тебя часы любви
 Проходятъ быстро, безмятежно:
 Сидя слезы въ тиши нѣ,
 Тогда, разбѣянный, унылый,
 Передъ собою, какъ во снѣ,
 Я вижу образъ вѣчно милый:
 Его зову, къ нему стремлюсь,
 Молчу, не вижу, не внимаю:
 Тебѣ въ забвеньи предаюсь
 И тайный призракъ обнимаю;
 О немъ въ пустынь слезы лью:
 Повсюду онъ со мною бродитъ
 И мрачную тоску наводитъ
 На душу сирюю мою.

«Оставь же мнѣ мои желѣзы,
 Уединенныя мечты,
 Воспоминанья, грусть и слезы:
 Пухъ раздѣлить не можешь ты,
 Ты сердца слышала признанье:
 Прости... дай руку—на прощанье,
 Нецело женскую любовь
 Печалитъ хладная разлука:
 Пройдетъ любовь, настанетъ скука,
 Красавица полюбитъ вновѣ.»

Раскрывъ уста, безъ слезъ рыдая,
 Сидѣла дѣва молодая:
 Туманный, неподвижный взоръ
 Безмолвный выражалъ укоръ:
 Блѣдна какъ тѣнь, она дрожала:
 Въ рукахъ любовника лежала
 Ея холодная рука;
 И наконецъ любви тоска
 Въ печальной рѣчи излилася.

ЧЕРКЕШКА.

Народна — а риза — А. П. П. Евангелиста.

ГОРНЫЙ АУЛЪ.

Рисунокъ кн. Г. Г. Гагарина.

«Ахъ, Руской, Руской, для чего,
 Не зная сердца твоего,
 Тебѣ навѣкъ я предалася!
 Неюдно на груди твоей
 Въ забвеньи дѣла отыскала:
 Немного растопыльшася почин
 Судьба на долю ей послала!
 Придутъ ли вновь, когда нибудь,
 Уже ль навѣкъ погибла радость?...
 Ты могъ быль, плѣнникъ, обмануть
 Мою неопытную младость,
 Хотя бь плѣ жалости отной,
 Молчаньемъ, ласкою притворной:
 Я удаждала бь жребій твой
 Заботой и вѣжливой и покорной:
 Я стерегла бь минуты сна,
 Покой тоскующаго друга:
 Ты не хотѣлъ... Но кто жь она,
 Твоя прекрасная подруга?
 Ты любишь, Руской? ты любимъ?...
 Понятны мнѣ твои страданья...

Прости жь и ты мой рыданья,
 Не смѣйся горестямъ моимъ.»
 Умолкла, Следы и стѣнания
 Слѣпили бѣдной дѣвы грудь,
 Уста безъ словъ роптали плѣши,
 Безъ чувствъ, обнявъ его колѣни,
 Она едва могладохнуть,
 И плѣнникъ, тихою рукою
 Поднявъ несчастную, сказалъ:
 «Не плачь и я тономъ судьбою,
 И муки сердца незыскаль,
 Штъ, я не зналъ любви взаимной:
 Любилъ отишь, страдалъ отишь,
 И таспу я, какъ пламень дымной,
 Забытый средъ пустынь голыиъ,
 Амру вдали брегѣвъ желанныхъ:
 Мнѣ будетъ гробомъ эта стѣна:
 Здѣсь, на костяхъ моихъ и вѣнанныхъ,
 Заркавишь тыгостная плѣнь!»
 Слѣпила ноци дагмечалася:
 Въ тали прозрачной озвѣчалася

Громады свѣтлосѣжныхъ горъ;
Главу склонивъ, погуня взоръ,
Они въ безмолвнѣ разсташь.

Унылый пльвинокъ съ зѣнцъ поръ
Однѣ окрестъ аула бродить.
Заря на знойный небосклонъ
За днѣи новы дни возводитъ;
За ночью ночь вослѣдь уходитъ;
Вотще свободы жаждеть онъ.
Мелькнетъ ли серна межъ кустами,
Проскачетъ ли во мѣлѣ сангакъ;
Онъ, всыхнувъ, заремить цвѣтамъ,
Онъ жлетъ, не врадется ль казакъ,
Ночной дуловъ разоритель,
Рабовъ отважный избавитель.
Зоветь.., но все кругомъ молчитъ;
Лишь волны плещутся бунуя,
И человека звѣрь почуя
Въ пустыню темную бѣжитъ.

Однажды слышитъ Руской пльвинокъ,

Въ горахъ раздался кликъ военный:
«Въ табуны! въ табуны!» Бѣгутъ,
шумять,

Уздечки мѣшья гремятъ,
Червивогъ бурки, блещуть брони,
Кипятъ обѣданные кони,
Къ набѣгу весь аулъ готовъ,
И дикіе витомцы брани
Рѣкою хлынули съ холмовъ,
И скачутъ по брегамъ Кубани
Сбирать насильственные дани.

Утихъ аулъ; на солнцѣ свѣтъ
У саклей псы сторожевые,
Младенцы смуглые, пѣгѣ
Въ свободной рѣзости шумятъ;
Нухъ правды въ кругу сидятъ;
Нухъ трубокъ дымъ вѣсь сплѣтеть.
Они безмолвно юныхъ дѣвъ
Знакомый слушають призывъ,
И старцевъ сердце молодѣть.

ЧЕРКЕСКАЯ ПЬСНЯ.

1.

Въ рѣкѣ бѣжитъ гремучій валъ;
Въ горахъ безмолвнѣ ночное;
Казакъ усталый задремалъ,
Склонясь на коніе стальное.
Не спи, казакъ; во тѣмъ пчонной
Чеченець ходитъ за рѣкой.

2.

Казакъ плыветъ на челнокѣ,
Влача по дну рѣчному сѣти.
Казакъ, утопещь ты въ рѣкѣ,
Какъ топуть маленькія дѣти,
Купаясь жаркою порою;
Чеченець ходитъ за рѣкой.

3.

На берегу завѣтныхъ воль
Цвѣтутъ богатія станицы;
Веселый пляшетъ хороводъ.
Бѣгите, Рускія цвѣтцы:
Сѣвшите, красныя, домой;
Чеченець ходитъ за рѣкой.

Такъ цвѣли дѣвы. Сѣвъ на брегѣ,
Мечтаетъ Руской о побѣдѣ;
Но цвѣтъ невольника тяжка,
Быстра глубокая рѣка...
Межъ тѣмъ, померкнувъ, стень уснула,
Вершины скалъ омрачены.
Но бѣлымъ хижинамъ аула
Мелькаетъ блѣдный свѣтъ луны:
Есени дремлютъ пѣть водами,
Умолкнулъ поздній крикъ орловъ.
И глухо вторится горами
Далекій топотъ табуновъ.

Тогда кого-то слышно стало,
Мелькнуло тѣвы покрывало.

И воль—печальна и блѣдна
Къ нему приближилась она.
Уста прекрасной шугъ рѣчи,
Глаза исполнены тоской,
И черной падаютъ волной
Ея власы на грудь и плечи.
Въ одной рукѣ блестятъ шила,
Въ другой книжаль ея будатный;
Казалось, будто два шила
На тайный бой, на подвигъ ратный.

На пльвиника возвелни взоръ,
«Бѣги, сказала дѣва горъ:
Игдѣ Черкесъ тебя не встрѣтитъ.
Сѣвшин, не трать ночныхъ часовъ:

НАБЫГЪ.

Рассказъ кн. Г. Г. Гагарина.

Возми князька: твоихъ слѣтовъ
Никто во мракѣ не замѣтитъ.»
Иду прожащейъ взявъ руки,
Къ его ногамъ она склонилася:
Визжитъ жельзо нощъ нилою,
Слеза невольная сватилася
И дѣвъ распалась и тремить,
«Ты воленъ, тѣва говорить,
Бѣги!» Но владѣть ся будущи
Любви порывъ изобразить,
Она страдала, вѣстеръ шумныи,
Свистя, покровъ ея клубить,
«О другъ мой! Рускои возонить,
И твой павѣкъ, и твой до гроба,
Ужасныи край оставимъ оба,
Бѣги со мною!» — Шѣтъ, Рускои, нѣтъ!
Она печедла, жизни слатости:
И дала все, и дала радость,
И все прошло, пропала и слѣтъ.

Возможно ли? ты любилъ труду!
Пайди се, люби се:
О чемъ же я еще тоскую?
О чемъ, уныніе мое?..
Прости! любви блаословеня
Съ тобою буду въ каковыи часть,
Прости! забудь мои мученя,
Данъ руку мѣл... въ послѣдній разъ.
Къ Черкешенкѣ простеръ оныи руки,
Воскреснимъ сердцемъ въ ней дѣтъ,
И толпѣи пошѣданъ раздуки
Совѣтъ любви дзичагавѣтъ,
Рука съ рукою, унынья полна,
Сопли ко брегѣ въ тиницѣ
И Рускои въ шумной слубицѣ
Уже плаветъ, и пѣвнѣи волна,
Уже противнѣи скаль тоститъ,
Уже хвѣстаетъ за пѣвнѣи,
Врѣтъ волна душо дашумѣи.

И слышен отдаленный стон...
 На дикой брегъ выходить онъ,
 Глядя въ западъ... брѣга ясны
 И виденныя бывши:
 Но нѣтъ Черкешенки молодой
 Ни у бреговъ, ни подъ горой...
 Все мертво... на брегахъ уснувшихъ
 Лишь вѣтра слышенъ легкий звукъ,
 И при дунѣ въ водахъ плеснувшихъ
 Струнный печезаетъ кругъ.
 Все поваль онь, Прощальнымъ взоромъ
 Облещаетъ онъ въ послѣдній разъ
 Пустой аулъ съ его заборомъ,

Поля, гдѣ пливный стадо пасъ,
 Стремнины, гдѣ влачили озовы,
 Ручей, гдѣ въ полдень отдыхалъ,
 Когда въ горахъ Черкесъ суровый
 Свободы пѣсню запѣвалъ.

Рѣдвалъ на небѣ мракъ глубокой,
 Ложила дѣнь на темный долъ,
 Взошла заря, Тройой далѣкой
 Освобожденный пливный шѣлъ,
 И перель нимъ уже въ туманяхъ
 Сверкали Русскіе штыки,
 И окликались на курганахъ
 Сторожевые казаки.

*— tu tre, solo allora stette il destino
 che — — — — — della nostra a — — — — —*

Изъ итальян. перевода «Кавказскаго пленника» Roschignini (Неаполь 1834).

(Иркутская коллекція П. Е. Рейнбота).

ЭПИЛОГЪ.

Такая муза, легкой другъ мечты,
 Къ предѣламъ Азии летала
 И для вѣка себѣ срывала
 Кавказа дикіе цвѣты.
 Ее пѣвилья паряль суровой
 Племень, возросшій на войнѣ,
 И часто въ сей одеждѣ новой
 Волшебница являлась мнѣ:
 Вокругъ ауловъ оцѣвѣлыхъ
 Она бродила по скаламъ
 И къ пѣснямъ дѣвъ оспротѣлыхъ.
 Она прислушивалась тамъ:
 Любила бранныя станицы,
 Тревоги смѣлыхъ казаковъ,
 Курганы, тихія гробницы,

Кн. Н. Д. ТИЦАНОВЪ.

И шумъ, и разныя табуновъ,
 Божія пѣснь и разсказа,
 Воспоминанія полна,
 Быть можетъ, повторить она
 Преданья грознаго Кавказа:
 Расскажетъ повесть тальниухъ странъ,
 Метислава (12) древній посланокъ,
 Пѣвилья, гибель Россіи въ
 На долѣ метисельныхъ Грузинокъ:
 И востною тотъ славный часъ,
 Когда, почуя бой кровавыи,

На погодующей Кавказъ
 Подъялся нашъ орелъ двуглавый:
 Когда на Терекъ съдомъ
 Впервые грянулъ битвы громъ
 И грохотъ Рускихъ барабановъ,
 И въ свѣтъ съ дерзостнымъ челомъ.
 Явился шалкинъ Циціановъ.
 Тебѣ я воспую, герой,
 О Котляревскій, бичъ Кавказа!
 Куда ни мчался ты грозой—
 Твой ходъ, какъ черная зараза,
 Губилъ, уничтожилъ племена...
 Ты здесь покинулъ саблю мести,
 Тебя не радуеть война:
 Скучая миромъ, въ язвахъ мести.

ГЕНЕРАЛЬ Н. С. КОТЛЯРЕВСКІЙ.

Вкушаешь праздный ты покой
 И тишину домашнихъ доловъ...
 Но се—востокъ подъемлетъ вой!...
 Пошкни спѣжкою главой,
 Смирись, Кавказъ: иди въ Ермоловъ!
 И смолкнулъ ярый крикъ войны:
 Все Рускому мечу подвластно.
 Кавказа гордые сыны,
 Сражались, гибли вы ужасно:
 Но не спасла васъ наша кровь,
 Ни очарованныя брони,
 Ни горы, ни дикіе кони,
 Ни дикой вольности любовь!
 Подобно племени Батвы.

А. П. ЕРМОЛОВЪ.

Съ портрета Дюу въ Зимель-шворць.

Извѣститъ правдѣмъ Кавказъ,
Забудеть алчной брани гласъ.
Оставить стрѣлы боевыя,
Къ ущельямъ, гдѣ гнѣздились вы.
Погублетъ пушникъ безъ боязни,
И возвѣститъ о вѣснѣ казни
Преданья темныя молвы.

ПРИМѢЧАНІЯ ПУШКИНА КЪ «КАВКАЗСКОМУ ПЕВЕННИКУ».

(1.) Бештау, или, правильнѣе, Бештау, Кавказская гора въ 40 верстахъ отъ Георгіевска. Певенства въ нашей исторіи.

(2.) Ауль. Такъ называются деревни Кавказскихъ народовъ.

(3.) Узгенъ, начальникъ или князь.

(4.) Пашка, Черкесская сабаля.

(5.) Сакля, мѣшина.

(6.) Кумысъ дѣлается изъ кобыляго молока: напитокъ сей въ большомъ употребленіи между всеми Горскими и кочующими народами Азии. Онъ довольно приятенъ вкусу и почитается весьма здоровымъ.

(7.) Счастливыи климатъ Грузіи не вознаграждаетъ сей прекрасной страны за все бѣдствіа, вѣчно ею претерпѣваемыя. Шени Грузинскія пріятны и по большей части заунывыны. Онѣ славятъ минутные успѣхи Кавказскаго оружія, смерть нашихъ героев: Бакунина и Цицианова—измѣны, убійства, иногда любовь и наслажденія.

(8.) Державинъ, въ превосходной своей одѣ графу Зубову, первый изобразилъ въ слѣдующихъ строфахъ дикія картины Кавказа:

О юный вождь, сверши походы,
Прощель ты съ воинствомъ Кавказъ,
Зрѣль ужасы, крася природы:
Какъ съ ребрь тамъ страшныхъ горъ дѣся,
Ревуть въ мракъ безднъ сердиты рѣки;
Какъ съ чель ихъ съ грохотомъ снѣга
Падуть, лежавши цѣны вѣки;
Какъ серны, внивъ склонивъ рога,
Зрять въ мѣлѣ спокойно подь собою
Рожденне молній и громовъ.

Ты зрѣлъ, какъ ясною порою
Тамъ солнечны лучи, средь льдовъ,
Средь воль, шрап, отражася,
Великолѣпный кажутъ видъ;
Какъ, въ разноцвѣтныхъ разбѣвалъ
Тамъ брызгахъ, тонкии дождь горитъ;
Какъ глыба тамъ сизонитарна,
Навѣселъ, смотритъ въ темныи боры;
А тамъ зари златобаряна
Сквозь дѣсь увеселитъ взоръ.

Жуковский, въ своемъ посланіи къ-ну Воейкову, также посвящаетъ нѣсколько предестныхъ стиховъ описанію Кавказа:

Ты зрѣлъ, какъ Терекъ въ быстромъ бѣгѣ
Межъ виноградниковъ шумѣлъ,
Гдѣ, часто притаивъ на брегѣ,
Чеченецъ или Черкесъ сидѣлъ,
Подъ буркой, съ тибельнымъ арканомъ;
И владѣвъ передь тобой,
Одѣвъ голубымъ думаномъ,
Гора вздымалася надъ горой,
И въ сонѣ ихъ гигантъ сѣдой,
Какъ туча, Эльбурусъ двуглавой,
Ужасною и величавой
Тамъ все бнстаетъ красотой:

Утесовъ минетъя громады,
Бѣгущи съ ревомъ топорады
Во мракъ пучинъ съ гранитныхъ скалъ;
Дѣва, которыхъ сна отъ вѣка
Ни стукъ сѣкирь, ни человѣка
Веселнй гласъ не возмущалъ,
Въ которыхъ сумрачныи сѣни
Еще лучъ шевельи не проникъ,
Гдѣ изрѣдка одинъ елени,
Орла послышавъ грозныи крикъ,
Тѣсенъ въ толну, шумятъ вѣтвями,
И копы легкими ногами
Перебѣгаютъ по скаламъ
Тамъ все видается очамъ
Великолѣпне творенья!
Но тамъ, средь уединенья
Долинъ, талыхъ въ горахъ,
Гидзидатъ и Балкаръ, и Бахъ,
И Абазехъ, и Каменуецъ,
И Корбулакъ, и Албаниецъ,
И Чечереецъ, и Шансукъ,
Ищаль, колычуга, сабля, дукъ,
И конь, соратникъ быстроногій—
Ихъ и сокровища и боги;
Какъ серны скачуть по горахъ,
Бросаютъ смерть изъ за утеса;
Или по тонкимъ берегамъ,
Въ травѣ высокой въ чащѣ дѣса
Раздѣлавшись, добныи ждутъ;
Скалы свободы ихъ пріютъ,
По дни въ аздахъ ихъ бредуть
На ковыляхъ угрюмой дѣви:
Тамъ жизнь ихъ—союзъ стѣсенъ въ кружокъ,
И въ братскій съ табакомъ горшокъ
Воинскии зубуки, какъ тѣни
Въ дыму клубящемся сидятъ
И объ убійствахъ говорятъ;
Налъ хвалить мѣткіи ищали,
Налъ коньхъ дѣды ихъ стрѣляли;
Налъ сабли на кремняхъ острять,
Готовель на убійства новы.

9. Чихирь, красное Грузинское вино.

10. Черкесы, какъ и все дикіе народы, отличаются предъ нами гостепримствомъ. Гость становится для нихъ священною особою. Предать его или не защищать, почитается межъ ними за величайшее бездѣіе. Кунакъ, т. е. пріятель, знакомецъ отвѣчаетъ жизнью за вашу безопасность, и съ нимъ вы можете удлубиться въ самую средину Кабардинскихъ горъ.

11. Баграиъ или Баирамъ, праздникъ розовыиъ. Рамазанъ, Мушльманскій постъ.

12. Метиславъ, сынъ св. Владиміра, прозванный Удалымъ, удѣльный князь Тмутаракана остр. Тамань. Онъ воевалъ съ Косогами по всей ивродности, выигравши Черкесами и въ сннборствѣ отодѣль князя ихъ Ретедо. Ист. Гос. Росс. Томъ II.

КАВКАЗСКИЕ ПЬЯНИЦЫ ВЪ ЛЮБОЧНЫХЪ КАРТИНАХЪ.

Изъ Пушкинской галереи Академии Наукъ. Число любителей картинъ на свете велико. Какого только Пьяницы не есть много, даже и на самой чистой картине, представляющей сцену сего

258. ПРИМИТЕ ПОВЮ ТЕТРАДЬ.

(Можетъ быть приписка къ «Кав. Цыганку»)

Примите новую тетрадь,
Вы, юности и вы дѣвицы:
Не веселѣ ль вамъ читать
Первой Музы побылицы
Чемъ индѣйскими похвалъ
Высокопарныя страницы,
Пль усмиренный журналъ
Который вѣкъ не зная цѣли
Усердно такъ тяжелъ и грубъ
И ровно кажды двѣ недели
Быть хочеть золь и только глумъ?

259. О ВЫ, КОТОРЫЕ ЛЮБИЛИ.

О вы, которые любили
Парнаса тайныя [мечты]
И (Музы вѣрной) цѣлы
Вниманьемъ сладкимъ наградили
Свясте трудъ небрежный мой

Отъ рукъ невѣжества сѣнова,
Отъ взоровъ зависти косой
Картинъ, (вымысловъ), рассказы
Для васъ я вновь перебралъ...
Смѣшное съ важнымъ сочеталъ
И бѣшеной любви проказы—
Въ Архивахъ ада отыскалъ...

260. Я ПЕРЕЖИЛЪ СВОИ ЖЕЛАНЬЯ.

Я пережилъ свои желанья,
Я разлюбилъ свои мечты;
Остался мнѣ одинъ страдающъ,
Плады сердечной пустоты.

Подъ бурями судьбы жестокой
Увишь цѣлующей мой вѣнецъ:
Жизнь печальней, одинокой,
И жду: придетъ ли мой конецъ?

Такъ поднимъ хладомъ пораженной,
Какъ бури слышенъ зимній свистъ,
Одинъ на вѣткѣ обнаженной
Трепещеть запоздалый листъ.

Одинъ на вѣткѣ обнаженной
Трепещеть запоздалый листъ.

Рис. П. Левитая.

АГЛАЯ АНТОНОВНА ДАВИДОВА.

261. КОКЕТЬ КЪ АГЛАЕ.

И вы повѣрить мнѣ могли,
 Какъ прямодушная Агнеса?
 Въ какомъ романѣ вы нашли
 Чтобъ умерь отъ любви повеся?
 Послушайте: вамъ 30 лѣтъ,
 Да 30 лѣтъ—не множимъ болѣ—
 Мнѣ да 20; я видѣлъ свѣтъ,
 Кружился долго въ пемь на волѣ;
 Ужъ клятва, слезы мнѣ смѣшны;
 Прокляты угомонъ усѣбны;
 Вамъ вѣрно съ вашей стороны
 Намѣны также надобны —
 Остепенись мы охладѣли,
 Не къ стати намъ учиться вновь.
 Мы знаемъ: вѣчная любовь,
 Живеть съ вами три недѣли,
 Сначала были мы друзья
 Но скука, случай, мужъ ревнивый...
 Бездумнымъ притворился я
 Вы притворились стыдливой.
 Мы поклялись... потомъ... увѣ,
 Потомъ забыли клятву нашу:

Себѣ Гусара взяли вы,
 А я наперсницу Наташу —
 Мы разошлись. До зимы поръ
 Все хорошо, благопристойно,
 Могли бъ мы жить безъ лишннхъ ссоръ
 Опять и дружно и спокойно;
 (Но вѣтъ! сегодня поутру
 Вы вдругъ въ трагическомъ жару
 Сбѣую воскресили древность:
 Вы проповѣдуете вновь
 Повойныхъ рыцарей любовь,
 Учтивый жаръ, и грусть, и ревность...
 Помидуйте! вѣтъ, право вѣтъ.
 Я не пишу, хоть и поэтъ —)
 Оставимъ юный пылъ страстей,
 Когда мы клонимся къ дакату,
 Вы старшей дочери своей,
 Я своему меньшому брату,
 Намъ можно съ жизнью владѣть
 И слезы ввердь себѣ готовить;
 Еще пристало намъ любить,
 А намъ уже пора злословить.

262. КЪ ДЕЛЪВИГЪ.

Другъ Дельвигъ, мой парнасскій братъ!
 Твоей я прозой былъ удивленъ:
 Но признаюсь, баронъ, я трѣпещу:
 Стихамъ я больше былъ бы радъ...
 Ты знаешь: я въ минувши годы
 У береговъ каспальскихъ воевъ,
 Любилъ мартъ поэмы, оды:
 Ревнивый дрѣлъ меня народъ
 На кукольномъ театрѣ моды:
 Поклонникъ правды и свободы,
 Бывало, что ни напишу,
 Все для цѣнъ не Русью пахнетъ:
 О чемъ цензуру ни прошу,
 Ото всего Тимковскій ахнетъ.
 Теперь я право, чужъ дышу,
 Отъ воздержанья муза чахнетъ,
 И рѣдко, рѣдко съ ней трѣпшу.
 Къ молвъ болливой я хладѣю
 И изъ учтивости одной
 Донынѣ воломусь за нею,
 Какъ мужъ лѣнивый за женой.
 Паскутъ музъ безплодной службой,
 Другой богицей, тихой дружбой
 Я славы замѣнилъ кумиръ.
 Но все люблю, мои поэты,
 Фантази волшебный мѣръ,
 И чуждымъ пламенемъ согрѣтый,
 Внимаю звуку вашихъ лиръ...
 Такъ точно, позабывъ сегодня,
 Проказы, игры прежнихъ дней,
 Глядитъ съ лежанки ваиа сводня
 На шанинъ молодыхъ б...

263. КЪ ГИБДИЧУ.

Въ странѣ, гдѣ Юліей вѣнчанъ
 И хирямъ Августомъ вѣнчанъ
 Овидій мрачны дни влачилъ:
 Гдѣ элегическую лиру
 Глухому своему кумиру
 Онъ малолушно посвятилъ:
 Далече сѣверной столицы
 Забылъ я вѣчный вѣгъ туманъ,
 И вольной гласъ моей цѣвницы
 Тревожить сонныхъ Молдаванъ.

Все толь-же я какъ былъ и прежде,
 Съ поклономъ не хожу къ невѣждѣ,
 Съ Орловымъ спорю, мало шью,
 Октавию—въ слѣпной надеждѣ—
 Модебиновъ дести не пою
 И дружбѣ дѣткия посланья
 Пишу безъ строгаго старанья
 Ты, коему судьба жала
 И смѣлый умъ и духъ высокой,
 И важнымъ пѣснямъ обрекла,
 Отрадѣ жизни одинокой;
 О ты который воскресилъ
 Ахилла призракъ величавый,
 Гомера Музу намъ явилъ
 И смѣлую цѣвницу славы
 Отъ звонкихъ узъ освободилъ
 Твоей гласъ достигъ удивенья
 Гдѣ я сокрылся отъ гоненья
 Ханы и гордаго глумца—
 И вновь онъ оживилъ пѣвца.
 Какъ сладкій голосъ вдохновенья
 Избранникъ Феба! твой привѣтъ,
 Твои хвалы мнѣ драгоценны;
 Для Музъ и дружбы живи поэтъ.
 Его враги ему презрѣнны—
 Онъ Музу битвой площадной
 Не унижаетъ предъ народомъ:
 И поучительной дозой
 Зонай хлещетъ—мимоходомъ—

264. КАТЕНИНУ.

Кто мнѣ пришлетъ ся портретъ,
 Черты волшебницы прекрасной?
 Талантовъ обожатель страстной,
 Я прежде былъ ей поэтъ.
 Съ досады, можетъ быть, неправой,
 Когда одна въ дыму гасилъ
 Красавица блистала славой,
 Я свѣтомъ тѣмны заглушилъ.
 Погибни любви мнѣ единой,
 Погибни лиры ложный звукъ:
 Она виновна, милая другъ,
 Предъ Селлменой и Мойной.
 Такъ легкомысленной душой,
 О боги, смертный васъ поноситъ;
 Но векорѣ трепетной рукой
 Вамъ жертвы новья приносятъ.

ДЕКАБРИСТЪ В. Л. ДАВЫДОВЪ (въ старости).

265. ВАС. ЛЬВ. ДАВЫДОВУ

Межь тѣмъ, какъ Генераль Орловъ
Обрѣтый рекрутъ Гименей,
Священной страстью пламенѣя,
Подъ мѣру подойти готовъ:—
Межь тѣмъ какъ ты, проказникъ умной,
Проводишь ночь въ бесѣдѣ шумной,
За ужинкомъ съ бутылками Ан
Сидятъ Раевскіе мои
Когда ведѣ весна младая
Съ улыбкой разгустила грязь
И съ горя на брегахъ Дуная
Бундуешь нашъ безрукой князь...
Тебя, Раевскихъ и Орлова
И память Каменки любя,
Хочу сказать тебѣ два слова
Про Кишиневъ и про себя...
На этихъ дняхъ тиражъ собора
Митрополитъ, сѣдой обжора,
Передъ обѣдомъ невзначай:
Велѣлъ жить долго всей Россіи...

Пошелъ христосоваться въ рай,
Я сталъ умнѣе, и лицемѣрю—
Пощусь, молюсь и твердо вѣрю
Что Богъ проститъ мой грѣхъ
Какъ Государь мой стихъ.

Госветъ Низовъ и памѣтчи—
Я промѣнялъ (Вольтера) бретни
И лиру, грѣшный даръ судьбы,
На часословъ и на обѣднъ,
Да на сухеньые урибы,
Однакожь тордый мой разумокъ
[Меня порядочно] бранитъ,
А мой ненабожный желудокъ
При... вовсе не варитъ.

...хоть напримѣръ Лафитъ
Нѣтъ Кло-девужо тогда ни слова:
А то подумать такъ смѣшно
Съ водои молдавское вино,
Но я молось и воздыхаю,
Крѣщусь, не внемля саганб...
А все невольно вспоминая,
Давыдовъ, о твоёмъ винѣ...
Вотъ эвхаристія (другая)
Когда и ты и милый братъ,
Передъ каминемъ пѣтвая
Демократическій салатъ —
Спасенья чащу наполняли
Безценной, мѣрзлой струей
И за здоровье тѣхъ и той
До дна, до капли выпивали!...

Но ты въ Цезарѣ шалеть,
 А ты едва ли тамъ воскресеть;
 Народы тишины хотятъ,
 И долго ихъ яреть не треснетъ.
 Ужели надежды дуть изчезъ?
 Но, шибть!—мы щастьемъ насладимся,
 Кровавой чаше причастимся
 И я скажу: Христось воскресъ.

266. Ч А А Д А Е В У.

Въ странѣ, гдѣ я забылъ тревоги прежнихъ лѣтъ,
 Гдѣ прахъ Овидіевъ пустынный мой сосѣтъ,
 Гдѣ слава для меня предметъ заботы малой,
 Тебя недостаетъ душѣ моей усталой,
 Врагу събѣсительныхъ условий и оковъ,
 Нетрудно было мнѣ отвыкнуть отъ шировъ,
 Гдѣ предный умъ блеснулъ, тогда, какъ сердце дремлетъ,
 И правду пылкую приличій хладъ обемлетъ.
 Оставя шумный кругъ безумцевъ молодыхъ,
 Въ изгнаніи моемъ я не жалѣю о нихъ;
 Вдохнувъ, оставилъ я другія заблужденія,
 Враговъ моихъ предать проклятію забвенія.
 И, сѣти разорвавъ, гдѣ бился я въ пльну,
 Для сердца новую ищу тишину,
 Въ уединеніи мой своеобразный гений
 Позвалъ и тихій грудь и жажду размышленій.
 Владѣю днемъ моимъ съ порядкомъ друзей умъ;
 Умчу удерживать вниманье долгихъ думъ;
 Нищу вознаградить въ обвѣтахъ свободы
 Матерной младостью утраченные годы
 И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ паравѣ.
 Боги мира, вновь явился музы мнѣ
 И независимымъ досугамъ улыбулись;
 Цвѣтница броненной уста мои коснулись:
 Старинный звукъ меня обрадовалъ; и вновь
 Пою мои мечты, природу и любовь,
 И дружбу вѣрную, и милые предметы,
 Шлывавшіе меня въ младенческія лѣты.
 Въ тѣ дни, когда, еще незнаемый никѣмъ,
 Не зная ни заботъ, ни цѣли, ни системъ,
 Я пѣшемъ оглашалъ пріютъ забавъ и лѣтъ
 И Нарскосельскія хранительница свѣтъ.
 Но дружбы пѣть со мной: печальный, вижу я
 Дазурь чужихъ небесъ, полдневные края;
 Ни музы, ни труды, ни радости досуга,
 Ничто не замѣнитъ существеннаго друга.
 Ты былъ цѣлителемъ моихъ душевныхъ силъ;
 О неизмѣнный другъ, тебѣ я посвятилъ
 И краткій вѣкъ, уже испытанный судьбою,
 И чувства, можетъ быть, спасенныя тобою!
 Ты сердце звалъ мое во цвѣтѣ юныхъ дней:
 Ты видѣлъ, какъ потомъ въ волненіи страстей
 Я тайно пзывалъ, страдалецъ утомленной;
 Въ минуту гибели пать бездной потаенной
 Ты подержалъ меня недремлющей рукой:

Ты другу замѣнилъ надежду и покой;
 Во глубину души вникая строишь взоромъ,
 Ты оживляешь ее совѣтомъ изъ укоромъ;
 Твоей жаръ воспламенялъ къ высокому любви;
 Терпѣнье смѣлое во мнѣ рождалось вновь;
 Ужь голосъ клеветы не могъ меня обидѣть;
 Умѣлъ я презирать, умѣя ненавидѣть,
 Что нужно было мнѣ въ торжественномъ сужь
 Холода знаньяго, невѣжды при звѣздѣхъ,
 Или философа, который въ прежнихъ дѣлахъ
 Разбитомъ изумилъ четыре части свѣта,
 Но просвѣтивъ себя заглядывъ свой позоръ,
 Отвыкнувъ отъ вина и ставъ картежный воръ;
 Ораторъ Лужниковъ шикомъ не замѣчаемъ.
 Мнѣ мало досаждалъ своимъ осиплымъ лаемъ.
 Мнѣ ль было сѣтовать о толкахъ шалуновъ,
 О лезетанахъ дамъ, воязовъ и слупцовъ,
 И силѣеи разбирать итривую затѣю,
 Когда торжиться могъ я дружбою твоею?
 Благодарю боговъ: прошелъ я мрачный путь;
 Печали раненя мое гленили грудь;
 Къ печалямъ я привыкъ, расцѣлся я съ судьбою,
 И жизнь перенесу стоической душою,
 Одно желанье: останется ты со мной!
 Небось я не томилъ молитвою другой,
 О, скоро ли, мой другъ, настанеть срокъ разлуки?
 Когда соетнимъ слова любви и руки?
 Когда услышу я сердечный твой привѣтъ?
 Какъ обниму тебя! Увижу кабинетъ,
 Гдѣ ты всегда мудрецъ, а иногда мечтатель,
 И вѣтренной толпы безстрастный наблюдатель;
 Приду, приду я вновь, мой милый домосѣдъ,
 Съ тобою вспоминать бесѣды прежнихъ дѣтъ,
 Маленькіе вечера, пророческіе споры,
 Знакомыхъ мертвецовъ живые разговоры;
 Носпоримъ, перечесть, носунимъ, поборанимъ,
 Вольнолюбивая надежда оживимъ,
 И счастливы буду я; но только, ради Бога,
 Гони ты Шенкина отъ нашего порога.

267. КЪ МОЕЙ ЧЕРНИЛЬНИЦЪ.

Подруга думы праздной,
Чернильница моя;
Мой вѣкъ радиообразной
Тобой украсилъ я —
Какъ часто другъ веселая
Съ тобою забывалъ
Условный часъ поумѣнья
И праздничный бокаль;
Подъ сѣнью хаты скромной,
Въ часы печали томной,
Была ты предо мной
Съ лампадой и мечтой.
Въ минуты вдохновенья
Къ тебѣ я прибѣгалъ
И Муду призывалъ
На ширь воображенья.
Прозрачной, легкой дымъ
Послея надъ тобою,
И съ трепетомъ живымъ
Въ немъ быстрой чередою

Сокровища мои
На дѣв твоёмъ таятъ
Тебя я посвятилъ
Занятіямъ досуга
И съ дѣвкою примирилъ
Она твоя подруга
Съ тобою усѣбъ узналъ
Опшелникъ неизвѣстной...
Завѣтной твоей кристалъ
Хранилъ огонь небесный;
И подъ вечеръ когда
Перо по книжкѣ бродить
Безъ всякаго труда
Оно въ тебѣ находилъ
Концы моихъ стиховъ
И вѣрность выраженья
То звуковъ или словъ
Нежданное стеченье,
То вѣдой шутки соль
То (правды?) слогъ суровой,
То странность рифмы новой
Песляханной дотоль.
(Любовница свободы
Ты съ нею заодно
Проклала вино
И прелесть природы
Ты смѣху обрекла
Пустыхъ любимцевъ моды
И рѣчи и дѣла)
Съ глумцовъ сорвавъ одежду
Я весело клеймилъ
Зонга и невѣжду

Пятиномъ твоимъ чернилъ...
Но пухъ не разводилъ
Ни гайной злости пѣвни
Ни ядомъ клеветы
И сердца простоты
Ни дестью ни пльвиной
Не замарала ты.
Но здѣсь — на долѣ дѣви
Я слышу пѣжны пѣви
Заботливыхъ друзей...
Ужели пухъ забуду,
Друзей души моеи,
И имъ невѣренъ буду
Оставь, оставь порою
Привычная заѣба,
И дактиль и хоренъ,
Для прозы почтовой.
Минуты холодной скуки
Сердечной пустоты,
Уныніе разлуки
Всѣданныя мечты
Мои надежды, чувства
Безъ дести, безъ искусства
Бумагъ передай...
Болтливостью небрежной
И вѣрной, и пѣвной
Пухъ сердце утѣшай...
Безмечный снѣгъ природы,
Пока златые годы
Въ забвенья трачу я;
Со мною неразлучно
Живи благополучно,
Наперсница моя —
Когда же берегъ ада
Навѣкъ меня возьметъ,
Когда со мной заснетъ
Перо, моя отрада
И ты, въ углу пустомъ
Осиротѣвъ, остынешь
И навсегда покинешь
Поэта тихій домъ...
Чудаевъ другъ мой милой
Тебя возьметъ унылой;
Последній будь привѣтъ
Любимцу прежнихъ лѣтъ —
Изохшая, цустанъ,
Межъ двухъ его картинъ
Останься вѣкъ пѣвая,
Укрась его каминъ —
Взыскательнаго свѣта
Очей не привлекай
Но вѣрнаго поэта
Друзьямъ напоминай.

*Сънъ изъ коловокъ Пушкинской тетради № 2365, повидимому еврейски.
Воспроизводится впервые.*

268. ХРИСТОСЬ ВОСКРЕСЬ.

(Еврейск.).

Христось воскресь, мой Ревекка!
Сегодня слѣдую душой
Закоу Бога-человѣка,
Съ тобой цалуюсь, Ангель мой,
А завтра къ вѣрѣ Моисей

За поцалуй я не робѣя
Готовъ Еврейка приступить —
И даже то тебѣ вручить,
Чемъ можно вѣрнаго Еврея
Отъ православныхъ отличить.

269. ПАНЕРСИЦА ВОЛНЕБНОЙ СТАРИНЫ.

Панаерсица волшебной стариньы,
Другъ вымысловъ шривыхъ и печальныхъ
Тебя я знать во дни моей весны,
Во дни утѣхъ и снова первоначальныхъ!
Я ждалъ тебя, Въ вечерней тишинѣ
Являлась ты веселою старинькой,
И пачо мной сидѣла въ шумѣхъ,
Въ большихъ очкахъ и съ рѣзвою тремухонъ.
Ты, тѣскую качая колыбель,
Мои юный слухъ пачивама пѣвила,
И межъ пеленъ оставила свирѣль,
Которую сама заворожила!
Младенчество прошло, какъ легкий сонъ:
Ты отрока безвечнаго любила
Средь важныхъ Музь тебя лишь помнилъ онъ,
И ты его тихошко поспѣвала,
Но тотъ ли былъ твой образъ, твой уборъ?
Какъ мило ты, какъ быстро измѣнилась!
Какимъ огнемъ улыбка оживилась!
Какимъ огнемъ беснуль привѣтныи взоръ!
Покровъ, клубясь волною пенослужной,
Чуть осѣнялъ твой станъ полувоздушной,
Вся въ доконахъ, обвивая вѣнкомъ,
Предестная глава благоухала,
Грудь бѣлая пачъ желтымъ жемчугомъ
Румянилась и тихо трепетала...

270. АЛЕКСЬЕВУ.

Мой милый, какъ несправедливы
 Твои ревнивыя мечты:
 Я позабылъ любви призыва
 И плѣнь опасной красоты:
 Свободы другъ, миролюбивый,
 Въ толпѣ красавицъ молодыхъ
 Я, равнодушный и лѣнивый,
 Своихъ боговъ не вижу въ нихъ.
 Нухъ томный взоръ, притѣвленный денеть,
 Уже не властны надо мной.
 Забыло сердце пѣвкій трепеть
 И пламя юности живой.
 Теперь ужъ мнѣ влюбиться трудно,
 Вдыхать—неловко и смѣшно,
 Надеждѣ вѣрить безразсудно,
 Мужей обманывать грѣшно.
 Прошелъ веселой жизни празникъ,
 Какъ мой задумчивый проказникъ,
 Какъ Баратынскій я твержу:
 «Нельзя ль найти подруги пѣвкой?»
 «Нельзя ль найти любви надежной?»
 И ничего не нахожу.
 Оставя счастья призракъ ложный,
 Безъ умогательныхъ страстей,
 Я сталъ напереникъ осторожный
 Моихъ неопытныхъ друзей.
 Когда любовникъ иступленной,
 Тоскуя, плачетъ предо мной
 И для красавицы надменной
 Клянется жертвовать собой:
 Когда въ жару своихъ желаній
 Съ восторгомъ изъясняетъ онъ
 Неясныхъ, темныхъ ожиданій
 Обманчивый, но сладкій сонъ,
 И, вѣриво руку сжавъ у друга,
 Клянется ревниваго супруга,
 Или докучливую мать:
 Его безумнымъ увѣреньямъ
 И поминутнымъ повтореньямъ
 Люблю съ участіемъ внимать:
 Я льщу слѣпой его надеждѣ,
 Я молодъ юностью чужой
 И говорю: такъ было прежде,
 Во время оно и со мной.

ДЕНИСЪ ДАВЫДОВЪ.
Съ портрета Орловскаго.

271. НЕДАВНО Я, ВЪ ЧАСЫ СВОБОДЫ.

Свѣтованіа.

Недавно я, въ часы свободы,
Уставъ Павлова иже читалъ,
И даже ясно понималъ
Его неукосные доводы:
Узнавъ я рѣзкія черты
Неподражаемаго слога,
И перевертывалъ листы,
И, признаюсь, ропталъ на Бога,
И думалъ: вѣтренная пиведь!
Нероббевласть наконецъ
Твоя проказливая лира:

И, сердцемъ охладивъ наивѣкъ,
Ты вишь стоишь въ угоду міра
Благодарушныи человекъ!
О горе! молвилъ я сквозь слезы,
Кто далъ Давыдову совѣтъ
Оставить лавръ, оставить розы?
Какъ могъ унизиться ю проза
Внѣшнимъ музою поэтъ,
Предрѣвъ и славу прежнихъ дѣлъ,
И тѣмъ Бурцова угрозы?

272. ЖЕЛАНИЕ.

Кто видѣлъ край, гдѣ роскошью природы
 Оживлены дубравы и луга,
 Гдѣ весело шумягъ и блещутъ воды
 И мирные ласкаютъ берега,
 Гдѣ на холмы подъ лавровые своды
 Не свѣтло дечь угрюмые свѣта?
 Скажите мнѣ: кто видѣлъ край прелестный,
 Гдѣ я любилъ, изгнанникъ неизвѣстный?
 Златой предѣлъ, любимый край Эльвины!
 Туда летятъ желанія мои.
 Я помню горъ высокія вершины,
 Прозрачныхъ водъ веселыя струи,
 И тѣнь, и шумъ, и красныя долины,
 Гдѣ бѣдныя простыхъ Татаръ семьи,
 Среди заботъ и съ дружбою взаимной,
 Подъ кровлею живутъ гостеприимной.
 Все мило тамъ красотою безмятежной,
 Все путника привлечетъ и манитъ,
 Какъ въ ясный день дорогою прибрежной
 Привычный конь по склону горъ бѣжитъ.
 Повсюду трудъ веселый и прилежный
 Сады Татаръ и нивы богатить,
 Холмы цвѣтутъ, и въ листьяхъ винограда
 Висятъ литары, почныхъ шировъ отрада.
 Все живо тамъ, все тамъ—очей отрада:
 Въ тѣни оливъ уснувшія стада,
 Вокругъ домовъ рѣшетки винограда,
 Монастыри, селенія, города,
 И моря шумъ, и говоръ водопада,
 И средь валовъ бѣгущія суда,
 И яркіе лучи златаго Феба,
 И синій сводъ полуденнаго неба.
 Приду ли вновь, поклонникъ музъ и мира,
 Забывъ молву и свѣта суety,
 На берегахъ веселаго Салгира
 Воспоминать души моея мечты?
 И ты, моя задумчивая лира,
 Ты, вѣрная пѣвица красоты,
 Пѣвица пѣтъ, признанья и разлуки,
 Найдешь ли вновь утраченные звуки?
 И тамъ, гдѣ миргъ шумитъ надъ тихой урною,
 Увижу ль вновь, сквозь темныя лѣса,
 И своды скалъ, и моря блескъ лазурной,
 И ясная, какъ радость, небеса?
 Утихнутъ ли волненія жизни бурной?
 Минувшихъ лѣтъ воскреснетъ ли краса?
 Приду ли вновь подъ сладостныя тѣни
 Душой заснуть на лонѣ мирной лѣни?

НИКОЛАЙ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ КОРСАКОВЪ.

Лицейскій товарищъ Пушкина. Предполагаютъ, что стихотвореніе «Гробъ юности» вызвано извѣстіемъ о его смерти во Флоренціи (1820).

273. ГРОБЪ ЮНОСТИ.

Сокрылся онъ,
 Любви, забавъ питомецъ и зжиги:
 Крутомъ него глубокии сонъ
 И хладъ могилы безмятежнои...
 Любилъ онъ игры нашихъ тѣвъ,
 Когда весновъ въ тѣни деревъ
 Онъ кружился на свободѣ:
 Но нынче въ рѣзвомъ хороводѣ
 Не слышенъ ужъ его привѣвъ.
 Давно ли старцы любовались
 Его веселостью живои,
 Подумчально улыбались
 И говорили межъ собой:
 «И мы любили хороводы,
 Бислави также въ насъ умы:
 Но поюти, присвѣють годы,
 И будешь то, что нынѣ мы:
 Какъ намъ, о міра гость ириван,
 Тебѣ постыжеть бѣжавъ свѣтъ:
 Теперь ираи...» По старцы живы,
 А онъ увядъ во двѣтъ дѣтъ,
 И безъ него друзья иривють,
 Другихъ ужъ подобить успѣвъ:
 Ужъ рѣдко, рѣдко именують

Его въ бесѣдѣ юныхъ дѣвъ,
 Изъ милыхъ жень, его любившихъ,
 Одна, быть можетъ, слезы льетъ,
 И память радостей почившихъ
 Привычною думою доветъ...
 Къ чему?

Надъ ясными водами
 Гробницы мирною семьей
 Подъ наклоненными крестами,
 Таятъ въ роуѣ ибковой,
 Тамъ, на краю большовъ дороги,
 Гдѣ лица старая шумитъ,
 Забывъ сердечныя тревоги,
 Нашъ бѣдливъ юноша лежитъ.
 Напрасно блещетъ лучъ денницы,
 Изъ хонитъ мѣсяць срець небесъ,
 И жругъ безчувственной гробницы
 Ручей журчитъ и менчетъ дѣвъ:
 Напрасно утромъ за малиной
 Къ ручью красавица съ корзиной
 Идетъ и въ хонотъ влючевою
 Пулливо погу опускаетъ:
 Ничто его не выдываетъ
 Изъ мирной сѣни гробовои...

274. КНИЖАГЪ.

CARL LUDWIG SAND

Земной Богъ тебя сжалъ
 Для рукъ безсмертной Немезиды,
 Свободы тайный стражъ, карающій Книжагъ,
 Последний Судя позора и обиды:
 Едѣ Зевса громъ молчитъ, гдѣ дремлетъ мечъ закона,
 Свершитель ты проклятій и надеждъ,
 Ты крошишься подъ свѣтло трона,
 Подъ блескомъ праздничныхъ одѣждъ,
 Какъ адскій думъ, какъ молнія Боговъ,
 Швомъ лезвѣ злодѣю въ очи блещешь,
 И озираешь оныя трещешь
 Среди своихъ шпоровъ,
 Ведѣ его найдешь ударъ надежныи твой
 На сушѣ, на моряхъ, во храмѣ, подъ шатрами,
 За потаенными замками,
 На ложѣ сна, въ семьѣ родной,
 Шумитъ подъ Кесаремъ завѣтный Рубиконъ,
 Державный Римъ ужалъ, главою поитъ законъ:
 Но Брутъ возсталъ вольнолюбивый,
 Ты Кесаря сразилъ: — и мертвъ объеждетъ оны
 Помпея мраморъ горделивый,
 Несчаде мятежей подымлетъ злобный крикъ

Предрѣшный, мрачный и кровавый,
 Надъ трупомъ Вольности безглавой
 Палачъ уродливый возникъ,
 Апостолъ гибельный! усталому Анду

Ты перстомъ жертвы назначалъ;
 Но вышній судъ ему послалъ
 Тебя и двѣу Евмениду...

О юный праведникъ, избранникъ роковой,
 О Зандъ, твой вѣкъ угасъ на плахъ,
 Но добродѣтели святой
 Остался гласъ въ казенномъ прахъ,
 Въ твоей Германіи ты вѣчно тѣнью сталъ,
 Гроза бѣдой преступной силъ,
 И на торжественной могилѣ
 Горитъ безъ подпирки книжагъ.

Зандъ прощается съ родиной.

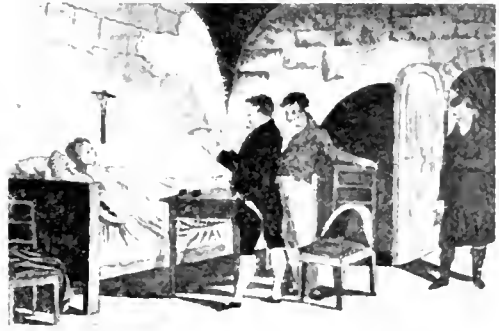
Zand's Verurtheilung
 im Jahre 1794

Зандъ убиваетъ Кодебу.

Die Gitarre spielte sie für die Begleitung
des Liedes in einem kleinen Saal, in dem
sie auch die ersten Vorstellungen gab. Sie
spielte auch die Gitarre in der Kapelle
des Königs, und in der Kapelle des
Kaisers.

Занятъ въ тешингѣ.

Am Dienstag, den 17ten October 1820
wurde die Leiche der Kaiserin in der
Kapelle des Königs beigesetzt.

Чтеніе смертнаго приговора
17 мая 1820.

„Mein Bestrautes steht und hält.“

Die öffentliche Hinrichtung der Kaiserin
am 20ten May 1820 in der Kapelle des
Königs in Warschau.

Занята отвозить на мѣсто казни
20 мая 1820.

Die Kaiserin auf dem Galgenstuhl zu
Warschau, den 20ten May 1820.

Занята на плахѣ.

Die Kaiserin auf dem Galgenstuhl zu
Warschau, den 20ten May 1820.

Казнь Занты.

Крѣпкіе, гравюры, портреты Занты, въ ея остижающія картишки и джентрированіе, собраны Зантой съ мѣсто
какъ только изъ расказа (помощью) расказа, ади варноу, ерисованиа, акварилъ, въ мѣсяцѣ октябрѣ 1820 г.
въ Либава. Гравюры и акварели были оставлены на московскіи Пушкинскіи въ октябрѣ 1820 г.
П. А. Ефремовъ.

275. УМОЛКНУ СКОРО Я.

Умолкну скоро я. Но если вь день печали
 Задумчивой игрой мнѣ струны отвѣчали:
 Но если юноши, внимая молча мнѣ,
 Дивились долготу любви моеи мученью:
 Но если ты сама, претавишсь умиленью,
 Печальные стихи твердила вь тишинѣ
 И сердца моего языкъ любилъ страстной:
 Но если я любимъ: позволь, о милый другъ,
 Позволь одушевить прощальный лиры звукъ,
 Завѣтнымъ именемъ любовницы прекрасной,
 Когда меня навѣкъ обьметъ смертный сонъ,
 Надъ урною моею промолви съ умиленьемъ:
 Онъ мною былъ любимъ: онъ мнѣ былъ одолженъ
 И вьсень и любви послѣднимъ вдохновеньемъ.

276. МОЙ ДРУГЬ, ЗАБЫТЫ МНОЮ.

Мой другъ, забыты мной слѣды минувшихъ лѣтъ
 И младости моеи мятежное теченье,
 Не спрашивай меня о томъ, чего ужь нѣтъ,
 Что было мнѣ дано вь печаль и вь наслажденье,
 Что я любилъ, что измѣнило мнѣ,
 Пускай я радости вкушаю неволю:
 Но ты, невинная, ты рождена для счастья,
 Безнечю вѣрь ему, летучий мигъ лови:
 Душа твоя жива для дружбы, для любви,
 Для пощаденья сладострастья:
 Душа твоя чиста: увынье чуждо ей:
 Свѣтла, какъ ясный день, младенческая совѣсть,
 Къ чему тебѣ внимать безумства и страстей
 Незащитательную повѣсть?
 Она твой тихій умъ невольно возмутитъ:
 Ты слезы будешь лить, ты сердцемъ содрогнешься:
 Довѣрчивой души безнечность улетитъ,
 И ты моеи любви, быть можетъ, ужаснешься,
 Быть можетъ, навсегда... Нѣтъ, милая моя,
 Лишиться я боюсь послѣднихъ наслаждений,
 Не требуй отъ меня опасныхъ откровений:
 Сегодня я люблю, сегодня счастливъ я.

НАПОЛЕОНЪ НА СМЕРТНОМЪ ОДРЪ.

Картина Граса Версе.

277. НАПОЛЕОНЪ.

Чужесныи жребіи совершилсѣ:
Утасѣ великинъ человекъ,
Въ неводѣ мрачной закатилсѣ
Наполеона грознынъ вѣкъ,
Нечезъ властитель осужденнѣ,
Модуиѣ багровень побѣдѣ:
И для издѣанника вселенной
Уже потомство настаетъ.

О ты, чьей памятью кровавой
Міръ долго, долго будетъ полнѣ,
Пріосвѣненъ твоєю славою,
Ночинъ среди пустынныхъ волей!
Великолѣпнѣи могилѣ,
Вѣтъ уроки, о тѣ твои дѣланѣ,
Народовъ величїе почла,
И душъ безсмертїи горитъ.

Давно ль орудїи твои летали
На тѣ обездѣлаенной земли?
Давно ли царства уватали
При громахъ силы роковой!

Послушныи воль твоюсправноу,
Бѣлой шумѣли знамена,
И валагаль время терзавшїи
Ты на земнынъ племена.

Когда наужкой одареннѣи
Отъ рабства пробудилсѣ міръ,
И галѣ десницей разъяреннѣи
Издвернулъ вѣхнъ свои кумирѣ:
Когда на площади мятежной
Во прахѣ царскїи гробы лежалѣ,
И день великинъ, неизбѣжнѣи
Свободныи яркнъ день вставалѣ:

Когда въ волненїи бурї народнынъ
Превратнїи думнїи свои утѣлѣ,
Въ сего патежахъ благороднынъ
Ты человекство презрѣлѣ,
Въ свое побѣдѣнное счастье
Ты дерзкой вбросалѣ тушонъ,
Тебя илѣвилѣ самовластїе
Разочарованнѣи краснѣ.

И обновленного народа
 Ты бурность юную смирилъ:
 Поворожденная свобода,
 Врусь обрѣвъ, лишилась силъ.
 Среди рабовъ то упоеня
 Ты жажду власти утопилъ,
 Помчалъ къ бою нхъ ополченя,
 Нхъ цѣни Авраами обвилъ.

И Франція, добыча славы,
 Навнешний устремила взоръ,
 Забывъ наекты величавы,
 На свои блистательный позоръ.
 Ты велъ мечи на ширь обильный:
 Все пало съ шумомъ предъ тобой:
 Европа гибла: сонъ мотильный
 Носился пать ея главой.

Сбылось! Въ величїи постыжномъ
 Стунилъ на трудъ ея колосетъ!
 Тильзиль — при звукѣ семь обидномъ
 Теперь не поблѣтветъ росетъ —
 Тильзиль надменная герой
 Последней славою ввнчалъ,
 Но скучный миръ, но хлатъ покоя
 Снастливца душу волновалъ.

Патменный, кто тебя позвигнулъ?
 Кто обуялъ твой дивный умъ?
 Какъ сердца Рускихъ не постигнулъ
 Ты съ высоты отважныхъ думъ?
 Великодушнато пожара
 Не предузнавъ, ужъ ты мечтавъ,
 Что мира вновь мы ждемъ какъ паря:
 Но поздно Рускихъ разгадалъ...

Россия, бранная царица,
 Воспомни древнїя права!
 Померкни, солнце Австерландца!
 Ныдай, великая Москва!
 Настали времена другїя:
 Печезни, краткій нашъ позоръ!
 Благослови Москву, Россїя!
 Война: по гробъ нашъ договоръ.

Обрѣвными руками
 Схвативъ жезлыи свой вѣнецъ,
 Онъ безну видѣть преть очами,
 Онъ гибнетъ, гибнетъ наконецъ.
 Бѣжать Европа ополченя:
 Окровавленные сѣва
 Проводиласи нхъ паденя,
 И таетъ съ ними слѣдъ врага.

И все какъ буря закивало:
 Европа свой расторгла плѣны:
 Вослѣдъ тирану полетѣло,
 Какъ громъ, прокляте племень.
 И дашь парочной Немезиды
 Подъяту видѣть великаны:
 И то послѣней все обиды
 Оплачена тебѣ, тиранъ!

Изкулены его стяжаня
 И зло воинственныхъ мучесъ
 Тоскою душнаго изгнаня,
 Подъ сѣбно мучдою небесъ,
 И знойный островъ заоченья
 Полнощный парусъ поблѣтъ,
 И путникъ слово примиреня
 На ономъ камнѣ начертитъ,

Гдѣ, устремивъ на волны очи,
 Изгнащикъ помилъ звукъ меченъ,
 И лядистый ужасъ полуночи,
 И небо Франції своей:
 Гдѣ шогдъ, въ своей цастанѣ
 Забывъ воину, потомство, трогъ,
 Одинъ, одинъ о миломъ сыбѣ
 Въ дивныи торькомъ думать онъ.

Да будетъ омраченъ позоромъ
 Тотъ малодушный, кто въ сей дешъ,
 Безумнымъ возмунтъ укоромъ
 Его развѣчанную тѣнь!
 Авала!... Онъ Рускому народу
 Высокій жребїи указалъ,
 И міру вѣчную свободу
 Изъ мрака севлаки завѣщалъ.

Мотила Паллолоотс на островъ Св. Елены.

278. ВОЙНА.

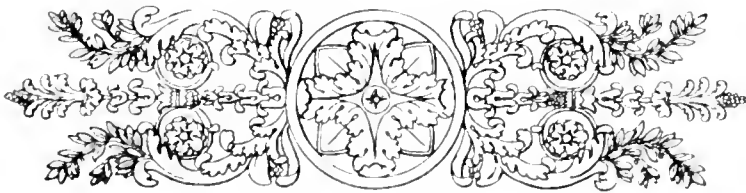
Война!... Попыты наконецъ,
 Шумягь знамена бранной мести!
 Увижу кровь, увижу праздникъ мести:
 Засвищеть вкругъ меня дубительный свинець,
 И сколько сильныхъ несчастлйвъ
 Для жаждущей души моей:
 Стремленіе бурныхъ ополченій,
 Тревоги стана, звукъ мечей,
 И въ роковомъ огнѣ сраженій
 Патеніе ратныхъ и вождей!
 Предметы горныхъ и венозныхъ
 Разбудягь мой уснувшій геній,
 Все ново будетъ мнѣ: простая снѣжь шатра,
 Огонь враговъ, пль чуждое кляванье,
 Вечерній барабанъ, громъ пушки, визгъ ягъ
 И смерти грозной ожиданье,
 Родившя лъ ты во мнѣ, слѣвая славы страсть,
 Ты, жажда гибели, свирѣпый жаръ героизма?
 Вънокъ ли мнѣ двойной достанется на часть,
 Кончину лъ темную судить мнѣ жребій боевъ,
 И все умереть со мною: надежды юныхъ дней,
 Священный сердца жаръ, къ высокому стремленье,
 Воспоминаніе и брата и друзей,
 И мыслей творческихъ напрасное водненье,
 И ты, и ты, любовь?... Уже лъ ни бранный шумъ,
 Ни ратные труды, ни рыцарь гордой славы,
 Ничто ни заглушить монъ привычныхъ думъ?
 Я даю, жертва злой отравы:
 Покои бжикнуть меня; иль въ власти пать собои,
 И властная дль душою овладѣла...
 Что жь, мелить ужасъ боевой?
 Что жь битва первая еще не закончила?...

279. КЪ ОВИДИЮ.

Овидій, я живу близъ тихихъ береговъ,
 Которымъ идивныхъ отеческихъ боговъ
 Ты ивкогда принесъ и пещель свой оставить.
 Твой безогратный плачь мбета снѣ прославилъ:
 И дры иважныи гласъ еще не обивилъ:
 Еще твои молвыи наполнены снѣ прѣтлѣ,
 Ты живо впечатлѣвъ въ моемъ воображеніи
 Пустыню мрачную, поэта даточенне,
 Гуманнаи свогь небесъ, обывные снѣва
 И кратков теплотой согрѣтые дуга,
 Какъ часто, увлечень умильныхъ струнъ широмъ,
 Я сердцемъ слѣговалъ, Овидій, за тобою:
 Я вилѣвъ твой корабль и ралищемъ валовъ,
 И якорь, верженнаи близъ тихихъ береговъ,
 Глѣ жеть ивѣда любви жестокая патрава.

Тамъ нивы безъ тѣсей, холмы безъ винограда:
 Рожденные въ сибгахъ для ужасовъ войны,
 Тамъ хладной Скииѣ свирѣвые сыны,
 За Петромъ угаясь, добычи ожидаютъ,
 И седамъ каждый мнѣ набѣгомъ угрожаютъ,
 Претрады пѣтъ для щузъ: въ волнахъ они плывутъ,
 И по льду звучному безрешетно идутъ.
 Ты самъ дивись, Назонъ, дивись судьбѣ превратной!
 Ты съ юныхъ лѣтъ презрѣвъ волшебныя жизни ратной,
 Привыкнувъ розами вѣнчать свои власы
 И въ пѣтѣ проводить безвечныя часы,
 Ты будешь принужденъ взложить и племъ тяжелой,
 И грозный мечъ хранить близъ дыры оробѣлой,
 Ни дочерь, ни жена, ни вѣрный сонмъ друзей,
 Ни музы, легкія подружки прежнихъ шей,
 Назнаннаго пѣвца не утѣять печали,
 Напрасно граціи стихи твои вѣнчали,
 Напрасно юности нухъ помнить наизустъ:
 Ни слава, ни лѣта, ни жалоба, ни грусть,
 Ни пѣсни робкія Октавія не тронутъ:
 дни старости твоей въ забвеніи погонутъ.
 Златой Италіи роскошный гражданинъ,
 Въ отчизнѣ варваровъ безвѣстенъ и одинъ,
 Ты звуковъ родины вокругъ себя не слышишь:
 Ты въ тяжкой горести далекой дружбѣ нищешь:
 «О, возвратите мнѣ священный градъ отчужь
 И тѣмъ мирныя наследственныхъ садовъ!
 О други, Августу мольбы мои несете!
 Карающую длань слезами отклоните!
 Но если сиввный богъ досель немолчимъ,
 И вѣкъ мнѣ не видать тебя, великій Римъ:
 Последнюю мольбой смягчая рокъ ужасной,
 Приблизьте хоть мой гробъ къ Италіи прекрасной!»
 Чье сердце хладное, презрѣвшее харить,
 Твое ушнѣе и слезы укорить?
 Кто къ грубой гордости прочтетъ безъ умиленья
 Снѣ элегій, послѣднія творенья,
 Гдѣ ты свой щетный стоишь потомству передавъ?
 Суровый Славянинъ, я слезъ не проливалъ,
 Но понимаю ихъ. Изнанникъ самовольный,
 И свѣтомъ, и собой, и жизнью недоволенный,
 Съ душой задумчивой, я нынѣ посѣтилъ
 Страну, гдѣ грустный вѣкъ ты нѣкогда влачилъ.
 Здѣсь, ожививъ тобой мечты воображенья,
 Я повторилъ твои, Овидій, исповѣнья,
 И нухъ печальныя картины повѣрялъ:
 Но взоръ обманутымъ мечтацямъ измѣнялъ.
 Изнаніе твое изнѣжло вгаиѣтѣ очи,
 Привыкшій къ сибгамъ угромою полночи,
 Здѣсь долго свѣтится небесная лазурь:
 Здѣсь кратко царствуетъ жестокость зимнихъ бурь.
 На Скиоскихъ берегахъ переселенецъ новый,
 Слышь вода, виноградъ блистаетъ пурпуровый.
 Ужъ пасмурный декабрь на Рускіе дуга
 Слойми разстилалъ пушистыя сибга:
 Зима дышала тамъ: а съ вѣнней теплою
 Здѣсь солнце ясное катилось надо мною:

Молодою деленю нестрѣль увяшій думъ:
 Свободныя подя взрывать ужь ранній паутъ:
 Чуть вѣять вѣтерокъ, подя вечеръ холодѣя:
 Едва прозрачній дѣтъ, лѣтъ одеромъ тускѣя,
 Кристалломъ покрывалъ невѣзныя струи,
 Я вспомнилъ опыты несмѣлые твои,
 Сей дѣнь, замѣченный крылатымъ вдохновеніемъ,
 Когда ты въ первый разъ вѣбралъ съ недоумѣніемъ,
 Шаги свои поднималъ, окованнымъ димомъ:
 И по льду повому, казалось, престо мной
 Скользила гнѣвъ твой, и жалобныя звуки
 Неслася издали, какъ томный стонъ разлуки,
 Утѣшись: не увидь Овидіевъ вѣнецъ!
 Уви, среди толпы затеряныи пѣвецъ,
 Безвѣстнѣ буду я для новыхъ поколѣній:
 И, жертва темная, умретъ мой слабый теніи
 Съ печальной жизнію, съ минутою молвой!...
 Но если, обо мнѣ попомока, подній мой
 Узнавъ, придетъ искать въ странѣ сей отдаленной
 Близъ праха славнаго мой слѣдъ уединенной:
 Бреговъ забвенія оставя хладну сѣнь,
 Къ нему слетѣть моя пріятельная гнѣвъ,
 И будетъ мило мнѣ его воспоминаше,
 Да сохранится же давнѣе претанше:
 Какъ ты, праждующеи покорствуя судьбѣ,
 Не славон, участію я равенъ былъ тебѣ,
 Здѣсь, дирою сѣверной пустыни олашая,
 Скидался я въ гѣ тѣи, какъ на брега Дунай
 Великодушный Грекъ свободу вызывалъ:
 И на единыи путь мнѣ въ мірѣ не внималъ:
 Но не увидѣлъ явѣтъ измѣной бездиковной
 Ни торгонъ совѣсти, ни дирои непреклонной.

280. ВЪ КРОВИ ГОРИТЬ ОГОНЬ ЖЕЛАНИЯ.

(Подражаніе Шестъ псалма Соломона.)

Въ крови горитъ огонь желанья,
 Душа тобой увлечена,
 Любай меня: твой любанья
 Мнѣ слаще мира и вина.

Склонись ко мнѣ главою вѣжливой,
 И да пою безмятежной,
 Пока дохнетъ веселый дѣнь,
 И двинется ночная тѣнь.

281. П. С. ПУЩИНУ.

И скоро, скоро смоланеть брань
 Среди рабскаго народа—
 Ты молотокъ возьмешь во длань
 И воззовешь: свобода!
 Хвалю тебя, о вѣрный братъ,
 О каменьчикъ почтенный!
 О Киншесъ, о темный градъ!
 Люкуй — имъ просвѣщенный!

282. М. Э. ЭЙХФЕЛЬДТУ.

Ни блескъ ума, ни стройность платья
 Не могутъ васъ обворожить;
 Одни двоюродные братья
 Узнали тайну васъ влѣбныи,
 Лишили вы меня покоя.
 Но вы не любите меня:
 Одна моя надежда—Зоя;
 Женюсь и буду вамъ родня...

283. ЛЕЗЪ СТРАННО ПОЛЮБИТЬ.

Лезъ странно полюбить,
 Полно вѣтъ ли тутъ обмана?
 Берегитесь—можетъ быть,
 Эта новая Диана
 Пригнала вѣжну страсть—
 И стыдливими глазами
 Ищетъ робко между вами,
 Кто бы ей помочь унасть.

284. ВСЕГДА ТАКЪ БУДЕТЬ И БЫВАЮ.

Всегда такъ будетъ и бываю,
 Таковъ изречіе бѣлый свѣтъ;
 Ученыхъ много, умныхъ мало,
 Знакомыхъ тѣма, а друга нѣтъ.

285. КЛЕВЕТНИКЪ БЕЗЪ ДАРОВАНИЯ.

На Каченовскаго.

Клеветникъ безъ дарованья,
 Налокъ ищетъ онъ дутьемъ,
 А дневнаго пропитанья
 Ежемесячнымъ враньемъ.

286. СОСТАВЛЕНЪ ОНЪ ИЗЪ ПОДЛОЙ СМЕСИ.

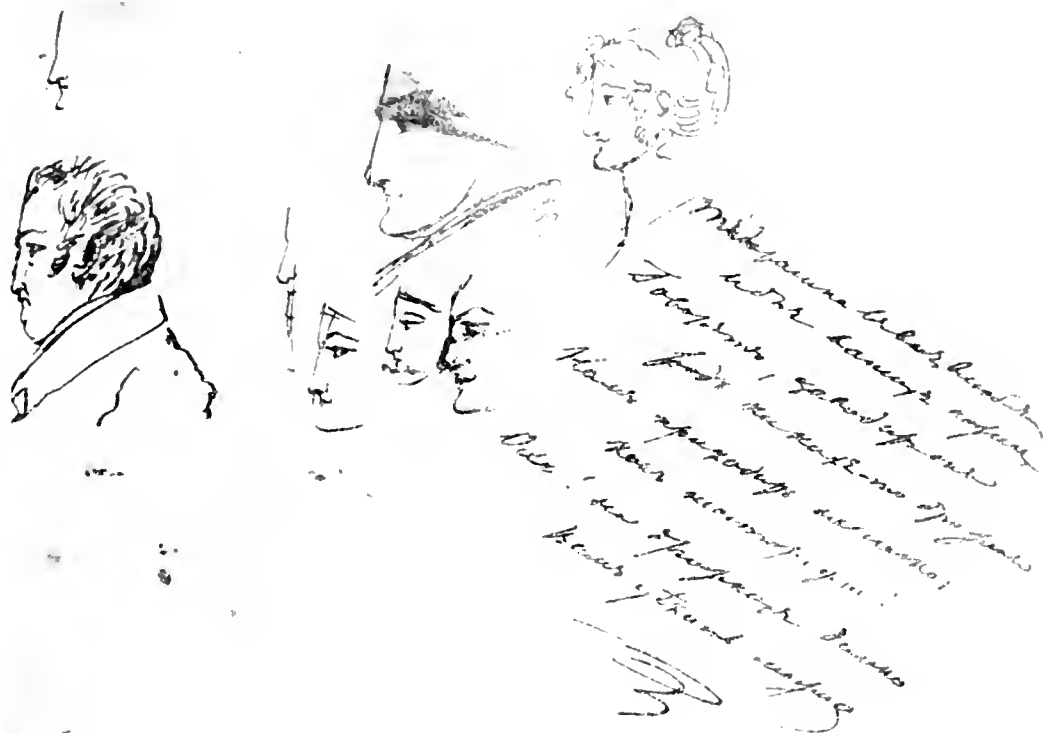
Составленъ онъ изъ подлой смеси:
 Я не видалъ негодивъ смѣси:
 Въ сраженіи онъ трусь, въ трактирѣ онъ
 бурлакъ,
 Въ передней онъ подлецъ, въ гостиной онъ
 дуракъ.

287. ОСТАВЯ ЧЕСТЬ СУДЬБѢ.

Оставя честь судьбѣ на произволь,
 живая жертва фурій,
 Отъ малыхъ лѣтъ любила чуждый полъ,
 И вдругъ—бѣда: казнить ее Меркурій
 Раскается приходитъ ей пора
 Она больна, глазъ пухнетъ понемногу
 Вдругъ лопнулъ онъ: что жъ дама?—
 слава Богу,
 Все къ лучшему, вотъ лишняя!

288. ХОТЬ ВПРОЧЕМЪ ОНЪ ПОЭТЪ ЦЗРЯДНЫЙ.

Хоть впрочемъ онъ поэтъ цзрядный:
 Эмилій человекъ пустой,
 Да ты чѣмъ полонъ шутъ нарядный?
 А, понимаю, самъ собой:
 Ты полонъ драги, милый мой!

Листъ 13 Кошинской тетради N 2365.

Воспроизводится впервые. В критике была выброшена Пушкиным, видимо, и изображал как-то Кошинского; полный мужчина может быть «Говоряшка» Крылевский или «Мавропей».

289—295. КНИШНЕВСКИЕ ДАМЫ.

1.

Разбывавшись отъ обдлин
 Къ Катакази бу въ домъ
 Что за Греческіи бретни,
 Что за Греческіи соломъ!
 Поди ну въ ночь поги,
 За парешемъ, срь, прохлатъ,
 Какъ Египетскіе боги
 Дамы прѣють и молчатъ.

2.

Признаюсь преть всей Европѣ,
 Хромомогая критикъ:
 Мавропейи толстож
 Душу, сердце мнѣ томилъ!
 Мужъ! воще кармаши трудно
 Ты забилъ въ семьѣ моей,
 И воще ты пятинъ,
 Мавропейи мнѣ милѣ!

3.

Здравствуй, круглая собѣлка!
 Ты брачная, ты скупа
 Ты пеловкая кокетка
 Ты сибѣва, ты глаупа,
 Говоришь съ тобою и въ мочи
 Все прощаю! Богъ съ тобою!
 Ты съ утра по полней ночи
 Рата въ банкъ играть со мною!

4.

Вотъ Еврейка съ Тоторашков
 Пламя вышетъ въ полудѣ,
 Лану держитъ ночь
 Шва на ей лифъ,
 Весь отъ ужаса хлатно,
 Ахъ, Еврейка, богъ убьетъ!
 Если вѣрять Моисето
 Скотоложница умретъ!

5.

Ты наказана сегодня,
И тебя произвелъ Амуръ,
О чувствительная своя,
О краса Молдавскихъ дуръ:
Смотришь, каждая дѣвица
Предъ тобою съ молодцомъ,
Ты жь одна, моя вдовица,
Съ указательнымъ . . .

6.

Ты умна, вездѣрѣчна,
Кивиньскаея Жанисъ,
Ты бѣла, жирна, пуглава,
Пучекая Тарисъ,
Не хочу судить я строго
Но къ тебѣ не льнетъ душа:
Такъ послушай, ради Бога,
Будь глупа, да хороша.

7.

Тодоранка къ васъ влюбленъ
И для вашихъ пожекъ
Говорять, заводитъ онъ
Родъ какихъ-то дрожекъ,
Памъ приходитъ не легко:
Какъ неосторожно!
Оух! На дрожжахъ далеко
Вамъ дѣхать можно.

296. ДОБРА ЧУЖАГО НЕ ЖЕЛАТЬ (ДЕСЯТАЯ ЗАПОВѢДЬ).

Принимается Пушкину).

Добра чужаго не желать
Ты, Боже, мнѣ повелѣваешь,
Но мѣру силъ моихъ ты знаешь—
Мнѣ ль пѣвкамъ чувствомъ управлять?
Обидѣть друга не желаю
И не хочу его седа,
Не нужно мнѣ его вола,
На все спокойно я взираю:
Ни домъ его, ни скотъ, ни раба,
Не нужна вся мнѣ благостыня,
Но ежели его рабыня
Предлестна... Господи, я слабъ!

И ежели его подруга
Мила, какъ ангель во-плоти —
О Боже праведный, прости
Мнѣ зависть къ блаженству друга!
Кто сердцемъ могъ повелѣвать,
Кто рабъ успѣий безполезныхъ,
Какъ можно не любить предлестныхъ?
Какъ райскихъ благъ не пожелать?
Смотрю, томлюся и вздыхаю,
Но строгій долгъ умѣю чтить:
Странусь желаньямъ сердца льстить,
Молчу... и втайнѣ я стражаю.

297. ПОВѢРЬ МНѢ, БЫТЬ ТЕБѢ НАПЕЛОСОМЪ.

Повѣрь мнѣ, быть тебѣ Напелосомъ
Ты боленъ: это не мечты
И то-то братецъ будешь съ носомъ
Когда безъ носа будешь ты.

Изъ черновыхъ набросковъ 1821 г.

298. ЗАВИДУЮ ТЕБѢ, ПИТОМЕЦЪ МОРЯ
СМѢЛЫЙ!

Завидую тебѣ, питомецъ моря смѣлый,
Подъ сѣнью парусовъ и въ буряхъ посѣ-
дѣлый!

Спокойной пристани давно ли ты достигъ,
Давно ли тишины вкусилъ отрядный мигъ?
И снова ты бѣжишь Европы обветшалой:
Ищи стихій дружныхъ земли жилецъ усталый!
Привѣтствуетъ тебя свободный океанъ...

299. НАПЕРСНИЦА МОИХЪ СЕРДЕЧ-
НЫХЪ ДУМЪ.

Наперсница моихъ сердечныхъ думъ,
О ты, чей глазъ пріятный и небрежный
Смирля въ порогъ (мечты души мятежной
И веселия (порогъ улыбай) умъ
О, вѣрная, задумчивая лира,
(Послушная перстамъ)...

300. ВЕЧЕРНЯ ОТОШЛА ДАВНО

Вечерня отошла давно:
Уже и самъ (Шумель) строгій
Свои молитвы прекратилъ,
И кости ветхія склонилъ
(Перекрестясь) на обрь убогой,
(Повсюду) сонъ и тишина:
Но въ церкви тверк отворена,
И озаряетъ лучь лампады
И темнѣ живописъ иконъ,
И нѣкъ богатые оклады,
И раздается въ тишинѣ
То тяжкій вздохъ, то шопотъ (стонной?),
И мрачно дремлетъ въ вышинѣ
Старинной сводъ, глухой и (темный)
Стоитъ за вѣросомъ монахъ
И грѣшникъ, неподвижны оба

И нѣкъ
И грѣшникъ блѣденъ какъ...
Печальный, — полно, перестань,
... исповѣдь злодѣя:
Заплачена тобою дань
Тому, кто въ мукахъ пламенья?
Дукаво грѣшника блюдетъ
И къ вѣчной гибели везетъ —
Аминь! — опомнись... (время, время)
И разрышу тебя, — грѣховъ
Сложки мучительное

301. Я СЛУШАЮ ТЕБЯ И СЕРДЕЦЕМЪ
МОЛОДЮ.

Я слушаю тебя — и сердцемъ молодю,
Широкъ и радости блистательный пѣвецъ —
Швецъ-Гусарь, ты пѣлъ биваки,
Раздолье ухарскихъ пировъ
И пылкую потѣху драки
И завитки своихъ усовъ —
Походную слушая шаль,
Ты славилъ, лиру не настраивъ,
Любовь и мирную бутылъ
Я слушаю тебя и сердцемъ молодю
Мнѣ сладокъ жаръ твоихъ рѣченъ,
Повѣрь, я снова пламенно
Воспоминаемъ прежнихъ шевъ.

302. НЕ ТѢМЪ ГОРЖУСЬ Я, МОЙ ШВЕЦЪ.

Не тѣмъ горжусь я, мой швецъ,
Что... стихами,
Играю смѣхомъ и слезами:
Не тѣмъ горжусь, что иногда
Мои коварные наѣвы
Смирля въ мысляхъ юной дѣвы
(Норыны) страха и стыда:
Не тѣмъ, что у стыдѣ сатиры
Развратъ и злобу я казнилъ
И что ралищій голосъ лиры

(Неправду) въ ужасъ приводилъ:
 (Не тѣмъ,) что бурями (души) моей
 И бурями (души) моей
 И (жаждой) воли, и тоскеньемъ.
 Я сталъ извѣстенъ межъ людей:
 Иная, высшая награда
 Была мнѣ рокомъ суждена —
 (Самозлобивыхъ думъ отрада).
 (Мечтанье суетнаго) сна...

303. ВЪ ТВОЮ СВѢТЛИЦУ, ДРУГЪ МОЙ ИЖИВНН.

Въ твою свѣтицу другъ мой иживнн
 Я прихожу въ послѣднй разъ —
 Любви щастливой, безмятежной
 Дѣлю съ тобой послѣднй часъ.
 Впередь одна въ надеждѣ томной
 Не жди меня средь ночи темной,
 До первыхъ утреннихъ
 Не жи свѣчей.

304. ВО ВРЕМЕНА ЦАРЯ ДОДОНА.

(Во времена Царя Додона)
 Былъ монастырь, гдѣ черницы
 (Достойны были Вавилона)
 Безъ правилъ, безъ закона

305. ВОГЪ МУЗА, РЪЗВАЯ БОЛТУНЯ.

Вотъ муза, рѣзвая болтуня,
 Которую ты столь любилъ.
 (Она расказалась) шалунья:
 Придворный тонъ ее вѣнилъ.

306. ПРИМИ ВЪ ЗАЛОГЪ ВОСПОМИ- НАНЬЯ.

(Прими въ залогъ воспоминанья
 Мои завѣтные стихи)
 Не подь завѣтною печатью
 Прими опасные стихи.

307. НЕ УДИВЛЯЙСЯ, МИЛЫЙ МОЙ.

Не удивляйся) милый мой
 Ея израильскому платью,
 Ее всевышнй освѣнилъ
 Своей небесной благодатью.

308. ГРЕЧАНКА, Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ.

(Гречанка, я люблю тебя)
 Затмилась прелести другія,
 Горю тобой
 Я твоей на вѣкъ, Элеферія!
 (Пускай шныухъ влѣиваетъ блескъ
 И ласки Музы и дѣвицъ...
 Милѣе мнѣ Элеферія).

309. ВЪ ЮРЗУФЪ БѢДНЫИ МУЗУЛЬ- МАНЪ.

Въ Юрзуфѣ бѣдный Музульманъ
 Недавно жилъ съ дѣтми, съ женою;
 Душевно почиталъ священный Алькоранъ.
 И щастливъ былъ своей судьбою:
 Мехметъ — такъ звался онъ — прилежно цѣ-
 лый день

(Смотрѣлъ за ульями, за стадомъ
 И за домашнимъ виноградомъ —
 Не зная, что такое дѣвицъ—
 Жену свою любилъ: Селима это знала,
 И каждый годъ ему дѣтей она рожала,
 Но у татаръ ужъ такъ заведено —
 По-нашему, друзья, хоть это и смѣшно,
 Фатима разъ — она въ то время
 Несла трехмѣсячное (бремя,
 А каждый вѣдаеть, что въ эти времена
 И даже самая степенная (жена)
 Избѣтъ прихоти, то эти, то другія,
 И Боже унаси, какія!
 Фатима говоритъ умильно муженьку —
 Мой другъ, мнѣ хочется ужасно каймаку,
 Теряю память я, разсудокъ,
 Во мнѣ такъ и горитъ желудокъ.
 Я не спала всю ночь, и посмотри, душа,
 Сегодня вѣрно я совсѣмъ пехороша:
 Всего мнѣ должно опасаться,
 Не смѣю даже почесаться,
 А то родится дочь съ отмыткой на носу —
 Такой я муки не снесу —
 Любезный, миленькій, красивый мой дру-
 жочекъ

Доставь мнѣ каймаку хоть крохотный ку-
 сочекъ.
 Мехметъ разиѣжился, собрался,
 Въ кушакъ старинную (жестянку?) завязалъ
 Поцѣловалъ жену и въ ближнюю долину
 побѣжалъ,

Чтобы порадовать больную...
 Не шелъ онъ, а летѣлъ — зато въ обратный
 путь
 Пустился по горамъ, едва-едва шагая,
 И скоро сталъ некатъ, совсѣмъ изнемогая.

Мѣстечка, гдѣ бы отдохнуть,
 Но счастье, на концѣ долины
 Онь видить ручеекъ...
 Добрежь до береговъ и лѣтъ въ тѣни вѣтвей,
 Журчанье воды, деревъ першныи,
 Душистая трава и тѣнь и вѣтерокъ,—
 Все пѣжало, все говорило:
 Люби или починай! люби...
 Мехмету въ умъ не приходило
 Хотя было бы не спать благоразумно и
 вѣрнѣй
 Все такъ. Махмуть какъ Царь лежить въ
 юннѣ.

Положимъ, что Царямъ дано
 Ночь блаженномъ
 Хотя это, впрочемъ, мудрено.

310. КРАСЫ ДАНСЬ, ЗАВѢТНЫЕ ШИРЫ.

Красы дансь, завѣтныя ширя
 И вѣки радости бездумной,
 И мирныхъ Музъ минутныя дары —

И летанье славы шумной
 Все скучно мнѣ—разоблачивъ кумирь,
 Я вижу призракъ безобразной,
 Но что-жь теперь тревожить хладной муръ
 Души безчувственной и празднои—
 Любить я жизни и славу и любовь,
 И многому я въ жизни вбрилъ
 (Когда еще кипѣла въ сердцѣ кровь
 И самъ съ собой я лицембрилъ).

311. A SON AMANT EGLÉ SANS RESISTANCE.

A son amant Eglé sans resistance
 Avait cédé mais lui pâle et perclus
 Se demenait-enfin n'en pouvant plus
 Tout essoufflé tira... sa révérence -
 Parlez, Monsieur: pourquoi donc mon aspect
 Vous glace-t-il? M'en direz vous la cause,—
 Est ce dégoût—mon Dieu, c'est autre chose.—
 Excès d'amour? Non. excès de respect.

312. ПРОГРАММА И ОТРЫВОКЪ ИЗЪ КОМЕДИИ ВЪ СТИХАХЪ.

Вальберхова вдова— Сосницкой ся брать
 Бриской любовникъ Вальберховой Рама-
 дановъ, Боченковъ, С. дастъ завтракъ —
 Бриской принимаетъ гостей, Рамазановъ
 узнаетъ Бриского, Пьясненіе, Понодамъ,
 Начинается игра, — С. все пропирываетъ,
 и петь Величкина на карту, Отчаяніе его.
 С. и В.

В. играть? Играть. Долго ли тебѣ быть
 Богъ знаетъ гдѣ? добро либерала — да ты
 то что... За чѣмъ не въ свѣтъ тамъ все
 молодежь, С. Вы не брачныи скучно
 То ли дѣло ночь играть В. Скоро ли
 отстанешь? С. никогда— сестрица милая,
 увъжан — у меня будетъ завтракъ, В. Игра?...
 С. Пѣть В. Продай.

С. и В.

С. Карта... Величкинъ, Проиграется,
 С. Подно врать я пошлю.— В. и Бр. Бр.
 и Вальб. Бр. и Рамазановъ узнають, уго-
 вариваются.

Скажи, какой судьбой другъ другу мы понашевъ
 Въ одномъ дому живемъ, и мѣсяць не видалсь
 Откуда и куда?—Я шель въ тебѣ, сестра—
 Хотѣлось мнѣ съ тобою увидѣться. Пора. —

Ей Богу занять быдѣ... тѣлами, службон
 Я дорожу, сестра, твоею дружбон,
 Люблю тебя душой... и рать бы
 Съ тобою посидѣть, но, видишь ли, бѣда,

Вал. Что за шумъ, Величкинъ — играютъ
 Вал. Поди за Брискимъ. И Бр. такой же. —
 Бр. и Вальберхова. Я понодамъ ему урокъ
 Онь пропирывается... С. въ отчаяній. Бр.
 Вал. договаривается, тотъ его ставитъ на
 карту, — пропирываетъ. Вал. плачетъ, С.
 тоже. Бр. и Вал. Конецъ.—
 Бр. Вал. С. Вы здѣсь, а мнѣ ничего не
 сказали.

— Мочи нѣтъ, усталъ, проигрался: пора
 въ театръ нанять другъ завтра послѣдній
 завтракъ, онь застрѣлится.

Я шель къ тебѣ, сестра — благо, даже въ
 одномъ домѣ... Мы мѣсяць не видалсь,
 что ты дѣлалъ—Занять быдѣ. Сегодня я
 дома, приѣжан позадуиста. Тебѣ надо быть
 у тетки. — Я даю завтракъ. Богъ знаетъ,
 какое общество. Зачемъ тебя нѣтъ въ
 свѣтъ, и проч.

Всегда разьѣдемся,—я дома, ты въ каретѣ;
Никакъ ни съѣдемся...

—Но мы могли бы въ свѣтѣ
Видаться каждый день—

Конечно! —я бы могъ—
Пуститься въ (свѣтъ?). Пѣтъ, пѣтъ, избави Богъ—
Но щастно модный кругъ теперь (совсѣмъ) не въ модѣ;
(Ты знаешь, мы живемъ . . . на свободѣ—
Не ѣздимъ въ общество, не знаемъ нашихъ дамъ,
И (насъ) оставили на жертву (старикамъ)
Любезникамъ осьмнадцатаго вѣка—
А впрочемъ, не найдешь живаго человѣка—
Въ отборномъ обществѣ.

—Хвалится есть ли чемъ
Что дуть хорошаго! Ну, я прощаю тѣмъ,
Которые пускась въ 15 лѣтъ (на волю)
Привыкли лишь къ пороку, да къ полю;
Казармы правятся имъ больше нашихъ залъ—
Но ты который съ годъ (учишься) пересталъ,
Который не знавалъ походной шылъ съ роду
За чѣмъ перенимать у нихъ пустую моду?
Какая нужда въ томъ?

—Въ кругу своемъ они—
О дѣльномъ говорятъ—читаютъ Жюмиви—
—да ты не читывалъ съ тѣхъ поръ, какъ ты родился;
Ты плафромъ однимъ да трубкою пѣлился
Тебѣ ужъ грустно тамъ, гдѣ только банка пѣтъ—
Гдѣ (вѣчно) не курятъ и должны быть одѣтъ...

313. ВСЕ ЖАЛОБЫ, УПРЕКИ, СЛЕЗЫ.

Отрывокъ изъ другой комедии).

Все жалобы, упрёки, слезы—мочи пѣтъ;
Откладывай пока; она мнѣ подошла;
Къ тому жъ, и безъ нея мнѣ слишкомъ много дѣла;
Я отыскала за Каменнымъ мостомъ
Вдову съ племянницей; пойду туда пѣшкомъ,
Подъ видомъ, будто бы, невиннаго гулянья.
Ахъ, матушка! Предвижу увѣщанья!
А, здравствуйте, тата! «Куда же ты? постой.
Я шла къ тебѣ, мой другъ. Мнѣ надобно съ тобой
О дѣлѣ говорить»—Я зналъ.—«Мнѣй герцогине,
Мой другъ. Не правится твое мнѣ поведенье»...
—А въ чѣмъ же?—«Да во всемъ; во-первыхъ, ты жены
Не видишь никогда—точь-въ-точь разведены;
Адель всегда одна, все дома; ты въ каретѣ,
На скамѣ, въ оперѣ, на балахъ, вѣчно въ свѣтѣ;
Или нельзя никакъ съ женою посидѣть?...»

314—318. ОТРЫВКИ «АДСКОЙ» ПОЭМЫ.

1.

(Въ Геснѣхъ праздникъ. Въ тѣхъ кромѣшнихъ
Есть отдаленный уголокъ)
Гдѣ слезъ дуетъ
Откуда изнаны навѣкъ
Надежда, миръ, любовь и сонъ,
(Гдѣ свищутъ адекіе бичи)
Гдѣ море адекое клокочетъ,
Гдѣ (грѣшника) внимаютъ стоишь
Ужасныи Сатана хохочетъ.

2.

Что козырь?—Черви мнѣ ходить.
Я бью—пелзья-ли погонитъ.
Беру—крутомъ насъ обырала,
Ей, смерть, ты право сплудовала
Ужъ (носно) вѣтъ-ли гуть.
Молчи, ты глушь и молодець
Ужъ не тебѣ меня ловить
Вѣдь мы ираемъ не [дѣя] денегъ,
Лишь только бѣ вѣчностъ проводить.

5.

«Сегодня балъ у Сатаны...
На именины вѣтъ званы...
Смотри, какъ эти два бѣсенка
На кухню тащатъ поросенка...
А этотъ бѣсъ—какъ важенъ оны!
Какъ чинно выметаетъ вошь
Онижки, сѣру, пыль и кости...
Скажи мнѣ, скоро ль будутъ гости?»

*Изъ Кошиновскаго сидѣнья Париканской театры № 2365.
Воспроизводится впервые.*

3.

«Кто тамъ?»—Здорово, господа
Зачемъ пожаловать сюда?
Привѣтъ я гостяи. «Ахъ, Создатель!
Вотъ докторъ Ф[рикенъ] нашъ пріятель!
Живой! Онъ живъ да нашъ давно—
Сегодня ль, завтра ль—все равно!
Объ этомъ думаютъ вояко:
Обычай требовать, однако,
Созволенъя моего...
Но, впрочемъ, это—ничего.
Вы знаете, всегда другу
Я рада оказать услугу,
Я дамой кровю бью глумъ,
Позвольте, козырь—ну, пойдемъ

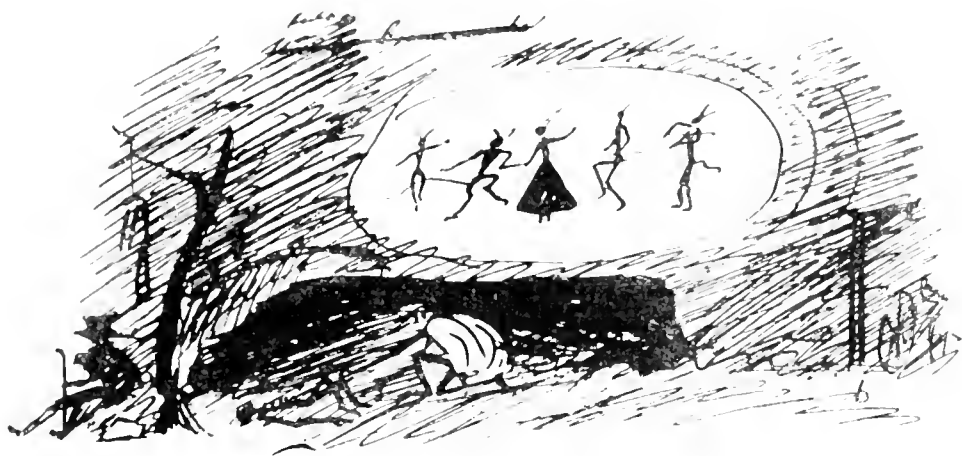
4.

Такъ вотъ дѣтей земныхъ изнанке
Какой порядокъ и молчанье
Какой огромный сводовъ рядъ,
Но гдѣ же грѣшниковъ варить?
Все тихо...—Тамъ, гораздо далѣ,
Гдѣ мы теперь—въ парадной залѣ.

ПЗЪ «АДСКИХЪ» РИСУНКОВЪ КНИЖИЧЕВСКОЙ ТЕТРАДИ № 265.

Листъ 50 (оборотъ); воспроизводится впервые. Чтобы рассмотреть нижние рисунки, надо посмотреть книгу бокомъ

*Из «Адских» рисунков Пушкина в Книжеческой тетради № 2365 (лист 49, оборот).
Воспроизводится впервые.*

«Адские», как их можно обозначить, рисунки Пушкина представляют собою существенное дополнение к тем отрывкам из «Атекопномы», которые помещены на стр. 83. В творческом воображении Пушкина несомненно брошено много отдельных деталей будущей поэмы, часть которых он набросал в стихотворной форме, а часть только зарисовал. Так, верхнюю половину рисунка, помещенного на настоящей странице, можно, конечно, считать иллюстрацией к тем «Сегодня балъ у Сатаны». Но заточная нижняя часть рисунка, затем почти весь рисунок на стр. 86 и некоторые другие рисунки тетради № 2365 изображают совсем другие моменты, а все вместе указывает, что замысел был большим и сложным. Рядомъ на рис. страницы 86 и может быть указывается на намреение изобразить Вальпургиеву ночь, шабаш на Лисон-горѣ; приоткрывшаяся большая черта (стр. 86), может быть страдать от любви и т. д.

Должно правомерно привести в связь «сатанинское» настроение «Атекопномы» и Гавриилъ, Анненковъ и Пушкинъ въ Александровскую эпоху (стр. 474) такъ характеризуетъ «адские» рисунки Пушкина:

Здѣсь является впервые тотъ циклъ художническихъ шалостей, которому французы даютъ

название *diableries*—чертовщины. Этотъ родъ изображеній отличается у Пушкина, однакоже, совсѣмъ не шуточной инокоторые эскизы обнаруживаютъ такую шую изобрѣтательность, такое горячее, свѣтлое состояніе фантазіи, что приобрягаютъ просто значеніе симптомовъ какой-то душевной болѣзни, несомненно завладѣвшей имъ рисовальникомъ.

Съ этою характеристикой очень трудно согласиться. Въ «чертовщинѣ» Пушкина нѣтъ ничего мрачнаго или патологическаго; да ничтожными исключеніями, рисунки веселые и добавные, вольтерански-фривольные.

Изслѣченные нами рисунки принадлежатъ къ лучшимъ образцамъ несомнѣннаго художническаго таланта Пушкина. Въ рисункахъ Пушкина совсѣмъ нѣтъ изощренности, но экспрессивность—временами прямо первоклассная. Сколько шикеней⁹ въ компаніи планирующихъ чертей, во взмахъ смѣлка чорта-скриача, и самое поразительное—какими ничтожными средствами все это достигнуто! Простымъ росчеркомъ пера, безъ всякаго тетапидирования, однимъ улодненіемъ самой сущности поворотовъ, изгибовъ и т. п.

Въ этой силѣ и твердости рисунка скрывается общія черта творчества Пушкина: никакая занушанность, полная ясность и опрѣделенность.

319. ТЕКИТЕ МЕДЛЕННѢЙ ВЪ МО-
ЕМЪ ВОСПОМИНАНЬИ.

Теките медленнѣй въ моемъ воспоминаньи
Въ безмечныхъ радостяхъ — въ живомъ
очарованьи

320. НАПРАСНО РОЩУ ОГЛАШАЕТЪ.

Напрасно рощу оглашаетъ
Охотника веселый рогъ.

321. ОДНА ЧЕРТА РУКИ МОЕЙ.

Одна черта руки моеи
И ты довольна, другъ мой пѣвщій—

322. ДО МЕНЯ ДОХОДЯТЬ.

До меня доходятъ
И звуки струнъ
Печаль на душу мнѣ наводять.

323. МОЛВОЙ ПОКИНУТЫЙ ИЗГНАН-
НИКЪ.

Молвой покинутый изгнанникъ
Въ стѣнахъ Молдави забытъ.

324. НЕИРИМИМОЮ СУДЬБОЮ.

(Неиримимую судьбою
Швыды давно разлучены

Путь дщры вѣрной порою
Не славятъ счастья чередою
Умъ тоской омраченъ.—

325. МЛАДЫХЪ ПИРОВЪ УТИХЛИ
СМѢХИ.

Младыхъ пировъ утихли смѣхи
Утихъ безумства вольный гласъ
Любовницы забыли насъ
И разлетѣлся утѣхъ
Въ изгнаньи
Едѣ
Я въ стѣни
Вообр
Горнишь ли ты
Нѣ...
Едѣ ты

326. ЧУГУНЪ КАГУЛЬСКІЙ, ТЫ СВЯ-
ЩЕНЬ.

Чугунъ Кагульскій, ты священъ
Для Рускаго, для друга славы,
Ты средъ торжественныхъ знаменъ
Упавъ, горящій и кровавый,
Героевъ Сѣвера губи
Но

АЮ-ДАГЪ.

Съ очень рѣдкой литографіи (Гради и Витчи) 1820-хъ в., изъ собранія П. А. Ефремова.

ПУШКИНЪ ВЪ КРЫМУ.

Правительство, переводя коллежскаго секретаря А. С. Пушкина, по службѣ, изъ Петербурга въ канцелярію генерала Низова, хотѣло, конечно, наказати сочинителя «возмутительныхъ» стиховъ, «наводившаго» имъ всю Россію. Однако, этотъ переводъ скорѣе оказалъ Пушкину неожиданную услугу, такъ какъ вырвалъ его изъ мутнаго омутъ Петербургской жизни, далъ ему увидѣть новыя мѣстности и новую природу, оживилъ его фантазію, сблизилъ его съ благороднымъ семействомъ Раевскихъ. Лѣто, проведенное на Кавказѣ и въ Крыму, самъ Пушкинъ относитъ къ числу «счастливейшихъ» дней своей жизни.

Чтобы полно охарактеризовать жизнь Пушкина въ ту эпоху, необходимо разобрать его отношенія къ отдельнымъ членамъ семьи Раевскихъ, опредѣлѣти вліяніе на него Байрона, съ которымъ онъ тогда ближе ознакомился, выяснитъ, насколько отразились на его творчествѣ новыя впе-

чатленія. Такая задача осуществима только въ рядѣ очерковъ и до известной степени выполнена подборомъ статей даннаго тома. Авторъ же настоящей замѣтки ограничивается своею работою гораздо болѣе узкими рамками, желая только прослѣдить путешествіе Пушкина по Тавриѣ, установитъ такъ сказать, его подробный «дорожникъ», «итинерарій».

На Кавказѣ, на минеральныхъ водахъ, Пушкинъ и Раевскіе (отецъ—генералъ, два сына—Николай и Александръ, и двѣ дочери—Софья и Марія) прожили немногимъ болѣе мѣсяца¹⁾. По окончаніи курса обученія рѣшено было всѣмъ, кромѣ Александра Раевского, ѣхать въ Крымъ, въ Юрдуфъ, гдѣ уже находились жена гене-

¹⁾ Самъ Пушкинъ считаетъ (въ письмѣ къ брату 1820 г.) два мѣсяца, но это невѣрно: изъ Екатеринослава онъ выѣхалъ въ самыя послѣднія числа мая, а изъ Юрдуфа—3 августа.

ГУРЗУФЪ (ДОРЗУФЪ) ВО ВРЕМЕНА ПУШКИНА.

Съ очень рѣдкой литографіи (Бианчи въ Одессѣ) 1829-го г., изъ собранія П. А. Ефремова.

рала, Софья Алексѣевна, и двѣ его другія дочери, Екатерина и Елена. Пушкинъ долженъ былъ мечтать объ этомъ путешествіи съ восторгомъ: позднѣе онъ признавался, что въ тѣ дни ему

казалась нужна
Пустыни, волнъ края жемчужны,
И моря шумъ, и грубы скаль...

Какъ уже знаютъ читатели изъ предыдущихъ статей, нѣкоторыя свѣдѣнія о перѣздѣ Раевскихъ отъ Яттигорска до Феодосіи дають «Путевыя записки» Г. Геракова¹⁾, смѣшного, написаннаго стилемъ XVIII вѣка, дневника стараго литератора, гордив-

шагося тѣмъ, что онъ знавалъ Державина и что Денисъ Давыдовъ написалъ къ нему шесть стиховъ. Гераковъ тѣмъ дѣломъ, сопровождая одного изъ своихъ учениковъ, совершалъ путешествіе «по многимъ российскимъ губерціямъ» и случайно выѣхалъ изъ Яттигорска въ Крымъ одновременно съ Раевскими. Въ теченіе десяти дней онъ, какъ неотвязчивая тѣнь, бѣжитъ передъ ними, ведѣ на нѣсколько часовъ предупреждая прѣздѣ Пушкина.

2 августа Гераковъ еще видѣлъ Раевскихъ въ Яттигорскѣ. Подъ этимъ числомъ и занесена отмѣченная уже въ статьѣ г. Вейденбаума забавная записка въ дневникѣ Геракова: «Тутъ увидѣлъ я Пушкина, молодого, который готовъ съ похвальной стороны обратить на себя вниманіе общее: точно онъ можетъ при дарованіяхъ своихъ я ему отъ души желаю всякаго блага: онъ слушалъ и колкую правду, но смѣялся: и эта переѣмна дѣлаетъ ему честь.» Нѣсколькими строками далѣе опять упоминается имя Пушкина: «Часть времени съ

¹⁾ Путевыя записки по многимъ российскимъ губерціямъ, 1820. Статскаго Совѣтника Гавріила Геракова. Петроградъ 1828. «Продолженіе путевыхъ записокъ» егѣ, Петроградъ 1830 г. Гагр. Вас. Гераковъ (р. 1775, ум. 1838), кромѣ этой книги, выпустилъ еще рядъ патріотическихкихъ сочиненій: «Герои русскіе за 400 лѣтъ» (1804), «Чувство вѣронопаннаго» (1807), «Твердость духа россиянь» (1813) и др.

ПУШКИНЪ СЪ РАЕВСКИМИ НА ЮЖНОМЪ БЕРЕГУ КРЫМА.

Картина Айвазовскаго.

Маринымъ и Пушкинымъ языкомъ почесали и разошлись».

Впрочемъ, Гераковъ произвелъ на Пушкина самое неблагоприятное впечатлѣніе. По крайней мѣрѣ шедъ далѣе въ свою «записку» Гераковъ, который еще не разъ встрѣчался съ Раевскими, не упоминаетъ о другихъ бесѣдахъ съ Пушкинымъ. Можетъ быть, говоря о «сколѣй правдѣ», которую будто бы смиренно выслушивалъ Пушкинъ, Гераковъ разумѣлъ свои собственные рѣчи. Пушкинъ, разумѣется, не обратилъ никакого вниманія на мелочныя нападки «старозавѣтнаго» литератора, надъ которымъ давно перестали даже смѣяться, и это-то пренебреженіе и показалося Геракову «смирненіемъ».

Гераковъ выѣхалъ изъ Пятигорска 5 августа, въ два часа дня. Судя по тому, что Раевскіе прѣѣзжали на почтовую станцію постоянно послѣ него черезъ нѣсколько часовъ, надо предположить, что они вы-

ѣхали въ тотъ же день, къ вечеру. Мариинскъ Геракова былъ: Георгиевскъ, Ставрополь, Врочный-Окопъ, Темизбекъ, Кавказская крѣпость, Карантинный редутъ, Екатеринодаръ, Темрюкъ, Тамань. Впрочемъ, таковы же были и путь Раевскихъ, по крайней мѣрѣ Гераковъ трижды выѣхалъ по пути: 8-го въ Темизбекъ, 9-го въ Кавказской крѣпости, 14-го въ Тамани. Дорога заняла восемь дней, такъ какъ Гераковъ былъ въ Тамани уже ночью 12-го.

Всѣ эти дни, отъ 5 до 12 августа, стояла жара, и путешественники страдали отъ зноя. О путевыхъ впечатлѣніяхъ Пушкина см. выше стр. 20.

Въ Тамань Раевскіе прѣѣхали, кажется, на день позже Геракова, утромъ 13-го. «Тамань, самый скверный городишко изъ всѣхъ приморскихъ городовъ Россіи», писалъ нѣсколько дѣтъ спустя Лермонтовъ. Въ 1820 году это было жалкое селеніе, куда деревенныхъ дачушекъ съ 200 жителей, полуиндусовъ, полудрабониковъ. Гераковъ остановился въ собственно-городѣ, а Раевскіе въ крѣпости Фанаторинъ, у

* Александръ Маринъ, полковникъ, участникъ Борзовскаго боя, бывшій ученикъ Геракова, съ которымъ онъ случайно встрѣтился въ Пятигорскѣ.

ПУШКИНЪ НА ЮЖНОМЪ БЕРЕГУ КРЫМА.

Картина Айвазовскаго.

ся коменданта, грека по происхожденію, Каламара.

Погода въ концу путешествія нѣсколько ухудшилась и сильный вѣтеръ не позволялъ пуститься въ море. Это заставило Раевского, какъ и Геракова, прожить въ Тамани больше двухъ сутокъ. Подъ 14 августа у Геракова записано: «Генералъ П. П. Раевскій былъ у насъ». Потомъ, отдавая визитъ, Гераковъ со своимъ спутникомъ ѣздили на дрожкахъ къ Раевскимъ, въ крѣпость. «Ничего чай, — записалъ Гераковъ, — съ его дочерью и англичанкою, доброю Матенью». Пушкинъ за этимъ чаемъ, какъ видно, не присутствовалъ.

Въ письмѣ Пушкина къ брату (1820 г.) о Тамани сказано всего нѣсколько словъ: «Съ полуострова Таманя, древняго Тму-тараканскаго княжества, открылись мнѣ берега Крыма». Дѣйствительно, изъ Тамани видны Керчь и Еникале.

15 августа явилась, наконецъ, возможность плыть черезъ проливъ. Гераковъ

вышелъ въ 9 ч. утра на канонерской лодкѣ и добрался до Керчи только къ 5 часамъ, хотя обычно этотъ перевѣздъ совершался тогда часа въ 2 съ половиною. «Раевскій послѣ насъ привалъ», — записалъ Гераковъ. Слѣдовательно Раевскіе и Пушкинъ совершали переправу на другомъ суднѣ. «Изъ Азии переѣхали мы въ Европу на кораблѣ», выразился объ этой переправѣ Пушкинъ.

Восточный берегъ Крыма неинтересенъ: берега плоскіе, низкіе, возвышенности въ глубинѣ страны незначительныя, растительность скудная. Пушкинъ признается брату (письмо 1820 г.), что, подъѣзжая къ Керчи, онъ думалъ такъ: «Здѣсь увижу я развалины Митридатова гроба, здѣсь увижу я слѣды Папикашенъ». Прибывъ въ Керчь, онъ «тотчасъ» посѣщилъ къ «Митридатовой гробницѣ», даже смелъ пушкинъ сорвать тамъ цѣпокъ «для памяти»; потомъ не преминулъ, какъ туристъ, совершить паломничество на Золотой холмъ.

ПУШКИНЪ НА АН-ПЕТРИ.

Картина Айвазовскаго.

Но очень скоро ему пришлось убедиться, что «напрасно чувство возбуждать» онъ.

Въ двухъ письмахъ Пушкинъ говоритъ о своихъ впечатлѣннхъ отъ Керчи и въ обоихъ описываетъ свое разочарованіе. Въ письмѣ къ брату (1820 г.) онъ пишетъ: «На ближней горѣ, посреди кладбища, увидѣлъ я трупъ камней, мусовъ, грубо вырубленныхъ, замѣтилъ нѣсколько ступеней, двѣ рукъ человеческихъ. Гробъ ли это, древнее ли основаніе башни, — не знаю. За нѣсколько верстъ остановились мы на Золотомъ холмѣ. Ряды камней, ровъ, почти сравнившійся съ землею — вотъ все, что осталось отъ города Пантикеева».

Въ письмѣ къ Дельвину 1824 г., сравнивая свои впечатлѣнія съ впечатлѣніями А. Муравьева-Апостола, который тѣмъ же лѣтомъ 1820 г. тоже путешествовалъ по Крыму, Пушкинъ выражается еще опредѣленнѣе: «Я тогдашъ отправился на такъ называемую Митриатову гробницу, развалины какой-то башни, тамъ сорвалъ цвѣтокъ для памяти и на другой день пое-

рядъ безъ всякаго сожалѣнія. Развалины Пантикеева не сильнѣе подвигновили на мое воображеніе. Я видѣлъ слѣды улицъ, полузаросшія ровъ, кирпичи и только».

Въ черновомъ наброскѣ этого письма *) Пушкинъ добавляетъ еще: «Воображеніе мое было: хоть бы одно чувство, нѣтъ!»

Впрочемъ, и Муравьевъ-Апостолъ, хотя Пушкинъ и поражается «различіемъ ихъ впечатлѣній», не очень восхищался Керчью и особенно остатками Митриатовыхъ временъ. «Здѣсь остался, пишетъ онъ **, развалины огромныхъ цоколей, можетъ быть, служившихъ портикомъ царскихъ чертоговъ. Одному изъ нихъ присваивается имя Кресель Митриатовыхъ безъ всякой прѣтвнны, кромѣ той, что непременно хотѣлось ваши здѣсь какой-нибудь

*) Соч. Пушкина. Изд. Академіи Наукъ. М., 1906.

** А. Муравьевъ-Апостолъ. Путешествіе по Тавриѣ. Въ 1820 году (Спб. 1823) это собраніе писемъ, въ общемъ затрогивающихъ вопросы научными вѣданіями.

ПУШКИНЪ У СКАЛЬ АЮ-ДАГА

Картина Айвазовскаго.

памятникъ знаменитѣйшаго изъ царей Восторскихъ».

Заго Гераковъ, конечно, былъ въ восхищеніи. «Мы всходили,—вишеть онъ,— на гору и видѣли то мѣсто, гдѣ, какъ говорятъ, Митридатъ, Понтійскій Государь, спяшавъ. Я сѣлъ на сіи большія кресла, красиво изсѣченныя изъ дикаго камня, и окинулъ взоромъ вокругъ себя. Предѣстная, величественная картина!»

Позднѣ Пушкинъ не устоялъ, однако, переть соблазномъ украсить свои стихи звучнымъ именемъ и въ «Путешествіе» Ойбгггга вставилъ-таки Митридата:

Онъ бѣгъ къ берегамъ нивымъ,
Онъ прибылъ изъ Тамани въ Крымъ.
Вообразенью край священныи:

Съ Атризомъ спорилъ тамъ Шладъ,
Тамъ заколося Митридатъ...

Болнѣ, чѣмъ урочища съ историческими воспоминаніями, могла заинтересовать Пушкина современная жизнь Керчи. Керчь была въ то время уже довольно значительнымъ, торговымъ городомъ, съ населеніемъ въ 4000 человекъ. Большинство жителей были греки, и въ городѣ сохранялись старинныя полугреческіе, полу-турецкіе обычаи. Цѣлый день можно было видѣть, какъ на пестрыхъ коврахъ, разостланныхъ переть домиками, сидятъ, поджавъ ноги, нѣхъ владѣльцы, работаютъ, пьютъ кофе, бесѣдуютъ. Но, вѣроятно, эти впечатлѣнія были стерты въ памяти Пушкина болнѣ яркими картинами уличной жизни Одессы и Кишинева.

ДОМЪ РИШЕЛЪ ВОСЛѢДСТВІИ ГАРБОНИА ВЪ САРЪЗЪБЪ ТЪ ЖЕЛЪ
ИМЕНИТЬ.

и. С. П. П. — см. в К. 1.

У Геракова находимъ только такую записку подъ 15 авг.: «Быль у П. П. Раевского, который послѣ насъ прѣбывалъ; слышь меньшей очень боленъ; жаль молодца».

Изъ Керчи Раевскіе побѣжали въ Θεодосію, или, какъ тогда называли этотъ городъ, въ Кефу, — впрочемъ, тоже моремъ, потому что въ распоряженіе ген. Раевского былъ предоставленъ военный бригъ. Θεодосія была тогда не многими болше Керчи и нисколько не привлекательнѣе ея по мѣстоположенію. Тѣ же невысокіе холмы за городомъ, то же плоское побережье и такая же скудная растительность вокругъ. Грязно-сѣрыя развалины генуэзскихъ башенъ посреди города не украшаютъ его нисколько. И Муравьевъ-Анстоль, и Гераковъ согласно жалуются, что въ городѣ негдѣ было укрыться отъ дѣтвора крымскаго зноя. На берегу моря былъ уже разведенъ бульваръ, но молодыя деревья еще не давали тѣни.

Пушкинъ ни въ письмахъ, ни въ стихахъ не помянулъ самую Θεодосію ничѣмъ добрымъ. «Изъ Керчи прѣбжали мы въ Кефу, — разсказываетъ онъ (письмо 1820 г.), — остановились у Броневскаго, человека бочатеннаго по пенсюрочной службѣ и по бѣдности. Теперь онъ подъ судомъ, — и, подобно старику Виргиліа, разводитъ садъ на берегу моря, недалеко отъ города. Винопградъ и миндаль составляютъ его доходъ. Онъ не умный человекъ, но имѣетъ большія свѣдѣнія о Крымѣ, сторонѣ важной и запрещенной»¹⁾.

Гераковъ подробно описываетъ садъ Броневскаго. «Садъ его, — пишетъ онъ, — имъ разведенный, имѣетъ болше 10,000 фруктовыхъ деревьевъ... Въ саду много есть миндаля, семо и овамо, въ пріятномъ безпорядкѣ: то остатки колоній Паросскаго мрамора, то камни съ надписями, — памятникъ воздвигнутый племянницѣ его, храмичи, горки и прочъ». Въ этомъ приморскомъ саду, среди колоній, горокъ и храмиковъ, мы и въ правѣ представлять себѣ Пушкина въ Θεодосіи.

16-го августа Гераковъ, посѣтивъ Броневскаго, еще разъ упоминаетъ, что засталъ тамъ генерала Раевского «съ дочерьми и большими въ сынотъ». Но, повидному, въ тотъ же день или на слѣдующее утро Раевскіе уже выѣжали изъ Θεодосіи.

¹⁾ Сем. Богд. Броневскій — ум. 1830 г. — бывшій градоначальникъ Θεодосіи. Въ 1823 г. онъ издалъ Новшій историческія и географическія свѣдѣнія о Кавказѣ.

До сихъ поръ путешествіе по Крымѣ мало радовало Пушкина. Керчь обманула его ожиданія; знойная, пыльная и скучная Θεодосія не могла вознаградить за то. Пушкинъ долженъ былъ возлагать новыя надежды на морской переѣздъ въ Юрзуфъ. Но берега отъ Θεодосіи до Алуиты тоже малоинтересны, а къ Алуитѣ корабль подошелъ уже поздно ночью, въ темнотѣ. То, что самъ Пушкинъ разсказываетъ объ этомъ переѣздѣ, доказываетъ, какъ онъ былъ разочарованъ (письмо 1824 г.): «Передо мною, въ туманѣ, тянулись полуденныя горы... «Вотъ Чатырдагъ» — сказали мнѣ капитанъ. Я не различилъ его, да и не любуясь ствѣвалъ».

Въ другомъ письмѣ (1820 г.) Пушкинъ добавляетъ: «Ночью на кораблѣ вискалъ я элегію». Это — стихи: «Погасло дневное свѣтило». Здѣсь еще нѣтъ ни малѣйшаго слѣда восторга передъ Крымомъ. Правда, элегія представляетъ собою подражаніе Байроновскому «Чайльдъ-Гарольду». Но все же нельзя однимъ этимъ объяснить полное отсутствіе мѣстнаго колорита. Великій мастеръ эпитетовъ не нашелъ ни одного живого, точнаго слова, чтобы изобразить именно берега Крыма. Пушкинъ говоритъ еще въ самыхъ общихъ выраженіяхъ: «земли полуденной волшебныя края» — опредѣленіе, равно подходящее и къ Испаніи и къ Индіи. «Вѣтрило, угрюмый сокеанъ», воспоминанія провалаго, жизни на Сѣверѣ, — вотъ что исключительно занимаетъ воображеніе Пушкина въ этой элегіи.

«Передъ свѣтомъ я заснулъ», — разсказываетъ далѣе Пушкинъ (Письмо 1824 г.). Ему суждено было поразительное пробужденіе. «Корабль остановился въ виду Юрзуфа. Проснувшись, увидѣлъ я картину вѣщательную: разноцвѣтныя горы сіяли; плоскія кровли жилищъ татарскихъ издали казались ульями, прилѣпленными къ горамъ; тополи, какъ зеленыя колонны, стройно возвышались между ними; справа огромный Аю-Дагъ... И кругомъ это сплеще, чистое небо, и свѣлое море, и блескъ, и воздухъ полуденный».

Позднѣе, въ «Путешествіи» Оуѣгина, Пушкинъ изобразилъ тѣ же впечатлѣнія въ стихахъ:

Прекрасна вы, берега Тавриды,
Когда васъ видишь съ корабля
При блескѣ утренней Киприды,
Какъ васъ впервой увидѣлъ я;
Вы мнѣ претстали въ блескѣ брачномъ:
На небѣ сплеще и прозрачномъ

ИЗ ДИКЦИИ ВЪ КРЪИМУ.

Горница - Агазочкава.

«ПЛАТАНЪ ПУШКИНА» ВЪ ЮРЗУФЪ, ПЕРЕДЪ ДОМОМЪ, ГДѢ ЖИЛЪ
ПУШКИНЪ.

Съ фотографии, снятой въ 1907 г.

Сяди трупы ванихъ горъ;
Долинь, деревень, сель узоръ
Разостланъ былъ передо мною...

Пушкину, дѣйствительно, могло казаться, что онъ видитъ берега Тавриды «впервой»: они явились ему совершенно въ новомъ обликѣ. Только съ этой минуты начинается у Пушкина его любовь къ Крыму, которую сохранялъ онъ долго послѣ.

Юрзуфъ — одно изъ красивѣйшихъ и характернѣйшихъ мѣстъ на южномъ берегу Крыма. Гряда Крымскихъ горъ красивыми линиями замыкаютъ горизонтъ. Широкая прибрежная полоса тонетъ въ садахъ и лѣсахъ. Свообразную красоту придаетъ мѣстности большая темная скала, глубоко вдающаяся въ море. Она нѣсколько напоминаетъ медвѣдя, уткнувшася мордой въ воду, и потому татары называютъ ее Людагъ, Медвѣдь-гора. Берегъ моря — то песчаный, то изъ мелкихъ камешковъ, нѣжно

шелестящихъ съ волнами при легкомъ прибоѣ.

Въ 1820 году Юрзуфъ принадлежалъ герцогу де-Ришелье, устроителю Одессы. У него былъ въ Юрзуфѣ свой «замокъ», причудливое, некрасивое и неудобное зданіе. По словамъ А. Муравьева-Апостола, «замокъ этотъ доказываетъ, что хозяину не должно строить заочно, а можетъ быть и то, что самый отменно-хорошій человекъ можетъ имѣть отменно-дурной вкусъ въ архитектурѣ. Въ этомъ «замкѣ» и поселились Раевскіе, но Некрасовъ (въ «Рус. Жечинцахъ») ошибся, говоря: «споздъ наверху пріотидея»; Пушкинъ жилъ ввиду юрзуфскаго дома.

«Въ Юрзуфѣ, — рассказываетъ Пушкинъ (письмо 1824 г.), — жилъ я сиднемъ, купался въ морѣ и обывалъ виноградомъ; я тотчасъ привыкъ къ полуденной природѣ и наслаждался ею со всею равноду-

нiемъ и безмечтностью Неаполитанскаго Lazzaroni. Я любилъ, проснувшись ночью, слушать шумъ моря—и заслушивался цѣлые часы. Въ двухъ шагахъ отъ дома росъ молодой кипарисъ; каждое утро я навѣшалъ его и къ нему прививался чувствомъ, похожимъ на дружество».

Окрестности Юрзуфа: пагорбные лѣса, въ которыхъ встрѣчаются развалины старинныхъ городовъ, живописная долина рѣки Сюариутяна, роскошный Никитскiй садъ, уже славившiйся и въ то время,—очень замѣчательны. Но, сколько можно судить, Пушкинъ почти не познакомился съ ними, и его выраженiе «я жилъ сидѣмъ» надо понимать почти буквально. Разговаривая о любви къ Раевской, работа надъ поэмой, изученiе Байрона—удерживали его отъ далекихъ прогулокъ. «Суди, былъ ли я счастливъ,—писалъ онъ брату (1820 г.),—свободная, безпечная жизнь въ кругу милаго семейства, жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не наслаждался:—счастливое полуденное небо; прелестной край; природа, удовлетворяющая воображенiе; горы, сады, море»...

Въ Юрзуфѣ писался «Кавказскiй Пльвникъ» и было набросано нѣсколько стихотворенiй: Юрзуфомъ навѣяны написанныя позже «Переида» и «Рѣдветъ облаковъ летучая града». Когда Пушкинъ пытался описать Крымъ, въ его цѣломъ, ему прежде всего вспоминались картины Юрзуфа: таковы лучшiя строфы стихотворенiя «Желанiя»:

Я помню горь прибрежная стремнина,
Прозрачныхъ водъ веселыя струи,
И тѣнь, и шумъ, и красныя долины...
.....
Все мило тамъ красою безмятежною,
Все путника плывиеть и манить,
Какъ въ ясныя день порою прибрежной
Привычный конь по склону горь бѣжить.
Повсюду трудъ веселый и прилежный
Сады татаръ и нивы богатить,
Холмы цвѣтуть и въ листьяхъ винограда
Висеть лютарь, ночныхъ широкъ отрата...

Наконецъ, прямо о Юрзуфѣ говоритъ Пушкинъ въ заключительныхъ стихахъ «Бахчисарайскаго Фонтана», гдѣ онъ вспоминаетъ, какъ

Зеленящая влага
Прель шумъ и блещеть и шумить,
Вокругъ утесовъ Аю-Дага...

Въ Юрзуфѣ Пушкинъ прожилъ три недѣли. Тѣмъ временемъ наступилъ срокъ возвратиться ему къ Пизову на мѣсто службы. Вѣроятно, около 6 сентября *) Пушкинъ и генералъ Раевскiй, вдвоемъ, выехали изъ Юрзуфа, направляясь въ Бахчисарай, окольнымъ путемъ, мимо Ялты и Алуши (моремъ?), черезъ Кикененскъ, т. е. черезъ самыя замѣчательныя мѣстности южнаго берега. Семейство Раевскихъ направилось въ Бахчисарай болѣе прямымъ путемъ.

Изъ Кикененса Пушкинъ и Раевскiй поднялись на Яйду по тому переходу который у татаръ носитъ названiе «Найтанъ-мердвень», «Чортова лѣстница». Это—неширокая лѣстница, пробитая въ самомъ массивѣ скалъ, поднимающаяся почти вертикально, ступенями громадной величины «Страшный переходъ по скаламъ Кикененса не оставилъ ни малѣйшаго слѣда въ моей памяти,—уверяетъ Пушкинъ (письмо 1824 г.).—По горной лѣстницѣ взобрались мы нѣшкомъ, держа за хвостъ Татарскихъ лошадей нашихъ. Это забавляло меня чрезвычайно и казалось какимъ-то таинственнымъ, восточнымъ обрядомъ».

По Яйдѣ путешественники проѣхали въ Георгiевскiй монастырь: это было уже совершенно крючкомъ въ сторону. Но Георгiевскiй монастырь посмотрѣть стоило. Даже въ дубоватомъ описанiи Геракова чувствуется красота этой мѣстности. «Проѣхавъ семь верстъ,—пишетъ онъ,—съ горы на гору,

*) Хронологiя второй половины путешествiя Пушкина по Крыму довольно запутана. Для выясненiя ея у насъ имѣются слѣдующiя данныя. Гераковъ видѣлъ Раевскихъ въ Феодосiи 16 августа. Пушкинъ говоритъ, что прожилъ въ Юрзуфѣ три недѣли. 8 сентября Гераковъ повстрѣчалъ Раевского уже въ Симферополѣ. Между 16 августа и 8 сентября—23 дня и должны лежать тѣ три недѣли, которыя Пушкинъ провелъ въ Юрзуфѣ. Доказательствомъ, что Пушкинъ былъ въ Юрзуфѣ уже въ августѣ, служитъ помѣта въ черновой тетради «Кавказскаго Пльвника»: «Юрзуфъ... Августа; на той же страницѣ тетради карандашомъ написано: «Владимiръ, 1820. А в)густа 24» (Соч. Изд. Акад. Наукъ, II, стр. 382). Съ другой стороны у насъ есть стихотворенiе Пушкина, помѣченное: 1820. Юрзуфъ, 20 сентября» Соч. Изд. Акад. Наукъ, II, стр. 332—дата, которую невозможно согласовать съ другими, 24 сентября уже помѣчено письмомъ Пушкина къ брату изъ Кишинева. Въ четыре дня нельзя было совершить путешествiя изъ Юрзуфа, черезъ Кикененскъ и Бахчисарай, въ Кишиневъ. Приходится или дать другое объясненiе датѣ «20 сентября, Юрзуфъ», или причислить ее къ незначительнымъ опискамъ Пушкина.

«СКАЛА ПУШКИНА» ВЪ ГУРЗУФѢ.

Съ фотографіи, снятой въ 1907 г.

остановившись у небольшого портика, со вкусом выстроеннаго, вошли въ оный — и мы въ Георгіевскомъ монастырѣ, и вдругъ глазамъ нашимъ явилось Черное море, крутые, дикіе берега, нависшія огромныя скалы, высунувшіяся въ шумную влагу тучины, въ величественномъ и мрачномъ видѣ». Монастырь расположенъ на уступѣ горы, съ которой ведетъ къ морю очень крутой спускъ. Въ 1820 г. въ монастырѣ было съ архіерейскомъ всего десять монаховъ, ютившихся въ небольшихъ кельяхъ, «надъ конми, — рассказываетъ Муравьевъ-Апостоль, — видны опустѣвшія, осматривающіяся пещеры, въ коняхъ прежніе отшельники обитали».

«Монастырь и его крутая абетница къ морю, — говоритъ Пушкинъ письмомъ 1824 г., — оставили во мнѣ сильное впечатлѣніе. Тутъ же видѣлъ я и баснословныя развалины храма Даны». Пушкинъ напи-

салъ даже стихи къ этимъ развалинамъ, начинающіеся вопросомъ:

Къ чему холодная сомнѣнья?
Я вѣрою здѣсь былъ грозный храмъ...

Холодная сомнѣнья, однако, были многи въ умѣтныя и, напр., Муравьевъ-Апостоль въ своихъ письмахъ рѣшительно отвергаетъ, чтобы здѣсь именно былъ «грозный» храмъ Артемиды.

Изъ Георгіевскаго монастыря Пушкинъ и Раевскій поехали въ Баухсарай, гдѣ уже дожидалось ихъ семейство Раевскихъ. Пушкинъ увидѣлъ «берега веселья Салгиря», единственной значительной въ Крыму рѣки, о которыхъ потомъ вспоминалъ не разъ въ стихахъ¹⁾.

Начо думать, что Пушкинъ, пріѣхавшии

¹⁾ Описывая Салгирь, Тераковъ, вѣроятно, прямо намекаетъ на Пушкина, говоря, что эта рѣка, прославленная плакатыми путешествіемъ

«ГРОТЪ ПУШКИНА» ВЪ ГУРЗУФЪ.

Съ фотографіи, снятой въ 1907 г.

въ Бахчисарай подубольнымъ, остался тамъ съ семействомъ Раевскаго, тогда какъ генералъ Раевскій пробѣжалъ дальше, въ Симферополь. Но крайней мѣрѣ Гераковъ, опять появившійся въ эти дни вблизи отъ Пушкина, отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ нѣсколько встрѣчъ съ П. П. Раевскимъ въ Симферополѣ, 8, 9 и 17 сентября. Впрочемъ, между Бахчисараемъ и Симферополемъ всего четыре часа вѣды.

Пушкинъ увѣряетъ въ письмахъ, что Бахчисарай не произвелъ на него особаго впечатлѣнія, объясняя это тѣмъ, что его тогда мучила лихорадка. «Вошедъ во дворецъ, — рассказываетъ Пушкинъ (Письмо 1824 г.), — увидѣлъ я испорченный фон-

танъ: изъ заржавой желѣзной трубки по калямъ падала вода. Я обошелъ дворецъ съ большой досадою на побереженіе, въ которомъ истѣиваетъ... NN (Раевскій) почти насильно повелъ меня по ветхой лѣстницѣ въ развалины Гарема».

Совѣтъ иначе, однако, изобразилъ Пушкинъ свое посѣщеніе въ стих. «Фонтану Бахчисарайскаго дворца» (1820). Позднѣе, въ «Путешествіи» Олѣгина, Пушкинъ тоже разсказалъ о своемъ посѣщеніи Бахчисарая въ другомъ тонѣ:

Таковъ ли былъ я, расцвѣтая,
Сказки, Фонтанъ Бахчисарая!
Такія ль мысли мнѣ на умъ,
Наведь твой безконечный шумъ!
Когда безмолвно предъ тобою
Зарему я воображалъ?

никами, романтическими писателями», на самомъ дѣлѣ «меньше ручья, ибо и утки ходятъ поперекъ оная». Надо, однако, замѣтить, что Салгиръ, какъ все горныя рѣчки, послѣ дождей совершенно мѣняется и тогда, даже въ верховьяхъ, представляетъ стремительный и бурный потокъ.

* А въ письмѣ: «по калямъ падала вода»...

ЛЮБИМЫЙ КИНАРИСЪ ПУШКИНА ВЪ ГУРЗУФЪ.

Съ фотографіи, снятой въ 1907 г.

Если вѣрить дневнику Геракова, Пушкинъ прожилъ въ Бахчисарѣ до 20 сентября. Подъ 19 сентября у Геракова записано: «Въ осьмомъ часу вечера, бывъ приглашенъ, пилъ чай у Раевской; тутъ были всѣ четыре дочери ея: одной только я прежде не видалъ. Елена: могу сказать, что мало столь прекрасныхъ лицъ». 20 сентября, увѣзая изъ Бахчисарая, Гераковъ прощался съ Раевскими. Можетъ быть, въ тотъ же день увѣзли и Раевскіе. Пушкинъ пукъ проводилъ до Перекопа, а отсюда направился къ Низову, въ Кишиневъ, гдѣ уже и былъ 24 сентября.

Все путешествіе Пушкина по Крыму заняло немногимъ болѣе двухъ мѣсяцевъ. Изъ этого времени самъ Пушкинъ считаетъ «счастливейшими» днями только три недѣли, проведенныя въ Юрдуфѣ; остальные дни онъ или скучалъ, или былъ равнодушенъ, или страдалъ отъ лихорадки. Между

тѣмъ, по мѣрѣ того, какъ Крымъ сталъ отодвигаться для Пушкина въ прошлое, онъ началъ пріобрѣтать все болѣе и болѣе очарованія. Пушкинъ, котораго въ Бахчисарѣ пришлось «почти пасивно» вести осматривать гаремъ, Пушкинъ, который «не любознательствовалъ» взглянуть на Чаргардаъ, поздне не испытывалъ по Крымѣ настоящую «тоску по родинѣ».

Уже послѣ переезда на Яйду у Пушкина «сердце сжалось», и онъ «началъ тосковать о милымъ полуднѣ», «хотя все еще витѣлъ и тополи и виноградныя лозы». А тогдашн брату письмомъ 1820 г.: «Другъ мой, любимая моя надежда увидѣть опять полуденный берегъ».

Въ стихотвореніи «Желаніе» (1821 г. есть восклицанія:

Приду ли вновь, поклонникъ музъ и мира,
Забывъ молву и жилинъ суеты,

На берегахъ веселаго Салгира
Воспоминать души моей мечты

Тѣ же выраженія повторены въ заключеніи «Бахчисарайскаго Фонтана» (1822 г.):

Поклонникъ музъ, поклонникъ мира,
Забывъ и славу и любовь,
О, скоро ль васъ увижу вновь,
Брега веселаго Салгир!
Ирду на склоны приморскихъ горъ,
Воспоминаній тайныхъ полныя,
И вновь таврическія волны
Обрадуютъ мой жаждный взоръ!

Въ письмѣ къ Дельвигу 1824 г., Пушкинъ опредѣленно ставитъ вопросъ: «Расстолкуй мнѣ теперь, почему полуденный берегъ и Бахчисарай имѣютъ для меня прелесть неизъяснимую? Отчего такъ сильно

во мнѣ желаніе вновь посѣтить мѣста, оставленные мною съ такимъ равнодушіемъ? Или Воспоминаніе самая сильная способность души нашей, и имъ очаровано все, что подвластно ему?»

Наконецъ, въ послѣдней пьесѣ «Опѣтина», которая писалась уже въ 30-хъ годахъ, Пушкинъ, какъ о чемъ-то дорогомъ и любимомъ, вспоминаетъ, какъ онъ вдвоемъ «съ ласковой Музой» бродилъ по крымскимъ берегамъ.

Какъ часто по брегамъ Тавриды,
Она меня во мѣлѣ ночной
Водила слушать шумъ морской,
Немолчный шепотъ Перевы,
Глубокій, вѣчный хоръ базовъ,
Хвалебный гимнъ Отцу міровъ!

Валерій Брюсовъ.

ПУШКИНЪ ВЪ КРЫМУ .

*Автопортретъ, рисованный Пушкинымъ во время его пребыванія въ Крымѣ
(Гумлицевскій музей).*

ПУШКИНЪ и РАЕВСКІЕ.

Въ полномъ отчаяніи, подъ гнетомъ тяжелаго прошлаго и неизвѣстнаго будущаго, убѣждалъ Пушкинъ въ изгнанье на югъ. Какъ уже знаютъ читатели изъ предыдущихъ статей, тамъ ждала его встрѣча, принесшая ему «счастливейшія минуты въ жизни»¹⁾—и не менѣе важныя. То была встрѣча съ семействомъ героя 12-го года генерала Раевского.

Пушкина знали Раевскіе еще по Царскому Селу и Петербургу, гдѣ въ обществѣ военной молодежи сблизился съ нимъ младшій сынъ генерала, лейбъ-гусарь Николай Николаевичъ-младшій и даже успѣлъ оказать ему какія-то «незабвенныя услуги»²⁾. Знали Раевскіе и объ отъѣздѣ Пушкина въ Екатеринославъ въ началѣ мая 1820 г., такъ какъ даже собирались передать черезъ него въ Кіевъ письмо старшему изъ двухъ сыновей старика Раевского, Александру, но «мама забыла послать его съ Пушкинымъ», пишетъ 7-го мая 1820 г. Александру Николаевичу сестра³⁾. Неудивительно поэтому, что когда въ томъ же маѣ Раевскіе проѣздомъ оказались въ Екатеринославѣ, Николай Николаевичъ, едва вышель изъ коляски въ 10 часовъ вечера, тотчасъ же пустился въ поиски за Пушкинымъ⁴⁾. На слѣдующій день Пушкинъ уже былъ на пути къ Кавказскимъ водамъ⁵⁾.

Изъ Раевскихъ пока были на лицо старикъ генералъ, его сынъ Николай и двѣ младшихъ дочери, Марія, 14-15 лѣтъ, и малолѣтняя Софія. «Я помню, какъ во время

этого путешествія», позднѣе вспоминала первая изъ нихъ: «недалеко отъ Таганрога я ѣхала въ каретѣ съ Софьей, нашей англичанкой, русской няней и компаньонкою. Увидя море, мы приказали остановиться, и вся наша ватага, выйдя изъ кареты, бросилась къ морю любоваться имъ. Оно было покрыто волнами, и, не подозрѣвая, что поэтъ шелъ за нами, я стала для забавы бѣгать за волной и вновь убѣгать отъ нея, когда она меня настигала; подъ конецъ, у меня вымокли ноги; я это, конечно, скрыла и вернулась въ карету. Пушкинъ напечатлѣвъ эту картину такой красивой, что воспѣлъ ее въ предельныхъ стихахъ, поэтизируя дѣтскую шалость:

Какъ я зашювала волнамъ,
Бѣгушимъ бурной чередою
Съ любовью лечь къ ея ногамъ!
Какъ я желала тогда съ волнами
Коснуться моихъ ногъ устами!»¹⁾

Изъ Кавказской природы Муза Пушкина

...для вѣнча себя срывала
Кавказа дикіе цвѣты.
Ее пѣлилъ парадъ суровой
Племень, возросшихъ на войнѣ...
Вокругъ ауловъ опустѣлыхъ
Одна бродила по скаламъ
И къ пѣснямъ дѣвъ оспротѣлыхъ
Она прислушивалась тамъ:
Любила бранныя станцы,
Тревоги смѣлыхъ казаковъ,
Курганы, тихія гробницы,
И шумъ и ржанье табуновъ²⁾...

Впрочемъ, дальнѣе Минеральныхъ водъ въ глубь Кавказа Пушкинъ на этотъ разъ не зашелъ.

О пребываніи въ Крыму см. выше В. Я. Брюсова.

Общество Раевскихъ въ Юрзуфѣ увеличилось женой генерала, Софьей Але-

1) Письмо къ брату 1820 г. 24 сентября.

2) Ibid. Слѣдъ этого знакомства и дружбы въ стих. запискѣ II-а къ Жуковскому 1819 г. (т. I, стр. 529).

3) Гершензонъ. Семья декабристовъ. Бюллет. 1906, X. Дата показываетъ, что къ 7-му II—въ уже выѣхалъ изъ Петербурга.

4) Какъ это отнѣсать характеристикѣ, данной II. Раевскому отцомъ: «Николай будетъ, можетъ быть, легкомысленъ, надѣлаетъ много глупостей и ошибокъ, но онъ способенъ на порывъ, на дружбу, на жертву, на великодушіе». Гершензонъ XI, 163.

5) Письмо 1820 г. 24 сев.; Гершензонъ X.

1) Оцѣннъ, I, строфа XXXIII. Записки вн. М. Н. Волконской, 22.

2) Эпизодъ Кавказскаго Пѣлнника.

Генералъ

Шейтенантъ

Н. Николаевичъ

Развѣкки

Видъ изъ разбитой гряды и за стѣною ея, гдѣ и — когда пришло въ вечеръ дѣло въ близости

Гравюра Кароли (1812). Видъ изобразилъ эпизодъ изъ Отечественной войны, воспѣтый Жуковскимъ въ его «Шляхъ во стѣнѣ Русскихъ Воиновъ»

Развѣкки, слава нашихъ дней,
 Хвала перель рядами
 Ось первый гудъ противъ меча
 Съ отважными сынами.
 „Отважные сыны“—Александръ и Николай Николаевичи

КАМЕНКА.

Съ рисунка, сделаннаго въ 1853 г.

Кефевной, и двумя изъ дочерями, Екатериной, старшей изъ вѣхъ сестеръ, и 16-лѣтней Еленой. Александръ Раевскій еще оставался на Кавказѣ. Въ домѣ оказалась старинная библиотека; Пушкинъ нашелъ въ ней сочиненія Вольтера и принялся ихъ перечитывать. Но иѣкогда «единственный старикъ» теперь долженъ былъ раздѣлять свою славу съ новымъ кумиромъ—Байрономъ. Сохранилась легенда, что произведенія Байрона были книгой, по которой Пушкинъ учился англійскому языку подъ руководствомъ Екатерины Николаевны Раевской¹⁾; послѣдняя рѣшительно опровергала это, такъ какъ ей въ то время было 23 года, а Пушкину 21, и одиѣнь этотъ возрастъ, но тогдашнимъ строгимъ понятіямъ о приличіи, могъ служить достаточнымъ препятствіемъ къ такому сближенію: но замѣчательно

Екатерины Н., все дѣло могло состоять развѣ только въ томъ, что Пушкинъ съ помощью ея брата Николая читалъ Байрона, и когда они не понимали какого-нибудь слова, то, не имѣя лексикона, посылали къ ней за справкой¹⁾. Съ тою же Ек. Н. Пушкинъ часто спорилъ и разговаривалъ о литературѣ. Стыдливая, серьезная и скромная Елена Н. Раевская, хорошо зная англійскій языкъ, переводила Байрона и Вальтеръ-Скотта по-французски, но вихомолку уничтожала свои переводы. Братъ сказалъ о томъ Пушкину, который сталъ подбирать подъ окнами клочки изорванныхъ бумагъ и обнаружилъ тайну: онъ въ восхищеніи этими переводами, увѣряя, что они чрезвычайно вѣрны²⁾.

¹⁾ Гротъ. Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники, 1899 г., стр. 52—53.

²⁾ Бартевель. Пушкинъ въ южной Россіи. Р. Арханъ 1866 г., стр. 113.

¹⁾ Анненковъ. А. С. Пушкинъ въ Александровскую эпоху. В. Евр. 1874 г., № 1, стр. 8.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, по мѣткому замѣчанію М. П. Раевской-Волконской, Пушкинъ «въ качествѣ поэта считалъ своимъ долгомъ быть влюбленнымъ во всѣхъ хорошенькихъ женщинъ и молодыхъ дѣвушекъ, которыя встрѣчалъ; однако, его сердечныя увлеченія этого времени представляются не вполне ясными. Въ туркуфскомъ стихотвореніи 1820 г.: «Увы, зачѣмъ она близка естъ» трогательный образъ дорогой поэту дѣвушки съ «тихой, ясною душою» и «объятной красотой» свиданія «во цвѣтѣ юности живой» напоминаетъ Елену П. Раевскую, высокую, стройную, съ прекрасными голубыми глазами, но очень болѣзненную, возбуждавшую постоянныя опасенія насчетъ ея здоровья. Можно бы думать поэтому,

что слѣдующія, близкія по времени стихотворенія: «Тамъ на берегу», «О дѣва-роза», «Переида», «Рѣдѣть облаковъ летучая гряда», навѣяны также Еленой П. Но подходитъ ли къ скромной, застѣливой Еленѣ П. сравненіе съ «розой гордой» и не привѣтливо ли оно скорѣе къ Екатериинѣ П. Раевской, «женщинѣ необыкновенной», по отзыву Пушкина, которую въ Киншпевѣ шута называли «Мароош-посадицей»? Съ другой стороны, изъ переноски Пушкина

съ Бестужевымъ по поводу легенды «Ногасло диевно» свѣтло» видно, что героиня послѣдней и «молодая женщина», рассказъ которой Пушкинъ «суетливо перекладывалъ въ стихи» въ «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ», одно и то же лицо, обозначенное въ письмѣ къ Дельвину (1824, дек.) инициаломъ К^т. Кто скрытъ подъ этимъ К^т? Трудно допустить, чтобы Пушкинъ въ частномъ письмѣ къ другу умывающимъ выбралъ инициалъ, не соответствующій имени своей героини; проще было бы вовсе не упоминать о немъ; если же такъ, то наиболее подходящимъ лицомъ для инициала К^т будетъ Катерина Николаевна (Китти, Катя) Раевская.

Кто бы ни была эта таинственная К^т, ея образъ долго царилъ въ душѣ поэта,

И помню столь же милой владыкѣ
И красоту еще земную
Вѣб думы сердца къ ней летать,
Объ ней въ изнани тоскую.

ишесть онъ въ «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ» и не рѣшается печатать этой поэмѣ, «потому что многія мѣста ея относятся къ одной женщинѣ, въ которую», признается поэтъ (письмо брату 25 авг. 1823 г.), «я былъ очень долго и очень глупо влюбленъ... Такъ и быть, я Виземскому пришло Фонтанъ, вынустивъ любовныя брѣвья, а жаль!» Пушкинъ словно смущенъ тѣмъ, что могъ влюбиться такъ «глупо», т.-е. не похоже на его обычныя увлеченія («роль Петрарки мнѣ не по плуру», замѣчаетъ онъ), и, однако, какъ сильно въ немъ это чувство даже нѣсколько дѣтъ спустя! Когда Бестужевъ напечаталъ легенду «Рѣдѣть облаковъ летучая гряда» съ тремя заключительными стихами, очевидно, представлявшими годасланикомъ ясная указанія на предметъ любви поэта, Пушкинъ дважды упоминаетъ Бестужева:

«Ты напечаталъ именно тѣ стихи, о которыхъ именно я просилъ тебя: ты не знаешь, до какой степени это мнѣ досадно!»¹⁾

«Богъ тебя проститъ, ты осрамилъ меня въ бывшей Звѣздѣ, напечаталъ три послѣдніе стиха моей легенды; чортъ дернулъ меня написать еще кетати о Бахчисарайскомъ Фонтанѣ какія то чувствительныя строчки и припомнилъ тутъ же легендарную мою красавицу!»²⁾ Вообрази мое огчаніе, когда я увидѣлъ ихъ напечатанными! Журналъ можетъ попасть въ ея руки; что жъ она подумаетъ, видя, съ какою охотою бесѣдую объ ней съ однимъ

1) Письмо 1824 г. 12 января.

2) Рѣчь итея о другомъ письмѣ къ Бестужеву, отъ 18 февраля 1824 г., съ упоминаньемъ о томъ, что въ Бах Ф., Пушкинъ «суетливо перекладывалъ въ стихи рассказъ молодой женщины».

Aux douces boix des vers je plaiš les accents
De sa bouche aimable et naïve».

АЛЕКСАНДРЪ РАЕВСКІЙ въ 1813 г.
Изъ альбома Е. П. Раевской-Орловой. Подлинный портретъ см. при «Демонѣ».

изъ Н. В. молвъ пріятелей?... Объявлена ли она знать, что она мною не названа, что письмо распечатано и напечатано Булгариннымъ, что проклятая элегія доставлена тебѣ чортъ знаетъ кѣмъ, и что никто не виноватъ? Признаюсь, одной мыслью этой женщины дорожу и болѣе, чѣмъ мифіями и всѣхъ журналовъ на свѣтѣ и всей нашей публики... Голова у меня закружилась...»¹⁾

Наступила, однако, пора генералу Раевскому возвращаться на службу въ Кіевъ, гдѣ была главная квартира 4-го корпуса второй арміи, которымъ онъ тогда командовалъ. Выѣхавъ съ сыномъ и Пушкинымъ онъ поѣхалъ впередъ: семейство его на время осталось въ Гурзуфѣ и соединилось съ нимъ, кажется, въ Бахчисараѣ²⁾. Они перѣѣхали горы, и первый предметъ, поразившій Пушкина, была береза, сѣверная береза! Сердце его сжалось: онъ началъ тосковать о миломъ полуднѣ, хотя все еще находился въ Тавридѣ и еще видѣлъ и тополя, и виноградныя лозы. Сильное впечатлѣніе произвелъ на него Георгіевскій монастырь съ крутою лѣстницей къ морю и развалины храма Діаны, навѣявшій поэту посланіе Чаадаеву 1820 г. съ «морского берега Тавриды». Въ Бахчисараѣ онъ осматривалъ ханскій дворецъ и «странный памятникъ влюбленнаго хана» — знаменитый «фонтанъ слезъ», о которомъ онъ еще «свѣрже слышалъ» со словъ К***³⁾.

Въ серединѣ сентября Пушкинъ простился

съ Крымомъ. Затѣмъ, по воспоминаніямъ М. П. Раевской-Волконской, онъ проводилъ Раевскихъ до Каменки (Чигиринскаго уѣзда, Кіевской губ.), гдѣ жила мать старика Раевского, во второмъ бракѣ Давыдова, а отсюда явился къ Пизову въ Кишиневъ. Екатерина П. Раевская отрицала это; но ее словамъ, Пушкинъ послѣ посѣщенія Бахчисараѣ доѣхалъ съ ними только до Симферополя или, можетъ быть, до Перекопа¹⁾, и, кажется, должно отдать предположеніе указанію Ек. П. По крайней мѣрѣ, ни въ письмахъ Пушкина, а онъ

часто касался своего путешествія съ Раевскими, ни въ стихотворенійхъ его нѣтъ никакихъ даже намековъ на пребываніе въ Каменкѣ или возлѣ нея непосредственно послѣ Крыма.

24-го сентября 1820 г. Пушкинъ уже въ Кишиневѣ и въ длинномъ письмѣ брату съ увлеченіемъ передаетъ свои впечатлѣнія отъ поѣздки: «Суди, былъ ли я счастливъ: свободная, безпечная жизнь въ кругу милаго семейства, жизнь, которую я такъ люблю и которой никогда не наслаждался; счастливое полуденное небо; прелестной край; природа, удовлетворяющая воображеніе; горы,

сады, море; другъ мой, любимая моя надежда увидѣть опять полуденный берегъ и семейство Раевскихъ». Надежда эта скоро сбылась. Между 14-го и 24 поября того же года пріѣхалъ Пушкинъ въ Каменку²⁾, повидимому, къ именнымъ Да-

1) Баргеновъ, 1121; Гротъ, 53.

2) Кишиневомъ, 14-го поября, помѣчена «Черная шаль»; передъ 24-мъ застаегъ въ Каменкѣ П. а Якушкинъ; 25-го Пизовъ на одномъ дѣлѣ ставитъ помѣтку: У вѣдомить по пріѣздѣ в. Пушкина. Дѣло о Пушкинѣ, Одесса, 1899 г.:

1) 1824 г. 29 появ.

2) Баргеновъ, 1120.

3) Письмо Дельвину 1824. XII.

ПНК. НИКОЛ. РАЕВСКІИ-МЛАДШІИ
въ гусарскомъ мундирѣ.

Другой портретъ его см. выше, стр. 41.

выдовой, на которой обыкновенно съѣзжало много гостей, и затѣмъ загостился до второй половины марта слѣдующаго года. Любопытна переписка, происшедшая по этому поводу между Низовымъ и однимъ изъ радушныхъ хозяевъ Пушкина, «М. Г. Иванъ Шикитичъ», обращается къ Низову Александръ Львовичъ Давыдовъ, старшій изъ братьевъ: «по позволенію нашего превосходительства, Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ доселѣ гостить у насъ, а съ теперяшомъ Орловымъ намѣренъ быть возвратиться въ Кишиневъ; но, простудившись

очень сильно, онъ до сихъ поръ не въ состояніи предпринять обратный путь. О чемъ долготомъ поставлю ваше превосходительство и при томъ увѣрить, что коль скоро Александръ Сергѣевичъ получитъ облегченіе въ своей болѣзни, не замедлитъ отправиться въ Кишиневъ». Отвѣтъ Низова, 29 декабря — лучшая характеристика этого добродушнаго начальника Пушкина: «М. Г. А. И. Л. До сего времени была въ описаніи о г. Пушкинѣ, боясь, чтобы онъ не взвѣсивъ на жестокость большихъ морозовъ съ вѣтромъ и метелью, не отправился въ путь и гдѣ нибудь, при неудобствахъ степныхъ дорогъ, не получилъ несчастія. Но, получивъ почтеннѣе письмо ваше отъ 15 сего мѣсяца, я спокоенъ и надѣюсь, что ваше превосход-

СОФІЯ АЛЕКСѢЕВНА РАЕВСКАЯ.

Жена генерала П. П. Раевского.

дительство не позволите ему предпринять путь, пока онъ не получитъ укрѣпленія въ силахъ». Жестокіе морозы, впрочемъ, ничуть не помѣшали Пушкину прервать свое пребываніе въ Каменкѣ побѣдкой въ Кіевѣ, гдѣ 8 февраля имъ написано стихотвореніе «Земля и море».

Барская усадьба въ Каменкѣ расположена на возвышенномъ берегу р. Тясмина, среди обширнаго сада, спускающагося къ рѣкѣ, и раздѣлена дорогой на двѣ части; въ правой, если смотрѣть съ рѣки, былъ «большой» домъ, нынѣ не сохранившійся,

въ лѣвой флигелъ, для младшихъ членовъ семьи, и нѣсколько пониже, «маленькій сѣренъкій домикъ» съ колонками г. в. биллиардная, гдѣ внутри посрединѣ стоялъ биллиардъ, а у стѣны книги. Въ нѣкоторомъ разстояніи отъ усадьбы берега Тясмина сближаются и образуютъ навѣшеніе надъ рѣкою скалистые утесы, отъ которыхъ и самое мѣстечко получило свое названіе; особенно красивы утесы съ рѣки. Здѣсь, по преданію, любилъ отдыхать П. П. Чайковскій подъ тихій рокотъ и плескъ струй Тясмина, и это же мѣсто, быть можетъ, отразилось въ поэтической картинѣ элетіи:

«Рѣдѣлъ облаковъ летучая гряда», написанной въ Каменкѣ:

...Лучъ осеребрилъ увѣнья равнина
И тремлющій заливъ и черныхъ скалъ вершины...

Въ общемъ, однако, не замѣтно, чтобы Пушкинъ увлекался природою Каменки и Кіева: онъ весь еще погнѣтъ общаго роскошнаго юга. Иное впечатлѣніе произвело на него общество Каменки. «Теперь нахожусь въ Кіевской губерніи, въ деревнѣ

4-мъ дек. дат. письмо П-на изъ Каменки Гибшцу; 15-мъ и 29-мъ дек. помѣчена приводимая ниже переписка А. Л. Давыдова и Низова 8-мъ февр. 1821 г.—въ Кіевѣ пав. Земля и море; 29 февр. въ Каменкѣ—окончаніе Кавказскаго Пльнива; 22-мъ февр. Я пережилъ свои желанья; 23 марта П-нъ пишетъ Дельвину уже изъ Кишинева.

Давыдовымъ, милымъ и умнымъ отшельникомъ, братьевъ генерала Раевского», читаемъ мы въ письмѣ его Губичу 4 декабря 1820 г.: «Время мое протекаетъ между аристократическими обѣдами и демагогическими спорами. Общество наше, теперь разбѣянное, было недавно разнообразная и веселая смѣсь умовъ оригинальныхъ, людей извѣстныхъ въ нашей Россіи, любимыхъ для знакомаго наблюдателя. Женщинъ мало, много шампанскаго, много острыхъ словъ, много книгъ, много стиховъ». Общество, дѣйствительно, было интересное.

Кромѣ Раевскихъ, изъ хозяевъ здѣсь выдавался Василій Львовичъ Давыдовъ (портретъ его см. на стр. 61), отставной гусарскій полковникъ: онъ отличался прямою и остроумною, былъ «ревностнымъ членомъ тайнаго общества» и кончилъ дни свои въ Красноярскѣ¹; среди гостей, безспорно, наиболее замѣтнымъ являлся «благороднѣйшій изъ людей», Михаилъ Федоровичъ Орловъ².

Сынъ младшаго брата Екатериинскихъ Орловыхъ, онъ воспитывался въ аристократическомъ пансіонѣ аббата Николая, юной вступилъ въ Кавалергардскій

полкъ, быстро выдвинулся въ Отечественную войну и уже въ 1812 г. состоялъ флигель-адъютантомъ: въ 1814 г. государь поручилъ ему заключить капитуляцію Парижа, затѣмъ послать его въ Данію для заключенія договора о присоединеніи Норвегіи къ Швеціи и наконецъ, назначилъ ген.-майоромъ своей свиты. У него было въ избыткѣ все, что

нужно для успѣховъ въ свѣтѣ: молодость, знатность, богатство, расположеніе царя, открытый и смѣлый характеръ, прекрасная представительная наружность. Но онъ не пошелъ обычной карьерой царедворца. «Подобно многимъ людямъ съ живою и пылкой душой, но безъ устойчивыхъ идей, основанныхъ на прочныхъ знаніяхъ, онъ увлекался всемъ, что поражало его воображеніе»¹. Сближеніе его въ Парижѣ въ 1815 г. съ П. П. Тургеневымъ возбудило его либеральныя стремленія, и по возвращеніи въ Россію онъ составилъ петицію къ государю объ уничтоженіи

СОФЬЯ НИКОЛАЕВНА РАЕВСКАЯ.

Младшая изъ дочерей Раевского.

крѣпостнаго права, которую подписали, кромѣ него, многіе высшіе сановники: судьба этого адреса неизвестна. Выбранный въ члены общества «Арзамасъ», гдѣ онъ получилъ имя Рейна, Орловъ вмѣсто обычной шутивой надгробной рѣчи указывалъ, что недостойно мыслящую людей занимать пустяками и литературными пренирательствами, когда кругомъ такъ много нужнаго дѣла и умолялъ ея членовъ дать дѣятельности обществу иное, болѣе патристическое направленіе. Онъ предлагалъ съ этою цѣлью двѣ мѣры: 1) завести журналъ, «когда статьи по- вѣстью и смѣлостью идей пробудили бы вниманіе читающей Россіи»; 2) предоставить каждому изъ живущихъ не въ столицѣ членовъ учредить на мѣстѣ его пребыванія филиальное общество подъ руководствомъ главнаго и, такимъ образомъ, покрыть всю Россію сѣтью отдѣленій. Особого сочувствія среди арзамасцевъ этотъ планъ не встрѣтилъ, но мысль о журналѣ не заглохла, и сохранилась даже программа его, по кото-

¹ Баронъ Ролень, Записки декабриста, 1907 г. 158 стр.

² Дальнѣйшія свѣдѣнія о немъ приводятся по цит. ст. Гершензона.

рой первое мѣсто въ журналѣ отводилось политическому отдѣлу съ участіемъ Орлова, П. П. Тургенева и Д. Свверина: цѣлью его ставилось «распространеніе идей свободы, различныхъ Россіи въ ея теперешнемъ положеніи, согласныхъ со степенью ея образованія, не разрушающихъ настоящаго, но могущихъ приготовить лучшее будущее». Журналъ, однако, не былъ разрѣшенъ. Потерѣвъ надежду въ «Арзамасѣ», Орловъ задумалъ самостоятельно организовать общество «изъ самыхъ честныхъ людей, для сопротивленія дикомству и другимъ безпорядкамъ, кои слишкомъ часто обличаются во внутреннемъ управленіи Россіи», но также не имѣлъ успеха. Затѣмъ, онъ снова вырабатываетъ записку на имя государя и собираетъ подъ еяю подписаніемъ на этотъ разъ съ протестомъ по поводу дарованія конституціи Польши и съзываетъ общество отдѣленіи Россіи Литвы, что не только задѣвало національное чувство русскіхъ, но и разсматривалось, какъ актъ несправедливости по отношенію къ ротинѣ, вышедшей на своихъ плечахъ всю тяжесть

Наполеоновскихъ войнъ и оставленной въ прежнеемъ положеніи, тогда какъ Польша получила свободу. О запискѣ одновременно узналъ императоръ и потребовалъ ее у Орлова:

тотъ не представилъ ее и вскорѣ былъ удаленъ въ Кіевъ на должность начальника штаба при 4-мъ корпусѣ Раевского. Въ Кіевѣ Орловъ прожилъ два года, по 1820 г. Заставъ здѣсь удерживать генераломъ Раевскимъ ланкастерскую школу на 40 кантонистовъ, онъ вскорѣ съѣзжалъ изъ нея блестящую образцовую школу съ 1800 учениковъ, куда привлазилъ для обученія кантонисты изъ многихъ другихъ мѣстъ, и обученными здѣсь учителями были открыты такія же школы въ Москвѣ, Могилѣ,

Херсонѣ. Но еще болѣе популярнымъ стала Орловъ своею блестящею, полною энтузіазма рѣчью въ защиту широкаго, свободнаго просвѣщенія массы, произнесенною въ августѣ 1819 г. въ кіевскомъ отдѣленіи Библейскаго общества, и письмами къ Д. Бутурлину съ горячимъ протестомъ противъ крѣпостнаго права. Назначенный въ 1820 г. командиромъ 16 дивизіи въ Киншпекѣ, онъ по пути туда изъ Кіева, въ Тульчинѣ вступилъ въ Тайное Общество, а черезъ нѣсколько мѣсяцевъ уже былъ приглашенъ на московскій съѣздъ.

Взхвачъ въ Москву Орловъ колебался и предложилъ Якушкину, черезъ котораго подумалъ приглашеніе, погостить съ нимъ въ Каменкѣ, куда Орловъ собирался вмѣстѣ съ Охотниковымъ. Якушкинъ согласился, надѣясь за эту побѣдку убѣдить Орлова прибыть на съѣздъ, и такъ собралось въ Каменкѣ то общество «умовъ оригинальныхъ», о которомъ писалъ Пушкинъ. Якушкинъ, между прочимъ, сохранилъ съблудующій любоватный эпизодъ изъ этой встрѣчи, прекрасно характеризующій «магогическіе споры» Каменки. «Въ вечера проводились на половинѣ у Василя Львовича, и вечернія бесѣды наши для всѣхъ насъ были очень занимательны. Раевскій, не принадлежа самъ къ Тайному Обществу, но подозревая его существованіе, смотрѣлъ съ напряженнымъ любопытствомъ на все, происходящее вокругъ него. Онъ не вѣрилъ, чтобы я случайно забвхалъ въ Каменку, и ему очень хотѣлось знать причину моего прибытія. Въ послѣдній вечеръ Орловъ, В. А. Давыдовъ, Охотниковъ и я спорили такъ живо, чтобы сбить съ толку Раевского насчетъ того, принадлежимъ ли мы къ Тайному Обществу, или нѣтъ. Для большаго порядка при нашихъ преніяхъ была выбрана президентомъ Раевскій. Съ поду-

ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА РАЕВСКАЯ,
въ замужествѣ Орлова.

*Съ портрета, принадлежащаго тетрью сестры,
Е. П. Орловой.*

не принадлежа самъ къ Тайному Обществу, но подозревая его существованіе, смотрѣлъ съ напряженнымъ любопытствомъ на все, происходящее вокругъ него. Онъ не вѣрилъ, чтобы я случайно забвхалъ въ Каменку, и ему очень хотѣлось знать причину моего прибытія. Въ послѣдній вечеръ Орловъ, В. А. Давыдовъ, Охотниковъ и я спорили такъ живо, чтобы сбить съ толку Раевского насчетъ того, принадлежимъ ли мы къ Тайному Обществу, или нѣтъ. Для большаго порядка при нашихъ преніяхъ была выбрана президентомъ Раевскій. Съ поду-

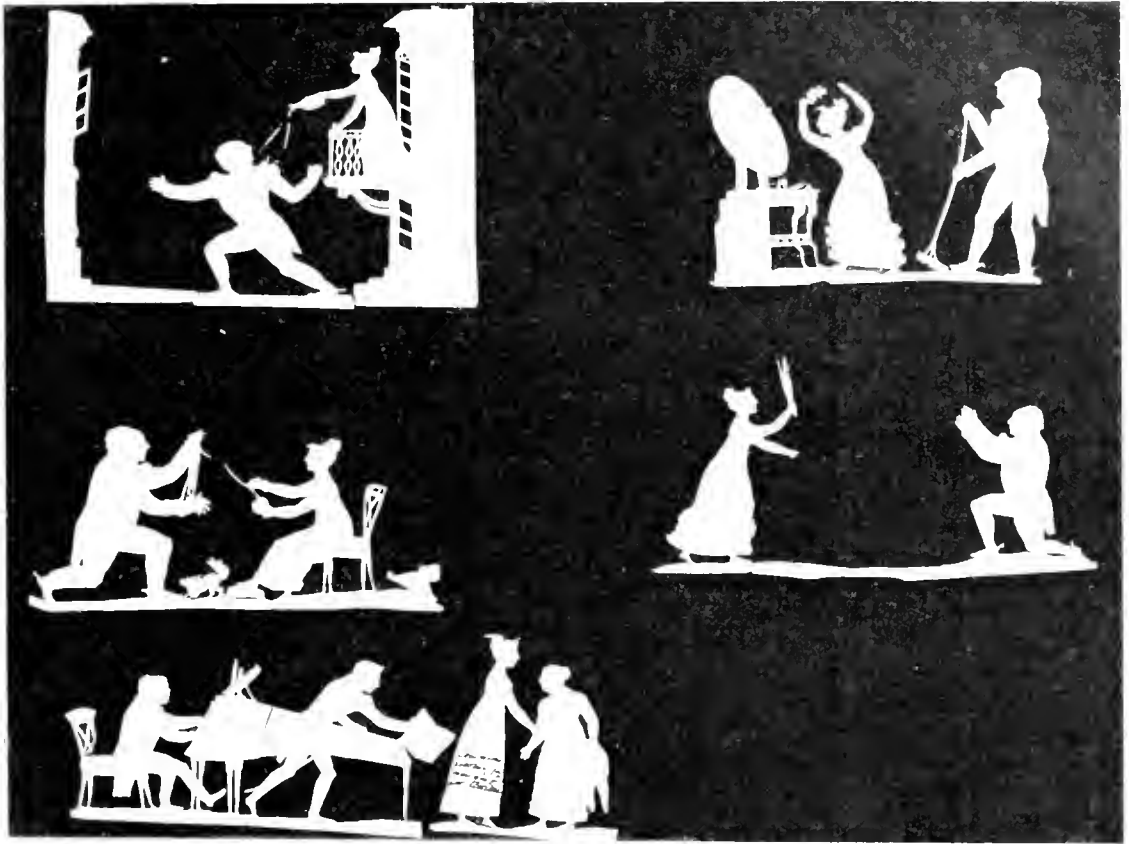

МИХАИЛЪ ФЕДОРОВИЧЪ ОРЛОВЪ.

Съ портрета, принадлежащаго теперь его вѣнцу Е. П. Орловой.

шутливымъ и подуважнымъ видомъ онъ управлялъ общимъ разговоромъ. Когда начинали очень шумѣть, онъ звонилъ въ колокольчикъ; никто не имѣлъ права говорить, не спросивъ у него на то дозволенія, в т. д. Въ послѣдній этотъ вечеръ пребыванія нашего въ Каменскѣ, послѣ многихъ разсужденій о разныхъ предметахъ, Орловъ предложилъ вопросъ: насколько было-бы полезно учрежденіе Тайнаго Общества въ Россіи? Самъ онъ высказалъ все, что можно было сказать за и противъ Тайнаго Общества. В. А. Давыдовъ и Охотниковъ были согласны съ мнѣніемъ Орлова; Пушкинъ съ жаромъ доказывалъ всю пользу,

какую-бы могло принести Тайное Общество Россіи. Тутъ, спросивъ слово у президента, я старался доказать, что въ Россіи совершенно невозможно существованіе Тайнаго Общества, которое могло-бы быть хоть на сколько-нибудь полезно; Раевскій сталъ мнѣ доказывать противное и перечислялъ всѣ случаи, въ которыхъ Тайное Общество могло бы дѣйствовать съ успѣхомъ и пользой; въ отвѣтъ на его выходку я ему сказалъ: мнѣ не трудно доказать вамъ, что вы шутите; я предложу вамъ вопросъ: если-бы теперь уже существовало Тайное Общество, вы навѣрно къ нему не присоединились-бы?—Напротивъ, навѣрно бы присоеди-

«Рекрутъ Гамелесъ» Орловъ въ строимъ подчиненіи у своей «Марыи Посадницы». Силуэты-карикатуры въ альбомъ Ек. Ник. Раевской-Орловой.

низя, отвѣчалъ онъ:— Въ такомъ случаѣ дайте руку, сказалъ я ему. И онъ протянулъ мнѣ руку, послѣ чего я расхохотался, сказалъ Раевскому: разумеется, все это только одна шутка. Другіе также смѣялись, кромѣ А. Л., ротомъ величавого, который дремалъ, и Пушкина, который былъ очень взволнованъ: онъ переть этимъ увѣрилъ, что Тайное Общество или существуетъ, или тутъ-же получить свое начало, и онъ будетъ его членомъ; но когда увидѣлъ, что изъ этого вышла только шутка— онъ всталъ раскраснѣвшись и сказалъ со слезами на глазахъ: я никогда не буду такъ несчастливъ, какъ теперь; я уже видѣлъ жизнь мою обладателемъ и высокую цѣль передъ собою, и все это была только злая шутка. Въ эту минуту онъ былъ точно прекраснѣй. Въ 27-мъ году, когда онъ пришелъ проститься съ А. Г. Муравьевой, бывшей въ Сибирь къ своему мужу Никитѣ, онъ сказалъ ей: я очень понимаю,

почему эти господа не хотѣли принять меня въ свое общество: я не стою этой чести».

Что касается «аристократическихъ обществъ», то по этой части славился Александръ Львовичъ Давытовъ. Онъ очень любилъ покушать и, по воспоминаніямъ М. де-Рибаса, самъ разсказывалъ, что, будучи въ 1815 году во Франціи, вмѣстѣ съ оккупационнымъ корпусомъ, и командуя однимъ лучшимъ отрядомъ, онъ все-таки составлялъ свои маршруты такимъ образомъ, чтобы имѣть возможность проходить и останавливаться во всехъ тѣхъ мѣстностяхъ, которыя славятся или приготовленіемъ какого-нибудь особеннаго кушанья, или производствомъ рѣдкихъ фруктовъ и овощей, или, наконецъ, искуснымъ откармливаніемъ птицы ¹⁾. Для чего-то, по преданію, къ

¹⁾ Яковлевъ. Отзывъ о Пушкинѣ съ юга Россіи. Одесса, 1887, 117 стр.

саду, возлѣ «большого» дома, быть устроенъ гротъ, янѣ слывшій подъ именемъ Пушкинскаго, члбѣ дѣломъ онъ могъ тамъ претаваться своей страсти, безъ помѣхи со стороны жары, отъ которой онъ сильно страдалъ, благодаря своей толщинѣ. Это тотъ Давыдовъ, къ которому въ 1824 г. Пушкинъ обратился съ посланіемъ:

Нелзя, мой толстый Аристинъ:
Хоть я люблю твои бесѣды,
Твой милый нравъ, твой милый хрипъ,
Твой вкусъ и жирные обѣды,
Но не могу съ тобою пить
Къ брегамъ полушепой Тавриды.

Но и «аристократическіе обѣды» не обходились безъ «демагогическихъ споровъ», или по крайней мѣрѣ — тостовъ. Отъ начала апрѣля 1821 г. сохранилось известное уже читателю стихотворное письмо Пушкина къ Василию Львовичу Давыдову, интересное для насъ упоминаніями о лицахъ, въ кругу которыхъ Пушкинъ незадолго передъ тѣмъ проводилъ время въ Каменкѣ:

Межъ тѣмъ какъ генералъ Орловъ,
Обрѣтый рекрутъ Гименей,
Священной страстью пламеннѣ,
Подъ мѣру подоити готовъ;
Межъ тѣмъ какъ ты, проказникъ умный,
Проводишь ночь въ бесѣдѣ шумной,
За ужинкомъ, съ бутылками Ан,
Сидятъ Раевскіе мои,
Когда вездѣ весна младая
Съ улыбкой распустила грядь,
И съ гора на брегахъ Дуная
Бушуетъ нашъ безрукій кивачъ,
Тѣбѣ, Раевскихъ и Орлова,
И память Каменки любя,
Хочу сказать тебѣ два слова
Про Кишиневъ и про себя.

.....
А все невольно вспоминаю,
Давыдовъ, о твоемъ вишѣ,
Когда и ты, и милый братъ,
Передъ камнемъ на бѣвая
Демократическій халать,
Спасенъ чашу напоили
Безыбной мерзлой струей
И за здоровье тѣхъ и той
До дна, до капли выливали...
Но тѣ въ Неаполѣ шалать,
А та едва ли тамъ воскресеть:
Народы твѣины хотять,
И долго ихъ время не тресветъ...

Подъ тѣмъ и Пушкинъ подразумевалъ итальянскихъ карбонаріевъ, а подъ той — революціонную Францію, скованную реста-

вращіей и даже воевавшую за укрѣпленіе династіи Бурбоновъ въ Испаніи.

О женскомъ обществѣ Каменки Пушкинъ упоминалъ вскользь, но вниманія ему удѣлялъ не меньше, чѣмъ «демагогическимъ спорамъ» и «аристократическимъ обѣдамъ»!

Поэтъ еще переживалъ то высокое чувство къ одной изъ Раевскихъ, которое развилося въ немъ за время путешествій съ ними, но вѣсѣтъ съ тѣмъ увлекался и легкомысленной супругой Ал. Д. Давыдова, урожденной графиней де Грамонъ, А. Д. женился на ней въ Митавѣ, во время пребыванія въ этомъ городѣ Людовика XVIII. Аглая Давыдова «всѣмъ хорошенькая, вѣтреная и кокетливая, какъ истая французка, искала въ шумѣ развлеченій средство не умереть со скуки въ варварской Россіи». Описывая пребываніе Д. В. Давыдова въ Каменкѣ наканунѣ 12-го года, сынъ знаменитаго партизана говоритъ, что Аглая Антоновна была магнитомъ, привлекавшимъ къ себѣ желѣзныхъ дѣятелей славнаго Александровскаго времени. Отъ главнокомандующихъ до корнетовъ, все жило и ликовало въ Каменкѣ, но главное — умирало у ногъ престольной Аглаи. Д. В. Давыдовъ воспѣвалъ ее въ стихахъ, Екатерина Николаевна Давыдова не стѣняла молодежи, такъ какъ соединила въ себѣ какую-то величавость съ рѣдкимъ простодушіемъ, или, скорѣе, близорукостью относительно правовъ¹⁾. Ко времени знакомства съ Пушкинымъ Аглая Антоновна была тридцать съ лишнимъ лѣтъ, но года мало вліяли на нее. Отношенія къ ней Пушкина не отличались позитивностью, какъ о томъ свидѣтельствуетъроническое посланіе «Аглаѣ» (№ 261) и, еще болѣе, эпиграмма на нее же, (№ 328). Отношенія эти отразились и на дочери Аглаи Антоновны, Адели, дѣвочки лѣтъ 12-ти. По разсказу Якушкина, Пушкинъ «вообразилъ себѣ (или, вѣрнѣе, напустилъ на себя видъ), что онъ въ нее влюбленъ, безпрестанно на нее заглядывался и, подходя къ ней, шутилъ съ ней очень неловко. Однажды за обѣдомъ онъ сидѣлъ возлѣ меня и раскраснѣвшись смотрѣлъ такъ ужасно на хорошенькую дѣвочку, что она бѣдная не знала, что дѣлать, и готова была плакать. Мнѣ стало ее жалко, и я сказала Пушкину вполголоса: «посмотрите, что вы дѣлаете: вашими нескрѣпными взглядами вы совершенно смуглили бѣдное дитя». — «Я хочу наказатъ кокетку, обидѣлъ онъ: прежде она со мною

1) Р. Старина 1872, кн. 4-ая, стр. 632.

любезничала, а теперь прикидывается жестокой и не хочет взглянуть на меня». Съ большимъ трудомъ удалось мнѣ обратить все это въ шутку и заставить его улыбнуться. Можетъ быть, именно на основіи такихъ отношеній возникло самое стихотвореніе «Адепт», не совсемъ подходящее для посвященія маленькой дѣвочки, которой поэтъ совѣдуетъ «словить часъ уношенія», «содать младая дѣта любви» и т. п.

Каменкой закончилось пребываніе Пушкина въ дѣтскомъ кругу семьи Раевскихъ, но не прервалось связи съ ними и ихъ вліяніе. 15-го мая 1820 года состоялась свадьба Орлова и Екат. П. Раевской. Домъ молодыхъ супруговъ въ Кишиневѣ сталъ центромъ умственной жизни и политическаго вольнодумства¹⁾. Вигель такъ о немъ отзывался: «прискорбно казалось не быть принятымъ въ его домѣ, а чтобы явиться въ немъ, надобно было болѣе или менее раздѣлять мнѣнія хозяина... Два демагога, два адвоката, абыогантъ Охотниковъ и майоръ Раевскій, съ жаромъ вѣдѣствовали. Тутъ были и Липранци... На бѣду попался тутъ и Пушкинъ, который сама судьба всела совала въ среду недовольныхъ. Семь или восемь молодыхъ офицеровъ генеральнаго штаба извѣстныхъ фамилій... съ чадолюбіемъ были воспріяты. Къ нимъ пылкому патриотизму, какъ полярны къ розѣ, сталъ прививаться тутъ знаменитый либерализмъ. Переть своимъ великимъ и неуязвимымъ предиріятіемъ перѣдко посѣщать сей домъ съ другими соумышленниками: князь Александръ Шиблянтцъ... Все

это говорилось, все это дѣлалось при свѣтѣ солнечномъ, въ виду цѣлой Бессарабіи».

Пушкинъ бывалъ здѣсь часто, хотя въ началѣ своего знакомства съ Орловыми такъ охарактеризовалъ его Чаадаева: *Le seul homme, que j'ai vu, qui est heurieux à force de vanité*¹⁾ «У насъ,—пишетъ Екат. Пик. брату Александру (конецъ 1821 г.)—безпрестанно идутъ шумные споры—философскіе, политическіе, литературные и др.: мнѣ слышно ихъ изъ дальней комнаты. Они заняли бы тебя, потому что у насъ немало оригиналовъ». «Пушкинъ,—пишетъ она въ другой разъ (12 ноября 1821 г.)—больше

ЕКАТЕРИНА НИКОЛАЕВНА ДАВЫДОВА.

не корчится изъ себя жестоко: онъ очень часто приходитъ къ намъ курить свою трубку и разсуждаетъ или болтаетъ очень пріятно. Онъ только что кончилъ оду на Панагонона, которая, по моему скромному мнѣнію, хороша, сколько я могу судить, слышавъ ее частью одинъ разъ». «Мы очень часто видимъ Пушкина, который приходитъ спорить съ мужемъ о всевозможныхъ предметахъ. Его теперешній конекъ—вѣчный миръ аббата Сень-Илера. Онъ убѣжденъ, что правительству, совершенствуясь, постепенно водворить вѣчный и всеобщій миръ и что тогда

не будетъ проливаться ниои крови, какъ только кровь людей съ сильными характерами и страстями, съ предиріятливымъ духомъ, которыхъ мы теперь называемъ великими людьми, а тогда будутъ считать лишь нарушителями общественнаго спокойствія. Я хотѣла-бы вѣтъ, какъ бы ты сѣдилъ съ этими спорщиками» (23-го ноября 1821 г., 8-го декабря 1822 года. Екат. Пик. пишетъ брату: «Посылаю тебѣ

Объ Орловыхъ въ Кишиневѣ и отношеніи Пушкина къ нимъ см. цит. ст. М. О. Гершензона.

1) Баргеновъ, 1131

письмо, кажется отъ Пушкина; его припесла г-жа Тихонова... Пушкинъ послать Николаю отрывокъ поэмы ¹⁾, которую не думать ни печатать, ни кончать. Это странный замыселъ, оживающійся, какъ мнѣ кажется, чтеніемъ Байрона. Его дали Муравьевымъ, которые приведутъ его тебѣ. Къ Орловымъ привѣзали родные Ек. П., и Пушкинъ вновь переживалъ счастливые часы жизни въ Каменскѣ, а съ перѣздомъ въ Одессу опять былъ вмѣстѣ съ А. П. Раевскимъ.

Такова была жизнь Пушкина въ кругу Раевскихъ. Чтобы оцѣнить все значеніе ея, нужно прежде всего вспомнить, въ какую годину она началась.

Когда я поибалъ, безвѣстный, безотрадный,
И шепотъ клятвы внималъ со всѣхъ сторонъ,
Когда князья изъбывъ хладной,
Когда любви тяжелой сонъ

Меня терзали и мѣтвили
Я близъ тебя еще спокійство находилъ,
Я сердцемъ отдыхалъ:
Другъ друга мы любилъ.
И бури надъ мной свирѣвость утомилъ—
Я въ мирной пристани боговъ благословилъ.

Эти слова посвященія «Кавказскаго плѣнника» П. П. Раевскому сыну могутъ быть смѣло отнесены ко всему его семейству, начиная съ отца, который какъ-то особенно умѣлъ сходиться съ людьми и привязывать ихъ къ себѣ. Подъ кровомъ дружбы и участія расцвѣла любовь, она въ самыхъ чистыхъ, возвышенныхъ въ жизни поэта; среди красотъ «полуденнаго края» и литературныхъ увлеченій Раевскихъ ему стали близки романческія грезы Шатобриана и Байрона; общество Каменки ввело его въ кипучую атмосферу, какъ нельзя болѣе подходящую для того Sturm-und-Drang-Periode, который на тогѣ

Россіи пришлось заѣмъ пережить Пушкину. Литературные и общественные взгляды Пушкина развивались въ непосредственномъ вліяніи Раевскихъ, и за многое мы должны быть благодарны имъ. Это была высокоодаренная и не менѣ образованная семья ¹⁾. Они любили поэзію, за исключеніемъ А. П. Раевского, и хорошо были знакомы съ иностранной литературой, читали Байрона и Вальтеръ-Скотта въ то время, когда ихъ, особенно перваго, почти не знали наши даже зашешные литераторы. Подъ руководствомъ Раевскихъ Пушкинъ занимается англійскимъ языкомъ и начинаетъ особенно увлекаться Байрономъ. На глазахъ у нихъ создается «Кавказскій плѣнникъ» и здѣсь же критикуется. «Николай и Александръ Раевскіе и я, мы много надъ нимъ посмѣялись», — замѣчаетъ поэтъ, вынужденный самъ признать характеръ своего героя неудачнымъ. П. П. Раевскій — сынъ довольно долго оставался однимъ изъ главныхъ совѣтниковъ Пушкина въ дѣлахъ литературы. Такъ, онъ читаетъ въ рукописи «Братья-разбойники» и погмѣчаетъ въ видѣ достоинства простоту слога этого произведенія, о которомъ и самъ Пушкинъ писалъ: «какъ сюжетъ, c'est un tour de force; но какъ слогъ я ничего лучше не написалъ». Съ нимъ же Пушкинъ дѣлится мыслями при созданіи «Бориса Годунова», и вотъ что, между прочимъ, отвѣчаетъ П. П.: «Спасибо за планъ твоей трагедіи. Что сказать тебѣ о немъ? У тебя нѣтъ недостатка въ блестящихъ замыслахъ, но не хватаетъ терпѣнія привести ихъ въ исполненіе. Итакъ тебѣ предстоитъ проложить путь и къ развитію національнаго театра. Что же касается терпѣнія, я желаю бы, чтобы ты сироклялся съ неточни-

АЛЕКСАНДРЪ ЛЬВОВИЧЪ ДАВЫДОВЪ.

мыслями при созданіи «Бориса Годунова», и вотъ что, между прочимъ, отвѣчаетъ П. П.: «Спасибо за планъ твоей трагедіи. Что сказать тебѣ о немъ? У тебя нѣтъ недостатка въ блестящихъ замыслахъ, но не хватаетъ терпѣнія привести ихъ въ исполненіе. Итакъ тебѣ предстоитъ проложить путь и къ развитію національнаго театра. Что же касается терпѣнія, я желаю бы, чтобы ты сироклялся съ неточни-

¹⁾ Имѣются въ виду «Братья-разбойники».

См. А. Майкова, Пушкинъ, стр. 337 и сл.

«ПУШКИНСКІЙ ГРОТЪ» ВЪ КАМЕНСКЪ.

Съ фотографіи, хранящейся въ библіотекѣ Казанскаго Университета.

ками, которыми пользовался Карамзинъ, а не слѣдовать только его разсказу. Не забудь, что Шндлеръ изучалъ астрологію прежде, чѣмъ принялся за «Валдаеиштеина». Признаюсь, я не совсѣмъ понимаю, зачѣмъ ты хочешь писать свою трагедію бѣдами стихами. Я думаю бы, напротивъ, что тутъ представляется случай воспользоваться всеми богатствами нашихъ многочисленныхъ разбровокъ, раздумается, не совместно... но и не обязывая себя пользоваться во всѣхъ сценахъ тѣми разбровъ, какой принялъ для первой. Хороша или дурна будетъ трагедія... ты товарищамъ повтореніе у насъ простой и естественной рѣчи, которой наша публика еще не понимаетъ, несмотря на прекрасные образцы ея въ «Цыганахъ» и въ «Разбойникахъ». Ты согласишься, наконецъ, пойдти съ ея холудъ.

Это письмо достаточно характеризуетъ взгляды П. П. Раевскаго и ясно показыва-

ваетъ, въ какомъ направленіи могъ онъ вліять на Пушкина. Простота, естественность, отсутствіе рутинна, тщательность разработки сюжета по первоисточникамъ — вотъ основныя принципы Раевскаго, въ ту пору еще неясныя для большинства нашихъ критиковъ. Любопытенъ и совѣтъ воспользоваться «нашими», очевидно, нарочитыми разбровами. Сопоставимъ съ этимъ любовь Орлова къ русскому языку, который онъ желалъ вить даже въ письмахъ, что, напримеръ, видно изъ его письма къ Ал. Раевскому 13 окт. 1820 г.: «Любимый другъ, благодарю за твое занимательное письмо изъ Крыма, которымъ я тѣмъ болѣе былъ доволенъ, что оно писано по-русски и довольно чистымъ русскимъ языкомъ»¹⁾. Подобнымъ же образомъ черезъ годъ съ небольшимъ Пушкинъ укоряетъ

¹⁾ Гершензонъ, № 40, стр. 303.

брата 22 янв. 1822 г.): «какъ тебѣ не стыдно, мой милый, писать полурусское, полуданцузское письмо, ты — не московская кузина».

Вообще на выработку взглядовъ Пушкина кружокъ Раевскихъ повліялъ сильно. «Ни передъ кѣмъ такъ не догблосъ Пушкину блеснуть либерализмомъ, свободой отъ предразсудковъ, смѣлостью выраженія и сужденія, какъ передъ друзьями, оставленными въ Каменкѣ. Можно сказать, что преломленная деревня постоянно носилась предъ глазами его и служила какъ бы орудіемъ, которое держало его на крайнихъ вершинахъ русско-байроническаго настроенія. Не подлежитъ сомнѣнію, что отсюда же получили онъ и созерцаніе, подказавшее ему его «Наставленія брату»¹⁾, проникнутыя безпощаднымъ, почти циничнымъ скептицизмомъ; то былъ голосъ Пушкинскаго «демона», который, «одолевъ въ борьбѣ» умъ поэта, «сочеталъ его невольно своей таинственной судьбѣ»:

Нештощимый клеветой
Онъ Провидѣнье искалъ,
Онъ звалъ прекрасное мечтою,
Онъ вдохновенье презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
На жизнь насмѣшливо глядѣлъ
И ничего во всей природѣ
Благословить онъ не хотѣлъ.

¹⁾ Анненковъ, В. Е. 1874 г. № 1, стр. 28.

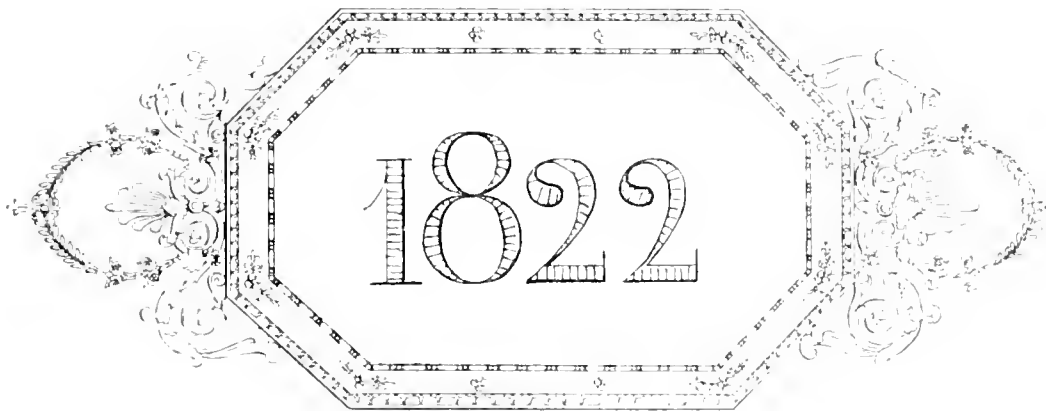
Въ этомъ демонѣ съ самаго начала узнавали Александра Ник. Раевского, и новыя свидѣнія послѣднемъ только подтверждаютъ старую догадку. «Какъ онъ холоденъ», — характеризуетъ А. Н. Раевского отецъ: «я ищу въ немъ проявленій любви, чувствительности, и не нахожу ничъ... Я думаю, что онъ не вѣритъ въ любовь, такъ какъ самъ ей не посвящается и не старается ее внушить»¹⁾. Я дѣлаю для него все, когда только есть случай, но я скрываю чувство, которое побуждаетъ меня къ этому, потому что онъ равнодушно принимаетъ все, что бы я ни дѣлалъ для него... У него умъ наизнанку: онъ философствуетъ о вещахъ, которыхъ не понимаетъ, и такъ мудритъ, что всякій смыслъ испаряется... Онъ не разсуждаетъ, а «споритъ», и рѣчь его полна сарказмовъ»²⁾. Рассказываютъ, что Александръ Раевскій былъ причиной ссоры Пушкина съ гр. Воронцовымъ: но поэтъ не вспоминаетъ объ этомъ и до конца читалъ ко вѣщамъ Раевскимъ «чувство глубокой преданности», памятникомъ которой осталось трогательное ходатайство его предъ Николаемъ о молодыхъ Раевскихъ послѣ смерти ничъ отца.

А. Лобода.

¹⁾ То же, но рѣче отмѣчаетъ Вигель, говоря, что въ «блжннхъ чувствахъ» А. Н. Р-ій «видѣлъ одно смѣнное сумасбродство».

²⁾ Гершензонъ, № 14, стр. 162 и т.

327. У КЛАРИСЫ ДЕНЕГЪ МАЛО.

У Кларисы денегъ мало,
Ты богатъ,— идижь къ вѣнцу:
И богатство ей пристало,
И рога тебѣ къ лицу.

328. ИНОЙ ИМЕЛЬ МОЮ АГЛАЮ.

Иной имель мою Аглаю
За свои мундиръ и черный усъ,
Другой за деньги — понимаю:
Другой за то, что былъ французъ.
Клеонъ — умомъ се стращая
Дамись — за то, что иважно пѣлъ
Скажи теперь, мой другъ Аглая,
За что твой мужъ тебя имель?

Смирный Юань,
За то, что Яской панъ
Извѣстный панъ болванъ
Мазуркою, чалмою,
Неспособной бороною,
И трусь, и трубианъ,
Нобить немножко мною,
И что бояръ пустилъ
Я повою тревогой,
(Къ моей камерѣ) строгой
Врѣстивилъ карауль

329. МОЙ ДРУГЪ, УЖЕ ТРИ ДВА.

Мой другъ, уже три два
Сажу я ночь арестомъ
И не видался я
Давно съ моимъ Орестомъ,
Спаситель Молдованъ,
Бахмелева намѣстникъ,
Законовъ провозвѣстникъ,

Невинною (сирого),
А именно мараю
Небрежная черга
Нишу карриатуры,
Знакомыхъ столько лицъ,
Восточная фигуры
Ельвовыхъ куконицъ
И ихъ мужей рогатыхъ,
Обритыхъ и братахъ!

330. БАРАТЫНСКОМУ ИЗЪ БЕССАРАВИ.

Ся пустынная страна
 Священна для души поэта:
 Она Державинымъ воспѣта
 И славой Рускою полна,
 Еще донынѣ тѣнь Пазона
 Дунайскихъ ищетъ береговъ:
 Она летитъ на сладкій зовъ
 Питомцевъ музъ и Аполлона,
 И съ нею часто при днѣ
 Брожу вдоль берега крутого:
 Но, другъ, обнять мнѣ мнѣ
 Въ тебѣ Овидія живаго.

331. ДРУЗЬЯМЪ.

Вчера былъ день разлуки шумной,
 Вчера былъ Бахча буйный шѣръ,
 При кликахъ юности безумной,
 При громѣ чашъ, при звукѣ дуръ.
 Такъ, Музы насъ благословили,
 Вѣнками свыше ослия,
 Когда вы, други, отличили
 Почетной чашею меня.
 Честолюбивой позолотой
 Не ослияя нашуъ глазъ,
 Она не суетной работой,
 Не рѣзбою влѣпяла насъ:
 Но тѣмъ однимъ лишь отличалась,
 Что, жажду Скиоскую поя,
 Бутылка полная вливалась
 Въ ея широкіе края.
 Я шлъ, и думою сердечной
 Во дни минувшіе леталъ,
 И горе жизни скоротечной
 И сны любви воспоминалъ.
 Меня смѣшила ихъ измѣна:
 И скорбь исчезла предо мной,
 Какъ исчезаетъ въ чашахъ пѣна
 Подъ зашнѣвшею струей.

БРАТЯ РАЗБОЙНИКИ.

А. ПУШКИНА.

(ПИСАНО ВЪ 1822 ГОДУ.)

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ АВГУСТА СЕМЕНА,
ПРИ ИМПЕРАТОРСКОЙ МЕД.-ХИРУРГИЧЕСКОЙ АКАДЕМИИ.

~~~~~
1827.

«БРАТЬЯ РАЗБОЙНИКИ».

Поэма «Братья Разбойники» — отрывок какого-то более объемистого, утраченного цѣлаго. Поэтъ съелъ первоначальную редакцію своей поэмы, и тѣ строфы, которыя дошли до насъ были отданы имъ на хранение его другу Н. Н. Раевскому. Пушкинъ придавалъ, кажется, и некоторую цѣну своему юношескому произведенію и въ нѣсколько пріемовъ надъ нимъ работалъ. Сохранившійся у его друга отрывокъ онъ напечаталъ въ «Полярной звѣздѣ» на 1825 г. и издалъ его затѣмъ отдѣльно въ Москвѣ въ 1827 г. Прослѣдить постепенный ростъ работы Пушкина надъ «Братьями Разбойниками» трудно въ виду отсутствія достаточныхъ указаній, но несомнѣнно, что эта работа шла очень неровно, и художникъ нѣсколько разъ мѣнялъ ея планъ, стремясь согласить въ немъ два трудно примиримыхъ настроенія, а именно — настроеніе, вынужденное ему тѣмъ матеріаломъ, надъ которымъ онъ работалъ, и то личное расположеніе духа, въ какомъ онъ самъ обрѣтался въ первый годъ своей жизни на югѣ.

Уже въ наброскахъ, которые сохранились въ бумагахъ поэта и которые очевидно относятся къ «Братьямъ Разбойникамъ», — слегка замѣтно смѣшеніе народнаго эпического тона съ лирическимъ взволнованнымъ тономъ души поэта *.

* Вотъ эти наброски:

1.

На Волгѣ въ темнотѣ ночной
Вѣтрило бѣдное бѣзветъ,
Въ бразды понутый вѣтеръ вѣетъ,
Недвижны волны, румь заснулъ,
Плывать ребята удалые
И стоа ибено есаулъ....

(Рукопись Публичной Библіотеки).

2.

Насъ было два брата, мы вмѣстѣ росли,
И жалкую младость въ пуждѣ мы вели,
И адчая жакда владѣла душой,
И вмѣстѣ мы вышли на первый разбой.

(Рукопись Румянцеваго Музея).

Еще яснѣе это смѣшеніе проступаетъ наружу въ томъ первоначальномъ планѣ поэмы, который сохранился въ черновыхъ бумагахъ Пушкина. Планъ этотъ данъ въ такомъ видѣ: I. Разбойники, исторія двухъ братьевъ. II. Атаманъ и съ нимъ двѣва... Пѣснь на Волгѣ. III. Купеческое судно, дочь купца. IV. Сходить съ ума. («Поэма»). Вечеромъ двѣва плачетъ, приговариваетъ, молодцы готовы отплыть. Есаулъ: гдѣ-то нашъ атаманъ? — они плывутъ и поютъ. Подъ Астраханью разбиваютъ корабль купеческій: онъ беретъ себѣ другую — та сходить съ ума. Новая не любитъ его и умираетъ. Онъ пускается на всѣ злодѣйства. Есаулъ предастъ его.

На этомъ планѣ очень замѣтно вліяніе народныхъ пѣсней. Атаманъ и «дѣва», разбойничья лодка на рѣкѣ, нападеніе на купеческое судно — все это мотивы, которые перѣдко встрѣчаются въ народной поэзіи.

Рядомъ съ мотивами народными въ первоначальной программѣ намѣчены эпизоды, которые очень напоминаютъ уже не народные, а литературныя обработки темъ изъ жизни морскихъ и дѣсныхъ разбойниковъ, какъ, напр., сумасшествіе покинутой разбойникомъ любовницы, смерть взятой имъ въ плѣтъ и любимой имъ дѣвушки, впечатлѣніе, произведенное этой смертью на душу разбойника, повышеніе въ немъ чувства ненависти къ людямъ, его ожесточеніе въ грабежахъ и мести невиннымъ за личную неудачу. Всѣ эти мотивы перѣдко попадаются въ ходкой тогда «романтической» литературѣ, и кое что напоминающее ихъ можно найти и въ поэмахъ Байрона напр. въ «Корсарѣ» и въ «Ларѣ. Разработалъ ли Пушкинъ эти литературныя мотивы въ первоначальной сожженной редакціи поэмы — неизвѣстно. Отрывокъ, который дошелъ до насъ, соответствуетъ, очевидно, лишь первому параграфу программы: «Разбойники. Исторія двухъ братьевъ». Откуда Пушкинъ взялъ эту исторію, мы знаемъ изъ его собственнаго письма. Въ ноябрѣ 1823 года Пушкинъ писалъ князю П. А.

Виземскому из Одессы: «Истинное происшествие подало мнѣ поводъ написать этотъ отрывокъ. Въ 1820 году, въ бытность мою въ Екатеринославѣ, два разбойника, законанные вѣзѣтъ, переплыли черезъ Днѣпръ и спясались. Путь отъѣхавъ на островкѣ, погонеіііе одного изъ стражей мною не выдуманъ».

Поэма, такимъ образомъ, не плодъ романтической мечты, а отзывъ реальнаго факта. Быть можетъ это-то обстоятельство и было причиной того, что въ поэмѣ никакъ не могло быть установлено единство настроенія. Сдѣлать вѣзѣтъ въ одномъ художественномъ образѣ реальнаго типа, бѣлаго арестанта съ поэтическимъ обликомъ разбойника, какимъ онъ является въ народныхъ пѣсняхъ, было дѣломъ очень труднымъ. Въ поэмѣ должна была быть видна спайка и впечатлѣніе неизбежно должно было дробиться. Быть-можетъ, поэтому-то Пушкинъ и остался недоволенъ поэмой и сжегъ ее. «Разбойниковъ я сжегъ — и по дѣломъ» — говорилъ онъ. Но сжегъ онъ не всю поэму и пощадилъ очевидно ту ея часть, которая ему казалась наилучшей и наиболее выдержанной. Но и въ этомъ отрывкѣ выдержанности строгой нѣтъ — ни въ настроеніи, ни во вишней формѣ. Полубановъ, комментируя въ своемъ изданіи «Братьевъ Разбойниковъ», высказалъ очень вѣрное замѣчаніе: онъ отмѣтилъ, что во внутренней и во вишней формѣ поэмы замѣчается постоянное чередованіе народнаго склада и книжныхъ пріемовъ. Такъ, напр., начало поэмы, очевидно, поддѣлано подъ народный стиль, а затѣмъ обработка становится чисто-литературной. Въ разказѣ разбойника объ пѣхъ прошлой вольной жизни снова встрѣчаются народныя выраженія, а потомъ изложеніе начинается походить на «Шильонскаго Узника» Байрона.

Несомнѣнно, что Пушкину было трудно совладать съ этой, повидимому, столь несложной темой. Трудность заключалась однако не столько въ литературномъ матеріалѣ, который былъ неоднороденъ (такъ какъ въ немъ реальныя факты перемѣшались съ традиціонными образами, созданными народной фантазіей, сколько въ психическомъ настроеніи самого художника.

Поэтъ былъ «несвободенъ» въ обработкѣ этой темы, такъ же какъ онъ былъ несвободенъ, когда писалъ своего «Кавказскаго Пѣвника». Въ немъ художникъ, привыкшій къ пластическому возсозданію своихъ впечатлѣній и чувствъ, боролся съ

человѣкомъ, настроеннымъ тревожно на необычный для себя ладъ. Съ одной стороны, разбойничій мотивъ требовалъ очень опредѣленнаго и яснаго развитія, согласнаго съ правдой жизни, съ другой — правда души самого художника требовала, чтобы этому разбойничьему мотиву была придана окраска, соответствующая настроенію, которое переживалъ самъ авторъ.

Это личное настроеніе поэта тогда было туманное и «романтическое», какъ принято выражаться. Молодой художникъ, одаренный исключительной способностью отзывчиваго отношенія ко всѣмъ явленіямъ повседневности, послѣ веселой жизни въ столицѣ, избалованный уснѣхомъ, поналъ неожиданно, не то чтобы въ ссылку, а въ положеніе поднадзорнаго и былъ лишенъ главнаго своего удовольствія — круженія въ вихрѣ впечатлѣній разнообразныхъ, неожиданныхъ и новыхъ. Привыкши до сего времени только отзываться на эти богатая впечатлѣнія вишней жизни, онъ теперь вынужденъ былъ углубляться за недостаткомъ пѣхъ въ свои собственные чувства и мысли. Такое самоуглубленіе должно было привести его неизбежно ко всякаго рода преувеличенію этихъ чувствъ, пѣхъ силы и интенсивности, такъ какъ онъ не могла вывертываться подъ преобладающимъ давленіемъ фантазіи въ виду необычайно спокойныхъ условий вишней жизни, среди которыхъ поэту теперь приходилось жить. Жилъ же Пушкинъ тогда въ обществѣ мѣлыхъ людей, на Кавказскихъ водахъ, на южномъ берегу Крыма, и жилъ съ одной противной душой, съ однимъ чувствомъ, которое подавить въ себѣ онъ пока не могъ, хотя оно вообще его душѣ было мало свойственно. Это было чувство обиды, недовольство людьми, извѣстнаго горделиваго превознесенія своей личности надъ другими, какъ личности пострадавшей, непонятой и тонимой. Поэтъ не могъ не сознавать, что хоть онъ въ Петербургѣ и «провинился» смѣлостью рѣчи и разными неосторожными выходками либеральнаго свойства, съ нимъ все-таки оставлено несправедливо. Чувство обиды осталось въ сердцѣ Пушкина и эту обиду надо было на комъ нибудь выместить... Если мы вспомнимъ, что въ эти годы въ началѣ двадцатыхъ) въ тѣхъ слояхъ интеллигентнаго русскаго общества, къ которымъ Пушкинъ принадлежалъ по рожденію и воспитанію, довольно отчетливо стало сказываться повышенное и тревожное чувство недовольства порядками той самой

жизни, на которую не так давно смотрели люди съ обычнымъ имъ сантиментальнымъ благодушіемъ, — то сильное повышение этой тревоги и недовольства въ душѣ обиженнаго Пушкина становится еще болѣе понятно. Наконецъ не надо забывать, что именно въ это-же время Пушкинъ впервые сталъ вниматься въ поэзію Байрона. Между нимъ и англійскимъ писателемъ почти не было духовнаго родства — они были люди разные по міросозерцанію, настроенію, по темпераменту, воспитанію и по характеру, но не ощутить на себѣ тяжелой силы этой протестующей поэзіи Байрона Пушкинъ не могъ. Какъ поэтъ, онъ долженъ былъ почувствовать красоту этой, въ сущности ему враждебной, стихіи. И на короткій срокъ Пушкинъ покорила болѣе сильному художнику, тѣмъ болѣе, что въ собственной душѣ ощущалъ потребность сказать людямъ горькое и вызывающее слово. Онъ, какъ извѣстно, и сказалъ его въ «Кавказскомъ Пѣвищѣ», изобразивъ въ общихъ и туманныхъ очертаніяхъ образъ какого-то разсерженнаго и обиженнаго людьми человека, который чувствуетъ, что онъ неприязненно настроенъ къ отношенію ближнихъ, но никакъ не можетъ самъ себѣ выяснить, въ чемъ заключается главная причина и гдѣ главный источникъ этого неприязненнаго чувства. При своемъ тогдашнемъ настроеніи бодромъ, хотя и разочарованномъ, Пушкинъ молчать не могъ, такъ какъ таить своихъ чувствъ онъ вообще не умѣлъ, а тѣмъ болѣе тѣхъ чувствъ, которыя ему причинили боль и тревогу.

За годы своей жизни на югѣ онъ неоднократно пытался закрѣпить въ пластическихъ образахъ это лирическое чувство недовольства и глухого протеста — двухъ новыхъ сердечныхъ ощущеній, какими его жизнь подарила. «Братья Разбойники» были одной изъ такихъ попытокъ и очень своеобразной попыткой, на которой остались несомнѣнные слѣды тревоги, пережитыхъ и человекомъ, и художникомъ въ борьбѣ съ темой, весьма заманчивой по своей эффектности и весьма опасной по своей основной идѣ.

Что «разбойникъ» былъ готовой красивой фигурой для воплощенія протеста противъ людей и порядка, который они признаютъ и защищаютъ, — это несомнѣнно. На западѣ, какъ извѣстно, разбойничьи романы (въ первоначальной своей формѣ простые романы похождения) приняты къ

концу XVIII вѣка ясную политико-соціальною окраску, и главный герой изъ разбойника превратился въ борца за радикальную идею, которую онъ и провозглашалъ въ жизнь иногда очень радикальными способами.

Пушкинъ могъ и не читать этихъ романовъ (и, повидимому, не читалъ ихъ), но уже, конечно, ему хорошо было извѣстенъ Карлъ Мооръ — краса всѣхъ благородныхъ разбойничьихъ павесъ на западѣ. Но если-бы онъ и плохо помнилъ его жизнеописаніе, то въ первый же годъ жизни на югѣ поэзія Байрона несомнѣнно ему о ней напомнила, хотя и не называя его по имени. Но всѣ эти западные разбойники не имѣли ничего общаго съ тѣми, которые на глазахъ поэта убѣжали изъ тюрьмы въ Екатеринославѣ. Тѣ были переодѣтые рыцари, а эти простые каторжники; одни были борцами за идею, другіе просто грабители на большой дорогѣ. А между тѣмъ, именно эти-то грабители и навязали художнику тѣ реальные образы, въ которые онъ пожелалъ вложить свое личное чувство обиженнаго и разсерженнаго человека.

Передъ поэтомъ становилась очень трудная задача: надлежало — весьма тонкое, въ основѣ своей гуманное чувство раздраженія на людскую несправедливость доверить людямъ совѣсьмъ негуманнымъ и несправедливымъ по существу. Получалась извѣстная идейная и психологическая фальшь, которую Пушкинъ, конечно, отчетливо чувствовалъ. Выйти изъ этого затрудненія художникъ могъ только двумя путями. Можно было идеализировать этихъ простыхъ грабителей, выкрасить ихъ въ романтическую краску, подогнать подъ идейный типъ; или ихъ нужно было оставить такими, какими ихъ создала природа, но сдѣлать все возможное, чтобы найти для нихъ снисхожденіе въ сердцѣ читателя.

Первый способъ разрѣшенія трудной задачи былъ для художника немислѣмъ, такъ какъ противорѣчилъ всей правдѣ и жизни, и искусства: нельзя было этихъ именно каторжныхъ сдѣлать людьми идеи, не нарушая правдоподобія. Пушкину и въ голову не приходила возможность такого истязанія правды. Положимъ, въ первоначальномъ планѣ поэмы онъ хотѣлъ подкрасить тему разными красивыми деталями, взятыми изъ народныхъ пѣсенъ, но очевидно, что даже этотъ скромный приѣмъ прихорашиванья ему не понравился и онъ уничтожилъ тѣ части поэмы, въ которыхъ преобладали

этот пародный склад¹. Придя к выводу, что всякая идеализация тьмы оригиналов, которые натолкнули его на тему о «братьях разбойниках», будет художественной ошибкой, Пушкин иным способом постарался разрешить противоречие между формой и содержанием в своей поэме, которое его мучило.

Типы братьев разбойников он оставил реальными, какими их сама жизнь: никакой общей или социальной идеи он не навязал этим каторжанкам; освободился всецело от народного склада в поэме он не смог, но сделал так, что эта народная образная речь художественного впечатления не портила; и наконец, противоречие между гуманным личным чувством художника и негуманным поведением его героев он смягчил, стремясь в читателя вызвать чувство сострадания к преступникам. Таким образом и самая идея протеста, воплощенная в акт возмущения разбойников, — сохранена была в чистоте, и с другой стороны сохранена была полностью и гуманная идея автора, который это возмущение понимал не в прямом, а в символическом смысле, как протест сильного человека против установленной поруга.

Обработка темы, как видим, представляла много трудностей и, вероятно, на них-то Пушкин и намекал, когда писал Вяземскому в октябре 1823 г.: «как сюжет — c'est un tour de force: это не похвала — напротив; но как сюжет и ничего лучше не написать». С последними словами можно не соглашаться, но что для художественного произведения un tour de force не похвала — это верно.

В чем же заключался этот «искусный прием» обработки, которым автор очевидно также был мало доволен?

1. Самой мысли о разбойничьем и пленном, одумевленном паронимом стихными силами Пушкин, однако не оставил. Во время своего пребывания в селѣ Михайловском он напр. очень интересовался делом детей о Стефанѣ Ралинѣ и несколько писем о нем в своем переводе прислал в тетрадки. Позднее, как известно, он очень увлекался историей Пугачева и посвятил ему важную монографию, материал для которой добывал с большим трудом. Но эти размышления в области психологии разбойника относятся уже к тому времени, когда в душе Пушкина вставало личное чувство протеста и раздрания Угелюк и когда он мог работать над литературным и историческим сюжетом, не внося в него чисто драматического построения.

Давно уже было замечено, что та часть поэмы «Братья Разбойников» в которой рассказана смерть одного из них в темнице, очень напоминает поэму Байрона «Шильонский узник». Плань рассказа как будто тот же и даже ощущение рассказчика, который он испытывал у утра своего умирающего товарища, как будто схожи с тем, что выстрадал Боншварь, присутствуя при медленной смерти своего брата в Шильоне... Естественно предположить, что, когда Пушкин писал свою поэму, он держал в памяти весь сценарий знаменитой поэмы Байрона.

В ноябре месяца 1823 года Пушкин писал Вяземскому: «в некоторые стихи напоминаю перевод Шильонского узника. Это несчастье для меня. Я с Жуковским сошелся незаявно, отрывок мой написан в конце 1821 года». Перевод Жуковского «Шильонского узника» был издан в 1822 году, и Пушкин не имел его под руками, когда писал свою поэму. Стиль поэмы принадлежит безраздельно Пушкину и, хотя Пушкин был в большом восторге от перевода Жуковского, но, как мы видели, и своим слогом был очень доволен и признавал его за лучшее, что им было написано. Странным может показаться, что Пушкин в этом письме ни одним словом не обмолвился о самом сюжете поэмы Байрона.

Знал ли он «Шильонского узника», когда писал свою поэму? Кроме эпизода в порыве между поэмой Байрона и поэмой Пушкина быть рвительно ничего сходного. Исходень и стиль в чередовании рифм. Конечно, могло случиться, что Пушкин, принимаясь за чтение Байрона — а он стал его изучать в тот же год, когда писал свою поэму, — на первых же порах остановился на «Шильонском узнике» и тогда, конечно, рассказ Боншвара мог повести его на мысль воспользоваться байроническою сценарием для собственного сюжета.

Но не будет ли низкою натяжка, если мы предположим, что Пушкин очень смутно помнил поэму Байрона или вовсе не знал ее, когда писал своих «Братьев Разбойников»? Но крайней мере, ни тогда, ни его друзья, ни современная критика не настаивали на сходстве этих двух поэм, о чем они конечно договорились бы, если бы в этой зависимости «Братьев Разбойников» от «Шильонского узника» были так укреплены, как подобные критики и

исследователи. И въ самомъ дѣлѣ обѣ эти поэмь въ гораздо большей степени непохожи другъ на друга, чѣмъ сходны между собой. У Байрона дана агонія борца за идею, героя въ нравственномъ смыслѣ безупречнаго, дава трагедія страшныхъ мукъ человѣка, который хоронитъ въ этомъ героѣ не только брата, но страдающую и правую идею. У Пушкина данъ разсказъ о простомъ болѣзнь самаго обаянаго каторжника, который бредитъ въ лихорадкѣ убійствами и ужасами предстоящей казни. Тяжелое и неприятное впечатлѣніе, какое этотъ бредъ производитъ, смягчается проблесками раскаянія, которое обнаруживаетъ разбойникъ. Болѣзнь его къ тому же не смертельна и онъ благополучно выздоравливаетъ для дальнѣйшихъ разбойничьихъ подвиговъ. Основная мысль поэмы Байрона—странная истина, въ силу которой людская несправедливость и долгое страданіе могутъ отучить человѣка отъ жажды счастья и даже отъ любви къ свободѣ, могутъ человѣка полного силъ обратить въ вялаго шлохондрика. Намѣреніе Пушкина было какъ разъ обратное—показать какъ сильна воля къ жизни въ человѣкѣ, закаленнымъ преступленіемъ и злобой. Для Байрона смерть младшаго Бошвары—трагическая необходимость, изъ которой вытекаетъ вся психологическая мотивировка душевныхъ движеній старшаго брата. У Пушкина смерть одного изъ разбойниковъ простая случайность, которая почти никакого вліянія (если не считать мимолетныхъ слезъ и молитвъ) на исходу товарища не оказываетъ.

Сходнаго мало между этими двумя поэмами, и если бы родство ихъ было тѣсное, то Пушкинъ, говоря о томъ, какъ переводъ Жуковскаго ему повредилъ, не могъ же промолчать объ оригиналѣ, который былъ для него гораздо опаснѣе. Это молчаніе указываетъ какъ будто на то, что поэту и въ голову не приходило сравнивать свою поэму съ «Шилонскимъ узникомъ». Всѣ эпизоды изъ «Братьевъ разбойниковъ», которые окрашены какъ будто въ байроническую краску, могли быть сочинены безъ посторонней помощи. Поэту нужно было смягчить характеръ своихъ кровавыхъ и неукротимо-злыхъ героевъ для того, чтобы сдѣлать ихъ выразителями своего личнаго протестующаго чувства. Люди, «которые прошли всѣ степені злодѣйства и рвали хладной рукой вдовцу и бѣдныхъ сиротъ», должны были стать болѣе человѣчны, нужно было указать,

что ихъ «выкормила чуждая семья», что «жизнь была имъ не въ радость», что они «несили нужду и горькое презрѣніе», что они «отогнали прочь совѣсть» (которая была въ ихъ сердцѣ) и тогда только вышли на большую дорогу. Нужно было заставить ихъ страдать въ тюрьмѣ, заставить въ ихъ мозгу мелькнуть мысль о томъ, что ихъ «сманчили» въ дремучій лѣсъ и «сначили» убійству, надо было заставить ихъ испытать «мученія докучной совѣсти», испытать ужасъ отъ приближенія призраковъ лицъ ими убитыхъ, заставить подумать о «Божьемъ гнѣвѣ»; надо было погубить одного изъ нихъ такъ, чтобы онъ погибъ случайно въ то время, когда мнилъ себя вѣдь опасности, на свободѣ; наконецъ, надо было, присутствуя на оргіи разбойниковъ, пригрозить имъ тѣмъ, что въ «черный день ихъ совѣсть проснется» *).

Поэма была по основному настроенію своему несомнѣнно «байроническая» въ томъ смыслѣ, что въ ней былъ выраженъ непримиримый взглядъ на жизнь и на людей, взглядъ, притытый Пушкину самой жизнью, а не книгами, взглядъ, который поэтъ на короткій срокъ усвоилъ и впиталъ въ себѣ членіемъ Байрона. Но едва ли Байронъ помогъ художнику въ данномъ случаѣ воплотить этотъ взглядъ въ образы.

Блвинскій, которому «Братья разбойники» очень не нравились, называлъ эту поэму «престраннымъ явленіемъ», «неразгаданной вещью».

Дѣйствительно, большого труда стоила автору эта попытка согласовать въ единомъ художественномъ произведеніи идейный, политически красивый типъ протестующаго разбойника, реально грубый типъ русскаго каторжника, образъ «молодца» изъ народныхъ пѣсень и свой собственный поргретъ, списанный съ него въ одну изъ перадныхъ минутъ его жизни.

Для историка, который пытается по уцѣлѣвшему отрывку возстановить процессъ работы художника надъ столь запутанной темой, многое должно остаться «неразгаданнымъ».

Несторъ Котляревскій.

* Критика того времени отбинула эти смягчающія вину обстоятельства. Такъ, напр., въ наиболее подробной критической замѣткѣ, посвященной «Братьямъ разбойникамъ» въ «Сынѣ Отечества» (1827 № 16, 399—402, рецензентъ благодарилъ автора зато, что онъ показалъ, какъ въ душѣ такихъ преступныхъ и развратныхъ людей Промыселъ сохранялъ хоть братскія чувства.

РАЗБОЙНИКИ У КОСТРА.

Рисунок Галактионова («Поллярная Звезда» 1825).

332. БРАТЯ РАЗБОЙНИКИ.

Не стая вороновъ слеталась
 На горы влюбшихъ костей,
 За Волгой, ночью, вкругъ огней
 Удальхъ шайка собиралась.
 Какая смѣсь одеждъ и лицъ,
 Намень, нарѣчій, состояній!
 Изъ хатъ, изъ келій, изъ темницъ
 Они стеклися для стяжаній!
 Здѣсь цѣль одна для всѣхъ сердець—
 Живуть безъ власти, безъ закона.
 Межъ ними зрится и бѣглець
 Съ бретовъ воинственнаго Дона,
 И въ черныхъ доконахъ Еврей,
 И дикіе сыны степей,
 Калмыкъ, Башкирецъ безобразной,
 И рязкій Финиць, и съ дѣвчою прадной
 Вездѣ вочующій Цыганъ!
 Опасность, кровь, развратъ, обманъ—
 Суть узы страшнаго семейства:
 Тотъ вѣкъ, кто съ каменной душой
 Прошелъ въ стѣны злодѣйства:
 Кто рѣжетъ младеною рукою
 Вдовицу съ бѣдной сиротой,
 Кому смѣшно двѣи стѣнатье,

Кто не прощаетъ, не щадить,
 Кого убійство веселить,
 Какъ юному любви свиданье,
 Затихло все, теперь луна
 Свой блѣдный свѣтъ на нихъ наводитъ,
 И чарка пивнаго вина
 Изъ рукъ въ другія переходитъ.
 Простерты на земль сырой
 Ниные чутко засыпаютъ:
 И сны злобшіе летаютъ,
 Надъ нихъ преступной головой,
 Другимъ рассказы сокращаютъ
 Утромой ночи праздной часъ:
 Умолкли вѣсь— нѣкъ занимаетъ
 Пришельца новаго разсказъ,
 И все вкругъ его внимаютъ:
 «Насъ было двое: братъ и я.
 Росли мы вмѣстѣ: нашу младость
 Вскормила муждая семья:
 Намъ, дѣтямъ, жизньъ была не въ радости:
 Уже мы знали пужныя гласъ,
 Сносили горькое предрѣшье
 И рано волновало насъ
 Жестокой зависти мученье.

Не оставалось у сироты,
 Ни бѣдной хивинки, ни поля;
 Мы жили въ горѣ, средь заботы,
 Наскучила намъ эта доля,
 И согласились межъ собой
 Мы жребій испытать иной:
 Въ товарищи себѣ мы взяли
 Булатный ножъ, да темную ночь;
 Забыли робость и печаль,
 А совѣсть отогнали прочь.
 Ахъ, юность, юность удалая!
 Жизньё въ то время было намъ,
 Когда погибель презирая,
 Мы все дѣлили пополамъ.
 Бывало только мѣсяць ясный
 Взойдетъ и станетъ средь небесъ,
 Изъ подземелья мы въ лѣсъ
 Идемъ на промыселъ опасный.
 За деревомъ сидимъ и ждемъ:
 Целъ-ли поздною дорогою
 Богатый Жидъ или погнѣ убогой.—
 Все наше! все себѣ беремъ.
 Зимой бывало въ ночь гдухую
 Заложимъ тройку удалую,
 Ноемъ и свищемъ, и стрѣлой
 Летимъ надъ сѣвкою глубинной.
 Кто не боится нашей встрѣчи?
 Завидѣли въ харчевнѣ свѣчи—
 Туда! къ воротамъ, и стучимъ.
 Хозяйку громко вызываемъ,
 Вошли— всё даромъ: ѡедемъ, Ђднемъ,
 И красныхъ двѣшекъ ласкаемъ!
 И чтожь? понались молодцы:
 Не долго братья шировали,
 Поймали насъ—и кузнецы
 Насъ дружка ко дружку приковали,
 И стража отвела въ острогъ.
 Я старшій былъ пятью годами,
 И вынести больше брата могъ.
 Въ цѣпяхъ, за душинами стѣнами,
 Я удѣляль—онъ изнемогъ.
 Съ трудомъ дыша, томимъ тоскою,
 Въ забвеньи, жаркой головою
 Склоняясь къ моему плечу
 Онъ умираль, твердя всечасно:
 «Миѣ душно здѣсь... я въ лѣсъ хочу...
 Воды, воды!»... но я напрасно
 Срадалицу воду подавалъ:
 Онъ снова жаждою томился
 И градомъ потъ по немъ капля,
 Въ немъ кровь и мысли волновалъ
 Жаръ ядовитого недуга:
 Ужь онъ меня не узнавалъ,
 И поминутно призывалъ
 Къ себѣ товарища и друга,
 Онъ говорилъ: «гдѣ скрылся ты?
 Куда свой тайный путь направилъ?

Самъ-ли мой братъ меня оставилъ
 Средь этой смрадной темноты?
 Не онъ ли самъ отъ мирныхъ нашихъ
 Меня въ дремучій лѣсъ сманилъ,
 И ночью тамъ, могущъ и страшень,
 Убийству первый научилъ?
 Теперь онъ безъ меня на волю
 Одисъ гуляеть въ чистомъ полѣ,
 Тяжелымъ машеть кистенемъ
 И позабылъ въ завидной долѣ
 Онъ о товарищѣ своемъ!..»
 То снова разгорались въ немъ
 Докучной совѣсти мученья:
 Предъ нимъ голнили привидѣнья,
 Грозя перетомъ издалека,
 Всѣхъ чаще образъ старика
 Давно зарѣзаннаго нами
 Ему на мысли приходилъ:
 Больной, зажавъ глаза руками,
 За старца такъ меня молилъ:
 «Братъ! сажался надъ его слезами!
 Не рѣжь его на старость дѣтъ...
 Миѣ драхмъ крикъ его ужасень...
 Пусть его—онъ неопасень:
 Въ немъ крови капли теплой нѣтъ...
 Не смѣйся, братъ, надъ сѣдинами,
 Не мучь его... авось мольбами
 Смягчить за насъ онъ Божій гнѣвъ!..»
 Я слушалъ, ужасъ одолевъ,
 Хотѣль унять больнаго слезы
 И удалить пустыя грезы,
 Онъ видѣль пляски мертвецовъ,
 Въ тюрьму пришедшихъ изъ лѣсовъ,
 То слышалъ или ужасный шепотъ,
 То вдругъ погони близкій тонотъ,
 И дико взгляды его свергаль,
 Стояли волосы горою,
 И весь какъ листъ онъ трепеталь,
 То мнилъ ужъ видѣть предъ собою
 На площадяхъ толпы людей,
 И страшный ходъ до мѣста казни,
 И кнутъ, и грозныхъ палачей...
 Безъ чувствъ, непокоенный боязни,
 Братъ упала къ миѣ на грудь,
 Такъ проводилъ я дни и ночи,
 Не могъ минуты отдохнуть,
 И сна не знали наши очи.
 Но молодость свое взяла:
 Вновь силы брата возвратились
 Болѣзнь ужасная прошла,
 И съ нею грезы удалились,
 Воскресли мы. Тогда сильнѣй
 Взяла тоска по прежней долѣ:
 Душа рвалась къ лѣсамъ и къ волю,
 Алкала воздуха полей,
 Намъ тошень былъ и мракъ темницы,
 И сквозь рѣшетки свѣтъ денницы,

БРАТЯ РАЗБОЙНИКИ.
Don quixote. T. IV. Cap. XXXIII. (Londres, 1802)

ПОБЫГЪ БРАТЬЕВЪ-РАЗБОЙНИКОВЪ.

Рисунокъ К. Трутовскаго. (=Свердловъ Сиданъ 1862 г.).

И стражи кликъ, и звонъ цѣпней,
И легкой шумъ залѣтной птицы.
Но улицамъ однажды мы,
Въ цѣпяхъ, для городской тюрьмы
Сбирали вмѣстѣ подаянье,
И согласились въ тишинѣ
Неполнить давнее желанье:
Рѣка шумѣла въ сторонѣ,
Мы къ ней—и съ береговъ высокихъ
Бухъ!—поплыли въ водахъ глубокихъ,
Цѣпями общими гремишь,
Бьемъ волны дружными ногами,
Песчаный видимъ островокъ,
И разбѣгая быстрый токъ,
Туда стремимся. Въ слѣдъ за нами
Кричатъ: «лови! лови! уидуть!»
Два стража издали плывутъ,
Но ужъ на островъ мы вступаемъ,
Оковы камнемъ разбиваемъ,
Другъ съ друга рвемъ клочки одеждъ

Отягощенные водою...
Погоню видимъ за собою;
Но смѣло, полные надеждъ,
Сидимъ и ждемъ. Одинъ ужъ тонеть,
То захлебнется, то застонеть,
И какъ свинець пошелъ ко дну,
Другой пропалъ ужъ глубинѣ,
Съ ружьемъ въ рукахъ, онъ въ бродъ упрямо,
Не внемля крику моему,
Идетъ, но въ голову ему
Два камня полетѣли прямо—
И хлынула на волны кровь;
Онъ утонулъ, мы въ воду вновь,
За нами гнается не поспѣли,
Мы береговъ достигъ усѣбли
И въ дѣсь ушли. Но бѣдный братъ...
И гудъ, и волнь осенній хладъ
Недавнихъ слѣдъ его лишили:
Опять пелугъ его сломилъ
И злыя гряды посѣтили.

Три дня больной не говорилъ
 И не смыкалъ очей дремотой;
 Въ четвертый грустною заботой,
 Казалось, онъ исполненъ былъ:
 Позвалъ меня, пожалъ мнѣ руку,
 Потухшій взоръ изобразилъ
 Одолбшающую муку:
 Рука задрогла, онъ вздохнулъ—
 И на груди моей уснулъ.
 «Надъ младымъ тѣломъ я остался,
 Три ночи съ нимъ не разставался,
 Все ждалъ, очнется-ли мертвецъ?
 И горько плакалъ. Наконецъ
 Взялъ заступъ: грѣшную молитву
 Надъ братней ямой совершилъ
 И тѣло въ землю схоронилъ...
 Потомъ на прежнюю ловитву
 Пошелъ одинъ. Но прежнихъ лѣтъ
 Ужъ не дождусь: нѣтъ нѣтъ, какъ нѣтъ!
 Пиръ, веселье поцѣли,
 И наши буйные набѣги
 Могила брата все взяла.
 Влагу съ угрюмой, одинокой:
 Окаменѣлъ мой духъ жестокой
 И въ сердцѣ жалость умерла.

Но иногда щажу морщины:
 Мнѣ страшно рѣзать старика:
 На беззащитныя сѣдины
 Не подымается рука.
 Я помню, какъ въ тюрьмѣ жестокой
 Больной, въ дѣвухъ, лишенный силъ,
 Безъ памяти, въ тоскѣ глубокой
 За старца братъ меня молилъ.
 Умолкъ и буйной головою
 Разбойникъ въ горести поникъ,
 И слезъ горючесю рѣкою
 Свирѣпый оросился ликъ.
 Сбивая, товарищи сказали:
 Ты плачешь! полно, брось вѣдали,
 Зачѣмъ о мертвыхъ вспоминать?
 Мы живые станемъ пировать,
 Ну, подчивай сосѣдъ сосѣда!
 И кружка вновь пошла крутомъ:
 Намигъ угрюмая бесѣда
 Вновь оживляется виномъ:
 У всякаго своя есть повесть,
 Всякъ дванцѣ мѣкшій свой кистень,
 Шумъ, крикъ. Въ ихъ сердцѣ дремлетъ
^{свѣтъ:}
 Она просветитъ въ черный день.

Младшій изъ братьевъ-разбойниковъ въ брѣвѣ.

Рисованъ С. Иванова.

ОЛЕГЪ и КУДЕСНИКЪ.

Акварель В. Висленова.

333. ПЬСНЬ О ВЪЦЕМЪ ОЛЕГЪ.

Какъ нынѣ собирается въщій Олегъ
 Отмстить неразумнымъ Хозарамъ:
 Нхъ села и шивы, за буйный набѣвъ,
 Обрекъ онъ мечамъ и пожарамъ.
 Съ дружиной своей въ Цареградскон брѣнѣ,
 Князь по полю ѣдетъ на вѣрномъ конѣ.

 Изъ темнаго лѣса, на встрѣчу ему,
 Ѣдетъ вдохновенный кудесникъ.
 Покорный Перуцу старикъ одному,
 Завѣтовъ грядущаго вѣстникъ,
 Въ мольбахъ и гаданьяхъ проведеній весь вѣкъ,
 И къ мудрому старцу подѣхалъ Олегъ.

 Скажи мнѣ, кудесникъ, любимецъ боговъ,
 Что сбудется въ жизни со мною?
 И скоро ль, на радость сосѣдей-враговъ,
 Могильной засыплюсь землѣю?
 Открой мнѣ всю правду, не бойся меня:
 Въ награду любого возьмешь ты коня.

ОЛЕГЪ ПРОЩАЕТСЯ СЪ КОНЕМЪ.

Акварель В. Васильева.

«Волвы не боятся могучихъ владыкъ,
 А княжескiй даръ имъ неужень;
 Правдивъ и свободенъ имъ вѣщiй языкъ,
 И съ волей небесною друженъ.
 Градущiе годы гаятся во мѣлѣ:
 Но вижу твой жребiй на свѣломъ челѣ.

Запомни же нынѣ ты слово мое:
 Воистину слава отъзвѣтъ;
 Побѣдой прославлено имя твое:
 Твои щигъ на вратахъ Царсграда;
 И волны, и суша покорны тебѣ;
 Завидуетъ неругъ столь живнои судьбѣ.

И снiго моря обманчивый валь
 Въ часы роковой непогоды,
 И пращъ и стрѣла, и лукавыи княжалъ
 Щалятъ побѣдителя томя...
 Ночь грозной броней ты не властна рани;
 Незримый хранитель могущему валь.

«Твой конь не боится опаснѣхъ трудовъ;
 Онъ, чуждъ господскую волю,
 То смиренный стоитъ подъ стрѣлами враговъ,
 То мчится по брашному полю,
 И холоды и сѣла ему ничего:
 Но применишь ты смерть отъ коня своего».

Олегъ усмѣхнулся; однако чело
 И взоръ омрачилися думой.
 Въ молчаньи, рукой оперившись на сѣдло,
 Съ коня онъ слѣзаетъ урюмой;
 И вѣрнаго друга прощальной рукой
 И гладить и трепать по шее крутой.

«Прощай, мой товарищъ, мой вѣрный слуга,
 Разстаться настало намъ время:
 Теперь отдыхай; ужь не ступишь нога
 Въ твоё позлащенное стремя.
 Прощай, утѣшайся, да помни меня.
 Вы, отроки-друзи, возьмите коня!»

«Покройте попоной, мохнатымъ ковромъ;
 Въ мой дугъ подѣ устцы отведите;
 Кудайте, кормите отборнымъ зерномъ;
 Водой ключевою поите».
 И отроки тотчасъ съ конемъ отошли,
 А князю другаго коня подвели.

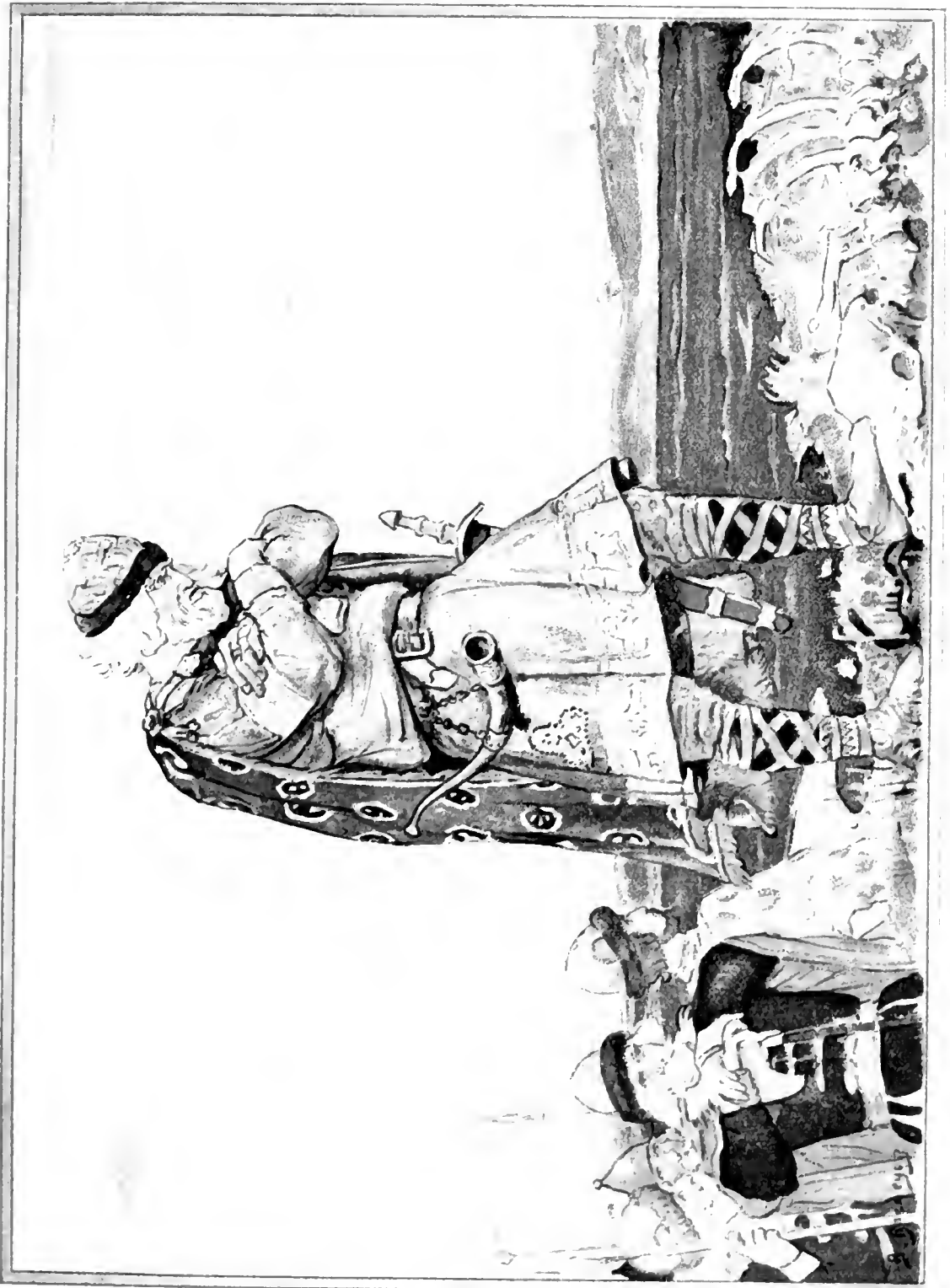
Пируетъ съ дружиною вѣщій Олегъ
 При звонѣ веселомъ стакана.
 И кудри ихъ бѣлы, какъ утренній снѣгъ
 Надъ славной главою кургана...
 Они поминуютъ минувшіе дни
 И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

«А гдѣ мой товарищъ, промолвилъ Олегъ,
 Скажите, гдѣ конь мой ретивый?
 Здоровъ ли? Все также ль детокъ его бѣгъ?
 Все тотъ же ль онъ бурный, игривый?»
 И внемлетъ отвѣту; на холмѣ крутомъ
 Давно ужь почилъ непробуднымъ онъ спомъ.

Могучій Олегъ головою поникъ
 И думаетъ: «что же гаданье?
 Кудесникъ, ты живой, безумный старикъ!
 Презрѣвъ бы твоё предсказанье!
 Мой конь и донынѣ послѣ бы меня».
 И хочетъ увидѣть онъ кости коня.

Вотъ идетъ могучій Олегъ со двора,
 Съ нимъ Игорь и старые гости,
 И видятъ: на холмѣ, у берега Дибира,
 Лежатъ благородныя кости;
 Нухъ моговъ дожди, засыпають нухъ ниль,
 И вѣтеръ волнуеть надъ ними ковыль.

Князь тихо на черень коня наступилъ
 И молвилъ: «спи, другъ одинокой!»

Твой старый хозяинъ тебя пережилъ:
 На тризѣ, уже недалёкой,
 Не ты подъ сѣкирой ковыль обаришь
 И жаркою кровью мой прахъ напоишь!...

«Такъ вотъ гдѣ таилась погибель моя!
 Мнѣ смертию кость угрожала!»
 Изъ мертвой главы гробовая змѣя,
 Шипя между тѣмъ выползала:
 Какъ черная лента вокругъ погѣ обвилась:
 И вскрикнулъ внезапно ужаленный князь.

Ковши круговые зашѣвись шипятъ
 На тризѣ плачевной Олега:
 Князь Игорь и Ольга на холмѣ сядятъ:
 Дружина пируетъ у брѣга:
 Бойцы поминаютъ минувшіе дни
 И битвы, гдѣ вмѣстѣ рубились они.

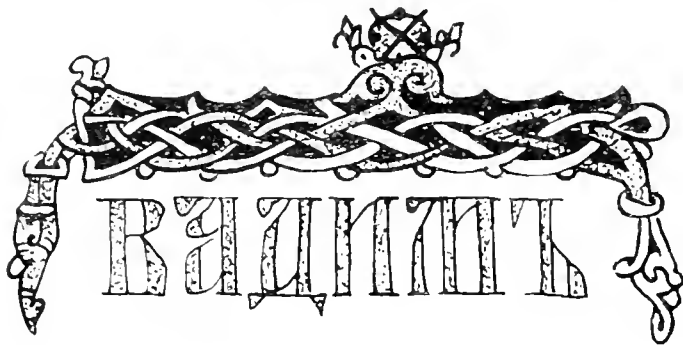
ТРИЗНА ПО ОЛЕГЪ.

Акварель В. Васнецова.

334. ПРИМѢТЫ.

Стараня наблюдать различныя примѣты,
 Настухъ и земледѣль въ младенческія дѣты,
 Взлѣтнущъ на небеса, на западную сѣнь,
 Умнѣетъ ужь предвѣчь и вѣчь, и ясный день,
 И майскіе тожи, младыхъ полей орату,
 И мразовъ ранній хладъ, опасный винограду,
 Такъ, если лебеди, на доиѣ тихихъ водъ,
 Плескаясь вечеромъ, окличуть твой приходъ,
 Нль солнце яркое займетъ въ печальны тучи,
 Знай: завтра сонныхъ дѣвъ разбудитъ дождь ревучій,
 Нль былой въ окна гратъ, а ранній селянинъ,
 Готовясь ужь косить высокій злакъ долинь,
 Услыша бури шумъ, не выдетъ на работу
 И погрузится вновь въ дѣлнвую дремоту.

335. ВАДИМЪ.

Отрывки драмы и поэмы,
 ВАДИМЪ.

(Я ждалъ тебя, Родай! Скорбій, какую вѣсть
 О нашей родинѣ ты можешь мнѣ принести—)
 Ты видѣлъ Новгородъ, ты слышалъ гласъ народа:
 Скажи, Родай, жива ль славянская свобода
 Нль князя чуждаго покорные рабы
 Рѣшились оправдать гоненіе судьбы?

РОДАЙ.

Вадимъ! надежда есть. Народъ петербургскій,
 Старинной вольности питомецъ горделивый,
 Досаду, влечитъ позорный свой яремъ,
 Какъ иноземный гость, невѣдомый никѣмъ,
 Являлся я въ домахъ, на стогнахъ и на вѣчь
 Вражду къ правительству я зрѣлъ на каждой встрѣчѣ,
 Ушнѣніе вездѣ: торговли шумъ утихъ,
 Встревожены умы — и пламя глѣбеть въ нихъ,
 Младые граждане князятъ и негодуютъ,
 Вадимъ, они тебя съ надеждой именуютъ...

ВАДИМЪ.

сдумные! давно ль они въ глазахъ моихъ
Встрѣчали торжествомъ владителей мужихъ
И вольныя главы подъ иго преклоняли
Изънаны моему давно ль рукопрестали...
Теперь зовутъ меня да завтра, можетъ, вновь
Невѣрна ихъ вражда! невѣрна ихъ любовь...
Но я не измѣню —

Сводъ неба мракомъ обложился:
Въ волнахъ Варяжскихъ лунный лучъ,
Сверкая межъ вечернихъ тучъ,
Столпомъ перовнымъ отразился.
Качаясь, лебедь на волнѣ
Заснуль, и все крутомъ почло:
По ногъ по темной глубинѣ
Стремится бѣлое вѣтрило,
И блещетъ пѣна при дудѣ:
Летитъ испуганная птица,
Услыша близкѣй плескъ весла.
Чей это парусъ? Чья девица
Его во мракѣ вѣтрила?

Ихъ двое. На весло набѣнный,
Одинъ, смиренный житель волнъ,
Гребетъ и къ югу правитъ челнъ;
Другой, какъ волкомъ пораженный,
Стоитъ недвижимъ на брета
Глаза впередъ, не молвитъ слова,
И черезъ челнъ его нога
Перешагнуть уже готова,
И швунуть...

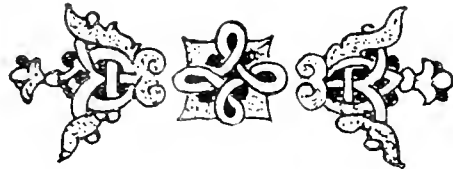
«Причаливай, старикъ!
Къ утесу правь!» — и въ волны вмигъ
Прыгнулъ пловець петровъ-павловъ,
И береговъ уже достигъ.
Межъ тѣмъ, рукой петропавловъ
Другой вѣтрило опустилъ,
Свои челнъ къ утесу прилоняетъ,
Къ подшвамъ шухъ союзныхъ пѣвъ
Узломъ надежнымъ укрѣпляетъ,
И выходитъ медленной стопой
На берегъ дикой и крутой,
Кремень звучитъ, и пламя искоръ
Далеко освѣило море.
Суровый край! Громы скаль
На берегу стоятъ угрюмомъ:
Объ ихъ мятежный бѣдетъ валь
И пѣна плещетъ: сосны съ шумомъ
Качаются старыя главы
Надъ дыбкой зеленой пучины:
Крутомъ ни цвѣта, ни травы.

Несокъ на мохъ: скалы, стремнины
Вездѣ хранящъ клеимо громовъ
И слѣдъ потоковъ жестокихъ,
И гдѣють кости — пиръ волковъ
Въ разбитыхъ овраженныхъ,
Къ огню заботливый старикъ
Простеръ и вѣвлющя руки,
Примѣны долготѣи муки,
Собранны кости, тощій ликъ,
На коемъ время углубило
Свои послѣднѣ слѣды,
Одежа, обувь — все явлено
Въ немъ дикость, нужду и трудъ.
Но кто же тотъ? Блещаетъ малость
Въ его лицѣ: какъ вѣнчикъ цвѣтъ
Прекрасенъ онъ; но, мнитъ, радость
Его не знала съ тѣхъ оныхъ лѣтъ:
Въ глазахъ потупленныхъ кручина:
На немъ одежда Славянина
И наберѣ Славянской мечъ,
Славяны вогъ очи голубыя,
Вогъ ихъ и волосы златыя,
Волнами надше до плечъ...
Космагамъ рубищемъ отбѣтый,
Отнемъ живительнымъ согрѣтымъ,
Старикъ забился крѣпкимъ сномъ.
Но юноша, на перси руки
Задумчиво сложивъ врестомъ,
Сидитъ съ намуреннымъ челомъ...
Проходить ночь, огонь погасъ,
Осталь и пенеть: воль пучина
Бѣлеть: близокъ утра часъ:
Исходитъ сонъ на Славянина,
Видать онъ дальняя страны,
Но сушь, по морю посидя,
Во дни былые, дни войны,
На закатѣ, на югѣ бился,
Для добычу и трудъ
Съ суровымъ плечемъ Огана,
И переть нимъ враговъ ряты
Бѣжали, какъ морская пѣна
Въ часъ бури къ чернымъ берегамъ.

Внималъ онъ радостнымъ шепотомъ
 И арфамъ Скальдовъ изступленнымъ.
 Въ жилищѣхъ сильныхъ шировалъ
 И очи дѣвъ шопцеменныхъ
 Красою чуждой привлекалъ.
 Но сладкій сонъ не переноситъ
 Теперь героя въ край чужой,
 Въ поля, гдѣ мчится бурный бой,
 Гдѣ мечъ главы героевъ коситъ;
 Не видитъ онъ знакомыхъ скалъ
 Киріаладіи печальной,
 Ни Альбіона, гдѣ искалъ
 Кровавыхъ сѣчь и славы дальней.
 Ему не снится шумъ валовъ:
 Онъ позабылъ морской битвы,
 И пламя яркое костровъ,
 И трубный звукъ, и лай догитвы;
 Другія грезы и мечты
 Волнуютъ сердце Славянина:
 Предъ нимъ Славянская дружина;
 Онъ узнаетъ ея шиты,
 Онъ снова простираетъ руки
 Товарищамъ минувшихъ лѣтъ,
 Забытымъ въ долги дни разлуки,
 Которыхъ ужъ и въ мірѣ нѣтъ...
 Онъ видитъ Новгородъ-великій,
 Знакомый теремъ съ давнихъ поръ:
 Но тытъ обросъ крапивою дикою,
 Обвиты окна повилкой,
 Въ травѣ заглохъ широкій дворъ.
 Онъ быстро хранишь опустѣлыхъ
 Проходить молчаливый рядъ:
 Все мертво... нѣтъ гостей веселыхъ,
 Застольныя чашы не гремятъ:—
 И вотъ веселая свѣтлица,
 Въ немъ сердце бьется: здѣсь нль нѣтъ—
 Любовь очей, душа-дѣвица?
 Цвѣтеть ли здѣсь—мой милый цвѣтъ?

Найду ль ее?... И съ этимъ словомъ—
 Онъ входитъ... Что же? страшный видъ!
 Въ постелѣ холодной, подъ покровомъ—
 Дѣвица мертвая лежитъ!...
 Въ немъ замеръ духъ и взволновался.
 Покровъ приподнимаетъ онъ,
 Глядитъ,—и слабый стоиъ
 Сквозь тяжкій сонъ его раздался.
 Она, она!—ея черты!
 На персяхъ рану обнажаетъ:
 Она погибла! восклицаетъ.
 Кто могъ?... и слышитъ голосъ:—ты!

Межъ тѣмъ привычныя заботы
 Средь усладительной дремоты
 Тревожатъ душу старика:
 Во снѣ онъ парусъ развиваетъ,
 Плаветь по волѣ вѣтерка:
 Его тихонько увлекаетъ
 Къ заливу свѣтлая рѣка,
 И рыба сонная шадетъ
 Въ тяжелый неволъ старика:
 Все тихо: море почиваетъ,
 Но туча виситъ; дальній громъ
 Надъ звукою бездною грохочетъ,
 И вотъ пучина надъ челномъ,
 Кинитъ, подьмелетъ, клокочетъ;
 Напрасно къ вѣрнымъ берегамъ
 Несчастный возвратиться хочетъ,
 Челнокъ трещитъ—и поволамъ!
 Рыбакъ идетъ на дно морское...
 И пробудясь, трещетъ онъ,
 Глядитъ окрестъ—брега въ покоѣ,
 На полусвѣтлый небосклонъ
 Восходитъ утро золотое:
 Съ деревъ, съ утесныхъ вершинъ,
 На встрѣчу радостной дѣвицы
 Щебечетъ, полетѣли птицы,
 И разсвѣло...

336. У З Н И К Ъ.

Спаку за рѣшеткой въ темницѣ сырой.
 Вскормленный на волѣ орелъ молодой,
 Мой грустный товарищъ, махая крыломъ,
 Кровавую шищу клюетъ подь окномъ,
 Клюетъ, и бросаетъ, и смотритъ въ окно,
 Какъ будто со мною задумалъ одно:
 Зоветь меня взглядомъ и крикомъ своимъ,
 И вымолвить хочетъ: «давай улетимъ!»
 «Мы вольныя птицы: пора, братъ, пора!
 Туда, гдѣ за тучей бѣлѣетъ гора,
 Туда, гдѣ синюетъ морскія края,
 Туда, гдѣ гулемъ лишь вѣтеръ... да я!..»

337. П Т И Ц К А.

Въ чужбинѣ свято наблюдаю
 Родной обычай старины:
 На волю птичку выпускаю
 При светломъ праздникѣ весны.

Я стать доступенъ убиенью;
 Зачемъ на Бога мнѣ ронять.
 Когда хоть одному творенью
 Я могъ свободу даровать!

338. ЛЮБНО ВАШЪ СУМРАКЪ НЕИЗВѢСТНОЙ.

Любно вашъ сумракъ неизвѣстной
 И ваши тайные цвѣты,
 О вы, поэзіи прелестной
 Благословенныя мечты!
 Вы насъ увѣрили, поэты,
 Что тѣши, легкой толпой,
 Отъ береговъ холодной Лены,
 Слетаются на брегъ земной
 И невидимо навѣщаютъ
 Мѣста, гдѣ было все мифы,
 И въ сновидѣньяхъ уѣзжаютъ
 Сердца покинутыхъ друзей:
 Онь, безсмертіе вкушая,
 Нуть ждутъ въ Элизей.

Какъ ждешь на ширь земля родная
 Своихъ замедлившихъ гостей...
 Но, можетъ быть, мечты пустыя
 Быть можетъ, съ ризой гробовой
 Всѣ чувства брошу я земныя,
 И чуждъ мнѣ будетъ міръ земной;
 Быть можетъ, тамъ, гдѣ все блистаетъ
 Небдвнннй славой и красотой,
 Гдѣ чистый пламень пожираетъ
 Несовершенство бытія,
 Минутныхъ жизни впечатлѣній
 Не сохранитъ душа моя,
 Не буду вѣдать сожалѣній,
 Тоску любви забуду я..

339. ГОРИШЬ-ЛИ ТЫ, ДАМНАДА НАША.

Я. П. Толстому.

Горишь-ли ты, дамнада наша,
 Подруга бѣднѣи и широкъ?
 Кишишь-ли ты, златая чаша,
 Въ рукахъ веселья, остраковъ?
 Все тѣ же-ль выд, трузя веселья,
 Друзья Кириды и стиховъ?
 Часы любви, часы похмѣлья
 По прежнему ль дѣлать на зовѣ
 Свободы, дѣли и бездѣлья?
 Въ изнанаи скучномъ, каждый часъ
 Гори завистливомъ желаньемъ,
 Я къ вамъ лечу воспоминаньемъ,
 Воображаю, вижу васъ:
 Богъ онъ, пріютъ гостепрѣимной,
 Пріютъ любви и вольныхъ музъ.

Гдѣ съ нами клятвою взаимной
 Скрѣпили вѣчный мы союзъ,
 Гдѣ дружбы знали мы блаженство,
 Гдѣ въ колпакѣ за круглый столъ
 Садилось милое равенство:
 Гдѣ своеправный произволь
 Мѣнялъ буылки, разговоры,
 Разказы, пѣсни пладуна,
 И разгорались наши споры
 Отъ искръ и шутокъ, и вина, —
 Я слышу, вѣрные поэты,
 Вашъ очарованный языкъ...
 Палейте мнѣ вина кокетъ!
 Желай мнѣ здравія, Колмыкъ!

340. ЦАРЬ НИКИТА.

I.

Начало сказки, безусловно Пушкинское—черно
 шкъ въ Румянц. музѣѣ, тетрадь № 2366.

Царь Никита жилъ когда-то,
 Славно, мирно и богато,
 Не творя добра, ни зла,
 И земля его цвѣла.
 Царь трудился по немногу,
 Кушалъ, пилъ, молился Богу,
 И отъ разныхъ матерей
 Прижилъ 40 дочерей,
 40 дѣвушекъ прелестныхъ,
 40 ангеловъ небесныхъ,
 Милыхъ видомъ и душой,
 Что за глазки—Боже мой!
 Ротикъ алый,—темный волосъ
 Пожки—чудо!—Ивѣный голосъ
 Васъ съ ума свести бы могъ,
 Словомъ, съ головы до ногъ
 Чувство, дуну все плѣняло—
 Одного не доставало...
 Да чего же одного?
 Такъ бездѣлки, ничего;
 Ничего плѣ очень мало.
 Все равно не доставало.
 Какъ бы это изъяснить,
 Чтобы намъ не прогнѣвать
 Богомольной важной дуры
 Или чопорной цензуры...

II.

Продолженіе, впоследствии по памяти записано
 братомъ поэта Львомъ Сергѣевичемъ.

Какъ быть, помоги мнѣ Богъ!...

.....

Нужъ чудесное рожденъе
 Привело въ недоумѣнъе
 Всѣ придворныя сердца;
 Грустно было для отца
 И для матерей печальныхъ:
 А отъ бабокъ повивальныхъ
 Какъ узналъ о томъ народъ,
 Съ ужасомъ разинулъ ротъ,
 Охалъ, ахалъ, дивовался,
 А шой хогъ и смѣлся,
 Да тихонько, чтобы въ путь
 Одаленный не махнулъ.

Царь собралъ своихъ придворныхъ,
 Ишекъ, мамушекъ покорныхъ,
 Идалъ имъ такой приказъ:
 «Если кто нибудь изъ васъ...

.....

То, шутить я не привыкъ,
 Дамамъ вырѣжу языкъ!..»

Царь былъ строгъ, но справедливъ:
 А приказъ краснорѣчивъ,
 Всякъ со страхомъ поклонился,
 Остеречья всякъ рѣшился,
 Ухо всякъ держалъ востро
 И берегъ свое добро.
 Жены бѣдныя боялись,
 Чтобы мужья не проболтались,
 Вгаивѣ думали мужья:
 Провинись жена моя!...

.....

ГРЕЧАНКА ЭПОХИ БАЙРОНА.

(Портрет Афинской ольбрики, относящийся къ 1812 г. По наброску Кокереля рис. Чалонъ для «Byron Gallery», London 1833).

341. ГРЕЧАНКА.

Ты рождена воспламенить
 Воображеніе поэтъ,
 Его тревожить и палить
 Любезной живостью притворъ,
 Восточной странностью рбчей,
 Блистаешьъ зеркальннхъ очей
 И этой пожкою нескромной:
 Ты рождена для пбн томной,
 Для уносенія страстей.
 Скажи: когда пбведь Леды
 Въ мечтахъ небесныхъ рисовать
 Свой неизмѣнный идеалъ,
 Ужь не тебя ль изображалъ
 Поэтъ мучительный и мильный?
 Быть можетъ, въ дальней сторонѣ,
 Подъ небомъ Греціи священномъ,

Тебя страдаецъ вдохновенной
 Узналъ, или видѣлъ какъ во снѣ,
 И скрылся образъ незабвенной
 Въ его сердечной глубинѣ,
 Быть можетъ, дирою счастливой
 Тебя волшебникъ искушалъ:
 Невольный трепеть возникать
 Въ твои груди самолюбивой:
 И ты, склонясь къ его плечу...
 Штъ, штъ, мой другъ, мечты ревнивой
 Питать я пламя не хочу:
 Мнѣ тогдо счастье чуждо было,
 Мнѣ ново наслаждаться имъ,
 И тайной грустію томимъ,
 Бовесъ: невѣрно все, что мило.

342. (БАРАТЬНСКОМУ).

Я жду общаго тетрадъ:
 Что жъ медлишь, мильны трубадуръ!
 Пришли се мнѣ Феба рати,
 И награти тебя Амуръ.

АДЕЛЬ АЛЕКСАНДРОВНА ДАВЫДОВА.

(Познанійшій портретъ ея, когдѣ она перешла въ католичество и стала монахиней).

343. А Д Е Л Н.

Играй, Адель,
Не знай печали.
Хариты, Лель
Тебя звичали
И колыбель
Твою качали.

Твоя весна
Тиха, ясна:
Для наслажденья
Ты рождена.
Часъ упоенья
Лови, лови!

Младья дѣта
Отдай любви,
И въ шумѣ свѣта
Люби, Адель,
Мою свирѣль.

344. П Р І Я Т Е Л Ю.

Не приворяйся, милый другъ,
Соперникъ мой широкоплечій:
Тебѣ не страшень лры звукъ,
Ни элетическія рѣчи.
Дай руку мнѣ: ты не ревнивъ,

Я слишкомъ вѣтренъ и дѣнивъ,
Твоя красавица не дура:
Я вижу все и не сержусь:
Она предестная Лаура,
Да я въ Петрарки не гожусь.

ЛИСТЪ 28 БИШИНШЕВСКОИ ТЕАТРАДИ № 2365

съ отрывкомъ программы «Габрилада».

ГАБРИЛАДА.

I.

Востану, свреши молодой
 Миѣ дорого душевное спасенье:
 Приди ко миѣ, прелестный ангель мой,
 И мирное прими благословенье!
 Сласти хочу земную красоту,
 Любедныхъ дствъ улыбною довольной.

Пою стихи на днрѣ богомольной...
 Смирныхъ струнъ, быть можетъ, на-
 конецъ
 Ее лѣвнать, ... лѣвнать,
 И ... сойти на сердце твое.
 Властитель оны и мысли, и сердце!
 Шестнацать лѣтъ, невинное смиренье,
 Бровь черная, духъ твои венныхъ холмовъ,
 Подъ пологомъ упрое движенье.

Нога любви, жемужный ряд зубовъ...
Зачѣмъ же ты, еврейка, улыбулась,
И по лицу румянецъ пробѣжалъ?
Я не тебя, ... описалъ...
Ахъ, милая, ты право обманулась.

2.

Въ тиши полей, вдали . . . . .
Вдали забавь и юныхъ волоките,
Которыхъ бѣсъ для гибели хранить,
Красавица, шнѣмъ еще не зрима,
Безъ прихоти вѣла спокойный вѣкъ,
Ея супругъ, почтенный человекъ,
Свѣдой старикъ, плохой столяръ и плотникъ,
Въ селеньи былъ единственный работникъ;
И день и ночь имѣя много дѣлъ
То съ уровнемъ, то съ вѣрною пилою,
То съ топоромъ, не много онъ смотрѣлъ.
На предѣсти, которыми владѣлъ...
И тайный дѣвъ, которому судьбою
Назначена была иная честь
На стебелькѣ не смѣлъ еще процвѣсть
Дѣшвыи мужъ своею старою . . . . .
Въ часть утренней не . . . . .
Онъ какъ отецъ съ невинной жить еврейкой,
Ее кормилъ—и больше ничего...

Но . . . . . во время оно
. . . . . склонилъ прѣвѣтный взоръ
На стройный станъ, на двѣтвенное лоно
Рабы своей—и, чувству задоръ,
Онъ положилъ въ премудрости глубокой
. . . . . достойный вертоградъ
Сей вертоградъ забытый, одинокій,—
Щедротами таштвенныхъ награды,
Въ своемъ саду . . . . . сладко дремлетъ
. . . . . рекъ—и дѣвъ снится сонъ:

3.

Предъ нею вдругъ открылся, ...
Въ глубинѣ . . . . . необозримой
Во сіяніи и славіи нестерпимой,
Тамъ . . . . . волнуются, кишать,
Безчислены . . . . .
Струнами арфъ бряцають, ...
. . . . . въ безмолвіи сидятъ
Главы закрывъ, ...
И яркими одѣянь . . . . .
. . . . . стоитъ предъ ними тронъ.
И свѣтелъ, вдругъ очамъ явился онъ!
Всѣ пали ницъ; умолкнувъ арфы звонъ...
Склонивъ главу, едва . . . . . дышетъ,
Дрожитъ, какъ листъ, и голосъ . . . . .
. . . . . слышитъ:
«Краса земныхъ любезныхъ дочерей,
Нравля надежда молодая!

Зову тебя, любовью пылая,
Причастница ты славы будь моею;
Готова будь къ невѣдомой . . . . .
Женить грядеть, грядеть къ своей рабынѣ!»
Вновь . . . . . одѣясь . . . . . грохъ:
Возсталъ . . . . . легионъ
И раздался . . . . . арфы звуки...
Склонивъ главу, сложивъ умилно руки,
Лицу . . . . . предстоить...
Но что же такъ волнуется и манитъ
Ея къ себѣ внимательные взоры?
Кто сей, въ толпѣ придворныхъ молодыхъ,
Съ нею очей не сводитъ голубыхъ?
Первыйи шлемъ, роскошные уборы,
Синье . . . . . и доконовъ златыхъ,
Высокій станъ, взоръ томный и стыдливый—
Все правится . . . . . молчаливой...
Замечень онъ, одинъ онъ сердцу миль —
Гордись, гордись, ...

Провало все, не внемля дѣтской пени:
На полотнѣ такъ исчезаютъ тѣни,
Рожденны въ волшебномъ фюварѣ,
Красавица прослушалъ на зарѣ
И вѣжлась на ложѣ томной дѣви:
Но дивный сонъ, но милый . . . . .
Изъ памяти ея не выходилъ
. . . . . любить она хотѣла,
Его слова пріятны были ей
И передъ нимъ она благоговѣла,
Но . . . . . казался ей милѣй,
Такъ иногда супругу генерала
Загнунуи павняетъ адьютантъ.
Что дѣлать намъ? Судьба такъ приказала,
Согласны въ томъ невѣжды и педитъ.

4.

Поговоримъ о странностяхъ любви:
Другого я не смыслю разговора!
Въ тѣ дни, когда огъ огненнаго взора
Мы чувствуемъ волнение въ крови,
Когда госка обманчивыхъ желаній
Объемлетъ насъ и душу лигочить,
И всюду насъ преслѣдуетъ, томить
Предметъ одинъ и думы, и страданій, —
Не правда ли—въ толпѣ младахъ друзей
Напереника мы ищемъ и находимъ:
Съ нимъ тайный гласъ мучительныхъ
. . . . . страстей
Нарѣчимъ восторговъ переводимъ,
Когда же мы поймали на-лету
Крылатый мигъ небесныхъ упоеній
И къ радостямъ на ложѣ наслажденій
Стыдливую склонили красоту,
Когда любви забыли мы страданье
И нечего намъ болѣе желать —
Чтобъ оживить о ней воспоминанье,
Съ напереникомъ мы любимъ поболтать...

4.

И ты, . . . , познашь ее вполне,
И ты вылазь, . . . , какъ и мы!
. . . , посылало все . . .
Наскучило . . .
Онъ сочинилъ любовные псалмы
И громко пѣлъ: «Люблю, люблю, . . . !
«Въ ушнѣи . . . вламу . . .
«Гдѣ . . . ? къ . . . , почему
«И на груди красавицы почю!»—
И прочее, все, что придумать могъ,
. . . , любить восточный нестрой слогъ.
Потомъ, призывая любимца— . . .
Свою любовь онъ прозой объяснялъ;
Бесѣды ихъ намъ . . . , душала:
. . . , нежного оцѣлала;
Но говоритъ армянское преданье,
Что . . . , не пожалѣвъ похвалы,
Въ Меркуріи . . . , избрала,
Замѣтя въ немъ и умъ и дарованье,—
И вечеркомъ къ . . . , подослала,
. . . , другой хотѣлась чести;
Нерѣдко онъ въ посольствахъ былъ счаст-
ливъ:

Переносилъ записочки, да вѣсти
Хоть выгодно, но онъ самолюбивъ!
И славы сынъ, намѣренъе сокрытъ,
Сталъ нехоти услужливый угодникъ
. . . , да по . . .

Но, старая вѣра, не дремлетъ сагана
Провѣдалъ онъ, шагая къ блѣдомъ свѣтъ,
Что . . . , имѣлъ еврейку на примѣтъ,
Красавицу, которая должна

. . . ,
Дукавому великая досада!
Амоночь онъ . . .

На . . . , сидѣвъ въ ушнѣхъ сладкомъ;
Весь мѣръ забылъ, не . . . , онъ ни-
. . . , чѣмъ,—

И безъ него все шло своимъ порядкомъ,
Что-жь дѣлаетъ . . . ? гдѣ оно,
. . . , печальная супруга?

5.

Въ своемъ саду, печальныхъ думъ полна,
Проводить часъ невиннаго тоскута
И снова ждетъ пѣвительнаго сна,
Съ ея души не сходилъ образъ мильна,
. . . ,
Въ прохладѣ пальмъ, подъ говоромъ ручья,
Задумалась красавица моя
Не мило ей цвѣтовъ благоуханье,
Не весело прозрачныхъ вѣтъ журчанье,
И юнитъ вѣрутъ: прекрасная змѣя,
Примаминой блестя чешуею,

Въ тѣни вѣтвей казается вать нею,
И говоритъ: «Любимца . . . !
«Не дѣбгай! я— пѣвильниця твоя! послуш-
наи! . . . »

Возможно-ли? О, чудо изъ чудесъ!
Кто-жь говорилъ съ еврейкой просто душною?
Кто-жь это былъ? Увы, конечно, бѣсъ!
Краса змѣи, цвѣтовъ разнообразье,
Ея привѣтъ, огонь лукавыхъ глазъ
Поправилась . . . , въ тотъ же часъ,
Чтобъ усладить младато сердца праздность,
На саганѣ покоя ибжнѣи взоръ,
Съ нимъ завела опасный разговоръ:
— «Кто ты, змѣя? По лѣтвому наиву,
«Но красота, по блеску, по глазамъ
«Я узнаю того, кто . . .
«Привлечъ усилья къ таинственному . . .
«И тамъ склонилъ несчастную къ грѣхамъ,
«Ты погубилъ неопытную дѣву,
«А съ нею—весь . . .
«Мы къ безднѣ бѣды невинно потонули!
«Не стыдно-ли?! . . . »

— . . . , вась обманули,
И я не погубилъ, а спасъ,
— «Спасъ?! отъ кого?»

— . . . — Отъ . . .
— «Врагъ опаснаи! . . . »

— Онъ былъ влюбленъ . . .
— . . . — «Послушаи, беретъ!»

— Онъ къ ней вылазь . . .
«Молчи!»

. . . , любонило страстной,
Она была въ опасности ужаснои . . .

— «Змѣя, ты лжешь!»
Еи Богу!

— «Не божись!»
Но выслушай! . . .

Подумала . . .

«Нехорошо къ сау, наединѣ,
«Укравкою внимать наивтамъ змѣи,
«И кетати-ли повѣрять саганѣ? . . .
«Но . . . , меня хранить и любить;
« . . . — онъ, вѣрно не погубитъ
«Своей рабы да что-жь? да разговоръ!
«Къ тому же, онъ не дастъ меня въ обиду . . .
«Да и змѣя скромна говольно съ виду
«Какои тутъ грѣхъ? гдѣ зло? . . . Нустое,
« . . . , взоръ!» . . . »

Подумала и ухо приклонила,
Забывъ на часъ любовь и . . .

. . . ,
Дукавыи бѣсъ, наменно развернувъ
Гремучии хвостъ, согнувъ душно шею,
Съ дѣвѣй скользиль— и напелъ претъ нею,
Желаніи огни во трутъ ея влохувъ,
Онъ говоритъ:

. . . , Съ разказомъ . . .

Не солдану разкази моего:

Онъ вымысломъ хотѣлъ плѣнить свиря,
 Онъ важно глалъ—и слушали его:
 . . . наградила въ немъ слово и умъ по-
 . . . корный.
 Сталь . . . —известный господинъ;
 По я, повѣрь, историкъ не придворный,—
 Не нуженъ мнѣ . . . важный мнѣ,
 Онѣ должны, красавицы другія,
 Завидовать огню твоихъ очей:
 Ты рождена, о скромная . . .
 Чтобы плѣнить . . . дѣтей,
 Чтобы властвовать надъ ивжыми сердцами,
 Улыбкою блаженство имъ дарить,
 Сводить съ ума двумя-тремя словами,
 По прихоти—любить и не любить,—
 Вотъ жребій твой! Какъ ты, молодая..
 Въ своемъ саду—скромна, умна, мила,
 Но безъ любви въ уныніи цвѣла..
 Всегда одинъ, глазъ на глазъ, . . .
 На берегахъ . . . свѣтлыхъ рѣкъ,
 Въ спокоествіи вели невниный вѣкъ,
 Скучна была нуть дней однообразность!
 Ни рожи сѣнь, ни молодость, ни
 . . . праздность,—
 Ничто любви не пробуждало въ нихъ:
 Рука съ рукой гуляла, шилъ, вилъ,
 Зѣвали днемъ, а ночью не имѣли
 Ни страстныхъ иръ, ни радости живыхъ..
 Что скажешь ты? . . . несправедливый,
 . . . угрюмый и ревнивый,
 . . . подругу полюби,
 Ее хранишь для самого себя..
 Какая честь и что за наслажденье!
 . . . какъ будто въ заточеньѣ,
 У ногъ его, . . .
 Хвали его, красѣ его дивись,
 Взглянуть не смѣй украдкой на другого.
 Съ . . . тихонько молвить слово —
 Вотъ жребій той, которую..
 Себѣ возьметъ въ подруги наконецъ.
 И что-жь потомъ?—да скуку и мученье
 Награда вся . . .
 Старухъ докучная мольба,
 Да чадь . . . да подѣ алмазомъ,
 Пивисанный кажимъ-то..
 Какъ весело! Завидная судьба!
 Мнѣ стало жаль моей предестной . . .
 Рѣшился я, . . . на зло,
 Разрушить сонъ и юности, и дѣвы,
 Ты слышала, какъ все произошло?
 Два . . .
 Завѣтный знакъ, любви символъ
 . . . призывный—
 Открыли ей неясную мечту..
 Проснулася неясныя желанья..
 Она свою познала красоту,
 И плѣчу чувствъ, и сердца трепетанье,

И юного . . . паготу..
 Я видѣлъ нуть! Любви моей науки
 Прекрасное начало видѣлъ я!
 Въ тѣнцетый дѣвъ ушла мечта моя..
 Тамъ быстро нуть блуждали взгляды, руки..
 У мидыхъ ногъ супруга молодой
 . . . искалъ восторговъ, уноенья,
 Онъ вопрошала источникъ наслажденья
 И въ немъ терялся, закинувъ душой..
 И, не страшась, . . .
 Вся въ пламени, власы раскинувъ . . .
 Едва-едва устами шевеля,
 Любазіемъ . . . отвѣчала,
 Въ слезахъ любви, въ безчувствіи лежала.
 Ночь тѣнью пальмъ — и юная земля
 Любовниковъ цвѣтами покрывала..
 Блаженный день! Увѣчанный супругъ
 Жену ласкалъ съ утра до поздней ночи!
 Во тѣмъ почтой смежаль оав рѣдко очей..
 Какъ нуть тогда украшенья быть досугъ!..
 Ты знаешь, . . . улыбки прерывая,
 . . .
 Изъ мирной стороны,
 Едѣ безъ трудовъ они столь сладко жили
 И дни свои певнино проводили
 Въ объятіяхъ дѣшовой тишины,
 Но имъ открылъ я тайну сладострастья
 И младости веселья права,
 Тамленые чувствъ, восторги, слезы счастья,
 И поглубуй, и ивжыма слова!..
 Скажи теперь: ужели я предатель?
 Ужели . . . несчастливъ отъ меня?
 Не думаю: но знаю только я,
 Что съ . . . остался я пріятель.
 Умолкнулъ . . . въ тишинѣ
 Коварному внимала сатанѣ,
 «Что-жь?» думала: «Быть можетъ, правъ
 . . . лукавый?»
 «Слышала я: ни почестями, ни славой,
 «Ни золотомъ блаженства не купишь
 «Слышала я, что надобно любить!..
 «Любить!.. Но какъ?.. Зачѣмъ!.. и что
 . . . такое?»..
 А между тѣмъ, внимающе молодое
 Ловило все въ разсказѣ сатаны:
 И дѣйствія, и странныя причины:
 И смѣлый слогъ, и вольная картина:
 Охотники мы вѣѣ до новизны!
 Часъ отъ часу неясное начало
 Опасныхъ думъ казалось яснѣй..
 И вдругъ—зми какъ будто не бывало,
 И новое явленье передъ ней:
 . . . зрѣтъ красавца молодого
 У ногъ ея! Не говоря ни слова,
 Къ ней устремивъ чудесный блескъ очей,
 Чего-то онъ краснорѣчиво просить,
 Одной рукой цвѣточекъ онъ подносить,

Другая мнѣ простое пологно
И крадется, — торопливо...
И касается игриво
До милыхъ тайнъ... Все для диво,
Все кажется ей ново, мудрено...
А между тѣмъ румянецъ не стыдливый
На двиственныхъ ланитахъ запыля,
И томный жаръ, и вздохъ неперифливы
Младую грудь, — подымалъ
Она молчать... И вдругъ — не стало мочи,
Закрылися блестящія очи,
Къ лукавому на грудь склонивъ главу,
Вскричала: «Ахъ!»

6.

О милый другъ! кому я посвящилъ
Всѣ первая надежды и желанья,
Красавица, которой я былъ милъ,
Простишь ли мнѣ мои воспоминанья,
Мои грѣхи, забавы юныхъ дней?
Тѣ вечера, когда въ семьѣ твоей,
При матери докучливой и строгой,
Тебя томилъ я тайною тревогой
И просвѣтилъ невинныя красы?
Я научилъ послушную...
Обманывать печальную раздуку
И усаждать безмолвные часы
Бессонницы, дѣвическую муку...
Но молодость утрачена твоя:
Отъ блѣдныхъ устъ улыбка отлетѣла,
Твоя краса во дѣвѣ помертвѣла...
Простишь ли ты, о милая мой?...
Отецъ грѣха, лукавый врагъ...
Ты есть и былъ преть нею виноватъ,
Ея тебѣ пріятель былъ...
И ты уснѣлъ преступною забавою
... сумруду просвѣтить
И дерзостью невинность изумить.
Гордись, гордись своей проклятой славой!
Свѣши ловить... Но близко, близко,
... часъ!...
Вотъ меркнетъ свѣтъ, заката лучъ погасъ,
Все тихо... Вдругъ наць дѣвой угожденной
Шума,
Носель любви, бастящій сынь...
Отъ ужаса, при видѣ...
Красавица лицо себѣ закрыла,
Прель нимъ возсталъ, смущился мрачный...
И говорить: «Счастливецъ горделивый!
«Кто звалъ тебя? зачѣмъ оставилъ ты
«... дворъ, ... высоты!
«Зачѣмъ мнѣшать утѣхъ молчаливой,
«Занятіямъ чувствительной мечты?
Но ... нахмури взоръ ревнивы,
Речь на вопросъ — и дерзкій, и шушливы:
— Проклятыи врагъ, ... красоты.

Повѣса злой, измѣнникъ безнадежный,
Ты соблазнилъ крашу... дѣвкою,
И смѣешь мнѣ вопросы задавать,
Былъ сейчасъ, измѣнникъ, рабъ мятежный,
Наль я тебя заставлю трепетать!
«Не трепетать отъ ванихъ я приворываю,
«... придураниковъ покорываю,
«Радѣстей...»
Проклятый рекъ и, злобою тора,
Наморщивъ лобъ, съясся, кусая губы,
... ударить прямо въ зубы,
Раздался крикъ: шатнуся...
И дѣвое колѣно преклонилъ:
Но вдругъ возсталъ, исполненъ новымъ
... жаромъ,
И ... печальнымъ ударомъ
Хватилъ въ високъ, Бѣсъ ахнулъ, поблѣд-
... нѣлъ,
И бросился въ объятія другъ другу
И ... ни бѣсъ не одолѣлъ...

7.

Слезенные, крутятся, пауть по дуду,
На вражью грудь опернись бородой,
Соединивъ крестъ-на-крестъ ноги, руки,
То силою, то хитростью науки
Хотятъ увлечь другъ друга за собою...
Не права ли, вы помните то поле,
Друзья мои, гдѣ въ прежни дни, весной,
Оставя классъ, мы бѣжали на волю
И тѣшили отважною борьбой,
Усталые, забывъ и брань и рѣчи...
Такъ, ... боролись межъ собою,
Подземный царь, буаясь широкоплечій,
Вотще кряхтѣлъ съ уперливымъ врагомъ,
И наконецъ, жедая кончить разомъ,
Съ ... сбиль шеломъ,
Златой шеломъ, украшенный алмазомъ;
Схвативъ врага за вѣяные власы,
Онъ сзати гнетъ могучею рукою
Къ сырой землѣ, ... предъ собою
... зреть юная краса
И за него въ безмолвіи трепещеть...
Ужъ домиль бѣсъ, ужъ ать въ восторгѣ
... плещеть...
Но къ счастью проворныи...
Виделъ ему въ...
Издлинее почти во всякомъ боу...
Проклятыи пать, пощаты запросилъ,
И въ темный ать едка нашель порогу,
... На дивныи боу, на странную тревогу
Красавица смотрѣла чуть паша:
Когда же ѣбъ ней, свой подвигъ соверши,
Привѣливо ... обратился,
Огонь любви въ лицѣ ея разлился

И вблизию исполнилась душа,
 О, как! была еврейка хороша!
 Посолье выдать и чувства мудра
 Такъ изъяснить въ . . . . . словахъ;
 . . . . .
 . . . . .
 « . . . . . и испровергнуть адъ!..
 «Но—признаюсь душою откровенной—
 . . . . .
 И, передъ ней колѣнопреклоненный,
 Огъ между гнѣвъ, ей вблизию руку жалъ..
 Погуля взоръ, прекрасная вздыхала..
 И . . . . . ее поцѣловать.
 Смущая, она красива и молчала..
 Ея груди дерзнулъ коснуться огъ..
 «Оставь меня», ... прошептала,—
 И въ тотъ же мигъ добзашемъ задушень.
 Невинности послѣдній крикъ и стоить..

Что дѣлать ей? Что скажетъ . . . . . ревнивый?

Не сбѣуйте, красавица моя,
 О женщины, наперницы любви!
 Умѣте въ хитростью счастливой
 Обманывать вниманье жениха
 И знатоковъ внимательные взоры,
 И на слѣды пріятнаго грѣха
 Невинности набрасывать уборы.
 Огъ матери проказливая дочь
 Беречь урокъ стыдливости покорной,
 И мнимыхъ слезъ, и съ робостью при-
 творной
 Играетъ роль въ рѣшительную ночь.
 Но поутру, оправясь понемногу,
 Встаешь блѣдна, чуть ходитъ—такъ томна:
 Въ восторгѣ мужъ; мать шепчетъ: слава
 Богу!

А старый другъ стучится у окна..
 Ужь . . . . . съ извѣстіемъ приятнымъ
 . . . . . путемъ обратнымъ,
 Наперника петербургивый..
 Привѣтствіемъ встречаетъ благодарнымъ:
 «Что новаго?» Я сдѣлалъ все, что могъ;
 Я ей открылъ..—«Ну, что-жь она?»—
 Готова.

И . . . . . не говоря ни слова
 . . . . . встала, и махнемъ бровей
 Вебъ удавить, какъ тревле богъ Гомера,
 Когда смирять безвинныхъ огъ дѣтей..
 Но Греція навѣкъ угасла въра,

Завеса пѣть, мы сдѣлались умнѣй.
 Уносна живымъ воспоминаемъ,
 Въ своемъ углу . . . . . въ тишинѣ
 Покоилась..
 Душа горитъ и вѣрой, и желаньемъ
 Младую грудь волнуешь новой жарь..
 Она зоветъ тихонько..
 Его любви готовить тайный даръ..
 Ночной покровъ ногою отвалила,
 Довольный взоръ съ улыбкою склонила
 И, счастлива въ предѣстныя наголь,
 Сама свои дивится красотѣ,
 И между гнѣвъ, въ задумчивости вблизию,
 . . . . . предѣстна и томна,
 И ману шептъ отрады безмятежной..
 Сбѣнешься ты, лукавый сатана!
 И что-же, врутъ..

8.

Аминь, аминь! Гнѣвъ кончу я рассказы?
 Навѣкъ забывъ старинные проказы,
 Я пѣть тебя . . . . .
 Смиренныхъ струвъ тебѣ я посвятилъ
 Усердное, внимательное пѣнье!
 Храни меня, всеми моею мольбою;
 Досель я былъ еретикомъ въ любви,
 Младыхъ богинь безумный обожатель,
 Другъ демона, повѣса и предатель..
 Расскажи мое благословіе;
 Пріемлю я наобренья благія—
 Переминовъ—Елену видѣть я!..
 Она мила какъ вблизию..
 Подвластна ей навѣкъ душа моя!
 Моимъ рѣчамъ придай очарованье,
 Нонравиться повѣдай тайну мнѣ,
 Въ ея груди зажги любви желанье—
 Не то пошу молиться сатанѣ,
 Но дни бѣгутъ, и время сдѣлало
 Мою главу тѣшкомъ посеребрить,
 И важный бракъ съ добелною женою
 Предъ алтаремъ меня соединить..
 И я тогда, ... угѣшитель
 . . . . . тебя, ...
 О, рогацей заступникъ и хранитель
 . . . . . тогда, ... меня..
 Даруй ты мнѣ блаженное терпѣнье,
 Молю тебя, поцни мнѣ вновь и вновь
 Свокойный сонъ, въ супругѣ увѣренъ,
 Въ семействѣ миръ и къ ближнему лю-
 бивъ..

ФЕДОРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ ГЛИНКА.

346. О. ГЛИНКЪ.

Когда средь оргіи жизни шумной
 Меня постигнулъ остракизмъ,
 Увидѣвъ я толпы безумной
 Презрившій, робкій эгоизмъ:
 Безъ слезъ оставилъ я съ досадою
 Вѣнки пировъ и блескъ Аоніи;
 Но голосъ свой мнѣ былъ въ отраду,
 Великодушнѣй гражданничи!
 Пускай судьба опредѣлила
 Гоненія грозныя мнѣ вѣны,
 Пускай мнѣ друзья пѣвшила,
 Какъ пѣвшила мнѣ любовь,
 Въ моемъ изнаніи позабуду
 Несправедливость иль обиду:
 Онь ничтожна — если буду
 Тобою оправданъ, Аристити!

347. ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ ЦЕНЗОРУ.

Устроимъ сторожъ мулъ, тонитель давній мой,
 Сегодня разсуждать задумалъ я съ тобой,
 Не бойся, не хочу, прельщенный мыслью ложной,
 Цензурю поносить худой неосторожной —
 Что нужно Лондону, то рано для Москвы,
 У насъ писатели я знаю каковы:
 Нухъ мыслей не тѣснить цензурная расправа,
 И чистая душа передъ тобою права,
 Во-первыхъ, искренно я признаюсь тебѣ,
 Не рѣдко о твоей жалбѣ и судьбѣ:
 Людской безмыслицы присяжный толкователь,
 Хвостова, Бушнѣи единственный читатель,
 Ты вѣчно разбираешь обязать за грѣхи
 То прозу глупую, то глупые стихи,
 Россійскихъ авторовъ нечеткое встревожить:
 Тотъ Англійскій романъ съ Французскаго предложить,
 Тотъ оду сочинить, поэма да крѣпка,
 Или трагедію написать намъ шутя—
 До нихъ намъ дѣла нѣтъ, а ты читай, бѣсишь,
 Зѣвай, сто разъ засни, а послѣ подишишь,
 Такъ — цензоръ мученикъ! Порой захочетъ онъ
 Умъ чтеніемъ освѣжить: Руссо, Вольтеръ, Бюффонъ,
 Державинъ, Карамзинъ манять его желанье—
 А долженъ посвятить безилодное вниманье
 На бредни новыя какого-то враля,
 Которому досугъ нѣтъ роци, да поля...
 Да связь утрата въ нихъ, ищи ее сначала,
 Или вымарывай изъ тошатаго журнала
 Насмѣшки грубыя и площадную брань:
 Учтивыхъ осѣраковъ затѣившую дань.
 Но цензоръ гражданскій, и самъ его священный!
 Онъ долженъ умъ имѣть прямой и просвѣщенный:
 Онъ сердцемъ почитать привыкъ алтарь и тронъ;
 Но мнѣнья не тѣснить и разумъ тернить онъ,
 Блюститель тишины, приличія и правоты,
 Не пресѣкаетъ самъ начертанныхъ уставовъ;
 Закону преданный, отечество любя,
 Принять отвѣтственность умѣетъ на себя;
 Полезной истинѣ путей не заграждаетъ,
 Живою поэзіи развиваться не мѣшаетъ:
 Онъ другъ писателю, предъ знаньемъ не трусливъ,
 Благоразуменъ, твердъ, свободенъ, справедливъ,
 А ты, глупецъ и трусъ! что дѣлаешь ты съ нами?
 Гдѣ должно бѣ уместоватъ, ты хлопаешь глазами,
 Не поймавъ насъ, марашь и дерешь:
 Ты чернымъ бѣлое по прихоти зовешь,
 Сатиру — насквелемъ, поэзію — развратомъ,
 Глазъ правды — мятежемъ, Куницына — Маратомъ,
 Рѣшитель — а тамъ поди, хоть на тебя проси!
 Сказки, не стыдно ли, что на святой Руси,
 Благодаря тебѣ, не вищемъ книгъ доселѣ?
 И если говорить задумаешь о дѣлѣ.

То, славу русскую и здравый умъ люби,
 Самъ государь велитъ печатать безъ тебя,
 Останись намъ стихи, поэмы, триолеты,
 Баллады, басенки, дитяи, куплеты,
 Досуговъ и любви певниция мечты,
 Воображенія минутныя цвѣты...
 О варваръ! кто изъ насъ, владѣлецъ русской лиры,
 Не проклиналъ твоей губительной сѣкиры?
 Докупишь евиухомъ ты бродишь между музъ:
 Ни чувства пылкія, ни блескъ ума, ни вкусъ,
 Ни слога вѣща «Ирровъ», столь чистый, благородный
 Ничто не трогаетъ души твоей холодной!
 На все кидаетъ ты косою, невѣрный взлѣдь,
 Подозрѣвая всѣхъ во всемъ ты видишь ядь,
 Оставь, пожалуй, грудь нимаго не похваляемый:
 Парнасъ не монастырь и не гаремъ печальный,
 И, право, никогда искусный коновальъ
 Излишней пылкости Пегаса не лишаль,
 Чего боишься ты? Похврь мѣдъ, чьи рабаы
 Осмѣливать законъ, правительство и правы,
 Тотъ не подвернется възысканью твоему,
 Тотъ не знавалъ тебя — мы знаемъ почему,
 И рукопись его, не поспѣвая въ Лѣтъ,
 Безъ пошлеса твоей раздувается въ свѣтъ,
 Барковъ шумливыхъ одъ къ тебѣ не посылать,
 Ратцеевъ, рабства врагъ, цензура избѣжать,
 И Пушкина стихи въ печати не бывали
 Что дужны? нѣтъ и такъ иные прочтали,
 Но ты свое песенъ и въ наши премудрый вѣкъ
 Едва ли Шалковъ не вредный человекъ,
 Затѣмъ себя и насъ терзаетъ безъ причины?
 Скажи, читалъ ли ты Наказъ Екатерины?
 Прочти, помни его, увидишь ясно въ немъ
 Свои долъ, свои права, поидеши инымъ путемъ:
 Въ глазахъ монархини сатирикъ превосходной
 Небжеество казнилъ въ кометѣ народной,
 Хоть въ узкой головѣ причворнаго глупца
 Кутекинъ и Христовъ на равная шца,
 Державинъ, бичъ вельможъ, при звукѣ тронной лиры
 Нѣтъ торгелиныя разоблачать кумиры:
 Хемницеръ петину съ улыбкой говорилъ,
 Пашеревикъ Душеньки двусмысленно шумѣлъ,
 Книриду иногда являть безъ покрывала
 И никому изъ нихъ цензура не мѣшала,
 Ты что же умришься? Признатся, въ наши дни
 Съ тобою не такъ легко бѣ раздѣваться они,
 Ты въ этомъ виновать, Переть тобою зеркало
 Дней Александровыхъ прекрасное начало;
 Произдавъ, что въ тебѣ ти произвела печать!
 На поприщѣ ума нельзя намъ отсутывать...
 Старинной глупости мы правенно стыдимся,
 Ужели къ глѣмъ годамъ мы снова обратимся,
 Когда никто не смѣлъ отечества называть,
 И въ работѣ ползали и люди, и печать!
 Штъ, штъ! оно прошло, губительное время,
 Когда небжеество несла Россія бремя:
 Гдѣ славныи Карамзинъ спискала себѣ вѣнецъ,

Тамъ цензоромъ уже не можетъ быть дупецъ.
 Исправся жь, будь умнѣи и примирся съ нами.
 «Все право», скажешь ты, «не стану спорить съ вами;
 Но можно ль цензору по совѣсти сунуть?
 Я толкень то того, то этого шантъ.
 Конечно, вамъ смѣшно, а я не рѣко плачу,
 Читаю, да вредую, мараю научаю...
 На все есть мода, вкусъ. Бывало, напримѣръ,
 У насъ въ большой чести Бентамъ, Руссо, Вольтеръ,
 А шныче и Миллотъ попался въ наши сѣти.
 Я бѣдный человекъ; къ тому жь жена и дѣти...
 Жена и дѣти, другъ, повѣрь, большое зло:
 Отъ нихъ все скверное у насъ произошло!
 Но дѣлать нечего! Такъ если не возможно
 Домои тебѣ убраться осторожно
 И службою своею ты нуженъ для царя,
 Хоть умнаго себѣ возьми секретаря.

---

348. ЖАЛОБА.

Вашъ дѣтъ портной, вашъ дядя поварь,
 А вы, вы знатный господинъ;
 Таковъ объ васъ парозный говоръ,
 Высокородный Свѣринъ,
 Потомукъ прѣковъ благородныхъ,
 Увы, никто въ моей рошѣ
 Не шьетъ маѣ даромъ фракъ и мотныхъ
 И не варитъ обѣда мнѣ.

349. НѢТЬ НИ ВЪ ЧЕМЪ ВАМЪ БЛАГОДАТИ.

Нѣтъ ни въ чемъ вамъ благодати:
 Съ счастьемъ у насъ раздѣлать;
 И прекрасны вы не кстатъ
 И умны вы не впопадъ.

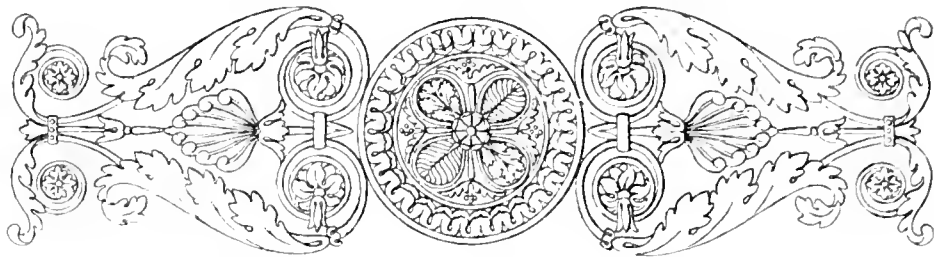
ВЛАДИМИРЪ ИВАНОВИЧЪ ПАНЧЕВЪ.

350. РУССКОМУ ГЕСНЕРУ.

Куда ты холодень и сухъ!
 Какъ слотъ твой чопорень и блѣдень!
 Какъ въ добръвѣнхъ ты блѣдень
 Какъ утомленъ ты мой слухъ!
 Твоя пастушка, твой пастухъ
 Должны ходить въ овчиной шубѣ:
 Ты нухъ морозить на-дѣтъ!
 Гдѣ ты панель нухъ въ шустерь-клубѣ
 Или на Красномъ кабачкѣ?

351. ПИРЫ, ЛЮБОВНИЦЫ, ДРУЗЬЯ.

Пыры, любовницы, друзья
 Извезли съ мильми мечтами
 Ошнѣ, ошнѣ остался я!
 Померкла молодость моя
 Съ ея невѣрными тарамы,
 Такъ свѣчи, въ толду почъ горѣвъ,
 Для рѣзвыхъ юношей и тѣвъ,
 Въ концѣ безумныхъ пированій
 Влѣтнѣють прѣтъ лучами дня.

Изъ черновыхъ набросковъ.

352. ИЗЪИЩАНЬЕ СЛАВНО.

Изъищанье славно, спору нѣтъ.
Но промѣняль-бы я)

353. (ИЗЪ ПОЭМЫ ИЛИ СКАЗКИ О
ЦАРЬ ЗЕНЗЕВЕВЪ).

1.

Зачѣмъ раздался громъ войны
Во славномъ царствѣ Зензевея,
Поля и села зажжены...

2.

(Въ Арменію, въ палаты Зензевея)
Съѣзжаются могучіе цари,
Царевичи, князья, богатыри,
Армянскій царь ихъ ласково встрѣчая
Готовить ширь—стола свои
И съ ними добрый Зензевей
Пируетъ ровно 40 дней.

3.

Себѣ ты выбралъ, Зензевей,
Кого сподникомъ и другомъ?
Кто будетъ счастливымъ суиргомъ
Царевны, дочери твоей?
Она мила, какъ сланинскій мая,
Рѣзва, какъ лань кавказскихъ горъ...
(Шевинна, какъ...)

354. ЗАПИСКА КЪ ПРІЯТЕЛЮ.

Сегодня в поутру дома
И жду тебя, любезный мой,
Приди ко мнѣ на рюмку рома,
Приди — трахнемъ мы старинно!
Нашъ другъ Тарифъ, любимецъ Кома,
Поварни полный генералъ,
Достойный дружбы и похвалъ
Ханья, поэта, балагура,
Тарифъ, который Коленкура
И откормилъ и обокралъ
Тарифъ, полиціей гонимый
За неоплатные долги,
Тарифъ, умомъ нестоющимъ
На entre-mets, на широчь...

355. БРАТЬ МИЛЫЙ, ОТРОКОМЪ РАЗ-
СТАЛСЯ ТЫ СО МНОЮ.

Брату

Братъ милый, отрокомъ разстался ты со
мною;
Въ разлукѣ протекли медлительные годы:
Теперь ты юноша и полною душой
Цвѣтешь для радостей, для свѣта, для сво-
боды.
Какое поприще отвердлось предъ тобой!
Какъ много для тебя восторговъ, наслаж-
деній,
И сладостныхъ заботъ, и милыхъ заблуж-
деній...
Какъ юный жаръ твою волнуешь кровь!
Ты сердце пробуешь въ патекѣ твѣ торопливой...
Ввѣришься любви...

356. НА ТИХИХЪ БЕРЕГАХЪ МОСКВЫ.

На тихихъ берегахъ Москвы
 Церквей въязычныя крестами
 Сіяють великія главы
 Надъ монастырскими стѣнами:
 Кругомъ простершись по холмамъ
 Во вѣкъ не рубленныя рощи,
 Издавна почивали тамъ
 Угодниковъ святыя мощи.
 Щедрами царей...

Кн. П. А. ВЯЗМСКИИ.

*Портретъ, рисованный Пушкинымъ, поанонимно, въ 1826—27 г.
 Изъ собранія П. С. Остроухова. Воспроизводится впервые.*

357. Кн. П. А. ВЯЗМСКОМУ)

Извѣстный поэтъ, острякъ замысловатой:
 И блескомъ (козжихъ словъ) и шутками богатой,
 Щастливый Вяземскій, дайную тебѣ,
 Ты право подумай, благодаря судьбѣ
 Смыслъся весело пать длобою рещивой
 Невѣжество разить Аваемой шривой...

358. КАКЪ НАНЕ СЕРДЦЕ СВОЕПРАВНО.

Какъ нане сердце своеправно!
 томный вповь,
 Я умолялъ тебя недавно
 Обманывать мою любовь,
 Участьемъ, ибжностью притворнои
 Одшевлять свой пышныи взглядъ,
 Прать душой мои покорнои,
 Въ нее вливать огонь и ядъ.
 Ты согласилась, ибгой влажнои
 Наполнила твои южныи зорь,
 Твой видъ задумчивый и важный,
 Твой сладострастный радговоръ
 И то, что позволяешь ибжно,
 И то, что запрещаешь мнѣ
 Все вничетливосъ неизбежно
 Въ моей сердечной глубинѣ...

359. КТО, ВОЛНЫ, ВАСЪ ОСТАНОВИТЬ.

Кто, волны, васъ остановить,
 Кто оковать ваши бѣги могучии,
 Кто въ прудъ безмолвный и дремучии
 Потокъ мятежный обратитъ?
 (Въ бури, вбры, взорите воды,
 Разрушите гибельныи оплотъ!
 Едѣ ты, гроза? сумволь [свободы],
 Промчись поверхъ неволнаныи водъ!

360. ВЕНЕРЪ, ОББУ И ОБМИТЬ.

Венеръ, Оббу и Обмитъ
 Полезно посвящая мнѣ,
 Дозоромъ братья по Тавритѣ
 И проповѣдуютъ Паритъ.

361. ДОГОРАЛА МОЛОДАЯ.

(Въ голубомъ эфиръ полъ).

Догорала молодая
 Въ голубомъ эфирѣ
 Блещеть мѣсяць золотой
 Старый дождь плыветъ въ голдоль
 Съ догаресой молодой...

362. ВЪ ЛЬСАХЪ ГАРГАРИИ ШАСТЛИВОИ.

Въ льсахъ Гаргарии шастливой,
 За данью быстрой и пушливой
 Стремится дикий Актеюиъ,
 Уже на гонимой небоклонъ
 Восходитъ блбшная Диана —
 И въ сумракѣ пускаетъ огнь
 Последнюю стрѣлу колчану...

363. Т А В Р И Д А.

Gieb meine Jugend mir zurück.

Страсти мои утихаютъ, гинина цар[ить] въ душѣ моей, ненависть, раскаянне, все печалье, —
 любовь, одшев[ленне].

Поконны чувства, ясенъ умъ,
 .....
 Нъю съ воздухомъ любви томленъе
 Въ душѣ утихло мрачныи думъ
 Однообразное волненъе.

Какой-то ибгой неизвѣстной,
 Какой-то грустью полонъ я!
 (Холма Тавриды, край предестный!
 Одшевляемыи поля.

Ты вновь со мною наслажденье
 (Спокойныи чувства), ясенъ умъ,
 Въ душѣ утихло мрачныи думъ
 Однообразное волненъе,
 Воскрѣсли чувства, ясенъ умъ,
 (Нъю съ воздухомъ любви томленъе,
 Все мило мнѣ въ уединеньи,

Лазурь небесъ, и стѣнь, и шумъ...
 Какой-то ибгой неизвѣстной,
 Какой-то грустью полонъ я!
 Одшевляемыи поля,
 Холмы Тавриды, край предестный
 Тебя я посвящаю вновь.

Нъю воздухъ сладострастья
 И слышу водъ знакомый гласъ
 Вездѣ мнѣ слышенъ тайный гласъ
 (Знакомыхъ водъ мнѣ внятень гласъ
 Давно затерянаго счастья,
 Шастливый край, едѣ блещутъ воды,
 Лаская пышныи брета,
 И свѣдой роскошью природы
 Озарены холмы, дуга,
 Едѣ скаль нахмуренныи своды...

364. ТЫ ПРАВЪ, МОИ ДРУГЪ.

Ты правъ, мой другъ—напрасно я презрѣлъ
 Дары природы благосклонной
 Я зналъ досугъ, безземныхъ Музъ уды
 И наслаженъ дѣнь сонной,
 Я дружбу зналъ и жизни молодой
 Ей оглядъ вѣрные тоы,
 И вѣрилъ ей за чашей круговой
 Въ часы веселья и свободы—
 Я зналъ любовь предѣстною ме чтой?)
 Очарованьемъ, упоеньемъ—
 . . . . .
 Младыхъ бездѣтъ остави блескъ и шумъ
 Я зналъ—и трудъ, и вдохновенъ,
 И сладостно мнѣ было жаркихъ думъ
 Уединенное волненье,
 Но все прошло. Остыла въ сердцѣ кровь:
 Въ нѣхъ пагобѣ я нѣмѣ вижу
 И свѣтъ, и жизнь, и дружбу, и любовь,
 (Утруманъ) омытъ ненависти,
 Свою печаль утратилъ рѣзвыи правъ,
 Душа часть отъ часу нѣмѣеть,
 Въ ней чувствъ ужь нѣтъ. Такъ легкой
 . . . . .
 Въ ключахъ Кавказскихъ каменъ,
 (Разоблачиль пѣвнательный вумиръ
 Я вижу
 Какъ бѣея лань, прозенная стрѣлой,
 И сплится

365. УЖЕЛИ ОНЪ КАЗАЛСЯ ПРЕЖДЕ
МНѢ.

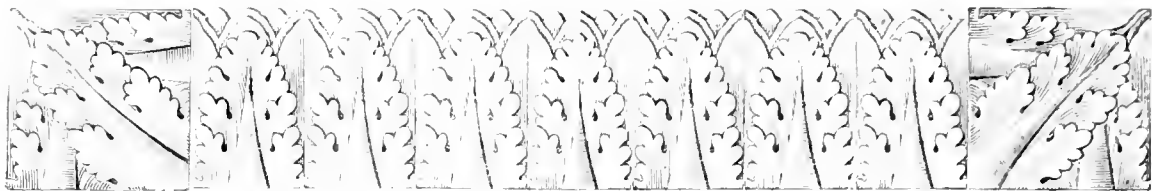
Ужели онъ казался прежде мнѣ
 Столь величавымъ и прекраснымъ
 Ужели въ презрѣнной . . . . .
 Я наслаждался сердцемъ лѣснымъ
 Что жь видѣлъ въ немъ безумецъ молодой
 (Кого любилъ, къ чему стремился
 Кого-жь (поэтъ? возвышеннои
 Боговорить не постыдился,
 Я говорилъ преть хладною голдой
 Языкомъ истины (свободнои,
 Но для голды ничтожнои и глухой
 Слѣбнои въ глазъ сердца благороднои,
 Я замолчалъ—съ веселостью длюи
 . . . . . для избранныхъ судей .

366. ВСТРѢЧАЛСЯ МНѢ НАПЕРСНИКЪ
МОЛВЫ.

Встрѣчался мнѣ наперсникъ молвы,
 Но что въ избранныхъ видѣлъ я
 Ничтожныи блескъ одежны
 . . . . .
 Ведѣ время, свѣира или вѣнецъ,
 Ведѣ злодѣи пль малодушнои
 Предразсужденъ
 Тирани-льстецъ,
 Предразсудковъ рабъ послушнои.

367. О ГЕЛНОСЬ, ВНЕМНИ.

О, Гелносъ, внимли, серебряныхъ дубомъ звенящій,
 Внемли, богъ (повровитель?) молению старца!
 . . . . .
 Нынѣ, ежели ты слѣбному возжемъ не прельдешь,
 Ревъ, и свѣтъ на камнѣ слѣбнецъ утомленныи. Но слѣбномъ
 . . . . . стѣи страны той пустынной
 Скоро сбѣжались на лан собакъ, нѣхъ стаи стеретушныи:
 Ярость, унявъ нѣхъ, они защитили безслѣпнаго старца,
 Изтали . . . . . приближаишекъ:
 Сѣи бѣлодланнѣи старикъ, одинокин, слѣбнои, ужь не бои ли?
 Горькѣ и вѣсокъ виситъ на поясѣ бѣднои, просталъ
 Дира, и голосъ его водмущается волны . . . . .
 Вось, пани онъ услышалъ, ухо клонить, въ смущениѣ,
 Руки простеръ для молениа, странаскъ несчастя. Не боиетъ,
 Коль только не свростъ въ земномъ старвощемъ глѣвъ
 Богъ-повровитель. Столь величавая предѣсть
 Старость твою украшаетъ, вѣщали они педнакомцу:
 Если жь ты— смертнани, то знаи, что тебя . . . . .
 Къ длюиамъ боговъ дружелюбныхъ, ...

ПУШКИНЪ ВЪ БЕССАРАБИИ.

20 сентября 1820 — 2 июля 1823)

Истинный Кишиневъ, съ его совершенно русифицированной и обезличенной аристократіей греко-румынскаго происхожденія, не можетъ дать никакого представленія о Бессарабіи пушкинскаго времени. Наводившіе русскими чиновниками и солдатами съ низкаго Поволжья, застроенный по однообразному плану городовъ Поворосіійскаго Края, съ огромнымъ скверомъ вокругъ собора и соборомъ казеннаго николаевскаго типа, съ отсутствіемъ всего, что напоминало бы многовѣковую румынскую культуру, Кишиневъ теперь—типичный южно-русскій городъ, лишенный всякихъ индивидуальныхъ особенностей.

Въ началѣ 20 гг. это была «Азія», и въ плохо выдержанномъ, но все-таки восточномъ ея колоритѣ заключался весь этнографическій интересъ города. Пушкинъ имѣлъ полное право называть вновь присоединенную къ Россіи область Молдавіей («теперь я одинъ въ пустынной для меня Молдавіи»,— писалъ онъ брату 24 сентября 1820 года: «я оставилъ мою Молдавію и явился въ Европу»)—сообщать онъ ему же по переѣздѣ въ Одессу. Восемь лѣтъ русскаго управленія областью (съ 1812), на первыхъ порахъ не посвятившаго на своеобразную культуру этой восточной части Молдавскаго государства, носившей неофициальное названіе «Запрутской Молдавіи», еще не успѣло сгладить тѣ специфическія «азиатскія» черты, которыя въѣзнимъ образомъ выражались прежде всего въ цестротѣ городского населенія. Бессарабія въ то время пользовалась самоуправленіемъ: въ Кишиневѣ засѣдалъ Верховный Совѣтъ изъ «природныхъ» бояръ; была выборная мѣстная администрація: въ канцеляріяхъ и учебныхъ заведеніяхъ оставался румынскій языкъ и т. д. Русскіи чиновниковъ и солдатъ въ то время было

сравнительно мало, они чувствовали себя здѣсь не то гостями, не то завоевателями и распылялись среди уличнаго калейдоскона румынъ, грековъ, евреевъ, болгаръ, украинцевъ, албанцевъ, турокъ, караймовъ, французовъ, албумцевъ, итальянцевъ и т. д. А послѣ пораженія партизанскихъ отрядовъ Ишпалантъ въ Валахию, — въ Кишиневъ стали стекаться деморализованные войной и готовымъ продовольствіемъ четники-гетеристы, которые изъ героевъ быстро превращались въ бродягъ, увеличивая ряды толпы и вмѣстѣ съ тѣмъ—этнографическій интересъ «проклятаго города».

Узкія и кривыя улицы, тѣсные и грязные дворы, устланныя неровнымъ булыжникомъ площади—все было полно самаго разнообразнаго люда: остроконечныя барашки качались румынъ перемѣшивались съ широкими чамами-турбанами турокъ и красными фесками грековъ; просторныя дуламы (сафтаны, халаты) бояръ—съ щегольскими фраками европейцевъ и восковыми мундирами русскихъ. Среди говорливаго шума протискивались крытые рыдваны (возки) бояръ, длинныя молдавскія каруцы крестьянъ, запряженныя цугомъ, верховые суруджи съ хлопающими бичами, а рядомъ—недавно только введенныя въ Бессарабію плетенныя брички польскаго образца или парадныя вѣнскія коляски чиновниковъ. Высшее общество, котораго Пушкинъ на первыхъ порахъ сторонился и съ которымъ впоследствии сошелся близко, въ это самое время охотно мѣняло свою старую полу-восточную, полу-славянскую культуру и, казалось, не находило силъ бороться противъ культуры французской, которая широкимъ потокомъ напирала на нихъ съ двухъ сторонъ—изъ молдавской столицы, изъ Яссъ, гдѣ замѣна всего стараго французскимъ являлась своего рода

ЛИСТЪ 46 КИШИНСКОЙ ТЕТРАДИ № 2366.

Воспроизводится впервые. Тутъ представлены основные интересы кишиневскаго периода, для чести ориент-рус. исторіи (программа; изображение Одны), греческимъ воззрѣніемъ (портретъ Писидати), картиною «Колысла» (портреты Занды и Марата). Тутъ-же программа «Братьевъ Разбойниковъ» и несколько кишиневскихъ портретовъ.

протестомъ противъ ненавистнаго румынамъ долгаго фанариотскаго правленія, и изъ русской столицы, представители которой были въ Бессарабиі законодателями всякаго рода модъ и свѣтскаго тона. Конечно, это нисколько не касалось простаго народа, тѣмъ царь — крестьянъ и «разѣшей» (однодворцевъ, мимо которыхъ всё повѣстество проходило безъ

всякаго сабда. Впрочемъ, и Пушкинъ стоялъ въ сторонѣ отъ жизни народа.

Пушкинъ вращался преимущественно среди греко-румынскаго аристократіи Кишинева старое названіе Кешенеу — татарскаго происхожденія, съ румынскимъ суффиксомъ ей, а не Кишла-ноу, какъ повторяется во всѣхъ біографіяхъ Пушкина, въ то время типичнаго восточнаго

городка. Стѣпенные покатоги у берега небольшой рѣчки Быка; каменные домики съ черепичными или деревянными крышами; нѣсколько одинокихъ холмиковъ, на вершинахъ которыхъ выселись церкви непривычной для великоросса архитектуры, съ нестройными росписями на наружныхъ стѣнахъ; узкія, кривыя и грязныя улицы съ «стурецкой» мостовой, остатки которой сохранились и теперь,—такова была «старая» часть города. Въ ней сосредоточивалась вся мѣстная жизнь. Верхняя, «новая» часть только недавно стала застраиваться по европейскому плану и носила названіе «русской магаль» (=пригорода); намѣчены были широкія площади; прямыя улицы обсаживались акаціями. Это—аристократическая часть Кишинева. Вокругъ города были другія «магали»: хаты сельскаго типа съ соломенными и камышевыми крышами, фруктовые и виноградные сады съ группами стройныхъ тополей, огромныя пространства огородовъ, носившихъ названіе булгарій (ихъ разводили эмигранты-болгары), небольшія рощи и т. д. Окаймленный широкой полосой зелени, городъ, съ противоположной горы Рышкановки и тогда былъ красивъ; но въ самомъ Кишиневѣ трудно было найти красивыя мѣста, и отъ каждаго уголка вѣяло далеко не раднымъ востокомъ.

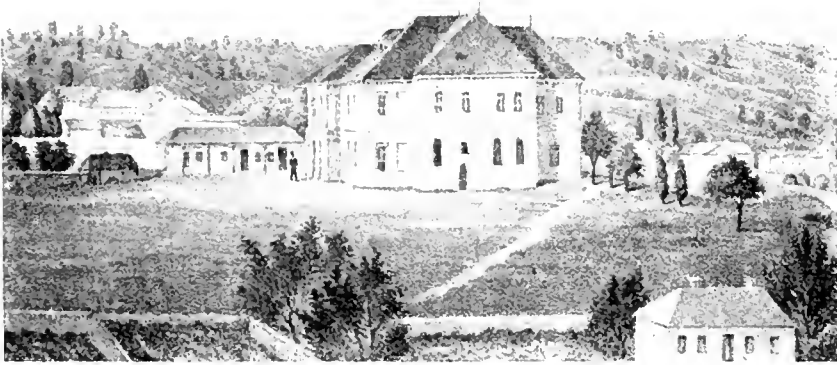
Въ Кишиневѣ Пушкинъ жилъ въ трехъ домахъ—изъ нихъ сохранился только первый, хотя о немъ рѣже всего упоминается въ біографіяхъ поэта. По однимъ свѣдѣніямъ, первой его квартирой былъ домъ какого-то молдованина, по другимъ—«заѣзжихъ» (по-румынски *каса де абитие*) домъ русскаго переселенца Ивана Николаевича Наумова, смѣшаннаго мужика, состоявшаго при квартирной комисіи. Мы располагаемъ письмомъ бывшаго преподавателя мѣстной гимназіи, добраго знакомаго отца автора настоящей статьи В. П. Оата, отъ 1898 г. По словамъ кишиневского старожила, «домикъ, изъ котораго Пушкинъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ переселился въ домъ намѣстника существуетъ и понынѣ, хотя уже не въ томъ видѣ, въ которомъ я еще помню его въ началѣ 60 годовъ, и какимъ онъ, по всему вѣроятію, былъ въ то время, когда въ немъ жилъ поэтъ. Домикъ этотъ находится въ третьемъ полицейскомъ участкѣ, въ томъ мѣстѣ, гдѣ Антоновская и Прункуловская улицы, идущія внизъ отъ Андреевской по направленію къ бывшему дому Прункула, скрещиваются подлѣ острымъ угломъ, во

дворѣ подлѣ № 19 (съ Антоновской улицы). Это небольшой домикъ изъ трехъ комнатъ съ кухней и сѣнями, принадлежащій вдовѣ казачьяго сотника Прасковѣ Андреевнѣ Атаманчуковой. Другіе два домика въ томъ же дворѣ построены сравнительно недавно. Теперь фасадъ этого домика, значительно противъ прежняго измѣненный, со стороны Антоновской улицы закрытъ отчасти досчатымъ заборомъ и новымъ флигелемъ, въ которомъ помѣщается мелочная лавка. Въ началѣ 60 гг., со стороны Антоновской улицы, домикъ былъ совершенно открытъ; освѣщенный тѣнью нѣсколькихъ роскошныхъ акацій, подлѣ которыхъ былъ разбитъ хорошенькій цвѣтникъ, стороженный съ улицы птахетами, въ дѣтнее время онъ представлялъ въ *ensemble* довольно поэтической уголокъ. Въ такомъ видѣ домикъ замечательна въ моей памяти, въ то время, когда я еще былъ въ IV кл. кишиневской гимназіи и, живя по соседству, у домовладѣлицы вдовы Екатерины Грекуловой, часто слышалъ рассказы о Пушкинѣ и свѣдѣтельства о томъ, что онъ жилъ въ томъ домикѣ. Не разъ, во время затѣвавшихся бесѣдъ о Пушкинѣ, память о пребываніи котораго въ Кишиневѣ была еще довольно свѣжа, добродушная старушка Грекулова рассказывала мнѣ, что въ молодости она жила въ указанномъ домикѣ, и у нея квартировала Пушкинъ». Теперь этотъ домикъ вросъ въ землю до оконъ; дворъ заросъ бурьяномъ; почервившая крыша заросла крапивой и дикими цвѣтами.

Затѣмъ Пушкинъ переѣхалъ въ двухъ-этажный домъ намѣстника, стоявшій на «Низовской» горѣ и принадлежавшій боярину Дошчу, который въ 1818 году выѣхалъ надолго за границу и сдалъ домъ намѣстнику бессарабской области А. П. Бахметеву. Вокругъ дома былъ разбитъ фруктовый и виноградный садъ; говорятъ, что здѣсь росли даже апельшины. Стѣны дома были расписаны нестройными цвѣтами и растеніями, и у нѣкоторыхъ кишиневцевъ должны быть куски штукатурки со слѣдами росписей Низовскаго дома¹⁾. Пушкинъ занималъ двѣ

¹⁾ Я видѣлъ ихъ у своего учителя рисованія Николая Александровича Голынского, которому принадлежатъ одинъ изъ лучшихъ видовъ «Пушкинскаго домика», срисованный въ 1854 г. (Домъ Низова, бывшаго намѣстника Бессарабіи. Въ этомъ домѣ жилъ Пушкинъ, въ бытность свою въ Кишиневѣ и здѣсь написалъ поэму «Цыгане». СПб. 1864. Свято съ натуры въ 1854. Гравиръ на камнѣ К. Егоровъ). Раньше видъ домика былъ помѣщенъ въ «Отецкомъ Альманахѣ» на

ДОМЪ НИЗОВА ОКОЛО 1840 Г.

(«Отескій Альманахъ на 1840 г.).

комнаты внизу. Три окна съ желѣзными рѣшетками выходили въ садъ, на сѣверъ. Зимой 1821 года случилось землетрясеніе, и построенный на горѣ вблизи каменоломень домъ дѣль трещину. Низовъ съ канцеляріей переехалъ въ другое помѣщеніе, но Пушкинъ остался; жить «огнеильникомъ въ развалинахъ» его, какъ романтика, повидимому, занимало. Уже послѣ выѣзда поэта изъ Кишинева, Низовъ снова переселился въ домъ на «Низовой горѣ» (1823), но затѣмъ домъ быстро разрушался: ели ли кто-нибудь жилъ въ немъ, и въ началѣ 50-хъ гг. о немъ въ первые говорятъ уже какъ о настоящихъ развалинахъ. Въ 60-хъ гг. сохранились одиѣ стѣны, непещеренная напесками, болышею частью неприличными; но периламъ дѣтницы еще можно было познаться въ комнату, гдѣ жилъ поэтъ; показывали окно, изъ котораго онъ стрѣлялъ. Въ половинѣ

70-хъ гг. на «Низовой» горѣ были выстроены конюшни гусарскаго дубенскаго полка; мѣсто пушкинскаго дома сдѣлалось мѣстомъ свалки сора и навоза изъ конюшенъ; среди остальныхъ стѣнъ ютились босаки, почему еще раньше губернаторъ Гангардтъ приказалъ ихъ срыть. Въ началѣ 70-хъ годовъ, по словамъ инспектора Кишиневской семинаріи Дѣла Мацѣевича, на мѣстѣ Пушкинскаго дома была только «насыпь изъ мусора»; но это не вѣрно, такъ какъ въ 1883 году остатки стѣнъ были выше человѣческаго роста, и прохожіе пользовались ими, какъ уборной. Теперь здѣсь совершенно ровное мѣсто безъ всякихъ стѣнъ постройки.

Наконецъ, третій домъ, въ которомъ недолго жилъ Пушкинъ, занималъ чиновникъ особыхъ порученій при Воронцовѣ Николай Степановичъ Алексѣевъ. Съ нимъ Пушкинъ былъ друженъ и поселился у него въ 1823 году или прѣль послѣднимъ отъѣздомъ въ Одессу или, вѣрнѣе, во второй половинѣ марта 1824 года, когда въ петербургскій гостиницъ въ Кишиневъ, прибывъ уже изъ Одессы. Домъ этотъ, который со-

1840 году, когда, по словамъ Палеянина, домъ «показанъ къ перестройкѣ по причинѣ сильнаго поврежденія при послѣднемъ землетрясеніи». Литографія «Отескаго Альманаха» воспроизведена на восточной страницѣ, литографія Гторова — на стр. 163.

временники называютъ «сливняной мазанкой», помещался гдѣ-то на окраинѣ «старого» города, а болѣе подробныя свѣдѣнія неизвѣстны.

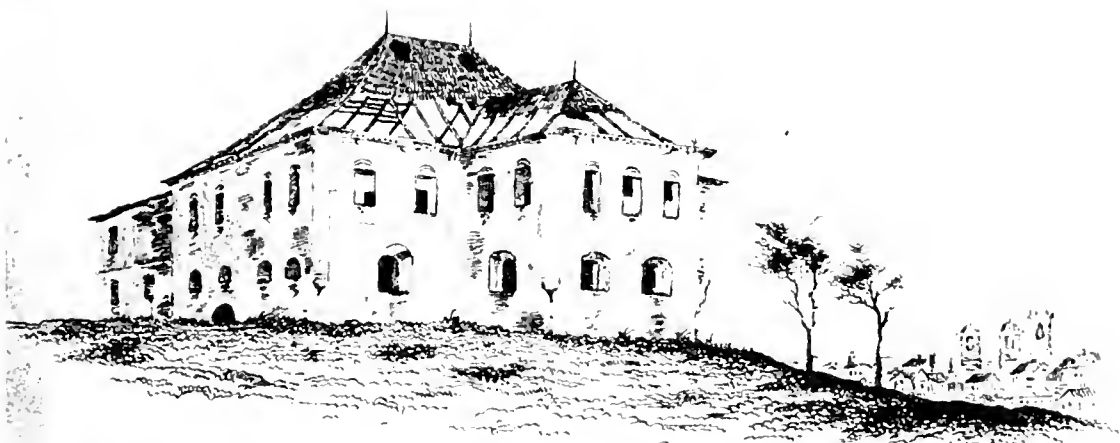
Въ предѣлахъ Бессарабіи Пушкинъ пробылъ, какъ указано въ началѣ очерка, съ 20 сентября 1820 года по 2 іюля 1823. Обѣ даты можно считать вполнѣ достовѣрными: 21 сентября онъ былъ уже въ Кишиневѣ, а отъ Дибстры до Кишинева ровно день пути: 2 іюля 1823 года П. П. Липранди встрѣтилъ его по дорогѣ между Бендерами и Тирасполемъ. А такъ какъ эти города разделяетъ только Дибстра, граница между Бессарабской и Херсонской губерніями, слѣдовательно въ нашемъ распоряженіи—совершенно точная дата. Но два года и девять съ половиной мѣсяцевъ, падающихъ на бессарабскій періодъ, если вычислить разницу между указанными сроками,—на самомъ дѣлѣ нужно сократить, такъ какъ Пушкинъ нѣсколько разъ оставялъ Бессарабію. Во первыхъ, приблизительно съ 20 чиселъ ноября 1820 года до начала марта 1821 года онъ провелъ въ Каменкѣ откуда, какъ мы знаемъ (см. выше стр. 109) 15 декабря А. Л. Давыдовъ извѣщалъ Низова, что Пушкинъ боленъ и не можетъ вернуться къ сроку; затѣмъ въ январѣ вмѣстѣ съ Раевскимъ Пушкинъ уѣзжаетъ въ Кіевъ, въ февралѣ онъ опять въ Каменкѣ, и только въ началѣ марта В. П. Кормановъ засталъ Пушкина въ Кишиневѣ у М. Ѳ. Орлова. Во вторыхъ, съ конца апрѣля до послѣднихъ чиселъ мая 1821 г. Пушкинъ ѣздилъ съ разрѣшенія Низова въ Одессу. Слѣдующая поѣздка въ Каменку и Кіевъ относится къ ноябрю 1822 г., и вторая поѣздка въ Одессу для представленія Воронцову—къ періоду съ конца мая по начало іюля 1823 года, когда 2 іюля на границѣ бессарабской области его видѣлъ Липранди. Такимъ образомъ, если изъ этихъ временныхъ отлучекъ вычесть тѣ три дня, на которые Пушкинъ покинулъ Одессу въ концѣ января 1824 года для поѣздки въ Бендеры и Каушаны, и тѣ двѣ недѣли которая онъ провелъ въ Кишиневѣ, уже гостемъ у П. С. Алексѣева съ половины до конца марта того же года, то въ среднемъ подумается, чтокъ бессарабскому періоду жизни поэта относится всего около двухъ лѣтъ и трехъ мѣсяцевъ. Послѣ того, какъ на время отпуска гр. А. Ѳ. Ланжерона Низовъ сталъ исполнять должность намѣстника всего Поворосійскаго края (съ іюля 1822 года),—въ Пушкинѣ замѣчается глго-

дѣніе къ Одессѣ. Объ этомъ онъ все чаще и все настойчивѣе говоритъ друзьямъ, и въ началѣ лѣта 1823 года они начинаютъ хлопотать, чтобы новый намѣстникъ, графъ М. С. Воронцовъ, взялъ Пушкина къ себѣ съ цѣлью «спасти его нравственность».

Такимъ образомъ, «бессарабскій» періодъ закончился и начался «одесскій».

Въ Кишиневѣ Пушкинъ понаглъ случайно. Въ 1820 году намѣстникъ бессарабской области А. П. Бахметевъ выхлопоталъ отпускъ для лѣченія, и его должность временно занялъ П. П. Низовъ, который перевелъ изъ Екатеринослава въ Кишиневъ и Почетительный Комитетъ о колонистахъ Южнаго Края. Низовъ прекрасно понималъ, что Пушкинъ присланъ къ нему не для канцелярской работы. По этому «судьба» изгнанника-поэта состояла въ исполненіи легкихъ порученій, командировокъ въ видѣ наказанія за разныя «вольности», или же въ родѣ той, о которой позднѣе, въ концѣ мая 1824 года, Пушкинъ докладывалъ Воронцову въ извѣстномъ шутивомъ четверостишии: «Сарапча дѣтѣла, дѣтѣла и т. д.»¹⁾. Определенныхъ обязанностей у него не было, и когда намѣстникъ дѣлалъ ему серьезныя внушенія за выходки,—Пушкинъ по нѣсколько дней не являлся въ канцелярію. Низовъ прекрасно понималъ настроеніе изгнанника, лишеннаго столичныхъ друзей. Другъ и воспитанникъ масоновъ, человекъ образованный, добрый, обходительный, скорѣе просто гуманный, чѣмъ питавшій особенныя симпатіи къ славянамъ,—Иванъ Пиктичъ Низовъ относился къ Пушкину по-отечески, умѣлъ его сдерживать, иногда журить, самъ жилъ по-солдатски и снисходилъ къ «африканскому» темпераменту легкомысленнаго чиновника, прикомандированнаго къ нему лишь на время. И самъ Пушкинъ былъ убѣжденъ, что требованіе явиться въ Кишиневъ—результатъ канцелярской формальности, потому что незадолго передъ тѣмъ, благодаря ходатайству за него ставъ-секретаря П. А. Каподистрій, «сферы» почти согласились вернуть его въ

1) О Пушкинѣ-чиновникѣ на службѣ Мин-ва иностр. дѣлъ на югѣ Россіи извѣстно немного. Въ архивѣ почетительства о болгарскихъ колонистахъ, хранящемся на чердакѣ магистрата болгарской колоніи Камратъ, бендерскаго уѣзда, существуютъ двѣ съ пописями Пушкина, быть можетъ, подготовленныя имъ къ докладу, съ его справками и т. д. До сихъ поръ этимъ архивомъ не занимался никто, и составъ его еще не выясненъ.

*Домъ Губернатора Намисакина Бессарабій Мадонъ,
въ которомъ жилъ Пушкинъ, съ Губернаторъ своимъ
въ Кишиневѣ. Онъ около дома — туру иль деревенскій.
Домъ сохранился, онъ принадлежалъ Губернатору. — Сизъ, 1854, Одесса, 6.*

РАЗВАШИНЫ ДОМА НИЗОВА ВЪ 1854 г.

Литографія 1861 г.

Петербургъ. Но затѣмъ Каподистрія покинулъ службу, а черезъ годъ совсѣмъ уехалъ изъ Россіи. Время шло, Пушкинъ долго не могъ привыкнуть къ тому, что въ Бессарабій онъ уже не гость; его раздражало, что въ Петербургѣ о немъ забыли, — и долго онъ не могъ занять чѣмъ-либо серьезнымъ, хандрить, кланяться, искать случая къ ссорѣ, становился болѣзненно самолюбивымъ, къ знакамъ вниманія относился съ нѣкоторою подозрительностью, словомъ, обнаруживалъ «стронивость характера», столь смущавшую представителей мѣстныхъ аристократическихъ «салонныхъ».

Впрочемъ, о «несумичивомъ» поэтѣ «сферы» не забывали. Долгое отсутствіе его изъ Кишинева въ концѣ 1820 и началѣ 1821 года дало поводъ мѣстной полиціи «обезопаситься» по поводу «спешенія» поднадзорнаго поэта и донести 14 января областному правительству, что Пушкинъ уехалъ въ Москву. А такъ какъ въ Москву его Низовъ не отпускалъ, то это поло-

жило начало слухамъ о бѣгствѣ Пушкина. Возможно, что подъ вліяніемъ этихъ слуховъ 1 августа Погоинъ сообщалъ В. Д. Корнилеву, будто Пушкинъ бѣжалъ изъ Кишинева и присоединился къ возставшимъ грекамъ.

13 апрѣля 1821 же года жившій въ славянской Любавѣ (Лайбахъ) гр. П. А. Каподистрія сдѣлалъ, по приказанію государя, запросъ Низову о поведеніи Пушкина, такъ какъ кишиневскіе шпионы доносили кула слухами, что Пушкинъ открыто бранитъ и военное начальство, и правительство. Черезъ нѣдѣли Низовъ послалъ одобрителныи отзывъ и просилъ о высылкѣ поэта содержаніи. Старикъ-наместникъ писалъ, что «при настоящихъ смущенныхъ обстоятельствахъ» Пушкинъ «не обязываетъ никакого участія въ слухъ бѣгства», но, побуждаемый тѣмъ же духомъ, коимъ наполнены всѣ парнасскіе жители, въ ревностному поздраванію нѣкоторымъ писателямъ въ разговорахъ своихъ со мною обнаруживается шлола политическій мысли». 19 ноя-

бря того же года кн. П. М. Волконскій запрашивалъ Писова объ отношеніи «парнаскаго жителя» къ мѣстной масонской ложѣ молдавскаго князя (на самомъ дѣлѣ господаря) Михаила Сущу. 1 декабря намѣстникъ отвѣтилъ, что масонскихъ ложъ въ Молдавіи не имѣется, и поведение Пушкина — хорошее.

Пребываніе поэта въ Кишиневѣ нѣсколько разъ прерывалось, какъ мы видѣли, побѣдами въ Каменку, въ Одессу, къ Дунаю. Послѣ одной изъ побѣдъ къ Раевскимъ, ему стало необыкновенно тяжело. Изъ Кишинева выѣхали нѣсколько друзей, въ томъ числѣ П. С. Пущинъ, уволенный вълѣдствіе неприятели съ корпуснымъ командиромъ; петербургскіе друзья замолкли, словно стоворились: управляющій министерствомъ иностранныхъ дѣлъ гр. К. В. Пессельродъ оставилъ безъ послѣдствій прошеніе о переводѣ или отпускѣ въ Петербургъ на 2—3 мѣсяца; раньше о томъ же Пушкинъ просилъ, быть можетъ, и В. А. Жуковскаго; ко всему этому прибавилось нѣсколько неудачъ личнаго характера. «Бессарабскому пустынику», какъ называетъ себя онъ раньше, въ письмѣ къ Гиббичу отъ 13 мая 1822 года, въ концѣ концовъ пришлось примириться съ обстоятельствомъ, вступиться въ нестрое кишиневское общество, находить развлеченіе въ тѣхъ «сородствахъ», которыя понятны были очень немногимъ и едва-ли понятны были самому поэту. Нѣсколько любовныхъ интрижекъ, въ которыхъ биографъ напрасно сталъ бы искать чего-нибудь хотя немного глубокаго, и нѣсколько столкновеній въ пріятельскихъ кружкахъ, гдѣ царилъ атмосфера той-же бивуачной распущенности, служатъ поводомъ къ думямъ—болѣе жалкимъ, чѣмъ опаснымъ. Словно желая «испытать» судьбу, Пушкинъ, какъ будто самъ ищеть опасностей, рискуетъ жизнью въ самыхъ пустыхъ и безцѣльныхъ проказахъ, то въривъ въ мощь своей природной удачи и брѣзгая вызовъ судьбѣ, то превращаясь въ покорно-веселаго школьника и добродушно-приваго «добраго малаго». Характерная для большинства русскихъ писателей двойственность — въ кишиневской обстановкѣ получаетъ особенный просторъ для «африканскаго» темперамента неуравновѣшаннаго Пушкина. Изъ безпорядочно-леткомысленнаго эпикурейца онъ превращается вдругъ въ фаталиста — и какъ будто созерцаетъ жизнь съ высоты изъ «неумичиваго», дерзко-загорнаго за-

чищива всякаго рода «вольностей» — въ смиреннаго отшельника, не выходящаго изъ своихъ двухъ комнатъ въ нижнемъ этажѣ намѣстническихъ апартаментовъ. То заносчивый, то дерзкій, кощунственный, легко разлаваившій направо и налево свои рукописи, съ ногъ до головы «анархистъ», — Пушкинъ въ одно мигновеніе могъ обратиться въ человека, слишкомъ даже снисходительнаго къ другимъ, способнаго къ философскому самоубиенію, дожившаго каждой пайсачиной имъ бездѣлушкой, требовавшаго сочувствія у друзей и т. д. Очевидно, за каждымъ моментомъ подъема у него быстро наступала реакція. Приводившая въ ужасъ его биографовъ «сатанинская чувственность» чередуется съ какимъ-то «праздничнымъ просвѣтлѣніемъ», съ проявленіями «зрячей силы души», — и то, и другое, какъ нормальный переходъ отъ свѣта къ тѣни, стихійно находитъ воплощеніе въ поэзіи, къ этому именно періоду необыкновенно мощной и разнообразной.

Благодаря этимъ контрастамъ, бессарабскій періодъ признается выдающимся въ жизни Пушкина всѣми биографами. Для одного важно то, что здѣсь Пушкинъ въ первый разъ сносился съ красотами и великолѣпьемъ русскаго юга; другіе обращаютъ вниманіе на то, что впервые живя вполне самостоятельно въ Кишиневѣ, Пушкинъ могъ наблюдать разнообразіе человѣческихъ отношеній. Третьи называютъ этотъ періодъ серьезной подготовительной школой, четвертые приписываютъ Кишиневу роль «водоливной скалы», гдѣ «слабодушность уединенія» совѣдила съ философскимъ «самопознаніемъ» и т. д. Разобраться въ этихъ мифіяхъ трудно, да и лишнее. Каждый смотритъ со своей точки зрѣнія и правъ съ одной лишь стороны. Для такой разносторонней натуры, какъ Пушкинъ, разсматриваемый періодъ важенъ во всѣхъ рѣшительныхъ отношеніяхъ. Прежде всего, онъ самъ предъявляетъ къ жизни болѣе серьезныя требованія. До сихъ поръ «дѣтя суроваго сѣвера» было на югѣ только гостемъ, туристомъ, дилетантомъ — теперь онъ надолго привязанъ къ мѣсту ссылки и служенія; развившаяся въ немъ любознательность заставляетъ его присматриваться ко всему болѣе глубоко; къ новымъ друзьямъ, знакомымъ, къ началству онъ долженъ выработать болѣе опредѣленные отношенія; оторванный отъ круга прежнихъ друзей, онъ дорожитъ имъ больше, чѣмъ рань-

ИВАНЪ НИКИТИЧЪ ПУЗОВЪ.

Литография Пессыката.

ше; въ Кишиневѣ впервые начинаеть онъ жить воспоминаніями, и письма его изъ «проклятаго города», которому онъ посвятивъ извѣстное стихотвореніе уже въ Одессѣ,—полны интереса, даже любви ко всему, что далеко отъ него, а масса новыхъ впечатлѣній какъ будто не въ силахъ заставить этого пропалаго.

Вынужденный силой обстоятельствъ приспособляться къ новой обстановкѣ, Пушкинъ скоро потрундился въ водоворотъ свѣтской жизни, сталкивался съ разнообразными людьми—сталкивался съ ними въ собственномъ смыслѣ этого слова и постоянно заставлялъ друзей кувшиваться въ непріятныя исторіи. Большая часть сколько-нибудь достоверно установленныхъ столкновений Пушкина происходила съ военными. Первое по времени—съ гусарскимъ полковникомъ лейбъ-гвардейцемъ Ф. Ф. Орловымъ, въ панамѣ видѣ, во время

игры на билльярдѣ въ концѣ октября 1820 года, когда Пушкинъ мѣнялъ играющимъ и подумалъ за это «школьника». Дело обошлось безъ дуэли только благодаря вмешательству Липранци. Слѣдующее, въ концѣ 1821 года, съ офицеромъ генеральнаго штаба Зубовымъ, за проиграніе въ банкъ, когда Пушкинъ систематически проигрывалъ и замѣтилъ, что «не слѣдовало бы платить за подобнаго рода проигрыши». «Составъ преступленій» на лицо, и дуэль происходила за городомъ, по ганчештской дорогѣ (или дорогѣ «въ Молдавію»), въ мѣстности «Мадина» теперь—клябище. Пушкинъ хотѣлъ испытать себя—трусъ ли онъ; когда въ него стрѣляли—онъ былъ черенъ, а затѣмъ отказался стрѣлять и бросился къ «врагу» съ объясненіемъ. Его великодушій не оцѣнили, и Пузовъ отправилъ его въ Аккерманъ. Третье столкновение

съ полковникомъ егерскаго полка С. М. Старовымъ, который «заступился» за своего офицера въ мѣстномъ «казино» относится къ январю 1822 года Поводъ—самый глупый. Пушкинъ велѣлъ оркестру играть мазурку, офицеръ—вальсъ; музыканты «ослушались» офицера. И такой же глупой оказалась дуэль въ полѣ на Рышкановкѣ, за рѣчкой Быкомъ, во время мороза и снѣжной вьюги, когда противники, оба опытные стрѣлки, почти не могли разсмотрѣть другъ друга. Дуэль окончилась обмѣномъ любезностей. «Я всегда васъ уважалъ, полковникъ, и потому принялъ вашъ вызовъ»,—сказалъ Пушкинъ. «И хорошо сдѣлали, Александръ Сергѣевичъ,—отвѣтилъ Старовъ.—Я долженъ сказать по правдѣ, что вы такъ же хорошо стоите подъ пулями, какъ хорошо пишете». Въ связи съ этой дуэлью была и четвертая—съ румыномъ Тудораки Балшемъ, почтеннымъ старцемъ, имѣвшимъ право даже носить бороду, какъ членъ Верховнаго Совѣта бессарабской области. Его жена, красавица Мариола, повидимому, ревновала Пушкина, слѣдственно скоро оказавшаго предпочтеніе предъ нею какой-то новой звѣздѣ,—и напомнила о «не очень хорошо оконченной» дуэли со Старовымъ. Послѣдоваало объясненіе съ мужемъ, объясненіе, въ которомъ больше безобразнаго мальчишества, чѣмъ даже раздраженнаго самолюбія. Во всемъ этомъ дѣлѣ Пушкинъ былъ кругомъ виноватъ: вмѣсто удовлетворенія онъ далъ пощечину почтенному боярину, и притомъ въ то самое время, когда тотъ прѣлхалъ пропустить у него же извѣщенія. Охарактеризовалъ эту исторію Вяземскій въ письмѣ къ А. Тургеневу отъ 30 мая, замѣтивъ какъ-то вскользь, что «кишиневскій Пушкинъ ударилъ въ рожу одного боярина»... Память объ этой «вольности» сохранилась въ наброскѣ Пушкина «Мой другъ, уже три дня...». Иное столкновеніе произошло со старшимъ чиновникомъ управленія колоніями П. Лановымъ, не менѣе солиднымъ старикомъ, бывшимъ адъютантомъ Петемкина, человѣкомъ чванливымъ, самодовольнымъ, любителемъ выинить. Ссора произошла за обѣдомъ у Пизова. Лановъ называлъ Пушкина, сильно надѣлавшаго ему насмѣлками, «молокососомъ». Поэтъ не остался въ долгу, назвалъ «винососомъ». Старикъ вызвалъ Пушкина на дуэль, приноминивъ свои удачныя дуэли прежнихъ лѣтъ; но она не состоялась благодаря увѣщаніямъ хо-

зина. Наконецъ, послѣднее столкновеніе относится къ веснѣ или лѣту 1822 года, предъ той сомнительной ссылкой въ Измаиль, о которой говоритъ Н. И. Бартевель. Ссора произошла за картами и кончилась тѣмъ, что Пушкинъ свилъ сапогъ и ударилъ «противника» по лицу. Еще одна дуэль могла произойти—уже назначены были время и мѣсто—съ кишиневскимъ помѣщикомъ Ниглези, съ женой котораго, Людмилой, Пушкинъ имѣлъ свиданіе въ окрестностяхъ Кишинева. Опять въ дѣло вмѣшался Пизовъ: Пушкина онъ посадилъ на десять дней на гауптвахту, а Ниглези предложилъ уѣхать съ женой за границу. Не дошло дѣло до дуэли только благодаря умѣлому вмѣшательству Липранди и по другому поводу, еще болѣе ничтожному. Въ пріятельской компаніи шла рѣчь о книгахъ, Пушкинъ просилъ достать ему какую-то книгу. Незвѣстный грекъ удивился: «какъ! вы—поэтъ, и не знаете объ этой книгѣ!» Поэтъ обидѣлся и хотѣлъ вызвать способнаго некстати удивляться собеседника на дуэль.

Такова канва для исторіи дѣйствительныхъ и несостоявшихся дуэлей. Онѣ необыкновенно характерны и подчеркиваютъ извѣстный колоритъ «кишиневскихъ вольностей» изгнанника. Нетрудно замѣтить, что самыя столкновенія носили тотъ же характеръ, что и безсмысленныя кутежи, невнятные шалости, забавныя проказы. Для кишиневскихъ аристократовъ во всемъ этомъ было что-то необыкновенное и во всякомъ случаѣ занимательное. Румынскіе бояре смотрѣли на поэта, какъ на безбашащаго повѣсу, человека несерьезнаго, отчасти боялись его, отчасти заискивали передъ нимъ, такъ какъ инстинктивно чувствовали, что небрежность Пушкина въ обращеніи рѣшительно со всѣми, видно, опирается на какое-то неизвѣстное имъ право. И въ дѣятели (боярыни) окружали его чѣмъ-то таинственнымъ, героическимъ, даже демониическимъ, тоже побаивались и то же заискивали предъ смѣлымъ кавалеромъ изъ свиты намѣстника. Кромѣ того, имъ льстили уваженія русскаго курьера (барчука) «Пушки», какъ называли они его. Въ такія переходныя эпохи высшее общество всегда отличается легкостью нравовъ, безсилно противъ свѣтской принужденности, созданной западной цивилизаціей, и съ отвращеніемъ смотритъ на традиціи своего рабовѣногарабнаго «домостроя» съ его замкнутостью.

Особенно «отзывчивыми» оказались женщины, которыя възглянули на неизвестную имъ раньше «свѣтскость», какъ на принципъ: «все дозволено».

Чутко улавливающей атмосферу каждой новой обстановки, Пушкинъ не могъ иначе вести себя въ греко-румынскихъ салонахъ кишиневской аристократіи, знатность которой въ большинствѣ случаевъ болѣе чѣмъ сомнительна. Превращенныя ея салоны обставлены и болями отстать отъ моды въ «салонъ», небольшія комнаты кишиневскихъ бояръ напоминали востокъ несколько меньше, чѣмъ площади и улицы города. Усталыя пестрыми коврами съ грузинскими тюрбанами (родъ дивановъ, вдоль стѣнъ, комнаты наполнены фигурами самаго разнообразнаго тона и костюма. Солідные бояре расхаживали съ длинными чубуками, въ высокихъ панталонахъ, длинныхъ дубакахъ съ разноцвѣтными полосами, панталонахъ (башмакахъ) и цвѣтныхъ мантии (чулкахъ). Бояре перваго ранга носили, согласно обычаю, бороды; остальные брились, и это Пушкинъ отбѣдилъ въ наброскѣ «Мой другъ, уже три дня»:

И вѣхъ мужей рогатыхъ,
Обритыхъ и братыхъ...

Новыхъ гостей встрѣчали восточнымъ угощеніемъ— дубльчанды (варенье), шербетомъ, турецкимъ кофе; на балахъ и раутахъ играли лаутъари (крѣпостные цыгане-музыканты). Столъ въ боярскихъ домахъ также носилъ мѣстный характеръ: плацанды, каймакъ и другія блюда надобали Пушкину, и онъ радовался, когда офицеры угощали его русскимъ столомъ. Ни одна подробность не ускользала отъ наблюдательности Пушкина, и появленіе въ непосозданныхъ салонахъ развязнаго молодого человека, въ то время уже извѣстнаго поэта, съ необыкновенно общительнымъ характеромъ, безпечно на первый взглядъ, а на самомъ дѣлѣ проходившаго опасные пороги «жизненной смуты», — могло настроить черноокую южанку далеко недвусмысленно. Но опредѣленію биографовъ, оно создало «справедливо-одуряющую атмосферу». Конечно, для скольконибудь серьезныхъ увлеченій здѣсь не было мѣста. Пустыя, пѣстро раздраженная въ алиноватая вѣнская мода и сверху закутанная въ невѣдѣнная турецкія шали, по восточному этикету сильно раскрашенная, съ подведенными «сурьме» глазами, ки-

шиневскія куклопиды (барыни) могли вызвать въ Пушкинѣ только экзотическое любопытство, интересъ, такъ-сказать, зоологической и забавно-шутивыя эпиграммы, въ родѣ немногихъ сохранившихся и напечатанныхъ, повидимому, въ концѣ 1821 года «Кишиневскихъ дамъ». Въ теченіе трехъ лѣтъ, проведенныхъ въ Бессараби, Пушкинъ увлекался много разъ, навѣрное, много болѣе, чѣмъ объ этомъ мы знаемъ. Онъ увлекался «мраморной» красавицей, существомъ загадочнымъ. Ущипнуто до превращенія ея въ женщину, Пухлеридей Барболомей; увлекался первой красавицей въ Кишиневѣ Маріолою Ралу или Замфираки; прекрасной цыганкой, съ необыкновенно романтичнымъ прошлымъ, Шекорой-Юдмилой Инглеззи; иностранной пѣвицей съ пылкимъ темпераментомъ Анной Сандулаки; маленькой, некрасивой, полной огни и страсти, Калисою Полухрони, которая пѣвила поэта не столько своими греческими и турецкими романсами, сколько какими-то неясными намеками на то, что она была любовницей «самого» Байрона, когда жила въ Константинополѣ. Въ началѣ апрѣля 1823 года Пушкинъ общается познакомиться кн. Н. А. Вяземскаго съ «гречанкой, которая стѣловалась съ Байрономъ», посвящаетъ ей стихотвореніе («Гречанкѣ», 1822; первоначальныя наброски.— «Гречанка, я люблю тебя», относится къ концу 1821 года), а румынскій поэтъ Костаки Негруци досказываетъ дальнѣйшую исторію Калисо. Переодевшись послушникомъ, она долго жила въ древнемъ Немецкомъ монастырѣ, что у подножія Гарнага, молча несла аскетическія подвиги, и только послѣ смерти ея монахи узнали, что это была женщина, Бессарабскія воспоминанія вообще полны лирическихъ разсказовъ, сюжеты которыхъ напоминаютъ «Декамеронъ» и вообще бродячія исторіи любовныхъ авантюръ. Судя по нимъ, Пушкинъ пользовался успѣхомъ, и однажды, во время свиданія за городомъ съ аристократкорумынкой, на влюбленныхъ изъ-за кустовъ бросилась цыганка, покинутая прежила любовница поэта. На ряду съ этимъ шли такія же мимолетныя, пустыя и скорбныя всего безплодныя ухаживанія за женами военныхъ или чиновниковъ— Еленой Соловьиной, Маріей Эйфельдтъ, которой также посвящены стихи, Маріей Шрейберъ и другимъ. Всего не перечислить. Эти ухаживанія и увлеченія также мало интересны для «исторіи души поэта», какъ неинтересны

и въ плоскія четверостишья, принимаемая авторами воспоминаний о кишиневскомъ періодѣ «сочинителемъ» Пушкину. Пушкинъ просто короталъ время — не больше. Недаромъ, когда мужья жаловались на него Пизову, то старый намѣстникъ наказывалъ его, какъ мальчишку, и на нѣсколько дней оставлялъ безъ сна; больше серьезнаго наказания не заслуживали слишкомъ несерьезныя «вольности».

Изученіе всѣхъ матеріаловъ, касающихся разсматриваемаго періода, приводятъ къ тому выводу, что мы почти всегда имѣемъ дѣло съ двумя Пушкиными, и чтобы покончить съ «безмятнымъ надуломъ», упомянемъ о нѣсколькихъ фактахъ, самихъ по себѣ характерныхъ, но имѣющихъ цѣну все-таки анекдотовъ. Пушкинъ выучилъ поцугая (по другимъ версіямъ — сороку намѣстника браниться по-румынски, и когда мѣстный архіерей Димитрій (Сулима) пріѣхалъ на Пасху къ Пизову, — шпидомъ встрѣтила его «сквернословіемъ»). Надо знать, что малороссъ по происхожденію, преосвященный хорошо зналъ румынскій языкъ и написалъ основательный отзывъ о «Пачертаніи правилъ валахо-молдавскаго языка» Гинкулова для X-го присужденія демидовскихъ наградъ (1824 г., составилъ историческую записку о монастыряхъ Бессарабіи и т. д. Поэтому эффектъ шутки получился полный. Другой разъ Пушкинъ сдѣлалъ какое-то шутливое замѣчаніе по поводу Евангелія въ присутствіи ректора семинаріи Пріеца (впоследствии, съ 1824 г., пензенскаго архіерея) и боялся, чтобы тотъ не донесъ на него въ Синодъ. То онъ украдетъ папучи (башмаки) у боярыни, которая для удобства и отъ непривычки снимала ихъ, садясь по-гурецки на диванъ, когда бывала даже въ чужихъ домахъ; то переодѣвается въ разные костюмы и появляется въ городскомъ саду туркомъ, румыномъ, сербомъ; шалить въ церкви, стоя позади старика Пизова: дѣлаетъ поклоны и гримасничаетъ знакомымъ дамамъ. Одинъ разъ его видѣли на улицѣ безъ шляпы: это онъ проиравалъ за ночь и на утро, въ заложъ за вино, оставилъ трактирщику свою шляпу. Другой разъ онъ въѣхалъ верхомъ на крыльцо дома, на одной изъ главныхъ улицъ, увидавъ въ окнѣ красную дѣвушку.

Навыченныхъ бояръ, гордившихся своимъ происхожденіемъ отъ Комненовъ, и русскихъ офицеровъ, державшихся въ сторонѣ отъ простонародья, Пушкинъ шокиро-

вовалъ выходками другого рода: онъ присоединился къ джѣку (хороводъ) на площади или гдѣ нибудь въ окрестностяхъ и подъ звуки кобзы отплясывалъ сербѣшти («сербскій танецъ») или мититику. Едва-ли къ числу положительныхъ факторовъ придется отнести принадлежность Пушкина къ масонской ложѣ (№ 25), въ домѣ Кацки въ «старомъ» городѣ, присоединенной къ союзу «Астреи» почти наканунѣ официального закрытія ложъ въ Россіи. Но крайней мѣрѣ, извѣстенъ забавный случай съ «масономъ» болгарскимъ архим. Евфремомъ: народъ увидѣвъ его входящимъ въ подвалъ съ завязанными глазами, рѣшилъ, что армяндриту угрожаетъ какая-то опасность, произвелъ разгромъ, подвала и извлекъ изъ «дьявольскаго судища» двойнѣ перенуганнаго монаха. Мы уже знаемъ, что кн. П. М. Волконскій дѣлалъ запросъ Пизову о масонскихъ ложахъ въ Молдавіи и въ частности, объ отношеніи къ нимъ Пушкина. Не можетъ быть, чтобы старый масонъ Пизовъ не зналъ о существованіи въ Кишиневѣ ложи, послѣней, какъ увидимъ дальше, столь близкое для русскаго поэта-изгнанника названіе ложи «Овидія»; тѣмъ не менѣе, 1 декабря 1821 г. онъ отвѣтилъ категорическимъ отрицаніемъ, а въ ночь съ 4 на 5 декабря произошло послѣднее засѣданіе послѣдней ложи въ Россіи, послѣ чего она закрылась. Воздѣйствіе Пизова здѣсь несомнѣнно.

Воспоминанія разныхъ бессарабскихъ «старожилковъ», въ общемъ весьма сомнительной достовѣрности, передаютъ рядъ Пушкинскихъ «остротъ», въ стилѣ довольно плоскихъ экстравагантностей на холостыхъ пирушкахъ. Но при всей недостовѣрности этихъ разсказовъ, правы, повидимому, были тѣ товарищи поэта, которые отмѣчаютъ желаніе «бѣса арабскаго» опередить участниковъ веселыхъ компаній даже въ шалостяхъ самыхъ пошлыхъ и всюду быть первымъ. Взятая въ весь объемъ, принимаемая Пушкину и связываемая съ Кишиневымъ острова или вульгарныя, или поразительно ординарныя, словно провинціальная жеманница, которая проситъ «шпигель стихокъ» въ ея пестрой альбомъ.

Однако при всей безпорядочности времени проваженія, Пушкинъ не переставалъ работать. Къ новымъ произведеніямъ, законченнымъ или только задуманнымъ, онъ относился серьезно, съ печатаніемъ не шибилъ. Онъ читалъ книги изъ бібліотеки Пизова по богословскимъ наукамъ, мистикѣ,

історіи, географіи переніла въ одеськую городскую бібліотеку, ізъ бібліотеки П. Дипраніи — історіи и географіи Турціи, славянскихъ земель и Румуніи (переніла въ бібліотеку Генеральнаго штаба), самъ виписувалъ книги и журналы, кое-что доставалъ и у друзей, и у офицеровъ генеральнаго штаба, много размышлялъ, многое пережилъ, словомъ, имѣлъ право въ «Посланіи къ Чадаеву» (1821 г. сказать о себѣ то же, что говорилъ черезъ годъ послѣ прїѣзда въ Кишиневъ:

Въ уединеніи мой
 своеправныи теніи
 Познавши твои труды,
 и жажду размышленій.
 Владѣю днемъ моимъ,
 съ порядкомъ дру-
 зень умъ;
 Учусь умеривать
 вниманіе твоихъ
 думъ;
 Ищу вознагражденія
 въ обаяніяхъ свободы
 Матерной младости
 утраченныи годы
 И въ просвещеніи
 ставъ съ вѣкомъ
 парави.

Кишиневскій періодъ, періодъ «пыла и порывовъ», по замѣчанію Ашеникова, обыкновенно ставятъ влунки біографовъ, желющихъ сдѣлать о немъ фактамъ, конечно, наиболее достовернымъ. А опрѣдѣлить достоверность массы анекдотовъ, разказовъ о тебонахъ, взынкахъ «необуднаго права», притомъ опрѣдѣлить степень достоверности закънью беллетристическихъ урраженіи въ ротъ «воспоминаній» (?) Е. Францевой, очень трудно. «За чашей диковація», среди «диръ Вакуа и Кириѣна», восторженное стихотвореніе перемѣнивалось съ невѣроятнымъ даже для самихъ участниковъ ритмъ «вольности». П. Баргневъ допускаетъ даже, что Пушкинъ только «привививался буйномъ, развратничомъ, яростнымъ вольнодумцемъ». Еще груше оха-

рактизовать этотъ періодъ, несомнѣнно самый бурный въ жизни Пушкина. Во всякомъ случаѣ, его нельзя назвать «почмо, облетавиен сознаніе поэта», или «історіи заблужденія самаго свѣдлага ума», хотя, какъ характеризуетъ его толь же Ашениковъ, своеобразно понимавшій бапронизмъ и пугавшійся всякихъ «демоническихъ бѣдчичности», антисоціальныхъ порывовъ «сдѣбно бунтующей личности» того художественно-философскаго анархизма, который дивствительно расцвѣлъ въ творчествѣ Пушкина въ началѣ 20-хъ годовъ.

Въ числѣ организмиескую факторовъ, погтеракцирующихъ «бапронизмъ» разсматриваемого періода, не на последнемъ мѣстѣ стоитъ греческая революція, которая необыкновенно живо чувствовалась въ Кишиневѣ. Гетеристы потыались для возстановленія попрашюи свободы, боролись противъ реальныхъ угнетателей, провозглашали и реальная челоувеческія права. Всѣ символы перелового элемента въ Бессарабіи были на сторонѣ гре-

СТАРО-МОЛДАВСКИИ БОЯРСКИИ КОСТЮМЪ.

(Створъъ Владимареску)

ческихъ «повстанцевъ», прежде всего какъ героевъ, которыхъ ожидаетъ или слава, или мученичество. Пушкинъ страстно сдѣлалъ да хотѣю возстанія, начало которого почти совпало съ его прїѣздомъ въ Бессарабію (21 февраля 1821 года А. Пиславини съ братьями прибылъ въ Ясси изъ Кишинева, а 11 марта поднялъ знамя возстанія), сообщаетъ трудьямъ новости напр., письме А. П. Развскому въ мартѣ 1821 г. «вѣсть, правы очень неточно, журналъ гетеристъ и немного охдѣтываетъ послѣ того, какъ четь Пиславини, потерпѣвъ окончательное поражение въ битвѣ съ турками

подъ Скалянами и Драгашанами 29 іюня, явились въ Кишиневъ настоящими «беженцами» (бѣглецами) въ видѣ остатковъ деморализованныхъ пашекъ. Греческимъ движеніемъ вдохновлено стихотвореніе «Возстань, о Греція», «Дѣло Греціи меня живо трогаетъ. Вотъ почему я и негодую, видя, что на долю этихъ несчастныхъ выпала священная обязанность быть защитниками свободы», — писалъ Пушкинъ въ 1823 году. «Съ удивленіемъ слышу я, что ты (очевидно, А. П. Раевскій) считаешь меня врагомъ освобожденія Греціи и поборникомъ турецкаго рабства. Видно, слова мои были тебѣ странно перетолкованы; но, чтобъ тебѣ не говорили, ты не долженъ былъ вѣрить, чтобы когда-нибудь сердце мое не доброжелательствовало благодарнымъ усиліямъ возрождающагося народа». Это относится уже къ іюню 1824 года. Впрочемъ, иначе и не могъ бы мыслить Пушкинъ, въ то самое время особенно чувствовавшій на самомъ себѣ тяжесть правительственнаго гнета. Едва ли славянскими симпатіями, а не общимъ гуманнымъ чувствомъ, объясняется его первое стихотвореніе, написанное въ Кишиневѣ 5 октября 1820 года, въ которомъ восхваляется «гроза души, свободы воинъ» («Дочери Карагоргія»). Наконецъ, въ январѣ 1824 года Пушкинъ просилъ Липранди доставить ему переводъ двухъ пѣсень гетеристовъ и вскорѣ получилъ ихъ.

Многое можно было поразить воображеніе этнографа-романтика и историка-мечтателя въ своеобразной Бессарабіи начала 20-хъ годовъ. На Кавказѣ и въ Крыму Пушкинъ былъ недолго, ивліяся природой, восторгаясь стариной, но изучать не имѣлъ возможности ни того, ни другого. Въ Бессарабіи онъ на первыхъ же порахъ долженъ былъ столкнуться съ мѣстнымъ языкомъ, безъ котораго нельзя обойтись и теперь, несмотря на всѣ руссификаторскія стремленія правительства въ теченіе цѣлаго столѣтія. Однимъ изъ его учителей румынскаго языка былъ бадя (дяденька) Тодоръ, эконоомъ наместническаго дома. Съ нимъ Пушкинъ бесѣдовалъ по-румынски, скорѣе всего — просто обмѣнивался нѣсколькими ходячими фразами-привѣтствіями, отъ него записывалъ выраженія и отдѣльные слова въ книжку, болѣе грудныя — на стѣнѣ, чтобы легче запомнить; составилъ не дошедшій до насъ русско-румынскій словарь и т. д. По другимъ свидѣніямъ, Пушкинъ знакомился съ румынскимъ языкомъ

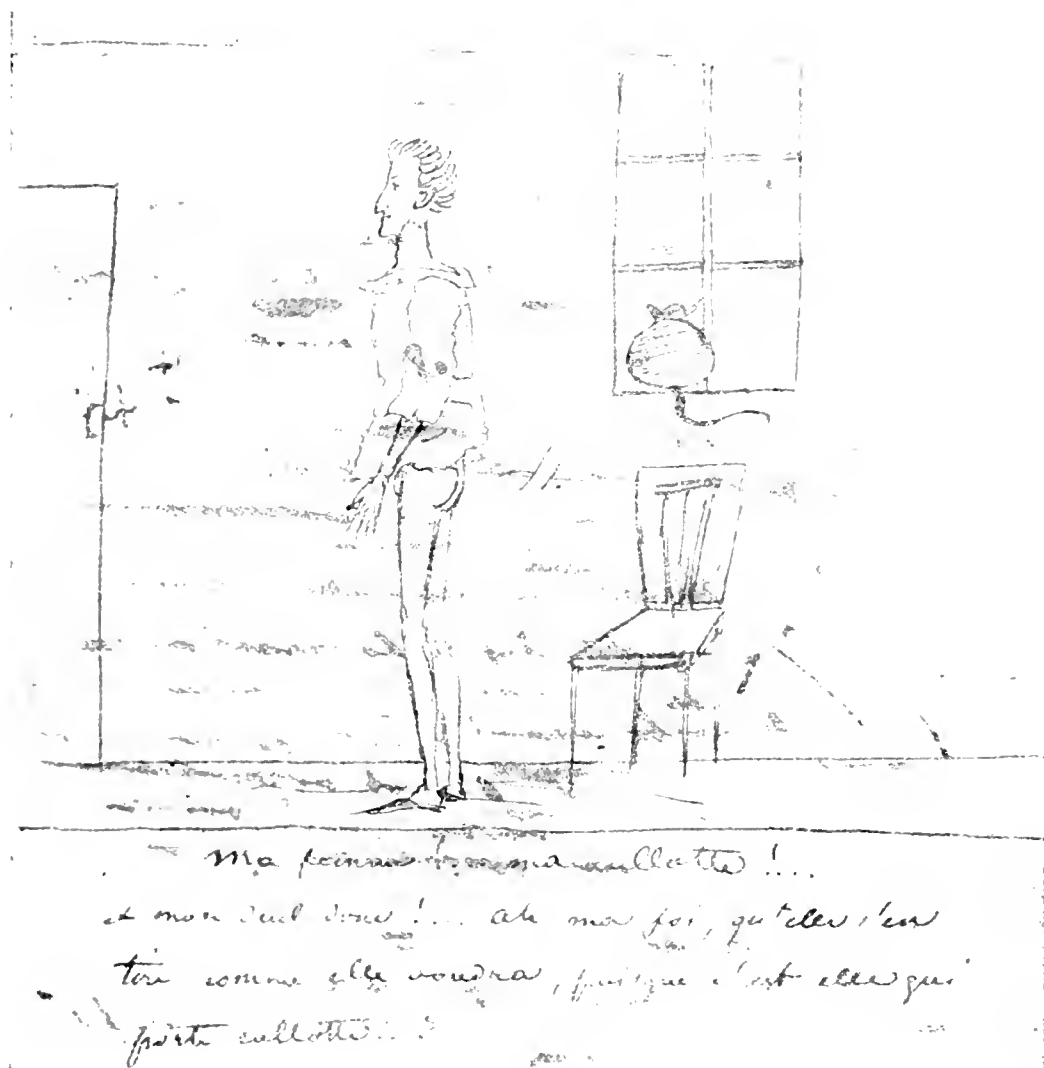
при помощи известнаго поэта Костаки Петруци, жившаго въ то время въ Кишиневѣ, хотя это очень мало правдоподобно. Замѣтимъ, между прочимъ, что Пушкинъ чуть не единственный изъ русскихъ писателей правильно передавалъ этническій терминъ молдованъ («И грекъ и молдованъ тяжелый») — въ «Отрывкахъ изъ путешествія Евгения Олѣгина», слѣдуя румынскому произношенію *moldovan*, *Moldova*, а не нѣмецкому *Moldau*, французскому *Moldavie* и т. п. Памятью о знакомствѣ поэта съ румынскимъ языкомъ остался переводъ цыганской хоры (плясовая пѣсня) «Пѣсни Земфиры», которую онъ слышалъ въ исполненіи лаутарей боярина Варооломея, и молдавской пѣсни «Черная паша», записанной отъ молодой румынки Мардылины въ «Зеленомъ трактирѣ» въ октябрѣ 1820 года. Обѣ пѣсни — типичныя любовные романсы, принадлежавшія неизвѣстнымъ пѣвцамъ-крѣпостнымъ, которые всегда имѣлись при дворахъ бояръ. По свидѣтельству В. П. Горчакова, въ домахъ, гдѣ бывалъ Пушкинъ, лаутари исполняли еще романсъ «*Te iubesc peste masură*» («Презрѣнно люблю тебя»); по воспоминаніямъ А. Вельмана, — «*Prin amorul dulceață*» («Любовной сладостью») — и другой романсъ, начало котораго имъ сохранено въ собственномъ переводѣ:

Есть ли я живу, — я живу лишь для милой;
Безъ нея мнѣ все грустно и уныло.

Сообщаемые Е. Францевой «макароническіе» шуточные стихи, написанные будто бы Пушкинымъ на злободневные случаи, съ нѣсколькими румынскими словами и выраженіями, конечно, принадлежатъ не Пушкину; но такое смѣшеніе языковъ въ стихотвореніяхъ-шуткахъ само по себѣ правдоподобно и оправдывается болѣе достоверными примѣрами, сохраненными у другихъ современниковъ поэта. Умѣвшій опредѣлять цѣнность этнографическихъ особенностей во всемъ, Пушкинъ, по нашему убѣжденію, передастъ до сихъ поръ бытующее въ Бессарабіи турецкое названіе одного сорта винограда, кадыи-пармак («женскіе пальчики»), въ послѣдней фразѣ своего «Винограда»

Продолговатый и прозрачный,
Какъ персты дѣвы молодой *).

*) Наше предположеніе не теряетъ значенія даже въ томъ случаѣ, если предположеніе В. Е. Якушкина, что «Виноградъ» написанъ въ Юрузѣ въ августѣ—сентябрѣ 1820 года, найдетъ болѣе устойчивое основаніе.

Расписка Пушкина изъ Кишиневской тюрьмы № 2365 ст. 42. Воспроизведена впервые. Отно-
 сится къ малоизслѣдованному эпизоду бессарабскаго периода. Пушкинъ являлся на судъ бывшаго
 французскаго офицера—авантюриста Дюгальа и тотъ старался, спрятавъ за жену и судъ
 несостоялась. (См. переписку Пушкина 1822 г.)

Въ «Цыганахъ», начатыхъ уже въ Одессѣ въ концѣ 1823 или началѣ 1824 года, вѣрно передать этнографическій колоритъ, скра-
 шенный только той интернаціональной ро-
 мантической дамкой, которая обыкновенно
 шведлируетъ всякія яркія національныя
 черты. И хотя сохранившіеся въ бумагахъ
 Пушкина замѣтки о происхожденіи и пра-
 вахъ цыганъ скорѣе всего взяты изъ ка-
 кихъ-нибудь книжныхъ источниковъ, — вся
 поэма свидѣтельствуетъ о томъ, что онъ
 зналъ цыганскія бытъ много ближе, чѣмъ
 просто любознательный туристъ. Румынскій

бытъ, слишкомъ прозаичный и малоха-
 рактерный, едва ли могъ привлечь Пуш-
 кина, и поэтому вполне закономерно
 является то, что самое крупное произве-
 ніе, написанное Бессарабіей, рисуетъ бытъ
 вольныхъ, своеобразныхъ, дикихъ и по-
 стыжныхъ цыганъ. О сюжетѣ «Цыганъ» со-
 хранилось нѣсколько версій. Менѣе право-
 подобная изъ нихъ относитъ случай къ
 1821 году. Выбѣжавъ съ Кириенко-Волоши-
 новымъ Пушкинъ вышелъ на развѣдкѣ
 за городъ, перешелъ рѣчку Вилъ, набрелъ
 на богатый таборъ и увидалъ не болѣе не

менше, какъ совершенно «готовый» эпизодъ «Цыганъ». На огромномъ старомъ камнѣ сидѣлъ старикъ, начальникъ табора Маюла, и кому-то грозилъ въ безумномъ отчаяннѣ. Возлѣ него лежала убитая красавица — дочь Аргира, жена скрипача Урлана, а внизу, подъ камнемъ — груда интеллигентнаго молодого человека, очевидно, сброшеннаго съ холма, въ бархатномъ щегольскомъ костюмѣ, съ выхолощенными руками и волнистыми волосами. «Интересно» переданная Е. Францевой мелодрама, съ красивыми и на удивленіе «точными» диалогами, впечатлѣніями невольныхъ зрителей потрясающей сцены, массовыми движеніями растеряивающаго табора и т. д. — явное сочинительство. Еще болѣе дубочна — сцена гаданія Пушкину тетке Смарады, предсказаніе дуэли, на которой поэтъ будетъ убитъ, цѣлый разговоръ, будто бы отъ лица Маюла, о его любви къ легкоймысленной Замфирѣ, о дурнущихъ-дубочкѣ Аргирѣ, ея чудесномъ превращеніи въ «жемчужину табора», объ увлеченіи ея румынскаго помѣщика Петраки Яшко, объ убійствѣ этого помѣщика цыганкой-соперницей Пегрицей, о новомъ увлеченіи ея польскаго графа Чарницкаго, и, наконецъ, о знакомой уже намъ развязкѣ. Поэтому не имѣетъ значенія и все свидѣтельство о первоначальномъ (sic) видѣ поэмы: «Бессарабскіе кочующіе цыгане. Истинное происшествіе», вмѣстѣ съ «колыбельной пѣсней» Аргира, сильно напоминающей стиль автора воспоминаній въ фельетонахъ кавказскихъ газетъ. По другой версіи, сообщенной впрочемъ извѣстнаго румынскаго писателя Стамати М. Шошныамъ, Пушкинъ увидалъ цыганскій таборъ также въ окрестностяхъ Кишинева, но съ западной стороны, по направлению къ Боюканамъ. Толпа взрослыхъ и ребятъ бросилась къ нему, очевидно, за подачками. Пушкинъ испугался, убѣжалъ въ городъ, пришелъ къ Стамати, попросилъ перо и чернилъ и набросалъ начало поэмы: «Цыгане шумною толпой»... По третьей версіи, интересъ къ цыганамъ пробудился въ Пушкинѣ подъ влияніемъ любви къ жень помѣщика Ниглези, Шекорѣ-Людмилѣ, которую изъ табора купилъ румынъ помѣщикъ Бодиско; послѣ смерти мужа она вышла за Ниглези. Увлеченіе Людмилы было, повидному, самымъ серьезнымъ въ ряду остальныхъ «шалостей», и свою любовницу онъ изобразилъ въ Замфирѣ. Узнавъ объ уважаніяхъ поэта, мужъ Людмилы заперъ ее въ чуланъ, вызвалъ Пушкина на дуэль, дуэль не

состоялась, — и Ниглези увезъ жену за границу. Когда она узнала о новыхъ увлеченіяхъ Пушкина, уже въ Одессѣ (по всей вѣроятности, Ридничъ), то была настолько убита, что симптомы чахотки проявились съ новой силой, и она умерла, будто повторяя послѣдній слова извѣстной пѣсни Замфиры.

Неважною тебя,
Презираю тебя,
Я другого люблю,
Умираю любя.

Въ «Запискахъ» Смирновой, тоже довольно мало достоверныхъ, знакомствѣ съ цыганами читаемъ: «Пушкинъ разсказывалъ свои Wanderungen у цыганъ въ Молдавіи (sic); тамъ въ одномъ таборѣ онъ слышалъ разсказъ — объ убійствѣ женщины, которымъ воспользовался для поэмы: онъ нашелъ своего Алеко и Замфиру подъ шатромъ». Такимъ образомъ, мѣсто дѣйствія переносится уже далеко отъ Кишинева, словно оправдывая слова самого поэта:

За нѣхъ дѣшными толнами
Въ пустыняхъ празныйя я бродилъ.

Авторъ замѣтки «Пушкинъ въ Болградъ», («Русск. Архивъ» 1900, III, стр. 400) указываетъ на какое-то преданіе, будто «именно въ окрестностяхъ Болграда, между этимъ послѣднимъ и Измаиломъ (с. Чешме-Варунтъ?), онъ встрѣтилъ и въ которое время сопровождалъ цыганскій таборъ». Что дѣло происходило во время одной изъ повзодокъ Пушкина на югъ Бессарабіи, — объ этомъ говорятъ и другіе источники, хотя указаніе на окрестности Болграда слишкомъ неопредѣленно. Говоря о симпатіяхъ Пушкина къ югу Бессарабіи, въ связи съ происхожденіемъ «Цыганъ», Аленковъ въ «Материалахъ» (стр. 91) замѣчаетъ, что на этотъ разъ поэтъ доходилъ до самыхъ границъ имперіи, и въ доказательство приводитъ отрывокъ стихотворенія, въ которомъ между прочимъ сказано:

Объемлю грозныйя мраморъ твой,
Кагула памятникъ наденныйя.

Но въ свое время П. Бартепевъ («Пушкинъ на югѣ Россіи», стр. 110) указалъ на то, что этотъ отрывокъ (см. выше, стр. 2) имѣетъ въ виду извѣстную Румянцевскую колонну въ Царевомъ Селѣ (I, стр. 189). Правда, въ другихъ мѣстахъ упоминаются «стѣны Кагула» «Кагульскія воды», очевидно, извѣстное озеро около Кагула, мѣсто Кагульской битвы (около с. Волканешты), берега Дуная и т. д.: но у насъ есть два

«ПУШКИНСКІЙ» ТАБОРЪ У ЧУГОРСКИХЪ ВОРОТЪ НА ПРУТЬ.

Со снимка архитектора Д. П. Смирнова.

болѣе достоверныхъ свѣдѣтельствъ. Вонервахъ, Пушкинъ въ «Цыганахъ» ясно намекаетъ на Прутъ, какъ границу между Россіей и Молдавіей, вассальнаго господства Турціи, и на остатки какихъ-то древнихъ крѣпостей, въ данномъ случаѣ едва ли известнаго Троянова Вала.

Въ странѣ, гдѣ доло, доло брани
Ужасный гудъ не умолкалъ,
Гдѣ поведительными грани
Стамбуду русскіи указывалъ,
Встрѣчалъ я поперекъ стѣней,
На тѣхъ рубежахъ древнихъ стѣновокъ,
Тѣдой мирныя цыгановъ,
Смиреной вольности члѣновъ.

Знакомый съ археологіей Бессарабіи безошибочно остановится на Чугорскихъ Воротахъ, что на Прутѣ, недалеко отъ впаденія его въ Дунай, а совпаденіе пушкинскаго упоминанія о рубежахъ древнихъ стѣновокъ со слѣдами историческаго городища въ этомъ мѣстѣ подтверждается еще слѣдующимъ фактомъ. Кончующимъ то сѣмь-

пуръ по южной Бессарабіи, прежней булгарской стѣны, одинъ цыганскій таборъ ежегодно располагается у Чугорскихъ воротъ, въ воспоминаніе бывшаго «при пратѣлахъ» случая, аналогичнаго описанному въ «Цыганахъ». По свѣдѣтельству архитектора пограничной стражи Александра Николаевича Смирнова, поставившаго намъ помѣщенный на настоящемъ страницѣ снимокъ съ этого историческаго табора, среди цыганъ хранится преданіе о томъ, что съ ними проведъ нѣсколько шенъ русскій баринъ по имени Александръ. Шкоторые изъ цыганъ прибавляютъ, что это были подлые пог. Смирновъ справедливо замѣчаетъ, что въ данномъ случаѣ очевидно познвшій толкованіа, сдѣланныя цыганамъ къмъ-нибудь «изъ образованныхъ людей».

Если этимъ не исчерпывается все этнографическое воспитаніе русскаго поэта въ Бессарабіи, то въ заключеніе мы можемъ привести мнѣніе Д. Манкова, который живость и яркость красокъ въ Шенныхъ дѣланыхъ славянъ готовъ объяснить не чѣмъ инымъ, какъ впечатлѣніями, которыя

замегли въ душѣ поэта со времени его жизни въ Кишиневѣ, и особенно впечатлѣніями «скитаній» по Бессаравіи. Изъ такихъ путешествій по южной Бессаравіи мы знаемъ два достоверныя и одно сомнительное. Первое относится къ 9—23 декабря 1821 года, когда Пушкинъ вмѣстѣ съ П. П. Липранди ѣздилъ къ берегамъ Чернаго моря и Дунаю, посетивъ Бендеры, Каушаны, Паланку, Аккерманъ и Шабо¹⁾, Татарбунаръ, Измаиль, Голжады, Мово на Прутѣ. Второе—къ концу января 1824 года, когда Пушкинъ ѣздилъ только въ Бендеры и Каушаны, на три дня, уже изъ Одессы. Сомнительная повѣдка въ Измаиль весной или лѣтомъ 1822 года основана на словахъ одного П. П. Бартенева, и связана съ одной изъ пустыхъ дуэлей; хотя Липранди не могъ совершенно опровергнуть всего этого извѣстія, но въ то же время онъ ничѣмъ не могъ и подтвердить его, а потому думше о третьей повѣдкѣ не говорить.

Мы уже упоминали, что Пушкина прѣвляло и прошлое Бессаравіи. Его онъ скорѣе только чувствовалъ, чѣмъ зналъ, хотя и пробовалъ изучать по книгамъ, взятымъ у Липранди; чувствовалъ его «поэтически», оставившись лишь на тѣхъ историческихъ моментахъ, которые будили въ немъ фантазію. Онъ не умѣлъ разобраться въ созданныхъ этой фантазіей картинахъ: то восторгается слѣдами воспѣтой Державинымъ «русской славы», которая соединена съ громкими именами отъ Олега и Святослава до Суворова и Кутузова,—пишетъ отрывокъ «Чугунъ Кагула, ты священъ...» (конецъ 1821 года); то бредитъ тѣнью Овидія, которая «дунайскихъ ищетъ береговъ»,—

И съ нею часто при думѣ
Брожу вдоль берега крутого.

Объ Овидіи Пушкинъ упоминаетъ нѣсколько разъ («Къ Овидію», «Цыгане», «Чадаеву», «Баратынскому изъ Бессаравіи», «Евгений Онегинъ», МНД, вѣрнѣе въ то, что находится близъ его могилы, въ судьбѣ

римскаго поэта находить сходство со своимъ изгнанничествомъ. Память объ Овидіи поддерживалась еще названіемъ мѣстной масонской ложи, закрытой въ началѣ декабря 1821 года. 27 іюня 1822 г. Пушкинъ пишетъ Гибдиму, что «житье межъ гетовъ и сарматовъ», — и этимъ нечерпывается интересъ Пушкина къ древнему періоду исторіи Бессаравіи. Да и не могъ онъ долго оставаться на немъ уже потому, что естественныхъ памятниковъ этой эпохи почти не существуетъ, а для поэта-романтика они говорятъ больше, чѣмъ сухіе памятники письменности. Обстановка Бахчисарая сообщила ему известное настроеніе, которое такъ цѣльно передано въ поэмѣ, вдохновленной остатками дворца крымскихъ хановъ. Нѣчто подобное Пушкинъ ожидалъ найти и въ бывшей лѣтней столицѣ буджацкихъ хановъ, въ Каушанахъ, и долго не вѣрилъ, когда ему говорили, что тамъ ничего не осталось отъ былого владычества нѣкогда значительныхъ буджацкихъ татаръ, потомуки которыхъ всего нѣсколько лѣтъ передъ тѣмъ были переселены изъ степей южной Бессаравіи въ Крымъ. Въ Варницѣ около Бендеръ Пушкинъ интересовался вѣмъ, что сохранилось отъ пребыванія здѣсь Карла XII и Мазеи, разспрашивалъ о нихъ глубокаго старика-украинца, нарисовалъ поразительно вѣрную картину жизни «шведскаго палача» въ почетномъ турецкомъ шѣну и первый угадалъ, что Мазеи похороненъ гдѣ-то въ другомъ мѣстѣ, ясно заявивъ, что

Тщетно тамъ приледеъ ушмыш
Искаде бы гетманской могины

И слѣдаль онъ это наблюденье, по всей вѣроятности, путемъ того историческаго леновѣднія, котораго не было у точныхъ историковъ, опредѣленно говорившихъ о погребеніи Мазеи въ Варницѣ, описывавшихъ самое погребеніе стараго гетмана и т. д. Бантынь-Камевскій, Маркевичъ, Афанасьевъ-Чужбинскій; и только въ 60 г., послѣ изданія румынской «Хроникъ» Николая Костина, стало дѣйствительно извѣстнымъ, что тѣло скончавшагося въ Варницѣ Мазеи сейчасъ же было перевезено въ Галиць на Дунаѣ и похоронено въ монастырѣ св. Георгія. Во второй половинѣ 1822 года, проѣздомъ въ Измаиль, Пушкинъ былъ въ селеніи Табаки, гдѣ въ то время жили чиновники Низовскаго канцеляріи. Незадолго до этого (29 декабря 1819 г.)

¹⁾ У большинства биографовъ Пушкина, въ томъ числѣ и у П. О. Лернера (Труды и дни, 2 изд., стр. 74), названію этой колоніи, состоящей сплошь изъ виноградныхъ садовъ и расположенной по направленію отъ Аккермана къ Черному морю, придается французская окраска съ удареніемъ на послѣднемъ слогѣ. На самомъ дѣлѣ, это—турецкое слово аша-агаб, т. е. «назвие сада», и мѣстный выговоръ сохраняетъ главное удареніе: Ш а б о.

ОСТАТКИ АККЕРМАНСКОЙ КРѢПОСТИ.

Съ фотографическаго снимка А. И. Якимарскаго.

Табаки были переименованы въ Болградъ, какъ болѣе подходящее названіе главной колоніи болгаръ-эмигрантовъ, и, судя по нѣкоторымъ подробностямъ, мы думаемъ, что, описывая бѣдное болгарское село, Пушкинъ имѣлъ въ виду именно Табаки. Румынскимъ періодомъ исторіи Бессарабіи Пушкинъ совсѣмъ не вдохновился—скорѣе всего потому, что въ это время не было ни одного источника, кромѣ сырыхъ матеріаловъ, притомъ на румынскомъ языкѣ и въ рукописяхъ. Тѣмъ не менѣе, историческія пѣсни «бааланы», интересовавъ его, и въ бумагахъ его, по нѣкоторымъ извѣстіямъ, были дѣйствительно, по всей вѣроятности, не обработанныя: «Дука, Молдавское преданіе XVII вѣка» и «Дафна и Дабика, Молдавское преданіе 1663 года». Въ Измаилѣ Пушкинъ старался представить себѣ картину полурма могучей твердани русскими войсками, удивлялся храбрости ихъ и не могъ понять, какъ они избирались на отъѣздъ стѣны крѣпости. Въ Аккерманѣ, лежащемъ на Дибровскомъ лиманѣ про-

тивъ города Овидіополя Херсонской губерніи, который снова воскресилъ въ душѣ поэта мысль объ Овидіи, Пушкинъ, по преданію, сохраненному Надеждинымъ, цѣлую ночь просидѣлъ въ одной изъ прибрежныхъ башенъ древней готландской цитадели «погруженный въ созерцаніе; прибавляютъ, что башня эта съ тѣхъ поръ называется Овидіевою». Наконецъ, Пушкина интересовала судьба бессарабскаго тайфука Урусла, съ которымъ нѣкоторые биографы удручно соединяютъ даже сознаніе образа «Братьевъ разбойниковъ» *), — и по просьбѣ Пушкина для него кѣмъ-то было переписано все судьбное дѣло объ Урусла, кото-

* Конечно, нельзя повторять за А. О. Вельяминомъ, будто разсказы объ Урусла внушили Пушкину мысль написать поему, такъ какъ въ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому изъ Одессы отъ 11 ноября 1823 г. Пушкинъ опредѣленно говоритъ: «Вотъ тебѣ и «Разбойники». Истинное происшествіе послало мнѣ повѣсть написать столь отрывокъ. Оно произошло въ Іакаринопольскѣ въ 1820 году. Ср. А. Малековъ, Историко-литер. очерки, СПб. 1893, стр. 120, 121, 123.

КИШИШЕВСКИЕ ТИНЫ, ЗАРИСОВАННЫЕ ПУШКИНЫМЪ.

*Карандашный рисунокъ въ кишиневской тетради № 2365. Должно быть сцена въ церкви.
Воспроизводится впервые.*

раго поймали въ апрѣлѣ 1823 года и казнили въ Кишиневѣ въ началѣ 20 годовъ оригиналъ дѣла находится въ архивѣ попечительства о болгарскихъ колоніяхъ, въ с. Комратѣ. Образъ вольнолюбиваго гайдука могъ вдохновить Пушкина и въ созданіи написаннаго въ томъ же Кишиневѣ «Узника» (1822), тѣмъ болѣе, что контрастъ между узникомъ и вольной птицей—обычный художественный приемъ въ румынскихъ пѣсняхъ, которая, какъ мы видѣли, знаетъ русскій языкъ. Подробная свѣдѣнія объ Узникѣ сохранились въ воспоминаніяхъ Вельтмана, Дирацци и Вителы, а Пушкинъ упоминаетъ о немъ два раза (V, 121, VII, 58). Другой бессарабскій гайдукъ, Кирджали, о которомъ Пушкинъ узналъ отъ управляющаго канцеляріей Пилова, П. П. Дюкса, послужилъ теремомъ для небольшой поэмы, и

сохранился только отрывокъ съ тѣмъ же заглавіемъ.

Итакъ, «жизненная школа» была начата Пушкинымъ въ Бессараби. Быть-можетъ, здѣсь ее онъ окончить бы, если бы по своей подвижной природѣ до конца жизни не долженъ былъ всегда «начинать новое».

Литература: П. П. Надеждинъ, «Прогулка по Бессараби» («Одесскій Альманахъ

Статья А. П. Яцимирскаго зацѣпляется исключительно дѣлать характеристику тѣмъ впечатлѣніямъ, которыя дала Пушкину сама Бессарабія. О другихъ сторонахъ бессарабскаго періода см. въ разныхъ статьяхъ настоящаго тома о политическихъ настроеніяхъ въ ст. Пушкинъ и Раевскіе и Пушкинъ и декабристы; о литературныхъ—въ ст. П. П. Дашкевича и предисловіяхъ къ Братьямъ Разбоишчамъ, Бахчисе Фонизану и Цыганамъ.

Ред.

КИШИНЬЕВСКІЕ ТИПЫ, ЗАРИСОВАННЫЕ ПУШКИНЫМЪ.

Описано грѣки росттисимъ. Воспроизводится впервые. Изъ Кишиневской тетради № 236.

на 1840 г., Одесса, 1839: 308—357; В. П. Горчаковъ, «Вытержки изъ дневника», Москвитинъ, 1850, II, 146—182, III, 233—264, VII, 166—198; К. П. Зеленецкіи, «Свѣдѣнія о пребываніи А. П. въ Кишиневѣ, въ Одессѣ и примѣчанія къ описанію Одессы, помѣщенному въ «Евгеніи Оубинѣ», Москвитинъ, 1854, IX; К. Negruzzi «Risatele tinsretloro» т.-е. «Грѣки молодости», Ясы, 1857, воспоминанія о Калісо и Пушкинѣ; П. П. Баргеновъ, «Пушкинъ въ южной Россіи» М., 1862, стр. 1—150; переиздано съ добавленіями въ Русскомъ Архивѣ, 1866, VIII—IX; В. П. Горчаковъ, «Воспоминанія о П.», Московскія Вѣдом., 1854, № 19; П. Гербановскіи, «Нѣсколько словъ объ А. П. въ Бессарабскій Область», Вѣдом., 1866, № 44; Ф. Ф. Вителъ, «Воспоминанія», М., 1865, ч. VI, стр. 125—130, ч. VII, стр. 5—17; П. Гербановскіи, «Нѣсколько словъ о пребываніи П. въ Кишиневѣ», Новоросс. Вѣдомости, 1869, №№ 49 и 50; ето же,

«Новыя свѣдѣнія о пребываніи П. въ Бессарабій», Новоросс. Телеграфъ, 1879, № 1374; Левъ Мацѣевичъ, «Изъ Кишинева о Пушкинѣ», Правда, 1880, №№ отъ 23, 24 и 27 мая; А. Третьубовъ, «П. и Людмила П.-на», Одесскіи Вѣстн., 1880, № 118; Е. В. Некрасова, «Изъ воспоминаній Вельмана о времени пребыванія П. въ Кишиневѣ», Вѣстн. Евр., 1881, № 1; Мацѣевичъ, «Кишиневскія пренія о П.», Истор. Вѣстн., 1883, V, 381—397; В. А. Яковлевъ, «Отзывъ о П. съ юга Россіи, 1887», Переизданы статьи Мацѣевича, Третьубова, М. З. Гербановскаго; П. Осторовъ, въ Историч. Вѣстн., 1891, V; Д. П. Маликовъ, Историко-литерат. очерки, СПб., 1895, 96—129; А. П. Якимирскіи, Разбоиники Бессарабій въ разсказѣ о нихъ», Этнограф. Обозр., 1895, III Б.; Д. Францевъ, «А. П. въ Бессарабій», Русское Обозрѣніе, 1897, I, 20—30, II, 535—559, III, 5—48; Г. В. Александровскіи, «Жизнь и творчество

А. П. на югѣ Россіи» («Ежегодникъ» коллегіи П. Галагана, Кіевъ, 1898—99); Воєвресенскій, «П. въ Бессарабіи», (Кишиневъ, 1899); Пв. Халипина, «Городъ Кишиневъ время жизни въ немъ А. П. 1820—1823» («Труды Бессарабской губерн. учен. архив. комм., Кишиневъ, 1900, т. I, стр. 97—170, съ планомъ «старого» города: «А. П. въ Бессарабіи, Кишиневъ, 1899, стр. 1—29»; «П. въ Кишиневѣ», Русск. Архивъ, 1899, VI, 340—348 перепечатано изъ Моск. Вѣдом., 1887, № 39); А. П. Яцимирскій «Песня Замфиро въ «Цыганахъ» П. и цыганская хора», Извѣстія отд. р. яз. и слов. Акад. Наукъ, 1899, IV, 301—304; Г. О. Булашевъ, «А. П. на югѣ Россіи» («Сборникъ Пушкина», изд. Кіевского педаг. общ-ва, Кіевъ, 1899, ч. II, стр. 21—70); А. П. Шимановскій, «А. П. въ Кишиневѣ въ связи съ предыдущей и послѣдующей жизнью» (Кишиневъ, 1900); А. П. Маркевичъ,

«П. и Новороссійскій Край» («Сборникъ Новорос. унив.» Одесса, 1900); А. П. Яцимирскій «Румынскія параллели и отрывки въ некоторыхъ произведеніяхъ П.», Русск. филолог. Вѣстн., 1901, кн. I—II, I. Могла гетмана Мазея: П. Мбета цыганія Овидія; III. Повѣрья о курятахъ и др.: А. П. К., «Пушкинъ въ Болградѣ», Русскій Архивъ, 1900, III, 400—402; «П. въ Кишиневѣ, Записано со словъ В. П. Горчакова въ 1861 году», Русскій Архивъ, 1900, III, 403; А. П. К., «Пизовъ въ южной Бессарабіи», Русскій Архивъ, 1900, XII; П. Держевъ, «Нѣчто новое о П. въ Кишиневѣ, Бессар. Губ. Вѣдом., 1902, № 88 (отъ 19 апрѣля); А. П. Яцимирскій, «Черная Шаль» А. П. и «Румынская Песня», Извѣстія отд. русск. яз. и слов. Акад. Наукъ, 1906, IV, 372—378.

А. Яцимирскій.

ПАМЯТНИКЪ ПУШКИНУ ВЪ КИШИНЕВѢ.

Снимокъ 1907 г.

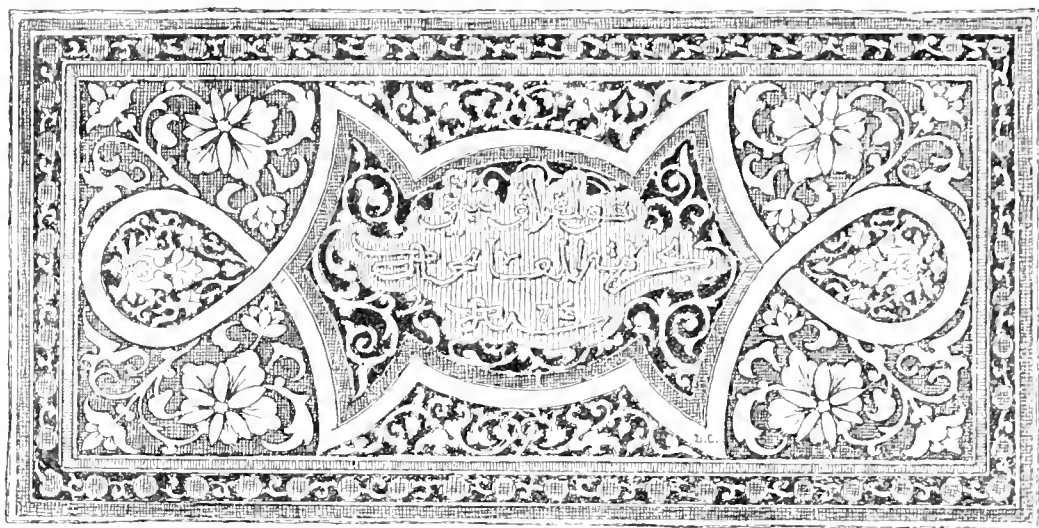
368. ЗИМА МНѢ РЫХЛОЮ СѢБНОЮ.

(Изъ письма В. П. Горчакову)

Зима мнѣ рыхлою сѣбною
 Къ воротамъ заградила путь
 Пока грошники преть собою
 Не прогнать я какъ-нибудь,
 Служу я дома, какъ бездѣльникъ,
 Но ты, душа души моеи,
 Узнай, что будетъ въ понедѣльникъ,
 Что скажетъ нашъ Варооломей.

369. ВОЗСТАНЬ, О ГРЕЦІЯ, ВОЗСТАНЬ.

Возстань, о Греція, возстань!
 Не заромь напрягаетъ слава,
 Не заромь подрисаетъ брань
 Олимпъ, и Пизъ и Сормонилъ,
 Поля сѣбною ветхой иль вершинъ
 Свобода древняя водилъ,
 Святые мрамора Аонъ,
 Гроба Тедя и Перилъ,
 Страна теросвъ и боговъ,
 Расторгни рабскія вериги,
 При пѣвнѣхъ пламенныхъ стиховъ
 Египта, Баирона и Риги!

Из подписей Бахчисарайскаго дворца. Рис. В. Суриньянца.

БАХЧИСАРАЙСКИЙ ФОНТАНЬ.

Фонтану Бахчисарайскаго дворца Пушкинъ принесъ въ даръ не только двѣ розы, но и роскошную поэмъ, которая дышетъ всею пылкой Востока и въ самомъ теченіи своихъ стиховъ глантъ умоительный соблазнь страсти. «Бахчисарайскій фонтань», эта драгоценная восточная ткань нашей литературы, одно изъ многихъ проявленій пушкинскаго божественнаго многообразія, представляетъ какой-то ширь слова, какой-то праздникъ звуковъ, необычайный по своей яркости и великолѣпю. Трудно вообразить себѣ большее соответствие между содержаниемъ и формой: «сладострастіе стиховъ» такъ необходимо здѣсь, въ этой лиричѣ о гаремѣ, и нельзя было бы шаче воплотить дыханіе чувственности, которая воздвигла въ Бахчисарай свой дворець и свой грѣшнй храмъ.

Но въ эту обитель грѣха вошла святая: чувственность въ разгарѣ своей оргіи встрѣтила духовное; магометанская душа столкнулась въ своемъ движеніи съ христіанскимъ крестомъ, — и эти двѣ силы въ своемъ вѣковѣшномъ поединкѣ создали трагедю, и новая кровь, новое преступленіе изводолавали море человѣческихъ страстей.

Гурія и Мадонна, двѣ стихіи, которая срезетали въ сердцѣ Пушкина, нашли въ

этой поэмѣ свое одицетвореніе и свое признание, и обѣ онѣ показаны какъ двѣ избытныя, вѣчныя категоріи жизни, обѣ онѣ показаны въ своей различной красотѣ.

Появленіе Мадонны внесло смуду въ духъ и дворець Гирея, и грозный ханъ сидитъ, потуна взоръ. Вокругъ него — рабы, которыхъ онъ не удостоиваетъ даже слова, которыхъ онъ удаляетъ однимъ движеніемъ руки пегеривайвомъ; но если до сихъ поръ это рабодѣство ничѣмъ не омрачалось и не зналъ повелитель, что такое — неисполненное желаніе, неосуществленная мечта, то шачъ эта хрупкая дѣвушка съ томно-голубыми глазами, его затомница, повергла въ горе црственную душу, предтошть хану какъ высшее повелительное начало, и павишникомъ своей павишницы сдѣлался гордый властелинъ. Это не обычныя узы любви, и польская княжна для Гирея не только нравственно-недосягаемая женщина, которая его не любитъ, не только чистая дѣвственница, вѣчное дитя; она сильна тѣмъ, что пришла изъ другаго міра и воплощаетъ другое міросозерданіе: она побждаетъ Гирея этой спокойной мощью духовности, о которой онъ раньше не думалъ. Вселенная была для него какъ одинъ безпредѣльный гинекей, и женщины въ своемъ

разнообразіи, во вѣсѣхъ отбѣикахъ своей красоты, были покорными и радостными служанками его сластоустрасія, рабынями его прихотливаго джа. Онъ отвергалъ, теперь его отвергли, уже въ этомъ одномъ великое страданіе и обиду: но самое странное и страшное— то, что женщина, которая доселѣ была для него только тѣло, существо ласки и презрѣнія,— женщина внезапно явилась посылъницей идеала, задумчивой весталкой духа. Въ гаремъ проникло христіанство, и въ видѣ христіанки, Гирей недоумѣваетъ какъ мужчина и какъ мусульманинъ. И оттого—

Примѣты гѣва и печали
На сумрачномъ его лицѣ.

А кругомъ унылыя цвѣты— «жены робкія Гирей», цвѣты, сорванные и увясыныя изъ Божьяго сада, для того чтобы превратиться въ достояніе одного. Ревниво укрытыя отъ солнца, отъ міра и людей, онѣ увядаютъ «на дошъ скуки безотрадной»: онѣ не смѣютъ ни думать, ни желать, и многія, существующія для одного, онѣ напрасно обманываютъ свое сердце и мѣняютъ пышные уборы, заводятъ игры, разговоры. Это не измѣна, это— вынужденная перемѣна, и она только отбѣиваетъ все трагическое однообразіе ихъ жизни. Покорно нѣтъ, для того чтобы еще больше чувствовали онѣ себя живыми вещами,— около нихъ безпрестанно ходитъ злой евнухъ. Безразличный между страстей и стражъ чужой страсти, онъ равнодушенъ не только тѣломъ, но и душой. Онъ не родитель, не сознатель, онъ не сопричастенъ къ творчеству міра, и онъ— послѣдній. Отъ него не будетъ протолженія. Покорныя хану не менѣе, чѣмъ святой заповѣди Корана, безъ воли, безъ любви, безъ вѣры, онъ страшитъ тѣмъ, что уже никакія слезы, никакіе взоры, никакія мольбы не властны надъ его обезображенной замкнувшейся душой. Какой-то камешный островъ среди волнующагося людекого океана, воплощенная отчужденность, самый одинокій въ мірѣ, своей извратившейся природою обреченный на эту безмѣрную уединенность, обгорбленіе, челоуѣчества и челоуѣческій испуганъ, онъ своимъ безчувствіемъ только усиливаетъ эту безстыдную чувствительность, которая разлита въ душистымъ воздухѣ гирекей. Гаремъ и евнухъ, это связывается въ одно, это слитный жизненный фактъ; но какія здѣсь, соединены противоположности и какая зловѣщая игра въ этомъ сближеніи не-

обузданной страсти и немолнимаго скопченства! Оргія женской палоты и равнодушья къ ея чарамъ евнухъ, тотъ, мы желанія стали безжельными!».

«Вокругъ приваго фонтана» сидятъ похищенные у міра жены Гирей, а невольницы этихъ невольницъ олащаютъ гаремъ пѣсней звонкой и пріятной— пѣсней, въ которой одной Пушкинъ выразилъ міросозерцаніе Пислама, Блаженъ факирь, узрѣвшій Мекку, —но тотъ блаженствій, кто делаетъ женщину. И вотъ мы узнаемъ о Заремѣ, душѣ гирекей. Съ восточной цвѣтностью, съ какой-то ласкающей пѣвгою и полноюю звучностію говоритъ Пушкинъ:

... Но гдѣ Зарема!
Звѣзда любви, краса гарема!

Она— краса не только гарема, но и всей земли. Теперь она печальна и блѣдна, теперь она какъ пальма, смятая грозой, поцѣпанной годовою, потому что эта женщина— пальма не въ силѣхъ жить безъ жгучаго солнца любви, безъ любви своего Гирей. Но даже печальная и блѣдная, она превыше всѣхъ красотой,— и мы знаемъ, какой восторгъ рождалъ въ читателяхъ эти стихи, посвященные ея очарованію:

Вокругъ ллещнаго чела
Ты косу шакды обвила;
Твои пѣвительныя очи
Вѣсѣхъ пил, червѣ ночи.

Черныя змѣи косы, черныя ночи очей, отбѣивенныя дилейнымъ челоуѣкомъ: вся блѣдность лица и вся темь огненной ночи сочетались въ ней и создали изъ нея пламенное существо, царину грѣха.

И тѣмъ не менѣе Гирей презрѣлъ ея красоту и пылкій, онъ проводитъ одиноко ночи младые часы

Съ тѣхъ поръ, какъ польская князья
Въ его гаремъ заключена.

Панна затмила оталицку. Черноку трая должна была склониться переть блѣлокурой, и не могли соперничать черныя очи съ очами томно-голубыми. Страстная душа Гирей познала обаяніе томнаго.

Какъ далеки онъ отъ другой— Зарема и Марія! Князья цвѣла въ страшѣ ротной, съдой отецъ гордился ею и звалъ отрадою своею, подобно тому какъ это было и съ другою Маріей:

Прекрасной дочерью своей
Гордится старай Кочубей

ду Пушкина такъ часто мы слышимъ этотъ мотивъ отцовской любви — вспомните, напримеръ, еще Цыгана и Земфиру, Годунова и Ксенюю. Марія, тихая правомъ, съ арфой въ рукахъ, которой она оживляла домашніе шуты, еще не знала любви и «независимый досугъ» посвящала оди́мъ забавамъ. И вотъ постъ набѣга татаръ, когда было убить ея сѣдой отецъ и въ замкъ стать править скуной наследникъ, она, такая дѣвственная, такая юная, княжна по крови и по сердцу, попадетъ въ неволю гарема и увидаетъ, какъ и другія его обитательницы. Но передъ этимъ цвѣткомъ чистоты покажетъ самый гаремъ, къ ней не приближается ея умъ,

Самъ ханъ боится дѣвы пѣвицы
Печальныи возмущать покой.

и въ своемъ заточеніи княжна Марія возжигаетъ лампаду передъ ликомъ Дѣвы Пресвятой. Въ гаремѣ—икона, въ гаремѣ—неугасимая лампада. Кругомъ все утонаетъ въ безумной пѣбѣ, и грѣшная, «соблазнительная» природа Тавриды, которая предстала Пушкину «въ блескъ брачномъ», сама зоветъ къ упоенію страстнаго брака, — а въ дальнемъ отдѣленіи гарема возжена лампада, и

Святѣицю строую скрываетъ
Свѣщенныи чудомъ уголокъ.

Ликъ Богоматери и передъ нимъ на колѣняхъ илѣнная княжна, Марія передъ Маріей.

Наше сердце—это гаремъ, и живутъ въ немъ огневая желанія, и тоскуетъ оно по черноокой Заремѣ, и нужны ему извѣстныя добзанія. Но въ дальнемъ отдѣленіи сердца скрывается она, священная обитель, гдѣ теплится наша лампада, гдѣ освѣняютъ насъ не множество картинъ старинныхъ мастеровъ, а только одна Мадонна, чистѣйшей предести чистѣйшій образецъ, и молитвенно содержитъ ее властелинъ сердечнаго гарема. Мадонна въ гаремѣ — святое среди грѣшнаго — это въ сильной или въ слабой мѣрѣ извѣстно каждому.

Въ одну изъ ночей въ гаремѣ мужского сердца происходитъ роковое столкновение Мадонны и Гурія. Слышитъ ея умъ, и кажется ему, что вездѣ шорохъ, крики, шептанье, — но все молчать, и только его, безлюбнаго тревожатъ соловьи, неразлучные съ милой розой. Для ея уха соловей — это шумъ. Еще бьютъ сладкозвучные фонтаны изъ мраморной темницы. Живая струя фонтана, свободная стихія, заключена въ

темницу, и это не утѣшеніе, что темница мраморная. «Послушная» двери закрыты, безопасенъ гаремъ, и все полно тишины, страсти и тайны — «ночь вліяніемъ луны» (какъ свѣжо здѣсь слово: *влианіе*; какъ извѣстно, что здѣсь оно употреблено въ своемъ первичномъ, въ своемъ непосредственномъ смыслѣ!).

Ночь роскошнымъ пологомъ крымской ночи совершается трагедія. Зарема входитъ въ комнату Маріи. Но передъ Маріей, передъ Мадонной все трепещетъ, и потому дрожащей рукою касается одалиска «вѣрнаго» замка. И видитъ Зарема кроткій ликъ Божественной Маріи, и кроткое лицо Маріи земной, и надъ обѣими—крестъ, любви символъ священній.

Грудица, все въ дуть твою
Родное что-то пробудило,
Все звуками забытыхъ дней
Невнятно вкругъ заговорило.

Штъ, не потому Зарема почувствовала въ кельѣ Маріи пѣчто родное и забытое, что Зарема была грузинка и вѣра ея матери была вѣра Маріи, — не потому только: главное и глубокое основаніе здѣсь то, что «всякая душа—христанка», и вѣтъ снѣщей подъ крестомъ юной княжны взволновать въ сердцѣ Заремы то психологическое христанство, которое есть у каждого. Безмятеженъ и безгрѣшенъ сонъ Маріи, но уснула она въ слезахъ, и кажется, что это не она покоится на дѣвственномъ ложѣ (а въ другіихъ покояхъ пѣтъ ложа дѣвственнаго и ведоу брачность гинекель): это ангель, сонный ангель, продиваетъ слезы обѣдной илѣнщицъ гарема.

Безмятежный сонъ Маріи прерываетъ Зарема и рассказываетъ свою горестную повѣсть. Она всю жизнь ожидала своего хана, она прирожденная гурія, палочница гѣломъ и душою: она «первымъ опытомъ любви послушнымъ сердцемъ ожидала». И сбылись ей женскія грезы и надежды: ее называлъ Гирей. Но съ тѣхъ поръ какъ явилась Марія, Гирей забылъ Зарему, и душа его «преступной думой омрачилась» — думой измѣны. То, что Гирей пѣвило святое, дѣвственное, что восточную душу его озарила Мадонна, что луна для него поблѣкла въ сіяніи лампады, теплящейся передъ иконою, это для Заремы—преступленіе. Она молитъ Марію, она грозитъ ей, но не мольбы и не угрозы поражаютъ Марію: она чувствуетъ другое, она испытываетъ позоръ.

Невинно тѣмъ невинность
 Языкъ мучительныхъ страстей.
 Но годось ихъ ей смутно вѣдѣть,
 Онъ страшенъ, онъ ужасенъ ей.

Ее пробудили отъ тѣлственнаго сна, и къ ужасу своему она узнала, что влюбленная душа Гирей не только угрожаетъ ей тѣлственности, но что она, Марія, уже не тѣлственна, такъ какъ она живетъ въ страстныхъ чувствахъ и помыслахъ мужины, такъ какъ ревнуетъ къ ней одалиска, изъ-за нея одлученная отъ ханскаго ложа. Какой позоръ! Заремъ въ страстныхъ мечтаніяхъ Гирей замѣнила Марію, и тѣл добзанія хана, который горать на Заремѣ, не чувствуешь ли вѣкъ Марія на себѣ? Она, съ томно-голубыми очами, со звуками арфы въ душѣ, она, Марія передъ Маріей, богомолица Мадонны, она поблительно соперничаетъ съ одалиской, и властелинъ гарема мысленно владеть ею. Простить ли это ей Мадонна, и не погасить ли лампада преть ликомъ Дѣвы Пресвятой?

Только теперь земная дѣва, преть ликомъ Дѣвы Пресвятой, поняла, что она въ гаремѣ. «Что дѣлать ей въ пустынь міра?» Что дѣлать ей, Нехуе, въ мірѣ-гаремѣ? О, если бы «кончиной ускоренной» кто-нибудь прескѣ ей услыше дни!

Что дѣлать ей въ пустынь міра
 Ужъ ей пора, Марію жутью,
 И въ небеса на лоно міра
 Ротной улыбкою доутью.

И вотъ изъ гарема одлетѣла Марія къ небесамъ. «Штъ Марія пѣвкою». На арфѣ міра порвалась ея печальная струна,— «многочено сирота почила». Убила ли ее тѣлствительно Зарема княжаломъ кто знаетъ? Но безспорно то, что Зарема убила ее, робкую Нехую, своимъ посщеньемъ, своимъ признаньемъ. Его подслушала ехнухъ, стражъ чужою страсти, и понесъ Гирею, и Зарема «старема стражами пѣвками» въ пущину воль онущена. Какъ много сладострастїи вмѣсть съ нею потеряла земля, какъ много чаръ и грѣха онущено въ пущину воль!

О Заремѣ говорить все сохранившееся сладострастїе въ мірѣ, весь трететь любовной страсти и любовнаго стразанія: и каквыи гаремъ, и какюе гаремное сердце является ей неглѣпнымъ памятникомъ.

Но все томное и голубое въ мірѣ, все арфы жизни поютъ Нехую, славить Марію, польскую панну. И Гирей, претавшїи презрѣнїю свои гаремъ, до снхъ поръ пѣлнелный свои почившеи пѣлнелнїи, возтннууль въ ея память мраморной фонтань, завѣщатель ему свои слезы, и вотъ

Журчить во мраморѣ вода
 И каплетъ хланьими слезами
 Не умокая никого.

Неизжаемая скорбь человеческого сердца, вѣчныи фонтань печали!

Проходитъ «дѣкіе годы», слаживаютъ вескія пависей, но они безвѣчны переть ваднєями Пушкина. Среди послѣднихъ во всей пышности Востока горать и сверкають стихи «Баумцарайскаго фонтана». Сладки они, какъ «шербеть ароматный»: пѣвкать они сладострастной красотю, и слышится въ нихъ то самое «дыханье розы», которое влекло поэта къ невольному забвѣнїю, оныашло его самого на лоуѣ крымской природы. Онъ вопрошалъ фонтань любви, фонтань печальный, и по творцу дѣуеи тѣлню мелькала тѣва преть нимъ.

Чью тѣмъ, о друи, витѣль я

Чью тѣмъ витѣль Пушкинъ — Марія или Заремъ? Чистая душа Души Нехуеи являлась ему, или, ревностью пана, послалъ Гурія въ чарахъ женскаго грѣха? Чью бы тѣмъ ни витѣль Пушкинъ, когда онъ въ своей памяти водсозавалъ Баумцарая въ забвѣнїи претлюющїи творецъ, несомѣнно, что ему одинаково близки были и земная красота Заремы, и небесная томность Марія. Все вмѣщала его богатая душа, и хотя посщѣнїя ея молитва была обращена къ Мадоннѣ, чистѣйшей прелести чистѣйшему образу, но властны и сильны были въ немъ и дѣуеи мотивы страсти, ея павосъ, ея крымская пѣлнелнїи. Пѣлнелнїи для него эти пышныи розы, которыи, вброваню, любила влетать въ свои черныи косы Зарема, ають лнтарь и лхонть винограи «празднество красокъ!», краса его пѣлнелнїи дланной, отрази осени дѣуеи, прополноватѣи и прозрачныи, какъ черствтѣвы молотон, какъ переть Марія, о которон плачетъ Гирей, о которон неувѣнно плачетъ Баумцарайскїи фонтань.

Ю. Анхенвальдъ.

II.

Несомнѣнной отголосокъ любви къ отчужденной изъ Раевскихъ, поэма о «фонтанѣ любви» принадлежитъ къ числу самыхъ любимыхъ произведеній Пушкина. Поэтическая легенда фонтана глубоко въбралась въ сердце поэта. Пушкинъ, который воспользовался легендой въ томъ видѣ, въ какомъ передала ее Ек. П. Раевская, считъ фонтанъ памятникомъ прекрасной любовницы хана П. М. Муравьевъ-Апостола указавъ другой ея мавзоль (см. ниже): «Холмъ... на коемъ стоитъ красивое зданіе съ круглымъ куполомъ. Это мавзоль прекрасной грузинки, жены хана Керимъ-Гирея... Я самъ хотѣлъ поклониться гробу красавицы, но вѣкъ уже болѣе входа къ нему; дверь наглухо заложена»... Пушкинъ, который былъ на полуостровѣ въ тотъ же годъ и почти въ то же время¹⁾, какъ и Муравьевъ, не зналъ этого мавзоля: въ декабрѣ 1824 г. онъ писалъ Дельвигу: «Что касается до памятника ханской любовницы²⁾, о которомъ говоритъ М., я объ немъ не вспомнилъ, когда писалъ свою поэму,—а то бы непременно имъ воспользовался». Пушкинъ, вопреки Муравьеву, считалъ Марию полькой и дасть грузинскую кровь страстной Заремѣ, лицу, вѣроятно, выдуманному имъ и едва ли фигурировавшему въ легендѣ. Полькой, именно Потоцкой, считалъ Марию и Мицкевичъ, который въ 1825 г. былъ въ Крыму и посѣтилъ Бахчисарайскій дворецъ. (Памятникомъ этого путешествія остались сочиненія «Бахчисарай поэмою», «Гробъ Потоцкой», «Могилы Гарема», отгнѣченные несомнѣннымъ влияніемъ Пушкина). Пушкинъ старался точно слѣдовать легендѣ. «Недостатокъ плана»—писалъ онъ А. А. Бестужеву 8 февраля 1824 г. 3)—«не моя вина. Я съвѣрно перекладывалъ въ стихи разсказъ молодого женщины.

*Dux douces lois des vers je plaiais les accents
De sa bouche aimable et naïve.*

Впрочемъ, я писалъ его единственно для себя, а печаталъ потому, что деньги были нужны». «Въ моемъ эпиграфѣ»—писалъ онъ

1. Перевиска П., изд. академіи наукъ, ред. В. П. Саитова, I, 161. Книга Муравьева еще печаталась, когда поэма Пушкина была готова (Ibid., 85).

2. Въ черновой редакціи — Потоцкой (Ibid., 163).

3. Ibid., 99.

4) 20 декабря 1823 г. (Ibid., 93).

Вяземскому 4) «описание дворца въ нынѣшнемъ его положеніи подробно и вѣрно».

Впервые Пушкинъ упоминаетъ о «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ» въ письмѣ изъ Одессы отъ 25 августа 1823 г. къ брату, когда поэма была, по видимому, уже окончена. Поэтъ вложилъ въ нее столько личнаго, задушевнаго, она казалась ему такой интимной картиной его собственной сердечной жизни, что онъ, который всегда посвящалъ своихъ друзей въ ходъ своихъ работъ, ничего не сообщалъ о ней ни брату, ни Вяземскому, пока его не вынудила нескромность В. П. Туманскаго. «Я прочелъ ему отрывки изъ Бахчисарайскаго Фонтана (новой моею поэмой), сказавъ, что я не желаю бы ее напечатать, потому что многиа мѣста относятся къ одной женщинѣ, въ которую я былъ очень долго и очень глупо влюбленъ. Туманскій принялъ это за сердечную довѣренность и посвящаетъ меня въ Шаликовы—помогите!»... 5) А такъ какъ Туманскій, по словамъ поэта, уже успѣлъ написать кому-то въ Петербургъ, что Пушкинъ ему «открылъ немедленно свое сердце и porte-feuille, любовь и пр.», и, конечно, это могло дойти до особы, имя которой Пушкинъ такъ ревниво скрывалъ, и она могла оскорбиться откровенностью поэта, 6) то Пушкинъ письмомъ къ брату, жившему въ Петербургѣ, очевидно, думалъ предупредить послѣдствія нескромности своего одесскаго друга.

Петаромъ поэтъ писалъ Бестужеву что, работалъ «единственно для себя». Давно уже стремившійся жить литературнымъ трудомъ и вѣчно нуждавшійся въ деньгахъ, Пушкинъ рѣшилъ напечатать поэму. Сначала онъ хотѣлъ назвать ее «Харемомъ», какъ сообщалъ объ этомъ впоследствии въ своихъ критическихъ замѣткахъ, но его соблазнилъ эпитафій изъ Саади, «меланхолическій эпитафій, который, конечно, лучше всей поэмы», и который Пушкинъ повторилъ въ концѣ «Опѣтина»:

Нынѣ ужъ нѣтъ, а тѣ далеки.

Какъ Сади вѣкогда сказалъ.

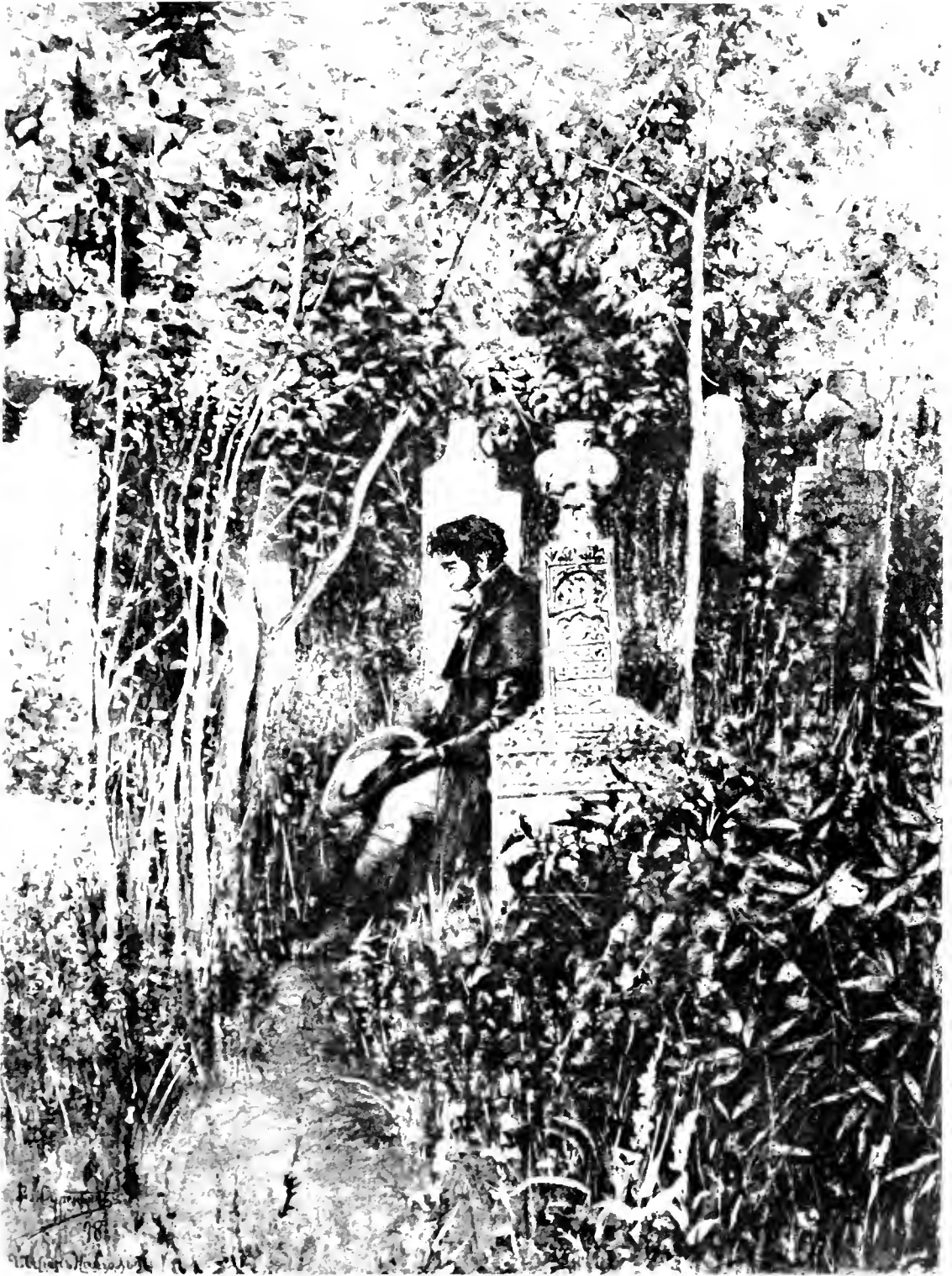
«Бахчисарайскій Фонтанъ, между нами, дрянъ, но эпитафій его прелестенъ»—писалъ онъ Вяземскому 14 октября 1823 г. 7).

5. Перевиска П., цитир. изд. I, 75—76.

6. Когда А. А. Бестужевъ въ Полярной Звѣздѣ 1824 г. напечаталъ безъ позволенія Пушкина его дилегию Рѣветъ облаковъ летучая града... поэтъ какъ уже указано см выше (107—108) очень сердился на него.

7. Ibid., 78, 79.

МУЖИКИ ВЪ БАХЧЕ АРАБЪ.

Картина В. Сорокина.

Видемскому поэтъ поручилъ издание «Фонтана» и, отправляя ему поэму, писалъ 4 ноября 1823 г. 8) «Я выбросилъ то, что цензура выбросила бы и безъ меня, и то, что не хотѣлъ выставить передъ публикою». 9) Писематай, да стѣпан милость, не уступай этой сукѣ Цензурѣ, отырызывайся за каждый стихъ и зарызи ее, если возможно, въ мое воспоминаніе. Кромѣ тебя, у меня тамъ нѣтъ покровителей. Еще просьба: приходи къ Бахчисараю предисловіе или послѣловіе. Посмотри также въ путешествіи Апостола-Мур, статью Бахчисараю, вышшии изъ нея что писано въ — та заворижи все это своєю прозою, богатой насладницею твоєю предестной поэзіи». Въ слѣдующемъ письмѣ, писанномъ черезъ нѣсколько дней 10), Пушкинъ послалъ ему нѣсколько поправокъ 11) Видемскій исполнилъ просьбу друга и далъ предисловіе — «Разговоръ между издателемъ и классикомъ съ Выборгской стороны или съ Васильевского острова» 12) 10 декабря 1823 г. «Бахчисарайскій Фонтанъ» былъ дозволенъ цензурѣю и вскорѣ вышелъ въ свѣтъ 12.

Поэма принесла Пушкину ожидаемая денежныя выгоды. Видемскій сбылъ ее книгопродавцамъ съ большой пользой для автора. Никогда еще русскій писатель не получалъ такого гонорара, который достался Пушкину. 8 марта «Русс. Инвалитъ» (№ 59) писалъ: «Московскіе книгопродавцы купили новую поэму «Бахчисарайскій Фонтанъ», сочиненіе А. С. Пушкина, за 3000 руб. Итакъ, за каждый стихъ назначено по пяти рублей. Доказательство, что не въ одной Англіи и не одна англичане щедро рукою платятъ за изящныя произведенія поэзіи». Въ XIII № «Новостей Литературы», вышедшемъ въ апрѣлѣ, появилась замѣтка ки П. А. Видемскаго «О Бахчисарайскомъ Фонтанѣ не въ литературномъ отношеніи»: въ ней говорилось, что

8) Ibid., 82—83.

9) 10 стиховъ въ концѣ поэмы отъ Вѣтумы сорода въ ней летать. Пушкинъ откинулъ: они полнѣе, впервые въ изданіи Анненкова, т. VII, стр. 68.

10) Ibid., 84—85.

11) О нихъ см. въ исторіи текста.

12) См. ниже.

13) 17 января 1824 г. Видемскій писалъ А. Н. Тургеневу, что «Бахчисарайскій Фонтанъ» уже печатается, а 24 февраля Тургеневъ благодарилъ его за присылку окончательной поэмы (Остафьевскій Архивъ ки Видемскій, т. III) Пушкинъ получилъ ее лишь въ началѣ апрѣля (Черешневъ II, I, 102, 103).

книгопродавецъ Пономаревъ заплатилъ за поэму три тысячи руб., по пяти рублей за стихъ. Книгопродавцы уже поссорились между собою за честь быть издателями «Бахчисарайскаго Фонтана», и 1 мая Видемскій писалъ А. О. Воеикову: «Я слышу, что между книгопродавцами возникаетъ брань за «Бахчисарайскій Фонтанъ» 13) Въ маискомъ № (9) «Дамскаго Журнала» была помѣщена замѣтка, подписанная П. П. — въ «Еще нѣсколько словъ о Бахчисарайскомъ Фонтанѣ не въ литературномъ отношеніи» Въ ней было сообщено, что «Бахчисарайскій Фонтанъ купленъ не книгопродавецемъ Пономаревымъ, какъ было сказано въ XIII № «Новостей Русской Литературы», а книгопродавецемъ Ширяевымъ. Первый... былъ только посредникъ между книгопродавецемъ и почтеннымъ издателемъ киеземъ П. А. Видемскимъ, подумилъ за посредство 500 руб. и слѣдовательно не поспорить, если на 10 стр. XIII № «Новостей Русской Литературы» имъ это замѣнено именемъ Ширяева. Ширяевъ выдалъ за рукопись 3000 руб., принять на свой счетъ печатанье, стоившее 500 руб., присовокупя къ тому плату посреднику. Такимъ образомъ, каждый стихъ пришелся книгопродавцу не за пять, а почти за восемь рублей». Эта щедрая плата, необычная даже для нашего времени, приблизительно 2 р. 50 к. за стихъ на пышнѣйшія деньги, обрадовала и ободрила автора. Получивъ отъ Видемскаго часть денегъ, онъ писалъ ему 14): «начинаю почитать вашу книгу, книгопродавецъ и думать, что ремесло наше, право, не хуже другова. Одно мени затруднить: ты продалъ все издаше за 3000 р. а сколько же стоило тебѣ его напечатать? Ты все-таки даринь мени, безобветный! Ради Христа выжи изъ остальныхъ денегъ, что тебѣ слѣдуетъ, за пришли ихъ сюда. Роети имъ не за чѣмъ. А у мени имъ не залежаться, хоть я, право, не могъ Уиллачу старые долги и деньги за новую поэму». Видемскій увѣрялъ его и писалъ 15), что «ни кончки отъ себя не бросить въ Бахчисарайскій Фонтанъ».

Еще то повѣдѣніе въ печати поэма хотѣла по Петербургу въ рукописи, и Пушкинъ бранилъ брата, А. П. Тургенева, А. О. Воеикова, всюду читавшихъ ее, за нѣтъ милостивое пощеченіе» и его слѣды. «На что

13) Ср. Остаф. Архивъ, III, 38.

14) 8 марта 1824 г., изъ Олесева. Черешневъ II, I, 101—102.

15) Письмо 6 ноября 1824 г. Ibid. 146.

«это похоже?» — отшнывалъ Пушкинъ брата Льва Сергѣевича: «съ Петербургъ хотѣть тысяча списковъ — кто же послѣ будетъ покупать? Я на совѣтъ грѣха не пойду и душь. Ни я. Но мнѣ скажутъ: а какое тебѣ дѣло? Въдѣ ты издѣл свой 3000 руб., а тамъ хоть трава не расти. Все такъ, но жаль, если книгопродавцы, въ первый разъ поступившіе по-европейскій, обернутся и останутся въ накладь. — та впередъ невозможно и мнѣ будетъ продавать себя съ барынемъ. Такимъ образомъ, обязанъ я за все, про все — дружьемъ моею Славой, чертъ пухъ возьми и съ негодуя смотри, какъ бы съ голоду не окладѣть, а они кричатъ слава! Вышнѣ, душа моя, мнѣ на вѣхъ вѣсть досадно: требую отъ тебя одного: нашини мнѣ, какъ Фонтанъ расходуется, — или зашнись въ Гр. Хвостовы и самъ раскупило половину изданія»¹⁶⁾.

Подумивъ отпечатанную поэмю, Пушкинъ, который только теперь познакомился съ предисловіемъ Вяземскаго¹⁷⁾, писалъ ему въ началѣ апрѣля въ 1824 г.¹⁸⁾ «разговоръ предель, какъ мысли, такъ и блистательный способъ пухъ выраженія. Сужденія неоспоримы. Эта статья tour de force et affaire de parti... Твой разговоръ болѣе писанъ для Европы, чѣмъ для Руси... Брата я пожурилъ за рукописную извѣстность Бахчисарая... Одно лишь мѣсто не поправилось Пушкину въ «Разговорѣ» Вяземскаго — это похвала автору поэмы: «это неистовойство» — писалъ онъ брату¹⁹⁾ — «и въ Бахч. Ф. и дабыть замѣнить это Вяземскому», «Бахчисарайскій Фонтанъ» былъ встрѣченъ общимъ восторгомъ, и Пушкинъ радовался, что «Фонтанъ шумитъ»²⁰⁾. И сама поэмка, и «Разговоръ» Вяземскаго вызвали оживленные толки. Н. В. Анненковъ^{20а)} въ общемъ вѣрно резюмировалъ впечатлѣніе, произведенное поэмою въ печати: «Всѣ отбѣнки мнѣнній, раздѣлявшихъ литературу

нашу, слились при появленіи «Бахчисарайскаго Фонтана» въ одну похвалу неслыханной еще до того гармоній языка, небывалой у насъ роскоши стиховъ и описаній, какими отличалась поэмка. Въ ней витѣли торжество русскаго языка... Поэмка поразила критику, какъ образецъ романтизма, теорію котораго Вяземскій остроумно пытался обосновать въ своемъ предисловіи. Оно вызвало едва ли не больше разговоровъ, чѣмъ сама поэмка, и въ возгорѣвшуюся полемикѣ долженъ былъ вмѣшиваться самъ Пушкинъ, напечатанный въ «Сынѣ Отечества» письмо въ защиту Вяземскаго²¹⁾. Поэмка казалась «классикамъ» рядомъ такую еретическимъ повнествѣ, что Вяземскому пришлось отстаивать и слогъ ея, и выборъ вымысла, и техническіе приемы автора. Такой судья какъ Карамзинъ²²⁾ обратилъ вниманіе лишь на частности, не обращая вниманія на главное: «слогъ языкъ, черты прекрасныя, но въ дѣломъ не довольно силы и связи. О еяухъ слишкомъ много: рѣчь Заремы слаба, кромѣ пяти или шести стиховъ: окончаніе холодно». К. О. Рылѣевъ, познакомившись съ первой главой «Фонтана», призналъ ее шагомъ назадъ по отношенію къ «Бахчисарайскому Фонтану». Широкой публикѣ поэмка очень понравилась, «Татарская пѣсня» изъ «Фонтана» появилась въ приложеніи къ III ч. извѣстнаго альманаха «Мнемозина» съ музыкаю кн. В. О. Одоевскаго, 28 сентября 1825 г. въ Петербургъ была поставлена передѣлка «Фонтана» составленная кн. А. А. Шаховскимъ романтическая трилогія

21) М. А. Дмитриевъ отвѣчалъ Вяземскому Вторымъ разговоромъ между классикомъ и издателемъ Бахчисарайскаго Фонтана (Вѣсти Евр. 1824 г., мартъ № 5). Вяземскій повѣстилъ въ Дамскомъ Журналѣ (№ 7, апрѣль) статью: «О литературныхъ мистификаціяхъ по случаю...» и т. д. Дмитриевъ панечаталъ Отвѣтъ на статью: «О литературныхъ мистификаціяхъ» (Вѣсти Евр., № 7, апрѣль), на который Вяземскій возразилъ Разборомъ Второго Разговора (Дамск. Журн., № 8, апрѣль). Дмитриевъ отвѣчалъ Возраженіемъ на разборъ Второго Разговора (Вѣсти Евр., № 8, апрѣль), а въ манеронъ вышакѣ Дамск. Журн., № 9, появилось: «Мое послѣднее слово кн. Вяземскаго, которымъ окончилась полемика. См. Острофевск. Архивъ, т. III, стр. 27—43. Появились также дамытки — въ Понестяхъ Литературныхъ 1824 г., №№ 11 и 12; Благонамбреныи, ч. 26; стат. Вяземскаго въ Сынѣ Отечества, ч. 92, №№ 12 и 18; стат. А. Перовскаго (тамъ же, № 13); Интерг. Листки 1825 г., № 7; отвѣтъ В. Ошана на послѣднюю статью въ Русск. Шкаладѣ 1825 г., № 32.

22) Письма П. М. Карамзина къ П. П. Дмитриеву, Сиб., 1866, стр. 370—374.

16) Письмо 4 апрѣля 1824 г., изъ Одессы (ibid., 104—105). Еще въ началѣ января Пушкинъ писалъ брату (ibid., 94) — остается узнать, раскупились ли хоть одинъ экземпляръ печатнаго тѣмъ, у которыхъ есть полная рукопись, но это — бездѣлица, поэтъ не долженъ думать о своемъ прощаніи...

17) Жду съ нетерпѣніемъ твоего Фонтана, г. е. твоего предисловія писалъ онъ ему 8 марта (ibid., 102).

18) Ibid., 105—106.

19) Письмо 27 марта 1825 г., ibid., 199.

20) Ibid., 99, 101.

20а) Матеріалы для биографіи Пушкина, изд. 2-ое, стр. 97.

«Керимъ-Гирей, крымскій ханъ», съ пѣ-
ніемъ, хорами и танцами; Семенова играла
въ ней Зарему²³.

Уже въ сентябрѣ 1824 г. нѣсколько
книгопродавцевъ предлагали Пушкину че-
резъ Дельвига²⁴) продать имъ второе
изданіе поэмы. Но оно вышло лишь въ
1827 г. въ Петербургѣ и немного раз-
нится отъ перваго: оно было иллюстриро-
вано четырьмя гравюрами Галактионова,
воспроизведенными въ настоящемъ из-
даніи²⁵. Третье изданіе²⁶, безъ гравюръ
и предисловія Виземскаго, но съ прибавкой
письма Пушкина къ Дельвигу, вышло
также въ Петербургѣ, въ 1830 г. Четвертое
вышедшее при жизни поэта изданіе по-
явилось въ его «Поэмахъ и Повѣстяхъ»
1835 г., ч. I.

Интересно мнѣніе самого Пушкина о
«Бахчисарайскомъ Фонтанѣ». Писывая Ви-
земскому поэму, авторъ называетъ ее «без-
связными отрывками»²⁷; этотъ отзывъ онъ
повторилъ вскорѣ въ письмѣ къ Дельвигу²⁸:
«Безсвязные отрывки, за которые ты мнѣ
пожуришь, а все-таки похвалишь».

Черезъ нѣсколько лѣтъ, когда авторъ
усиленно давно оспаривать къ своему произве-
денію и стать безразличнымъ и даже
высказательнымъ критикомъ, онъ самъ пи-
салъ въ своихъ критическихъ замѣткахъ,
что «сцена Заремы съ Маріей имѣетъ дра-
матическое достоинство»: вспоминая, какъ
хохоталъ Александръ Раевскій надъ стихами,
въ которыхъ Гирей часто въ слѣмахъ роко-
выхъ подымалъ саблю и съ размахомъ пе-
вижимъ, остается вдумь, блѣтнѣть...
Пушкинъ и самъ признаетъ, что «молодые
писатели вообще не умѣютъ изобразить
физическія движенія страстей. Ихъ герои
всегда сопротивляются, хохотуль, шло, скре-
жещуть зубами и проч. Все это смѣшно,
какъ мелодрама».

23 Черенишка II, I, 177, 189.

24 П. Араповъ, «Историческое гетра-
Сиб», 1861 г., стр. 373—375.

25 Писемю Тедальма къ Пушкину 10 сеп-
тября 1824 г. (Черенишка II, I, 131).

26 О второмъ изданіи поэмъ замѣтка въ
«Москов. Телеграфѣ» 1827 г., ч. 18, стр. 234—235
и «Северн. Вѣстн.» 1827 г., N 132 (списокъ Пор-
фирія Владиславича Банскаго посыл. Ор. Соколова;
на него по поводу отзыва въ «Славянинѣ»
Воскова, 1828 г., ч. 2, N 13, стр. 30—31).

27 О третьемъ изданіи была вышеназванна за-
мѣтка въ «Литерат. Газетѣ» 1830 г., т. I, N 22,
стр. 177—178.

28 Черенишка II, I, 82, письмо 4 ноября
1824 г.

29 16 ноября 1824 г. (ibid., 87).

Поэтъ считалъ «Фонтанъ» слабѣе «Кав-
казскаго Пастышка» (см. цитированныя
критическія замѣтки). Съ нимъ не согласи-
лись, однако, ни П. А. Погодинъ (1833 г.), ни
Бллинскій (1844 г.). Великій критикъ пишетъ
въ авторѣ «Бахчисарайскаго Фонтана»
«молодого поэта, еще несомнѣнными паль-
цами пробующаго извлекать изъ музыкаль-
наго инструмента самобытные звуки, плоды
первыхъ, горячихъ вдохновеній... Въ основѣ
поэмы лежитъ мысль до того огромная,
что она могла бы быть поэтъ силу только
вполнѣ развитишемусь и возмужавшему та-
ланту: очень естественно, что Пушкинъ не
совпадалъ съ нею и можетъ быть оттого-то
и былъ къ ней уже слишкомъ строгъ». Еще
въ 1835 г. Бллинскій высказалъ²⁹, что
«въ лицѣ Гирей выражена мысль, что
чѣмъ шире и глубже душа человека, тѣмъ
менѣе способенъ онъ удовлетворить себя
чувственными наслажденіями». Теперь Бл-
линскій даже опредѣляетъ свою мысль:
«Въ лицѣ татаринѣ, посвященномъ та-
тарской любовью, вдумь вспыхиваетъ бо-
льшее человеческое и высокое чувство къ
женщинѣ, которая мучда всего, что со-
ставляетъ прелесть владыки, и что можетъ
принять вкусъ азіатскаго варвара. Въ Ма-
ріинѣ все европейское, романтическое: это
дѣва среднихъ вѣковъ, существо кроющее,
скромное, тѣсно благочестивое. И чувство,
неволью внушенное ею Гирею, есть чув-
ство романтическое, рыцарское, которое
перевернуло вверхъ ногами татарскую на-
туру леснота-разбойника. Самъ не понимая,
какъ, почему и для чего, онъ увлечается
связью этой беззащитной красоты, онъ
варваръ, для котораго взаимность женщины
никогда не была необходимыми условіемъ
истиннаго наслажденія, — онъ беретъ себя
въ отношеніи къ ней почти такъ, какъ на-
дѣвши средннихъ вѣковъ... Смертью Маріинѣ
не кончился для хана мука неразвѣщенной
любви... Маріинѣ взяла всю жизнь Гирей:
встрѣча съ нею была для него минутой
перерожденія, и если онъ отъ новаго не-
вѣдомаго ему чувства, вдохнутого ею, еще
не сдѣлалъ человекомъ, то животное въ
немъ умерло, и онъ пересталъ быть тата-
риномъ, comme il faut. Итакъ, — мысль
поэмы: перерожденіе, если не просвѣдѣніе,
никогда души черезъ высокое чувство
любви»... И, отбѣивши мелодрамматизмъ

30 Полное собр. соч. Бллинскаго, под. ред.
С. А. Венгерова, т. II, стр. 283.

31 Анод. Григорьевъ, «Сочин. Пушкина на
дѣлѣ Гирей, мученичской страсти».

сцены Заремы съ Маріей, посмѣявшись вмѣстѣ съ Александромъ Раевскимъ и самимъ поэтомъ надъ романтическимъ татаринкомъ, неестественно содрагающимся «въ свѣчахъ роковыхъ», и указавъ «много частности обаятельно прекрасныхъ», великій критикъ заканчиваетъ свое сужденіе о «Бахчисарайскомъ Фонтанѣ» восторженной похвалою: «это — прекрасный, благоухающій цѣлокъ, которымъ можно любоваться безотчетно и безребовательно, какъ всѣми юношескими произведеніями, въ которыхъ полнота силъ замѣняетъ строгую обдуманность концепціи, и роскошь щедрой рукой разбросанныхъ красокъ — строгую отчетливость выполненія»³²). Защищая однажды Пушкина противъ нападковъ В. П. Боткина, Блшнскій писалъ ему 27 февраля — 1 марта 1840 г.: «въ послѣднее время мнѣ открылся «Бахч. фонтанъ»: мнѣ кажется, я въ состояніи написать объ этой вѣщешней шестѣ цѣлую книгу — великое мировое созданіе»³³). Одна изъ лучшихъ оцѣнокъ поэмы принадлежитъ Н. А. Когляревскому³⁴, который прекрасно оцѣнилъ богатый элементъ личныхъ душевныхъ переживаній, такъ причудливо сплетенныхъ съ роскошнымъ узоромъ поэмы: «вѣсь любви и вѣсь личныхъ, интимныхъ воспоминаній, своего рода перлъ любовной лирики, вставленный въ оправу художественныхъ описаній природы... Субъективность художника сказывается въ глубокомъ пониманіи психологій любви, любви то страстной, то примиренной съ отказомъ, то дѣлкой и воздушной, неудовимо тонкой!».

Современная поэту критика обратила вниманіе на сходство героевъ «Бахчисарайскаго Фонтана» съ героями Байрона. Пушкинъ самъ признавалъ, что Фонтанъ «отзывается членомъ Байрона, отъ котораго я съ ума сходилъ». Когда кто-то «критиковалъ» жгучія очи Заремы, Пушкинъ³⁵ не

могъ съ нимъ согласиться, потому что «дѣло шло о Востокѣ! Слово восточный было для меня образцомъ, сколько возможно намъ, благоразумнымъ, холоднымъ европѣйцамъ: не люблю я Мура, потому что онъ черезчуръ уже восточенъ»³⁶). Онъ подражаетъ ребячески и уродливо — ребячеству и уродливости Саади, Гафиза и Магомета. Европеецъ и въ усвоеніи восточной роскоши долженъ сохранить вкусъ и взоръ европѣйца. Вотъ почему Байронъ такъ и предестель въ «Гяурѣ», въ «Абидосской невѣстѣ» и проч. Образы «Бахчисарайскаго Фонтана» наминаютъ героевъ «Гяура», «Корсара», «Абидосской невѣсты». Вообще справедливо мнѣніе В. В. Сиповскаго³⁷, что сходство «Бахчисарайскаго Фонтана» съ поэмами Байрона внешнее и неглубокое — «простое подражаніе манерѣ пользоваться *couleur locale*, подходящимъ колоритомъ; вліяніе же внутренняго мы здѣсь не найдемъ, — ни одинъ герой этой поэмы не говоритъ отъ сердца самого Пушкина, ни одному изъ нихъ не вложилъ онъ, подобно Байрону, гордыхъ рѣчей своего разочарованнаго сердца...»

Нѣли годы. Накопивъ въ душѣ много «прозаическихъ бредней», житейскаго «пестраго сору», готовясь уже разстаться съ «страннымъ снутикомъ» своей молодости — Овѣинымъ, Пушкинъ тоскливо оглядывается на прошедшій путь, воспоминалъ невозвратное прошлое, полное перастраченной свѣжести и невсугнутыхъ надеждъ:

Таковъ ли былъ я, расцвѣтая?
Скажи, Фонтанъ Бахчисарая!
Такія ль мысли мнѣ на умъ
Навель твой безконечный шумъ.
Когда безмолвно предъ тобою
Зарему я воображалъ...

Н. Лернеръ.

32) «Сочиненія В. Блшнскаго, ч. МП, М., 1860, стр. 44—450.

33) А. П. Пышинъ, «Блшнскій, его жизнь и перенеска», изд. 2-ое, 1908 г., стр. 293.

34) «Литературныя направленія Александровской эпохи», Сиб., 1907 г., стр. 100—101.

35) Перенеска П., I, 206—207.

36) Эта чрезмерная, вычурная «восточность», которая такъ не нравилась Пушкину у Т. Мура, бьетъ въ глаза въ сонетахъ Мцѣвевича, навѣянныхъ Бахчисараемъ.

37) Пушкинъ, Байронъ и Шатобрианъ» Сиб., 1899 г., стр. 49. Ср. также статью П. П. Дашкевича.

РАЗГОВОРЪ

между издателемъ и классикомъ съ Выборгской стороны, или съ Васильевского острова ¹⁾.

Кл. Правда ли, что молодой Пушкинъ печатаетъ новую, третью Поэму, то есть, поэму по романтическому значенію, а по нашему, незнаю какъ и назвать.

Изд. Да, онъ прислалъ *Балчисарайской фонтанъ*, котораго здѣсь теперь и печатается.

Кл. Нельзя ли пожалѣть, что онъ много пишетъ: скоро выищется.

Изд. Пророчества оправдываются событіемъ: для повѣрки нужно время; а между тѣмъ замѣчу, что если онъ пишетъ много въ сравненіи съ нашими поэтами, которые почти ничего не пишутъ; то пишетъ мало въ сравненіи съ другими своими Европейскими сослуживцами. Бевронъ, Вальтеръ Скоттъ и еще нѣкоторые неумоимо пишутъ, и читаются не утомимо.

Кл. Выставка этихъ двухъ Британцевъ, вы думаете закатъ роль критикъ и возраженій! Напрасно! Мы своенства перобкаго! Нельзя судить о дарованіи писателя по пристрастію къ нему суевѣрною черни читателей. Своенравная, она часто оставляетъ безъ вниманія писателей достойнѣйшихъ.

Изд. Не съ достоиннѣйшимъ ли писателемъ имѣю честь говорить?

Кл. Эпиграмма — не сужденіе. Дѣло въ томъ, что пора истинной, классической литературы у насъ миновалась...

Изд. А я такъ думаю, что еще не настала...

Кл. Что нынѣ завелась какая-го школа новаго, нѣкъмъ не признавая, кромѣ себя самой; не слѣдующая никакимъ правиламъ, кромѣ своей прихоти, исхважающая языкъ Ломоносова, пишущая на обумъ, цеголюющая новыми выраженіями, новыми словами...

Изд. Взятыми изъ Словаря Россійской Академіи, и коимъ новые поэты возвратили въ языкъ нашъ право гражданства, похищенное, не знаю, за какое преступленіе и безъ суда; ибо то сей поры мы руководствуемся болѣе употребленіемъ, которое свергнуто быть можетъ употребленіемъ новымъ. Законы языка нашего еще не приведены въ уложеніе; и какъ жаловаться на новизну выраженій? Развѣ прикажете погнѣшить языкъ и поэтовъ нашихъ Битанской неподвижности? Смотрите на природу! лица человѣческія, составлены изъ однихъ и тѣхъ же частей, различ-

ны не всѣ въ одну физиогномію, а выраженіе есть физиогномія словъ.

Кл. За чѣмъ же по крайней мѣрѣ давать Русскимъ словамъ физиогномію Шмидскую? Что значить у насъ этотъ духъ, эти формы Германскія? Кто ихъ ввелъ?

Изд. Ломоносовъ!

Кл. Вотъ это забавно!

Изд. А какъ же? Развѣ онъ не бралъ въ нововводимомъ стихосложеніи своемъ съемки съ формъ Германскихъ? Развѣ не поражають онъ современнымъ Шмидомъ? Скажу болѣе. Возмите три знаменитыя эпохи въ исторіи нашей литературы, вы въ каждой найдете отпечатокъ Германской. Эпоха преобразованія, сдѣланная Ломоносовымъ въ Рускомъ стихословствѣ; эпоха преобразованія въ Руской прозѣ, сдѣланная Карамзиннымъ; нынѣшнее волненіе, волненіе романтическое и противозаконное, если такъ хотите назвать его, не явно ли показываютъ господствующую склонность литературы нашей! И такъ наши поэты современники слѣдуютъ движенію, данному Ломоносовымъ; различіе только въ томъ, что онъ слѣдовалъ Гинтеру и нѣкоторымъ другимъ изъ современниковъ, а не Гете и Шиллеру. Да и у насъ ли однихъ Германскія Музы распропаганго свое владычество? Смотрите и во Франціи,—въ государствѣ, которое, по крайней мѣрѣ въ литературномъ отношеніи, едва не оправдало честолюбиваго мечтанія о *Всѣмирной державѣ*, и во Франціи, сія хищницы приѣмлютъ уже нѣкоторое господство, и вытѣсняють мѣстныя, наследственныя Власти. Поэты, современники наши не болѣе грѣшны поэтовъ предшественниковъ. Мы еще не имѣемъ Рускаго покроя въ литературѣ; можетъ быть и не будетъ его, потому что нѣтъ; но во всякомъ случаѣ поэзія повнѣшая, такъ называемая романтическая, не мѣше намъ сроща, чѣмъ поэзія Ломоносова или Лераскова, которую вы силитесь выставить за классическую. Что есть варноста въ Петріадѣ и Россіадѣ, кромѣ имени?

Кл. Что такое варноста въ словесности? Этой фигурѣ нѣтъ ни въ Шиллѣ Архистотеля, ни въ Шиллѣ Горациа.

Изд. Нѣтъ ея у Горациа въ Шиллѣ, но есть она въ его твореніяхъ. Она не въ привилеяхъ, но въ чувствахъ. Отпечатокъ варноности, мѣстности; вотъ что составляетъ, можетъ быть, главное существован-

¹⁾ Предисловіе къ П. А. Вяземскаго къ 1-му изд. Бума. Фонтана. Повторено въ изд. 1827.

нѣвшее достоинство Древнихъ, и утверждать имъ право на вниманіе потомства. Глубокомысленный Миллеръ не даромъ во Всеобщей Исторіи *) своей указалъ на Катулла въ числѣ источниковъ, и упомянулъ о немъ въ характеристикахъ того времени.

Кл. Ужъ вы, кажется, хотите въ свою вольницу Романтиковъ завербовать и древнихъ классиковъ. Того смотри, что и Гомеръ и Вергилій были Романтики.

Изо. Назовите ихъ, какъ хотите: но нѣтъ сомнѣній, что Гомеръ, Гораций, Делъиль имѣють гораздо болѣе средства и соотношеній съ главами Романтической школы, чѣмъ съ своими холодинами, рабскими последователями, кои спялятся быть Греками и Римлянами зашимъ числомъ. Не уже ли Гомеръ сотворилъ Илиаду, предъидывая Аристотеля и Лопшова, и въ угожденіе какой-то *классической сощети*, еще тогда не вымышленной? Да и позвольте спросить у себя и у старѣйшихъ вашихъ, определено ли въ точности, что такое *Романтическій родъ*?, и какия имѣеть онъ отношенія и противуположности съ *классическимъ*? Признаюсь, по крайней мѣрѣ за себя, что еще не случилось мнѣ отыскать ни въ книгахъ, ни въ умѣ своемъ, сколько о томъ ни читалъ, сколько о томъ ни думалъ, полного, математическаго, удовлетворительнаго рѣшенія этой задачи. Многие вбрюютъ въ классическій родъ потому, что такъ имъ вѣчно: многие не признають Романтическаго рода потому, что онъ не имѣеть еще законодателей, обзавшихъ въ вѣрности безусловной и безирекословной. На романтизмъ смотрять, какъ на анархію своевольную, разрунительную постановленій, освященныхъ тревностію и сусвѣриемъ. Шлегель и Г-жа Сталь не облечены въ латы свищовато-педаггства, отъ нихъ не несетъ схоластическою важностію, и правила ихъ для нѣкоторыхъ людей не имѣють вѣса, потому что не налагають съ важностію: не все изъ насъ поддается заманчивости, увлеченію, многие только что поработаютъ господству. *Спадо порражательнѣй*, о коняхъ говорить Гораций, не переводится изъ рода въ родъ. Что дѣйствуетъ на умъ многихъ учениковъ? Добрая указка, съ коюй учили по папдамъ вбивають умъ въ своихъ слушателей. Чѣмъ пастырь гонить свое стаю по дорогѣ прогонной? Твердымъ посохомъ. Наша братья любятъ рабодвствовать...

Кл. Вы такъ много мнѣ дѣлье погово-

рили, что я не успею къ стати сдѣлать отпоръ вамъ слѣдующимъ возраженіемъ: Доказательствомъ, что въ романтической литературѣ нѣтъ никакого смысла, можетъ служить то, что и самое названіе ея не имѣеть смысла, опредѣленнаго, утвержденнаго общими условіемъ. Вы сами признались въ томъ! весь свѣтъ знаетъ, что такое классическая литература, что она требуетъ...

Изо. Потому что условились въ опредѣленіи, а для романтической литературы еще не было времени условиться. Начало ея въ природѣ: она есть; она въ обращеніи, но не поступила еще въ руки анатомиковъ. Дайте срокъ! придетъ часъ, педагогство и на ея воздушную одежду положитъ свое свищовое клеймо. Въ которомъ нибудь столѣтіи Байронъ, Томасъ Муръ, какъ шайбъ Авакренъ или Овидій попадутся подъ рѣзецъ пещлителей, и цвѣты ихъ яркои и свѣжей поэзіи потускнѣють отъ кабинетной пыли, и закончатся отъ лампаднаго чага комментаторовъ, антикваріевъ, схоластиковъ: прибавимъ, если только въ будущиу столѣтіяхъ найдется люди, живущіе чужимъ умомъ и кои, подобно Вампирамъ, роются въ гробахъ, сложуть и жуютъ мертвыхъ, не забывая притомъ кусать и живыхъ...

Кл. Позвольте, между тѣмъ, замѣтить вамъ мимоходомъ, что ваши отступленія совершенно романтическія. — Мы начали говорить о Пушкинѣ, отъ чего кънуло насъ въ древность, а теперь забѣжали вы и въ будущія столѣтія.

Изо. Виновать! я и забылъ, что для вашего брата классика такіе походы не въ силу. Вы держитесь единства времени и мѣста. У васъ умъ домосѣдъ. Извините—я остененосъ: чего вы отъ меня желаете?

Кл. Я желалъ бы знать о содержаніи такъ называемой поэмы Пушкина. Признаюсь, изъ заглавія не понимаю, что гуть можетъ быть годнаго для поэмы. Понимаю, что можно написать къ *фонтану* стансы, даже оду...

Изо. Да, тѣмъ болѣе, что у Горация уже есть *Блиновскій ключъ*.

Кл. Впрочемъ мы романтиками пріучены къ нечаянностямъ. Заглавіе у нѣхъ эластическаго свойства: стоить только захотѣть и оно обхватитъ все видимое и невидимое: или общаеть одно, а исполнить совершенно другое. Но расскажите мнѣ...

Изо. Преданіе, известное въ Крыму и понынѣ, служило основаніемъ поэмѣ. Рассказываютъ, что Ханъ Керимъ Гирей похитилъ красавицу Потоцкую, и содержалъ

*) Quellen der Geschichte der Röm. r.

се въ Бахчисарайскомъ гаремѣ: полагають также, что оны были обвиняемы съ нею. Преданіе сіе сомнительно и Г. Муравьевъ-Анустоль въ *путешествіи своемъ по Турцію*, печатно изданномъ, возражаетъ, и кажется довольно основательно, противъ извѣстія сего разказа. Какъ бы то ни было, сіе преданіе есть достойное поэзіи.

Кл. Такъ! въ наше время обратилъ Музей въ разсказицъ всякихъ небывлицъ! Гдѣ же достоинство поэзіи, если питать ее одними сказками?

Изд. Исторія не должна быть легковѣрна: поэзія напротивъ. Она часто порождаетъ тѣмъ, что первая отвергается съ презрѣніемъ, и нашъ поэтъ очень хорошо сдѣлалъ, присвоивъ поэзіи Бахчисарайское преданіе, и обогативъ его правдоподобными вымыслами: а еще и того лучше, что оны воспользовался тѣмъ и другимъ съ отличнымъ искусствомъ. Цѣль мѣстности сохранивъ въ повѣствованіи со всею возможною свѣжестью и яркостью. Есть отпечатокъ Восточныи въ картинахъ, въ словахъ, чувствахъ, въ словѣ. Но мнѣнію сущи, концы приговоръ можетъ считаться окончательнымъ въ свѣдѣнности нашей, поэтъ явилъ въ новомъ произведеніи признаки дарованія дѣющаго болѣе и болѣе.

Кл. Кто эти судьи? мы другихъ не признаемъ, кромѣ *Вѣстника Европы* и *Клятвопреступнаго*; и то потому, что ишемъ съ ними за одно. Дождемся, что они скажутъ!

Изд. Живите съ Богомъ! а я пока скажу, что разсказъ у Пушкина живъ и занимателенъ. Въ произведеніи его виденія много. Въ раму довольно тѣсно вложить оны убійство полное, не отъ множества лицъ и сцѣлений различныхъ приключеній, но отъ искусства, съ какимъ поэтъ умѣлъ выставить и отбросить главныя лица своего повѣствованія! *Дѣйствіе* зависить, такъ сказать, отъ *отягчленности* дарованія: словъ прикачетъ ему крылья или сирями заметлетъ хоть его. Въ твореніи Пушкина участіе читателя поттерживается съ начала до конца. До этой гайки иначе достигнуть нельзя, какъ заманчивостью слога.

Кл. Со всѣмъ тѣмъ я увѣренъ, что, по обыкновенію романтическому, все это дѣйствіе только слегка обозначено. Читатель въ подобныхъ случаяхъ долженъ быть потмастеремъ автора и за него показывать. Легкіе намеки, туманныя задатки: вотъ материалы, подготовленные романтическимъ Поэтомъ, а тамъ читатель тѣши изъ нихъ, что хочетъ. Романтическою дотчи оставля-

еть на произволъ каждому распоряженіе и устройство знанія — сущаго воздушнаго замка, не имѣющаго ни плана, ни основанія.

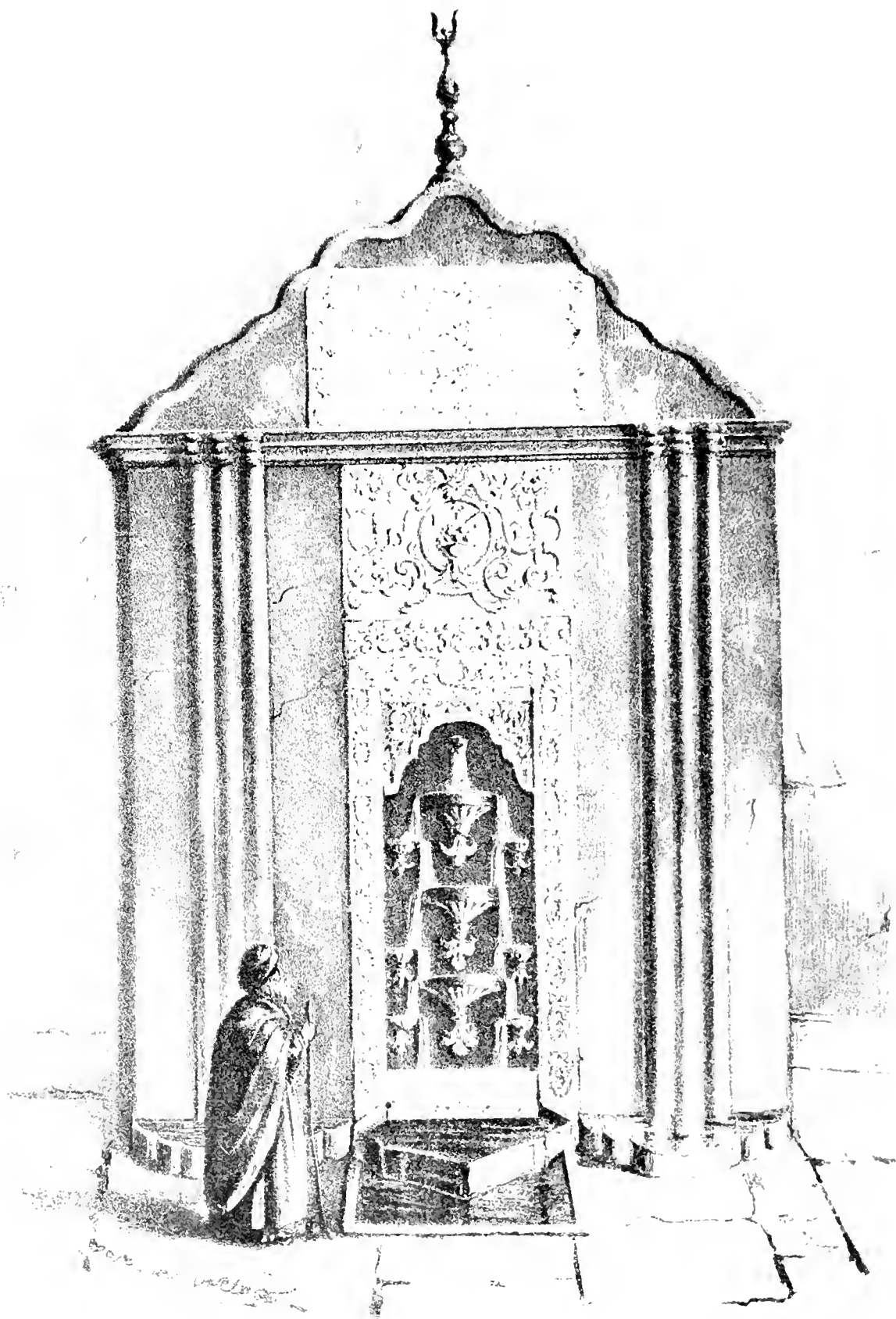
Изд. Вамъ не довольно того, что вы передъ собою видите знаніе красивое: вы требуете еще, чтобъ видѣнь было и остоу его. Въ изящныхъ твореніяхъ довольно одного дѣйствія общаго: что за охота видѣть производство? Твореніе искусства обманъ. Чѣмъ менше выказывается прудическая связь въ частяхъ, тѣмъ болѣе выгоды въ отношеніи къ цѣлому. Частныи мѣстоименія въ рѣчи замѣляютъ ее тепче, охлаждаютъ разсказъ. Есть въ подобреніи и въ вымыслѣ также свои *мѣстоименія*, отъ концы дарованіе старается отблываться удачными эллипсисами, да чѣмъ все выказывать, и на все напирать, когда имѣемъ дѣло съ людьми понятія тѣлельнаго и острого? а о людяхъ понятія дѣлельнаго, туманого и думать нечего. Это напоминаетъ мнѣ объ одномъ классическомъ читателѣ, который инакъ не понималъ, что сдѣлалось въ *Божескомъ Пляжничкѣ* съ Черкешенкою при стихахъ:

И при думѣ въ водахъ паскущихъ

Струетныи излезаетъ крутъ.

Оны пивать Поэту, да чѣмъ тотъ не обдѣлалъ его догадливости, сказавъ прямо и буквально, что Черкешенка бросилась въ воду и утоула. Оставимъ пруду для прозы! И такъ довольно ея въ житейскомъ быту и въ стихотвореніяхъ, печатаемыхъ въ *Вѣстникѣ Европы*.

P. S. Тутъ Классикъ мой оставилъ меня съ горочливостію и тѣвномъ, и мнѣ вду малость положить на бумагу разговоръ, пропехотившии между нами. Перечитывая его, мнѣ ввало въ умъ, что могуль потозрѣвать меня въ дукаствѣ: скажусь: Платель нарочно ослабилъ возраженія своего противника, и съ умьеломъ утаивъ все, что могло вырваться у него дѣлельнаго на защиту своего мнѣнія! Переть недовѣрчивостію оправдываться направо! но ну скаи обвинители мои примуть на себя грузъ перечитать все, что въ пивоторыхъ изъ журналовъ нашихъ было сказано и перъ сказано на счетъ романтическыхъ омиговъ, и вообще на счетъ новаго поколѣнія Поэтии нашей: если изъ всего того выключить грубыя личности и пошлосты на смѣшки, то безъ сомнѣнія каждый легко увѣрителъ, что мои собесѣдники потъ пару своимъ журнальнымъ клеркамъ.

ФОНТАНЪ СЛЕЗЪ ВЪ БАХИНСАРАЙСКОМЪ ДВОРЦѢ.
Съ рѣской литографии изъ коллекции П. А. Ефремова.

Рисунокъ Галактионова (1827) съ подлинника, пришло изъ жизни теперь Импер. Александровскаго Лицея.

370. БАХЧИСАРАЙСКИЙ ФОНТАНЪ.

Гирей сидѣлъ, потупи взоръ:
Янтарь въ устахъ его дышавъ;
Безмолвно работавшій дворъ
Вкругъ хана грознаго тѣнилъся.
Все было тихо во дворцѣ:
Благоговѣя, всѣ читали
Примѣлы гнѣва и печали
На сумрачномъ его лицѣ.
Но повелитель горделивой
Махмудъ рукой истериваввой,
И всѣ, склонившись, шепъ вонъ.

Онѣмъ въ своихъ чертогахъ онѣ:
Свободнѣ друпъ его издыхаетъ;
Живѣ строгое чело
Воденше сердца выражаетъ:
Такъ бурны души отражаетъ
Дална дѣбкое стекло.

Что пиваетъ горюю душою?
Какою мыслью дивитъ онѣ?
На Русь ли вновь преть войною,
Несетъ ли Польшѣ свои законъ,
Горитъ ли мѣстнѣ кровию,
Открытъ ли въ войскѣ заговоръ.

Странится ли пародовъ горъ,
Нѣмъ водней Генуи лукавой?

Нѣмъ, онѣмъ скучаетъ брашноу славою,
Устала грозная рука;
Вонна отъ мыслей валека.

Ужель нѣмъ его гаремъ пивавъ
Стеденъ преступною вонна,
И точъ неволн, пивѣмъ и пивна
Гяуръ сердце отдала?

Нѣмъ, жены робкѣ Гирей,
Ни думать, ни желать не смѣя,
Пиваютъ въ умалой тишинѣ:
Ночь стражей бдительной и хланной
На доиъ скуки безогранной
Пиваютъ не вѣдаютъ онѣ,
Въ гнѣмъ хранительной темницы
Утаены нѣмъ красоты:
Такъ арабскѣ дѣвѣ
Живутъ за стеклами тѣнницы,
Для нихъ умалой чередой
Дни, мѣсяцы, дѣла проходить
И непримѣтно за собой
И младость и любовь уводить,
Однообразенъ каждый день,
И медленно часовъ теченье,
Въ гаремѣ жизнью править днѣмъ:
Мелькаетъ рѣвко наслажденье.

Младая жены, какъ пивудъ
Жедая сердце обмануть,
Миваютъ пиванные уборы,
Заводятъ игры, разговоры,
Нѣмъ при шумѣ водъ живыхъ,
Надъ нихъ прозрачными струями
Въ прохладѣ яворовъ дустныхъ
Гуляютъ легкими роями,
Межъ ними ходитъ злой эвнумъ,
И дубитъ его нарасно:
Его ревнивый взоръ и слухъ
За всеми слѣдуетъ всечасно,
Его стараньемъ завѣтъ
Порядокъ вѣчный. Воля хана
Ему единственныи законъ:
Святую заповѣдь Корана
Не строже пиваютъ онѣ,
Его душа любви не проситъ:
Какъ пестукать, онѣ переносятъ
Насмѣшки, ненависть, укоръ,
Обида жалости нескромной,
Предрѣвие, просьбы, робкѣи взоръ,
И тихи вздохъ, и ронотъ томной.
Ему пиваетъ женскѣи нравъ:
Онѣ не смѣетъ, своѣи онѣмъ лукавъ
И на свободѣ, и въ неволѣ:
Взоръ пивавши, следъ упрекъ пивон
Невластна пать его душой:
Онѣ нѣмъ уже не пивитъ боля...

Раскинувъ легкѣе власы,

Какъ плусть пльвицы младая
 Кунаеть въ жаркіе часы,
 И льются воды ключевыя
 На нхъ волшебныя красы,
 Забавь нхъ сторожь неолдумныя,
 Онъ дуть; онъ вишь; равнодушныя,
 Прелестницъ обваженныя рои:
 Онъ по гарему въ тмѣ ночной
 Неллышными шагами бродить:
 Ступая тихо по коврамъ,
 Къ послушнымъ ерадетя дверямъ,
 Онъ дожа въ дожу переходить:
 Въ работѣ пьчюй, ханскую жѣнь.
 Роскошныя наблюдаетъ сонъ,
 Ночной подслушиваетъ денеть:
 Дыханье, вздохъ, малышій тренеть,
 Все жадно примѣчаетъ онъ;
 И горе той, чей шоволь сонной
 Чужое имя призывалъ,
 Или подружь благосклонной
 Порочны мысли доверять!

Чтожь половъ тругити умъ Гирей?
 Чубукъ въ рукахъ его подухъ:
 Недвижимъ и дохнутъ не смѣя,
 У двери дыака ждегъ звухъ,
 Встаеть задумчивый властитель:
 Предъ нимъ дверь настаетъ. Молча, онъ
 Идетъ въ завѣтную обитель
 Еще неавно мильныхъ жѣнь.

Безпечно ожидая хана,
 Вокругъ игриваго фонтана
 На шелковыхъ коврахъ онъ
 Толною рѣвою сидѣя
 И съ дѣтской радостью глядя,
 Какъ рыба въ ясной глубинѣ
 На мраморномъ ходила дѣй,
 Нарочно къ ней на дно швыя
 Роняли серыи золотыя,
 Кругомъ повольницы межъ тмѣ
 Шербеть последи ароматной,
 И пѣсню звонкой и пріятной
 Вдругъ отласили весь гаремъ.

ТАТАРСКАЯ ПѢСНЯ.

1.

«Даруетъ небо человѣку
 Замѣну слезъ и чистыхъ бѣдъ:
 Блаженъ факиръ, удрѣвшій Меку
 На старости печальныхъ лѣтъ.

2.

«Блаженъ, кто славный брегъ Дуная
 Своєю смертью освятилъ:
 Къ нему навстрѣчу два рая
 Съ улыбкой страстной полетилъ.

Рисунокъ Галктиѳова (1827); съ подлинника.

3.

«По тогъ блаженшій, о Зарема,
 Кто, миръ и небо возлюбя,
 Какъ розу, въ гинишѣ гарема
 Делбегъ, милая, тебѣ».

Онъ половъ. По гдѣ Зарема,
 Звѣзда любви, краса гарема?
 Ува, печальна и блѣда,
 Похвалъ не сдумаетъ она:
 Какъ пальма, смятая грозю,
 Пошкля юной головою:
 Ничто, ничто не мило ей:
 Зарему радибиль Гирей.

Онъ измѣнилъ!. По кто съ тобою,
 Грузинка, равень красотою?
 Вокругъ дилейнаго чела
 Ты косу дважды обвила:
 Твои пльвицельныя очи
 Ясебе дия, черѣе ночи,
 Чей голось выразить сильнѣй
 Порывы пламенныхъ желаній?
 Чей страстный пошлудъ живѣй
 Твоихъ язвительныхъ лобзаній?
 Какъ сердце, полное тобой,

Забьется для красы чуждой?
 Но, равнодушный и жестокой,
 Гирей предрѣль твои красы
 И ночи хладные часы
 Проводить мрачный, одинокой,
 Съ тѣхъ поръ, какъ Польская княжна
 Въ его гаремъ заключена.

Недавно юная Марія
 Узрѣла небеса мужья;
 Недавно милою красой
 Она цвѣла въ странѣ рожной;
 Свѣдой отецъ гордился ею
 И звалъ отрадою своею,
 Для старика была законъ
 Ея младенческая воля,
 Одну заботу вѣдалъ огъ,
 Чтобъ дочери любимой доля
 Была, какъ вешній день, ясна,
 Чтобъ и минутныя печали
 Ея души не помятали,
 Чтобъ даже замужемъ она
 Воспоминала съ умиленьемъ
 Дѣвичье время, дни забавъ,
 Мелькнувшихъ легкимъ сповиденьемъ,
 Все въ ней плавало: тихій нравъ,
 Движенья стройныя, живыя
 И очи томно-голубыя,
 Природы милые дары
 Она искусствомъ украшала;
 Она домашніе игры
 Волшебной арфой оживляла;
 Толпы вельможъ и богачей
 Руки Маріиной несли,
 И много юношей по ней
 Въ страданья тайномъ извивали,
 Но въ тишинѣ души своей
 Она любви еще не знала
 И недавнейшей досудъ
 Въ отцовскомъ замкѣ, межъ подружь,
 Оцѣмъ забавамъ посвящала.

Давно ль? И что же! Тмы татаръ
 На Польшу хлынули рвкою;
 Не съ столь ужасной быстротою
 Но жатвъ следетоя пожаръ,
 Обедраженныи войною,
 Цѣбуудіи край осиротѣлъ;
 Поезди мирныя забавы;
 Умыли села и дубравы,
 И обширнй замокъ опустѣлъ,
 Тиха Маріиша свѣдѣла...
 Въ домовои церкви, гдѣ кругомъ
 Почіюгъ мощи хладныи спомъ,
 Съ короной, съ княжескимъ гербомъ,
 Водвиглась новая гробница...
 Отецъ въ могилѣ, дочь въ пѣлну,
 Скупои наследникъ въ замкѣ правитъ,
 И тягостнымъ ярмомъ бездланитъ

Опустошенную страну.

Увы! Дворецъ Баухсаран
 Скрываетъ юному князю:
 Въ неволѣ тихой уваяя,
 Марія плачетъ и тоскуетъ,
 Гирей несчастную щадитъ:
 Ея унынье, слезы, стоны
 Тревожатъ хана краткій сонъ,
 И для нея смываетъ онъ
 Гарема строгіе законы,
 Устроимый сторожъ ханекву жѣнь
 Ни днемъ, ни ночью къ ней не входитъ;
 Рукѣ заботливой не онъ
 На доже сна ее возводитъ;
 Не смѣетъ устремиться къ ней
 Обидный взоръ его очей;
 Она въ кунальнѣ потаенной
 Одна съ невольницей своей;
 Самъ ханъ боится дѣвы пѣвицы
 Печальный возмущать поконъ;
 Гарема въ дальнемъ отдѣленѣ
 Позволено ей жить одной;
 И, мнитъ, въ томъ уединенѣ
 Собрался нѣкто подземной,
 Тамъ день и ночь горитъ лампата
 Прель ликомъ Дѣвы Пресвятой;
 Души тоскующей отрада,
 Тамъ уюванье въ тишинѣ
 Съ смиренной вѣрой обитаетъ,
 И сердцу все напоминаетъ
 О близкой, лучшей сторонѣ...
 Тамъ дѣва слезы проливаетъ
 Влади завистливыхъ подружь;
 И между тѣмъ, какъ все вокругъ
 Въ безумной пѣлѣ утоааетъ,
 Святыню строгою скрываетъ
 Спасенный чуждомъ уголокъ,
 Такъ сердце, жертва заблуждений,
 Среди порошныхъ уюений,
 Хранитъ одинъ святой затокъ,
 Оно божественное чувство

Настала ночь; покрывалъ сѣнью
 Тавриды сладостной полѣ;
 Влади подъ тихой завровъ сѣнью
 Я слышу пѣнье соловья;
 За хоромъ дѣлать луна возходитъ;
 Она съ безоблачныхъ небесъ
 На толы, на холмы, на дѣвъ
 Сіише томное павонитъ,
 Покрываетъ блѣнъ цѣлои,
 Какъ тѣни легкія мелькая,
 По улицамъ Баухсаранъ,
 Пѣль дома въ томъ, она къ трюмои,
 Простыхъ Татаръ сѣлнать сууроти
 Дланть вечерніе посути,
 Дворецъ угнулъ; уснулъ гаремъ,
 Объяннй пѣнои безмятежнѣи:

Не прерывается ничѣмъ
 Спокойство ночи. Стражъ надежной,
 Дозоромъ обогнелъ эвнухъ.
 Теперь онъ спитъ; но страхъ приближнн
 Тревожитъ въ немъ и свящій духъ.
 Намъ вѣсь вѣсчасныхъ ожиданье
 Покоя не даетъ уму.
 То чей-то шорохъ, то шептанье,
 То крики чудятся ему:
 Обманутый невѣрнымъ сномъ,
 Онъ пробуждается, дрожитъ,
 Науганнымъ прикинувъ ухомъ...
 Но все кругомъ его молчитъ:
 Одни фонтаны сладкозвучны
 Изъ мраморной темницы бьются,
 И съ милой розой перазвучны
 Во мракѣ соловьи поютъ:
 Эвнухъ еще имъ долго внемлетъ,
 И снова сонъ его объемлетъ.

Какъ мила темная краса
 Ночей роскошнаго востока!
 Какъ сладко льются изъ часы
 Для обожателей Пророка!
 Какая пѣсн въ ихъ домахъ,
 Въ очаровательныхъ садахъ,
 Въ тени гаремовъ безопасныхъ,
 Гдѣ подъ вліяніемъ души
 Все полно тайнъ и тишины
 И вдохновеній сладострастныхъ!

Всѣ жены сняты. Не спитъ одна.
 Едва дыша, встаетъ она:
 Идетъ рукою торопливой
 Открыла дверь; во тѣмъ ночной
 Ступаетъ легкою ногой...
 Въ дремотѣ чуткой и пугливой
 Предъ ней лежитъ эвнухъ съдой.
 Ахъ, сердце въ немъ неумолимо:
 Обманчивъ сна его покой!...
 Какъ духъ, она проходитъ мимо.
 Предъ нею дверь съ недоумѣньемъ
 Ея дрожащая рука
 Коснулась вѣрнаго замка...
 Вошла, взираетъ съ изумленьемъ...
 И тайный страхъ въ нее прошель.
 Лампады свѣтъ уединенный,
 Кивотъ, печально озаренный,
 Пречистой Дѣвы кроткій ликъ,
 И Крестъ, любви символъ священннй...
 Грузинка, все въ душѣ твоей
 Родное что-то пробудило,
 Все звуками забытыхъ дней
 Невнятно вдругъ заговорило,
 Предъ ней повоилась княжна,
 И жаромъ дѣвственнаго сна
 Ея ланиты оживлялись
 И слезъ являя свѣжій слѣдъ,
 Улыбкой томной озарилась

Рисункъ Галактионова (1827); съ подлинника.

Такъ озаряетъ лунный свѣтъ
 Дождемъ отягощеннй цвѣтъ;
 Спорхнувшій съ неба, сытъ адема,
 Казалось, ангель почиваль
 И сонный слезы проливалъ
 О бѣдной плѣвницѣ гарема...
 Увы, Зарема, что съ тобой!
 Стѣснилась грудь ея тоской,
 Невольно клонится колѣнъ,
 И молитъ: «скажешь падо мной,
 Не отвергай мнѣ молений!»...
 Ея слова, движенье, стоить
 Прервали дѣвы тихій сонъ.
 Княжна со страхомъ предъ собою
 Младую незнакомку зрять:
 Въ смятеннѣ, гренетной рукою
 Ее подьемля, говорить:
 «Кто ты?.. Одна, порой ночью,
 Зачѣмъ ты здѣсь?» — И шла къ тебѣ:
 Спаси меня: въ моей судьбѣ
 Одна надежда мнѣ осталась...
 Я долго счастьемъ наслаждалась,
 Была безмечтнй день отъ дня...
 И тѣнь блаженства миновалась:
 Я гибну. Выслушай меня.

Родилась я не здѣсь, далеко,
 Далекю... по минувшихъ дней

ЗАРЕМА и МАРИЯ.

Рис. Зели.

(По фотографии съ очень рѣдкой литографіи Поля Пети, около 1860-го г. Изъ Пушкинской коллекции П. Е. Рейнбота).

Предметы въ памяти моей
 Доныиъ вѣданы глубоко,
 Я помню горы въ небесахъ,
 Потоки жаркіе въ горахъ,
 Непроходимая дубрава,
 Другой законъ, другіе нравы,
 Но почему, какой судьбой
 Я край оставила родной,
 Не знаю: помню только море
 И челоуѣка въ вѣшнѣхъ
 Надъ парусами...

Страхъ и горе

Доныиъ чужды были миѣ:
 Я въ безмятежной тишинѣ
 Въ тѣни гарема раздвѣтала
 И первыхъ опытовъ любви
 Послушнымъ сердцемъ ожидала,
 Желанья гнѣныя мои
 Сбылись, Гирей для мирной вѣги
 Войну кровавую презрѣлъ,
 Пресѣкъ ужасныя набѣги
 И свой гаремъ опять узрѣлъ,
 Предъ хана въ смутномъ ожиданьи
 Предстали мы, онъ свѣдѣли взоръ,
 Остановилъ на миѣ въ молчаньи,
 Позвалъ меня... и съ этихъ поръ
 Мы въ безпрерывномъ уношеньи,
 Дышали счастьемъ: и ни разъ,
 Ни клевета, ни подозрѣнье,
 Ни злобой вѣрности мученье,
 Ни скука не смущала насъ,
 Марія, ты предъ нимъ явилась...
 Увы, съ тѣхъ поръ его душа
 Преступной думой омрачилась!
 Гирей, измѣною дыша,
 Моихъ не сдѣлаешь укоровъ:
 Ему доучень сердца стоить:
 Ни прежнихъ чувствъ, ни разговоровъ
 Со мною не находятъ онъ,
 Ты преступленно не причастна:
 Я знаю, не твоя вина...
 И такъ послушай: я прекрасна:
 Во всемъ гаремѣ ты одна
 Могла бѣ еще миѣ быть опасна:
 Но я для страсти рождена,
 Но ты любишь, какъ я, не можешь:
 Зачѣмъ же хладной красотой
 Ты сердце слабое тревожишь?
 Оставь Гирей миѣ: онъ мой:
 На миѣ горять его добавля,
 Онъ клятвы страшныя миѣ дасть,
 Давно всѣ думы, всѣ желанья
 Гирей съ моими сочеталъ:
 Меня убьетъ его измѣна...
 Я плачу: вишишь, я колѣна
 Теперь склоняю предъ тобой,
 Молю, вишишь тебя не смѣя,

Отдай миѣ радость и покой,
 Отдай миѣ прежняго Гирея...
 Не возражай миѣ ничего:
 Онъ мой: онъ ослѣвленъ тобою,
 Презрѣшьемъ, просьбою, тоскою,
 Чѣмъ хочешь, отвори его:
 Клянись... (хоть я для Авгорана,
 Между невольницами хана,
 Забыла вѣру прежнихъ дней,
 Но вѣра матери моей
 Была твоя) клянись миѣ ею
 Зарему возвратитъ Гирей...
 Но слушай: если я должна
 Тебѣ... князюмъ я владѣю,
 Я близъ Кавказа рождена».

Сказавъ, исчезла вдругъ. За нею
 Не смѣеть слѣдовать княжна,
 Невняшой дѣвъ непонятень
 Языкъ мучительныхъ страстей:
 Но голось нхъ ей смутно внятенъ,
 Онъ страшень, онъ ужасень ей,
 Какія слезы и моленья
 Ее спасуть отъ посямленья?
 Что ждеть ее? Уже ли ей
 Остатокъ горькихъ юныхъ дней
 Провести наложницею презрѣнной?
 О Боже! если бы Гирей
 Въ ея темницѣ отдаленной
 Забылъ несчастную навѣкъ,
 Или кончиной ускоренной
 Увила дни ея пресѣкъ,
 Съ какою бѣ радостью Марія
 Оставила печальный свѣтъ!
 Мнovenья жизни дорогія
 Давно прошли, давно нхъ вѣтъ!
 Что дѣлать ей въ пустынѣ мира?
 Ужъ ей пора, Марію ждуть,
 И въ небеса, на лono мира
 Родной улыбкою зовуть.

Промчалась дикъ Маріи вѣтъ,
 Мнovenно сирота почла,
 Она давно желанный свѣтъ,
 Какъ новый ангель озарила,
 Но что же въ гробъ ее свело?
 Тоска ль неволи безнадежной,
 Болѣзнь, или другое зло,
 Кто знаетъ? Вѣтъ Маріи вѣжнѣи!...
 Дворецъ угрюмый опустѣлъ:
 Его Гирей опять оставилъ:
 Съ толпой Татаръ въ чужой предѣлъ
 Онъ злой набѣгъ опять направилъ:
 Онъ снова въ буряхъ боевыхъ
 Несется мрачный, кровожадный:
 Но въ сердцѣ хана чувствъ иныхъ
 Таится пламень безотрадный,
 Онъ часто въ сѣчахъ роковыхъ
 Подъемлетъ саблю, и съ размаха

Рисунокъ Галактионова (1827); съ подлинника.

Недвижимъ остается вкругъ,
Глянуть съ безуміемъ вокругъ,
Блѣднѣть, будто полныи страха,
И что-то шепчетъ, и порои
Горючи слезы зальетъ рѣкой.

Забывши, преданный презрѣнью,
Гаремъ не зрѣть его лица;
Тамъ, обреченный мученью,
Подъ стражей хладнаго скопца
Старѣють жены. Между ними
Давно Грузинки нѣтъ; она
Гарема стражами нѣмыми
Въ пучину воть опущена.
Въ ту ночь, какъ умерла княжна,
Свершилось и ея страданье.
Какая бѣдъ была вина,
Ужасно было наказанье!...

Опустошивъ огнемъ войны
Кавказу близкія страны
И села мирныя Россіи,
Въ Тавриду возвратился ханъ
И, въ память горестной Маріи,
Воздвигнулъ мраморный фонтанъ.
Въ углу дворца уединеннаго,
Ватъ нимъ Крестомъ освѣнена

Магометанская душа
(Символь конечно дерзновенный,
Незнающа жалкая вина,
Есть пантисъ бѣлыми тогами
Еще не сладилась она,
За чуждыми ея чертами
Журчить во мраморѣ вода
И каплетъ хладными слезами,
Не умолкая никогда.
Такъ плачетъ мать во дни печали
О сынѣ, падшемъ на войнѣ,
Младая дѣва въ той странѣ
Преданье старины узнала,
И урочный памятникъ оубѣ
Фонтаномъ слезъ именovali.

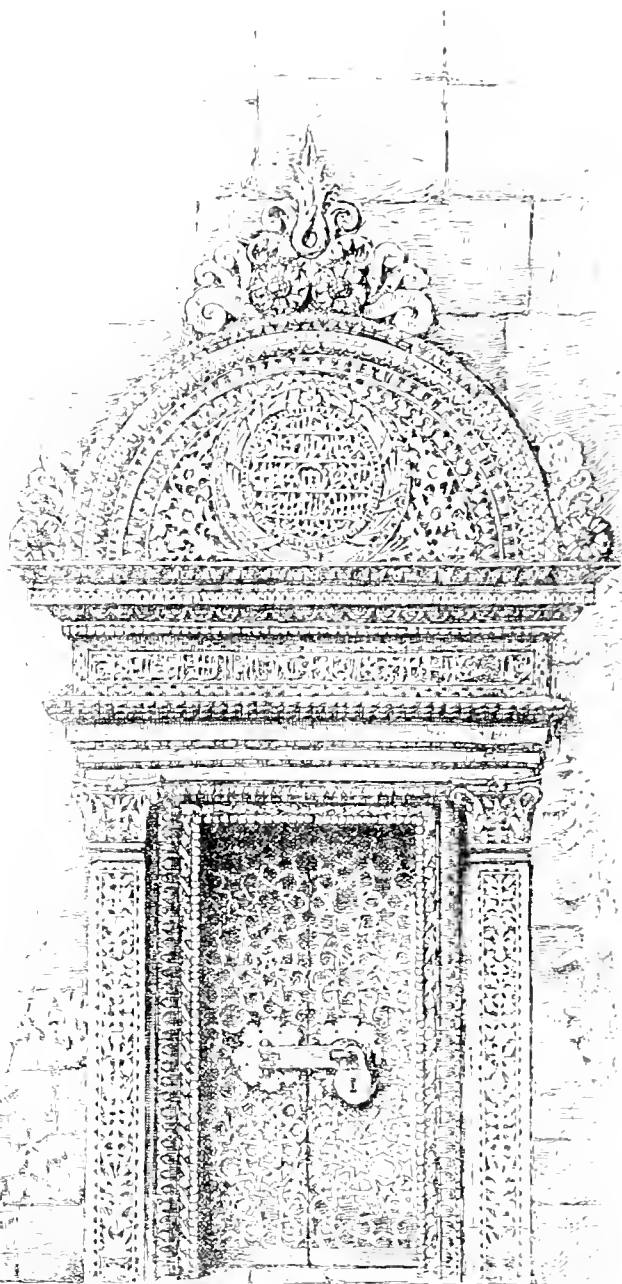
Покнувъ съверхъ наконецъ,
Нпры пачило забывая,
Я посѣтилъ Бахчисарай
Въ забвеньѣ дремлющій дворецъ:
Среди безмолвныхъ переходовъ
Бродилъ я тамъ, гдѣ, бичъ народовъ,
Татарши буйный шировавъ
И послѣ ужасовъ набѣга
Въ роскошной дѣви угонала,
Еще понынѣ дышетъ нѣга
Въ пустыахъ покояхъ и садахъ:
Играють воды, рдѣють розы,
И вьются виноградны лозы,
И злаго блещетъ на стѣнахъ,
Я видѣлъ ветхія рѣшетки,
За коими, въ своей веснѣ,
Итарны разбирая четки,
Вдыхали жены въ тишинѣ,
Я видѣлъ хаекое кладбище,
Владыкъ послѣднее жилище,
Синъ напробные столбы,
Въичашны мраморной чашмою,
Казалось мнѣ, завѣтъ судьбы
Гласили внятною молвою,
Гдѣ скрылись ханы? Гдѣ гаремъ,
Кругомъ все тихо, все уныло,
Все измѣнилось... Но не гдѣмъ
Въ то время сердце полно было:
Дыханье розъ, фонтановъ шумъ,
Влекли къ невольному забвенью,
Невольню предавался умъ
Неизъяснимому волненью,
И по дворцу летучей тѣнью
Мелькала тѣва предо мной!...

Чью тѣнь, о друзи, видѣлъ я?
Скажите мнѣ: чей образъ нѣжныи
Тогда преслѣдовалъ меня
Неогразимый, неизбѣжный?
Маріи ль чистая душа
Являлась мнѣ, или Зарема
Послалась, ревностно вѣная,
Средь опустѣлаго Гарема?

Я помню столь же милый взглядъ
 И красоту еще земную,
 Всѣ думы сердца къ ней летятъ:
 Объ ней въ изнаний тоскую...
 Безумецъ! Полно, перестань!
 Не растравляй тоски напрасной!
 Мятельнымъ снамъ любви несчастной
 Заплачена тобою дань.
 Опомнись! Долго ль, узникъ томный,
 Тебѣ оковы добызать
 И въ свѣтѣ лирою нескромной
 Свое безумство разглашать?

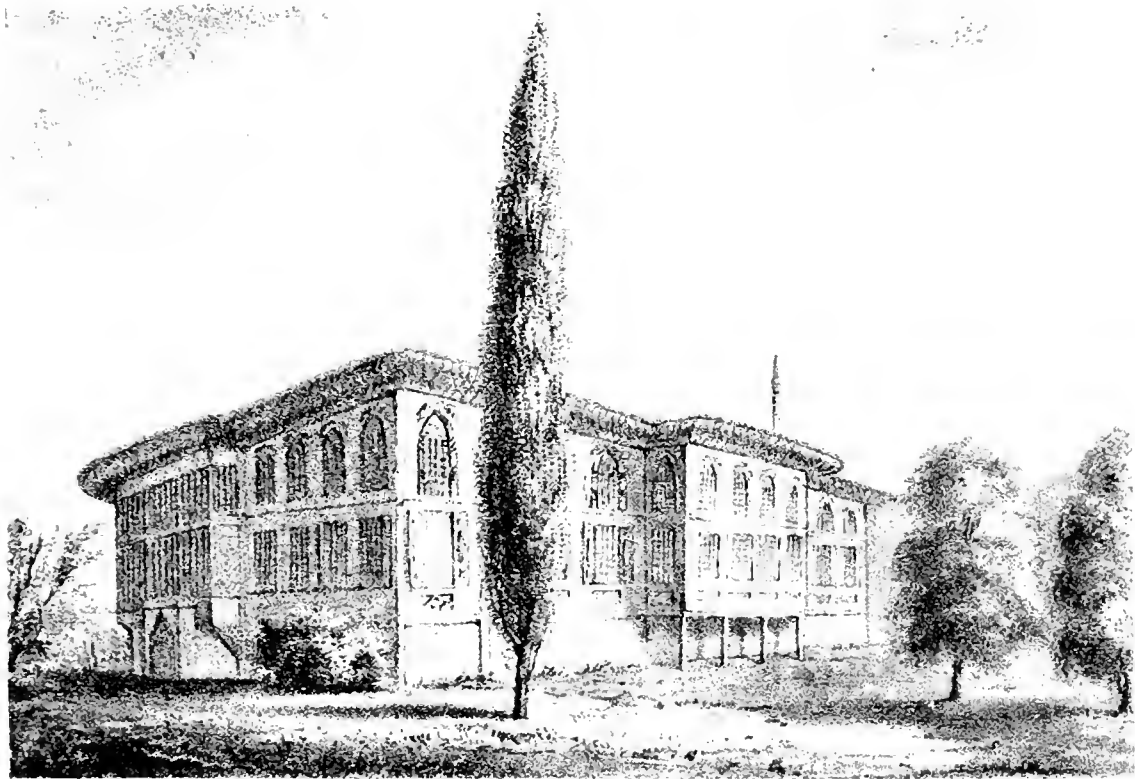
Поклонникъ музъ, поклонникъ
 мира,

Забывъ и славу и любовь,
 О, скоро васъ увижу вновь,
 Брега веселые Салгира!
 Приду на склоны приморскихъ горъ,
 Воспоминаній тайныхъ полный,
 И вновь Таврическія волны
 Обрадую мой жадный взоръ,
 Волшебный край, очей отрада!
 Все живо тамъ: холмы, дѣса,
 Янтарь и яхонть винограда,
 Долины пріютная краса,
 И струи и тономей прохлада:
 Все чувство путника манить,
 Когда, въ часъ утра безмятежной,
 Въ горахъ, дорогою прибрежной,
 Привычный конь его бѣжитъ,
 И зеленѣющая влага
 Преть шумъ и блестя и шумитъ,
 Вокругъ, утесовъ Лю-дага...

Входъ въ сѣзбенню бронзинныхъ дворцаъ.

Рис. Суриковина.

ХАНСКІИ ГАРЕМЪ БАХЧИСАРАЙСКАГО ДВОРЦА.

(Анотиріи Каролина. Изъ коллекции П. А. Ефремова).

Ко всѣмъ изданнымъ Бахч. фонтана, вышедшимъ при жизни Пушкина была приложена Вѣнська издѣлочногата и дѣлочногата дѣлочногата дѣлочногата по Тавричь издѣлочногата Н. М. Муравьевымъ Апостоломъ, а въ изд. 1830 г. и 1835 г. прилагается также оривокъ изъ письма автора къ Д... г. е. Дельвину.

I.

Вѣнська издѣлочногата по Тавричь Н. М. Муравьеву Апостолу.

Вчера ввечеру, поѣхавши къ Бахчисараю и спустившись въ ущелину, въ которой онъ дежитъ, я захватилъ успѣть только пробѣжать длинную улицу, ведущую къ Хан-сарая (т. е. въ ханскому дворцу), на восточномъ концѣ города находящемуся. Солнца тавно уже не видно было за горами, и сумракъ начиналъ стѣсняться, когда я вступилъ на первый дворъ сараја. Это не помѣшало мнѣ пробѣжать по теремамъ и дворамъ Таврической Адамъбра; и я въ мѣнѣе минуты становился предметомъ живѣе дѣлать игра воображенія моего, наполнившаяся разужными дѣлтами восточной поэзии.

Я повѣтъ тебѣ, мой другъ, не въ покоевъ, но такъ какъ то тавно, отъ вѣнскихъ воротъ, въ которъ рѣдъ пробѣтъ съ улицы, по мосту, чрезъ узкую сра дую рѣчку Сарукъ су. Проще въ во-

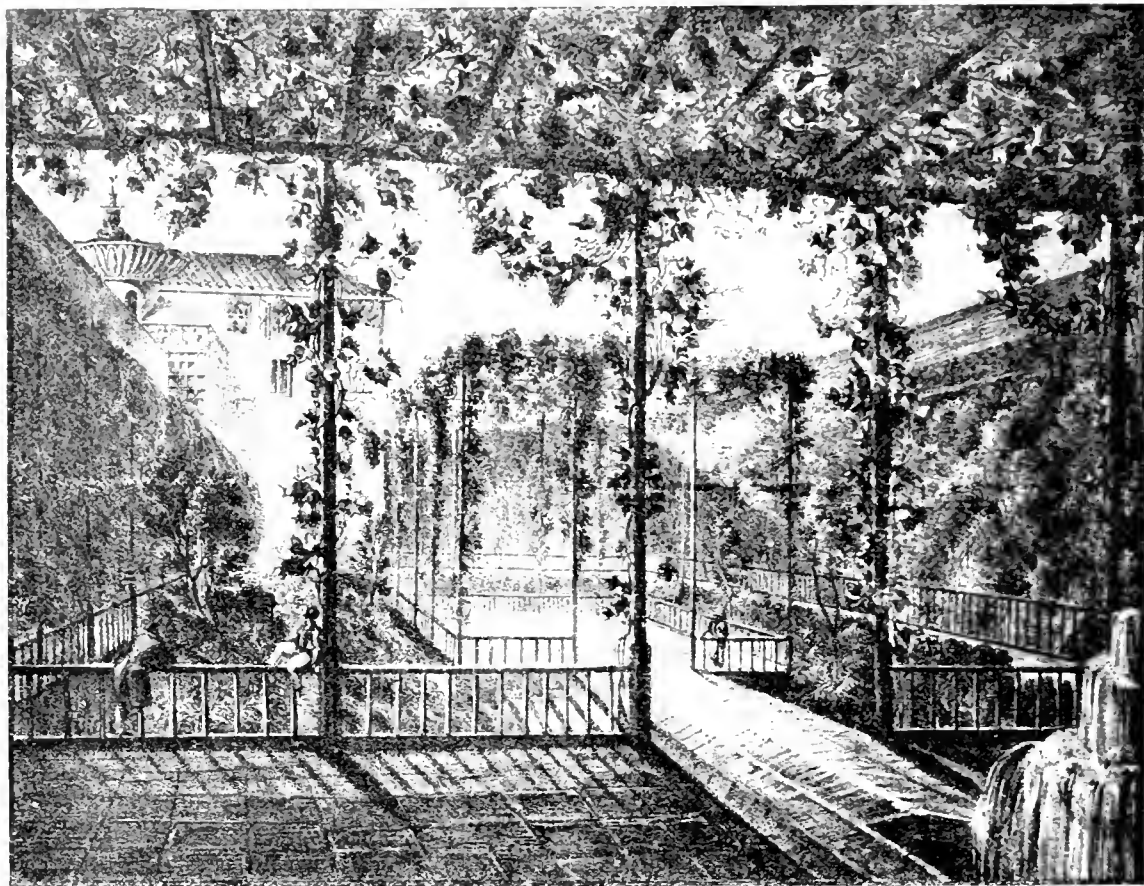
рота, ты на первомъ творѣ, на пространномъ паралелограмѣ, восто противоположнмъ входу, малыи бокъ граничить съ сѣтовыми терасами; оба же больше дѣлты на двои сторонѣ мечетью и службами, а съ правой творѣмъ, состоящимъ изъ сѣлкахъ, не ошибающою высоты дѣлти. На этой правой сторонѣ, чрезъ ворота, поѣтъ строе-ннѣмъ находящаяся, ты проходишь во внутреннй творѣ, ты тогачь на двои рукѣ представляются гѣлѣ желѣзныя двери, шестро въ Аравскомъ кусѣ украшенная, съ твухлавами, на въ шми орломъ, занавѣшимъ мѣсто Оттоманской думи.

Переступивъ за ворота, ты въ пространнхъ сѣлахъ на мраморномъ помостѣ и на правой рукѣ видишь широкое коѣдѣ, ведущее на верху на палаты. Но сперва остановимся въ сѣлахъ и посмотримъ на два превращеные фонтана, безре-сточно дѣлоче воу изъ сѣлахъ, и была мраморная чаша, отивъ на супротивъ творѣ третей тогачь наливѣ.

Дабы не оставить ничего недовѣланнымъ, о семь покажемъ помостѣ, дѣлчимъ широкимъ коридорѣ отъ дѣлчато угла противоположно входу сѣлахъ, ведущей прямо въ тоговую ханскую бо-дницу, на въ твердои военъ начертано.

Сѣлमितъ Гирей ханъ, сынъ Галазъ Сѣлмитъ Гирей ханъ . . .

Сѣлमितъ владѣлъ отъ 1587 по 1610.

САДЬ БАХЧИСАРАЙСКОГО ДВОРЦА.

*«Рисоваль съ натуры и на камнь Пав. Свх. т. с. Павелъ Свининъ.
(Рубокая литографія 1829 г. изъ коллекции Н. А. Ефремова).*

Другая дверь того же коридора надѣво беретъ входить въ большую комнату, гдѣ шивань вокругъ стѣнъ то подованна покоя, съ мраморнымъ посрединѣ оцато возометомъ. Это убавище предельно прохладно въ зноиные часы, когда раскаляется отъ жара окружающія Бахчисарай горы. Гретья дверь вестель въ хансѣин шивань, т. е. въ комнату, гдѣ собирался государственный совѣтъ; въ нее есть входить и предель перешною, снаружки отъ большого двора.

Когда я опишу тебѣ одну пль зады верхняго жидья, ты будешь имѣть понятіе о всѣхъ прочихъ, развѣствующихъ между собою однимъ только большимъ или меньшимъ украшеніемъ на стѣнахъ. Какъ фасадъ строенія не по прямой чертѣ, а горюками, то первое возляде замѣнить, что главныя зады освѣщена съ трехъ сторонь, т. е. въ пль фасада выступающія оныхъ стѣны вполнѣ окончатца. Другато входа въ залу пль, кромѣ одной двери боковой, непрямоной, между пилластрами Аравскаго вкуса, между боими и шкафа, также не прямоныя, нахотятся по всей темной этой стѣнѣ. Нать оными стекла

(въ лучншихъ залахъ) смутри и снаружки покоя, то потолка, между коими стоять украшения зыиной работы, какъ то: лани съ цлоами, съ цвѣтами, или деревца, съ чучелами разныхъ птицъ. Потолки такъ же, какъ и темная стѣна, столарной работы и весьма красныя: это тоненькая вызолоченная рѣшетка, лежащая на лаковомъ грунтѣ, густато краснаго цвѣта; на полу а увѣщель лна, комые мѣль по Пенаніи астеры, т. е. роюжки весьма искусно сплетенныя изъ тростника, роль гениста и уногреблемыя вмѣсто ковровъ на полахъ кирпичныхъ или каменныхъ. Для защиты отъ яркости лучей въ комнатѣ, съ трехъ сторонь освѣщенной, кромѣ ставней служить еще и цвѣтныя, узорчатая стекла въ окнахъ, любимое рыцаревыхъ замковъ украшеніе, безъ сомнѣній зацѣто Европѣнцами отъ восточныхъ партоновъ, во время крестовыхъ походовъ. Если въ заключеніе сего общаго описанія ты представишь себѣ диванъ, т. е. подушки, пѣвока пль предковыхъ тканей на полу лежачія вокругъ всѣхъ стѣнъ, изключая темной, ты будешь имѣть понятіе о лучншихъ залахъ дворца, кромѣ трехъ или четырехъ

переваленных для императрицы Екатерины II, въ Европеекомъ вкусѣ, съ высокими шпанами, креслами и столами (Ся послѣдняя утварь особенно трагична для насъ крещеныхъ, ибо во всѣхъ странахъ, гдѣ проповѣдуется Коранъ, правоборные вмѣсто столовъ употребляютъ низкія круглыя скамьи, на которыя ставятъ подносы и бѣгутъ на нихъ сѣсть, поджидая постъ себя поити на поду).

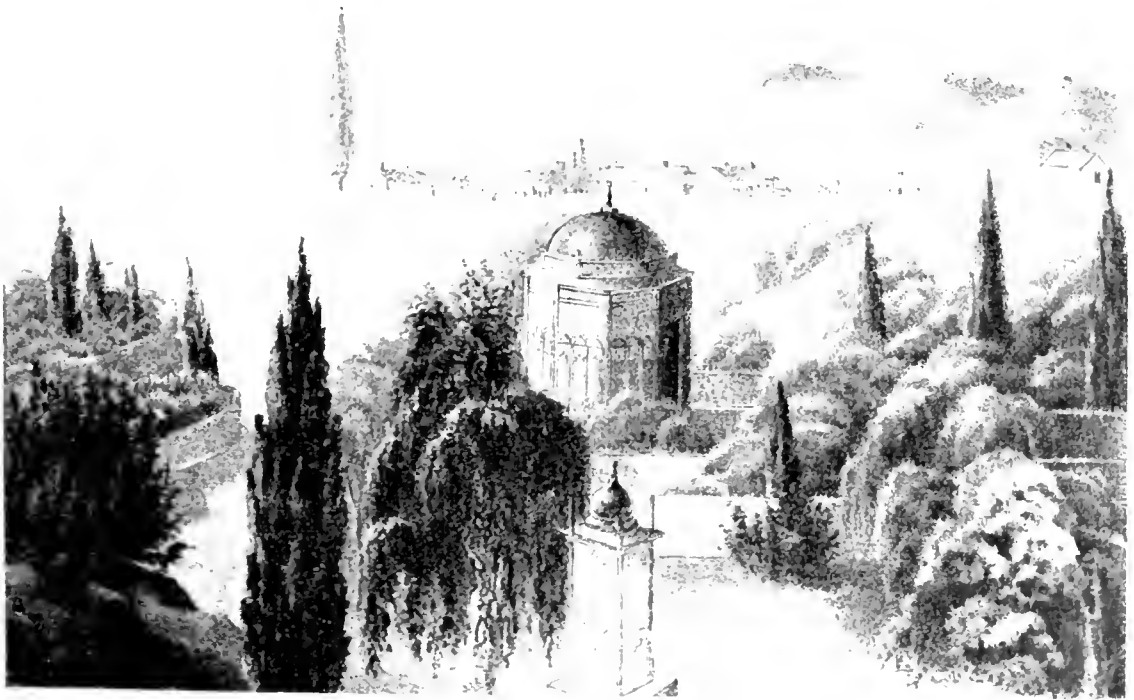
Ты легко догадаться можешь, что въ сторонѣ отъ сего строенія находится гаремъ, неприступный для всѣхъ, кромѣ хана, и для одного любящаго сообщеніе черезъ коридоръ съ шордемъ. Эта часть болѣе всѣхъ въ угадѣ. Рядные домики, въ конѣхъ шкорта жертвы любви, или лучше сказать, любострастія, гонимыя въ неволю, представляють теперь печальную картину разрушенія: обвалившіеся потолки, изломанные полы. Время сокрушило узнице; но что въ томъ поледи, когда то же время, рокомъ узницамъ опредѣленное, протекло для нихъ безотрадно въ рабскихъ уютахъ, ихъ одному, не по сердцу избранному другу, по жестокому властелину! На краю сего гарема стоитъ на большомъ дворѣ высокая шестигранная бесѣдка, съ рѣшетками вмѣсто оконъ, надъ которою, какъ сказываютъ, ханскія жены, невѣдима, смотрѣли на игры, въздая посылки и другія позорища. Иные говорятъ, будто тутъ ханъ любовался фазанами и показывалъ ихъ любимицамъ своимъ. Это послѣднее потому только вероятно, что цѣлухъ съ семенствомъ своимъ есть существенная картина, которую супругъ-мусульманъ можетъ представлять невольницамъ своимъ

въ оправданіе многоженства. Между сего поду сошнншево бесѣдковѣ и комнатахъ, о которой я те ворилъ на шикемъ помостѣ, съ мраморнымъ фонтаномъ, есть прекрасный цѣливецъ, гдѣ миръ и роза могли ибвѣзла иушаръ плени Га тарскому Анакроду.

Но пора оставить сіи труды ибвѣзце паматшики невольничества и шикши потышать на чи стомъ воздухѣ. Вотъ наусупротивъ большнхъ воротъ, на конѣ двора, къ горѣ примыкающагося, тераса въ чепаре усудна, на конѣхъ цѣлостонная тераса, шноратъ на рѣшеткахъ и прозрачные источники, съ усудна на тротуаръ днѣщесъ въ каменные бассейны. Можеть быть, ибкото мурзы-даре шорды, уно добала Гиреевъ вла викамъ Вавилона, сравнивали и тераса нхъ съ висшнми садами Семирамиды: но теперь Крымское мудо сіе представляеть видъ опустыня, такъ какъ и нефъ паматшики въ Таиритѣ. Болѣе всего жалъ трагичнѣйшата здѣсь сокровища, воны: мнота гробы уже засорилель, и ибкотрые источники и совѣмъ исцедли.

За мечетью, шнѣ двора, кладбище хановъ и султановъ вла Фателнато тома Гиреевъ. Прахъ нхъ похонетъ подъ бѣлыми, мраморными гробницами, освѣщенными высокими тололами, орѣховыми и шелковичными теревьями. Тутъ лежатъ Менли и отецъ его, основатель могущества царства Крымскаго. Всѣ паматшики покрыты на шисами.

Прежде, нежели оставимъ сію ююды сна непробуднаго, я укажу тебѣ отсюда на холмъ, идѣво отъ вершенъ садовои терасаи, на коемъ

ГРОБНИЦА МАРИ ПОТОЦКОЙ ВЪ БАХЧИСАРАѢ.

(Съ рѣчкой датирована, рис. М. Даравиома изъ коллекции П. А. Ефремова)

стоит красивое здание съ крутым куполом: это мавзолей прекрасной Грузинки, жена хана Керимь-Гирея, Поваля Заира, слово престелет своихъ, она повелвала тому, кому все дивек повиновалось: по не долго ушла ранскан дивть въ самое утро жизни своей, и безотрапнн Керимь соорудилъ днбедзюи паматникъ сеп, дабы еженежно входить въ оныи и удивляться следзми надъ прахомъ незабвенной. Я самъ хотѣлъ поклониться гробу красавицы, но пѣть уже болѣе входи къ нему; дивек пидухо заложена. Страшно очень, что все дивннше жители непремѣнно хотять, чтобы эта красавица была не Грузинка, а Полячка, именно кака-то Потоцкая, будто бы похощенная Керимь-Гиреемъ. Сколько я ни спорилъ съ ними, сколько ни увѣрялъ ихъ, что преданіе сіе не имѣетъ никакого историческаго основанія и что во второй половинѣ XVIII вѣка не такъ легко было Татарамъ похощать Полячекъ: все доводы мои остались безплодными: они стоятъ въ отношеіи красавица была Потоцкая; и я другой причины поворету сему не нахожу, какъ развѣ принятое и справедливое мнѣніе, что красота женская есть, такъ сказать, принадлежность рода Потоцкихъ.

III.

Отрывокъ изъ письма.

Изъ Азіи переѣхали мы въ Европу ¹ на корабль. Я тотчасъ отправился на такъ названную Митригатову гробницу (развалины какою-то бани); такъ сорвалъ дивѣтокъ для памяти и на другой день потерлъ безъ всякаго сожалѣнія. Развалины Папиканен не сильнѣе пощѣствовали на мое воображеніе. Я видѣлъ слѣды улицъ, полузаросшихъ ровъ, старые кирпичи и только. Изъ Феодосіи до самаго Юрзуфа вѣдалъ я моремъ. Всю ночь не спалъ; дуны не было; звѣзды блистали; передо мною въ туманѣ таялись полуденныя горы. ... «Вотъ Четвергъ», сказалъ мнѣ капитанъ. Я не различилъ его, та и не любовнествовалъ. Переть свѣтомъ я заснулъ. Между тѣмъ корабль остановился въ виду Юрзуфа. Проснувшись, увидѣлъ я картину извѣстную: разноцвѣтная горы сіяли; плоскія кроши хивинъ татарскихъ палати казались ульями, прилѣпленными къ горамъ, тополи, какъ зеленныя колонны, стройно возвышались между ними; справа огромный Аю-дагъ... и кругомъ это сннее, чистое небо, и свѣтлое море, и блескъ, и воздухъ полуденный....

Въ Юрзуфѣ жить я си снѣмъ, кунался въ морѣ и обѣдалъ виноградомъ: я тогдашъ привыкъ къ полуденной природѣ и наслаждался ею

1 Изъ Тамани въ Керчь.

со всемъ равнодушіемъ и бездечностью Псаполитанскаго саззатон. Я любилъ, прослушившь повою, слушать шумъ моря и заслушивался дѣлае часы. Въ духъ патахъ съ дома росъ мелодон винарскъ: каждое утро я посѣщаль его и къ нему привязался чувствомъ, похожимъ на дружество. Вотъ все, что пребываніе мое въ Юрзуфѣ оставило у меня въ памяти.

Я обѣщаль поупеннн береть, и путешествіе М. оживило во мнѣ много воспоминаній, но страннымъ переходъ его по скаламъ Кикеледене не оставилъ ни малѣйшаго слѣда въ моей памяти. Но горной дѣстнщѣ вобразилъ мы пншкомъ, терка да хвостъ татарскихъ лошадей пншихъ. Это добавило мнѣ чрезвычайнн, и казалось какимъ-то таинственнымъ, восточнымъ обрядомъ. Мы переѣхали горы, и первый предметъ, поразившій меня была берега, свѣрлая берега! Сердце мое сказалося: я началъ ужъ тосковать о мнѣомъ полуднѣ, хотя все еще находился въ Тавридѣ, все еще видѣлъ и тополи и виноградныя долы, Георгіевской мозастырь и его крутая дѣстнща къ морю оставили во мнѣ сильное впечатлѣніе. Тушь же видѣлъ я и баснословныя развалины храма Діаны. Вншо мнѣологическа претанія счастьякъе для меня воспоминанія историческихъ, по крайней мѣрѣ тутъ посѣтилъ меня ренны ².

Въ Баухсарай прѣхаль я большой. Я прежде слыхалъ о странномъ паматникѣ влюбленнаго хана. К² политически ошечивала мнѣ его, называлъ La Fontaine des Larmes. Вошьть во дворецъ, увидѣть и пнороченной фонтанъ: изъ заржавон желѣзной трубы по калямъ падала вода. Я обощель дворецъ съ большою тосадою на небреженіе, въ которомъ оль истѣвываетъ, и на полувропонецкія переѣлки пѣкоторыхъ комнату. X. X. почти насильно повель меня по ветхой дѣстнщѣ въ развалины гарема и на ханское кладбище:

Но не тѣмъ

Въ то время сердце полно было:

лихорадка меня мучила.

¹ Что касается до паматника ханской любовницы, о которой говорить М., а о немъ не вспоминалъ, когда писалъ свою поему, а то бы непременно имъ воспользовался ².

1 Въ изд. 1830 г. въ этомъ мѣстѣ слѣдовало посланіе «Чашею» № 235.

2 Въ изд. 1830 г. тутъ очень цѣпная прибавка:

«Разтолкуй мнѣ теперь: почему полуденный берегъ и Баухсарай имѣють для меня предель въ вѣдѣстннмъ? Отъ чего такъ сильно во мнѣ желаніе вновь посѣтить мѣста, оставленныя мною съ такимъ равнодушіемъ? Или воспоминаніе самая сильная способность души нашей, и имъ очаровано все, что подвластно ему?»

АЛЕКСАНДРЪ НИКОЛАЕВИЧЪ РАЕВСКІЙ.

371. Д Е М О Н Ы.

Въ тѣ дни, когда мнѣ были нова
 Всѣ впечатлѣнья бытія
 И взоры дѣвъ, и шумъ дуброва,
 И ночью пѣнье соловья
 Когда возвышенная чувства,
 Свобода, слава и любовь
 И вдохновенная искусства
 Какъ сильно волновали кровь,
 Часта надеждъ и наслажденій
 Гостилъ вьзданіемъ осѣни,
 Тогда законъ то дѣлалъ теній
 Сталь тѣмъ навѣщать меня.

Печальны были наши встрѣчи:
 Кто улыбка, мудрымъ изгнать,
 Кто вѣдательная рѣчи
 Вливали въ душу алчный вѣдъ,
 Непостоянной клеветой
 Онь прощѣть не искусали:
 Онь звали прекрасное мечтати:
 Онь вдохновенно презирали:
 Не вѣрять онь любили, свободу,
 На жизнь насмѣшливо глядѣли
 И ничего во всемъ приротѣ
 Власодовити онь не хотѣли.

372. ПРОСТИВЪ ЛИ МНѢ РЕВНИВЫЯ МЕЧТЫ.

Простивъ ли мнѣ ревнивыя мечты,
 Моей любви безумное волненье?
 Ты мнѣ вѣрна: зачѣмъ же любишь ты
 Всегда пугать мое воображенье?
 Окружена поклонниковъ толпой,
 Зачѣмъ для всѣхъ казаться хочешь милой,
 И всѣхъ дарить надеждою пустой
 Твой чудный взоръ, то вѣжливый, то унылой?
 Мной овладѣвъ, мнѣ разумъ омрачивъ,
 Увѣрена въ любви моей несчастной,
 Не видишь ты, когда въ толпѣ ихъ страстной,
 Бесѣды чужды, одинъ и молчаливъ,
 Терзаюсь я досадою одинокой:
 Ни слова мнѣ, ни взгляда... другъ жестокой!
 Хочу ль бѣжать съ болзвюю и мольбой
 Твои глаза не слѣдуютъ за мной,
 Заводить ли красавица другая
 Двусмысленный со мною разговоръ:
 Спокойна ты: веселый твой укоръ
 Меня мертвигъ, любви не выражая,
 Скажи еще: соперникъ вѣчный мой,
 Наединѣ заставь меня съ тобой,
 Зачѣмъ тебя привѣтствуетъ лукаво?...
 Что жь оны тебѣ? Скажи, какое право
 Имѣеть оны блѣднѣть и ревновать?...
 Въ нескромный часъ межъ вечера и свѣта,
 Безъ матерн, одна, полуодѣта,
 Зачѣмъ его должна ты принимать?...
 Но я любимъ... Наединѣ со мною
 Ты такъ вѣрна! Лобзанія твои
 Такъ пламенны! Слова твоей любви
 Такъ искренно полны твоей душою!
 Тебѣ смѣшны мученія мои:
 Но я любимъ, тебя я понимаю,
 Мой милый другъ, не мучь меня, молво:
 Не знаешь ты, какъ сильно я люблю,
 Не знаешь ты, какъ тяжело я страдаю.

373. Н О Ч Ь.

Мой голосъ для тебя и ласковыи и томной
 Тревожить познѣе молчанье ночи тѣмной
 Близъ ложа моего печальная свѣча
 Горитъ: мои стихи, слияясь и журча,
 Текутъ, ручьи любви, текутъ полны тобою,
 Во тмѣ твои глаза блистають предо мною,
 Мнѣ улыбаются, и звуки слышу я:
 Мой другъ, мой вѣжливый другъ... люблю... твою... твою.

374. СВОБОДЫ СЪЯТЕЛЬ ПУСТЫННЫЙ.

Изыде съятель съяти съмца свои

Свободы съятель пустынный,
Я вышелъ рано, до зѣзды:
Рукою чистой и безвинной
Въ порабощенныя бразды
Бросалъ живительное сѣмя
Но потерялъ я только время,
Блазга мысли и труды...

Наспѣсь, мирные паромы!
Вась не пробудить чести кличъ!
Къ чему стадамъ дары свободы?
Нухъ должно рѣзать или стричь.
Наслѣдство нухъ изъ рода въ роды
Ярмо съ тремущками та бичь.

Ф. Ф. ВИГЕЛЬ.

375. ПРОКЛЯТЫЙ ГОРОДЪ КИШИНЕВЪ.

(Изъ письма къ Ф. Ф. Вигелю)

Проклятыи городъ Кишиневъ,
Тебя бранить языкъ устанеть!
Когда нибудь на старый кровъ
Твоихъ замачканныхъ томовъ
Небесный громъ конечно грянетъ
И не найду твоихъ слѣдовъ!
Падуть, погибнуть пламенья
И лавки грязныя жидовъ,
И пестрый домъ Варооломея,
Такъ, если вѣрить Моисею,
Погибъ несчастливый Содомъ,
Но только съ этимъ городкомъ
Я Кишиневъ равнять не смѣю,
Я слишкомъ съ Библией знакомъ
И къ дести вовсе не привыченъ,
Содомъ — ты знаешь — былъ огниченъ
Не только въжливимъ грѣхомъ,
Но просвѣщеніемъ, пирами,
Гостеприимными домами

И красотой пестроныхъ тѣвъ,
Мнѣ жаль, что пламенемъ громами
Его сразилъ Егоявы гнѣвъ,
Въ блаженствѣ, въ развлеченияхъ свѣта
Избранной Богомъ человекъ
Провелъ бы тамъ свой мирный вѣкъ
Но въ Кишиневѣ — витишь самъ
Ты не найдешь ни мильгукъ дамъ,
Ни сводня, ни кинюпротава,
Жалва о твоей судьбѣ,
Не знаю, приду ли къ тебѣ
Ночь вечеръ мильгукъ три красавца,
На всякой случай, грустной дружъ,
Лишь только будеть мнѣ досудъ,
Прощусь съ Одессою, явлюсь
Тебѣ служить я буду рать
Своей бесѣдою шальнойю,
Стихами, прозою, душою,
Но, Вигель, пощажь мои...

376. НЕДВИЖНЫЙ СТРАЖЬ ДРЕМАТЬ.

Отрывокъ

Недвижный стражъ дремать на царственномъ пороѣ:
Владыка Сѣвера одинъ въ своемъ чертогѣ
Безмолвно бодрствовалъ и жребіи земли
Въ увѣнчанной главѣ стѣпенные лежали.

Чредою вышадати

И міру тихую неволю въ даръ несли,
И дѣлу своему Владыка самъ дивился.
«Се благо!» думалъ онъ,—и взоръ его послѣдъ
Отъ Тибровыхъ валовъ до Вислы и Невы,
Отъ Царскосельскихъ линъ до башенъ Гибралтара:
Все молча ждетъ удара—
Все пало, подъ яремъ склонилсь всѣ главы.
«Свершилось!» молвилъ онъ, «Давно ль народы міра
Паденье славилъ Великаго Кумира?»

«Давно ли ветхая Европа свирѣвѣла?
Надеждой новою Германія кишѣла,
Шаталась Австрія, Пеаноль возставалъ?
За Пиренеями давно ль судьбой народа

Ужъ правила свобода,

И самовластіе лишь Сѣверъ укрывалъ?
«Давно ль?—и гдѣ же вы, защитители свободы?
Ну что жъ? Выступайте, ищите правъ природы,
Волнуйте, мудрецы, безумную толпу!
Вотъ Кесарь—гдѣ же Брутъ? О, грозные витии,

Цѣдуйте желѣзъ Россіи

И весь поправую желѣзную стору!»
Онъ рекъ—и ивкій духъ повѣялъ невидимо,
Повѣялъ и затихъ—и вновь повѣялъ мимо.
Владыку Сѣвера мгновенный глады объялъ:
На царственномъ порогѣ вперилъ, смутясь, онъ очи...

Раздался бой полночи—

И се везданный гость въ чертогъ царя предсталъ.
То былъ сей чудный мужъ, посланникъ Провидѣнья,
Свершитель роковой безвѣстнаго вѣдѣнья,
Сей вѣдникъ, передъ кѣмъ склонялся царь,
Мятежной волницы наследникъ и убійца.

Сей младый кровопища,

Сей царь, исчезнувшій какъ сонъ, какъ тѣнь зари.

Ии туманъ праздности лѣвивая морщина,

Ии поступь тяжкая, ии раннія сѣдины,

Ии пламень гаснущій нахмуренныхъ очей

Не облачали въ немъ изгнаннаго героя.

Мученикъ покоя

Въ моряхъ каменнаго, по манѣю царей,
Нѣтъ! чуднымъ взоръ его, живой, неподвижный,
То владъ затерянный, то вдругъ неотразимый,
Какъ боевой перуны, какъ молнія свергалъ:
Во цвѣтѣ здравія, и мужества, и мощи.

Владыкъ Полночи

Владыка Запада грозный предстоль,
 Таковъ онъ былъ, когда въ равнинахъ Австерлица
 Дружина Свѣра гнала его десница,
 И Рускии въ первый разъ преть тибельно бжкали:
 Таковъ онъ былъ, когда съ побѣннымъ договоромъ
 И съ миромъ въ позоромъ
 Преть японей-царемъ въ Тильзитѣ предстолька...

377. ТЕЛЕГА ЖИЗНИ.

Ахъ тяжело помясь въ ней бремя,
 Телега на ходу легка:
 Ямщикъ лихо, сѣрое время,
 Везеть, не слезеть съ обдумка,
 Съ утра сажимъ мы въ телегу:
 Мы раны голову сломать
 И, презирая дѣнь и нѣду,
 Кричимъ: поехали, поехали!
 Но въ полдень пѣть ужъ той отваги:
 Порадрысало насъ: намъ страшнѣй
 И кособоры и овраги:
 Кричимъ: полетимъ, дуралей!
 Катимъ попрежнему телега,
 Ночь вечеръ мы привычки къ ней,
 И дремля вѣдемъ до почета,
 А время гонитъ лошадей.

378. (КН. М. А. ГОЛЛИЦЫНОЙ).

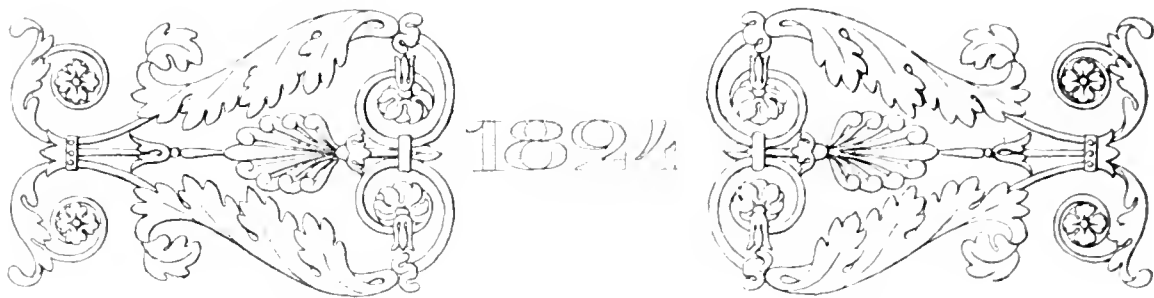
Давно объ ней воспоминае
 Пошу въ сердечной глубинѣ:
 Ея минутное вниманье
 Отрадой долго было мнѣ,
 Твердилъ я стихъ обвороженныи,
 Мой стихъ, унынья звукъ живой,
 Такъ мило ею повторенный,
 Замѣченный ея душой,
 Вновь дриль слезъ и тайной муки
 Она съ участіемъ видала
 И пѣнь еи передала
 Свои плачущиельные звуки...
 Довольно! въ гордости моеи
 Я мыслить буду съ умиленьемъ:
 Я славой былъ обязанъ ей,
 А, можетъ быть, и вдохновенъмъ.

379. НАДРОБНАЯ НАДПИСЬ

КН. А. В. ГОЛЛИЦЫНУ.

Огратнымъ ангеломъ на землю онъ явился
 И счастье райское принесть съ собою къ намъ:
 Но жители горныхъ мѣсть, ты міромъ не пределься,
 И снова одлетѣль въ отчизну къ небесамъ!

380. ДАВЫДОВЪ.

(На приглашеніе ѣхать съ нимъ моремъ на полуостровный берегъ Крыма.)

Нельза, мой голстый Аристынъ:
Хоть я люблю твои бесѣды,
Твой милый нравъ, твой милый христъ,
Твой вкусъ и жирные обѣды;
Но не могу съ тобою ѣхать
Къ брегамъ полуостровной Тавриды.
Прошу меня не позабыть:
Любимецъ Вакха и Киприды!
Когда чахоточный отецъ
Немного тощей Эвены

Пускался въ море наконецъ,
Ему Гораций, умный льстецъ,
Прислалъ торжественную оду,
Едъ другу Августовъ лѣвецъ
Судилъ хорошую погоду.
Но льстивыхъ одъ я не пишу:
Ты не въ чахоткѣ, слава Богу!
У неба я тебѣ прошу
Лишь аптечна на тороду.

381. ПНОСТРАНКЪ.

На языкъ, тебѣ невнятный,
Стихи прощальные пишу:
Но въ заблужденіи пріятномъ
Вниманья твоего прошу:
Мой другъ, доколѣ не увану,
Въ разлукѣ чувство погубя.

Боготворить не перестану
Тебя, мой другъ, одну тебя.
На чуждыя черты взирая,
Вѣрь только сердцу моему,
Какъ прежде вѣрила ему,
Его страстей не понимая.

382. ПОЛУ-ГЕРОИ, ПОЛУ-НЕВЪЖДА.

Полу-герой, полу-невѣжа,
Къ тому-жъ еще полу-полтецъ!..
Но тутъ однако-жъ есть надежда
Что полный будетъ наконецъ.

383. САРАНЧА ЛЕТЬЛА, ЛЕТЬЛА

(Врещивается Пушкину.)

Саранча летѣла, летѣла
И съѣла,
Сидѣла, сидѣла—все съѣла
И вновь улетѣла

ИВАНЪ ОСИПОВИЧЪ ТИМКОВСКІЙ.

Литографія Дегеринга 1823 г.

384. ТИМКОВСКІЙ ЦАРСТВОВАЛЪ.

Тимковскій царствовалъ и всѣ твердили вѣдуть,
 Что прятъ ли гдѣ ослонъ найдешь подобныйъ двуть,
 Явился Бируковъ, за нимъ во сѣдлѣ Красовскій:
 Ну, право, ихъ умнѣй повонный былъ Тимковскій!

385. КЪ МОРЮ.

Прощай, свободная стихія!
 Въ послѣдній разъ перече мнѣ
 Ты катилъ волны голубыя
 И блещешь горною красой.

Какъ друга роюшь заунывный,
 Какъ зовь его въ прощальный часъ,
 Твой трустный шумъ, твой шумъ призывный
 Уменьшалъ я въ послѣдній разъ.

Моей души претѣль желанный!
 Какъ часто по брегамъ твоимъ
 Бродилъ я тихи и туманный,
 Завѣнымъ умисломъ томимъ!

Какъ я любилъ твои отзывы,
 Глухіе звуки, бездныя гласъ
 И тишину въ вечерній часъ,
 И своеобразные порывы!

Смирешный парусъ рыбарей,
 Твоею прихотью хранимый,
 Скользить отважно средь зыбей:
 Но ты взирала, неподлимый;
 И стая тонеть кораблей.

Не удалось навѣкъ оставить
 Мнѣ скучный, неподвижный брегъ,
 Тебя восторгами поздравить
 И по хребтамъ твоимъ направить
 Мой поэтической побѣгъ.

Ты ждала, ты звала... я былъ окованъ;
 Вотще рвалась душа моя;
 Могушей страстью очарованъ,
 У береговъ остался я.

О чемъ жалѣть? Куда бы нынѣ
 Я путь безвечный устремилъ?
 Одинъ предметъ въ твоей пустынѣ
 Мою бы душу поразилъ.

Одна скала, гробница славы...
 Тамъ погружались въ ладный сонъ
 Воспоминанья величавы:
 Тамъ угасалъ Наполеонъ.

Тамъ онъ почилъ среди мученій,
 И вслѣдъ за нимъ, какъ бури шумъ,
 Другой отъ насъ умчался геній,
 Другой властитель нашихъ думъ.

Печезь, оплаканный свободой,
 Оставя міру свой вѣнецъ,
 Шуми, взволнуися непогодой:
 Онъ былъ, о море, твой пѣвецъ.

Твой образъ былъ на немъ означенъ,
 Онъ духомъ созданъ былъ твоимъ:
 Какъ ты, могущъ, глубокъ и мраченъ,
 Какъ ты, ничѣмъ неукротимъ.

Мірѣ опустѣлъ... Теперь куда же
 Меня бы ты вынесъ, океанъ?
 Судьба людей повелю та же:
 Гдѣ благо, тамъ уже на стражѣ
 Или просвѣщенъ, или тиранъ.

«ПРОЩАМЪ, СВОБОДНАЯ СТИМЯ.»

Картина Ливадовскаго.

(Художникъ ошибочно поставилъ годъ; 1827—вмѣсто 1824.)

Прощай же, море! не забуду
Твоей торжественной красоты,
И долго, долго слышать буду
Твой гулъ въ вечерніе часы.

Въ лѣса, въ пустыни молчаливы
Перенесу, тобою полны,
Твой скалы, твой дѣлны,
И блескъ, и гнѣвъ, и говоръ волнъ.

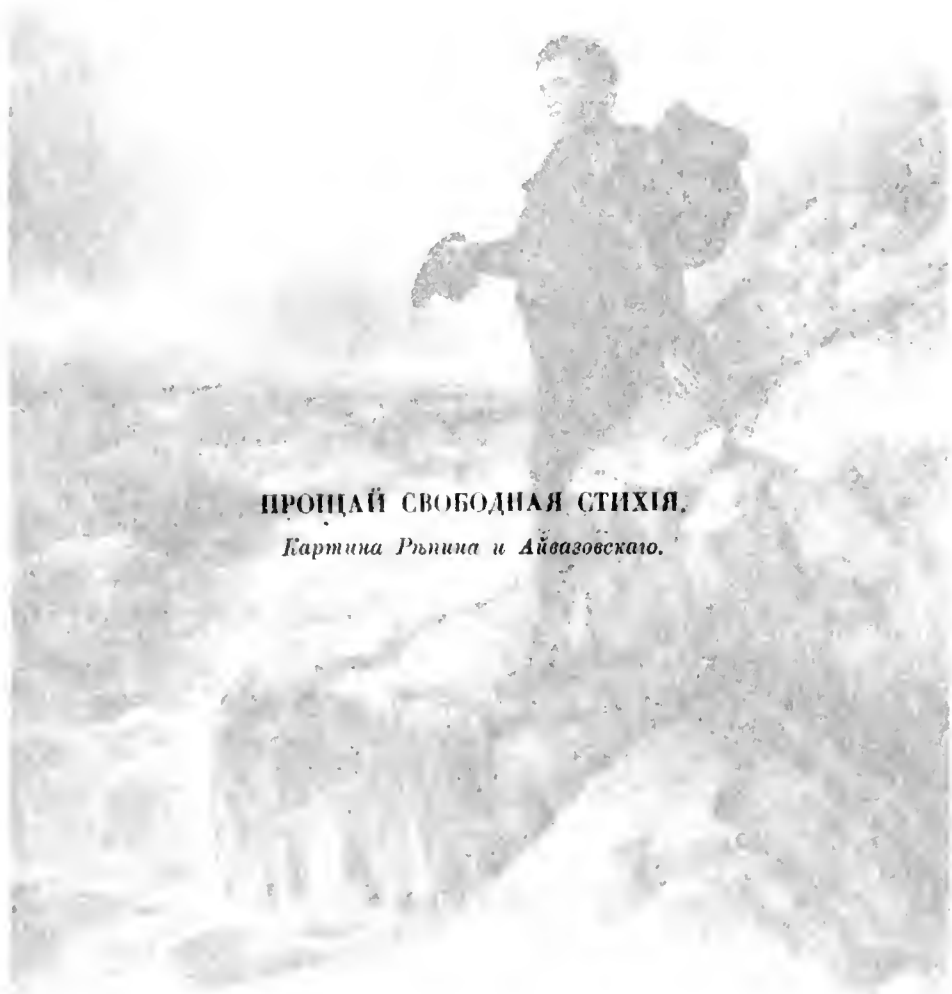
386. П Р О З Е Р П И Н А.

Плещутъ волны Флегетона,
 Своды тартара дрожатъ:
 Кони блѣднаго Плутона
 Быстро къ нимфамъ Пеліона
 Изъ аиа бога мчатъ,
 Вдоль пустыннаго залива
 Прозерпина вслѣдъ за нимъ,
 Равнодушна и ревнива,
 Погекла путемъ однимъ,
 Предъ божиною колѣна
 Робко юнона склонилъ,
 И божинымъ льститъ извѣна:
 Прозерпинѣ смертнѣй мнѣ,
 Ага гордая царица
 Взоромъ юношу зоветъ,
 Обняла, и колесница
 Ужъ къ аиду дуть несетъ:
 Мчатся, облакомъ отъны:
 Видятъ вѣчные дуга,
 Элизей и томной Леты
 Усыпленные брега,
 Тамъ безсмертье, тамъ забвенье,
 Тамъ угѣхамъ нѣтъ конца,
 Прозерпина въ увесельѣ,
 Безъ порфиры и вѣнца,
 Повинуется желаньямъ,
 Предастъ его лобзаньямъ
 Сокровенныя красы,
 Въ сладострастной нѣгѣ тонеть,
 И молчать и томно стонеть...
 Но бѣгутъ любви часы:
 Плещутъ волны Флегетона,
 Своды тартара трожать:
 Кони блѣднаго Плутона
 Быстро мчатъ его назадъ,
 И Кереры дочь уходитъ,
 И счастливица за собой
 Изъ элизія выводитъ
 Потасенною тропой:
 И счастливцевъ отпирасеть
 Осторожною рукой
 Дверь, откуда вылетаетъ
 Словиднѣйшій дожднѣйшій рой.

ПРОЩАЙ СВОБОДНАЯ СТИХИЯ.

Картина Рѣпина и Айвазовскаго.

ВРОЦЛАВЪ СРОБОДНА СТИЯ

Крмвнн Крмвнн н Крмвннн

387. А. Н. ВУЛЬФЪ.

Александръ Николаевичъ Вульфъ.

Здравствуй, Вульфъ, пріятель мой!
 Пріѣзжай сюда зимию,
 Да Языкова поэта
 Заточи ко мнѣ съ собой
 Поудить верхомъ порою,
 Пострѣлять изъ пистолета,
 Зайонъ, мой курчавый братъ,
 Не Михайловскій прикащикъ,
 Привезеть намъ, право, владыка,
 Что? бутылочъ полный ящикъ,
 Запируемъ ужь, молчи!
 Чудо — жизнь анахорета!
 Въ Троицкомъ до ночи,
 А въ Михайловскомъ до свѣта:
 Дни любви посвящены,
 Ночью царствуютъ стаканы:
 Мы же — то смертельно пьяны,
 То мертвецки влюблены.

388. РАЗГОВОРЪ КНИГОПРОДАВЦА СЪ ПОЭТОМЪ.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Станки для васъ одна забава,
 Немножко стоить вамъ присесть,
 Ужь раздасить усѣбла слава
 Ведь пріятнѣйшую вѣсть:
 Поэма, говорятъ, голова,
 Плодъ новыхъ умственныхъ заговъ,
 И такъ рѣшите: жду я слова:
 Назначте сами цѣну ей.
 Станки любимца музъ и граціи
 Мы вмѣстѣ рублями замѣнимъ,
 И въ духъ валичиныхъ ассинацій
 Листочки ваши обратимъ,
 О чемъ вздохнули такъ глубоко,
 Не льзя ль узнать?

ПОЭТЪ.

Я былъ далеко:

Я время то воспоминалъ,
 Когда надеждами богатый,
 Поэтъ, безмечный, я писалъ
 Изъ вдохновенья, не изъ платы,
 И видѣлъ вновь пріюти скалы
 И темный кровъ усниенья,
 Гдѣ я на пиръ воображенья,
 Бывало, музу призывалъ:
 Тамъ слаще голосъ мой звучалъ:
 Тамъ долъ яркій витѣня,
 Съ неизъяснимою красой,
 Виднсь, детали пано мной
 Въ часы початаго вдохновенья,
 Все волносало ивжныи умъ:
 Цвѣтущій дугъ, дуны блистанье,

Въ часовѣхъ ветхой бури шумъ,
 Старушки чудное преданье,
 Какой-то демонъ обладать
 Моими играми, досугомъ,
 За мной повелю оны летать,
 Мнѣ звуки дивныя шептать,
 И гвжкимъ, пламеннымъ недугомъ
 Была полна моя глава:
 Въ ней трезы чудныя рождались:
 Въ разбры стройныя стекались
 Мои послушныя слова
 И звонкой римою замыкались,
 Въ гармоніи соперникъ мой
 Былъ шумъ лѣсокъ, нль вихоръ буйнои,
 Нль пволти наивъ живой,
 Нль ночью мори гулъ глухой,
 Нль шопоть рѣчай тихоструинои,
 Тогда, въ безмолвіи трудовъ,
 Дѣлится не былъ я готовъ
 Съ толпою пламеннымъ восторгомъ,
 И музъ сладостныхъ заровъ
 Не унижать постыднымъ торгомъ:
 Я былъ хранитель нухъ скунои:
 Такъ точно, къ гордости нѣмой,
 Отъ взоровъ черни лицембрнои
 Дари любовницы млатои
 Храниль любовникъ, сусѣбринои.

КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

Но слава замѣнила вамъ
 Мечтаныя тайнаго отразы,
 Вы разошлись по рукамъ,
 Межъ тѣмъ, какъ пыльные громазы

Дождалой прозы и стиховъ
 Папрасно ждуть себѣ чтецовъ,
 И вѣренной ей награды.

поэтъ.

Блаженъ, кто про себя завлѣлъ
 Души высокія созданья,
 И отъ людей, какъ отъ могилъ,
 Не ждалъ за чувство водаянья!
 Блаженъ, кто молча былъ поэтъ
 И, терпомъ славы неунытый,
 Презрѣвшею чернью забытый,
 Безъ имени покинулъ свѣтъ!
 Обманчивыи и снова надежны,
 Что слава? Шопотъ ли чтегда?
 Голосъ ли низкаго невѣжды?
 Или восхищеніе глуша?

книгопродавецъ.

Лордъ Байронъ былъ того же мнѣнія:
 Жуковский то же говорилъ:
 Но свѣтъ узналъ и раскушалъ
 Нухъ сладкозвучная творенья,
 И вирамъ, завидувъ ванъ удѣлъ:
 Поэтъ казнить, поэтъ вѣнчать;
 Злодѣевъ громомъ вѣчныхъ стрѣлъ
 Въ потомствѣ дальнемъ поражаетъ;
 Героевъ утѣшаетъ онъ:
 Съ Коринной на Киосекій тронъ
 Свою любовницу возносить,
 Хвала для васъ докучный звонъ:
 Но сердце женщины славы просить;
 Для нихъ пишите; ихъ ушами
 Приятна дѣсть Анакреона;
 Въ младыя дѣта розы вамъ
 Дороже лавровъ Гелікона.

поэтъ.

Самолюбивыя мечты,
 Утѣхи юности безумной!
 И д, средь бури жизни шумной,
 Некаль вниманія красоты,
 Мои слова, мои наивы,
 Коварной силой иногда
 Смирять умѣли въ сердцѣ дѣвы
 Волненіе страха и стыла:
 Глаза предестыне читали
 Меня съ удобкою любви;
 Уста волшебныя шептали
 Миѣ звуки сладкіе мои;
 Но поздно: въ жертву имъ свободы
 Мечтатель ужъ не принесеть;
 Пускай ихъ юноша поетъ,
 Любезный баловень природы,
 Что миѣ до нихъ? Теперь въ глуши
 Безмолвно жизнь моя несетъ;
 Стоишь дыры вѣрной не коснется
 Нухъ легкой, вѣршею души:
 Печенно въ нихъ воображенья:
 Не понимаетъ насъ оно,

И, признавъ Бога, вдохновенъ
 Для нихъ и чуждо, и смѣшно,
 Когда на память миѣ невольно
 Придетъ вышешный ими стухъ,
 Я содргаюсь, сердцу больно:
 Миѣ стыдно идоловъ мочуъ,
 Къ чему, несчастный, я стремился?
 Предъ кѣмъ унижалъ гордыи думъ?
 Кого восторгомъ чистыхъ думъ
 Боготворилъ не устыдився?
 (Ахъ дѣра, дѣра! что же ты
 Мое безумство раздасила?
 Ахъ, еслибъ дѣта поглотила
 Мои дѣтумія мечты!)

книгопродавецъ.

Люблю вашу глѣбъ, Таковъ поэтъ!
 Причины вашихъ огорченій
 Миѣ знать нельзя: но исключеній
 Для милыхъ дамъ уже ли нѣтъ?
 Уже ли ни одна не стоитъ
 Ни вдохновенъ, ни страстей,
 И вашихъ лѣбенъ не присвоитъ
 Всепыльной красотѣ своей?
 Молчите вы,

поэтъ.

Зачѣмъ поэту

Тревожить сердца тяжкій сонъ?
 Безыодно память мучить онъ,
 И что жъ? Какое дѣло свѣту?
 Я всѣмъ чуждой, Душа моя
 Хранить ли образъ незабвенный?
 Любви блаженство знать ли я?
 Тоскою ль долгой изнуренный,
 Тамъ я слезы въ тишииѣ?
 Гдѣ та была, которой очи,
 Какъ небо, улыбались миѣ?
 Вся жизнь, одна ли, дѣл ли ночи?
 . . . . .
 И что жъ? Докучный стоишь любви,
 Слова покажутся мои
 Безумца дикимъ лепетаньемъ,
 Тамъ сердце ихъ войметъ одно,
 И то съ печальнымъ содроганьемъ:
 Судьбою такъ ужъ рѣшено,
 (Съ кѣмъ подѣлюсь я вдохновенемъ?
 Одна была—предъ ней одной
 Дышаль я чистымъ упоеньемъ
 Любви поэзіи святой,
 Тамъ, тамъ, гдѣ тѣиъ, гдѣ дѣсть чудесный,
 Гдѣ льются вѣчныя струи,
 Я находилъ огонь небесный,
 Сгоралъ жаждою любви,
 Ахъ, мысль о той души завядлой
 Могла бы юность оживить,
 И сны поэзіи бывалой
 Только снова возмутить!
 Она одна бы разумѣла

Стихи неясные мои:
Они бы въ сердцѣ пламенила
Дамнатою чистою любви.
Увы, напрасныя желанья!
Она отвергла заклинанья,
Мольбы, тоску души моеи:
Земныхъ восторговъ излѣнья,
Какъ божеству, ненужно ей.

книгопродавецъ.

И такъ, любовью утомленной,
Наскуча дѣлетомъ моды,
Заранѣ отказались вы
Отъ вашей лиры вдохновенной.
Теперь, оставя шумный свѣтъ,
И музъ, и вѣтреную моду,
Что жь выберете вы?

поэтъ.

Свободу.

книгопродавецъ.

Прекрасно. Воль же вамъ совѣтъ:
Внемлите истинѣ полезной:
Нашъ вѣкъ торгашъ: въ сей вѣкъ желѣзной
Безъ денегъ и свободы нѣтъ.
Что слава? Яркая заплата
На ветхомъ рубищѣ пивца.
Намъ нужно злата, злата, злата:
Коните злато до конца!
Противу ваше возраженье:
Но вась я знаю, господа:
Вамъ ваше дорого творенье,
Пока на пламени труда
Квишь, бурлишь воображенье:
Оно засынетъ, и тогда
Постыдъ вамъ и сочиненье.
Позвольте просто вамъ сказать:
Не прогнется вдохновенье,
Но можно рукопись продать.
Что жь медлить? Ужъ ко мнѣ захомятъ
Петербургскыя чтецы:
Вкругъ лавки журналисты бродить,
За ними толпѣ пивцы:
Кто проситъ нищѣ для сатиры,
Кто для души, кто для пера:
И, признаюсь, отъ вашей лиры
Предвижу много я добра.

поэтъ.

Вы совершенно правы. Воль вамъ мой
рукопись. Условимся.

Н. М. ЯЗЫКОВЪ.

НИКОЛАИ МИХАЙЛОВИЧЪ ЯЗЫКОВЪ.

Портретъ Дерптскаго періода.

389. КЪ ЯЗЫКОВУ.

Издравле сладостный союзъ
Поэтовъ межъ собой связуетъ:
Они жрецы снѣжныхъ музъ;
Единый пламень ихъ возмуетъ.
Другъ другу чужды по судьбѣ,
Они роня по вдохновенно,
Клянусь Овидіевоу тѣлю:
Языковъ, близокъ я тебѣ
Давно бѣ на Дерптскую сторону
Я вышелъ утренней порой
И къ благосклонному порогу
Понесъ тяжелый посохъ мой.
И возвратился бѣ оживленный
Картиной бездѣльныхъ шеп.
Бесѣдой волно-вдохновенной
И звучной лирою твоей.
Но злобно мною праться счастье:
Давно безъ крови я пошусь,
Кула поучетъ самоуправство:
Успувъ, не знаю, гдѣ проснусь.
Всѣмъ гонимъ, теперь въ излѣнья
Влачу закованныя ни,
Услышь, поэтъ, мое призванье.
Моиъ патежъ не обмани,
Въ деревнѣ, гдѣ не трагичомецъ,
Царевъ, Царицѣ любимыи рабъ
И нѣхъ забытыи оплошомецъ.

Скрывался прѣдъ мой Арашь,
Гдѣ, позабывъ Елисаветы
И Дворъ и пыльные обѣты,
Ночь събѣю линованъ аллея
Огнь думалъ въ охлажденныя лѣта
О дальней Африкѣ своей,
Я жду тебя. Тебя со мною
Обниметь въ сельскомъ шалашѣ
Мой братъ по крови, по душѣ,
Надумъ, замѣченный тобою,
И Музы возвышенный пророкъ,

Нашъ Дельвигъ все для насъ оставилъ,
И наша тронца прославилъ
И знамя темный уголокъ,
Надзоръ обманемъ караульномъ.
Восхвалимъ вольности дары
И нашей юности разгульномъ
Пробуемъ шумные вѣры,
Вниманье дружное преклонимъ
Ко звуку рюмокъ и стиховъ
И скуку лимона въ вечеровъ
Внимомъ и пѣснями прогонимъ.

390. АКВИЛОНЪ.

Зачѣмъ ты, грозный аквилонъ,
Тростникъ болотный долу клонишь?
Зачѣмъ на дальній небосклонъ
Ты облако столь гнѣвно гонишь?
Недавно черныхъ тучъ грядой
Сводъ неба глухо облакался;
Недавно дубъ надъ высотой
Въ красѣ надменной величался.

Но ты поднялся, ты взыгралъ,
Ты прошумѣлъ грозой и славой:
И бурныя тучи разогналъ
И дубъ низвергнулъ величавою.
Пускай же солнца ясный ликъ
Отънынѣ радостью блистаетъ,
И облакомъ зефиръ играетъ,
И тихо заблестятъ тростникъ.

391. ТУМАНСКІЙ ПРАВЪ.

Туманскій правъ, когда такъ вѣрно васъ
Сравнилъ онъ съ радугой живою:
Вы мила, какъ она для глазъ
И, какъ она, прѣмѣнчивы душою.
И съ розой схожи вы, блеснувши весной:
Вы также, какъ она предъ нами
Цвѣтите пышною красой
И также колечесь — Богъ съ вами!
Но болѣе всего сравненіе съ ключемъ
Мнѣ нравится: я радъ ему сердечно!
Да, чисты вы, какъ онъ, и сердцемъ, и умомъ
И также холодны конечно!
Сравненія прочія не столько хороши:
Поэтъ не виноватъ, сравненія неудобны.
Вы прелестью лица и прелестью души,
Къ несчастью, безнодобны.

392. НЕБЛАЖЕННЫЙ ДЕНЬ ПОТУХЪ.

Неблаженный день потухъ; неблаженной ночи мела
 Но небу стелется одеждою свинцовой;
 Какъ привидѣніе, за роцею сноповой
 Душа туманная взошла...
 Все мрачную тоску на душу мнѣ навощить,
 Далеко, тамъ, дуна въ сѣнихъ восходить;
 Тамъ воздухъ вносятся вечерней теплотой;
 Тамъ море движется роскошной пеленой
 Подъ голубыми небесами...
 Вотъ время; по горѣ теперь вѣсть она
 Къ брегамъ, потопленнымъ шумными волнами:
 Тамъ, подъ завѣтными скалами,
 Теперь она сидитъ печальна и одна...
 Одна... никто предъ ней не плачетъ, не тоскуется;
 Никто ея колѣнь въ завѣтныя не цацуетъ;
 Одна... ничѣмъ устамъ она не предаетъ
 Ни плечь, ни влажныхъ усть, ни персей близосѣжныхъ,
 Ни чашечку, ни чашечку, ни чашечку...
 Никто ея любви небесной не достоинъ,
 Не правда ли: ты одна... ты плачешь... я спокоснѣ:
 Но если...

393. ВТОРОЕ ПОСЛАНИЕ КЪ ЦЕНЗОРУ.

На скользкомъ поприщѣ Тимковскаго насѣвника,
 Позволь обить себя, мой прежній собесѣдникъ,
 Незавно тяжкою цензурою удивлѣнъ,
 Постыднущъ жалкихъ правъ безъ милости лишенъ,
 Со всею братіей тоимыи совою,
 Я, вѣдѣхуешь говорилъ тебѣ немного крушо:
 Потѣшилъ ялика браичивую свербѣжку;
 Но явился мени: мнѣ было невтернежь,
 Теперь въ моей глаши журналы разтираю,
 И бѣшой братіи стешенки разбираю
 «А благо мнѣ читать теперь большой досудъ,
 Обрадовался я, по нимъ завѣтя вкруть,
 Въ тебѣ и правила и мысли образъ новый:
 Ура! ты заслужилъ вѣнокъ себѣ лавровый
 И твердостью души и смѣлостью ума!
 Какъ изумилася поэзія сама,
 Когда ты разрѣшилъ по милости чудесной
 Завѣтныя слова; божественной небесной;
 И ими назвался (для рюмы) красота,
 Не оскорбилъ тѣмъ ужъ Господа Христа,
 Но что же вкруть тебя, скажи, перемѣшло?
 И права твоего кичливости усмирло?
 Свои посланія хоть очень я люблю,
 Хоть знаю, что прочесть ты жаждоу мою;
 Но потрясннвъ тебѣ, я перемѣной сею,
 Пріятно изумлѣвъ, горннлся не поэмно:

МИХАИЛЪ ЛЕОНТЬЕВИЧЪ МАГНИЦКІЙ.

Отнесся я къ тебѣ по долгу моему:
 Но мнѣ ль неправить вѣсть? Штъ: вѣдаю кому
 Сей важной новостью обязана Россія:
 Обдумавъ наконецъ намѣренія благія,
 Министра честнаго нашъ добрый Царь избралъ.
 Шишковъ уже наукъ правленіе воспріялъ:
 Сей старецъ дорогъ намъ: онъ блещетъ средь народа
 Священной памятью венадцатаго года.
 Очнь въ толибъ Вельможъ онъ Русскихъ музъ любилъ,
 Нухъ, незамѣченныхъ созвалъ, соединилъ:
 Отъ млада нашихъ дней сберечь онъ лавръ единый
 Осиротѣлаго вѣнца Екатерины.
 Онъ съ нами сѣтовалъ, когда Святыи Отецъ
 Омара да Али принявъ за образецъ
 Въ угодность Господу, себѣ во утѣшеніе
 Усердно задумитъ старался просвѣщеніе.
 Благочестивая, смиренная душа
 Караа честныхъ Музъ, спасая Бахтына
 И помогать ему Магницкій благородный,
 Мужъ честный въ правлахъ, душою превосходный
 И даже бѣдный мой Кавелинъ-дурачекъ,
 Креститель Галича, Магницкаго дьячекъ.
 И вотъ за всѣ грѣхи, въ чьи пакостныя руки,
 Вы были ввержены печальныя науки,

Александр Шишковъ.

Цензура! вотъ кому подвластна ты была.

Но полно! мрачная година протекла,
И ярче ужъ горитъ свѣтильникъ просвѣщенья,
И съ перемѣною несчастнаго правленья,
Остатки цензоровъ, призваться, ожидаютъ;
Но, самъ не знаю какъ, ты видно устоялъ,
И такъ я поспѣшилъ пріятелей поздравить
И между тѣмъ совѣтъ на память имъ оставить:

Будь строгъ, но будь уменъ. Не просить отъ тебя,

Чтобъ всѣ законныя прегрѣшя истребля,
Все мыслить, говорить, печатать безопасно
Ты нашимъ господамъ позволялъ самовластно,
Права свои храни по долгу своему;

Но скромнои истины, по мирному уму,
И даже глупости певанной и довольной
Не загражай пути заставой своевольной.

Но если ты въ злобахъ досужнаго пера
Порою не папнешь великаго добра,

Когда не вишишь въ нихъ безумнаго раздрата
Престоловъ, оларей и правовъ сопостата:
То слава автору желая отъ души,

Махни, мой другъ, рукой и смѣло потиши.

394. КОВАРНОСТЬ.

Когда твой другъ на гласъ твоихъ рѣчей
 Отверстуетъ язвительнымъ молчаньемъ;
 Когда свою онъ отъ руки твоей,
 Какъ отъ змии, отвернетъ съ содроганьемъ;
 Какъ, на тебя взоръ острый приводя,
 Качаетъ онъ съ презрѣньемъ головою:
 Не говори: «онъ боленъ, онъ дилъ,
 Онъ мучится безумною тоскою!»
 Не говори: «неблагодаренъ онъ;
 Онъ слабъ и золъ, онъ дружбы недостойнъ;
 Вся жизнь его какой-то тяжкій сонъ...»
 Уже ль ты правъ? Уже ли ты спокоенъ?
 Ахъ, если такъ, онъ въ прахъ готовъ унестъ,
 Чтобъ вымолить у друга примиренье,
 Но если ты святую дружбы власть
 Употреблять на злобное гоненье:
 Но если ты за бѣдливо извилъ
 Пугливое его воображенье,
 И гордую забаву находишь
 Въ его тоскѣ, рыданьяхъ, униженьи:
 Но если самъ презрѣнной клеветы
 Ты про него невидимымъ быть хочешь;
 Но если дѣнь ему накинешь ты
 И соннаго врагу предать со смѣхомъ,
 И онъ прочетъ въ иѣмой дунѣ твоей
 Все тайное своимъ печальнымъ взоромъ:
 Тогда слушай, не травь пустыхъ рѣчей—
 Ты осужденъ послѣднимъ приговоромъ.

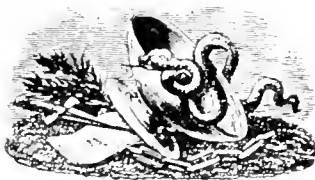
395. ТЫ ВЯНЕШЬ И МОЛЧИШЬ.

Пораженіе А. Шенье.

Ты вянешь и молчишь: печаль тебя свѣдастъ;
 На дѣвственныхъ устахъ улыбка замираетъ,
 Давно твоей цѣлой узору и цвѣты
 Не оживлялись. Безмолвно любишь ты
 Грустить. О, я знатокъ въ дѣвической печали:
 Давно глаза мои въ дунѣ твоей читали,
 Любви не угашивъ: мы любимъ, и какъ васъ,
 Дѣвицы иѣжная, любовь волнуешь васъ,
 Счастливы юности! Но кто, скажи, межъ ними,
 Красавецъ молодой съ очами голубыми,
 Съ кудрями черными?... Красивѣеи? Я молчу,
 Но знаю, знаю все: и если захочу,
 То назову его. Не онъ ли вѣчно бродитъ
 Вкругъ дома твоего и взоръ къ окну возводитъ?
 Ты втайнѣ ждешь его. Идетъ, и ты бѣжишь,
 И долго вслѣдъ за нимъ незримая глядишь.
 Никто на праздникъ блистательнаго мая,
 Межъ колесницами роскошными летая,
 Никто изъ юношей свободнѣи и смѣлѣи
 Не властвуетъ конемъ по приходу своей.

ЦЫГАНЫ.

(Писано въ 1824 году).

МОСКВА.

ВЪ ТИПОГРАФИИ АВГУСТА СЕМЕНА,
при Императорской Мед.-Хирург. Академіи.

~~~~~
1827

ЧАБРОСОКЪ ПРЕДИСЛОВІА ПУШКИНА КЪ «ЦЫГАНАМЪ».

Долго не знали въ Европѣ происхожденія цыгановъ и считали ихъ выходцами изъ Египта. Дошли въ некоторыхъ земляхъ и называютъ ихъ египтянами. Англійскіе путешественники разрѣшили, кажется, всё недоумѣніе. Доказано, что цыганы принадлежатъ отверженной кастѣ индѣйцевъ, называемыхъ паріа. Языкъ и то, что можно назвать ихъ вѣрою, даже черты лица и образъ жизни вѣрныя тому свидѣтельству. Ихъ привязанность къ дикой вольности, обезпеченной бѣдностью, — вездѣ утомилъ мѣры, принятыя для преобразования праздной жизни сихъ бродягъ. Они кочуютъ въ Россіи, какъ и въ Англии; мужчины занимаются ремеслами, необходимыми для первыхъ потребностей, торгуютъ лошадьми, водятъ медвѣдей, обманывають и крадутъ; женщины промышляютъ

ворожбой, пѣснями и плясками. Въ Молдавіи цыганы составляютъ большую часть народонаселенія — отличаются дикостію и бѣдностію; но всего замѣчательнѣе то, что въ Бессарабіи и Молдавіи крѣпостное состояніе существуетъ только между ними: тамъ (и въ крѣпостныхъ, кромѣ сихъ... приверженцевъ первобытной свободы. Это не мѣшаетъ имъ однако же вести дикую кочевую жизнь, довольно вѣрно описанную въ сей повѣсти. Дать ихъ составляетъ... доходъ супруги Господаря. Они отличаются передъ прочими большою нравственною чистотою: они не промышляютъ ни кражей, ни обманомъ; впрочемъ, они такъ же дики, такъ же бѣдны, такъ же любятъ музыку, занимаются тѣми же грубыми ремеслами.

ЦЫГАНКА.

(Изъ «Description ethnographique des peuples de Russie» Чапуа)

I.

Мысль большого лиро-эпического стихотворения, сопоставляющего мирную волею полудикахъ кочевій, величавую въ своемъ смиреніи, невинную и радостную въ первобытной простотѣ и безвечной нищетѣ своей, но ужасающую «сына городовъ», который «для себя лишь хочетъ воли», самую свою безусловность, — съ байроническимъ мятежомъ первоначальной личности противъ общественнаго начала, равно съ нею несомнѣннато въ органически-бытовыхъ, какъ и въ искусственно-осложненныхъ формахъ общежитія: — мысль стихотворения, которое бы музыкально сплело объ эти темы и обострило ихъ противорѣчіе до трагическаго конфликта «роковыя страсти», свободно развивающихся въ обычныхъ сферахъ по присущему каждой изъ нихъ внутреннему закону, — эта общая идея болѣе или менѣе точно или отчасти предносилась Пушкину, быть-можетъ, уже въ послѣднюю пору его пребыванія въ Бессарабіи. Но утверждать, что онъ покинулъ Кишиневъ съ готовымъ замысломъ «Цыганъ» или хотя бы съ первыми и отрывочными опытами его осуществленія въ словѣ мы не имѣемъ твердаго основанія.

Установлено, что поэма Цыганы, являющая торжество таланта уже возмужавшаго, создавалась поэтомъ въ Одессѣ, въ началѣ 1824 года, или уже ранее, но совершенно созрѣла въ столь благотворномъ для его художественнаго творчества уединеніи села Михайловскаго, гдѣ онъ закончилъ ее 10 октября 1824 года. Изъ связи письма къ кн. П. Вяземскому, въ которомъ поэтъ сообщаетъ другу: «сегодня кончилъ поэмѣ Цыганы, — только что кончилъ», мы видимъ, что это завершенье потребовало еще значительной и пристальной работы, а также, что работа эта не была только трудомъ послѣдней редакціи, но и созданіемъ неписанныхъ дотоле частей произведенія¹. Темъ не менѣе, поэтический материалъ, положенный въ основу «Цыганъ», былъ однимъ изъ приобретений кишиневскаго періода.

II.

Извѣстно, что вниманіе Пушкина въ Кишиневѣ съ живостью устремилось на все, что дѣлалось ему непосредственно доступнымъ изъ области этнографическихъ наблюдений и, въ частности, изъ народной поэзіи племени, съ коими прямо или косвенно знакомила его мѣстность и обжила среда². Такъ, на ряду съ южно-славянскими пѣснями, которыя поэтъ при добромъ представившемся случаѣ записывалъ, онъ переписалъ двѣ румынскія осенью 1820 г. — пѣсню, услышанную имъ отъ молдаванки Маріулы (Маріолицы, или Маргѣлы), прислуживавшей въ одномъ кишиневскомъ трактирѣ, — «Черную Шаль»; позднѣе — хоръ «Арлима, фриджима», исполнявшуюся канцеллою дворовыхъ цыганъ, «лаутарей», въ одномъ изъ кишиневскихъ боярскихъ домовъ³. Эта хора, вольно, но съ приблизительнымъ сохраненіемъ стихотворнаго размѣра пересказанная Пушкинымъ, была включена имъ въ задуманную поэмѣ и оказалась въ ней «Шенюю Земфирю».

Памъ кажется, что именно эта молдавская хора была зерномъ, изъ котораго выросла поэма, зародышемъ лирическаго одушевленія и драматическаго пабоса, естественно раскрывшимся въ дѣйствіи, которое только произволъ художника, или точнѣе — его вкусъ въ приемамъ Байрона, облекъ въ форму романтическаго эпоса, тогда какъ по существу это эпосъ, остается лирическою драмой. Хора представила воображенію поэта характеръ Земфиря и съ нимъ вмѣстѣ всю пламенную страстность полудикаго народа въ ея вольнолюбивой безудержности и роковой неукротимости. Прибавимъ, что впечатлѣніе хоровой поддержки и общности лирическаго антуража должно было предпрѣдѣлать съ самаго начала важнѣйшую особенность поэмы: ея, напоминающую древнія трагедіи, скрытую

1 Пезденювъ, А. С. Пушкинъ, послѣдн. изд. 1901, стр. 135.

2 А. И. Ивницкій, Черная Шаль. Пушкинъ и рум. пѣсни. Изв. Отд. рус. яз. и слов. Имп. Ак. Наукъ, т. XI, 1906, кн. 4, стр. 372 сл. — Ср. также Шеня Земфиря и цыг. хора. Изв. IV, кн. 1, стр. 301 сл.

1) Перешка — изд. изд. поэт. ред. Сабова, X, 38.

хорическую структуру, сказавшуюся въ противопоставленіи «единственной воли и судьбы героя внутренне-согласному и потому столь цѣльному и незаблемуому правдивенному міропониманію и верховному суду свободной общины».

III.

Этимъ первоначальнымъ внушеніемъ объясняется, на нашъ взглядъ, легко замѣтная односторонность поэмы въ изображеніи страстей бродячаго племени, мягкость которыхъ является въ ней какъ бы удѣломъ одиѣхъ женщинъ: кажется, будто въ этомъ раю первобытной гармоніи нарушение равновѣсія живыхъ силъ возникаетъ не иначе, какъ по вѣнѣ извѣстно той же древней Евы или Пандоры. Основнымъ въ цыганской стихіи Пушкинъ воспринялъ именно женскій типъ и его же сдѣлалъ посетелемъ болѣе или менѣе выжившаго въ кочевой и соборной жизни индивидуальнаго начала, подобравши, изъ обиха мужескихъ представителей цыганства, одному (молодому Цыгану) роль формально и внутренне второстепенную, другому (старикѣ)—роль какъ бы предводителя хора, почтенный санъ мудраго соборнаго мудростью выразителя началъ общиннаго, сверхличнаго сознанія. Этотъ основной женскій типъ сочетался въ фантазій поэта съ глубоко женственнымъ и музыкальнымъ именемъ: Маріула.

Кто бы ни была знакомая Пушкину посетительница этого имени—дѣвушка изъ «Зеленаго Трактира», или дочь табора, съ которымъ нѣсколько дней странствовалъ Пушкинъ, какъ потомъ вспоминалъ самъ, по Буджакской степи¹⁾, или, наконецъ, ни та ни другая,—важно единственно то, что эстетическій типъ Цыганки родился для поэта съ этимъ звукомъ: Маріулой окрестилъ онъ мать Земфиры, очерченную въ разсказѣ стараго Цыгана почти съ большою яркостью, чѣмъ съ какою выступаетъ характеръ главной героини изъ самого дѣйствія. И стихи поэмы, предшествующіе заключительному трагическому аккорду о всеобщей неизбежности «роковыхъ страстей» и о власти «судебъ», отъ которыхъ «защиты нѣтъ».

1) Хотя Вельтманъ въ своихъ Воспоминаніяхъ и увѣряетъ, что «посреди таборовъ нѣтъ женщинъ, подобнахъ Земфирѣ».—Мнѣнія объ обстоятельствахъ возникновенія поэмы разсмотрѣны въ статьѣ г. Ицмирекаго Пушкинъ въ Бессарабіи, стр. 174 и сл. этого тома.

опять воспроизводить, какъ мелодическій лейтмотивъ, основныя созвучія, пустынная, дѣшная и страстная:

Въ походахъ меденныхъ любилъ
Ихъ пѣсенъ радостные гулы,
И долго милой Маріула
Я имя пѣвное твердилъ.

Эти звуки, полные и гудкіе, какъ отголоски кочевій въ покрытыхъ сѣдами волнами кочьяхъ раздольяхъ, грустные какъ разбиваемый по степи неведь безыменныхъ древинъ солнць или тѣхъ костровъ случайнаго станова, которые много дѣтъ спустя наводили на поэта сладкую тоску старинныхъ воспоминаній, приближаютъ насъ къ таинственной колыбели музыкальнаго развитія поэмы, обличаютъ первое, чисто звуковое зараженіе пѣвца лирической стихіей бродячей вольности, умѣющей радостно дышать, дерзать, любить, даже до смерти, и покорствовать смиренному, Фанетика мелодическаго стихотворенія обнаруживаетъ какъ-бы предпочтеніе гласнаго звука *и*, то глухого и задумчиваго, и уходящаго въ былое и минувшее, то колоритно-дикаго, то знойнаго и узыбно-унылаго; смуглая окраска этого звука или выдвигается въ рифмѣ, или усиливается отгѣнками окружающихъ его гласныхъ сочетаній и аллигеаціями согласныхъ; и вся эта живонсье звуковыя, смутно и безсознательно почувствованная уже современниками Пушкина¹⁾, могущественно способствовала установленію ихъ мѣстнаго особеннаго, магическаго напѣвности новаго творенія, изумившей даже тѣхъ, которые еще такъ недавно были уносимы соловьиными трелями и фонтанными лепетами и всею влажною музыкой пѣсни о садахъ Баучсарай²⁾.

1) Срв. Библ. для Читенія 1870 г. т. 39 Землинскій Крит. Лит. о Пушкинѣ, изд. 2. IV, стр. 149: «Звучные стихи П. достигли въ Цыганахъ высшей степени развитія. Они исполнены невыразимой мелодіи: отъ нихъ слышеть и слышеть какой-то оборотательной музыкой».

2) Уже и начинается поэма со звукомъ: «Цыганъ шумною толпою по Бессарабіи кочуютъ: — — — вочуютъ». И пѣсня, о которой мы говоримъ,—со звуковъ: «Старый мужъ, грозный мужъ... Рифмы: «гула», «блеснула», «Кагула»—отвѣчаютъ основному звуку: «Маріула». Для дальнѣйшаго подтвержденія нашего общаго наблюденія ограничимся простыми цитатами пѣсенокъ и стиховъ:

Упыло юноша гладиль
На ону сѣбую равнину,
И русти танную причину

IV.

Этот музыкальный запас лирической энергии был одновременно увеселительным по своему почти религиозному отблеску, по родственному по существу настроению, породившим как стихотворение: «Вь чудящихъ свято наблюдаю», так и другое, вошедшее въ составъ поэмы: «Птичка Божія не знаетъ»... Поэма умиляетъ умисть птицъ небесныхъ, не сбишихъ, не жнушихъ, празднующихъ вѣчный праздникъ

Потокать себѣ не смѣлъ
— Могилабыи гуль, хвалебная гласъ,
Изъ рода въ роды звукъ бѣдущи,
Пилъ подь сѣбно тымной куши
Цыгана дикаго разказъ...
— Кочуа на стѣнахъ Катудла...
— Ахъ, я не вѣрю ничему:
Ни свамъ, ни слакымъ увѣренымъ,
Ни даже сердцу твоему...
— Утѣшься, другъ; она дѣла,
Твое умище безразсудно:
Ты любишь горестно и трудно,
А сердце женское шутя,
Вздвиги: подь оталеннымъ светомъ
Гуляеть вольная душа...
— Ахъ, быстро молодость моя
Звѣдон ца тучею мелькнула!
Но ты, пора любви, минула
Еще быстрее; только толь
Меня любила Маргудла,
Онажна, близъ Катудльскихъ воль
Мы чуждыи таборъ пострѣвали,
Ушла за ними Маргудла,
Я мирно спалъ; зарѣ блеснула,
Прогнула ся жь по труди пѣвъ!
Ищу, зову—пропала и сдѣтъ...
— Блданусь, и тутъ моя нога
Не пощадла бы злодыя;
Я въ волны моря, не блытва,
И безащитно бѣ толкнулъ;
Введанныи ужасъ и робуженя
Свѣржнымъ смѣхомъ упривудлъ,
И долго мнѣ его патеня
Смѣшонъ и сладокъ былъ бы гуль
— Штъ, полно, не боюсь тебя,
Твой угрозы презираю,
Твое убійство проклинаю...
Умри жь и ты! Умру, любя.
— Или пошь юртон остка,
Вь глухой разбавишъ улеса...

Прибавимъ къ этимъ выдержкамъ весь эпизодъ, собирающій основныя элементы поэтической гармоніи цыганскаго творенія отъ музыкальнаго представленія туманности воспоминанія, черезъ глухіе отголоски бранныхъ гуловъ, до сладостной мелодіи звука «Маргудла», чтобы завершить созидаемъ трагическаго удаса, которымъ вышатъ послѣднія строки.

И пошь избранными шарами
Живутъ мучительныя сны,
И ваши сны кочевья
Вь пустыняхъ не спасаетъ отъ бѣды,
И всюду страсти роковалъ,
И отъ суеты бѣжитъ иль...

безвѣстной радости: это чувство сладостно мирить его съ міромъ и божествомъ; самъ онъ выпускаетъ изъ клѣтки вѣчную птичку, согласуя свою душу съ небеснымъ закономъ вольности и дорожа колено каждому отдѣльному творенію Божію. Съ какимъ-то ясновидѣніемъ почувствовать онъ, при созданіи второго изъ названныхъ стихотвореній, всю живую прелесть и мудрую святость невинно-беззаботной, младенчески доверчивой къ природѣ и Богу, бездомной, нищей, легкой свободы.

Дохнуть ли уже самъ поэтъ вольнымъ воздухомъ кочевій или потому и пошелъдохнуть имъ, что вдохновенно воскресло въ его такъ часто омраченной душѣ еще и это «видѣніе первоначальныхъ честныхъ дней», — во всякомъ случаѣ настроеніе «Птички» обращаетъ насъ къ той порѣ 1822 или концу 1821 года, когда Пушкинъ незначительнымъ въ прагматической связи его биографіи, но серьезно по внутреннему опыту личнымъ переживаніемъ могъ измѣрить глубину пропасти, раздѣляющей его байроническое свобододобіе отъ естественной вольности дѣтей природы.

Если своему поэтическому бѣдѣцу отъ закона, сдружившемуся съ цыганскимъ таборомъ, поэтъ даетъ свое имя въ цыганской его формѣ, не свидѣтельствуемъ ли это о сравненіи двухъ нравственныхъ идеаловъ, которое предстало поэту, во время его кочевыхъ досуговъ и похлѣговъ «ночь избранными шарами», какъ острый вопросъ личной душевной жизни? И если изображение цыганъ въ поэмѣ «Цыганы» кажется идеализованнымъ, несмотря на то, что трезвость безошибочнаго наблюдателя, какимъ былъ Пушкинъ, не могла измѣнить ему даже здѣсь, то, помимо романтической условности поэтического рота, имя избраннаго, нельзя въ этой идеализаціи не усмотрѣть психологическаго момента нравственной самопроѣрки, при которой положительныя стороны предмета, служащаго мѣриломъ, могли естественно представиться наблюдению съ большою яркостью и существенностью, а не совершенства — показаться случайными и не отличительными признаками: что, несомненно, было лишь благоприятно въ эстетическомъ отношеніи для творенія, заманчиво въ грандиозно-простомъ, обобщающемъ стилѣ.

V.

Таким образом, мы различаем в «Цыганах» Пушкина три формации, последовательное происхождение которых, несмотря на художественную законченность произведений, внимательному взгляду выдает постепенность его вызревания и хранит отпечаток моментов душевного роста художника: так что разбираемая поэма не может быть признана непосредственным и внезапным, а потому и внутренне цельным излиянием, творением «aus einem Gusse».

Первою формацией, итогом поэтического переживания кипишевского периода, мы считаем первоначальное лирическое настроение, обусловившее всю музыкальную стихию поэмы, ее наивность, бездельную вольность, при совершенном согласии хорошего начала с началом личным, и, наконец, трагическое чувство роковой отчужденности индивидуалиста-мятежника, свитальца-Канна от этой естественной гармонии обонув начала. Вторую формацией, приобретаемым одесским периодом, в который дано было Пушкину изжить, в принципе, свой байронизм до конца, мы признаем все описательное и романтически-новобетовское в поэме, все, что отличает в ней общую зависимость пушкинской Музы от Музы Байрона. Третью формацию составляют элементы, в которых сказывается преодолённый Байрон и — мы сказали бы — торжество хора над утверждением уединенной воли: следовательно, по преимуществу сцена как-бы хорового суда над Алеко в форме заключительной речи старого Цыгана, как и эпилог поэмы, своими последними строками, похожими на хоровые заключения греческих трагедий, сообщающий цблему резонанс древней трагедии рока. Сюда же, по некоторым внутренним и внешним признакам, склонны мы отнести и отступление обь изгнании Овидия.

Разказ обь Овидии понадобился Пушкину в экономии поэмы не только как дорогой ему лично лирический мотив, или как элегическое украшение, мечтательная колоритность которого уславляет настроение пустыни и ее младенчески общителем, для конья столбья—годы, и годы—взвѣка, но и для характеристики старого Цыгана, хорега и корифея общины, которому именно этот разказ, во всем предшествующем сценѣ «суду» течении поэмы, придает черты какой-то библей-

ской важности и вместе младенческой ясности духа. Разказ выдержан в родѣ, согласном с заключительною рѣчью старца, тогда как его реплики в бесѣдѣ с Алеко о неферности женской и о любовной ревности, несмотря на их возвышенную прелесть и крохкую мудрость, все еще не содержат безусловного осуждения всякого насилия, себялюбивой мстительности и деспотизма. Стиль разказа, совершенно соответствующий концу поэмы, различается отъ стиля окружающих частей своею безыскусственной народностью, простотой и спокойствием, свойственными просвѣдленному познанию вещей, мало того — какимъ-то прикровенным гегератизмом, врывающимся в выражениях чисто библейских скакь: «имѣль онъ ибсень дивный даръ и тѣлость, шдму водѣ подобный».

Эту третью формацию в образовании поэмы мы в правѣ отнести къ тому времени, когда поэтъ уединяется въ селѣ Михайловскомъ и одновременно работает, кромѣ «Онѣгина», надъ завершениемъ «Цыганъ» и первыми сценами «Бориса Годунова». Хронологическая близость этого завершения в эпоху создания 4-ой сцены «Годунова» (сцены въ Чудовомъ монастырѣ) позволяет намъ осмыслить внутреннюю связь, объединяющую первый замысел лѣтписца с окончательнымъ поворотомъ поэмы къ преодолѣнью байронического индивидуализма. Связь дана основнымъ настроениемъ, овладѣвшимъ душою поэта въ первую пору его заточения: это было настроение духовного трезвения и смиренномудрой отрѣшенности. И слова, набросанные въ черновой рукописи сцены между Пименомъ и Григориемъ: «приближаюсь къ тому времени, когда перестало земное быть для меня занимательнымъ»¹⁾, кажутся намъ не только помѣтой, определяющей планъ изображенія личности лѣтписца, но на-половину лирическимъ излияниемъ, автобиографической вѣхой, оставленной художникомъ среди материаловъ его творчества. Такъ, между старымъ Цыганомъ и Пименомъ устанавливается прямое отношение, объясняющее не только общія внутреннія особенности того и другого характера, но и замѣтную родственность художнической манеры въ ихъ поэтической обрисовкѣ и словесномъ воплощении.

1. Анненковъ, Материалы стр. 141, 143.

VII.

Поэма была закончена. Ея завершению поэт посвятил много творческого жара и художнической сосредоточенности. Он создал наиболее яркое из больших произведений, тогдашних написанных. Взыскательный художник мог быть доволен; и мощно растущему самосознанию поэта были открыты и величие его замысла, превосходящая свою глубиной все прежде завершённое, и гармоническое осуществление задуманного. Но в то же время поэма была переходом от прежнего к чему-то новому и еще не вполне выясненному ни для самого поэта, ни, в особенности, для тех, кому он писал. Между тем Пушкин привык правиться и казаться себе самому общепонятным, для всех безусловно вразумительным. Он мог жаловаться на холодность толпы, на ее неспособность развить его лирической мысли, его священный восторг. Но, по завершении «Цыгань», он впервые оказался не до конца понятным себе самому.

Дело шло не о лирической настроенности, а о некотором внутреннем кризисе и повороте, существо которого было непостижимо, неясно самому тому, кто раньше всего принял и любил живую ясность. Он словно куда-то позвал, но сам не зная куда. Не пром ли от «жизни», от воплощенной действительности конкретным людей и частных, реальных условий существования? Художник, принимающий трагично только как художник — не как человек, привлек к общей трагической антиномии запросы праведной жизни, которая должна быть, но которой нет, и законы жизни не должной, но осуществленной; любовник ясной красоты заблудился в туманном и как-бы только мечтательном. От байронизма, который был оживлен для Пушкина кровью страсти и яркой кровью убийства, не ступил ли он сам в увлеченный мир Ленского, который несправедливо осудил? ..

1. Выражение этого неуверенного нахождения и в современной поэме критик В. Киреевский пишет в Моск. Вестнике 1828 г. Зельский Крит. Лит. о Пушкине, изд. 3. II, стр. 132: «Поэт, автор, хотеть предать, золотой венец, но не справившись, не имея законных, — в то же время, но ничто не нарушает общей гармонии. Неделю был, завлекать, сначала явную мечту».

Пушкин чувствовал, что раскол его с Байроном — уже совершившееся внутреннее событие, и вместе не зная до конца, и от чего откололся, ни куда идти. Это усилие было связано с увлечением современников Мудрою Байрона или, точнее, ослепительным и дерзким ее убором. Скоро, правда, художник, опережая толпу, определенно узнал, куда идти: к пародии, в старину, в живую, данную действительность, «ins volle Menschenleben». Но высшее, чуждое само художество, зарывшее вглубь поэта, осталось неразрешенным: едва забрезжило, но указанное пророчесственным вдохновением, нечто далекое и чистое, какой-то религия в глубине зримого мира; но далекий, полу-раздельный и все же настойчивый призыв породил только случайные отклики поэта-художника и безплодное желание исправиться и остепениться, в смысле познания своего гениального произвола и мятежа человеческого и признанным нормам, да мновения душевного ужаса, когда безмолвное воспоминание медленно развивает предь человеком, в пустыне глухой полночи, свой длинный свиток.

Глухая тревога и странная неуверенность овладела Пушкиным настолько, что кажется, будто он бегал за свою новую поэму: он не только отдаётся ей обнаружение, но избегает и друзей сообщать ее иначе, как в отрывках? ..

но, при первом покушении присвоить его нашему воображению, ралетается к ничто, как тумана Ледовитого моря.

2. Чернышка рет Сантова №№ 121, 124. — 25 января 1825 г. Пушкин пишет Вяземскому Чернышка № 122: «И, кажется, писал тебе, что мой Цыгань школа не толстая: не шбрь — а сиречь ты будешь ими очень поведень». В конце января Бестужеву № 123: «Рядьень ты ставишь тебе мою Цыгань». Поэму моего брата, даю что он не стесался своего слова: я не хотеть, чтобы эта поэма известна была раньше времени. Теперь нечего Цыгань: принудить ее напечатать, моя не расстается ее по клопам». В феврале 1825 г. Рядьень благодарил Пушкина за предельные отрывки из Цыгань и обещал опубликовать в следующем, недействительной публике, но уже написавшей и перерывом ожидаемой поэме (Чернышка № 127). И тогда же Пушкин обещает брату Ляву № 128: «Цыгань и о в, нечего Цыгань, чернышка и принудить, вель, а вы их не шить». А 19 февр. уведомляет Мухомова, не шить к Вяземскому № 130.

Он ведь спросил вель у меня, дабы Цыгань и расстать его по шить. Барнарь Вель, это кровь мой, вель, это шить. Теперь я вель, Цыгань, расстать, а попер не

Векорѣ, однако, ему представилась возможность убедиться, что его высшія и самому ему еще не выяснившіяся стремленія понятны въ такой мѣрѣ, которая обезпечивала ему полную безопасность разоблаченія его поэтической работы. Молва о необычайной красотѣ послѣднато законченнаго имъ произведенія уредила самое появленіе его въ свѣтъ; то, что стало изъ поэмы общезвѣстнымъ, окончательно упрочило эту славу: отзывы друзей были восклицаніями восторга: новое и сомнительное въ смѣломъ и вѣщемъ твореніи вовсе не было замѣчено. Въ маѣ 1825 г. Жуковский пишетъ въ Михайловское: «Я ничего не знаю совершеннѣе по слогу твоихъ Цыгань. Но, милый другъ, какая цѣль? Скажи, чего ты хочешь отъ своего гения? Какую память хочешь оставить о себѣ отечеству, которому такъ нужно высокое? Какъ жаль, что мы разно». На что Пушкинь съ естественною досадою отвѣчаетъ правымъ провозглашеніемъ автономіи искусства, единственно умѣстнымъ въ случаю такой глухоты имѣющихъ уши слышать и не слышащихъ: «Ты спрашиваешь, какая цѣль у Цыгановъ? Вотъ она! Цѣль поэзіи поэзія... Думы Рылѣва и цѣлуютъ, а все не впопадъ»³⁾.

Тѣмъ не менѣе, Пушкинь продолжаетъ оттягивать появленіе поэмы, которая, по его словамъ, ему «противилась», потому что о ней заговорили⁴⁾. Онъ стыдится ея предъ литературными консерваторами и классиками, но недоволенъ и восторгами

во время». Все же поэтъ медлитъ, и Рылѣвъ въ мартѣ торошитъ его (№ 136). Въ апрѣлѣ № 152 онъ же сообщаетъ впечатлѣнія отъ прочтенной Л. С. Пушкинымъ поэмы; Рылѣвъ слышитъ ее уже въ четвертый разъ; все, что онъ «примудрилъ» въ смыслѣ критическихъ возраженій, сводится къ тому, что «характеръ Алеко нѣсколько униженъ», ибо приличнѣе ему быть, паримѣръ, кузнецомъ, чѣмъ воить медвѣдя; кромѣ того, Рылѣвъ усматриваетъ «небрежность» слога въ «началѣ» и осуждаетъ гнѣратическое «рекъ», вводящее заключительныя слова стараго Цыгана. Въ «Полярной Звѣздѣ» появляется, наконецъ, отрывокъ поэмы, и въ маѣ Раевскій-сынъ пишетъ Пушкину (№ 159): «votre fragment — est, peut-être, le tableau le plus animé, du coloris le plus brillant que j'aie jamais lu dans aucune langue». — убѣждая его дать въ руки публики все произведеніе.

3 Перевиска №№ 162, 166. Срв. отзывъ Вяземскаго (ib. № 189): «Ты ничего жарче этого еще не сдѣлалъ... Это, кажется, подлиннѣе, совершеннѣе, оригинальнѣе двое твореніе».

4 Перевиска № 206 (сентябрь, 1825). Правда, уже въ полѣ онъ поручилъ было представить поему въ цензуру (№ 181).

романтиковъ, не различающихъ въ ней первой попытки вывѣсужденія изъ-подъ власти ходячихъ цѣнностей, штемцелеваныхъ фальшивою маркою «байронизма»; впрочемъ, и самъ не склоненъ почесть эту попытку удавшею — такъ неуверенъ онъ въ своемъ новомъ словѣ — и не уважаетъ своего творенія, относя его къ категоріи модно-байроническихъ⁵⁾.

Въ 1827 году, наконецъ, поэма дѣлается достояніемъ публики, и вспыхиваетъ борьба критической мысли вокругъ новаго произведенія. — медленный процессъ усвоенія общественнымъ сознаніемъ высокаго поэтического завѣта. Этотъ процессъ обнимаетъ собою періодъ русскаго духовнаго развитія отъ эпохи спора между романтиками и классиками до тѣхъ торжественныхъ дней, когда толкованіе Достоевскаго такъ своеобразно освѣжило внутренній смыслъ вдохновеннаго творенія и въ образѣ, который былъ только поэтическимъ образомъ для поколѣній старѣвшихъ, открыло вѣщій символъ. Но задачей первой критики была начальная и поверхностная эстетическая оцѣнка «Цыгань» и предварительное выясненіе вопроса о самобытности поэмы, о степени ея оригинальности или подражательности. Прежде всего, должно было рѣшить вопросъ о зависимости отъ Байрона; и раньше, чѣмъ мы разсмотримъ, какъ судили объ этомъ современники, намъ предлежитъ подвергнуть тотъ же вопросъ особенному изслѣдованію, при помощи болѣе точныхъ результатовъ, добытыхъ новѣйшими изслѣженіями.

VII.

Прикосновеніе къ поэзіи Байрона было нужно Пушкину для преодоленія, точнѣе — просто и только расширенія той идейной и формальной сферы культурныхъ интересовъ, эстетическихъ оцѣнокъ и умственныхъ предрасположеній, въ которой онъ воспитался и которая наиболѣе отвѣчала

1) 4 декабря 1825 г. Перевиска № 222. Пушкинь пишетъ Катенину, классику, на его совѣтъ издать «Цыгановъ» (ib. № 218): «Мнѣ, право, совѣстно, что тебѣ такъ много наговорили о моихъ Цыганахъ. Это годится для публики, но тебѣ я надѣюсь представить что-нибудь болѣе достойное твоего вниманія. — Шлетневу, въ мартѣ 1826 г., поэтъ предлагаетъ Перев. № 242: «Знаешь ли? Уже если печатать что, такъ возьмемся за Цыгановъ... А то, всякій разъ какъ я объ нихъ подумаю или прочту слово въ журн., у меня кровь портится».

глубокайшымі патрэбнасцямі яго асобы: мы разумемь французскіі XVIII-ыі вѣкь.

Ясность, чёткость и замкнутость образовъ, легкость, грація и веселость вымысла, опредѣлительность и подчасъ разсудочность мысли, любовь къ *pointe*, вѣрность преемственному канону формы, весь строй, вся мѣра, все остроуміе пушкинской поэзіи тѣсно связаны съ этимъ духовнымъ наслѣдіемъ. За него держалось все, что было въ Пушкинѣ умственно-консервативнаго: а былъ онъ по природѣ консерваторъ и лишь временно и какъ-бы случайно революціонеръ, въ какой бы области ни наблюдали мы его міросозерцаніе и самоопредѣленіе. Пушкинъ унаслѣдовалъ и пристрастіе вѣка, при концѣ котораго онъ родился, — къ анекдоту. («Евгеній Онегинъ») — распространённый анекдотъ. Анекдотическая достоверность иногда обращается въ мораль, какъ въ томъ же «Онегинѣ». Методъ Пушкина, при созданіи большей части стихотвореній, — французскій и «классическій». Пушкинъ, именно какъ сынъ XVIII вѣка, — великій словесникъ, ибо убѣждёнъ, что все въ поэзіи разрѣшимо словесно. Плъ полного отсутствія сомнѣній въ адекватности слова проислекаетъ живая смѣлость простодушной живонши. Часто кажется, что поэтъ вовсе не подозреваетъ отбѣговъ и осложненій. Что значать эти очень простыя и скуныя слова и очень обычныя, почти неестественно здоровые и румяные эпитеты? — непременно въ предостереженіе внутренняго избытка? И подчасъ какъ-то жутко становится отъ пушкинской ясности, отъ пушкинской быстроты. Мы думаемъ: *ars longa*; но у него искусство *ars brevis*. Такова моцартовская сторона его гениа, издѣлывшая преданіемъ XVIII-го столѣтія, и именно французскимъ преданіемъ: подаромъ юнона Пушкинъ съ увлеченіемъ авалить Вольтера-поэта.

Но отъ односторонняго вліянія этиаь воспоминаній нужно было освободиться: и такъ какъ немецкая поэзія была Пушкину въ общемъ чужда, онъ естественно искалъ приблизиться къ пониманію своего времени и «стать съ вѣкомъ наравнѣ» чрезъ посредство поэзіи англійской: а здѣсь неизбежно было ему встрѣтиться съ общимъ «свадательемъ думъ» эпохи — съ Байрономъ. Онъ не замечалъ стать, отвлеченно и поверхностно, мятежникомъ, простирая свое рвеніе до «суроквь чистаго аэризма» и увлеченія гетеріей; но подлиннаго

содержанія («міровой скорби») усвоить себѣ не могъ. Зато нарядилъ своихъ героевъ въ байроническіи и восточныи костюмъ и, если не сумѣлъ вдохнуть въ нихъ истинное дерзновеніе, все-же сдѣлалъ ихъ и несчастными, и гордыми. Важнѣе было, однако, при этомъ прикосновеніи къ міру Байрона, расширеніе вишне-поэтического діапазона, обогащеніе чисто техническое. Байронъ открылъ Пушкину — художнику много формальныхъ средствъ и приёмовъ, новый ритмъ лирическаго и эпическаго движенія въ ходѣ повѣствованія и въ теченіи рѣчи. Нашъ поэтъ подражаетъ ему и въ обрисовкѣ лицъ и положеній, и къ стилю описаній, въ отступленіяхъ и переходахъ, въ паузахъ и паузахъ. Формальное изученіе Байрона должно было смѣниться преимущественнымъ изученіемъ Шекспира: но Пушкинъ не терпѣлъ приобрѣтеннаго; истиннымъ же приобрѣтеніемъ для него всегда было только формальное, только канонъ стиля, въ наиболѣе широкомъ значеніи этого слова. Ибо, когда говорить о способностяхъ Пушкина «перевосходить» подобно Протею, не учитываютъ обычно того обстоятельства, что, отражая мужья сферы думъ, онъ неизменно уменьшаетъ содержаніе отражаемой идеи, къ совершенствѣ возсоздавая законъ ея воплощенія, ея поэтическую форму.

VIII.

Другимъ средствомъ выйти въ XIX вѣкь изъ родныхъ границъ XVIII-го вѣка было приобщеніе къ исканіямъ самой французской мысли: и здѣсь особенное значеніе приобретаетъ въ развитіи пушкинской поэзіи Шатобрианъ, на вліяніе котораго было въ повѣнней критической литературѣ о Пушкинѣ съ энергіей указано ¹⁾.

Но высоко цѣнимый Пушкинымъ родоначальникъ французскаго романтизма не былъ стихотворцемъ, и потому прямое воздействие его на Пушкина трудно уловить и опредѣлить, чѣмъ воздействие Байрона. Поскольку Пушкинъ понимался чуждому вліянію, онъ познавалъ новый законъ поэтической формы, новый ладъ и строй и всенъ. Идеиное содержаніе твореній, судя жившимъ ему образцами, не раздѣлялось въ его воспріятіи отъ ихъ словеснаго выраженія и ритмическаго движенія: усвоеніе

1) В. Сидовскіи. Пушкинъ, Байронъ и Шатобрианъ. Сиб. 1899, стр. 27 под. Статья переиздана въ кн. Вѣтъ-же автора. Пушкинъ. Сиб. 1907.

формы естественно обусловливало и в то же время, неполное отражение духовных перспектив, развертывавшихся в изучаемых творениях,—воплощенной в них мысли и одушевленного духа лиризма. Поэтому возможно с вероятностью утверждать лишь косвенное влияние гингов Шатобриана на замысел «Кавказскаго Цыгника»²⁾ и разбираемой нами поэмы.

Нельзя не видеть, что в этой последней характер героя, «гордаго человека», — характер байроновской семьи своевольных мятежников против общественного закона; этот характер совершенно чужд природѣ Шатобриановыхъ жертвъ міровой скорби — этихъ скитальческихъ, правда, и повсюду бродячихъ душъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ душъ глубоко покорныхъ долго не обрѣтаемому ими и все-же непрестанно призываемому высшему, сверхличному началу. Только самое скитальчество и бѣгство въ пустыни и въ общество первобытныхъ людей устанавливають сходство между Алеко и Ренэ; однако, и здѣсь оба различны, поскольку все устремленіе послѣдняго направлено къ идеалу не зараженной старыми язвами, дѣвственной гражданской культуры, тогда какъ Алеко ненавидитъ всякую культуру и всякую гражданственность. Только ясная кротость и строгая покорность души, умудренной страданіями любви и отреченіемъ примиренной съ общественнымъ закономъ жизни, составляетъ общую черту характеровъ Шахтаса и отца Земфиры: но если старый туземецъ саваннъ у Шатобриана всецѣло проникнутъ духомъ христіанства и взираетъ на міръ съ высоты глубоко усвоенной имъ въ ея основаніяхъ религіозно-нравственной философіи, старый Цыганъ Пушкина выражаетъ самобытный синтезъ внутреннихъ опытовъ полудикой общины, отдѣленной отъ міра чужихъ идей и выработавшей исключительно изъ условий своего обособленнаго существованія собственный нравственный законъ и собственное абсолютное представленіе о нерушимой и неприкосновенной свободѣ человека.

Эти сопоставленія существенно ограничиваютъ предположеніе о непосредственномъ влияніи повѣстей «Atala» и «René» на поэму «Цыгань». Преобладающимъ является, во всякомъ случаѣ, общее вліяніе духа Байроновой поэзіи,—вліяніе общее

потому, что близкой аналогіи замыслу «Цыгань» у Байрона повсе имѣть. Тѣмъ знаменательнѣе известный параллелизмъ въ рѣшеніи проблемы индивидуализма и свободы у обоихъ поэтовъ: почти одновременно Байронъ писалъ поэму «Островъ», въ которой воздвигъ идеаль anarchическую волюности невинныхъ дѣтей природы. Сходство результата исканій подтверждаетъ и ихъ изначальную однородность: Пушкинъ сдѣлалъ проблему Байрона своей, и разрѣшилъ ее самостоятельно.

Такъ, если анализъ поэтическихъ вліяній обнаруживаетъ въ «Цыганахъ» присутствіе извѣстнѣ воспринятыхъ элементовъ, общій итогъ изслѣдованія утверждаетъ оригинальность Пушкина какъ въ переработкѣ этихъ элементовъ, такъ и въ разрѣшеніи противорѣчій, открытыхъ его предшественниками въ понятіяхъ индивидуализма и свободы. Гений Пушкина, едва прикоснувшись къ этимъ антиноміямъ современнаго ему сознанія, овладѣлъ и ихъ философскимъ содержаніемъ неполно и поверхностно, но въ художественныхъ образахъ воплотилъ ихъ съ большою яркостью и большею простотой и намѣтилъ пути ихъ преодоленія болѣе смѣлые и болѣе простые. Вопросъ о «гордомъ человѣкѣ» и общественномъ идеалѣ безвластія и безначалія поставленъ русскимъ поэтомъ прямо, чѣмъ поэтами Запада, и отвѣтъ на этотъ вопросъ у него долженъ быть признанъ болѣе опредѣленнымъ и болѣе радикальнымъ, нежели у тѣхъ.

IX.

Послѣдовавъ за Байрономъ въ первоначальномъ замыслѣ поэмы и преодолевъ его вліяніе въ творческомъ выполненіи этого замысла, Пушкинъ долго самъ не отдастъ себѣ отчета въ повизѣ и дѣяности своего обрѣтенія и только смутно сознаетъ, какъ совершившееся событіе, свое освобожденіе отъ недавняго властителя его поэтическихъ думъ. Общество встрѣчаетъ нетерпѣливо ожидаемое произведеніе необычайными восторгами¹⁾. Критика того времени, въ значительной мѣрѣ отразившая эти восторги²⁾, немедленно поднимаетъ вопросъ объ отношеніи поэмы къ ея первоисточникамъ и раз-

1. Немногіе протесты, въ родѣ мифіа той дамы, восторгалъ по сообщенію самого Пушкина, находила въ поэмѣ только одного честнаго человека, а именно, мелѣтъ,—конечно, не должны были приняты въ расчетъ.

2. Зеллинскій. Крит. лит. о произвѣд. Пушкина изд. 3, т. II, стр. 69, 70, 71. Лучшее созданіе Пушкина. Ощущенія повыва: впечатлѣнія силь-

2 Ср. выше статьи П. О. Морозова, П. П. Лавренкова и П. А. Котляревскаго.

рвнать его въ общемъ вѣрно: отказывается назвать Пушкина подражателемъ Байрона²⁾ и въ то же время ставитъ на видъ его неоспоримую зависимость отъ послѣдняго³⁾, поскольку онъ «слѣдствіе вѣка и поэзіи байроновской»⁴⁾; зависимость, не уменьшающую, однако, самобытности русскаго художника⁵⁾, поскольку поэзія его «его собственная, не байроновская»⁶⁾, и байроновскую скорбь онъ «чувствуетъ русскимъ сердцемъ»⁷⁾.

Такое, по крайней мѣрѣ, господствующее и рѣшительное мнѣніе критики 20-хъ и 30-хъ годовъ, котораго не могутъ затерять и ослабить ни отдѣльныя попытки представить Пушкина сколкомъ съ Байрона⁸⁾, ни покушенія Надеждина про-

нвалъ. Неужели вѣкъ подражаній! Кажется, рѣшительно нѣтъ. Моск. Телегр. 1827: 132. «Мастерство стиховодженія достигло высшей степени своего совершенства». Моск. Вѣстн. 1828: 170.

Характеры Зефиря и старца—*chefs d'oeuvre*. Сынъ Отеч. 1829 и пр.

3 П. Полоней въ Моск. Тел. 1825 г.—Зелинскій II, стр. 32. П. Кирѣевскій въ Моск. Вѣстн. 1828 г.—Зелинскій II, стр. 129.

4 Вродитно, не будь Байрона, не было бы и поэмы Ц. въ настоящемъ ея видѣ. Моск. Тел. 1827.—Зелинскій II, стр. 72). Въ Цыганахъ,—кто не шитъ байроновской тщи? Камашевъ въ С. Отеч. 1831 г.—Зелинскій III, стр. 107.

5 Бугларинъ въ С. Отеч. и Сѣв. Арх. 1833. Зелинскій III, стр. 177.—К. Полоней въ Моск. Тел. 1829 г. (Зелинскій II, стр. 159): Поэма сія Кавк. П. и Финикъ), какъ и друія поэмы Пушкина, сдѣлаваны за него, были слѣдствіемъ Байрона, оказавшаго на время всѣмъ міромъ, Байронъ—только поводилъ на поны ибнѣе свое это времени. — По вопросу объ отношеніи «Цыганъ къ интеллектуально-правительственнымъ запросамъ вѣка, уже критикъ Моск. Телеграфа въ 1827 г. дѣлаетъ характерное замѣчаніе, что Алеко—лицо, иеретическое для общества въ повсюду поэзію, а не для поэзіи навѣщенное на общество, какъ многие подлагодъ. Зелинскій II, стр. 75.

6 П. Кирѣевскій въ Моск. Вѣстн. 1828 г. Зелинскій II, стр. 131. Вебъ неостатки въ Цыганахъ зависятъ отъ противорѣчія двухъ разнородныхъ стремленій: одного—самобытнаго, другого—байроническаго; посему самое несовершенство поэмы есть для насъ зато совершенствование поэты.

7 Бугларинъ въ С. Отеч. и Сѣв. Архивъ 1833 г.—Зелинскій III, стр. 177.

8) Но и тогда уже П. освобождалъ по временамъ отъ этихъ глупыхъ оговѣвъ и тортовъ свободно дѣйствовать русскимъ талантамъ, какъ въ Братскихъ-Разбойничьихъ, чувствовалъ русскимъ сердцемъ, какъ въ Цыганахъ. Вѣстн. Царства, 1830 г. т. 39. Зелинскій, изд. 2, т. IV, стр. 130.

9) Вѣрнѣе и точнѣе, его Кавк. П. и Финикъ, рѣшительнаго его Б. Фонтанъ и Цыганьки и детокъ. Фибинъ, русскій стихотв.

воздастъ его Байроновой пародіей¹⁰⁾. Въ смыслѣ детективскаго и филологическаго изумленія эта критика дала немногое, но, быть можетъ, достаточное для первой, еще поверхностной оцѣнки исключительнаго по своей красотѣ и силѣ произведенія: отдѣльныя нападенія на нѣкоторыя частности поэмы не были ни мыслимы, ни прочными по своему вліянію на общее мнѣніе¹¹⁾.

съ лица Донъ Жуана, какъ Павловъ и Алеко были снимками съ Чандль-Гарольдова лица. Все это было вдохновлено Пушкину Байрономъ и пересказано съ французскаго перевода продолжительнѣе эстампа съ прекраснѣйшихъ произведеній живописи. М. Тел. 1833 г.—Зелинскій III, стр. 206. Впрочемъ, критикъ признаетъ, что Пушкинъ пласаетъ все выше и самобытнѣе, что въ Цыганахъ видна уже мысль. стр. 208.

10) Его герои, въ самыхъ мрачнѣйшихъ произведеніяхъ его фантазіи, какъ въ Братск. Разбойничьи и Цыганьки, суть не дьяволы, а бѣсовята. И ежеднвнога случается ему пошевелить на міръ, то это бываетъ просто съ сердцемъ, а не изъ неавности. Какъ же можно сравнить его съ Байрономъ?—Русскій споръ о проиѣ Б. и Фонтану или Цыганьки и ама въ принадлежитъ первоначально между произведеніями Пушкина. По моему мнѣнію, самое лучшее его твореніе есть Графъ Пудинъ... Зѣвъ поэтъ находится въ своей стихіи, и его пародійными теніи является во всемъ своемъ архаическомъ величій. А Б. Фонтанъ, а Кавк. П. и Бр.-Разб., а Цыганьки, а Подгава! Это все также пародія. Бѣды сомнѣній, не пародія, и дѣломъ для нихъ хуже. Но между тѣмъ, во вѣкъ ихъ проскакиваетъ болѣе или менѣе характерное направленіе поэты, даже, можетъ быть, противъ собственной его воли. Это, конечно, и не удивительно: припадки дубоскалнцъ, мурено сохранивъ тою важной вѣдь, не вѣривши самому себѣ, вродитнога гримасы прорывается украдкой сквозь личину подѣльной самовѣрности. (Вѣстн. Европа 1829, 8.—Зелинскій II, стр. 195—198. — Пудинъ это и пошлѣе эпигравъ съ жакетомъ, а о Борисѣ спросила у публики... Правду сказать, Пушкинъ самъ избавлять се своими Пудинъми, Цыганьками и Разбойничьими. Она привыкла отъ него ожидать или смѣха, или шокъ, или оправданій въ прескромные стихи, которые можно написать въ альбомъ или поощрять на поны. Телеграфъ 1831 г.—Зелинскій III, стр. 104.

11) Слова относятся мнѣнію о неумѣстности разсказа объ Овипіи и объ удивительности промисла Алеко въ дѣборѣ припадке стиха. Поэтъ съ себя защититъ нѣтъ,—слишкомъ трескучимъ для мѣтеножденія, по дѣлу, однако, критикъ Моск. Телеграфа въ 1827 г. мѣтко замѣчаетъ. Подумается, что этотъ стихъ вѣдь нѣтъ какого нибудь хора, превнѣе третины; ослѣпленіе, заключеніе, дѣлательныхъ словъ Зефиря; Умру, доблѣ, какъ диндрамматическихъ; порицаніе, стрелы. И съ камня по траву сваливъ, которое возбудило въ Пушкинѣ гнѣвъ, приношеніи въ восторгъ Мюшкетера, Прибавимъ, что въ старомъ Цыганѣ критикъ М. Телеграфа 1827 г. видитъ безсмысленность старика въ которомъ она только память, еще припадке впечатлѣнія.

Амплитуда колебаний критической мысли по вопросу о самобытности поэмы достигает своих предельных уже в конце 30-х годов, когда Фарнгаген фон Энзе, под еще свежим впечатлением смерти Пушкина, предпринимает труд доказать, что он, как «выражение полноты современной русской жизни, в высокой степени национален», что «творения его полны России во всех отношениях», что поэзия его, которая «кажется часто подражанием, не будучи таковою», «происходит из собственного духа даже в тех случаях, в которых не всегда бывает отличительна». По Фарнгагену, поэма «Цыгань» — «одно из сильнейших и самобытнейших созданий Пушкина: она, без сомнения, основана на каком-нибудь действительном происшествии: обработка цыгана превосходна: в некоторых местах она становится совершенно драматическою: с каждою строкою усиливается действие: происшествие проносится подобно грозной бурь и оставляет за собою ночь и безмолвие»¹²).

Шевырев, продолжая мысль П. Курбевского, что «все недостатки поэмы зависят от противоречия двух различных стремлений: одного — самобытного, другого — байронического», — утверждает, что «противоположность между существом обоих поэтов была причиной того, что влияние Байрона скорее вредно было, нежели полезно Пушкину: оно только нарушало цельность и самобытность его поэтического развития». И в «Цыганах» критик видит «два элемента, которые между собою враждуют и сойтись не могут», — замечание, которое было бы важным, если бы продумано было до постижения антитезы, лежащей в самой основе произведения: но, по мысли критика, — «элемент Байрона является в призраках идеальных лиц, лишенных существенной жизни, элемент же самого Пушкина в картинах степеней бессарабских и кочевого быта»¹³.

Как бы то ни было, благодаря этим усилиям критической мысли, в самом восприятии поэмы, эстетическом и философском, началась внутренняя дифференциация: в большей или меньшей мере осознан был элемент, привнесенный в

творчество Пушкина извне, и элемент самостоятельного преодоления этой чуждой стихии. Поскольку дальнейшие споры о влиянии Байрона сводились к количественному определению того и другого из обоих сопричастных элементов, они кажутся нам мало плодотворными. Критики настаивают на разности обоих поэтов («в направлении и духе таланта» (по выражению Бблинского)) и естественно выносят впечатление преобладающей самобытности Пушкина. Они придают этому вопросу большое значение, не всегда сознавая отчетливо, что изследование влияния само по себе принадлежит иной сфере разсмотрения художественных произведений, чем их эстетическая и философская оценка, и что понятие оригинальности таланта не совпадает с понятием его художественно-исторической изолированности.

Бблинский и Чернышевский, Аноллонь Григорьев и Катков, Страхов и Анненков, касаясь роли Байрона в пушкинском творчестве вообще, разбирают спорный вопрос (о степени самобытности последнего) именно с этой точки зрения и в этих пределах¹⁴. Между тем важнейшим по внутреннему значению моментом в споре было доведение выше указанной дифференциации до той грани, где ясно предстало бы постижение, что элемент заимствованный был элемент философской и психологической проблемы, элемент же самобытный и по преимуществу творческий заключался в попытке самостоятельного решения этой проблемы. Так поставил вопрос только Достоевский.

X.

Первою попыткой раскрыть внутренний смысл поэмы была критика Бблинского. Для него «Цыгань» — «произведение великого поэта», и притом поэта, опередившего свое время. С эпохи создания «Цыгань», говорит Бблинский, «Пушкин уже перестал быть выразителем нравственной настроенности современного ему об-

12) Сын Отеч. 1839, т. 7 — Зелинский IV (изд. 2), стр. 108, 110, 120.

13) Москвитинья 1841, т. 3, 39. — Зелинский IV, стр. 205.

14) Словески. Пушкин, Байрон и Шатобрианъ, стр. 8 сл.; стр. 32: Байронъ даль Пушкину образчикъ для героя Цыгань. О байронизмѣ Алеко говоритъ и А. Веселовскій, «Запад. влияние въ новой русской литературѣ», изд. 3, стр. 168. По Спасовичу: Цыгань знаменуетъ выходъ П. изъ области байроновскаго влияния (Соч. II, стр. 323).

щества и явился уже воспитателем будущей поколѣний... Поэма заключаетъ въ себѣ глубокую идею, которая большинствомъ была совсѣмъ не понята, а немногими людьми, радушно привѣтствовавшими поэму, была понята ложно».

Какова же эта идея, по мнѣнію Бѣлинскаго? — «Идея Цыгань вся сосредоточена въ героѣ... Въ Алеко Пушкинъ хотѣлъ показать образецъ человека, который до того проникнуть сознаниемъ человеческого достоинства, что въ общественномъ устройствѣ видитъ одно только униженіе и позоръ этого достоинства». Убѣжденные, что именно это «хотѣлъ Пушкинъ изобразить въ лицѣ своего героя», Бѣлинскій шлетъ даже убѣдильнѣе читателя, что поэтъ «не успѣлъ» въ исполненіи своего предназначенія. «Желая и думая изъ этой поэмы создать апофеозъ Алеко, какъ поборника правъ человеческого достоинства, поэтъ вмѣсто этого сдѣлалъ страшную сатиру на него и на подобныхъ ему людей, изрекъ надъ нимъ судъ, неумолимо трагическій и вмѣстѣ съ тѣмъ горько прощескій». Ясно, что при такомъ несоответствіи замысла и исполненія невозможнымъ оказывается, къ конечному счету, усмотрѣть въ поэмѣ иное, чѣмъ «только могущій порывъ къ истинно-художественному творчеству, но еще не полное достиженіе желанной цѣли стремленій».

Алеко, по Бѣлинскому, — «обладающій такою силой жечь огнемъ усть своихъ», — долженъ быть «существомъ высшаго разряда, — исполненнымъ свѣтлаго разума и пламенной любви къ истинѣ, глубокой скорби объ униженіи человечества». На самомъ дѣлѣ онъ не таковъ: «сердцемъ Алеко овладеваетъ ревность». Даже, критикъ разсматриваетъ ревность какъ «страсть свойственную людямъ по самой натурѣ эгоистическимъ, или людямъ неразвитымъ нравственно». Падѣвши Алеко, который никогда не дѣлалъ тайны изъ того, что для себя хотѣлъ воли, миссіей «мученичества» за «высшія, недоступныя толпѣ откровенія», Бѣлинскій негодуетъ, не вѣря въ «героѣ убѣжденій» простой гуманности въ томъ смыслѣ, въ какомъ это понятие стало руководящею этическою нормою передового русскаго общества въ теченіе трехъ слѣдующихъ десятилѣтій.

Читая разсужденія о томъ, что «человѣкъ нравственно развитой любить свободно, увѣренно, потому что уважаетъ предметъ любви своей» и т. д., естественно

усомниться: неужели Пушкинъ «сказалъ въ самомъ дѣлѣ» только это и именно это, хотя «думалъ сказать» нечто иное, такъ какъ «непосредственно творческій элементъ въ Пушкинѣ былъ несравненно сильнѣе мыслительнаго сознательнаго элемента», неужели въ самомъ дѣлѣ Пушкинъ попытался провозгласить поэтическую безнравственность, а «сказалъ» — прозаическую мораль? Не потому ли, напротивъ, поэма является «страшнымъ, поразительнымъ урокомъ нравственности», по призванію самого Бѣлинскаго, что урокъ этотъ преподаетъ не немъ изъ усть кроткой свободы и значительнѣе покорностью страданій, и такъ непохожъ на головные уроки просвѣдательной прямолинейности?

Въ связи съ односторонностью общей оцѣнки, и отдѣльными сужденія Бѣлинскаго о частностяхъ поэмы обнаруживаютъ недостаточное проникновеніе въ таинство ея созданія. Такъ какъ онъ, морализируя, видитъ въ Алеко только «судовищный эгоизмъ», воспріятіе трагическаго, естественно, ослаблено: слова «и отъ судьбы защиты и вѣтъ» утрачиваютъ свой страшный смыслъ. Старый Цыгань, по словамъ Бѣлинскаго, «способствуетъ, самъ того не зная, преподанію намъ великаго урока»; и если читатель недоумѣваетъ, какъ мужъ Маріуды и отецъ убитой Земфирѣ можетъ самъ не знать, чему онъ учитъ мать трупомъ дочери ея убійцу, «старого человека», то критикъ уже поучаетъ: «Несмотря на всю возвышенность чувствованій стараго Цыгана, онъ не высшій идеаль человека: этотъ идеаль можетъ реализоваться только въ существѣ сознательно разумномъ, а не въ непосредственно-радушномъ, не вышедшемъ изъ-подъ опеки у природы и обычая, — иначе развитіе человечества черезъ цивилизацію немѣлобыльничкаго смысла, бывавтъ собаки одаренныя...» и пр.

Критикъ воленъ предпочитать кованымъ и вѣскимъ стиху «Полтавы» наивно-пѣвочному стиху «Цыгань»; но называть «поэтическими» въ слогѣ особенности словесной формы, художественная прелесть пѣвности, которыхъ совершенно очевидно есть ошибка эстетическаго сужденія. Глаголь «рекъ», переть, заклю чительною рѣчью старца, очевидно, приготавливаетъ слушателя къ чему-то предвѣщанно торжественному и священному: для Бѣлинскаго же онъ просто «отдѣляется легкой книжностью». «Пуганые шатры» критикъ свободно поправляетъ въ «пуган-

шле». Стихи: «медведь, бѣглець родной берлоги, косматый гость его шатра,»—кажутся ему «ультра-романтическими»: почему-де онъ «бѣглець»? почему—«гость»? Но, вѣдь, и Алеко гость шатровъ и бѣглець изъ человѣческихъ берлогъ, обремененъ такими же звѣрями какъ онъ самъ (ибо гордый человекъ—звѣрь въ мирномъ таборѣ); символизмъ пушкинскихъ метафоръ прозраченъ. Бѣлинскій именно не видѣлъ, что Алеко съ самаго начала задуманъ и представленъ не какъ герой и апостолъ просвѣтительной или гуманной общественной идеи (зачѣмъ бы тогда и бѣжалъ онъ отъ просвѣщеннаго общества?)—но какъ своевольникъ, мятежникъ, волькъ въ стадѣ, удивленный и ожесточенный индивидуальность и инормальность, беззаконникъ въ принципъ и по совѣсти, абсолютность страстей.

Основоположительное значеніе критики Бѣлинскаго заставило насъ подробно рассмотреть его сужденія о разбираемой поэмѣ; и каковы бы ни были въ нашихъ глазахъ недочеты этой критики, мы должны признать всю правильность окончательнаго опредѣленія идеи «Цыгань», которое мы находимъ въ слѣдующихъ словахъ 7-ой главы критическаго опыта о «сочиненіяхъ А. С. Пушкина»: «Замѣьте этотъ стихъ: «ты для себя лишь хочешь воли»,—въ немъ весь смыслъ поэмы, ключъ къ ея основной идѣ».

XI.

Послѣ Бѣлинскаго русская критика не сказала ничего новаго и значительнаго о «Цыганахъ»—до рѣчи Достоевскаго въ пушкинскіе дни 1880 года¹⁾. Произведеніе,

1) Такъ, по Каткову, первая поэма Пушкина внутреннею беднотпосительнаго достоинства, за исключениемъ некоторыхъ мѣстъ, особенно въ Цыганахъ, не имѣютъ. Имъ не достаетъ высшаго условія художественности: индивидуальности изображеній... Въ Цыганахъ и первыхъ главахъ Евгенія Онегина видимъ большую зрѣлость представленій. Мысль въ этихъ произведеніяхъ очевидно, свободна и зорка... Герои этихъ поэмъ представляютъ собой только-что пробудившуюся потребность жить собственнымъ сердцемъ и умомъ; они хотятъ держаться на своихъ ногахъ, быть нравственными единицами, но остаются еще при самыхъ скудныхъ элементахъ созданія... Алеко бѣжитъ изъ города въ степь отъ мучительныхъ словъ сердца, тамъ ищетъ свободы отъ страсти, но увлекается новыми страстями и возмущаетъ не очень завистливъ миръ цыганской вольности. Что бы такое могло изъ него выйти, право, не знаемъ (Русскіи Вѣстникъ 1836 г., Зелинскій VII, в. 2, стр. 154, 164—166).

посвященное проблемѣ индивидуализма и мировой скорби, не привлекало къ себѣ вниманія въ ту пору, когда, при общемъ ослабленіи интереса къ пушкинскому творчеству, русская мысль сосредоточилась на вопросахъ морали общественной и скорби гражданской. И самъ Достоевскій предпринимаетъ разсмотрѣніе «Цыгань» съ общественной точки зрѣнія; но эта точка зрѣнія опредѣляется взглядомъ на религиозное призваніе русскаго народа и потому является у Достоевскаго существенно иною, чѣмъ у его предшественниковъ, уже разглядѣвшихъ въ Алеко заблудившійся типъ отвлеченнаго и неувѣлаго протеста противъ дурной общественной дѣятельности, или у современныхъ Достоевскому либеральныхъ противниковъ его проповѣди о «пророческомъ» значеніи пушкинской поэзіи для нашего національнаго самосознанія. Это обусловило новыя проникновенія въ историческую роль и въ религиозно-общественную смысль изслѣдуемаго творенія.

Какъ замѣчено было выше, Достоевскій первый отвѣтилъ на вопросъ о байронизмѣ въ «Цыганахъ» утвержденіемъ за Пушкинымъ заслуги самообытнаго рѣшенія байронской проблемы. Выводы отъ Алеко типа русскаго «скитальца»,—«отрицательный типъ нашъ, человека безпокоющагося и непримиряющагося, Россію и себя самого, г.-е. свое же общество, отрицающаго, дѣлать съ другими не желающаго и искренне страдающаго¹⁾»,—Достоевскій съ силой указываетъ на «чрезвычайную самостоятельность» пушкинскаго гения. «Въ подражаніяхъ»,—говоритъ онъ,—«никогда не появляется такой самостоятельности страданія и такой глубины самосознанія, которая явилъ Пушкинъ, напримѣръ, въ Цыганахъ... Не говорю уже о творческой силѣ и о стремительности, которой не явилось бы столько, еслибъ онъ только лишь подражалъ. Въ типѣ Алеко сказывается уже сильная и глубокая, совершенно русская мысль... Въ Алеко Пушкинъ уже отыскалъ и гениально отбѣилъ того несчастнаго скитальца въ родной землѣ, того историческаго русскаго страдальца, столь исторически необходимо явившагося въ оторванномъ отъ народа обществѣ нашемъ. Отыскалъ же онъ его, конечно, не у Байрона только. Типъ этотъ вѣрный и свѣдѣнъ безошибочно, типъ по-

1) Объяснительное слово по поводу рѣчи о Пушкинѣ (Дневникъ Писателя, августъ 1880 г.).

стоянный и надолго у насъ, въ нашей русской землѣ, поселившійся».

Итакъ, Пушкинъ, по Достоевскому, заимствуя у Байрона отвлеченную тему, ознаменовалъ ею конкретную особенность русской жизни: съ общекультурной проблемой связалась у него частная и особенная проблема нашей общности. Такъ какъ литературный типъ «скитальца» отъ «гордаго человека» — Алеко до «непріемлющаго міръ» Ивана Карамазова несомнѣнъ, въ смыслѣ своей исторической достоверности, и впервые ощутительно означается именно въ термъ «Цыгань», то нельзя не признать вѣрнѣ съ Достоевскимъ, что такое воспріятіе западной идеи нашимъ поэтомъ было, само по себѣ, поистинѣ глубоко самобытно.

Но Пушкинъ, по Достоевскому, не останавливается на перенесеніи общекультурной проблемы въ планъ русской дѣйствительности: онъ почерпываетъ въ глубинѣ русскаго духа и самобытныя нормы ея рѣшенія. «Нѣтъ», — съ энергіей восклицаетъ Достоевскій, — «эта гениальная поэма не подражаніе! Тутъ уже подкалывается русское рѣшеніе вопроса, проклятаго вопроса, по народной вѣрѣ и правдѣ. Смирись, гордый человекъ, и прежде всего слыми свою гордость: смирись, праздный человекъ, и прежде всего потрудиись на родной нивѣ, — вотъ это рѣшеніе по народной правдѣ и народному разуму».

III.

Сличая это рѣшеніе съ подлиннымъ свидѣтельствомъ поэмы, нельзя не видѣть, что оно на половину принадлежитъ самому Достоевскому, хотя послѣдній настаиваетъ преимущественно на тѣхъ чертахъ, которыя привнесены имъ самимъ въ истолкованіе пушкинскаго завѣта. «Смирись, гордый человекъ» — есть дѣйствительная мысль Пушкина; но ни о «праздномъ человекѣ», ни о «родной нивѣ» поэтъ, явно, не думалъ. Далекъ было отъ него и представленіе о томъ, что мудрость кочевнаго табора можетъ совпадать съ нашею народною мудростью, беззаконная свобода цыганства съ нравственными устоями нашей «справды народной». Можно сказать, что старая Цыгань учить Алеко какой-то свободной и возвышенно-кроткой религіи; но какое приращеніе этой религіи, какое воплощеніе ея духа избреть слушающей — это не подсказано содержаніемъ пренотаннаго урока: онъ

вытерзанъ отвлеченно, какъ незащищеную отъ условій данной дѣйствительности является въ своей вселенской всеобщности истинная религіозная идея.

Здѣсь Достоевскій единкомъ узко пональ Пушкина: если-бы онъ принялъ это обрѣтеніе во всей вольной широтѣ его, широтѣ, до которой не возвышался Байронъ, новою опорой стало бы это достиженіе для его ученія объ идеѣ всечеловѣчества, какъ нашей національной идеѣ. Поистинѣ, Пушкинъ добылъ самобытное и русское рѣшеніе «проклятаго вопроса»: по это рѣшеніе не имѣетъ ничего общаго съ историческимъ укладомъ нашей народной жизни, ни, въ частности, съ «трудомъ на родной нивѣ», т.-е. въ эмпирическихъ условіяхъ нашего религіознаго, нравственнаго и бытоваго уклада.

Скиталець, именно въ мѣру своей вѣрности идеѣ вселенской, она же есть идея русская, захочетъ остаться скитальцемъ, создавая себя бездомнымъ гостемъ чуждому патрону, и какъ-бы человекомъ не отъ міра сего, равно у себя на родинѣ или на чужбинѣ, — она же въ свѣтѣ религіозной идеи — той, которая освобождаетъ, — уже и не чужбина.

И даже не можетъ опретьваться себя иначе скиталець, если проникнется завѣтами, которые раскрываетъ Достоевскій въ строгомъ напутствіи пушкинскаго старца изгоняемому изъ общины «гордому человеку»: «Не виѣ тебя правда, а въ тебѣ самомъ; найди себя въ себѣ, подчини себя себѣ, овладѣй собой, — и узришь правду. Не въ вещахъ эта правда, не виѣ тебя, а прежде всего въ твоёмъ собственномъ трудѣ надъ собою. Побѣдишь себя, усмиришь себя — и станешь свободенъ, какъ никогда и не воображалъ себя, и начнешь великое дѣло, и другихъ свободными сдѣлаешь... Не у цыгань и ни дѣ мировая гармонія, есди ты первый самъ ея недостойнъ, злобенъ и горъ». Именно, не у цыгань и ни дѣ, не въ границахъ и историческихъ условіяхъ той или другой страны, а тамъ, гдѣ Духъ: Онъ же льнетъ, гдѣ хочетъ.

Недостатокъ толкованія Достоевскаго, по нашему мнѣнію, въ томъ, что онъ вытѣняетъ, несоответственно съ намѣреніями Пушкина, на первый планъ національно-общественный вопросъ и чрезъ него ищетъ похода къ религіозному содержанію поэмы, тогда какъ Пушкинъ прямо противопоставляетъ богоборству абсолютно самоутверждающейся личности

идею религиозную — идею связи и правды вселенской — и въ этой одной видить основу истинной и цѣльной свободы: «спитичка Божія не знаеть ни забота ни труда»... Въ религиозномъ рѣшеніи проблемы индивидуализма мы усматриваемъ величайшую оригинальность и смѣлость пушкинской мысли.

Пушкинь принимаетъ исканія и призыванія Алеко въ ихъ послѣднемъ, безусловномъ значеніи: личность своеобразна. Что же можно противопоставить этому демоническому самоопредѣленію гордаго человека, если не антитезу религиозную?

Прости! та будетъ миръ съ тобою...

Какою же должна быть эта религиозная антитеза? Шатобрианъ, въ аналогическихъ условіяхъ, прибѣгаетъ къ антитезѣ религиозной условности къ вѣрученію и правоученію, основаннмъ на церковномъ авторитетѣ. У Пушкина, напротивъ, естественно и самопроизвольно, какъ бы изъ устъ самой матери-Земли, поднимается въ обличіе уединившейся и превознесшейся личности голосъ религиозной безусловности. На утвержденіе своеобразія поэтъ отвѣчаетъ не отричаніемъ его («смирись», какъ толкуеть Достоевскій, какъ учить Шатобрианъ), — но уже провозглашеніемъ положительнаго религиознаго синтеза: «Наученнѣй горькимъ опытомъ роковыхъ страстей и послѣдняго изнанія, ты, кто былъ гордъ и золь, будь нынѣ впервые и востисну — свободенъ».

XIII.

Взглядъ Достоевскаго на «Цыгань» еще сохраняетъ замѣтный сѣвѣдъ вліянія Бѣлинскаго. Какъ, по мнѣнію этого, герой поэмы — поборникъ человѣческихъ правъ, такъ, по Достоевскому, Алеко «въ своемъ фантастическомъ дѣланіи» стремится къ цѣлямъ «всемірнаго счастья». Только «еще не умѣеть правильно высказать тоски своей: у него все это какъ-то еще отвлеченно, у него лишь тоска по природѣ, жалоба на свѣтское общество, міровая стремленія... — гуть есть немножко Жаць-Жака Руссо». Но духъ Руссо давно перевоплотился въ певанія Байрона, и въ мрачномъ Алеко ничего не осталось отъ того идиллическаго прекраснотунія, какъ и его индивидуализмъ совершенно противоположенъ закъаскѣ «Общественнаго договора».

Не можетъ Достоевскій, по примѣру

своихъ предшественниковъ, не тагать и объ общественномъ положеніи Алеко до бѣгства въ таборъ: «принадлежа, можетъ быть, къ родовому дворянству и даже весьма вѣроятно, обладая крѣпостными людьми, онъ позволилъ себѣ, по волюности своего дворянства, маленькую фантазію: прельстился людьми, живущими безъ закона, и на время сталъ въ цыганскомъ таборѣ водить и показывать Минку». По въ таборѣ проводить Алеко до послѣдней катастрофы цѣлыхъ два года и живетъ нищимъ среди нищихъ: мы знаемъ, что онъ «скинулъ» все, утратилъ и положеніе свое, и состояніе: мы знаемъ, что онъ подлинно «изгнанникъ» и «бѣглець», котораго «пресѣдуютъ законъ». Эти факты исключаютъ разъ на всегда гипотезу о «фантазіяхъ» и подмигиванія по поводу «крѣпостныхъ людей». Дѣломъ жизни Алеко отвергъ «блистательный позоръ». И если бы это было не такъ, — не дѣлается ли поэма, прославленная нашими подозрительными по пункту общественной морали критиками, изъ «гениальной» — просто мелкой и смѣшной, какъ эта нарисованная Достоевскимъ «фантазія»?

Достоевскому все еще мерещится общественная «сатира». Если поведение Алеко заставляетъ предполагать ее, то искать ее должно въ отношеніи Пушкина къ тѣмъ общественнымъ условіямъ, которыя сдѣлали Алеко врагомъ всякаго общества и врагомъ до конца: но самъ Алеко, какъ тинь, не есть для Пушкина предметъ сатиры, и менѣе всего — сатиры общественной: вина же его, въ глазахъ поэта, — вина трагическая:

И вѣсуду страсти роковыя
И отъ судьбы защиты нѣтъ.

Для Достоевскаго Алеко — «отрицательный тинь», потому что онъ — «скиталець». Скиталецьвъ русскомъ, съ исторической точки зрѣнія, отрицать нельзя: но и обвинять этотъ тинь, какъ непременно отрицательный, также нельзя: поголовное или огульное осужденіе ихъ было бы неправдой. Да и въ самомъ понятіи «скитальца», какъ уже замѣчено было, нѣтъ ничего завѣдомо осудительнаго. Намъ кажется, что было бы правильнѣе назвать этотъ тинь, поскольку онъ является отрицательнымъ, «бѣглецами». Мы произнесемъ этимъ свой судъ надъ «забезкоконившимся», поскольку они виновны въ побѣгѣ и дезертировали отъ жизни, а не боролись честно и стойко.

«Блудецъ» ли Алеко съ общественной точки зрѣнія, мы не знаемъ, потому что видимъ одну только часть его жизни и притомъ находимъ его скитальчество съ цыганами послѣдовательно отрицающимъ его принципиальному анархическому отрицанію общественнаго строя.

Только дутьъ религіозной идеи отличаетъ въ Алеко «блудца», «раба, замыслившаго побѣгъ» — не отъ людей, а отъ себя самого, такъ какъ правды ищетъ онъ не въ себѣ, а въ себѣ, и не знаетъ, что «не въ вещахъ эта правда и не за моремъ гдѣ-нибудь, а прежде всего въ собственномъ трудѣ надъ собою». Тотъ, кто «для себя лишь хочетъ воли», — только мятежный рабъ, или вольноотпущенникъ. Анархія, если она не мятежъ рабовъ, должна утверждаться, какъ фактъ въ планѣ духа¹⁾. Анархическая идея въ планѣ общественности вѣншей отрицаетъ, какъ «отвлеченное начало», самое себя и гибнетъ въ заблудѣннѣ безвыходныхъ противорѣчій, — если не полагаетъ основнымъ условіемъ своего осуществленія внутреннее освобожденіе личности отъ себя самой. Подъ этимъ освобожденіемъ мы разумѣемъ такое очищеніе и высвѣтленіе индивидуальнаго сознанія, при которомъ человѣческое я отбрасываетъ изъ своего самопредѣленія все эгоистически-случайное и вѣнше обусловленное и многообразными путями «сумата дѣланія» достигаетъ чувствованія своей глубочайшей, сверхличной воли, своего другого, сокровеннаго, истиннаго я.

IV.

Анархическій союзъ можетъ быть истинно таковымъ только какъ община, пропущенная однимъ высшимъ сознаніемъ, одною верховною идеей, и притомъ идеей въ существѣ своемъ религіозной. Такова идеальная община идеальныхъ цыганскихъ Цыганъ, и только потому осуществляется въ ней истинная вольность. Этотъ глубочайшій анализъ анархическаго идеала опредѣленно намѣченъ въ прощально-твореніи нашего великаго поэта.

Что цыганскій таборъ — община анархическая, не подлежитъ сомнѣнію: истиннѣ, у кочевниковъ поэмы ибѣтъ «за-

коновъ» и «казней». Единственнымъ отраженіемъ общины отъ «убійцы» и единственною карой за содѣянное преступленіе служить исключеніе изъ ея членовъ того, кто не такъ же «робокъ и добръ», какъ всѣ.

Мы иши, ибѣтъ у насъ законовъ;
Мы не терзаемъ, не казимъ;
Не нужно крови намъ и стоновъ, —
Но жить съ убійцей не хотимъ . . .
Мы робки и добры душою;
Ты — золь и смѣль; оставь же насъ.

Прочтѣннѣшимъ основаніемъ свободы, въ смыслѣ социологическомъ, является, по смыслу поэмы, бѣдность:

Но не всегда мила свобода
Тому, кто въ ибѣтѣ приученъ¹⁾.

Ибѣтъ у цыганъ ни поля, ни крова, ни обязательнаго труда, ни властнаго вмѣшательства въ частную жизнь, ни нравственнаго воздѣйствія на чуждую волю.

Къ чему? Вольнѣ ищѣи млатость . . .

Онъ знаетъ истинную свободу — этогъ безпечный бродячій мірокъ, гдѣ —

Все скудно, дико, все нестройно,
Но все такъ живо, безпечно,
Такъ чуждо мертвыхъ нашихъ ибѣтъ,
Такъ чуждо этой жизни праздно,
Какъ ибѣтъ рабовъ однообразно.

И все это, скудное, дикое и нестройное, но дышащее полною грудью, живетъ и движется въ глубокомъ и мудромъ согласіи воли съ волей, вольности съ вольностью — и общей воли и вольности съ волею Бога, благословляющаго вольность.

Игучка гласъ Бога внемлетъ . . .
Гласъ, подъ отдаленнымъ светомъ,
Гулаетъ вольная душа . . .

Все это, дикое и нестройное, содержится и строится религіознымъ освященіемъ вольности, изъ котораго расцвѣтають благоухающіе цвѣты благодарности и всепрошенія.

Два грана переть нимъ лежалъ,
Убійца страшень былъ лицомъ,
Цыганъ робко окружали
Его востровскенной тошнѣю.

¹⁾ Крижель. Индивидуализма, стр. 58. Главная анархія есть безуміе, разрывающее основную идею жизни, съегогъ идея свободы — рѣши-тельнымъ избраніемъ свободы.

¹⁾ См. авторъ статьи Крижель. Индивидуализма, въ Вопросахъ Жизни за 1904 г., сентябрь, стр. 58.

Могилу въ сторону конали:
 Шли заны скорбной чередой
 И въ очи мертвыхъ дѣловали . . .
 Тогда старикъ, приближаясь, ревъ:
 «Оставь насъ, горди чловѣкъ!»
 Прости! Да будетъ миръ съ тобою!
 Сказалъ, и шумною толпою
 Подвизся таборъ коцовой
 Съ долины страшнаго пожара . . .

Такова естественная воляность и естественная религія пушкинскихъ Цыганьки.

Въ двухъ прекраснѣйшихъ своихъ и гениальныхъ поэмкахъ Пушкинъ противопоставляетъ личность и множественную, коллективную волю: въ «Цыганкахъ» и въ «Мѣдномъ Всадникѣ». Въ первой изъ нихъ личность утверждаетъ себя какъ абсолютная: ибо такова, и только такова, по мысли Пушкина, идея Алеко, который вовсе не какъ «стерой убѣжденій» и альтруистъ или «искатель всемірнаго счастья» пришелъ въ таборъ, и развѣ лишь—если необходимо связать его съ другими социальными исказителями и экспериментаторами вашими—какъ первый (въ литературѣ) изъ «опротивившихся» русскихъ людей прошлаго вѣка. Однако, при своемъ абсолютномъ самоутвержденіи, личность эта сама по себѣ только относительна («Но, Боже, какъ играла страсти его послушную душой!..»), между тѣмъ какъ множественная воля, которая противостоитъ личности, утверждаетъ себя относительной эмпири-

чески, въ смиренной ограниченности своей скудной и беззащитной общины, и все-же является безусловной и сверхчеловѣчески-могущественной нравственною мощью своего непреложнаго либо согласнаго съ началомъ вселенскимъ) внутренняго закона. Напротивъ, въ «Мѣдномъ Всадникѣ» множественная воля гибнущихъ съ рокомъ на обреченую или единичную волю людей въ союзѣ со стихіями возстаетъ противъ одного героя, который торжествуетъ, одинъ противъ всѣхъ, надъ людьми и стихіями.

Отчего же въ первой поэмѣ личность побѣждена и какъ-бы раздавлена волею множества, а во второй—воля множества перестала быть личностью, и чловѣкъ обратился въ Мѣднаго Всадника, въ безсмертнаго демона съ тѣломъ изъ мѣди на мѣдномъ конѣ. Оттого, что здѣсь личность совлекла съ себя все относительное и преходящее, и абсолютную утвердила свою сверхличную волю, свое вселенское начало, сильнѣйшее всякой случайной множественности. Такъ, въ своей посмертной поэмѣ Пушкинъ рѣшаетъ проблему личности въ полномъ согласіи съ тѣмъ произведеніемъ, которое знаменовало впервые его вступленіе въ пору совершенной художественной зрѣлости и окончательное освобожденіе отъ юношескихъ увлеченій идеею отвлеченнаго индивидуализма.

Вячеславъ Ивановъ.

ЦЫГАНСКИЙ ТАБОРЪ.

Русская гравюра по рисунку Т. Г. Шевченко для несостоявшегося издания соч. Пушкина Воскресновителем, впервые съ экземпляра коллекции П. А. Ефремова.

396. ЦЫГАНЬЫ.

Цыганы шумною толпой
 Но Бессарабій кочуютъ,
 Они сегодня надъ рѣкой
 Въ шатрахъ изоранныхъ почуютъ,
 Какъ вольность весель нѣтъ почтеть
 И мирный сонъ подъ небесами.
 Между колесами телѣтъ,
 Поду-завѣшанныхъ коврами,
 Горитъ огонь: семья кругомъ
 Готовитъ ужинъ въ чистомъ полѣ
 Пасутся кони: за шатромъ
 Ручной медвѣдь лежитъ на волѣ,
 Все живо посреди степей:
 Заботы мирныя семей,
 Готовыхъ съ утромъ въ путь педалянн,
 И шепотъ женъ и крикъ дѣтей
 И звонъ походной наковальни.
 Но вотъ на таборъ кочевой
 Подхоить сонное молчанье
 И слышно въ тиши степной
 Лишь лай собакъ, та коней ржанье,
 Они вездѣ поганены,
 Спокойно все, дува сѣять
 Она съ небесной вышины
 И тиха таборъ озарять.

Въ шатрѣ одномъ старикъ не спитъ;
 Онъ передъ улами сидитъ,
 Сорбитъ ихъ послѣднимъ жаромъ
 И въ полѣ дальное глянитъ,
 Почнымъ подернутое паромъ,
 Его молоденькая дочь
 Пошла гулять въ пустынномъ полѣ,
 Она привыкла къ рѣзвой волѣ,
 Она шлетъ; но вотъ ужъ ночь,
 И скоро мѣсяцъ ужъ покинетъ
 Небесъ далекихъ облака;
 Земфиры нѣтъ какъ нѣтъ, и слышеть
 Убога ужинъ старика.

Но вотъ она, за нею слѣдомъ
 По степи юноша свѣтитъ;
 Цыгану вовсе онъ невѣдомъ,
 «Отецъ мой, тѣва говоритъ,
 Веду я гостя: за курганомъ
 Его въ пустынь я наша
 И въ таборъ на ночь зашла
 Онъ хочетъ быть какъ мы Цыганомъ;
 Его преслѣдуетъ законъ,
 Но я ему подругой буду,
 Его доведу Алеко: онъ
 Готовъ идти за мною вволю».

старикъ.

Я рать, Остаешься до утра
Ночь събью нашего шатра
Ни пробудь у насъ и долъ,
Какъ ты захочешь, Я готовъ
Съ тобой дѣлать и хлѣбъ и кровъ,
Будь нашъ, привыкни къ нашей долъ,
Бродящей бѣдности и волъ:
А завтра съ утренней зарей
Въ одной телѣгѣ мы поведемъ:
Примешь за промыселъ доброй:
Желѣзо дуй, пль пьсни пой
И села обходи съ медвѣдемъ.

алекс.

Я остаюсь,

зѣмфира.

Онь будетъ мой:
Ктожъ отъ меня его отгонитъ?
Но поздно... мѣсяцъ молодой
Зашель, поля покрыты мглою,
И сонъ меня невольно клонитъ...

Свѣтло. Старикъ тихонько бродитъ
Вокругъ безмолвнаго шатра,
«Вегавай, Зѣмфира, солнце входить,
Проснись, мой гость, пора, пора!
Оставиле, дѣти, ложе пьни»,
И съ шумомъ высвѣляль паролъ,
Шатры разобраны: телѣги
Готовы двинуться въ походъ:
Все вмѣстѣ тронулось: и вотъ
Толпа валитъ въ пустыахъ равнинахъ,
Ослы въ перекидныхъ корзинахъ
Дѣтей играющихъ несутъ:
Мужья и братья, жены, дѣвы,
И старъ и младъ во слѣдъ идутъ:
Крикъ, шумъ, Цыганскіе приѣвы,
Медвѣдъ ревъ, его цѣней
Петеривливое бряцанье,
Лохмотьевъ яркыя пестрота,
Дѣтей и старцевъ нагота,
Собакъ и лай и завыванье,
Вольники говоръ, скрипъ телѣгъ,
Все скудно, дико, все пестройно,
Но все такъ живо-непокойно,
Такъ чуждо мертвыхъ нашихъ пьгъ,
Такъ чуждо этой жизни праздной,
Какъ пьвень рабовъ однообразной.

Улыло юноша глядѣлъ
На опустѣваю равнину,
И грусти гайнуо причину
Поздковать себѣ не смѣлъ.
Съ нимъ черноокая Зѣмфира,

Теперь онь вольный житель мѣра,
И солнце весело пать нимъ
Полуденной красю блещеть:
Чтожъ сердце юноши трепещеть?
Какой заботой онь томимъ?

Птичка Божія не знаетъ

Ни заботы, ни труда,
Алополчиво на свиваетъ
Долгоочнаго гнѣзда,
Въ долу ночь на вѣткѣ дремлетъ;
Солнце красное взлетѣтъ,
Птичка глазу Бога внемлетъ,
Встрепенется и поетъ,
За весной, красои природы,
Лѣто знойное пройдетъ—
И туманъ, и непогода
Осень поздняя несетъ:
Людамъ скудно, людамъ горе:
Птичка въ тальнѣй страны,
Въ тельнѣй край, за сине море
Улетаетъ до весны.

Подобно птичкѣ беззаботной,
И онь, изпанникъ переденной,
Гнѣзда палежнаго не зналъ
И ни къ чему не привыкалъ.
Ему вездѣ была дорота,
Вездѣ была почлета свѣтъ:
Проснувшись поутру, своей дѣнь
Онь отдавалъ на волю Бога,
И жизни не могла тревога
Смутить его сердечну дѣнь.
Его порой волшебной славы
Манила дальняя звѣзда,
Нежданно роскошь и забавы
Къ нему являлись иногда:
Надъ одиноко головою
И громъ нерѣдко прохоталъ:
Но онь беднечю подъ грозю
И въ вѣдро ясное дремалъ,
И жилъ, не признавая власти
Судьбы коварной и слѣпой:
Но, Боже, какъ играли страсти
Его послушною душой!
Съ какимъ волненіемъ кивляи
Въ его измученной груди!
Давноль, падоголь усмирляи?
Онь проснудетъ: погоди.

зѣмфира.

Скажи, мой другъ, ты не жалбешь
О томъ, что бросилъ навсѣда?

алекс.

Чтожъ бросилъ я?

зѣмфира.

Ты разумѣешь:
Людей отчизны, города,

B. G. ...

K. ... 0765

АЛЕКО.

О чемъ жалѣть? Когдабъ ты знала,
 Когда бы ты воображала
 Венело душныхъ городовъ!
 Тамъ люди въ кучахъ, да оградой
 Недышать утренней прохладой,
 Ни вениномъ запахомъ луговыхъ;
 Любви стыдятся, мысли томятъ,
 Торгуягъ волею своей,
 Главы предъ идолами клонятъ
 И просить денегъ да цѣпенъ,
 Что бросилъ я? Измѣнъ волненье,
 Предразсуждений приговоръ,
 Толпы безумное гоненье
 Или блестящій позоръ.

ЗЕМФИРА.

Но тамъ огромныя палаты,
 Тамъ разноцвѣтныя ковры,
 Тамъ шеры, шумныя шеры,
 Уборы дѣвъ тамъ такъ богаты!

АЛЕКО.

Что шумъ веселій городскихъ?
 Гдѣ пѣть любви, тамъ пѣть веселій:
 И дѣвы... Какъ ты лучше нуть
 И безъ парадовъ дорогихъ,
 Безъ жемчужовъ, безъ ожерелій!
 Не измѣнись, мой пѣвчій другъ!
 А я... одно мое желанье
 Съ тобой дѣлить любовь, досугъ
 И добровольное изнанье.

СТАРИКЪ.

Ты любишь насъ, хоть и рождень
 Среди богатаго народа;
 Но не всегда мила свобода
 Тому, кто къ пѣтѣ приучень.
 Межь нами есть одно преданье:
 Паремъ когда-то сосланы были
 Полудня житель къ намъ въ изнанье
 (Я прежде звалъ, но позабылъ
 Его мудреное прозванье),
 Онъ былъ уже дѣтами старъ,
 Но младъ и живъ душой недоброй:
 Пѣвалъ онъ пѣсень дивный даръ
 И голосъ, шуму водъ подобной.
 И полюбили всѣ его,
 И жить онъ на берегахъ Дуная,
 Не обижая ни кого,
 Людей разсказами пѣвчия,
 Не разумѣвъ онъ ничего,
 И слабъ и робокъ былъ какъ дѣвчъ:
 Чужіе люди да него
 Дѣврей и рыбъ ловили въ сѣти:
 Какъ мерзла быстрая рѣка
 И зимни вихры буншевали,
 Пушистой кожей покрывали
 Они святаго старика:

Но онъ къ заботамъ жизни бѣдной
 Привыкнуть никогда не могъ;
 Скитался онъ издохній, блѣдной,
 Онъ говорилъ, что гнѣвыи Богъ
 Его карать да преступленье,
 Онъ ждалъ: придетъ ли избавленье,
 И все несчастный тосковалъ,
 Бродя по берегамъ Дуная,
 Да горьки слезы проливалъ,
 Своей дальній градъ воспоминавъ,
 И завѣщавъ онъ умирая,
 Чтобы на Югъ перенесли
 Его тоскующія гости,
 И смертью—чуждой сей земли
 Не уснокоенныя гости.

АЛЕКО.

Такъ вотъ судьба твоихъ сыновъ,
 О Римъ, о громкая державъ!
 Пѣвецъ любви, пѣвецъ боговъ,
 Скажи мнѣ: что такое слава?
 Могильный гулъ, хвалебный гласъ,
 Изъ рода въ роды звукъ бѣвущій
 Или подъ сѣнью дымящей кущи
 Цыгана дикаго разсказъ?

Прошло два дѣта. Также бродягъ
 Цыганы мирною толпой;
 Вездѣ, по прежнему, находятъ
 Гостепринимство и покой.
 Презрѣвъ оковы просвѣщеня
 Алеко воленъ какъ они:
 Онъ безъ заботъ и сожалѣнья
 Ведеть кочующіе дни.
 Все тотъ же онъ, семья вся та же:
 Онъ прежнихъ дѣвъ не помня даже,
 Къ бытью цыганскому привыкъ.
 Онъ любить нуть поцеговъ сѣни
 И уносене вѣчной дѣви
 И бѣдный, звучный нуть языкъ,
 Медвѣдь, бѣлецъ родной берлоги,
 Косматый гость его шатра,
 Въ селеньяхъ, вдоль стѣнной дороги
 Близъ Молдаванскаго двора
 Передъ толпою осторожной
 И тяжело влащеть и реветъ,
 И цѣпъ догущую грядеть,
 На посохъ опернишь дорожной
 Старикъ дѣвиво въ бубны бьетъ,
 Алеко съ пѣвчьемъ дѣврей водить
 Земфира поселятъ обходить
 И такъ нуть вольную беретъ:
 Настанеть пощъ они всѣ троє
 Варять нежатое пишено:
 Старикъ уснуль—и все въ поковъ...
 Въ шатрѣ и тихо и темно.

Старикъ на вѣшнемъ солнцѣ грѣеть
Ужъ остывающую кровь:
У люльки дочь поеть любовь,
Алеко внемлетъ и блѣднѣетъ.

ЗЕМФИРА.

Старый мужъ, грозный мужъ,
Рѣжь меня, жги меня:
Я тверда, не боюсь
Ни пожа, ни огня.
Не ненавижу тебя,
Презираю тебя:
Я другого люблю,
Умираю любя.

АЛЕКО.

Молчи, мнѣ пѣнье надоѣло,
Я дикую пѣсню не люблю.

ЗЕМФИРА.

Не любишь? мнѣ какое дѣло!
Я пѣсно для себя пою.

Рѣжь меня, жги меня;
Не скажу ничего:
Старый мужъ, грозный мужъ,
Не узнаешь его.

Онъ свѣжѣ весны,
Жарче лѣтняго дня:
Какъ онъ молодъ и смѣлъ!
Какъ онъ любить меня!

Какъ ласкала его
Я въ ночной тишинѣ!
Какъ смѣлялся тогда
Мы твоей сѣдинѣ!

АЛЕКО.

Молчи, Земфира, я доволенъ...

ЗЕМФИРА.

Такъ поплять пѣсно ты мою?

АЛЕКО.

Земфира!...

ЗЕМФИРА.

Ты сердиться волеешь,
Я пѣсно про тебя пою.
(Уходитъ и поеть: «Старый мужъ» и проч.)

СТАРИКЪ.

Такъ, помню, помню: пѣсня эта
Во время наше сложена,
Уже давно въ забаву свѣта
Поется межъ людей она.
Кочуя на стѣняхъ Кагула,
Ее бывало въ зимню ночь
Моя пѣвала Мариула,
Передъ отцемъ качая дочь.
Въ умѣ моемъ минувши лѣта
Часъ отъ часу темнѣй, темнѣй:
Но заронилась пѣсня эта
Глубоко въ памяти моей.

Все тихо: ночь: луной украшена
Лазурный Юга небосклонъ,
Старикъ Земфирой пробужденъ,
«О, мой отецъ! Алеко страшенъ:
Послушай, сквозь тяжелый сонъ
И стонеть, и рыдаетъ онъ!»

СТАРИКЪ.

Не тронь его, храни молчанье,
Слыхалъ я Русское преданье:
Теперь полуночной порой
У сиящаго тѣшить дыханье
Домашній духъ: передъ зарѣй
Уходитъ онъ. Сиди со мной.

ЗЕМФИРА.

Отецъ мой, шепчетъ онъ: Земфира!

СТАРИКЪ.

Тебя онъ шепчетъ и во снѣ:
Ты для него дороже міра.

ЗЕМФИРА.

Его любовь постыла мнѣ:
Мнѣ скучно, сердце воли просить,
Ужъ я... по тише! слышишь? онъ
Другое имя произносить.

СТАРИКЪ.

Чье имя?

ЗЕМФИРА.

Слышишь? хриплымъ стономъ
И сврежетъ ярый!... Какъ ужасно;
Я разбуджу его.

СТАРИКЪ.

Напрасно.

Ночнаго духа не гони:
Уидеть и самъ.

ЗЕМФИРА.

Онъ повернулся:
Привсталъ: зоветь меня: проснулся.
Иду къ нему.—Прощай, усни.

АЛЕКО.

Гдѣ ты была?

ЗЕМФИРА.

Съ отцемъ сидѣла.
Какой-то духъ тебя томилъ,
Во снѣ душа твоя терѣла
Мученья. Ты меня страшилъ:
Ты сонный скрежеталъ зубами
И звалъ меня.

АЛЕКО.

Мнѣ снился ты.

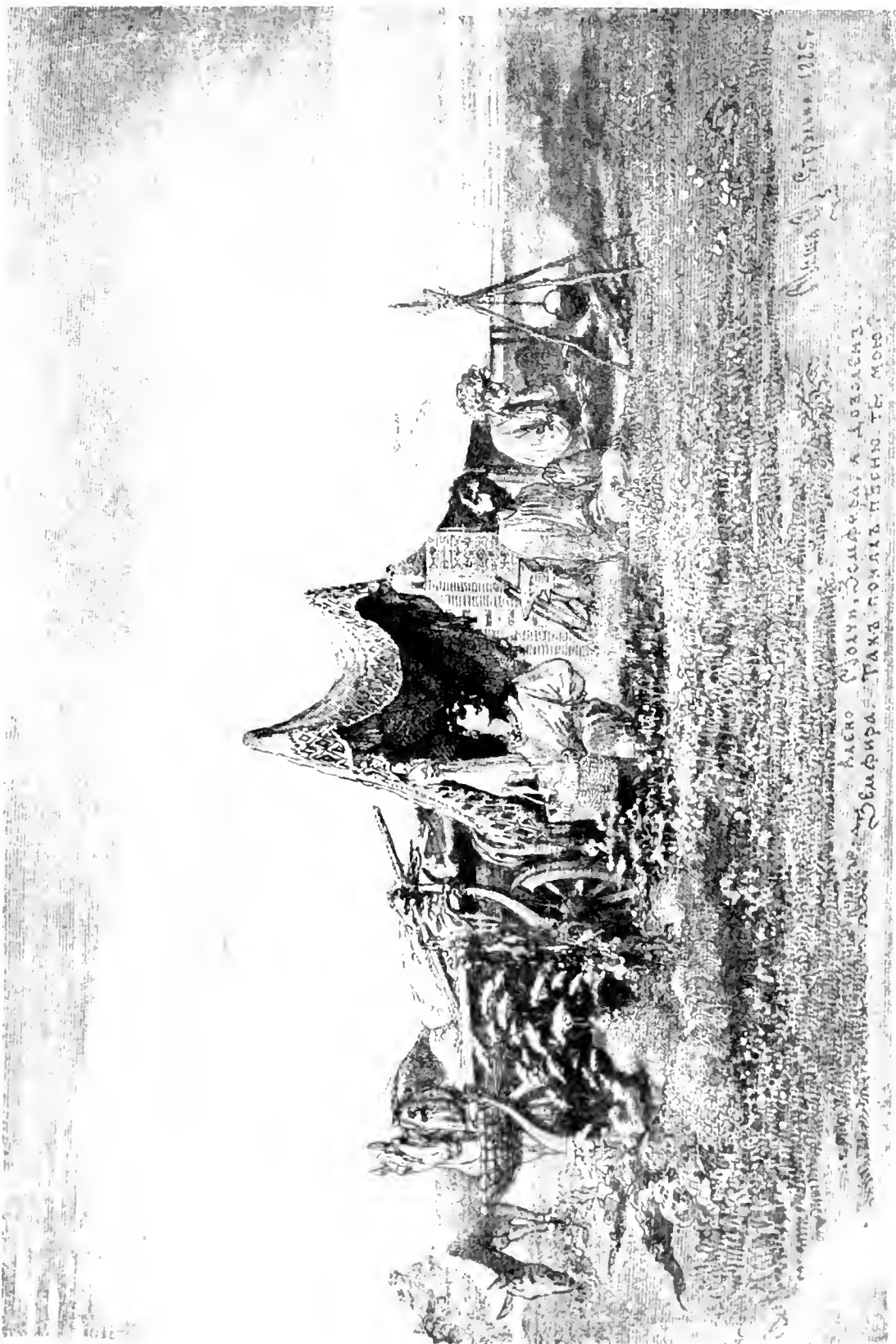
Я видѣлъ, будто между нами...
Я видѣлъ страннѣя мечты.

ЗЕМФИРА.

Не вѣрь лукавымъ сповѣдьямъ.

АЛЕКО.

Ахъ, я не вѣрю ни чему:
Ни снамъ, ни сладкимъ увѣреньямъ,
Ни даже сердцу твоему.

ЗЕМЛЯНОЕ ПОЕБИЕ ПЕЩНОЕ СЪ СТАРЫМЪ МУЖЬ, ГРОМЫШНЪ МУЖЬ

Гасуновъ, Мукашинецъ.

Видъ въ степи 1825.

Васно Сояунъ, Сидарда, а дорасати
 Шифара Така сомалъ Пешно ть монъ.

старикъ.

О чемъ, безумецъ молодой,
О чемъ вздыхаешь ты всечасно?
Здѣсь люди вольны, небо ясно,
И жены славятся красой.
Не плачь, тоска тебя погубить.

Алеко.

Отцу! она меня не любить.

старикъ.

Утѣшься, другъ: она дитя,
Твое умишь безраздушно;
Ты любишь горестно и трудно,
А сердце женское шуга.
Взгляни: ночь отдаленнымъ сводомъ
Гуляетъ вольная луна;
На всю природу мимоходомъ
Равно сиянье льетъ она.
Заглянешь въ облако доброе,
Его такъ пышно озаритъ,
И воть, ужъ перенла въ другое
И то не долго поѣтитъ.
Кто мѣсто въ небѣ ей укажетъ,
Примолви: тамъ остановись!
Кто сердцу юной дѣвы скажетъ:
Люби одно, не измѣнись?
Утѣшься!

Алеко.

Какъ она любила!

Какъ пѣжно преклонясь ко мнѣ,
Она въ пустынной тишинѣ
Часы ночные проводила!
Веселья дѣтскаго полна,
Какъ часто милымъ лепетаньемъ
Нѣвъ уопительнымъ лобзаньемъ
Мою задумчивость она
Въ минуту радостно умѣла!
И чтожъ? Земфира не вѣрна!
Моя Земфира охладѣла!

старикъ.

Послушай, разскажу тебѣ
Я повѣсть о самомъ себѣ.
Давно, давно, когда Дунаю
Не угрожалъ еще Москва—
[Вотъ, видишь: я припомню,
Алеко, старую печаль,
Тогда боялись мы Султана:
А правилъ Будакомъ Паша
Съ высокихъ башенъ Акермана
Я молодежь былъ: моя душа
Въ то время радостно кипѣла,
И ни одна въ кудряхъ мою
Еще сѣдника не бѣвала:
Между красавицъ молодыхъ
Она была... и долго ею,
Какъ солнцемъ любовался я,

И наконецъ назваться моею.

Ахъ, быстро молодость моя
Звѣздой надумчо мелькнула!
Но ты, пора любви, минула
Еще быстрѣе: только годъ
Меня любила Мариула.

Однажды близъ Кагульскихъ водъ
Мы чуждый таборъ повстрѣчали:
Цыганьы тѣ, свои шатры
Разбивъ близъ нашихъ у горы.
Двѣ ночи вмѣстѣ почевали.
Они ушли на третью ночь,
И, брося маленькую дочь,
Ушла за ними Мариула.
Я мирно спалъ: зоря блеснула;
Проснулся я: подруги пѣли!
Ищу, зову— пропала и слѣдъ.
Тоскуя, плакала Земфира,
И я заплакалъ!... Съ этихъ поръ
Посыли мнѣ все дѣвы міра;
Межь ними никогда мой взоръ
Не выбиралъ себѣ подруги,
И одинокіе досуги
Уже ни съ кѣмъ я не дѣлилъ.

Алеко.

Да какъ же ты не полюбилъ
Тотъ часъ во слѣдъ неблагодарной,
И хищнику и ей, коварной
Книжала въ сердце не возилъ?

старикъ.

Къ чему? вольнѣ птицы младость.
Кто въ еплавъ удержатъ любовь?
Чредою всемъ дается радость;
Что было, то не будетъ вновь.

Алеко.

Я не таковъ. Пѣтъ, я не споря
Отъ правъ моихъ не откажусь
Или хоть мщеньемъ наслажусь.
О, пѣтъ! когдабъ надъ бездной моря
Нашелъ я спящаго врага,
Клянусь, и дуть моя нога
Не пощадила бы злодѣя:
Я въ волны моря, не блѣдѣя,
И беззащитнаго бѣ толкнулъ;
Внезапный ужасъ пробужденья
Сверѣнцамъ смѣхомъ удрекнулъ.
И долго мнѣ его паденья
Смѣшонъ и сладокъ былъ бы дуть.

молодой цыгань.

Еще одно, одно лобзанье!

Земфира.

Пора! мой мужъ решивъ и золь.

цыгань.

Одно... по долъ! на прощанье.

ЗЕМФИРА.
Прощай, покаместъ не пришёлъ.
ЦЫГАНЬ.
Скажи— когда жь опять свиданье?
ЗЕМФИРА.
Сего дня: какъ займешь дуна,
Тамъ, за курганомъ, нать могиллой..
ЦЫГАНЬ.
Обманешь! не придетъ она.
ЗЕМФИРА.
Бѣги— вотъ онъ. Приду, мой милый.

Алеко спитъ. Въ его умѣ
Виднѣе смутное играетъ;
Онъ съ крикомъ пробудясь во тмѣ,
Ревнито руку простираетъ:
Но оробѣлая рука
Покровы ладные аваетъ—
Его подруга далека..
Онъ съ трепетомъ привсталъ и внемлетъ..
Все тихо: страхъ его объемлетъ,
Но немъ текутъ и жаръ и холодъ:
Встаетъ онъ, изъ шатра выходитъ,
Вокругъ тѣлѣтъ, укасенъ, бродитъ;
Спокойно все: поля молчатъ;
Темно: дуна зашла въ туманы,
Чуть брежжеть звиздъ невѣрной свѣтъ,
Чуть по росѣ примѣтной слѣтъ
Вететь за дальные курганы:
Пестериванно онъ идѣтъ.
Куда зловѣщій слѣтъ ведѣтъ.
Могила на краю дороги,
Влали бѣлеть передъ нимъ,
Тута слабѣющія ноги
Влачить, предчувствіемъ томимъ.
Дрожать уста, дрожать колыни..
Шеть.. и вругъ.. иль это сонъ?
Вругъ видитъ близкія двѣ тѣни
И близкій шопотъ слышитъ онъ
Надъ обезславленной могиллой.

Пора 1-й голосъ.
Ностой! 2-й голосъ.
Пора, мой милый. 1-й голосъ.
Шеть, шеть! ностой, пождемся ты. 2-й голосъ.
Ажъ поздно. 1-й голосъ.
Минуту! 2-й голосъ.
Какъ ты робко любишь.

1-й голосъ.
Ты меня погубишь.
2-й голосъ.
Минуту!
1-й голосъ.
Если бѣдъ меня
Проснется мужъ..

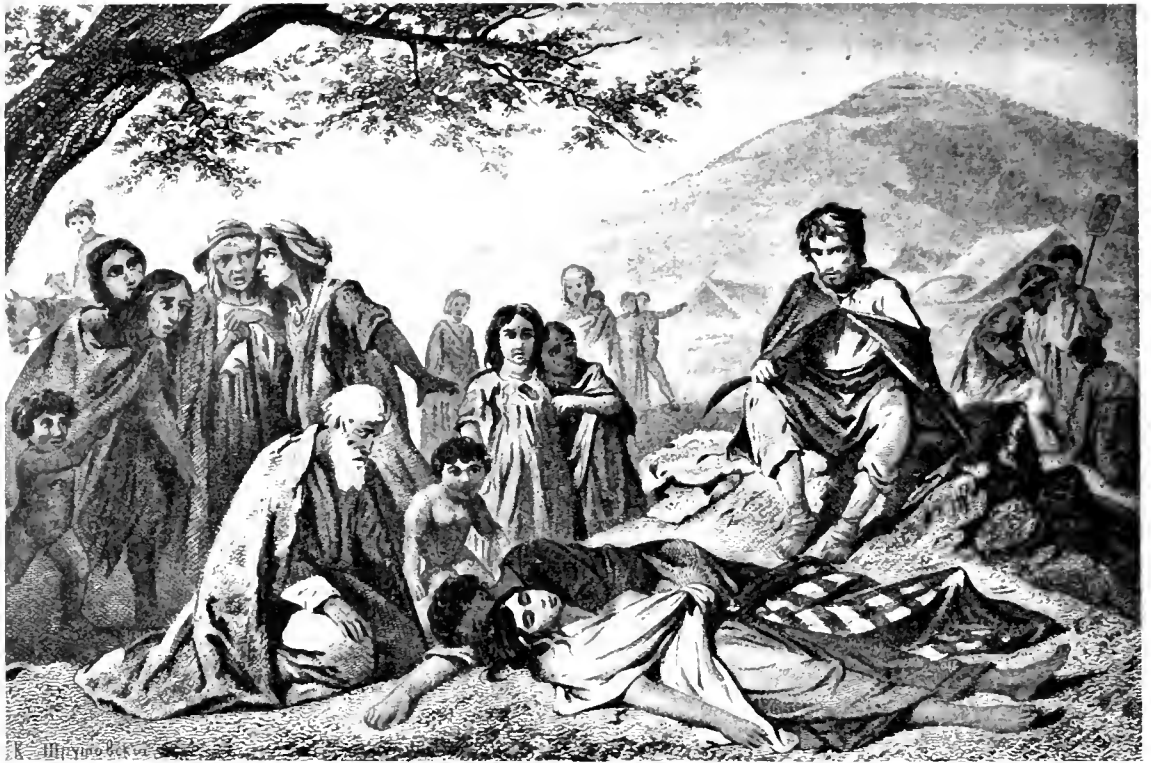
АЛЕКО.
Проснулся я
Куда вы? не сивните оба:
Вамъ хорошо и здѣсь у гроба.
ЗЕМФИРА.
Мой другъ, бѣги, бѣги!

АЛЕКО.
Ностой!
Куда, красавецъ молодой?
Лежи!
(Возвратъ въ шатро поютъ).

ЗЕМФИРА.
Алеко!
ЦЫГАНЬ.
Умираю!
ЗЕМФИРА.
Алеко, ты убьешь его!
Взгляни ты: весь обрызганъ кровью!
О, что ты сдѣлалъ?

АЛЕКО.
Ничего.
Теперь дѣши его любовлю,
ЗЕМФИРА.
Шеть, полно, не боюсъ тебѣ,
Твои угрозы презираю,
Твое убійство проклинаю,
АЛЕКО.
Умрижъ и ты! (Попадаетъ ея).
ЗЕМФИРА.
Умру любви!

Востокъ, денницей озаренный,
Слѣтъ. Алеко за холмомъ,
Съ ножомъ въ рукавъ, окровавленнымъ,
Слѣтъ на замѣтъ гробовомъ,
Два трупа передъ нимъ лежали:
Убійца страшень былъ лицомъ:
Идгана робко окружали
Его встревоженной толпой:
Могилу въ сторонѣ копали,
Шли жена скорбной чередой
И въ очи мертвыхъ шфовали.
Старикъ отецъ ошнѣ слѣтъ
И на погубнню глядѣтъ
Въ шфомъ бездѣлннъ печали:

АЛЕКО У ТРУПА ЗЕМФИРЫ.

Рас. К. Трутовскаго.

Подняли трушы, понесли,
 И въ лоно хладное земли
 Чету младую положили.
 Алеко издали смотрѣлъ
 На все. Когда же их зарыли
 Последней горетю земной,
 Онъ молча, медленно склонился,
 И съ камня на траву свалился.
 Тогда старикъ, приближась, рекъ:
 «Оставь насъ, гордый человекъ!
 Мы дикі, нѣтъ у насъ законовъ,
 Мы не терзаемъ, не казимъ,
 Не нужно крови намъ и стоновъ:
 Но жить съ убійцей не хотимъ,
 Ты не рожденъ для дикой доли:
 Ты для себя лишь хочешь воли:
 Ужасенъ намъ двой будетъ гласъ:
 Мы робки, и добры душою,
 Ты золь и смѣль:—оставь же насъ:
 Прости! да будетъ миръ съ тобою.»

Сказалъ и шумною толпою
 Подвигая таборъ кочевой
 Съ долины страшнаго почлега,
 И скоро все въ дали стеной
 Сокрылось. Лишь одна телѣга,
 Убогимъ крытая ковромъ,
 Стояла въ полѣ роковомъ,
 Такъ иногда передъ зимою,
 Туманной утренней порою,
 Когда подьмется съ полей
 Станица позднихъ журавлей
 И съ крикомъ вдалъ на югъ несется,
 Пронзенный гибельнымъ свшцомъ
 Одинъ печально остается,
 Повиснувъ раненымъ крыломъ.
 Настала ночь: въ телѣгѣ темной
 Огня нѣкто не разложилъ,
 Никто ночь крышею подземной
 До утра сномъ не опочилъ.

— "Мы робки и добры душою
Ты золь и смѣль — оставь же часъ,
Прости! да будетъ миръ съ тобою "

(Пушкина "Цыганьки")

«ОСТАВЬ НАСЪ, ГОРДЫЙ ЧЕЛОВѢКЪ».

Разговоръ Звонъ.

Э П И Л О Г Ъ.

Волшебной силой въспомнѣнья
Въ туманной памяти моеи
Такъ оживляются видѣнья
То свѣтлыхъ, то печальныхъ дней.
Въ странѣ, гдѣ долго, долго брани
Ужасный гулъ не умолкалъ,
Гдѣ повелительная грати
Стамбуду Рускій указалъ,
Гдѣ старый нашъ Орелъ двуглавый
Еще шумитъ минувшей славой,
Встрѣчалъ я посреди стѣней,
Надъ рубежами древнихъ становъ,
Телъ и мирныхъ Цыгановъ,
Смиренной вольности дѣтей,
За нѣхъ дѣвственными толпами

Въ пустыняхъ часто я бродилъ,
Простую пищу нѣхъ дѣлилъ,
И засыпалъ предъ нѣхъ огнями,
Въ походахъ медленныхъ любилъ
Нѣхъ въсѣхъ радостные гулы,
И долго милой Маріулы
Я нѣхъ въжжное твердилъ,
Но счастья нѣхъ и между вами
Приропы бѣжные сыны!
И подъ изранными шатрами
Живутъ мучительные сыны:
И ваши сѣны кочевья
Въ пустыняхъ не свасанъ отъ бѣды,
И всюду страсти роковыя,
И отъ судебъ защиты нѣхъ.

397. ПРИВѢТЬ АЛЕКО СЫНУ.

Обоимъ, конечно, не отдавая: въ поэмѣ не вошелъ

Блѣдна, слаба Земфира дремлетъ —
 Алеко, съ радостью въ очахъ
 Младенца держитъ на рукахъ
 И крику жизни жадно внемлетъ.
 «Прими привѣтъ сердечный мой,
 Дитя любви, дитя природы
 И съ даромъ жизни дорогой
 Неопытенной даръ свободы...
 Остаешься посреди стѣнъ
 Безмолвны здѣсь предразсужденья —
 И пѣть ихъ ранняго гоненья
 Надъ дикою полькою твоей.
 Рости на волѣ, безъ уроковъ,
 Не знай стѣнителныхъ палатъ
 И не мѣняй простыхъ пороковъ
 На образованный развратъ.
 Подъ сѣнью мирнаго забвенья
 Пускай Цыгана бѣдный влукъ
 Не знаетъ пѣни просвѣщенья
 И пышной суеты наукъ...
 Пѣть, не преклонивъ ты колѣнъ
 Предъ идоломъ безумной чести.
 Не будешь жертвой злыхъ измѣнъ,
 Не угодишься жаждой мести.
 Зато безпеченъ, здоровъ и воленъ,
 Не будетъ вѣдать ложныхъ нуждъ,
 Отъ будетъ жребіемъ доволенъ,
 Напрасныхъ упрязеній чуждъ.
 Отъ общества быть можетъ я
 Отъемлю нивѣ гражданина —
 Что нужды — я спасаю сына —
 И я бѣ желать, чтобъ мать моя
 Меня родила въ чащѣ лѣса,
 Или подъ юртой остяка,
 Въ глухой развѣшиѣ утеса.
 О сколько бдѣнхъ упрязеній
 Тревогъ... разуврѣній
 Тогда-бъ я въ жизни не узналъ
 О сколько

398.

ПОДРАЖАНИЯ КОРАНУ. 39.

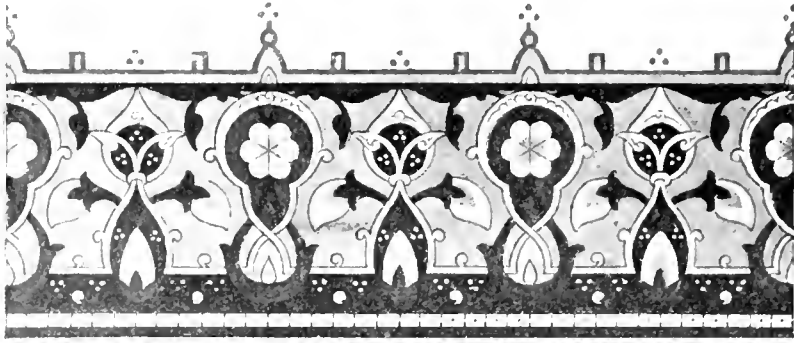
Посвящено П. А. О. Прасковье Александровне Осиповой.

I.

Клянусь четой и нечетой,
 Клянусь мечем и правой битвой,
 Клянусь утренней звездой,
 Клянусь вечернею молитвой ?
 Штъ, не покннулъ я тебя,
 Кого же въ снѣ успокоенья
 Я ввелъ, главу его любви,
 И скрылъ отъ дорката тоненья?
 Не я ль въ день жажты напоилъ
 Тебя пустынными водами?
 Не я ль языкъ твой огарилъ
 Могучей властью надъ умами?
 Мужайся жъ, презирай обманъ,
 Следую правды бодро слѣдуи,
 Люби сиротъ, и мой коранъ,
 Дрожащей твари проповѣдуи.

II.

О жема чистая пророка,
 Отъ всѣхъ вы жема отличена:

Орнаментъ мусульманскія рукописей (L'art arabe par Prisse d'Avennes).

Страшна для васъ и твѣя порока,
 Подъ сладкой снѣю тишины
 Живите скромно: вамъ пристало
 Безбрачною дѣвы покрывало.
 Храните вѣрныя сердца
 Для цѣль законныхъ и стыдливыхъ,
 Да взоръ лукавый печестивыхъ
 Не узритъ вашего лица.

А вы, о гости Магомета,
 Стекаясь къ вечери его,
 Брегитесь суетами свѣта
 Смутить пророка моего.
 Въ паренни думъ благочестивыхъ,
 Не любить оиъ веледѣшныхъ
 И словъ нескромныхъ и пустыхъ:
 Почтите ширъ его смиреньемъ,
 И цѣломудреннымъ склоненьемъ
 Его невольницъ молодыхъ 3).

III.

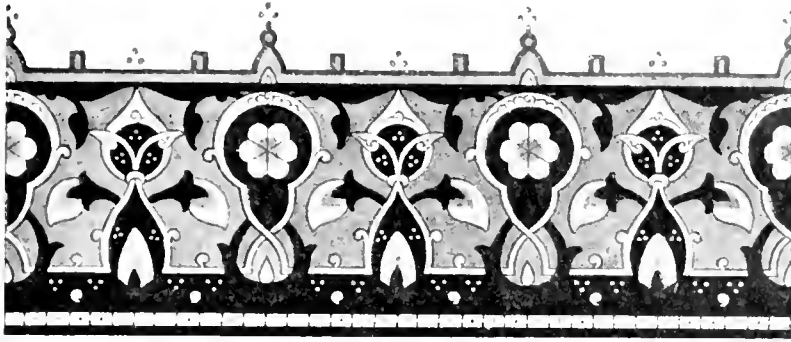
Смутясь, нахмурился пророкъ,
 Слѣща послана въ приближенъ 4):
 Бѣжитъ, да не дерзнетъ порокъ
 Ему являть недоумѣше.

Съ небесной книги списокъ даиъ
 Тебѣ, пророкъ, не для строптивыхъ:
 Спокойно возвѣщай коранъ,
 Не понуждая печестивыхъ!

Почто жъ вичитъ человекъ?
 За то ль, что пагъ на свѣтъ явился,
 Что пынитъ оиъ недогити въкъ,
 Что слабъ умереть, какъ слабъ родился?

За то ль, что Богъ и умертвить,
 И воскреситъ его по волѣ?
 Что съ неба днѣ его хранить
 И въ радостяхъ, и въ горькой долѣ?

За то ль, что далъ ему плоды,
 И хлѣбъ и финикъ, и оливу,

Орнаментъ мусульманскихъ рукописей. (L'art arabe par Prisse d'Arènes).

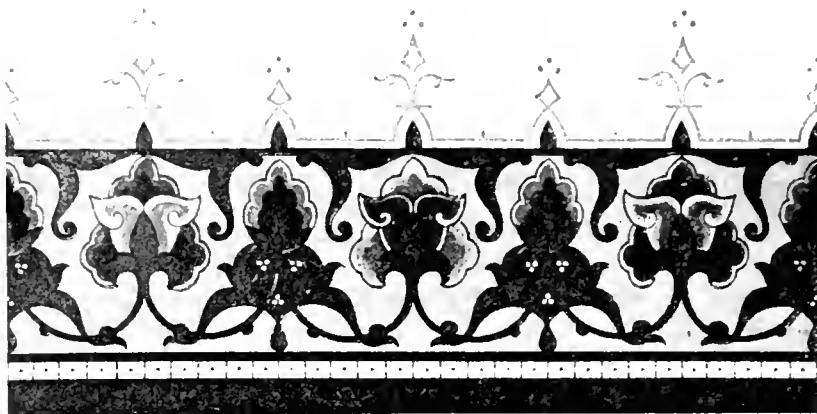
Благословить его труды
 И вертоградъ и холмъ и ниву?
 Но дважды ангель вострубить;
 На землю громъ небесный грянетъ;
 И братъ отъ брата побѣжитъ,
 И сынъ отъ матери отпадетъ.
 И всѣ предъ Бога притекутъ,
 Обезображенные страхомъ:
 И несчастные падутъ,
 Покрыты пламенемъ и прахомъ.

IV.

Съ Тобою древле, о Всевидный,
 Моудый созидаться мнилъ,
 Безумной гордостью обильный:
 Но Ты, Господь, его смирилъ.
 Ты рекъ: Я міру жизнь дарую,
 Я смертью землю наказую,
 На все полята даянъ моя.
 Я также, рекъ онъ, жизнь дарую,
 И также смертью наказую:
 Съ Тобою, Боже, равенъ я.
 Но смодкла похвальба порока
 Отъ слова гнива Твоего:
 Подъемлю солнце я съ востока:
 Съ заката ногами его.

V.

Земля недвижна: неба своды,
 Творецъ, поддержаны Тобой,
 Да не падутъ на сушь и вода
 И не поважатъ насъ собой (?).
 Зажечь Ты солнце во вселенной,
 Да свѣтитъ небу и землѣ,
 Какъ день, съемъ напоенной,
 Въ лампадномъ свѣтѣ хрусталѣ.
 Творцу молитесь: Онъ могучий:

Орнаментъ мусульманскихъ рукописей. (L'art arabe par Prisse d'Arènes)

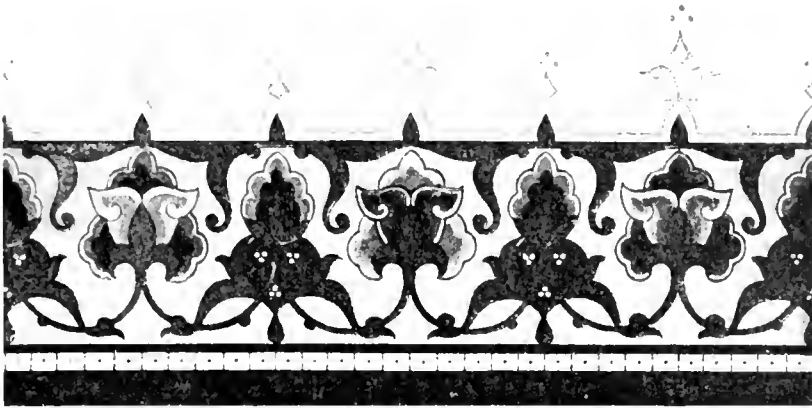
Онъ править вѣтромъ: въ знойный день
 На небо посылаетъ тучи:
 Даетъ землѣ древеснѣ сѣнь.
 Онъ милосердъ: Онъ Магомету
 Открылъ сіяющій коранъ,
 Да притечемъ и мы ко свѣту,
 И да падеть съ очей туманъ.

VI.

Недаромъ вы присягались мнѣ
 Въ бою съ обритыми главами,
 Съ окровавленными мечами,
 Во рвахъ, на башнѣ, на стѣнѣ.
 Внемлите радостному кличу,
 О, дѣти пламенныхъ пустынь!
 Ведите въ плѣнъ молодыхъ рабынь,
 Дѣлите брашную добычу!
 Вы побѣдили: слава вамъ,
 А малодушнымъ посмѣянье.
 Они на брачное призванье
 Не шли, не вѣря дивнымъ снамъ.
 Прельстясь добычей боевою,
 Теперь въ раскаяньи своемъ
 Рекутъ: возмите насъ съ собою:
 Но вы скажите: не возмемъ.
 Блаженны надіе въ сраженьи:
 Теперь они вошли въ эдемъ
 И потонули въ наслажденьи,
 Неотравляемомъ ничѣмъ.

VII.

Возстань, боязливый:
 Въ пещерѣ твоей
 Святая лампада
 До утра горитъ.

Орнаментъ мусульманскихъ рукописей. (L'art arabe par Prisse d'Arènes).

Сердечной молитвой,
 Пророкъ, увли
 Печальныя мысли,
 Дукавыя сны!
 До утра молитву
 Смиренно твори:
 Небесную книгу
 До утра читай!

VIII.

Торгуя софветью предъ блѣдной нищетою,
 Не съишь своихъ даровъ расчетливой рукою:
 Щедрота полная угодна небесамъ.
 Въ день грознаго суда, подобно шифъ тумной,
 О свѣтель благополучной,
 Сторищу возласть она твоимъ трудамъ.
 Но если пожалѣвъ грудовъ земныхъ стяжанья,
 Вручая нищему скуное поаянье,
 Сжимаешь ты свою лавицелавную длань:
 Знай: всѣ твои дары, подобно горети пыльной,
 Что съ камня можетъ дождь обильной,
 Печедуль, Господюмъ отверженная дань.

IX.

И худникъ усталый на Бога ронталъ:
 Онъ жажкой томился и тѣни алкалъ.
 Въ пустыиѣ блуждая три дня и три ночи,
 И любежь и пылью тягчимыя очи
 Съ тоскою безнадѣжной водилъ онъ вкругъ,
 И клань въ пыльную видить онъ вкругъ.
 И къ пыльи пустынной онъ бѣгъ устремилъ.
 И жадою холодной струи освѣжилъ.
 Горьвице тяжко языкъ и дѣнщице.
 И легъ, и заснулъ онъ близъ вѣрной ослицы:
 И многие тоны вать нимъ протекли
 Но воля Влаыки небесъ и земли.

Настала пробуждения для путника часъ:
 Встаётъ онъ и слышитъ невѣдомый гласъ:
 «Давно ли въ пустынь заснулъ ты глубоко?»
 И онъ отвѣчаетъ: ужь солнце высоко
 На утреннемъ небѣ сіяло вчера:
 Съ утра я глубоко проспалъ до утра.
 Но голосъ: «о путникъ, ты долѣ снагъ:
 Взгляни: легъ ты молодъ, а старцемъ возсталъ:
 Ужъ пальма исцвѣла, а кладязь холодной,
 Пустынь и засохнула въ пустынь безводной,
 Давно занесенный песками степей:
 И кости бѣдуютъ ослницы твои.»
 И горемъ объятъ, мгновенный старикъ,
 Рыдая, дрожащей главою поникъ...
 И чудо въ пустынь тогда совершилось:
 Минувшее въ новой красѣ оживилось:
 Вновь встаетъ пальма тѣнистой главою:
 Вновь кладязь наполнивъ прохладою и медой.
 И ветхія кости ослницы встаютъ,
 И тѣломъ одѣлись, и ревъ издаютъ:
 И чувствуетъ путникъ и силу и радость:
 Въ крови заиграла воскресная младость:
 Святые восторги наполнили грудь:
 И съ Богомъ онъ далѣ пускается въ путь.

Примечанія Пушкина къ «Подражаніямъ Корану».

1) Несчастные, пишетъ Магометъ глава *Назирова*, думаютъ, что коранъ есть собраніе новой закн и старыхъ басенъ.» Мнѣніе сихъ *несчастныхъ* конечно справедливо; но, несмотря на сіе, многія нравственныя истины изложены въ коранѣ сильнымъ и поэтическимъ образомъ. Здѣсь предлагаются нѣсколько вольныхъ подражаній. Въ подлинникѣ Алла возгъ говорить отъ своего имени, а о Магометѣ упоминается только во второмъ, или третьемъ лицѣ.

2) Въ другихъ мѣстахъ корана Алла клянется конятами кобылицъ, плодами смоковницы, свободою Мекки, добродѣтелию и порокомъ, ангелами и человекомъ, и проч. Странная сей риторическій оборотъ встрѣчается въ коранѣ поминутно.

3) Мой пророкъ, прибавляетъ Алла, вамъ этого не скажетъ, ибо онъ весьма учтивъ и скромнъ; но я не имѣю нужды съ вами чиниться: и проч. Ревность Араба такъ и дышитъ въ сихъ заповѣдяхъ.

4) Изъ книги *Сиднесъ*

5) Плохая физика: но за то какая смѣлая поэзія!

399. ПРИЗНАНИЕ.

Александр Иван. Основов

Я вась люблю, хоть я бѣнусь,
 Хоть это грубо и стыль нараснон;
 И въ этой гдуноги несчастной
 У вашихъ ногъ я признаюсь!
 Миѣ не къ лицу и не по дѣламъ...
 Пора, пора миѣ быть умнѣй!
 Но узнаю по вѣсьмъ признакамъ
 Болѣзнь любви въ душѣ моей:
 Безъ васъ миѣ скучно, я дѣваю:
 При васъ миѣ грустно, я терплю;
 И мочи нѣтъ, сказать желаю,
 Мой ангель, какъ я вась люблю!
 Когда я слышу изъ гостиной
 Вашъ легкий шагъ, или платья шумъ,
 Или голосъ приветливый, певничон,
 Я вкругъ терню весь свой умъ.
 Вы улыбнетесь, миѣ отрада:
 Вы отвернетесь, миѣ тоска;
 За день, мученія награда
 Миѣ ваша бѣдная рука.
 Когда за пальцами прилежно

Сидите вы, склонивъ небрежно,
 Глаза и кудри опушта,
 Я въ умиленьѣ, молча, шѣвно,
 Любуюсь вами какъ титя!...
 Сказать ли вамъ мое несчастье,
 Мою ревнивую печаль,
 Когда гулять, порон, въ печальте,
 Вы собираетесь къ залъ?
 И ваши слезы въ одиночку,
 И рѣчи въ уголку двоимъ,
 И путешествіе въ Опочку,
 И фортепиано вечеркомъ...
 Алина, скажите надо мною!
 Не смѣю требовать любви:
 Быть можетъ за грѣхъ мой,
 Мой ангель, я любви не стою!
 Но притворитесь: этого вздѣлю!
 Все можетъ выразить такъ чужно!
 Ахъ, обмануть меня не трудно:
 Я самъ обманываюсь разъ!...

400. НОЧНОЙ ЗЕФИРЬ СТРУИТЬ
ЭФИРЬ.

Испанскій романсъ.

Ночной зефирь
 Струить эфирь,
 Шумить,
 Бѣжить

Гвадалквивирь,
 Вотъ взойшла луна золотая,
 Тинь... му... гитары звонъ...
 Вотъ испанка молодая
 Оверлася на балконъ.

Ночной зефирь
 Струить эфирь,
 Шумить,
 Бѣжить

Гвадалквивирь,
 Сидишь мапилью, ангель милый,
 И явись какъ яркой тень!
 Сквозь зубунную перила
 Ножку ливную протяви!

Ночной зефирь
 Струить эфирь,
 Шумить,
 Бѣжить

Гвадалквивирь.

ИСПАНСКАЯ СЕРЕНАДА.

Испанская акварель Николая Ермолова,
 (Библиотека Академии Художеств).

401. ПРОСТИ, УКРАИНСКІЙ МУДРЕЦЪ.

(Шъ письма къ А. С. Родзянкѣ).

Прости, украинскій мудрецъ,
Намѣстникъ Феба и Пріапа!
Твоя соломенная шляпа
Покійнѣй чѣмъ шной вѣнецъ;
Твой Римъ—деревня; ты мой Пана,
Благослови жъ, мени, пивецъ!

402. СКАЗАЛИ РАЗЪ ЦАРЮ.

Сказали разъ царю, что наконецъ
Мятежнѣй вождь Ріаго былъ удушенъ.
«Я очень радъ», сказали усерднѣй льстецъ,
Огъ одного мерзавца мѣръ избавленъ.
Всѣ смолкнули, всѣ потушили взоръ
Всѣхъ разсмѣшили проворнѣй приговоръ —
Ріаго былъ предъ Фердинандомъ грѣшенъ.
Согласенъ я, но онъ за то повѣшенъ —
Пристойно ли, скажите, сторяча
Ругаться намъ надъ жертвой палача?
Самъ государь такого добротства
Не захогѣлъ улыбкой наградитъ.
Лстецы, лстецы, старайтесь сохранишь
И въ подлостн осанку благородства.

403. ВОСПИТАННІЙ ПОДЪ БАРАБАНОМЪ.

Воспитаннѣй подъ барабаномъ
Нашъ Цѣль лихимъ былъ капитаномъ;
Подъ Аустерлицомъ онъ бѣжалъ,
Въ двѣнадцатомъ году дремалъ.
Зато былъ фруктовѣй профессоръ!
Но фронтъ героя надобѣль —
Тенерь коллежскій онъ ассессоръ
Но части иностраннѣхъ дѣль!

404. ОХОТНИКЪ ДО ЖУРНАЛЬНОЙ
ДРАКИ.

Охотникъ до журнальной драки,
Сей усмигательнѣй Зондъ
Разволитъ онѣумъ чернилъ
Слюною бѣшеной собаки.

405. ЛИХОЙ ТОВАРИЦЪ НАШИХЪ
ДѢДОВЪ.

Лихой товарицъ нашихъ дѣдовъ,
Онъ другъ Венеры и шровъ,
Онъ на обѣлахъ — богъ обѣловъ,
Въ своихъ садахъ — онъ богъ садовъ.

406. МНѢ ЖАЛЬ ВЕЛИКІЯ ЖЕНЫ.

(Обязательно не отблано Пушкинымъ).

Мнѣ жаль великія жены,
Жены, которая любила
И дымъ (славной) войны,
И дымъ парнаскаго кадила.
Въ аллеяхъ Сарскаго Села
Она съ Потемкинѣмъ, съ Орловѣмъ
Бесѣды вела
Съ Даламберомъ шлола
Старушка милая жила
Пріятно, хоть и немного
Вольтеру добрый другъ была,
Наказъ писала, флоты жгла,
И умерла садясь на суно.
(Съ тѣхъ поръ Россіи мгла
Россія, бѣдная держава
Твоя удушенная слава
Съ Екатериной умерла

407. НАПРАСИО АХИУЛА ЕВРОПА.

Напрасно ахула Европа,
 Не уважите, не бѣда!
 Огь петербургскаго потопа
 Спасаетъ «Полярная Звѣзда»,
 Бесуджевь, свой ковчегъ на брегъ!
 Напраса блещутъ высоты;
 И въ благотѣльномъ ковчегъ
 Спасаетъ и люди и скоты.

Черновые наброски и отрывки 1823—1824 гг.

408. БЛЕСТИТЬ ДУМА, НЕДВИЖНО МОРЕ
СНИТЬ.

Блестить дума, недвижно море снится,
Молчать саги роскошные Тассана;
Но кто же тамъ во тьмѣ сидитъ
На мраморѣ печальнаго фонтана?
Арабъ-евнухъ, тарема стракъ свѣтой,
И съ нимъ его товарищъ молодой,
«Недуть любви, недуть тоски душевной
Не отъ меня сокрушишь ты,
Твой мрачный взоръ, твой роцогъ гиввинь,
Твой свирѣбный мечъ
Уже давно мнѣ все сказали...

409. БЫВАЛО ВЪ СЛАДКОМЪ ОСЛѢ-
ПЛЕНЬИ.

Бывало въ сладкомъ ослѣпленьи
Я вбрылъ избраннымъ душамъ
Я мнилъ ихъ
Угодно небесамъ,
На шухъ указывало мнѣ

410. ВСЕ КОНЧЕНО: МЕЖЪ НАМИ СВЯЗИ
НѢТЬ.

Все кончено: межъ нами связи нѣтъ,
Въ послѣдній разъ обнявъ твои колѣни
Произношу я горестныя шибъ,
Все кончено—я слышу твой отвѣтъ—
Обманывать себя не стану
Тебя тронаніемъ преслѣдовать не буду
И невозвратное быть можетъ позабуду—
Я знаю: не для меня блаженство
Не для меня сотворена любовь—
Ты молода, душа твоя прекрасна,
И многими любима будешь ты...

411. ПЬВЕЦЪ ДАВИДЪ БЫТЬ РОСТОМЪ
МАЛЪ.

Пьевецъ Давидъ быть ростомъ малъ,
Но повадиль-же Голиага,
Который былъ [и генералъ?]
И положеніемъ не ниже графа.

412. НА ОДЕССКИХЪ ДАМЪ.

И. П. Антрапи сообщилъ только первую строку
(этого, видимо, большого стихотворенія).

Матамъ Ризичъ съ Римскимъ посомъ

413. ТЫ ИЗДАТЬ ДЯДО МОЕГО,
(Н. А. Плетневу).

Ты издашь дядо моего:
Творца опаснаго собѣда:
Достоинъ очень былъ того,
Хотя покойная Бесѣда
И не вичала ликъ его...
Теперь издай меня, пріятель,
Плоды пустыя моихъ трудовъ,
Но ради Феба, мой Плетневъ,
Когда ты будешь свой издатель...

414. ВЪ ПЕЩЕРѢ ТАЙНОЙ, ВЪ ДЕНЬ
ГОНЕНЫЯ.

(Изъ цикла «Потраканій Корану».)

Въ пещерѣ тайной, въ день гоненья,
Читаю я сладостный Коранъ,
Внезпно Ангелъ Утѣшенья,
Влетѣвъ, принесъ мнѣ галиеманъ,
Его таинственная сила
(Съ тѣмъ)
Слова святая начертала
На немъ безвѣстная рука.

415. СЛАБЪ И РОБОКЪ ЧЕЛОВѢКЪ.
(Можетъ быть изъ цикла «Потраканій Корану».)

Слабъ и робокъ человекъ,
Слѣшь умомъ—и все тревожить...

416. ЧТО-ЖЕ БУДЕТЬ-ЛИ ВИНЮ?

(Изъ письма къ брату Леву.)

Что же? будетъ ли вино?
Давно, жду его давно
Знаешь ли, какого рода?
Милый мой, мнѣ все равно,
У меня законъ одинъ:
Жажда полная свобода

И терпимость всяких виль,
 Самъ себѣ я господинъ,
 Погребъ мой гостеприимен
 Радъ мадерѣ золотой
 И подъ пробкой смолиной
 St. Пере бутылкѣ длинной,
 Въ два юныя мои
 Поэтическій *Au*
 Правился мнѣ пѣной шумной,
 Смыъ подобіемъ любви,
 (Но бурноекое...)
 Рейнь
 Мнѣ поправилось потомъ:
 Шылъ пѣль во мнѣ пристрастья,
 Безъ разбора...
 задора
 Вина обложу кругомъ...

417. ПРЕЗРѢВЬ И ШОПОТЬ УКОРИЗНЫ.

Презрѣвъ и шопоть укоризны,
 И зовь обманчивыхъ надеждъ,
 Иду въ мужбину, прахъ отчизны
 Съ дорожныхъ отринувъ одеждъ,
 (Уможи), сердца шопоть сонный,
 давленъ сѣнь
 Прости, предѣль неблагосклонны,
 Гдѣ свѣтъ узрѣвъ я въ первыи разъ!
 Простите, сумрачныя сѣни,
 Гдѣ дни мои прошли въ тѣни,
 Неполнены страстей и дѣви
 И снова задумчивыхъ души...
 А ты, въ опасный день разлуки,
 Забылъ для брата о себѣ:
 Соединимъ же братски руки
 И покоримся мы судьбѣ,
 Благослови побѣгъ поэта...

.
 Лишь вспомни шлода, что гдѣ-то

 Умолкнеть онъ подъ небомъ дальнымъ,
 Умолкнеть въ муждой сторонѣ...
 И гробъ безымянный...

.
 Моей могилы безвѣстной
 Наставель чашъ желанный
 И близъ славянъ
 И не

418. САБУРОВЪ, ТЫ ОКЛЕВЕЧАТЬ.

Сабуровъ, ты оклеветать
 Мой пріятная затѣи,

Какъ я съ Каверинымъ гулялъ
 Бранилъ Россію съ [Молодцовымъ?]
 Съ моимъ Частачевымъ читалъ...
 Какъ (всѣ заботы отыскавъ,
 Съ шумъ провождя такъ тотъ я друдавъ,
 Но Зубовъ не предъстѣль меня
 Словою сю смуглой,

419. ЕДВА УСТА КРАСНОРЪЧНЫИ.

Едва уста краснорѣчныи
 Тебя коснулася — и въ мнѣ
 Его ума огонь шривый
 Въ тебя таинственно проникъ,
 Кристалль, поэтомъ обновленный,
 Украсъ мой тихій уголокъ,
 Залогъ поэзіи священныи
 И дружбы сладостной залогъ —
 Въ тебѣ таится жаръ цѣлебный

ГРАФЪ ОШЧАРЪ.

*Силуэтъ въ альбомѣ Е. П. Рассекой - Ордовой,
 Воспроизводится впервые.*

420. ГРАФУ О... ОШЧАРУ.

Шведы! изречеат междъ собою
 Враждуютъ наши племена
 То наша стоиеть сторона,
 То гибнеть наша полъ грозною,
 И вы, бываю, шривали,
 И вы, вы злобой трепетали
 Кремля позоръ и павль,
 И мы о камень нашихъ стѣнъ

 И мы млатеиеть приближали

Когда тонами
 Краю Костюшкиныхъ знаменъ
 И толь не пагубъ, кто съ дѣвой вашей
 Кольцомъ завѣннвмъ сопряженъ:
 Не вынемъ мы завѣннвой чашей
 Здоровье вашихъ красныхъ женъ,
 (И наша дѣва молодая)
 Привлекши сердце поляка,
 Не приметъ, гордою душою
 Любовь пароднаго врага.
 Но огнь поэзи чудесный
 Сердца враждебная дружить
 При пѣсняхъ вдохновеня
 Вражда молчить,
 И возстають благословеня,
 И на сердца?) нисходитъ миръ...

421. ПОКА СМРУГЪ ТЕБЯ, КРАСАВИЦУ МЛАДУЮ.

Пока смругъ тебя, красавицу младую
 Между шестн дружныхъ еще не заключилъ
 Ходи съ источнику близъ могилью
 И черной воду ключевую,
 И думай, милая моя:
 Какъ невозвратна струя
 Блестить, бѣжить и изчезаетъ —
 Такъ жизнь и юность убѣгаетъ,
 Въ гаремѣ такъ исчезу я.

422. ЗАБЫТЬ И РОЩУ, И СВОБОДУ.

Забытъ и рощу и свободу,
 Невольникъ-чужикъ надо мной
 Зерно клеветъ и брызжетъ воду,
 И пѣсню тѣшитъ живою.

423. МЛАДЕНЦУ.

Дитя, не смѣю надъ тобою
 Произносить благословеня
 Ты тихой Ангелъ утѣшеня
 (Прими желаня) мой
 Да будутъ ясны дни
 Какъ пыль осень жребий

Прощай предестное дитя,
 Я не скажу тебѣ причины

 Быть можетъ о судьбѣ моей
 Она современемъ услышитъ...
 Клевета черты мои опишетъ.

424. ПРИОТЬ ЛЮБВИ, ОНЪ ВѢЧНО ПОЛНЪ.

Приотъ любви, онъ вѣчно полнъ
 Прохлады сумрачной и влажной,
 Тамъ никогда стѣпенныхъ волнъ
 Не умолкаетъ гуль противной

424-а. У МОРЯ ПОДЪ СКАЛОЮ.

(У моря) подъ скалою
 Пещера дикая таилась
 Обитель пѣси въ дѣтнй зной
 Она прохладной темнотою

ВЗГЛЯД ОДЕССЫ СЪ МОРЯ ВЪ 1824 ГОДУ.

Рисунокъ тщию Л. Митиной, Принадлежитъ Одесской Публичной Библиотекѣ. Изъ собрания графа М. М. Толстого. Воспроизводится впервые.

ПУШКИНЪ ВЪ ОДЕССѢ.

Гдѣ я страдалъ, гдѣ я лѣчилъ.

Пушкинъ.

«Любезныи Пушкинъ, тво описание Одессы—грамма на безсмертїе для нашего народа».

В. И. Туманскій—Пушкину.

Более двухъ съ половиною лѣтъ прожилъ Пушкинъ въ Кишиневѣ. Какъ ни была интересна и разнообразна жизнь юного поэта въ Бессарабїи, онъ сталъ по дѣлу концы тяготиться своимъ пребываніемъ въ полуазиатскомъ, грубомъ городѣ. Его изящной, эстетической натурѣ нужна была другая среда. А неподалеку отъ Кишинева была «кусочекъ Европы»—кинутой жизнью была молодая Одесса. Пушкинъ не разъ тутъ отираивался у своего товарища и спешивательнаго начальника П. П. Низова. Въ 1821 г. поэтъ былъ въ Одессѣ весной¹; здѣсь имъ были написаны эпиграмъ «Кавказскаго Павлика» и посвященїе поэмы П. П. Раевскому. Гореть была полонъ греками, возставшими противъ турокъ, по разгару греческаго движенїя молодой поэтъ, который горячо интересовался борьбой за освобожденїе Греціи, не вытѣлъ. «Въ Одессѣ», писалъ онъ кому-то изъ друзей, — «я уже не застаю любовитнаго армянца»

въ лавкѣ, на улицѣ, въ трактирѣ—вездѣ собирались толпы грековъ; все продавали за ничто свое имущество, покупали сабли, ружья, пистолеты; все говорили объ Леонидѣ, объ Оемистовѣ; все шли въ войско счастливца Нисланта»². Аппетитовъ говорить, что тогда у Пушкина были въ Одессѣ «любовныи связи»³. Это весьма возможно, но, конечно, не онъ одиъ привлекалъ его въ Одессу. Впрочемъ, намекая на Одессу, онъ писалъ 23 марта Дельвину: «скоро оставлю благодоственную Бессарабїю; есть страна благодоственнѣе». Въ августѣ Пушкина опять тянуло въ Одессу, но его не отпускалъ Низовъ, очевидно, желая отратить увлекающагося поэта отъ

¹ Въ Красномъ переводѣ Одессы, то смутно, населенномъ цесимущественно греками и поселкомъ любовитнаго старо греческаго колорита, удивлявъ двухъ эдакимъ замѣннымъ домикомъ, палъ воротами котораго прибита мраморная доска съ греческою надписью: Домъ Марии, въ которомъ собиравался дружеская гелерия, 1821 г.

² Пушкинъ въ Александровскомъ эпигр.

разныхъ неприятностей, которыя могъ на него навлечь его тогдашній «либерализмъ», отъ разныхъ встрѣчь, которыя могли быть для него небезопасны. Подражая С. П. Тургеневу «съ благополучнымъ прибытіемъ изъ Турціи чуждой въ Турцію родную», Пушкинъ писалъ ему 21 августа изъ Кишинева: «съ радостію пріѣхалъ бы я въ Одессу побесѣдовать съ вами и понышать чистымъ европейскимъ воздухомъ, но я самъ въ карантинѣ, и смотритель Низовъ не выпускаетъ меня, какъ зараженнаго какой-то либеральною чумою». Поэту опротивѣлъ «проклятый городъ Кишиневъ». О скоромъ избавленіи отъ ссылки не приходило думать, и Пушкинъ старался переубѣдить ея условія на болѣе сносныя. Уже изъ Одессы онъ писалъ А. П. Тургеневу 1 декабря 1823 г.: «надобно подобно мнѣ провести три года въ душномъ азіатскомъ заточеніи, чтобъ почувствовать цѣну и невольнаго европейскаго воздуха».

До насъ дошло немало воспоминаній объ Одессѣ двадцатыхъ годовъ. Читая ихъ, понимаешь, что влекло Пушкина въ этотъ городъ. Лучшей характеристикой тогдашней Одессы служатъ, конечно, стихи самого Пушкина, въ «Путешествіи Олѣгина». Поэтъ, писавшій ихъ черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того, какъ покинулъ Одессу, прекрасно указалъ и всѣ ея достоинства, и всѣ недостатки. Пушкинъ зоветъ Одессу «фильмой», «грязной», отбѣчаетъ, что она страдала отъ недостатка воды, что въ ней почти не было растительности. «Городъ» — рассказываетъ А. П. Маркевичъ⁴, — «былъ весьма не великъ. Хотя онъ занималъ мѣсто пышнѣйшую думшину его частей, но дома были небольшіе и рѣдкіе и перемежались съ хлѣбными магазинами, особенно частыми и большими на окраинахъ города... За Преображенскою улицею, отъ такъ называемаго «Чужного дома» уже начинались пустыри, среди которыхъ построены были дома нѣсколькихъ польскихъ магнатовъ, а еще далѣе — обширная усадьба Нарышкиныхъ. На Херсонской улицѣ было нѣсколько педурныхъ домовъ, напр. негодяна Ризнича; но далѣе шли хлѣбные магазины, и расположены были зданія городской больницы. Соборъ уже существовалъ, и была застроена мѣстность по Дворянскую улицу, а затѣмъ шли плохіе юмшники и пустыри, среди которыхъ начиналась по-

стройка института. Дерибасовская улица, хотя и существовала, но приобрѣла нѣкоторое значеніе лишь съ того времени, когда на углу ея и Преображенской улицы поселился начальникъ края графъ Воронцовъ. Дерибасовскій городской садъ, примыкавшій къ зданіямъ генераль-губернаторской канцеляріи, и въ то время не былъ особенно посѣщаемъ. На той же улицѣ были расположены зданія Ришельевского лицея, сохранившіеся донынѣ среди дома Ватнера. Бульвара еще не было, но мѣсто подлѣ него, занятое растительностію, гдѣ еще недавно можно было охотиться, уже начали расчищать, для чего были сломаны остатки турецкой крѣпости. Внизу бульвара былъ портъ, представлявшій, конечно, только слабую очеркъ пышнѣйшаго; зато море въ то время было для одесситовъ гораздо доступнѣе. На нынѣшней Театральной площади стоялъ театръ, мѣстность вокругъ котораго была завалена камнями отъ разваливъ бывшаго дома де Ришелье, а въ началѣ Ришельевской улицы находилась популярная кофейня. Улицы въ Одессѣ были еще немогущія; осенью она тонула въ грязи, а лѣтомъ кудалась въ облакахъ пыли... Одесса страдала отъ безводія... Растительность была жалкая... Педурень былъ Ботаническій садъ, теперь, къ сожалѣнію, погибшій. За предѣлами Одессы было нѣсколько оазисовъ-дачъ де Ришелье, графа Ланжерона, нѣсколькихъ богатыхъ негодяитовъ... Но все это было въ самомъ примитивномъ видѣ... Итакъ, Одесса двадцатыхъ годовъ была городомъ сравнительно еще не очень благоустроеннымъ. Въ такихъ же краскахъ описываетъ наружность города Ф. Ф. Вигель, приходившій въ ужасъ отъ одесской пыли и грязи. Въ этомъ отношеніи Одесса мало разилась отъ Кишинева, но зато въ ней было то, чего въ Кишиневѣ не было: шумная, оживленная жизнь, блескъ и нестрота, море и итальянская опера... Какъ ни бѣдна природа Поворосійскихъ степеней, но ютъ — все-же ютъ, Туманскій, понавъ въ Одессу, «пошелъ бродить со своимъ дорнетомъ одинъ надъ моремъ» и, влюбившись въ Одессу, сочинилъ «душевное дыханіе садовъ одесскихъ», не бывавшихъ въ ней, «холода увѣнчанные клятвами винограда»⁵. Пушкинъ не пріѣхавъ къ выдумкѣ, даже посмѣялся надъ восторженнымъ бредомъ Туманскаго «все хорошо, но дѣло въ томъ,

⁴ Пушкинскіе мн. въ Одессѣ. Од., 1900 г., стр. 129—131.

⁵ Одесса. Полярная Звѣзда. 1824 г., стр. 240.

ВИДЪ ВХОДА ВЪ РИШЕЛЬЕВСКУЮ УЛИЦУ г. ОДЕССЫ.

Съ автографомъ тридцатилетней юности, принадлежащей Одесской Городской Публичной Библиотецкѣ. Воспроизводителъ авторы.

что степь такая тамъ крутомъ» и пошелъ своеобразною предестъ въ небогатой природѣ Одессы. «По солнцу южное, по морю... Чего жь вамъ больше, друзья? Благословенные края!» — говоритъ онъ. Голубыл южныя волны ласкали глаза поэта, иль немощныя пачекъ думалъ сладкой музыкой его духъ. Пушкинъ любилъ морское куванье, любилъ быстро пабѣгающую одесскую ночь и описалъ ея мягкость и ласкающую теплоту:

Тихо спитъ Одесса,
И безмяхана, и тепла
Шумъ а ночь, дуна вонюла
Презрительно легкая дѣлѣла
Одессителъ немое Все молчитъ
Лишь море Черное шумитъ.

О любви Пушкина къ морю сохранился любопытный разсказъ К. Н. Зеленецкаго — слышавшаго его въ 1840 г. отъ старика-подошья, который шло въ возлѣ Пушкина на берегъ моря, на яхту Рено Старикъ перемывалъ, что Пушкинъ, бывало,

прѣлеть, «носить, походить по берегу часъ, полтора, потомъ назавть. Уроженецъ амураго сѣвера, Пушкинъ восхищался одесскимъ небомъ. «Тамъ только земля небеса», говоритъ онъ въ «Одесситѣ»; въ письмѣ къ Д. М. Княжевичу, уже изъ Михайловскаго, зимой 1824 г., онъ съ тоскою восклицаетъ: «дѣлѣть нѣтъ ни моря, ни голубого неба полуныя, ни итальянской оперы». Театръ поэтъ особенно любилъ; одесскому театру имъ посвящены восторженные строки:

Но ужь тамаеть вечеръ спитъ,
Нора намъ къ оперу есортъ.
Тамъ уютельная Россини,
Сиропъ баговень Орфей.

Россини и итальянская опера! — Боже мой, это прелестнейши рай небесаго!... — пискунитъ Пушкинъ на выраженіи восторга въ отношь одесскимъ письмѣ къ Левяну. Интедь разсказываетъ, что всеи Одесса пошла на итальянскую оперу, бывающую мѣстомъ свиданій для свѣтскаго общества? Разсказываетъ

своихъ первыхъ одесскихъ впечатлѣнiяхъ, Пушкинъ пишетъ брату: «ресторанція и итальянская опера обновили мнѣ душу». Весело жилось въ Одессѣ, особенно лѣтомъ, когда въ ней бывало множество прѣзжкнхъ — кто ради морскаго куванiи, кто ради «европейскаго воздуха», кто по пути за границу, кто прѣзжкая за воспитывавшимся въ Римельевскомъ лицѣ и въ пансіонахъ дѣтми. У театра было кафе: въ антрактахъ публика вла приносимое изъ этого кафе мороженое, живописно располагаясь на разбросанныхъ по площади камняхъ. Другое кафе—Отопа пользовалось большой популярностью. Пушкинъ упоминаетъ о немъ въ «Опбтнѣ». Появивш въ Одессу, Пушкинъ сразу сталъ записнымъ театраломъ и, кромѣ театра, мало куда ходилъ. Талантливая беллетристка Елена Ганъ (*Zenaida Pava*), жившая въ Одессѣ лѣтъ черезъ десять послѣ Пушкина, оставила самое колоритное описанiе общаго облика Одессы, которое достаточно вѣрно характеризуетъ и Одессу пушкинскаго времени, ту дѣловую, кипучую Одессу, которую Пушкинъ въ одномъ письмѣ называлъ «сирозанческою 8). «Здѣсь природа была если не матерью, то доброю мачехою: украшенная трудами людей, она доставляетъ лицу взорамъ, порою и лицу душѣ: но шагъ впередъ, и очарованiе исчезло. Тамъ тротуары, балконы, пестрая вывеска гостиницъ и моды. Тамъ деревья, растущiя будто нехотя вдоль улицъ, блекнутъ подъ слоями бѣлой известковой пыли, которая, вздымаясь въ воздухъ густыми облаками своими, при малѣйшемъ дуновенiи вѣтра занимаетъ дыханiе и въбдается въ глаза. Тамъ голова кружится отъ смѣси грохота экипажей по мостовой, визга немазанныхъ колесъ подъ пирамидальными арбами угольщикова и воловьими подводами поставщиковъ пшеницы. Тамъ выкиньте изъ головы все мысли, запрячьтесь подалеке всякое чувство, чтобъ, отразившись на лицѣ, онѣ не сдѣлали васъ смѣшнымъ, скорѣе принимайте видъ разбѣянаго *far niente* — замстуйте его хоть отъ этого сына юга и ивицъ, который, полулежа на крыльцѣ *casino*, блаженствуетъ въ полудремотѣ, не выпуская изъ рта погасшей сигары. Тамъ можно пройти полгорода, не встрѣтивъ русскаго слова. Итальянскiй, французскiй, польскiй, греческiй—все эта

смѣсь языковъ коснется нашего слуха, кромѣ языка русскаго, и, однако жъ, въ въ Россiи. Развѣ случайно вамъ попадется толпа бородачей, которые, возвращаясь съ работы, съ плечами за плечами и апельсиномъ въ рукахъ, толкуютъ межъ собой: «Вѣдь въ хоронъ городокъ Одесса, да неурястей въ ней столько шатается, что Боже урази».

Поселившись въ Одессѣ, Пушкинъ сталъ гражданиномъ общества, совѣмъ не полагая на то, въ которомъ онъ вращался въ Кишиневѣ. Его составъ былъ иной: оно жило другой жизнью, другими интересами. Кишиневское общество состояло главнымъ образомъ изъ военныхъ, представлявшхъ собою самый культурный элементъ въ Бессарабiи, незначительнаго чиновничества и мѣстныхъ бояръ, едва только начинавшихъ сбрасывать свои традиционные живописные костюмы. Не такою была фзiономiя одесскаго общества. Одесса уже тогда стала, благодаря своему выгодному приморскому положенiю, культурнымъ центромъ юга: она стала средоточiемъ крупныхъ коммерческихъ предпрiятiй, находившихся въ рукахъ видныхъ и довольно образованныхъ петербургскихъ еврейскаго склада. Вокругъ генераль-губернатора группировались болѣе или менѣе значительные чиновники, въ Одессу часто навѣзжали представители старой русской и польской аристократiи (Потоцкiе, Пояатовскiе, Парышкины, Сабанскiе, Кочубеи, Залѣскiе, Шеміоты, Ржевускiе, Волконскiе). Еще многочисленнѣе было богатое кучество (Сикарь, Рено, Мюберли, Маразли, Ризничъ). Пушкинъ отмѣтилъ въ описанiи Одессы ея кипучую, бойкую торговую жизнь:

... Здѣсь и тамъ
Бѣгутъ за дѣломъ и безъ дѣла,
Однако больше по дѣламъ.
Дѣла разчета и отваги,
Нѣтъ купецъ взглянуть на флаги,
Провиантъ, шнотъ ли небеса
Ему знакомы паруса.
Какіе новые товары
Вступили нынче въ карантъ!
Пришли ли бочки жидкихъ винъ
И что чума? И гдѣ пожары?
И вѣтъ ли голода, войны,
Или подобной повизны?..

Среднiй классъ, интеллигенція, русская и иностранная, участвовала въ масонской ложѣ — члены которой, по преданiю, собирались въ «Чудномъ домѣ»; по другой ле-

⁸ «Теофанiя Аббiадакио» — Полн. собр. сочин. А. Ганъ, Спб., 1905 г., стр. 246.

гендѣ, на дачѣ Гоголь. Можно было на улицѣ встрѣтить умнаго англичанина — агента Гунчиона; дѣшво двигался по Ришельевской, въ своемъ живописномъ восточномъ костюмѣ, «корсаръ въ отставкѣ Мауге Алю», съ которымъ свелъ дружбу Пушкинъ. Революціонное движеніе на Апеннинскомъ и Пиринейскомъ полуостровѣ, борьба греческой гетеріи съ турецкимъ игомъ — все это было на устахъ у одесскаго общества. Улицы оглашали «языкъ Италіи златой» и французскій языкъ; на послѣднемъ шло преподаваніе въ Ришельевскомъ лицѣ, на немъ печаталась первая въ Одессѣ газета — «*Messenger de la Russie Méridionale ou feuille commerciale*» при Пушкинѣ она была уже преобразована въ «*Journal d'Odessa*». Двадцатые годы были эпохой увлеченія археологическими раскопками, изысканіями. Памятникомъ возникшей тогда любви къ изученію древности является основанное вскорѣ, въ концѣ 20-хъ годовъ, одесское общество исторіи и древностей. На всемъ югѣ Россіи и въ Крыму усердно разрабатывались археологическія богатства⁹⁾. Одесса жила, кипѣла, возновалась; въ ней не было узката, пошлаго провинціального духа обыкновеннаго русскаго города, въ ней дѣйствительно все «вѣяло Европой», «непрѣлбо разнообразіемъ живою», «блистало югомъ». Приглашая какихъ-то дамъ прѣхать въ Одессу, Пушкинъ писалъ имъ зимою 1823 г.: «прѣзжайте, неба радѣ! — У насъ есть для васъ приманка — балы, итальянская опера, вечера, концерты»..

Весьма интересенъ отзывъ объ одесскомъ обществѣ пріятеля Пушкина, В. П. Туманскаго¹⁰⁾, относящійся какъ разъ къ тому времени, когда жилъ въ Одессѣ Пушкинъ. Отзывъ этотъ помѣщенъ 1824 г. (16 іюня), «Усербвѣ» писатель Туманскій — совершенно познакомиться съ вѣстнымъ и среднимъ кругомъ дѣшшяго общества, я смѣю, наконецъ, сказать о немъ свое мнѣніе. Начнемъ съ того, что оно, будучи

составлено изъ какихъ-то отдѣльныхъ доскутковъ, чрезвычайнаго цестро и потому не представляетъ возможности «скупать чедовѣку просвѣщенію и наблюдательному». Далѣе, что тонъ сего общества нехорошъ — въ томъ значеніи, въ какомъ понимаютъ это слово въ столицахъ. То-есть, что дѣшвы нѣкоторыхъ особенныхъ правилъ для обращенія въ свѣтъ, нѣкоторыхъ условныхъ разговоровъ и даже условныхъ наслаженій, при имени которыхъ находятъ уже дѣвота. Большая часть чедовѣвъ нашего общества занята либо службою, либо торговлею и торговыми оборотами. Довольно этого одного обстоятельства, дабы помучивать, что все они ищутъ въ обществѣ отдохновенія, а не новаго труда. Следовательно, каждаго поспуаетъ по-своему, не принуждая себя къ строіому порядку столичныхъ гостиныхъ... Наши дѣловые господа сообразуются съ пріятыми обыкновениями во всемъ, что требуется бланпристойностью, только не въ стараніи «скупать самому свѣтъ и наскучать другимъ». Недостатокъ свѣтскаго образованія гораздо чувствительнѣе въ одесскихъ дамахъ. Замужнія наши женщины (выключая прекрасную и любезную госпожу Ризницъ) дѣчатся людей, скрываютъ подъ личиной скромности или свою простоту, или свое невѣжество. Дѣвушки въ обхожденіи своемъ не умѣютъ стать на настоящую точку: или дѣки или грубы, другія слишкомъ веселы и слишкомъ рано постигаютъ вещи, которыхъ не забоятся скрывать. Впрочемъ, въ общей массѣ все это составляетъ вещь оригинальную и пріятную... Конечно, дѣвушка вольнаго обращенія гораздо занимательнѣе дикой провинціальной барышни или безмолвной, жеманно-скромной дамы. Особенно грѣшники меня угѣшаютъ. Недавно еще покинувъ землю, гдѣ женскій полъ не имѣетъ общественнаго существованія, онѣ вдругъ хотятъ насладиться всею свободою онаго... Нѣкоторыя изъ нихъ очень пригожи и имѣютъ прекрасныя способности, но воспитаніе, воспитаніе!.. Не считаю нужнымъ скрывать фамильныя имена: мое начертаніе одесскихъ обществъ. Какая охота звать, кто туринѣ; княгиня ли Мурузи или дѣвица Гикъ? Кто стройнѣе: хорошенка ли Констанція Кирико или хорошенка Софія Гвинъ? Кто милѣе: Елена или Дианна Бларамбергъ?.. Этому изображенію одесскаго общества нельзя отказать въ отчетливости. Въ вольной, веселой Одессѣ, дѣйствительно, тогда еще не царилъ принуж-

⁹⁾ Археологич. усердно занимался полкъ В. Е. Ензлаковъ (1804—1842), П. А. Дебровскъ (1794—1845), изучившій древнюю географію Еврпическаго полуострова; А. Ф. Павлатогоръ-Николуль (1763—1848), гавшій имевъ Овидіополь, Одессополь и другимъ южнымъ мѣстностямъ; П. П. Вларамбергъ (1772—1834), П. А. Стемпковскій (1789—1832), работавшіе кромѣ изученія древностей юга Россіи. Тогда же начиналась дѣятельность А. Б. Ашва (1802—1854) и профессора Ришельевскаго лицѣ П. П. Гриневича.

¹⁰⁾ Письма В. П. Туманскаго и неизданныя его стихотворенія, изд. графа Г. А. Милорадовича, Черниговъ, 1891.

тенный тонъ свѣтскаго общества, и городъ жилъ по европейскому складу. Отзывы объ одесскихъ дамахъ не отличаются, впрочемъ, полнотою. Существовали еще замкнутый и довольно чопорный кружокъ дамъ высшаго общества, группировавшійся около графини Е. К. Воронцовой; по недоброй скупости молодежи, конечно, въ это общество стремилась гораздо меньше, чѣмъ туда, гдѣ блистали женщины, соединяющія съ красотою то отсутствіе жеманства и чопорности, которое Туманскій называетъ «вольнымъ обращеніемъ». Слѣзъ уже въ Михайловскомъ и прося, въ августѣ 1825 г., Вяземскаго писать чаще. Пушкинъ сравнилъ письма друга съ предметами, которые дѣйствовали на него такъ живоительно: «они точно оживляютъ меня... какъ музыка Россіи, какъ похотливое кокетство Италианки». Въ началѣ тридцатыхъ годовъ, значительно поздне описываемого времени, въ Одессѣ еще не вывѣтрился духъ свободы и простоты въ общественныхъ отношеніяхъ. Добрый знакомый Пушкина, М. П. Розбергъ, поступившій въ 1829 г. на службу къ Воронцову чиновникомъ особыхъ порученій, писалъ 3 апрѣля 1830 г. одному изъ своихъ друзей¹¹⁾: «здѣсь нѣтъ чопорности, нѣтъ мѣстничества, здѣсь всѣ какъ-то ближе другъ къ другу чѣмъ въ Москвѣ, и если на балу или вечеринкѣ недостаетъ кого-нибудь, это тотчасъ замѣтно. Причынны такого явленія: болѣе тѣсный кругъ высшаго общества, болѣе европейска въ отношеніяхъ людей къ людямъ». Въ 1833 году князь П. Чернаевскій¹²⁾ писалъ о столицѣ юга: «Одесса городъ замѣтно-буржуазный, гдѣ чины и аристократическія преимущества цѣнятся недорого. Есть у меня двоюродный братъ; онъ здѣсь командовалъ пѣхотной дивизіей и, увѣжая отсюда, глядя, что погои его не будетъ въ этомъ городѣ, гдѣ не питали никакого почтенія къ его жирнымъ эподеямъ».

Во главѣ одесскаго общества въ началѣ 20-хъ годовъ стали супруги Воронцовы. Отношенія ихъ къ Пушкину составляютъ одно изъ интереснѣйшихъ мѣстъ биографіи поэта. Надо замѣтить, что отношенія эти выяснены далеко не въ равной мѣрѣ, а именно покрыты нѣкоторымъ туманомъ

таинственности отношенія поэта къ графинѣ Е. К. Воронцовой, тогда какъ давно уже выяснены причины взаимнаго не-расположенія другъ къ другу и разрыва между Пушкинымъ и графомъ М. С. Воронцовымъ. Какъ ни рѣзки отзывы о Воронцовѣ самого Пушкина, какъ ни бываетъ, естественно, несправедливъ каждый, кто берется судить о своемъ собственномъ дѣлѣ, въ которомъ задѣто его самолюбіе, все-же даже изъ этихъ отзывовъ можно видѣть, что Воронцовъ не сразу сталъ гонителемъ поэта. Онъ только не понималъ его, не умѣлъ оцѣнить его значенія. Воронцовъ былъ человѣкъ умный, образованный, энергичный, богатый, просвѣщенный, видный военный дѣятель Александровской эпохи, гуманный, стремившійся пасаждать образованіе среди солдатъ (при корпусѣ, которымъ онъ командовалъ, стоявшемъ въ Мобержѣ, во Франціи, онъ завелъ походную русскую типографію, произведенія которой очень рѣдки теперь), много сдѣлавшій для цивилизаціи Кавказа, Крыма и Новороссіи (ему не даромъ поставлены памятники въ Одессѣ и въ Тифлисѣ), поощрявшій промышленность и торговлю, онъ не способенъ былъ понять «тонъ души» Пушкина. Многие удивлялись, что Пушкинъ не ужился съ Воронцовымъ, и, надо сказать, общественное сочувствіе было далеко не всецѣло на сторонѣ Пушкина. Въ своеобразномъ разговорѣ съ императоромъ Александромъ I Пушкинъ выраженіе этого удивленія вкладываетъ въ уста царю: «какъ это вы не ужились съ графомъ Воронцовымъ?» Происходило это прежде всего (о другихъ причинахъ будетъ сказано ниже) потому, что Воронцовъ, англійчанинъ по воспитанію, взглядамъ, симпатіямъ и антипатіямъ, врагъ «корсиканскаго звѣря» — Наполеона, поклонникъ Sainte Alliance des peuples, этой политическаго химеры, ненавистникъ Байрона и всего романтическаго направленія, не могъ ни понять Пушкина, ни симпатизировать ему. Простоватый, совсѣмъ не блестящій въ сравненіи съ Воронцовымъ Низовъ, съ своимъ добродушіемъ, старческой снисходительностью, былъ ближе сердцу Пушкина, чѣмъ изысканный европеецъ Воронцовъ, по отношенію къ Пушкину бывшій дѣйствительно сухимъ и холоднымъ. Гр. П. Канцель¹³⁾ называетъ Воронцова «внутренне-надменнымъ, но съ самыми

¹¹⁾ Сборникъ старинныхъ бумагъ, хранящихся въ музеѣ П. П. Щукина, часть VII, стр. 344—347.

¹²⁾ Тамъ же, стр. 347—350.

¹³⁾ Русская Старина 1899 г., май, «Къ анноту о высылкѣ Пушкина изъ Одессы», стр. 243.

ДОМЪ, ГДѢ ЖИЛЪ ПУШКИНЪ ВЪ ОДЕССѢ, НА ПУШКИНСКОЙ УЛИЦѢ,
БЫВШИ СІКАРЬ, НЫНѢ АЛЬДОРФЕРЪ.

(Съ фотографіи 1907 г.)

изящными и вѣщими формами». Воронцовъ, дѣйствительно умѣлъ правиться людямъ. Вотъ какъ отзывался о немъ М. П. Розбергъ и кн. П. Черкасскій въ цитированныхъ выше письмахъ. Воронцовъ» пишетъ кн. Черкасскій: «очень изъ самыхъ приятныхъ людей, которыхъ я встрѣчалъ, чрезвычайно вѣжливыи, обладающій самой расползатоющей наружностью»... Розбергъ говоритъ о Воронцовѣ: «его обращеніе, его поступки все отзываются благородствомъ, какого мы не привыкли видѣть въ нашихъ знатныхъ сановникахъ; образованіемъ онъ опять таки стаетъ выше всѣхъ ихъ... По словамъ Розберга въ томъ же письмѣ, личность Воронцова была одной изъ причинъ весе-

дой и чистой общественной жизни въ Одессѣ; значитъ, Воронцовъ умѣлъ сблизать людей. И дѣйствительно, Воронцова окружало шумное, разнообразное общество, которому завла толь его жена графиня Елизавета Кеаверіева, рожденная Французая. Въ томъ же 1823 г., когда въ Одессу переселился Пушкинь, ее видѣлъ Ф. Ф. Вигель, посвятившій ей нѣсколько строкъ въ своихъ «Запискахъ»¹¹: «си было уже за тридцать лѣтъ, а она имѣла все право казаться молоденькою. Долго, когда притомъ мотъ патовѣть бы свѣтъ, жиди она дѣвочкою при строгой матери въ деревнѣ; во время пер-

ваго путешествія за границу вышла она за Воронцова, и всѣ удовольствія жизни разомъ предстали ей и окружили ее. Со врожденнымъ польскимъ легкомысліемъ и кокетствомъ желала она правиться, и никто лучше ее въ томъ не усилывалъ. Молода была она душою, молода и паружностью. Въ ней не было того, что называютъ красотою; но быстрый, ибжннй взглядъ ея маленькихъ, небольшихъ глазъ пронзалъ насквозь: улыбка ея устѣ, которой подобной я не видалъ, казалась, такъ и призываетъ поцѣлунъ». Отношенія графини къ Пушкину, какъ уже сказано, одно изъ недоумѣнныхъ мѣстъ въ исторіи его жизни. Ниже еще скажемъ о томъ, насколько вѣроятны предположенія, что Пушкинъ былъ влюбленъ въ Воронцову и переписывался съ ней, когда жилъ въ Михайловскомъ, и о томъ, что онъ служилъ ширмою, чтобы отвлечь вниманіе графа отъ пріятели Пушкина Александра Раевского, бывшаго настоящимъ предметомъ любви графини¹⁵⁾. Несомнѣнно одно, что къ Пушкину она была распложена гораздо болѣе, чѣмъ графъ¹⁶⁾.

У Воронцовыхъ собиралось большое общество, дѣлившееся на два кружка. «Большая зала», — рассказываетъ Витель, — «почти всегда пустая, раздѣляла двѣ большія комнаты и два общества. Одно, полуплебейское, хотя рѣдко покидалъ его самъ графъ, постоянно оставалось въ биліардной. Другое, избранное, оборное, находилось въ гостиной у графини... Всегда можно было найти тутъ Марши, Брунова, Пушкина, Франка и близкаго родственника Сивина¹⁷⁾. Изъ дамъ ежедневной посѣтительницей была одна только графиня Ольга Станиславовна Потоцкая, вышедшая за Льва Александровича Парышкина, двоюроднаго брата графа Воронцова. Въ столовой къ обѣду сходились вѣтствѣ, а вечеромъ у Казначеева всѣ опять смѣшивались». Близко къ Воронцовымъ стояли супруги Гурьевы (графъ Гурьевъ былъ одесскій градоначальникъ), графъ А. Ф. Ланжеронъ, предшественникъ Воронцова по управленію По-

вороссіей и жена его, холодная красавица; известный писатель-реакціонеръ Александръ Скарлатовичъ Стурдза¹⁸⁾, съ которымъ Пушкинъ былъ хорошо знакомъ, его сестра графиня Роксандра Скарлатовна Эдлингъ, известная своимъ умомъ южно-русская Смирнова. Близки къ Воронцову были правитель его канцеляріи Александръ Ивановичъ Казначеевъ, родственникъ царекосельскаго товарища Пушкина А. А. Шишкова, относившійся очень хорошо къ своему подчиненному—Пушкину; М. Н. Дексъ, Алексѣй Праклевичъ Левинскій, впоследствии одесскій градоначальникъ, человекъ съ литературными вкусами и наклонностями. Въ штатѣ чиновниковъ канцеляріи Воронцова состояли поэтъ Василій Ивановичъ Туманскій, баронъ Ф. П. Бруновъ (споследствии русскій посолъ въ Лондонѣ), жена Казначеева, Варвара Дмитриевна, рожденная княжна Волконская, женщина, по отзыву Липранди¹⁹⁾, «очень умная, любезная и начитанная, страстная любительница литературы, устраивала у себя литературные вечера». Къ обществу Воронцовыхъ принадлежали супруги Зонтагъ; мужъ былъ капитаномъ надъ одесскимъ портомъ; жена, Анна Петровна, урожденная Юшкова, родственница и пріятельница Жуковского, — известная впоследствии писательница для дѣтей. Въ Одессу часто навѣщала близка Пушкину семья Раевскихъ. Одинъ изъ членовъ этой семьи, Александръ Николаевичъ, воспитанный Пушкинымъ «Демонъ», имѣлъ на него безспорное вліяніе и сыгралъ въ его жизни несомнѣнную роль. Понятно, какъ горячо долженъ былъ стремиться въ Одессу Пушкинъ изъ давно опосылывшаго ему Кишинева. Онъ сталъ хлопотать о переводѣ на службу въ Одессу черезъ своего неизмѣннаго друга—вліятельнаго А. П. Тургенева.

7 мая 1823 г. состоялось назначеніе графа М. С. Воронцова повороссійскимъ генералъ-губернаторомъ и полномочнымъ наместникомъ бессарабской области: въ его лицѣ впервые соединились оба эти поста. Переѣзду Пушкина предшествовали слѣдующіе переговоры между всеславнымъ ходатаемъ за Пушкина А. П. Тургеневымъ и бу-

¹⁵⁾ Витель VI, 171.

¹⁶⁾ Сохранилось преданіе, рассказанное Аркадіемъ Осиповичемъ Россетомъ, братомъ пресловутой русской Рекамье, А. Ф. Смирновой («Русскій Архивъ» 1882 г., I, 246), что Пушкинъ называлъ ее *la princesse belvétrille*, — оттого, что она жила въ Одессѣ, глядя на море, она твердила извѣстные стихи: не бѣднѣю ли вѣтрила, не плывутъ ли корабли? — изъ баллады В. А. Жуковского «Ахиллъ».

¹⁷⁾ «Славнѣйшій мальчикъ, мой пріятель», писалъ о немъ Пушкинъ брату 1 апрѣля 1824 г.

¹⁸⁾ «Я съ нимъ не только пріятель, но кой о чемъ и мыслямъ одинаково, не лукава другъ передъ другомъ», писалъ Ваземскому Пушкинъ 11 октября 1824 г. Въ 1819—20 гг. Пушкинъ съ нимъ враждовалъ (ср. т. I, 329), но въ Одессѣ они сблизилась.

¹⁹⁾ Русск. Арх. 1866 г., 1473.

дущимъ начальникомъ поэта. 9 мая, сообщая Вяземскому о новомъ назначеніи Воронцова, Тургеневъ писалъ ему: «не знаю еще, отойдетъ ли къ нему и б. б. съ арабскіи. Кажется, онъ былъ прикомандированъ къ лицу Пидова»²⁰). 31 мая Вяземскій напоминаетъ Тургеневу: «говорили ли вы Воронцову о Пушкинѣ? Непременно надо бы ему взять его къ себѣ. Похлопочите, добрые люди! Тѣмъ болѣе, что Пушкинъ тошо хочетъ остепениться, а скука и досада плохіе совѣтчики»²¹). Репутація «бѣса арабскаго» была такъ непорочна вѣстами о его кишиневскомъ образѣ жизни, что Тургеневу пришлось пустить въ ходъ всю свою дипломатическую тонкость. «О Пушкинѣ воть какъ было» — разсказываетъ онъ Вяземскому въ письмѣ 15 іюня. — «Зная политику и опасенія сильныхъ міра сего, следовательно и Воронцова, я не хотѣлъ говорить ему, а сказать Нессельроде въ видѣ сомнѣній, а когда онъ долженъ быть, у Воронцова или Пидова. Графъ Нессельроде утвердилъ первое, а я присовѣтовалъ ему сказать о семъ Воронцову. Сказано — сдѣлано. Я послѣ и самъ два раза говорилъ Воронцову, истолковалъ ему Пушкина, и что нужно для его спасенія. Кажется, это пойдеть на ладъ. Меценатъ, климатъ, море, историческія воспоминанія — все есть; за талантомъ бѣла не станеть, лишь бы не захлебнулся». И Тургеневъ, тошо понимая положеніе Пушкина среди чуждыхъ ему по духу людей, съ удивительной прозорливостію заключилъ: «Впрочемъ, я одного боюсь: тебя послали въ Варшаву; отсюда тебя выслали; Батюшкова — въ Италию; съ ума сошелъ: что-то будетъ съ Пушкинымъ»²²). Еще раньше, 1 іюня, Тургеневъ въ немногихъ словахъ извѣщаетъ Вяземскаго объ усѣбѣ переговоровъ: «я говорилъ съ Нессельроде и съ графомъ Воронцовымъ о Пушкинѣ. Онъ беретъ его къ себѣ отъ Пидова и будетъ употреблять, чтобы спасти его нравственность, а таланту дать досугъ и силу развиться»²³). Пушкинъ былъ отъ души благодаренъ Тургеневу и писалъ ему 1 декабря: «я обвиняю васъ изъ преданчивой Одессы, не благодаря ни за что, но цѣна въ полной мѣрѣ... дружеское попеченіе, которому обязанъ я перемѣной своей судьбы».

Пидовъ старается удержать въ Кишиневѣ «либерала» Пушкина, но это ему не удалось. Приблизительно въ іюнь, Пушкинъ поѣхалъ въ Одессу. «Зторонье море» разсказываетъ онъ въ письмѣ къ брату 25 августа — «давно требовало морскихъ ванъ, я насилу уломалъ Пидова, чтобы онъ отпустилъ меня въ Одессу — я оставилъ мою Молдавію и явился въ Европу. Ресторанія и италянская опера возобновили мнѣ старину и, ей-Богу, обновили мнѣ душу. Между тѣмъ прѣзжаетъ Воронцовъ, принимаетъ меня очень ласково, объявляетъ мнѣ, что я переехалъ подь его начальство, что остаюсь въ Одессѣ... Прѣхавъ въ Кишиневъ на нѣсколько дней, провелъ ихъ неизъяснимо элегически и, выѣхавъ отсюда навсегда.

О Кишиневѣ я взохнулъ...

Судя по тому, что письмо Пушкина, изъ Кишинева, къ А. А. Бестужеву помѣчено 13 іюня, что Пушкинъ передъ окончательнымъ выѣздомъ изъ Кишинева провелъ тамъ всего «нѣсколько дней», и что около 2 іюля П. П. Антраци встрѣтилъ его на дорогѣ въ Одессу, между Бендерами и Тирасполемъ, надо думать, что переселеніе въ Одессу относится ко второй половинѣ іюня. Антраци положительно утверждаетъ, что Пушкинъ переѣхалъ въ Одессу въ первые дни іюля (раньше 4-го числа)²⁴.

Такъ, началась одесская жизнь Пушкина. Одинокій молодой человекъ поселился въ гостиницѣ: въ Одессѣ, какъ говоритъ Вигель, тоже прѣхавшій въ столицу юга въ іюль 1823 г. (25), «было тогда только два забжитыхъ дома ноль именемъ отелей, принадлежавшихъ двумъ купцамъ-французамъ — Сикару и Рено». Въ послѣднемъ остановился Вигель: это была лучшая въ городѣ «гостиница для прѣзжающихъ», которыхъ привлекалъ «славыи» поварь-французъ. Огонь, брашннъ до вѣку «весьма дешевую цѣну, ибо събитые принасы стоили тогда весьма мало»²⁶). Рядомъ съ Вигелемъ въ гостиницѣ Рено жилъ Пушкинъ. Въ статьѣ Z. W. 28¹ о пребываніи Пушкина въ Одессѣ ошибочно сказано, что Пушкинъ жилъ съ

²⁰ Русс. Архивъ, 1866 г., стр. 1445, 1480.
«Записки», VI, 89.

²¹ Ibid., 91; Антраци — Рус. Арх., 1866 г., 1460.
«Записки» Вигеля VI, 97.

²² Новоросс. Телеграфъ, 1879 г., N 1333.
перенесъ въ сборн. В. Яковлева «О жизни о Пушкинѣ съ юга Россіи», Од., 1887, стр. 131.

²³ Общ. Архивъ ки Вяземскаго, II, 322.

²⁴ Ibid., 327.

²⁵ Ibid., 333-334.

²⁶ Ibid., 328.

чала на Пушкинской улицѣ въ домѣ Сикара (теперь Альдорферъ). Въ домѣ Сикара онъ поселился потомъ, а сначала жилъ у Рено и занималъ угольный фасъ съ балкономъ, съ котораго открывался чудесный видъ на море (на углу Риншельевской и Дерibasовской ул.; нынѣ на этомъ мѣстѣ домъ страхового общества «Россия»²⁹⁾.

Въ Одессѣ начался для Пушкина, какъ выразился онъ самъ, «европейскій образъ жизни» послѣ «кишиневскую цѣпей». Очевидно, на Одессу Пушкинъ смотрѣлъ какъ на ослабленіе дѣлхъ цѣпей и, можетъ быть, возможность совершенно отъ нихъ освободиться. Свой новый образъ жизни Пушкинъ отчасти обрисовалъ въ стихахъ объ Одессѣ. Въ нихъ Пушкинъ подробно описалъ одесскій день свой. «Пушка заревая лишь только грянетъ съ корабля», онъ уже отправляется купаться. Потомъ—трубка и кофе; потомъ—прогулка; затѣмъ—обѣдъ у Отона, въ веселой компаніи, а тамъ—«ужь темнѣетъ вечеръ свѣій», пора въ оперу, гдѣ тогда ставили произведенія Россіи («Севильскій Цирюльникъ», «Итальянка въ Алжирѣ», «Сорока-Воровка»), иногда съ участіемъ такихъ звѣздъ, какъ Каталани. Но манить въ театръ не одни Россіи. «Только ль тамъ очарованій?». Поэтъ наводитъ свои «разыскательный» лорнетъ на ложи, въ которыхъ красуются одесскія дамы. Въ антрактѣ у него «задушевное свиданіе» съ какой-нибудь хорошенькой фишуранкой изъ кордебалета, или онъ заходитъ въ ложу сказать нѣсколько любезностей красоткѣ «негоціанткѣ молодой», утонувшей въ кружевахъ и брилліантахъ. «Финаль тремитъ, цуетъ въ залѣ». Публика «побѣжала» на площадь—именно «побѣжала»: выраженіе очень удачное, если вспомнить, что рѣчь идетъ о быстрой, живой, подлинностранный, южной публикѣ. И, вѣроятно, опять Отона со своимъ мороженымъ и гдѣ-нибудь пирушка до разсвѣта или игра въ «благосклонномъ Casino» (на углу Риншельевской и Лавжероновской улицъ, гдѣ теперь домъ Беллино и Ком-

мерель); игроки «скрывались въ подвалахъ кофейни; между ними были и богатые негоціанты, и молодые люди, и чиновники и завязкіе помѣщики; въ продолженіе одной только ночи десятки тысячъ рублей переходили изъ рукъ въ руки»³⁰⁾.

Жалованье Пушкинъ получалъ небольшое (700 р.) и, конечно, проживалъ гораздо больше. Одинъ «строгий счетъ», который «невидимо росъ» у Отона, пока поэтъ шировагъ среди «ребятъ безъ печали»,—чего стоить. 25 августа 1823 г. Пушкинъ пишетъ брату: «взысканіи отцу моему, что я безъ денегъ его жить не могу: жить перомъ мнѣ невозможно при нынѣшней цензурѣ... Мнѣ больно видѣть равнодушіе отца моего къ моему состоянію... Это напоминаетъ мнѣ Петербургъ—когда, большой, въ осеннюю грязь или въ трескучіе морозы я братъ извозчика отъ Анничкова моста; онъ вѣчно бранился за 80 к., которыхъ вѣрно бѣ ни ты, ни я не пожалѣли для слуги». Ему же онъ писалъ 12 июня 1824 г.: «душа моя, деньги мнѣ нужны». Въ письмѣ къ Казначееву онъ говоритъ о своей «répugnance de vendre ses vers pour vivre». Въ онѣгнскихъ вариантахъ есть шуточные строки:

Я жилъ поэткомъ—

Безъ троякъ зимомъ, безъ дрожекъ лѣтомъ...³¹⁾

О пушкинскомъ безденежѣ сохранился любопытный разсказъ одного изъ его бывшихъ кредиторовъ—старато извозчика, въ 1840 году передававшего профессору К. П. Зеленецкому слѣдующее: «былъ тутъ въ графской канцеляріи Пушкинъ. Бывало, больно задолжастъ, да всегда отдастъ съ процентами. Возилъ его разъ на хуторъ Рено. Слѣдовало пять рублей; говоритъ: съвѣ другой разъ отдамъ». Прошло съ недѣлю... выходитъ: «сези на хуторъ Рено!». Повезъ опять. Слѣдовало ужъ десять рублей, а онъ и въ этотъ разъ не отдалъ. Возилъ я его и въ третій, и опять въ долгъ; нечего было дѣлать; и разъ бы не бѣхать да нельзя... Свирѣбъ былъ, да и ходилъ съ желѣзной дубиной... Прошла недѣля, другая; деньги были мнѣ нужны; пятнадцать рублей для нашего брата не бездѣлица... Прихожу я къ нему на квартиру. Жилъ онъ въ клубномъ домѣ, во второмъ этажѣ, вогъ сверху, надъ магазиномъ Мирабо. Вхожу въ комнату: онъ брлся. Якъ нему:

²⁹⁾ В. N 4664 «Одесскихъ Новостей», 1899 г.

³⁰⁾ 6 мая было указано со словъ сына первого въ Одессѣ пладъ-маіора, Михаила Феликсовича де Рибаса, что Пушкинъ жилъ не на Шальманской нынѣ Пушкинской улицѣ, въ домѣ Сикара, а въ домѣ Рено. Вѣрно и то, и другое. Проживъ нѣкоторое время въ домѣ Рено, Пушкинъ перѣхалъ на Шальманскую въ домъ Сикара, и Z. W. (Яковлевъ, loco cit.) вполне вѣрно указываетъ объ его квартирѣ, ошибаясь лишь въ опредѣленіи, которую Пушкинъ занималъ раньше.

³¹⁾ Яковлевъ, «Отзывы», III.

³²⁾ Русская Старина, 1884 г., июль, 33.

Евдокия Елизаветовна Романовна Боронина

Портрет работы А. С. Савицкого

«ваше благородіе, деньги пожалуйте», и началъ просить. Какъ рунуть онъ меня, да какъ бросится на меня съ бритвой! Я бѣжать, тавапъ Богъ ноги: чуть не зарѣзалъ. Съ той поры я такъ и бросалъ. Думаю себѣ: пропали деньги, и некать нечего, а уже больше не поведу. Только разъ утромъ спячку — тутъ же и наша биржа — Пушкинъ растворилъ окно: доветъ вѣсхъ, кому доженъ... Прихвску и я: «на, вотъ тебѣ по шести рублей за каждый разъ, а смотри — верить не совайся!» sic. («Бумаги А. С. Пушкина», изд. К. М., 1881, стр. 95—96).

Несмотря на денежная затрудненія, жизнь Пушкина въ Одессѣ первое время протекала очень весело. У общительнаго, живого, свѣтскаго, жизнерадостнаго молодого человека было множество знакомыхъ и пріятелей. Всюду въ городѣ витали Пушкина, въ кружокъ широкоплотой плетивъ и шортукѣ, замѣтившихъ феску и армадуки, которые онъ посылъ въ Кишиневъ, и съ тяжелой желѣзной палкой въ рукѣ —

Пушкинъ, по отзывамъ ряда современниковъ, былъ чрезвычайно популяренъ въ Одессѣ... Просилъ объ увѣщеніи Пушкина изъ Одессы, Воронцовъ, между прочимъ, писалъ о поэтѣ министру иностранныхъ дѣлъ: здѣсь проживаетъ множество людеи, и количество ихъ еще увеличивается во время сезона купанья. Будучи являющимися поклонниками его поэзіи, они думаютъ ему выразить этимъ свою дружбу и оказываютъ услугу неприятели, способствуя его самоувѣченію и убѣждая его, что онъ «выступающій писатель». Изъ числа друзей плетивъ болѣе или менѣе расположенныхъ къ Пушкину можно назвать В. П. Туманскаго, Пв. Ризнича, петогіанца Сизара, А. П. Казначеева, М. П. Дюка, Иван. М. Лопгинова, А. П. Левшина, Ф. Ф. Вителы, консула Тома, англичанина Гунчисона и нѣсколько молодыхъ поляковъ, витившихъ въ Пушкинъ не только выдающіеся поэтъ, но и человека тонкаго нравственности.

Въ особенно хорошихъ отношеніяхъ были Пушкинъ съ молодымъ поэтомъ-романтикомъ В. П. Туманскимъ, тоже состоявшимъ при генералъ-губернаторѣ. Правда, гармонической натурѣ Пушкина, во всемъ соблюдавшаго чувство мѣры и умѣвшаго по достоинству одѣивать все окружающія его явленія, часто казалась странной и смѣш-

ной восторженная сентиментальность и экзальсированность Туманскаго. И не разъ онъ вышучивалъ его и также издѣвался надъ нимъ. Но въ общемъ Пушкинъ любилъ и уважалъ Туманскаго. Въ «Путешествіи Офицера» онъ называетъ его «трутомъ». Добрѣвшій А. П. Казначеевъ, котораго Пушкинъ особенно уважалъ, съ своей стороны тоже очень любилъ молодого поэта. Изъ писемъ Пушкина къ нему можно видѣть, съ какимъ довѣріемъ и уваженіемъ обращался къ нему поэтъ, въ которомъ онъ принималъ самое заботливое участіе. Изъ числа петогіантовъ Пушкинъ былъ близокъ къ Пв. Ризничу, мужу воспитой икъ красавицы, человеку очень умному и образованному, и къ Сизару. Ризничъ былъ ротомъ аристократическіи славянинъ, отецъ его былъ богатый купецъ-миллионеръ изъ Триеста. Ризничъ получилъ хорошее воспитаніе, учился въ Науманскомъ и Берлинскомъ университетахъ, имѣлъ большую бібліотеку. По окончаніи своего образованія онъ открылъ въ Вѣнѣ банкирскую контору, а потомъ переѣхалъ въ Одессу и занялся здѣсь любимою торговлею. Въ Одессѣ Ризничъ занималъ очень почетное положеніе. Онъ былъ прикосновененъ и къ итальянской оперѣ и одно время стоялъ во главѣ одесскаго театра.

Въ 1821 г. Пушкинъ познакомился въ Кишиневѣ съ одесскимъ петогіантомъ Сизаромъ, который очень полюбилъ Пушкина. «Изъ вѣсхъ» разсказываетъ Аннранди 31

«человекъ, посѣщаемыхъ Пушкинымъ въ Одессѣ, особенно любилъ онъ обѣдять у Сизара, плетивъ французскаго консула и автора брошюры на французскомъ языкѣ о торговлѣ въ Одессѣ... Пушкинъ былъ всегда приглашаемъ, и здѣсь я его находилъ, какъ говорится, совершенно въ своей тарелкѣ, тавощимъ иногда волю болтовнѣ, которая любедно принималась собесѣдниками». На одномъ изъ такихъ обѣдовъ, когда зашла рѣчь о нѣкомъ Томѣ, Пушкинъ шуля спросилъ: «какой Томъ? 1-й, 2-й или 3-й?» Но потомъ, когда онъ узналъ, что Томъ былъ тутъ же и слышалъ шулку, Пушкинъ подошелъ къ нему и почтительно извинился. Этотъ Томъ, австрийскій консулъ, и одесскій сторожилъ, человекъ весьма любимый и уважаемый, очень сблизился съ Пушкинымъ. Пушкинъ былъ хорошо знакомъ также съ другимъ одесскимъ петогіантомъ — Ф. Думичемъ, который былъ одно время

Палла да хранится въ музей Одесскаго общества истории и древностей.

Ср. Яковлевъ, «Отзавы», стр. 8, 44—46.

«Русс. Архивъ», 1876.

одесскимъ горючимъ головами; за нѣсколько дней прѣчь своимъ отъѣдомъ изъ Одессы Пушкинъ выигралъ у него въ карты 900 рублей. Въ «Онѣшинѣ» остался одинъ воспоминаній Пушкина о томъ, въ отношеніяхъ поэта къ другому одесскому другу — «корсару въ отставку Морали» личности довольно подозрительной. Морали былъ человекъ неизвѣстнаго происхожденія. Поговаривали, что онъ разбогатѣвшій сицизский пиратъ. Но и то слово воровъ, впрочемъ, одесские назовутъ вамъ не одну популярную, старую одесскую фамилію и прибавятъ шепоткомъ: «отецъ или дѣвъ его былъ пиратъ»; это колоритная, чисто-одесская сдѣлтка, съ какою-то особенной couleur locale. Морали, по отзыву поминиваго его М. Ф. де Рибаса ³⁷, былъ отчаянный картежникъ. «Это былъ — рассказываетъ де Рибасъ — человекъ прекрасно сложенный, высокаго роста. Голова была широкая, круглая; глаза большіе, черные. Всѣ черты лица были правильныя, а цвѣтъ кожи красно-бронзовый. Одежда его состояла изъ красной рубахи, поверхъ которой набрасывалась красная суконная куртка, роскошно вышитая золотомъ. Короткія шаровары были подвязаны богатою турецкою шалью, служившею поясомъ. Изъ ея многочисленныхъ складокъ выдвигались пистолеты. Обувь состояла изъ турецкихъ башмаковъ и чулокъ, доходящихъ до колѣнъ. Бѣлая шаль, окутывавшая его голову, прекрасно шла къ его оригинальному костюму... Онъ хорошо говорилъ по-итальянски и никогда не обижался, когда ему напоминали о его прежнихъ корсарскихъ подвигахъ». Впрочемъ, одесскіе шулера скоро обыграли до тла бывшаго корсара, и онъ исчезъ изъ Одессы. Пушкину Морали очень понравился. Какъ ни была богата подобными типами старая Одесса, но Морали, безспорно, былъ въ свое время самой замѣчательной въ Одессѣ фигурой, и его оригинальность, таинственность его происхожденія привлекали къ нему Пушкина. Мавръ Али (Maure Ali), рассказываетъ Аннранди ³⁸ «совсѣмъ полюбилъ Пушкина». Пушкинъ сказалъ Аннранди: «у меня лежитъ въ немъ душа; кто знаетъ, можетъ быть, мой дѣвъ съ его прѣкомъ были близкой рошею». Подумавъ Пушкинъ называть Али своимъ «единственнымъ наслажденіемъ» въ Одессѣ и даровалъ ему

безсмертіе въ «Онѣшинѣ», о чемъ, вѣроятно, никогда не узналъ «корсаръ въ отставку».

Были у Пушкина въ Одессѣ и недоброжелатели. Этому участію способствовалъ онъ самъ, такъ какъ въ его еще не совсѣмъ установившемся характерѣ была значительная доля рѣзкости. Декабристъ Ник. Вас. Басаргинъ, витѣвшій его въ Одессѣ, говорить о немъ: «какъ человекъ, онъ мнѣ не понравился; какое-то бреттерство, suffisance и желаніе уколоть, осмѣять другихъ» ³⁷. Жилъ тогда въ Одессѣ арзамасецъ Д. П. Свѣриный, «Рѣвный котъ», котораго Пушкинъ въ 1822 г. оскорбилъ безтактной эниграммой. 25 сентября 1823 г. А. П. Тургеневъ писалъ къ П. А. Вяземскому, что Пушкинъ въ Одессѣ былъ у Свѣриного, который «сказалъ чтобъ онъ не ходилъ къ нему, обошелся съ нимъ мерзко, и африканецъ едва не поколотилъ его». 14 октября Пушкинъ писалъ къ П. А. Вяземскому: «здравъ Свѣриный, но и съ нимъ поссорился и не кланяюсь». По свидѣтельству Вигеля ³⁸, не любилъ Пушкина и А. С. Стурдза «за его мнимо-либеральныя шепы», а можетъ быть, давшимъ отъ себя, также за эниграмму; впрочемъ, Пушкинъ какъ-то писалъ о своей «дружбѣ» съ нимъ. Изъ устъ Пушкина, рассказываетъ Аннранди, сыпались эниграммы, не щадившія никого. «Стихи его на вѣкотерыхъ дамъ, бывшихъ однажды на балѣ у графа, своимъ содержаніемъ разтракали всѣхъ; начались сдѣлтки, шпирити» ³⁹... Враговъ у Пушкина все прибавлялось. Въ число ихъ вскорѣ попалъ и самъ Воронцовъ. Эти тяжелыя отношенія быстро затуманили одесскую жизнь Пушкина, и Одесса стала ему горше Кипшова.

Меценатомъ Пушкина, какъ надвѣлся Тургеневъ, Воронцовъ не сталъ; тогдашній Пушкинъ и не принялъ бы ничего покровительства, но въ отношеніи прегрѣвствѣ не обмануло друга: поэтъ дѣйствительно «заблудился». Съ Воронцовымъ ему трудно было ладить. Коренная разница въ натурѣ этихъ двухъ людей привела къ такимъ отношеніямъ, которая Пушкинъ вполнѣ вѣрно формулировать въ письмѣ къ А. П. Тургеневу словами: «онъ витѣлъ во мнѣ коллегскаго секретаря, а я, признаюсь, думаю о себѣ

³⁷ Яковлевъ, Одеянія, 110—118. См. также Русс. Арх., 1897 г., II, 15—16.

³⁸ 1171, 1172.

³⁷ Девагтаданы Вильс. П. П. Баргенева, М., 1872, т. I, стр. 80.

³⁸ Записки, VI, 130.

³⁹ Аннранди, 1177.

что-то другое». Для Воронцова Пушкинь былъ матерьяльн чиновникъ, къ тому еще провинчившійся въ глазахъ правительства. Пушкинь, съ своей стороны, рѣшительно не могъ, подобно Туманскому, писать стишки на графскіе маскарады и не скрывать своихъ чувствъ негодованія и личной гордости и очень ясно выказывать ихъ Воронцову. Объ этихъ чувствахъ говоритъ это его интересное письмо 1825 г. къ Бестужеву: «тащи таланты благородны, независимы... Съ Державинымъ умолкъ голосъ дестил... У насъ шестели взяты изъ высшего класса общества—аристократическая гордость сплается у нихъ съ авторскимъ самолюбіемъ, мы не хотимъ быть покровительствуемы равными. Вотъ чего подлеть Воронцовъ не понимаетъ. Онъ воображаетъ, что русскіи поэты явятся въ его перстень съ посвященіемъ или съ одою, а тогъ является съ требованіемъ на уваженіе какъ шестисотлѣтній дворянинъ—дьявольская разница!». Поэтический талантъ, ясно, унижалъ Пушкина въ глазахъ Воронцова, съ подусниходительнымъ презрѣніемъ глядѣвшато на навязаннаго ему въ починенные «сочинителя», который къ тому же велъ себя отношъ не съ подобающимъ сочинителю смиреніемъ. И Пушкину приходилось вытаскивать какъ козырь изъ этой войнѣ съ Воронцовымъ свое шестисотлѣтнее дворянство. Борьба дорого обоилась поэту, но еще дороже бюрократу. Слѣсть бичующихъ злыхъ стиховъ Пушкина о Воронцовѣ слышится то съихъ поръ, а отъ «этихъ поющихъ отней», сказалъ Гейне, «даже самъ Спаситель не дастъ изъавѣненья». Стихъ Пушкина заклеймилъ Воронцова. «Говорили — рассказываетъ Аннранн¹⁰⁾ — что будто бы графъ черезъ кого-то объявилъ Пушкину свое недовольствіе» по поводу его эпиграммы, «сизъ которыхъ едва ли не большая часть была имъ только сказана, но попала на бумагу и стѣлась известной». Графскій выговоръ, переданный поэту, впроятно, черезъ Казначеева, былъ «поводомъ злыхъ стиховъ о графѣ». Что это были за стихи, неизвѣстно, но дошедшія до насъ эпиграммы Пушкина на Воронцова убѣдительно. Въ одной изъ нихъ онъ совѣдуетъ ему «сохранить и въ самой полности осанку благородства»: въ другой превращаетъ ему превращеніе изъ подполковца въ полнаго полковца и т. д.

Воронцовъ рѣшилъ отъдѣлаться отъ Пушки

на и 28 марта 1824 г. написалъ Песельероде¹¹⁾, что Пушкина слѣдуетъ изъ Одессы убрать. Въ письмѣ своемъ Воронцовъ довольно тонко даже мвалль Пушкина, увѣрять въ своемъ участіи къ нему, но... все-таки просилъ убрать его повѣднѣе. Н. В. Миненкова¹²⁾ Воронцовская тонкость ввела въ непростительную для этого умнаго біографа ошибку, и онъ призвалъ, что письмо Воронцова «по своей осторожности и деликатности рисуетъ характеръ и личность начальника съ весьма выгодной стороны». Между тѣмъ комплименты Пушкину, на которые не покусился Воронцовъ, не имѣли ни малѣйшаго значенія въ сравненіи съ той тѣнью, которую Воронцовъ сумѣлъ набросить на поэта, выставляя его опаснымъ въ политическомъ отношеніи. Воронцовъ предостерегалъ правительство противъ дурного вліянія, которое могли на Пушкина оказать многочисленные поклонники его таланта и заграждалъ ему взоръ въ Кишиневъ, гдѣ ему было бы вредно обществу молодыхъ грековъ и болгаръ. Поэтому, по мнѣнію Воронцова, единственнымъ исходомъ для Пушкина могъ быть переводъ въ другую губернію, гдѣ общество было бы не столь опасно для него, и ему не грозило бы вліяніе заразительныхъ и крайнихъ идей. Другими словами, Воронцовъ дѣлать косвенный доносъ на Пушкина. Векорѣ Воронцовъ не остановился переть поступкомъ еще болѣе измышленымъ. Этотъ эпизодъ связанъ съ именемъ Александра Раевского.

Характеристику этого человека читатель найдетъ дальше, въ примѣчаніи къ навѣянному имъ Пушкину стиховоренію «Демонъ». Его черты находимъ также въ «Оубишнѣ» и въ томъ «духѣ отрицанья», который съ невольнымъ умиленіемъ глядѣлъ на «ангела пѣвчато». Этотъ «Демонъ» былъ въ сущности довольно дешевой чортъ, но Печоринъ тогда только парожался, ю актрисекаго Тамарина было еще очень далеко, и Пушкинь не только встрѣтилъ съ уваженіемъ воплощеніе молчаливо и гордо протѣсующаго романтическаго героя въ этомъ сухомъ, себлюбивомъ чловѣкѣ, но даже попался его вліянію. Съ этимъ вліяніемъ Пушкинь было, попробовалъ бо-

¹⁰⁾ Матеріалы для біографіи А. С. Пушкина. Кишиневъ, 1875 г., стр. 35—37; Русск. Стар. 1879 г., т. XXVI, 292—293. Вѣдомъ Одесс. Градоначальства 1899 г., № 102.

¹¹⁾ Пушкинь въ Александровскѣмъ вѣдомъ... 238

ротъ, по «умной покорилъ мулато» по мѣткому выраженію М. О. Гершензона⁴³⁾. Пушкинъ былъ побужденъ: «солдаты мои умъ въ борьбѣ, онъ сомнѣлъ меня невольно своей таинственной судьбы». Вліяніе Раевскаго было целое, есть основаніе думать, что коварный другъ въ শেষ 1824 г. Коварство — Раевскій, но оно было сильно. Въ Одессу Раевскаго привела страстная любовь къ Воронцовой. Живяни тогда въ Одессѣ Вигель⁴⁴⁾ сообщаетъ слѣдующій подробности: «Въ умѣ Раевскаго была твердость, но безъ всякаго благородства: готовъ имѣть онъ самый пѣкный. Не такимъ ли сластолюбцемъ — прибавляетъ публичный Вигель — въ Эдемѣ оларень былъ змій, когда соблазвлялъ праматерь пану?... Я не буду входить въ тайну связанъ его съ ... — поэтъ ... зѣвъ и тайне скрыто имя Воронцовой, оно могу поручиться, что онъ вѣствоваль болѣе на ея умъ, чѣмъ на сердце и на чувства. Онъ поселился въ Одессѣ и почти въ домѣ господствующей въ ней четы. Но какъ терзалось его ужасное сердце, имѣя всякій тень переть глазами этого Воронцова, славою покрытаго, этого счастьяца, богача, котораго вокругъ него все превозносило, восхваляло... При умѣ у инныхъ людей какъ мало бываетъ разсудка! У Раевскаго былъ онъ помраченъ завистию, послѣднѣею изъ страстей. Въ случаѣ таке успѣха какую пользу, какую честь могъ онъ ожидать для себя? Безъ любви, съ тайною яростию устремился онъ на сокращеніе семейнаго счастья, супружескаго согласія ... И что же? Какъ легкомысленная женщина ... долго не подозрѣвала, что въ глазахъ свѣта фамиліарное ея обхожденіе, съ человѣкомъ ей почти чуждымъ его же стараніями перетолковывается въ худую сторону. Когда же ей открылась истина, она ужаснулась, возненавидѣла своего мнимаго искusstеля и первая потребовала отъ мужа, чтобы ему было отказано отъ дому ... Когда случился разрывъ между графиней и Раевскимъ, Вигель не говорить. Въ 1828 г. не прекращавшееся преслѣдованіе Раевскимъ Воронцовой послужило причиной его высылки изъ Одессы⁴⁵⁾. «Козли его», — продолжаетъ Вигель, — думы, были пагубны для другой жертвы. Единобчиваго Пушкина нетрудно было привлечь милостивою ... , которой Раевскій

представилъ, какъ славно имѣть у ногъ свою знаменитаго поэта... Вдохи, сладкія мученія, восторженность Пушкина, коимъ онъ былъ свѣтѣлемъ, служили ему безпрестанной забавой. Вкраившись къ его другу, онъ заставилъ его видѣть въ себѣ повѣреннаго и усерднѣшаго помощника, однимъ словомъ, самымъ искуснымъ образомъ мурашилъ его... Еще зимой чѣмъ слышавъ я опасность для Пушкина, не позволялъ себѣ давать ему совѣтовъ, но разъ шутя сказалъ ему, что по африканскому происхожденію его все мнѣ хочется сравнить его съ Отелло, а Раевскаго съ невѣрнымъ другомъ Яго. Онъ только что засмѣялся... Къ разсказу Вигеля надо относиться осторожно: самъ онъ признается, что, благодаря «тайнымъ разговорамъ» Раевскаго, «лишился гостиниой графини Воронцовой», но Вигеля вообще можно обвинять только въ излишнемъ ступеніи красокъ, а никакъ не во лжи. Его разсказъ подтверждается словами графа П. Капниста⁴⁶⁾, пользовавшагося показаніями современниковъ: «Раевскій былъ отличенъ графиней въ окружавшей ее средѣ, но какъ это перѣко бывало и будетъ въ манерахъ большого свѣта, прикрытнѣмъ Раевскому служилъ Пушкинъ. На него-то и направился съ подозрѣннѣмъ взгляда графа». Терпнвіе Воронцова дошло до: «отсюда — разсказываетъ Капнистъ, — возникли своего рода преслѣдованія и усилія унять какимъ-нибудь способомъ Пушкина изъ Одессы».

Черезъ сердце Пушкина пронеслось пламенное увлеченіе Воронцовой. Она — тотъ ангель пѣкный, который, сіяя поникшею головою у дверей рая, пробужилъ «жаръ невольный умиленья» въ холодномъ сердцѣ мрачнаго духа зла. Она — та волшебница, чей таинственный пріютъ — «тамъ, гдѣ море вѣчно плещеть на пустынный скалы»... Своей Татьянѣ, «любимцу длатой своей весны», поэтъ придалъ пѣкоторыя черты Воронцовой⁴⁷⁾. Ея имя, имя «Элизы» стоитъ въ его «донъ-жуанскомъ спискѣ» вѣдѣтъ за именемъ холодной кишиневской красавицы Пудлерн Варволомей.

Рядомъ съ Элизой въ спискѣ тѣхъ, кого любилъ Пушкинъ, стоитъ другое имя — Амаля. Оно принадлежало красавицѣ-одесситкѣ, женѣ негоднанта Ризнича, о кото-

⁴³⁾ История Молодой Россіи, М., 1908, стр. 42.

⁴⁴⁾ Записки, VI, 170—171.

(См. ниже, примѣч. къ শেষ «Демонъ».)

⁴⁶⁾ Русс. Старина 1899 г., май, 243.

⁴⁷⁾ Письмо Раевскаго къ Пушкину 21 августа 1824 г. — Переписка П., ред. Саитова, I, 127.

Губернаторъ, поэтъ князь М. С. ВОРОНЦОВЪ.

Портретъ Дюл.

ромъ мы говорили выше. О ней известно очень немного. Первая и наиболее интересная и достоверная свѣдѣнiи о Ризницѣ собраны въ пятидесятыхъ годахъ профессоръ Ришельевского лицея К. П. Зеленецкiй¹⁸⁾. Весной 1823 г., разсказываетъ Зеленецкiй, Ризницѣ привезъ изъ Вiны въ Одессу свою молодую жену. «Она была дочь одного вiнскаго банкира по фамили Ризницъ, полудѣвка и полунемецкая, съ примѣсью, быть можетъ, и еврейскаго въ крови... Е-жа Ризницѣ была молода, высока ростомъ, строина и необыкновенно красива. Особенно привлекательны были ея пламенная очи, шея удивительной формы и близки и черная коса, болѣе двухъ аршинъ длиною. Только ступни у ней были саванкомъ велики. Поэтому, чтобы скрыть недостатокъ ногъ Е-а, она всегдѣ носила длинное платье, которое тянулось по землѣ. Она ходила въ мужской шляпѣ и отбывалась въ паритѣ

полуамазонки. Все это придавало ей оригинальность и увлекало молодая и немолодая головы и сердца. Но этотъ парядъ не такъ кажется, другiя обстоятельства были причиною, что въ высшемъ кругу тогдашняго одесскаго общества, который въ то время, какъ и долго потомъ, сосредоточивался въ одномъ извѣстномъ домѣ⁵⁰⁾, е-жа Ризницѣ принята не была. Зато всѣ молодые люди, принадлежавши къ этому кругу, собирались въ домѣ Ризницѣ. Мужъ занималъ здѣсь, какъ по всему видно, вторую роль, а молодая хозяйка вела самую живую, оживленную бесѣду и играла въ вистъ, то котораго была страстная охотница». Въ «Очидливѣ» есть упоминанiе о «светоубавкѣ молодой»: окруженная ромѣ поклонниковъ, сидитъ она въ ложѣ одесскаго театра, «красой блистая», «а мужъ въ углу за нею дремлетъ, въ просонкахъ форѣ закричитъ, двинетъ и снова захрипитъ». Почему-то принято думать, что здѣсь претставлены супруги Ризницѣ, но это, конечно,

¹⁸⁾ Госпожа Ризницѣ и Пушкинъ. — Одесс. Вѣстникъ 1856 г.; Рус. Вѣстн. 1856 г. т. III, № 41, нояб. кн. I. — Современ. Извѣстiя, 203—209, Января, 1857, 137—138.

Воронцовыхъ. См. выше шабракъ изъ письма В. П. Гуманскаго.

взоръ: это просто типъ легкомысленной одесской тѣмы изъ высшего коммерческаго круга и поглощеннаго исключительно дѣловыми заботами, ко всему на свѣтѣ, кромѣ «пшеницы», равнодушнаго о себѣ и мужѣ. Ризницъ былъ не таковъ, чтобы спастъ въ оперѣ; напротивъ, онъ былъ известенъ какъ за-взятый театралъ. Вообще, это былъ человѣкъ интеллигентный⁵¹; въ 1826 г. онъ помогъ сербскому поэту С. Милутиновичу издать его стихи⁵²). Въ «Онѣгина», пожалуй, можно найти мимолетное воспоминаніе объ Амалии Ризницъ — «стать хлопотлива о кушачъ блистать рѣзвая подруга». Если это и не снимокъ съ Ризницъ, то во всякомъ случаѣ близко подходящая къ ней характеристика.

Пушкинь часто бывалъ у Ризницъ на Херсонской, гдѣ находился домъ негоціанта. Поэтъ страстно увлекся красавицей-иностранкой. Видимо, эта страсть предшествовала увлеченію Воронцовой, а можетъ быть, по странному капризу сердца, потому слышалъ съ нимъ, и поэтъ любилъ въ одно время обѣихъ. Въ этомъ предположеніи нѣтъ ничего невозможнаго, если вспомнить, что рѣчь идетъ о богатой, сложной натурѣ. Къ тому же — въ данномъ случаѣ отношенія его къ Воронцовой и Ризницъ были неодинаковы. Чувство, внушенное первой, — полное вѣжливое преклоненіе предъ «англомъ и вѣчнымъ»; другая внушила поэту чувственную страсть, знойную *irdische Liebe*. Надо полагать, о Ризницъ думалъ братъ Пушкина, Левъ Сергѣевичъ, когда писалъ, что Пушкину любовь «предстала со всею заманчивостію штригъ, соперничества и кокетства. Она давала ему минуты и восторга, и отчаянія. Однажды въ бѣшенствѣ ревности онъ пробѣжалъ пять верстъ съ обнаженной головой подъ палящимъ солнцемъ подъ 35 градусами жара»⁵³). Зеленецкій разсказываетъ далѣе, что самыми настойчивыми поклонниками Амалии Ризницъ были Пушкинь и богатый полякъ Собаньскій. — «на сторонѣ Пушкина были молодость и пылъ страсти, на сторонѣ его соперника — золото». Это показаніе Зеленецкаго явно невѣрно. Какимъ

образомъ деньги могли быть приманкой для дочери вѣнскаго банкира, бывшей заму-жемъ за богатымъ негоціантомъ? Разсказъ Зеленецкаго, что Амалия Ризницъ уѣхала за границу, гдѣ жила некоторое время съ Собаньскимъ, который ее вскоре бросилъ, и затѣмъ умерла въ бѣдности, опровергается повѣстнымъ сообщеніемъ М. Г. Халанскаго⁵⁴, слышавшаго отъ профессора Великой Школы въ Бѣлградѣ П. С. Сречковича, знававшаго Ризницъ, въ 1889 г. слѣдующій разсказъ: «Ризницъ внимательно слѣдила за поведеніемъ своей жены, заботливо оберегая ее отъ паденія. Къ ней была приставленъ вѣрныи его слуга, который зналъ каждый шагъ жены своего господина и обо всемъ доносилъ ему. Пушкинь страстно привязался къ г-жѣ Ризницъ. По образному выраженію Ризницъ, Пушкинь увивался за нею какъ котенокъ по-сербски: «као маче», но взаимностью не пользовался: г-жа Ризницъ была къ нему равнодушна. Непорядочный образъ жизни въ Одессѣ вредно отразился на здоровьѣ г-жи Ризницъ. У нея обнаружилась при- знаки чахотки, и она должна была уѣхать на родину въ Италію. За ней послѣдовалъ во Флоренцію и князь Яблоновскій (такъ звали соперника Пушкина) и тамъ усилъ добиться ея довѣрія... Г-жа Ризницъ недолго прожила на родинѣ: она скоро умерла; умеръ скоро и ребенокъ отъ брака съ Ризницемъ. Г-нъ Ризницъ не отказывалъ ей въ средствахъ во время ея жизни въ Италіи, и показаніе Зеленецкаго, будто она умерла въ нищетѣ, призрачная матерью мужа, невѣрно». Амалия Ризницъ оставила Одессу нѣсколькими мѣсяцами раньше Пушкина: въ первый разъ въ мая 1824 г. она уѣхала за границу⁵⁵). Въ пушкинской литературѣ до сихъ поръ еще не установлено опредѣленно, какія именно стихотворенія можно съ увѣренностью связывать съ именемъ Ризницъ. Во всякомъ случаѣ, страстная элегія 1823 г. «Простишь ли мнѣ ревнивыя мечты...», грустный вздохъ «Подъ небомъ голубымъ...» «Для бернговъ отчизны дальней» и двѣ выключенныя Пушкинымъ изъ шестой главы «Онѣгина» строфы о мученіяхъ ревности, по всей вѣроятности, посвящены Амалии Ризницъ. Противорѣчащіе другъ другу комментаторы почти все единодушно сло-

⁵¹ Л. М. де Рибасъ. Пѣль прошлаго Одесса, Од., 1894 г., стр. 204; Витель, «Записки», VII, 184—185; О. М. Тернеръ, «Одесская старина», От., 1902 г., стр. 48—49; М. Г. Халанскій. Харьк. Унив. Сборн. въ память Н., 424.

⁵² А. Н. Маркевичъ. Ступень Ризницъ — Вѣдом. Одесс. Градонач., 1900 г., № 82.

⁵³ Л. П. Майковъ. Пушкинь. Сиб., 1899, стр. 9.

⁵⁴ Харьков. Университ. Сборникъ въ память Пушкина, Хар., 1900, стр. 425.

⁵⁵ Библиографъ, Записки, 1858 г., стр. 813.

ится въ признаніи длетія 1823 г. вѣнченною любовію къ Ризницѣ. Эта длетія полна самой жаждою, пылкой страсти. При всей субъективности пушкинской поэзии вообще и въ особенности таковыя здесь, какъ таковая длетія, все-же трудно судить по ней о дѣйствительныхъ отношеніяхъ поэта и красавицы. Фантазія и дѣйствительность, правда и вымыселъ смѣшиваются въ поэзіи на каждомъ шагу. Но въ отраженіи чувства у великаго поэта все вѣрно и правдиво. По словамъ Пушкина: «любимъ...», «доброты твои... нехотѣла еще думать, что Ризниця отвѣчала ему взаимностью, но въ картинѣ его душевныхъ страданій вѣтъ ни одной невѣрной черточки» — такой вѣтъ отъ нея искренностью. Поэтому Пушкинъ вспоминалъ потомъ, что любилъ «съ такимъ тяжелымъ напряженіемъ, съ такою вѣжною, томительной тоскою, съ такимъ безумствомъ и мученіемъ...».

Муки неудовлетворенной любви и ревности, тяжелое увлеченіе двумя женщинами, ложное общественное положеніе полусельскаго-получиновника, недовольство мѣстнымъ обществомъ, тоска и скука сдѣлали вѣкорѣ одесскую жизнь Пушкина настоящимъ адомъ. Онъ сталъ даже думать о побѣгѣ изъ Россіи, о чемъ можно судить по письму къ брату въ началѣ января 1824 г., по 1-й строфѣ первой вѣтви «Оливіа», «Къ морю»... И поэту мечталось адриатическія волны, берега романтической Бренны, тихіе каналы Венеціи...

Туми слушались между тѣмъ надъ головою Пушкина, и его сверные друзья знали объ этомъ. Еще въ концѣ марта или началѣ апрѣля 1824 г. Вяземскій предупреждалъ его: «Сдѣлай милость, будь остороженъ на языкъ и на перо. Не играй своимъ будущимъ. Въ случаѣ какой-нибудь непогоды Воронцовъ не отстоитъ тебя и не защититъ, если правда, что и онъ подозрѣваемъ въ подозрительности. Да къ тому же, признаюсь откровенно: я не твердо уповаю на рыцарство Воронцова. Онъ человекъ приятный, благонамбранный, но не пойдетъ топикнотствовать противъ власти ни за лицо, ни за мѣсто, каковы бы они ни были, если власть поставитъ его въ необходимость объявить себя за нивъ или за нее. Ты довольно сыгралъ нажескихъ шутокъ съ правительствомъ, довольно подразнилъ его, и полно!» Но предупреждать Пушкина было уже поздно. Воронцовъ уже рѣшилъ отплыть отъ Пушкина. Когда гроза раз-

разидась, Гурганевъ писалъ Вяземскому: «... что «уже нѣсколько разъ, и давно, графъ Воронцовъ представлялъ о семъ, et perit saepe». Самому Гурганеву вѣкорѣ пришлось быть невольнымъ, косвеннымъ виновникомъ обрушившейся на Пушкина административной кары. Весною 1824 г. Пушкинъ писалъ кому-то изъ друзей: «беру уроки чистаго ассизма, дѣтъ англійца, и дѣтъ философа, единственный умный ассиз, котораго я еще встрѣтилъ». Но безъ оцѣнокъ проиы рассказываетъ Пушкинъ, что этотъ англійцинъ Гуншесонъ «списывалъ листовъ тысячу», чтобы доказать, что вѣтъ разумнаго божества, и что душа не можетъ быть безмерна: «система не столь утѣнительная, какъ обыкновенно думаютъ, но, къ несчастію, болѣе всего правдоподобная». Письмо это, — рассказываетъ Ашкенковъ 77, — «благодаря не совсемъ благодарной гласности, которую сообщили ему пріятель Пушкина и особенно А. П. Гурганевъ, какъ мы слышали, посившійся съ нимъ по нѣмъ знакомымъ, пошло до скѣдвнн администраціи». Оно рѣшило судьбу Пушкина и послужило ближайшимъ поводомъ къ его удаленію изъ Одессы.

Между тѣмъ въ Одессѣ отношенія Пушкина и Воронцова пошли до крайняго обостренія. Оба и безъ того давно уже не терпѣли другъ друга, но сплетня съ своей стороны подливала масла въ огонь. Роль подстрекателя въ послѣднемъ и рѣшительномъ столкновеніи Пушкина съ Воронцовымъ Вигель приписываетъ Раевскому. Случилось это такъ. Чтобы сорвать свою злобу противъ Пушкина, Воронцовъ воспользовался своимъ положеніемъ начальника, чтобы унижить строптиво подчиненнаго. «Нѣсколько самыхъ низкихъ чиновниковъ изъ канцеляріи генераль-губернаторской», рассказываетъ Вигель, «равно какъ и изъ присутственныхъ мѣстъ, отряжено было для возможнаго еще истребленія подающей по стени сараини: въ число ихъ попалъ и Пушкинъ. Ничто не могло быть для него унизительнѣе... Для отвращенія сего добрый Казначеевъ, медаль исполненіемъ, а между тѣмъ щетно хохотайшноваль въ отвлеченіи притовора. Я тоже динкался было на этотъ счетъ: куза тебе! Воронцовъ побавнннннн, губа его затрожали, и онъ сказаль мнѣ: «если вы хотите, чтобы мы оста-

лись въ прежнихъ пріязненныхъ отноше-
ніяхъ, не упоминайте мнѣ никуда объ этомъ
мерзавцѣ», а черезъ подмундуй прибави-
вить: «также и о достойномъ другѣ его
Раевскомъ». Последнее меня удивило и по-
родило во мнѣ много догадокъ. Во всемъ
этомъ было такъ много злого и низкаго,
что оно само собою не могло родиться въ
головѣ Воронцова, а, какъ узнали послѣ,
вышлено было самимъ же Раевскимъ». 22
мая 1824 г. Воронцовъ отдалъ предпи-
саніе Пушкину отправиться въ Херсон-
скую, Елисаветградскіи и Александрійскіи
убѣды и собрать тамъ свѣдѣнія о холѣра-
ботѣ по потребованію сарацин. Апиради⁵⁸⁾
заявляетъ, что Воронцовъ якобы хотѣлъ дать
Пушкину возможность отличиться по службѣ!
Это мнѣніе разделяють П. В. Анненковъ⁵⁹⁾ и
А. П. Маркевичъ⁶⁰⁾, но оно опровергается
не только рассказомъ Вигеля, но и из-
вѣстнымъ письмомъ Пушкина къ Казначей-
ству, которое онъ набросалъ 22 мая, въ
тотъ день, когда состоялся приказъ о ко-
мандировкѣ. Поэтъ настоятельно просилъ
отставки, ссылаясь на полную неспособ-
ность къ службѣ, къ которой прикованъ
наслѣдственно, и на болѣзнь. Очевидно,
онъ думалъ этимъ путемъ отратить уни-
зительную командировку. Онъ не зналъ ни-
чего о представленіи, давно уже сдѣлан-
номъ Воронцовымъ министру, какъ не
зналъ о ложномъ доносѣ, поданномъ на
него въ январѣ П. П. Скобелевымъ, кото-
рый совѣтовалъ «сочинителя вредныхъ на-
скавдлей» лишить «нѣсколькихъ клочковъ
шкуръ»⁶¹⁾ — и думать, что его вынустятъ

въ отставку, что ницу, который бьется въ
клячку, въ наказаніе за это отнустятъ на
волю. Какъ ни странно это, но въ коман-
дировку Пушкинъ отправился. Раевскій
убѣждалъ его, что иначе будетъ хуже, и
Пушкинъ рѣшился пить горькій глотокъ,
не зная, что въ числѣ унижений это далеко
не послѣдній. «По совѣту сего любезнаго
друга», — рассказываетъ Вигель. «Пуш-
кинъ отправился и возвратясь подаетъ до-
несеніе объ исполненіи порученнаго»⁶²⁾.
Апиради говоритъ о потстрекателяхъ,
подъ давленіемъ которыхъ Пушкинъ напи-
салъ по возвращеніи изъ командировки
оскорбительное письмо Воронцову. Вигель
указываетъ прямо на Раевского, который
будто бы даже продиктовалъ ему это письмо.
Оно не дошло до насъ. Поэтъ въ немъ
требовалъ отставки. Ему дано было знать,
что увольненіе въ отставку зависитъ отъ
Нессельроде: въ то же время Воронцовъ
послалъ министру письмо, въ которомъ
«отставки Пушкина были представлены въ
ужасномъ видѣ». Это частное письмо также
неизвѣстно, но во всякомъ случаѣ, если
оно дѣйствительно было, нетрудно сообра-
зить, зная характеръ Воронцова и его отно-
шенія къ поэту, что начальникъ не оста-
новился ни передъ клеветой, ни передъ
новымъ ложнымъ доносомъ. Бюрократи-
ческая машина въ Петербургѣ рѣшителъ-
нымъ движеніемъ руки Воронцова была
пущена въ ходъ: состоялось высочайшее
повелѣніе⁶³⁾ выслать Пушкина изъ Одессы
въ исковскую деревню его родныхъ.

Н. Лернеръ.

1) Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1178.

58) «Пушкинъ въ Александровскую эпоху», 233.

59) «Пушкинъ въ Новороссійскій край» — Пуш-
кинскіе дни въ Одессѣ», Од., 1900, стр. 138.

60) Русск. Стар.» 1871 г., декабрь, 671—673.

61) Вигель, VI, 172; Н. Лернеръ, Первая
одесская газета, Од., 1901, стр. 17; Благое
1906 г., октябрь, 308.

62) Русск. Стар.» 1879 г., т. XXVI, 293—294
1887 г., № 1246; Вѣст. Одесс. Град. 1899 г., № 102

Старинная Генуэзская башня у входа въ Одесскій портъ.

ПАМЯТНИКЪ ПУСТЫНИНУ ВЪ ОДЕССѢ.

Сооруженъ по проекту Н. К. Васильева. Бюстъ работы Ж. А. Подонской.

Открытъ въ 1889 г.

Съ фотографіи 1907 г.

125. ПРЯТЕЛЯМЪ.

Брати мои, покаместъ я ни слова...
 И, кажется, мой быстрый гифвъ угасъ:
 По изъ виду не выпускаю васъ,
 И выберу когонибудь любого:
 Не избѣжить произительныхъ колтеи,
 Какъ палачу нежтанный, безнощадный.
 Такъ въ облакахъ кружится ястребъ жатный
 И сторожить птичекъ и гусей.

126. НАШЪ ДРУГЪ ФИГА.

(На О. П. Гашку.)

Нашъ другъ Фига, Кутейкинъ въ эпюстахъ
 Бормочеть намъ разянутый псадомъ:
 Поэтъ Ф., не становись Фертомъ!
 Дядечкь Ф., ты А' въ поэткахъ!

127. ЖЕННАЪ.

Простонарочная сказка

Три ния кувеческая почъ
 Натана провадала:
 Она на дворъ на третью почъ
 Безъ памяти абжадала.
 Съ вопросами отецъ и мать
 Къ Натаншъ стали пристувать.
 Натана нуъ не слышнть,
 Дрожнть и сле дышнть.
 Тужила мать, тужила отецъ,
 И долго пристували,
 И отступились наконецъ,
 А тавны не узнали.
 Натана стала, какъ была,
 Опять румяна, весела.
 Опять пошла съ сестрами
 Сидѣть за воротами,
 Разъ у тесовыхъ у воротъ,
 Съ подружками своими,
 Сидѣла двнца и вошь
 Промчалась переть ними

Духая тройка съ молодцомъ,
 Конями, крытыми ковромъ,
 Въ саняхъ онь стоя правнть,
 И гоннть всѣхъ и тавнть,
 Онь, поровнявшись, поглядѣть,
 Натана поглядѣла,
 Онь, вихремъ мимо пролетѣть,
 Натана помертвѣла,
 Стремглавъ томои она бѣжнть,
 Онь! оня! уднала! говорнть,
 Онь, точно онь! деранте,
 Друзья мои, спаснте!
 Печально слынаеть семья,
 Качая голову:
 Отець ей: «милая мой,
 Опероя прето мною,
 Обитѣль кто тебя, скажи,
 Хоть только слѣтъ намъ укажи,
 Натана плачетъ снова,
 И болѣе ни слова.

Наутро сваха къ нимъ на дворъ
 Нежданая приходить.
 Наташу хвалить, разговоръ
 Съ отцемъ ся заводить:
 «У васъ товаръ, у насъ куницы:
 Собою парить молодець,
 И статной и проворной,
 Не взорной, не лазорной,
 «Богаты, умель, ни передъ кѣмъ
 Не кланяется въ поляхъ,
 А какъ бориритъ между дѣмъ
 Живеть, не безпокоюсь!
 А подарить невѣстѣ вѣруць
 И лисью шубу, и жемчугъ,
 И перстни золотые,
 И платья парчевыя.
 «Катаясь, видѣлъ онъ вчера
 Ее за воротами:
 Не по рукавъ ли да съ двора,
 Да въ церковь съ образами?»
 Она сиить да пирогами,
 Да рѣчь ведеть обнякомъ,
 А бѣдная невѣста
 Себѣ не видить мѣста.
 «Согласенъ, говоритъ отецъ:
 Ступай благополучно,
 Моя Наташа, подѣ вѣнецъ:
 Одной въ свѣтелкѣ скупно,
 Не вѣкъ дѣвицей вѣковать,
 Не все косаткѣ расбивать,
 Пора гнѣздо устроить,
 Чтобъ дѣтушекъ покоить.»
 Наташа къ стѣнкѣ уперлась
 И слово молвить хочеть—
 Вдругъ зарыдала, задряслась,
 И плачетъ, и дохочеть,
 Въ смятещи сваха къ ней бѣжить.
 Водой студеною поить
 И льеть остатокъ чаши
 На голову Наташи,
 Кружится, омаеть семья,
 Опомилась Наташа,
 И говоритъ: «послушна я,
 Святая воля ваша,
 Зовите жениха на пиръ,
 Неките хлѣбъ на весь мѣръ,
 На славу медъ варите,
 Да судъ на пиръ зоветь.»
 «Пзволь, Наташа, ангель мой!
 Готовъ тебѣ въ забаву
 Я жизнь одать!»—И пиръ торожъ
 Пекутъ, варять на славу,
 Вотъ гости честные наши,
 За столъ невѣсту повели:
 Повотъ подружки, плачуть,
 А вотъ и сами скачуть,
 Вотъ и женихъ— и вѣ за столъ.

Звенять, тремять стаканы,
 Заздравный ковшъ кругомъ пошолъ:
 Все шумно, гости пьяны,
 Женихъ, «А что же, милые друзья,
 Невѣста красная моя
 Не пьетъ, не вѣтъ, не служитъ:
 О чемъ невѣста дужить?»
 Невѣста жениху въ отвѣтъ:
 «Откроюсь на удачу,
 Душѣ моей покоя нѣтъ,
 И день и ночь я плачу,
 Недобрый сонъ меня крушитъ.»
 Отецъ ей: «что жъ твой сонъ гласить?
 Скажи намъ, что такое,
 Дитя мое родное?»
 «Миѣ спилось, говоритъ она,
 Запла я въ дѣсь дремучій,
 И было поздно: чуть луна
 Свѣтила изъ-за тучи:
 Съ тронизи обилась я въ глуши
 Не слышно было ни души,
 И сосны лишь да ели
 Вершинами шумѣли.
 «И вдругъ, какъ будто наяву,
 Изба передо мною,
 Я къ ней: стучу—молчать, Зову—
 Отвѣта нѣтъ: съ мольбою
 Дверь отворила я, Вхожу—
 Въ избѣ свѣча горитъ; гляжу—
 Вездѣ серебро, да злато,
 Все свѣтло и богато.»
 Женихъ, «А чѣмъ же худи, скажи, твой
 сонъ?»
 Знать жить тебѣ богато.»
 Невѣста, «Постой, сударь, не конченъ
 онъ.

На серебро, на злато,
 На сукна, коврики, парчу,
 На Новгородскую камчу
 Я молча любовалась,
 И диву дивовалась,
 «Вдругъ слышу крикъ и конскій топъ...
 Подѣхали дѣь крылечку,
 Я поскорѣ дверью хлопъ,
 И спряталась за печку,
 Вотъ слышу много голосовъ...
 Взонли двѣнадцать молодцовъ,
 И съ ними голубица
 Красавица-дѣвица.
 «Взонли голной, не поклонясь,
 Иконъ не замѣчая:
 За столъ садятся, не молясь
 И шанокъ не снимая,
 На первомъ мѣстѣ братъ большой,
 По праву руку братъ меньшей,
 По лѣву голубица
 Красавица-дѣвица.

Рисунокъ К. ТРУТОВСКАГО.

(Съвершило Селѣе 1862).

«Крикъ, хохотъ, шептъ, шумъ и дзвънь
Раздольное похмѣлье!»
Женить. «А чѣмъ же хушь, свѣжи, твой
сонь?»

Въцѣать онъ веселье»,
Послѣта. «Постой, суварь, не кончить
онъ.

Щель похмѣлье, громъ и дзвънь,
Ниръ весело бухаетъ,
Лить дѣвица горюеть,
«Сидить, молчить, ни вѣтъ, ни щель,
И токомъ слезы точить,
А старшинъ брать свой пожь береть,
Привѣстивая точить:
Слазить на дѣвицу-красу,
И вдругъ хватаетъ да косу,
Злобн дѣвицу губить,

Ей праву руку рубить.»
Ну, это, говоритъ женихъ,
Прямая небылца!
Но не тужи, твой сонъ не дѣхъ,
Повѣрь, душа дѣвица,
Она глядитъ ему въ лицо,
«А это съ чьей руки колыдо?»
Варухъ молвила небѣста,
И вѣб привѣтали съ мѣста,
Кольцо катится и дзвѣтитъ,
Женихъ трожитъ, блѣтѣтъ:
Смутилъсь гости! Суть гласить:
Держи, вязать злобѣ!
Злобн окованъ, обличень,
И скоро смертно казень,
Продавилась Маташа!
И вся тутъ пѣсня наша.

428. АНДРЕЙ ШЕНЬЕ.

Посвящено Н. Н. Р. (Раевскому).

Межь тѣмъ, какъ изумленный мѣръ
 На урну Байрона взирать,
 И хору Евронейскихъ лиръ
 Близъ Данте тѣбѣ его внимаешь,
 Зоветь меня другая тѣбѣ,
 Давно безъ пѣсень, безъ рыданій
 Съ кровавой плахи въ дни страданій
 Соединяя въ могилу съ тѣбѣ.
 Пѣвцу любви, дубравъ и мира
 Пѣвцу возвышенной мечты
 Звучить незнаемая лира,
 Несу надгробные цвѣты.

*

Подъялась вновь усталая сѣкира
 И жертву новую зоветъ,
 Пѣвецъ готовъ; задумчивая лира
 Въ послѣдній разъ ему поетъ 1)
 Заутра казнь, привычный ширъ народу:
 Но лира юнаго пѣвца
 О чемъ поетъ? Поетъ она свободу:
 Не измѣнилась до конца!
 «Привѣтствую тебя, мое свѣтло!
 Я славилъ твой небесный ликъ,
 Когда онъ искрою возникъ,
 Когда ты въ бурѣ восходило;
 Я славилъ твой священный громъ,
 Когда онъ разметалъ позорную твердьню
 И власти древнюю гордыню
 Разбивалъ пензомъ и стыдомъ;
 Я зрѣлъ твоихъ сыновъ гражданскую отвагу,
 Я слышалъ братскій ихъ обѣтъ,
 Великодушную присягу
 И самовластію безтрусный отвѣтъ;
 Я зрѣлъ, какъ ихъ могучи волны
 Все шипровыли, увлекли,
 И пламенный трибунъ предрекъ, востор-
 га полный,
 Перерожденіе земли.
 Уже сила твой мудрый гений,
 Уже въ безмерный пантеонъ
 Святыя испанниковъ взошли славны
 тѣбѣ:
 Огъ пелены предубѣждений
 Разоблачался великій громъ;
 Оковы падали. Законъ,
 На вольность опернешь, провозглашать ра-
 венство,
 И мы воскликнули: «блаженство!»...
 О горе! о безумный сонъ!
 Гдѣ вольность и законъ? Надъ нами

Ainsi, triste et captif, ma lyre toutefois
 S'éveillait...

Единый властвуетъ тоноръ,
 Мы свергнули царей? Убѣвду съ палачами
 Избрали мы въ цари! О ужасъ, о позоръ!...
 «Но ты, священная свобода,
 Боснія чистая! пѣтъ, не виновна ты:
 Въ порывахъ буйной слѣпоты,
 Въ презрѣнномъ бѣшенствѣ народа—
 Сокрылась ты отъ насъ, Цѣлебный твой
 сосудъ
 Завѣшенъ пеленой кровавой...
 Но ты приходишь опять со мщеніемъ и сла-
 вой —
 И вновь твои враги падутъ.
 Народъ, вкусившій разъ твой нектаръ ос-
 щипенный,
 Все щеть вновь унитъсь имъ:
 Какъ будто Ваухомъ разъяренный,
 Онъ бредитъ, жаждою томимъ...
 Такъ! онъ найдетъ тебѣ, Подъ свѣтло ра-
 венства
 Въ объятіяхъ твоихъ онъ сладко отдохнетъ,
 И буря мрачная минетъ...
 «Но и не узрю вась, дни славы, дни бла-
 женства:
 Я плахъ обречень. Послѣдніе часы
 Влачу, Заутра казнь. Торжественной рукою
 Палачъ мою главу подыметъ за власы
 Надъ равнодушною толпою.
 Простите, о друзья! Мой безиротный прахъ
 Не будетъ почивать въ саду, гдѣ прово-
 ждали
 Мы ни безсмерные въ наукахъ и въ пи-
 рахъ.
 И мѣсто нашихъ урнъ заранѣ назначали.
 Но, други, если обо мнѣ
 Священно вамъ воспоминашь;
 Исполните мое послѣднее желанье:
 Очлачьте, милые, мой жребій въ гишинѣ;
 Страннѣе возбудить слезами подозрѣнье:
 Въ нашу вѣкъ, вы знаете, и слезы пре-
 ступленье;
 О братѣ сожалѣть не смѣть пылѣ братъ.
 Еще язь одна мольба: вы слушали стократъ
 Стихи, летучихъ думъ небрежныя созданья,
 Разнообразныя, завѣтныя преданья
 Всей младости моеей. Надежды, и мечты,
 И слезы, и любовь, друзья, сіи листы
 Всю жизнь мою храните. У Авелю, у Фаини, 2)
 Молю, найтите ихъ: невниной музы данн
 Сберегите. Строгий свѣтъ, патменная молва

АНДРЕЙ ШЕНЬЕ.

Не будешь витать нуть. Увы, моя глава
 Безвременно падеть: мой неподрванный
 Для славы не свершишь возвышенных
 Творений;

Я скоро весь умру. Но, твоя моя любовь,
 Храните рукопись, о други, для себя!
 Когда гроза пройдет, только сусебной
 Сбирайтесь иногда читать мой свиток
 Вбраний

И, только слушая, скажите: это он!
 Вотк рѣчь его. А я, добывъ могильный
 Сокъ,

Взойду невидимо и сяду между вами,
 И самъ заслушаюсь, и вашими слезами
 Увижусь... и, можетъ быть, углубень буду я
 Любовью; можетъ быть, и Удница моя...
 Умьла и блѣдна, стихамъ любви внимаю...»

Но, пѣсни пѣжная мновенно прерывая,
 Младши пивецъ поникъ даумчивой славы,
 Пора весны его съ любовью, тоской
 Прочмалась передъ нимъ... Красавицъ том-
 ны очи,

И пѣсни, и пирры, и пламенные ночи,
 Все въвѣсть оживо: и сердце понеслось

Далече... и стиховъ журчанье издалось:
 «Куда, куда завлекъ меня враждебный
 Теней?»

Рожденный для любви, для мирныхъ иску-
 шений,

Зачѣмъ я покидалъ безвѣстной жизни тѣнь,
 Свободу, и друзей, и сладостную тѣнь?

Судьба делвила мою длазую младость:
 Безвечною рукой меня ввѣчала радость,
 И муза чистая двала мой досугъ,

На шумныхъ вечерахъ друзей любимый
 Другъ,

Я сладко оглашалъ и смѣхомъ и стихами
 Свѣтъ, охраненную домашними богами,

Когда жъ, Вакхической тревогой угомьсь,
 И новымъ пламенемъ внезапно воспалюсь,

Я угромъ наконецъ являлся къ милой
 Тѣвѣ

И находилъ ее въ смьтеніи и тѣвѣ:

Когда, съ угрозами, и слезы на глазахъ,
 Мой проклиная въвѣ, утраченныи въ пи-
 рахъ,

Она меня гнала, бранила и прощала:

Какъ сладко жизнь моя дилось и утекала!

Зачѣмъ отъ жизни сей, дѣшовой и про-
стой.

Я кинулся туда, гдѣ ужасъ роковой.
Гдѣ страсти пылы, гдѣ буйные невѣжды,
И злоба, и корысть! Куда, мой надежды,
Вы завлекли меня! Что дѣлать было мнѣ,
Мнѣ, вѣрному любви, стихамъ и пишишь,
На шлокомъ поприщѣ съ презрѣнными
бойцами!

Мнѣ ль было управлять строптивыми ко-
нями
И круто напирать безцельная бразды?
И что жь оставлю я? Забытые слѣды
Безумной ревности и терзости ничтожной.
Погибши, годось мой, и ты, о призракъ
ложной.

Ты, слово, звукъ пустой...

«О, пѣть!»

Умолкни, ронось малодушной!
Горись и радуйся, поэтъ:
Ты не покинь главой послушной
Передъ подоромъ нашихъ дѣтъ:
Ты презрѣль мощнаго злодѣя:
Твой свѣточъ, грозно пламеня,
Жестокимъ блескомъ озарилъ
Совѣтъ правителей бездѣльных ¹;
Твой бичъ достигнулъ ихъ, казнилъ
Сихъ палачей самодержавныхъ:
Свой стихъ свѣтелъ по ихъ главамъ:
Ты звалъ на нихъ, ты славилъ Немезиду:
Ты пѣлъ Маратовымъ жрецамъ
Книжалъ и дву-двину!

Когда святой старикъ отъ плахи отры-
валъ

Вывчанную главу рукой одвѣнѣлой:

Ты смѣло имъ обоимъ руку далъ,

И передъ вами трепеталъ
Арестантъ остервенѣлой.

Гордись, гордись, пѣвецъ: а ты, свирѣпый
звѣрь,

Моей главой, играй теперь:

Она въ твоихъ когтяхъ. Но слушай, знай,
безбожный:

Мой крикъ, мой ярыи смѣхъ преслѣдуетъ
тебя!

Ней нану кровь, живи, дубя:

Ты все шимей, шимей ничтожный.

И часъ придетъ... и онъ ужь неслѣзькь:

Надень, тиранъ! Неготованье

Воспрянетъ наконецъ. Отечества рыланье

Разбудитъ угоненный рокъ.

Теперь иду... пора... но ты слушай за мною:
Я жду тебя!»

Такъ пѣлъ восторженныи поэтъ,
И все покоилось. Лампады тихи свѣтъ
Блѣтѣвъ преть утренней зарёю,
И утро ввело въ темницу. И поэтъ
Къ рѣшеткѣ потянулъ важны взоры...
Взруть шумъ. Привали, зовуть. Они! Па-
лежны пѣтъ!

Звучать ключи, замки, заноры,
Зовуть... Постой, постой: тебѣ только, тебѣ
оный:

И казни пѣтъ, и вѣсѣмъ свобода,

И живъ великій гражданинъ

Среди великаго народа ².

Не слышать. Шестивѣ безмолвно. Житье
палачъ.

Но дружба смертныи путь поэта очаруетъ ³.

Вотъ плаха. Онъ взомель. Онъ славу им-
нуетъ ⁴.

Плачь, муза, плачь!...

ПРИМѢЧАНІЯ ПУШКИНА КЪ «АНДРЕЮ ШЕНЬЕ».

1) Comme un dernier rayon, e nime un dernier ze-
phyr

Anime le soir d'un beau jour.

Au pied de l'échafaut j'essâie encore ma lyre.

(V. Les derniers vers d'André Chénier.

2) У Авеля у Фанинъ.

Abel, deux confident de mes jeunes mistères
(El. Le omie изъ дружен А. III.

Fanni, l'une des maîtresses d'An. Ch. Voyez les
odes qui lui sont adressées.

3) И У зинца моя.

V. La jeune Captive (Mlle de Coigny).

4) Voyez ses ombes.

Chénier avait mérité la haine des factieux. Il
avait célébré Charlotte Corday, Pétri Collet d'Her-
bois, attaqué Robespierre.—On sait que le roi avait
demandé à l'Assemblée par une lettre pleine de cal-
me et de dignité, le droit d'appeler au peuple du
jugement qui le condamnit. Cette lettre signée dans
la nuit du 17 : 18 janvier est d'André Chénier.

(II. de la Touché).

5) Онъ былъ казненъ 8 термидора, т. е. на-
канунѣ шавреженія Робеспьера.

6) На роковой гвастѣ везли на казнь съ Ан.
Шенье и поэта Рунье, его друга. Ils parlèrent de
poésie à leurs derniers moments: pour eux après
l'arrêté vint la plus belle chose de la terre. Ra-
cine fut l'objet de leur entretien et de leur dernière
admiration. Ils voulurent réciter ses vers. Ils choisirent
la première scène d'Andro-maque.

(II. de la Touché).

7) На смертъ казни онъ ударилъ себя въ го-
лову и сказалъ: toutant j'avais quelque chose la.

Грешница Е. К. ВОРОНЦОВА.
Портретъ Дюж (George Durr Esq.).

429. СОЖЖЕННОЕ ПИСЬМО.

Прощай, письмо любви, прощай! Она велела...
 Какъ долго медлить я, какъ долго не хотѣла
 Рука предать огню все радости мои!..
 Но полно, часъ насталъ: гори, письмо любви,
 Готовъ я: ничему душа моя не внемлетъ,
 Ужъ пламя жадное листы твои пріемлетъ...
 Минуту!.. вѣщинуду!.. пылаютъ!.. легкій пылъ
 Вѣсь теряется съ молніею моею,
 Ужъ персты вѣрило утрача впечатлѣнье,
 Растопленный суручъ кишеть!.. О провидѣнье!
 Свершилось! Темныя свернулись листы:
 На деткомъ пеплѣ ихъ завѣтная черта
 Блѣвнула!.. Грудь моя стѣснилась. Пепель милой,
 Отрава бѣдная въ судьбѣ моей унылой,
 Останься вѣкъ со мной на горестной груди!..

430. ДРУЖБА.

Что дружба? Легкій пылъ похвѣля,
Обида вольный разговоръ,
Обида тщеславя, бездѣля,
Пыль покровительства позоръ

431. ВАХИТСКАЯ ПЬЕСА.

Что смодкнуть веселія гласъ?
Раздвигаетъ Вахитыя прищивы!
Да здравствуютъ пѣвкныя дѣвы
И юныя жены, любовныя пѣсь!
Подше стаканы паливанте!
На звонкое шо,
Въ густое вино
Завѣтныя кольца бросайте!
Попьемъ стаканы, содвинемъ пыль разомъ!
Да здравствуютъ музы, да здравствуютъ
разумъ!

Ты, солнце святое, гори!
Какъ эта лампада блѣднѣеть
Преть яснымъ восходомъ зари,
Такъ дожная мудрость мерцаетъ и глѣбѣтъ
Преть солнцемъ безмернымъ ума,
Да здравствуетъ солнце, да скростетъ гма.

432. ВЕТРОГРАДЪ МОЕЙ СЕСТРЫ.

Ветроградъ моей сестры
Ветроградъ удивительный:
Чистыи ключи у ней съ горы
Не бѣжитъ запечатанныи,
У меня плоды блестягъ
Паливыя, золотые:
У меня бѣдутъ, шумягъ
Вода чистыя, живыя,
Нартъ, алой и кипшамонъ
Владоводемъ богаты:
Лишь повѣтъ аквилонъ,
И лаванювъ ароматы.

433. КЪ ИМЕННИНИЦѢ.

Хотя стипки на именины
Наташи, Софьи, Катерины
Уже не въ модѣ, можетъ быть:
Но я, вашъ обожатель вѣрной,
Я въ знакъ послушности примѣрной
Готовъ и пми вамъ служить...
Но прелю себя проклятью,
Когда я знаю почему
Васъ окрестили благодастью!
Нѣтъ, пѣтъ, по мифию моему,
И ваша рѣчь, и взоръ унылый,
И попка смѣю вамъ сказать -
Все это чрезвычайино мило,
Но пауба, не благодать.

434. ЖИВЬ, ЖИВЬ КУРИЦКА!

(На М. С. Каченовскаго).

Какъ! Живь еще курлика-журналистъ?
 Живехонецъ! все такъ же сушь и скучень,
 И грубъ, и глупъ, и завистью размучень,
 Все тискаеть въ свой ненужный листъ
 И старый вздоръ, и вздорную повинку,
 — Фу! пагобь курлика-журналистъ!
 Какъ загасить воиочую думику?
 Какъ уморить курлику моего?
 Дай мнѣ совѣтъ. Далъ, плюнуть на него!

435. СЕМЕЙСТВЕННОЙ ЛЮБВИ И НЕБЖНОЙ
ДРУЖБЫ РАДИ.

Семейственной любви и небжной дружбы ради
 Авадо тебя, сестра, не спереди, а съзади.

436. ПОЧТЕНІЯ, ЛЮБВИ И НЕБЖНОЙ ДРУЖБЫ
РАДИ.

Variantes en l'honneur de m-lle X.

Почтенія, любви и небжной дружбы ради
 Авадо тебя, мой другъ, и спереди и съзади.

437. ЭЛЕГИЯ НА СМЕРТЬ АННЫ ЛЬВОВНЫ.

Охъ Тетенька! охъ Анна Львовна!
 Василя Львовича сестра!
 Была ты къ маминкѣ добовна,
 Была ты къ папшикѣ добра,
 Была ты Анзаветой Львовной
 Любима больше серебра:
 Матѣи Михайловичъ, какъ кровной,
 Тебя встрѣчалъ среди двора,
 Давно ли съ Ольгою Сергѣвной,
 Со Львомъ Сергѣичемъ давно ль,
 Какъ бы на смѣхъ судьбицѣ глупной,
 Ты раздѣляла хлѣбъ на соль?
 Увы! зачѣмъ Василю Львовичъ
 Твой гробъ стихами обмочилъ!
 Или зачѣмъ подлець Поповичъ
 Его Красовскія пропустилъ!

438. ЕСЛИ ЖИЗНЬ ТЕБЯ ОБМАНЕТЪ.

Если жизнь тебя обманетъ:
 Не печалься, не сердись!
 Въ день унынія смиришься:
 День веселая, вѣрь, наступитъ.
 Сердце въ будущемъ живеть:
 Настоящее уныло:
 Все мгновенно, все пройдетъ:
 Что пройдетъ, то будетъ мило.

439. САФО.

Счастливей юнона, ты вѣдь меня пль-
 нилъ:
 Душою гордою и пылкой и незлобной,
 И первой младости красой женоподобной.

440. КОЗЛОВУ.

По полученіи отъ него Чертежа.

Ивецъ, когда передъ тобой
 Во мглѣ сокрылся міръ земной,
 Мгновенно твой проснулся геній,
 На все минувшее воззрѣлъ,
 И въ хорѣ свѣтлыхъ привидѣній
 Онъ пѣсни дивныя заплѣлъ.
 О милый братъ, какіе звуки!
 Въ слезахъ восторга внемлю пль:
 Чудеснымъ пѣшемъ своимъ
 Онъ усынилъ земныя муки.
 Тебѣ онъ создалъ новый міръ:
 Ты въ немъ и видишь, и летаешь,
 И вновь живешь, и обнимаешь
 Разбитый юности кумиръ.

А я, коль стихъ единый мой
 Тебѣ мгновенно далъ отрады,
 Я не хочу другой награды:
 Недаромъ темною стезѣй
 Я проходилъ пустыню міра,
 О пѣть, недаромъ жизнь и дѣла
 Мнѣ были ввѣрены судьбой!

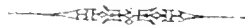
ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ КОЗЛОВЪ.

441. П. А. О. *** (ОСНОВОЙ).

Быть можетъ, ужъ недолго мнѣ
 Въ изнанкѣ мирномъ оставаться,
 Вздыхать о милой старинѣ
 И сельской музѣ въ тишинѣ
 Душой безпечной предаваться.
 Но и въ дали, въ краю чужомъ,
 Я буду мысленно всегдашней
 Бродить Тригорскаго кругомъ,
 Въ дугахъ, у рѣчки, надъ холмомъ,
 Въ саду, подъ сѣнью лигъ домашней.
 Когда померкнетъ ясный день,
 Одна изъ глубины могильной
 Такъ иногда въ редкую сѣнь
 Летитъ тоскующая тѣнь
 На мнѣхъ бросить взоръ умильной.

442. EX UNGUE LEONEM.

Недавно я стихами какъ-то свиснулъ
 И выдалъ ихъ безъ подписи моей:
 Журнальный шутъ о нихъ статейку тиснулъ,
 Безъ подписи жъ пустилъ ее, злодѣй.
 Но что жъ? Ни мнѣ, ни площадному шуту
 Не удалось прикрыть своихъ проказы:
 Онъ по котямъ узналъ меня въ минуту,
 Я по ушамъ узналъ его какъ разъ.

АННА ПЕТРОВНА КЕРЧЬ.

*Следить 1825 г.**Воспроизведено по подлиннику.*

443. Къ ... (А. П. Керчь).

Я помню чудное мгновенье:
 Передо мной явилась ты,
 Как мимолетное виденье,
 Как гений чистой красоты.
 В томленье твоя грусти безнадежной,
 В тревогах шумной суеты,
 Звучал мнѣ долго голосъ тихой,
 И силлись милая черты.
 Шли годы. Бурь порывъ мятежный
 Разсѣялъ прежнія мечты,
 И я забылъ твой голосъ тихий,
 Твои небесныя черты.
 Въ глуши, во мракѣ заточенья
 Тихулись тихо дни мои
 Безъ божества, безъ вдохновенья,
 Безъ слезъ, безъ жизни, безъ любви.
 Душѣ настало пробужденье:
 И вотъ опять явилась ты,
 Как мимолетное виденье,
 Как гений чистой красоты.
 И сердце бьется въ упоеньѣ,
 И для него воскресли вновь
 И божество, и вдохновенье,
 И жизнь, и слезы, и любовь.

444. ЖЕЛАНИЕ СЛАВЫ.

Когда любовно и пѣрой упоенный,
 Безмолвно предъ тобой колѣнопреклоненный,
 Я на тебя глядѣлъ и думалъ: ты моя;
 Ты знаешь, милая, желать ли славы я;
 Ты знаешь: удаленъ отъ вѣтреннаго свѣта,
 Скумая суетнымъ прозваніемъ поэта,
 Уставъ отъ долгихъ бурь, я вовсе не внималъ
 Жужжанью дальнему утрековъ и похвалъ.
 Могли ль меня мѣлвы тревожить приговоры,
 Когда, склонивъ ко мнѣ томительные взоры,
 П руку на главу мнѣ тихо паложивъ,
 Шептала ты: скажи, ты любящъ, ты счастливъ?
 Другую, какъ меня, скажи, любить не будешь?
 Ты никогда, мой другъ, меня не позабудишь?
 А я стѣпенное молчаніе хранилъ,
 Я наслажденіемъ весь полонъ былъ, я мнилъ,
 Что пѣть грядущаго, что грозный день разлуки
 Не придетъ никогда... И что же? Слезы, муки,
 Измѣны, клеветы, все на главу мою
 Обрушилося вдругъ... Что я, гдѣ я? Стою,
 Какъ путникъ, молніей постигнутый въ пустынь,
 И все передо мной затмилось! И нынѣ
 Я позымъ для меня желаніемъ томимъ:
 Желаю славы я, чтобъ именемъ моимъ
 Твой слухъ былъ пораженъ всечасно, чтобъ ты мною
 Окружена была, чтобъ громкою молвою
 Все, все вокругъ тебя звучало обо мнѣ,
 Чтобъ, глазу вѣрному виная въ тишинѣ,
 Ты познала мой послѣдній моленья
 Въ саду, во тмѣ ночной, въ минуту разлученья.

445. ПОСЛАНИЕ А. Г. РОДЗЯНСКЪ.

Ты общалъ о романтизмѣ,
 О семь парнасскомъ аэнезмѣ,
 Потолковать еще со мной,
 Полтавскихъ Музъ повѣдать тайны,
 А пишешь лишь о ней одной!...
 Пѣть, это ясно, милый мой,
 Пѣть, ты влюбленъ, Пиронъ Украины!
 Ты правъ: что можетъ быть важнѣй
 На свѣтѣ женщины прекрасной?
 Улыбка, взоръ ея очей
 Дороже злата и честей,
 Дороже славы разногласной
 Поговоримъ опять объ ней.
 Хвалю мой другъ ея охоту,
 Поодохнувъ, рожать дѣтей
 Подобныхъ матери своей,
 И счастливъ кто раздѣлитъ съ ней
 Свою пріятную заботу,

Графъ ДМИТРИ ИВАНОВИЧЪ ХВОСТОВЪ

Не наведеть она збвоту,
 Дай Богъ чтобъ только Гимней
 Межъ тѣмъ процлѣвъ свою дремоту,
 Но не согласи я съ тобою,
 Не одобряю я разводу:
 Во-первыхъ вѣра долѣвъ святой,
 Законъ и самая природа...
 А во-вторыхъ замѣчу я,
 Благориснейше мужья
 Для умныхъ женъ необходимы:
 При нихъ домашнiе друзья
 Нѣвѣ чужъ замѣтны, нѣвѣ незримы,
 Повѣрять, милые мои,
 Одно другому помогаетъ,
 И солнце брака замигаетъ,
 Звѣзду стыдливую любви!

446. О Д. А.

Его Свѣдѣтельству Графу Дмитрию Ивановичу
 Хвостову.

Суданъ ярился 1, Кровь Эдлава
 И рѣвно скачетъ 2, и кишитъ,
 Открылись грекамъ тревни влады 3,

Тренещеть въ Стиксѣ лютой Пастъ 4,
 И се—дѣтище продерзко судно
 И мечеть громы обоюдно,
 Се Бейроувъ, Феба образецъ,
 Притекъ, но не дѣтъ быстронарнай 5,
 Строптивый и неблагодарный
 Взнесъ смерти на него рѣзецъ,
 Швецъ безсмертный и маститый!
 Тебя Эдлава днесь доветъ
 На мѣсто тѣви знаменитой,
 Преть кой Нерберъ днесь реветъ,
 Какъ здѣсь, ты будешь тамъ сенаторъ,
 Какъ здѣсь, почтенный литераторъ,
 Но новый дѣвръ тебя жетъ тамъ,
 Едъ отъ крови земля промокла:
 Перикла дѣвръ, дѣвръ Омневокала:
 Лети дѣва, Хвостовъ, нашъ, самъ!
 Вамъ съ Бейрономъ шифла длоба,
 Гремѣла и правдива дестъ,
 Овъ дорѣтъ, графъ—ты, подлы оба!
 Се мнѣя авно съотство ествъ,
 Никакъ! Ты съ вѣрною супругой 6,
 Ночь бременемъ Судьбы уругой 7,
 Живешь въ любви и наконецъ

Глубока оны, но единообразны.
 А ты глубоко, игривъ и разенъ,
 И въ шалостяхъ ты вирямъ пивецъ.
 А я, невѣдомый ништа,
 Въ восторгѣ новомъ воспою
 Во славу ништа знаменита
 Правдѣ похвалу свою,
 Моляся кораблю бѣгущу,
 Да Вейрона оны узрѣть кушу 7),
 И да блюдутъ твоей мирной сонъ 8),
 Пентушь, Наутошь, Зевсъ, Цитерея,
 Гебея, Пейша, Крошь, Астрея,
 Фебъ, Пгры, Смѣхи, Вакуъ, Харонъ!

ПРИМѢЧАНІЯ.

1) Подражаніе г. Петрову, знаменитому нашему лирику.

2) Слово, употребленное весьма счастливо Вильгельмомъ Карловичемъ Кюхельбекеромъ въ стихотворномъ его письмѣ къ г. Грибоедову.

3) Подъ словомъ клады должно разумѣть правдивую несправедливости Леонида, Ахилесовы и Миллиадовы къ жестокимъ челоукоцамъ.

4) Г. Питтъ, знаменитый англійскій министръ и известный противникъ свободы.

5) Горячка.

6) Графиня Хвостова, урожденная княжна Горчакова, достойная супруга маститаго нашего пѣвца. Во многочисленныхъ своихъ стихотвореніяхъ вездѣ называетъ оны ея Темирою (см. послѣднее замѣчаніе къ одѣ «Здравный кубокъ»).

7) Подражаніе Его Высочайшему достоинству Дѣйствительному Тайному Советнику Ивану Ивановичу Дмитріеву, знаменитому другу графа Хвостова:

Къ тебѣ я руки простирала,
 Уже изъ отческія кущи
 Взяла на суда бѣгущи.

8) Здѣсь поэтъ, увлекаясь воображеніемъ, видитъ уже великаго нашего лирика, погруженнаго въ сладкіи сонъ и приближающагося къ брегамъ благословенной Эллады. Пентушь усмряетъ предъ нами прорезкѣи волны; Наутошь псходить изъ преподней бездны, дабы узрѣть того, кто шпиондетъ ему въ непродолжительномъ времени богатую жатку тѣней поклонниковъ джепророка. Зевсъ удабаеся ему съ небесъ; Цитерея (Венера) обниасть цвѣтами своего любимаго пѣвца; Геба подьметъ кубокъ за здравіе его; Пейша, во образѣ Пинодита Богдановича, ему завидуетъ; Крошь удерживаетъ косу, готовую разить; Астрея предувствуетъ возвратъ своего царетвованія; Фебъ ликуетъ; Пгры, Смѣхи, Вакуъ и Харонъ всеюю толпою сѣдуютъ за судномъ нашего безсмертнаго ништа.

447. ПРОЗАНКЪ И ПОЭТЪ.

О чемъ, прозанкъ, ты хлопочешь?
 Давай мнѣ мысль какую хочешь;
 Ее съ конца я заострю,
 Летучей рифмой оперю,
 Вложу на тетиву тугую,
 Послушный лукъ согну въ дугу,
 А тамъ пошлаю паудалую,
 И горе нашему врагу!

448. ДВИЖЕНЕ.

Движеня ибѣтъ, сказалъ мудрецъ брадатый.
 Другой смолчалъ и сталъ предъ нимъ ходить.
 Сильнѣе бы не могъ оны возразить;
 Хвалили все отбѣтъ замысловатый.
 Но, господа, забавный случай сей
 Другой примѣръ на память мнѣ приводить:
 Вѣдь каждый день предъ нами солнце ходить,
 Однако жъ правъ упрямый Галилей.

449. СОЛОВЕЙ И КУКУШКА.

Въ дѣсахъ, во мракѣ ночи празднои,
 Весны пивецъ разнообразной
 Урчить, и свищеть, и гремѣть;
 Но безтолковая кукушка,
 Самолюбивая болтушка,
 Одно куку свое твердить,
 И эхо вслѣдъ за нею то же,
 Пакуковади намъ тоску!
 Хотъ убѣжать, Пзбавъ насъ, Боже,
 Отъ эдеическихъ куку!

450. СОВѢТЪ.

Повѣрь: когда слѣшней и комаровъ
 Вокругъ тебя летаетъ рой журнальной,
 Не разсуждай, не трать учтивыхъ словъ,
 Не возражай на шикъ и шумъ пахальной;
 Ни логикой, ни вкусомъ, милый другъ,
 Никакъ нельзя смирить ихъ родъ упрямой.
 Серднться грѣхъ—но заманись и вдругъ
 Приклонни ихъ проворной эниграмой.

451. САТИРИКЪ И ПОЭТЪ ЛЮБОВНЫЙ.

(Кн. Вяземскому).

Сатирикъ и поэтъ любовный,
 Нашъ Аристиппъ и Асмодей,
 Ты не племянникъ Анны Львовны
 Покойной тетюшки моей,
 Писатель важный, тонкій, острый,
 Мой дядюшка—не дядя твой
 Но, милый,—Музы наши сестры.
 Итакъ ты все-же братецъ мой.

452. БРОВИ ЦАРЬ ПАХМУРА.

Брови царь пахмура,
 Говорилъ: вчера
 Повазила буря
 Намятникъ Петра.
 Тотъ перенугался,
 «Я не зналъ!..» «Ужель?» —
 Царь расхохотался.
 —Первый, братъ, Апрель!
 Говорилъ онъ съ горемъ
 Фрейлинамъ дворца:
 Вѣшаютъ за моремъ
 За два...
 То есть разумно,
 Врутъ промолвилъ онъ,
 Вѣшаютъ за шею,
 Строгъ у нихъ законъ.

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

Ональный Пушкинъ проживалъ въ с. Михайловскомъ, Псковской губ., уже второй годъ. Высланный сперва на югъ Россіи за «вольные» стихи, онъ въ августѣ 1824 года былъ заключенъ со службы и сосланъ изъ Одессы, распоряженіемъ гр. Пессельроде, въ имѣніе его родныхъ, подъ надзоръ мѣстныхъ властей, за замѣчаніе объ «афеизмѣ» въ перлюстрованномъ письмѣ.— «системѣ, не столь утѣшительной, какъ обыкновенно думаютъ, но, къ несчастью, болѣе всего правдоподобной»... И вотъ поэтъ попадаетъ подъ двойной надзоръ— свѣтскій и духовный, и обреченъ на безвыѣздное пребываніе въ деревенской глуши. Въ насильственномъ уединеніи онъ предоставленъ собственнымъ грезамъ, обществу книгъ и старушкѣ нянѣ, изрѣдка уединеніе смѣняется наѣздами въ Тригорское, въ семью П. А. Осиповой, и рѣдкими посѣщеніями немногихъ друзей, рѣшавшихся прѣхать къ поэту въ Михайловское.

Здѣсь-то, въ 1825 году, задумана имъ и выдана—«Комедія о настоящей бѣдѣ Московскому государству, о царѣ Борисѣ и Гришкѣ Отрепьевѣ».— Писалъ рабъ Божій Александръ сынъ Сергѣевъ Пушкинъ, въ лѣто 7333 на городищѣ Воронищѣ. (Изъ письма къ кн. Вяземскому отъ 13-го июля.)

И нѣсколько позже (осенью того же года) Пушкинъ съ прелестнымъ чистосердечіемъ, придающимъ такую привлекательность гениальнымъ натурамъ, сообщалъ своему корреспонденту: «Трагедія моя кончена. Я перечелъ ее вслухъ, и билъ въ ладоши, и кричалъ: ай да Пушкинъ, ай да!»

Никто лучше самого Пушкина не опредѣлялъ сущности замысла этого произведенія и отношенія автора къ его источникамъ:

«Изученіе Шекспира, Карамзина и старыхъ нашихъ лѣтописей,—писалъ Пушкинъ,—дало мнѣ мысль облечь въ формы драматическія одну изъ самыхъ драматическихъ эпохъ новѣйшей исторіи. Я писалъ въ

строгомъ уединеніи, не смущаемый никакимъ чуждымъ вліяніемъ. Шекспиру подражалъ я въ его вольномъ и широкомъ изображеніи характеровъ, въ необыкновенномъ составленіи тиновъ и простотѣ; Карамзину слѣдовалъ я въ свѣломъ развитіи происшествій; въ лѣтописяхъ старался угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени».

Въ этомъ откровенномъ признаніи поэта, чистосердечность котораго мы не имѣемъ никакихъ основаній подвергать сомнѣнію, заключается ключъ къ уразумѣнію составныхъ элементовъ одного изъ самыхъ цѣльныхъ, выдержанныхъ, зрѣло обдуманныхъ его произведеній, которое не только въ его время составило эпоху въ исторіи нашей драматической литературы, но и понынѣ является непревзойденнымъ, одинокимъ памятникомъ возвышеннаго пастростенія и безупречной красоты формы въ рядѣ гениально задуманныхъ и искусно расположенныхъ эпизодовъ. Вопросъ лишь въ размѣрахъ того, что мы должны удѣлить каждому изъ указанныхъ самимъ Пушкинымъ элементовъ, изъ которыхъ составилось его произведеніе, и въ степени самостоятельности отношенія поэта къ своимъ источникамъ и образцамъ.

Шекспира онъ принялъ за образецъ для формы свободной драмы, для изображенія характеровъ и тиновъ, и подражалъ его «простотѣ». Пушкинъ волиѣ сознательно задумалъ реорганизацию нашей драматической системы. Онъ заявляетъ объ этомъ неоднократно въ своихъ письмахъ и черновыхъ наброскахъ. «Я твердо вѣрять,— писалъ Пушкинъ въ одномъ изъ этихъ набросковъ (безъ даты),— что нашему театру приличны законы драмы Шекспировой, а не притворный обычай трагедіи Расина, и что всякій неудачный опытъ можетъ замедлить преобразование нашей сцены». Собираясь издать въ свѣтъ «Бориса Годунова», черезъ четыре года послѣ его написанія, Пушкинъ признается, что дѣлаетъ это съ «величавымъ отвращеніемъ», ибо—

«судить или неудача моей трагедіи будетъ имѣть вліяніе на преобразование нашей драматической системы. Боюсь, чтобы собственные ея недостатки не были отнесены къ романтизму, и чтобы она сама не замедлила хода...» Пушкинъ считалъ свою драму — «романтическимъ» произведеніемъ¹⁾, потому что романтики, между прочимъ, ссылались на театр Шекспира въ противоборствѣ правиламъ классической поэтики: онъ прежде всего имѣлъ въ виду обособиться отъ приемовъ нашего псевдо-классицизма. И наряду съ свободнымъ чередованіемъ сценъ, безъ соблюденія единства времени, мѣста и дѣйствія, сюда же главнымъ является требованіе той «простоты», которую Пушкинъ отыскалъ у Шекспира, которой онъ старался подражать. Но эта же простота оказывалась нарушеніемъ приемовъ входившаго тогда въ моду романтизма и самъ же Пушкинъ, въ письмѣ (франц.) къ Н. П. Раевскому (30 января 1829 года), замѣчаетъ слѣдующее: «По примѣру Шекспира, я ограничился изображеніемъ эпохи и историческимъ личностей, не гонясь за сценическими эффектами, романтическимъ пафосомъ и проч. Слѣдъ ея смѣшанный. Онъ пошелъ и низко тамъ, гдѣ мнѣ приходилось выводить грубыя и пошлыя лица». Такимъ образомъ, онъ придавалъ огромное значеніе естественности изложенія и хода дѣйствія, инстинктивно ощущая въ Шекспирѣ великаго реалиста. Пушкинъ и ссылался на него, какъ на примѣръ «простоты» въ воспроизведеніи исторической темы.

Въ двухъ черновыхъ наброскахъ письма къ Н. П. Раевскому, — одинъ 1825 г., другой 1829 г. (на франц. яз.), отчасти повторяющихъ то же содержаніе, Пушкинъ говоритъ о своемъ предложеніи написать предисловіе къ «Борису Годунову» и тутъ же высказываетъ нѣкоторыя соображенія о трагедіи вообще. «Это, быть-можетъ, наименѣе признанный родъ. Классики и романтики — все основывали свои законы на правдоподобіи, а именно это-то исключаетъ сущность драмы (la nature du drame). Поговоря уже о времени и т. д. какой о чорта правдоподобіе можетъ быть въ дѣлѣ, раздѣленномъ на двѣ половины, изъ которыхъ одна занята нумя тысячами зрителей (personnes), которые предполагаются неви-

димыми тѣми, кто на подмосткахъ. 2) Языкъ. Напримеръ, Филоклетъ Ла Гарна говорить на чистомъ французскомъ языкѣ, прослушавъ тираду Пирра: Увы, я слышу слащавъ звукъ греческой рѣчи и т. д. Посмотрите на древнихъ, нѣтъ трагическія маски, новоственность дѣйствующаго лица — развѣ все это не условное неправдоподобіе? Время, мѣсто и пр. и пр. Истинные герои трагедіи никогда не задумывались надъ правдоподобіемъ. Вспомните, какъ смѣло Корнель повелъ Сидя. А, — вы хотите правила о 24 часахъ? Извольте, и вѣдь затѣмъ онъ вамъ нагромождаеть событія на четыре мѣсяца. Нѣтъ ничего излишняго, по-моему, матерьяльнъ измѣненій въ принятыхъ правилахъ. Альфиери глубоко возмущался невольностью à parte, онъ его отстраняеть и затѣмъ удлиняеть монологъ, думая, что онъ произведеть революцію въ системѣ трагедіи. Какая суетность! Правдоподобіе положенія и практичность діалога — вотъ истинное правило трагедіи. Я не читалъ Кальдерона, ни Вега, но что за человекъ этотъ Шекспиръ! Я не могу очнуться (je n'en reviens pas). Какъ Байронъ-трагикъ мелокъ передъ нимъ! слѣдующія замѣчанія о Байронѣ... И еще есть предубѣжденіе (une manie): когда задумаешь то или другое лице, то все, что заставляетъ его произносить, даже самыя странныя вещи, всегда носить отпечатокъ его характера — какъ педанты и морки въ старинныхъ романахъ Фильдинга. Заговорщикъ говоритъ: — «сайте мнѣ языкъ», — какъ заговорщикъ, и это только смѣшно... Почитайте Шекспира: онъ никогда не боится скомпрометировать дѣйствующее лице, онъ заставляетъ его выражаться со всей неурочужденностью жизни, потому что онъ увѣренъ, что въ своемъ мѣстѣ и въ свое время онъ найдетъ для него языкъ въ соответствии съ его характеромъ le langage de son caractère».

Вы меня спросите: ваша трагедія есть ли трагедія характеровъ или костюмовъ (т. е. воспроизведеніе исторической эпохи). Я избралъ наиболѣе легкій родъ, но я пытаюсь соединить оба вида трагедіи...»

Изъ этихъ бывшихъ замѣчаній Пушкина трудно вывести цѣльную «систему» того, чѣмъ должна быть трагедія, но они имѣють существенную важность для выясненія принциповъ, которыми руководствовалъ поэтъ при созданіи «Бориса Годунова». Онъ отвернулся прежде всего отъ всякой напыщенности и хотульности въ рѣчахъ и

¹⁾ Романтической трагедіей онъ называетъ Б. Г. въ письмахъ къ кн. П. А. Вяземскому (1825 годъ), отъ 13 июля и осенью.

положеніи дѣйствующихъ лицъ, отъ искусственнаго пафоса и односторонняго освѣщенія характеровъ въ одномъ только направленіи. Не гоняясь за вѣрнѣйшимъ правдоподобіемъ зрѣлища, онъ представилъ рядъ сценъ, въ свободномъ чередованіи, на протяженіи нѣсколькихъ дѣвъ (около 7-ми). Въ заботѣ о правдоподобіи положеній—онъ изучалъ историческій ходъ событій по извѣстнымъ у него источникамъ, отступая отъ нихъ лишь въ той мѣрѣ, въ какой это правдоподобіе не нарушалось бы, когда требованія художественнаго замысла расходились съ фактами, почерпнутыми у историка или въ дѣтописяхъ. На первый же планъ выступило требованіе правдивости языка, какимъ говорятъ дѣйствующія лица, слогъ то важный, внимательный, въ соотвѣтствіи съ положеніемъ и образомъ мыслей даннаго лица, то «пошлый и низкій», когда выступаютъ «грубыя и пошлыя» лица. Но при этомъ Пушкинъ никогда не теряетъ художественной мѣры въ пользованіи, по его выраженію, и «низкимъ стилемъ».

Эта правдивость языка, естественность положеній и непринужденность разговорной рѣчи въ соотвѣтствіи съ положеніями являются первымъ достоинствомъ произведенія, которое, хотя и не совершило переворота въ «нашей драматической системѣ», но составляетъ цѣлую эпоху въ исторіи нашего театра, хотя полной постановки на сценѣ оно дождалось лишь въ наши дни, черезъ 80 слишкомъ лѣтъ послѣ написанія. Шекспиръ является, конечно, лишь принципиальнымъ руководителемъ Пушкина и, несмотря на подмѣченные критикою разныя аналогіи съ ситуациями въ историческихъ хроникахъ Шекспира (особенно—наставленія сыну Генриха IV въ хроникѣ Шекспира и сходные по положенію завѣты Годунова сыну въ сценѣ 21-ой у Пушкина), непосредственныхъ заимствованій нѣтъ¹⁾. Языку же и «образу мыслей тогдашняго времени» Пушкинъ, по собственному признанію, учился въ дѣтописяхъ.

Отношеніе поэта къ дѣтописямъ и въ то же время слѣдованіе Карамзину «въ свѣдомъ развитіи происшествій»—являются наиболѣе сложнымъ вопросомъ, вызвавшимъ не мало противорѣчивыхъ сужденій. На этой почвѣ—зависимости Пушкина отъ

взглядовъ автора «Исторіи Государства Россійскаго»—высказаны были ему самыя суровыя упрёки и только въ послѣднее время можно считать, что значительная часть ихъ отпала.

Два положенія, однако, имѣя цѣлкомъ усвоенныя отъ историка. Это, во 1-хъ, изображеніе Бориса, какъ несомнѣннаго виновника убійства царевича Дмитрія Ивановича,—отсюда его мученія совѣсти. Во 2-хъ, изображеніе Самозванца, какъ сознательнаго обманщика-авантюриста, нѣсколько не вѣрнѣшаго въ свое настоящее призваніе, а дѣйствующаго въ силу честолюбивыхъ замысловъ, пользующагося обстоятельствами времени. Карамзинъ выдаетъ за положительный фактъ убіеніе царевича по приказу Годунова и Самозванца величаетъ Гришкой Отрепьевымъ, бѣглымъ инокомъ, скитавшимся по разнымъ монастырямъ раньше, чѣмъ ему пришло въ голову сыграть роль чудомъ спасеннаго наследника престола, которымъ онъ овладѣваетъ при содѣйствіи поляковъ.

Долженъ ли былъ Пушкинъ, при поэтическомъ воспроизведеніи сюжета, подвергнуть сомнѣнію утвержденія историка и представить дѣло въ иномъ видѣ?

Первымъ съ рѣшительнымъ обвиненіемъ поэта за его довѣріе къ Карамзину выступилъ Полевой¹⁾. Въ пространной статьѣ, помѣщенной въ «Московскомъ Телеграфѣ» за 1833 г., онъ подвергаетъ сперва критикѣ изложеніе Карамзина смутнаго періода и тутъ же, привязываясь къ посвященію Пушкина—«Драгоценной для Россіянъ памяти Н. М. Карамзина сей трудъ, гениемъ его вдохновенный, съ благоговѣніемъ и благодарностью посвящаетъ»,—заявляетъ, что Пушкинъ повторилъ ошибки Карамзина, такъ какъ находился всецѣло подъ его вліяніемъ при созданіи Годунова. Какъ могъ Пушкинъ не понять,—писалъ Полевой,—поэзіи той идеи, что исторія не смѣетъ утвердительно назвать Бориса царубійцею? Что недостовѣрно для исторіи, то достовѣрно для по-

¹⁾ Впрочемъ, первенство принадлежитъ неопытному чиновнику III отдѣленія собственной Е. И. В. Канцеляріи. Въ отзывѣ о произведеніи, представленномъ въ 1829 году для разрѣшенія къ печати, указано, что пьеса лишена цѣлаго: «это отдѣльныя сцены, или, лучше сказать, отрывки изъ X и XI т. Ист. Госуд. Росс., сочиненія Карамзина, передѣланные въ разговоры». Все-десять позаимствовано изъ Карамзина, включая сцены Самозванца въ концѣ, сцены вродиваго и свіданія Самозванца съ Мариною.

¹⁾ Вопросу о Шекспиризмѣ Пушкина въ настоящемъ изд. будетъ посвящена особая статья.

эпи. И что могъ извлечь Пушкинъ, избора въ драмѣ своей тяжкую судьбу человека, который не имѣетъ ни силъ, ни средствъ свергнуть съ себя обвиненіе передъ людьми и передъ потомствомъ! И несколько дальше: «Забывъ притомъ истинную причину его (Годунова) паденія и усѣховъ Самозванца — буйную русскую олигархію, забывъ и политическія отношенія Польши къ Россіи, — онъ (Пушкинъ) естественно долженъ былъ потеряться въ плаги и развѣтн его. Если съ перваго явленія намъ сказали тайну Бориса, чѣмъ сдѣлалась вся драма Пушкина? Это — *Le dernier jour d'un condamné* (последній день осужденнаго)! Вместо того, чтобы изъ жребія Годунова извлечь ужасную борьбу человека съ судьбою, мы видимъ только приготовления его къ казни, и слышимъ только стонъ умирающаго преступника».

Къ Самозванцу Полевой отнесся нѣсколько снисходительнѣе, но все-жъ съ оговоркой: «Характеръ Самозванца едва ли вѣрнѣе и естественнѣе Борисова, но, по крайней мѣрѣ, въ немъ есть жизнь, по крайней мѣрѣ, онъ удалъ, буренъ, порывистъ. Мечтатель въ сценѣ съ Именомъ, онъ ловко отдвывается въ корчмѣ, щегольски отличается у Вишневецкаго и Миника, страстенъ у фонтана, и точный пекатель приключеній въ трехъ сценахъ: переходъ черезъ границу, допросъ ильничка, поцѣлъ послѣ разбитія. Совсѣмъ не таковъ былъ Самозванецъ историческій, сколько можемъ мы представить его себѣ; но и созданный Пушкинымъ, въ дѣйствіе мысли его, какъ исполнительъ кары за преступленія Бориса, онъ — можетъ почесться сноснымъ». Полевой противопоставляетъ сценамъ Пушкина недоконченную трагедію Шиллера «Дмитрій Самозванецъ», отъ которой сохранился лишь общій планъ и нѣсколько сценъ, уже написанныхъ. Шиллеръ выставляетъ Самозванца какъ человека, убѣжденнаго въ своемъ царскомъ происхожденіи, и только въ послѣдствіи его разочаровываютъ. Пушкинъ, конечно, не зналъ отрывковъ трагедіи Шиллера и болѣе раннихъ обработокъ исторіи Самозванца въ западно-европейскихъ литературахъ. Онъ сдѣлалъ своего Гришку Отрепьева открытымъ авантюристомъ по общему впечатлѣнію Карамзина, измѣнивъ, какъ увидимъ ниже, лишь многія частности въ описаніи своего героя.

Къ мифію Полевого о чрезмѣрной зависимости Пушкина отъ Карамзина при-

мкнулъ Бѣлинскій. Онъ также высказалъ 1) цѣлый рядъ своихъ соображеній къ оцѣнкѣ событій, предшествовавшихъ воцаренію Годунова, и специально о его правленіи, приходя къ общему выводу, что драматизмъ Бориса заключается въ томъ, что, будучи человекомъ для своего времени замѣчательнымъ, умнымъ и талантливымъ администраторомъ, онъ не былъ великимъ человекомъ, не былъ гениемъ. «Между тѣмъ его положеніе непремѣнно требовало отъ него гениальности». Бѣлинскій такъ-же, какъ и Полевой, настаиваетъ на недоказанности участія Годунова въ убійствѣ царевича и обвиняетъ Карамзина въ томъ, что онъ слишкомъ легковѣрно увлекся голосомъ современниковъ Годунова: «грѣшно и стыдно утвердить недоказанное преступленіе за такимъ замѣчательнымъ человекомъ, какъ Борисъ Годуновъ. Смерть царевича Дмитрія — дѣло темное и неразрѣшимое для потомства». Бѣлинскій ставитъ въ упрекъ Пушкину, что онъ вообще слишкомъ вошелъ въ духъ «Истор. Госуд. Россійск.» — «до того проникъ имъ, что сдѣлался рѣшительнымъ рыцаремъ «Исторіи» Карамзина, и оправдывалъ ее не просто, какъ исторію, но какъ политическій и государственный коранъ» и т. д. Онъ отдаетъ справедливость «удивительнымъ частностиямъ» драмы, но рѣшительно оспариваетъ цѣлое, заявивъ, что «лицо Годунова, получивъ у Пушкина характеръ мелодраматическаго злодѣя, мучимаго совѣстью, лишилось своей цѣлостности и полноты: изъ живаго и разнообразнаго, какимъ бы должно было оно быть, оно сдѣлалось мозаическою картиною, или, лучше сказать, статуей, которая вырублена не изъ одного цѣльнаго мрамора, а сложена изъ золота, серебра, мѣди, дерева, мрамора, глины. Отъ этого Пушкинскій Годуновъ является читателю то честнымъ, то низкимъ человекомъ, то героемъ, то трусомъ, то мудрымъ и добрымъ царемъ, то безумнымъ злодѣемъ, и нѣтъ другого ключа къ этимъ противорѣчивымъ, кромѣ упрековъ виновной совѣсти»...

Вопросъ объ отношеніи Пушкина къ Карамзину давно пересмотрѣнъ за последнее время проф. П. П. Жановымъ. Наперекоръ Полевому и Бѣлинскому, проф. Жановъ старается доказать 2), что «между

1) Въ статьяхъ о Пушкинѣ 1841 г.

2) О драмѣ А. С. Пушкина «Борисъ Годуновъ» П. П. Жанова. Спб. 1892.

разказомъ историка и замысломъ поэта и въ сходствѣ. Трагедія Пушкина не укладывается въ ту рамку, которая охватываетъ царствование Бориса въ «Исторіи Государства Россійскаго». Отмѣтивъ въ рядѣ сценъ славу начитанности Пушкина въ другихъ источникахъ, кромѣ «Ист. Госуд. Россійск.» Новыи дѣтоишець, Житіе царя Федора Ивановича, составленное патриархомъ Иовомъ, Сказаніе Авраама Палицына, Грамота объ избраніи Бориса Годунова, наконецъ, VII томъ Исторіи Россійской Шербатова), Ждановъ указываетъ, какъ на самое существенное отличие концепціи Пушкина отъ изложенія Карамзина, на то, что у Пушкина Годуновъ не былъ настоящимъ народнымъ избранникомъ, а только казался таимъ: «среди Борисомъ и русской землей, т. е. ея боярствомъ и ея народомъ, не было прочной объединяющей связи: Борисъ не былъ земскимъ царемъ». Сопоставленіе драмы Пушкина съ разказомъ Карамзина, по мнѣнію проф. Жданова, — «позволяетъ утверждать, что въ изображеніи судьбы царя Бориса Пушкинъ шелъ своей дорогой, — дорогой, на которой Карамзинъ не былъ и не могъ быть путеводемъ». Карамзинскій Борисъ поднимается на престолъ, какъ избранный царь русской земли, вызывающій общее сочувствіе и боярства и народа. Пушкинскій Борисъ въ первыхъ же сценахъ драмы представляется мнимымъ избранникомъ народа: развитіе драмы лишь раскрываетъ ту ложь, которая скрывалась въ самомъ вступленіи Бориса на престолъ. Несчастья карамзинскаго Бориса объясняются его болѣзненной подозрительностью, вызвавшею общее недовольство. Несчастья пушкинскаго Бориса объясняются историческими условіями, среди которыхъ ему пришлось дѣйствовать, настроеніемъ боярства и народа: бояре помнили своихъ властныхъ предковъ, народъ помнилъ Юрьевъ день».

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что Пушкинъ, принимаясь за обработку своего Бориса Годунова, отнесся самостоятельно къ имѣвшимся у него подъ руками источникамъ. Посмертное посвященіе драмы Карамзину, къ которому привязывается Полевой, вышло почти случайно: Пушкинъ писалъ Штегеву 1830 г., что хотѣлъ посвятить «Бориса Годунова» Жуковскому, но дочери Карамзина сказали поэту, чтобы онъ посвятилъ «любимый трудъ памяти отца». Въ виду этого Пушкинъ и просилъ Штегева

позвѣстить, если не поздно, посвященіе Карамзину въ отдѣльномъ изданіи трагедіи 1831 г. (Вообще же, отнюдь нельзя было упрекать Пушкина въ отсутствіи критическаго отношенія къ автору «Исторіи Госуд. Россійск.»: восторженные отзывы передъ громадностью труда и его значеніемъ — «древняя Россія, казалось, найдена Карамзиннымъ, какъ Америка Колумбомъ», — смѣнялись ѣдкой эниграммой:

Въ его исторіи правдѣно, простота
Доказываютъ намъ безъ всякаго пристрастия
Необходимость самовластия
И прелести кнута!

Извѣстенъ также разказъ самого Пушкина о томъ, какъ однажды онъ ему въ лицо сказалъ: «Итакъ, вы рабство предпочитаете свободѣ?» и Карамзинъ, подавивъ вспышку гнѣва, прощаясь съ поэтомъ, замѣтилъ ему: «Вы сказали на меня то, чего ни Шаховской, ни Кутузовъ на меня не говорили».

Полевой привязывается къ Пушкину, который служитъ ему предлогомъ подвергнуть самостоятельной критикѣ Карамзина и для изложенія своихъ теорій объ образованіи олигархіи изъ русскаго боярства, послѣ прекращенія удѣловъ. Отчасти и Бѣлинскій пользуется случаемъ развить свои взгляды на отношеніе Годунова къ простому народу. Но всѣ эти разсужденія, служа поправками къ освѣщенію событій у Карамзина, не имѣютъ прямого отношенія къ произведенію Пушкина, такъ какъ выходятъ за его предѣлы, не затрогивая замысла поэта по существу. Полевой могъ быть совершенно правъ въ значеніи, придаваемомъ имъ «сбуйной русской олигархіи», гонимой у трона Годунова, но Пушкинъ не оспаривалъ его: въ сценѣ 9, въ домѣ Шуйскаго, бояринъ Пушкинъ достаточно распространяется о мбрахъ, къ которымъ прибѣгаетъ Годуновъ въ борьбѣ съ представителями «знатнѣйшихъ родовъ», очевидно противодѣйствовавшими его власти:

Нашъ каждый день она ожидаетъ,
Тюрьма, Сибирь, клобукъ иль вандаль,
А тамъ въ слухи голодна смерть иль петля.
Знатнѣйшіе межъ нами роиздѣлѣ
Гдѣ Сивые князья, гдѣ Шестуновы,
Романовы, отечества на тежѣ!
Заточены, замучены въ изнаны...

И Шуйскій, въ отвѣтъ на рѣчи Пушкина, совѣтуетъ лишь помолчать то времени. Боярская интрига шла своимъ путемъ, и въ первой же начальной сценѣ трагедіи,

самостоятельно созданной полтомъ, въ разговорѣ между Шуйскимъ и Воротыньскимъ достаточно ясно указано, насколько возвеличение Бориса не по душѣ «князьмъ природнымъ», «Рюриковой крови»:

Всерадннй рабъ, татаринъ, зять Малюты,
Зять палача и самъ въ душѣ палачъ,
Возьметъ вѣнецъ и бармы Мономаха...

Въ одномъ отношеніи Полевой правъ: Пушкинъ дѣйствительно сказалъ событія настолько близко ко времени паденія Годунова, что представилъ намъ не развитіе характера на протяжении нѣсколькихъ дѣлъ, не различныя переживанія честолюбиваго человека на пути къ достиженію власти и затѣмъ кризисъ въ его душѣ, подъ вліяніемъ тѣхъ или иныхъ внѣшнихъ событий, а какъ бы сразу подошелъ къ моменту кризиса и подробно развилъ только его. Въ этомъ Пушкинъ, конечно, отступалъ отъ приемовъ творчества Шекспира и ближе стоялъ къ принципамъ французскаго классицизма. Въ изображеніи послѣднихъ дней «осужденнаго» Бориса устанавливается поразительная аналогія хотя бы съ трагедіей Расина—«Гоболия», о чемъ намъ приходилось высказаться въ другомъ мѣстѣ¹⁾. Находясь подъ впечатлѣніемъ сложныхъ вѣщій на его творческую дѣятельность, особенно начитанный съ молодыхъ лѣтъ во французской литературѣ, воспитанный на чтеніи «Лицея» Ла Гариа, близко знакомый съ трагедіями Корнеля и Расина, Пушкинъ могъ безсознательно подчиниться приемамъ классической поэтики, и въ своей трагедіи отразилъ два скрещивавшихся въ немъ теченія: волюнтаризмъ драмы Шекспира и сосредоточенность психологическаго анализа въ изображеніи душевнаго кризиса въ главномъ дѣйствующемъ лицѣ, по образцу французской классической трагедіи. Роль Бориса инокимъ образомъ не подходить подъ масштабъ «романтическаго» произведенія.

Но противорѣчатъ ли концепціи Пушкина разсужденія Бѣлинскаго о томъ, что Борисъ погибъ по недостатку гениальности, тогда какъ въ его положеніи требовалась именно гениальность? Нѣсколько, Пушкинъ отнюдь не выставляетъ Бориса гениемъ. Замѣчанія Бѣлинскаго вполнѣ подходятъ къ характеристикѣ Бориса и даже представляются какъ бы комментаріями къ его

роли. И урныженія совѣсти, и запоздалое раскаяніе, и сѣтованія на неблагодарность людскую—показатели и въ некоторомъ малодушіи въ моментъ, когда требуется напряженная дѣятельность. Борисъ поводитъ итоги своей жизни: «ни власть, ни жизнь его не веселятъ». Онъ благотворилъ народу, но не сумѣлъ списать его любви. Въ своихъ расчетахъ онъ обманулся, потому что рассчитывалъ концы концовъ не были достаточны дальновидны или опирались на ошибочное основаніе. Бѣлинскій совершенно правильно указалъ, что у Бориса «любовь его къ народу была не чувствомъ, а расчетомъ, а потому въ ней есть что-то ласкательное, льстивое, утопическое, и потому народъ не обманулся ею и отвѣтилъ на нее ненавистью». Противопоставленіе, которое дѣлаетъ Бѣлинскій между Борисомъ и Петромъ I какъ нельзя лучше отвѣчаетъ то, чего не доставало Борису, чтобы стать «великимъ»: но Пушкинъ отнюдь и не выдастъ его за великаго человека. Борисъ Годуновъ не былъ человекомъ ничтожнымъ, писалъ Бѣлинскій, и даже обыкновеннымъ... Онъ дѣлой головой стоялъ выше своего народа... былъ выше многихъ предразсудковъ своего времени... уважалъ просвѣщеніе... хотѣлъ основать въ Москвѣ университетъ... Уже одно то, что онъ повѣлъ необходимость опереться преимущественно на любовь народа, и показываетъ, какъ уметь быть этотъ несчастный любимецъ счастья... Будь онъ законнымъ, наследнымъ царемъ,—онъ былъ бы однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ царей русскихъ; тогда ему не было бы никакой нужды быть реформаторомъ, и оставалось бы только хранить *statu quo*, улучшая, но не измѣняя его,—а для этого и безъ гениальности достаю бы у него ума и способности—и онъ много сдѣлалъ бы полезнаго для Россіи». Съ этими разсужденіями вполнѣ можетъ сдана умиранія Бориса у Пушкина и представленія, которая онъ вѣсть сыну, упоминающая въ числѣ завѣтовъ правителя и то, что—«привычка дуна державы». «Но онъ былъ выскочка *parvenu*,—продолжаетъ Бѣлинскій, и потому положень былъ быть гениемъ или царемъ и валь... У него не было никакой идеи, никакого принципа, чтобы преобразовать, перевоспитать Русь, внести въ ея жизнь новые элементы. Онъ былъ только умѣе своего времени, но не выше его».

Именно въ такихъ чертахъ и рисуется намъ Пушкинскій Борисъ. Характеристика

¹⁾ См. Сборникъ С.-Петербургскаго Университета Памяти Пушкина 1839 г.

Вѣдическаго вполнѣ открывающа образъ, созданный поэтомъ и единственнаго такъ сказать добавочной чертой, не противорѣчающей цѣлому, но выдѣляемой Вѣдическимъ, — являются мученія совѣсти Бориса. Эту черту — мотивъ царубійства Пушкинъ действительно взялъ у Карамзина, доверившись историку и считая фактъ доказаннымъ. Но вѣдь и Вѣдическій не отрицаетъ, что на пути къ власти честолюбивый «выскачокъ» едва ли былъ разборчивъ въ средствахъ достижения цѣли. Следовательно, при охватившей его общен растерянности, при сознаніи, что онъ не сумѣлъ или не смоль упрочиться на тронѣ, такъ какъ не приобрѣлъ любви народной, которой тщетно домогался, при непрекращающейся интригѣ притворной, заставившей его прибѣгать къ самымъ крупнымъ мѣрамъ, возобновляя втайнѣ тѣ же приемы усмиренія, къ которымъ прибѣгалъ царь Иванъ (Грозный) открыто, претензіонный узурпаторъ трона, хотя и предѣлавшій комедію всенароднаго избранія, долженъ былъ всячески испытывать свою совѣсть и искать внутри себя причину своего неудачъ. Пушкинъ конкретизировалъ это душевное состояніе, представивъ Бориса ночью вѣстомъ воспоминаній объ убійствѣ царевича Дмитрія. Психологическая правда тутъ несомнѣнна, а достоверность мотива, приданнаго для освѣщенія, лежитъ, конечно, на отвѣтственности историка.

Отправляя списокъ своей трагедіи И. И. Раевскому, Пушкинъ писалъ ему 30 января 1830 г., что требуетъ — «прежде ея чтенія, чтобы вы пробѣжали послѣдній (Мертвъ Карамзина). Этого не нужно для лучшаго пониманія трагедіи, «исполненной шуткою и тонкою намекою, относящихся къ исторіи того времени». Совѣтъ, конечно, полезный для проверки добросовѣстности поэта, не желавшаго отступать отъ исторической правды, и признаніе цѣнное, какъ указаніе на то, что въ общемъ онъ все же слѣдовалъ, какъ и самъ сообщалъ объ этомъ, «свѣдлому развитію происшествій» у Карамзина.

Однако, читатель Карамзина, обратившись затѣмъ къ трагедіи Пушкина, не найдетъ у историка бесѣды бояръ — Шуйскаго и Воротынскаго, съ которой открывается трагедія. Она вымышленна поэтомъ, мастерски охарактеризованнымъ въ этомъ діалогѣ личности простодушнаго и наивнаго Воротынскаго, хитраго и завистливаго Шуйскаго, отношеніе бояръ къ избранію Бо-

риса, давая ясныя намеки на послѣдующее недовольство въ притворныхъ кругахъ перодовитымъ правителемъ. Пушкинъ воспользовался намекомъ въ дѣтонисеяхъ — о князьяхъ Шуйскихъ, которые Бориса «не хотѣли на царство, узнали его, что были отъ него людьми и къ себѣ гонимыю» (Ждановъ, ор. с., 24). Въ сценѣ на Дѣвичьемъ Полѣ Пушкинъ использовалъ указаніе, запрятанное Карамзинымъ въ примѣчаніи, — сообщеніе въ одномъ хронографѣ, что — «иногда люди, боясь тогда не плакать (свогда просили Бориса принять царскій вѣнецъ), но не умѣя плакать притворно, мазали себѣ глаза слюною». Не найдетъ читатель Карамзина и рѣчи Бориса въ кремлевскихъ палатахъ: «Ты, отче патриархъ, вы все бояре, — обижена моя душа предъ вами... рѣчи, такъ ярко характеризующей настроеніе Бориса при вступленіи на престолъ. Штъ у Карамзина намекъ на превосходную сцену въ Чудовомъ монастырѣ, вызвавшую общій восторгъ при первомъ впечатаніи ея, еще въ видѣ отрывка къ «Московскомъ Вѣстникѣ», въ 1827 г. Эта сцена, выводя впервые передъ зрителями или читателемъ будущаго Самозванца, характеризуетъ его будущую, честолюбивую натуру, томящуюся въ бездѣйствіи монашеской обители, рисуя, какъ зародилась въ немъ идея возмездія Борису, на которого «отшельникъ въ темной кельѣ» — «доноситъ ужасный шипеть», служить въ то же время, и съ точки зрѣнія общей архитектурки драмы, какъ бы нѣкимъ интермеццо, намѣчающимъ теченіе времени, промежутокъ въ пять лѣтъ между первыми сценами и слѣдующимъ монологомъ Бориса въ царскихъ палатахъ: «шестой ужъ годъ я царствую спокойно»... Нименъ¹⁾ записываетъ — «земли родной мнѣвшую судьбу». Тутъ и воспоминаніе о Грозномъ, и правленіе Федора Ивановича, и избраніе Бориса: «Владыкою себѣ царубійцу мы нарекли», и рассказъ объ убійствѣ царевича Дмитрія. Въ безстрастномъ изложеніи дѣтониса заносятся все событія жизни въ вѣкъ непрерывной смѣнѣ, какъ часовой маятникъ, отмѣчающій неустанное движеніе времени.

¹⁾ Характеръ Нимена не есть мое изобрѣтеніе, писалъ Пушкинъ черновой набросокъ незнакомому. Въ немъ собраны я черты, приближившія меня въ нашихъ старшихъ дѣтонисеяхъ: умилительная крохость, младенческое и вѣдѣ съ тѣмъ мудрое простодушіе, набожное усердіе къ власти царя, дающаго Богомъ, совершенное отсутствіе суевѣрности дающая въ снѣхъ драгоцѣнныхъ памятникъхъ времени давно минувшихъ.

Далѣ событія излагаются согласно Карамзину, съ незначительными отступленіями въ частности, и съ замѣтowanіемъ основныхъ очертаній сцены въ корчмѣ, на литовской границѣ, въ «Сказаніи еже содѣяся въ Москвѣ и о Рострѣ», помѣщенного въ примѣчаніяхъ къ «Ист. Госуд. Россійскаго». Сцена въ домѣ Шуйскаго скомбинирована на основаніи историческихъ данныхъ у Карамзина, но съ выдѣленіемъ роли Шуйскаго, который является и въ слѣдующей сценѣ у Бориса вѣстникомъ о первыхъ успѣхахъ Самозванца въ Краковѣ: король и царица за него. Шуйскій вообще особенно интересовалъ поэта, который сообщалъ въ письмѣ къ Раевскому о своемъ намѣреніи къ нему вернуться: онъ представляетъ въ исторіи странное смѣшеніе дерзости, изворотливости и силы характера. Слуга Годунова, онъ одинъ изъ первыхъ бояръ переходитъ на сторону Дмитрія, первый начинаетъ заговоръ и, замѣтые, онъ же первый и старается воспользоваться сумятицей, кричитъ, обвиняетъ, изъ начальника дѣлается сорванцомъ (*enfant perdu*). Онъ близокъ къ казни, но Дмитрій даетъ ему помилованіе уже на анафотѣ, изгоняетъ его и, съ тѣмъ великодушіемъ вѣрности, которое отличало этого милата авантюриста, снова возвращаетъ его къ своему двору, оснащаетъ почестями и щедротами. Что же дѣлаетъ Шуйскій, чужь было не понавидѣвъ на плаху и полъ тоноръ? Онъ торопится съ новымъ заговоромъ, преслѣваясь, попадаетъ въ царя, падаетъ — и въ паденіи своемъ уже проявляетъ больше достоинства и душевной силы, чѣмъ въ продолженіе всей своей жизни». Пушкинъ замѣчается нать каждымъ лицомъ, вводимымъ имъ въ дѣйствіе драмы: онъ указываетъ какимъ именемъ онъ Гаврила Пушкина, одного изъ его претковъ, по даннымъ исторіи и по семейнымъ бумагамъ. «Онъ обладалъ большими талантами, писалъ Пушкинъ Раевскому: воетель (*homme de guerre*), приворный и, въ особенности, заговорщикъ. Онъ и Плещеевъ обезначили успѣхъ Самозванца несмѣланной дерзостью. Потому я опять его нашелъ въ Москвѣ, въ числѣ семи начальниковъ, которые защищали ее въ 1612 г., потомъ въ 1616 г. дѣбжающимъ въ думѣ рядомъ съ Козьмой Мишинымъ, потомъ воеводой въ Нижнемъ, потомъ между депутатами, вѣщавшими Романова, потомъ посланникомъ. Онъ былъ всѣмъ, таже пожитателемъ, какъ свѣдѣтельствуетъ

одна грамота, которую я нашелъ въ Подольдомъ Городищѣ, — городѣ, который онъ приказалъ выжечь, чтобы наказать не знаю за что именно, по образцу проконсуловъ національнаго конвента».

Пушкинъ проводитъ параллель между Дмитріемъ и Генрихомъ IV: оба храбры, великодушны, властивы (*gascon*), безразличны къ религіи, отказываясь отъ своихъ вѣры по причинамъ политическимъ: оба любили удовольствія и войну, впадали въ химерическія предпріятія, служили мнѣшью для заговоровъ». «Однако, у Генриха IV не было на совѣсти Кесіи правда, это ужасное обвиненіе не доказано и, что касается меня, то я считаю своимъ священнымъ долгомъ ему не вѣрить». — Пушкинъ упоминаетъ, что Грибоѣдовъ критиковалъ личность патріарха Юва. Онъ отвѣчаетъ на это бутадой: «патріархъ, конечно, былъ очень умнымъ человекомъ, я сдѣлалъ изъ него простака по разсѣянности». Очевидно, дѣло не въ «разсѣянности»: вложилъ въ уста патріарха (ср. 16) разсказъ о чудесахъ на могилѣ убійскаго царевича и предложеніе перенести его мощи изъ Углича въ Архангельскій соборъ, въ Москвѣ, поэтъ допустилъ, быть можетъ, въ которую наивность у человека, не знавшаго или не вѣрившаго молвъ о Борисѣ виновникѣ убійства. Это отнокъ не дѣлало патріарха «простакомъ» (*sot*) и Пушкинъ отшучивался лишь на неумѣстность возраженія Грибоѣдова въ данномъ случаѣ. Предложеніе патріарха, вызвавшее безмолвное смущеніе Бориса, который во время его рѣчи «нѣсколько разъ отираетъ лицо платкомъ», даетъ возможность доводу Шуйскому подслужиться царю, вливъ на себя разубѣдильный народъ, обнаруживъ слдой обманъ брѣяны».

Въ отличіе отъ Карамзина, Пушкинъ заставляетъ Дмитрія влюбиться въ Марину Мишеву, а не ее имъ увлечься. Онъ объясняетъ это живѣишемъ рельефомъ очерчить страшный характеръ Марини. «Онъ ета намѣченъ у Карамзина, писалъ Пушкинъ Раевскому. Но, конечно, это была удивительнѣйшая изъ хорошенкакихъ женщинъ. У нея была только одна страсть — честолюбіе, но то такой степени сильное, бѣшевое, что трудно себя представить. После того, какъ она испробовала царской власти, посмотрите на нее, ошаченную химерой, переходящую отъ одного авантюриста къ другому, то разубѣждающую омерзительное даже еврея, то палатку казака, всета готовую отаться тому, кто сможетъ представить ей

слабую надежду на тронъ, болѣе уже не существующій. Посмотрите, какъ она бравируетъ войной, нищетой, позоромъ и въ то же время сноится съ Польскимъ королемъ, какъ равная съ равнымъ, и наконецъ жалкимъ образомъ кончаетъ самое бурное и самое необыкновенное существованіе. У меня для нея только одна сцена, но я въ ней вернусь, если Богъ продлитъ мои дни. Она меня смущаетъ, какъ страсть. Она ужасно какая полька, подобно... (слѣдуетъ зачеркнутая и неразборчивая строка).

Пушкинъ вывелъ ее въ трехъ сценахъ, и въ знаменитой сценѣ у фонтана показать Маршю именно такой, какою характеризовалъ—тщеславной до того, что она сознательно идетъ за авантюристомъ, лишь бы оиъ окружилъ ее престижемъ власти.

Добавочной къ исторіи Карамзина является и сцена между молодымъ Курбскимъ и Самозванцемъ на Литовской границѣ: патристическій порывъ сына знаменитого изгнанника чередуется съ грустными размышленіями Самозванца: «я Литву не звалъ на Русь, я въ красную Москву—кажу врагамъ завѣтную дорогу»...

Въ послѣдовательности сценъ битвъ, приближенія Самозванца къ Москвѣ, присылки боярина съ цѣлью склонить московскій народъ на свою сторону, равно какъ и въ описаніи послѣднихъ распоряженій Бориса,—возвѣщеніе Басманова и проектъ упрядненія мѣстничества, въ трагической судьбѣ семьи Годунова, во всемъ этомъ Пушкинъ въ общемъ придерживался Карамзина, допуская нѣкоторые отступленія для большей сосредоточенности впечатлѣнія. Такъ, оиъ соединяетъ въ одно—описаніе двухъ сраженій: къ битвѣ близъ Повгорода-Сверскаго,—первой побѣдѣ Самозванца,—оиъ приурочилъ дашныя о битвѣ подъ Свѣскомъ, приведенныя въ изложеніи Бера у Карамзина, и записки Маржерета, съ цѣлью охарактеризовать роль иностранцевъ въ войскѣ Бориса. Велѣвъ за тѣмъ поэтъ помѣщаетъ сцену съ юродивымъ въ Москвѣ, отбывающему отрицательное отношеніе народа къ Борису. Потомъ идетъ разговоръ Самозванца съ плѣннымъ подъ Свѣскомъ, почивка въ дѣсу (разговоръ съ Пушкинымъ), смерть Бориса, ставка—переходъ Басманова на сторону Самозванца, подъ влияніемъ угворовъ Пушкина. Послѣдній говоритъ Басманову:

Передъ тобой не стану я лукавить.

Но знаешь ли, чѣмъ сильны мы, Басмановъ?

Не войскомъ, плѣвъ, не польскою помощью,
А мнѣиємъ,—я, мнѣиємъ варошамъ.

Эта мысль положена въ основу всего финала трагедіи: сила Самозванца въ «миѣиін народномъ», которое на его сторонѣ противъ Бориса. И даже замѣчаніе плѣнника подъ Свѣскомъ... «ты-декаеть (будь не во плѣвъ) и воръ, а молодець»—служитъ указаніемъ, что и у тѣхъ, которые сомнѣвались въ подлинности Самозванца, оиъ не встрѣтилъ столь рѣшительнаго отпора, покоряя своимъ молодецествомъ. Присланный имъ бояринъ Пушкинъ (одинъ, вмѣсто двухъ, какъ у Карамзина) безъ особенныхъ усилій склоняетъ народъ въ Москвѣ перейти на сторону Самозванца, и тутъ же раздается жестокій возгласъ мужика на амвоиѣ—«Ступай вязать Борисова щенка». Пушкинъ смягчилъ впечатлѣніе безнощаднаго отношенія толпы къ роду Бориса слѣдующей заключительной сценой, гдѣ тоже «одинъ изъ народа» говоритъ: «бѣдная дѣти, что пташки въ клеткѣ»... «Отець былъ злодѣй, а дѣтки невинны». Казнь надъ Маріей Годуновой и ея сыномъ совершаютъ всетаки бояре.

Общій тонъ послѣднихъ событій, изложенныхъ въ драмѣ, основная мысль, которая въ нихъ проводится, о народномъ миѣиін въ пользу Лжедмитрія—все это должно было привести къ тому, чтобы народъ привѣтствовалъ возвращеніе Самозванца, какъ настоящаго царя. Извѣстно, что въ первоначальной редакціи, представленной къ напечатанью, трагедія такъ и заканчивалась возгласомъ народа, повторяющаго слова Масальскаго: «Да здравствуетъ царь Дмитрій Ивановичъ!» Опущеніе этой фразы и замѣчаніе—«народъ безмолвствуетъ»—приписывалось требованіямъ цензуры. Но уже Поливановъ¹⁾ обратилъ вниманіе на то, что въ запискѣ чиновника, отбывающаго мѣста, подлежащія исключенію, послѣдній возгласъ не обозначенъ, такъ что Пушкинъ могъ самостоятельно передѣлать окончаніе. Оно, конечно, вышло гораздо выразительнѣе для характеристики отношенія народа къ новому злодѣянію бояръ, и получило даже современемъ символическое значеніе, вошло въ поговорку. Но все же, по мысли Пушкина,

¹⁾ Сочиненія А. С. Пушкина съ объясненіями ихъ, т. III. Драматическія произведенія.

народъ шель паштрѣчу Акемистрію, какъ настоящему своему царю; безумственно отнесся онъ къ избранію Бориса — сцена на Двицкѣмъ полѣ, одинъ изъ толпы: «А какъ намъ знать? То вѣдаютъ бояре...», не возлюбилъ его, несмотря на благодѣнія, не могъ простить закрѣпощенія къ землѣ, и въ силу своеобразной логики, единственныхъ, едва уловимыхъ процессовъ зароженія массовыхъ движеній и повѣрій, принявъ на вѣру чудесное спасеніе царевича, утвердился въ мнѣніи, что живъ законный наследникъ престола.

При созданіи «Бориса Годунова» Пушкинъ выказалъ удивительную объективность чисто художественнаго воспроизведенія историческаго сюжета. Личныхъ намековъ и указаній на собственные взгляды автора въ вопросѣ объ отношеніи къ верховной власти мы въ шесѣ не находимъ. Между тѣмъ, принимая во вниманіе время ея написанія, когда передовая часть русскаго общества увлечена была идеями, составившими зерно неудачнаго заговора 14 декабря 1825 года, близкія связи Пушкина со многими декабристами, его личное положеніе человека, признаннаго политически «неблагонадежнымъ» и сосланаго въ деревню, — все это могло найтн хоть какое нибудь отраженіе при разработкѣ темы, которая такъ близко касалась основъ самодержавія. Но Пушкинъ при созданіи «Бориса Годунова» былъ чуждъ всякой тенденціозности. Онъ отнесся къ избранному сюжету какъ историкъ и глазами историка трактовалъ о событіяхъ минувшихъ.

Въ шесѣ къ гр. Бенкендорфу (апрѣль, 1830 г.) Пушкинъ, между прочимъ, писалъ: «Императоръ, удостоивъ прочтенія (моего трагедіи), сдѣлалъ мнѣ нѣсколько замчаній о мѣстахъ черезуръ свободныхъ, и я долженъ сознаться, что Его Величество было какъ нельзя болѣе правъ. Два или три мѣста также привлекли его вниманіе, потому что представляли кажущіеся намеки на событія, тогда неслышныя. Но, перечитавъ ихъ теперь, я сомнѣваюсь, чтобы можно было въ нихъ найти этотъ смыслъ. Всѣ смуты похожи одна на другую. Драматическій писатель не можетъ отбывать за слова, которая онъ влагаетъ въ уста историческихъ лицъ. Онъ долженъ заставлять ихъ говорить подобно ихъ извѣстному характеру. Нужно, такимъ образомъ, обращать вниманіе лишь на общій духъ, въ которомъ замчано все произведеніе, и на

впечатлѣніе, которое оно имѣетъ произвести. Моя трагедія вполне искреннее произведеніе, и я не могу, по совѣсти, вычеркивать то, что мнѣ кажется существеннымъ».

Пушкинъ, конечно, былъ безусловно правъ, и въ то же время, намековъ на современныя ему событія въ его трагедіи не было: онъ съ чисто художественной, почти научной добросовѣстностью соблюдалъ историческую перспективу въ изображеніи, привлекая его вниманіе «драматической» эпохи жизни русскаго народа.

Пушкинъ колеблется въ точномъ обозначеніи вида литературы, къ которому надлежитъ отнести «Бориса Годунова». Правда, въ письмахъ онъ обозначаетъ его терминомъ «трагедія», но также «романтическая драма» и въ концѣ концовъ вынуждены въ свѣтъ безъ всякаго подзаголовка. Колебались и критики въ точномъ выборѣ термина — историческая драма, трагедія, «эпическая поэма въ разговорной формѣ» Бѣлинскій, сцены, хроника (Линенковъ и т. п. Отрывчатость сценъ, эпизодическій характеръ изложенія, раздвоеніе вниманія между личностью Годунова и образомъ Самозванца, отсутствіе планомерно развивающихся характеровъ или послѣдовательныхъ перипетій страсти, отсутствіе объединяющей всѣ дѣйствія единой интриги — признаютъ произведеніе Пушкина той цѣлостности, которая давала бы право подвести ее подъ определенную категорію драматической литературы. Его цѣлостность заключается въ вѣрности и выдержанности тона въ каждой отдельной сценѣ, въ безупречности языка, въ соблюденіи историческаго колорита, въ психологической правдѣ, мягкости и выразительности отдельныхъ положеній. Уже Катковъ обратилъ вниманіе на особенность гевія Пушкина быть «спортомъ мнovenій»: «Его даръ состоятъ въ изображеніи отдельныхъ состояній души, отдельныхъ положеній жизни. Онъ воспроизводитъ движенія сердца до всей полнотѣ жизни и истины: основное настроеніе даннаго момента умѣлъ онъ возводить до типическаго выраженія. Но не было въ его дарованіи переходить въ непрерывномъ развитіи отъ положенія къ положенію, и изъ одного момента выводить другой...» Въ дѣлѣ словыхъ есть правда, и по отношенію къ «Борису Годунову» они справедливо отбились особености пріемовъ творчества Пушкина въ созданіи одинокаго въ своемъ родѣ произведенія, которое можетъ быть названо и

трагедій, и историческими сценами, и урономъ въ лицахъ, и есть во всякомъ случаѣ превосходное поэтическое произведеніе само по себѣ, объявляемое особыми условиями, при которыхъ оно возникло и съветами дарованій поэта.

Въ исторіи мнѣній о «Борисѣ Годуновѣ» усматривается двойного рода теченіе. По свидѣтельству Погодина, ему оказанъ былъ восторженный пріемъ, когда Пушкинъ самъ читалъ свое произведеніе въ кругу знакомыхъ у Д. В. Веневитинова, въ 1826 г. (первое чтеніе состоялось у С. А. Соболевскаго). Но вскорѣ стали разглашаться и отрицательные голоса. По выходѣ въ свѣтъ трагедіи въ 1831 г., сочувственную ей рецензію помѣстили въ «Литературной Газетѣ» Дельвигъ, который отмѣчаетъ, что—«въ которыхъ чрезумуръ любовитныхъ читателей и двухъ, трехъ журналистовъ занимаетъ важная мысль: къ какому роду должно отнести сіе поэтическое произведеніе? Однѣ называютъ его трагедіей, другіи драматическимъ романомъ, третій романической драмой и такъ далѣе. Къ чему приводить нѣтъ разрѣшеніе сей задачи? Не къ познанію-ли, по какимъ правиламъ судить новое сочиненіе? Назовите его, какъ хотите, а судите его не по правиламъ, но по впечатлѣніямъ, которыя получите послѣ долгого внимательнаго чтенія».

И въ рецензіи, помѣщенной въ «Дамскомъ Журналѣ» (февр. 1831), указывается, что «Борисъ Годуновъ» будетъ началомъ новой классификаціи». Отраженіемъ извѣстнаго за и противъ «Бориса Годунова» явилась въ «Телескопѣ»—«Бесѣда старыхъ знакомцевъ» Надежнина, критикованнаго отдѣльными мѣста, но многое и одобрявшаго (между прочимъ, цитируя послѣднія строки сцены у фонтана, авторъ замѣчаетъ: «Вотъ ужъ гдѣ дѣйствительно жалко Пушкина! Такъ онъ сбился, что не узнаешь!.. А между тѣмъ, какъ нарочно, эта злѣтѣйшая сцена, въ отношеніи къ паружной одѣлкѣ, премастерская!...» Слѣд. Меркурій, «Колокольчикъ», «Телескопъ»—отнесли отрицательно къ трагедіи: «Пушкинъ уронилъ себя, Пушкинъ не самобытно создалъ, на худой-ли поэтѣи построялся, Борисъ Годуновъ—несчастное произведеніе его, Борисъ Годуновъ даръ Блуда Пушкина, Борисъ Годуновъ—чистое ребячество, повесть Сына Отечества лучше Бориса Годунова» 1) и т. п. Были отзывы просто

деткомысленные и было, такъ-сказать, добросовѣстное непониманіе, какъ въ иностранныхъ статьяхъ В. Плакша, помѣщенныхъ въ «Сынѣ Отечества» за 1831 г. Еще Гоголь поставилъ вопросъ: «опредѣлить ли, поваль ли кто «Бориса Годунова», это высокое, глубокое произведеніе, заключенное во внутренней неприступной поэзіи, отвергнувшее всякое грубое, нестрое убранство, на которое обыкновенно заглядывается толпа?—но крайней мѣрѣ, печатно шить не произносилась имъ послѣднимъ произведеніемъ Пушкина «вѣрная оцѣнка, и они остались до сихъ поръ не тронуты» («Нѣсколько словъ о Пушкинѣ»; цитована Владимскимъ въ статьяхъ о Пушкинѣ).

Иностранецъ, нѣмецкій критикъ Карлъ Авт. Вархагенъ фонъ Эйзе, далъ сочувственный отзывъ о трагедіи, приведенный въ «Отечеств. Запискахъ», 1839 г. нѣмецки «Борисъ Годуновъ» переведенъ былъ бар. Роденомъ; «кистъ художника равно сильна, равно вѣрна въ изображеніи какъ многочисленнаго народа, такъ царя и патриарха, какъ католическаго, такъ и греческаго монаха, какъ честолюбивой польки, такъ и кроткой царской дочери; пылкое геройство, осторожная политика, пламенная страсть, священное безстрастіе и простота—все является въ своемъ истинномъ видѣ, все выговариваетъ свое сокровеннѣйшее, отличительнѣйшее существо».

Немоща на отдѣльные сочувственные отзывы, несмотря на привѣтствія немногихъ друзей, Пушкинъ дѣйствительно почувствовалъ извѣстную обособленность отъ общества, послѣ выхода въ свѣтъ «Бориса Годунова». Онь это неоднократно выражалъ.

Въ 1833 году напечатана была статья Полевого, о которой была выше рѣчь. Она заключала въ себѣ, при общемъ, все же благоговѣйномъ отношеніи къ Пушкину, обстоятельный, хотя и не благоприятный автору разборъ трагедіи. Полевой одновременно подходит къ произведенію и съ исторической точки зрѣнія и выдвигаетъ вопросъ о законахъ природы. Въ обоихъ отношеніяхъ онъ разсуждаетъ субъективно, не принявъ за исходный пунктъ своего анализа само произведеніе поэта и не столько заботясь объ опредѣленіи его сущности изъ данныхъ, заключенныхъ въ самой трагедіи, сколько развивая свои взгляды, давая даже совѣты автору, и споря

1) См. Андр. Филоновъ, Борисъ Годуновъ. Историческая и эстетическая. Спб. 1899.

1) См. Андр. Филоновъ, Борисъ Году-

съ Карамзинымъ, увѣривъ себя, что Пушкинъ «рабски» слѣдовалъ Карамзину»¹⁾. Но замыселъ поэта подлежитъ самостоятельной оцѣнкѣ, былъ или не былъ Карамзинъ его руководителемъ въ фактическомъ обоснованіи остова его драмы. Полевой не подошелъ къ настоящему пониманію произведенія Пушкина, потому что обратился къ его разбору съ нѣкоторыми предубѣжденіями, не пережилъ его, слѣдиль за собственными размышленіями.

Вводилъ основательная поправка Бѣлинскаго къ приемамъ критики: «чтобы произнести сужденіе о какомъ-нибудь поэтѣ, тѣмъ болѣе о великомъ, должно сперва изучить его, а для этого должно войти въ міръ его творчества не иначе, какъ забывъ его, себя и все на свѣтѣ. Въ этотъ міръ не должно вносить никакихъ требованій, никакихъ заранее приготовленныхъ понятій и вопросовъ, никакихъ страстей, а тѣмъ менѣе пристрастій, никакихъ убѣжденій, а тѣмъ менѣе предубѣжденій». И только послѣ этого предварительнаго провѣиванія въ міръ, созданный поэтомъ, можно выступить его судьей, понявъ его призваніе изъ его же собственныхъ твореній, «и — требовать отъ него той внутренней послѣдовательности, которая составляетъ необходимое условіе всякой разумной дѣятельности».

Однако, обратившись къ разбору «Бориса Годунова», Бѣлинскій сразу заявляетъ: «ни въ одномъ изъ прежнихъ своихъ произведеній не достигалъ Пушкинъ до такой художественной высоты и ни въ одномъ не обнаружилъ такихъ огромныхъ недостатковъ, какъ въ «Борисѣ Годуновѣ». Эта пьеса для него была истинно Ватерлоовскою битвою, въ которой онъ развернулъ во всей широтѣ и глубинѣ свой гений и, несмотря на то, все-таки потерпѣлъ рѣшительное пораженіе». Причина такого рѣшительнаго приговора заключается въ томъ, что Бѣлинскій, при разборѣ трагедіи Пушкина все же внесъ нѣкоторыя предубѣжденія — заранее составленное мнѣніе о

томъ, чѣмъ должна быть драма: мнѣніе о томъ, что въ древней Руси не было элементовъ для драматической коллизіи, такъ какъ въ ней не было борьбы «противоположно и враждебно направленнымъ другъ друга идей, которыя проявляются, какъ пагубность»; наконецъ, предствленіе, что «Пушкинъ рабски во всемъ послѣдовалъ Карамзину», вследствие чего — «Годуновъ его вышель мелодраматическимъ злодѣемъ, котораго мучить совѣсть и который въ своемъ злодѣйствѣ напелъ себѣ кару. Мысль правдивая и почтенная, но уже до того избитая, что таланту ничего нельзя изъ нея сдѣлать».

Выше было указано, что мнѣніе о «рабской» зависяности Пушкина отъ Карамзина должно быть оставлено. И центръ вниманія трагедіи не въ «мелодраматическомъ» положеніи человека, котораго мучить совѣсть, а въ разобщенности царя съ народомъ, который, по сущности, не избиралъ его, а шелъ за боярами, и не призналъ, почувявъ неискреннее къ себѣ отношеніе. И «мученія совѣсти» — лишь симптомъ душевнаго кризиса у человека, который чувствуетъ, что онъ уже не хозяинъ своего положенія. Различныя состоянія, въ которыхъ Пушкинъ намъ показываетъ Бориса — «то честнымъ, то низкимъ человекомъ, то героемъ, то трусомъ, то мудрымъ и добрымъ царемъ, то безумнымъ злодѣемъ» и т. д. — отнюдь не должны быть обращены въ порицаніе Пушкину, а, напротивъ того, свидѣлствуютъ объ его глубокомъ умѣніи въ немногихъ сценахъ развернуть сложную природу человека — выдающегося, но безъ «спеціальности», какъ характеризовалъ Бориса и Бѣлинскій, и представить различные моменты его душевныхъ переживаній.

За этими поправками повѣннанаго пониманія трагедіи Пушкина, прочія положенія великаго критика, его разборъ и оцѣнка отдельныхъ сценъ остаются въ силѣ и понынѣ. Въ особенности справедливымъ является его общее замѣчаніе: «словно гнѣвить между немцами до сихъ поръ высятся между множествомъ quasi-русскихъ трагедій Пушкинскія «Борисъ Годуновъ», въ гордомъ и суровомъ уединеніи, въ недоступномъ величій строгаго художественнаго стиля благородной классической простоты».

Ө. Батюшковъ.

¹⁾ Нѣкоторая запальчивость Полевого въ этомъ вопросѣ объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что Пушкинъ, разбирая «Исторію Полевого въ Лит. Газетѣ» въ 1830 г., между прочимъ замѣтилъ ему по поводу отношенія Полевого къ Карамзину, что «уваженіе къ именамъ, освященнымъ славой... первый признакъ ума просвѣщеннаго. Позорителю дозволяется только внутреннему первожесту, какъ въбогъ, по указу «Фроловъ, однимъ Москвитинъ дозволено было наговорить всенародно».

НАРОДЪ И ЦАРЬ ВЪ ТРАГЕДИИ ПУШКИНА.

Въ трагедіи Пушкина не менѣе важную роль, чѣмъ царь Борисъ, играетъ народъ, другой главный герой драмы. Народъ выступаетъ въ нѣсколькихъ замѣчательныхъ сценахъ: о немъ, какъ о главномъ героѣ, постоянно говорятъ, давая ему сходныя характеристики, въ дѣйствующія лица: и Годуновъ, и Шуйскій, и Басмановъ, и Самозванецъ. Отношенія народа къ царю составляютъ главную основу развитія драмы.

На эту сторону трагедіи обратилъ вниманіе Н. Н. Ждановъ въ своей извѣстной статьѣ о Пушкинскомъ Борисѣ Годуновѣ, но, какъ мнѣ кажется, онъ пришелъ къ неправильнымъ выводамъ.

I.

Оставляя независимость Пушкина отъ Карамзина и самостоятельность его замысла, Ждановъ сдѣлать попытку объяснить все развитіе драмы изъ третьей сцены трагедіи, гдѣ при избраніи Бориса «случайно» собравшаяся толпа, которая должна представлять народъ, выкрикиваетъ то, что ей подсказано, и сама же подѣмливается надъ своими восторгамъ.

«Это не излюбленный, не земскій царь»—вогъ что хотѣлъ сказать Пушкинъ этою сценою, по мнѣнію Жданова. «Пушкинскій Борисъ—говорить онъ—въ первыхъ же сценахъ драмы представляется мнимымъ избранникомъ народа», и «развитіе драмы лишь раскрываетъ ту ложь, которая скрывалась въ самомъ вступленіи Бориса на престолъ». Между царемъ и народомъ не было прочной, объединяющей связи: Борисъ не былъ земскимъ царемъ, такимъ.—пояснить свою мысль историкъ,—какимъ былъ позднѣе царь Михаилъ, опиравшійся на народныя силы, на земскій соборъ, на единеніе царя и земли.

Увлеченъ развитіемъ этой своей мысли, договаривая ее до конца, Ждановъ, мнѣ кажется, самъ показалъ, какъ далеко отошелъ онъ отъ Пушкинской трагедіи. Пушкинъ, дѣйствительно, показываетъ ясно, что Борисъ не былъ «излюбленнымъ» избранникомъ народа, но онъ отнюдь не ставитъ въ упоръ Борису, что онъ не былъ «земскимъ» царемъ. Это большая разница: излюбленный царь и царь земскій, опирающійся на земскій соборъ. Рисуя отрица-

тельные черты разобщенности между царемъ и народомъ, Пушкинъ ни гдѣ не даетъ ни малѣйшаго намёка на возможность иныхъ и положительныхъ отношеній между ними въ московской древности.

Идеализація единенія царя съ народомъ, въ которой Ждановъ искалъ ключа къ драмѣ Пушкина, надо полагать, ему была совершенно чужда, потому что эта идеализація выработалась значительно позже 1824—1825 годовъ, когда Пушкинъ писалъ свою трагедію. Въ эти двадцатые годы, какъ и раньше, изъ донетровской исторіи у насъ идеализировали не земскіе соборы, а «республику» Великаго Повгорода. И даже Карамзинъ, описывая паденіе Повгорода, уступилъ нехотѣ вліянію времени, и говорилъ своимъ высокимъ слогомъ, что Повгородъ не только «смылъ въ Россіи и Европѣ Державою народною или Республикою», но и «дѣйствительно, имѣлъ образъ Демократіи», что Повгородскій «Дворъ Ярославъ былъ святилищемъ народныхъ правъ», что «Повгородцы, имѣя правленіе народное, безъ сомнѣній, отличались благородными качествами отъ другихъ Россіявъ», и даже признавалъ при этомъ, что «сердцу человѣческому свойственно доброжелательствовать республикамъ, основаннымъ на коренныхъ правахъ вольности, ему любезной».

Въ изображеніи народа его отношеній къ царю у Пушкина безусловно была скрытая мысль, но не та, какую отыскалъ Ждановъ. Недаромъ Пушкинъ, когда Жуковскій сказалъ, что царь проститъ его за трагедію, усомнился въ этомъ и писалъ князю Вяземскому: «Наврядъ, мой милый, Хоть она и въ хорошемъ духѣ написана, да никакъ не могъ удрать вѣхъ своихъ ушей подъ колпакъ вродиваго, торчать!»

Гдѣ въ народѣ Пушкинской трагедіи та патриархальная любовь къ царямъ, та преданность самодержавію, которая считалась и считается многими характерною чертою русскаго народа, не только въ древности, но и до настоящаго времени? Ея нѣтъ и слѣда. Пушкинъ очень удачно выбралъ время Годунова, чтобы выразить свое отрицательное отношеніе къ такому воззрѣнію на народъ. На первый взглядъ онъ даетъ только историческую картину, въ которой особое отношеніе народа къ власти объясняется единственно особенностью положенія на престолѣ Бориса Годунова, этого боярина, ставшаго царемъ. Но такая характеристика народа только по виду относится

къ данному историческому моменту, времени Годунова, и на самомъ дѣлѣ въ ней есть общія мысль. Подчеркивая разобщенность царя Бориса съ народомъ, Пушкинъ хотѣлъ показать, что такая разобщенность народа и власти является характерной для нашей исторіи. Онъ возражалъ тѣмъ, кто оправдывалъ самодержавіе неконной патриархальной преданностью народа царямъ. Въ одномъ, певнотѣ некрещенъ писемъ 1827 года, Пушкинъ писалъ, что въ Сименѣ онъ хотѣлъ показать черту, цѣлнвшую его въ дѣтншесяхъ: «набожное усердіе къ власти царя, данной Богомъ». Но даже въ Сименѣ эта черта закрывается простодушнымъ безстрастіемъ дѣтншесца, съ которымъ онъ пишетъ и о свирѣпыхъ казняхъ Іоанна, и о бурномъ повгородскомъ вѣчѣ, и спокойно зрнть на правыхъ и виновныхъ. Въ изображеніи же народа нѣтъ и слѣда такого его «набожнаго усердія къ власти царя». Наоборотъ, Народъ и царь изображаются, какъ двѣ разобщенныя и враждебныя другъ другу стнхн.

Всегда народъ къ смятенью тайно
склоненъ.

Говоритъ въ трагедіи Басмановъ,—

Такъ борзый конь грызеть свои
бразды
На власть отца такъ отрокъ негодуетъ:
Но что жь? Конемъ спокойно всащнкъ
правнть,
И отрокомъ отецъ повелѣваетъ.

Борисъ отвѣчаетъ:

Конь иногда сбиваетъ сбдока,
Сынъ у отца не вѣчно въ полномъ вольѣ:
Лшь строгостью мы можемъ неусыпной
Сдержать народъ.

Та же общія мысль о разобщенности между народомъ и властью въ словахъ монолога Бориса:

Я думалъ свой народъ
Въ доволнствн, во славіи усюконнть,
Щетротамн любовь его снчекать —
Но отложнть пустое попенчье:
Живая власть для черни не на-
внстна, —
Они любить умногъ только мерзыхъ.

Какая власть ненавнстна для черни? Противъ какой власти народъ всегда тайно склоненъ къ смятенью? Противъ той власти, которая терзнтъ народъ въ полномъ подчиненнн, какъ всащнкъ коня, какъ отрока отца, противъ той власти, которая вы-

стается милостямн «установнть сердца своихъ рабовъ», но оставляетъ ихъ рабамн, которая убѣждена, что народъ можно сдержать лшь «неусыпной строгостью».

Изображеніе власти въ трагедіи также имѣетъ общій смыслъ, также типично, какъ и изображеніе народа. Въ лицѣ царя Бориса Пушкинъ изображаетъ вообще московскаго царя-самодержца. Тотчасъ по избраннн на престолѣ Борисъ въ первомъ же монологѣ говоритъ тономъ абсолютнаго монарха: «Да, правлю я во славіи свои народъ... Сзывать весь нашъ народъ на шнръ». Этотъ тонъ вообще мало подходитъ къ московскимъ царямъ XVII вѣка, которые не олицетворяли въ своей особн всего государства, какъ настоящие абсолютисты, а различали «государево» и «земское» дѣло. Въ отношенн же къ Борису Годунову, Пушкинъ намѣренно опустилъ тѣ черты, которыя не подходили къ его типу царя-самодержца. Первые слова Бориса по его избраннн звучали, на самомъ дѣлѣ, совершенно иначе, чѣмъ слова перваго монолога трагедіи. Во время литургн, стоя подѣ патриарха, Борисъ неожиданно воскликнулъ: «Се отецъ, великій патрнръ Іовъ, Богъ свидѣтель сему, никто же будетъ въ моемъ царствнн шнръ или бѣденъ», — и схватнвъ воротъ своей рубашки, продолжалъ: «и сію послѣднюю радѣлю съ всѣмн». Пушкинъ не могъ не знать этого факта изъ исторн Карамзина и изъ его примѣчаннй, но онъ опустилъ эту живописную, исторически достоверную и столь характерную для Бориса черту, потому что онъ изображалъ не Бориса—боярнна на престолѣ, а московскаго царя-самодержца 1).

Въ этихъ словахъ Бориса выразилось

1 Эти слова Бориса обратнли на себя общее вниманн и современниковъ, и историковъ. Авраамн Палицынъ осуждалъ его за эти слова. Нѣкнми чето разн, испуствнть снцерь глаголь дѣло высокъ и богомерзостенъ... Словесе же сето никто не не доумвѣлъ дѣратнн. Бѣлнскнн говорилъ: что значать эти слова, что внтно въ ннхъ, если не чрезмѣрная радость о достиженн лавно желанной цѣли, если не благодать, да блестящее бремя не по снзамъ... Не такъ принимается полюбную власть, тенн, великнн человекъ; онъ беретъ ее, какъ что то свое, принадлежанее ему по праву... Соловьевъ тоже думаетъ, что въ этихъ первыхъ словахъ, сказанныхъ Борисомъ при его новомъ подожженн, обнаружнлся не только правствншатаго величня, умѣнла властвнть собою, не забвнваться при достнженн желанной цѣли. Такъ н это, нли не такъ, но слова Бориса исторически очень характерны, и Пушкинъ не опуствнлъ бы ихъ, если бы изображалъ престоле всего Бориса Годунова, а не царя.

желаніе его быть особымъ царемъ, царемъ-судюю народа. Пушкинъ опустилъ ихъ, такъ какъ они не шли къ типу московскаго царя. Этотъ царь, въ лицѣ Бориса, заботится прежде всего о «силѣ своей державы», онъ завѣщаетъ сыну только временно ослабить власть, изъ рукъ не выпуская, чтобы затѣмъ «спонемногу снова затягивать терзавшія бранды». Между этимъ царемъ и народомъ пропастъ взаимнаго непониманія:

Нить, милости не чувствуетъ народъ;
Гвори добро—не скажетъ онъ спасибо,
Грабъ и казнъ—тебѣ не будетъ хуже.

Объ особомъ «духѣ русскаго народа», выражающемся въ преданности его царямъ, говорить въ трагедіи одинъ только Самозванецъ и когда же? въ хвастливой рѣчи передъ патеромъ Черниковскимъ, которому онъ ручается, что въ два года весь русскій народъ обратитъ въ католичество.

Я знаю духъ народа моего

Говоритъ Дмитрій:

Въ немъ набожность не знаетъ преступленья,
Ему священъ примѣръ царя его.

Но значеніе этихъ словъ тутъ же ослабляется третьей чертою народа:

Всегда, къ тому жь, терпимость
равнодушна.

Въ этой осторожной фразѣ выражена главная причина разобщенности царя и народа: народъ угнетенъ до того, что онъ сталъ равнодушенъ ко всему, даже къ переменѣ вѣры. Удивительно ли послѣ этого, что его не могутъ глубоко тронуть всѣ милости Бориса, царя, сохраняющаго, какъ ни велики его милости, омиину Юрьевадня?

Въ этой роли угнетеннаго до потери политическаго сознанія, до равнодушія къ переменамъ на престолѣ, и выступаетъ народъ неизменно во всей трагедіи, какъ «безмысленная чернь», которая

Измѣниша, мятелжа, суевѣрна,
Легко пустой наездѣ предана,
Многочисленному внушенію послушна,
Для истины глуха и равнодушна.

Такимъ является народъ въ первыхъ сценахъ трагедіи, при избраніи царя Бориса: таковъ же онъ и въ послѣднихъ сценахъ, при воцареніи Лжедмитрія. Пассивно соглашается онъ, по рѣшенію боярѣ, на избраніе Лжедмитрія, приворно плачетъ,

упрашивая Годунова принять престолъ, а затѣмъ также лицемерно приветствуетъ новаго царя.

Пушкинъ ярко отбиваетъ эту пассивность, сопоставляя сначала вой и плачъ народа, затѣмъ приветственные клики съ пасивными разговорами въ толпѣ: «О чемъ мы плачемъ? А какъ намъ знать? То вѣдаютъ бояре—не намъ чета...»

— Въѣ плачуть—заплачемъ, братья, и мы...
Что тамъ еще?—Да кто ихъ разберетъ!—
Вѣнецъ за нимъ! онъ царь! онъ согласенъ!
Борисъ нашъ царь! да здравствуетъ Борисъ!

Нить самостоятельныхъ дѣйствій народа и въ послѣднихъ сценахъ признанія Лжедмитрія и убійства дѣтей Бориса. Народъ опять дѣйствуетъ по указкѣ боярѣ. Бояринъ говоритъ рѣчь, приглашая бить челомъ Лжедмитрію, и народъ отвѣчаетъ:

Что толковать! Бояринъ правду молвилъ:
Да здравствуетъ Дмитрій, нашъ цетъ!»

Но предложенію мужика, взбравшагося на амвонѣ, народъ несетъ толпою вѣзать, топить Борисова щенка, но останавливается передъ дворцомъ. Приходятъ бояре. Народъ почтительно разступается. Бояре входятъ къ дому Борисовъ. Народъ недоумѣваетъ: «Зачѣмъ они пришли?—А, вѣрно, приводятъ къ присягѣ Феодора Годунова». Выходитъ Мосальскій и объявляетъ неожиданно, что Феодоръ и Марія Годуновы отравились. «Народъ въ ужасѣ молчитъ».

По послѣ словъ боярина: «Что жъ вы молчите? Кричите: Да здравствуетъ царь Дмитрій Ивановичъ!»—народъ, съ обычной пассивностью, кричитъ: «Да здравствуетъ царь Дмитрій Ивановичъ!»

Этими словами оканчивалась трагедія въ рукописи до цензуры III отдѣленія и Николая. И эти слова еще сильнѣе отбивали почти автоматическую покорность народа внушеніямъ власти, чѣмъ знаменитая фраза: «народъ безмолвствуетъ», которымъ заканчивается печальный текстъ.

Рельефно изображая эту пассивность, равнодушную терпимость народа, Пушкинъ говоритъ не какъ историкъ, а какъ политикъ. И его характеристика народа была вѣрна въapplicеніи къ его собственному времени и къ XVIII вѣку, но она менѣе всего подходила къ эпохѣ его трагедіи. Въ эпоху Бориса Годунова и смутнаго времени народъ «безмолвствовать» менѣе, чѣмъ когда-либо. Рѣзкая раз-

общенность между властью и народомъ, въ связи съ культурной разобщенностью верховъ и низовъ общества и въ связи съ усилившимся гнетомъ крѣпостнаго права, опредѣляясь у насъ особенно въ XVIII в. Раньше, въ XVI—XVII вв., эта разобщенность вообще была менѣ рѣзкой, а въ смутное время особенно. Эпоха смуты есть время не равнодушной терпимости, а дѣйствій народа и силы «народнаго мнѣнія». Народъ не безмолвствовалъ, а дѣйствовалъ и при избраніи Бориса. Избирательный соборъ 1598 года, какъ это вывелъ В. О. Ключевскій, не былъ избирательной комедіей, не былъ игрушкою въ рукахъ Годунова. Соборъ былъ созванъ безъ намѣреннаго подбора членовъ, по установившимся, хотя и очень несовершеннымъ формамъ представительства того времени. Кромѣ бояръ и придворныхъ чиновъ, въ числѣ болѣе 500 представителей, на соборѣ было до 150 горожанъ и московскихъ дворянъ и до 50 тысячъ людей. Послѣ долгаго обсужденія, хотя, конечно, не безъ давленія Бориса, державшаго власть въ своихъ рукахъ, соборъ сознательно и согласно избралъ его, какъ человека, изъ всѣхъ кандидатовъ на престолъ наиболѣе выдававшихся личными достоинствами и опытностью въ управленіи. Низшіе классы народа, особенно жители Москвы, выступающіе въ первыхъ сценахъ трагедіи Пушкина, тоже не пассивно относились къ избранію въ царя Годунова, такъ какъ за время царствованія Феодора Ивановича онъ, какъ главный правитель, сумѣлъ приобрести широкую популярность. Картина общаго ликовавня при избраніи Бориса, которую рисуетъ Карамзинъ и сходно съ нимъ Соловьевъ, основана на многихъ достовѣрныхъ источникахъ (1).

1. Въ народной сценѣ трагедіи баба нарочно бросаетъ ребенка на землю, чтобы онъ плакалъ: «Мальчъ баловень! (бросаетъ его объ землю: ребенокъ плачетъ). Ну, то то же! Зѣбь, чтобы отбѣить лицемеріе народа. Пушкинъ отступилъ отъ историческихъ источниковъ. У Карамзина онъ прочелъ вышеску пль грамоты: Женя сущихъ младенцевъ на землю съ слезнымъ рыданіемъ пометаху». Это—совсѣмъ иное: это значить, что женщины такъ слезно рыдали, что дѣти падали у нихъ съ руки, или что матери кидали своихъ грудныхъ младенцевъ и не слышавъ ихъ крика (Карамзинъ). Не болѣе ли это правдоподобно само по себѣ, принимая во вниманіе торжественность момента избранія царя и торжественность процессіи царювъ, чѣмъ бросаніе бабами грудныхъ дѣтей объ землю, чтобы они плакали?

II.

Равнодушіе народа къ царямъ, къ царямъ именно вообще, а не къ царю Борису, исторически неправильное въ отношеніи ко времени Бориса, составляетъ не уделъ драмы (какъ думалъ Жуковскій), а только фонъ, на которомъ она развивается.

Бѣлинскій, съ шокирующей насъ въ отношеніи Пушкина рѣзкостью, сказалъ, что это Годуновъ «вышелъ мелодраматическимъ злодѣемъ, котораго мучилъ совѣсть который въ своемъ злодѣйствѣ нанесъ себѣ кару». И въ этомъ Бѣлинскій видѣлъ у Пушкина «рабское» послѣдованіе Карамзину. «Мелодраматичность» конечно, преувеличеніе, какъ и «рабская» зависимость отъ Карамзина. Но въ существѣ дѣла Бѣлинскій, думается, правъ.

Разсказавъ о торжествѣ избранія Бориса на престолъ, Карамзинъ писалъ: «Сей, человѣческою мудростью надѣленный правитель достигъ престола злодѣйствомъ... Казнь небесная угрожала Царю-преступнику и Царству несчастному».

Эта же неизбежность возмездія, гибель, роковымъ образомъ связанная съ преступленіемъ, паденіе Бориса отъ гнѣи умерщвленнаго имъ царевича Дмитрія—и составляетъ развитіе драмы Пушкина.

Въ первой же сценѣ трагедіи князь Шуйскій увѣренно разсказываетъ объ «ужасномъ злодѣйствѣ» Годунова.

И въ кельѣ Нимена плетъ рѣчь о томъ же:

Противали мы Бога, согрѣшили:
Владыкою себѣ царевницу
Мы паремъ.

Эта сцена заканчивается словами Григорія Отрѣпьева:

И не утѣшь ты отъ суа мірскаго,
Какъ не утѣшь отъ Божьяго суа.

въ которыхъ Пушкинъ тою же перефразируетъ слова Карамзина: «Казнь небесная угрожала царю-преступнику».

Проходить лишь дѣтъ, и Борисъ гибнетъ. Онъ самъ объясняетъ причину своей гибели въ монологѣ, столь извѣстномъ, что изъ него достаточно запомнить послѣднюю, резюмирующую его, фразу:

Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣсть нечестна!

Нечестная совѣсть парализуетъ его силы, и онъ не выдерживаетъ борьбы съ самодванцемъ, «гнѣбно» убитого имъ шестилѣтнимъ

онъ во-время умеръ; но развязка драмы — въ трагической смерти его сына за преступление отца.

Бблинскій утверждалъ, что если бы Пушкинъ правильно бы понялъ тайну историческаго значенія Годунова, то онъ нашелъ бы въ ней иную тему, если не для драмы, то хоть для поэмы въ драматической формѣ, такую тему, въ которой онъ могъ бы развернуть всю силу своего таланта. Это, конечно, еще въ силу сомнѣній, что, противопоставляя карамзинскому и пушкинскому Борису свое пониманіе тайны его историческаго значенія и паденія, Бблинскій правильно указалъ на несовершенство замысла Пушкина болѣе сложной исторической дѣйствительности. Новѣйшія историческія изслѣдованія подтверждаютъ основныя черты взгляда Бблинскаго на Годунова.

«Борисъ Годуновъ — писалъ онъ — не былъ человѣкомъ ничтожнымъ и даже обыкновеннымъ; напротивъ, это былъ человѣкъ ума великаго, который цѣлою головою стоялъ выше своего народа». Трагедія его паденія объясняется отнюдь не мученіями совѣсти («вѣрно понять Годунова исторически и поэтически значитъ понять необходимость его паденія равно въ обоихъ случаяхъ, виновенъ ли онъ былъ въ смерти царевича, или не виновенъ»). Такъ именно теперь ставится вопросъ историка при изученіи личности Бориса Годунова и причинъ его паденія.

Борисъ Годуновъ, несомнѣнно, былъ замѣчательной личностью, человѣкомъ рѣдкихъ дарованій. Онъ не только удивлялъ современниковъ своимъ умомъ, но и весь онъ, и своей внѣшностью, и своимъ обращеніемъ производилъ на нихъ сильнѣйшее впечатлѣніе. Онъ былъ очень привѣтливъ и любезенъ. «свѣтлодушень», какъ говорили въ то время. Его «свѣтлодушіе» смягчало, заставляло людей легче признавать ту властность, то право на господство, которое давали ему его умъ и настойчивая воля. Впечатлѣніе отъ этихъ его свойствъ усиливалось его внѣшностью, внѣшней фигурой средняго роста и красотой лица. О личномъ обаяніи Годунова дошло то настъ множество указаній въ различныхъ запискахъ и сказаніяхъ его современниковъ. Въ запискахъ иностранцевъ, бывавшихъ въ Москвѣ, находимъ настоящія пантеприки его талантамъ: въ русскихъ повѣстьяхъ и сказаніяхъ даже у писателей, враждебныхъ

ему, — полное признаніе его дарованій, у другихъ — восторженные отзывы.

Восторженную характеристику его даетъ кн. Котляревскій-Ростовскій въ своей «Повѣсти», восхваляющей и его умъ, и благолѣпіе лица, и краснорѣчіе, и благочестіе, и милости, и искусство управления. «Бысть же той Борисъ — образомъ своимъ и дѣлы множество людей превозомъ: никто бы ему отъ царскихъ снискисть подобенъ во благолѣпнн лица и въ разуженіи ума его: милостивъ и благочестивъ, паче во многомъ разуженіи доводенъ, и велерѣчивъ зѣло и въ царствующемъ градѣ многое дивное о себѣ творяше во дни власти своей». Другой русскій писатель дьякъ. Нв. Тимофеевъ въ своемъ «Временникѣ» не находитъ достаточно словъ для похвалъ доброты и милостей Бориса ко всѣмъ безпомощнымъ (въ отвѣтъхъ всѣмъ сладокъ, безпомощнымъ и вдовицамъ отместитель скорь, и восхваляетъ его умъ, замѣчая, что у его преемниковъ на престолѣ была только «тѣнь» его разума, какъ «познано» всѣми.

Убіеніе царевича Димитрія никакъ не имѣло того значенія въ жизни Годунова, какое приписывали ему Карамзинъ и слѣдомъ за нимъ Пушкинъ. Вина Годунова въ этомъ дѣлѣ представляется очень сомнительной. Бблинскій стоялъ на правильной точкѣ зрѣнія, отрицая его вину. Умный и ловкій Борисъ, искусный въ придворной интригѣ, не могъ такъ не ловко обставить убійство, точно нарочно для того, чтобы навлечь на себя подозрѣніе, тогда какъ ему ничего не стоило такъ обставить воспитаніе царевича, чтобы онъ преждевременно умеръ или сталъ неспособнымъ къ правленію. Анализъ сказаній современниковъ смуты, сдѣланный проф. С. Ф. Платоновымъ, даетъ новый аргументъ въ пользу мифа, что Борисъ не былъ причастенъ къ убійству царевича. Современники, авторы этихъ сказаній, писали уже послѣ того, какъ при царѣ Василіи Шуйскомъ церковь объявила Димитрія святымъ и официально признала убійцею его Бориса Годунова, и тѣмъ не менѣе, они, какъ ни авторитетны были для людей этой эпохи голоса церкви, видимо, съ недовѣріемъ относятся къ легендѣ объ убійствѣ царевича Борисомъ. Это были люди, хорошо знавшіе событія своего времени, и въ ихъ словахъ о дѣлѣ царевича Димитрія чувствуется, что они чего-то не договариваютъ, что они, какъ будто, знаютъ что то такое, о чемъ не считаютъ возможнымъ писать. За исключе-

пиемъ автора «Временника», дьяка Тимофеева, въ писатели смутной эпохи, какъ замѣчаетъ Платоновъ, «въ неохотно и очень осторожно говоря объ участіи Бориса въ умерщвленіи царевича Дмитрія». Такъ, наиримѣрь, Авраамій Палицынъ, обвиняющій Бориса во многихъ и грѣхахъ и беззаконіяхъ, совершенно упускаетъ упомянуть въ числѣ этихъ беззаконій убійство царевича. «Обрушиваясь на Бориса за его горькую, подозрительную, насилья, за его неуваженіе къ старымъ обычаямъ и непочтеніе къ святымъ, Палицынъ, — замѣчаетъ Платоновъ — вовсе забываетъ о смерти маленькаго царевича и, говоря о «началѣ бѣды во всей Россіи», утверждаетъ, что бѣда началась, какъ возмездіе за преслѣдованіе Борисомъ Романовыхъ». И даже для тѣхъ, кто, какъ дьякъ Тимофеевъ, повѣривъ іерархамъ, призналъ Бориса виновнымъ въ угличскомъ дѣлѣ, даже для нихъ это темное дѣло казалось несовѣстнымъ съ обаяніемъ его личности и они терлись въ недоумѣніяхъ. «Какъ ни старается Тимофеевъ — говоритъ Платоновъ — разрѣшить свои недоумѣнія, въ концѣ концовъ онъ сознается, что не успѣлъ разгадать Бориса и повѣсть «откуда се ему доброе прибысть». «Въ часѣ же смерти его — заключаетъ Тимофеевъ свою рѣчь о Борисѣ — никто же вѣсть, что возодѣлъ, и какая сторона его дѣлъ перетянула мѣрило (вѣсы), благія его дѣла или злая?»

III.

Какъ же разрѣшить этотъ вопросъ о личности Бориса и о его «часѣ смерти», который представлялся неразрѣшимымъ дьяку Тимофееву, если до простое рѣшеніе вопроса, какое дать Карамзину и слѣдомъ за нимъ Пушкину, а именно гибель Бориса преступника отъ урядней совѣсти за убійство царевича, должно быть признано правильнымъ? Отчего тѣмъ царевича Дмитрія, такъ легко сорвала порфиру, если не съ него самого, то съ его сына?

Соловьевъ такъ пытался разрѣшить этотъ вопросъ. «Для многихъ въ Московскомъ государствѣ» говорить онъ Борисъ и на престолѣ оставался такимъ же, какимъ былъ во время правленія своего при царѣ Осодорѣ. Мужъ чуткий и слакорѣчивый продолжалъ удерживать въ Русскомъ государствѣ много достохвалныхъ вещей, по прежнему ненавидѣлъ мздоимство, старался искоренить разбой, воровство, корчемства, былъ

свѣдодушенъ, милостивъ и нищедобивъ. Ради такихъ страсней всенародныхъ Борисъ въ первые годы своего царствованія былъ всемъ любезенъ. Россія дѣлала всеми благами. И несмотря на это онъ палъ потому, что, говорятъ русскіе современники, навелъ онъ на себя негодованіе чиновничьиюквъ всей Русской землицы... После повѣрки ихъ объясненія мы не можемъ не согласиться съ ними... Средства Годунова были велики; но по характеру своему онъ не былъ въ уровень своему положенію». «Если бы терпѣ завистной злобы не помрачиль цвѣтъ его добродѣтели, то могъ бы древнимъ царемъ уютобиться». «Эти слова современника, продолжаетъ Соловьевъ, объясняютъ какъ нельзя лучше дѣло. Годуновъ не могъ... упрочить себя и потомство свое на престолѣ по немѣрному нравственно возвышенію къ уровню своему высокому положенію. Восходя на престолъ, онъ не могъ освободиться отъ боярскихъ отношеній, отъ боярскихъ чувствъ, продолжать играть завистную злобу къ своимъ старымъ соперникамъ... Годуновъ, который, будучи бояриномъ, казался достойнымъ царствовать, явился на престолѣ бояриномъ и бояриномъ время Грознаго, неувереннымъ въ самомъ себѣ, подозрительнымъ, пугливымъ, неспособнымъ къ дѣйствіямъ прямымъ, открытымъ, привыкшимъ къ мелкой игрѣ въ крамолы и доносы, не умѣвшимъ владѣть собою, ненаходчивымъ въ случаяхъ важныхъ, рѣшительныхъ».

Бѣлинскій, съ удивительной проицательностью, далъ болѣе широкое и болѣе правильное объясненіе паденія Годунова. Бѣлинскій имѣлъ въ виду и тѣ отношенія Годунова къ боярству, имѣлъ въ виду тогъ «стергъ завистной злобы», помрачавшій тобродѣтель Годунова, которымъ Соловьевъ, главнымъ образомъ, объясняетъ его паденіе, какъ видно изъ только что приведенныхъ его словъ. «Стергъ онъ кривился — говоритъ Бѣлинскій — надѣясь лаской и милостью обезоружить гнѣсныхъ враговъ и прекратить неблагопріятные о себѣ толки; но видя, что это не дѣйствуетъ, не вытерпѣвъ, и тогда настала эпоха террора, шпіонства, доносовъ, пытокъ и скоростѣнныхъ смертей. У Годунова не было великаго сердца, и потому онъ не могъ не мучиться подозрѣніями, не бояться крамолы, не увлекаться личнымъ мщеніемъ и наконецъ не стѣзаться тираномъ».

Но Бѣлинскій этому «стергъ завистной

злости» или, какъ онъ говоритъ, отсутствію въ Годуновѣ «великаго сердца» не придавалъ главнаго значенія, и перенесъ обсужденіе дѣла на болѣе широкую платформу. У Годунова—говоритъ онъ—«были только умъ и даровитость, но не было гениальности, тогда какъ судьба его поставила въ такое положеніе, что гениальность была ему необходима. Будь онъ законный-наслѣдственный царь, онъ былъ бы однимъ изъ замѣчательнѣйшихъ царей русскихъ... Но онъ былъ выскочка (parvenu) и потому долженъ былъ быть гениемъ или пастыремъ».

Затѣмъ, вспоминая Петра Великаго, Бблинскій говоритъ, что Годунову въ его положеніи необходимо было проявить «творческую силу, присущую организму гения, какъ его инстинкты», ввести въ жизнь Россіи новые элементы, а онъ «былъ только умѣе своего времени, но не выше его».

Въ наши дни эти слова Бблинскаго о творческой силѣ гения, вносящаго въ жизнь новые элементы, кажутся очень старомодными. Объясняя исторію, мы теперь все сводимъ къ условіямъ развитія, вовсе не придавая значенія влиянію отдельныхъ личностей или по меньшей мѣрѣ придавая ему третьестепенное значеніе. Но съ этой точки зрѣнія мы не будемъ винить Годунова въ томъ, что онъ не былъ гениемъ.

Но думается, все-таки, что Бблинскій стоялъ на правильномъ пути въ объясненіи паденія Годунова. Въ терминахъ господствовавшей въ его время философіи исторіи онъ правильно указалъ на чрезвычайную трудность и сложность его положенія, какъ на главную причину его паденія. Говоря, что «судьба поставила его въ такое положеніе, что гениальность ему была необходима», Бблинскій, въ сущности, правильно указалъ на чрезвычайную трудность положенія Годунова, требовавшую отъ него для его спасенія чего то необычайнаго, экстраординарнаго, гениальнаго.

Намъ совершенно неясно посейчасъ, послѣ всѣхъ новыхъ историческихъ изслѣдованій эпохи, что именно необычайное-гениальное долженъ былъ сдѣлать Годуновъ, чтобы укрѣпить свой престолъ, иначе говоря, чтобы остановить надвигающуюся смуту. Намъ теперь только ясна еще думше, чѣмъ Бблинскому, особенная сложность условій, въ которыхъ ему пришлось дѣйствовать, необычная трудность задачи, выпавшей на его долю. Онъ долженъ былъ предотвратить смутное время или пастырь.

Смутное время не было случайнымъ, недлительнымъ броженіемъ, а какъ мы знаемъ теперь послѣ новыхъ изслѣдованій и особенно капитальнаго изслѣдованія Платонова, было вооруженной борьбою сословій, которую разрывались социальныя противорѣчія XVI вѣка, вѣка образованія московскаго государства, осложненныя экономическимъ кризисомъ. Несколько естественно вытекала смута изъ этихъ условій, это думше всего характеризуется тотъ фактъ, что не только смута вообще, но даже пѣкоторая ея событія предсказывались русскими и иностранцами задолго до ея наступленія. Джильсъ Флетчеръ изъ недолгаго наблюденія московскаго общества при Θεодорѣ Пвановичѣ сдѣлалъ выводъ, что дѣло идетъ къ открытому междусобію, къ гражданской войнѣ, и вѣрно предвидѣлъ, что въ этой борьбѣ решающая роль будетъ принадлежать не знати боярству и не народной массѣ, а дворянству¹.

Русскій авторъ Бесѣды Балаамскіихъ чудотворцевъ, еще при Иванѣ Грозномъ писавшій о грядущей смутѣ, предсказалъ даже частыя смѣны царей въ смутное время: «царіе на своихъ степеняхъ царскихъ не возмогутъ держатися и почасту премѣнятся начнутъ».

Борисъ Годуновъ, этотъ умный и ловкій человекъ, понималъ близившуюся опасность смуты, предпринималъ крупныя реформы, (какъ, на примѣръ, ограниченіе привилегій-тархановъ духовенства и отмена Юрьева дня) и жертвуя интересами боярства и крестьянства интересамъ дворянства, правильно искалъ опоры въ томъ самомъ среднемъ сословіи дворянъ и дѣтей боярскихъ, который, вмѣстѣ съ посадскими людьми, вышелъ побѣдителемъ изъ социальной борьбы смутнаго времени.

Но если сынъ его не удержался на престолѣ въ ту эпоху, когда «царіе на своихъ степеняхъ царскихъ» начали «почасту премѣнятся», то причина этому смута, а не «стеря завистливой злобы», омрачившій добродѣтель Бориса Годунова, и не отмщеніе за кровь младенца царевича, которое лежитъ въ основѣ драматическаго развитія трагедіи Пушкина.

Н. П. Сильванскій.

¹ Флетчеръ говорилъ о войскѣ, но войско и дворянство для того времени почти одно и то же, такъ какъ главную часть войска составляло конное ополченіе «дворянъ и дѣтей боярскихъ».

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

ВЪ ТИПОГРАФИИ ДЕПАРТАМЕНТА НАРОДНАГО ПРОСВѢЩЕНІЯ.

1831.

Портретъ Карамзина, приложенный къ 2-му изд. «Истории Государства Россійскаго» (Спб. 1818).

Драгоценной для Россіи

памяти

Николая Михайловича

КАРАМЗИНА.

*Сей трудъ, имѣя его вооткровенной,
съ благоговѣемъ и благодарностію посвящаетъ*

АЛЕКСАНДРЪ ПУШКИНЪ.

ДРАМАТИЧЕСКАЯ ПОВЕСТЬ.

КОМЕДИЯ

О НАСТОЯЩЕЙ БѢДѢ
МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВА,
О ЦАРѢ БОРИСѢ
И О ГИШКѢ ОТРЕПЬЕВѢ

ИЗЪТОПИСЬ О МНОГИХЪ МАТЕРАХЪ
И ПЪ

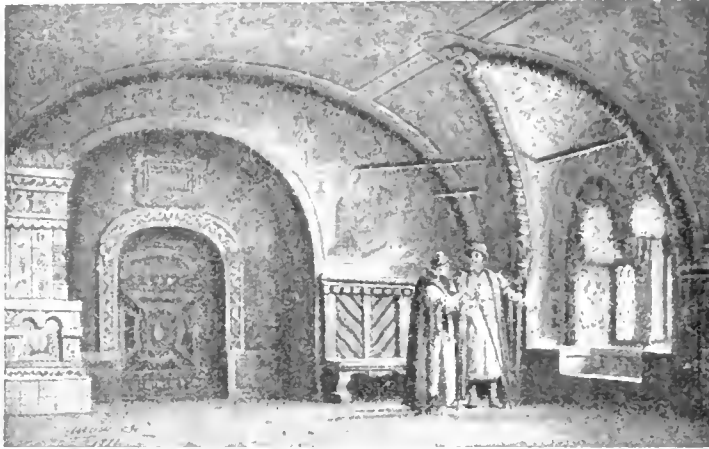
ПИСАНО ВЪ СѢТЬ

АЛЕКСАНДРОМЪ ПУШКИНЫМЪ

ВЪ ЛѢТО 7333,
НА ГОРОДИЩѢ БОРОНИЧѢ.

ОДНО ИЗЪ ПЕРВОНАЧАЛЬНЫХЪ ЗАГЛАВІИ «БОРИСА ГОДУНОВА».

Рамка взята изъ рисунка XVII вѣка, авторомъ Голландцемъ; надпись — старинная,
Ф. Г. Беренштамомъ.

ШУЙСКІЙ и ВОРОТЫНСКІЙ.

Постановка Шишкова (1870).

КРЕМЛЕВСКИЯ ПАЛАТЫ.

20 февраля 1598 года.

Князья Шуйскій и Воротынскій,
воротынскій.

Наряжены мы вмѣстѣ городъ вѣдать.
Но, кажется, намъ не за кѣмъ смотрѣть:
Москва пуста; вослѣдъ за Патриархомъ
Къ монастырю пошелъ и весь народъ.
Какъ думаешь, чѣмъ кончится тревога?

шуйскій.

Чѣмъ кончится? Узнать неумрено:
Народъ еще повоевъ, да поплачетъ,
Борисъ еще поморщится немного,
Что пьяница предъ чаркою вина,
И наконецъ по милости своей
Принять вѣнецъ смиренно согласится.
А тамъ—а тамъ онъ будетъ нами править
Попржевому.

воротынскій.

По мѣсяцъ ужъ протекъ,
Какъ, затворясь въ монастырь съ сестрою,
Онъ, кажется, покинулъ все мірское,
Ни Патриархъ, ни думные бояре

Склонить его доселѣ не могли:
Не внемлетъ онъ ни слезнымъ увѣщаньямъ,

Ни нухъ мольбамъ, ни волю всей Москвы,
Ни голосу великаго собора,
Его сестру напрасно умоляли
Благословить Бориса на тераву;
Печальная монахиня-царица,
Какъ онъ тверда, какъ онъ неумолима;
Знать самъ Борисъ сей духъ въ нее все-
лилъ.

Что ежели Правитель, въ самомъ дѣлѣ,
Державными заботами наскучилъ
И на престолъ безвластный не взойдетъ?
Что скажешь ты?

шуйскій.

Скажу, что понапрасну
Лилася кровь Царевича-младенца:
Что если такъ, Дмитрій могъ бы жить.

воротынскій.

Ужасное злодѣйство! Полно точно ль
Царевича стубилъ Борисъ?

шуйскій.

А кто же?

Кто подкупалъ напрасно Чичугова?
Кто подослалъ обонухъ Биляговскихъ
Съ Качаловымъ? Я въ Угличъ послалъ
быть

Издѣловать на мѣстѣ это дѣло;
Павхалъ я на свѣжіе слѣды;
Весь городъ былъ свидѣль злодѣянья;
Всѣ граждане согласно показали;
И, возвратясь, я могъ единымъ словомъ
Изобличить сокрытаго злодѣя.

Воротынский.

Зачѣмъ же ты его не уничтожилъ?

шуйскій.

Онъ, признаюсь, тогда меня смущалъ
Спокойствіемъ, безстыдностью нежданой;
Онъ мнѣ въ глаза смотрѣлъ, какъ будто
правый;
Разспрашивалъ, въ подробности входилъ—
И передъ нимъ я повторилъ вѣрность,
Которую мнѣ самъ онъ напечаталъ.

воротынский.

Нечего, Князь.

шуйскій.

А что мнѣ было дѣлать?

Все объявить Феодору? Но Царь
На все глядѣлъ очами Годунова,
Всему внималъ ушами Годунова;
Пускай его бѣзъ увѣрилъ я во всемъ;
Борисъ тотчасъ его бѣзъ разувѣрилъ.
А тамъ меня жъ соудали бѣзъ заоченью,
Да въ добрый часъ, какъ дядю моего,
Въ слухи торымъ тихонько бѣзъ задавили.
Не хвастаюсь, а въ случаѣ конечно
Никая казнь меня не устранилъ;
Я самъ не трусь, но также не слушеть,
И въ челно лѣзть не соглашуся даромъ.

воротынский.

Ужасное злодѣйство! Слушай, вѣрно
Губителя расказанъ тревожить;
Конечно вровъ невиннаго младенца
Ему слушать мѣшало на престолѣ.

шуйскій.

Перешагнеть Борисъ не такъ-то робокъ!
Какая честь для насъ, для всей Руси!
Вчерашній рабъ, Татаринъ, зять Малюговъ,

Зять палача и самъ въ душѣ палачъ,
Возьметъ вѣнецъ и бармы Мономаха...

Воротынский.

Такъ, родомъ онъ незнаетель; мы знатнѣе.

шуйскій.

Да, кажется.

воротынский.

Вѣдь Шуйскій, Воротынский...
Легко сказать, природные Князья.

шуйскій.

Природные, и Рюриковой крови.

воротынский.

А слушай, Князь, вѣдь мы бѣ имѣли право
Пастѣловать Феодору.

шуйскій.

Да, болѣ.

Чѣмъ Годуновъ.

воротынский.

Вѣдь въ самомъ дѣлѣ!

шуйскій.

Что жъ?

Когда Борисъ хитрить не переставеть,
Давай народъ искусно волновать;
Пускай они оставятъ Годунова,
Своихъ Князей у нихъ довольно; пусть
Себѣ въ Царя любаго изберуть.

воротынский.

Не мало насъ наслѣдниковъ Варяга,
Да трудно намъ гадаться съ Годуновымъ;
Народъ отвыкъ въ насъ видѣть древно
отрасль

Вопиственныхъ влѣстителей своихъ,
Уже давно лишились мы утѣловъ,
Давно Царямъ подручниками служимъ,
А онъ умѣлъ и страхомъ и любовью
И славою народъ очаровать.

шуйскій *идетъ въ окно.*

Онъ смѣлъ, вошь все — а мы... Но полно,
Видишь,

Народъ итеть, разспрашивишь, палачъ
Полтемъ скорби, узнаемъ, рѣшило ли.

КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ.

Народъ.

однѣ.

Невозможи! Онъ отъ себя прогналъ
Святителей, Бояръ и Патриарха.
Онъ предъ нимъ напрасно вали нищю:
Его страшишь сіяиѣ престола.

второй.

О Боже мой, кто будетъ нами править?
О горе намъ!

третій.

Да вотъ Верховный Дьякъ
Выходитъ намъ сказать рѣшенье Думы.

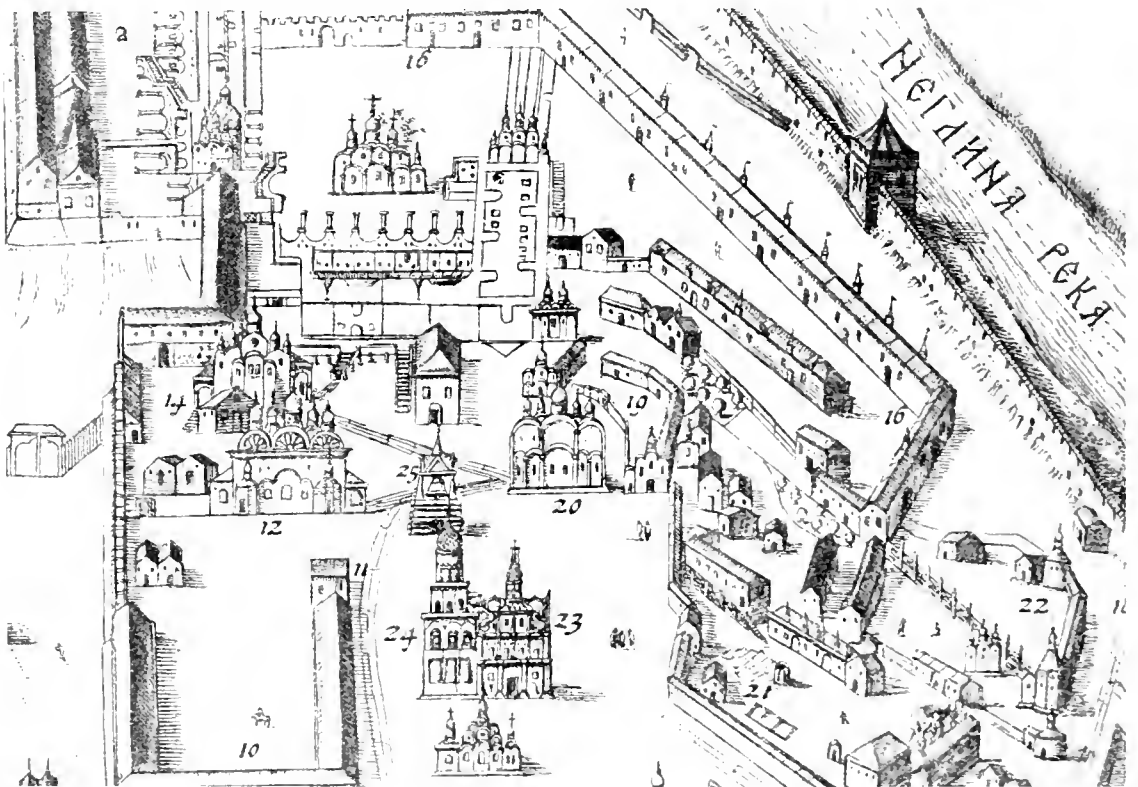
народъ.

Молчать! молчать! Дьякъ Думы говоритъ:
Шш—слушайте!

Щелкаловъ (съ Красною крыльцо).

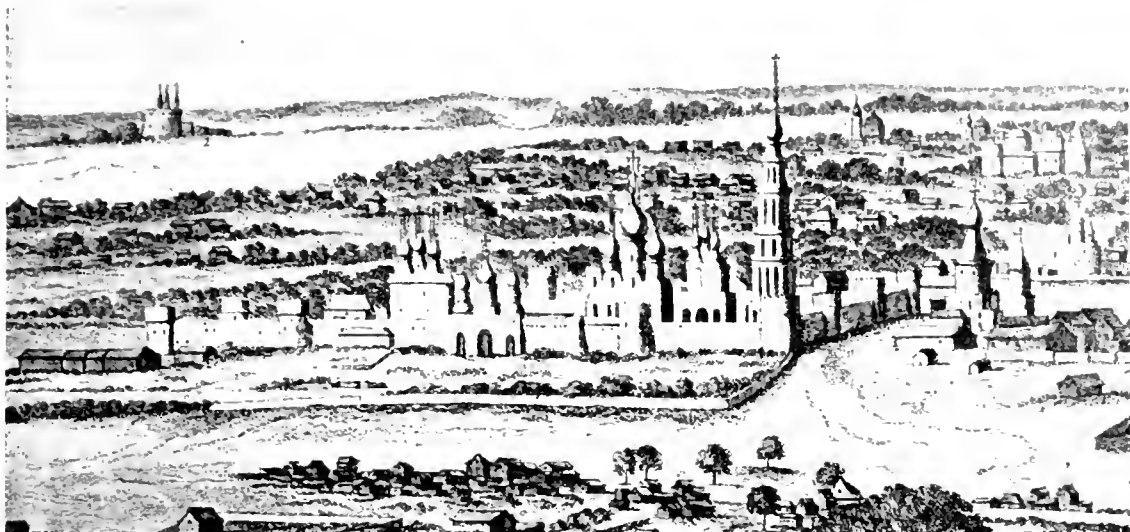
Соборомъ положили
Въ послѣдній разъ отвѣдать силу просьбы
Надъ скорбною Правителя душой,
Завтра вновь Святѣйшій Патриархъ,
Въ Кремль огнѣвъ торжественно молебень,
Предшествуемъ хоругвями святыми,

Съ Иконами Владимірской, Донской,
Возвѣжется, а съ нимъ Синклитъ, Бояре,
Да соимъ Дворянъ, да Выборные Люди
И весь народъ Московскій православный,
Мы все пойдемъ молить Царицу вновь,
Да скажите надъ сиротою Москвой
И на вѣнцѣхъ благословить Бориса.
Идите же вы съ Богомъ по домамъ,
Молитесь, да изыдетъ къ небесамъ
Усердная молитва православныхъ.

(Народъ расходится).

МОСКВА XVII ВѢКА.

(Изъ плана XVII вѣка, воспроизведеннаго въ изд. Найденова; Красная площадь обозначена № 14.)

НОВОДВІВІЧІЙ МОНАСТЫРЬ.

По рисунку Де-Буррона 1702 года.

ДВІВІЧЬЕ ПОЛЕ.

Новодвѣвичій монастырь. Народъ,
одинъ.

Теперь они пошли къ Царицѣ въ келью:
Туда вошли Борисъ и Патриархъ
Съ толпой бояръ.

другой.

Что слышно?

третій.

Все еще

Уирямится; однако есть надежда.

баба (съ ребенкомъ).

Ах! не плачь, не плачь; вотъ бука, бука
Тебѣ возьметъ! Аху, аху... не плачь!

одинъ.

Нельзя ли намъ пробраться за ограду?

другой.

Нельзя. Куры! и въ полѣ даже гнѣсно,
Не только тамъ. Легко ли? Вся Москва
Сперлася здѣсь; смотри: ограды, кровли.
Всѣ ярусы соборной колокольни,

Главы церквей и самыя кресты
Унизаны народомъ.

первый.

Право любо!

одинъ.

Что тамъ за шумъ?

другой.

Послушай! что за шумъ?

Народъ завываетъ, тамъ падаютъ, что волны
За рядомъ рѣтъ... еще... еще! Ну, братья,

Дошло до насъ: скорѣе! на колѣни!

народъ *(на колѣняхъ; вой и плачь).*

Ахъ, смилуйся, Отецъ нашъ! властвуй нами!
Будь нашъ отецъ, нашъ Царь!

одинъ *(тихо).*

О чемъ тамъ плачутъ?

третій.

А какъ намъ знать? то вѣдаютъ бояре
Не намъ чета.

БАБА *(съ ребенкомъ)*.

Ну, что жь? Какъ надо плакать
Такъ и ратихъ! Вотъ я тебя!.. вотъ бука!
Плачь, баювись! *(бросаетъ его въ земь, ребен-
чокъ плачетъ)*.

Ну, то-то же!

однѣ.

Заплачемъ, братъ, и мы!

двѣмъ.

Да не могу.

Всѣ плачутъ:

Я силюсь, братъ,

первый.

Я также, Штъ ли дуку?
Потремъ глаза.

двѣмъ.

Штъ, я слоной намажу.
Что тамъ еще?

первый.

Да кто ихъ разбереть.

народъ.

Внѣць за нимъ! онъ Царь! онъ согласился!..
Борисъ нашъ Царь! да здравствуетъ Борисъ!

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ.

*Съ стариннаго портрета въ кунсткамерѣ Академіи Наукъ рисов. Зеленскій. (Висковатовъ,
Описаніе одежды и вооруженія русскихъ войскъ).*

Постановка Московскаго Художественнаго Театра (1907—1908).

КРЕМЛЕВСКІЯ ПАЛАТЫ.

Борись, Патриархъ, Боляръ.

борись.

Ты, отецъ Патриархъ, вы все, Боляръ!
 Обнажена душа моя предъ вами;
 Вы видѣли, что я приѣмлю власть
 Великую со страхомъ и смиреніемъ.
 Сколь тяжела обязанность моя!
 Настѣдую могущимъ Иоаннамъ
 Настѣдую и Ангелу-Царю!..
 О праведникъ, о мой отецъ державный!
 Возри съ небесъ на слѣды вѣрныхъ служъ
 И визионши тому, кого любилъ ты,
 Кого ты дѣлалъ столь паче возвелучить,
 Священное на власть благословенье:
 Да правлю я во славу своей цароты,
 Да буду блаженъ и праведенъ, какъ ты.

Отъ васъ я жду содѣянія, Боляръ,
 Служите мнѣ, какъ вы ему служили,
 Когда труны я ваши раздѣлялъ,
 Не избранный еще царотой волеи!

борись.

Не забывимъ присяги, нами данной.

борись.

Теперь войдемъ, поклонимся гробамъ
 Почившихъ властителей Россіи,
 А тамъ — сзывать весь нашъ царотъ на пиръ.
 Вѣнчать, отъ вельможъ до нищаго слѣдича!

Всѣмъ вольный входъ, все гости дорогие?
(Уходитъ за нимъ и Боляръ).
 вивъ воровыицкій *(останавли-*
вая Шуйскаго).

Ты угадалъ.

шуйскій.

А что?

воровыицкій.

Да дѣлать намечи.

Ты поминишь?

шуйскій.

Шуйскій, не помню ничего
 воровыицки.

Когда царотъ ходилъ въ Девичье поле,
 Ты говорилъ

шуйскій.

Теперь не время поминишь.

Совѣтую поротъ и забывать.

А впрочемъ я дѣловѣемъ притворинамъ
 Тогда желать тебя лишь поминалъ,
 Вѣрнѣи узнать твои давнина образъ мнѣ
 следы.

Но вотъ — царотъ, привѣтствуетъ Царя
 Отсутствіе мое замѣнить могушь

Шуй да нимъ.

воровыицки.

Дукавинъ царотворецъ!

НИМЕНЬ-ЛЪТОНШЕЦЪ.

Гравюра Галактионова въ «Новскомъ Альманашъ» на 1828 г. (Спб. 1827).

НОЧЬ. КЕЛЬЯ ВЪ ЧУДОВОМЪ МОНАСТЫРЬ.

(1603 года).

Отецъ Нимень, Григорій (спящій)
НИМЕНЬ (пишетъ передъ
лампадой).

Еще одно послѣднее сказанье—
И Лѣтошесъ окончена моя,
Неполненъ долгъ, завѣщанный отъ Бога
Миѣ, грѣшному, Недаромъ многихъ лѣтъ
Свидѣтельствъ Господь меня поставилъ
И книжному искусству вразумилъ:
Когда нибудь монахъ трудолюбивый
Найдесть мой трудъ усердный, безмяннвый:
Засвѣтитъ онъ, какъ я, свою лампаду
И, пылъ вѣковъ отъ хартій отряхнувъ,
Правдивыя сказанья перешнеть,
Да вѣдаютъ потомки православныхъ
Земли родной миновающую судьбу,
Своихъ Царей великихъ поминуютъ

За нѣтъ труды, за славу, за добро
А за грѣхи, за темныя дѣянья,
Спасителя смиренно умоляютъ.

На старости я сызнова живу:
Миновавшее проходить предо мною—
Давно ль оно неслось событій полно,
Волнуясь, какъ море-окианъ?
Теперь оно безмолвно и спокойно:
Немного лицъ миѣ память сохранила,
Немного словъ доходить до меня,
А прочее погибло невозвратно!
Но близокъ день, лампада догораетъ—
Еще одно, послѣднее сказанье. (Пишетъ).

Григорій (пробуждается).

Все тотъ же сонъ! Возможно ль? Въ третій
разъ!

Проклятый сонъ!.. А все передъ лампадой
Старикъ сидитъ, да пишетъ—и дремотой
Знать во всю ночь онъ не смыкалъ очей.
Какъ я люблю его спокойный видъ,
Когда, душой въ миноваемъ погруженный,
Онъ Лѣтошесъ свою ведетъ: и часто
Я угадать хотѣлъ, о чемъ онъ пишетъ:
О темномъ ли владычествѣ Татаръ?
О казняхъ ли свирѣбныхъ Юанна?
О бурномъ ли Новгородскомъ Вѣчѣ?
О славѣ ли отечества? напрасно:
Ни на челѣ высокомъ, ни во зорахъ
Нельзя прочесть его сокрытыхъ думъ:
Все тотъ же видъ смиренный, величавый...
Такъ точно Дьякъ, въ Приказахъ посѣдѣльи,
Спокойно зреть на правыхъ и виновныхъ,
Добру и злу внимая равнодушно,
Не вѣдая ни жалости, ни гнѣва.

НИМЕНЬ.

Проснулся, братъ.

Григорій.

Благослови меня,

Честный отецъ.

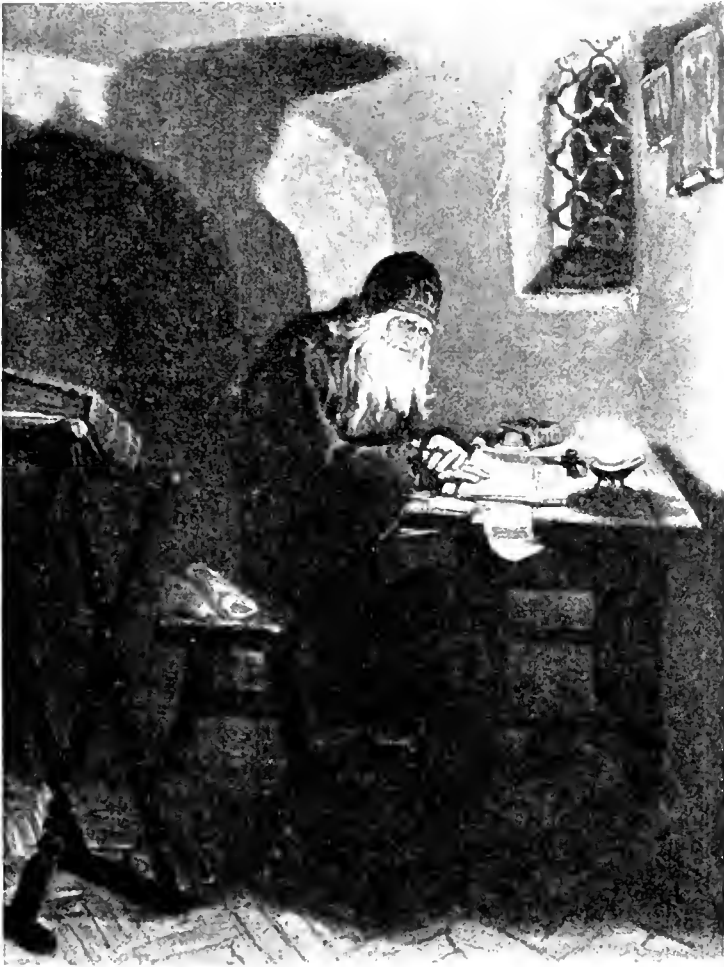
НИМЕНЬ.

Благослови, Господь,

Тебя и днесь, и присно и вѣвѣки.

Григорій.

Ты все писалъ и сонъ не позабылся,
А мой покой бѣсовское мечтанье
Тревожило, и врагъ меня мучилъ:
Миѣ снилось, что Лѣстница кругая
Меня вела на башню: съ высоты
Миѣ видѣлась Москва, что муравейникъ:
Виду народъ на площади кишѣлъ

ИМЕНЬ-ЛЪТОШСЕНЬ.

Рис. В. Васнецова.

И на меня указывалъ со смѣхомъ:
И стыдно мнѣ и страшно становилось—
И падая стремглавъ, я пробуждаюсь...
И три раза мнѣ снился тотъ же сонъ.
Не чудно ли?

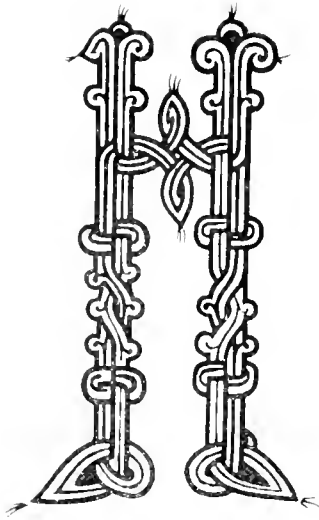
имень.

Младая кровь играть;
Смирять себя молитвой и постомъ,
И сны твои видѣній лезгнуть будить.
Неполнены, Дошанъ! если я,
Невольною дремотой обездѣить,
Не сотворю молитвы долгой къ ночи
Мой старый сонъ не тихъ и не безрѣ-
шень:
Мнѣ чудятся то шумные пиры,

То ратный станъ, то схватки боевыя,
Безумныя потѣхи юныхъ дѣвъ!

Григорій.

Какъ весело проведешь свою ты младость!
Ты воевалъ подъ башнями Казани,
Ты рать Анны при Шуйскомъ отражалъ,
Ты виталъ дворъ и роскошь Юанна!
Щастливъ! а я отъ отроческихъ дѣвъ
Но келиямъ скитаюсь, бѣдный инокъ!
Зачѣмъ и мнѣ не гнѣшиться въ боюхъ,
Не пировать за Царскою трапезой?
Уснѣлъ бы я, какъ ты, на старость дѣвъ,
Отъ суеты, отъ міра отложиться,
Провести монашества обѣтъ,
И въ тихую обитель затвориться.

шмечь,

е свѣуй, братъ, что рано грѣшнѣй свѣтъ,
 Покинуль ты, что мало испушней
 Послажь тебѣ Всевышній, Вѣрь ты мнѣ:
 Насъ издали пѣвнѣють слава, роскошь
 И женская лукавая любовь.
 Я толго жилъ и многимъ наслаждался:
 Но съ той поры лишь вѣдаю блаженство,
 Какъ въ монастырь Господь меня привелъ.
 Подумай, сынъ, ты о Царяхъ великихъ:
 Кто выше ихъ? Единый Богъ, Кто свѣтъ
 Противу ихъ? Никто, А что же? Часто
 Златой вѣнецъ тяжелъ имъ становился:
 Они его мѣняли на клубокъ.
 Царь Юаньскъ искалъ успокоеня
 Въ подобіи монашескихъ гробовъ,
 Его дворець, любимецъ гордыхъ полный,
 Монастыри видъ новый принималъ:
 Кромешники въ таряхъ и власяницахъ
 Послушными являлись чернецамъ,
 А грозный Царь Шумномъ богомольнымъ.

Я видѣлъ здѣсь, вотъ въ этой самой кельѣ
 (Въ ней жилъ тогда Кирилль многостра-
 тальный,

Мужъ праведный; тогда ужъ и меня
 Сподобилъ Богъ уразумѣть ничтожность
 Мѣрскихъ суетъ), здѣсь видѣлъ я Царя,
 Усталого отъ гнѣвнѣухъ думъ и казней:
 Задумчивъ, тѣхъ сидѣлъ межъ нами Гроз-
 ный:

Мы передъ нимъ недвижимо стояли,
 И тихо онъ бесѣду съ нами велъ.
 Онъ говорилъ Шумну и всей братѣ:
 «Отцы мои, желанный день придетъ:
 «Предстану здѣсь алкающій спасеня:
 «Ты, Никодимъ, ты, Сергій, ты, Кирилль,
 «Вы всѣ—обѣтъ примите мой духовный,
 «Приду къ вамъ, преступникъ окаянный,
 «И схиму здѣсь честную восприму,
 «Къ столамъ твоимъ, святой Отець, при-
 вадши».

Такъ говорилъ державный Государь,
 И сладко рѣчь нѣхъ усть его лилася,
 И плакалъ онъ, А мы въ слезахъ молились.
 Да исполнеть Господь любовь и миръ
 Его душѣ, страдающей и бурной.
 А сынъ его Феодоръ? На престолѣ
 Онъ воздыхалъ о мирномъ житіи
 Молчалишка, Онъ Царскіе чертоги
 Преобразилъ въ молливенную келью:
 Тамъ тяжкія, державныя печали
 Святой души его не возмущали.
 Богъ возлюбилъ смиреніе Царя,
 И Русь при немъ во славу безмятежной
 Утѣшалась, а въ часъ его кончины

Свершилось неслыханное чудо:
 Къ его одру, Царю едино дрімый,
 Явился мужъ необычайно свѣгель,
 И началъ съ нимъ бесѣдовать Феодоръ
 И называть великимъ Патриархомъ...
 И всѣ кругомъ объаты были страхомъ,
 Уразумѣвъ небесное видѣнне,
 Зане свѣтлый Владыка предъ Царемъ
 Во храмнѣ тогда не находился,
 Когда же онъ преставился, палаты
 Неполнились святымъ благоуханьемъ
 И ликъ его какъ солнце просіялъ.
 Ужь не видать такого намъ Царя...
 О страшное, невиданное горе!
 Противали мы Бога, согрѣшили:
 Владыкою себѣ царубинцу
 Мы нарекли.

гнорой.

Давно, честный отецъ,
 Хотѣлось мнѣ тебя спросить о смерти
 Дмитрія Царевича: къ то время
 Ты, говорятъ, былъ въ Утѣчѣ.

шмечь.

Охъ, помню!
 Привелъ меня Богъ видѣть злое дѣло.
 Кровавый грѣхъ, Тогда я въ дальній Утѣ-
 чѣ
 На пѣкое былъ посланъ послушанье,
 Пришелъ я въ ночь, Науро въ часъ
 обднн
 Вдругъ слышу звоны: уварили въ набатъ:
 Крикъ, шумъ, Бѣгутъ на дворъ Царицы, Я
 Слышу туда жъ — а тамъ уже весь городъ.

НИМЕЛЬ-ЛЪТОШНИЦЪ.

Картина К. Лебедева. (Музей Академии Художеств).

Гдежу: дежить зарѣзанный Царевичъ;
Царица мать въ безпамятствѣ палъ нимъ.
Кормилица въ отчаяннѣ рыласть.
А туть пародь остервенясь водочить
Безбожнующу предательницу мамку...
Вругь между нихъ свирѣвъ, отъ злости
блѣвень.

Является Туда-Витязевскій.
«Вотъ, вотъ, злотви!» раздало общійи воликъ,
И вмилъ его не стало. Туть пародь
Велѣдъ бросился бѣжавннмъ тремъ убий-
цамъ:

Укрывшнхся злодѣвъ захватили
И привели преть тендѣй группъ младенца,
И чудо—вругъ мертвецъ затрепетать.
«Покажитесь!» пародь имъ запремѣть:
И въ ужасѣ полъ топоромъ злотви
Покалясь и назвали Борисъ,
Григорій.

Какимъ былъ дѣвъ Царевичъ убійенннмъ?
Вимнѣвъ.

Да дѣвъ семи: ему бы нанѣ было —
«Тому прошло ужъ десять дѣвъ... дѣвъ,
бодннннн;
Дѣвннцать дѣвъ—онъ былъ бы твои
ровесникъ»

И царствовали: но Богъ сумѣлъ ииоръ.

Сей повѣстѣю плачевной заклячю
Я дѣтошнъ свое: съ тѣхъ поръ я мало
Вншкель въ дѣла мнрскія. Братъ Григорій,
Ты грамотни свой разумъ просвѣтлнть,
Тебѣ свой трудъ передаю. Въ часы
Своботные отъ подниговъ духовннмъ
Описывай, не мудрствуя лукаво,
Все то, чему свѣдѣтель въ жизни буденнн:
Войну и миръ, управу Государенъ,
Утошниковъ свѣтлыи чудеса,
Пророчества и знаменья небесныя —
А мнѣ пора, пора ужъ отдохнуть
И погаснть лампаду... Но звоннть
Къ дауренѣ... Благослови, Господь,
Своихъ рабовъ!... Подай косталь, Григорій,
(Умолнть).

Григорій.

Борисъ, Борисъ! все преть тобой трепе-
щннн.

Никто тебѣ не смѣеть и напомннть
О жребіи несчастнаго младенца
А между тѣмъ отшельникъ въ темной
вельѣ

Знѣвъ на тебя доносъ ужасннн пишнть:
И не видншь ты отъ суда мнрскаго,
Какъ не видншь отъ Божьяго суда.

ПАТРИАРХЪ ЮВЪ.

Гравюра Авиансыева изъ собранія Платона Бекетова.

НАКАТЫ ПАТРИАРХА.

ПАТРИАРХЪ, ПИМЕНЪ ЧУДОВА МО-
НАСТЫРЯ.

ПАТРИАРХЪ.

И онъ убѣжалъ, отецъ Пименъ?

ПИМЕНЪ.

Убѣжалъ, святой Владыка, вотъ ужъ тому
третій день.

ПАТРИАРХЪ.

Пострѣлъ, окаянный! Да какого онъ роду?

ПИМЕНЪ.

Изъ роду Огреневыхъ, Галицкихъ Бор-
скихъ Двѣтей: смолоду пострѣлъ невѣдомо
гдѣ, жилъ въ Суздаль, въ Ефимьевскомъ
монастырѣ, ушелъ отсюда, шатался по раз-
нымъ обителямъ, наконецъ пришелъ къ
моей Чудовской братіи: а я, видя, что онъ
еще малъ и неразуменъ, отдалъ его погь

началь отцу Пимену, старцу кроткому и
смирному: и былъ онъ весьма грамотенъ,
читалъ павин дѣтописи, сочинялъ кановы
святымъ: но знать грамота дѣлася ему не
отъ Господа Бога.

ПАТРИАРХЪ.

Ужъ эти миѣ грамотен! что еще выду-
малъ! *буду Царемъ на Москвѣ!* ахъ, онъ
сосудъ дьявольскій! Однако нечего Царю и
докладывать объ этомъ: что тревожить
Отца-Государя? Довольно будетъ объявить
о побѣгѣ Дьяку Смирнову или Дьяку
Ефимьеву. Экака ересь! *буду Царемъ на
Москвѣ!*.. Поимать, поимать врагоугодника,
да и сослать въ Соловецкій на вѣчное
покаяніе. Вѣдь это ересь, отецъ Пименъ?

ПИМЕНЪ.

Ересь, святой Владыка, суцая ересь.

ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

Два стольника.

первый.

Едѣ Государь?

второй.

Въ своей опочивальнѣ,
Онъ заперся съ какимъ-то кодуномъ.

первый.

Такъ, вотъ его любимая бесѣда:
Кудесники, гадатели, кодуны.
Все ворожить, что красная невѣста,
Желалъ бы знать, о чемъ гадаютъ онъ?

второй.

Вотъ онъ идетъ. Угодно ли спросить?

первый.

Какъ онъ устроитъ!

*(Уходитъ).*царь *(входитъ).*

Достигъ я высшей власти:
Шестой ужъ годъ я царствую спокойно;
Но счастья нѣтъ моей душѣ. Не такъ ли
Мы смолodu влюбляемъ и алчемъ
Утѣху любви, но только уголимъ
Сердечный глѣдь мнѣ повеннымъ обладаемъ,
Ужъ охладѣвъ, скучаемъ и томимся!..
Напрасно мнѣ кудесники сулятъ
Дни долгие, дни власти безмятежной—
Ни власть, ни жизнь меня не веселятъ;
Предчувствую небесный громъ и горе.
Мнѣ счастья нѣтъ. Я думалъ свой народъ
Въ довольствіи, во славу успокоить,
Щедротами любовь его списать—
Но отложилъ пустое пожеланье:
Живая власть для черни ненавистна.
Они любить умѣютъ только мертвыхъ.
Безумны мы, когда народный плескъ
Нѣтъ яркой воли тревожить сердце наше.
Богъ насыпалъ на землю нашу глѣдь:
Народъ завылъ, въ мученьяхъ погибая;
Я отворилъ имъ жилища: я злато
Разсыпалъ имъ; я имъ сыскалъ работы;
Они жь меня, бѣснуясь, проклинали!
Пожарный огонь ихъ юны истребилъ;
Я выстроилъ имъ новыя жилища;
Они жь меня пожаромъ упрекали!
Вотъ черни суть: нищъ жь ея любви!
Въ семьѣ моей я мнилъ найтти отраду,
Я дочь мою мнилъ осчастливить бракомъ;
Какъ буря, смерть унесла жениха...

Шалашникъ въ родѣ Бориса.

И тутъ молва лукаво нарекаетъ
Винникомъ дочерняго вдовства
Меня, меня, печастнаго отца!..
Кто ни умретъ, я всѣхъ убійца танщи:
Я ускорию Феодора кончину,
Я отравилъ свою сестру Царицу,
Монахино смиренную... все я!
Ахъ, чувствую: ничто не можетъ насъ
Среди мірскихъ печалей успокоить;
Ничто, ничто... одна развѣ совѣть—
Такъ, здравая, она восторжествуетъ;
Нать длюбою, нать темной клеветою;
Но если въ ней единое шито,
Единое случайно заведося:
Тогда бѣда: какъ язвою моровою
Душа сторишь, пальется сердце ядомъ,
Какъ молоткомъ стучить въ ушахъ упре-
комъ.

И все тошнить, и голова кружится,
И малыши кровавые въ глѣдахъ...
И рать бѣжать, за некумалъ, ужасно!..
Да, жалокъ тотъ, въ комъ совѣть нечиста

КОРЧМА НА ЛИТОВСКОЙ ГРАНИЦѢ.

Мисаилъ и Варлаамъ, бродяги-чернецы, Григорій Отрѣнбевъ мрянинномъ: Хозяйка.

Хозяйка.

Чѣмъ-то мнѣ васъ подчивать, старцы честные?

Варлаамъ.

Чѣмъ Богъ пошлетъ, хозяйюшка. Штъ ли вина?

Хозяйка.

Какъ не быть, отцы мои! сейчасъ вынесу. *(Уходитъ).*

Мисаилъ.

Что жъ ты закручинился, товарищъ? Вотъ и граница Литовская, до которой такъ хотѣлось тебѣ добраться.

Григорій.

Пока не буду въ Литвѣ, до тѣхъ поръ не буду спокоешь.

Варлаамъ.

Что тебѣ Литва такъ слюбилась? Вотъ мы, отецъ Мисаилъ да я грѣшный, какъ утекли изъ монастыря, такъ ни о чемъ и не думаемъ: Литва ли, Русь ли, что гудокъ, что гусли, все намъ равно, было бы вино... да вотъ и оно!..

Мисаилъ.

Складно сказано, отецъ Варлаамъ.

Хозяйка *(входитъ)*.

Вотъ вамъ, отцы мои. Нейте на здоровье.

Мисаилъ.

Спасибо, родная, Богъ тебя благослови. *Монахи пьютъ. Варлаамъ заглавываетъ пшено: Ты проходишь дорога и проч.). Григорью: Что же ты не подтягиваешь, да и не подтягиваешь?*

Григорій.

Не хочу.

Мисаилъ.

Вольному воля...

Варлаамъ.

А пьяному рай, отецъ Мисаилъ! Вынемъ же чарочку за шинкарочку... *(Постъ: Гдѣ пиводен добрый молодець, и проч.).*

Однако, отецъ Мисаилъ, когда я пью, такъ презвухъ не люблю: пно дѣло пьянство, а пное чванство: хочешь жить, какъ мы, милости просимъ— пѣвъ, такъ убирайся, проваливай: скomorохъ пону не товарищъ.

Григорій.

Ней, да про себя разумѣй, отецъ Варлаамъ! Видишь, и я порой складно говорить умѣю.

Варлаамъ.

А что мнѣ про себя разумѣть!

Мисаилъ.

Оставь его, отецъ Варлаамъ.

Варлаамъ.

Да что онъ за постыкъ? Самъ же къ намъ навидая въ товарищи, пвѣдомо кто, пвѣдомо откуда— да еще и свѣсивится; можетъ быть, кобылу похалтъ... *(Пьетъ и постъ).*

Григорій *(хозяйкѣ)*.

Куда ведетъ эта дорога?

Хозяйка.

Въ Литву, мой кормилецъ, къ Луёвымъ горамъ.

Григорій.

А далече ли до Луёвыхъ горъ?

Хозяйка.

Недалече, къ вечеру можно бы туда поспѣть, кабы не заставы Царскія, да сторожевые приставы.

Григорій.

Какъ, заставы! что это значить?

Хозяйка.

Кто-то бѣжалъ изъ Москвы, а велѣно всѣхъ задерживать да осматривать.

Григорій *(про себя)*.

Вотъ тебѣ, бабушка. Юрьевъ день!

Варлаамъ.

Эй, товарищъ! да ты къ хозяйкѣ присуѣдился. Знать, не нужна тебѣ водка, а нужна молодка: дѣло, братъ, дѣло! У всякаго свой обычай: а у насъ съ отцомъ Мисаиломъ одна заботунка— пьемъ до доушка: выпьемъ, поворотимъ и въ доушко поколотимъ.

Мисаилъ.

Складно сказано, отецъ Варлаамъ.

Григорій *(хозяйкѣ)*.

Да кого жъ имъ налюбно? Кто бѣжалъ изъ Москвы?

Хозяйка.

А Господь его вѣдаетъ, воръ ли, разбойникъ, голько дѣсь и добрымъ людямъ

нынѣ прохода нѣтъ. А что изъ того будетъ? ничего: ни этого бѣса не поймаютъ: будто въ дѣтву нѣтъ и другого пути, какъ столбовая дорога! Вотъ хоть отсюда свороти направо, да боромъ иди по тропинкѣ до часовни, что на Чеканскомъ ручью, а тамъ прямо черезъ бодого на Хлоинно, а оттуда на Захарьево, а тутъ ужъ всякой мальчишка доведеть до Дубовыхъ горъ. Отъ этихъ приставовъ только и толку, что приѣзжаютъ прохожихъ, да обираютъ насъ, бѣдныхъ. (*Слышитъ шумъ*). Что тамъ еще? Ахъ, вотъ они, проклятые! дозоромъ идутъ.

Григорій.

Хозяйка! нѣтъ ли въ избѣ другого угла?

Хозяйка.

Шту, родимый, рада бы спрягаться. Только слава, что дозоромъ ходятъ, а подавай изъ и вина и хлѣба, и невѣдомо чего—чтобъ имъ вздохнуть, обаянннмъ! чтобъ имъ...

(*Взвоятъ Приставы*).

приставъ.

Здорово, хозяйка!

хозяйка.

Добро пожаловать, гости дорогие, милости просимъ!

одинъ приставъ *орудому*.

Ба! да здѣсь попойка идетъ; будетъ чѣмъ поживиться. (*Мисавль*) Вы что за люди?

Варлаамъ.

Мы Божіи старцы, иноки смиренныя, ходимъ по селеніямъ, да собираемъ милостивно Христіанскую на монастырь.

приставъ, *Григорію*.

А ты?

мисавль.

Нашъ товарищъ...

Григорій.

Мірянинъ изъ пригорова; проводилъ старцевъ до рубежа; отсель иду воевоис.

мисавль.

Такъ ты раздумалъ...

Григорій *тило*.

Молчи.

приставъ.

Хозяйка, выставь-ко еще вина—а мы здѣсь со старцами поьемъ, да побесѣдуемъ.

другой приставъ, *тило*.

Парень-то, кажется, голы: съ него взять нечего: зато старцы...

первый.

Молчи, сейчасъ до нихъ доберемся. Что, отцы мои, каково промышляете?

Варлаамъ.

Плохо, сыне, плохо! нынѣ Христіане стали скуны: деньгу любятъ, деньгу причуть. Мало Богу даютъ. Приде грѣхъ велий на языцы земній. Всѣ пустилися въ торги, въ мытарства: думаютъ о мірскомъ богатствѣ, не о спасеніи души. Ходишь, ходишь: молишь, молишь: иногда въ три дня грѣхъ полунекъ не вымолишь. Такой грѣхъ! Пройдешь недѣля, другая, заглянешь въ кошѣнку, анъ въ ней такъ мало, что совѣстно въ монастырь показаться: что дѣлать? съ горя и остальное прощешь: бѣда да и только.—Охъ, плохо! знать, пришли наши послѣднія времена...

хозяйка *плачетъ*.

Господь помилуй и спаси!

(*Въ продолженіе Варлаамовой рѣчи, первый приставъ значительно вѣмат риваетъ въ Мисавль*).

второй приставъ.

Алѣха! при тебѣ ли Царскій Указъ?

второй.

При мнѣ.

первый.

Подай-ка сюда.

мисавль.

Что ты на меня такъ пристально смотришь?

первый приставъ.

А вотъ что: изъ Москвы бѣжать нѣкоторый злой еретикъ, Гришка Отреньевъ, слышалъ ли ты это?

мисавль.

Не слыжалъ.

приставъ.

Не слыжалъ? ладно. А того бѣдлага еретика Царь приказалъ иловить и повѣсить. Знаешь ли ты это?

мисавль.

Не знаю.

приставъ, *Варлаамъ*.

Умѣешь ли ты читать?

Варлаамъ.

Смолоду звалъ, та раздумился.

приставъ, *Мисаилу.*
 А ты?
 мисаилъ.
 Не умудрилъ Господь.
 приставъ.
 Такъ вотъ тебѣ Царскій Указъ.
 мисаилъ.
 На что мнѣ его?
 приставъ.
 Мнѣ сдается, что этотъ бѣглый еретикъ,
 воръ, мошенникъ — ты.
 мисаилъ.
 Я? Помилуй! что ты!
 приставъ.
 Постой! держи двери. Вотъ мы сей часъ
 и справимся.
 хозяйка.
 Ахъ они окаинные мучители! и старца-
 то въ покоѣ не оставятъ!
 приставъ.
 Кто здѣсь грамотный?
 григорій, *выступаетъ впе-
редь.*
 Я грамотный.
 приставъ.
 Вотъ па... А у кого же ты научился?
 григорій.
 У нашего пономаря.
 приставъ, *даетъ ему Указъ.*
 Читай же вслухъ.
 григорій, *читаетъ.*
 «Чудова монастыря недостойный чер-
 нецъ Григорій, изъ роду Огреневыхъ,
 вналъ въ ересь и дерзнулъ, наученный
 діаволомъ, возмущать святую братію вся-
 кими соблазнами и беззаконіями. А по справ-
 камъ оказалось, отбѣжалъ онъ, оказанный
 Гришка, къ границѣ Анговской...»
 приставъ, *Мисаилу.*
 Какъ же не ты?
 григорій.
 «И Царь повелѣлъ изловить его...

приставъ.
 И повѣсить!
 григорій.
 Тутъ не сказано повѣсить.
 приставъ.
 Врешь! не всяко слово въ строку пи-
 шется. Читай: изловить и повѣсить.
 григорій.
 «И повѣсить. А дѣтъ ему вору Гришкѣ
 отъ роду... *(смотритъ на Варлаама)* за 50, а ро-
 сту онъ средняго, добъ имѣть пѣшивый,
 бороду сѣдую, брюхо толстое.»
(Всѣ глядятъ на Варлаама).
 первый приставъ.
 Ребята! здѣсь Гришка! держите, вяжите
 его! Вотъ ужъ не думалъ, не гадалъ!
 варлаамъ, *вырывая бумагу.*
 Отстаньте, б... дѣти! что я за
 Гришка? какъ! 50 дѣтъ, борода сѣдая, брю-
 хо толстое! пѣтъ, братъ, молодъ еще надо
 мною шутки шутить. Я давно не читывалъ
 и худо разбираю, а тутъ ужъ разберу, какъ
 дѣло до петли доходить. *(Читаетъ по складамъ)*
 «А дѣтъ е-му отъ ро-ду... 20». — Что братъ,
 гдѣ тутъ 50? видишь 20!
 второй приставъ.
 Да, поминется, 20; такъ в намѣ было
 сказано.
 первый приставъ, *Григорію.*
 Да ты, братъ, видно забавникъ.
*(Во время чтенія, Григорій стоитъ
 потупя голову, съ рукою за пазухой).*
 варлаамъ, *продолжаетъ.*
 «А ростомъ онъ малъ, грудь широкая,
 одна рука короче другой, глаза голубые, во-
 лосы рыжіе, на щекѣ бородавка, на лбу
 другая.» Да это другъ ужъ не ты ли?
*(Григорій всрруть вынимаетъ книжечку;
 всѣ перелъ нимъ разступаются, онъ
 бросается въ окно).*
 приставаы.
 Держи! держи!
(Всѣ бѣгутъ въ безпорядкѣ).

ВАСИЛІЙ ШУЙСКІЙ.

(Царемъ старинной портреть изъ «Описанія одежды и вооруженія рус. войскъ» Висковатова).

МОСКВА. ДОМЪ ШУЙСКАГО.

Шуйскій, множество гостей,
Ужинь.

шуйскій,

Вина еще! Ну, гости дорогие, *(Встаетъ, за-
нимъ и вст.)*

Последній ковчѣ! Читай молитву маль-
чикъ.

мальчикъ.

Царю небесъ, вездѣ и присно сущій,
Своихъ рабовъ моленно внемли:
Помолимся о нашемъ Государѣ,
Объ избранномъ Тобой благочестивомъ,
Всехъ Христіанъ Царѣ самодержавномъ,
Храни его въ палатахъ, въ полѣ разномъ,
И на пучкахъ, и на одрѣ почтета,
Подаи ему побѣду на враги,
Да славится онъ отъ моря до моря,
Да здравіемъ цвѣтетъ его семья,
Да обнятъ ея драгія вѣтви
Весь міръ земной — а къ намъ, своимъ ра-
бамъ,

Да будетъ онъ, какъ прежде, благодатенъ,
И милостивъ и золотерябливъ,
Да мудрости его неисчислимои
Провлдекутъ источники на насъ;
И Царскую на то воздвигнувь чину,
Мы молимся Тебѣ, Царю небесъ.

шуйскій, *мать.*

Да здравствуетъ Великій Государь!
Простите же вы, гости дорогие:
Благодарю, что вы моей алѣбь-солно
Не презрѣли. Простите, добрый совѣ,
(Гости улыбаются, онъ провожаетъ ихъ до дверей).

пушкинъ.

Насладу убрался; ну, князь Василій Ива-
новичъ, я ужъ думалъ, что намъ не удастся
и переговорить.

шуйскій, *слышитъ.*

Вы, что ротъ разинули? Все бы вамъ гос-
подь подслушивать. Сбирайте со стола, да
суданце вонъ.—Что такое, Аонасін Ми-
хайловичъ?

пушкинъ.

Чудеса да и только!
Племянникъ мой, Гаврила Пушкинъ, мнѣ
Изъ Кракова гонца прислалъ сегодня.

шуйскій.

Ну?

пушкинъ.

Странную племянникъ пишетъ новость,
Сынъ Грознаго... Постой, *(Начинаетъ читать,
и останавливается.)*

Березинный отрогъ,

Но маню Бориса убившана...

шуйскій.
 Да это ужъ не ново.
 пушкинъ.
 Помоги:
 Димитрій живъ.
 шуйскій.
 Вотъ на! какая вѣсть!
 Царевича живъ! ну, полнѣнно чудесно!
 И только-то?
 пушкинъ.
 Подумай до конца:
 Кто бъ ни былъ онъ, спасенный ли Царевичъ.
 Пль шуйскій духъ во образъ его,
 Пль смѣлый плутъ, безстыднѣй самозванецъ,
 Но только тамъ Димитрій появился.
 шуйскій.
 Не можетъ быть.
 пушкинъ.
 Его самъ Пушкинъ видѣлъ,
 Какъ прѣбжалъ впервой онъ во дворецъ
 И сквозь ряды Лиговскихъ Пановъ прямо
 Шелъ въ тайную палату Короля.
 шуйскій.
 Кто жъ онъ такой? Откуда онъ?
 пушкинъ.
 Не знаютъ.
 Извѣстно то, что онъ слугою былъ
 У Вишневецкаго, что на одрѣ болѣзни
 Открылся онъ духовному отцу,
 Что гордый Панъ, сѣю провѣдавъ тайну,
 Ходилъ за нимъ, подымалъ его съ одра,
 И съ нимъ потомъ ухажъ къ Сигизмунду.
 шуйскій.
 Что жъ говорить объ этомъ удалцѣ?
 пушкинъ.
 Да слышно, онъ умный, привѣдливъ, ловокъ,
 Но праву всѣмъ, Московскихъ бѣлорѣцѣвъ
 Обворожилъ. Латинскіе поны
 Съ нимъ заодно, Король его ласкаетъ—
 И говорить, помому общалъ.
 шуйскій.
 Все это, братъ, такая кутерма,
 Что голова кругомъ пойдетъ неволью,
 Сомнѣнья нѣтъ, что это самозванецъ,
 Но признаюсь, опасность не мала.

Вѣсть важная! и если до народа
 Она дойдетъ, то быть грозѣ великой!
 пушкинъ.
 Такой грозѣ, что зрячь Царю Борису
 Сдержатъ вѣнецъ на умной головѣ.
 И подыаомъ ему; онъ правитъ нами,
 Какъ Царь Иванъ не къ ночи будъ помянуть
 Что пользы въ томъ, что явнымъ казней
 нѣтъ,
 Что на полу кровавомъ всенародно
 Мы не поемъ каноповъ Инусу,
 Что насъ не жгутъ на площади, а Царь
 Своимъ железомъ не потребаетъ углей?
 Увѣрены ль мы въ бѣдной жизни нашей!
 Насъ каждый день ограда ожидаетъ,
 Тюрьма, Сибирь, клобукъ, пль кандалы,
 А тамъ въ плуни голода смерть, пль
 петля.
 Знатнѣйшіе межъ нами розы гдѣ?
 Гдѣ Сичкѣ Князья, гдѣ Шестуновы,
 Романовы, отечества надежда?
 Заточены, замучены въ пзнашѣ.
 Дай срокъ; тебѣ такая жъ будетъ участь.
 Легко ль, скажи: мы дома, какъ Литвой,
 Осаждены невѣрными рабами
 Все языки, готовые продать
 Правительствомъ подкупленные воры
 Зависимъ мы отъ перваго холопа,
 Котораго захочемъ наказатъ.
 Вотъ—Юрьевъ день задумалъ уничтожить.
 Не властны мы въ помѣстіяхъ своихъ.
 Не смѣи согнатъ лѣнннца! Радъ не радъ,
 Корми его. Не смѣи переманитъ
 Работника! не го, въ Приказъ Холопей.
 Ну, слыхано ль хоть при Царѣ Иванѣ
 Такое зло? А легче ли народу?
 Спроси его, Попробуй самозванецъ
 Пль послушать старинный Юрьевъ день,
 Такъ и пойдетъ потѣха.
 шуйскій.
 Правъ ты, Пушкинъ.
 Но знаешь ли? Объ этомъ обо всѣмъ
 Мы помолчимъ до времени.
 пушкинъ.
 Вѣстимо.
 Знай про себя. Ты человекъ разумный:
 Всегда съ тобой бесѣдовать я радъ.
 И если что меня погѣ-часъ тревожитъ,
 Не вытерплю, чтобъ не сказать тебѣ:
 Къ тому жъ твой метъ, за бархатное пиво
 Сегодня такъ языкъ мой развязали...
 Прощай же Князь.
 шуйскій.
 Прощай, братъ, до свиданья.
 (Провождаетъ Пушкина).

СТАРШИИИ КАБИНЕТЪ ВЪ КРЕМЛЕВСКОМЪ ТЕРЕИНОМЪ ДВОРЦЕ.

(Фотографія Барцускаго.)

ЦАРСКИЯ ПАЛАТЫ.

ЦАРЕВИЧЪ, чертитъ географическую карту.

ЦАРЕВНА, МАМКА ЦАРЕВНЫ.

Косиця, наддеетъ портретъ.

Милый мой женихъ, прекрасный Королевичъ, не мифъ ты остался, не своей невѣстѣ, а темной монашкѣ, на чужой сторонкѣ: никогда не увидишь, вѣчно по тебе буду плакать.

мамка.

И, Царевна! двинца плачешь, что роса падеть: взойдетъ солнце, росу высушитъ. Будеть у тебя другой женихъ и прекрасный и привѣдливый. Полюбишь его, шти наше печальнѣе, дабуешь Иванъ Королевича.

косиця.

Итъ, мамушка, я и мертвому буду ему вѣрна.

(Входитъ Борисъ.)

царь.

Что, Косиця? что, милая моя?
Въ небѣстахъ ужь печальная вдовица!
Все плачешь ты о мертвомъ женихъ.
Дитя мое! судьба мифъ не судила
Виновиномъ быть нашего блаженства.
Я, можетъ быть, противалъ небеса.
Я счастье твое не могъ устроить:

Безвиная! Зачѣмъ же ты страдаешь?

А ты, мой сынь, чѣмъ занятъ? Это что?

оготерь.

Чертежь земли Московской: наше царство
Штъ край въ край. Вотъ видишь: дуть
Москва,

Туть Новгородъ, дуть Астрахань, Вотъ
море.

Вотъ Пермскіе дремучіе лѣса,

А вотъ Сибирь.

царь.

А это что такое

Узоромъ зтѣсь вѣстѣя?

оготерь.

Это Волга.

царь.

Какъ хорошо! воть сладкій плоть умения!
Какъ съ облаковъ ты можешь обозрѣть
Все царство вкругъ: границы, графы, рѣки.
Умись, мой сынь: наука сокращаетъ
Памь оныты быстротекущей жизни
Когда-нибудь, и скоро, можетъ быть,
Всѣ области, которыя ты нынѣ
Поздравлялъ такъ шитро на бумагѣ,
Всѣ воть руку достанутъ твою

Умись, мой сынъ, и легче и яснѣе
Державный трудъ ты будешь постигать.
(Входитъ Семенъ Годимовъ.)
Вотъ Годимовъ идетъ ко мнѣ съ докладомъ.
(Входитъ.) Душа моя, поди въ свою свѣтлицу:
Прости, мой другъ; угнѣвъ тебя Господь,
(Входитъ съ мамкою Годимовъ.)

Что скажешь мнѣ, Семенъ Никитичъ?

СЕМЕНЪ ГОДИМОВЪ.

Нынче

Комнѣ чѣмъ свѣтъ, дворецкій Князь-Василья
И Пушкина слуга пришли съ доносомъ.

ЦАРЬ.

Ну?

СЕМЕНЪ ГОДИМОВЪ.

Пушкина слуга донесъ сперва,
Что поутру вчера къ нимъ въ домъ при-
ѣхалъ

Изъ Кракова гонецъ—и черезъ часъ
Безъ грамоты отослалъ былъ обратно.

ЦАРЬ.

Гоца схватить.

СЕМЕНЪ ГОДИМОВЪ.

Ужъ послано въ догону.

ЦАРЬ.

О Шуйскомъ что?

СЕМЕНЪ ГОДИМОВЪ.

Вечоръ онъ угощалъ
Своихъ друзей, обонхъ Милославскихъ,
Бутурлиновыхъ, Михайла Салтыкова,
Да Пушкина, да вѣсколько другихъ:
А разошлись ужъ поздно, только Пушкинъ
Наединѣ съ хозяномъ остался
И долго съ нимъ бесѣдовалъ еще.

ЦАРЬ.

Сей часъ послать за Шуйскимъ.

СЕМЕНЪ ГОДИМОВЪ.

Государь!

Онъ зѣвъ уже.

ЦАРЬ.

Позвать его сюда.

(Годимовъ уходитъ.)

ЦАРЬ.

Сношенія съ Литвою! это что?...
Противень мнѣ роль Пушкинскихъ мятежныхъ,
А Шуйскому не должно повѣрять:
Уклончивый, но смѣлый и лукавый...

(Входитъ Шуйскій.)

Мнѣ нужно, Князь, съ тобою говорить.
Но, кажется, ты самъ пришелъ за дѣломъ:
И выслушать хочу тебя сперва.

шуйскій.

Такъ, Государь: мой долгъ тебѣ повѣдать
Вѣсть важную.

ЦАРЬ.

Я слушаю тебя.

шуйскій, *тихо указывая на вѣдори.*
Но, Государь...

ЦАРЬ.

Царевичъ можетъ знать,

Что вѣдаетъ Князь Шуйскій. Говори.

шуйскій.

Царь, изъ Литвы пришла намъ вѣсть...

ЦАРЬ.

Не та ли.

Что Пушкину привезъ вечеръ гонецъ?

шуйскій.

Все знаетъ онъ!... Я думаю, Государь,
Что ты еще не вѣдаешь сей тайны.

ЦАРЬ.

Нѣтъ нужды, Князь: хочу сообразить
Извѣстїя; иначе не узнаемъ
Мы истины.

шуйскій.

Я знаю только то,

Что въ Краковѣ явился самозванецъ,
И что Король и Папы за него.

ЦАРЬ.

Что жъ говорить? Кто этотъ самозванецъ?

шуйскій.

Не вѣдаю.

ЦАРЬ.

Но... чѣмъ опасенъ онъ?

шуйскій.

Конечно, Царь: сильна твоя держава,
Ты милостью, радѣемъ и щедротой
Усыновилъ сердца своихъ рабовъ.
Но знаешь самъ: безмысленная чернь
Извѣчлива, мятежна, суевѣрна,
Легко пустой надеждѣ предана,
Мгновенному внушенію послушна,
Для истины глуха и равнодушна,
А баснями питается она.
Ей правится безстыдная отвага:
Такъ если ей невѣдомый бродяга
Литовскую границу перейдетъ,
Къ нему толпу безумцевъ привлечетъ
Дмитрія воскреснувшее имя.

ЦАРЬ.

Дмитрія!.. какъ? этого младенца?

Дмитрія!.. Царевичъ, удались.

ПАРЕНЬ ОГОРЬ НОВА БЫВАЕТЪ БОРИСЪ КАРЕНЬ ГОДУНОВЪ

швейский.

Онъ покраснѣлъ: былъ бурѣ!..

окедоръ.

Государь,

Дозволишь ли...

царь.

Нельзя, мой сынъ, поди.

(Отвѣтъ прохотѣть).

Димитрія!..

швейскій.

Онъ ничего не знаетъ.

царь.

Послушай, Князь: взять мѣры сей же
часть:

Чтобъ отъ Литвы Россія оградилась

Заставами: чтобъ ни одна душа

Не перешла за эту грань: чтобъ зацѣ

Не прибѣжало изъ Польши къ намъ; чтобъ

воронъ

Не прилетѣлъ изъ Кракова. Ступай.

швейскій.

Иду.

царь.

Постой. Не правда ль, эта вѣсть
Затѣйлива? Слыхалъ ли ты когда,
Чтобъ мертвые изъ гроба выходили
Допрашивать Царей, Царей законныхъ,
Назначенныхъ, избранныхъ всенародно,
Увѣчаныхъ великимъ Патриархомъ?
Смѣшно? а? что? что жъ не смѣнешся ты?

швейскій.

Я, Государь?..

царь.

Послушай, Князь Василій:

Какъ я узналъ, что отрока сего...

Что отрокъ сей лишился какъ-то жизни.

Ты посланъ былъ на слѣдствіе: теперь

Тебя Крестомъ и Богомъ заклинаю.

По совѣсти мнѣ правду объяви:

Узналъ ли ты убитаго младенца

И не было ль подмѣны? Отвѣчай.

швейскій.

Клянусь тебѣ!..

царь.

Итъ, Швейскій, не клянись,
Но отвѣчай: то былъ Царевичъ?

швейскій.

Онъ.

царь.

Подумай, Князь. Я милость общаю,
Прошедшей дни овалю напрасной
Не накажу. Но если ты теперь
Со мной хитришь, то головою сына
Клянусь — тебя постигнетъ злая казнь.
Такая казнь, что царь Иванъ Васильевичъ
Отъ ужаса во гробѣ содрогнется.

швейскій.

Не казнь страшна: страшна твоя немилость:

Передъ тобой дерзну ли я лукавить?

И могъ ли я такъ слѣпо обмануться,

Что не узналъ Димитрія? Три дня

Я тругъ его въ Соборѣ посѣщаль,

Всѣмъ Угличемъ туда сопровождаемый.

Вокругъ него тринадцать тѣлъ лежало,

Растерзанныхъ пародомъ, и по нимъ

Ужъ тѣмнѣе примѣтно проступало,

И дѣтскій ликъ Царевича былъ ясенъ

И свѣжъ и тихъ, какъ будто усиленный:

Глубокая не заекалась азва,

Черты жъ лица совсѣмъ не измѣнились.

Итъ, Государь, сомнѣнья нѣтъ: Димитрій

Во гробѣ спитъ.

царь.

Довольно, удались.

(Швейскій уходитъ).

Ухъ, тяжело!.. дай духъ переведу —

Я чувствовала: вся кровь моя въ лицѣ

Мнѣ кипулась и тяжело опускалась...

Такъ вотъ зачѣмъ тринадцать дѣтъ мнѣ

сряду

Все снилось убитое дитя!

Да, да — вошь что! теперь я понимаю.

Но кто же онъ, мой грозный существовать?

Кто на меня? Пустое имя, тѣнь —

Уже ли тѣнь сорветъ съ меня порфиру,

Нль звукъ лишитъ дѣтей моихъ наслед-

ства?

Безумецъ я! чего жъ я испугался?

На призракъ сей подумъ — и итъ его.

Такъ рѣшено: не окажу я страха —

Но презирать не должно ничего!..

Охъ, тяжела ты, шапка Мономаха!

САМОЗВАНЕЦЪ и КУРЬСКИИ.

Постановка Москов. Художественнаго театра (1907—1908).

КРАКОВЪ. ДОМЪ ВИНШЕВЕЦКАГО.

САМОЗВАНЕЦЪ и ПАТЕРЪ ЧЕРНИКОВСКИИ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Нѣтъ, мой отецъ, не будетъ затрудненій.
Я знаю духъ народа моего:
Въ немъ набожность не знаетъ изступленья:
Ему священъ примѣръ Царя его.
Всегда, къ тому жь, терпимость равнодушна.
Ручаюсь я, что прежде двухъ годовъ
Весь мой народъ и вся Восточна Церковь
Признаютъ власть Намѣстника Петра.

ПАТЕРЪ.

Вспомоществуй тебѣ святой Писаніи,
Когда придетъ нынѣ времена,
А между тѣмъ небесной благодати
Таи въ душѣ, Царевичъ, сѣмена:
Притворствоватъ прегь осланеннымъ свѣ-
томъ.

Намъ иногда духовныи долеъ ведишь:
Твои слова, дѣянья сушь люди,
Намбренья естныи виншь Богъ.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Amen. Кто тамъ!

(Входитъ слуга).

Сказать мы принимаемъ.

(Отворяются окны, входитъ толпа Рускихъ и Польковъ).

Товарищи! мы выступаемъ завтра
Изъ Кракова. Я, Мишкекъ, у тебя
Остановлюсь въ Самборѣ на три дни.
Я знаю твой гостеприимный замокъ
И пышностью блистаетъ благородной,
И славится хозяйкой молодой,
Предестную Марину я надлюсь
Увидѣть тамъ. А вы, мои друзья,
Литва и Русь, вы, братекія знамена
Поднявшіе на общаго прага,
На моего коварнаго злодѣя,
Сыны Славянъ, я скоро поведу
Въ желанный бой дружины ваши грозны,
Но между васъ я вижу новы лица.

САВРЬЛА ПУШКИНЪ.

Они пришли у милости твоей
Просить меча и службы.

САМОВАНЕЦЪ.

Рать вамъ, дѣти,
Ко мнѣ, друзья. Но кто скажи мнѣ, Пуш-
кинъ,
Красавецъ сей?

ПУШКИНЪ.

Князь Курбскій,
САМОВАНЕЦЪ, *Курбскому.*
Няя громко!
Ты родственникъ Казанскому Герою?

КУРБСКІЙ.

Я сынъ его.

САМОВАНЕЦЪ.

Отъ живъ еще?

КУРБСКІЙ.

Штъ, умеръ.

САМОВАНЕЦЪ.

Великій умъ! мужъ битвы и совѣта!
Но съ той поры, когда явился онъ,
Своимъ обидъ ожесточенный мститель,
Съ Литовцами подъ великій городъ Ольвину,
Молва объ немъ умолкла.

КУРБСКІЙ.

Мой отецъ
Въ Волынѣ провелъ остатокъ жизни,
Въ помѣстіяхъ, дарованныхъ ему
Баторіемъ, Уединенъ и тихъ,
Въ наукахъ онъ искалъ себѣ отрады:
Но мирный трудъ его не угнѣмалъ:
Онъ юности своей отчизну помнилъ
И до конца по ней онъ тосковалъ.

САМОВАНЕЦЪ.

Нещастный вождь! какъ ярко просіялъ
Восходъ его шумящей, бурной жизни.
Я радуюсь, великородный внязь,
Что кровь его съ отечествомъ мирится;
Вины отцовъ не должно вспоминать;
Миръ тробу нѣхъ! Приблизься, Курбскій...
Руку!

Не страшно ли? сынъ Курбскаго вѣдетъ
На тронъ, кого? да — сына Иоанна!..
Все за меня: и люди, и судьба.
Ты кто такой?

ПОЛЯКЪ.

Собаньскій, шляхтичь вольный.

САМОВАНЕЦЪ.

Авала и честь тебѣ, свободы чадо!
Всередь ему треть жалованья выдать.
Но эти кто? Я узнаю на инуъ
Земли родной одежду. Это наши.

УРАЩОВЪ *бѣгъчъ и дольчъ.*

Такъ, Государь, отецъ нашъ. Мы твои
Усердные, гошмные холопы.
Мы изъ Москвы, опальные, бѣжали
Къ тебѣ, нашъ Царь — и за тебя готовы
Главами лечь, да будутъ наши трупы
На Царской тронъ ступенями тебѣ.

САМОВАНЕЦЪ.

Мужайтесь, безвинные страдальцы —
Лишь дайте мнѣ добраться до Москвы,
А тамъ Борисъ разлитится во всемя,
Ты кто?

КАРЕЛА.

Казакъ: къ тебѣ я съ Дова посланъ
Отъ вольныхъ войскъ, отъ уграбрыахъ Ата-
мановъ,
Отъ Козаковъ верховныхъ и низовыхъ,
Узрѣвъ твои Царевы жены очи
И кланяясь тебѣ пухъ головами.

САМОВАНЕЦЪ.

Я зналъ Донцевъ: не сомнѣвался видѣть
Въ своюхъ рядахъ Козачьи бунчуки.
Благодаримъ Донское наше войско.
Мы вѣдаемъ, что нынѣ Козаки
Неправедно приписаны, гошмы:
Но если Богъ поможетъ намъ вступитъ
На тронъ отцевъ, то мы во старинѣ
Покажемъ нашъ вѣрный вольный Донъ.

ПОЛЪ *спраближастся, ели
илясь низло и званн
Гришку за полу.*

Великій Принцъ, Свѣдливый Королевичъ!

САМОВАНЕЦЪ.

Что хочешь ты?

ПОЛЪ *поостъ ему бумату.*

Примите благосклонно
Сей бѣдныи плоть усерднаго труда.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Что вижу я? Латнискіе стихи!
 Стократъ священъ союзъ меча и лиры;
 Единъ лавръ ихъ дружно обвиваетъ.
 Ротился я подъ небомъ подмошнымъ.
 Но мнѣ знакомъ Латнискій Музы голосъ.
 И я люблю Парнасскiе дѣвны.
 Я вбрую въ пророчества Пифовы.
 Нѣтъ, не вотще въ ихъ пламенной группѣ
 Кишитъ восторгъ: благословится подвигъ,
 Его жь они прославили заранѣ!
 Приблизься, другъ. Въ мое воспоминанье

Прими сей лавръ. *(Дать ему перстень).*
 Когда со мной свершится
 Судьбы завѣтъ, когда корону преню
 Патбу я; патбюсь вновь услашать
 Твой сладкій гласъ, твой вдохновенный
 гимнь.
 Musa gloriam coronat, gloriaque musam.
 И такъ, друзья, то завтра, то свиваня.

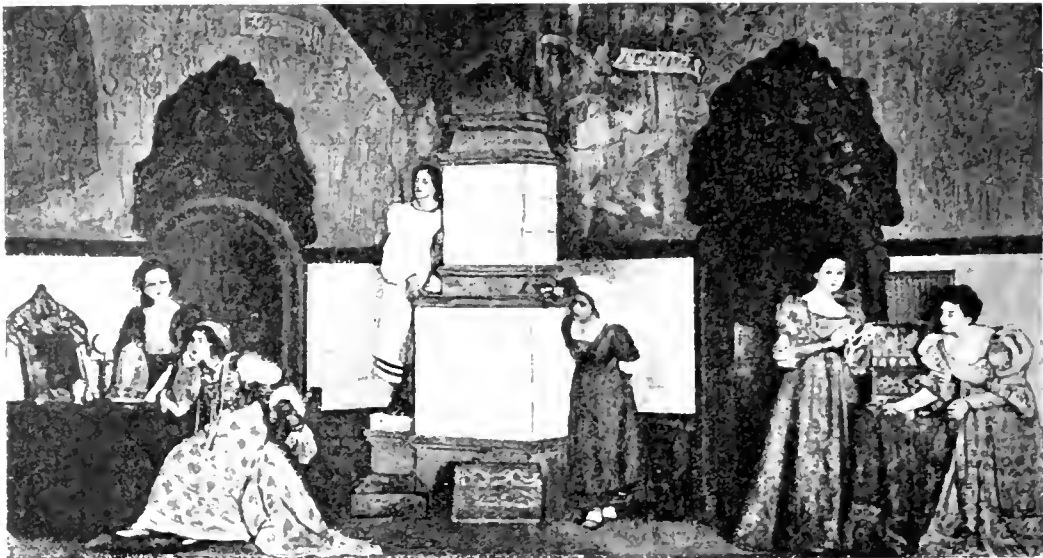
всѣ.

Въ похоть, въ похоть! Да здравствуетъ
 Димитрій!
 Да здравствуетъ Великій Князь Московскій!

ДМИТРИЙ САМОЗВАНЕЦЪ.

Наиболѣе вѣроятный изъ его портретовъ, гравированный въ 1606 г. Лукой Калитиномъ.

УБОРНАЯ МАРИНЫ.

Постановка Москов. Художественнаго театра (1907—1908)

ЗАМОКЪ ВОЕВОДЫ МИШКА ВЪ САМБОРѢ.

Уборная Марина.

МАРИНА: РУЗЯ УБИРАЕТЪ ЕЕ; СЛУЖАНКИ.

МАРИНА (*передъ зеркаломъ*).

Ну, что жъ? готово ли? польза ли поспѣ-
шить?

РУЗЯ.

Позвольте—напередъ рѣшите выборъ труд-
ный:

Что вы надѣнете, жемчужную ли нить,
Иль подумѣеца изумрудный?

МАРИНА.

Алмазный мой вѣнецъ.

РУЗЯ.

Прекрасно! Помните, его вы надѣвали,
Когда изволили вы вѣдять во дворецъ?

Ва бабъ, говорить, какъ солнце вы бли-
стали:

Мужчины ахали, красавицы шептали...
Въ то время, кажется, васъ видѣлъ въ пер-
вый разъ

Хоткевичъ молодой, что послѣ застрѣ-
лился.

А точно, говорить, на васъ

Кто ни взглянулъ, тотъ и влюбился.

МАРИНА.

Польза ли поскорѣй?

РУЗЯ.

Сейчасъ.

Сегодня вашъ отецъ надѣтся на васъ.

Царевичъ видѣлъ васъ недаромъ;

Не могъ онъ утаить восторга своего:

Ужъ раненъ онъ; такъ надобно его

Сразить рѣшительнымъ ударомъ.

А точно, панна, онъ влюбленъ:

Вотъ мѣсяцъ, какъ, оставя Краковъ,

Забывъ войну, московскій тронъ,

Въ гостяхъ у васъ шируетъ онъ

И бѣснеть русскимъ и полякомъ.

Ахъ, Боже мой, дождусь ли дня?...

Не правда ли, когда въ свою столицу

Димитрій повезетъ московскую царицу,

Вы не оставите меня?

МАРИНА.

Ты развѣ думаешь, царицей буду я?

РУЗЯ.

А кто жъ, когда не вы? Кто смѣетъ кра-
сотою

Равняться здѣсь съ моею госпожою?

Родъ Мишковыхъ ничему еще не уступалъ;

Умомъ—превыше вы похвалять...

Счастливъ, кого вашъ взоръ внимаешь
удостоить,

Кто сердца вашего любовь себѣ при-
своить —
Кто блинъ былъ онъ, хоть ванъ король
Или французскій королевичъ...
Не только ищій ванъ царевичъ,
Богъ вѣсть какой, Богъ вѣсть отколь!

МАРИНА.

Онъ точно царскій сыкъ и признакъ цѣ-
лымъ свѣтомъ.

РУЗИ.

А все жъ онъ былъ прошедшею зимой
У Вишневецкаго слугой.

МАРИНА.

Скрывался онъ.

РУЗИ.

Не спорю я объ этомъ.
А только знаете ли вы,
Что говорятъ о немъ въ народѣ?
Что будто онъ дичекъ, бѣжавшій изъ
Москвы.

Извѣстный плутъ въ своемъ приходѣ.

МАРИНА.

Какія глупости!

РУЗИ.

О, я не вѣрю имъ!

Я только говорю, что долженъ онъ ко-
нечно
Благословлять еще судьбу, когда сердечно
Вы предпочли его другимъ.

СЛУЖАНКА, *вбѣгаетъ.*

Ужъ гости съѣхались.

МАРИНА.

Вотъ видишь: ты до свѣта
Готова пустяки болтать,
А между тѣмъ я не одѣла...

РУЗИ.

Сейчасъ, готово все. *(Служанки суетятся)*

МАРИНА *(про себя).*

Мнѣ должно все узнать...

ИСТОРИЧЕСКАЯ МАРИНА МИНСКАЯ.

Современный (1605) портретъ Сидорова

РЯДЪ ОСВЯЩЕННЫХЪ КОМНАТЪ. МУЗЫКА.

Винишвецкій, Мишишкъ.

Мишишкъ.

Онь говоритъ съ одной моею Мариной,
 Мариною одною занять онь...

А дѣло-то на свадьбу страхъ похоже.

Ну—думалъ ты, придиася, Винишвецкій,

Что дочь моя Царицей будетъ? а?

винишвецкій.

Да, чудеса... и думалъ ли ты, Мишишкъ,
 Что мой слуга взойдетъ на тронъ Москов-
 ской?

мишишкъ.

А какова, скажи, моя Марина?

Я только ей промовилъ: ну, смотри!

Не дуракай Дмитрія!... и вотъ

Все кончено, ужъ онь въ ея сбѣхъ.

*(Музыка играетъ Польской. Симозансъ
 идетъ съ Мариною въ первой паре).*

марина тѣло Дмитрія.

Да, ввечеру, въ одинацать часовъ,

Въ аллеѣ лишь я завтра у фонтана.

(Расходятся. Другія пары).

кавалеръ.

Что въ ней нашель Дмитрій?

дама.

Какъ! она

Красавица.

кавалеръ.

Да, мраморная Нимфа:

Глаза, уста безъ жизни, безъ улыбки...

(Новая пара).

дама.

Онь не красивъ, но видъ его пріятель,
 И Царская порода въ немъ видна.

(Новая пара).

дама.

Когда жъ похоть?

кавалеръ.

Когда велеть Царевичъ.

Готовы мы по, видно, Паппа Мишишкъ
 Съ Дмитріемъ задержать насъ въ пѣту.

дама.

Пріятный пѣту.

кавалеръ.

Конечно, если вы...

(Расходятся; комнаты пустеютъ).

мишишкъ.

Мы старики ужъ нынче не танцуемъ,
 Музыка громъ не призываетъ насъ,
 Прелестныхъ рукъ не жмемъ и не целуемъ,
 Охъ, не забылъ старинныхъ я проказъ!
 Теперь не то, не то, что прежде было!
 И молодежь ей-ей не такъ смѣла
 И красота не такъ ужъ весела.
 Признайся, другъ: все какъ-то пріуныло.
 Оставимъ ихъ: пойдёмъ, товарищъ мой,
 Венгерскаго, обросшую травой,
 Великъ открыть бутылку вѣковую,
 Да въ уголку полянемъ-ко вдвоемъ
 Душистый токъ, струю, какъ жиръ, густую,
 А между тѣмъ посядимъ кой о чемъ.
 Пойдёмъ же, братъ.

винишвецкій.

И дѣло, другъ, пойдёмъ.

ПОЛЬСКІЕ КОСТЮМЫ XVII в.

Рисунки Матейки.

СЦЕНА У ФОНТАНА.

Постановка Шишкова, 1870 г.

НОЧЬ. САДЪ. ФОНТАНЪ.

САМОВАНЕЦЪ *входитъ.*

Вотъ и фонтанъ: она сюда придетъ.
 Я, кажется, роковень не боявшимся:
 Передъ собой вблизи видѣть я смерть;
 Предъ смертію душа не содрогалась,
 Мнѣ вѣчная неволя угрожала,
 За мной унахлѣсь я дуомъ не смущился
 И дерзостью неволи избѣжалъ.
 Но что жь теперь тѣснить мое дыханье?
 Что значить сей неподобный трепетъ?
 Или это трожь желѣзній напряженныхъ?
 Или это страхъ, день цѣлый оказавъ
 Я тайнаго свиданія съ Мариной,
 Обдумывавъ все то, что ей скажу,
 Какъ обольщу ея наименный умъ,
 Какъ назову Московскою Царицей
 По часъ настать и ничего не помню:
 Не нахожу затверженныхъ рѣчей:
 Любовь, музить мое воображенье...
 Но что-то вурь мелькнуло... порохъ...
гине...
 Или это свѣтъ обманчивой души,
 И прощумѣль зѣвъ вътерокъ?

МАРИНА *входитъ.*

Царевичъ!

САМОВАНЕЦЪ.

Она!... вся кровь во мнѣ остановилась.

МАРИНА.

Димитрій! Вы!

САМОВАНЕЦЪ.

Волшебный, сладкій голосъ!

Ностъ къ ней. Ты ль наконецъ? Теби ли
вижу я,

Отну со мной, подъ сѣнью тихой ночи?
 Какъ медленно катился скучный нѣтъ!
 Какъ медленно заря вечерня тасла!
 Какъ тепло жьсть во мракѣ я ночномъ!

МАРИНА.

Часы блужать, и дорого мнѣ время
 Я зѣвъ тебѣ надъвѣчила свиданье
 Не для того, чтобъ слушать пѣванья рѣчи
 Любовника, слова не нужны. Вѣрю,

Что любишь ты; но слушай: я рѣшилась
 Съ твоей судьбой и бурной и невѣрной
 Соединить судьбу мою: то вираѣ
 Я требовать, Димитрій, одного:
 Я требую, чтобъ ты души своей
 Мнѣ тайныя открылъ надежды.
 Намбренья и даже опасенья:
 Чубъ объ руку съ тобой мога я смѣло
 Пуститься въ жизнь — не съ дѣтскою слѣ-
 потой,

Не какъ раба желаній легкихъ мужа,
 Назожица безмолвная твоя:
 Но какъ тебя достойная супруга,
 Помощница Московскаго Царя!

самозванецъ.

О, дай забыть хоть на единый часъ
 Моей судьбы заботы и тревоги!
 Забудь сама, что видишь предъ собой
 Царевича, Марина! зри во мнѣ
 Любовника, избранаго тобою,
 Щастливаго твоимъ единымъ взоромъ.
 О, выслушай моленія любви!
 Дай высказать все то, чѣмъ сердце полно!

марина.

Не время, Князь: ты медлишь, и межъ
 тѣмъ
 Приверженность твоюхъ клеветовъ сты-
 нетъ:

Часъ отъ часу опасность и труды
 Становятся опаснѣй и труднѣе:
 Ужъ посягся сомнительные слухи,
 Ужъ повизна смѣняетъ повизну:
 А Годуновъ свои приѣмлетъ мѣры...

самозванецъ.

Что Годуновъ? Во власти ли Бориса
 Твоя любовь, одно мое блаженство?
 Нѣтъ, нѣтъ. Теперь гляжу я равнодушно
 На тронъ его, на Царственную власть,
 Твоя любовь... что безъ нея мнѣ жизнь,
 И славы блескъ, и Русская держава?
 Въ глухой стени, въ землянкѣ бѣдной — ты,
 Ты замѣнишь мнѣ Царскую корону:
 Твоя любовь...

марина.

Стыдись! не забывай
 Высокаго, святаго назначенья:
 Тебѣ твой санъ дороже долженъ быть
 Всѣхъ радостей, всѣхъ обольщеній въ жизни.
 Его ни съ чѣмъ не можешь ты равнять.
 Не юношѣ, князюему, безумно
 Шибенному моею красотой,
 Знаи, отдаю торжественно я руку
 Наслѣднику Московскаго престола,
 Царевичу, священному судьбой.

самозванецъ.

Не мучь меня, прелестная Марина,
 Не говори, что санъ, а не меня
 Избрала ты, Марина! ты не знаешь,
 Какъ больно тѣмъ ты сердце мнѣ язвиль—
 Какъ! ежели... о страшное сомнѣнье!
 Скажи: когда бъ не Царское рожденье
 Назначила слѣбная мнѣ судьба,
 Когда бъ я былъ не Юанновъ сыноу,
 Не сей, давно забытый міромъ отрокъ;
 Тогда бѣ... тогда бѣ любила ль ты меня?

марина.

Димитрій, ты и быть инымъ не можешь:
 Другаго мнѣ любить нельзя.

самозванецъ.

Нѣтъ! полно:

Я не хочу дѣлиться съ мертвецѣмъ
 Любовницею, ему принадлежащею:
 Нѣтъ, полно мнѣ притворствоваться! скажу
 Всю истину; такъ знай же: твой Димитрій
 Давно погибъ, зарытъ — и не воскресеть:
 А хочешь ли ты звать, кто и таковъ?
 Позволь, скажу: я бѣдный черноризецъ;
 Монашеской неволюе скучая,
 Подъ клобукомъ свой замыселъ отважный
 Обдумалъ я; готовилъ міру чудо —
 И наконецъ изъ келій бѣжалъ
 Къ Украинцамъ въ ихъ буйные курени;
 Владѣть конемъ и саблей научился;
 Явился къ вамъ, Димитріемъ назвался
 И Поляковъ безмозглыхъ обманулъ.
 Что скажешь ты, надменная Марина?
 Довольна ль ты признаемъ моимъ?
 Что жъ ты молчишь?

марина.

О, стыдъ! о горе мнѣ!
(Молчаніе).

самозванецъ *(старо).*

Куда завлекъ меня порывъ досады!
 Съ такимъ трудомъ устроенное счастье
 Я, можетъ быть, навѣки погубилъ.
 Что сдѣлалъ я, безумецъ? *(Вздвухъ).* Вижу,
 вижу:

Стыднись ты не Княжеской любви:
 Такъ вымолви жъ мнѣ роковое слово:
 Въ твоихъ рукахъ теперь моя судьба:
 Рѣши: я жду *(бросается на колѣна).*

марина.

Встань, бѣдный самозванецъ,
 Не мнишь ли ты колѣнопреклоненъемъ,
 Какъ дѣвочки доврчиной и слабой
 Тщеславное мнѣ сердце умилить?

Самозванецъ объявляетъ въ любви Маринѣ.

(Рис. Галиктионова къ роману Булгарина «Димитрій Самозванецъ»).

Ошибся, другъ: у ночь своихъ видала
Я Рыцарей и Графовъ благородныхъ:
Но ихъ молбы я хвадно отвергала,
Не для того, чтобъ бѣлаго монаха...

САМОЗВАНЕЦЪ *(встѣпаетъ)*

Не презирай младого самозванца:
Въ немъ доблести гаятся, можетъ быть,
Достоинья Московскаго престола,
Достоинья руки твоей бездѣвиной...

МАРИНА.

Достоинья позорной пелли, дерзкій!

САМОЗВАНЕЦЪ.

Винювель я: торщанинъ обманчивъ,
Обманывалъ я Бога и Царей,
Я міру галалъ: но не тебѣ, Марина,
Меня казнить: я правъ переть тобою.
Штъ, я не могъ обманывать тебя,
Ты мнѣ была единственнѣй святыней,
Предъ ней же я притворствовать не смѣлъ:
Любовь, любовь ревнивая, слѣпая,
Одна любовь принудила меня
Все выказать.

МАРИНА.

Чѣмъ хвалится, безумецъ!
Кто требовалъ признанья твоего?
Ужъ если ты, бродяга безымянный,
Могъ обдѣлать чудесно два пароза:
Такъ долженъ ужъ, покрашеи мѣрѣ, ты
Достоинъ быть успѣха своего
И свой обманъ отважной обезначить
Упорною, глубокой, вѣчною танной,
Могу ль, сважи, прелаться я тебѣ,
Могу ль, забывъ свой родъ и сытъ дѣвицинъ,
Сосдинить судьбу мою съ твоею,
Когда ты самъ съ такою простотою,
Такъ вѣтрено позоръ свой облачаешь?
Онъ изъ любви со мною прободался!
Дивлюся: какъ передъ мной отцомъ
Изъ дружбы ты досель не открылся,
Огъ радости — предъ нашимъ Королемъ,
Нш еще предъ Паномъ Вишневецкимъ
Изъ вѣрнаго усердія слухи.

САМОЗВАНЕЦЪ.

Клянусь тебѣ, что сердца моего
Ты вымучишь одна могла признанье:
Клянусь тебѣ, что никогда, нигдѣ,
Ни въ иршествѣ, за чашею безумства,
Ни въ дружескомъ завѣномъ разговорѣ,
Ни подъ пожомъ, ни въ мукахъ испязаній,
Сихъ тяжкихъ вѣнъ не выдастъ мой языкъ.

МАРИНА.

Клянешься ты! и такъ толчна я вѣрять.
О, вѣрю я! Но чѣмъ, не льзя ль узнать,
Клянешься ты? Не вменемъ ли Бога,
Какъ пажожный пріемынь Едунтовъ?
Изъ честию, какъ витязь благородный,
Изъ, можетъ быть, единымъ Царскимъ сло-
вомъ,
Какъ Царскій сынъ? Не такъ ли? Говори,

САМОЗВАНЕЦЪ *(торопъ)*

Ты Грознаго меня услышала,
Димитріемъ изъ гроба нарекла,
Вокругъ меня народы возмущили
И въ жергву мнѣ Бориса обрѣкла.
Царевичъ я. Довольно, стыжно мнѣ
Предъ торною Подличкой унижаться.
Прощай навѣкъ: игра войны кровавой,
Судьбы моеи обширная забота
Тоску любви, патюясь, задумалъ.
О, какъ тебя я стану ненавидѣть,
Когда проитеть посылнѣй страсти жаръ,
Теперь ну — погибель изъ вѣнецъ
Мою главу въ Россіи ожидаетъ.
Пашу ли смерть, какъ воинъ въ битвѣ
честной,
Нш какъ злодѣи на плахъ площадной,
Не будешь ты подрукою моеи.

Моей судьбы не раздвигай со мною;
Но, можешь быть, ты будешь сожалеть
Объ участи, отвергнутой тобою.

МАРИНА.

А если я твой дерзостный обманъ
Заразе предъ всеми обнаружу?

САМОВАНЦЪ.

Не мнишь ли ты, что я тебя боюсь?
Что болбе повбратъ Польской дѣвѣ,
Чѣмъ Русскому Царевичу? Но знай,
Что ни Король, ни Пана, ни вельможи
Не думаютъ о правдѣ словъ моихъ.
Димитрій я, пль ить— что имъ за дѣло?
Но я предлогъ раздоровъ и войны.
Пль это лишь и нужно; и тебя,
Мятежница, повбръ, молчать заставить.
Прощай.

МАРИНА.

Постой, Царевичъ. Наконецъ
Я слышу рѣчь не мальчика, но мужа.
Съ тобою, Князь, она меня мирить.

Безумный твой порывъ я забываю
И вижу вновь Димитрія. Но слушай:
Пора, пора! проснись, не медли болѣ,
Веди полки скорѣ на Москву:
Очисти Кремль, сажь на тронъ Московскій

Тогда за мной пль брачного посла:
Но, слышишь Богъ, пока твой погъ
Не опердасъ на тронныи ступени,
Пока тобой не сверженъ Годуновъ,
Любви рѣчей не буду слушать я.

(Уходитъ).

САМОВАНЦЪ.

Пль— легче мнѣ сражаться съ Годуновымъ,
Пль хитрить съ приворнымъ Езуитомъ,
Чѣмъ съ женщиной. Чѣръ съ ними: мочи
ить:

И пугаетъ, и вьется, и ползетъ,
Скользить пль рукъ, шипить, грозить и
жалить.

Змѣя! змѣя!... Недаромъ я дрожалъ.
Она меня чуть чуть не погубила.
Но рѣшено: завтра двину рать.

МАРИНА МНИШЕКЪ.

(Портретъ, нагониившійся въ Самборскомъ замкѣ; теперь въ Историческомъ музѣ въ Москвѣ.)

ДМИТРИЙ САМОВАНЕЦЪ.

(Портретъ, наготвишии ея при живи съ Самборскомъ замкъ; теперь въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ.)

ГРАНИЦА ЛИТОВСКАЯ.

Князь Курбскій и Самованецъ, оба
въ ямѣ Полка приближуются къ границѣ.

курбскій, *пригласивъ пераго.*

Вотъ, вотъ она, вотъ Русская граница!
Святая Русь! Отечество! я твои!
Мужбины прахъ съ презрѣньемъ отряхну
Съ моихъ одежды, нѣю жа по воздуху повани:
Онъ мнѣ родной! теперь твоя душа,
О мой отецъ, утѣшился и въ гробѣ.
Опальныя возвращаютъ кости!
Блещуль опять наследственный нашъ мечъ.
Сей славный мечъ — гроза Казани темной.
Сей добрый мечъ — слуга Царя Московскаго!
Въ своемъ шире теперь онъ задуваетъ
За своего патѣжу-Государя!...

самованецъ, *ростъ милость по-
польскии доловатъ.*

Какъ счастливъ онъ! какъ чистая душа
Въ немъ радостно и славой раздыралась!
О взглядъ мой, завидую тебѣ!
Сынъ Курбскаго, воспитанный въ плънѣзди,
Забывъ отдомъ свесенная обити.

Его вину за гробомъ искупишь,
Ты кровь излить за сына Юанна
Готовишься, законнаго Царя
Ты возвратишь отечеству... Ты правъ,
Душа твоя должна пылать весельемъ.

курбскій.

Уже ль и ты не веселишься духомъ?
Вотъ наша Русь: она твоя, Царевна,
Тамъ ждутъ тебя сердца твоихъ людей,
Твоя Москва, твой Кремль, твоя держава.

самованецъ.

Кровь Русская, о Курбскій, потечеть!
Вы за Царя потыли мечъ, вы чисты,
Я жъ вѣсь веду на братьевъ я Литву
Позвать на Русь: я въ красную Москву
Кажу врагамъ завѣдную торону!
Но пусть мой грѣхъ падеть не на меня,
А на тебя, Борись-царевубица!
Впередь!

курбскій.

Впередь! и горе Голубицу!

(Сказати, Палка пераго слѣди, и ея пригласи.)

Историческая картина. Храмъ-столпъ въ горахъ (1907—1908).

ЦАРСКАЯ ДУМА.

Царь, Патриархъ и бояре.

царь.

Возможно ли? разстрига, бѣлыи иннокъ
На насъ вѣдетъ злодѣйскія дружины,
Дерзаетъ намъ писать угрозы, Полно,
Пора смирить безумца! Побѣжайте,
Ты, Трубецкой, и ты, Басмановъ: помощь
Нужна моимъ усерднымъ Воеводамъ
Бунтовщикомъ Черниговъ осажденъ.
Спасайте градъ и гражданъ.

басмановъ.

Государь.

Трехъ мѣсяцевъ отнынѣ не пройдетъ,
И замолчить и слухъ о самозванцѣ;
Его въ Москву мы приведемъ, какъ звѣря
Заморскаго, въ желѣзной клічкѣ, Богомъ
Тебѣ клянусь.

Указъ царя Трубецкому.

царь.

Мнѣ Свейскій Государь

Черезъ Пословъ съюзъ свой предложилъ:
Но не нужна намъ чуждая помощь;
Своихъ людей у насъ довольно ратныхъ,
Чтобъ отразить измѣнниковъ и Ляхъ.
Я отказалъ.

Шелкаловъ! разослать
Во все концы Указы къ Воеводамъ,
Чтобъ на коня савилась и дѣвоча

По старинѣ на службу выслали:
Въ монастыряхъ подобно отобрать
Служителей причетныхъ. Въ прежнии годы,
Когда бѣдой отечеству грозило,
Отшельники на битву сами шлѣ:
Но не хотимъ тревожить нынѣ ихъ:
Пусть молятся за насъ они: таковъ
Указъ Царя и приговоръ Боярскій.
Теперь вопросъ мы важный разрѣшимъ:
Вы знаете, что наглый Самозванецъ
Коварные промчалъ повсюду слухъ:
Повсюду имъ разосланныя письма
Посвяли тревогу и сомнѣнье:
На площадяхъ мятежный бродить шѣпотъ,
Умы кивяты... ихъ нужно охладить:
Предупредить желалъ бы казни я.
Но чѣмъ и какъ? рѣшимъ теперь. Ты пер-
вый,

Святейи Отець, свою повѣдай мысль,

патриархъ.

Благословенъ Божественный, поселившій
Духъ милости и кроткаго терпѣнья
Въ души твоей, великій Государь:
Ты грѣшному погибели не хочешь,
Ты тихо ждешь, да пройдетъ заблужденье:
Оно пройдетъ, и солнце правды вѣчной
Всѣхъ озаритъ.

Твой вѣрный Богомолецъ,

Въ дѣлахъ мірскихъ не мудрый судишь,
 Дерзаетъ днесь подать тебѣ свой голосъ:
 Бѣсовскій слыхъ, разстрига окаянный,
 Прослать умѣлъ Дмитріемъ въ народъ:
 Огъ именовъ Царевича, какъ ризой
 Украденной, безстыдно облачилъ;
 Но стоить лишь ее раздрать — и самъ
 Огъ наготой своею посямитъ.

Самъ Богъ на то вамъ средство посылаетъ:
 Знай, Государь, тому прошло шесть днѣвъ,
 Въ тогъ самый готъ, когда тебя Господь
 Благоденствъ на Царскую державу
 Въ вечерній часъ ко мнѣ прислалъ однажды
 Простой пастухъ, уже маститый старецъ,
 И чудную повѣдалъ огъ мнѣ тайну:

«Въ младыхъ дѣтахъ», сказалъ онъ, я
 оставишь,

«И съ той поры не зналъ ни днѣвъ, ни ночи
 «До старости: напрасно я лечился
 «И землемъ и тайнымъ напеченаньемъ:
 «Напрасно я ходилъ на поклоненье
 «Въ обители къ великимъ Чудотворцамъ:
 «Напрасно я изъ кладчей святыхъ
 «Крошилъ водой цѣлебной темны очи —
 «Не посылалъ Господь мнѣ изцѣленья.

«Вотъ наконецъ утратилъ я надежду,
 «И къ тѣмъ своей привыкъ, и даже сна
 «Мнѣ виданнымъ вещей ужъ не являю,
 «А сплывъ мнѣ только звуки. Разъ
 «Въ глубокомъ снѣ, я слышу, дѣтскій голосъ
 «Мнѣ говоритъ: встань, дѣдушка, поди
 «Ты въ Угличъ-градъ, въ Соборъ Преобра-
 женья:

«Тамъ помозишь ты вѣтъ моею могилою,
 «Богъ милостивъ — и я тебя прошу,
 «Но кто же ты? спросилъ я дѣтскій голосъ.
 «Царевичъ я Дмитрій, Царь небесный
 «Прилъ меня въ ликъ Ангеловъ своихъ,
 «И я теперь великій Чудотворецъ,
 «Или старикъ. Проснулся я и думалъ:
 «Что жъ? можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ,
 Богъ

«Мнѣ позднее даруетъ изцѣленье
 «Пойду — и въ путь отправился далекии.
 «Вотъ Углича достигъ я, прихожу
 «Въ святой Соборъ, и слушаю обѣдно.
 «И, разгоривъ душею усершию, плачу
 «Такъ слезостно, какъ будто слезота
 «Изъ глазъ моихъ слезами вытекала,
 «Когда народъ стая выходишь, я вижу
 «Сказалъ: Иванъ, веди меня на гробъ
 «Царевича Дмитрія, И мальчикъ
 «Повелъ меня — и только переть гробомъ
 Я такую молитву сотворилъ,

«Глаза мои прозрѣли: я увидѣлъ
 «И Божій свѣтъ, и вѣдука, и могилку.»
 «Вотъ, Государь, что мнѣ повѣдалъ старецъ.

*(Обище смущеніе. Въ продолженіи
 сей рѣчи Борисъ несколько разъ оти-
 рать лицо платкомъ).*

Я посылалъ тогда нарочно въ Угличъ,
 И свидано, что многіе страдальцы
 Спасеніе подобно обрѣтали
 У гробовой Царевича доски.

Вотъ мой совѣтъ: во Кремль святыя мощи
 Перенести, поставить ихъ въ Соборъ
 Архангельскомъ: народъ увидитъ ясно
 Тогда обманъ безбожнаго злодѣя,
 И мощъ бѣсовъ нечестныхъ яко прахъ.

(Молчаніе).

князь шуйскій.

Святый Отець, кто вѣдаетъ пути
 Всевышняго? Не мнѣ его судить.
 Нетѣвный сонъ и силу чутворства
 Огъ можетъ такъ младенческимъ останкамъ:
 Но надежить народную мозгу
 Излѣдовать прилѣжно и безстрашно:
 А въ бурныя дѣ смятеній времена
 Намъ помышлять о столь великомъ дѣлѣ?
 Не скажутъ ли, что мы святыню дерзко
 Въ дѣлахъ мірскихъ орудиемъ творимъ?
 Народъ и такъ колеблется безумно,
 И такъ ужъ есть довольно шумныхъ тол-
 ковъ:

Умы людей не время волновать
 Нежданною, столь важной новизною.

Самъ вижу я: необходимо слухъ,
 Разбѣившій разстригой, уничтожить:
 Но есть на то иныя средства — проще.
 Такъ, Государь, когда изволимъ ты,
 Я самъ явлюсь на площади народиов,
 Уговорю, усовѣщу бедумство
 И злой обманъ броди и обнаружу,
 царь.

Да будетъ какъ! Влазика Патриархъ,
 Прошу тебя пожаловать въ палату:
 Сегодня мнѣ нужна твоя беседа.

*(Уходитъ; за нимъ и весь дворъ)
 отишь бояринъ, того орломъ.*

Замѣтилъ ты, какъ Государь блѣднѣлъ,
 И крупный потъ съ лица его закапалъ?
 второй.

Я признаюсь — не смѣлъ познать очей,
 Не смѣлъ вздохнуть, не только шевелиться
 первый.

А выручилъ Князь Шуйскій, Молодець!

РАВНИНА БЛИЗЪ ПОВГОРОДА СЪВЕРСКАГО.

1604 года, 21 декабря).

ВЪГЛА.

воины, *блуртъ въ блурякъ.*Бѣда, бѣда! Царевичъ! Ляхи! Вотъ они!
вотъ они!*(Всвоякъ Капитанъ: Маржеретъ и Вильгертъ Розенъ).*

МАРЖЕРЕТЪ.

Куда, куда? Аллонъ... пошѣль назадъ!

одинъ изъ вѣлѣцовъ.

Самъ пошѣль, коли есть охота, проклятый
басурманъ.

МАРЖЕРЕТЪ.

Quoi? quoi?

ДРМОЙ.

Ква! ква! Тебѣ любо, лягушка заморская,
квкать на Русскаго Царевича: а мы вѣдь
православные.

МАРЖЕРЕТЪ.

Qu'est-ce à dire *pravoslavny?*. Sacrés
gueux, maudite canaille! Mordieu, mein Herr,
j'enrage: on dirait que ça n'a pas de bras
pour frapper, ça n'a que des jambes pour fuir.

В. РОЗЕНЪ.

Es ist Schande.

МАРЖЕРЕТЪ.

Ventre-saint-gris! Je ne bouge plus d'un
pas; pui que le vin est tiré, il faut le boire.
Qu'en dites-vous, mein Herr?

В. РОЗЕНЪ.

Sie haben Recht.

МАРЖЕРЕТЪ.

Tudieu il y fait chaud!—Ce diable de

Samozvanets, comme ils l'appellent, est un
bougre qui a du poil au col. Qu'en pensez-
vous, mein Herr?

В. РОЗЕНЪ.

Да.

МАРЖЕРЕТЪ.

Hé! voyez donc, voyez donc! L'action
s'engage sur les derrières de l'ennemi. Ce
doit être le brave Basmanoff, qui aurait fait
une sortie.

В. РОЗЕНЪ.

Ich glaube das.

Взрывать пльмцы.

МАРЖЕРЕТЪ.

Ha! ha! voici nos Allemands. Messieurs!
Mein Herr, dites-leur donc de se raillier et,
sacrebleu, chargeons!

В. РОЗЕНЪ.

Zehe gut. Halt!

(Пльмцы строятся).

March!

НѢМЦЫ, идуть.

Hilf Gott!

(Сраженіе. Рускіе снова блуртъ).

ЛЯХИ.

Побѣда! побѣда! Слава царю Димитрію.

ДИМИТРІЙ, *бергомъ.*Ударить отбой! Мы побѣдимъ. Довольно:
щадите Русскую кровь. Отбой!*(Трубытъ; бьютъ барабаны.)*

ПОЛЬСКОЕ ВОЕНСТВО НАЧАЛА XVII ВѢКА.

(Рисунки Матейки).

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ и ЮРОДИВЫЙ.

Постановка Москов. Художественнаго театра (1907 - 1908).

ПЛОЩАДЬ ПЕРЕДЪ СОБОРОМЪ КЪ МОСКВѢ.

Народъ,
одинъ.

Скоро ли Царь выйдетъ изъ Собора?
другой.

Объясъ кончилась: теперь идетъ молеб-
ствие.

первый.

Что? ужь проклинали того?

другой.

Я стоялъ на панерти и слышалъ, какъ
дьяконъ завопилъ: Гришка Огреневъ
анаема!

первый.

Пускай себѣ проклинаятъ: Царевичу дѣла
нѣтъ до Огренева.

другой.

А Царевичу поютъ теперь вѣчную память.

первый.

Вѣчную память живому! Вотъ уже имъ
будеть безбожникамъ.

третій.

Чу! шумъ. Не Царь ли?

четвертый.

Нѣтъ, это Юродивый.

*(Входятъ Юродивый въ желѣзной шапкѣ, об-
шитый вертимами, окруженный мальчишками).*

мальчишки.

Николка, Николка, желѣзный козачекъ!..
ГРРРР...

СТАРУХА.

Отвяжитесь отъ него, бесѣнота. Помо-
лись, блаженный, за меня грѣшную.

юродивый.

Дай, дай, дай конфечку.

СТАРУХА.

Вотъ тебѣ конфечка: помни же меня!

юродивый, *сидитъ на землѣ
и поетъ.*

Мѣсяць вѣдѣть,
Котенокъ плачетъ,
Николка, вставай,
Богу помолись!

*(Мальчишки окружаютъ его слова),
однѣ изъ нихъ.*

Здравствуй, Николка, что же ты шапки
не снимаешь? *(Щелкаетъ ею по железной
шапкѣ).* Жѣз она звонитъ!

юродивый.

А у меня кофечка есть,
мальчишка,

Неправда, ну, покажи.

*(Вырываетъ кофечку и дублетъ),
юродивый, плачетъ.*

Взяли мою кофечку, обижаютъ Николку,
народъ.

Царь, Царь идетъ!

*(Царь выходитъ изъ Собора, Богданъ вперси
разноситъ письма милостиво, Бояре)*

юродивый.

Борисъ, Борисъ! мальчишки обижаютъ
Николку.

царь.

Подать ему милостиво! О чемъ онъ
плачетъ?

юродивый.

Мальчишки меня обижаютъ... Вели пухъ
зарѣзать, какъ зарѣзали ты маленькаго Царевича.

бояре.

Поди прочь, дуракъ! схватите дурака!

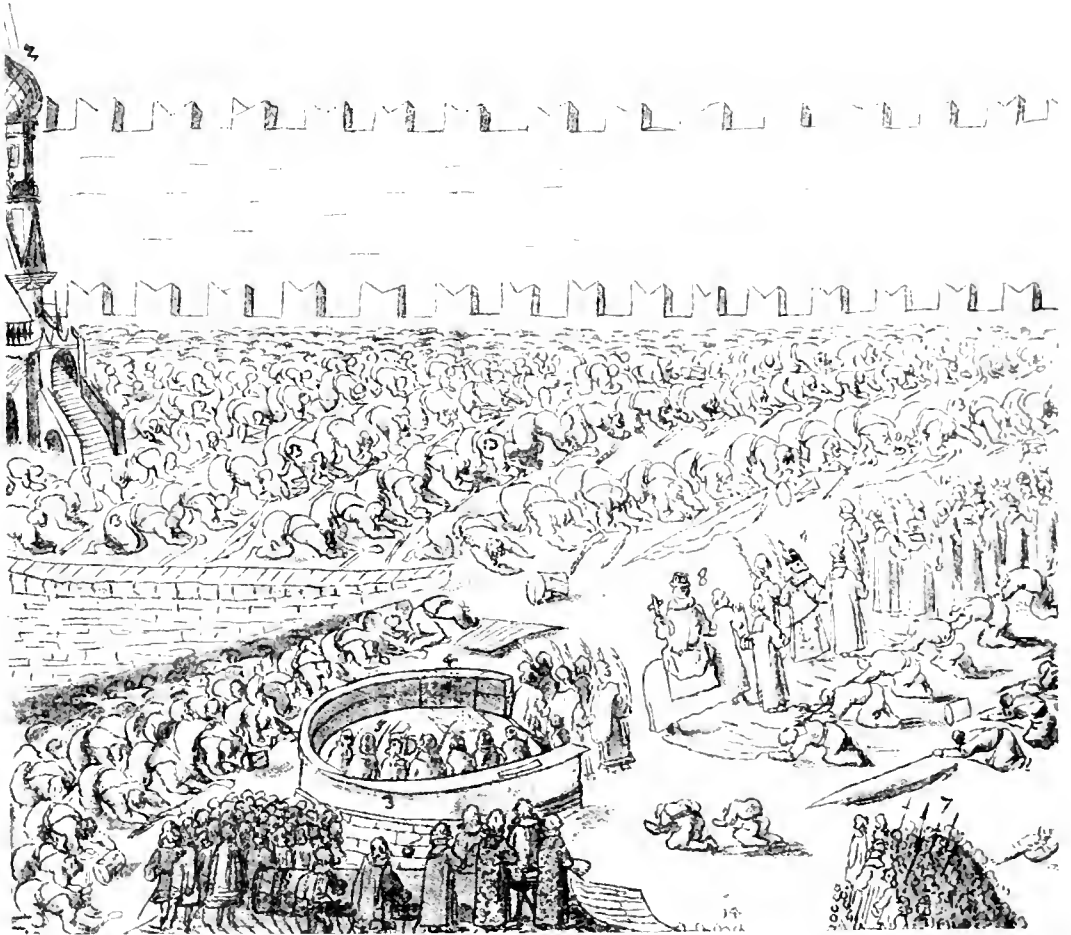
царь.

Оставьте его. Молитесь за меня, Николка!

(Уходитъ).

юродивый, *ему вслѣдъ.*

Ишь, пѣтъ! нельзя молиться за Царя—
Прода—Богородица не велика.

Царскій выходъ въ XVII вѣкѣ.
(Изъ атласа къ путешествію Мейербергъ).

СВЕРСЪ.

Самозванецъ, окруженный своими

Едѣ плѣнный?
 Дѣла.
 Здѣсь.
 Самозванецъ.
 Позвать его ко мнѣ.
(Входитъ Русскій плѣнникъ).
 Кто ты?
 Плѣнникъ.
 Рожновъ, Московскій дворянинъ.
 Самозванецъ.
 Давно ли ты на службѣ?
 Плѣнникъ.
 Съ мѣсяць будетъ.
 Самозванецъ.
 Не совѣстно, Рожновъ, что на меня
 Ты поднялъ мечъ?
 Плѣнникъ.
 Какъ быть, не наша воля.
 Самозванецъ.
 Сражася ты подъ Сѣверскимъ?
 Плѣнникъ.
 Я прибылъ
 Недѣль двѣ по битвѣ изъ Москвы.
 Самозванецъ.
 Что Годуновъ?
 Плѣнникъ.
 Онъ очень былъ встревоженъ
 Потерю сраженія и раной
 Мстиславскаго, и Шуйскаго послать
 Начальствовать надъ войскомъ.
 Самозванецъ.
 А зачѣмъ
 Онъ отозвалъ Басманова въ Москву?
 Плѣнникъ.
 Царь наградилъ его заслугой честию
 И золотомъ. Басмановъ въ Царской Думѣ
 Теперь сидитъ.
 Самозванецъ.
 Онъ въ войскѣ былъ нужнѣе.
 Ну, что въ Москвѣ?
 Плѣнникъ.
 Все, слава Богу, тихо.
 Самозванецъ.
 Что? ждуть меня?
 Плѣнникъ.
 Богъ знаетъ о тебѣ
 Тамъ говорить не слыхкомъ пынче смѣють.
 Кому языкъ отрѣжутъ, а кому
 И голову. Такая правда, притча
 Что день, то казнь. Тюрьмы биткомъ набиты.
 На площадѣ, едѣ человекъ три
 Сойдутся — глядъ — лазутчикъ ужъ и вѣдетъ.

А Государь досужною порою
 Доносчиковъ допрашиваетъ самъ.
 Какъ разъ бѣда такъ лучше ужъ молчать.
 Самозванецъ.
 Завидна жизнь Борисовыхъ людей!
 Ну, войско что?
 Плѣнникъ.
 Что съ нимъ? Оцѣно, сыно,
 Довольно вѣсѣмъ.
 Самозванецъ.
 Да много ли его?
 Плѣнникъ.
 Богъ вѣдаетъ.
 Самозванецъ.
 А будетъ тысячъ тридцать?
 Плѣнникъ.
 Да наберешь и тысячъ пятьдесятъ.
*(Самозванецъ задумывается: окру-
 жающие смотрятъ другъ на друга).*
 Самозванецъ.
 Ну! обо мнѣ какъ судятъ въ вашемъ станѣ?
 Плѣнникъ.
 А говорить о милости твоей,
 Что ты-де скатъ (будь не во гнѣвѣ) и воръ.
 А молодецъ.
 Самозванецъ *(смыслъ).*
 Такъ это я на дѣлѣ
 Имъ докажу: друзья, не станемъ ждать
 Мы Шуйскаго: я поздравляю васъ:
 Пазавтра бой. *(Уходитъ).*
 всѣ.
 Да здравствуетъ Дмитрій!
 Дѣла.
 Пазавтра бой! Имъ тысячъ пятьдесятъ,
 А насъ всего едва ль пятнадцать тысячъ:
 Съ ума сошелъ.
 думгой.
 Пустое, друзья: Полякъ
 Одинъ пять сотъ Москалей везать можетъ.
 Плѣнникъ.
 Да, вызовешь! А какъ доидеть до драки,
 Такъ убѣжишь отъ одного хвастунъ.
 Дѣла.
 Когда бѣ ты былъ при саблѣ, терзкинъ
 Плѣнникъ.
 То я тебя *(указывая на свою саблю)* вотъ
 Акимъ бы смирилъ.
 Плѣнникъ.
 Нашъ братъ Рукавъ безъ сабли обойдется!
 Не хочешь ли вотъ этого *(показывая дѣлѣкъ
 безъмолды).*
*(Дѣла вѣрно смотритъ на него и
 молча отходитъ. Тѣмъ кончается).*

Д Ъ С Ъ.

Джедмитрій, Пушкинъ *(Въ отдаленіи лежитъ конь изможденный)*.

джедмитрій.

Мой бѣдный конь! какъ бодро поскакалъ
Сегодня онъ въ послѣднее сраженье,
И раненый какъ быстро несъ меня!
Мой бѣдный конь!

пушкинъ, *про себя.*

Ну, вотъ о чемъ жалѣеть,

Объ лошади! когда все наше войско
Побито въ прахъ!

самозванецъ.

Послушай, можетъ быть.

Отъ раны онъ лишь только заморился
И отдохнетъ.

пушкинъ.

Куда! онъ издыхаетъ.

самозванецъ, *идетъ къ своему коню.*

Мой бѣдный конь!... что дѣлать? свить узду,
Да отстегнуть подругу. Пусть на волѣ
Пздохнетъ онъ.

*(Разнуздываетъ и разсѣдываетъ
коня, влохматъ несколько Ляговъ).*

Здорово, господа!

Что жъ Курбскаго не вижу между вами?
Я видѣлъ, какъ сегодня въ гущу боя
Онъ врѣзался; тмы сабель молодца,
Что зыбкіе колосья, облѣпили;
Но мечъ его всѣхъ выше подымался,
А грозный кликъ всѣ клики заглушалъ;
Гдѣ жъ витязь мой?

лягу.

Онъ легъ на полѣ смерти.

самозванецъ.

Честь храброму и миръ его душѣ!
Какъ мало насъ отъ битвы удѣляю!
Нѣмѣнники, злодѣи Запорожцы,
Проклятые! вы, вы сгубили насъ.
Не выдержать и трехъ минутъ отпора!
Я нѣхъ ужѣ! десятого повѣщу,
Разбойники!

пушкинъ.

Кто тамъ ни виноватъ,
Но все таки мы начисто разбиты,
Истреблены.

самозванецъ.

А дѣло было наше.

Я было снялъ передовую рать—
Да Пѣмцы насъ порядкомъ отразили:
А молодцы! ей Богу, молодцы!
Люблю за то: изъ нихъ ужъ непременно
Составлю я почетную дружину.

пушкинъ.

А гдѣ-то намъ сегодня почевать?

самозванецъ.

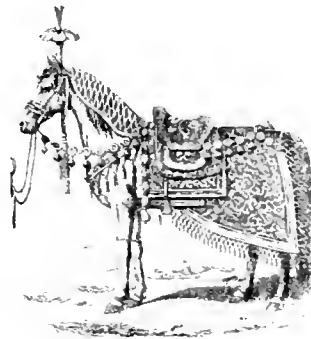
Да здѣсь, въ дѣсу. Чѣмъ это не почлесть?
Чѣмъ свѣтъ, мы въ путь; къ обѣду будемъ
въ Рыльскѣ.

Спокойна ночь!

(Ложится, кладетъ съядло пополю и засыпаетъ).

пушкинъ.

Пріятный сонъ, Царевичъ!
Разбитый врахъ, спасаясь побѣгомъ,
Безпечень онъ, какъ глубое дитя;
Хранить его, конечно, Провидѣнье;
И мы друзья не станемъ унывать.

МОСКВА. ЦАРСКІЯ ПАЛАТЫ.

Борисъ, Басмановъ.

царь.

Онъ побѣжденъ, какая польза въ томъ?
Мы тщетно побѣдой увѣчались.
Онъ вновь собралъ разбѣянное войско
И намъ со стѣнъ Пугивля угрожаетъ.
Что дѣлають межъ тѣмъ герои наши?
Стоять у Кромъ, гдѣ вучка Козаковъ.
Смѣется намъ изъ-подъ гнилой ограды.
Вотъ слава! ильгь, я ими не доволенъ;
Пошлю тебя начальствовать надъ ними:
Не родъ, а умъ поставлю въ Боеводы:
Пускай нѣкъ сибѣсь о мѣстничествѣ тужить!
Нора презрѣть мнѣ роногъ звяной черни
И гибельный обычай уничтожить.

басмановъ.

Ахъ, Государь, стократъ благословенъ
Тотъ будетъ день, когда Разрядны книги
Съ раздорами, съ гордыней родословной
Пожретъ огонь.

царь.

День этотъ недалѣкъ:

Лишь дай сперва смятеніе народа
Мнѣ усмирить.

басмановъ.

Что на него смотрѣть?

Всегда народъ къ смятенью тайно склоненъ:
Такъ борзой конь грызеть свои бранды:
На власть отца такъ огроенъ негодуеъ:
Но что жь? конемъ спокойно всадникъ
правиль,
И отрокомъ отецъ поведѣваетъ.

царь.

Конь иногда сбиваетъ сѣдока,
Сынъ у отца не вѣчно въ полной волѣ:
Лишь строгостью мы можемъ неусыщной
Сдержать народъ. Такъ думалъ Юаннь,
Смиритель бурь, разумный Самодержецъ,
Такъ думалъ и его свирѣпый внукъ.
Ильгь, мидости не чувствуетъ народъ:
Твори добро — не скажетъ онъ спасибо;
Грѣбъ и казни — тебѣ не будетъ хуже.

(Входитъ бояринъ).

Что?

бояринъ.

Привели гостей иноземныхъ.

царь.

Иду привать: Басмановъ, погоди.

Останься здѣсь: съ тобою еще мнѣ нужно
Поговорить.

(Уходитъ).

басмановъ.

Высокій духъ державный.

Дай Богъ ему съ Огреневымъ проклятымъ
Управиться; и много, много онъ
Еще добра въ Россіи сотворитъ.
Мысль важная въ умѣ его родилась.
Не надобно ей дать остыть. Какое
Мнѣ поприще откроется, когда
Онъ сломитъ рогъ Боярству родовому.
Соперниковъ во брани я не знаю;
У Царскаго престола стану первый...
И можетъ быть... Но что за чудный шумъ?
*(Тревога. Бояре, приворочные служители въ без-
порядокъ бѣгутъ, встрѣчаются и испугутъ).*

одинъ.

За лекаремъ!

другой.

Скорѣ къ Патриарху!

третій.

Царевича, Царевича зоветь!

четвертый.

Духовника!

басмановъ.

Что сдѣлалось такое?

пятый и шестой.

Царь занемогъ, Царь умираетъ.

басмановъ.

Боже!

пятый.

На троноѣ онъ сидѣлъ и вдругъ упалъ:
Кровь хлынула изъ усть и изъ ушей.
*(Царя выносятъ на стулъ; все Царское семейство,
все Болре).*

царь.

Подите все — оставьте одного
Царевича со мною. *(Всѣ удаляются).* Умираю:
Обнимеся. Прощай, мой сынъ: сей часъ
Ты царствовать начнешь... о Боже, Боже!
Сей часъ явлюсь передъ Тобой — и душу
Мнѣ некогда очистить покаиньемъ!
Но чувствую — мой сынъ, ты мнѣ тороже
Душевнаго спасенья... такъ и быть!
Я подланнымъ роженъ, и умереть

Мнѣ подданнымъ во мракѣ бѣ надежало;
Но я достигъ верховной власти чѣмъ?
Не спрашивай. Довольно: ты невиненъ,
Ты царствовать теперь по праву станешь,
А я да все одинъ отвѣчу Богу.

О милый сынъ, не обольщайся ложно,
Не ослѣплай себя ты добровольно.
Въ дни бурные державу ты приемишь;
Опасенъ онъ, сей чудный Самозванецъ,
Онъ именемъ ужаснымъ ополченъ.
Я, съ давнѣхъ лѣтъ въ правленьи искус-
шенный,

Могъ удержать смятенье и мятежъ;
Передо мной они дрожали въ страхѣ;
Возвысить гласъ измѣна не дерзала;
Но ты молодой, неопытный властитель,
Какъ управлять ты будешь подъ грозой,
Тушить мятежъ, оцутывать измѣну!
Но Богъ великъ! Онъ умудряетъ юность,
Онъ слабости даруетъ силу... слушай:
Советника во-первыхъ избери
Надежнаго, холоднѣхъ, зрѣлыхъ лѣтъ,
Любимаго народомъ, а въ боярахъ
Почтеннаго породой или славой—
Хоть Шуйскаго. Для войска пшѣ нуженъ
Искусный вождь: Басманова пошли
И съ твердостью снеси Боярскій ропотъ.
Ты съ малыхъ лѣтъ сидѣлъ со мною въ

Думѣ,

Ты знаешь ходъ державнаго правленья;
Не измѣняй теченья дѣлъ. Привычка
Душа державы. Я пшѣ долженъ былъ
Возстановить орудья, казни—можешь
Пшѣ отпѣнить; тебя благословятъ,
Какъ твоего благословлялъ дядю,
Когда престоль онъ Грознаго пріялъ.
Современемъ и поемному снова
Затягивай державныя бразды.
Теперь ослабь, изъ рукъ не выпуская—
Будь милостивъ, доступенъ къ иноземцамъ,
Довѣрчиво ихъ службу принимай.
Со строгостью храни уставъ церковный;
Будь молчаливъ; не долженъ Царскій голосъ
На воздухъ теряться попустому;
Какъ звонъ святой, онъ долженъ лишь

вѣщать

Велику скорбь или великій праздникъ.

О милый сынъ! ты входишь въ тѣ лѣта,
Когда намъ кровь волнуется женскій ликъ.
Храни, храни свяую чистоту
Невинности и гордую стыдливость;
Кто чувствами въ порочныхъ наслажденьяхъ
Въ молодые дни привыкнулъ утопать;
Тотъ, возмужавъ, утруетъ и кровожаденъ,
И умъ его безвременно темнѣетъ.
Въ семьѣ своей будь всегда главой;
Мать почитай, но властвуй самъ собою—
Ты мужъ и Царь; люби свою сестру—
Ты ей одинъ хранитель остаешься.

Феодоръ (на колѣняхъ).

Ибѣтъ, ибѣтъ—живи и царствуй долговѣчно!
Народъ и мы погибли безъ тебя.

царь.

Все кончено—глаза мои темнѣютъ,
Я чувствую могильный холодъ...

(Входитъ Патриархъ, Святители; за
ними весь бояре. Царицу везутъ поше
рука, Царевна рыдаетъ).

Кто тамъ?

А! сжима... такъ! святое постриженье...
Ударилъ часъ! въ монахи Царь идетъ;
И темный гробъ моею будетъ кельей.
Повремени, Владыка Патриархъ,
Я Царь еще: внимайте вы, бояре;
Се тотъ, кому приказываю царство;
Целуйте крестъ Феодору... Басмановъ,
Друзья мои... при гробѣ вась молю
Ему служить усердемъ и правдой!
Онъ такъ еще и младъ и непороченъ.
Клянетесь ли?

бояре.

Клянемся.

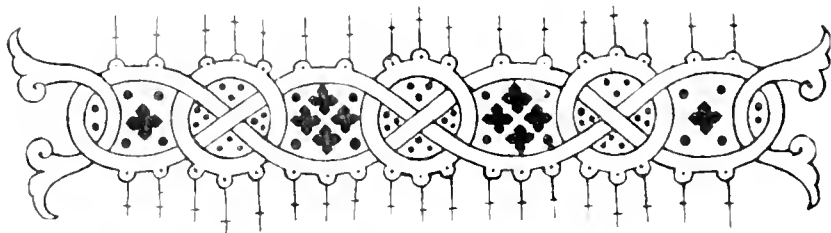
царь.

Я доволенъ.

Простите жъ мнѣ соблазны и грѣхи
И вольныя и тайныя обиды...

Святой отецъ, приближься, я готовъ.

(Начинается обрядъ постри-
женія. Женицы въ обморокъ
выносятся).

БОРИСЪ ГОДУНОВЪ,

(портретъ XVII в. иль «Корня Россійскихъ Государей».)

Содержание
1. Введение
2. Описание
3. Заключение
4. Литература

ВОПРОСЫ К ВОПРОСАМ

(вопросы к курсу «Курс лекций по философии»)

1. Что такое философия? Каковы ее основные функции?
2. Как соотносятся философия и наука?
3. Каковы основные направления философии?
4. Что такое философия жизни?
5. Каковы основные проблемы философии жизни?
6. Как философия жизни соотносится с другими философскими направлениями?
7. Каковы основные представители философии жизни?
8. Каковы основные идеи философии жизни?
9. Каковы основные проблемы философии жизни?
10. Каковы основные представители философии жизни?

ПРІКІСІКІН КИЗЬ

КОРН ФЕДОРОВИЦЬ

СТАВКА.

БАСМАНОВЪ вводитъ ПУШКИНА.

БАСМАНОВЪ.

Войди сюда и говори свободно,
И такъ тебя ко мнѣ онъ посылаетъ?

ПУШКИНЪ.

Тебѣ свою онъ дружбу предлагаетъ
И первый шагъ по немъ въ Московскомъ
царствѣ.

БАСМАНОВЪ.

Но я и такъ Феодоромъ высоко
Ужъ вознесенъ: начальствую надъ войскомъ;
Онъ для меня презрѣлъ и чинъ разрядный,
И гнѣвъ бояръ — я присягалъ ему.

ПУШКИНЪ.

Ты присягалъ наследнику престола
Законному; но если живъ другой,
Законнѣешии?..

БАСМАНОВЪ.

Послушай, Пушкинъ, полно,
Нужно мнѣ не говори! я знаю,
Кто онъ такой.

ПУШКИНЪ.

Россия и Литва

Димитріемъ давно его признали:
Но впрочемъ я за это не стою,
Быть можетъ, онъ Димитрій истинный,
Быть можетъ, онъ и самозванецъ; только
Я вѣдою, что рано или поздно
Ему Москву уступитъ сынъ Борисовъ.

БАСМАНОВЪ.

Пока стою за юного Царя,
Догодь онъ престола не оставитъ;
Подковъ у насъ довольно, слава Богу!
Нобѣдою я ихъ одушевлено,
А вы кого противъ меня пошлете,
Не Козака ль Бареду, али Мшица?
Да много ль васъ? всего-то восемь тысячъ.

ПУШКИНЪ.

Ошибся ты и гнѣвъ не наберешь,
Я самъ скажу, что войско наше дрянь,
Что Козаки лишь только села грабятъ,
Что Польки лишь хвастаются, да шуютъ,
А Русскіе... да что и говорить
Переть тобой не стану я дукать:

Но знаешь ли, чѣмъ сильна мы, Басма-
новъ?

Не войскомъ, нѣтъ, не Польского помощью,
А мнѣиємъ да мнѣиємъ паротнымъ,
Димитрія ты помнишь торжество
И мирныя его завоеванья,
Когда вездѣ бѣлъ выстрѣлъ ему
Послушныя сдавались города,
А Боеводѣ упрямыхъ чернь вдала?
Ты вѣдь ты самъ: охотно ль ваши раи
Сражались съ нимъ? Когда же? При Борисѣ,
А иначе ль?.. нѣтъ, Басмановъ, поздно
спорить

И раздувать холодный пепель брани:
Со вѣемъ твоимъ умомъ и твердой волей
Не устоишь: не лучше ли тебѣ
Дать первому примѣръ благородной,
Димитрія Царемъ провозласить
И тѣмъ ему навѣки уружить?
Какъ думаешь?

БАСМАНОВЪ.

Узнаете вы завтра.

ПУШКИНЪ.

Рѣшися.

БАСМАНОВЪ.

Прощай.

ПУШКИНЪ.

Подумай же, Басмановъ.

(Уходитъ)

БАСМАНОВЪ.

Онъ правъ, онъ правъ, вездѣ измѣна зрѣтъ:
Что дѣлать мнѣ? Уже ли буду жить,
Чтобъ и меня бунтовщики связали
И выдали Огреневу? Не лучше ль
Предупредить разрывъ потока бурный,
И самому... Но измѣнить присягѣ!
Но заслужить безчестье въ ротъ и ротъ!
Довѣренность млатаго Виценовца
Предательствомъ ужаснымъ заплатить!
Опальному изнаннику легко
Обдумывать мятежъ и заговоръ,
Но мнѣ ли, мнѣ ль, любимцу Государя...
Но смерть... но власть... но бѣдствія на
роль...

(Слабоумиетъ се)

Слуда! кто тамъ? *(Сканитъ)* Коня! трубить
сборъ!

ЛОБНОЕ МѢСТО.

Пушкинъ плеть, окруженный паротомъ,
народъ.

Царевичъ намъ боярина послать,
Послушаемъ, что скажетъ намъ бояринъ.
Сюда! сюда!

пушкинъ *(на двои)*.

Московскіе граждане,

Вамъ кланяться Царевичъ приказалъ. *(Кланяется)*.
Вы знаете, какъ промыселъ небесный
Царевича отъ рукъ убійцы спасъ:
Онъ шелъ казнить злодѣя своего,
Но Божій судъ ужъ поразилъ Бориса.
Димитрію Россія покорилась:
Басмановъ самъ съ раскаяньемъ усерднымъ
Свои ножи привелъ ему къ присягѣ.
Димитрій къ вамъ идетъ съ любовью, съ миромъ.
Въ угоду ли семейству Годуновыхъ
Подымете вы руку на Царя
Законнаго, на внука Мономаха?

народъ.

Вѣстимо, пѣтъ.

ЛОБНОЕ МѢСТО.

(Рисунокъ XVII вѣка изъ атласа къ путешествію Мейерберга).

пушкинъ.

Московскіе граждане,
 Миръ въдасть, сколь много вы терѣли
 Ночь властію жестокаго пришельца:
 Опаду, казнь, безчестіе, налоги,
 И трудъ, и гладъ, все испытали вы.
 Дмитрій же васъ жаловать намбрень,
 Бояръ, дворянъ, людей приказныхъ, рат-
 ныхъ,
 Гостей, кущѣвъ — и весь честный народъ.
 Вы ль станете урямиться безумно
 И милостей кичливо убѣгать?
 Но онъ идетъ на Царственный престолъ
 Своихъ отцовъ въ сопровожденіи грозномъ.
 Не гибвайте жь Царя и бойтесь Бога,
 Цалуйте крестъ законному владыкѣ:
 Смиритесь, немедленно пошлите

Къ Дмитрію во ставъ Митрополита,
 Бояръ, Дьяковъ и Выборныхъ людей,
 Да быють челомъ отцу и Государю.

(Словить, Шумъ народный).

народъ.

Что толковать? Бояринъ правду молвить,
 Да здравствуетъ Дмитрій, нашъ отецъ!

мужикъ на амвонѣ.

Народъ! народъ! въ Кремль! въ Царскія
 палаты!

Ступай вязать Борисова щевка!

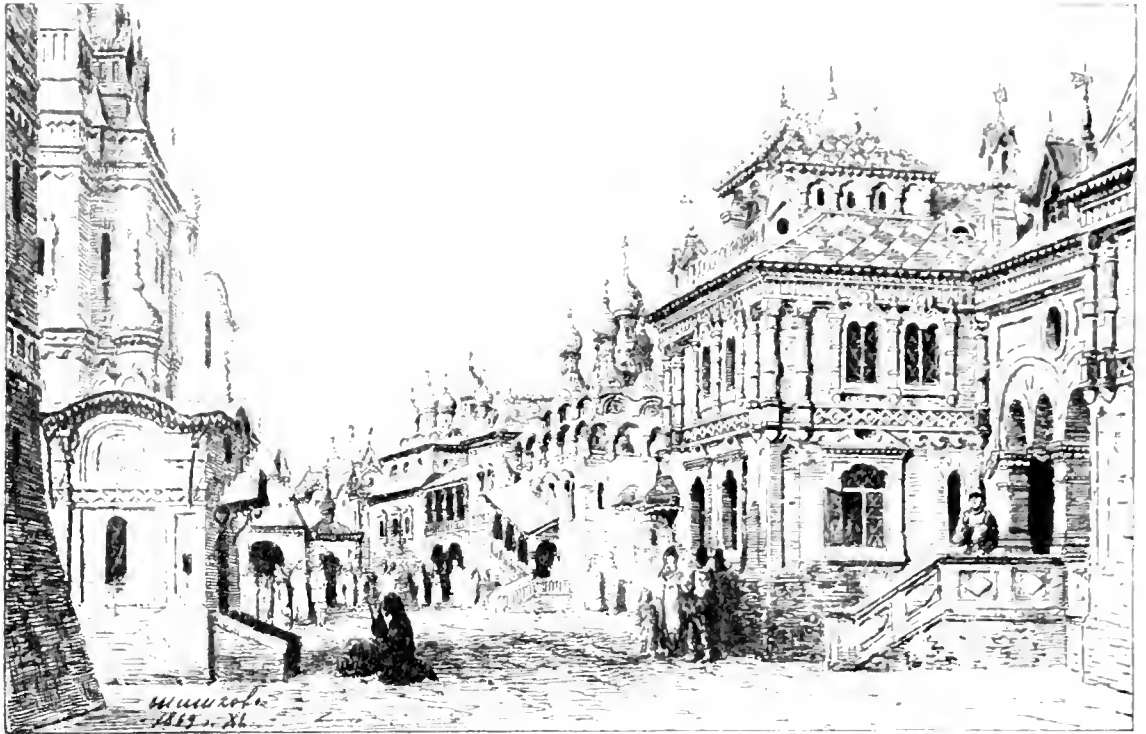
народъ *(иссется тономъ).*

Вязать! топить! Да здравствуетъ Дмитрій!
 Да гибнетъ родъ Бориса Годунова!

ДИМИТРИЙ ЦАРЬ.

Видѣтки Галактионова къ роману Булгарина «Дмитрій Самозванецъ».

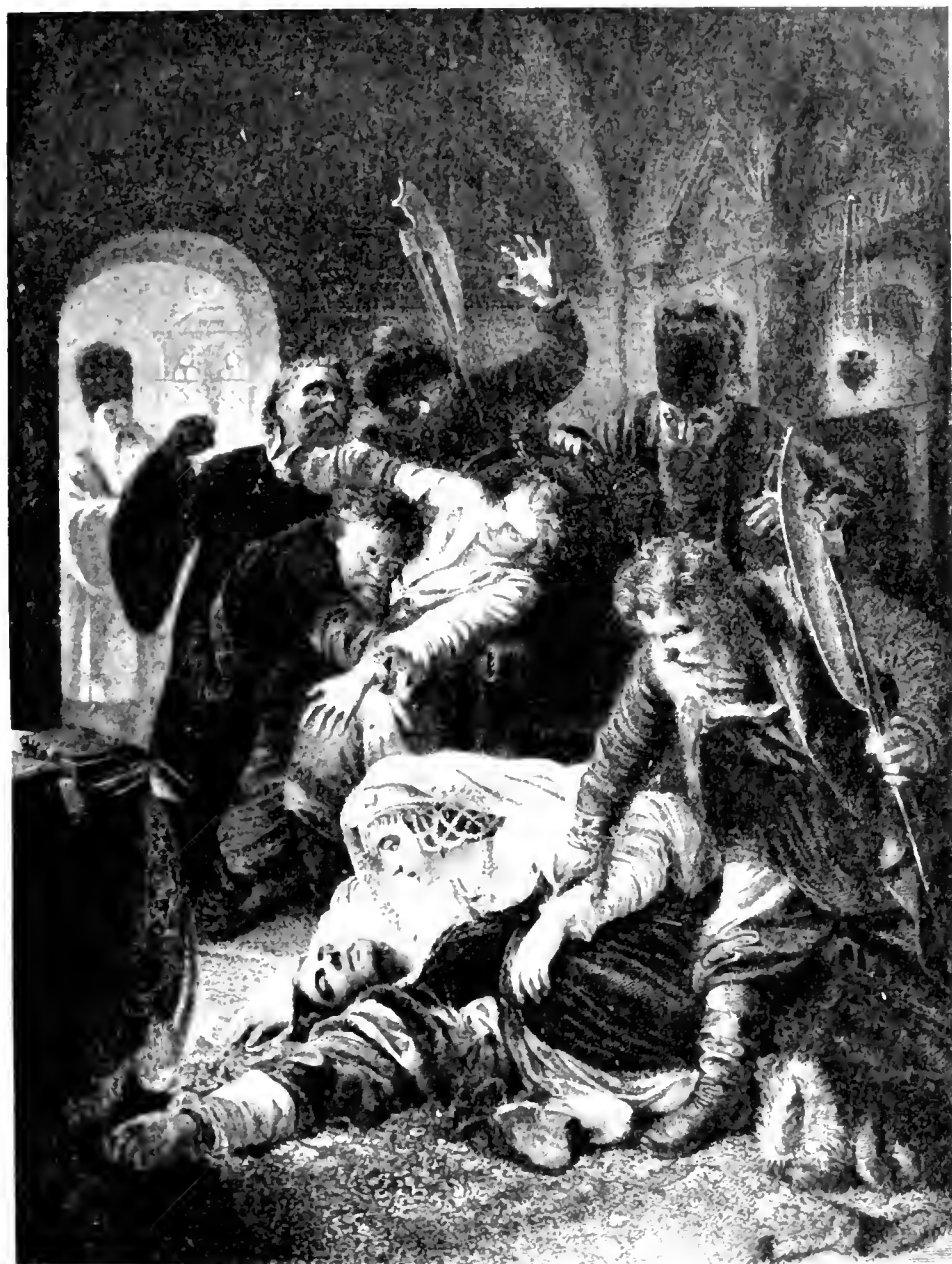
ДОМЪ БОРИСОВЪ.

Постановка Шшикова (1869—1870).

КРЕМЛЬ. ДОМЪ БОРИСОВЪ. СТРАЖА У КРЫЛЬЦА.

ФЕОДОРЪ ПОДЪ ОБНОМЪ,
 нищій.
 Дайте милостыню Христа ради!
 СТРАЖА.
 Поди прочь: не вѣдно говоритьсь заклю-
 ченными.
 ФЕОДОРЪ.
 Поди, старикъ, я бѣтше тебя: ты на волю.
(Ксенія поодъ покрываломъ поглядитъ такъ же къ окну).
 ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.
 Братъ за сестра! бѣдныя тыи, что пташки
 въ клеткѣ.
 ДРУГОЙ.
 Есть о комъ жалѣть? Проклятое племя!
 ПЕРВЫЙ.
 Отець былъ злодѣй, а дѣтки невѣщны.

ДРУГОЙ.
 Яблоко отъ яблони недалеко падаетъ.
 КСЕНІЯ.
 Братецъ! братецъ! кажется, къ намъ Боаре
 идуть.
 ФЕОДОРЪ.
 Это Голицынь, Мосальскій. Другіе мѣи не-
 знакомы.
 КСЕНІЯ.
 Ахъ, братецъ, сердце замираеть.
(Годуновъ, Мосальскій, Молчановъ и Шерешетовъ; за нами трои Стрѣльцовъ).
 НАРОДЪ.
 Разступитесь, разступитесь: Боаре идуть.
(Они входятъ въ домъ).
 ОДИНЪ ИЗЪ НАРОДА.
 Зачѣмъ они пришли?

УБИЕНІЕ ДРАГОГО

Григорія Кочетанскаго Миссера и др.

«Сибирск. Вѣстн.» 1862г.

двѣмъ.

(Отворяются двери. Мосальскій является на крыльцо).

А вѣрно приводить къ присягѣ Феодора Годунова.

мосальскій.

третій.

Въ самомъ дѣлѣ? слышишь, какой въ домѣ шумъ! Тревога! дерутся!

Народъ! Марія Годунова и сынъ ея Феодоръ отравили себя ядомъ. Мы видѣли ихъ мерные труны. *(Народъ въ ужасѣ молчитъ).* Что же вы молчите? кричите: да здравствуетъ царь Димитрій Ивановичъ!

народъ.

Слышишь? вѣзъ! Это женской голосъ... Взойдемъ! — Двери закрыты — крики замолкли — шумъ продолжается.

Народъ *безмолвствуетъ.*

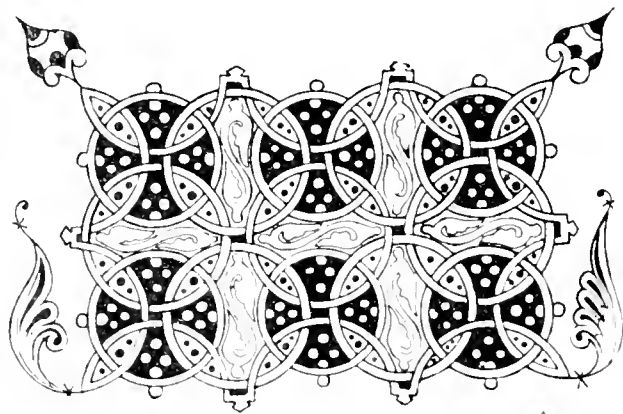
ПЕРВОНАЧАЛЬНЫЙ КОНЕЦЪ «БОРИСА ГОДУНОВА».

мосальскій.

Народъ! Марія Годунова и сынъ ея Феодоръ отравили себя ядомъ. Что-жь вы молчите? Кричите: да здравствуетъ царь Димитрій Ивановичъ!

народъ.

Да здравствуетъ Царь Димитрій Ивановичъ!

ЗАЧЕРКНУТАЯ ПУШКИНЫМЪ ВЪ РУКОПИСИ 1825 И НЕ ПОМѢЩЕННАЯ ЕМЪ
ВЪ ИЗД. 1831 Г. СЦЕНА.

(Послѣ сцены съ Пименомъ).

ОГРАДА МОНАСТЫРСКАЯ.

Григорій и злой чернецъ.

григорій.

Что за скука, что за горе наше бѣдное житье!
День приходитъ, день проходитъ— видно,

слышно все одно:

Только видишь черныя рѣсы, только слышишь
колоколь.

Днемъ, зѣвая, бродишь, бродишь; дѣлать
ничего соснешь;

Ночью долгою до свѣта все не спится
чернецу.

Сномъ забудешься, такъ дуну грезы черныя
мутятъ;

Радъ, что въ колоколь ударятъ, что разбудятъ
костылемъ...

Штъ, не вытерплю! штъ мои! Чрезъ
ограду, да бѣгомъ.

Миръ великъ: мнѣ путь дорога на четыре
стороны.

Поминай, какъ звали.

чернецъ.

Правда ваше горькое житье,
Вы разгульные, лихо, молодые чернецы.

григорій.

Хоть бы ханъ опять наградилъ, хоть Литва
бы поднялась!

Такъ и быть! Пошелъ бы съ нами пере-
вѣдаться мечемъ.

Что, когда бы нашъ царевичъ изъ могилы
вдругъ воскресъ

И вскричалъ: А гдѣ вы, дѣти, слуги и вѣрные
мои?

Вы пойдите на Бориса, на людья моего,
Изловите сунодата, приведите мнѣ его!

чернецъ.

Подно! не болтай пустова, Мерзвыхъ намъ
не воскресить.

Штъ, царевичу шое, видно, было суждено
Но послушай: если дѣло затѣвать, такъ
затѣвать...

григорій.

Что такое?

чернецъ.

Если бъ я былъ такъ же молодъ,
какъ и ты,

Если бъ усь не пробивала ужъ дыра съ-
дина...

Понимаешь?...

григорій.

Штъ, ни сколько.

чернецъ.

Слушай: Глухой нашъ народъ
Легковѣренъ: радъ дивиться чудесамъ и
Новизнѣ:

А бояре въ Годуновѣ помнятъ равнаго себѣ,
Племя древяго Варяга и теперь любезно
всѣмъ.

Ты царевичу ровесникъ... Если ты хитеръ
и твердъ...

Понимаешь?

григорій.

Понимаю.

чернецъ.

Что же скажешь?

григорій.

Рѣшено.

Я Димитрій, я царевичъ!

чернецъ.

Дай мнѣ руку: будешь царь.

ПУШКИНЪ ВЪ СЕЛѢ МИХАЙЛОВСКОМЪ (1824—1826)

Высланный изъ Одессы за выраженныя въ перепискѣ на почтѣ письма мысли объ атеизмѣ и вмѣстѣ съ тѣмъ исключенный изъ службы «за дурное поведеніе», Пушкинъ явился въ Михайловское 9-го августа 1824 года. Уже болѣе четырехъ лѣтъ, со времени первой ссылки изъ Петербурга на югъ весною 1820 года, Пушкинъ находился въ опалѣ, являясь въ глазахъ правительства человѣкомъ подозрительнымъ и опаснымъ. Много пережилъ поэтъ за это время подлужечной жизни на Кавказѣ и въ Крыму, въ Кишиневѣ и въ Одессѣ: немало потратилъ душевныхъ силъ на случайныя впечатлѣнія и встрѣчи, далекія отъ интересовъ литературы; но талантъ его зрѣлъ, кипучія молодая силы бродили и нуждались въ новой обстановкѣ, которая дала бы возможность поэту сосредоточиться въ себѣ и выступить въ той великой роли, на которую онъ имѣлъ право по размѣрамъ своего гениальнаго дарованія. Такимъ именно мѣстомъ явилось для Пушкина, противъ его воли, Михайловское.

Однако, на первое время обстоятельства новой жизни Пушкина сложились для него совершенно неблагоприятно. По его собственному, позднѣйшему, признанію, онъ явился въ деревню уже истомленный «справной борьбой» и «ожесточенный» (Соч. II, 371¹⁾). Новую пищу ожесточенію молодого изгнанника дала его родная семья. Относительно отца и матери Пушкинъ, правда, не могъ предаваться особеннымъ иллюзіямъ, но, все-же, могъ рассчитывать и на извѣстное сочувствіе и нравственную поддержку. На дѣлѣ вышло не то. Поводъ къ первому же, весьма крупному, недоразумѣнію подалъ отецъ Пушкина, Маркизь Ф. О. Паудучи, лифляндскій и курляндскій генералъ-губернаторъ, въ вѣдѣніи котораго находилась тогда и Псковская губернія, поручилъ удаленному опочечному предводителю дворянства Пещурову пригласить отца Пуш-

кина принять на себя надзоръ за поведеніемъ сына и слѣдить за его перепиской, при чемъ въ официальной бумагѣ по этому поводу называлъ Сергѣя Львовича «однимъ изъ числа добродѣтельныхъ и честнѣйшихъ людей»; Сергѣй Львовичъ имѣлъ слабость принять это предложеніе. Что изъ этого вышло, о томъ менѣе, чѣмъ черезъ три мѣсяца по приѣздѣ своемъ въ деревню, Пушкинъ писалъ Жуковскому 31 окт. 1824 года: отецъ видѣлъ въ сынѣ «смуловщину», оградялъ отъ общенія съ нимъ другихъ дѣтей и даже, въ порывѣ раздраженія, послѣ одного разговора съ сыномъ, объявилъ всему дому, что тотъ хотѣлъ быть отца (VII, 127—128). Въ то же время Пушкинъ писалъ псковскому губернатору Б. А. Адеркасу: «Государь императоръ высочайше соизволилъ меня послать въ помѣстье моихъ родителей, думая тѣмъ облегчить мнѣ горестъ и участь сына. Но важныя обвиненія правительства пали на сердце моего отца и раздражили мнительность, простительную старости и ибжеюю любви его къ прочимъ дѣтямъ. Рѣшаюсь, для его спокойствія и своего собственнаго, просить его императорское величество, да соизволилъ меня перевести въ одну изъ своихъ крѣпостей» (VII, 126). Мать Пушкина всецѣло стояла на сторонѣ мужа. При такихъ обстоятельствахъ необходимо было чье-либо дружеское вмѣшательство, и оно явилось со стороны Жуковского: въ результатѣ, отецъ Пушкина въ ноябрѣ 1824 года со всемъ семействомъ уѣхалъ въ Петербургъ и оттуда, подъ благовиднымъ предлогомъ, прислалъ отказъ отъ добровольно принятыхъ на себя обязанностей надзора за сыномъ.

Пушкинъ остался въ Михайловскомъ одинъ.

По одиночеству поэта оказалось непопулярнымъ. Въ трехъ верстахъ отъ Михайловскаго лежало село Тригорское, принадлежавшее сосѣдней помѣщицѣ Прасковѣ Александровнѣ Осиповой. Въ усадьбѣ Тригорскаго жила многочисленная семья владѣльцы, которая отъ перваго брака, съ Вульфомъ, имѣла сына Алекся Николае-

¹⁾ Ссылка вездѣ слѣдуетъ по послѣднему изданію И. А. Ефремова. Т. I—VIII, Спб. 1903—1905.

СЕЛО МИХАЙЛОВСКОЕ.

Литография по альбому изъ коллекции П. А. Ефремова. Сромято дома, въ которомъ жилъ Пушкинъ, въ настоящее время не существуетъ.

вича, бывшаго тогда студентомъ Дерптскаго университета, и дочерей Анну и Евпраксию, а отъ второго брака, съ Осиповымъ, были у нея двѣ дочери — Екатерина и Марья Ивановны. Кромѣ того, тутъ же жили или отъ времени до времени навѣзали молодая родственница ходячки и между ними Александра Ивановна Осипова, впоследствии Беклешова, которой онъ писалъ любовныя стихотворенія, и Анна Петровна Кернъ (рожд. Волгострацкая), поразившая Пушкина въ Петербургѣ, незатомо переть вызломъ его изъ столицы, своей красотой и возбужившая въ подѣ, во время пребыванія его въ деревнѣ, хотя и кратковременное, но несомнѣнно горячее увлеченіе. Это была типическая для того времени русская достаточная помѣщичья семья, жившая дружно и весело, имѣвшая интеллигентную, умѣвшая цѣнить образованіе, любившая литературу. Съ семьей Пушкиныхъ П. А. Осипова была знакома и раньше, но появленіе въ Михайловскомъ Александра Сергѣевича, уже извѣстнаго тогда поэта, должно

было возбуждить въ Тригорскомъ, преимущественно въ женской половинѣ его молодого населенія, особый интересъ. Вначалѣ знакомство съ Тригорскимъ, пошитоному, не показалось для Пушкина особенно привлекательнымъ. Въ концѣ сентября 1824 года онъ пишетъ, во французскомъ письмѣ, къ В. О. Вадомской о «блженствѣ скуки», которая «пожираетъ» его «студное существованіе»; о дочеряхъ Осиповой отзывается насмѣшливо и неблагопріятно, а въ началѣ декабря того же года пишетъ сестрѣ Ольгѣ: «твои Тригорскія пріятельница, несомнѣнно, кромѣ матери. Я у нихъ рѣдко, Слажу томъ за яду дымы» (АН, 129, 139); но вскорѣ дѣлать отношенія къ сестрамъ мѣняется, и Пушкинъ не только стѣбался любовнымъ и желаннымъ гостемъ въ Тригорскомъ, но и самъ очень охотно проводилъ тамъ перѣто дѣльные дни до въ забавѣхъ и пущахъ, то просиживая за книгами въ библиотекѣ покойнаго отца П. А. Осипова Вышомскаго. Висную роль въ этихъ развлеченияхъ играли и литературныя шалоги

большую часть любовнаго характера, на которая были такъ неистощимо щедръ Пушкинъ. Писатели эти находили себѣ пріютъ въ семейныхъ альбомахъ, изъ которыхъ одинъ, принадлежавшій самой хозяйкѣ дома, былъ въ свое время описанъ М. П. Семевскимъ¹⁾; въ этотъ альбомъ 25 июля 1825 года вписалъ Пушкинъ свои мечты о скоромъ освобожденіи изъ ссылки, вмѣстѣ съ чувствомъ симпатіи къ обитателямъ Тригорскаго, Глубокую и живую привязанность къ Тригорскому и къ семейству П. А. Осиповой сохранилъ Пушкинъ до послѣднихъ дѣтъ своей жизни, какъ это можно видѣть, напр., изъ его собственныхъ признаній въ письмахъ къ Осиповой, относящихся къ концу 1835 года (УП, 620, 624).

Въ настоящее время и Михайловское и Тригорское представляютъ, кромѣ природы, очень мало такого, что напоминало бы время, проведенное тамъ когда-то Пушкинымъ. Годы и обстоятельства стерли здѣсь живые слѣды этой замѣчательной эпохи въ жизни Пушкина. Михайловское принадлежитъ теперь казѣ, будучи приобретено въ 1899 году отъ сына поэта Г. А. Пушкина, по увѣренію котораго изъ всѣхъ построекъ прежней усадьбы уцѣлѣлъ къ столѣтію со дня рожденія Пушкина лишь флигель, гдѣ, говорятъ, жила няня поэта, Арина Родионовна; вещей Пушкина того времени здѣсь почти не сохранилось. Что же касается Тригорскаго, то въ настоящее время оно находится во владѣніи семейства бароновъ Вревскихъ: одинъ изъ членовъ этой семьи, Соф. Бор. Вревская была родной дочерью той самой Евпраксіи Николаевны Вульфъ, вышедшей въ 1831 году замужъ за барона Б. А. Вревскаго, которой въ 1825 году Пушкинъ посвятилъ граціозное стихотвореніе: «Если жизнь тебя обманетъ, не печалься, не сердись!...» По общепринятому предположенію, Евпраксія Вульфъ послужила оригиналомъ для созданія образа Татьяны въ «Евгеніи Онегинѣ», подобно тому, какъ ее сестра Анна Николаевна считается прототиномъ Ольги. Но сами владѣльцы Тригорскаго теперь тамъ не живутъ, избравши для себя другое мѣстѣ, въ 25 верстахъ отъ Тригорскаго, Годубово, гдѣ въ нихъ семья и до сихъ поръ живо хранится память о Пушкинѣ и, между прочимъ, экземпляръ одной главы «Онегина» изд. 1828 года, съ собственноручной надписью Пушкина для Евпраксіи Нико-

лаевны: «своей отъ двоюмѣ!»¹⁾. Изъ членовъ семьи П. А. Осиповой, выдѣлившуъ Пушкина собственными глазами, осталась къ 1899 году лишь одна Екатерина Пяновна Фокя, дочь Осиповой отъ второго брака, бывшая въ пору пребыванія поэта въ Михайловскомъ еще ребенкомъ и сохранившая нѣкоторыя воспоминанія о немъ, относящіяся впрочемъ уже къ болѣе позднему періоду его жизни²⁾.

Та среда, въ которой вращался Пушкинъ въ гостепріимномъ домѣ села Тригорскаго, если имѣть въ виду его постоянныхъ обитателей, была почти исключительно женская, и если припомнить, что въ Михайловское явился Пушкинъ послѣ нѣсколькихъ лѣтъ шумно-разгульной жизни въ Кишиневѣ и Одессѣ, то благотворное нравственное вліяніе ея на воспримчивую натуру поэта будетъ очевидно. Женское общество Тригорскаго, состоявшее изъ дѣлаго ряда молодыхъ образованныхъ двушекъ и женщинъ и отъ времени до времени мѣнявшееся и обновлявшееся въ своемъ составѣ пріѣзжими гостями-родственницами, могло только облагораживающимъ образомъ дѣйствовать на Пушкина, будывая его порывистыя страсти, возбуждая къ поэтической дѣятельности и доставляя ему вполне благоприятную обстановку для отдыха отъ умственнаго труда.

Но эта среда не была для него единственной: она дополнялась мужскою, которая, впрочемъ, не была постоянной и являлась въ видѣ временныхъ посѣщеній Михайловскаго и Тригорскаго кѣмъ-либо изъ прежнихъ товарищей Пушкина и гостей П. А. Осиповой.

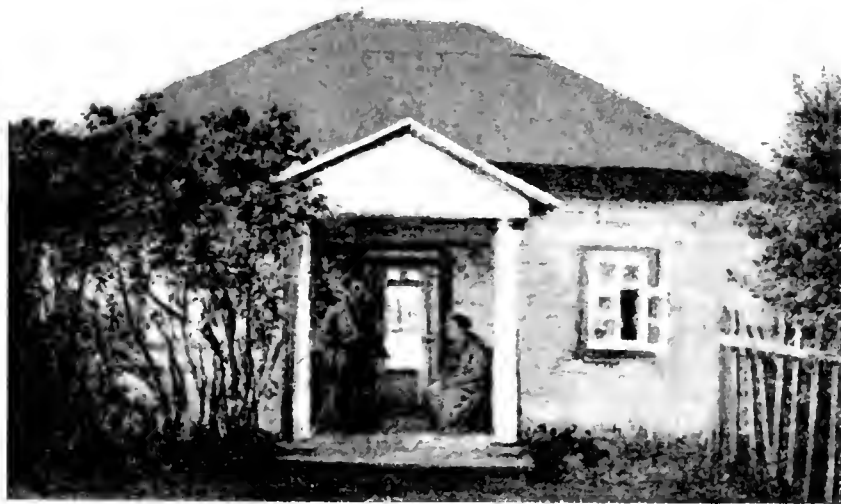
На первомъ мѣстѣ должны быть поставлены тутъ Вульфъ и Языковъ, бывшіе тогда оба студентами Дерптскаго университета.

Алексѣй Николаевичъ Вульфъ, сынъ П. А. Осиповой отъ перваго брака, изучалъ въ Дерптѣ въ 1822—25 годахъ военныя науки (на физико-математическомъ факультетѣ). Почти каждыя ваканціи, зимой и лѣтомъ, пріѣзжалъ онъ въ деревню и былъ для Пушкина интересенъ не только какъ членъ семьи П. А. Осиповой, не только по своей отзывчивой молодости, но и по своему образованію, начтатности и серьезно-

1 В. Острогорскій, Пушкинскій уголокъ земли: Миръ Божій 1898, сентябрь, стр. 204—207; Б. Л. Молдавскій, Поездка въ Тригорское въ 1902 году: Пушкинъ и его современники, вып. 1, стр. 6.

2 В. Острогорскій, стр. 227—228.

1 М. Семевскій, Къ біографіи Пушкина, Русскій Вѣстникъ 1869, ноябрь, стр. 65—67.

ПУШКИНЪ ВЪ ДОМѢКЪ ПРИШЫ РОДОНОВЦЫ.

Картина В. Максимова.

Домъкъ свергнулся до настоящаго времени.

сти. Правда, изъ полу-стихотворнаго письма Пушкина къ Вульффу отъ 20-го сентября 1824 года видно, что поэтъ заманивалъ пріятеля на новый прѣздъ въ Михайловское-Григорское «подъямъ ящичкомъ бутылочкѣ» и днями, «посвященными любви» (VII, 121—122; однако у нихъ въ дѣйствительности были и другія развлечения: это видно изъ позднѣйшихъ воспоминаній Пушкина о Вульффѣ и о своихъ съ нимъ бесѣдахъ (см. V, 577—578).

А. Н. Вульфъ былъ также главнымъ участникомъ въ разработкѣ неудавшагося плана Пушкина бѣжать за-границу. Еще будучи въ Одессѣ, Пушкинъ въ январѣ 1824 года писалъ брату Якову Сергѣевичу, что не прошь бы послѣ всѣхъ просьбъ объ отпускѣ за-границу, на которая послѣдовала отказъ, «связать тихонько трость и планку и побѣжать посмотрѣть на Константинополь» (VII, 97). Въ Михайловскомъ онъ чувствовалъ себя попрежнему плѣнникомъ, заключеннымъ еще въ болѣе узкія круги и при условіяхъ болѣе строгого наблюденія за нимъ, чѣмъ на югѣ. Неопредѣленность положенія, неограниченность срока ссылки и опасеніе провести дурные годы своей молодости въ деревнѣ ужасала его, и вотъ онъ снова увлечается мыслью о путешествіи за-

границу. Подъ вліяніемъ этой мечты Пушкинъ весной 1825 года проситъ Жуковскаго хлопотать о дозволеніи ему побѣжать за-границу для дѣленія аневризма, которому поэтъ будто бы былъ уже давно подверженъ, и приложилъ при этомъ проектъ своего прошенія къ государю. Но въ Петербургѣ взялась за это дѣло мать поэта и замѣнила просьбу Пушкина новымъ обращеніемъ къ императору Александру, послѣдствіемъ котораго явилось дозволеніе Пушкину дѣлаться и жить некоторое время въ Псковѣ, съ тѣмъ однако, чтобы губернаторъ имѣлъ наблюденіе за его поведеніемъ и даже разговорами. Такой оборотъ дѣла, конечно, не удовлетворилъ Пушкина, и послѣ этого онъ сталъ думать уже о тайномъ побѣгѣ за-границу, ближайшая дорога куда была тогда для него черезъ Дерптъ. Новидимому, планъ тайнаго побѣга обдумывался Пушкинымъ одновременно съ вношеніемъ деталями его попытками получить формальное разрѣшеніе отправиться за-границу, на успѣхъ въ торгъ онъ мало надеялся. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи Пушкинъ былъ неостороженъ и проговоривался о своемъ намѣреніи: по крайней мѣрѣ, слухи о предполагаемомъ его побѣгѣ дошли въ Петербургѣ, о чемъ съ послѣдствіемъ Пушкинъ брату Якову Сер-

тѣвнму еще въ ноябрѣ 1824 года: «миѣ дьявольски не правятся петербургскіе толки о моемъ побѣѣ; да замѣмъ миѣ бѣжать? Здѣсь такъ хорошо!» (VII, 140). Последнее замѣчаніе было лишь хитростью и объясняется желаніемъ поэта отклонить всякія подозрѣнія о побѣѣ, такъ какъ около того же времени (24 ноября 1824) Пушкинъ писалъ Жуковскому, въ одномъ черновомъ письмѣ: «стыжусь, что доселѣ не имѣю духа исполнить пророческую вѣсть, разнесшуюся недавно обо миѣ» (VII, 134). Къ этому времени относятся и черновые наброски въ стихахъ, въ которыхъ поэтъ процѣкаетъ съ родными мѣстами передъ побѣгомъ. Въ сентябрѣ и октябрѣ 1825 года Пушкинъ послѣ полученнаго, но не входившаго въ его планы дозволенія дѣлаться въ Псковѣ, продолжаетъ думать о побѣдѣ за границу и заводитъ объ этомъ переписку съ А. П. Вульфомъ, при чемъ дѣло велось пока въ секретѣ, въ который, впрочемъ, посвящена была и Н. А. Осипова. Для переписки съ Вульфомъ, во избѣжаніе раскрытія тайны со стороны, придуманы были условные термины: именно, съ виду темой переписки служила «коляска», будто бы взятая Вульфомъ для переезда въ Дерптъ, и судьба ея, т. е. или возвращеніе обратно въ Михайловское, или удержаніе въ Дерптѣ, должна была означать судьбу подготовительныхъ хлопотъ о дѣлѣ въ Дерптѣ; другой системой условныхъ терминовъ было будто бы предпринятое Пушкинымъ печатаніе своихъ сочиненій въ Дерптѣ, при чемъ подъ словами главнаго «цензора» должно было разумѣться настроеніе высшей правительственной власти относительно Пушкина, подъ замѣтками «наборщиковъ» — мнѣнія того или другого изъ ея агентовъ¹⁾. А хлопоты въ Дерптѣ заключались, главнымъ образомъ, въ томъ, чтобы заинтересовать въ предполагаемой побѣдѣ Пушкина знаменитаго тогда хирурга, профессора Дерптскаго университета П. Ф. Мойера, который бы могъ замолвить слово о Пушкинѣ передъ маркизомъ Падуаччи; для свиданія съ хирургомъ Пушкинъ могъ быть отпущенъ въ Дерптъ. Но и съ этими планами случилось приблизительно то же, что и съ прошеніемъ государю весной 1825 года: именно на Мойера стала дѣйствовать Жуковскій, бывший его родственникомъ и другомъ и не посвященный въ тайну; имѣя

въ виду лишь предполагаемую болѣзнь Пушкина, онъ просилъ Мойера прѣхать въ Михайловское осмотрѣть Пушкина и, если нужно, сдѣлать операцію. Это опять было совершенно въ разрѣзъ съ желаніями Пушкина, который вовсе не располагалъ быть принимать доктора въ Михайловскомъ, а, напротивъ, самъ рвался оттуда и съ досадой писалъ Вульфъ: «друзья мои и родители вѣчно со мной проказаты; теперь послали мою коляску къ Мойеру съ тѣмъ, чтобы онъ въ ней ко миѣ прѣхалъ... Вразумите его: дайте ему отъ меня честное слово, что я не хочу этой операціи, хотя бы и очень рать былъ съ нимъ познакомиться» (VII, 223). Въ томъ же смыслѣ, т. е. совершенно отказываясь отъ операціи, писалъ Пушкинъ и самому Мойеру (VII, 200) и Жуковскому, при чемъ поэту приходилось всячески дитрить, увѣрять въ полной неважности операціи или въ томъ, что «операція аневризма ничего не значитъ» и что «первый псковскій коновальъ съ нимъ могъ бы уравниваться»: «все равно — прибавлялъ онъ въ письмѣ къ Жуковскому — умереть со скуки или съ аневризма, но первая смерть вѣрнѣе другой... Погодимъ, авось либо царь что-нибудь рѣшитъ въ мою пользу. Посидимъ у моря, подождемъ погоды» (VII, 212, 228).

Такимъ образомъ, планъ Пушкина окончился полной неудачей, и онъ продолжалъ оставаться плѣнникомъ Михайловскаго.

Другимъ лицомъ, связывавшимъ Пушкина съ «внѣшнимъ міромъ», былъ товарищъ Вульфа по Дерптскому университету П. М. Языковъ, студентъ-филологъ въ 1823—1827 годахъ. Личное знакомство обоимъ поэтовъ произошло лѣтомъ 1826 года, когда Языковъ посѣтилъ Тригорское и Михайловское, но какъ поэтъ, Пушкинъ былъ извѣстенъ Языкову, конечно, гораздо раньше, еще въ бытность Языкова студентомъ Горнаго Кадетскаго корпуса (въ Петербургѣ), который онъ оставилъ, не окончивъ курса, въ 1819 году. Въ свою очередь, и Пушкинъ зналъ Языкова по его стихотвореніямъ, начавшимъ появляться въ журналахъ съ 1822 года и сразу обратившимъ на себя вниманіе критики и читающей публики. Вскорѣ по прѣздѣ въ Михайловское, Пушкинъ въ 1824 году приглашалъ его къ себѣ въ деревню, указывая на «близость» свою къ Языкову въ силу того «сладостнаго союза», который связываетъ «скрецовъ синимиъ музъ»; звалъ Пушкинъ Языкова и въ упомянутомъ письмѣ къ Вульфъ отъ 20 сентября 1824 года:

¹⁾ Анненковъ, П. В. Пушкинъ въ Александровскую эпоху, стр. 288—289. Ср. Соч. Пушкина, VII, 223, 231.

ЛЮБИМОЕ МѢСТО ПУШКИНА ВЪ ОКРЕСТНОСТИ МИХАЙЛОВСКАГО и ТРИГОРСКАГО.

Рѣка Сорочь и озеро.

Картина В. Микенцова 1899.

одновременно съ этимъ писала брату и сестра Вульфа, Анна Николаевна, пригласив Языкова зимой въ Тригорское (УП, 122). Но въ 1824 году Языковъ не прѣбывать. Весною 1825 года приглашала, через сына, Языкова и П. А. Осипова (УП, 170); однако и въ этомъ году мы его не видимъ въ Тригорскомъ. Къ Пушкину, какъ поэтъ, Языковъ былъ въ эту пору вполне равнодушенъ, а между тѣмъ Пушкинъ почти въ каждомъ письмѣ къ Вульфу не забывалъ и Языкова (ср. УП, 250). Наконецъ, въ июнѣ 1826 года Языковъ прѣбываетъ въ Тригорское и остается тамъ около мѣсяца, возвратившись въ концѣ поля въ Дернѣ¹. Этотъ прѣздъ Языкова внесъ много оживленія въ дѣтнее времяпровожденіе семьи П. А. Осиповой. А на самого Языкова вся обстановка жизни въ гостеприимно принявшемъ его семействѣ его товарища и

особенно близость Пушкина произвели чарующее впечатлѣніе и оставили по себѣ слѣды въ его воспоминаніяхъ и въ письмахъ къ друзьямъ, какъ одинъ изъ счастливейшихъ эпизодовъ его жизни². Отъ прежняго мифа о Пушкинѣ, какъ поэта, у него не осталось и слѣда, хотя подлѣе, въ 1830-хъ годахъ, Языковъ опять вернулся къ своему болѣе, чѣмъ сдержанному отношенію къ Пушкину, и даже самая смерть поэта не произвела на Языкова, по видимому, особеннаго впечатлѣнія. Но въ 1826 году было не то. Языковъ приветствовалъ Пушкина извѣстнымъ стихотвореніемъ отъ 19 августа 1826 года:

О ты, чья дружба мнѣ дороже
Привѣтовъ ласковой молвы,
Милѣ тѣмъца приюжен,
Святѣ всякой головы... и т. д.³

¹ Садовниковъ, Д. П. Отзыва современниковъ о Пушкинѣ. Историческій Вѣстникъ. 1883. № 42, стр. 324.

² Анненковъ. Пушкинъ въ Александровскую эпоху, стр. 318—319.

³ Семейскій П. М. Языковъ, 1803—1846. Русскій Архивъ. 1867. 722.

Поэтическимъ изображеніемъ посѣщенія Языковымъ Пушкина въ Михайловскомъ является посланіе Языкова къ любимцу Пушкина нянѣ Аринѣ Родионовнѣ, о которой Пушкинъ отзывался, въ письмѣ къ Д. М. Княжевичу, что она «единственная» его «подруга» (VII, 136); но самымъ замѣчательнымъ поэтическимъ плодомъ пребыванія Языкова въ Тригорскомъ является его известное стихотвореніе «Тригорское», посвященное П. А. Осиповой (1826)¹. И позднѣе Языковъ не разъ вспоминалъ о счастливыхъ дняхъ своего пребыванія въ Тригорскомъ въ посланіяхъ къ П. А. Осиповой и А. П. Вульфъ². Пушкинъ также надолго сохранилъ воспоминаніе объ этихъ лѣтнихъ мѣсяцахъ 1826 года и, понавни 10 лѣтъ спустя въ Михайловское, писалъ оттуда, 14 апрѣля 1836 года, въ самыхъ дружескихъ и трогательныхъ выраженіяхъ, вспоминая старое, Языкову (VII, 636).

Кромѣ Языкова, посѣтили Пушкина въ Михайловскомъ трое его товарищей по Лицею, о которыхъ онъ упоминаетъ въ стихотвореніи «19 октября 1825». Эти трое были—Пушкинъ, Горчаковъ и Дельвигъ.

П. П. Пушкинъ посѣтилъ Пушкина 11-го января 1825 года и пробылъ у него всего одинъ день, но въ этотъ день они переговорили о многомъ. Пушкинъ, между прочимъ, читалъ Пушкину комедію Грибоедова «Горе отъ ума», какъ тогдашнюю литературную новинку, известную пока въ рукописи; по поводу этого чтенія Пушкинъ написалъ А. А. Бестужеву (около 25 янв. 1825) известное письмо, въ которомъ высказалъ весьма мѣткія замѣчанія о знаменитой комедіи (VII, 152—154). Самъ Пушкинъ описалъ свое пребываніе у Пушкина въ своихъ «Запискахъ». Художественнымъ памятникомъ этого посѣщенія является известная картина П. П. Ге «Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ», хотя одна изъ свидѣтельница этой эпохи и выразила сомнѣніе въ вѣрности изображенной тутъ вишней обстановки житья Пушкина³. Пушкинъ сдѣлался вкорѣ жертвой событію 14 декабря 1825 года и сосланъ былъ въ Читу. Вѣрный старой товарищеской связи, огорченный Пушкинъ послалъ ему съ А. Г. Муравевой, бывшей къ своему селышному

мужу въ Читу, известное посланіе, въ которомъ вспоминаетъ и о посѣщеніи Пушкинымъ Михайловскаго (II, 82).

Барона А. А. Дельвига Пушкинъ ждалъ въ своемъ удивленіи съ большимъ нетерпѣніемъ, говоря объ этомъ въ письмахъ къ князю П. А. Вяземскому и брату Льву (VII, 156, 160, 169, 173); послѣднему онъ однажды писалъ: «сочи ибѣтъ, хочется Дельвига» (VII, 161). И вотъ въ апрѣлѣ 1825 года Дельвигъ прѣѣхалъ. Пушкинъ тотчасъ ввелъ этого своего любимѣйшаго товарища по Лицею въ кругъ своихъ знакомыхъ въ Тригорскомъ и былъ очень недоволенъ, что тотъ оставался совершенно равнодушнымъ къ проявленіямъ любезности, которыми старались окружить его молодые обитательницы Тригорскаго: всему этому предпочиталъ онъ лежать на диванѣ, декламировать стихи и бесѣдовать о литературѣ. Плодомъ его отвѣтной любезности къ обитательницамъ Тригорскаго явилось лишь одно стихотвореніе, вписанное въ альбомъ П. А. Осиповой и воспѣвающее вино и дружбу⁴.

Совершенно неожиданнымъ былъ прѣѣздъ въ Михайловское князя А. М. Горчакова въ сентябрѣ 1825 года. По особенной радости это посѣщеніе не доставило поэту: Пушкинъ находилъ Горчакова слишкомъ сухимъ; къ тому же Горчаковъ, повидимому, не сумѣлъ почувствовать тѣхъ духовныхъ лишеній, которыя испытывалъ поэтъ-изгнанникъ, и отнесся къ Пушкину безъ надлежащаго сочувствія: «Горчаковъ мнѣ живо напомнилъ Лицей.—писалъ по этому поводу Пушкинъ кн. П. А. Вяземскому,—кажется, онъ не переѣхался во многомъ, хоть и созрѣлъ и, слѣдственно, подохъ. Ты вбилъ ему въ голову, что я объѣдаюсь гоненіемъ. Охъ, душа моя—меня тошнить... По предлагаемое да ѣдать». Впрочемъ, Пушкинъ читалъ Горчакову нѣсколько сценъ изъ «Бориса Годунова», которымъ онъ въ это время былъ занятъ (VII, 218, 220)⁵.

Сношенія съ другими лицами, которыя поддерживалъ Пушкинъ изъ мѣста своего изгнанія, происходили письменно. Это обстоятельство естественнымъ образомъ отразилось на количествѣ и объемѣ писанныхъ Пушкинымъ писемъ изъ Михайловскаго: именно, на время пребыванія здѣсь Пушкина въ продолженіе двухъ лѣтъ приходится

¹ Стихотворенія П. М. Языкова. Ч. I. Сиб. 1858, стр. 76—80.

² Тамъ же, ч. I, 100—101, 105—106. Русскій Архивъ 1867, 733—734, 739—740.

³ Острогорскіи, назв. соч., стр. 227.

⁴ Семевскій. Къ біографіи Пушкина. Русскій Вѣстникъ 1869, ноябрь, стр. 69.

⁵ Ср. въ I т. наст. изд. стр. 230 в слѣд.

ДОМЪ П. А. ОСИПОВОЙ ВЪ ТРИГОРСКОМЪ.

(Снимокъ 1899 г.).

почти четвертая часть всей переписки со стороны Пушкина, между тѣмъ какъ три четверти этой переписки, поскольку она до сихъ поръ известна, падаютъ на остальные 18 лѣтъ. Письма Пушкина обращены главнымъ образомъ къ брату Льву Сергѣевичу, которому поэтъ давалъ въ Петербургъ разныя порученія, начиная со своихъ сочиненій и кончая мелкими покушками, къ П. А. Вяземскому, П. А. Плетневу, А. А. Бестужеву, П. А. Катенину, отчасти П. А. Полевому и К. Ф. Рыльеву—съ содержаніемъ преимущественно литературнымъ, извѣстіями о своихъ поэтическихъ трудахъ, сужденіями о новыхъ явленіяхъ текущей литературы, порученіями и просьбами касательно изданія собственныхъ сочиненій. Письма къ В. А. Жуковскому почти всѣ имѣютъ характеръ просьбы о ходатайствѣ объ изданіи Пушкина въ заточеніи или вообще объ облегченіи его участи въ этомъ смыслѣ; есть дружескія письма къ барону А. А. Дельвигу, В. К. Кюхельбекеру, П. П.

Раевскому, П. А. Осиповой, упомянутыя выше письма къ А. П. Вульфъ и П. М. Языкову, шуточно-любовныя къ А. П. Кернъ и нѣкоторыя другія, менѣе значительныя. Разумнѣе, въ дѣйствительности переписка Пушкина не ограничивалась этими лицами; не говоря уже о томъ, что, обратно, не всѣ письма Пушкина за это время стѣснялись достоинствомъ печати, можно съ увѣренностью полагать, что по тогдашнему опальному положенію Пушкина, корреспонденція котораго подвергалась бдительному надзору въ Москвѣ, не всѣ его письма доставлялись по назначенію, и не всѣ письма, адресованныя ему, попадали въ его руки: въ одномъ письмѣ къ брату поэтъ замѣчаетъ: «Дельвига письма до меня не доходятъ» (М., 1906).

Несмотря на веселые дни, которые проводилъ Пушкинъ съ пріѣзжими гостями, не смотря на близость Тригорскаго и радостіе его обитательницъ, все-таки въ общемъ жизнь Пушкина въ Михайловскомъ была

уединенной и однообразной. «Знаешь ли мои занятія? — писалъ онъ въ октябрѣ 1824 года брату. До обѣда пишу записки, обѣдаю поздно; послѣ обѣда ѿѣзжу верхомъ, вечеромъ слушаю сказки и вознаираждаю тѣмъ недостатки проклятаго своего воспитанія» (VII, 126). Зимой того же года писалъ онъ Д. М. Княжевичу: «Вотъ уже четыре мѣсяца, какъ нахожусь я въ глухой деревнѣ — скучно, да нечего дѣлать. Здѣсь нѣтъ ни моря, ни голубого неба, полудня, ни итальянской оперы, ни вась, друзья мои, но зато нѣтъ ни саранчи, ни милордовъ Уоринговъ. Уединеніе мое совершенно, праздность торжественна» (VII, 136). Если видѣть въ описаніи жизни Онѣгина, въ IV главѣ романа, автобіографическія черты — къ чему упоминается пастъ самъ Пушкинъ (въ письмѣ къ кн. Вяземскому, отъ начала июня 1826 года: VII, 254), — то къ сказанному можно прибавить, что жизнь Пушкина въ Михайловскомъ составляли лѣтомъ «прогулки, чтеніе, сонъ глубокий... уединеніе, тишина», а зимой — опять чтеніе, уединеніе и иногда посѣщеніе друга (строфы XXXIX, XLIII, XLIV).

Что Пушкину было въ Михайловскомъ «душно», какъ говоритъ онъ въ одномъ письмѣ къ Жуковскому лѣтомъ 1825 года (VII, 183), объ этомъ можно бы заключить уже изъ тѣхъ рискованныхъ для него приготовленій, которыя дѣлалъ онъ къ своему побѣгу за границу. Но на это указываютъ и многочисленныя жалобы его въ дружескихъ письмахъ (VII, 188, 229, 237, 241—242, 243 и др.), примѣсь къ которымъ веселой шутки и прошивъ несколько не ослабляетъ тяжелого впечатлѣнія отъ внутренняго содержанія этихъ жалобъ.

Невольное уединеніе и досугъ Пушкина въ Михайловскомъ давали ему возможность много и серьезно читать. «Книгъ, ради Бога книгъ!» просить онъ брата въ октябрѣ 1824 года (VII, 124), и затѣмъ эти просьбы о присылкѣ ему книгъ повторяются много разъ въ письмахъ къ Льву Сергѣевичу, причѣмъ дважды напоминаетъ онъ о присылкѣ ему французской Библіи (VII, 130—131, 132, 138, 139, 157, 160—161, 171—172, 175). «Мнѣ нуженъ англійскій языкъ — писать онъ въ одномъ письмѣ къ кн. П. А. Вяземскому — и вотъ одна изъ невыгодъ моей ссылки: не имѣю способа учиться, пока пора. Грѣхъ гошителямъ моимъ!» (VII, 224), а въ другомъ письмѣ, къ А. А. Бестужеву, къ этому прибавляетъ: «ты, да кажется Вяземскій одни изъ нашихъ лите-

раторовъ учатся; все прочіе разучаются. Жаль! высокій примѣръ Карамзина долженъ былъ имъ образумить» (VII, 232—233).

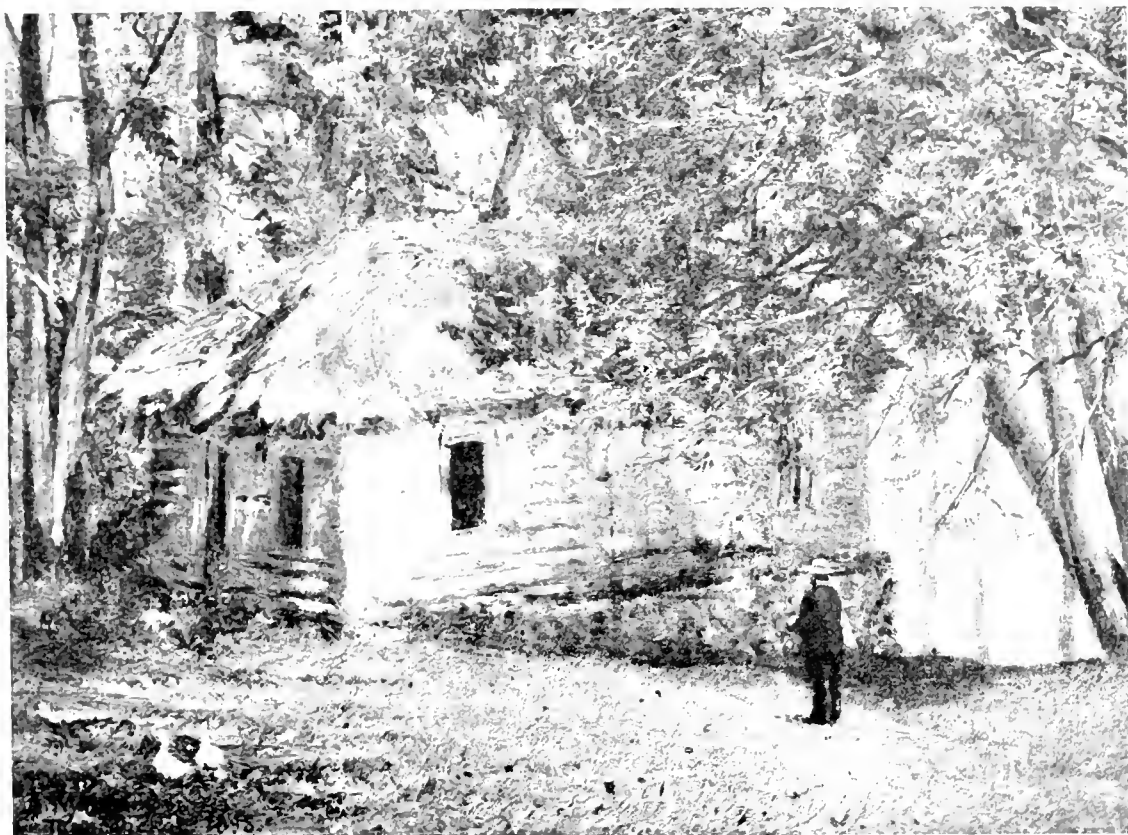
Однимъ изъ счастливыхъ обстоятельствъ, обусловленныхъ невольнымъ пребываніемъ Пушкина въ Михайловскомъ, біографами признается то, что онъ спасся отъ гибельныхъ послѣдствій 14 декабря 1825 года. Возможно, конечно, что будь Пушкинъ въ это время въ Петербургѣ, онъ, быть можетъ, раздѣлялъ бы участь некоторыхъ изъ своихъ друзей, бывшихъ усердными и дѣятельными участниками заговора (сер. VII, 241), хотя и называлъ себя въ одномъ изъ дружескихъ писемъ этого времени «человѣкомъ мирнымъ» (VII, 242: неясныя и отрывочныя извѣстія объ участіи заговорщиковъ, доходившія до Пушкина, возмущали его чрезвычайно¹⁾; однако, придавать особенно большую вѣрность такому предположенію все-таки нельзя: въ Пушкинѣ этой поры не было въ наличности данныхъ для серьезнаго участія въ дѣлѣ, его «либерализмъ» не былъ особенно глубокимъ, а экспансивность пылкой натуры заставляла заговорщиковъ воздерживаться отъ сообщенія ему опасной тайны²⁾.

Перемѣна царствованія окрылила надежды Пушкина на полученіе свободы, и онъ началъ новыя хлопоты. Желая «своиѣмъ и искренно помириться съ правительствомъ», какъ онъ писалъ бар. А. А. Дельвигу въ январѣ 1826 года (VII, 243), Пушкинъ въ маѣ того же года подалъ черезъ Никовскаго гражданскаго губернатора барона Адеркаса на высочайшее имя прошеніе, въ которомъ «съ истиннымъ раскаяніемъ и съ твердымъ намѣреніемъ не противорѣчить» своимъ мнѣніямъ «общепринятому порядку» просилъ дозволить ему свободный въѣздъ въ обѣ столицы (VII, 250—251). Николай съелъ возможнымъ исполнить просьбу Пушкина и 28 августа 1826 года подписалъ резолюцію о немедленномъ доставленіи Пушкина въ Москву, куда тотъ и прибылъ 8 сентября и въ тотъ же день былъ представленъ государю въ Чудовомъ дворцѣ.

Такъ кончилось двухгодичное заточеніе Пушкина въ Михайловскомъ.

¹⁾ Стоюницъ, В. Пушкинъ, стр. 278—279.

²⁾ Ср. также статью Пушкинъ и Декабристы. Гед.

ОСТАТКИ ТРИГОРСКОЙ БАНИ, ВЪ КОТОРОЙ ЖИЛЪ ПУШКИНЪ.

Картина В. Мухомова (1898).

По отношенію къ поэтическому творчеству Пушкина время, проведенное имъ въ Михайловскомъ, было весьма плодотворно. Тутъ въ тиши уединенія, въ глубокомъ сосредоточеніи создавали творческіе замыслы поэта и облекались въ рядъ поэтическихъ созданий, въ которыхъ впервые обнаружилась настоящая сила его гениальнаго дарованія.

На первомъ мѣстѣ среди произведеній Михайловскаго періода стоитъ «Борисъ Годуновъ». Первое извѣстіе объ этой пьесѣ находимъ мы въ припискѣ къ письму Пушкина къ Виземскому отъ 13 июля 1825 года (VII, 193). Насколько тогда была выполнена эта работа надъ трагедіей, мы не знаемъ, но въ октябрѣ того же года Пушкинъ писалъ тому же лицу: «Трагедія моя кончена. Я перечелъ ее вслухъ, одинъ, и былъ въ восторгѣ и кричалъ: аи та Пушкинъ!» (VII, 229). Извѣстны сохранившіеся въ черновикахъ бумагахъ Пушкина отрывочныя замѣтки позднѣйшихъ годовъ, гдѣ онъ указываетъ на три

главныхъ источника для своей трагедіи (которую онъ называетъ также «комедіей» и «драмой») — Шекспира, Карамзина и старая лѣтописи: Шекспиру онъ подражалъ «въ его волненьи и широкомъ изображеніи характеровъ, въ необыкновенномъ составленіи тинокъ и въ простотѣ», Карамзину следовалъ «въ свѣдомъ развитія происшествій», а въ лѣтописяхъ «старался угадать образъ мыслей и языкъ тогдашняго времени» (V, 428). Позднѣйшая критика вполне подтвердила эти точныя и совершенно опредѣленныя указанія Пушкина и извѣстъ съ дѣломъ показала вдумчивую самостоятельность и добросовѣстность, съ которыми относился онъ къ своимъ источникамъ: дивясь имъ, отъ нихъ автора слѣдуетъ понимать лишь въ томъ смыслѣ, что добытыя имъ изъ нихъ данныя онъ претворялъ и перерабатывалъ въ своемъ творческомъ созданіи и претставилъ, въ концѣ концовъ, frutto и въ цѣломъ и въ частяхъ совершенно само-

стоятельный. Зависимость отъ Карамзина, о которой говорить самъ Пушкинъ и которая понималась въ свое время даже такими критиками, какъ Полевой и Бѣлинскій, въ смыслъ почти простаго пересказа Пушкинскимъ и въ некоторыхъ страницъ X и XI томовъ «Исторіи Государства Россійскаго», теперь, приближаясь къ разсмотрѣнію, оказывается далеко не столь близкою и, напротивъ, обнаруживаетъ независимое отношеніе Пушкина къ Карамзину, извѣстія котораго онъ восполняетъ другими источниками, шедшими иногда даже въ противорѣчіе съ разказомъ Карамзина¹⁾. Это свидѣтельствуетъ о самомъ серьезномъ отношеніи Пушкина къ своему труду, который былъ ему чрезвычайно дорогъ: «писанная мною въ строгомъ уединеніи, вдали охлаждающаго свѣта, плодъ добросовѣстныхъ изученій, постояннаго труда, трагедія сія доставила мнѣ все, чѣмъ писателю насладится дозволено: живое занятіе вдохновенію, внутреннее убѣжденіе, что мною употреблены были всѣ усилія, наконецъ, одобреніе малаго числа избранныхъ» (X, 427—428). И тѣмъ не менѣе Пушкинъ опасался неуспѣха своей трагедіи: въ этомъ онъ оказался совершенно правъ: претерпѣвъ довольно длинную исторію до своего напечатанія²⁾, трагедія увидѣла свѣтъ лишь въ началѣ 1831 года и при появленіи своемъ въ печати нашла далеко не единодушное пониманіе какъ въ критикѣ, такъ и среди читающей публики.

Работа надъ «Борисомъ Годуновымъ», въ которомъ такую видную роль играетъ элементъ стариной русской народной жизни, находилась въ извѣстной связи со стремленіями Пушкина проникнуть въ окружающую его дѣйствительную народную жизнь. Анненковъ категорически свидѣтельствуетъ о такихъ попыткахъ³⁾, и, повидимому, плодомъ ихъ явился тотъ именно сборникъ народныхъ пѣсенъ, который, по свидѣтельству Кирѣевскаго, передать былъ ему Пушкинскимъ и послужилъ къ обогащенію замѣчательнаго собранія Кирѣевскаго произведеній народной поэзіи, увидѣвшаго свѣтъ гораздо позднѣе, а также и тѣ, «полународныя, полудуманныя произведе-

нія», какъ выражается Анненковъ, въ которыхъ мы находимъ «смѣшеніе творчества личнаго и условнаго съ общенароднымъ и непосредственнымъ»: таковы, напр., стихотворенія «Только на проталинкахъ весеннихъ», «Колокольчики звенять» и др.

Другимъ обширнымъ поэтическимъ трудомъ, занимавшимъ Пушкина въ Михайловскомъ, былъ «Евгеній Онѣгинъ». Какъ извѣстно изъ собственныхъ указаній Пушкина, романъ этотъ писался имъ въ теченіе десяти лѣтъ: началъ въ 1822 году и окончилъ въ 1831-мъ. Изъ восьми главъ, составляющихъ это центральное произведеніе Пушкина, четыре написаны въ Михайловскомъ: именно третья, четвертая, пятая и шестая. Если припомнить содержаніе этихъ главъ (семья Даринскихъ, посѣщеніе ея въ первый разъ Онѣгинымъ, письмо Татьяны къ Онѣгину, ея сонъ, балъ, послѣнокъ Онѣгина и Ленскаго), то окажется, что въ нихъ сосредоточивается главное содержаніе романа и главныя его поэтическія красоты описательнаго характера — картины деревенской помѣщичьей жизни и сельской природы въ разные времена года. Едва ли можно сомнѣваться въ томъ, что матеріаломъ для этихъ послѣднихъ являлись живыя наблюденія Пушкина надъ окружавшей его жизнью въ Михайловскомъ и Тригорскомъ. Что же касается дѣйствующихъ въ романѣ лицъ, то уже выше приведено было предположеніе о томъ, что въ Татьянѣ и Ольгѣ Пушкинскимъ изображены, въ поэтическомъ претвореніи, Евпраксія и Анна Николаевны Вульфъ²⁾. Участіе живыхъ впечатлѣній поэта отъ окружающаго въ процессѣ созданія «Евгенія Онѣгина» подтверждается и сообщеніями А. Н. Вульфа въ его дневникѣ, причѣмъ прототипъ Ленскаго онъ усматриваетъ въ самомъ себѣ³⁾. Связь няни Татьяны съ реальнымъ образомъ Арины Родионовны общезвѣстна. Отдѣльныя главы «Евгенія Онѣгина» выходили въ печати постепенно съ 1825 по

¹⁾ Ждановъ, Н. В. О драмѣ А. С. Пушкина «Борисъ Годуновъ». Спб. 1892, стр. 42. Ср. выше предисловія къ «Борису Годунову».

²⁾ Исторія эта разказана по документамъ акад. М. П. Сухоумлиновымъ въ ст. «Императоръ Николай Павловичъ критикъ и цензоръ сочиненій Пушкина»: Исслѣдованія и статьи, II, стр. 218—235.

³⁾ Матеріалы, 2 изд., стр. 144.

¹⁾ Объ этнографическихъ занятіяхъ Пушкина подробнѣе см. въ соч. проф. В. С. Миллера: Пушкинъ какъ поэтъ-этнографъ. М. 1899 (ср. дальнѣе въ наст. изд. статью Н. Н. Трубецкаго, *Ред.*)

²⁾ Предположеніе это беретъ свое начало отъ Н. В. Анненкова (Пушкинъ въ Александровскую эпоху, стр. 279; разница только въ томъ, что Анненковъ предполагалъ оригиналъ Татьяны въ Евпраксіи, а Ольги — въ Аннѣ. Ср. Соч. Пушкина III, 336, 405).

³⁾ Майковъ, Л. П. А. П. Вульфъ и его Дневникъ. Русская Старина 1899 № 3, стр. 531, и его книга: Пушкинъ. Спб. 1899, стр. 199.

1832 году въ неразрѣзанные листы второй главы, вышедшей въ 1826 году, Пушкинъ вложилъ и пошлешь въ Тригорскомъ А. П. Кернъ свое знаменитое поэтическое признание «Я помню чудное мгновенье...», составляющее одинъ изъ перловъ Пушкинской лирики по внутреннему изяществу и красотѣ поэтическаго выраженія.

Изъ менѣе значительныхъ произведений, написанныхъ въ Михайловскомъ, должны быть названы «Графъ Нулинъ», «Женихъ», нѣсколько экскурсовъ въ область иностранную литературу въ видѣ переводовъ, подражаній или самостоятельныхъ произведений въ духѣ иностранныхъ писателей, наконецъ лирическія стихотворенія и нѣсколько отрывковъ въ прозѣ.

Въ «Графѣ Нулинѣ» есть одно «лирическое мѣсто», посвящее на себѣ явные слѣды личнаго впечатлѣнія поэта-изгнанника (III, 168: «Кто долго жилъ въдали печальной...» и т. д.), а стихотвореніе «Женихъ» есть поэтическій пересказъ простонародной сказки, м. б. слышанной Пушкинымъ отъ своей няни ¹⁾.

Въ Михайловскомъ Пушкинъ усердно читалъ Шекспира и Вальтеръ-Скотта. Но не одна англійская литература тогда занимала его. Изъ французской онъ въ особенности увлекался А. Шенье, которому подражалъ и въ память котораго написалъ свое знаменитое стихотвореніе «Андрей Шенье» 1825. Штудая перелатать въ это время Пушкинъ кое-что съ итальянскаго и португальскаго (1825) и написалъ весьма замѣчательную «Сцену изъ Фауста», (1826), навѣянную мыслью о знаменитомъ поэмѣ великаго германскаго поэта. Несмотря на поклоненіе Гёте, нашлеще себѣ выраженіе въ разныхъ мѣстахъ сочиненій Пуш-

кина V, 402, 414; VII, 183, 296, нашъ поэтъ сумѣлъ взглянуть на поэму Гёте собственными глазами. Пушкинъ устами Мефистофеля раскрываетъ перть Фаустомъ всю глубину его безнощаднаго эгоизма по отношенію къ Маргаритѣ и этимъ вызываетъ въ немъ тяжелые удреки и мученія совѣсти. Но вообще Пушкинъ никогда близко не стоялъ къ интересамъ нѣмецкой литературы и, повидимому, зналъ ее мало. Именно въ Михайловскомъ, въ обществѣ А. П. Вулфа, онъ могъ бы, если бы хотѣлъ, ближе подойти къ этимъ интересамъ, но этого не случилось: въ Тригорскомъ нѣмецкіе литературные интересы также не играли большой роли и всецѣло заслонялись французскими, о чемъ можно судить по части и по составу библіотеки Тригорскаго, сохранившейся, при всѣхъ своихъ позднѣйшихъ перемѣнахъ, общій характеръ времени и Пушкина ²⁾.

Крестьянинъ изъ окрестностей Михайловскаго.

Дѣло В. Макамова, (1872).

Повынокъ углубленія въ древнюю жизнь является у Пушкина первымъ наброскомъ стихотворенія «Клеопатра» (1825, который онъ имѣлъ въ виду вставить сначала въ повесть изъ древне-римской жизни, а потомъ въ повесть изъ современнаго русскаго великосвѣтскаго быта: результатомъ этого явились отрывки «Египетскихъ ночей», надъ которыми Пушкинъ работалъ позднѣе 1835, и которыя все-таки оставилъ неоконченными. Пушкинъ именно хотѣлъ воспользоваться эпизодомъ изъ древне-египетской жизни, какъ средствомъ поэтическаго эффекта для болѣе яркаго изображенія современной ему русскаго жизни. Но хотя, по неоконченности произведенія, послѣдняя цѣль не была достигнута поэтомъ, однако само по себѣ стихотвореніе «Клеопатра» представляетъ собою, ничто въ высшей степени совершенное по глубокому вхоп-

¹⁾ Анисенковъ, Матеріалы, стр. 143; Сумцовъ, Изслѣдованія о поэмѣ А. С. Пушкина. Харьковскій университетскій Сборникъ въ память Пушкина, X, 1900, стр. 277—278.

²⁾ Б. Молдажевскій. Повесть въ село Тригорское въ 1902 году. Пушкинъ и его современники, вып. I (1903), стр. 19—22.

венно, яркости образовъ и исторической вѣрности, переносящей читателя разомъ въ изображаемую обстановку въ такой степени, какая могла быть достигнута лишь силой возмужавшему поэтическому гению. Чрезвычайно близко подходят къ этому идеалу поэтического проникновенія въ чужую и далекую обстановку и девять стихотвореній Пушкина, объединенныхъ общимъ именемъ «Подражаніе Корану» (1824) и посвященныхъ авторомъ П. А. Осиповой: съ замѣчательной вѣрностью и выразительностью передана тутъ своеобразная поэзія священной книги Матфея со всей ея павильной глубиной и риторическимъ пафосомъ.

Что касается мелкихъ лирическихъ стихотвореній, писанныхъ Пушкинымъ въ Михайловскомъ, то, кромѣ упомянутыхъ, здѣсь можно указать еще на отголоски заглавившихся на югѣ ибжнскихъ привязанностей поэта и на стихотворенія, въ которыхъ Пушкинъ говоритъ о своемъ поэтическомъ призваніи.

Глубиной искренняго чувства дышатъ стихотворенія «Сожженное письмо» и «Желаніе славы» (оба—1825) въ которыхъ Пушкинъ отдается сладкимъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ и грустнымъ воспоминаніямъ чистой любви къ женщинѣ (повидимому, къ графинѣ Е. К. Воронцовой), съ которой силою обстоятельства ему пришлось разстаться. Къ этой же категоріи должна быть отнесена, по характеру внушившаго ее чувства, элегія «Подъ небомъ голубымъ страны своей родной» (1825 или 1826), написанная на смерть г-жи Ризницъ, волновавшей воображеніе поэта даже послѣ своей смерти¹⁾. Элегія эта по глубинѣ чувства, по высокому настроенію и ибжности колорита, безспорно, одно изъ совершеннѣйшихъ созданій Пушкинскаго пера. Нѣсколько инымъ характеромъ отличалось увлеченіе Пушкина одной изъ ибжнскихъ обитательницъ Тригорскаго А. П. Кернъ, вызвавшее изъ-подъ пера Пушкина упомянутое стихотвореніе «Я помню чудное мгновеніе...». Совершенно искреннее психологически, оно однако не должно быть использовано въ качествѣ биографическаго матеріала безъ особыхъ оговорокъ.

Въ стихотвореніяхъ «Разговоръ вниго-

проваца съ поэтомъ» (1824) и «Пророкъ» (1826) Пушкинъ раскрываетъ сокровенныя тайны своего поэтическаго сознанія и, если въ первомъ изъ нихъ, сначала ревниво оберегая чистоту и искренность своихъ творческихъ побужденій, поэтъ тѣмъ не менѣе въ концѣ какъ бы спускается на доводы практицизма, то во второмъ, далекий отъ всякихъ колебаній, онъ встаетъ предъ нами въ великой роли вдохновеннаго и властнаго проповѣдника.

Весьма характерной для общаго настроенія Пушкина въ Михайловскомъ является его «Вакхическая пѣсня», въ которой поэтъ сумѣлъ сочетать молодое увлеченіе виномъ и «ибжнскими дѣвами» съ возвышенной идеей служенія «музамъ» и «безсмертному солнцу ума».

Наконецъ, въ прозѣ, за время своего пребыванія въ Михайловскомъ, Пушкинъ не представилъ ничего особенно замѣчательнаго: это — или краткія журнальныя статьи, или летучія замѣтки при чтеніи разныхъ книгъ, или отрывки автобіографіи. Отсутствіе значительныхъ поэтическихъ трудовъ въ прозѣ показываетъ, что въ Пушкинѣ тогда не созрѣлъ еще прозаикъ, какъ это имѣло мѣсто позднѣе, и, идя неудержимо впередъ по пути своего литературнаго развитія, онъ еще продолжалъ держаться почти исключительно стихотворной формы, какъ болѣе для него привычной и болѣе соответствующей той ступени поэтическаго настроенія, на которой онъ находился въ ту пору. Тутъ слѣдуетъ отмѣтить, что до насъ, повидимому, не дошли, за исключеніемъ небольшого отрывка (У, 389—392), «Записки» Пушкина, которыя онъ велъ въ пору своей жизни въ Михайловскомъ ср. письмо къ брату Льву въ октябрѣ 1824 года: Соч. VII, 126), но куда онѣ дѣлись — мы не знаемъ. Предполагаютъ, что поэтъ съжегъ ихъ подъ давленіемъ извѣстій о декабрьскомъ возстаніи 1825 года.

*

Таковы были, въ общихъ чертахъ, факты и обстановка личной жизни и поэтической дѣятельности Пушкина во время его невольнаго пребыванія въ селѣ Михайловскомъ. Разбираясь теперь въ этихъ данныхъ, мы можемъ видѣть, что поворотъ судьбы, приведшій Пушкина въ его деревенское уединеніе, оказался для него благо-

¹⁾ Неиздано въ А. цитир. соч., стр. 146—150, ср. Н. Щеголевъ, Амалія Ризницъ въ поэзіи А. С. Пушкина, Вѣстникъ Европы 1904, № 4, стр. 310, 317—320.

Типы крестьянъ окрестностей Михайловскаго.
Старикъ Алексѣй, хорошо помнящій (1899) Пушкина.

Портретъ В. Максимова.

творнымъ. Отдавши дань «легкой юности», онъ «дружно простился» съ этимъ уже отошедшимъ въ прошлое періодомъ своей жизни и «съ ясной душою» пустился въ «новый путь» (IV, 167), но не для того, конечно, чтобы «отдохнуть» духовныи силами Пушкина тогда только что вполне окрѣпли, а чтобы выступить на новую работу. Въ типичи удивленія въ Михайловскомъ страстные элементы богатой духовной натуры Пушкина какъ бы отстоялись: «мутно-чувственное» опустилось внизъ, чтобы возникать потомъ лишь въ исключительные моменты его тревожнаго будущаго, а все лучшее прояснилось, воля въ качествѣ основанаго элемента въ составъ его богатой внутреннимъ содержаніемъ жизни. Въ Михайловскомъ Пушкинъ много

учился путемъ серьезнаго чтенія, поправляя этимъ умственные дефекты своего «проклятаго» воспитанія: тутъ онъ имѣлъ возможность сблизиться съ народною средой, съ которой, какъ поэтъ, онъ всегда потомъ жилъ — посредственно или непосредственно въ тѣсномъ духовномъ общеніи. Совершенно естественно, что и въ литературной работѣ Пушкина вполне опредѣленно сказалось благотворное вліяніе такого самосознанія, когда его творчески гении получили послѣднюю чеканку въ сферахъ сосредоточиваго, спокойнаго, разумнаго труда. Явившись въ Михайловское авторомъ стихотвореній и поэмъ, на которыхъ, при всей ихъ непосредственной полемической цѣлности, лежала еще печать неуверенности и очевиднаго вліянія Байрона, Пушкинъ

оказывается здѣсь въ состояніи предпочтенья ему Шекспира и народную поэзію и оставляетъ Михайловское творцомъ «Бориса Годунова», лучшей части «Евгенія Онегина» и «Пророка». Такимъ образомъ, въ Пушкинѣ изъ Михайловскаго выходитъ на литературное поприще уже вполне серьезный художникъ не только во всеоружіи природнаго художественнаго дарованія, но и глубокаго, сознательнаго пониманія своихъ дальнѣйшихъ творческихъ задачъ и плановъ. Въ этомъ крупномъ шагѣ впередъ

и заключается именно та историческая важность, которая придаетъ въ жизни и дѣятельности Пушкина порѣ его пребыванія въ «уголкѣ земли», гдѣ, по его собственному позднѣйшему признанію, онъ провелъ «отшельникомъ два года незамѣтныхъ» — Незамѣтныхъ именно для самого поэта въ силу глубокой сосредоточенности его духа въ творческой работѣ, но резко замѣтныхъ для биографа Пушкина и историка литературы.

Евг. Пѣуховъ.

АННА РОДИОНОВНА.

Картина В. Максимова.

454. ВЪ ГЛУМИ, ИЗМУЧАСЬ ЖИЗНЬЮ ПОСТНОЙ.

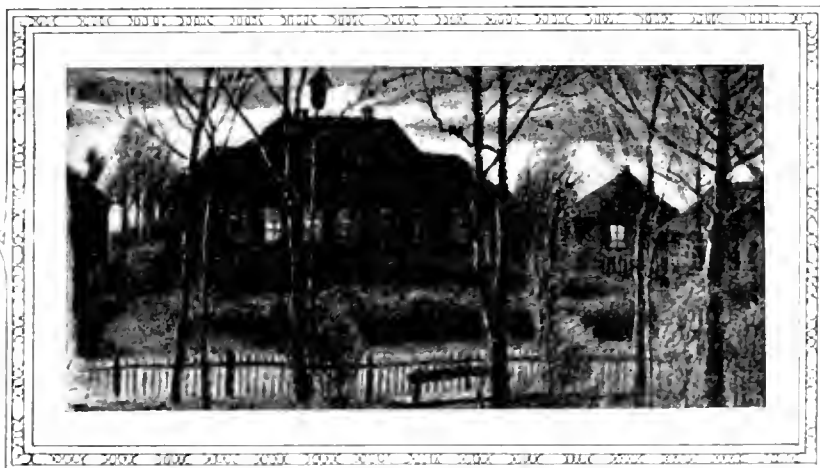
(Изъ письма къ вн. П. А. Вяземскому).

Въ глуми, измучась жизнью постной,
 Изнемогая животомъ,
 Я не парю—свижу
 И болеть праздностью поносной.
 Бумаги берегу завасъ,
 Патугу вдохновенья чуждой,
 Хожу я рѣдко на Парнасъ,

И только за больною нуждой
 По твой затѣйливый
 Приятно мнѣ щекотить носъ:
 Хвостова огнь напоминаеть,
 Отца зубастыхъ голубей
 И дулъ мой снова позываетъ
 Ко прежнихъ дней.

455. ПОСЛѢДНИЕ ЦВѢТЫ.

Цвѣты послѣдніе милѣй
 Роскошныхъ первенцевъ полей.
 Они улыбка мечтанья
 Живѣ пробуждаютъ въ насъ.
 Такъ иногда разлуки часъ
 Живѣ самаго свиданья.

ОСЕННИЙ ВЕЧЕРЪ ВЪ МИХАЙЛОВСКОМЪ.

Расширокъ Антол. Васнецова.

456. 19 ОКТЯБРЯ.

Рошеть дѣсь багряный свой уборъ,
 Сребритъ морозъ увянувшее поле,
 Пролонитъ день какъ будто по неволѣ,
 И скроется за край окружныхъ горъ.
 Вылай, каминь, изъ моей пустынной кельи:
 А ты, вино, осенней стужи другъ,
 Пролей мнѣ въ грудь отрадное похмѣлье,
 Минутное забвенье горькихъ мучь.
 Неизданы: со мною друга нѣтъ,
 Съ кѣмъ долую зашилъ бы я разлуку,
 Кому бы мочь пожать отъ сердца руку
 И пожелать веселья многу дѣтъ.

Я шью одинъ; вотще воображенье
 Вокругъ меня товарищей доветъ:
 Знакомое не слышно приближенье,
 И милого душа моя не жетъ.
 Я шью одинъ, и на брегахъ Невы
 Мени друзья сегодня именуютъ . . .
 Но многие ль и тамъ изъ васъ швируютъ?
 Еще кого не дочитались вы?
 Кто измѣнилъ пѣвнителиной привычкѣ?
 Кого отъ васъ увлекъ холодный свѣтъ?
 Чей гласъ умолекъ на братской перекличкѣ?
 Кто не пришелъ? Кого мѣждъ вами нѣтъ?

Онъ не пришелъ курявый шагъ ивещь,
Съ огнемъ въ очамъ, съ гитарой сладко-
гласной:

Подъ миртами Италіи прекрасной
Онъ тихо спитъ, и дружескій рѣзецъ
Не начергалъ надъ Рускою могилой
Словъ несколько на языкѣ родномъ,
Чтобъ ивкогда пришелъ привѣтъ унылой
Сынъ сѣвера, бродя въ краю чужомъ.

Сидишь ли ты въ кругу своихъ друзей,
Чуждую небось любовникъ безпокойный?
Нль снова ты проходишь тропикъ знойный
И вѣчный ледъ полунощныхъ морей?
Счастливый путь!.. Съ Лицейскаго порога
Ты на корабль перешагнулъ шута,
И съ той поры въ моряхъ твой дорога,
О волнъ и бурь любимое дитя!

Ты сохранилъ въ блуждающей судьбѣ
Прекрасныхъ лѣтъ первоначальныя права:
Лицейскій шумъ, Лицейскія забавы
Средь бурныхъ волнъ мечталися тебѣ:
Ты простираешь изъ-за моря намъ руку,
Ты насъ одинъ въ молодой душѣ носилъ
И повторялъ: на долую разлуку
Насъ тайный рокъ, быть можетъ, осудилъ!

Друзья мои, прекрасенъ нашъ союзъ!
Онъ какъ душа неразделимъ и вѣченъ—
Неколебимъ, свободенъ и безпеченъ,
Сростался онъ подъ сѣнью дружныхъ музъ.
Куда бы насъ ни бросила судьбина,
И счастье куда бы ни повело,
Все тѣ же мы: намъ цѣлый мѣръ чужбина;
Отечество намъ Царское-село.

Изъ край въ край преслѣдуемъ грозой,
Запутанный въ сѣтяхъ судьбы суровой,
Я съ трепетомъ на дно дружбы повою,
Уставъ, приникъ ласкающей главой...
Съ мольбой моею печальной и мятежной,
Съ доверчивой надеждой первыхъ лѣтъ,
Друзьямъ шмыгъ душой преданъ ивжной;
Но горекъ былъ небратскій нхъ привѣтъ.

И шмыгъ здѣсь, въ забытой сей глуши,
Въ обители пустынныхъ вьюгъ и хлада,
Мнѣ сладкая готовилась отрада:
Троихъ изъ васъ, друзей моей души,
Здѣсь обнялъ я. Поэта домъ ональный,
О Пушкинъ мой, ты первый посѣтилъ;
Ты усладилъ изгнанья день печальный,
Ты въ день его Лицей превратилъ.

Ты, Горчаковъ, счастливецъ съ первыми
дней,
Хвала тебѣ—фортуны блескъ холодной
Не измѣнилъ души твоей свободной:
Все тотъ же ты для чести и друзей,
Намъ разный путь судьбой назначенъ стро-
гой;

Ступая въ жизнь, мы быстро разошлись;
Но невзначай проселочной дорогой
Мы встрѣтились и братски обнялись.

Когда постигъ меня судьбины гнѣвъ,
Для всѣхъ чужой, какъ сирота бездомной
Подъ бурюю главой пошккъ я томной,
И ждалъ тебя, вѣщущъ Пермескихъ дѣвъ,
И ты пришелъ, сынъ лѣни вдохновенный,

О Дельвинг мой: твой голосъ пробудилъ,
Сердечный жаръ, такъ долго усыпленный,
И бодро я судьбу благословилъ.

Съ младенчества духъ ибсеи въ насъ
горѣлъ.

И дивное волненье мы познали:
Съ младенчества твои музы къ намъ летали,
И сладокъ былъ имъ лаской нашъ удыкъ:
Но я любилъ уже рукоплескаться,
Ты, гордый, иль въ для музы и для души:
Свой даръ какъ жизнь я трагилъ безъ
вниманья,

Ты гений свой воспитывалъ въ тиши.

Служенье музы не терпѣшь суеты,
Прекрасное должно быть величаво:
Но юность намъ соиздаетъ лукаво,
И шумныя насъ радуютъ мечты...
Опомнися! но поздно! и уныло
Евднимъ назидь, сльдовъ не видя тамъ.
Скажи, Вильгельмъ, не то ль и съ нами
было,

Мой братъ родной по музы, по судьбамъ?

Пора, пора! душевныхъ нашихъ мукъ,
Не стоить мѣръ: оставимъ заблужденья!
Сокроемъ жизнь подъ снѣгъ утешенья!
Я жду тебя, мой запоздалый другъ—
Приди, обнемъ волшебнаго разсказа
Сердечная преданья оживи:
Поговоримъ о бурныхъ дняхъ Кавказа,
О Шиллерѣ, о славіи, о любви.

Пора и мнѣ... шуруйте, о друзья!
Предчувствую отрадное свиданье:

Запомните жь поэта претсказанье:
Промчится годъ, и съ вами снова я!
Неполнителя забвѣтъ моихъ мечтаній:
Промчится годъ, и я явлюся къ вамъ!
О, сколько слезъ и сколько восклицаній,
И сколько чашъ, подъятыхъ къ небесамъ!

И первую подыбѣ, друзья, подыбѣ!
И всю до дна въ честь нашего союза!
Благослови, ликующая муза,
Благослови: да здравствуетъ Лицей!
Наставникамъ, хранившимъ юность нашу,
Вѣдьмъ честию, и мертвымъ, и живымъ,
Къ устамъ подыбавъ признательную чашу,
Не помня зла, да благо воздадимъ.

Шуруйте же, пока еще мы тутъ!
Увы, нашъ кругъ часъ отъ часу рѣдѣтъ!
Кто въ гробѣ снѣтъ, кто палъ въ сиротъ
дѣтъ:

Судьба глядитъ, мы вѣдемъ: дни бѣдутъ;
Невѣстимо склоняясь и хладѣя,
Мы близимся къ началу своему...
Кому жь изъ насъ погъ старость день Лицея
Торжествовать придется одному?

Несчастный другъ! среди новыхъ поко-
лѣній

Докучный гость, и лишній и чужой,
Онъ вспомнитъ насъ и ни соединеній,
Закрывъ глаза дрожащею рукою...
Пусть же онъ съ отравой хоть печальною
Тогда сеп день да чашей проведѣтъ,
Какъ нынѣ я, затворникъ вашъ овальной,
Его провелъ безъ горя и заботъ.

457. ПРЕДЪ РЫЦАРЕМЪ БЛЕСТИТЬ ВОДА.

(Неотдѣланная переводъ 100—112 октавъ XXXIII пѣсни Orlando Furioso Ariosto.)

Предъ рыцаремъ блестяще вода,—
Ручей прозрачнѣе стекла.
Природа милыми цвѣтами
Тѣшнѣея беретъ украса
И обвѣсила древесами.

Лука палить полдневный зной,
Настульхъ убогій спитъ у стада;
Усталъ подъ латами герой:
Его манить ручья прохлада.
Здѣсь мыслить онъ пайти покой.
О черной день, о день несчастный!
Пріютъ несчастный и ужасный
Онъ здѣсь нашельхъ...

Гуляя, онъ на деревахъ
Новую надпись встрѣчаетъ:
Онъ съ изумленьемъ въ снхъ чертахъ
Знакомый почеркъ замѣчаетъ.
Невольный страхъ его влечетъ:
Онъ руку милой узнаетъ.
И въ самомъ дѣлѣ, въ жаръ полдневный,
Медоръ съ Китайскою царевной
Изъ хаты пастыря сюда
Самъ-другъ являлся иногда.

Орландъ нхъ имена читаетъ,
Соединены вѣнзелемъ,
Нхъ буква каждая гвоздемъ
Герою сердце пробиваетъ.
Стараясь горестъ услышь,
Онъ самъ съ собою лицемѣритъ,
Не вѣритъ хочеть онъ, хоть вѣреть:
Онъ силится вообразить,
Что вѣзеля въ сей роцѣ дикой
Начертаны всѣ, можетъ быть,
Другой, не этой Анджеликой.

Но вскорѣ, витязь, молвишь ты:
Однако жь, эти мнѣ черты
Знакомы... разумно:
Медоръ сей вымысленъ лишь сю,
Подъ энимъ прозвненьемъ мѣня
Она [быть можетъ] вспоминала
Такъ, правду басней замѣня.
Онъ мыслить, что (судьбѣ) поможетъ.

Но чѣмъ онъ болѣе хитритъ,
Чтобъ услышь свое мученье,
Тѣмъ болѣе злое подозрѣнье
Возобновляется горить. —
Такъ въ сѣткѣ пшчка, дръзъ свободы,
Чѣмъ болѣе бѣсѣя, тѣмъ сильнѣй.

Тѣмъ крѣпче пугается въ [ней]
Орландъ и деть туда, гдѣ своды
Гора склонила на ручей.

Кривой, бродящей повилкой
Завѣнень быль (тѣшнѣй?) входъ.
Медоръ съ прелестной Анджеликой
Любили здѣсь, у свѣжихъ водъ,
[Въ день жаркій], въ [тихий?] часъ досуга,
Вздыхать въ объятіяхъ другъ друга.
И здѣсь нхъ имена [крутомъ?]
Древа, утѣсы сохранили:
Нхъ мѣломъ, удему пль ножомъ
Они (повсюду) начертали.

Туда пѣшкомъ печальный графъ
Идетъ, и надъ пещерой темной
Зреть надпись—въ похвалу забавъ.
(Медоръ) ее рукою темной
[Въ тѣ дни] стихами начерталъ—
Стихи, чувствъ пѣжнхъ вдохновенье,
Онъ по-Арабски нашельхъ—
И вотъ нхъ точное значенье:

«Цвѣты, лука, ручей живой,
Счастливый гротъ, прохлады тѣни—
Пріютъ любви, забавъ и лѣни,
Гдѣ съ Анджеликой молодой,
Съ прелестной дочерью Голофрона,
Любимой многими—порой
Я зналъ утѣху Кунидона!...
Чѣмъ, бѣднѣй, вась я нараву,
Такъ часто нами охраненный?
Однимъ лишь только услужу—
Хвалой и просьбою смиренной!

«Господь любовниковъ молю,
Дамъ, рыцарей и всевозможныхъ,
Пришельцевъ здѣшнихъ и дорожныхъ,
Которыхъ въ сторону сію
Фортуна заведеть случайно,
На воды, дуть, на тѣнь и лѣвь,
Зовите благодать небесъ:
Чтобъ нимфы нхъ любили тайно,
Чтобъ настухи къ нимъ никогда
Не гнали жаждя стада».

Графъ точно такъ, какъ по-Латышѣ,
Зналъ по-Арабски: онъ не разъ
Спасался тѣмъ отъ злыхъ проказъ,
Но отъ бѣды не спасся нынѣ!

Два, три разъ, и пять, и шестъ
Онъ хочеть надпись перечеть:

Несчастный сидитя наирасно
Сказать, что пѣтъ того, что есть,
Онъ правду видить очень ясно
И пестеримая тоска,
Какъ бы холодная рука,
Сжимаетъ сердце въ немъ ужасно —
И наконецъ на свой позоръ,
Впередъ онъ равнодушный взоръ.

Готовъ онъ къ горести бездасно
Лишиться чувствъ, оставить свѣтъ;
Ахъ, вѣрите мнѣ, что муки пѣтъ,
Подобной мукѣ сей ужасной!
На грубъ опершишь борозонъ,
Склонивъ чело, убитый, блѣдный,
Найти не можетъ рыцарь бѣдныи,
Ни воля, ни слеза оной.

158. СЬ ПОРТУГАЛЬСКАГО.

Тамъ звѣзда зари взошла,
Нашню роза процвѣла:
Это время насъ, бывало,
Другъ ко другу призывало.
На постелѣ пуховой
Два сонною рукой
Протирала томны очи,
Укаля грезды ночи,
И являлася она
У дверей, или у окна,
Ранней звѣздочки свѣтлѣ,
Розы утренней свѣжлѣ,
Лишь ее завиду я,
Милось, легче вкругъ меня
Воздухъ утренній струился:
Я вольнѣ становился.
Я красавица моя,
Межъ овецъ деревни всей,
Зналъ любимую овецку
И подилъ ее на рѣчку,
На гнѣздыя брѣга,
На зеленые дуга:
Я поилъ ее, дѣлалъ,

Передъ ней) цвѣточки свѣтлѣ,
Два издали ко мнѣ
Приближалась въ гнѣзды,
(И я пѣтъ, (ее) встрѣчалъ,
Шелъ, гитарою брадая:
«Дѣвы, радости моеи,
Шелъ, — на свѣтъ пѣтъ милый!
Кто посмѣеть — подъ луною
Спорить въ щастіи со мною?
Не завидую Царямъ,
Не завидую богамъ,
Какъ увижу очи томны,
«Стройный! стань и косы тѣмны».
Такъ я пѣтъ, бывало, ей
И красавицы моеи
Сердце пѣснюю любовалось...
Но блаженство мимовалося!
Гдѣ красавица моя?
Одинокій плачу я,
Замыслили пѣсни пѣваны
Стоять и слезы бедатежны.

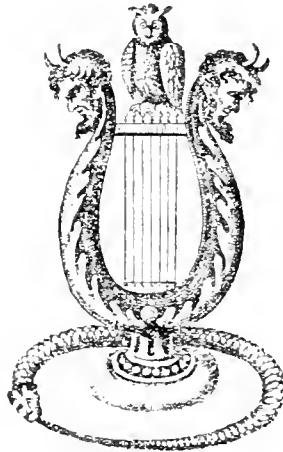
Вольнѣ, а что,

459. Я НЕ РОЖДЕТЬ СЯТЫНЮ СЛAVOCЛОВИТЬ.

Начало перевода «Цвѣтеницы» Вольтера.

Я не рожеть сятыню славословить,
 Мой слабый гласъ не въздеть до небесъ:
 Но должеть я вась пѣнѣ приготовить
 Къ услышанью Іоаннннхъ чудесъ.
 Она спасла французскія дѣлѣи:
 Въ боухъ ея дѣвической рукой
 Поражены заморскіе злодѣи,
 Могучею блистая красотой.
 Она была подъ юшкою герой.
 Я признаюсь,—вечернею порой
 Милѣе мнѣ смиренная дѣвица—
 Послушная, какъ агнецъ полевой:
 Іоанна же была душою львица.

Среди трудовъ и брачныхъ негодъ
 Являлася всѣхъ вилдѣей славнѣе
 И что всего чудеснѣе, друнѣе
 Цвѣтъ дѣвственннй хранила круглый годъ.
 О ты пѣвецъ сей чудотворной дѣвы,
 Свдой пѣвецъ, чьи хриплые пѣнѣи,
 Нестройннй умъ и безгѣлковый вкусъ
 Въ былые дни бѣсѣли пѣжныхъ музъ
 Хотѣлъ бы ты, о стихотворецъ милнй,
 Почтнть меня скриницею своею,
 Да не хому, отдай ее, мой млннй
 Кому пѣбуъ изъ модныхъ рѣмачей.

ГРАФЪ ПУЛИНЪ.

Въ началѣ марта 1826 г. Пушкинъ писалъ П. А. Плетневу по поводу предложеній книгопродавцевъ о новомъ изданіи своихъ стихотвореній: «Знаешь ли? ужь если печатать что, такъ возьмемся за Цыгановъ... Въ собраніи же моихъ поэмъ, для повинки, помѣстимъ мы другую повесть въ родѣ Верро, которая у меня въ запасѣ».

Повесть эта, оконченная, какъ видно изъ черновой рукописи, 13 декабря 1825 г., первоначально была озаглавлена: «Новый Тарквиній». Происхожденіемъ своимъ она обязана забавной мысли, которую самъ поэтъ рассказываетъ на уцѣлѣвшемъ среди его бумагъ клочкѣ:

«Въ концѣ 1825 г. находился я въ деревнѣ и, перечитывая Лукрецію, довольно слабую поэму Шекспира, подумалъ: что, если бы Лукреціи пришла въ голову мысль дать пощечину Тарквинію? Быть можетъ, это охладило бы его предприимчивость, и онъ со стыдомъ принужденъ былъ бы отступить. Лукреція бы не зарѣзалась, Публикола не избѣдился бы,—и мѣръ, и исторія міра были бы не тѣ. Мысль пародировать исторію и Шекспира мнѣ представилась: я не могъ воспротивиться двойному искушенію и въ два утра написалъ эту повесть».

Имя Публиколы, въ поэмѣ Шекспира вовсе не упоминаемое, поставлено Пушкинымъ въ этой замѣткѣ, конечно, по ошибкѣ вмѣсто имени Коллатина, мужа Лукреціи, который «избѣдился» послѣ того, какъ его жена, обезчещенная Тарквиніемъ, зарѣзалась, рассказавъ обо всемъ, съ нею случившемся; результатомъ этого «сбѣшенства» и было, какъ извѣстно изъ легенды Анніи, изгнаніе римскихъ царей. Сблудившіе мыслью о томъ, «что было бы, если бы...» и желаніемъ «пародировать исторію и Шекспира», поэтъ, однако, сразу оказался на мѣрениіи: остался въ пародіи на историческую почвѣ, какъ это стѣвать, напр., Волгерь въ своей Двѣственицѣ. Онъ перенесъ дѣйствіе въ обстановку современной русской помѣщичьей жизни, въ ту самую обстановку, которая окружала его

во время написанія этой повести, и дѣлать не столько, собственно говоря, пародію, сколько новую вариацию на шекспировскую тему. Ближайшее сравненіе Графа Пулина съ Лукреціей показываетъ, что въ расположеніи отдельныхъ частей своей повести Пушкинъ, дѣйствительно, слѣдовалъ Шекспиру, отступая тамъ, гдѣ это было необходимо по измѣнившимся взглядамъ эпохи и условіямъ жизни. У Шекспира Тарквиній, согласно легендѣ Анніи и Овидія, прѣзжаетъ къ Лукреціи изъ лагеря подъ Ардеей, гдѣ находится ее мужъ, Коллатинъ,—прѣзжаетъ уже съ тайною цѣлью охладить ея, возбужденный разказами мужа объ ея красотѣ и цѣломудріи. Графъ Пулинъ становится гостемъ Натальи Павловны случайно, благодаря поломкѣ экипажа, а ее мужъ отсутствуетъ такъ же случайно, благодаря охотѣ. Далѣе, Тарквиній въ гостяхъ у Лукреціи бесѣдуетъ съ нею о Коллатинѣ и наблюдаетъ за выраженіемъ ее чувствъ къ отсутствующему супругу; Пулинъ рассказываетъ о Парижѣ, о новыхъ модахъ и пр., поетъ шансонетку, болтаетъ всякій вздоръ. Прощаясь передъ отходомъ ко сну, Лукреція подаетъ Тарквинію руку,—въ благодарность за утѣшительная вѣсти о мужѣ,—и Тарквиній вспоминаетъ объ этомъ рукопожатіи вовсе не затѣмъ, чтобы истолковать его какъ кокетливый намекъ:

Онъ говоритъ: Она коснулась шнуръ
Моей руки, смотрѣла мнѣ въ глаза,
Когда я говорилъ о Коллатинѣ;
Страхъ за него сбѣжала въ ней слеза.

Ея рука въ моей рукѣ дрожала.»

Наталья Павловна «стихоточно жметъ» руку графу, конечно, вовсе не въ томъ настроеніи, въ какомъ Шекспиръ изображаетъ свою героиню. Затѣмъ у Пушкина слѣдуютъ сцены раздѣванья и укладыванья въ постель Натальи Павловны и графа,

*) Пер. А. М. Острова, Шекспиръ, поѣздъ рет. С. А. Вешерова, Т. V, стр. 360.

обставленная разными бытовыми подробностями. Конечно, у Шекспира ничего подобного и быть не могло. Англійскій поэтъ прямо переходитъ къ изображенію душевнаго состоянія своего героя. Тарквиній въ длинномъ монологѣ подробно передаетъ обуревающія его противоположныя чувства,—борьбу рыцарской чести съ вожделеніемъ, осыпаетъ себя упреками, говоритъ, что онъ «опозоритъ свой гербъ» и т. д., но съ то же время уже приближается къ комнатѣ Лукреціи и наконецъ, преодолевая свое смущеніе и всѣ препятствія, входитъ въ спальню. Любопытно отмѣтить нѣсколько мелкихъ совпаденій въ описаніи этого ночнаго шествія обоимъ героямъ: Лукреціей, вставъ съ своей постели, кое-какъ перебросивъ черезъ плечо плащъ; Пулинь отправляется въ путь.

на плеча накинувъ

Свой пестрый шелковый халатъ

И стулъ въ потемкахъ опрокинувъ.

На пути Тарквинія двери своимъ скрипомъ предупреждаютъ о несчастіи; Пулинь «стрепенется, если полъ подъ нимъ вдругъ заскрипитъ». Тарквинія, созерцающаго красоту спящей Лукреціи, Шекспиръ сравниваетъ со львомъ, ласкающимъ свою добычу, а дальше, передавая настойчивыя требованія и угрозы Тарквинія и мольбы Лукреціи, сравниваетъ его съ котомъ, который «столько забавляется, когда въ его крѣпко сжатыхъ когтяхъ бьется беспильная мышка». У Пушкина мы находимъ также сравненіе съ котомъ, но относящееся къ болѣе раннему моменту,—когда графъ только что отправляется въ путь. Это сравненіе, близко напоминающее другое,—съ «хищнымъ волкомъ», которымъ Пушкинь воспользовался при изображеніи соблазнаителя въ XIII строфѣ 1-й главы *Онѣгина* *), конечно, могло быть навѣяно и Шекспиромъ; но оно ближе подходитъ къ стихамъ изъ «*Pucelle d'Orléans*» Вольтера:

Ainsi qu'un chat, qui d'un regard avide,
Guette au passage une souris timide,
Marchant tout doux, la terre ne sent pas
L'impression de ses pieds délicats;
Des qu'il l'a vu, il a sauté sur elle, и проч.

*) Такъ хищный волкъ, томась отъ глаза,
Выходить изъ лапы львовъ
И рыщетъ средь беззачныхъ псовъ
Вокругъ соннаго стада,
Все спитъ . . . И вдругъ свирѣпый воргъ
Личенка мчитъ въ дремучій боръ.

Но этими мелкими подробностями и ограничивается все сходство между обоими героями: Пулинь такъ же далекъ отъ угрызеній Тарквинія, какъ Наталья Павловна—отъ римской матроны. Въ дальнѣйшемъ разказѣ, разумеется, никакого сходства уже и быть не могло, по самому замыслу Пушкина. Онъ быстрыми штрихами рисуетъ ночное странствіе Пулини и рѣшительную сцену и затѣмъ прямо переходитъ къ развязкѣ. Наталья Павловна, по отъѣздѣ графа, подобно Лукреціи, но, конечно, не къ трагическому тонѣ, разсказываетъ о приключеніи. Мужъ «бѣсится», какъ Коллатинъ, а молодой собѣдъ, вмѣстѣ съ «новой Лукреціей», неудержимо хохочетъ: другія времена,—другіе нравы.

Такимъ образомъ, пародія на шекспировскую Лукрецію отлилась въ форму легкаго, пикантнаго анекдота въ стилѣ байроновскаго Верро, за которымъ Пушкинь отдохнулъ отъ только что законченнаго серьезнаго труда надъ *Борисомъ Годуновымъ*.

Поэтъ, однако, не сбишилъ съ впечатаніемъ этой повѣсти, какъ и съ изданіемъ своей трагедіи. Онъ продержалъ Пулини въ своемъ записѣ болѣе полутора года и въ теченіе этого промежутка времени имѣлъ даже случай быть свидѣтелемъ того, какъ описанный имъ анекдотъ, волею-неволею, былъ разыгранъ въ лицахъ однимъ изъ его пріятелей, Вульфомъ. Въ январѣ 1827 г. Пушкину, вмѣстѣ съ Вульфомъ, случилось гостить у одного Вульфова родственника, помѣщика Старицкаго уѣзда; тутъ бывшему дерптскому студенту вздумалось приволокнуться за одною молоденькою поповной, жившею въ томъ же домѣ, и онъ прокрадся ночью въ комнату, гдѣ она спала со служанкой; та проснулась, прикрикнула на неожиданнаго посѣтителя, и онъ поспѣшилъ уйти; но на утро неудачное похождение Вульфа стало всеѣмъ извѣстно. Пушкинь превозносилъ дѣвушку за находчивость и смѣлость, а пріятеля безнощально подиалъ на смѣхъ: конечно, Вульфъ въ эту пору уже хорошо зналъ Пулиниа, роль котораго вынала на его долю. *)

При письмѣ отъ 20 іюля 1827 г. Пушкинь препроводилъ Пулиниа, вмѣстѣ съ нѣсколькими другими новыми своими произведеніями, на разсмотрѣніе Бенкендорфа,

*) А. С. Пушкинь въ Тверской губ. въ 1827 г. В. Колосова, Тверь 1888 г.; Машковъ, Пушкинь, стр. 166.

а мѣсяць спустя, 22 августа, получить отвѣтъ, въ которомъ, между прочимъ, было сказано: «Графа Пушлина Государь Императоръ изволилъ прочесть съ большимъ удовольствіемъ и отмѣнить совершенно два мѣста, кои Его Величество желаетъ видѣть измененными, а именно слѣдующіе два стиха:

Порою съ бариниою шалить

и

Коснуться хочеть одыла

Впрочемъ предместная піеса сія позво-ляется напечатать.»

Отмѣченные государемъ стихи были замѣнены двумя другими: «Порою барина смѣшишь» и «Уже руки ея коснулся, по туть опомнилась она» и пр. Огрызокъ изъ повѣсти явился въ № 2 Московскаго Вѣстника 1827 г., а вся повѣсть цѣлкомъ—въ Сѣверныхъ Цвѣтахъ на 1828 годъ и отдѣльной брошюрой, помѣченной 1827 годомъ; въ 1828 г. она была вновь издана въ одной книжкѣ съ поэмой Баратынскаго Балъ и, наконецъ, вошла въ Поэмы и повѣсти А. Пушкина, Сиб. 1835 г., т. II.

Но своему содержанию и стилю Графъ Пушливъ явился совершенной повинкой для тогдашней нашей публики и литературной критики. Два—три журнальных рецензента похвалили «повѣсть, у насъ еще небывалую»: такъ, напр., въ Бабочкѣ 1829 г., № 6 было замѣчено, что «въ этой повѣсти все превосходно: живость разказа, очерки лицъ, изображенія мѣстностей. Она можетъ служить образцомъ остроумія и утонченнаго вкуса. Если бы въ наше время жилъ еще старичекъ Вольтеръ, то вѣрно онъ не отрекся бы поднимать свое имя подъ повѣстью Пушкина молодого. Стиховъ въ образецъ красоты изъ сей повѣсти приводить нельзя, ибо мы перепечатывать цѣлыхъ сочиненій, безъ позволенія сочинителей, не въ правѣ. Если бы кто рѣшился приказать намъ въ повѣсти Графъ Пушливъ сыскать непременно слабый стихъ, тогда мы, покорствуя только приказу, указали бы изъ всей повѣсти на одинъ стихъ: «Ужь подкрѣпивъ себя стаканомъ». Что касается до «супруга одна въ отсутствіи супруга», то эти рифмы, вѣроятно, употреблены здѣсь съ какимъ-нибудь намѣреніемъ».

Рецензентъ Сына Отечества 1829, ч. 123, № 5) писалъ:

«Объ анекдотической повѣсти Графъ Пушливъ не станемъ распространяться:

его многіе уже знаютъ наизусть, и всѣ любители словесности давно уже согласились, что бойкость разказа и живость стиховъ въ ней единственны. Можетъ быть, закосившіе любители стариннаго критики словесности и правовъ, которые находятъ, что французскія тамъ время Регента и Людовика XV очень мило падали съ сабуретовъ,—сердятся на Пушкина за пошечину, данную Натальею Павловной Графу Пушлину. Но пусть нѣтъ сердятся! Повѣсть Пушкина несколько отъ того не потеряеть, и все-таки останется въ памяти у людей, которые умѣютъ оценивать и любить предместныя игрушки Поэзіи».

Но строгая «классическая» критика того времени отнеслась къ Пушлину и его автору далеко не такъ снисходительно. Недаромъ Пушкинъ такъ уморительно разсказывалъ Вульффу, какъ московскіе читатели и читательницы ценировали его повѣсти: «спасли, что неблагоразумно его снѣтельство видѣть въ халатѣ! На вопросъ сочинителя, какъ же одѣть, предложили сюртукъ. Кофта барыни показалась тоже соблазнительною: просили, чтобъ онъ далъ ей хотя салонъ»¹⁾. Выразителемъ въ печати этнхъ мифній добровольныхъ московскихъ цензоровъ явился В. П. Надеждинъ, выступившій въ Вѣстникѣ Европы 1829 г. противъ Пушлина во всеоружіи своей тяжелой критической артиллеріи. Въ известной статьѣ Николаю Надоумко съ Патриаршихъ Прудовъ подъ заглавіемъ: «Литературная опасенія за будущій годъ» (В. Е. 1828, № 22) представитель «моднаго» литературнаго легкомыслія и верхушества и безусловный поклонникъ Пушкина Тѣвской сообщаетъ, что сейчасъ на вечерѣ у одного изъ его пріятелей «сизветный нашъ поэтъ Вѣтрогоновъ будетъ читать въ дружескомъ кругу новую свою Тетралогію, коея сюжетъ взятъ изъ Графа Пушлина». Въ слѣдующей затѣмъ статьѣ: «Сомнище штилестовъ» (В. Е. 1829, № 2) Надеждинъ писалъ: «Еще со времени Фалеса ведется философическая поговорка: нѣтъ ничто и ничто не бываеть! Она оправдывается и теперь непреложными опытами. Нашъ литературный хаосъ, обремененный мрачною философіею ничтожества, раздражается Пушлиными! Множкіе ли, дѣлать ли пули на пули, они всега остаются пулями!»

1) Милковъ, Пушкинъ, 677.

Прощесть всего мѣсць — и Надеждинъ уже посвящаетъ Пулина, напечатанному въ одной книжкѣ съ Баломъ, особую статью, гдѣ, повторяя прежнія свои выкладки, прибавляетъ къ нимъ цѣлый рядъ пространныхъ разсужденій въ томъ же родѣ (В. Е. 1829, № 3). «Графъ Пулинь,— говоритъ онъ,— есть произведеніе Коруфея нашей Поэзии. Оно пересажено сюда изъ оранжерей Сѣверныхъ Цвѣтовъ, гдѣ явилось, назадъ тому уже годъ, во всей полнотѣ младенческаго простодушія, утрачивающагося, какъ видно, съ лѣтами. И столь ослабительно яркое сіяніе славы Поэта, въ лучахъ кося вращается эта милая крошка литературнаго нашего міра, что еще досель ни одинъ дурной глазъ (на недостатокъ конуъ грѣшно бы, однако, было пожаловаться) не изурочилъ ее внимательнымъ разсматриваніемъ и завистливымъ разборомъ. Пулинь... Пушкинъ!.. Сіе послѣднее имя обдавало невольнымъ благоговѣніемъ всѣхъ и повергало въ безмолвное изумленіе. Честь и слава величію генія! Одно имя его есть уже фирма, подъ которою самое ничтожество проноскается безнощанно въ храмъ безсмертія!..

«...Поэтъ не оставляетъ безъ отеческаго вниманія дѣтища, имъ на свѣтъ пущеннаго; ему хочется продлить, упрочить и всеобщее вниманіе, созываемое имъ на малютку. Будемъ признательные къ трудамъ высокомошнаго повелителя въ области нашей Поэзии: откажемся бросить теперь скромный взглядъ на сіе драгоценное произведеніе, въ которомъ, какъ въ микрокосмѣ, отпечатлѣвается типъ всего поэтическаго міра, имъ сотвореннаго!

«...Если имя Поэта должно оставаться всегда вѣрнымъ своей этимологій, по которой означало оно у древнихъ Грековъ твореніе изъ ничего: то пѣвецъ Пулина есть par excellence Поэтъ. Онъ сотворилъ ничто изъ и ничего сію поэмъ. Но зато и оправдалась надъ ней во всей силѣ древняя аксіома Юнійской философической школы, на которую столь нападали позидившіе Креационалисты, что изъ и ничего ничего не бываетъ (ex nihilo nihil fit). Никогда произведеніе не соответствовало такъ вполне носимому имъ имени. Графъ Пулинь есть нуль во всей математической полнотѣ значенія сего слова. Глубокомысленный Кантъ поставилъ существеннымъ характеромъ комическаго то, что ожиданіе, имъ возбуждаемое, превращается въ нуль. Панъ Пулинь не

можетъ имѣть и на то претензіи. Онъ не возбуждаетъ никакихъ ожиданій, кромѣ чисто нулевыхъ... Графъ Пулинь проглотилъ пощечину Натальи Павловны; гений поэта переварилъ ее съ творческимъ одушевленіемъ и... разрѣшился Пулиньюмъ».

Далѣе критикъ съ такою же тяжелой прозой говоритъ о пушкинскихъ описаніяхъ и, между прочимъ, останавливается на стихахъ о томъ, что Наталья Павловна видѣла, сидя у окна: «Здѣсь изображена Природа во всей наготѣ своей! Жаль только, что сія мастерская картина не совсѣмъ дописана. Неужели въ широкой рамѣ чернаго барскаго двора не умѣстились бы дѣй-три ханроны, кои, разметаившись по султански на пышныхъ диванахъ тонучей грязи, въ блаженномъ самодовольствіи и совершенно эпикурейской беззаботности о всемъ окружающемъ нуль, могли бы даже сообщить нѣчто занимательное изображаемому зрѣлищу? Почему поэтъ, представляя бабу, идущую развѣшивать бѣлье черезъ грязный дворъ, уклонился нѣсколько отъ вѣрности, позабывъ изобразить, какъ она, со всѣмъ деревенскимъ жеманствомъ, приподымала выстроченный подолъ своей нестройной понявы,

чтобы ей воскриліи

Не омочить усыпленную грязнаго моря
волною?

«Это едва извинительно въ живописцѣ великомъ и всеобъемлющемъ!»

«... Чудаки покачиваютъ головою и говорятъ сквозь зубы: все это такъ! все это правда! все это вѣрный снимокъ съ натуры? Да съ какой натуры? Вотъ тутъ-то и заковычка! Мало ли въ натурѣ вещей, которыя совсѣмъ не идутъ для показу? Дай себѣ волю .. пожалуй, залетишь и Богъ вѣсть куда! Отъ спальни недалеко до дѣвичьей; отъ дѣвичьей — до передней; отъ передней — до сѣней; отъ сѣней — дальше и дальше! Мало ли есть мѣстъ и предметовъ, еще болѣе вдохновительныхъ, могущихъ представить новое неразработанное и нестоимое поле для трудолюбивыхъ дѣлателей! Немудрено дожидаться, что насъ поведутъ и туда со временемъ! Что жъ касается до повѣсничества и безцѣстивъ, то имъ быть числа! Выставлять нуль на показъ, значитъ оскорблять человѣческую природу, которая не можетъ никогда выносить равнодушно собственнаго униженія... Каково покажется это моему двоюродной сестрѣ, кото-

рой невестуно еще шестнадцать: если сія послѣдняя (чего Боже унаси!), соблазненная демономъ двическаго любопытства, вытащить потихоньку изъ незащипающагося моего бюро это сокровище? Грѣха не оберешься! Съ другой стороны, однако, должно согласиться, что пѣвецъ Пушкина не совѣшь еще отрѣшился отъ узъ приличія и умѣетъ иногда полагать границы своевольному своему гению. Такъ, напр., при подробномъ описаніи ночныхъ утварей, которыми аккуратный Mr. Picard снабдилъ отходящаго ко сну Графа:

Сигару, бронзовыя свѣщальныя,
Щипцы съ пружиною, будильныя...

кто не чувствуетъ, что послѣднее слово есть вставка, замѣчившая другое, равно созвучное, но болѣе идущее къ дѣлу,— слово, принесенное поэтомъ съ истинно героическимъ самоотверженіемъ въ жертву тиранскому приличію?»...

Надеждинъ заключаетъ свою статью общимъ замѣчаніемъ о Пушкинѣ и Балбѣ: «Это суть прыщики на лицѣ вдовствующей нашей литературы! Они и красны, и пухлы, и зрѣлы, но... *che chi ha i duo occhi il veda!*»

Разсужденія Надеждина о приличіи, вдохновительныхъ мѣстахъ, хавроньяхъ и будильникѣ вызвали насмѣшливую замѣтку Сына Отечества (1829 г., ч. 124, № 12): «О чувствѣ критика Пмярека, живущаго на Патриаршихъ Прудахъ». «Не правда ли, говорится въ дтой статейкѣ,— что у Г. Критика весьма тонкое чувство? Не правда ли, что онъ кетати выбралъ себѣ мѣсто пребыванія? Не правда ли, что подобныя и любитъ? Кетати о хавроньяхъ: вспомнимъ, какъ въ баснѣ Крылова отвѣчаетъ хавронья настуху на вопросъ, что она видѣла въ богатомъ и пышномъ барскомъ домѣ»...

За то въ московскомъ Дамскомъ Журналѣ (1829, № 4) статья Надеждина встрѣтила сочувственный откликъ въ видѣ эпиграммы на Пушкина и Баратынскаго:

АВТОРЫ.

Два друга, сообщаешь мнѣ повѣсти изданіи,
Почли балы въ нихъ и все нули писаніи;
Но слава добрая объ авторѣхъ прошла,
И книжка вступъ раскулена была.
Ахъ, часто взоръ падутъ извѣстныя намъ лица,
И часто въ нихъ пуляемъ мы ставимъ енищца.

Еще нѣсколько мѣсяцевъ спустя, въ большой статьѣ по поводу Полтавы (В. Е. 1829, №№ 8 и 9) Надеждинъ опять

вспомнилъ Пушкина — и на этотъ разъ провозгласилъ его лучшимъ произведеніемъ Пушкина, съ своей особенной точки зрѣнія:

«Поэзія Пушкина есть просто—и а р о д ѣ я. Нечего Бога гнѣвить! Что правда, то правда! Мастеръ посмѣяться и посмѣяться... когда только, разумеется, знаетъ честь и мѣру! И ежели можно быть великимъ въ малыхъ дѣлахъ, то Пушкина можно назвать по всему правамъ гениемъ — на каррикатуры!.. По моему мнѣнію, самое лучшее его твореніе есть Графъ Пушкинъ!.. Здѣсь поэтъ находится въ своей стихіи, и его пародіальный гений является во всемъ своемъ арлекинскомъ величіи»...

Пушкинъ отвѣчалъ на критическія приставанья Надумки эпиграммой: «Мальчишка Фебу гимнъ поднесъ!.. «Притча» и «Надвясъ на мое презрѣніе»!.. Но, очевидно, не желая ввязываться въ полемику, первая дѣя эпиграммы онъ напечаталъ только тогда, когда онѣ уже утратили свою остроту и примѣненіе къ текущей злобѣ дня,— одну въ 1830 г., другую въ 1836 г., а третья, наиболѣе отчетливо выражающая его тогдашнее настроеніе и отношеніе къ Надеждину, такъ и осталась непечатанною и была извлечена изъ рукописей только въ 1884 г. Здѣсь Пушкинъ ясно указываетъ на самую суть статей своего строгаго судьи,—желаніе подслужиться «сѣдому зонду» Каченовскому, и говоритъ, что «журнальный шутъ, холонокъ лукавый» не дожидется отъ него отвѣта:

Пусть онъ, какъ бѣсъ, передъ общенъ,
Себѣ покоя не дасть;
Лакей, сиди себѣ въ передней,
А будетъ съ баринномъ разсѣтъ.

Въ бумагахъ поэта сохранились замѣтки, писанныя въ началѣ 30-хъ гг. по поводу всѣхъ этихъ толковъ и пересудовъ о Пушкинѣ:

«Графъ Пушкинъ надѣлалъ мнѣ большаго хлопотъ»,— говоритъ Пушкинъ. «Пашли его беззавѣстнымъ,—разумеется, въ журналахъ (въ свѣтѣ приняли его благосклонно), и никто изъ журналистовъ не захотѣлъ за него вступиться. Молодой человекъ ночью осмѣлился войти въ спальню молодой женщины и получить пощечину. Какой ужасъ! Какъ смѣлъ писать такіа отвратительныя глоссы? Авторы, сираивалы, что бы на мѣстѣ Пашалы Павловны сдѣлали петербургскія дамы? Какая дерзость!.. Пощали противъ меня всю класси-

ческую древность и всю европейскую литературу! Вѣрю стыдливости моихъ критиковъ: вѣрю, что Графъ Пушкинъ точно кажется имъ предосудительнымъ; но какъ же упомянуть о древнихъ, когда дѣло идетъ о благопристойности?»

Объяснивъ, далѣе, ребяческую претенциозность этихъ критическихъ нападокъ и указавъ, въ чемъ заключается безразличность литературнаго произведенія, Пушкинъ продолжаетъ:

«Мы такъ привыкли читать ребяческія критики, что онѣ насъ даже и не смѣшаютъ... Но что сказали бы мы, прочитавъ, напримѣръ, слѣдующій разборъ Федры, еслибъ, къ несчастію, написалъ ее русскій и въ наше время. Извольте: «Нѣтъ ничего отвратительнѣе предмета, избраннаго г-мъ сочинителемъ: женщина замужняя, мать семейства, влюблена въ молодого олуха, побочнаго сына ея мужа (!!!). Какое неприличіе! Она не стыдится въ глаза ему признаваться въ развратной страсти своей (!!!). Сего не довольно: сія фурія, употребляя во зло глупую легковѣрность супруга своего, взноситъ на певнаго Писолита гнусную небывальщину, которую, изъ уваженія къ нашимъ читательницамъ, не смѣемъ объяснить (!!!). Злой старичишка, не входя въ обстоятельства, не разобравъ дѣла, проклинаетъ своего собственнаго сына (!!!), послѣ чего Писолита разбиваютъ лошади (!!!), Федра отравливается: ея гнусная наперница уголяется—и только. Вотъ что пишутъ, не краснѣя, писатели, которые... и проч., дуть личности и ругательства. Вотъ до какого разврата дошла у насъ литература, кровожадная, развратная вѣдьма съ прыщиками на лицѣ!» Шлюсь на совѣсть самихъ критиковъ. Но можно ли и можно ли серьезно отвѣчать на таковыя критики, хотя бъ онѣ были писаны и по-латыни?»

«Въ одномъ журналѣ сильно напали на

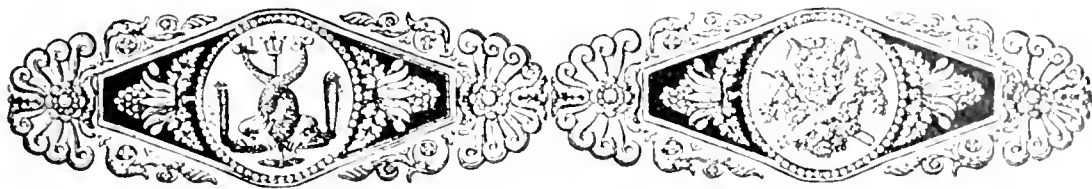
неблагопристойность поэмъ... и между тѣмъ, какъ стыдливый рецензентъ разбиралъ ее, какъ самую вольную сказку Боккаччо или Лафонтена, всѣ петербургскія дамы читали ее и знали цѣлыя отрывки наизусть».

Нѣтъ ни двадцать спустя послѣ того, какъ Пушкинымъ были заброшены на бумагу эти мысли, которыхъ онъ при жизни своей такъ и не осласилъ въ печати, онѣ получили подробное развитіе въ статьѣ Бѣлинскаго 1846 г. «Бѣдная критика!»—восклицаетъ Бѣлинскій. «Она и до сихъ поръ добродушно убѣждена въ своемъ знаніи большого свѣта и нещадно преслѣдуетъ Мертвья Душю за нарушение условій хорошаго тона,—а большой свѣтъ, благодарный, до сихъ поръ не хочетъ и подозрѣвать существованія ея. Бѣдной критики, и съ такимъ же наслажденіемъ прочелъ Мертвья Душю, съ какимъ ѣдкою читалъ Графъ Пушкинъ, не видиши въ томъ, ни въ другомъ произведеніи ничего противнаго и оскорбительнаго тому, что называетъ онъ хорошимъ тономъ и приличіемъ...»

Такимъ образомъ, Бѣлинскій поставилъ Пушкина за одну скобку съ поэмой Гомера. И онъ, конечно, былъ правъ: Пушкинъ явился въ нашей литературѣ первой ласточкой того новаго, реальнаго направленія, которое впоследствии, въ эпоху Мертвыхъ Душъ, получило названіе «натуральной школы». Этимъ-то и смутилъ онъ сторонниковъ старой, «классической» эстетики, продолжавшихъ, вопреки духу времени, твердить, что искусство должно быть «украшеніемъ» природы. Сама по себѣ незначительная повѣсть Пушкина для своего времени была и большою смѣлостью, и своего рода литературнымъ открытіемъ...

П. Морозовъ.

460. ГРАФЪ НУЛИНЬ.

Пора, пора! рога трубятъ:
 Цари въ охотничьихъ уборахъ
 Чьмъ свѣтъ ужъ на коняхъ сидеть,
 Борзая прыгаютъ на сворахъ.
 Выходить баринъ на крыльцо.
 Все, подбочась, обозрѣваетъ:
 Его довольное лицо
 Приятной важною свѣтъ.
 Чекмень затянутый на немъ,
 Турецкй ножъ за кушакомъ,
 За пазухой во флажкѣ ромъ,
 И рога на бронзовой цѣпочкѣ.
 Въ почомъ чепцѣ, въ ономъ платочкѣ,
 Глазами сонными жена
 Сердито смотреть изъ окна
 На сборъ, на царскую тревогу.
 Вотъ мужу повели коня:
 Онъ долку хватъ и въ стремя ногу,
 Кричитъ женѣ: не жди меня!
 И выѣзжаетъ на дорогу.

Въ послѣднюю числахъ Сентября
 Презрѣнной прозой говоря
 Въ деревнѣ скудно, грязь, несчастье,
 Осенній вѣтеръ, мелкй снѣгъ,
 Да вой волковъ. По то-то счастье
 Охотнику! не зная ивъ,
 Въ отбѣжемъ полѣ онъ шаркаетъ,
 Вездѣ находить свой пометъ,
 Бравится, мокнетъ и пируетъ
 Опустошительный набѣгъ.

А что же ѣдаеть супруга?
 Она въ отсутствіи супруга?
 Зашнй мало ли у ней?
 Грибы солить, кормить гусей,
 Заказывать обѣдъ и ужинъ,
 Въ анбаръ и въ погребъ заглянуть,
 Хозяйки глазъ повсюду нуженъ:
 Онъ вмигъ замѣтитъ что нибудь.

Къ несчастью, героиня наша
 (Ахъ, я забылъ ей имя дать!)
 Мужъ просто звалъ ее Наташа,
 Но мы — мы будемъ называть
 Наталья Навловна, къ несчастью,
 Наталья Навловна совѣмъ
 Своей хозяйственной частью
 Не занималась, затѣмъ,
 Что не въ отеческомъ законѣ
 Она воспитана была,
 А въ благородномъ пансіонѣ
 У эмигрантки Фальбала.

Она сидитъ передъ окномъ:
 Предъ ней открытъ четвертый томъ
 Сентиментальнаго романа:
Любовь Эдизы и Армана,
Иль, перистика оуль семей—
 Романъ классической, старинной,
 Огъвно длинной, длинной, длинной,
 Правомучительной и чинной,
 Безъ романтическихъ затѣй.

Наталья Навловна сначала
 Его внимательно читала,
 Но скоро какъ-то развлекалась
 Передъ окномъ возникшей дракой
 Козла съ дворовою собакой
 И съ тою занялась,
 Крутомъ мальчишки дохотали:
 Межъ тѣмъ печально подъ окномъ
 Пидвики съ кривомъ выступали
 Вослѣтъ за мокрымъ ивдуомъ:
 Три утки полоскались въ дужѣ:
 Шла баба черезъ грядный дворъ,
 Бѣлье повѣсить на заборѣ:
 Погода становилась хуже:
 Казалось, снѣгъ итти хотѣлъ...
 Вдругъ колокольчикъ зазвенѣлъ.

Кто долго жилъ въ глуши печальной,

Друзья, тотъ вѣрно знаетъ самъ,
 Какъ сильно колокольчикъ дальной
 Порой возмущетъ сердце намъ.
 Не другъ ли вѣдетъ запоздалой,
 Товарищъ юности удалой?...
 Ужь не она ли?... Боже мой!
 Вотъ ближе, ближе. Сердце бьется.
 Но мимо, мимо звукъ несется,
 Слабѣи... и смолкнулъ за горой.

Наталя Павловна къ балкону
 Бѣжитъ, обрадована звуку,
 Глядитъ и видитъ: за рѣвкой,
 У мѣльницы коляска скачетъ,
 Вотъ на мосту — къ намъ точно... шѣтъ,
 Поворотила вѣвю. Велѣдь
 Она глядитъ и чуть не плачетъ.
 Но вдругъ... о радость! косогоръ:
 Коляска на бокъ. — Филка! Васка!
 Кто тамъ? скорбѣи! Вонъ тамъ коляска:
 Сей часъ везти ее на дворъ
 И барина просить обѣдать!
 Да живъ ли онъ?... бѣги провѣдать!
 Скорбѣи, скорбѣи!

Слуга бѣжитъ.

Наталя Павловна сѣвшитъ
 Взбить пышной доконъ, шаль накинуть,
 Задернуть завѣсъ, стулъ подвинуть,
 И ждетъ: да скороль, мой Творецъ!
 Вотъ вѣдутъ, вѣдутъ наконецъ,
 Забрызганный въ дорогѣ дальной,
 Опасно раненный, печальной
 Кой-какъ тащится экипажъ:
 Велѣдь баринъ молодой хромаетъ:
 Слуга-Французъ не удивляетъ
 И говоритъ: allons, courage!
 Вотъ у крыльца: вотъ въ сѣни входятъ.
 Покамѣтъ барину теперь
 Покой особенный отводятъ
 И настежь открываютъ дверь,
 Пока Ricard шумитъ, хлопочетъ,
 И баринъ одѣваться хочетъ:
 Сказать ли вамъ, кто онъ таковъ?
 Графъ Пулинъ, изъ чужихъ краевъ,
 Гдѣ промоталъ онъ въ вихрѣ маны
 Свои грядущіе доходы.
 Себя казать, какъ чуждый звѣрь,
 Въ Петрополь вѣдетъ онъ теперь
 Съ запасомъ фраковъ и жилетовъ,
 Шлявъ, вѣровъ, плащей, корсетовъ,
 Булавовъ, запонокъ, лорнетовъ,
 Цѣлковыхъ плавокъ, чулковъ à jour,
 Съ ужасной книжкой Гизота,
 Съ тетрадю злыхъ каррикатуръ,
 Съ романомъ новымъ Вальтеръ-Скотта,
 Съ bons-mots Парижскаго двора,
 Съ послѣдней пѣсней Беражера,
 Съ мотивами Россини, Пера

Et cetera, et cetera.

Ужь столъ накрытъ; давно пора;
 Хозяйка ждетъ нетерпѣливо;
 Дверь отворилась, входитъ графъ;
 Наталя Павловна, привставъ,
 Освѣдомляется участво,
 Каковъ онъ? что нога его?
 Графъ отвѣчаетъ: ничего,
 Идутъ за столъ: вотъ онъ садится,
 Къ ней подвигаетъ свой приборъ
 И начинаетъ разговоръ:
 Свѣдую Русь бранить, дивится,
 Какъ можно жить въ ея сибгаль,
 Жалѣтъ о Парижѣ страхъ.
 «А что театр?» — О, сиротъ вѣтъ!
 C'est bien mauvais, ça fait pitié.
 Тамъма совѣтъ оглоухъ, слабѣтъ,
 И мамзель Марсъ, увъ! старѣтъ.
 Зато Потъе, le grand Potier!
 Онъ славу прежнюю въ народѣ
 Донынѣ поддержалъ одинъ. —
 «Какой писатель нынче въ модѣ?»
 — Все d'Arincourt и Ламаринъ. —
 «У насъ имъ также подражаютъ.»
 — Шѣтъ! право? Такъ у насъ умы
 Ужь развиваться начинаютъ.
 Дай Богъ, чтобъ просвѣтились мы! —
 «Какъ тѣби посѣтъ?» — Очень пизко,
 Почти до... вотъ по этихъ поръ.
 Позвольте видѣтъ вашъ уборъ;
 Такъ... рюши, банты, здѣсь узоръ;
 Все это къ модѣ очень близко. —
 «Мы получаемъ Телеграфъ.»
 — Ага! хотите ли послушать
 Прелестный водевиль? — И графъ
 Поетъ. «Да, графъ, извольте жъ кушать.»
 — Я сытъ и такъ...

Пѣтъ-за стола

Встаютъ. Хозяйка молодая
 Черезвычайно весела;
 Графъ, о Парижѣ забывая,
 Дивится, какъ она мила.
 Проходитъ вечеръ непримѣтно;
 Графъ самъ не свой; хозяйки взоръ
 То выражается привѣтно,
 То вдругъ потупленъ безотвѣтно.
 Глядишь — и полночь вдругъ на дворъ.
 Давно хранитъ слуга въ передней,
 Давно поетъ пѣтухъ собѣдній,
 Въ чулану доску сторожъ бьетъ;
 Въ гостиной свѣчки догорѣли.
 Наталя Павловна встаетъ:
 Пора, прощайте! ждутъ постели.
 Приятный сонъ!... Съ досадою встаетъ,
 Полувлюбленный пѣвчій графъ
 Цѣдуетъ руку ей. И что же?
 Куда кокетство не ведетъ?

ПИСЬМО КЪ ТРУГОВСКАГО.

(Стар. Стихи 1862)

Прокляница — прости ей, Боже!
 Тихонько графу руку жметъ.
 Наталья Павловна радѣла;
 Стоитъ Параша передъ ней.
 Друзья мои! Параша эта
 Папереница ея заѣй:
 Шитье, мосты, вѣсти переносить,
 Плищенныхъ капотовъ просить,
 Порою съ барининомъ шалить,
 Порой на барина кричитьъ,
 И жметъ предъ барыней отважно,
 Теперь она толкуетъ важно
 О графѣ, о дѣлахъ его,
 Не производитъ ничего —
 Вотъ вѣсть, развѣдать какъ успѣла.
 Но Господка ей наконецъ
 Сказала пофту и менецъ.
 Спросила пофту и менецъ.
 Леда и ватги вонъ вѣдѣла.
 Своимъ Французомъ между тѣмъ
 И графѣ развѣтъ уже совѣдѣла.

Ложится онъ, сугару просить.
 Monsieur Picard ему приноситъ
 Графинѣ, серебряной стаканъ,
 Сугару, бронзовой свѣчиданкѣ,
 Щипцы съ пружиной, бувиликѣ
 И неразрѣзанный романъ.
 Въ постели лежа, Вальтеръ Скотта
 Глазами пробѣгаетъ онъ,
 Но графъ душевно развлеченъ:
 Неугомонная забота
 Его тревожитъ; мыслить онъ:
 Не ужь-то вираду и кабодень?
 Что, если можно?... вонъ забавно:
 Однакожъ это было бы славно:
 Я, кажется, хозийкъ милъ,
 И Пулинь свѣчку погасилъ.
 Несносная зарь его объемлетъ,
 Не спится графу — бѣсъ не дремлетъ,
 И тразить грѣшную мечтой
 Въ немъ чувства, Пидлинъ панъ теронъ
 Воображаетъ очень живо

Хозяйки взоръ краснорѣчивой,
 Довольно крупный, полный станъ,
 Приятный голосъ, прямо женскій,
 Лица румянецъ деревенскій,
 Здоровье краше вѣсѣхъ румянъ,
 Онъ помнить кончикъ попки пѣданой,
 Онъ помнить, точно, точно такъ,
 Она ему рукой небрежной
 Пожала руку; онъ дуракъ,
 Онъ долженъ былъ остаться съ нею,
 Ловить мшунюю затѣю.
 Но время не ушло; теперь
 Отворена конечно дверь—
 И тотчасъ, на плеча пакнувъ,
 Свой нестрый шелковый шалать
 И стулъ въ потемкахъ опрокинувъ,
 Въ надеждѣ сладостнымъ нагрѣвъ,
 Къ Лукреціи Тарквиніи новый
 Отправился на все готовый.
 Такъ иногда лукавый котъ,
 Жеманный бабовень служанки,
 За мышью крадется съ лежанки:
 Украдкой медленно идетъ,
 Подузажмуряе подступаясь,
 Свернется въ комъ, двостомъ шраетъ,
 Разшиетъ когти хитрымъ лапъ
 И вдругъ бѣдника цань-царань.
 Влюбленный графъ въ потемкахъ бродить,
 Дорогу ощупью находить,
 Желаньемъ пламеннымъ томить,
 Едва дыханье переводить,
 Тренещеть, если ночь нимъ
 Вдругъ заскрипитъ, Богъ онъ подходитъ
 Къ завѣтной двери и слегка
 Жметъ ручку мѣдную замка:
 Дверь тихо, тихо уступаетъ;
 Онъ смотритъ: лампа чуть горитъ,
 И блѣдно слабо освѣщаетъ:
 Хозяйка мирно почиваетъ,
 Нѣ притворяется, что спитъ.
 Онъ входитъ, шепчетъ, отступаетъ—
 И вдругъ уваль къ ей погамъ.
 Она... Теперь съ нѣхъ позволенья
 Прощу я Петербургскихъ дамъ
 Представить ужасъ пробужденья
 Натальи Павловны моей
 И развѣшить, что дѣлать ей.
 Она, отрывъ глаза большіе,
 Глядитъ на графа—вашъ герой
 Ей сыплетъ чувства вышненья
 И дерзновенною рукой
 Коснется хочеть одѣла,
 Совѣмъ смутивъ ее сначала...
 Но вдругъ опомнилась она,
 И гнѣва гордаго полна
 А впрочемъ, можетъ быть, и страха,
 Она Тарквинію съ размаха

Даетъ пощечину, та да!
 Пощечину, да вѣдь какую!
 Сторбѣлъ графъ Пулицъ отъ стыда,
 Обиду пролотивъ такую:
 Не знаю, чѣмъ бы кончилъ онъ,
 Досадой страшною полая,
 Но ницѣ косматый, вдругъ заяя,
 Прервалъ Парана крѣпкой соей,
 Услышавъ графъ ея походку,
 И проклиная свой почлетъ,
 И свосправную красотку,
 Въ постышный обратился бѣтъ,
 Какъ онъ, хозяйка и Парана
 Проводить остальную ночь,
 Воображайте, воли ваня!
 Я не намрениъ вамъ помочь.
 Возстанъ поутру молчаливо,
 Графъ одѣвается лѣшиво,
 Одѣлкой розовыхъ ногтей
 Зѣвая завился небрежно,
 И галстукъ вяжетъ неприлѣжно,
 И мокрой щеткою своей
 Не гладитъ стриженныхъ кудрей,
 О чемъ онъ думаетъ, не знаю,
 Но вотъ его позвали къ чаю,
 Что дѣлать? Графъ, преодоливъ
 Человкою стыдъ и тайный гнѣвъ,
 Шдетъ.
 Проказница младая,
 Насмѣшливый потуя взоръ
 И губки алыя кусая,
 Заводитъ скромно разговоръ
 О томъ, о семъ, сперва смущенный,
 Но постепенно ободреный,
 Съ улыбкой отвѣчаетъ онъ,
 Получаса не прошло,
 Ужъ онъ и шутить очень мило,
 И чуть ли снова не влюблѣнъ,
 Вдругъ шумъ въ передней, Входить, Кто же?
 «Наташа, здравствуй!»
 — Ахъ, мой Боже!
 Графъ, вотъ мой мужъ, Душа моя,
 Графъ Пулицъ. —
 «Рать, сердечно я,
 Какая скверная погода!
 У кузицы я видѣлъ вашъ
 Совѣмъ готовый экипажъ,
 Наташа! тамъ у огорога
 Мы затравили русака,
 Эй, водки! Графъ, прошу отвѣдать:
 Прислали намъ издалека,
 Вы съ нами будете обѣдать?
 — Не знаю, право, я сибищу.—
 И, полно, графъ, я васъ прошу,
 Жена и я, гостямъ мы рады,
 Нѣтъ, графъ, оставайтесь!»
 Но, съ досады

И вѣв надежды потерявъ,
 Упрямится печальный графъ.
 Ужь подкрѣпивъ себя стаканомъ,
 Пикарьъ крикнуть за чемоданомъ.
 Ужь къ коляскѣ свое слѣтъ,
 Песель прѣвѣчивать суддукъ.
 Къ крыльцу подвезена коляска,
 Пикарьъ все скоро уложилъ,
 И графъ уѣхалъ... Тамъ и сказка
 Могла бы кончиться, друзья:
 Но слова два прибавлю я,
 Когда коляска усакала,
 Жена все мужу разсказала
 И подвигъ графа моего
 Всему сосѣдству описала.

Но кто же болѣе всего
 Съ Натальей Павловной сѣвлялся?
 Не угадать вамъ. Почемужъ?
 Мужъ?—Какъ не такъ. Совсѣмъ не мужъ.
 Онь очень этимъ оскорблялся,
 Онь говорить, что графъ дуракъ,
 Молокососъ; что если такъ,
 То графа онь визжать заставлялъ,
 Что сами онь его затравилъ,
 Сѣвлялся Липинъ, нѣкъ сосѣдъ,
 Помѣщикъ двадцати трехъ дѣвъ.
 Теперь мы можемъ справедливо
 Сказать, что въ наши времена
 Супругу вѣрная жена,
 Друзья мои, совсѣмъ не шиво.

461. ПЗЪ А. ШЕНЪ.

Покровъ, унизанный ливительною кровью,
 Кентавра метящій даръ, ревнивою любовью
 Акиду перетанъ. Акиды его прѣтъ,
 Въ божественной крови ядъ быстрый побѣжалъ,
 Се—ярый мученикъ, въ ночи скитался, востъ;
 Словами тяжкими вершину Эты роетъ;
 Гнетъ, ломитъ древеся; изторженные ши
 Высоко громоздитъ: его рукой они
 Въ костеръ навалены: онь нѣкъ зажеть: онь всходитъ;
 Недвижимъ на костръ онь въ небо взоръ возводитъ;
 Подъ мышцей валица, въ ногахъ Немейскій левъ
 Разосланъ. Дунулъ вѣтръ: поднялся свистъ и ревъ;
 Трещя, горитъ костеръ; и вкорѣ пламя, волъ,
 Уносиль къ небесамъ безсмертный духъ Геролъ.

ЕВГЕНИИ АБРАМОВИЧЪ БАРАТЫНСКІИ.

Съ портрета рисов. на камнь Шевалье.

462. КЪ Б*** (БАРАТЫНСКОМУ).

Стнухъ каждый повѣсти твоей
Звучить и блестять какъ червонецъ.
Твоя Чухончка, ей-ей,
Гречанокъ Байрона милѣй,
А твой Зонль—прямой чухонецъ.

463. ПОДЪ НЕБОМЪ ГОЛУБЫМЪ СТРАНЫ СВОЕЙ РОДНОЙ.

Подъ небомъ голубымъ страны своей родной
Она томилась, увядала...
Увяла наконецъ, и вѣрно надо мной
Младая тѣнь уже летала;
Но недоступная черга межъ нами есть.
Напрасно чувство возбуждалъ я:
Изъ равнодушныхъ устъ я слышалъ смерти вѣсть,
И равнодушно ей внималъ я.
Такъ вотъ кого любилъ я пламенной душой
Съ такимъ изжельнымъ напряженьемъ,
Съ такою пѣжною, томительной тоской,
Съ такимъ безумствомъ и мученьемъ!
Гдѣ муки, гдѣ любовь? Увы, въ душѣ моей
Для бѣдной, легковѣрной тѣни,
Для сладкой памяти невозвратимыхъ дней
Не нахожу ни слезъ, ни пѣни.

ГРАФЪ НИКОЛАЙ СЕМЕНОВИЧЪ МОРДВИНОВЪ.

464. (П. С. МОРДВИНОВУ).

(Незакончено).

Подъ хладомъ старости утрово угасаль
 Единый изъ сѣдыхъ орловъ Екатерины,
 Въ крылахъ отяжелѣвъ оныя небо забываль.
 И Пинда острыя вершины.
 Въ то время ты вставаль; твой думъ его согрѣль;
 Оныя подняль къ небесамъ и крылья и зѣницы
 И съ шумной радостью взираль и полетѣль
 Во срѣтенье твоей деицы.
 М[ордвиновъ]! не вотще Петровъ тебя любиль:
 Тобой гордится оныя и на брегахъ Кочита.
 Ты лиру оправдалъ; ты вѣкъ не измѣнилъ.
 Надеждамъ вѣщаго Пинта.
 Какъ славно ты сдержаль пророчество его,
 Сияя доблестью, и славой, и наукой,
 Въ совѣтахъ недвижимъ у мѣста своего
 Стоишь ты новый Долгорукой.
 Такъ, [въ ибну волгъ] съ вершины горъ скатясь,
 Стоишь сѣдой утѣсь, вотще брета трещущуя,
 Вотще грохочетъ громъ и волны вокругъ мутясь.
 И увиваются и плещутъ.
 Одишь, на рамена подъявши мощный трудъ,
 Ты зорко бодрствуешь надъ царскою казною:
 Влювица бѣдной лентъ и лань Сиб прескнху] руть
 Равно священны предъ тобою.

465. ЗИМНІЙ ВЕЧЕРЪ.

Бура милою небо кроеть,
 Вихри свѣжые крутя;
 То, какъ зѣбрь, она завоетъ,
 То заплачетъ, какъ дитя,
 То по кровлѣ обветшалой
 Вдругъ соломою зашумитъ,
 То, какъ пуглицъ запоздалой,
 Къ намъ въ окошко застучитъ.

Наша ветхая подружка
 И печальна, и темна.
 Что же ты, моя старушка,
 Приумолкла у окна?
 Или бури завываедемъ
 Ты, мой другъ, утомлена,
 Или дремлешь подъ жужжаньемъ
 Своего веретена?

Вышедемъ, добрая подружка
 Бѣдной юности моей,
 Вышедемъ стора; гдѣ же кружка?
 Сердцу будетъ веселій.
 Спой мнѣ пѣню, какъ сибица
 Тихо за моремъ жила:
 Спой мнѣ пѣню, какъ двѣнца
 За водой поутру шла.

Бура милою небо кроеть,
 Вихри свѣжые крутя;
 То, какъ зѣбрь, она завоетъ,
 То заплачетъ, какъ дитя,
 Вышедемъ добрая подружка
 Бѣдной юности моей,
 Вышедемъ стора; гдѣ же кружка?
 Сердцу будетъ веселій.

466. П. П.

При посылкѣ ей Невскаго Альманаха.

Примите Невскій Альманахъ,
 Онъ мнѣ и въ прозѣ, и въ стихахъ;
 Вы тутъ найдете Полевова,
 Вед^н [Великопольскаго], Х^нва [Хвостова];
 К^н [Килжевичъ], дальній вашъ родня,
 Украсилъ также книжку эту:

Но не найдете вы меня:
 Мои стихи скользяли въ Лету,
 Что слава міра?... Дымъ и прахъ.
 Ахъ, сердце ваше мнѣ дороже!...
 Но, кажется, мнѣ трудно тоже
 Попасть и въ этотъ альманахъ.

НЕВСКІЙ АЛМАНАХЪ
 1826.

С. ПЕТЕРБУРГЪ.

467. БУРЯ.

Ты видѣшь дѣву на скалѣ
Въ одеждѣ бѣлой надъ волнами,
Когда, бушуя въ бурной мглѣ,
Играетъ море съ берегами,
Когда лучъ молній озаряетъ
Ее вечно блескомъ алымъ.
И вѣтеръ бѣситъ и летаетъ
Съ ея летучимъ покрываломъ?
Прекрасно море въ бурной мглѣ
И небо въ блескахъ безъ лазури:
Но вѣрь мнѣ: дѣва на скалѣ
Прекраснѣй волнь, небесъ и бури.

468. ВСЕ ВЪ ЖЕРТВУ ПАМЯТИ ТВОЕЙ.

Все въ жертву памяти твоей:
И голосъ дѣры вдохновенной,
И слезы дѣвы воспаленной,
И трепетъ ревности моей,
И славы блескъ, и мракъ изнана
И свѣтлыхъ мыслей красота,
И мщенье, бурная мечта
Ожесточенно страшна.

Черновые наброски.

469. Я БЫЛЪ СВИДѢТЕЛЕМЪ ЗЛАТОЙ ТВОЕЙ ВЕСНЫ.

Я былъ свидѣтелемъ златой твоей весны;
 Тогда напрасенъ умъ, искусства не нужны —
 И самой красотѣ лѣтъ замѣна.
 Но время протекло, настала перемена,—
 Ты приближаешься къ сомнительной порѣ,
 (Какъ больше женщинъ въ мечтахъ, чѣмъ) на дворѣ,
 Какъ мильи . . . , твой (слухъ обворозжаетъ),
 А зеркало сильнѣе грозитъ и увлекаетъ.
 утѣшься и смиришь,
 Отъ мильихъ презнись . . . , заранѣ откажись.
 Ищи другихъ побѣдъ; успѣхи предъ тобой;
 Я счастья тебѣ желаю всей душой
 и опытовъ моихъ
 Мой дидактическій благоразумный стихъ.

470. ШУМИТЬ КУСТАРНИКЪ.

Шумитъ кустарникъ... На утесъ
 Олень веселый выбѣгаетъ
 Недвижимъ, онъ подножный лѣсъ
 Съ вершины острой озираетъ.
 Глядитъ на свѣтлые края,
 Глядитъ на синий сводъ небесный
 И на далекіе брѣга,
 Вбичаны чащею древесной—
 (Надъ) страшною (бездною) (онъ) стоитъ
 И чуткимъ ухомъ шевелитъ
 Но дрогнувъ онъ—внезапный звукъ
 Его коснулся... и [онъ] вдругъ
 (Съ вершины прыгнулъ).

471. ЛИШЬ РОЗЫ УВЯДАЮТЬ.

(Лишь розы) увядаютъ,
 Амброзіей дыша,
 (Въ Элизіи) улетаетъ)
 (Ихъ легкая) душа,
 И тамъ, гдѣ волны солнца
 Забвеніе несутъ,
 Ихъ тѣни благовоны
 Надъ Летою цвѣтутъ—

472. СКАЖИ МНѢ НОЧЬ.

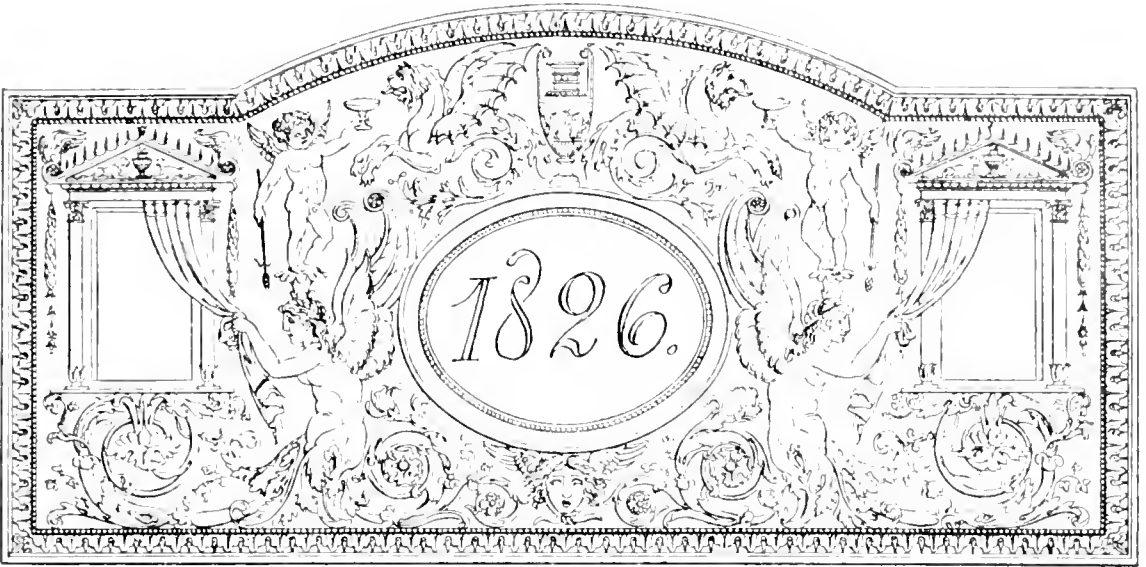
Скажи мнѣ, ночь, за чѣмъ твой тихой мракъ
 (Мнѣ) радости

473. СТРЕКОТУНЬЯ БЪЛОБОКА.

Стрекотунья бѣлобока.
 Подъ калиткою моею,
 Скачетъ пестрая сорока
 И пророчитъ мнѣ гостей.
 (Колокольчикъ небывалой
 У меня звенитъ въ ушахъ,
 Лучи луны сіяютъ) алой
 На зарѣ (свѣтъ)
 Серебрится сибѣжнѣйшій прахъ

474. СОСѢДСТВО ВАШЕ НАМЪ ОПАСНО.

Сосѣдство (ваше) намъ опасно
 Хотя мило можетъ быть оно
 (Такъ утверждаю не напрасно)
 (И доказать не)
 Твой домъ утѣивая бесѣда
 И шутки понозамъ
 Напоминаютъ (живо) намъ
 И опасного сосѣда.

475. СЪ ТОБОЮ МНѢ ВНОВЬ СЧИТАТЬСЯ ДОВЕЛОСЬ.

(Изъ письма къ П. Е. Велікопольскому.)

Съ тобою мнѣ вновь считаться довелось,
 Повесть любви то рѣзвой, то унылой!
 Пугаешь ты на дѣлѣ очень мило,
 Пугаешь ты довольно плохо въ шоссѣ:
 500 рублей пропраныхъ тобою,
 Наличные свидѣли тому.
 Судьба моя сходна съ твоей судьбою;
 Сейчасъ, мой другъ, увидишь почему.

476. ВОТЪ, ЗНА, ВАМЪ СОВѢТЪ.

Въ альбомъ Е. П. Вульфъ.

Вотъ, Зна, вамъ советъ — играйте!
 Изъ розъ веселья зацветаите
 Себѣ торжественный вѣнецъ —
 И впродъ у насъ не разрываите
 Ни мадригаловъ, ни сердець.

477. ТАКЪ МОРЕ, ДРЕВНІЙ ДУШЕДУБЕЦЪ.

Изъ письма къ кн. П. А. Вяземскому .

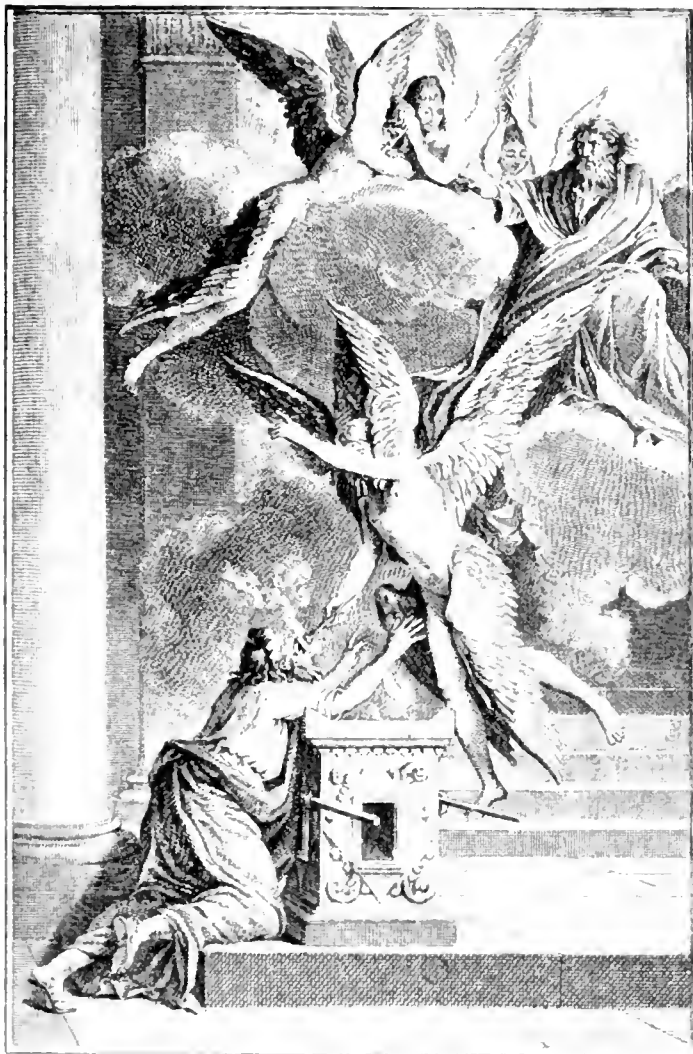
Такъ море, древній душедубецъ,
Воспламеняеть геѣй твой?
Ты славиль зирой золотой
Нептуна грознаго трезубецъ?

Не славь его! Въ нашъ тусный вѣкъ
Сбдой Нептуъ земли союзникъ,
На всѣхъ стѣлахъ человѣкъ
Тиранъ, предатель или узникъ.

478. ПРОРОКЪ.

Духовной жаждою томимъ,
Въ пустынь мрачной я влачился,
И шестикрылой Серафимъ
На перепутьи мнѣ явился:
Перстами легкими какъ сонъ
Моухъ зѣнцъ коснулся оны:
Отверзлись вѣщія зѣнцъ,
Какъ у испуганной орлицы,
Моухъ ушей коснулся оны,
И ихъ наполнилъ шумъ и звонъ:
И виль я неба содроганье,
И горній ангеловъ полѣтъ,
И гадъ морскихъ подводный ходъ,
И дольней розы прозябанье,
И оны къ устамъ моимъ приишь,
И вырвалъ грѣшной мой языкъ,
И празднословной и лукавой,
И жало мудрыя змѣи
Въ уста замершя мои
Вложилъ десницею кровавой,
И оны мнѣ грудь разѣкъ мечемъ,
И сердце тревѣтное вынулъ,

СЕРАФИМЪ ВЛАГАЕТЪ УГЛЬ ВЪ ГРУДЬ ПРОРОКА.

Гравюра по рис. известнаго французскаго иллюстратора 18 вѣка Marillier.

Изъ Пушкинской коллекціи Н. А. Ефремова. При популярности иллюстрацій Марилье, весьма возможно, что Пушкинъ списалъ эту гравюру.

И угля, пылающій огнемъ,
 Во грудь отверстую водвинулъ.
 Какъ трущ въ пустынь я дежаль,
 И Бога гласъ ко мнѣ воззвалъ:
 «Возстань, Пророкъ, и виждь, и внемли,
 Сегоднѣшъ волею Моенъ,
 И, обходя моря и земли,
 Глаголомъ живи сердца людемъ».

479. Я ВИДѢЛЪ ВАСЪ, Я ИХЪ ЧИТАЛЪ.

(Е. А. Тимашевой).

Я видѣлъ васъ, я ихъ читалъ,
 Снъ престестныя созданья,
 Гдѣ ваши томныя мечтанья
 Боготворять свой идеаль.
 Я шлъ отраву въ вашемъ взорѣ,
 Въ душой несовершенныхъ чертахъ.

И въ вашемъ миломъ разговорѣ,
 И въ вашихъ пламенныхъ стихахъ,
 Соверницы Запретной Розы
 Блаженъ безсмертный идеаль...
 Сократъ блаженъ, кто вамъ внушалъ
 И много рюмъ, и много прозы!

480. ЗАЧѢМЪ БЕЗВРЕМЕННУЮ СКУКУ.

Зачѣмъ безвременную скуку
 Зловѣщей думою витать
 И неизбежную разлуку
 Въ уныльѣ робкомъ ожидать?
 И такъ ужъ близокъ день страданья!
 Одинъ, въ тиши пустыхъ полей,

Ты будешь звать воспоминанья
 Потерянныхъ тобою дней:
 Тогда изгнаешься и могилей,
 Несчастный, будешь ты готовъ
 Кунить хоть слово дѣвы милой,
 Хоть легкой шумъ ея шаговъ.

481. У ГАЛЪЯНИ ПЛѢ КОЛЪЮНИ.

(Изъ письма къ С. А. Соболевскому).

У Галъяни плѣ Колъюни
 Закажи себѣ въ Твери
 Съ пармазаномъ макарони
 Да живинцу сварь—
 На досугъ отобѣдай
 У Ножарскаго въ Торжкѣ
 Жареныхъ котлетъ отвѣдай
 И отправься на легкѣ.
 Какъ до Яжельницъ дотащить
 Колымагу мужичокъ,
 То-то другъ мой разтаращить
 Сладострастный свой глазокъ!
 Поднесутъ тебѣ форели!
 Тотчасъ ихъ варить вели
 Какъ увидишь: посиѣлай,
 Влей въ уху стаканъ Шабли.
 Чтобъ уха была по сердцу
 Можно будетъ въ княжтокъ
 Положить немнога перцу,
 Луку маленькой кусокъ—
 У податливыхъ крестьянокъ
 (Чѣмъ и славится Валдай)
 Къ чаю закуви баранокъ
 И скорѣ поѣзжай—

482. ПРОЩАЙ, ОТШЕЛЬНИКЪ БЕССАРАБСКОЙ.

(Изъ письма Н. С.).

Прощай, отшельникъ бессарабской,
 Дукавый другъ души моей!
 Порадуй же меня не сказочкой арабской,
 Но русской правдою своею.

483. ЗИМНЯЯ ДОРОГА.

Сквозь волнистые туманы
 Пробирается луна,
 На печальныя поляны
 Льетъ печально свѣтъ она.

По дорогѣ зимней, скудной,
 Тройка борзая бѣжитъ,
 Колокольчикъ однозвучной
 Утомительно гремитъ.

Что-то слышится родное
 Въ долинахъ и вѣняхъ ямщика:
 То разгулье удалое,
 То сердечная тоска...

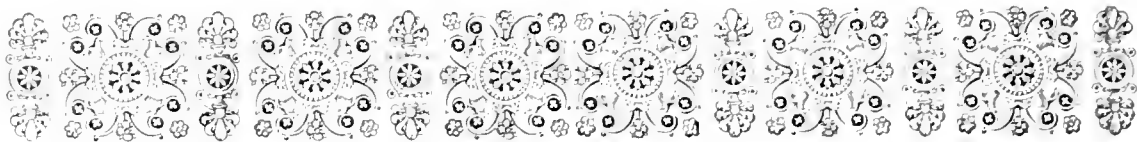
Ни огня, ни черной хаты...
 Глушь и сибирь... Навстрѣчу мнѣ
 Только версты полосаты
 Попадаются одиѣ.

Скучно, грустно... Завтра, Ниша,
 Завтра къ милой возвратясь,
 Я забудусь у камна,
 Заляжусь не наглядясь.

Звучно стрѣлка часовая
 Мѣрный кругъ свой совершитъ,
 И доучивъ удалая,
 Полночь насъ не разлучитъ.

Грустно, Ниша: путь мой скученъ,
 Дрема смолкнулъ мой ямщикъ,
 Колокольчикъ однозвученъ,
 Огуманенъ лунный ликъ.

СЦЕНА ИЗЪ ФАУСТА.

Привезенный съ фельдгегеремъ по приказанію Николая I въ сентябрѣ 1826 г. въ Москву, Пушкинъ воспользовался даннымъ ему здѣсь разрѣшеніемъ и остался послѣ коронаціонныхъ празднествъ въ первопрестольной столицѣ. Скука одиночества находила въ немъ въ это время убѣжденнаго защитника; однако, деревенское заточеніе утомило общительнаго поэта, и онъ охотно сблизился съ литературной и свѣтской Москвой. Центромъ оживленной умственной жизни былъ здѣсь въ это время кружокъ молодыхъ шеллингианцевъ, извѣстнѣе объединенный ихъ общіей службой въ московскомъ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, внутри скрѣпленный общностью умственныхъ запросовъ этихъ образованныхъ идеалистовъ, «первыхъ въ Россіи восторженныхъ послѣдователей нѣмецкой философіи». Пушкинъ не былъ любителемъ отвлеченностей, и до насъ дошло извѣстіе о томъ, какъ поэтъ, придя къ Погодину послѣ одного изъ собраній кружка «декампировать»—«спѣшно», по мнѣнію Погодина—противъ философіи. Но съ кружкомъ онъ сблизился, и если его слегка насмѣшливое словечко о московскихъ «архивныхъ юношахъ» рождаетъ въ насъ теплое поэтическое воспоминаніе то въ этой нѣжности мы, вѣроятно, не расходимся съ поэтомъ. Въ свѣтской и культурной средѣ, къ которой они принадлежали по рожденію и воспитанію, молодые московские идеалисты пользовались уваженіемъ, впоследствии въ извѣстной мѣрѣ оправданнымъ и закрѣпленнымъ исторіей. Среди «архивныхъ юношей» были П. и Н. Кирѣевскіе, Шевыревъ, Кошелевъ, Соболевскій, кн. В. Ѳ. Одоевскій, Д. Веневитиновъ. Послѣдній—дальній родственникъ Пушкина и горячій поклонникъ нѣмецкой литературы,—какъ позволяющъ предположить нѣкоторыя данныя, былъ можетъ, патологичнѣе поэта на

мысль объ окончательной обработкѣ задуманной въ деревнѣ «Сцены изъ Фауста». Ему во всякомъ случаѣ принадлежитъ обращенный къ Пушкину призывъ почтить престарѣлаго патріарха нѣмецкой поэзіи достойнымъ привѣтомъ. Въ основѣ этого призыва—какъ и всей, по преимуществу, философской, лиричѣе Веневитинова—была серьезная теоретическая мысль. Тонкій и образованный критикъ, Веневитиновъ полагалъ, что молодое «волненіе духа» еще вредитъ ясности Пушкинскаго творчества, что Байроновскому началу въ поэзіи Пушкина пора смѣниться Гетевскимъ. На прежнихъ поэтическихъ учителей—поскольку имъ принесла дань поклоненія благодарная муза великаго поэта—указывалъ прежде всего Веневитиновъ въ своемъ посланіи «Къ Пушкину». Первымъ изъ этихъ почтенныхъ Пушкинымъ учителей былъ Байронъ:

Когда пророкъ свободы смѣлый,
Тоской измученный поэтъ,
Покинулъ мѣрѣ опротѣвляи,
Остави славы жаркій свѣтъ,
И тѣмъ всемирныя печали,
Хвалебнымъ хоромъ прозвучали
Твои стихи ему во славу,
Ты дань принесъ увядшей силѣ,
И славу на его могилѣ
Другое имя завѣдашь ¹⁾.

Другой, воспѣтый Пушкинымъ поэтъ былъ Андрѣ Шенье:

Ты тише, слаще воспѣваешь
У Музъ похищеннаго галла...

И Веневитиновъ свидѣтельствуетъ о восторгѣ, который вызывало въ немъ вдохновенное поминаніе о казнешномъ французскомъ поэтѣ:

¹⁾ Пашолеонъ.

Волнуюсь пбснью твоею,
Въ груди восторженной моей
Душа рвалась и трепетала...

Однако, и среди живыхъ учителей есть еще одинъ достойный предметъ любовнаго преклоненія и поэтическаго восторга:

Но ты еще не доплатилъ
Каменамъ долга вдохновенья;
Къ хладамъ онакапнымъ могилъ
Прибавь веселыя хваленья.
Ихъ ждешь еще одинъ пбвецъ.
Онъ вашъ—жизель того же свѣта.
Давно блестятъ его вбвещя;
По славы громкаго привѣта
Звучившй, отрадившй глазъ поэта.

Это—Гете, оказавшій на Веневитинова, конечно, болѣе опредѣленное влияние, чѣмъ на Пушкина.

Наставникъ нашъ, наставникъ твой,
Онъ кроется въ странѣ мечтаній,
Въ своей Германіи родной,
Досель младющія маны
По струнамъ бѣгаютъ порой,
И перерывчатые звуки,
Какъ послѣ горестной разлуки
Старинной дружбы мнѣши глазъ,
Къ знакомымъ думамъ клонять насъ.
Досель въ немъ сердце не остыло,
И вървь, онъ съ радостью живой
Въ прѣотѣ старости улыбай
Еще услышишь голосъ твой.
И можетъ быть, тобой пбвнечныи,
Послѣднимъ жаромъ вдохновенныи,
Отвѣтно лебеть запоеть —
И къ небу съ пбснью прощанья
Стремя торжественныи полетъ,
Въ восторѣ пбвнаго мечтанья
Тебя, о Пушкинъ, назоветь.

Если на этотъ призывъ привѣтствовать маститаго поэта Пушкинъ отвѣтилъ не лирическимъ панегирикомъ, а вольнымъ подражаніемъ «Фаусту», то это не потому, чтобы у него не было матеріала для похвального слова Гете. Правда, своимъ «наставникомъ» онъ могъ бы его назвать лишь въ самомъ широкомъ и неопредѣленномъ смыслѣ: правда, мы имѣемъ основаніе думать, что онъ читалъ произведеніе нѣмецкаго поэта въ французскомъ переводѣ. Но Пушкинъ зналъ Гете и высоко цѣнилъ его. Онъ, вътѣ, и Шекспира читалъ пофранцузски; однако, несомнѣнно, понималъ его удивительно.

Мы имѣемъ цѣлѣн рять «признаніе»,

которыя брошены мимоходомъ, но въ своей совокупности удивительно свидѣлствуютъ о томъ умномъ вниманіи, которое творчество Гете встрѣчало въ Пушкинѣ. То, что онъ въ письмѣ къ Бестужеву (июнъ, 1824 г.) называетъ Гете «полудюкакойникомъ», конечно, относится только къ физическимъ недугамъ сямидесяти-шестидѣятиго поэта. Въ мартѣ того же года Пушкинъ сообщалъ изъ Одессы неизвѣстному москвичу: «Читаю Библию, святой духъ иногда мнѣ по сердцу, но предпочитаю Гете и Шекспира». Итѣтъ никакихъ серьезныхъ основаній для того, чтобы думать—какъ это дѣлаетъ г. О. Некрасовъ¹⁾—что въ это время Пушкина увлекала въ Гете, главнымъ образомъ, не глубина его поэзіи во всемъ ея объемѣ, а пантеистическій атеизмъ Гете. Во всякомъ случаѣ сведенныя дѣтѣ замѣчанія Пушкина свидѣлствуютъ о томъ, что въ дальнѣйшемъ его увлекала не одна какаи-нибудь идея Гете, но общее значеніе его поэзіи. Въ «Отрывкахъ изъ писемъ, мысляхъ и замѣчаній» (1825—1827 года) встрѣчаемъ, въ концѣ ихъ, такое мѣсто, изъ котораго явствуетъ, что Пушкинъ находилъ въ «Фаустѣ» Гете «смѣлость воображенія, созданія, гдѣ планъ обширный объемлется творческой мыслью и ставилъ Гете паравѣ съ Шекспиромъ, Данте, Мильтономъ». Въ 1827 году въ статьѣ «о Байронѣ» Пушкинъ пишетъ: «Фаустъ есть величайшее созданіе поэтическаго духа, служитъ представителемъ новѣйшей поэзіи, точно также, какъ Пѣлада служитъ памятникомъ классической древности». Чтобы придти къ такимъ сужденіямъ требовалось близкое и внимательное изученіе поэзіи Гете. А въ «Мелкихъ замѣткахъ» (1829—1831 года) читаемъ: «Гете имѣлъ большое влияние на Байрона, Фаустъ тревожилъ воображеніе Чайльдъ-Гарольда. Два раза Байронъ пытался бороться съ великаномъ романтической поэзіи—и остался хромъ, какъ Іаковъ». Итакъ, Пушкинъ, какъ видно изъ этой выписки, дошелъ уже до сознанія того, что Гете выше Байрона.—Наконецъ, въ статьѣ «О сочиненіяхъ П. А. Катенина» онъ говоритъ въ 1833 году, что «Байронъ въ своемъ Манфредѣ... ослабилъ духъ и формы своего образа т. е. Фауста».

Итѣтъ, конечно, ничего удивительнаго

¹⁾ Д. В. Веневитиновъ какъ поэтъ и критикъ въ Пушкинскомъ Сборникѣ студентовъ Московскаго университета поэтъ ред. проф. А. Н. Кирпичникова, Москва, 1909.

въ томъ характерномъ фактѣ, что во всѣхъ этихъ замѣчанияхъ о Гете упомянуть именно «Фаустъ»,—произведение, въ которое нѣмецкій поэтъ вложилъ всю полноту своихъ творческихъ переживаній. Изъ разсказа Губера ¹⁾, переводчика «Фауста», мы знаемъ, какъ относился Пушкинъ къ трагедіи Гете. «Пушкинъ принималъ живое участіе въ моемъ трудѣ,—разсказываетъ Губеръ,—и я имѣю право гордиться этимъ участіемъ, но, не смѣя укрывать себя собственностью великаго поэта, считаю священною обязанностью указать на тѣ мѣста, которыя принадлежать ему». Когда цензура запретила переводъ, Губеръ въ бѣшенствѣ разорвалъ рукопись. Но вскорѣ онъ «по настоятельному желанію Пушкина, съ новою силою принялся за вторичный переводъ «Фауста»: при его совѣтахъ, подъ его надзоромъ, трудъ мой быстро двигался впередъ; но оконченъ мною только послѣ смерти его... Многія мѣста перевода не правлены Пушкинымъ; но нигдѣ рука мастера не помогала столько слабому ученику, какъ въ томъ отрывкѣ, который помещенъ въ 6 т. «Современника» (1837 г.). Самое начало, переведенное мною въ размѣрѣ, такъ называемыхъ «Knittelverse», мастерски измѣнено имъ въ звучный, прекрасный ямбъ. То мѣсто, гдѣ духъ земли является на отчаянный вызовъ «Фауста», исключительно принадлежит ему... Я упомянулъ здѣсь только о тѣхъ мѣстахъ, которыя собственно принадлежать Пушкину; при изданіи цѣлаго перевода я не умолчу и о другихъ важныхъ поправкахъ, которыми обязанъ его участію. Я горжусь этими мѣстами; они будутъ перлами въ моемъ переводѣ. Судя по нимъ, намъ остается только пожалѣть, зачѣмъ Пушкинъ, такъ глубоко сочувствуя Гете, не пересоздалъ намъ въ цѣлости всего неслыханнаго произведенія этого безсмертнаго философа-поэта».

То, что отрывки перевода, съ восторгомъ цитируемые Губеромъ, какъ произведеніе Пушкина, оказались затѣмъ работою Бека, мало мѣняетъ дѣло: Губеръ ошибся и принялъ отрывки, найденные въ бумагахъ Пушкина послѣ его смерти, за вкладъ великаго поэта въ его переводъ. Но какъ вниманіе Пушкина къ переводу

«Фауста», такъ и его участіе въ трудѣ Губера остаются фактомъ несомнѣннымъ. Все это, однако, было значительно позже. Въ половинѣ двадцатыхъ годовъ Пушкинъ только что началъ отходить отъ молодого увлеченія Байрономъ — и ровное глубокое отношеніе къ Гете не вызывало въ немъ восторга, который могъ бы выразиться въ хвалебной одѣ. Въмѣсто похвального посланія Пушкинъ далъ — задуманному еще до московской встрѣчи съ Веневитиновымъ, — вариацию на гетевскую поэмку, далъ поэтическое истолкованіе гетевскихъ образовъ: быть можетъ, лучший способъ, которымъ одинъ большой поэтъ можетъ проявить свое отношеніе къ другому.

«Новая сцена между Фаустомъ и Мефистофелемъ» ¹⁾ появилась въ журналѣ Веневитинова и его друзей «Московскомъ Вѣстникѣ» (1828 г. № 9); вышедшее заглавіе она получила въ изданіи 1829 года. По указанію П. В. Анненкова, есть основанія думать, что Гете зналъ о сценѣ, написанной Пушкинымъ. Для Пушкина это могло быть подражаніемъ Гете; для нѣмецкаго поэта, произведеніе котораго примыкало къ длинному ряду аналогичныхъ попытокъ пересоздать народное сказаніе о чернокожикѣ Фаустѣ, произведеніе Пушкина могло, пожалуй, быть лишь одной изъ такихъ попытокъ, не связанныхъ съ его трагедіей, изъ которой Пушкинъ въ это время зналъ—это полезно помнить—только первую часть; вторая часть появилась въ 1832 году. Во всякомъ случаѣ «разсказываютъ, что онъ (Гете) послалъ Пушкину поклонъ черезъ одного русскаго путешественника и препроводилъ съ нимъ, въ подарокъ, собственное свое перо, которое, какъ мы слышали, многие видѣли въ кабинетѣ Пушкина, въ богатомъ футлярѣ, имѣвшемъ надпись: «Подарокъ Гете» ²⁾. Среди стихотвореній Гете есть одно четверостишіе, которое связываютъ съ этимъ разсказомъ.

Goethes Feder an ***.
Was ich mich auch sonst erkümbt,
Jeder würde froh mich lieben,
Hätt' ich treu und frei geschrieben,
Alf das Lob, das Du verdienst.

¹⁾ «Литературное объясненіе» въ «Литерат. Прибавл. къ Русск. Нивалиду», 1837 г. № 34; цитировано въ статьѣ объ Н. А. Бекѣ въ «Критико-біограф. словарь» С. А. Венерова, т. II, стр. 384.

¹⁾ Гете писалъ «Мефистофель», а Пушкинъ — «Мефистофель». въ согласіи съ правоисаиеніемъ нѣмецкой народной литературы о д-рѣ Фаустѣ и Шекспира въ «Визиторскихъ кумушкахъ»—Merhistophilus) и греческой этимологіей этого имени (отъ philéo-люблю); правильнѣе, производство отъ еврейскаго torphel—думать.

²⁾ Анненковъ, «Матеріалы» стр. 177.

Отнесение этого маленького послания къ Пушкину представляется намъ мало обоснованнымъ. Трудно думать, чтобы Гете, при удивительной конкретности его творчества, гдѣ каждое слово было отпечаткомъ дѣйствительнаго переживания, гдѣ нѣтъ ничего отвлеченнаго и принятаго на вѣру, обратился съ этими опредѣленными восхваленіями къ поэту, произведеній котораго онъ не читалъ. «Что бы ни позволяла я себѣ въ проломѣ, всякій съ радостью полюбилъ бы меня, если бы я вѣрно и свободно написалъ всю хвалу, которой ты достоинъ»,—говоритъ «перо Гете» неизвѣстному объекту посланія. Это—«перо» метафорическое, и ничто въ маленькомъ посланіи не говоритъ, что оно сопровождало перо реальное. Въ напряженной сдержанности четверостишія чувствуется содерзательность: чувствуется, что Гете знаетъ, какъ и за что хвалить своего адресата: что же онъ могъ по существу сказать о Пушкинѣ? Сомнительно даже, чтобы въ 1826 г., когда написано четверостишіе, Гете уже зналъ «Сцену изъ Фауста», появившуюся въ 1828 г. Правда, Анненковъ—не приводя оснований—относитъ ее къ 1826 году. Но въ общемъ отнесение четверостишія къ Пушкину основано на слишкомъ большомъ количествѣ предположеній, за которыми слишкомъ мало убѣдительныхъ доводовъ.

Русская критика эпохи Пушкина, вообще въ этотъ періодъ его творчества еще безсильная оцѣнить полетъ его гения обоняла «Сцену изъ Фауста» молчаніемъ. Среди позднѣйшихъ критиковъ и изслѣдователей она вызывала разногласія въ подробностяхъ: все, однако, согласны въ одномъ: Фаустъ Пушкина—не Фаустъ Гете; одинъ видѣть въ этомъ недостатокъ произведенія Пушкина, другіе—особое достоинство; но нѣтъ спора въ томъ, что скужающій и озлобленный герой русскаго поэта не можетъ быть слитъ въ одинъ цѣльный образъ съ неустанно ищущимъ и дѣятельнымъ Фаустомъ трагедій Гете. Правда, столь близкій Гете Варнгагенъ-фонъ-Дизе какъ будто находилъ, что Пушкинъ «могъ-бы съ успѣхомъ продолжить» «Фауста» Гете; но въ этихъ словахъ, конечно, трудно усмотрѣть что либо кромѣ общаго признанія дарованія русскаго поэта.

Если не считать мимоходомъ брошеннаго Полевымъ замѣчанія, что въ «Сценѣ изъ Фауста» поэтомъ «раскрыта темная сторона, тайна, которую съ ужасомъ про-

читаетъ въ сердцѣ своемъ каждый человѣкъ» (1833), то вплоть до Бѣлинскаго мы не имѣемъ въ критикѣ попытокъ охарактеризовать «Сцену» и ея героевъ. Бѣлинскій удѣлялъ ей немного вниманія, но возвращался къ ней не разъ. Уже въ 1835 г., въ отзывѣ о стихотвореніяхъ Бенедиктова, говоря о взаимоотношеніи мысли и чувства въ поэзіи, критикъ напоминаетъ о «стихотвореніи «Сцена изъ Фауста», выражающей почти ту же идею, что и «Демонъ» Пушкина: «идею сомнѣнія, рано или поздно бывающаго удѣломъ всякаго чувствующаго и мыслящаго существа»³). Въ статьѣ о стихотвореніяхъ Лермонтова⁴) Бѣлинскій связываетъ Фауста Пушкина съ характеристикой современности, какъ эпохи рефлексіи по преимуществу. Самый терминъ «рефлексія»—съ оговоркой о неполномъ ихъ совпаденіи—Бѣлинскій передаетъ тѣмъ словомъ «размысленье», которое мы находимъ въ устахъ Пушкинскаго Мефистофеля. «Человѣчество давно уже пережило вѣкъ полноты своихъ вѣрованій: можетъ быть, для него наступитъ эпоха еще высшей полноты, нежели какою когда-либо прежде наслаждалось оно: но намъ вѣкъ есть вѣкъ сознанія, философствующаго духа, размысленія, «рефлексіи». Вопросъ—вотъ альфа и омега нашего времени. Ощутимъ ли мы въ себѣ чувство любви къ женщинамъ,—вмѣсто того, чтобы роскошно уживаться его полнотою, мы прежде всего спрашиваемъ себя, что такое любовь, въ самомъ ли дѣлѣ мы любимъ?» и пр. Стремясь къ предмету съ ненасытною жаждою желанія, съ тяжелою тоскою, со всемъ безумствомъ страсти, мы часто удивляемся холодности, съ какою видимъ исполненіе самыхъ пламенныхъ желаній нашего сердца, и многіе изъ людей нашего времени могутъ примѣнить къ себѣ сцену между Мефистофелемъ и Фаустомъ, у Пушкина».

И, процитировавъ значительный отрывокъ «Сцены»—до словъ:

Такъ на протажную красу,
Насытись ею торопливо
Развратъ коснется боязливо.

— Бѣлинскій восклицаетъ: «Ужасно... Но это не смерть и даже не старость міра, какъ думаетъ старое поколѣніе, которое, въ своей молодости, такъ беззаботно шло и

³ В. Г. Бѣлинскій. Собраніе сочиненій подъ ред. С. А. Венгерова. Т. IV. Стр. 283.

⁴) Ibid. Т. VI. Стр. 37—38.

влю, такъ весело плясало, такъ бессознательно наслаждалось жизнью. Итъ, это не смерть и не старость: люди нашего времени также или еще больше полны жаждою желаній, сокрушительною тоскою порываній и стремленій. Это только болѣзненный кризисъ, за которымъ должно послѣдовать здоровое состояніе лучше и выше прежняго. Та же рефлексія, та же размышленіе, которое теперь оравляетъ полноту великой нашей радости, должны быть внослѣдствіи источникомъ высшаго, чѣмъ когда-либо, блаженства, высшей полноты жизни. Но горе тѣмъ, кто является въ эпоху общественнаго недуга. Общество живетъ не—годами-вѣками, а человѣку данъ мигъ жизни: общество выздоровѣетъ, а тѣ люди, въ которыхъ выразился кризисъ его болѣзни, благороднѣйшіе сосуды духа, навсегда могутъ остаться въ разрушающемъ элементѣ жизни.

Наконечъ, въ 1846 г., въ знаменитой серіи статей о Пушкинѣ, Бѣлинскій развилъ свой взглядъ на «Сцену изъ Фауста»⁵⁾. Онъ находить нужнымъ сообщить своимъ читателямъ, что «это былъ не переводъ какого-нибудь отрывка изъ знаменитой драматической поэмы Гете, но вариация, разыгранная на ея тему. Многимъ эта сцена такъ понравилась, что они, не зная Гетева «Фауста», порѣшили, будто она лучше его. Дѣйствительно, эта сцена написана удивительно легкими и бойкими стихами, но между нею и Гетевымъ «Фауствомъ», итъ ничего общаго». Бѣлинскій опять связываетъ «Сцену» съ «Демономъ»: «Она—не что иное, какъ развитіе и распространіе мысли, выраженной Пушкинымъ въ его маленькомъ стихотвореніи «Демонъ». Этотъ демонъ былъ «довольно мелкій, изъ самыхъ пеминныхъ». Онъ соблазнялъ одну юношей

Въ тѣ дни, когда имъ были новы
Всѣ впечатлѣнія бытія.

Поэтому ему легко было поддучивать
надъ ними, и они со страхомъ смотрѣли
на него, ибо

Непостоянной клеветою
Онъ проводилъ ихъ пекуналъ;
Онъ звалъ прекрасное мечтою;
Онъ вдохновенъ презиралъ;
Не вѣрилъ онъ любви, свободѣ,
На жизнь вѣсѣлливо гадилъ —

И ничего во всей природѣ

Благословить онъ не хотѣлъ.

«Нечальны, говорить Пушкинъ, были мои встрѣчи съ нимъ». Знакомое съ демономъ другого поэта, наше время съ улыбкою смогрить на Пушкинскаго чертенка». Бѣлинскій имѣетъ въ виду дермонтоваго демона—и не столько томнаго возлюбленнаго Тамары, сколько другого демона—изъ «Сказки для дѣтей». Правду сказать, для такого противоположенія итъ достаточныхъ основаній. Можно согласиться, что Мефистофель Пушкина «все тотъ же мелкій чертенокъ, котораго воснѣлъ онъ въ молодости подъ громкимъ именемъ «Демона». Это просто-на-просто острякъ прошлаго столѣтія, котораго скептицизмъ наводитъ теперь не разочарованіе, а зѣвоту и хороній сонъ». Но демонъ «Сказки для дѣтей»—скорѣ лирическое изліяніе, чѣмъ конкретный въ своей фантастичности образъ; а герой поэмы «Демонъ» теперь собственно называть демону въ такой же степени, какъ мелкій Мефистофель Пушкина. Очевидно, не такъ было въ эпоху Бѣлинскаго. Что касается самого Фауста, то это, по мнѣнію Бѣлинскаго не измученный неудовлетворенною жаждою знанія чловѣкъ, а какой-то пресытившійся гуляка, которому уже ничего въ горло нейдетъ, un homme blasé. Отзывъ Бѣлинскаго заканчивается общей оцѣнкой: «Пьеса эта написана ловко и бойко, и потому читается легко и съ удовольствіемъ».

Болѣе чѣмъ вариантъ или переиѣвъ «Фауста» Гете увидѣлъ въ отрывкѣ Пушкина Пезденевъ⁶⁾. Для того, чтобы возвеличить «Сцену изъ Фауста» онъ сталъ на вымученно-моральную точку зрѣнія, съ которой ровню ничего не видно въ поэтическомъ произведеніи. Сцена Пушкина, по мнѣнію Пезденевова, прежде всего «не только не подражаніе, а даже не творчество въ духѣ Гете»: она—«поправка (съ русской точки зрѣнія) его великаго созданія». Поправка эта заключается въ новомъ, болѣе высокомъ взглядѣ на безирравственные поступки Фауста. У Гете Фаустъ дѣлаетъ гнусности, но поэтъ ему прощаетъ ихъ. Гете «не обвиняетъ по достоинству дѣйствій своего героя относительно павной и чистой дѣвушки. Въ чувствѣ Фауста есть двойственность. Гретхенъ для него предметъ благоговѣнія и романтической любви

⁵⁾ Сочиненія, 2 изд. Солдатенкова, т. VIII, стр. 677—679.

⁶⁾ «А. С. Пушкинъ въ его поэзіи». СПб. 1882. Стр. 231—233.

и вместе съ тѣмъ предметъ чувственныхъ стремлений. Послѣднія одерживаютъ верхъ надъ романтизмомъ. Фаустъ губитъ Гретхенъ, повергаетъ ее въ бездну сомнѣній, нищеты, несчастья, доводитъ ее до отчаянія. Онъ не хотѣлъ, впрочемъ, этого сдѣлать: все это произошло печально... Какъ въ началѣ знакомства онъ высоко относился къ ея наивной вѣрѣ, такъ потомъ онъ забылъ ее въ своихъ новыхъ помыслахъ за счастье. Онъ винитъ себя, конечно, когда, вѣсивъ о ней, посѣщаетъ ее въ темницѣ; но ему и въ голову не приходитъ, что слово «палачъ», съ которымъ случайно къ нему обращается его сумасшедшая жертва, къ нему какъ нельзя болѣе подходитъ. Онъ больше жалуетъ Гретхенъ, чѣмъ считаетъ себя виноватымъ предъ нею: онъ слишкомъ высоко ставитъ свое умственное развитіе надъ ея наивною непосредственностью. И должно замѣтить, что самъ Гете сочувствуетъ Фаусту: индѣй не замѣтно, чтобы онъ судилъ своего героя за его возмутительно-безправственный поступокъ съ Гретхенъ. Пушкинъ посмотрѣвъ на Фауста иначе: онъ произноситъ строгій приговоръ надъ ученымъ докторомъ. Фаустъ у нашего поэта говоритъ, что есть одно благо,—но когда Мефистофель его обличаетъ, онъ въ ужасѣ прерываетъ его, ибо «тогда обижать явны его совѣсти: Гретхенъ «жертва прихоти» Фауста: любовь ученаго мыслителя къ ней—«стѣнное злое тѣло»... Гете такъ не думалъ: а между тѣмъ это правда, и эту правду понялъ нашъ поэтъ. Взглядъ Пушкина на жизнь оказался нравственно выше міросозерцанія Гете: умственный кругозоръ его оказался шире. Пушкинъ переросъ и германскаго поэта, какъ переросъ Байрона».

Возрѣнія Пезделенова любопытны, какъ курьезъ морализующей критики: здѣсь особенно очевидно, что по существу ей нѣтъ дѣла до разбираемаго произведенія и особенно до его поэтической жизненности. Выходитъ, что стоило Пушкину построже отнестись къ Фаусту—и онъ уже переросъ Гете съ его нравственнымъ и умственнымъ кругозоромъ. Разумѣется, никакихъ возраженій не нужно тамъ, гдѣ достаточно вспомнить, что Фаустъ Гете, при всѣхъ своихъ романыхъ силахъ и высокомъ идеалистическомъ порываніи, все-таки есть для поэта не идеаль, а воплощеніе человѣка во всей его противорѣчивости, въ безднахъ паденія и высотѣ полета. На борьбу

между «двумя дунами въ его груди» уходятъ дунія жизненныя силы Фауста, но въ исканіи истины бытія, въ исканіи своего Бога, своего счастья онъ оказывается побѣдителемъ: его не только прощаетъ Гете, но духи небесъ, отстоявъ его «спелѣнное» отъ злой силы, возносятъ его для прощенія въ горнія обители съ торжественнымъ пѣніемъ: «Wer immer strebend sich bemüht, den können wir erlösen»: «кто въ жизни стремится впередъ неустанно, того избавляемъ отъ гибели мы».

Значительно ниже гетевскаго Фауста поставилъ личность Фауста Пушкина Полывановъ въ своемъ комментированномъ изданіи (1887). Для него «Фаустъ Пушкина—Фаустъ только по имени. Это—не человекъ борьбы, которому суждено въ концѣ концовъ восторжествовать надъ духомъ отрицанія: это—мысль, созданная для прунескъ конки. Онъ замаскированъ изъ гетевскаго Фауста лишь педовольство жизнью... но не носитъ въ груди того бога, котораго чувствуетъ въ себѣ Фаустъ Гете... Онъ не одаренъ тѣмъ двойственнымъ духомъ, который мучитъ Фауста Гете»... Онъ «всецѣло во власти своего Мефистофеля и зараженъ до самаго сердца его скептицизмомъ. Обладая лишь одною изъ тѣхъ двухъ дунъ, которыя чувствовала въ себѣ Фаустъ Гете, этотъ Фаустъ—ничтожный человекъ. О немъ Мефистофель не могъ бы сказать того, что онъ говоритъ о Фаустѣ Гете:

Ему думана судьба,
Впередъ летящая и чуждая оковы,
Въ своемъ стремленіи пылкой душою
Земныя радости онъ презирать готовъ.

«Съ своимъ ничтожнымъ запасомъ силъ Фаустъ Пушкина перенялъ, однако же, повелительный тонъ Фауста Гете, который привыкъ имѣть бѣса на послышкахъ... Но у Фауста Пушкина этотъ повелительный тонъ звучитъ простымъ капризомъ». Фаустъ Гете не знаетъ скуки: его любовь къ Гретхенъ извѣдала не отъ пресыщенія; онъ самъ, проклиная своего искателя, говоритъ Мефистофелю, что она способна возродиться. А пушкинскій Фаустъ ничего не можетъ возразить Мефистофелю, когда тотъ напомнилъ ему о той скукѣ пресыщенія, которая осталась у него одна послѣ первыхъ минутъ обладанія: въ душѣ согласный съ нимъ Фаустъ «въ тѣнѣхъ сонитъ его отъ себя, но не потому, почему тьмалъ отъ себя Мефистофеля Фаустъ Гете, а и

тому, что видить, что Мефистофель слишком правъ и хорошо понимаетъ его. Онъ не умѣетъ сорвать свою злобу иначе, какъ капризнымъ и безмысленнымъ приказаніемъ утопить испанскій корабль». Общее мнѣніе Поливанова склоняется къ тому, что Фаустъ Пушкина есть, такъ сказать, развитіе образа Ойбгвина: здѣсь «Пушкинъ довелъ до конца тогъ образъ слабого духомъ средняго человѣка, который, какъ кошмаръ, угнетаетъ его поэтическую фантазію въ ту пору», когда онъ писалъ «Ойбгина», «послѣ увлеченія гордыми героями Байрона, раздражаемыми вѣчно неудовлетворяемыми запросами души, когда поэтъ перенесъ свой взоръ на дѣйствительность и заглянулъ въ душу людей, ихъ окружающихъ». «Сцена изъ Фауста» есть «сатира на байронизмъ тѣхъ людей, у которыхъ царствуетъ въ душѣ какой-то холодъ гайный, когда огонь горитъ въ крови». Наоборотъ, образъ Мефистофеля у Пушкина представляется Поливанову вполне согласнымъ съ образомъ, даннымъ Гете. «Это тогъ Мефистофель, который проситъ у Господа власти надъ Фаустомъ, чтобы играть съ нимъ, какъ «кошка съ мышью». Это тогъ бѣсъ, который, по словамъ Фауста «не будучи въ силѣ разрушать великое, началъ разрушать по мелочамъ». Оставивъ въ сторонѣ всякое иное значеніе Мефистофеля, Пушкинъ именно воспроизвелъ одно изъ этихъ его разрушеній «по мелочамъ». Противорѣчьемъ казалось бы то, что у Пушкина Мефистофель внушаетъ Фаусту необходимость скуки, тогда какъ у Гете онъ обѣщаетъ ему радости. (Но Мефистофель Пушкина не есть повтореніе Мефистофеля Гете, а его продолженіе. Онъ не былъ бы послѣдователемъ самъ себѣ, если бы отвѣтилъ иначе жалобѣ Фауста на скуку).

Болѣе обоснованными, чѣмъ эти, вполне законныя въ своей субъективности, но совершенно недостаточныя оцѣнки, являются научныя попытки связать біографическія «Сцену изъ Фауста» съ настроеніями поэта, дать ей историко-психологическое объясненіе на почвѣ извѣстныхъ намъ фактовъ изъ жизни Пушкина. Уже Стоюнинъ ⁶⁾ намѣтилъ основы для такой исторической оцѣнки; ихъ пересмотрѣлъ и дополнилъ г. О. Некрасовъ въ указанной уже работѣ. И для него Фаустъ

Пушкина, дѣйствительно, не гетевскій Фаустъ — но почему?

«Потому ли, что Пушкинъ не могъ дать Гетевского Фауста? Или потому что онъ не хотѣлъ давать его? Можетъ быть, и потому, что въ то время, когда создавалась сцена (1826 годъ), Пушкинъ еще не проникся вполне духомъ Гетевского Фауста: изъ приведенныхъ выше четырехъ отзывовъ о Фаустѣ только одинъ относится къ 1827 году, всѣ другіе болѣе позднато времени. Намъ кажется, что на созданіе Пушкинымъ своего, а не Гетевского Фауста гораздо большее вліяніе имѣли причины совѣмъ иного свойства, чѣмъ пониманіе или непониманіе Гете, именно причины психологическаго характера, связанныя тѣсно съ тѣмъ, что переживалъ самъ поэтъ, т. е. мы склонны думать, что Пушкинъ и не думалъ давать въ своемъ «Фаустѣ» Гете».

Дѣло въ томъ, что время созданія «Сцены изъ Фауста» было для Пушкина временемъ томительной тоски. Общественная жизнь съ кровавымъ началомъ новаго царствованія придушена желѣзною рукою побѣдителя; друзья поэта, какъ Пушкинъ или Кюхельбекеръ жестоко расплачиваются за попытку обновить русскую жизнь: общество, смеходительность забавнику «Русская Людмила» перестаетъ понимать творца «Ойбгина»; между тѣмъ поэту — въ лучшемъ случаѣ — приходится жить въ этомъ мелочномъ и пошломъ обществѣ, приходится выносить уколы унижительной борьбы съ Бенкендорфомъ и т. д. Около этого времени онъ горько жалуется Осиповой на «скверную прозу своего настоящаго существованія», набрасываетъ печальному характеристику свѣтской жизни въ VIII главѣ «Ойбгина», 26 мая 1828 г. подчеркиваетъ свою тоску въ чудныхъ строфахъ стихотворенія «Даръ напрасный, даръ случайный:

Цли нѣтъ перестю мною,
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томить меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ...

Совокупность этихъ данныхъ и дала Стоюнину основаніе охарактеризовать настроеніе поэта въ эпоху созданія «Сцены изъ Фауста», какъ «томительное, тоскливое состояніе, которое онъ называлъ скукою. Это не та обыкновенная скука празднаго человѣка, не знающаго, куда дѣвать свое время. Это совѣмъ особенное чувство, являющееся отъ неудовлетворенныхъ тре-

⁶⁾ Историческія сочиненія, ч. II, Пушкинъ, СПб. 1881.

богатѣй духовной жизни, не оставляющее человека и во время труда, и въ минуты пріятныхъ впечатлѣній».

Значительнѣе этихъ указаній считать г. О. Некрасовъ то, что еще изъ Михайловскаго въ 1825 году, т. е. раньше времени созданія «Сцены между Фаустомъ и Мефистофелемъ», Пушкинъ писалъ Рылѣву: «Тебѣ скучно въ Петербургѣ, а мнѣ скучно въ деревнѣ. Скука есть одна изъ принадлежностей мыслящаго существа. Какъ быть?» Изъ этихъ словъ видно, что чувство скуки, неудовлетворенности современной русской дѣйствительностью свѣдало Пушкина еще во время жизни въ Михайловскомъ, и начата была сцена подъ впечатлѣніемъ этого чувства; а по пріѣздѣ въ Москву, когда первое, впрочемъ, очевидно, очень кратковременное увлеченіе свѣтскими удовольствіями, которыхъ Пушкинъ такъ долго былъ лишень, прошло послѣ того, какъ онъ позналъ пошлость «высшаго свѣта», это чувство только усилилось, обострилось, стало еще болѣзненнѣе чѣмъ раньше, найдя благоприятную для себя пищу; такъ что, и окончательную отбавку сцена получила подъ впечатлѣніемъ того же чувства «скуки». Изъ приведеннаго отрывка, взятаго изъ письма къ Рылѣву, явствуетъ, что Пушкинъ считалъ такое состояніе духа какъ бы «стихической чертой» современнаго образованнаго, мыслящаго человека». Въ связи съ этимъ О. Некрасовъ присоединяется къ мнѣнію Стоюнина, что «Новая сцена между Фаустомъ и Мефистофелемъ» находится въ тѣсной связи съ этимъ взглядомъ Пушкина. Она была создана, по словамъ Стоюнина, или, вѣрнѣе, получила окончательную обработку какъ разъ «скорѣ послѣ того, какъ онъ снова вступилъ въ кругъ столичной жизни и, отдаваясь ей удовольствіямъ, быстро дошелъ до мысли объ ея пошлости. Скука его лишь усилилась, и подъ ея впечатлѣніемъ создался у него образъ Фауста съ неизбѣжнымъ его спутникомъ Мефистофелемъ»—таково мнѣніе Стоюнина, не совсѣмъ справедливое только въ послѣдней своей части: сцена начала была еще до пріѣзда изъ ссылки, и по пріѣздѣ изъ ссылки могла только до-создаться. «Пушкинскій Фаустъ», справедливо говоритъ далѣе Стоюнинъ, «съ родни Евгениі Олѣиной, который, въ свою очередь съ родни самому Пушкину. Это—русскій Фаустъ, т. е. современнѣй Пушкину образованный человекъ, развитый членомъ и не нашедшій себѣ въ общественной

жизни дѣятельности по душѣ; какъ существо мыслящее, онъ осудилъ все свои прежнія сердечныя увлеченія, свою пустую свѣтскую жизнь, для которой и былъ воспитанъ... Вотъ какого рода скука была знакома многимъ русскимъ людямъ изъ свѣтскаго общества, у которыхъ умъ былъ возбужденъ односторонне и которые рано извѣдали жизнь въ разныхъ юношескихъ увлеченіяхъ, ослабивъ имъ энергію своей души. Это были люди раздвоенные: у нихъ не было дѣятельности, которая занимала бы одинаково ихъ умъ и сердце; оно было пусто и искало себѣ жизни; а между тѣмъ размышляющій умъ анализировалъ всякое чувство и увлеченіе, находилъ его пошлымъ, осуждалъ и подавлялъ въ самомъ началѣ, не давъ развиваться тому наслажденію, которое отъ него ожидалось. Люди безъ идеаловъ и съ идеалами, но непримѣнимыми къ жизни, одинаково скучали и постоянно думали о томъ, чѣмъ бы подавить свою скуку. Если ихъ можно сблизить съ настоящимъ Фаустомъ, то развѣ противоположностями» — что, впрочемъ, «относительно не исключаетъ, конечно, принадлежностей и Пушкинскому и Гетеовскому Фаусту общей имъ «рефлексіи»; различіе въ дѣлахъ, къ которымъ они стремились. «Тотъ искалъ познаній, чтобы удовлетворить жажду своего ума; эти, угомяясь одними размышленіями ума, искали жизни для сердца, которое не удовлетворялось тѣмъ, что давала жизнь. Пушкинскій Фаустъ нашелъ, что «въ глубокое знаній жизни дѣлать» и «проклялъ знаній ложный свѣтъ». Мы согласны съ Стоюнинымъ также и въ томъ, что «ночь этого типа (т. е. типа, отразившійся въ Евгениі Олѣиной и Фаустѣ) мы не можемъ вполнѣ подвести нашего поэта, который находилъ себѣ исходъ къ своему творчеству и ясно сознавалъ задачу своей жизни: но тѣмъ не менѣе онъ переживалъ такое чувство (т. е. чувство скуки въ указанномъ выше смыслѣ), въ виду тѣхъ противоположностей жизни, которыя мѣшали ему исполнять эту задачу».

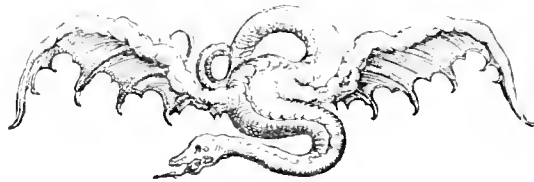
Въ концѣ концовъ г. Некрасовъ полагасть, что сближеніе «Сцены изъ Фауста» съ поэтическими произведеніями классиковъ Западной Европы, приводитъ къ мнѣнію Курничникова, что «Пушкинскій Фаустъ» представляетъ «амальгаму и изъ Гете и Байрона», такъ какъ находимъ въ немъ тѣ же байроническіе отголоски, какіе встречаемъ, напримѣръ, и въ «Евгениі Олѣ-

лишь», и вместе съ тѣмъ общую и Гетевскому и Пушкинскому Фаусту рефлексію. Однако, при этомъ надо замѣтить, что какъ байроническіе оглооски Евгѣнія Онегина, который «съ родни самому Пушкину» и Фауста (Пушкинскаго), который «съ родни Евгенію Онегину», такъ равнымъ образомъ и рефлексія, которая присуща и самому поэту, коренятся въ самыхъ условіяхъ жизни тогдашняго русскаго общества, а не представляютъ просто замствования, наноснаго явленія въ произведеніяхъ Пушкина, т. е. здѣсь простое сходство, совпаденіе настроеній, а не замствование».

Такимъ образомъ изслѣдователи опирающіеся на біографическія данныя, приходятъ къ мысли, что Пушкинъ писалъ своего Фауста—съ себя. Это положеніе можно принять лишь съ оговоркой, что, конечно, въ Фаустѣ Пушкинъ и не думалъ дать свой полный портретъ, а только изображалъ свое переходящее настроеніе. Фаустъ—это, такъ сказать, не болѣе, чѣмъ моментальная фотографія поэта со всею ея односторонностью и случайностью. Какъ

картинка мимолетнаго настроенія, «Сцена изъ Фауста» не такъ ужъ рѣзко противопрѣчить и образу гетевского героя. Да, Фаустъ Гете глубже, сознательнѣе, пылнѣе и дѣятельнѣе, чѣмъ Фаустъ Пушкина,—но онъ человекъ, у него могутъ быть минуты тоскливаго разочарованія, когда онъ готовъ успокоить свое раздраженіе даже безцѣльной жестокостью. Если не преувеличивать различіе, если не требовать, чтобы маленькій эпизодъ, созданный Пушкинымъ, изображалъ всего Фауста Гете, если видѣть въ Фаустѣ Пушкина законное дополненіе къ Фаусту Гете, данный вариантъ въ предѣлахъ образа, даннаго пѣмецкимъ поэтомъ, то никакого глубокаго противорѣчія не окажется; «Сцена изъ Фауста» Пушкина съ ея отчетливыми характеристиками, съ ея живымъ и сильнымъ языкомъ, съ ея увлекательнымъ легкимъ стихомъ достойна занять мѣсто въ великой трагедіи, подтверждая тѣмъ какъ всечеловѣческую чуткость Пушкина, такъ и сверхъ-національную всенародность творчества Гете.

А. Горнфельдъ.

Сцена изъ Фауста

182. СЦЕНА ИЗЪ ФАУСТА.

Берегъ моря. Фаустъ и Мефистофель.

ФАУСТЪ.

Мнѣ скучно, бѣсъ.

МЕФИСТОФЕЛЬ.

Что дѣлать, Фаустъ!

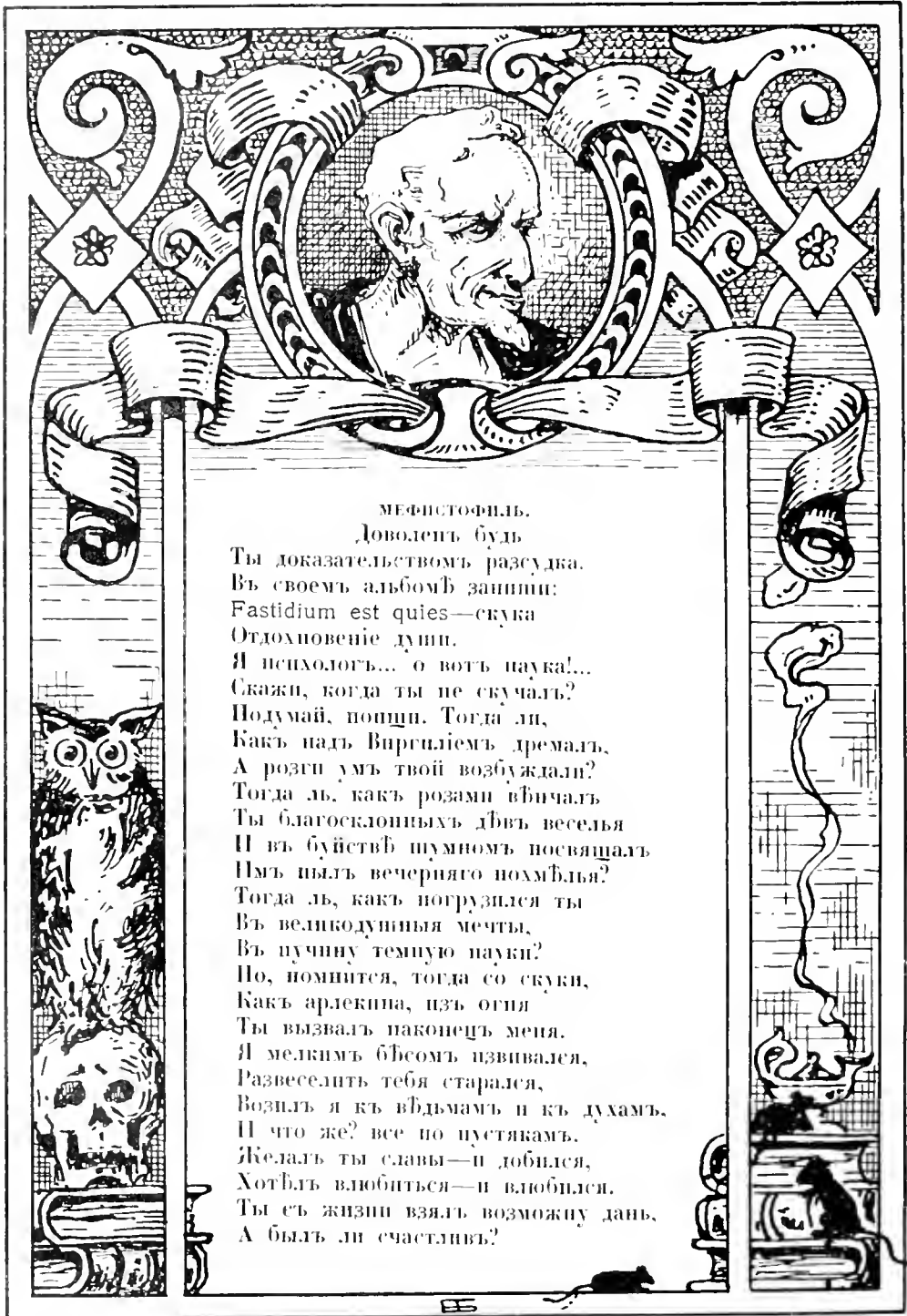
Таковъ вамъ положень предѣль,
Его жь никто не преступаетъ.
Вся тварь разумная скучаетъ:
Ншой отъ дѣви, тотъ отъ дѣвъ;
Кто вѣрнѣ, кто утратилъ вѣру:
Тотъ насладится не уснѣвъ,
Тотъ насладится черезъ вѣру,
И всякъ зѣваетъ да живетъ—
И всѣхъ васъ гробъ, зѣвая, ждетъ.
Зѣвай и ты.

ФАУСТЪ.

Сухая штука!

Найди мнѣ способъ какъ-нибудь
Разсѣяться.

ФАУСТЪ.

Перестань,
 Не растравляй мнѣ извы тайной,
 Въ глубокомъ знаньи жизни пѣть —
 Я проклялъ знаній ложный свѣтъ,
 А слава... дуть ея случайной
 Неудовимъ. Мѣрская честь
 Безмысленна, какъ сонъ... Но есть
 Прямое благо: сочетанье
 Двухъ душъ...

МЕФИСТОФИЛЬ.

И первое свиданье,
 Не правда ль? Но нельзя ль узнать,
 Кого позволить поминать,
 Не Гретхенъ ли?

ФАУСТЪ.

О сонъ чудесной!
 О пламя чистое любви!
 Тамъ, тамъ — гдѣ тѣнь, гдѣ шумъ дре-
 весной,
 Гдѣ сладко-звонкія струи —
 Покоя томную главу,
 Я счастливъ былъ...

МЕФИСТОФИЛЬ.

Тамъ, на груди ея прелестной
 Творецъ небесной!
 Ты бредишь, Фаустъ, наяву!
 Услужливымъ воспоминаемъ
 Себя обманывать ты.
 Не я ль тебѣ своимъ стараньемъ

Так, безразчетный дурачек,
 Вотще рвнись на злое дѣло,
 Зарѣзавъ нищаго въ абеу,
 Бранить ободранное дѣло:
 Такъ на продажную красу,
 Насытись ею горопливо,
 Развратъ коснется бодриво...
 Потому изъ этого всего
 Одно ты выведь заключенье...

Фаустъ.

Сокройся, атское творенье!
 Бѣги отъ взора моего!

Мѣфистофель.

Позволь. Задай лишь мнѣ задачу:
 Безъ дѣла знаешь, отъ тебя
 Не смѣю олушаться я —
 Я даромъ времени не трачу.

Фаустъ.

Что тамъ блѣветъ? говори.

Мѣфистофель.

Корабль Испанскій грехмачтовый,
 Пристать къ Голландію готовый:
 На немъ мерзачевъ сотни три,
 Дѣв обезьянъ, бочки злата,
 Да грузъ богатый шоколата,
 Да мотная болтовня: она
 Недавно намъ подарена.

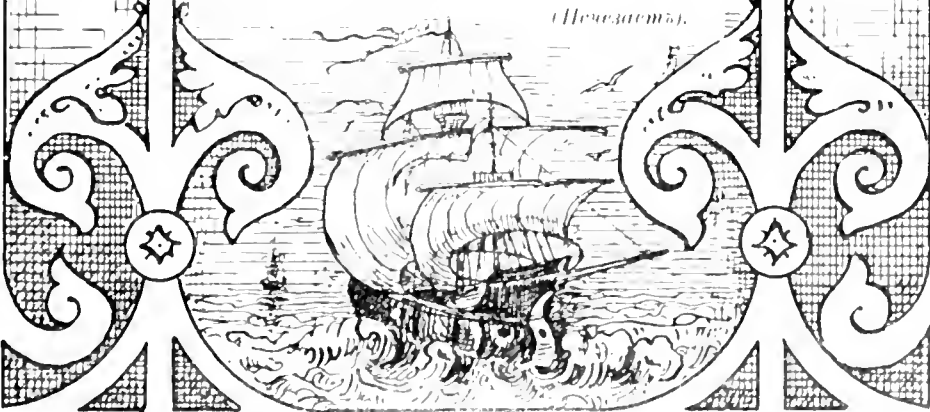
Фаустъ.

Все утопнѣ.

Мѣфистофель.

Сейчасъ.

(Исчезаетъ).

483. ДУША МОЯ НАВЕЛЬ.

Въ дѣтскій альбомъ кн. П. П. Вяземскому—сыну).

Душа моя Навель,
Держись моихъ правилъ:
Люби то-то, то-то,
Не дѣлай того-то,
Кажись, это ясно.
Прощай, мой прекрасной!

484. ОТВѢТЪ Ѳ. А. ТУМАНСКОМУ.

Нѣтъ, не Черкешенка она:
Но въ доли Грузіи отвѣтка
Такая дѣва не сошла
Съ высотъ угрюмага Казбека.
Нѣтъ, не агаты въ глазахъ у ней:
Но вѣбъ сокровища востока
Не стоять сладостныхъ лучей
Ея подуденнаго ока.

485. МОЙ ПЕРВЫЙ ДРУГЪ, МОЙ ДРУГЪ БЕЗЦѢННЫЙ.

Н. П. Пущину).

Мой первый другъ, мой другъ безцѣнный!
И я судьбу благословилъ,
Когда мой дворъ уединенный,
Печальнымъ свѣгомъ занесенный,
Твой колокольчикъ огласилъ.
Молю святое Провидѣнье,
Да голосъ мой душѣ твоей
Даруетъ то же утѣшенье,
Да озаритъ онъ заточенье
Лучемъ лицейскихъ ясныхъ дней.

486. О ТЫ, КОТОРЫЙ СОЧЕТАЛЪ.

Черновой набросокъ .

О ты, который сочеталъ
Съ глубокимъ чувствомъ разумъ вѣрный,
И точный умъ, и (слогъ примѣрный),
О ты, который избѣжалъ
(Сантиментальности) манерной,
(И самый легкій мадригалъ)—
(Умѣлъ)

ПУШКИНЪ ВЪ МИХАЙЛОВСКОМЪ (Посѣщеніе Пущина).

Картина Г.

Ваше письмо получено 10-го
августа 1889 г. и мною
было прочтено. В нем
вы говорите, что вы
хотите знать, что
я думаю о вас и о
вашей деятельности.
Я думаю, что вы
являетесь человеком
серьезным и
добрым. Я думаю,
что вы любите
свою Родину и
хотите ей
служить. Я думаю,
что вы хотите
сделать для
нее что-нибудь
хорошее. Я думаю,
что вы хотите
быть полезным
обществу. Я думаю,
что вы хотите
быть счастливым.
Я думаю, что вы
хотите жить
добродетельно.
Я думаю, что вы
хотите любить
ближних. Я думаю,
что вы хотите
быть верным
христу. Я думаю,
что вы хотите
быть истинным
русским патриотом.
Я думаю, что вы
хотите быть
честным и
добрым человеком.
Я думаю, что вы
хотите быть
полезным для
вашей Родины.
Я думаю, что вы
хотите быть
счастливым и
добрым человеком.
Я думаю, что вы
хотите жить
добродетельно.
Я думаю, что вы
хотите любить
ближних. Я думаю,
что вы хотите
быть верным
христу. Я думаю,
что вы хотите
быть истинным
русским патриотом.
Я думаю, что вы
хотите быть
честным и
добрым человеком.
Я думаю, что вы
хотите быть
полезным для
вашей Родины.

ПРИНТИР ВЪ МЪЗГИТОВЪКЪ Р. ПУБЛИЦИТЕ ПРЪВНА

Издана въ
1889 г.

487. СТАНСЫ.

Въ надеждѣ славы и добра
 Глажу впередъ я безъ боязни:
 Начало славныхъ дней Петра
 Мрачили мятежи и казни.

Но правдой Онъ привлекъ сердца,
 Но нравы укротилъ наукой,
 И былъ отъ буйнаго стрѣльца
 Предъ Нимъ отличенъ Долгорукой.

Самодержавною рукой
 Онъ смѣло съялъ просвѣщенье,
 Не презиралъ страны родной:
 Онъ звалъ ея предназначенье.

То академикъ, то герой,
 То мореплаватель, то плотникъ,
 Онъ всеобъемлющей душой
 На тронѣ вѣчный былъ работникъ.

Семейнымъ сходствомъ будь же гордь,
 Во всемъ будь Ираццуру подобень:
 Какъ Онъ неутомимъ и твѣрдъ,
 И памятью, какъ Онъ, незлобенъ.

ОТГОЛОСКИ УВЛЕЧЕНИЯ БАЙРОНОМЪ: РАЗОЧАРОВАНИЕ, ГРЕЗЫ О СВОБОДѢ ВЪ ЦИВИЛИЗОВАННОМЪ ОБЩЕСТВѢ И СОМНѢНІЯ ВЪ ПОЭЗИИ ПУШКИНА *)

I. Лучшій поэтическій образъ высшихъ стремленій человека новаго времени—Гётевскій Фаустъ. Ему присущи глубочайшія муки души, онъ отягченъ сознаниемъ вины, но постепенно возвышается до духовнаго просвѣтленія, до универсальной широты созерцанія и моральнаго сознания. Въстѣ съ тѣмъ Фаустъ—воспроизведение душевной жизни самого поэта, переживавшаго въ сущности то же, что волновало, сбидало душу и, претворившись, окрыляло новизны порывами его Фауста.

По тому же гернистому пути идетъ и всякій великій поэтъ новаго времени, начиная съ Данте: прошелъ той же дорогой и нашъ первый истинно великій поэтъ Пушкинъ.

Въ годы своей юности Пушкинъ, какъ бы совмѣщая въ себѣ стремленія XVIII-го и начала XIX-го вв., являлся въ серьезной, не эротической, части своего творчества по преимуществу поэтомъ протеста и обличенія, возмнивъ себя какъ въ русскимъ Вольтеромъ, и одновременно—тоски, воспѣтой поэтами т. наз. міровой скорби. Пушкинъ открылъ такимъ образомъ либеральное течение въ нашей поэтической поэзии и вопли отчетливо намѣтилъ не только грустныя, но и тоскливыя ноты ея. Онъ съ юныхъ лѣтъ поддавался меланхолическому настроенію, которое прорывалось въ его творествѣ на ряду съ жизнерадостностью:

. . . быстрой, быстрон чередой
Тогда смѣнялись впечатлѣнья:
Веселье—тихою тоской.
Нечадь—восторгомъ упоенья²⁾.

*) Настоящій этюдъ является дальнѣйшею разработкою мыслей, намѣченныхъ въ моей книгѣ «Пушкинъ въ ряду великихъ поэтовъ новаго времени», I, К., 1900, гдѣ въ примѣч. 2-мъ на стр. 155 можно найти указанія и на литературу вопроса о байронизмѣ Пушкина, почти не обогатившуюся послѣ того ничѣмъ, заслуживающимъ особаго вниманія, если не считать статьи Александра П. Веселовскаго: «Этюды о байронизмѣ» (Вѣстн. Евр., 1905, № 3), результаты которой вошли и въ новое (3-е) издание книги того же Веселовскаго: «Западное вліаніе въ новой русской литературѣ», М., 1906, и переизданія свода статей В. Сиповскаго въ его книгѣ «Пушкинъ» Сиб. 1907.

† Сочиненія и письма А. С. Пушкина, подъ ред. П. О. Морозова, т. IV, Сиб., 1903, 624.

Правда, въ мартѣ 1816 г. Пушкинъ еще издѣвался надъ любителями сельскаго уединенія³⁾, но потомъ грусть и тоска не разъ овладѣвали его душой и отзывались въ его поэзи. Это течение русской поэзи, вообще склонной къ грустному созерцанію, во главѣ котораго на время стало было Пушкинъ, не было лишь простымъ подражаніемъ иноземнымъ образцамъ. Какъ лучшие люди Запада во второй половинѣ XVIII-го вѣка и въ началѣ XIX-го, не удовлетворяясь цивилизаціею своего общества и времени, не знали иного выхода, кромѣ духовнаго бѣгства отъ вызывавшей ихъ недовольство общественности, такъ должны были они направиться въ ту же сторону и у насъ въ силу соотвѣтственности условій. Но, конечно, въ выработкѣ поэтической меланхоліи у насъ должны были участвовать и великіе поэты Запада.

Популярнѣйшимъ послѣ Гёте изъ современныхъ Пушкину этихъ поэтовъ былъ Байронъ («мученикъ суровый»), который «страдалъ, любилъ и проклиналъ», но выраженію нашего поэта. Байронъ явился величайшимъ выразителемъ меланхоліи и міровой скорби, глубокаго раздумья надъ судьбою міра и человека и также неукротимаго стремленія къ свободѣ, блестящихъ идеаловъ мощной личности, доходившей до демонизма въ мятежномъ отрицаніи ажи и лицемерія, въ необязанномъ желаніи справедливости и свободы личности. При этомъ онъ искалъ славы, наслажденій и любви и удивительно соглашалъ свою жизнь со своею поэзіею. Онъ чрезвычайно увлекалъ читателей, въ томъ числѣ и русскихъ⁴⁾, и сталъ образцомъ для подражанія со стороны цѣлаго ряда поэтовъ, названныхъ байронистами.

Пушкина влѣблала довольно рано «поэзія мрачная, богатырская, сильная байроническая»⁴⁾. Нашъ поэтъ находилъ у Байрона

2) Перенеска Пушкина, изд. Имп. Ак. Наукъ подъ ред. В. П. Сажнова, т. I, Сиб., 1906, стр. 2. Въ дальнѣйшихъ ссылкахъ будемъ обозначать это издание пинциалами П. ер. 3 См. записки К. А. Полевого. Въ Петербургскомъ Англійскомъ Клубѣ бесѣдовали «О Байронѣ и о матерьяхъ важныхъ», 4 Пер., I, 28.

«страшную истину»⁵⁾, и сколь ничтожною казалась ему въ сравненіи съ послѣднею классическая поэзія французовъ: «Разнишь понятія не имѣлъ объ созданіи трагическаго лида; сравни его съ рѣчью молодого любовника Паризины Байроновой, увидишь разницу умовъ»⁶⁾. Но, тѣмъ не менше поэтъ критицизма Байронъ былъ лишь однимъ изъ дѣлаго ряда могучихъ создателей критической мысли, думъ, меланхоли и вдохновенія нашего поэта въ годы его юности.

Это первѣко однако забываютъ, и одно-стороннее сопоставленіе Пушкина съ Байрономъ можетъ назваться общимъ мѣствомъ многихъ разсужденій о нашемъ поэтѣ, уже начиная съ дѣтъ его молодости. Не совѣтъ расположенные къ нему хотѣли сказать такимъ сравненіемъ, что Пушкинъ—не болѣе, какъ «слабый подражатель не особенно похвального оригинала»⁷⁾. Почитатели же Байрона и Пушкина въ близости послѣдняго къ первому усматривали еще болѣе правъ на громкую славу, уже въ ранней юности обвѣнчившую чело нашего поэта. Были, конечно и тогда болѣе осмотрительныя сужденія въ родѣ высказаннаго кн. З. А. Волконской (29 октября 1826 г.)⁸⁾.

Теперь, послѣ болѣе или менше обстоятельнаго изученія отношеній поэзи Пушкина къ западно-европейской, приходится соблюдать необходимую осмотрительность въ этомъ вопросѣ, воздерживаясь отъ опрометчивыхъ сужденій въ родѣ того, которое было высказано поэтомъ Минскимъ, заявившимъ, что «смѣтенная тоска, громкая мировая скорбь, духъ гнѣва и печали, словомъ, все то, что принято называть байронизмомъ, по традиціи Пушкина и Лермонтова, до снхъ поръ омрачало русскую поэзію, торжло на ней, какъ чужное пятно», въ противоположность повѣйшему настроенію ея⁹⁾. Только въ послѣднее время болѣе тщательный анализъ произведеній Пушкина начинаетъ вполнѣ раскрывать значительную оригинальность нхъ въ силу связи съ личною жизнью поэта, такъ что вопросъ о непосредственномъ вліяніи Байрона на Пушкина сводится до значительно меньшаго размѣровъ.

Это вліяніе было лишь однимъ изъ многочисленныхъ звеньевъ, изъ которыхъ складалась широкая и многосторонняя духовная

жизнь нашего поэта, и было болѣе или менше замѣтно только въ одинъ изъ болѣе раннихъ періодовъ творчества Пушкина.

II. Оно давало себя знать преимущественно въ годы 1820—1824, проведенные Пушкинымъ на югѣ, когда такъ надъ освободительныя идеи бродили въ умахъ многихъ выдающихся русскихъ людей того времени, когда было во всей силѣ броженіе еще не установившихся душевныхъ силъ и въ поэтѣ, когда въ немъ кипѣла молодая протестъ противъ естественныхъ условій государственности и общественности, достигли высшаго напряженія бурныя стремленія и титаническіе порывы и одолавали смутныя томленія по идеалѣ, не вполнѣ еще обрисовавшемуся его сознанію. Въ тѣ годы начиналась и у насъ, какъ во Франціи, усиленная борьба классиковъ съ романтиками. Свѣжія силы примыкали въ большинствѣ случаевъ къ послѣднимъ, и тому же теченію послѣдовали и Пушкинъ, который въ письмѣ отъ 13 іюня 1824 г. называлъ себя «Разбойникомъ-Романтикомъ»¹⁰⁾. Тѣ же годы ознаменовались и наибольшимъ увлеченіемъ нашего поэта Байрономъ, что совпало и съ наибольшимъ тяготѣніемъ его къ западно-европейскому міру:

Я жилъ тогда въ Одессѣ пыльной,
Тамъ все Европой дышетъ, вѣетъ,
Все блещетъ югомъ и нестройетъ
Разнообразностью живою,

вспоминалъ Пушкинъ¹¹⁾.

Байронъ былъ очень по душѣ Пушкину въ тѣ годы плыанія изъ общества столицы и пылаго неканія новыхъ темъ. Тогда въ особенности Пушкинъ возлагалъ надежды на вліяніе англійской поэзи¹²⁾.

Байронъ былъ родственъ Пушкину въ силу совпаденія въ нѣкоторыхъ чертахъ характера, въ бурныхъ порывахъ темперамента, въ судьбѣ и настроеніи, приближавшихъ нашего поэта къ англійскому.

Другъ Пушкина, кн. П. А. Вяземскій, справедливо замѣтилъ, что душа Пушкина была также кипучая бездна огня, какъ Байроновская, по выраженію Козлова, Ну Пушкинъ

5) Тамъ же I, 35. 6) Тамъ же I, 95. 7) Ср. Записки Смирновой, I, 46. 8) «Tantôt sauvage, tantôt sur terre; tantôt Shakespeare et Byron, tantôt Arioste, Anacreon, mais toujours Russe...» Перс. I, 377. 9) Ср. Миръ Божій 1899, N 12, Критич. замѣтки.

10) Перс. I, 117—11. Ср. тамъ же, I, 34, прибавить бы я въ Одессу... поплавать чистымъ Европеемъ, воздухомъ; I, 75; останься мнѣ Молтавно и являйся въ Европу; I, 84; Одесса, городъ Европейскій; см. еще I, 89, 120 Тамъ же, I, 47.

11) Англійская словесность начинаетъ вѣдѣть влиане на Русскую. Думаю, что оно будетъ постепенно влианя Французской поэзи, робкой и жеманной.

кина была «душа мятежная»¹³⁾. Его также называли «grand libertin»¹⁴⁾. Самъ Пушкинъ сознавался:

Умъ на разныя забавы
Я много жизни погубилъ,
И хладно пилъ изъ чашы сладострастья¹⁵⁾.

Но онъ любилъ также

. . . бурною душою
Съ такимъ тяжелымъ напряженьемъ

и проч.¹⁶⁾. Онъ былъ знакомъ между прочимъ и «съ Гречанкой, которая цаловалась съ Байрономъ»¹⁷⁾. Подобно Байрону, Пушкинъ сталъ «жертвою несчастнымъ силетней» при первомъ же шагахъ къ славъ Пушкинъ встрѣтилъ зависть и ненависть и рисовался этимъ¹⁸⁾, какъ и древностью своего рода¹⁹⁾. Наконецъ, и онъ «часто бывалъ

13. Соч. и письма А. С. Пушкина, изд. подъ ред. Морозова, т. I, стр. 366. 14) Пер., I, 332. 15) «Евгеній Онегинъ». — Сочиненія Пушкина, издание Императорской Академіи Наукъ, т. второй, Спб. 1905, стр. 19. Это издание мы будемъ обозначать въ ссылкахъ: Соч. П., II, 16) См. злетіе: «Подъ небомъ голубымъ». 17) Пер., I, 68. 18) О силетняхъ Пер., I, 48; ср. 138. Въ стих. «Желаніе» (1821): «изгнанникъ». Въ посвященіи «Кавказскаго Пльиника» по одному изъ вариантовъ (см. Соч. А. С. Пушкина, ред. П. А. Ефремова, т. II, Спб. 1903, стр. 303) говорилось о «пльини изгнанной злры»: Гибельчъ неправилъ: «пустынной» (Соч. П., II, примѣч., 447 и 373). Тамъ же:

Я рано скорбь узналъ, постигнуть былъ го-
вешемъ.

Я жертва клеветы и метильныхъ невѣждъ.

Соч. П., II, 226; ср. примѣч., стр. 449. Въ стих. Къ Языкову» (1821):

Давно безъ крова я пошусь,
Куда подуетъ самовластье;
Ущувъ, не знаю, гдѣ проснусь;
Всега гоимъ, теперь въ изгнаньѣ
Владу закованые дни.

Въ сентябрѣ 1825 г. Пушкинъ писалъ Вяземскому: «мысли твои объ общемъ мѣвнѣ, о суетѣ гоненія и страдальчества (положимъ) справедливы—но помилуй... это моя религія; я уже не фанатикъ, но все еще набоженъ». Въ концѣ: «Ты вбилъ ему (Горчакову), что я объявляюсь гонимымъ—Охъ душа моя—меня тошнить... но предлагаемое да влѣтъ» (Пер., I, 288 и 290). 19) Рылѣевъ писалъ Пушкину въ июль 1825 г.: «Ты сдѣлался аристократомъ, это меня развѣшило. Тебѣ ли чваниться пяти-сотлѣтнимъ дворянствомъ? И тутъ вижу младенческое подражаніе Байрону. Будь, ради Бога, Пушкинымъ» (Пер., I, 232. Огвѣтъ Пушкина—тамъ же, 233; ср. тамъ же, 235, июль 1825): «я всегда былъ склоненъ аристократическовать». Но раньше культъ родовитости Пушкинъ соединялъ съ демократическими расположеніями (см. Пер., I, 135 о демократическомъ дружелъ 1818 года и др.). Объ аристократизмѣ Байрона онъ отзывался такъ:

. . . Нашъ лордъ,
Какъ говорить о немъ предающе,

подверженъ такъ называемой хандрѣ»²⁰⁾, и «страдалецъ вдохновенный»²¹⁾ былъ близокъ ему и въ этомъ отношеніи. Такимъ образомъ, Пушкину были уже знакомы Чапильдъ-Гарольдово пресыщеніе, разочарованіе и охлажденіе къ жизни и по личному опыту, а не только литературнымъ путемъ—изъ французскихъ писателей второй поло-

Не только былъ отменно гордъ
Великимъ даромъ исповѣнья,
Но и случайностью рожденъ...

(Соч. А. С. Пушкина, ред. П. А. Ефремова, т. III, стр. 559) и протестовалъ противъ толковъ, что онъ подражалъ въ томъ Байрону: «Я русскій дворянинъ, и я знаю своихъ предковъ прежде, чѣмъ узналъ Байрона» (Соч. и письма А. С. Пушкина, ред. Морозова, т. VI, критическія замѣтки (1830—31), стр. 273). Въ письмѣ къ Бенкендорфу 24 ноябрю 1831 г. Пушкинъ такъ изложилъ свое отношеніе къ гордости родовитости: «J'avoue que je tiens à ce qu'on appelle des préjugés; je tiens à être aussi bon gentilhomme que qui que ce soit quoique cela ne rapporte pas grand chose; je tiens beaucoup enfin au nom des mes ancêtres, puisque c'est le seul héritage qu'ils m'ont laissé» (Соч. и письма А. С. Пушкина, ред. Морозова, т. VIII, 267). См. еще письмо къ П. Г. Реннину 5 февр. 1836 (тамъ же, 380). 20) Пер., I, 58; ср. тамъ же, 76: «У меня хандра»; I, 87: «скучно: вотъ прииѣвъ моей жизни»; I, 137: «la rage de l'ennui qui consume ma folle existence»; I, 138: «l'ennui est une froide mi-er»; «скука смертная вездѣ»; I, 153 о Вяземскомъ: «какъ могъ онъ на Руси сохранить свою веселость»; I, 178: «миѣ довольно скучно»; I, 203 «у меня хандра»; I, 220: «тебѣ (разумѣется Рылѣевъ) скучно въ Петербургѣ, а миѣ скучно въ деревнѣ. Скука есть одна изъ принадлежностей злыщащаго существа» (П. Морозовъ, Соч. и письма А. С. Пушкина, т. VIII, 461 указываетъ для параллели въ «Сцеиѣ изъ Фауста»: «скука—отдохновеніе души»; I, 221: «Михайловское душно для меня»; I, 231: «душно, а скучно»; I, 286—287 «звнши... хандру»; I, 321: «скучно, мочи нѣтъ». Такія же призванія находимъ и въ поэзи Пушкина. Въ «Элегіи 1821:

Живу печальный, одинокій.

Въ одной рукописи и въ журналѣ есть такой вариантъ:

Живу печальный, равнодушный.

Соч. и письма А. С. Пушкина, ред. Морозова, I, 389. Въ стих. «Воина» 1821:

Я таю, жертва злой отравы.

Ноюмъ бѣднѣть меня: нѣтъ власти надъ собой... (Тамъ же, 281). Въ стих. Къ моей чернильницѣ» 1821:

Минуты хладной скуки,
Сердечной пустоты.

(Тамъ же, III, 670). Увильный умъ» (тамъ же, I, 306). Въ 1830-хъ годахъ опять прорываются въ письмахъ подобныя жалобы. См. Соч. и письма А. С. Пушкина, ред. Морозова, VIII, 193: «мочи нѣтъ, скучно»; VIII, 210: «грустно, тоска, тоска!» VIII, 218: «Мштеленъ и хандривъ»; VIII, 233: «Грустно, тоска!» VIII, 235: «У меня сегодня spî eu—прерываю» письмо мое, чтобъ тебѣ не передать моей тоски»; VIII, 305: «хандра грызла меня». 21) Стих.: Къ Гречанкѣ.

вины XVIII-го и начала XIX-го вв. на-
такивавших на раздумье о человеческом
существовании и смерти. Напрасно Пуш-
кинъ считать элегию дѣйствиемъ преимуще-
ственно XIX-го вѣка. Конечно, Пушкинъ
не поддавался всецѣло грусти и тоскѣ и
«отдѣлать элегиковъ» въ эпитаграммѣ «Соло-
вей и Кукушка», какъ выразился Баратын-
скій, который замѣтилъ, «что стало очень
приторно»

Вытѣ жеманное поэтось нашихъ дѣтъ²⁰⁾.

Еще болѣе роднило британскаго и рус-
скаго поэтовъ совпаденіе въ творчествѣ того
и другого.

У Байрона находимъ страданіе личное
и за все человечество, за жалкихъ и по-
корныхъ людей и стремленіе къ освобо-
жденію всѣхъ угнетенныхъ. У Пушкина
также видимъ рѣзко выраженныя свободо-
любивыя стремленія. Онъ воспѣвалъ

Мечту прекрасную свободы
И ея сладостно дышалъ.

Въ 1821 г. онъ писалъ о себѣ то же,
что можно было сказать и о Байронѣ:

..... у столба сатиры
Развратъ и злобу я казнилъ
И развратій голосъ дилы
Винныхъ въ ужасъ приводилъ;
..... пламеннымъ волненьемъ,
И бурями души моеи
И жаждой вѣды и гоненьемъ
Я сталъ павѣстенъ межъ людей²¹⁾.

И Пушкинъ сталъ главнѣйшемъ независим-
ности дружище, возставившии прогнѣвъ угне-
теній, народовъ, разочаровавшись въ воз-
можности приобрѣтенія свободы для своего.
Въ концѣ 1823 г. онъ писалъ:

Свободы свѣтель, пустынный,
Я вышель рано, до звѣзды...
Нел., потерялъ я только время,
Благія мысли и труды,
Наспѣсь, мирные народы,
Вась не пробудить чести князя!
Къ чему статамъ тари свободы?
Нхъ должно рѣзать или стричь *и т. д.*²²⁾.

Подобно Байрону Пушкинъ очень прини-
мать къ сердцу дѣло освобожденія Греціи
отъ турецкой неволи²³⁾.

20) Пер., I, 310—311, 317. 21) Соч. и письма А. С. Пушкина ред. Морозова, I, 307—перечень прогнѣвъ независимыхъ стремленій Пушкина см. въ ст. Милзюна: Пушкинъ сынъ вѣка Песторія и поэзія, М. 1900, стр. 313—314. 22) Пер., I, 91. 23) Потомъ Пушкинъ разочаровался въ грекахъ: Пер., I, 118—119.

Оба поэта были привадами свободы²⁶⁾,
и имъ обоимъ постѣ революціонныхъ грезъ
пришлось жить въ рѣзкое время реакціи
и невытывать гоненій, на что они отвѣ-
чали во временахъ всыпшкю вражды къ
родинѣ²⁷⁾. Пушкинъ былъ высланъ изъ
Петербурга главнымъ образомъ за оду
«Вольность»²⁸⁾. Еще въ 1824 г. процѣлалъ
съ южнымъ моремъ, поэтъ писалъ:

Міръ опустѣлъ... Теперь куда же
Меня-бъ ты занесъ, океанъ?
Судьба людей повелю ты же:
Гдѣ каца блага, тамъ на стражѣ
Нхъ просвѣденье, нхъ тиранъ...
Въ дѣса, въ пустыни молчаливы
Перенесу тобою поля,
Твои скалы, твои заливы,
И блескъ, и тѣнь, и говоръ вольн²⁹⁾.

Оба поэта разошлись съ правительствомъ,
великосвѣтскою публикою и угождавшею
ей журналистикою. Публика казалась Пуш-
кину «дѣтскою»³⁰⁾, и онъ вступилъ-было въ
литературную оппозицію правительству³¹⁾,
отъ которой пытались отклонить его авто-

26) «Она свобода—мой кумиръ», писалъ Пуш-
кинъ въ 1821 г. Соч. и письма А. С. Пушкина, ред. Морозова, VIII, 419, 27) У Пушкина такая
вражда бывала непродолжительна.—Въ началѣ ян-
варя 1824 г. онъ писалъ: «Святая Русь мнѣ стано-
вится не въ терпѣнь... меня гонить съ досады—
на что и ввиду, все такая гадость, такая подлость,
такая гадость» (Пер., I, 94). Пушкинъ заманивалъ-
было бѣжать изъ Михайловскаго за границу Соч. и
письма А. С. Пушкина, ред. Морозова, VIII, 452).
«Что мнѣ въ Россіи дѣлать?» задавалъ онъ во-
просъ въ декабрѣ 1825 г. (Пер., I, 314) «Я конечно
презираю отечество мое съ головы до ногъ...
Если Царь дастъ мнѣ свободу, то я вѣсегда не
останусь», писалъ Пушкинъ въ маѣ 1826 г. (Тамъ
же, 352), 28) Соч. П. П. примѣч., стр. 109 и 305
и слѣд. Самый текстъ оды см. тамъ же, 491—494.
Отнесеніе ода къ 1817 г. не выдерживаетъ кри-
тики. См. г. Гнаст, изд., стр. 510—516. См. еще No 1
въ Соч. П. П. примѣч., 4, 5 и 6 вообще о политиче-
скихъ стихотвореніяхъ Пушкина и тамъ же 304—308,
29) Стиховъ. Къ морю, 30) Есть у насъ люди,
которые выше ея: этихъ она неостозна чувствовать
(Пер., I, 44); publique que je méprisais.
тамъ же, I, 222; публика наша гадна Соч. и
письма А. С. Пушкина, ред. Морозова, VIII, 174),
31) Главнымъ образомъ—эпитаграммами. Замѣчаніе
Пушкина объ оппозиціи—Пер., I, 149 и въ Соч.
и письмахъ А. С. Пушкина, ред. Морозова, VIII,
302 о времени Александра I, весь классъ писа-
телей перешелъ на сторону недовольныхъ; мнѣ
нѣе Вяземскаго—Пер., I, 280.—Наряду мнѣ
нѣе Пушкина, поступилъ съ нимъ не только
строго, но и несправедливо Пер., I, 149. Въ
октябрѣ 1824 г. поэтъ былъ готовъ прогнѣвъ какъ
милости, переѣхать изъ Михайловскаго въ одну изъ

ритетельные друзья³²⁾, и пренебрежительно относился къ обществу и журналистикѣ³³⁾.

Потому-то Пушкинъ готовъ былъ подражать Байрону въ жизни³⁴⁾ и не могъ остаться внѣ его вліянія въ своей поэтической дѣятельности, когда и его

Средь оргій жизни шумной
... достигнуть остракизмъ³⁵⁾.

Примыя упоминаемо Байрономъ встрѣчаются въ поэзи Пушкина въ сентябрѣ 1820 г.³⁶⁾, а въ перепискѣ поэта еще позднѣе: не ранѣе марта 1821 г.³⁷⁾.

Значительнымъ препятствіемъ къ полному усвоенію Пушкинымъ поэзи Байрона являлось долго плохое знакомство нашего поэта съ англійскимъ языкомъ, которымъ Пушкинъ началъ заниматься довольно поздно. На первыхъ порахъ онъ читалъ Байрона во французскихъ и русскихъ переводахъ. Онъ плохо зналъ англійскій языкъ еще и въ сентябрѣ 1825 г.³⁸⁾.

крѣпостей» (тамъ же, I, 141). «Я hors la loi», писалъ тогда Пушкинъ (тамъ же, 142), а въ февралѣ 1826 г. онъ опять жаловался на то, что онъ—человѣкъ, «гошмый б дѣтъ срѣду, замаранный по службѣ выключкою, сосланный въ глухую деревню за двѣ строки перехваченнаго письма» (тамъ же, I, 325). 32) Кн. П. А. Вяземскій—Пер., I, 102, 229, 252, 278, 317, 336, 362. Дельвигъ—тамъ же, 133; Катенинъ—тамъ же, 336—337; Жуковскій—тамъ же, 258, 292, 330, 340. Пушкинъ вліялъ этимъ сойтвтамъ въ 1826 г. (тамъ же, 335).³

33) Увидѣвъ я толпы безумной
Презрѣнный, робкій эгоизмъ,
Безъ слезъ оставилъ я съ досадою
Въши широкъ и блестя дѣшъ.

Пер., I, 63. «Je me soucie tout autant de l'opinion de ce public que de l'opinion de nos journaux...» (тамъ же, 115): «придираюсь, одной мыслию этой женщины дорожу я болѣе, чѣмъ мнѣніями всѣхъ журналовъ на свѣтѣ и всѣй нашей публичной» (тамъ же, 121). И въ 1831—1832 гг. Пушкинъ писалъ: «платать передъ публикою не намѣренъ. Да къ тому жъ, ни критика, ни публика недостойны дѣлать возраженій» (Соч. и письма А. С. Пушкина, ред. Морозова, VIII, 251); «угождать публикѣ... было бы слишкомъ низко» (тамъ же, 280).

34) «Comme Lara Hansky, assis sur mon canapé, j'ai décidé de ne plus me mêler de cette affaire-là» (Перев., I, 79): «хочу жеребцовъ вылизывать: вольное подражаніе Алигери и Байрону» (тамъ же, 207). 35) Пер., I, 63, 36. Именно въ лирикѣ Пушкина. См. ниже, 37) Пер., I, 28, 38. Пер., I, 286: «Мнѣ нуженъ Англійскій языкъ—и вотъ одна изъ выгодъ моей сѣлки: не имѣю способовъ учиться, пока пора. Грѣхъ гонимолымъ моимъ!»—Но 21 сентября 1833 г. Пушкинъ писалъ: «Я вѣзь у нухъ Вальтеръ-Скотта и перечитываю его. Жалко, что не вѣзь съ собою и англійскаго». Соч. и письма А. С. Пушкина, ред. Морозова, VIII, 370. Въ «Полтавѣ» эпиграфъ изъ Байрона приведенъ въ англійскомъ текстѣ, но поэтъ не готовилъ и

въ связи съ этимъ возникаетъ вопросъ, понималъ ли Пушкинъ сущность поэзи Байрона? Но мнѣнію некоторыхъ³⁹⁾,—нѣтъ, какъ не понималъ его и Гете. Это утвержденіе не вѣрно, какъ то показываютъ сужденія Пушкина о Байронѣ, относящіяся къ позднѣйшимъ годамъ жизни нашего поэта. Все дѣло лишь въ томъ, что нашъ поэтъ не могъ вполне идти по слѣдамъ Байрона. Это обуславливалось коренными различіями какъ между личностями, такъ и между поэзіею обоихъ писателей, несмотря на сейчасъ указанную близость иль въ другихъ отношеніяхъ.

По словамъ Смирновой, хорошо знавшей Пушкина, нашъ поэтъ «былъ несравненно выше Байрона по столь развитому въ немъ нравственному чувству, по великой примоѣ своей совѣсти». Ср. ниже о «Братьяхъ-Разбойникахъ».

Еще болѣе было различіи между обоими поэтами въ направленіяхъ, въ которыхъ развились основные мотивы ихъ поэзи. Другъ Пушкина въ годы своего пребыванія въ Петербургѣ, Мицкевичъ справедливо замѣтилъ, что Пушкинъ былъ не Байрономъ, а только Байроническимъ поэтомъ, поэтомъ въ родѣ Байрона⁴⁰⁾. Весьма важно, что Пушкинъ началъ довольно рано относиться критически къ поэту, который, изображая своихъ героев, «погрузился въ описаніе самого себя»⁴¹⁾. Это наблюденіе Пушкина подтверждено и повѣйшею критикою, напр. Тэнномъ, но не охватываетъ всего творчества Байрона, напр., поэмы о Донъ-Жуанѣ, на что и указали Пушкину А. А. Бестужевъ и Рылѣевъ⁴²⁾. Тѣмъ не менѣе, не лишено значенія, что Пушкинъ не примыкалъ къ субъективизму Байрона и не всегда

... мараль свой портретъ

переводъ стиховъ Байрона изъ 4-й строфы «Мазель» см. тамъ же III, 613. См. еще ниже прим. 59-39) Г. Здыховскій, напр., говоритъ: «Wegen jener wick, Krak. 1897, 187, что Пушкинъ «nie dorósl do zrozumienia bohatesw Byrona». Въ послѣднее время сужденіе о томъ, что Байронъ оказался не по плечу русскимъ поэтамъ, въ статьѣ П. К. Бокаторова: «Система Шопенгауэра и его ученіе о чистой иль красоты» Сборникъ статей въ честь проф. Ю. А. Кулаковскаго, стр. 160—161. 40) Il n'est qu'un byroniaque. Замѣчанія Мицкевича объ отношеніи Пушкина къ Байрону см. въ русскомъ переводѣ въ «Мірѣ Божіемъ» 1899, № 5, стр. 114—118. 41) Соч. и п. А. С. П., ред. Морозова, VI, 260. См. еще соч. А. С. П., ред. Ефремова, т. VII, стр. 222. Ср. ниже подобное же сужденіе Пушкина о драмахъ Байрона. 42) Пер., I, 187 и 216.

Какъ Байронъ, гордости поэтъ ⁴³⁾.

Пушкинъ, какъ и Байронъ, былъ исполненъ скорби, и это была скорбь не наносная, а искренняя. Западное разочарование, основанное, между прочимъ, на неудачномъ исходѣ грезъ, выразившихся въ революціи, передавалось зловѣ естественно и нашимъ пылкимъ натурамъ. Русскіе порядки возмущали Пушкина до послѣднихъ дѣтъ его жизни ⁴⁴⁾. Наконецъ, что онъ увлекался прежде всего Байроновскимъ протестомъ противъ обществѣнности, стѣснявшей могучую личность, и его дѣлалъ образъ Чайльдъ-Гарольда, въ которомъ достигъ уже значительной силы по художественности выраженія излюбленный Байроновскій мотивъ борьбы страстнаго и озлобленнаго героя съ обществомъ и судьбою. Этотъ образъ въ особенности нравился Пушкину. Нашъ поэтъ усвоилъ отъ Байрона по преимуществу гордо-пренебрежительное отношеніе къ людямъ общества и извращенной городской культуры и къ социальной борьбѣ, первые зародыши котораго могъ почерпнуть у Руссо, явившагося въ томъ учителемъ Байрона ⁴⁵⁾. У Байрона находимъ одновременно «и любовь, и горе, и презрѣніе». Меланхолическая начала проникать въ русскую поэзію въ концѣ XVIII-го в. У Жуковского она начала превращаться въ тоску, у Грибоедова въ негодованіе, у Пушкина, какъ и у Байрона, становилась иногда презрѣніемъ ⁴⁶⁾. Но нашъ поэтъ оказался не въ состояніи выдерживать постоянно тонъ гордаго презрѣнія. Это вытекало изъ доброты его сердца ⁴⁷⁾. Независть ко всякаго рода утѣщенію была свойственна и Пушкину, какъ и Байрону. Но «споклонникъ правды и свободы», какъ называлъ себя Пушкинъ ⁴⁸⁾, чувствозависимый симпатію даже къ врагамъ ⁴⁹⁾, началъ довольно скоро относиться съ большою осмотрительностію и разсудительностію къ

поразившимъ его неправдамъ ⁵⁰⁾ и не остался до конца поэтомъ протеста, какимъ пребывалъ Байронъ.

Бригантскій поэтъ искалъ утѣшенія въ своей тоскѣ, обращаясь къ природѣ, любви, искусству и мечтамъ объ освобожденіи народовъ и о реформахъ въ жизни человечества. Съ особою полнотою эти стороны Байронова творчества послѣ созданія имъ «Чайльдъ-Гарольда» выразились въ поэмѣ о Донъ-Жуанѣ. Пушкинъ восхвалялся постоянно и этимъ произведеніемъ ⁵¹⁾, которое также оставило довольно крупный слѣдъ въ его творествѣ подобно «Чайльдъ-Гарольду». Индивидуализмъ въ смыслѣ Донъ-Жуанства, какъ разнузданности въ исканіи авантюръ, необычнаго прекраснаго въ любви и сатиризма среди всеобщей нормы, были въ особенноти по душѣ нашему поэту въ годы его молодости до женитьбы и очень приближали его къ Байрону, какъ поэту Донъ-Жуанства въ литературѣ и въ жизни.

Подобно Байрону, Пушкинъ увлекался роскошною природою юга и востока и изображеніемъ ея, но только — не въ духѣ Мура, «чопорнаго подражателя безобразному восточному воображенію» ⁵²⁾, а въ духѣ Байрона ⁵³⁾. Въ особенноти очаровали нашего поэта

И своды скаль, и моря блескъ лазурный,

И ясны, какъ радость, небеса ⁵⁴⁾.

Ср. воспоминаніе о томъ времени въ путешествіи Оубинна:

Въ ту пору мнѣ казалась пустыня
 Пустыни, вонь край жемчужный,
 И моря шумъ и трубы скаль,
 И гордой двѣ пещалы,
 И безыменныя страданья...

50) «Послѣдній либеральный бредъ» Пушкина, по его словамъ, — ода на смерть Наполеона; потому-де онъ отрекся отъ провозглашенія свободы. Но онъ все-таки возвращался по временамъ къ излюбленному сюжету и, можетъ быть, въ концѣ 1824 г. сочинилъ повѣсть №11 Соч. II, II, примѣч. 9. Въ маѣ—юніѣ 1825 г. Пушкинъ писалъ Жуковскому: Я обидѣлъ П. М. два года и ничего не писать противу Правительства и не писалъ; въ февралѣ 1826 г.: Я желалъ бы вновь и искренно помириться съ правительствомъ, и конечно это ни отъ кого, кромѣ Его, не зависитъ. Въ этомъ желаніи болѣе благоразумія, нежели гордости съ моей стороны Пер., I, 326; см. потомъ тамъ же, 333, 34. См., напр., Пер., I, 196; нѣчто болѣе меня не уважаетъ Л. Ж. 52 Пер., I, 37, 54. Тамъ же, 206—207: Мура — черель чурчур уже поготовилъ. Онъ подражаетъ ребячески и уродливо ребячеству и уродливости Саати, Гафила и Матомета — Европеецъ и въ душевнѣ восточной раскопке хотѣлъ сохранить вкусъ и взоръ Европееца. Вотъ почему Байронъ и т. д. 34. Желаніе 1824 Соч. II, II, примѣч. 9. См., напр., Пер., I, 278.

43) Евг. Оубн., I, VI, 44. См. его письма. Россія казалась Пушкину Турціею; Пер., I, 34.

44) O. Schmidt, Rousseau und Byron.

46) Въ нашъ принуденъ вѣкъ.

Свдой Пентунъ земли союзникъ.

На всѣхъ стихіяхъ человекъ.

Тирани, претатель или узникъ.

Пер., I, 364. Извѣстны слова Пушкина о томъ, что кто живыи мыслитъ, тотъ-же можетъ въ душѣ не презирать людей («Евг. Оубн.» I, XLVI). Ср. однако въ альбомѣ Оубинна. 47) На доброту своего сердца указывалъ самъ Пушкинъ. См., напр., его письмо 1834 г.: «. . . изъ добродушія, конемъ я преподанъ до злобути, несмотря на опыты жизни» Соч. II, II, примѣч. 9. См., напр., его письмо А. С. Пушкина, ред. Морозова, VIII, 331). 48) Пер., I, 27, 49. См. отрывокъ Юшова.

Въ Пушкинской лирикѣ слышимъ Байроновскую идею, что отъ вѣвъ, утѣхъ юности
Остается ушнѣе одно ⁵⁵⁾.

И Пушкинъ находилъ, что «il n'y a vrai et de bon sur la terre que l'amitié et la liberté» ⁵⁶⁾.

Словомъ, Байронъ значительно расширилъ горизонтъ зрѣнія и усилилъ въ значительной степени романтическіе вкусы Пушкина. «Все, что ты говоришь о романтической поэзи прелестно, ты хорошо сдѣлалъ, что первый возвысилъ за нее голосъ—французская болѣзнь умертвила бы нашу отроческую словесность»,—писать Пушкинъ Вяземскому въ февралѣ 1823 г. ⁵⁷⁾. «Стань за немцевъ и англичанъ—уничтожь этихъ маркизовъ классической поэзи»,—продолжалъ онъ полгода спустя ⁵⁸⁾. «Романтизмъ нѣтъ еще во Франціи, а онъ то и возродитъ умершую поэзи» ⁵⁹⁾. Но, ставъ на сторону новаго литературнаго движенія, Пушкинъ видѣлъ и его недостатки и замѣтилъ, что Байронъ дошелъ до крайнихъ предѣловъ въ своихъ романтическихъ порывахъ. Байронъ заявилъ себя титанической натурой, что въ особености выстукаетъ въ «Майфредѣ» и «Каниѣ», гдѣ поэтъ пытался проникнуть до послѣднихъ предѣловъ познанья. «Мрачное, ненавистное, мучительное лицо проявляется во вѣвахъ почти произведеній Байрона»,—говоритъ Пушкинъ ⁶⁰⁾—и потому, вѣроятно, назвалъ его «поэтомъ мучительнымъ и милымъ» ⁶¹⁾. Нашъ поэтъ поддавался было обаянію мощи этого «лица», но не впадалъ, потому что скоро замѣтилъ односторонность Байроновыхъ героевъ:

Лордъ Байронъ, прихотью удачной,
Облекъ въ улыбай романтизмъ
И безнадежный эгоизмъ ⁶²⁾.

55) Стих. «Ушнѣе». 56) Пер., I, 257, 57) Пер., I, 66—67. 58) Тамъ же, 74. 59) Тамъ же, 83; ср. 123 и 218. А. А. Бестужевъ писалъ 9 марта 1823 г. Пушкину о Козловѣ: «Не дай Богъ судить о Байронѣ по его переводамъ: это лордъ въ Жуковскаго юдѣ.—Скажу о себѣ: я съ жаждою глотаю Англискую литературу и душой благодаренъ Англискому языку:—онъ научилъ меня мыслить, онъ обратилъ меня къ природѣ—это неистощимый источникъ. Я готовъ даже сказать: il n'y a point de salut hors la littérature anglaise. Если можешь, учи съю. Ты будешь заключенъ сторицею за грѣхъ» (Пер., I, 188). «Вѣбъ пѣвать у насъ самое темное понятіе о романтизмѣ»,—писалъ Пушкинъ 25 мая 1823 г. тамъ же, 219; ср. 308: «сколько я не читалъ о Романтизмѣ, все не то!». Ср. Кульмана: «Отношеніе Пушкина къ Романтизму»—въ сборн. Памяти Леопольда Николаевича Майкова, Сиб., 1902, 60. Мор., V, 134. 61) Стих. къ Гречанкѣ, 62) Евг. Онег., III, XII.

Пушкинъ, находившій и у Байрона «внутреннюю вѣру», не прошелъ всей тяжкой школы сомнѣнья и остался свободенъ отъ Байроновскаго титанизма и сверхчеловѣчества. Ему были не совсѣмъ чужды Байронова демоническіе порывы и страстное выступленіе противъ небесъ ⁶³⁾, смѣлыя полета мыслей и патетическая рѣчь, но послѣднія не такъ часто у Пушкина. Ему были не совсѣмъ присущи глубокомысленная идеи и проблемы, занимавшія Байрона, страстное стремленіе къ разоблаченію вышнихъ и низшихъ тайнъ міра. Равнымъ образомъ Пушкинъ не могъ впасть въ ошелѣнье и съ взрывами Байроновскаго пессимизма и съ темными красками, которыя тотъ пускалъ въ дѣло въ своей поэзи. Пушкинъ не былъ скорбникомъ: хотя онъ и не разъ хандрилъ, но онъ сознавалъ, что «хандра убиваетъ духъ» ⁶⁴⁾. По сообщенію Ежова ⁶⁵⁾, В. А. Пашокина выразилась о Пушкинѣ: «Какой это былъ весельчакъ, добрякъ и остроумецъ!» «Какъ онъ звонко холодалъ!» О его «разговорѣ», «веселости» вспомнилъ Катенинъ въ 1825 г. ⁶⁶⁾.

Вовлеченъ послѣ всего этого, что Пушкинъ не могъ стать одностороннимъ байронистомъ; онъ, какъ крупный талантъ, могъ лишь, воспринявъ воздѣйствіе Байрона, претворить въ своемъ духѣ то, что согласовалось съ его собственнымъ міровоззрѣніемъ. Это видимъ даже въ годы наибольшаго увлеченія Пушкина Байрономъ.

III. Быть-можетъ, первый косвенный слѣдъ такого увлеченія можно усматривать въ эпитетѣ, которымъ надѣляетъ себя поэтъ въ эпитогѣ «Руслана и Людмила», набросанномъ въ Петербургѣ передъ высылкой и законченномъ на Кавказѣ въ іюнѣ и іюлѣ 1820 г. ⁶⁷⁾ Пушкинъ называетъ себя тамъ «мірожителемъ равнодушнымъ съ болѣзненною душой» ⁶⁸⁾.

Во всякомъ случаѣ, кому—переводъ, кому подражаніе Байрону—элегія ⁶⁹⁾ «Погагло дневное свѣтло», набросанная первоначально въ концѣ августа 1820 г. «ночью на кораблѣ» ⁷⁰⁾ и отдѣланная окончательно въ сентябрѣ того же года ⁷¹⁾, можетъ считаться

63) См. ниже о стихотв. «Демонъ» и др., а также «Евгенія Онегина». 64) Пушк., ред. Морозова, VIII, 255 (22-го іюля 1831 г.). 65) «Новое Время» 1899, № 8343. 66) Пер., I, 211, 67) Соч. II, II, примѣч., 265—267, 68) Тамъ же, 191, 69) Такъ наименовалъ это стихотвореніе самъ Пушкинъ въ письмѣ къ брату. 70) Пер., I, 120, 71) Соч. II, II, примѣч., 323.

первымъ поэтическимъ произведеніемъ, навѣяннымъ Байрономъ посредственно или непосредственно.

Она не есть, однако, вполне байроническое произведение, хотя самъ Пушкинъ называлъ ее подражаніемъ Байрону и въ одной изъ рукописей помѣстилъ на англійскомъ языкѣ эпитафю, взятую изъ Чайльд-Гарольда ⁷², да и кн. Вяземскій приписывалъ себѣ то, что онъ «наговорилъ Пушкину эту байроновщину»:

Но только не къ брегамъ печальнымъ

Туманной родины моея ⁷³.

Въ противовѣсъ признанію прямого влияния Байрона на созданіе этого стихотворенія указываютъ ⁷⁴, что въ этой знаменитой элегій Пушкина «казалось вліяніе трехъ пьесъ Багюшкова: «Тѣнь друга» (1814), «Разлука» (1815) и отрывка: «Есть наслажденіе и въ дикости лѣсовъ...» (1819), который «не что иное, какъ чрезвычайно близкій и пречерный переводъ строфы CLXXVIII изъ четвертой пѣсни «Чайльд-Гарольда» Байрона». Однако вліяніе Байрона, прямое или косвенное, видно въ обращеніи къ «вѣтру» и «океану», въ упоминаніяхъ о «печальныхъ берегахъ туманной родины», о «пламени страстей», о «рано отцвѣтшей младости», о бѣгствѣ изъ «отеческихъ края» отъ спитомцевъ наслажденій. Забчаніе кн. Вяземскаго: «въ этой элегій дѣло о любви одной. Зачѣмъ не упомянуть о другихъ неудачахъ сердца? Тутъ было гдѣ поразудаться» не совсемъ точно, потому что, хотя рѣчь идетъ, главнымъ образомъ, о «пламени страстей», но поэтъ вѣдомилъ не только прежившъ дѣль безумную любовь, но

И все, чѣмъ онъ въ (въ подлинникѣ а) страдалъ,
и все, что сердцу мило,

Желаній и надеждъ тщетный обменъ.

Байроновскія ноты 1) скорби о невозвратномъ «молодомъ восторгѣ», о «минутахъ умиленья», «младыхъ надеждахъ», «сердечной тишинѣ» «годовъ весны поэта» и 2) «дѣли и тишины въ сердцѣ, бурями смиренномъ», слышатся и въ стихотвореніяхъ «Чаадаеву» и «Миѣ вась не жалъ»... ⁷⁵

⁷²) Соч. П., II, прим., 318—319. ⁷³) Тамъ же, II, 322—со ссылкой на Остафьевскій архивъ, II, 104 и 107. ⁷⁴) Члѣдъ, Пушкинъ и Багюшковъ—Новое Время 1900, № 8890. Отвѣтимъ еще совпаденія съ элегіею Париз: Sa chagrin dévorant a flétri ma jeunesse и проч. ⁷⁵) Первое изъ этихъ стихотвореній написано въ 1820 г. на морскомъ берѣгѣ Гавриды.

⁷⁶) Соч. П., II, 203, а второе также въ Крыму, именно въ Юрзуфѣ, 20 сент. 1820 г., тамъ же, 203).

Въ стихотвореніи того же 1820 г. «О дѣва—роза, я въ оковахъ» ⁷⁶) П. О. Сумцовъ ⁷⁷) также находитъ матеріалъ для сравненія съ соответственными образами въ «Гяурѣ», «Паризинѣ» и «Абигосской невестѣ» Байрона. Въ элегій, относящейся къ тому же году: «Рѣчь въ облаковъ легучая грядя» ⁷⁸) развитъ Байроновскій мотивъ «влеченія задумчивой дѣвы пать моремъ»; но дѣль эта водворилась и въ сердцѣ нашего поэта послѣ дѣйствительно пережитыхъ имъ бурь ⁷⁹:

И тлосная дѣль душою охватя,
читаемъ въ стихотвореніи «Война 1821 г.» ⁸⁰), Байронична и «Младая душа», которую «серзаегъ печаль», въ стих. «Черная палъ» ⁸¹).

Такимъ образомъ, къ 1820 г. относится цѣлый рядъ стихотвореній Пушкина, гдѣ то въ большей, то въ меньшей степени слышатся отголоски увлеченія нашего поэта Байрономъ. Это годъ наиболѣе сильнаго отраженія байронизма въ лирикѣ Пушкина, можетъ быть потому, что тогда наиболѣе свѣжо чувствовалась имъ близость къ судьбѣ и настроенію Байрона и его героя Чайльд-Гарольда. Тогда же возникла и первая изъ поэмъ, посвященъ отчасти той же близости и называемыхъ Байроническими.

IV. Такъ называемыя Байроническія поэмы Пушкина. Нуть какъ бы выдѣлать въ особую группу произведеній самъ Пушкинъ, заявившій, что Бахчисарайскій фонтанъ, какъ и «Кавказскій пѣвнникъ», отзывается чтеніемъ Байрона, отъ котораго я съ ума сохдлъ». По необходимости сразу отвѣтить, что въ нихъ героямъ можно открыть паряду съ байроническими черты также героевъ и героинь Руссо, Гёте (Вертера) и другихъ.

«Кавказскій пѣвнникъ» написанъ въ начальную пору увлеченія нашего поэта Байрономъ ⁸²). Пушкинъ хотѣлъ дѣль

⁷⁶) Соч. П., II, 216. ⁷⁷) Пушкинъ, 174—177. ⁷⁸) Соч. П., II, 217. ⁷⁹) Тамъ же, примѣч., 329—по поводу «дѣли и тишины въ сердцѣ, смиренномъ бурями», упомянутыхъ въ стих. 1820 г. «Чаадаеву». ⁸⁰) Соч. и п. Пушкина, ред. Морозова, II, 281. ⁸¹) Соч. П., II, 209. ⁸²) Начата поэма въ августѣ 1820 г. въ Юрзуфѣ (тамъ же, примѣч., 382 и 480), а можетъ быть еще на Кубани. Сюда новески. Новыи списокъ «Кавказскаго пѣвнника»—(сборникъ Памяти Леонтия Николаевича Маикова, Сиб., 1902, стр. 484—489). 1-го декабря 1820 г. Пушкинъ писалъ: «У меня еще поэма готова или почти готова» (тамъ же, 28). 21-го марта 1821 г. кончилъ я новую поему—«Кавказскій пѣвнникъ» (тамъ же, 28).

«изобразить это равнодушіе къ жизни и къ ея наслажденіямъ, эту преждевременную старость души, которая сдѣлалась отличительными чертами молодежи 19-го вѣка». А этими чертами характеризовались и некоторые литературные носители мировой скорби. Ее опредѣляютъ теперь, какъ поэтическое выраженіе необычной чувствительности къ моральному и физическому злу и бѣдствіямъ существованія»⁸³. У Пушкина находимъ довольно скудное выраженіе ея. Пушкинъ далъ въ своей поэмѣ «изображеніе молодого человека, потерявшаго чувствительность сердца въ первые дѣта своей молодости въ какихъ-то несчастіяхъ, неизвѣстныхъ читателю: его бѣдствіе, его равнодушіе къ дикой жестокости горцевъ и къ прелестямъ Кавказской дѣвы»⁸⁴. Отсюда видно, что нашъ поэтъ въ то время еще не былъ знакомъ со всею ширью стремленій и идеаловъ Чайльд-Гарольда и самого его автора, который въ III и IV-й пѣсняхъ Чайльд-Гарольда выказалъ болѣе глубокое пониманіе жизни и горя, проникся болѣе благороднымъ вдохновеніемъ и который, слѣдовательно, не оставался на тоскѣ въ силу преждевременнаго пресыщенія жизнью и не утратилъ чувствительности сердца. Въ этомъ отношеніи «Кавказскаго пѣвника» можно скорѣе сблизить — и г. Спировскій сблизилъ — съ Шатобриановыми поэзіями объ «Аталѣ» и «Рене»⁸⁵. Но и это сближеніе, быть можетъ, не имѣетъ особаго значенія, потому что фабула «Кавказскаго пѣвника» заимствована Пушкинымъ изъ разсказа одного его родственника⁸⁶. Сверль того надо считатьъ съ «La jeune Indienne» Champfort'a и съ трагедіей Вольтера, въ которой выступаетъ индианка, предшественница Атала⁸⁷. Во

всякомъ случаѣ, уже въ этой романтической поэмѣ Пушкинъ старался придерживаться реальной основы⁸⁸, между прочимъ, и въ описаніяхъ пѣвника. Въ героѣ поэмы Пушкинъ, подобно Байрону, либо хотѣлъ выразить собственное настроеніе, либо внести его не вполне сознательно, мимовольно. Потому-то былъ ему любъ его пѣвникъ: «признаюсь, люблю его самъ не зная за что,—писалъ поэтъ: въ немъ есть стух моего сердца»⁸⁹. Вѣсть съ тѣмъ Пушкинъ сознавался: «я не тожусь въ героѣ романтическаго стихотворенія»⁹⁰. Это утвержденіе невѣрно, конечно, и въ поэмѣ о «Кавказскомъ пѣвникѣ» внесено не мало чертъ автобіографическихъ. Въ письмѣ поэта къ кн. Вяземскому, написанномъ въ первой половинѣ марта 1820 г., читаемъ: «Петербургъ душень для поэта; я жажду краевъ чужихъ; авось подуденный воздухъ оживитъ мою душу»⁹¹. Въ одной изъ рукописей «Кавказскаго пѣвника», въ рѣчи послѣдняго, противъ стиховъ:

Безъ упованья, безъ желаній.

Я вижу жертвою страстей.

были набросаны сбоку стихи:

Я пережилъ мои желанья и пр.

выдѣленные потомъ въ особую заглавію (изъ поэмы «Кавказъ»⁹². Далѣе, и Пушкинъ называетъ себя «безнечнымъ сыномъ природы»⁹³:
И музу поэта . . . пѣвилъ нарядъ суровой
Племень, возросшихъ на войнѣ»⁹⁴).

Такимъ образомъ характеристика «Кавказскаго пѣвника» не разъ напоминаетъ не только знаменитыхъ носителей мировой скорби, но и нашего поэта, напр., въ стихахъ:

. пламенную младость
Онь горю началъ безъ заботъ . . .
. . . много милого любилъ . . .
. . . друзьями окруженный
Онь съ ними шумно шировалъ
. вѣршилъ . . . надеждъ
И увѣтельными мечтамъ!»⁹⁵)

Пѣвникъ въ первоначальномъ наброскѣ охарактеризованъ какъ «слабый питомецъ пѣтъ»⁹⁶. Въ окончательной редакціи онъ также

Впрочемъ, можетъ быть, то была ходячая фраза. У Шатобриана также встрѣчается она: «Mais le public! Combien faut il de sots pour former un public? disait Chamfort. По см. еше Е. О., VIII, XXXV, 88) Ср. Соч. П., II, примѣч., 418, 89) Пер., I, 42, 90) Тамъ же, 36, 91) Тамъ же, 43, 92) Она помѣчена Каменкой 22 февраля 1821 г.—Соч. и п. А. С. Пушкина, ред. Морозова, III, 617, прим. 5 и 1, 279 и 387, 93) Въ стихотв.: Къ моеи черныицицѣ— тамъ же, III, 670, 94) Соч. П., II, 255, 95) Соч. П., II, 240, 243, 96) Тамъ же, прим., 384.

83) W. A. Braun, Types of weltenschmerz in german poets, New York 1903. 84) Пер., I, 41. 85) Пушкинъ сталъ однако зачитываться Шатобрианомъ, но, вѣроятно, позднѣе; упоминанія о Шатобрианѣ въ Е. О., см. I, IX; II, XXXI, прим. 18; IV, 26, въ частности упоминаніе объ «Аталѣ» въ его перенескѣ относится къ октябрю 1823 г. (Пер., I, 80). Замѣтимъ, что и Байронъ въ юности увлекался «Аталѣ». См. выдержку изъ «Mémoires d'Outre Tombe» въ V. Giraud, Chateauland, Par. 1904, p. 84—85. — Г. Морозовъ, Соч. и п. А. С. Пушкина, т. III, Спб., 1903, прим., 611—612 призналъ указаніе г. Спировскаго на Шатобриана любовными, хотя типъ Рене выработанъ не однимъ Шатобрианомъ, а былъ навѣченъ романистами до него. 86) Некоторые, впрочемъ, сблизываютъ въ томъ: см. Соч. П., прим. 480. 87) Слѣдъ знакомства Пушкина съ Champfort'омъ см. въ письмѣ къ кн. Вяземскому: Пер., I, 206.

ШАГОВРЯНЪ.

... бурной жизнью погубилъ
 Надежду, радость и желанье,
 И лучших шей воспоминанье
 Въ увядшемъ сердцѣ заключилъ.
 Людей и свѣтъ извѣдалъ онъ
 И звалъ невѣрной жизни цѣну,
 Въ сердцахъ друзей панель измѣну,
 Въ мечтахъ любви безумны сонъ,
 Паскуча жертвой былъ причиною
 Давно презрѣнной суеты,
 И неирязи двудынной,
 И простудной клететы,
 Отступникъ свѣта, другъ природы
 ... въ край далекой полетѣлъ
 Съ веселымъ призракомъ свободы,

и
 Европейца все вниманье
 Пароть сей чудный привлекалъ ⁹⁷.

Но другія подробности характеристики пѣвника не такъ легко могутъ быть относимы къ самому поэту и скорѣе напоминаютъ тинъ Рене и Чайльд-Гарольда. Это, можно сказать, напр., о «души печальномъ младѣ», до котораго не доходилъ Пушкинъ, и о слѣдующихъ чертахъ душевнаго состоянія пѣвника: какъ и отъ героини тина Рене,

И въ послѣднѣй мечтала,
 И въ, сокрылась отъ него!..
 Погасъ печальной жизни пламень,
 И жаждалъ сѣни гробовой... ⁹⁸
 Не могъ онъ сердцемъ отвѣчать
 Любви младенческой, открытой... ⁹⁹

А равно неовѣдь пѣвника передъ церковкой также заставляетъ вспомнить Рене:

Ты видишь слѣды любви несчастной,
 Душевной бури слѣды укаской...
 ... умеръ я для счастья,
 Надежды призракъ улетѣлъ,
 Измучася ревностью напрасной,
 Уснулъ безчувственной душой,
 Въ объятіяхъ погуби страстной,
 Какъ глупо мыслить о другой!..
 Я вижу образъ вѣчно мнѣнн:
 Его доу, въ нему стремлюсь,
 Молчу, не вижу, не внимаю,
 О немъ въ пустынь слѣды твои,
 Повсюду онъ со мною брошеть
 И мрачную тоску навѣститъ
 На душу сѣрую мою ¹⁰⁰.

Къ тому же образу подходитъ стихъ, хо-

⁹⁷ Соч. П., II, 231. См. еще важное мѣсто въ Е. О. . I, X, 98. Тамъ же, 232, 236, 99) Тамъ же, 233 и 234. 100) Тамъ же, 233-236.

рошо выражающей основную черту душевной жизни пѣвника:

Оно унынье мой утѣлъ. ¹⁰¹

а равно стихи:

... и я сраженъ съ судьбою,
 И горе сердца не вытѣлъ. ¹⁰²

Но пѣвникъ не подавленъ всецѣло своею судьбою. На это какъ бы намекаеть эпиграфъ поэмы, взятый изъ стихотворенія кн. Вяземскаго о гр. О. П. Толстомъ:

Подъ бурей рока терпѣи камень,
 Въ волненьяхъ страсти детки листъ ¹⁰³.

Въ связи съ этимъ интересно упоминаніе въ концѣ поэмы о «воскресшемъ сердцѣ» пѣвника ¹⁰⁴), который оказывается не вполне разочарованною личностію. Эта уругость характера приближаетъ пѣвника уже къ Чайльд-Гарольду. Еще въ большей степени ихъ сближаетъ присущее пѣвнику романтическое въ Байроновомъ вкусѣ чувство природы и стремленіе къ свободѣ, обусловившее бѣгство его изъ міра родной гражданственности, которую онъ остался неудовлетвореннымъ.

Свобода! онъ одной тебя
 Еще искалъ въ полудннмъ мірѣ ¹⁰⁵.

¹⁰¹ Ст. 63-й II-й части по Чеголаевской рукописи, замѣненной потомъ тѣмъ, что стоитъ въ печатномъ текстѣ 102 Ст. 141—142 по рукописи М. Соч. П., II, примѣч. 462—463. Очень хорошо подходитъ къ настроенію Рене и 2-я строфа «летѣи» изъ поэмы «Кавказъ» по рукописи:

Бездомно жребію послухннн
 Влачу страдальческій вѣнецъ,
 Живу печальный, равнодушный,
 И жду: придетъ ли мой конецъ!

Соч. и п. А. С. П., ред. Мор., I, 389, 103) «Понимаешь, почему не оставилъ его? — писалъ поэтъ кн. Вяземскому (Пер., I, 78). Ср. Соч. П., II, примѣч. 430. Ср. съ этимъ эпиграфомъ въ первоначальномъ наброскѣ и въ слѣдующемъ:

Въ минуты счастья—сынъ ширинъ
 Во дни тоскы—хладный камень, заперкуто
 твердыи).

Соч. П., II, примѣч. 393, 396 и 450; цит. ст. Бондиновскаго стр. 413, 104) Ст. 266-й II-й части; ср. въ Ч. рукописи Соч. П., II, прим. 471:

Живыхъ надежды и силы полныи,

105) Соч. П., II, 231. — Пѣвникъ (см. тамъ же, 236).

И бури немощному (немощному) вою
 Съ какою радостью внимаю,

Ср. по рукописи М. Соч. П., II, прим. 432):

(Любилъ онъ вѣтровъ вой укаской,
 Любилъ и бури онъ красы).

См. еще въ первыхъ наброскахъ II-й части (тамъ же, 461):

Глухихъ морей и вѣтровъ шумъ
 (Могучи вѣтровъ вольный шумъ).

Другія сближенія Кавк. Пѣвника съ Ч. Гарольдомъ см. у Подиванова: Соч. П., т. II, М., 1887, стр. 57 и сл.

Онъ оставилъ отечество и, какъ другъ свободы, сибирль въ далекий край, гдѣ надбалея обрѣсти ее. Наконецъ, по замыслу поэта, ильиникъ приближается какъ будто къ Чайльдъ-Гарольду и своимъ костюмомъ 106).

Герой «Кавказскаго Ильиника» отрекся было отъ «свѣта»: но неосновательно было бы въ виду такого разрыва его съ родной утверждать вмѣстѣ съ пѣмецкимъ писателемъ Weddigen-омъ (107), что Пушкинъ—литературный прешественникъ инцидизма. Надлежащую точку зрѣнія на «Кавказскаго Ильиника» установилъ самъ поэтъ. Онъ былъ не совсемъ доволенъ своимъ произведеніемъ (тогда же по окончаніи его 108), и сужденіе Пушкина вѣрно: «Все это слабо, молодо, неопло 109), но многое угадано и выражено вѣрно». Уже въ 1821 г. поэтъ признавалъ, что «характеръ Ильиника неудаченъ». Въ 1828 г. онъ заявилъ, что «согласається съ общимъ голосомъ критиковъ, справедливо осудившихъ характеръ ильиника, иькоторый отдѣльная черта и пр.». Дѣйствительно Пушкинъ хотѣлъ изобразить, по его собственнымъ словамъ (см. выше), «равнодушіе къ жизни», но образъ мірового скорбника XIX-го в. очерченъ въ разсчитываемой поэмѣ еще блѣдно и неполно. Пушкинъ справедливо замѣтилъ въ началѣ 1830-хъ годовъ: «Кавказскій Ильиникъ—первый неудачный опытъ характера, съ которымъ я пасиду сладилъ». Этотъ отзывъ какъ нельзя лучше опредѣляетъ значеніе «К. Ильиника». Очевидно, поэтъ разумѣлъ тогда характеръ, первую окончательную литературную обрисовку котораго далъ въ «Евгеній Онегинѣ».

Что до Черкешенки, то поэтъ писалъ о ней: «Черкешенка моя мнѣ мила, любовь ея трогаетъ душу.—Предестная была о Пигмалионѣ, обнимающемъ холодный мраморъ, правилась пламенному воображенію Руссо (и Шиллера)» 110). Быть можетъ

106) На рисункѣ въ рукописи Чегодаевыхъ будущій ильиникъ предстаётъ въ идеѣ и платьѣ: цит. ст. г. Бодяновскаго, стр. 473. —Подробныя сопоставленія К. П. съ произведеніями Байрона см. въ кн. Пезелева Александра Сергѣевича Пушкинъ въ его поэзи. Сиб.—1882, стр. 76—83, 107. Lord Byron's Einfluss auf die europäi-schen Literaturen. Павлов. 1884, S. 113—108. Пер., 1, 28 и 31; ср. 308, 109. Чаадаевъ вымыль голову полуду, находи, что Ильиникъ недостаточно blasé-тамъ же, 68. Отмѣтимъ, что въ стих. Къ моеи черкешенкѣ (1821 Пушкинъ назвалъ Чаадаева умидымъ: Соч. и п. А. С. П., ред. Морозова, III, 670, 110) Пер., 1, 42.

эти слова даютъ право смотрѣть на Черкешенку, какъ на книжный до известной степени образъ, навѣянный отчасти Руссо 111). Но она чудное дитя природы, и любовито, что уже здѣсь намѣчена особенность, не разъ повторяющаяся въ позднѣйшихъ произведеніяхъ Пушкина и вообще въ русской литературѣ: рядомъ съ героемъ ставится женщина, стоящая выше его по своимъ духовнымъ силамъ. («Дву горы» Пушкинъ назвалъ своимъ «идеаломъ» (Евг. Онег., I, LVII).

Наконецъ, къ косвенному вліянію Байрона можно бы отнести усиленное вниманіе поэта къ соблюденію мѣстнаго колорита въ изображеніи полуденной страны и правотѣ ея жителей, но Пушкинъ сознавалъ, что оказался далекомъ отъ этого образца. («Мѣстныя краски вѣрны,—писалъ онъ,—но поирвится ли читателямъ, избалованнымъ поэтическими шапорами Байрона и Вальтеръ-Скотта—я боюсь и напоинить объ нихъ своими блѣдными, тѣщими рисунками—сравненіе будетъ убійственно» 112).

Представленный разборъ первой изъ г. наз. Байроническихъ поэмъ Пушкина достаточно, кажется, выясняетъ, насколько Пушкинъ явился уже въ ней истиннымъ и мощнымъ поэтомъ, исходя прежде всего изъ жизни своего общества и собственныхъ душевныхъ переживаній и подчиняя собственной идеѣ литературныя воздѣйствія, которымъ поддавалъ. Самыя эти воздѣйствія не сводились къ вліянію тѣхъ или иныхъ единичныхъ писателей, а основывались уже тогда на довольно широкомъ литературномъ образованіи, и потому не были односторонни. Ильиникъ Пушкина можетъ быть сопоставляемъ въ частности съ поэтическими личностями того же рода у другихъ поэтовъ, но въ цѣломъ это образъ, самостоятелно выношенный въ сердцѣ и запечатлѣнный горячимъ молодымъ чувствомъ вдумчиваго поэта. Чайльдъ-Гарольдъ двухъ первыхъ пѣсней Байроновой поэмы могъ заронить въ умъ нашего поэта первую мысль объ эническомъ объективированіи личности скорбника, но затѣмъ Пушкинъ самостоятелно развилъ эту мысль применительно къ родной обстановкѣ и тому, что самъ переживалъ въ

111) Объ окраскѣ, какую приталъ этому древнему сказанію Руссо, см. въ указанной выше статьѣ г. Бодянова.—Могли повліять на Пушкина и изображенія идеальныхъ женскихъ фигуръ среди племенъ, близкихъ къ природѣ. 112) Пер., I, 44.

своей души. Такимъ образомъ въ «К. П.» общій Европейскій литературный романтическій типъ мірового скорбника представляется не въ заимствованныхъ извнѣ и гуманныхъ, а въ болѣе или менѣе реальныхъ, хотя и блѣдныхъ очертаніяхъ.

Въ XVIII в. періодъ бурныхъ стремлений, а затѣмъ, новая романтика въ ряду излюбленныхъ своихъ героическихъ образовъ выдвинула и личности, стоящія внѣ социальныхъ правилъ, презирающія свѣтъ и людей, типы преступныхъ бѣдцевъ изъ общества, но только болѣе или менѣе идеализованные. Вниманіе Пушкина по образцу Шиллера и Байрона привлекли и эти исключительныя натуры, и опять — потому, что передъ поэтомъ выставила ихъ жизнь.

Въ годъ, когда была задумана «Кавказскій Пльничекъ», Пушкину довелось во время путешествія на югъ увидѣть, какъ «два разбойника, закованные вмѣстѣ, переплыли черезъ Дибирь». Воображеніе поэта, романтически настроенное, углубилось въ судьбу этихъ людей и отыскало въ ней кое-что, могшее приблизить ихъ къ нашему участию. Братьевъ, ставшихъ разбойниками, къ тому склонила печальная ихъ доля: уже въ дѣтствѣ имъ

... жизнь была не въ радость:
они
... знали нужды тѣснѣ,
Сносили горькое презрѣнье...
... жили въ горѣ, средь заботъ.

Они бѣжали въ иную среду, гдѣ во всю ширь могла развернуться «она воля» «люность удалая»: тамъ

Живуть безъ власти, безъ закона.

Нашъ
Душа рвалась къ дѣсамъ и къ волю,
А вала воздуха полонъ.

Правда,
Опасность, кровь, развратъ, обманъ,
Судьбы узлы страннаго семенства,
... Въ нихъ сердца прелетѣ совѣсть,
Она проснется въ черной тѣнѣ.

Но у братьевъ-разбойниковъ, героев поэмы Пушкина, совѣсть просыпается раньше: у младшаго изъ нихъ товодно скоро разгорѣлись

Душою совѣсти мученье:
Преть вѣкъ, годились привѣтныя,
Грозъ перетомъ издалека.

Старшій братъ, лишившись младшаго, успешнаго смертью, влачится

... утробой одинокинъ.

Такимъ образомъ и въ «Братьяхъ-разбойникахъ», какъ и въ «Кавказскомъ Пльничекѣ», романтически изображены бѣдцы изъ общества, и также повѣствованіе произошло изъ реальной основы¹¹³. Какъ и для «Кавказскаго Пльничка», для «Братьевъ-разбойниковъ» подыскали соответственные параллели въ поэзи Байрона¹¹⁴, но при этомъ должны были сознавать, что и въ этомъ произведеніи Пушкина имѣть настоящаго подражанія, что «если русская природа Пушкина выразилась въ безпощадной послѣдовательности сочувственнаго изображенія зла¹¹⁵, то она же сказывалась и въ другомъ», въ волеѣ совѣсти въ дѣлахъ разбойниковъ¹¹⁶, въ ихъ божии «Божія гнѣва».

Слѣовательно, если Пушкинъ и былъ вовлекаемъ «dans les solitudes fantastiques et les cavernes du romantisme»¹¹⁷ по выраженію Мицкевича, то вмѣстѣ съ тѣмъ не отклонялся и отъ простой русской дѣйствительности и отъ природы русскаго народа.

Болѣе романтична и вмѣстѣ болѣе фантастична была поэма о «Бахчисарайскомъ фонтанѣ», задуманной, быть можетъ, также въ годы созданія «Кавказскаго Пльничка»¹¹⁸. Согласно со стихотвореніемъ 1820 г. «Фонтану Бахчисарайскаго дворца» надо думать, что и въ поэмѣ о послѣднемъ
... только сонъ воображенъ
Въ пустынной мѣлѣ царствовалъ
Свои минутныя видѣнья,
Души печальныя вѣнья¹¹⁹.

Собственное признаніе поэта позволяетъ,

¹¹³ Пер. I, 86: «Пестинное происшествіе послало мнѣ поводъ написать этотъ отрывокъ... Оны написаны въ концѣ 1821 года. 114 Педзедовъ, 104: поэма написана подъ пессимистическимъ вліаніемъ Корсара и быть можетъ — Шиллерскаго узника». 115) Быть можетъ, правильнѣе было бы сказать, что Пушкинъ раздѣлялъ народное возрѣніе, по которому преступника — люти — несчастнаго. 116 Педзедовъ, 104, 117. Самъ Пушкинъ признавалъ, что, какъ сюжетъ, c'est un tour de force, это не похвала, напротивъ. Пер. I, 78, 118. Въ письмѣ отъ 25 августа 1821 г. Пер. I, 73. Пушкинъ на заавъ «Бахчисарайскій Фонтанъ» свою новую поэмю. 119) Соч. II, II, 214. Интересно въ паранъ ихъ послѣднихъ стиховъ:

Души печальныя вѣнья
Люби безумныя вѣнья,
Въ стѣхъ Желаніе 1821 г.:
... души мои мечты,
Ср. еще въ Тургеніи Оубинѣ. I, I, XIV
Бывало, мнѣ претмѣта
Мнѣ сниться, и душа моя
Нашъ образъ ланни сохранила
Нашъ постѣ музъ олинитъ и т. д.

такимъ образомъ, открыть и въ этой поэмѣ, какъ и въ «Кавказскомъ Шѣвниикѣ»¹²⁰⁾, сильную струю субъективизма¹²¹⁾—въ восторженномъ изображеніи идеальной жемчужной личности, о-божъ съ которою сколь невзрачною кажется фигура героя поэмы подобно тому, какъ и шѣвниикъ возбуждаетъ менѣе симпатіи, чѣмъ Черкешенка. Центральная фигура «Бахчисарайскаго фонтана», конечно, Марія: краски для изображенія ея дала любовь къ той, которая передала поэту печальную повѣсть, составившую канву всего произведенія. «Я суетливо перекладывалъ въ стихи рассказы молодой женщины»,—говоритъ Пушкинъ:

Aux douces flois des vers je pliais les accents
De sa bouche aimable et naïve¹²²⁾.

Объ этомъ-то первообразѣ Маріи и говорится въ концѣ поэмы:

Я помню столь же милый влечень
И красоту еще земную...
Вѣб думы сердца къ ней летать;
Объ ней въ изнанкѣ тоскую...
Безумецъ, полно, перестань...
Мягконымъ снамъ любви несчастной
Заплачена тобою дань.

Образъ Маріи—эта «дань» и является всецѣло созданиемъ нашего поэта, притомъ въ необычномъ для него стилѣ крайней идеализаціи: самъ Пушкинъ признался, что «роль Петрарки» ему «не по натурѣ»^{122-а)}. Правиль-

нѣе было бы сказать, что въ изображеніи Маріи Пушкинъ невольно впаде въ тошъ Данте подобно нѣкоторымъ польскимъ поэтамъ того времени, сознательно подражавшимъ пивцу Беатриче:

Что влечетъ ей въ пустынь міра?
Ужь ей пора, Марію ждуть,
И въ небеса, на дою міра
Решой улыбкою зовуть...
Промчался днѣ, Маріи нѣтъ.
Мгновенно спрота почла,
Она давно—желанный свѣтъ,
Какъ новый ангель, озарила¹²³⁾.

Въ обрисовкѣ поэта Марія, дѣйствительно, земное созданіе:

Съ какою бѣ радостью Марія
Оставила печальный свѣтъ!
Мгновенья жизни дорогія
Давно прошли, давно ихъ нѣтъ!

Это созданіе христіанскаго идеализма помѣщено поэтомъ въ совершенно чуждой обстановкѣ мусульманскаго Востока, равно очаровывавшаго Байрона и Пушкина¹²⁴⁾.

И между тѣмъ, какъ все вокругъ
Въ безумной пѣвѣ утопаетъ,
Святыню старую укрываетъ
Слащенный чужомъ уголокъ.

Фономъ нарисованной поэтомъ чудной картины является

Водшебный край, очей отрада!

и «ночи роскошнаго Востока»¹²⁵⁾. Предъ нами жизнь гарема, занимающаго видное мѣсто въ поэмѣ Пушкина¹²⁶⁾, какъ и въ нѣсколькихъ поэмѣхъ Байрона.

На этомъ фонѣ прямую противоположность Маріи съ ея «чистою душой» представляетъ Зарема, устами которой говоритъ Языкъ мучительныхъ страстей.

А Маріи онъ

Невшной двѣвъ неволяетъ.

Марія и Зарема—однѣ изъ выразительницъ Пушкинскаго идеала женщины. Эти образы «шѣвниикъ береговъ Салгира»¹²⁷⁾—«двѣ розы», «принесенныя» поэтомъ

120 Къ связанному выше прибавимъ вопросъ: не къ Ек. дн П. Раевской относятся въ «Кавказскомъ Шѣвниикѣ» упоминанія о безотвѣтной несчастной любви, о «тоскѣ любви безъ упованья» и т. п.? 121 Съ приведенными только что стихами сходятся упоминанія въ перепискѣ Пушкина: «многія мѣста относятся къ одной женщинѣ, въ которую я былъ очень долго и очень глупо влюбленъ» (Пер., I, 75; «я Вяземскому прислалъ Фонтанъ, выустивъ любовный бредъ,—а жалъ!» тамъ же, 76; «я выбросилъ то, что не хотѣлъ выставить передъ публикою» (тамъ же, I, 82. Причина, по которой были выброшены заключительныя строки Фонтана, указана въ предыдущемъ письмѣ: роль Петрарки мнѣ не по натурѣ» т. I, 75). См. еще Пер., I, 121: «чортъ дернулъ меня написать о Бахчисарайскомъ фонтанѣ какія-то чувствительныя строки и припомнить тутъ же эстетическую мою красавицу». Вопросъ о томъ, кто эта эстетическая красавица—не влеченья біографіей Пушкина. 122 Пер., I, 99. 122-а) Ср. Ев. Оцѣв., I, LVIII: Любви безумную тревогу И безотрадно испытать. Блаженъ, кто съ нею сочелъ. Горячку рномъ: онъ тѣмъ удвоилъ. Поэти священныи бредъ, Петраркѣ шествуя во слѣдъ. А муки сердца успокоилъ. Ноймалъ и славу между тѣмъ: Но я, любя, былъ глупъ и пѣвъ.

въ «даръ» «фонтану любви», это «счастливая мечта» поэта, по его собственному выражению¹²⁸. О Заремѣ не несправедливо говорить, что въ ней мелькаютъ уже знакомые почитателямъ Байрона черты его героинь. Зарема напоминаетъ, между прочимъ, Гольдгару («Корсар»). О послѣдней и Лейлѣ, какъ объ особо прекрасныхъ личностяхъ въ поэзи Байрона, говорится въ письмѣ Пушкина къ Кернъ 8 декабря 1825 г.¹²⁹ О Лейлѣ Пушкинъ вспоминалъ и раньше — въ стих. «Гречанка» (1822):

Сказки: когда пивецъ Лейлы
Въ мечтахъ небесныхъ рисовалъ
Свой пелэмвншій псалмъ.—
Ужь не тебя ль изображалъ?

Въ тѣ годы броженія кичущихъ страстей въ поэтѣ Пушкину могли быть любви и эти образы, представлявшіе контрастъ Маріи «Бахчисарайскаго фонтана», — любви въ силу противорѣчій, которыми была полна жизнь его сердца:

Такъ сердце, жертва заблуждений,
Среди порошыхъ упоений
Хранить одинъ святой залогъ,
Одно божественное чувство!

Романтиченъ и созданъ не безъ отраженія Байроновыхъ героевъ и образъ Гирей. Этотъ «грошный ханъ» былъ «повелитель горделивый» (съ «гордою душою»), поспирился преть неземною красотою и душевною чистотою Маріи и, влюбившись въ нее,

... .. скушаетъ брашною славою,
Устала грозная рука,
... .. полонъ трусти умъ Гирей.

Послѣ смерти Маріи

... .. снова въ буряхъ боевыхъ
Песетя мрачный, кровавый;
Но въ сердцѣ хана чувствъ нѣтъ
Ганетя пламень безотрадный...
... .. и порохъ
Горючя следы днеть рѣкомъ.

Критика пыталась установить сходство и этого Крымскаго хана съ героями «Гульра» и «Корсара» Байрона, обративъ внимание на скуку, которую испытываетъ Гирей, на то, какъ онъ пытался заглушить свое горе въ буряхъ битвъ и т. п., но не нато забывать основную идею поэмы, выразившуюся и въ Гирей. — о великой силѣ

идеальной любви, покорившей даже грознаго деснота татарина: Маріины

... .. думаше, следы стоны
Тревожатъ хана кривки соны,
И да не смнчатся оны,
Гарема строге закона.

Вообще идея о силѣ возвышенной любви, сообщающей новую прелесть жизни, занимаетъ видное мѣсто въ поэзи Пушкина¹³⁰, и, если возводить первые зародыши этой идеи къ иноземному влиянію, то можно говорить развѣ о Руссо.

Такимъ образомъ, отзвуки поэзи Байрона слышатся лишь въ некоторыхъ частностяхъ поэмы, главнымъ образомъ, въ ея фонѣ, въ личности Заремы, которая не играетъ особо видной роли. Основная чувство и мысль, проникающая поэму, — всецѣло созданіе Пушкина, который «запечаталъ Фонтанъ, потому что деньги нужны», а написалъ его въ пламенномъ порывѣ идеально любовнаго сердца, «единственно для себя»¹³¹.

Еще независимѣе отъ Байрона послѣдняя по времени изъ такъ наз. байроническихъ поэмъ Пушкина «Цыганы»¹³², которую иные (напр., проф. Староженко) считаютъ однако отразившею въ наибольшей степени влияние Байрона.

Здѣсь, какъ и въ «Кавказскомъ Пелэмвншѣ», опять видимъ первобытный восточный народъ и среди него разочарованнаго Европейца. Все значеніе поэмы сосредоточено не въ любовной ея исторіи, а въ личности Алеко, въ переживаемыхъ имъ или педагомъ по поводу его измѣненіяхъ возрвннхъ на мнръ: любовная катастрофа — лишь переходный пунктъ этого измѣненія.

Герой поэмы отправился, какъ Чайльдъ-Гарольдъ, въ «добровольное изгнанье» и бросилъ, потому что ненавиждеть, «свелолюдушныхъ городовъ»:

Гамъ днш въ кудяхъ, за ограномъ
Не дншатъ утренней прохлатомъ,
Ни вешнимъ запахомъ луговъ;
Любви слытятся, мысли гореть,
Горюють водою своєю,
Главы преть и голоми клоуютъ
И просятъ венечъ да цвѣтовъ.

Въ этихъ мысляхъ Алеко, какъ и въ Пелэмвншѣ

128) Фонтану Бахчисарайскаго дворца. Пер., I, 313, «c'est vous que je verrai dans Gulnare et dans Leila — l'idéal de Byron lui-même ne pouvait être plus divin». Е. О., IV, XXXVI, «пивоу Гульгары поиражал...; въ той-же днш упоминается и Лейла, какъ и въ стих. 1830г. (Заключаше — Ризншль).

130) См. въ моемъ кншѣ: Пушкинъ, въ ряду великихъ поэтовъ, стр. 32—36, 131) Пер., I, 101, Ср. выше. 132) Поэма начала еше въ Олессѣ въ декабрѣ 1823 г., между второю и третьею главами «Фншнш», а закончена въ с. Михайловскомъ 10 октября 1824 г., какъ видно изъ письма къ кн. Вяземскому Пер., I, 136).

никъ, узнаемъ самого поэта 133). Алеко бѣжитъ изъ общества, какъ Чацкинъ, но, въ отличие отъ послѣдняго, это личность, отличившая свою совѣсть, и мы не можемъ уважать его, какъ уважаемъ Чацкого. Его преслѣдуетъ законъ. И вотъ Алеко, вольнолюбивый герой, какъ и Кавказскій Пѣвннцкъ, и какъ самъ Пушкинъ 134), омутился среди «смирненной вольности дѣтей», — среди народа, которому владѣть «привязанность къ дикой вольности»:

Какъ вольность, веселье ихъ поменьше...

Все живо посреди стеней...

Въ характеристикѣ этого народа поэтъ рѣзко отклоняется отъ народнаго воззрѣнiя: Цыганы-де «отличаются передъ прочими большой нравственной чистотой; они не промышляютъ ни кражей, ни обманомъ; впрочемъ, они такъ же дики, такъ же бѣдны, такъ же любятъ музыку, занимаются тѣми же грубыми ремеслами» 135).

Здѣсь люди вольны, небо ясно

Все скудно, дико, все нестройно,

Но все такъ живо—непокойно.

133) См. стих. В. В. Энгельгарту (1819).

Отъ суеты столицы праздной,
Отъ хладныхъ предестей Певы,
Отъ вредной снѣтницы Молвы,
Отъ скуки, столь разнообразной,
Меня зовутъ холмы, дуга и т. д.

Ср. еще въ стихотв. «Всеволодскому» (1819).

Отъ мертвой области рабовъ и проч.

Но здѣсь рекомендуется только удаление изъ круга большаго свѣта, какъ и въ стих. «Князю А. М. Горчакову» (1819). Пушкинъ выражался и потомъ о городѣхъ весьма не лестно. Въ маѣ 1827 г. «L'insipidité et la stupidité de nos deux capitales sont égales quoique diverses» (Соч. и п. А. С. П., ред. Морозова, VIII, 166). О «певѣхъ Певскихъ береговъ» говорится и въ письмѣ 14 июня 1827 г. (тамъ же 167). См. еще въ письмѣ отъ 1 января 1828 г.: «Le bruit et le tumulte de Pétersbourg m'est devenu tout-à-fait étranger» (тамъ же, 175);—26 ноября 1828: «я деревенскую жизнь очень люблю» (тамъ же, 249). Ср. отзывы Гоголя о Петербургѣ въ годы до отъѣзда за границу. 134) Самъ Пушкинъ

За ихъ дѣтскими толпами

Въ пустыняхъ, праздныхъ, бродилъ и т. д.

См. Соч. и п. А. С. Пушкина, ред. Морозова, III, 235 и 628. Сл. еще «Е. Он.», VIII, V.

Она смиреннае шатра

Всечень бродившихъ посѣщала...

135) Соч. А. С. П., ред. Н. А. Ефремова, III, 27—28.

Такъ чуждо мертвыхъ нашихъ вѣвъ,

Такъ чуждо этой жизни праздной,

Какъ ибень рабовъ ошобразной.

Алеко, презрѣвъ оковы просвѣщенья,

Теперь . . . вольный житель міра,

. изгнавшихъ перелетный...

Ему звездъ была дорога.

Его одолѣвала, какъ и Пушкина въ моментъ переселенія въ «край полуденной красы», «сердечна дѣнь» 136), онъ любилъ уносенье вѣшней дѣнь.

Но, какъ самого поэта, такъ и Алеко

. порой волшебной славы

Манила дальняя звезда;

Нежданно роскошь и забавы

Къ нему являлись иногда

И жилъ, не признавая власти

Судьбы коварной и славной;

Но, Боже, какъ прали страсти

Его послушною душой!

Слѣдовательно, и къ нему примѣнимы стихи, изъ посланія къ Вяземскаго къ О. П. Толстому, предназначенныя-было въ качествѣ эпитафіи, которые поэтъ хотѣлъ прежде поставить эпитафіемъ къ «Кавказскому Пѣвннцку»:

Подъ бурей рока твердый камень,

Въ волненьяхъ страсти легкой лесть.

Сразу можетъ показаться, что это байроническій герой, который лишь не имѣетъ опредѣленнаго оригинала въ ряду образовъ, созданныхъ Байрономъ 137), но было бы ошибочно остановиться на такомъ заключеніи. Основная мысль поэмы та же, какую иѣкогда проводилъ Руссо, вѣдѣ за которымъ пошелъ Байронъ,—о преимуществахъ жизни въ обществѣ съ природой. Однако, хотя устами Алеко прославляется приобрѣтаемый

. . . съ даромъ жизни дорогой

Неоцѣненный даръ свободы,

жизнь «на волѣ, безъ уроковъ»:

Безвольны здѣсь предразсужденя,

иѣтъ

. ложныхъ нуждь,

. иѣтъ и пресыщенья,

И пышной суеты наукъ.

. и тала безумной чести,

136) См. выше, а также въ стих. «Къ моему чернышнцѣ» 1821:

Тебя я

И съ дѣвкою примирялъ:

Она—твоя подруга.

137) Незеленовъ, 163; Zdziechowski, 190.

счастье на цыганскій ладъ пришлось не по душѣ Алеко, и послѣдній выходитъ за прѣлбы завѣтовъ Байронизма. Напрасно отецъ Земфиры, которая

... привыкла къ рѣзвой волѣ,

ссылается въ оправданіе дочери на примѣръ ея матери Марфулы. Итъ, а не таковы, отвѣчаетъ Алеко. И, дѣйствительно, это не герой въ духѣ Байрона. Это Пушкинъ съ его страстной ревностію въ духѣ Огелло и въ то же время съ самоосужденіемъ. Земфира стоитъ за свободу чувства:

Умру любви!

Алеко же говоритъ:

Отъ правъ моихъ не откажусь,
Или хоть щещемъ наслажусь.

Старикъ-цыганъ справедливо называетъ Алеко «гордымъ человекомъ», «бездумцемъ молодымъ», котораго «стока погубить», и становится на сторону Земфиры, такъ оправдывая удаленіе Алеко изъ табора:

Ты не рождена для дикой доли:
Ты для себя лишь хочешь воли.

Равнымъ образомъ и поэтъ признаетъ въ эпизодѣ, что для такихъ людей

... счастья нѣтъ и между вами,
Приврача бѣдныя сыны! ...
И вѣду страсти ровной
И отъ судьбы защиты нѣтъ.

Это заключеніе впадаетъ въ тонъ пессимизма, какъ и вообще въ поэмѣ есть и другія пессимистическія замѣчанія во вкусь Байрона¹³⁸, вообще не частая въ поэзи Пушкина. Такимъ образомъ, протестъ Алеко, говорящаго:

Отъ общества быть можетъ, а
Отъ емоу нѣтъ гражданина,

какъ бы отклоняется поэтось въ пользу общества въ широкомъ смыслѣ этого слова, откуда дальнѣйшій шагъ долженъ былъ вести къ требованію исполненія скромныхъ обязанностей гражданина, отъ которыхъ обыкновенно отказывались. Мифъ жалъ, — писалъ Пушкинъ 9 лѣтъ спустя,

... что мы рукѣ наемной
Ввѣряя чести свои дохотъ.

138 Ср. напр. замѣчаніе Алеко:

Пивецъ любви, пивецъ боговъ!
Скажи мнѣ, что такое слава!

Мотивы эти гдѣ, завабеныи гласъ *и т. п.* въ Childe Harold's pilgrimage, l. XXXVI: *Teems not each duty with the glorious tale и проч.* и Don-Juan I, CCXVIII.

съ трудомъ въ стонѣхъ кружили толь

Влачимъ армою ценою темной.

И что счастье намъ да тво

Не скажешь, какъ жетъа ниготъ...

Что наши села, нужны нѣтъ

Намъ вовсе музыки: что пивуи

Пошли не въ прокъ намъ, что спроста

Изъ баръ мы лбаемъ въ *lais-état* ... ?)

Покаместъ «Цыгань» показали, что индивидуализмъ, вообще характеризующій отрицаніе обществённости XVIII и XIX вв., сталъ къ концѣ концовъ сомнительнымъ для Пушкина ко времени перевѣда его въ с. Михайловское.

Поэма вызвала множество толковъ, надобныхъ поэтѣ 139. На ряду съ похвалами ему приходилось слышать отзывы, изобличавшіе непониманіе смысла его произведенія¹⁴¹ и занечастѣвшаго имъ поворота въ сторону отъ идеаловъ Байрона.

У. Коичина Байрона была вследствие такого поворота встрѣчена нашимъ поэтось безъ особой печали. Въ его поэзи она была поминута не такъ скоро, да и, повидимому, по почину кн. Виземскаго. «Маленькое поминанье за упокой Байрона»¹⁴² находимъ лишь въ стихотв. «Къ морю», написанномъ Пушкинымъ при отѣздѣ на Сѣверъ въ концѣ юля 1824 г. 143. Поэтъ «было и цѣлую панихиду затѣять, да скучно писать про себя — или справляясь въ умѣ съ таблицей умноженія глупости»¹⁴⁴. Пришлось ограничиться краткимъ вскользь упомянаніемъ объ «умчавшемся, какъ бури шумѣ», «властителѣ нашихъ думѣ» въ обращеніи къ морю, пѣвцомъ котораго былъ Байронъ по словамъ Пушкина:

Печаль, оцѣпаннныи свободой,
Оставя мѣру свои вѣнецъ, ...
Шуми, вдовнуися песотомъ!

139) Соч. А. С. П., ред. Ефремова, III, 558—559.

140) Нер., I, 283: «объ немъ разумѣется гдѣтъ комедія заговорять, а она мнѣ опротивилъ, какъ моп Пылавы, которыхъ я не могъ докончить по сепричишѣ». 141) Тамъ же, 252—253, 198, 242.—Жуковскій въ маѣ 1825 г. писалъ Пушкину: «Я ничего не знаю совершеннѣе по слову твоюу Пылавы! Но, милли другъ, скажи, какаа дѣль? Чего ты хочешь отъ своего тѣня? Какую память хочешь оставить о себѣ отечеству, которому такъ нужно вѣдѣе». Тамъ же, 247. — Ты спрашиваешь, какаа дѣль у Цыгановъ? вотъ на! Цѣль поэзи—но слѣ.—какъ говорить Дельвишъ. (тамъ же, 223). 142) Тамъ же, 136, 143. Въ прощальномъ радужномъ чарѣ, какъ говорится въ вариантѣ черновом. 144) Нер., I, 136. Иначе объясняетъ Пушкинъ свое молчаніе въ другомъ мѣстѣ, о которомъ см. ниже.

Она была, о море, твой пбвецъ:
 Твой образъ былъ на немъ означенъ;
 Она духомъ создана была твоимъ:
 Какъ ты, могущь, глубоко и мраченъ,
 Какъ ты, ничьмъ неукротимъ,
 Миръ опустыль . . .

Эти строки важны, какъ поэтическая, а не холодно-критическая, поминка Байрона, выдвигавшаяся въ моментъ вдохновеннаго воспоминанія о «властителѣ думъ», какимъ былъ Байронъ для поколѣній, къ которому принадлежалъ нашъ поэтъ, и для слѣдующаго. Превосходно передано впечатлѣніе, производимое поэзію Байрона на великую поэтическую душу, сопоставленіемъ его съ океаномъ; отбшенъ мраченъ¹⁴⁵), постоянно бросающаяся въ глаза Пушкину въ Байронѣ, и неукротимость — черты, въ которыхъ особенно выступаетъ отличие британскаго поэта отъ нашего. Но въ моментъ написанія приведенныхъ стиховъ Байронъ уже не былъ «властителемъ думъ» Пушкина. Отомъ свидѣлствуетъ письмо послѣдняго къ кн. Вяземскому, высланное изъ Одессы за мѣсяць съ лишнимъ передъ тѣмъ: «тебѣ грустно по Байронѣ, а я такъ радъ его смерти, какъ высокому предмету для поэзи. Гетѣи Байрона бѣднѣль съ его молодостию... Твоя мысль воспѣть его смерть въ 5-й пбснѣ его Героя прелестна — но мнѣ не по силамъ. — Общаю тебѣ однакоже Верши на смерть Его Превосходительства». Повидимому, Пушкина раньше пбвнялъ въ Байронѣ «пламенный Демонъ, который создалъ Гяура и Чайльдъ-Гарольда. Первые 2 пбснѣ Донъ-Жуана выше слѣдующихъ». Затѣмъ «его поэзія видимо измѣнилась», «въ первые звуки его уже ему не возвратились». Происходило претвореніе демона въ «другого поэта съ высокимъ челоѣвческимъ талантомъ»¹⁴⁶).

Очевидно, Пушкинъ уже раньше наблюдалъ критически за этими перемѣнами въ творчествѣ Байрона и испытывалъ постепенное охлажденіе къ нему по мѣрѣ того, какъ отступалъ на задній планъ демоническій пбвецъ Гяура, Чайльдъ-Гарольда, Донъ-Жуана, въ его начальныхъ похожденияхъ, и въ Байронѣ выдвигался иной поэтъ.

Въ связи съ этимъ не безынтересно отмѣтить, что задолго до стих. «Къ морю» началъ меркнуть для нашего поэта и ореоль демонизма. Это видно изъ стих. «Де-

монъ», редактированнаго въ 1823 г., послѣ того, какъ окончательно вызрѣлъ замыселъ поэта, слагавшійся постепенно¹⁴⁷) по мѣрѣ разрастанія въ немъ демоническихъ порывовъ. Поэтъ явственно приписываетъ нѣкъ постороннему воздѣйствию¹⁴⁸). Если это вѣрно, то въ числѣ главныхъ будителей демонизма въ душѣ Пушкина надо поставить Байрона¹⁴⁹), который казался Пушкину «пламеннымъ Демономъ въ Гяурѣ и Чайльдъ-Гарольдѣ», а также въ двухъ первыхъ пбсняхъ Донъ-Жуана и его-то, съ такой же вѣроятностію, какъ и кого-нибудь иного¹⁵⁰), могъ разумѣть поэтъ въ своемъ «Демонѣ», если послѣдній не былъ простымъ одицетвореніемъ «духа отрицанія или сомнѣнія», какъ истолковалъ его читателямъ самъ Пушкинъ.

147. Быть можетъ, къ «Демону» имѣеть отношеніе стихотвореніе 1819 г., заключающее бесѣду съ демономъ Соч. П., II, 68, какъ одинъ изъ первыхъ набросковъ замысла о бесѣдахъ поэта съ демономъ. Въ стих. «Демонъ» вошли и нѣкоторые стихи, сохранившіеся въ рукоисахъ М. и Чеголаевской Кавказскаго Пбвника (тамъ же, примѣч. 461). «Архивъ ата» упоминаются въ одномъ изъ набросковъ 1821 г., гдѣ говорится о «бѣшеной любви» Соч. А. С. П., ред. Ефремова, II, 535; ср. Соч. П., II, примѣч. 488). Ср. послѣднюю строфу въ наброскахъ 1822 г. «Красы Давель...» и, наконецъ, въ поэмѣ, названной «Гавриладой» 1822) (Соч. П. А. С. П., ред. Морозова, III, 206 :

Досель я былъ еретикомъ въ любви,
 Младыхъ богинь безумный обожатель,
 Другъ гь демона, повѣса и прелатель.

Такимъ другомъ поэта въ «Онѣгинѣ» оказывается этотъ «судрюмий» герой романа (см. «Е. О.» I, II, XLV и XLVI и наброски къ этимъ строфамъ). О дополненіи къ стр. XLV 1-й главы «Онѣгина», относимомъ г. Якушкинымъ къ «Демону», см. Соч. А. С. П., ред. Ефремова, т. VIII, 479, 478 См. въ моей книгѣ «Пушкинъ въ ряду великихъ поэтовъ», стр. 34—35, 149) См. тамъ же стр. 160, прим. и 161. Краковскій профессоръ Третіакъ также предполагаетъ, что въ стих. «Демонъ» разумѣлось воздѣвствіе I—II пбснѣ Донъ Жуана, въ которыхъ Байронъ показалъ Пушкину уже демономъ (Miśkiewicz i Puszkין jako Byroniści—Ateneum, Maj 1899). 150. Объ А. П. Вяземкомъ см. между прочимъ, въ Р. Старинѣ 1899, № 3, записку графа П. Кашицка. Князя П. А. Вяземскаго Пушкинъ первое называлъ Асмодеемъ Арзамасское прозвище князя Вяземскаго. Это находимъ въ перепискѣ 1817 (Пер., I, 7, 1823—1825 гг. тамъ же 74, 76, 82, 84, 116, 233 и 288. Вяземскій могъ послужить однимъ изъ русскихъ прототиповъ Онѣгина см. въ моей книгѣ «Пушкинъ» и пр., 99 и прим.). Ср. характеристику Вяземскаго въ написанъ «Къ портрету князя П. А. Вяземскаго» Соч. П., II, 212, гдѣ упоминается язвительная улыбка послѣдняго, и въ черновомъ наброскѣ посланія къ нему 1822 г.:

Язвительный поэтъ, остракъ замысловатый,
 И блескомъ, и умомъ, и шутками богатый.

Должно отмѣтить, что и другія лица получали названіе демона въ перепискѣ Пушкина. См.,

145. И въ предисловіи къ изд. 1-й части Онѣгина 1825 г. Пушкинъ называлъ Байрона «мрачнымъ». 146) Пер., I, 118.

БАЙРОНЪ.

Во всякомъ случаѣ это стихотвореніе, на ряду съ соответственными намеками въ другихъ произведеніяхъ Пушкина, является однимъ изъ наиболѣе ясныхъ указаній на душевные процессы, происходившіе въ поэтѣ въ годы, когда въ немъ началось успешное броженіе, долженствовавшее предшествовать выработкѣ вполнѣ сознательнаго и устойчиваго міровоззрѣнія. Въ Пушкинѣ совершался процессъ, аналогичный тому, который нашъ поэтъ наблюдалъ въ Байронѣ, перевода Пушкина отъ демонизма къ болѣе человѣчному міровоззрѣнію. Но словамъ Пушкина, Байронъ въ соизвѣстнн съ демонизмомъ «остался хромъ», нашъ же поэтъ попытался обойти эти трудности, послѣ того какъ хорошо извѣдалъ всю глубину пропастей «отрицанія или сомнѣнія», съ которыми отождествилъ демонизмъ (151).

Несомнѣнно, что годы увлеченія Байрономъ совпали съ безвѣріемъ въ Пушкинѣ. Жуковскій обнималъ послѣдняго за «Демона», но писалъ 1-го іюня 1824 г.: «Къ черту черта! Вотъ пока твоя девизъ. Ты созданъ понасть въ боги—впередъ. Крылья у души есть!... Прости, чертики, будь Ангеломъ» (152). Это случилось, однако, не скоро. Еще въ мартѣ 1824 г. Пушкинъ писалъ: «беру уроки чистаго атеизма. Система негодъ, утѣшительная, какъ обычно-

напр., въ письмѣ отъ 3 ноября 1826 г. упоминае о спутникахъ: «S. P. est mon bon ange, mais l'autre est mon démon». Интересно отвѣтъ княгини Васемской: «A propos, vous avez si souvent échangé d'objet, que je ne sais plus qui est l'autre» (Перев., I, 379 и 384). Въ письмѣ 1830 г. къ неизвестной: «Sûrement vous êtes le démon, c'est-à-dire celui qui doute et nie, comme dit l'Écriture». Соч. и п. А. С. Пушкина, ред. Морозова, VIII, 221. Въ письмѣ князя С. Г. Волконскаго отъ 18 октября 1824 г. (Перев., I, 138) находимъ: «Посылаю я вамъ письмо отъ Мельмота... Неправильно вы сказали о Мельмотѣ, что онъ въ природѣ ничто и не благо сто явилъ: прежде я былъ съ вами согласенъ, но по опыту знаю, что онъ имѣетъ чувства дружбы—благородной и независимой обстоятельствами.—Интересенъ еще вариантъ въ Путешествію Оубаша:

Мельмотомъ злѣтеемъ, квакеромъ, масономъ,

Иль томорощеннымъ Байрономъ.

Иль таке Демонъ моймъ.

Соч. А. С. П., ред. Ефремова, VIII, 314. Ср. Е. О., VIII, VIII и XII.

151. Такъ было въ замѣткѣ, приготовленной Пушкинымъ для журналовъ по поводу толкованія «Демонъ» Антв и Ковалъ, Александръ Сергѣевичъ Пушкинъ въ Александровскую эпоху, Спб., 1874, стр. 133. Ср. еще въ предъидущемъ примѣчаніи въ первую изъ писемъ 1830 г. 152. Пер., I, 113.

венно думаютъ, но, къ несчастію, болѣе всего «правдоподобная» (153). Нѣсколько позднѣе (въ 1826 г.) Пушкинъ сознавался, что онъ былъ повнненъ въ моментъ высылки того письма въ безвѣріи (154). Байронъ, наоборотъ, никогда не былъ атеистомъ, а сталъ лишь мало-по-малу скептикомъ, не тождившимъ, однако, то послѣднихъ выводовъ, потому что не былъ въ нихъ убѣжденъ. Это замѣтилъ потомъ и Пушкинъ: на первыхъ же порахъ на него произвелъ сильное впечатлѣніе скептицизмъ Байрона.

Почти во всѣхъ произведеніяхъ британскаго поэта поднимается мучительный вопросъ о томъ, что будетъ тамъ. Быть можетъ, подъ его влияніемъ и Пушкина сильно заняла мысль о загробной жизни (155), и онъ пытался разобраться въ этой загадкѣ, ища въ увѣренія поэтовъ (156) и въ философскую аргументацію (157). Долго онъ не могъ освободиться отъ колебаній, и еще въ «Ангелю» (1833) находимъ стихи, вложенные въ уста Клавдіо, которые были выпущены по распоряженію императора Николая I, хотя не принадлежали всецѣло Пушкину:

Тамъ вѣрно не казнять...

Ильтъ, ильтъ: земная жизнь въ болѣзни, въ нищѣ.

Въ печаляхъ, въ старости, въ невольѣ, будетъ раемъ.

Въ сравненіи съ тѣмъ, чего за гробомъ ожидаемъ...

153. Тамъ же, 103, 154. Покойный императоръ, съоставъ меня, могъ только утвердить меня въ безвѣрїи» (Пер., I, 318; покойный императоръ въ 1824 году сослалъ меня въ деревню за нѣ строчки передвѣзныя—другимъ художествъ за собою не знаю» (тамъ же, 321; Его Величество заключилъ меня изъ службы приказалъ сослать въ деревню, за письмо, писанное тою три тому назадъ, въ которомъ находилось сужденіе объ Атеизмѣ, сужденіе легкомысленное, достойное, конечно, всякаго порицанія» (тамъ же, 335).

155. Пушкинъ въ ряду великихъ поэтовъ, 162, 156) См. стих. 1822 г. «Люблю вамъ сумракъ...», напечатанное въ 1826 г. въ сокращеніи, Первоначальный рукописный текстъ см. въ Соч. и п. А. С. П., ред. Морозова, I, 624—625.—Сопоставленіе его съ соответственнымъ мѣстомъ въ Child's Harold's pilgrimage см. въ книгѣ Пушкинъ въ ряду великихъ поэтовъ, 163, 157) Пер., I, 103, отрывокъ изъ письма къ Олесю въ первой половинѣ марта 1824 г.: «Здѣсь Англичанскіи, духомъ философіи, сущности умной Авеи, которая я еще встрѣтилъ. Онъ имѣетъ двести 1000, чтобы сказать, qu'il ne peut exister d'être intelligent, Créateur et régulateur.—мимолетомъ уничтожая слабая доказательства безсмертія души» (158). При подѣлкѣ стиха соотвѣтствуетъ Шекспировымъ въ Measure for measure.

Особенно безотрадно и пессимистично стихотв. «26 мая 1828 г.», гдѣ «сумь, сомнѣемъ взволнованный», доходить до вопросовъ и отчаянія Байронова Каина: 159)

Цѣль пѣть перестъ мною;
Сердце пусто, празденъ умъ,
И томить меня тоскою
Однозвучный жизни шумъ.

Но Пушкинъ не могъ остановиться на такомъ пессимизмѣ и сомнѣніяхъ: байроновскій демонизмъ не давалъ выхода, какъ и индивидуализмъ. Недаромъ уже въ замѣткѣ по поводу «Демона» онъ писалъ, что «вѣчная противорѣчія сущности рождаютъ сомнѣнне: чувство мучительное, но непродолжительное... Оно исчезаетъ...» Мало-по-малу исчезли и сомнѣнія Пушкина, быть можетъ, въ отличіе отъ Байрона, не занимавшагося философіею, путемъ изученія философскихъ системъ 160), а также путемъ поэтического проникновенія въ высшія тайны жизни, которому, быть можетъ, научилъ его Байронъ.

Не на мировую только скорбь и на «вѣчныя противорѣчія сущности» натолкнула лирику Пушкина поэзи Байрона. Она сообщила нашему поэту политическія темы въ стихотвореніяхъ на борьбу народовъ Балканскаго полуострова за независимость 161), о Панаполей и въ «Анчарѣ». И, сверхъ того, нѣкоторые образы и темы въ стихотвореніяхъ Пушкина имѣютъ аналогію въ поэзи Байрона 162), но нѣкоторые изъ нихъ были выдвинуты Пушкинымъ ранѣе знакомства его съ поэзіею Байрона 163).

Въ общемъ надо признать, что байронизмъ отозвался въ лирикѣ Пушкина сравнительно еще слабѣе, чѣмъ въ эникѣ, и въ связи съ этимъ не безынтересно отмѣтить, что нашъ поэтъ не переводилъ ни одного стихотворенія Байрона, хотя далъ переводы изъ другихъ поэтовъ и писалъ подражанія.⁴

Для надлежащей оцѣнки силы байронизма

159) Пушкинъ въ ряду великихъ поэтовъ, 170, прим. 6. У Байрона: know whatever thou hast been something better not to be. 160) Въ замѣткѣ на одномъ изъ черновыхъ листковъ «Нутешествія Оубина читаемъ: «Ne pas admettre l'existence de Dieu, c'est être plus absurde, que ces peuples qui pensent du moins que le monde est posé sur un rhinoceros». Соч. А. С. П., ред. Ефремова, т. VII, стр. 316, прим. Не касаемся здѣсь знакомства Пушкина съ философіею Шеллинга и др. 161) «Дочери Карагеоргия» 1820, «Волна» 1821, «Возстаніе, о Греція» 1823. Впрочемъ, Пушкинъ разочаровался довольно скоро въ грекахъ. 162) П. О. Сумцова, Пушкинъ, Харьк., 1900, 174 и слѣд. 163) См., напр., Соч. П., II, 352.

въ поэзи Пушкина необходимо указать еще, что вліяніе Байрона уравновѣшивалось другими, въ ряду которыхъ слѣдуетъ отмѣтить прежде всего увлеченіе французскимъ поэтомъ конца XVIII-го вѣка Андре Шенье 164). «Никто болѣе меня не уважаетъ, не любитъ этого поэта»,—писалъ Пушкинъ въ 1823 г. 165). Изъ Шенье хотѣлъ онъ взять въ 1825 г. и эпитафій для собранія своихъ стихотвореній 166). Изъ Шенье есть заимствованія уже въ стихотвореніяхъ Пушкина 1820 и 1821 гг. 167), а въ 1825 г. нашъ поэтъ писалъ 168):

Межъ тѣмъ какъ изумленный мѣрь
На урну Байрона взирать
И хоръ европейскихъ лиръ
Близъ Данте тѣбъ его внимаютъ,
Зоветь меня другая тѣбъ,
Давно, безъ пѣсень, безъ рыданій
Съ кровавой плахи, въ дни страданій
Соеднанъ въ могилу събъ.

Здѣсь интересно противоположеніе Байрона Андре Шенье въ симпатіяхъ поэта. Пушкинъ давно уже призывалъ молодая силы къ гражданскому служенію и высказывалъ надежду на торжество новыхъ стремленій:

На обломкахъ самовластья
Пашшутъ наши имена 169).

Въ маѣ 1825 г. Рылѣевъ писалъ Пушкину: «ты можешь быть нашимъ Байрономъ, но ради Бога, ради Христа, ради твоего любезнаго Магомета не подражай ему», а осенью 1825 г. зывалъ къ Пушкину: «буди поэтъ и гражданинъ» 170). Гражданскіе идеалы поэзи Шенье имѣли въ этомъ отношеніи рѣшающее значеніе, вновь усиливъ въ Пушкинскомъ творествѣ по-

164) Я. К. Гротъ утверждалъ, что Пушкинъ ознакомился съ А. Шенье впервые въ Крыму благодаря П. П. Раевскому («Первенцы лицевъ»). Однако однимъ стихомъ Шенье Пушкинъ воспользовался въ стих. «Доридъ», относящемся къ самому началу 1820 г. (Соч. П., II, 197 и примѣч., 301). Пушкинъ однимъ изъ первыхъ въ Россіи подучилъ вышедшее къ тому времени изданіе посмертныхъ и др. стихотвореній А. Шенье и сразу увлекся «возвышеннымъ Галломъ». 165) По романтизму въ немъ пѣть еще ни кадил.—прибавилъ Пушкинъ (Пер., I, 83). Подобное же читаемъ и далѣе въ перепискѣ (123): «Никто болѣе меня не любитъ прелестнаго André Chenier. Но онъ изъ классиковъ классикъ—отъ него такъ и несетъ древей греческой поэзии». 166) Пер., I, 192, 167) Сюда относится схема «Музы» 1821. Есть заимствованье изъ А. Шенье и въ стих. «Кинжалъ» 1821 г. 168) «Андрей Шенье». 169) «Посланіе къ Чаадаеву», Уединеніе и «Деревня». 170) Пер., I, 216 и 299.

литическую струю противорѣчивую Байронизму: Шенье воспринимать идеалы гражданскаго свободнаго Байрона — неограниченную свободу индивидуализма и страсти 171).

Можно бы отмѣтить даже, что на ряду съ А. Шенье Пушкинъ вскорѣ началъ, подобно Байрону, зачитываться библіею 172, Шекспиромъ, Вальтеръ-Скоттомъ 173 и т. д.

Словомъ, Байроническое разочарованіе съ его скорбными и мрачными возгласами, исповѣнными сомнѣніи и отчасти пессимизма, было лишь временнымъ и преходящимъ явленіемъ въ поэзи Пушкина. На этомъ разочарованіи, скептицизмѣ и пессимизмѣ не могъ остановиться нашъ поэтъ — тѣмъ болѣе, что и въ годы наибольшаго увлеченія Британскимъ поэтомъ Пушкинъ не поддавался всецѣло его вліянію: муза Пушкина не была лишь музою разочарованія, печали и гнѣва. Вліяніе Байрона не было даже такъ продолжительно, какъ обаяніе Вальтеръ-Скотта, окунувшего нашего поэта въ болѣе здоровую поэзію, «дѣйствіе котораго ощущательно во всѣхъ отрасляхъ ему современной словесности»: вліяніе Байрона длилось, какъ болѣе или менѣе могучая сила, около четырехъ лѣтъ съ лишнимъ.

VI. Въ годы отъ второй половины 1824-го и до 1830-го Пушкинъ направлялся по новому пути творчества. Заупокойная литургія въ с. Михайловскомъ въ годовщину смерти Байрона, заказанная нашимъ поэтомъ не безъ свойственной ему шутливости 174, была какъ бы прощальнымъ похороннымъ отиваніемъ идеаловъ Байронизма, увлекавшихъ Пушкина въ предшествующіе годы. Послѣ того у него замѣчается болѣе вѣрную и трезвую оцѣнку и личности Байрона и его произведеній 175).

Съ осени 1825 г. мало находимъ упоминаній о Байронѣ въ перепискѣ Пушкина 176), хотя послѣдній озабочивался съ произведеніями Британскаго поэта, раба имъ не читанными. Нашъ поэтъ лишь вкрадчивъ коснулся Байрона въ нѣсколькихъ журнальныхъ замѣткахъ, а въ своемъ творчествѣ лишь свѣлъ дикломатические счеты съ типомъ, обрисовка котораго составила славу Байрона и который укоренился и въ русской поэзи. Пушкинъ теперь изрѣдка слѣдовало вышней манерѣ творчества Байрона въ томъ или иномъ произведеніи 177).

Но мѣрѣ болѣе тщательнаго и критическаго изученія жизни Байрона и его произведеній, Пушкинъ отрѣшалъ его отъ его прежняго ореола. «Зачѣмъ жалеть ты о потерѣ записокъ Байрона?» писалъ Пушкинъ къ Вяземскому въ сентябрѣ 1825 г. — «Чортъ съ нимъ! Слава Богу, что погарины. Онъ основательно въ своихъ стихахъ невольно, увлеченный восторгомъ поэзи. Въ хладнокровной прозѣ онъ бы дѣлалъ и штрилъ, то стараясь блеснуть искренностію, то мараля своимъ враговъ—Его бы уличили, какъ уличили Руссо — а тамъ злоба и клевета снова бы торжествовали. Мы знаемъ Байрона довольно» 178).

Въ февралѣ 1825 г. Пушкинъ еще не видѣлъ «Conversations de Byron», но уже говорилъ, что мемуары Fouché «очаровательнѣе Байрона» 179). Чертами «сильнаго и сложнаго» характера Британскаго поэта Пушкинъ призналъ: orgueil, haine, mélancolie; въ общемъ его характеръ «sombre et énergique». О трагедіяхъ Байрона Пушкинъ былъ невысокаго мнѣнія, углубившись въ изученіе Шекспира 180). Донъ Жуана теперь онъ поставилъ на первое мѣсто. «Что за чудо

171 См. лекцію В. В. Шкельскаго: Пушкинъ и Андре Шенье — 172 Пер., I, 103, 149, 155, 173) Въ письмѣ конца октября 1824 г. Пер., I, 207: «Conversations de Byron! Walter Scott! Это—нища души». 174 См. Пер., I, 202 и 204, 175 Слова Пушкина въ письмѣ къ А. П. Керкъ отъ 8 декабря 1825 г.: «Byron vient d'acquérir pour moi un nouveau charme, toutes ses héroïnes vont revêtir dans mon imagination des traits qu'on ne peut oublier. C'est vous que je verrai» и т. д. (см. выше прим. 12 — лишь краткая фраза для выраженія не восторга передъ Байрономъ, а любовнаго увлеченія. Рѣчь шла о присланномъ Керкъ экземплярѣ новаго изданія Байрона, касательно котораго находимъ прощбу Пушкина въ письмѣ къ А. П. Вудворъ отъ 21-го июля 1825 г. («N'oubliez pas la dédicace de Byron»). Пер., I, 249). До того времени Пушкинъ прочелъ изъ Донъ Жуана первая 6 пѣсень — трихъ не читалъ — тамъ же, 196 и 286. Онъ требовалъ отъ брата въ письмѣ отъ 22 и 24 апрѣля

1825 г. высылки 6-й и слѣдующихъ пѣсень Донъ Жуана тамъ же, 207. 176) Последнее находимъ въ письмѣ 1835 г., къ которому относится и замѣтка о Байронѣ, 177) Графъ Пушкинъ «Повѣсть въ ротъ Верро» Пер., I, 334. Домикъ въ Коломнѣ. О томъ однако, что молодой старинный барона въ «Скупомъ рыцарѣ» напоминаетъ строфы VIII—X XII-й пѣсни Д. Жуана, замѣтилъ Морозовъ: Сед. и п. А. С. П., III, 650, 178) Пер., I, 287. Обѣ Обѣннѣ см. выше.

179) Тамъ же, 178. Въ марѣ 1825 г. Пушкинъ опять побывалъ присылки Conversations de Byron, на ряду съ Mémoires de Fouché тамъ же, 190, 180) Тамъ же, 248. Ср. въ замѣткѣ 1827 г.: Англискіе критики оспаривали у Дорна Байрона трагическіе таланты; они, кажется, правы Байронъ, столь оригинальный въ Чандлеръ-Гарольдѣ, въ Гларъ и въ Донъ Жуанѣ, пылался потребителемъ, какъ скоро всунуть въ поприще драмы. Въ Манфредѣ онъ изображалъ Фауста и т. д. Сед. и п. А. С. П., ред. Морозова, I, VI, 260—261.

Д. Ж... это Chef d'oeuvre Байрона» 181, отличающийся «удивительнымъ Шекспировскимъ разнообразіемъ». Поэтъ выводитъ «на сцену лицо, являющееся во вѣбхъ его созданійхъ и которое, наконецъ, принявъ оны на себя въ Чайльдъ-Гарольдъ». Въ Корсарѣ Пушкина плывла «очаровательная и глубокая поэзія»; въ Гяурѣ—«пламенное изображеніе страстей»; въ Осадѣ Коринѳа, Шильонскомъ Узникѣ—«трогательное развѣтіе сердца человѣческаго; въ Паризіиѣ—«трагическая сила»; въ Чайльдъ-Гарольдѣ—«глубокомысліе и высота паренія». Но «Байронъ мало заботился о планахъ своихъ произведеній, или даже вовсе не думалъ о нихъ. Нѣсколько сценъ, слабо между собою связанныхъ, было ему достаточно для бездны мыслей, чувствъ и картинъ» 182). Описание самого себя Пушкинъ считалъ характернымъ признакомъ Байроничанья въ поэзи 183).

Нѣсколько лѣтъ спустя, въ 1835 г., Пушкинъ высказался еще рѣшительнѣе въ томъ же направленіи. «Главными признаками характера» Байрона Пушкинъ призналъ «горечь, раздражительность, его достоинствами «смѣлую предприимчивость, великодушіе, благородство чувствъ», а недостатками—необузданныя страсти, причуды и дерзкое презрѣніе къ общему мнѣнію: многое перенялъ онъ у своего страшнаго дѣда въ его обычаяхъ; и нельзя не согласиться въ томъ, что Манфредъ и Лара напоминаютъ удивленнаго Пюстидскаго барона. Говорятъ, что Байронъ своей родословною дорожилъ болѣе, нежели своими твореніями» 184). Но онъ «продавалъ очень хорошо свои стихотворенія» 185).

Пушкинъ попрежнему особо чтилъ «Чайльдъ-Гарольда». Онъ писалъ въ 1830-мъ г.: «Мысль, что шутивую народію можно принять за неуваженіе къ великой и священной памяти также удерживала меня. Но Child Harold стоитъ на такой высотѣ, что какимъ бы тономъ о немъ ни говорили, мысль оскорбить его не могла во мнѣ родиться» 185). Въ 1835 г. Пушкинъ перевелъ прозой 31½ строфы изъ посвященія «Чайльдъ-Гарольда»: «Къ Замѣ» 186).

Тѣмъ не менѣе, въ годы съ 1826-го онъ, очевидно, смотрѣлъ на «скептическую

поэзію Чайльдъ-Гарольда» такъ, какъ высказался въ 1827-мъ: «Байронъ бросилъ односторонній взглядъ на міръ и природу человѣческую, потомъ отворотился отъ нихъ и погрузился въ описаніе самого себя, въ коемъ онъ поэтически создалъ и описалъ единый характеръ (именно свой 187); все, кромѣ... etc., отнесъ онъ къ сему мрачному, могущественному лицу, столь таинственно плѣнительному. Онъ представилъ намъ свой призракъ».

Онъ создалъ себя вторично, то подъ чалмой ренетага, то въ плащѣ Корсара, то издыхающимъ подъ свѣмой, то странствующимъ посредь...»

Ноявясь всѣмъ односторонности и недостатки Байронизма, Пушкинъ пошелъ дорогою, во многомъ прямо противоположною его прежнимъ путямъ.

Уже въ іюль-августѣ 1825 г. онъ писалъ: «Я чувствую, что моя душа совсѣмъ разверзлась, я могу творить» 188).

Сейчасъ же послѣ увлеченія Байрономъ онъ создалъ образъ Пимена, въ которомъ «собралъ черты, плѣвившія въ нашихъ старыхъ лѣтописяхъ: умилительная кротость, младенческое и вмѣстѣ мудрое простодушіе, пабожное усердіе къ власти Царя, данной Богомъ, совершенное отсутствіе суетности» 189).

Направившись въ сторону родныхъ идеаловъ, Пушкинъ началъ обнаруживать поворотъ и въ своемъ нравственномъ существѣ и во взглядахъ на окружающую жизнь.

Въ Пушкинѣ съ большою силою, чѣмъ прежде, начало пробуждаться нравственное сознаніе, не вполнѣ дремавшее и въ эпоху увлеченія Байронизмомъ.

Въ наброскахъ 1822 г. найдены стихи, обозначающіе такое сознаніе:

Красы Лансъ, завѣтные пиры
И клики радости безумной,
И мирныхъ музъ минутные тары,
И летанье славы шумной...
Разоблачивъ плѣнительный кумиръ,
Я вижу призракъ безобразный 190.

Вѣроятно, и къ самому поэту могутъ быть отнесены стихи:

Кто чувствовалъ, того тревожить
Призракъ невозвратимыхъ дней—

181 Пер., I, 286. 182 См. замѣтку 1827 г. о Байронѣ. Соч. и п. А. С. П., ред. Морозова, VI, 239-183 Пер., I, 314. 184 «Лордъ Байронъ» 1835г. 185 «Несмотря на великія преимущества...» 1835 г. 186 Соч. и п. А. С. П., ред. Морозова, VI, 434—435.

187 Ср. выше, въ письмѣ 1825 г. къ П. Н. Раевскому Пер., I, 268. 188 Тамъ же, 249. 189 Соч. и п. А. С. П., ред. Морозова, VIII, 174, 190 Тамъ же, I, 335. Слѣдующій набросокъ г. Морозовъ стр. 641 сопоставляетъ со строфою 166 П-и пѣсни Донъ Жуана.

Тому уже нѣтъ очарованій
Того днѣя воспоминаій.
Того раскаянне грезеть ¹⁹¹.

То нравственное сознаніе грѣха, на которое иностранная критика обратила вниманіе въ русской литературѣ, встрѣчается уже у Пушкина, напр., въ его собственныхъ мимолетныхъ признаніяхъ и въ его Татьянѣ.

Примиреніе съ жизнью и ея законами коренилось еще въ Вольтерьянствѣ Пушкина. Теперь оно получило новое осмысленіе, и въ началѣ 1830-хъ годовъ Пушкинъ, вопреки Руссо и Байрону, писалъ одному пріятелю: «Il n'est de bonheur que dans les voies communes» ¹⁹²). Подобно Вольтеру и Гёте, Пушкинъ замѣтилъ: «Il n'est rien de plus sage que de rester dans son village et d'arroser ses choux» ¹⁹³). Заключительнымъ аккордомъ поэзи Пушкина въ этомъ отношеніи является мечта, нѣсколько подобная той, которую заканчивается Гётевскій «Фаустъ»:

На свѣтѣ счастья нѣтъ, а есть покой и воля.
Давно завидная мечтается мнѣ поля,
Давно, усталый рабъ, замыслилъ я побѣду
Въ обитель дальнюю труновъ и чистыхъ нѣтъ ¹⁹⁴.

Эти строки написаны незадолго до кончины Пушкина, и интересно сопоставить ихъ со стихотвореніемъ Байрона, вышедшимъ приблизительно къ томъ же возрастѣ и также относящимся къ послѣднему моменту его творческой дѣятельности и прохожденія земного поприща ¹⁹⁵). Усталость слышится въ рѣчи того и другого поэта, но у Пушкина не замѣчается Байроновской безнадежности, прощанія съ жизнью и тщеславія, «позы и сцены»: напротивъ, нашъ поэтъ помышлялъ о новыхъ, очевидно, литературныхъ «трудахъ» на ряду съ «чистыми нѣтами». Не касаемся различій обстановки, въ которой возникли оба произведенія,—семейной у Пушкина и полной браваго шума у Байрона.

Нельзя неслухомъ характеровъ въ данномъ случаѣ сказались и коренныя разли-

чія мировоззрѣнія, какъ оно сложилось у обоихъ поэтовъ къ концу ихъ жизни.

Нашъ поэтъ превозмогъ отодвинувшее его разочарованіе силою нравственныхъ устоевъ и, между прочимъ, чисто русскимъ мистицизмомъ, который такъ же правится западнымъ критикамъ въ родѣ Пабеля, словомъ, тою русскою духовною силою, которая такъ ярко выражается и въ Пушкинѣ и неразрывно связана съ народностью и съ ожиданіемъ

Тѣхъ чудесъ, что, можетъ быть,
Памъ въ расцвѣтѣ нашемъ полною,
Суждено еще явить!

Въ этомъ отношеніи вѣрны слова Герцена, что Пушкинъ является представителемъ въ высочайшей степени богатства и глубины русской натуры.

Великіе поэты Запада времени Пушкина, Шатобрианъ и Байронъ не нашли выхода въ своемъ обществѣ, и изблуженнымъ своимъ героямъ выставили бѣдѣцами изъ родной земли. Байронъ оочаательно выработалъ и упрочилъ въ литературѣ типъ разочарованнаго странника по свѣту, испытывающаго душевный разладъ,—типъ, намѣченный въ жизни и поэзи уже Ленцемъ, а затѣмъ отчасти Шатобрианомъ. И Шатобрианъ и Байронъ направили своихъ изблуженныхъ героевъ, Рене и Чайльдъ-Гарольда, на чужбину, правда—поэтическую и прекрасную, но все же далекую отъ гори и нужды родной земли. То были печальный исходъ. И какъ ни очаровывали Шатобрианъ и Байронъ красотою обстановки, въ которую ставили своихъ героевъ, высокимъ подъемомъ чувства, красотою и риторикою страсти, они не могли всецѣло завладѣть воображеніемъ и мыслью нашего поэта, и Пушкинъ подолжалъ выше этого своихъ великихъ современниковъ въ попыткѣ разрѣшенія мучительной проблемы своего вѣка, какъ и вообще онъ выше ихъ полною правдивостію и сободотеніемъ мѣры въ своемъ творчествѣ, а также его положительностію.

Въ изображеніе разочарованной души Пушкинъ, по сравненію съ западными поэтами, внесъ значительную отмѣну. Во-первыхъ, въ пониманіе «современнаго чело-вѣка» Пушкинъ привнесъ отчетливое указаніе на связь его настроенія съ безотрадными условіями общественности съ одной стороны и съ тѣми общесловесными интеллектуальными и моральными теченіями, которыя составляли духовную пищу

191—Евг. Ов., I, XLV]. См. также VIII, III; II л. въ законѣ себѣ виѣнил. Страсти стншии произвольны... 192—Соч. и п. А. С. П. ред. Морозова, VIII, 235—193—Тамъ же, 278. 194—Стихъ 7. Къ женѣ, 1836.—О вольности и покоѣ, какъ о «чистыхъ нѣтахъ», страдательно говоритъ Офицръ въ письмѣ къ Татьянѣ (Е. О., VIII, XXXII). Ср. подобныя же мечты Татьяна и Е. О., IX, 195. On this day I completely Tarty—sixth year.

такихъ личностей. Во 2-хъ нашъ поэтъ отнесся весьма критически къ модному герою (даже въ «Кавказскомъ Шлишникѣ», зѣвѣ въ «Цыганахъ» и въ особенности въ «Онѣгинѣ»), чего почти не находимъ у поэтовъ Запада. Такая критика была въ высшей степени важна, потому что не можетъ же жизнь остановиться на отрицательномъ созерцаніи міра, что и создалъ Пушкинъ. Развивать байронизмъ такъ, какъ то сдѣлалъ Пушкинъ, могъ только великій умъ, а послѣ него было уже легко слѣдовать далѣе по тому же пути. Наконецъ, у Пушкина была не только тщательна изучена и продумана «скорбь вѣка», но былъ возвышенъ и выходъ изъ нея. Потому Пушкинъ—не только отрицательный поэтъ, но и положительный, и въ этомъ отношеніи нашъ поэтъ приблизился къ величайшимъ нѣмецкимъ поэтамъ не только начала, но и всего XIX-го вѣка.—Гёте и Шиллеру, сколь ни сравнительно слабо было влияние ихъ на Пушкина.

Всѣ отмѣченныя только что поэтическія заслуги его выставляются со всею отчетливостію въ «Онѣгинѣ»,—поэмѣ, начатой въ годы увлеченія Байрономъ и законченной, когда стала окончательно вырѣивать мысль нашего поэта послѣ законченныхъ счетовъ съ «легкой юностью». Оглянувшись на протекшіе дни ея,

Довольно!—шесалъ Пушкинъ—Съ ясною душою
Пускаюсь нынѣ въ новыя пути.
Отъ жизни прошлой отдохнуть,—
Миръ вамъ, тревоги прошлыхъ дѣтъ! 196

На этомъ пути предлежало прежде всего покончить, между проч., съ новою попыткою изображенія «современнаго чело-вѣка», намѣченнаго западно-европейскими поэтами, въ томъ числѣ и Байрономъ.

Съ формальной стороны эта новая попытка была предпринята также не безъ влияния примѣра Байрона—вѣдь и задумана она была на берегахъ Тавриды, гдѣ впервые со всею силою выступило въ поэзи Пушкина увлеченіе Байрономъ (197). Самъ Пушкинъ заявлялъ въ 1823 г., что «Онѣгинъ» писанъ имъ «въ родѣ Донъ-Жуана» 198; «ещиу новую поэмѣ Евгеній Онѣгинъ, гдѣ захлѣбываюсь желчью» 199). Но потомъ въ

марѣ 1825 г.) нашъ поэтъ отстранялъ это сближеніе: въ «Донъ-Жуанѣ», говорилъ онъ, «нѣтъ ничего общаго съ Онѣгинимъ. Гдѣ у меня сатира? о ней и помину нѣтъ въ Евгеніи Онѣгинѣ. Если уже и сравнивать Онѣгина съ Донъ-Жуаномъ, то развѣ въ одномъ отношеніи: кто милѣе и прелестнѣе (gracieuse), Татьяна или Юлія» 200). Въ этомъ отреченіи отъ связи съ Донъ-Жуаномъ Пушкинъ былъ не совсѣмъ правъ. Приемы творчества, рѣзко выступившіе въ знаменитой поэмѣ Байрона, не разъ отзываются въ «Онѣгинѣ», да и самъ этотъ герой романа не чуждъ донъ-жуанству и демонизму Донъ-Жуана, имѣя также и кое-что Чайльд-Гарольдовское 201). Вначалѣ это—настоящій мировой скорбникъ, пропитанный байронизмомъ, хотя поэтъ и называетъ его «странностью» «спендражательною» 202).

Я сталъ въирать его очами;
Открылъ я жизни бѣдой кладъ,
Въ замѣну прежнихъ заблужденій,
Въ замѣну вѣры и надеждъ
Для легкомысленныхъ невѣждъ 203.

Онѣгинъ началъ новую жизнь какъ Донъ-Жуанъ:

. . . въ чемъ онъ истинный былъ теній.
Что зналъ онъ тверже всѣхъ наукъ,
Что было для него измѣла
И трудъ, и мука и отрада,
Что занимало цѣлыи день
Его тоскующую дѣнь—
Была наука страсти нѣжной

и т. д. 204).

Потомъ

. . . рано чувства въ немъ остыли
Ему накукушь свѣта шумъ;
Красавицы немало были
Претметъ его привычныхъ думъ

и т. д. 205).

Но, и ушедъ отъ мятежной власти страстей,

200 Тамъ же, 196.—Рылѣевъ писалъ Пушкину раньше объ Онѣгинѣ: быть можетъ, въ слѣдующихъ мѣстахъ онъ будетъ одного достоинства съ Донъ-Жуаномъ тамъ же, 188.—Въ предисловіи къ I-ой части Онѣгина, Спб., 1825, сдѣлано иное сближеніе: Первая глава представляетъ нѣчто цѣлое. Она въ себѣ заключаетъ описаніе свѣтской жизни петербургскаго молодого чело-вѣка въ концѣ 1819 г. и напоминаетъ Бенио, шутливое произведеніе значнаго Байрона. 201 См. Пушкинъ въ ряду великихъ поэтовъ, стр. 167—168; въ настоящемъ этюдѣ сообщаемъ дополнителъная данная. 202) Е. О., I, XLV, 203) «Е. О.», набросокъ къ XLV-й строфѣ I-й главы, 204) Е. О., I, XIII—XIV, 205) Е. О., I, XXXVII.

196) «Е. О.», VI, XLV, 197) Соч. А. С. П., ред. Морозова, VIII, 404—письмо 1836 г., гдѣ говорится о Крымѣ: Votre lettre a reveillé en moi bien des souvenirs de t ut genre; c'est le berceau de mon Онѣгинъ, et vous avez sûrement reconnu certains personnages», 198) Пер., I, 83—84, 199) Тамъ же, 91.

Онбигна говорилъ объ нихъ
Съ невѣданнымъ вздохомъ сожалѣнья? 7).

Какъ оказалось, и теперь онъ былъ не прочь приволокнуться, но вообще онъ постепенно сталъ превращаться въ байрониста и въ частности напоминать Чайльдъ-Гарольда. Самъ поэтъ въ одномъ изъ примѣчаній къ I-ой главѣ «Онбигна» отбѣтилъ въ своемъ гербѣ «сергу охлажденнаго чувства, достойную Чайльдъ-Гарольда» 207).

Онъ въ первой юности своей
Былъ жертвой бурныхъ заблуждений
И не обузданныхъ страстей.

Въ немъ было роианье вѣчное души,
Вотъ какъ убили онъ восемь лѣтъ,
Утрата жизни думѣи цвѣтъ. 208).

И т. д. Не станемъ продолжать характеристику Онбигна и отсылаемъ къ словамъ самого поэта, слишкомъ хорошо всѣмъ извѣстнымъ. Отбѣтимъ лишь, что этотъ «холодный» «блвлецъ людей и свѣта», «отшельникъ праздной и унылой», съ «душою, полной сожалѣній» 209), имѣлъ въ своемъ кабинетѣ «лорда Байрона портретъ» 210).

Въ постель лежа, нашъ Евгений
Глазами Байрона читалъ 211)...
Хотя мы знаемъ, что Евгений
Издавна чтеще раздобылъ;
Однако жъ нѣсколько твореній
Онъ изъ оная неключилъ:
Швага Глуря и Жуана
и проч. 212)

Татьяна, внимательно разсмотрѣвъ читанья Онбигновыя книги и отбѣтки на нихъ, полаявъ его карандаша, начинаетъ понемногу понимать

Теперь лебѣ, слава Богу,
Того, по комъ она вздыхать
Обужтена судьбою властной...
Чужихъ причудъ нестоловаше
Словъ мощныхъ полныи лексиконъ,
Ужъ не пародія ли онъ?
Ужель загадку разрѣшила
Ужели слово пачено? 213)

206) Е. О., II, XVII, 207) Е. О., IV, X, 208) Да и Татьяна говоритъ (Е. О., VIII, VIII).
Чѣмъ нашъ явится Мельмотомъ, Гарольдомъ, 209) Е. О., IV, IX, 210) Е. О., V, XXXVII; VI, XLII; VII, V; I, XLVIII. Ср. VII, XXXI: ужели потрясанъ, Москвитинъ въ Гарольдомъ плащѣ. 211) Е. О., VII, XIX, 212) Е. О., III, строфа, возмещавшая стѣновать за V-ю, но по вошеица въ романъ. 213) Е. О., VII, XXV, 214) Тамъ же, XXXIV—XXXV.

Повидному, поэтъ не склоненъ былъ судить такъ строго, какъ Татьяна, этого «судака», какимъ, подобно ей, онъ называетъ Онбигна 215; онъ считаетъ Онбигна, какъ и Ленекаго, «поду-русскимъ герромъ» 216). Признавъ, что причину педуга, овладѣвшаго Евгениемъ, подобнаго англійскому силну, по имбощаго у насъ свою кличку хандры,

Давно бы отыскать пора 217), Пушкинъ выдвинулъ въ поэмѣ рядъ данныхъ въ объясненіе этого «петуга», общаго нашимъ интеллигентамъ начала XIX в. съ англичанами. Эти данныя почерпнуты какъ изъ жизни Онбигна, такъ и изъ жизни современнаго ему образованнаго русскаго общества.

Уже въ началѣ романа, наряду съ изображеніемъ Донъ-Жуанства Онбигна, говорится, что Евгений

... трудъ унылый
... былъ тошень 218).

«Преданный бездѣлю», Онбигнъ «стоится душевной пустою» 218). Въ концѣ также читаемъ:

Доживь безъ цѣли, безъ трудовъ,
До двадцати шести годовъ,
Томажъ въ бездѣвствіи босуга,
Безъ службы, безъ жена, безъ цѣль,
Ничѣмъ заняться не умѣлъ,

и все ему на свѣтъ надобно 219). Авторы, которые сравнительно охотно читали Евгений и которые перечислены полтомъ, очевидно, только поддерживали безотрадное настроеніе пресыщеннаго жизнью и размарованнаго человека, жившаго западными идеями и болѣе или менѣе поверхностно знакомаго съ модными теченіями.

Онбигнъ могъ

Вести и мужественный споръ
О Байронѣ и Бенжаменѣ,
О карбонарахъ, о Парии,
Объ генералѣ Жюмпи 220).

215) Тамъ же мѣшине Татьяна объ Онбигнѣ.
Чу такъ печальныи и опасныи (VIII, VIII).
Иль горитъ такъ же чужака Миліеи молотомъ
горючани VI, XLII: пасмурныи чужакъ (VI, I, V—миліеи поэтъ: множество причудъ).
Въ концѣ романа Пушкинъ (Е. О., VIII, I) называетъ Онбигна «спутникомъ страсти». 216) Е. О., VIII, вар. къ I, V-и строфы. Ср. думбуку Чтеца.
Сроднѣнн юбилей перваго русскаго романа. И Вр. 1900, N° 8810 и его же. Престоль, Евгения Онбигна, тамъ же N° 8810, 217) Е. О., I, XXXVIII, 218) Е. О., I, XLIII; XLIV, 219) Е. О., VIII, XII—XIII, 220) Е. О., I, паросовки къ стр. V.

Кромѣ Байрона Онѣгинъ «изъ оналы исключилъ»

... еще на-три романа,
Въ которыхъ отрадился вѣкъ,
И современныя челоуѣкъ
Изобразенъ довольно вѣрно
и т. д. 221)

Отрекшись вновь отъ свѣта,
Сталъ вновь читать онъ безъ разбора,
Прочелъ онъ Гиббона, Руссо,
Маццони, Гердера, Шамфора,
Madame de Staël, Бина, Гуссо,
Прочелъ свѣтскаго Бедя,
Прочелъ творенье Фонденелъ;
Прочелъ изъ нашихъ кой-кого,
Не отвергая ничего 222).

Къ сожалѣнію, какъ это видно изъ только что приведенной строфы, чтеніе, вслѣдствіе плохого воспитанія Онѣгина, происходило «безъ разбора» и строгаго обдумыванья, и, вѣроятно, и къ Онѣгину можно отнести замѣчаніе поэта:

Мы алчёмъ жизнь узнать заранѣ,
И узнаемъ ее въ романѣ 223).

Но главною причиною безотраднато чудачества поэтъ считалъ, по видимому, то, что тогдашній «современный челоуѣкъ» и на Западѣ и у насъ отличался

... безразличной душой,
Себялюбивой и сухой,
Мечталью преданной безвѣрно,
... озлобленнымъ умомъ,
Книющимъ въ дѣйствіи пустомъ 224).

Къ этому надо прибавить чисто русскія особенности среды, въ которой «мода обветшалая» «морочить свѣтъ», по замѣчанію Татьяны. Возражая ей, защитникъ Онѣгина говоритъ:

Зачѣмъ же такъ неблагоклонно
Вы отъзываетесь о немъ?
За то ль, что мы неугомонно
Хлопочемъ, судимъ обо всемъ,
Что пылкихъ душъ неосторожность
Самодобную шитожность
Нѣ оскорбляетъ, нѣ смѣшитъ;
Что умъ, любя просторъ, тѣшитъ;

221) Е. О., VII, XXXII. Небезынтересно привести и набросокъ къ этимъ стихамъ:

Юмъ, Робертсонъ, Руссо, Мабли,
Баронъ д'Ольбахъ, Вольтеръ, Гельвецій,
Локкъ, Фонденель, Дидротъ, Парни,
Гораций, Киверонъ, Лукрецій.

222) Е. О., VIII, XXXV, 223) Е. О., I, IX, 224) Е. О., VII, XXXI.

Что слишкомъ часто разговоры
Принять мы рады за тѣла... 225)

Не касаемся здѣсь подробностей о русской жизни, произвоившихъ гонку, которой пренесомъ въ герой романа. Онѣгинъ былъ въ такой же мѣрѣ порожденіемъ русской среды, какъ и западнаго вліянія, въ которомъ байронизмъ занималъ видное, но не исключительное мѣсто 226). Онѣгинъ во многомъ—байроническій герой лишь по наружности. Это—байронистъ, но—чисто русскій 227). Какъ и самъ поэтъ, Онѣгинъ, по видимому, закончилъ жизнь не странникомъ. Мало того: въ его «холодной и дѣшнвой» душѣ какъ будто готовился переворотъ. Но крайней мѣрѣ, въ неоднородныхъ строфахъ, относящихся къ путешествію Онѣгина, сохранилась такая:

Наскуча щеголять Мельмотомъ
Нѣ маскою другомъ,
Преснулся разъ онъ патриотомъ
Въ Hôtel de Londres, что на Морской,
Россія!.. Русь!.. она мною
Ему поправилась отъиной,
И рѣшено—ужь онъ влюбленъ!
Россіен только бредитъ онъ!
Ужь онъ Европу ненавиждетъ
Съ ея дощечкой, сухой,
Съ ея разумной суетой... 228).

Да и въ печатномъ текстѣ «Онѣгина» сообщается о послѣднемъ по времени чтеніи Онѣгина:

Онъ межъ печатными строками
Читалъ духовными глазами
Другія строки. Въ нихъ-то онъ
Былъ совершенно углубленъ.
То были тайныя преданья
Сердечной, темной старины,

и т. д. 229).

Въ этомъ отношеніи Онѣгинъ сошелся съ

225) Е. О., VIII, VIII—IX, 226) А. А. Бестужевъ писалъ объ Онѣгинѣ 9 марта 1825 г. (Пер., I, 187): «вику челоуѣка, которыхъ тысячи встрѣчаю на дню, ибо самая холодность и мизантропія, и странность теперь въ числѣ туалетныхъ приборовъ». Указывали тѣхъ или иныхъ лицъ, послужившихъ прототипомъ Онѣгина. Самъ Пушкинъ какъ бы поощрялъ къ тому, говоря, напр.: «Второй Каверинъ мой Онѣгинъ» (вар. Чаадаевъ), 227) Пушкинъ такъ истолковалъ эпитетъ Онѣгина «русскій»: «Нелюбимъ не есть мизантропъ, т. е. ненавидящій людей, а ублажающій отъ людей. Онѣгинъ нелюбимъ для деревенскихъ соседей» (Пер., I, 151). 228) Такимъ образомъ, переставъ быть космополитомъ, Онѣгинъ готовъ былъ обратиться къ изумленію «святыхъ Руси».

вкусам Татяны, любовь къ которой действительно встряхнула его душу и, может быть, послужила источником обновления ея.

Во всякомъ случаѣ, если Татьяна подобна не Ленскому, являющагося отчасти отдаленнымъ потомкомъ Вертера²³⁰, а Ойбигна, то, конечно, не за чудачества послѣдняго, навѣявшаго западнымъ влияниемъ а потому, что, «русская душой»²³¹, она повела въ Ойбигна присутствие и дружба началась, хотя бы тѣхъ, за которыхъ любилъ его поэтъ, напр., «души прямого благородства»²³².

Нельзя, и Ойбигна, какъ Кавказскій Шибиникъ, не есть подражаніе Байрону, а тѣмъ, вымученный изъ русской жизни того времени, когда въ ней происходила большая перестройка, когда

Британской музы небилыцы

Тревожатъ сонъ отроковицы²³³.

Романъ о немъ—послѣдній по существу отзывъ «гордой лиры Альбиона» въ поэзіи Пушкина.

Окидывая однимъ взглядомъ отношеніе творчества Пушкина къ Байрону, должно прийти къ заключенію, что нашъ поэтъ, хотя и увлекался Байрономъ, не былъ, какъ мощный гений, прямымъ послѣдователемъ и подражателемъ Британскаго поэта, а лишь сошелъ съ послѣднимъ преимущественно въ видномъ и яркомъ выдѣленіи явленія, которое было обще русской жизни и поэзіи съ западно-европейскою отчасти подъ влияниемъ сходныхъ причинъ. Настроеніе «современнаго человѣка» онъ передалъ въ цѣломъ рядѣ лирическихъ и эпическихъ произведеній, иногда напоминающаго Байрона, но всякій разъ оригинально и красиво на свой ладъ. Поэтому Пушкинъ долженъ быть выдѣленъ изъ широкаго круга такъ наз. байронистовъ.

VII. Въ концѣ этого объ отношеніи Пушкина къ Байрону, какъ бы самъ собою напрашивается вопросъ, уже не разъ занимавшій критиковъ, который изъ этихъ поэтовъ долженъ быть поставленъ выше?²³⁴.

Въ такой формулировкѣ вопросъ долженъ

229) Е. О., VIII, XXXVI. 230) Ср. замѣчаніе Бланинского о молодомъ Мухомѣ въ романѣ Гончарова «Обыкновенная исторія Современника» 1848, т. VIII. Владыка на русскую литературу (1847 года), стр. 14. 231) Е. О., V, IV, 232) Е. О., IV, XVIII, 233) «Е. О., III, XII, 234) Этотъ вопросъ былъ затронутъ между проч. Вл. С. Соловьевымъ въ статьѣ: «Значеніе поэзіи въ стихотвореніяхъ Пушкина» (Вѣстн. Евр. 1899, № 42), гдѣ выставлено болѣе чѣмъ спорное положеніе: Байронъ превосходитъ Пушкина на-

быть признать праздынымъ. Рѣчь можетъ быть лишь о сравнительномъ сопоставленіи лучшихъ сторонъ поэзіи того и другого.

Богатое разнообразіе тоновъ поэтической лиры было присуще обоимъ поэтамъ, но въ сатиру Байронъ былъ выше, что готовъ былъ признать и самъ Пушкинъ²³⁵. Не могъ Пушкинъ поравняться съ Байрономъ и въ силѣ изображенія того «срачнаго, ненавидимаго, мучительнаго лица, которое проявляется во всѣхъ почти произведеніяхъ Байрона»²³⁶. Нашъ поэтъ самъ тоже отмѣтилъ свое отличіе отъ Байрона и превосходство послѣдняго въ художественности и изобразительности, говоря о «Мазепѣ»: «Какое пламенное созданіе, какая широкая, быстрая кисть! Если бы ему подъ перо его попалась исторія обольщенной дочери и казненаго отца, то, вѣроятно, никто бы не осмѣлился погнѣбить его коснуться сего ужаснаго предмета»²³⁷. У Пушкина не находимъ такъ много великодушныхъ картинъ дѣйствій и человѣческихъ настроеній, описаній мѣстностей, такихъ широкихъ перспективъ, какія составляютъ принадлежность поэзіи Байрона. У нашего поэта нѣтъ колоссальныхъ фантастическихъ образовъ и видѣній, нѣтъ лучезарнаго фантастическаго освѣщенія, переливовъ чарующую красоту, такихъ волшебныхъ картинъ природы, нѣтъ пышной ретирики страсти, нѣтъ такихъ возвышенныхъ и грандіозныхъ созданій, какъ Байроновы Каинъ, Небо и Земля, Манфредъ.

Оба поэта почерпнули немало у своихъ предшественниковъ, но Пушкинъ не утратилъ при этомъ оригинальности. Мало сказать вмѣстѣ съ Боденштедтомъ, что у Пушкина по сравнению съ Байрономъ въ развитіи одѣхъ и тѣхъ же темъ болѣе правды, здоровости и естественности, мы прибавили бы еще духа примиренія и доброты; у Пушкина болѣе объективности,

прежнюю силу своего самоудовлетія и самоуверенія; это былъ болѣе сосредоточенный умъ и характеръ, что выразилось разумѣется, и въ его поэзіи, усиливаясь вѣнчающее тѣнство. Чѣмъ изъ поэта властнелъ думѣ. Это утверженіе не выдерживаетъ критики. Если принять во вниманіе не тоны только молодости, а всю жизнь того и другого поэта, то характеръ Пушкина надо будетъ признать болѣе устойчивымъ и сосредоточеннымъ. Что до поэзіи Пушкина, то она различнаго роиства, уступая, конечно, въ силѣ тому субъективному теченію въ поэзіи Байрона, которое не омигнуло произвонить болѣе вначалѣше. 235) См. письмо къ Вестулеву 21—24 марта 1824 г. 236) Критическія замѣтки въ Генишѣ Мансимоича 1830 г. 237) Тамъ же.

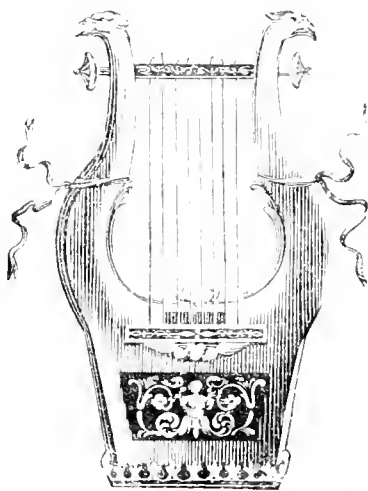
между тѣмъ какъ Байронъ одинъ изъ субъективнѣйшихъ поэтовъ изображавшихъ прежде всего самихъ себя. Благодаря способности къ объективированію, Пушкинъ поднимается до широты и многосторонности народнаго міросозерцанія въ его дѣломъ и вмѣстѣ до широты міросозерцанія такихъ мировыхъ поэтовъ, какъ Гете и Шиллеръ. Потому, разошедшись довольно рано съ Байрономъ въ разныя стороны творчества, Пушкинъ ничего не потерялъ отъ того, а, напротивъ, скорѣе много приобрѣлъ²³⁸).

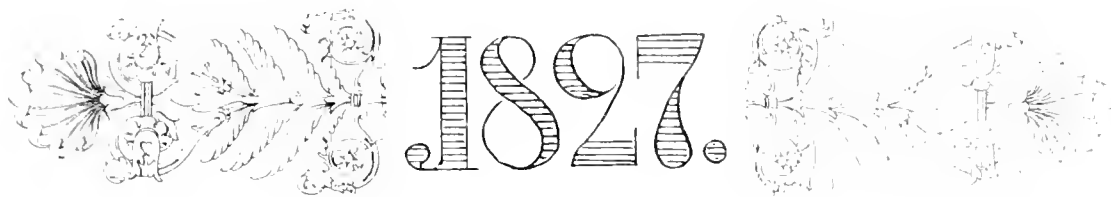
238. Сколь близорукими оказались сужденія такихъ лицъ, какъ А. П. Вульфъ, считавшіи себя первообразомъ Дежскаго, котораго Пушкинъ уже

поднимался до широты и многосторонности народнаго міросозерцанія въ его дѣломъ и вмѣстѣ до широты міровоззрѣнія такихъ мировыхъ поэтовъ, какъ Гете и Шиллеръ. Потому, разошедшись довольно рано съ Байрономъ въ разныя стороны творчества, Пушкинъ ничего не потерялъ отъ того, а, напротивъ, скорѣе много приобрѣлъ.

Н. Дашкевичъ.

въ письмѣ 1826 г. называлъ любимымъ филлетеромъ Перенъ, I, 345, а потомъ именовать въ своемъ дневникѣ Байронъ повторалъ часто, что великимъ подломъ можетъ только сдѣлаться независимымъ. Мысли объ этомъ, я разсчитываю, какъ мало осталось вѣроятности къ будущимъ успѣхамъ Пушкина, ибо онъ не только въ милости, но и желать — стр. 323. Что то милости, то се лучше всего освѣщаетъ надзоръ, цензура гр. Бенкендорфа и постоянное стремленіе Пушкина удалиться подальше отъ двора. Желаніе же, дѣйствительно, не принесла счастья поэту.

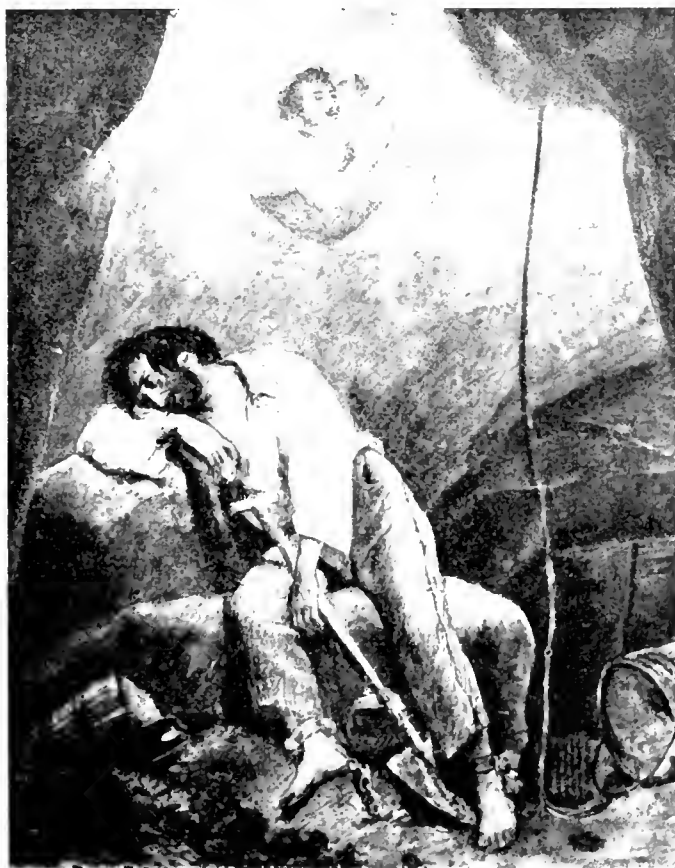

190. ВО ГЛУБИНИ СИБИРСКИХЪ РУДЪ.

Во глубинѣ Сибирскихъ рудъ
Храните гордое терпѣнье;
Не пропадетъ вашъ скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье.
Несчастью вѣрная сестра,
Надежда, въ мрачномъ подземельи
Возбунтъ бодрость и веселье,
Притѣть желанная пора:

Любовь и дружество до васъ
Доидутъ сквозь мрачные затворы,
Какъ въ вани каторжнныя норы
Доходитъ мой свободный гласъ.
Оковы тяжкія падутъ,
Темницы рухнутъ, и свобода:
Васъ приметъ радостно у входа,
И братья мечъ вамъ отдадутъ.

ДЕКАБРИСТЫ ВЪ РУДИНКАХЪ.

Аquareль Брюлова. Каторжники—ки. Сергій Волковскій, которому снится оо молодое свиданіе.

491. СОЛОВЕЙ.

Въ безмолвнй садовъ, весной, во мѣлѣ почей,
 Поеть надъ розою восточный соловей.
 Но роза милая не чувствуетъ, не внемлетъ,
 И подъ влюбленныи гимнъ колеблется и дремлетъ.
 Не такъ ли ты поешь для холодной красоты?
 Не такъ ли ты поешь для холодной красоты?
 Опомнись, о поэтъ, къ чему стремишься ты?
 Она не слушаетъ, не чувствуетъ поэта;
 Глядяшь, она цвѣтетъ; изываешь—ишь отвѣта.

492. ТАЛИСМАНЪ.

Тамъ, гдѣ море вѣчно плещеть
 На пустынная скалы,
 Гдѣ луна гониме блещеть
 Въ сладкй часъ вечерней млы,
 Гдѣ, въ гаремахъ наслаждаясь,
 Дни проводитъ Мусульманъ,
 Тамъ волшебница, ласкаясь,
 Мнѣ вручила талисманъ.

И, ласкаясь, говорила:
 «Сохрани мой талисманъ:
 Въ немъ таинственная сила!
 Онъ тебѣ любовью данъ.
 Отъ педуса, отъ могилы,
 Въ бурю, въ грозный ураганъ,
 Головы твоей, мой милый,
 Не спасеть мой талисманъ.

И богатствами Востока
 Онъ тебя не одаритъ,
 И поклонниковъ Пророка
 Онъ тебѣ не покоритъ:
 И тебя на лоно друга,
 Отъ печальныхъ чуждыхъ странъ,
 Въ край родной на сѣверъ съ юга
 Не умчитъ мой талисманъ...

Но когда коварныи очи
 Очаруютъ вдругъ тебя,
 Пль уста во мракъ ночи
 Попадуютъ не любя:
 Милый другъ! отъ преступленья,
 Отъ сердечныхъ помылъ рагъ,
 Отъ измѣны, отъ забвенья
 Сохранить мой талисманъ!

Перстень-талисманъ Пушкина. (Пушкинскй музей при Лансѣ).

Подарокъ Пушкину гр. Воронцовою.

493. ЛУКЪ ЗВѢННТЬ, СТРѢЛА ТРЕНЕЦЕТЬ.

Лукъ звѣннть, стрѣла тренецеть,
 И клубяся вздохъ Ниоонъ:
 И твой ликъ побѣдой блещеть,
 Бельведерскй Аполлонъ!
 Кто жь вступился за Ниоона,
 Кто разбилъ твой вѣдунанъ?
 Ты, соперникъ Аполлона,
 Бельведерскй Митрофанъ!

ГРАФИНЯ Е. К. ВОРОНЦОВА.

494. АНГЕЛЬ.

Въ дверяхъ Эдема Ангель ивжннй
 Главоу пониженоу снль,
 А Демонъ мрачннй и мязекннй
 Надъ адевоу бездноу леталь.

Духъ отрнцавья, духъ сомннвья
 На духъ чнстатого взратель,
 И жаръ невольннй умнленья
 Впервые смутно познаваль.

Простн, оиъ рекъ, тебѣ я внтьваль
 И ты неваромъ мнѣ снль;
 Не все я въ тебѣ ненавиждваль,
 Не все я въ мнръ презритель.

495. ЕСТЬ РОЗА ДИВНАЯ.

Есть роза дивная; она
 Предъ изумленною Кноерой
 Цвѣтеть румяна и пышна,
 Благословенная Венерой.
 Вотще Кноеру и Паоель
 Мерзвигъ дыханіе мороза
 Блеститъ между минутныхъ розъ
 Неувядаемая роза...

Но ты— мой злой или добрый гений
 Когда я вижу предъ собой
 Твой профиль и глаза, и кудри золотыя,
 Когда я слышу голосъ твой
 И рѣчи рѣзвыя, живыя
 Я очарованъ, я горю
 И содроганъ предъ тобою,
 И сердцу, полному мечтою,
 «Аминь, аминь, разсынься!» говорю.

496. КОГДА, БЫВАЛО, ВСТАРИНУ.

(Е. Н. Ушаковой).

Когда, бывало, встарину,
 Являлся духъ или привидѣнье,
 То прогоняло сатану
 Простое это изреченье:
 «Аминь, аминь, разсынься!» Въ наши дни
 Гораздо меньше бѣсовъ и привидѣній:
 Богъ вѣдаетъ, куда двалася они.

497. ВЪ ОТДАЛЕННІИ ОТЪ ВАСЪ.

(Е. Н. Ушаковой).

Въ отдаленіи отъ васъ
 Съ вами буду неразлученъ,
 Томныхъ устъ и томныхъ глазъ
 Буду памятью размученъ:
 Изнывая въ тишинѣ,
 Не хочу я быть утѣшенъ—
 Вы жъ вздохнете ль обо мнѣ,
 Если буду я повѣшенъ?

498. КЪ ТЕБѢ СБИРАЛСЯ Я ДАВНО.

Письмо къ Н. М. Языкову.

Къ тебѣ собирался я давно
 Въ вѣмцѣй градъ тобой воспѣтый,
 Съ тобой поить, какъ пьютъ поэты
 Тойю воспѣтое вино—
 Ужъ зывалъ меня съ собою
 Тойю воспѣтый Киселевъ,
 И я съ веселою душою
 Оставить былъ совѣмъ готовъ
 Неводу Невскихъ береговъ—
 И что жъ? Гербовыя заботы
 Схватили за полы меня
 И на Невѣ хотъ вѣтъ олоты
 Окованнымъ остался я—
 Ахъ юность, юность удалая!

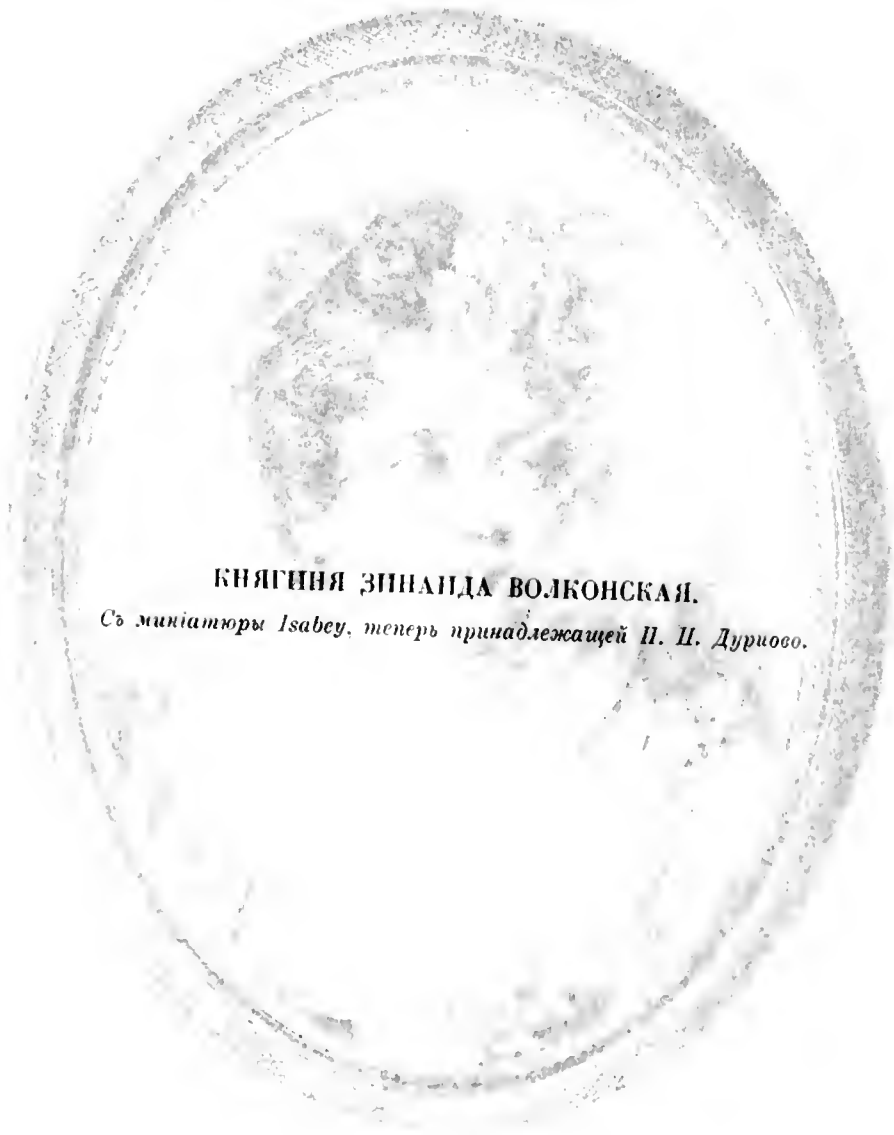
Могу ль тебя не пожалѣть?
 Въ долгахъ, бывало утоная,
 Запмодавцевъ избѣгая,
 Готовъ я всюду быть летѣть;
 Теперь докучно посѣщаю
 Своихъ лѣшныихъ должниковъ
 И тяжесть денегъ и годовъ
 Остепенннвись, проклинаю—
 Прости, Нѣведъ! Играй, шуруй,
 Съ Кипридой, Фебомъ торжествуй
 Не знай ни скуки, ни жеманства,
 Не знай любезныхъ должниковъ
 И не плати своихъ долговъ
 Но праву Русскаго Дворянства.

499. КН. З. А. ВОЛКОНСКОЙ.

При посѣщеніи ей пѣвца Цыгана.

Среди разсѣянной Москвы,
 При толкахъ виста и бостона,
 При бальномъ лепетѣ молвы
 Ты любишь шры Аполлона,
 Царица мудъ и красоты,
 Рудою ибжной держишь ты
 Волшебный скипетръ вдохновеній,
 И надъ заумчивымъ челою,

Двойнымъ увѣчаннымъ вѣнкомъ,
 И вѣтся и пылаеть гений,
 Пѣвца, плѣннншаго тобой,
 Не отвергай смиренной даи,
 Внемли съ улыбкой голосъ мой,
 Какъ мимобдомъ Каталани
 Цыганкѣ внемлетъ кочевой.

КНЯГИНЯ ЗИНАИДА ВОЛКОНСКАЯ.

Съ миниатюры Isabeu, теперь принадлежащей П. П. Дурново.

КАНИНКА ЗНАЧА БОЛГОНЕ

Съставителъ: Кръстьянъ Кръстьяновъ

1
1
1
1
1
1

КЪ

Князь Хованской.

Ты иль съ сомнѣньемъ
 Не та которая красой
 Избила только
 Мила ты всемъ безъ исключенья
 Не та, которая
 не сиротенья супруга

Есть божь другой, земнаго круга
 Ему послушна красота,
 Онъ божь Парисъ, Тибуллъ, Мура,
 Имъ мумусъ, имъ убитенья
 Онъ весь въ тебя—ты мать Амуръ,
 Ты богородица мой!

АРИОНЪ.

Русская гравюра 1809 г. Изъ библиотечной коллекции Н. А. Ефремова.

501. А Р И О Н Ъ.

Насъ было много на челнѣ:
 Чины парусъ напиртали,
 Другіе дружны ушрали
 Въ глубь мощны веслы. Въ тишии,
 На руль склонясь, пань кормщикъ
 умный
 Въ молчаньи правиль грузный челнъ:
 А я, безпечной върв полнъ.

Пловцамъ я ильтъ... Варусъ доно волнъ
 Пыль съ-палету вихоръ шумный...
 Потнбъ и кормщикъ и пловецъ!
 Лишь я, таинственный пвецъ,
 На береть выброшенья грозю
 Я гимны прежніе пою
 И ризу влажную мою
 Сушу на солнцѣ, подь скалою.

502. ТРИ КЛЮЧА.

Въ степи мірекой, печальной и безбрежной,
 Таинственно пробилсь три ключа:
 Ключъ юности, ключъ быстрый и мятежный,
 Кинитъ, бьжитъ, сверзая и журча:
 Бастальскій ключъ, волною влхновеня
 Въ степи мірекой иданниковъ поны:
 Последний ключъ, холодный ключъ давненья:
 Онъ слаще всѣхъ жарь сердца уголитъ.

503. ПОЭТЫ.

Пока не требуется поэта
 Къ священной жертвѣ Аполлонъ.
 Въ работахъ суетнаго свѣта
 Онъ малодушно погружёнъ;
 Молчать его святая лира:
 Душа вкушаетъ хладный сонъ,
 И межъ дѣтей ничтожныхъ міра,
 Быть можетъ, всѣхъ ничтожнѣй онъ.
 Но лишь божественный глаголь
 До слуха чуткаго коснется,

Душа поэта встрепенется,
 Какъ пробудившійся орёлъ,
 Тоскуетъ онъ въ забавахъ міра,
 Людейкой нуждается молвы,
 Къ погамъ народнаго кумира
 Не клонитъ гордой головы:
 Бѣжитъ онъ, дикій и суровый,
 И звуковъ и священныхъ полей,
 На берега пустынныхъ волнъ,
 Въ широкомыя дубровы...

504. КЪ ЯЗЫКОВУ. ЯЗЫКОВУ.

Языкъ [Языковъ], кто тебѣ внушилъ
 Твое посланье удалое?
 Какъ ты палишь, и какъ ты мигъ,
 Какой избытокъ чувствъ и силъ,
 Какое буйство молодое!
 Пить, не Кастальскою водою
 Ты восполняешь свою жажду:
 Печась пшю Циннокрену
 Кошатымъ вышибъ предъ тобой.

Она не хладной льется влагой,
 Но пьется умьльною брагой:
 Она размычива, пьяна,
 Какъ сей избытокъ благородной,
 Слѣнья рому и вина,
 Безъ примѣси воды негодной,
 Въ Тригорскомъ каждомъ свободной
 Открытый въ наши времена.

505. БЛИЗЪ МѢСТЬ, ГДѢ ЦАРСТВУЕТЪ ВЕНЕЦІЯ ЗЛАТАЯ.

Переводъ изъ итальянскихъ стиховъ Андрея Шеня.

Близъ мѣсть, гдѣ царствуетъ Венеція златая,
 Однѣмъ, поной гребцѣ, гондолою управляя,
 При свѣтѣ Веспера по взморію плыветъ,
 Ринальда, Годфреда, Эрминію поетъ.
 Онъ любитъ и себя свою, поетъ онъ для забавы,
 Безъ дальнихъ умысловъ: не вѣдаетъ ни славы,
 Ни страха, ни надежды, и тихой музы поетъ,
 Умѣетъ улаждать свой путь надъ безной волнъ.
 На морѣ жизненномъ, гдѣ бури такъ жестоко
 Преслѣдуютъ во мѣлѣ мой парусъ одинокой,
 Какъ онъ, безъ отзыва утѣшно я ною,
 И тайные стихи обдумывать люблю.

506. 19 ОКТЯБРЯ, 1827.

Богъ помочь вамъ, друзья мои,
 Въ работахъ жизни, Царской службы,
 И на шрамахъ разгуальной дружбы,
 И въ сладкихъ тайнствахъ любви!

Богъ помочь вамъ, друзья мои,
 И въ буряхъ, и въ житейскомъ торѣ,
 Въ краю чужомъ, въ пустынномъ морѣ,
 И въ мрачныхъ пропастяхъ земли!

507. ЧЕРЕНЬ.

Послание къ Д... Дельвицу.

Прими сей черень, Д... [Дельвиц]: оны
 Принадлежить тебѣ пощрау;
 Тебѣ повѣдаю, баронъ,
 Его готическую славу,
 Почтенный черень сей не разъ
 Парамъ Вахха нагрѣвался;
 Литовскій мечъ въ недоброй часъ
 По немъ со звономъ ударился;
 Сквозь эту кость не проходить
 Лучъ животворный Аполлона;
 Ну словомъ, черень сей ураниль
 Тяжеловѣсный мозгъ барона,
 Барона Д... [Дельвига], Баронъ,
 Конечно былъ охотникъ славный,
 Набздиикъ, чаша другъ неправый,
 Гроза вассаловъ и ихъ жѣнь,
 Мой другъ, таковъ былъ въсь суровый,
 И предокъ твой крѣпкоголовой
 Смутился бѣ рыцарской душой,
 Когда бѣ тебѣ передъ собой
 Увидѣль безъ одежды бранной,
 Съ главою, миртами вѣчанной,
 Въ очкахъ и съ лирой золотой,
 Покойникомъ въ церковной книгѣ
 Ужь былъ давно записанъ оны,
 И съ претками своими въ Риѣ
 Вкушалъ непробудимый сонъ,
 Баронъ въ обители печальной
 Доволенъ впрочемъ былъ судьбой,
 Настора дѣстью потребальной,
 Гербомъ гробницы феодальной
 И эпитафией плохой,
 Но въ наши беззаконныя годы
 Покойникамъ покоя нѣтъ,
 Косматый батовень природы,
 И математикъ и поэтъ,
 Бульнъ задумчивый и важный,
 Хирургъ, юристъ, физиологъ,
 Идеологъ и филологъ,
 Короче вамъ — студентъ присяжный,
 Съ виною трубою въ зубахъ,
 Въ плащѣ, съ дубиной и въ усакъ
 Явился въ Риѣ. Тамъ сѣбново
 Въ трактирахъ сталъ оны пивить пиво,
 Въ дыму табачныхъ облаковъ;
 Брошнѣ надъ берегами моря,
 Мешалъ о Лоушенъ, или съ тора
 Слова писать, да бить Житовъ,
 Студентъ подъ двѣстницей трактира
 Въ заморкѣ темной жилъ одинъ;
 Тамъ, въ витѣ зеркаль и картинъ,
 Короткій плащъ, картузь, рашира
 Всѣли на стѣнѣ рядкомъ.

Подуизмаранный альбомъ,
 Творенья Фихте и Платона,
 Да два восточныхъ лексикона,
 Подъ паутинною въ углу
 Лежали грудой на полу,
 Предметъ запитій разнородныхъ
 Ученаго, да крысья голодныхъ,
 Мы знаемъ: роскоши пустой
 Почтенный мыслитель не шитья;
 Сѣмьслъ надъ глухой суетой,
 Въ чуланѣ оны бедничю шитья,
 Умѣренность, въцѣль мудреца,
 Сердечъ высококъ отпечатокъ,
 Студентъ однакожъ наконецъ
 Замѣтилъ важный недостатокъ
 Въ своемъ быту: ему предметъ
 Необходимый былъ, скелеть;
 Предметъ философскъ любезный,
 Предметъ прїятный и полезный
 Для глазъ и сердца, слова пѣтъ;
 Но гдѣ достанеть оны скелеть?
 Вотъ оны однакъ въ воскресенье
 Сошелся съ кистеромъ градскимъ,
 И тогдашъ взявъ въ соображенъ
 Его характеръ и служенъ,
 Рѣшился поужикъ съ нимъ,
 За кружкой пива, мой мечтатель
 Открылъ кистеру душу
 И говоритъ: пельдъ ль, прїятель,
 Тебѣ досужною порой
 Свести меня въ подвалъ могильный,
 Костями праздными обильный,
 И между тѣмъ оны скелеть
 Помочь мнѣ вынести на свѣтъ?
 Клянусь тебѣ Дїеискимъ богомъ:
 Оны будетъ дружбѣ мнѣ залогомъ
 И до моихъ послѣднихъ менъ
 Красой обители моенъ,
 Смутился кистеръ пдумзенинъ,
 «Что за желанье? что за страсть?
 Ити въ подвалъ уменьшенный,
 Встрѣожить мертвыхъ сонмъ почтенный
 И одного изъ нихъ украсть!
 И кто же?... Оны, гробовъ хранитель!
 Что скажущъ мертвые потомъ?»
 Но пиво, страха усминитель,
 И глѣвной совѣсти смиритель,
 Сомнѣнья разрѣшило въ нѣмъ,
 Ну, такъ и былъ! Даетъ оны слово,
 Что къ ночи будетъ все готово
 И другу называеъ часъ,
 Они разсташъ,
 Денъ угасъ.

Настала ночь. Плащемъ покрытый,
 Стоить герой нашъ знаменитый
 У галереи гробовой,
 И съ нимъ преступный кистерь мой,
 Держа въ рукѣ фонарь разбитый,
 Готовъ на подвигъ роковой.
 И воть визжитъ замокъ заржавый,
 Визжитъ предательская дверь—
 И сходить витязи теперь
 Во мракъ подвала величавый:
 Сіяемъ тощимъ фонаря
 Глухіе своды озаря,
 Идутъ—и эхо гробовое,
 Смущенное въ своемъ покое,
 Протяжно вторитъ звукъ шаговъ.
 Предъ ними длинный рядъ гробовъ:
 Ведѣ щигы, гербы, короны:
 Въ тщеславномъ глѣбнн кругомъ,
 Почтиотъ непробуднымъ сномъ
 Высокородные бароны...

Я бы никакъ не осмѣлился оставить рюми
 въ эту поэтическую минуту, если бы твой пра-
 дель, кося гробъ попался ноть руку студента,
 вздумалъ за себя вступиться, хватая его за во-
 ротъ, или погрозивъ ему костянымъ кулакомъ,
 или какъ нибудь иначе оказавъ свое неудоволь-
 ствіе: къ несчастію, похищеніе совершилось бла-
 годумно. Студентъ по частямъ разобралъ всего
 барона, и набилъ карманы костями его. Возвра-
 тясь домой, онъ очень искусно связалъ ихъ про-
 волокою, и такимъ образомъ составилъ себѣ ске-

летъ очень поряточный. Но вкорѣ молва о по-
 реженіи бароновыхъ костей изъ потреба въ
 трактирній чуланъ разнеслася по городу. Пре-
 студный кистерь лишился мѣста, а студентъ при-
 нужденъ былъ бѣжать изъ Рима, и какъ обстоя-
 тельства не позволили ему брать съ собою бу-
 дущаго, то, разобравъ опять барона, разтарилъ
 онъ его своимъ друзьямъ. Большая часть высо-
 кородныхъ костей досталась аптекарю. Мой при-
 тель В. [Вульфъ] получилъ въ поларокъ черепъ
 и держалъ въ немъ табакъ. Онъ разсказалъ мнѣ
 его исторію, и зная, сколько я тебя люблю, усту-
 пилъ мнѣ черепъ одного изъ тѣхъ, которымъ
 обязанъ я твоимъ существованіемъ.

Прими жь сей черепъ, Д^н [Дельвигъ]: онъ
 Принадлежитъ тебѣ поправу.
 Обдѣлай ты его, баронъ,
 Въ благопристойную оправу.
 Издѣлье гроба преврати
 Въ увеселительную чашу,
 Виномъ князюшмъ освяти,
 Да зашивай уху да кашу.
 Швцу Корсера подражай,
 И Скандинавовъ рай воиской
 Въ шрамахъ домашнихъ воскрешай.
 Или, какъ Гамлетъ-Баратынской,
 Паль нимъ задумчиво мечтай:
 О жизни мертвымъ проповѣдникъ.
 Виномъ ли полный, или пустой,
 Для мудреца, какъ собесѣдникъ,
 Онъ стоитъ головы живой.

508. ВЪ СЯНИИ И ВЪ РАДОСТНОМЪ ПОКОБѢ.

(Эпиграфа сыну декабриста Сергѣя Волконскаго.)

Въ сянiи и въ радостномъ поковѣ,
У трона вѣчнаго Творца,
Съ улыбкой оны глядись въ изнаніе земное,
Благословяеть мать и молитъ за отца.

КН. МАРІЯ НИКОЛАЕВНА ВОЛКОНСКАЯ (УРОДК. РАЕВСКАЯ)
съ сыномъ Николаемъ († 1827).

Гравюра Уитера съ акварельнаго портрета П. О. Солодова (1826)

509. ПЬЕ ALFIERI.

Не отъязано.

Сомнѣнье, страхъ, порочную надежду
Уже въ груди не въ силахъ я хранилъ;
Невѣрная супруга я Филиппу,
И сына я его любить дерзалъ!
Но какъ-же зрѣть его и не любить?
Правъ пылкій, добрый, гордый, благо-
роливый,
Высокій умъ—съ паразитскою прекрасной
Прекрасная душа... Зачѣмъ природа
И небеса такимъ тебя создали?
Что говорю? Ахъ, такъ ли я хитро
Изъ глубины сердечной милый образъ
Изкоренить?—о если пламень мой
Подозрѣвать онъ станетъ! передъ нимъ
Всегда печальна я—но избѣгаю
Я встрѣчи съ нимъ: онъ знаетъ, что ве-
селье

Въ Песавинъ запрещено—кто можетъ
Въ душѣ моей читать—ахъ и самой
Не можно мнѣ; и онъ какъ и другіе,
Обманется, и станетъ какъ другіе,
Онъ убѣгать меня... Увы мнѣ, бѣдной!
Другова нѣтъ мнѣ въ горѣ утѣшенья
Окромѣ слезъ, и слезы преступленья,
Иду къ себѣ: тамъ буду на свободѣ...
Что вижу? Карлъ! Уйдемъ. (Мнѣ) измѣнить
И рѣчь, и взоръ—все можетъ: ахъ
уйдемъ.

510. ЗОЛОТО И БУЛАТЪ.

Все мое, сказала злато:
Все мое, сказалъ булатъ,
Все куплю, сказала злато:
Все возьму, сказалъ булатъ.

511. СТО ЛѢТЪ МИНУЛО КАКЪ ТЕВТОНЪ.

*Отрывокъ изъ поэмы Микусама Кокураю Вал-
дигроуль.*

Сто лѣтъ минуло, какъ Тевтонъ
Въ крови невѣрныхъ окупался:
Страшай полноточной правилъ онъ,
Уже Прусакъ въ оковы вдался.
Пли сохрылся, и въ Литву
Понесъ изъпанную главу,
Между враждебными брегамъ
Струился Шмемель: на одномъ
Еще надъ древними стѣнами
Сіали башни, и кругомъ
Шумѣли роши вѣковья,
Душомъ пристанища святыхъ.

Символь Германца, на другомъ
Крестъ вѣры, въ небо возносящій
Свои объятія грозницы,
Казалось, свине захватить
Хотѣлъ всю область Палемона,
И племя чуждаго закона
Къ своей подошвѣ приваичить.
Съ медвѣжей кожей на плечахъ,
Въ косматой рысеей шапкѣ, съ пукомъ
Каленныхъ стрѣлъ и съ вѣрнымъ лукомъ,
Литовцы юные, въ толпахъ,
Со стороны одной бродили
И зорко недруга слѣдили.
Съ другой, покрытый шинакомъ,
Въ бронѣ закопанной, верхомъ,
На стражѣ Шмемель, за врагами
Недвижно слѣдуя глазами,
Щащаль, съ молитвой, заряжалъ,
Всякъ переправу охранялъ:
Токъ Шмемеля гостеприимной,
Свидѣтель ихъ вражды взаимной,
Сталъ врагомъ въбности для нихъ:
Сношеній дружныхъ гласъ утихъ,
И всякъ, переступившій волю,
Лишень былъ жизни или свободы,
Лишь хмѣль Литовскихъ береговъ,
Шмемелькой тополью плѣщенный,
Черезъ рѣку, межъ тростниковъ,
Переправлялся дерзновенный,
Бреговъ противныхъ достигалъ
И друга вѣжно обнималъ,
Лишь соловьи дубравъ и горъ
Постаршѣ вражды не знали,
И въ островъ, общій съ давнихъ поръ,
Другъ къ другу въ гости прилетали.

512. НЕ ЗНАЮ ГДѢ, НО НЕ У НАСЪ.

Не знаю гдѣ, но не у насъ
Достопочтенный Лордъ Мидасъ
Съ душой посредственной и низкой,—
Чтобъ не унасть дорогой склизкой,
Ползкомъ пронодъ въ извѣстный чинъ
И сталъ извѣстный госноинъ,
Еще два слова о Мидасѣ:
Онъ не хранилъ въ своемъ запасѣ
Глубокихъ замысловъ и думъ:
Нѣмѣль онъ не блестящій умъ,
Душой не слишкомъ былъ отваженъ:
За то былъ сушь, учтивъ и важенъ,
Льстецы героя моего,
Не зная, какъ хвалить его,
Провозгласить рѣшились тошкимъ, и пр.

Отрывки и наброски.

513. ЗЕМЛИ ДОСТИГНУВЪ.

Земли достигнувъ
Отъ бурь спасенный Провидѣнемъ,
Святой Владычѣцѣ плочевъ
Свой даръ несесть съ благоговѣнемъ:
Такъ посвящаю съ умиленьемъ
Тебѣ увядшій мой вѣнецъ...

514. ЛЮБИМЕЦЪ МОДЫ ЛЕГКОКРЫЛОЙ.

Ф. А. Кнуренскому.

Любимецъ моды легкокрылой,
Хоть не британецъ, не французъ —
Ты вновь создашь, волшебникъ милой,
Меня, питомца (скромнума) Музы,
И я смѣюся надъ мотилой,
Ушедъ навѣкъ отъ смертнума узъ,
Себя какъ въ зеркалѣ я вижу,
Но чудно: зеркало мнѣ льститъ.
Такъ Риму, Дрездену, Парижу
Извѣстенъ вредъ мой будетъ видъ
Оно гласить, что не умижу
Пристрастия (честнума) Лонитъ...

Ф. А. КНУРЕНСКИЙ.

515. КАКАЯ НОЧЬ! МОРОЗЪ ТРЕСКУЧІЙ.

Какая ночь! Морозъ трескучій:
На небѣ ни единой глупи;
Какъ нищій пологъ синій свозъ
Нестрѣбеть частыми звѣздами.
Въ домахъ все темно, у воротъ
Затворы съ тяжкими замками.
Вездѣ поконится народъ:
Утихъ и шумъ и крикъ торговой;
Лишь только лаетъ стражъ дворовой,
Да цѣпью звонкою гремитъ.

И вся Москва спокойно спитъ,
Забывъ волненіе боязни.
А площадь въ сумракѣ ночномъ
Стоить полна вчерашней казни,
Мученій сибирскій слѣдъ кругомъ:
Гдѣ трунъ, разрубленный съ размахомъ,
Гдѣ столбъ, гдѣ вилы: тамъ котлы,
Оставшей полные смолы;
Зѣбѣ опрокинутая плаха;
Торчатъ желѣзные зубцы,
Съ костями груды неспа глѣбуютъ,
На колыяхъ, скорчась, мертвецъ

Одѣвѣнныя чертвобогъ...
(Недавно) кровь со всѣхъ сторонъ
Еще текла и сибѣ барила
И подымался томный стонъ
Но смерть уже какъ поздній сонъ
Свою добычу обвилла

И въ содроганьи жизнь почла.
Кто тамъ? Чей конь во весь опоръ
Но грозной площади несется?
Чей свистъ, чей трокій разговоръ
Во мракѣ ночи раздается?
Кто сей? Кромѣшникъ удалой.
Свиститъ, летитъ онъ на свиданье:
Въ его груди кипитъ желанье.
Онъ говоритъ: «мой конь дикой,
Мой вѣрный конь, лети скорѣй!
Скорѣй, скорѣй!» Но конь ретивый
Вдругъ размахнулъ плетеной гривой
И сталъ. Во мѣлѣ между столбовъ,
На перекладнѣ дубовой
Качался трунъ, бзловъ суровый
Ночь нимъ промчатся былъ готовъ

По борзый конь подь плетью бьется,
Хранить и фыркается, и рвется
Назадъ. «Куда, мой конь лихой?
Чего боишься? Что съ тобой?
Не мы ли здѣсь вчера скакали.
Не мы ли яростно топтали.
Усердной местию горя.
Лихихъ измѣнниковъ кара?
Не ихъ ли кровию омыли
Твои булагныя копыты?
Теперь ужель ихъ не узналъ?
Мой борзый конь, мой конь удалый,
Песнь, дети!..» И конь усталый
Въ столбы проскакаль..

516. ПОДРУГА ДНЕЙ МОНХЪ СУРОВЫХЪ.

Къ Павлу.

Подруга дней монахъ суровыхъ,
Голубка дряхлая моя!
Одна въ глуши лѣсовъ сосновыхъ
Давно, давно ты ждешь меня—
Ты подь окномъ своей свѣтлицы
Горюешь будто на часахъ
И медлять поминутно спицы
Въ твоихъ наморщенныхъ рукахъ.
Глядя въ забытыя ворота
На черный, отдаленный путь:
Тоска, предчувствія, заботы
Тѣнятъ твою всечасно грудь—
То чувствуешь тебѣ..

517. ТОЛПА ХОЛОДНАЯ ПОЭТА ОКРУЖАЛА.

Толпа холодная поэта окружала
И равнодушныя хвалы ему жужжала,
По равнодушно ей, задумчивъ, онъ внималъ
И звучной лирою разбѣнно бряцалъ..

518. БЛАЖЕНЪ ВЪ ЗЛАТОМЪ КРУГУ
ВЕЛЪМОЖЪ.

Блаженъ въ златомъ кругу вельможъ
Шить, виваемый царями
Владѣ смѣломъ и слезами,
Приправя горькой правдой лозь—
Онъ вкусъ притупленный щекотить
. . . . свѣсь бояръ охотить,
Онъ украшаетъ ихъ шпры
(И сыплетъ Фебовы дары)
И внемлетъ
Межь тѣмъ
Тѣнясь у ступеней крыльца,
Народъ колеблется волнами,
(Съ почтеньемъ) слушаетъ и вѣда.

519. КТО ЗНАЕТЪ КРАЙ, ГДѢ НЕБО
БЛЕЩЕТЪ.

Kennt du das Land..
With Meist

Но клюкву, но клюкву,
Но ягоду по клюкву..

Кто знаетъ край, гдѣ небо блещетъ
Неяснимою синевой,
Гдѣ море теплою волной
Вокругъ разваливъ тихо плещетъ,
Гдѣ вѣчный лавръ и кипарисъ
По волѣ гордо разрослись,
Гдѣ ильбъ Торквато величавый,
Гдѣ и теперь во мѣлѣ почной
Адриатической волной
Повторены сто октавы,
Гдѣ Рафаэль живописалъ,
Гдѣ въ наши дни рѣзаетъ Кановы
Послушный мраморъ оживлялъ,
И Байронъ, мученикъ суровый,
Страдалъ, любилъ и проклиналъ?

Италія, волшебный край,
Страна высокихъ вдохновеній!
Кто жъ посѣтилъ твой древній рай,
Твои пророческія свѣи?
На берегу роскошныхъ водъ,
Порою карнавалныхъ орій,
Кругомъ кого кинить народъ,
Кого привѣтствуютъ восторгъ?
Кто идеальной красой,
И томно-иѣжной и живой,
Сыновъ Авзоніи илѣняетъ,
И по-неволѣ увлекаетъ
Ихъ нестры волны за собой?

.
Съ какою легкостью небесной
Земли касается она!
Какою прелестью чудесной
Во всѣхъ движеніяхъ полна!

.
На рай полуденной природы,
На блескъ небесъ, на ясны воды,
На чудеса святыхъ искусствъ,
Въ стѣсненіи вдохновенныхъ чувствъ,
Душевный взоръ она возводитъ,
Дивясь и радуясь душой—
И ничего передъ собой
Себя прелестью не находитъ.
Стоитъ ли съ важностью очей
Предъ Флорентійскою Кипридой—
Ихъ двѣ, и мраморъ передъ ней
Страдаетъ, кажется, обидой.
Мечты возвышенной полна,
Въ молчаньи смотритъ ли она
На образъ иѣжной Формарины,

ИТАЛЬЯНСКІЕ ВІДЫ РУССКИХЪ ХУДОЖНИКОВЪ НАЧАЛА XIX ВѢКА.

Видъ Сорренто С. Щерина.

Или Мадоны молодой —
 Она задумчивой красой
 Очаровательной картины,
 Скажите мне: какой пивецъ,
 Горя восторгомъ умиленнымъ,
 Чья кисть, чей пламенный рѣзецъ,
 Предасть потомкамъ изумленнымъ,
 Ея небесныя черты?
 Едѣ ты, ваятель безымянный
 Божии вѣчной красоты?
 И ты, Харитой вѣщанный,
 Ты вдохновенный Рафаэль?...

520. ЧИСТОТОЮ, ПРИСЛУГОЮ И ПОЙЛОМЪ.

. . . Чистотою, прислугой и поиломъ
 И везуть всемъ довольные добрые кони
 Кормомъ, стойдами и надзоромъ,
 Всемъ красныя борскія коношны,
 Сбруя блестя на столахъ дубовыхъ,
 Столы полны борзыми конями,
 Кони сыты, досыта,

Лишь однимъ коношны непригожи:
 Домовой повадилася въ коношны,
 По почамъ ходить онъ (по коношнѣ),
 Чистить, ходить онъ копей борскихъ,
 Задегастъ гриву имъ въ косички,
 Туго хвостъ завязываетъ въ узелъ,
 Какъ не влюбилъ онъ (коня) вороного:
 На вечерней зарѣ обойду я коношню
 И зайду въ стойло къ вороному,
 Ковъ стойть исправенъ и смиренъ:
 А поутру отпренъ коношню—
 Ковъ не тихъ, весь въ мыль, грудью
 нышетъ.

Съ морды каплетъ кровавая пѣна
 Во всю пещь Домовой на пень бзнить,
 По горамъ по рѣкамъ по болотамъ,
 Съ подушени до бѣлаго свѣта
 До заката мѣсяца . . .

Ахъ ты, старый конохъ сперазумный
 Загадаль ли (тебѣ) старый, загадку
 Разгадася ли старый, загадку
 Подобилъ . . . тѣнку млатой конохъ,
 Млатой конохъ, раздубанный царемъ

Огъ коношню ночью отираеть,
 Подхоньку вороново сбдаеть,
 Подетоньку выводить за ворота,
 На коня на борзато садится,
 Къ (красной дѣвкѣ въ гости) свачеть.

521. ТАНСЯ ПЕЩЕРА.

— — — — — тансыя пещера
 Въ рощахъ карійскихъ, любезныхъ лов-
 цамъ
 Стройныя сосны кругомъ склонилась въ-
 ями и тѣнью
 Входъ заслонилъ въ извивахъ
 Плущемъ, — любовникомъ скалъ и разѣ-
 лить.
 Звонкой дугой съ камня на камень сббегая
 пещерное дно затоплаеть
 Рѣзвый ручей пробиваеть глубокое русло
 (Тихо) по рощѣ густой, веселя ея огъ
 вѣтца,
 Сладкимъ журчаньемъ...

522. СВОДНЯ ГРУСТНО ЗА СТОЛОМЪ.

Сводня грустно за столомъ
 Карты разлагаеть—
 Смотрять барышни кругомъ,
 Сводня имъ гадаеть —
 «Три девятки, тузь червей
 И король бубновый,
 Споръ, досада отъ рѣчей
 И притомъ обнова...
 А по картамъ — ждять гостей
 Надобно сегодня...
 Вдругъ случается у дверей
 Барышни и сводня
 Встали, огодвинувъ столъ:

Шепчуть: «Кати, кто пришелъ,
 Посмотри хоть въ щелку.»

«Что? Хорошій человекъ:
 Сводня съ нимъ знакома;
 Огъ съ цѣлый вѣкъ
 Огъ у нихъ какъ дома.
 въ кухню руки мыть.
 (Всѣ бѣгомъ, прыжками.)
 «Обуваться, пукли взбить»
 Прыскаются духами
 Гости сводня между тѣмъ
 Ласково встрѣчають
 Просить его совѣтъ
 Огъ-же вопрошають
 Что какъ торгъ идетъ у васъ —

 Сводня затряслась
 И вздохнула больно
 Вѣрнись-ли съ
 Ровно до субботы
 Всѣ у меня
 Были безъ работы
 (Ночью) 4 гостей
 Богъ миѣ посылаетъ

. что жъ
 Не платя пошли всѣ прочь
 Господи, мой Боже,
 Гость ей: «Право, миѣ вась жаль:
 Здравствуй, другъ, Анета!
 Ахъ Луиза! Что за шаль.
 Подойди, Жанета,
 А Луиза — поцалуй

Огъ ушетъ. Все смолкло вдругъ,
 Сводня пріуныла,
 Дремлетъ дѣвушки вокругъ,
 Свѣчка вся оплыла.
 Сводня карты вновь беретъ,
 Молча вновь гадаеть,
 Но никто, никто нейдетъ:
 Сводня засынаеть.

ПУШКИНЪ ВЪ АЛЕКСАНДРОВСКІЮ ЭПОХУ.

I.

Въ такомъ цѣльномъ, непрерывно развивающемся явленіи, какъ творчество художника—очень трудно намѣчать какія нибудь грани и ставить вѣхи. Когда имѣешь дѣло съ созидательной работой теоретическаго ума, то перемена направленія, въ какомъ этотъ умъ работаетъ, или новый притокъ матеріала, къ разработкѣ котораго онъ приступаетъ, даютъ всегда довольно прочное основаніе для того, чтобы въ работѣ этого ума установить извѣстныя послѣдовательныя стадіи развитія... Когда же приходится говорить о развитіи вдохновенія поэта, о развитіи его творческой способности, т.-е. преимущественно его фантазіи, то невольно робѣешь передъ трудностью механическаго раздѣленія на части столь непроницаемаго и невѣсимаго явленія, какъ творческая фантазія вдохновеннаго художника.

А именно въ ней, въ этой творческой фантазіи и заключено то таинственно-особенное, что отличаетъ художника отъ всѣхъ иныхъ творцовъ въ области духа. И кто же, когда, не исключая самихъ художниковъ, можетъ похвастаться тѣмъ, что отчетливо представляетъ себѣ самый ходъ этой таинственной работы вдохновенія—способности настолько своеобразной, что ее никогда не хотѣли признать подчиненной какимъ либо законамъ, не выключая и законовъ логики?

Можно, конечно, упростить задачу и взглянуть на художника какъ на выразителя извѣстныхъ мифовъ, вкусовъ, настроеній, какими жила та историческая эпоха, когда онъ дѣйствовалъ. Понятное въ этомъ смыслѣ, поэтическое вдохновеніе художника явится какъ самое колоритное, самое красивое обличіе и истолкованіе смысла данной исторической минуты, и подобно такимъ историческимъ минутамъ могутъ быть установлены и отдѣльныя грани

въ развитіи таланта художника—свидѣтеля и участника развертывающихся событій жизни... Исторія его творчества превратится такимъ образомъ въ исторію отраженія въ искусствѣ главнѣйшихъ и характернѣйшихъ моментовъ культурной жизни его народа за извѣстный періодъ времени.

Можно, однако, взглянуть на поэта и съ иной точки зрѣнія. Можно заинтересоваться психикой самого художника, развитіемъ его душевныхъ и умственныхъ силъ, и тогда исторію его творчества придется дѣлать на особыя грани.

Творчество его станетъ отраженіемъ его психическаго міра и передъ нами явится думающій и чувствующій человекъ, поскольку онъ обнаруживается въ своихъ поэтическихъ призваніяхъ. Мы будемъ имѣть дѣло съ постепенно слагающимся міропониманіемъ, съ чередующимся порядкомъ настроеній, съ волнообразнымъ движеніемъ чувствъ—однимъ словомъ съ человекомъ, который для насъ прежде всего—интересная разновидность общечеловѣческаго типа, а затѣмъ уже художникъ.

Но оставить «художника» въ сторонѣ невозможно и несомнѣнно, что исторія развитія творческой способности въ писателѣ имѣетъ такое же—если не больше—право на вниманіе, какъ и исторія его души и ума, какъ и вопросъ объ его большей или меньшей связи со своимъ временемъ.

Но вопросъ о творческой силѣ художника, объ ея нарастаніи и полномъ цвѣтѣ—вопросъ крайне запутанный, необычайно сложный, быть можетъ, даже совсѣмъ выходящій изъ сферы наблюденія не только постороннихъ лицъ, но и самого поэта. Но крайней мѣрѣ, никто изъ насъ до сихъ поръ не говорилъ намъ въ своихъ письмахъ, воспоминаніяхъ и исповѣдяхъ о томъ, какъ онъ сталъ поэтомъ и какъ онъ себя чувствовалъ какъ поэтъ въ той или

другой общественной или личной обстановкѣ. Всегда, когда критикъ или историкъ силится намъ представить ростъ самого таланта художника, онъ принужденъ бывать — отказываясь отъ всякаго объясненія, дать намъ почувствовать этотъ ростъ въ красотѣ и образности своей собственной рѣчи — что въ громадномъ большинствѣ случаевъ ему не удастся. Тайна творчества остается тайной, и написать историю тайны немислимо.

II.

1825 годомъ принято обыкновенно заканчивать ранній періодъ творчества Пушкина, отдѣляя его отъ періода зрѣлаго, который былъ такъ неожиданно прерванъ смертью въ 1837 году. Словами «Пушкинъ въ Александровскую эпоху» мы издавна окрестили поэтическій образъ, отличный отъ того, который затѣмъ слагался въ Николаевское царствованіе въ нѣсколько иныхъ очертахъ. Для такого дѣленія жизни и творчества Пушкина, несомнѣнно, есть свое законное основаніе.

Къ 1825 году созрѣла юность поэта, и онъ самъ въ своихъ письмахъ и стихахъ сталъ намекать на то, что прежняя живость чувствъ и впечатлительность его покидаютъ. Онъ, конечно, преувеличивалъ въ такихъ жалобахъ, прятался иногда за афоризмъ — въ родѣ, напр., того афоризма, по которому лирику положенъ будто-бы предѣльный срокъ въ тридцать лѣтъ — но несомнѣнно, что въ его писательскомъ темпераментѣ произошла довольно замѣтная перемена. Число его лирическихъ стихотвореній съ годами убываетъ, и — что характернѣе — многія законченныя произведенія остаются въ портфель на гораздо болѣе долгій срокъ, чѣмъ они оставались раньше. Труды историческіе, публицистическія статьи, критическія замѣтки, журнальная работа начинаютъ также съ тридцатыхъ годовъ отнимать у Пушкина все больше и больше времени, конечно, въ ущербъ художественному творчеству. Поэтъ не сердится на эту прозаическую работу — наоборотъ, онъ отдается ей все съ большимъ и большимъ рвеніемъ. Онъ тѣснѣе сближается съ жизнью, общественной и даже политической, и мысль о роли, роли гласной, руководящей общественнымъ мнѣніемъ, не даетъ ему покоя. Прежнимъ «покоемъ» поэта, нѣкогда столь имъ прославленнымъ, онъ теперь бы не удовлетво-

рился. Мужъ свободного слова и свободного совѣта, какимъ онъ хочетъ быть въ Николаевское царствованіе, непохожъ на свободного и «гонимаго» пѣвца Александровской эпохи...

Существенное значеніе имѣеть также перемена въ обстановкѣ и въ условіяхъ жизни, какой поэтъ жилъ раньше и какой начинаетъ жить съ 1826 года. Сначала вольный, талантливый юноша на поискахъ пріятныхъ ощущеній бытія, затѣмъ свободный путешественникъ на югѣ, официально аттестованный поднадзорнымъ, потомъ настоящій ссыльный въ деревнѣ, онъ — теперь, съ наступленіемъ новаго царствованія, получаетъ всѣ права обычнаго русскаго обывателя и вмѣстѣ съ ними на него ложатся всѣ обязанности «благомыслящаго» по тѣмъ временамъ человѣка. И человѣкъ этотъ въ одно и то же время и писатель, и членъ самаго высшаго аристократическаго и дворцоваго круга... Наконецъ, не надо забывать, что съ 1831 года онъ женатъ, и что эта женитьба наложила на его характеръ, на его поведеніе, даже на нѣкоторыя его мысли совсѣмъ новый отпечатокъ.

Итъ сомнѣнія, что всѣ эти перемены, происшедшія въ жизни писателя, имѣли свою долю участія въ томъ, что называется развитіемъ его таланта.

Но не онъ одинъ мѣнялся, мѣнялись всѣ его друзья и знакомые, мѣнялся и строй всей нашей жизни съ того же 1825 года.

Итакъ Пушкинъ въ Александровскую эпоху фигура довольно опредѣленная и цѣлостная; мы можемъ говорить о немъ, не считаясь съ тѣмъ, какимъ онъ сталъ позднѣе, какъ и о самой Александровской эпохѣ можно говорить какъ о времени въ себѣ замкнутомъ, съ опредѣленнымъ историческимъ смысломъ, съ тѣми, сформировавшимися въ эту эпоху и вмѣстѣ съ ней умиравшими, съ особыми ей свойственными духовными интересами, исчезнувшими или ослабѣвшими въ послѣдующее царствованіе. Цѣлая полоса нашей культурной жизни стала отходить въ прошлое, начиная съ 1826 года.

Какая часть общей культурной работы въ эту эпоху приходится на долю Пушкина?

Когда имѣешь дѣло съ такимъ молодымъ человѣкомъ, какимъ былъ Пушкинъ въ эти годы, съ характеромъ и умомъ, которые только-что формировались; когда имѣешь дѣло, наконецъ, съ поэтомъ и притомъ чуть ли не первымъ по времени,

истиннымъ художникомъ—крайне трудно говорить объ его вліяніи на цѣлую историческую эпоху, или объ его значеніи въ цѣломъ сложномъ культурномъ движеніи. Если поэтъ вообще, какъ царь міра фантазій и самовольный творецъ думъ и тѣлесъ, всегда въ извѣстномъ смыслѣ разобщенъ съ жизнью реальною, съ «существовательною», какъ говорили въ старину, то еще больше разобщенъ быть онъ съ текущимъ историческимъ моментомъ въ тѣ далекіе годы, когда такое разобщеніе онъ считалъ особой добродѣтелью, особымъ преимуществомъ художника. А въ александровскую эпоху, когда только-что зарождалась наша изящная словесность, поэтъ, дѣйствительно, гордился тѣмъ, что житейская суета, во всеѣхъ ея видахъ, оставалась за порогомъ его кабинета. Много потребовалось времени и упорнаго труда со стороны художника и много настойчивыхъ требованій со стороны общества, пока не произошло возможное соглашеніе между поэтомъ и жизнью и пока художникъ не призвалъ «спознать» въ той житейской прозѣ, которая его окружала, пока къ этой прозѣ онъ не сталъ относиться съ той же серьезностью, съ какой раньше относился исключительно къ своей мечтѣ. Въ годы, когда созрѣвалъ Пушкинъ, такого соглашенія между искусствомъ и жизнью не было. Художникъ считалъ себя призваннымъ на иную работу, чѣмъ та, которая вершилась прозаическими орудіями жизни, и онъ былъ доволенъ, если его поздравляли съ умѣньемъ пройти мимо этой прозы, не замывивъ и не замачкавъ своей свѣтлой ризы.

Можно ли было разсчитывать, что при такомъ горделивомъ и брезгливомъ отношеніи къ текущему моменту художникъ способенъ будетъ непосредственно водѣйствовать на жизнь, которая его создала и воспитала? Нельзя забывать также, что художникъ, какъ таковой, именно въ эти годы только что слалася. До XIX вѣка, до александровской эпохи, мы въ сущности среди насъ не видали художника. Были въ XVIII вѣкѣ писатели съ несомнѣннымъ литературнымъ дарованіемъ, которые возвышались иногда до художественности, но, во первыхъ, они въ своемъ распоряженіи не имѣли настоящаго художественнаго языка, и, кромѣ того, они не сознавали себя художниками по призванію, а были въ большинствѣ случаевъ моралисты, которые свой поэтический даръ подчиняли моральной и публицистической проповѣди.

Да и поэтическое дарованіе ихъ было несовершенное и неглубокое. Только съ вступленіемъ Жуковскаго узнали мы истиннаго поэта, и вслѣдъ за Жуковскимъ искусство въ лицѣ Батюшкова, Пушкина, Грибоедова и всеѣхъ лириковъ пушкинской плеяды явило себя намъ во всемъ своемъ блескѣ.

Все въ жизни подчинено закону медленнаго роста, въ томъ числѣ, конечно, и поэтическое дарованіе. Прежде, чѣмъ оно разрастется въглубь, въширь и въвысь, пройдетъ немало времени, къ особенностямъ, если это поэтическое дарованіе въ культурной жизни націи—новика. Поэтому нѣтъ основанія удивляться тому факту, что все наши художники тѣхъ годовъ были очень субъективны въ своемъ творчествѣ, въ центрѣ всего мірозданія и всей окружающей ихъ жизни ставили свою личность и интересовались только тѣмъ, какъ все явленія и все впечатлѣнія отражаются въ ихъ думѣ и въ ихъ пониманіи. Сама жизнь во всеѣхъ ея богатствѣхъ, какъ таковая, сама по себѣ не вызвала въ художникѣ того вниманія, того любопытства, какое она вызвала позднѣе когда кругозоръ поэта расширился и его исключительный интересъ къ своему личному внутреннему міру замѣнился широкой симпатіей ко всеѣмъ, даже мельчайшимъ деталямъ жизни, которая его окружала. Въ виду этого, требовать отъ поэта александровскаго времени всесторонняго художественнаго воспроизведенія современной ему жизни было бы несправедливо. Онъ могъ дать только невольный откликъ на событія этой жизни и притомъ откликъ очень субъективный, въ большинствѣ случаевъ не идущій дальше переработки личныхъ ощущеній и взглядовъ.

Пушкинъ не составлялъ исключенія въ ряду всеѣхъ современныхъ ему художниковъ. Правда, онъ былъ среди нихъ самый одаренный, а потому и самый разносторонній. Если его поэтический кругозоръ сравнивать съ кругозоромъ его сверстниковъ, то, конечно, поражаетъ его широтой, и на первыхъ порахъ кажется, что имѣешь дѣло съ художникомъ, обладающимъ удивительнымъ даромъ спокойнаго объективнаго творчества. Но при болѣе тщательномъ анализѣ поэзіи Пушкина, въ особенности въ первый періодъ ея развитія, видишь, что она насквозь пронитана личнымъ настроеніемъ, что изъ всего разнообразія явленій и впечатлѣній жизни поэтъ забираетъ лишь то, что соотвѣствуетъ въ дан-

ную минуту его личному настроенію, съ чѣмъ онъ связанъ не какъ художникъ, а главнымъ образомъ, какъ человѣкъ. Если къ тому же вспомнить, какъ молодъ былъ Пушкинъ въ александровскую эпоху и какъ неуверенъ еще въ себѣ, то представлять ему требованія судьи и истолкователя своей эпохи не придется.

Итакъ, первый вопросъ, съ которымъ встрѣчаешься, когда говоришь о Пушкинѣ александровскаго времени, это вопросъ о связи его поэзіи съ историческимъ моментомъ. Моментъ былъ одинъ изъ очень знаменательныхъ въ нашей исторіи. Это было время перваго нашего побѣды или менѣе тѣснаго сближенія съ Европой въ области интересовъ умственныхъ и житейскихъ. Хотя мы въ этомъ сближеніи и являлись въ роли учениковъ, но наша физическая сила сослужила Европѣ все-таки достаточно большую службу, чтобы заставить благодарныхъ сосѣдей хоть на словахъ признавать насъ за равныхъ, и совершенно забыть. Такое признаніе, конечно, очень льстило намъ и мы въ собственныхъ глазахъ росли быстро, и прямымъ слѣдствіемъ такого иной разъ очень носившаго и необоснованнаго самоувѣренія было все-таки несомнѣнное напряженіе всѣхъ имѣвшихся на лицо нашихъ умственныхъ и душевныхъ силъ. Мы въ тѣ годы очень «старались» во всѣхъ смыслахъ и наше молодое интеллигентное общество можно было обвинить и въ носивности, и въ легковѣрїи, и въ неправильной оцѣнкѣ своихъ силъ, и въ отсутствіи необходимыхъ знаній, но нельзя было упрекнуть его въ косности, въ нежеланіи двигаться, слѣдовать за тѣмъ или другимъ умственнымъ или гражданскимъ теченіемъ, которое шло къ намъ съ Запада. Стоятъ вспомнить, въ какое движеніе пришла въ тѣ годы наша религіозная, научная, философская и общественно-политическая мысль, чтобы убѣдиться, сколь необычно чувствовалъ себя интеллигентный русскій человѣкъ, сильно запуганный въ концѣ Екатерининскаго царствованія и совершенно безгласный во времена императора Павла I. Положимъ, что этотъ интеллигентъ не могъ приписать своей собственной инициативѣ тѣхъ благъ относительно свободной мысли и слова, какими онъ сталъ пользоваться въ александровское царствованіе: его на этотъ путь усиленной умственной работы и критики направляло само правительство, державшее въ первое десятилѣтіе либеральный курсъ. Но все-

таки за это десятилѣтіе онъ такъ привыкся къ новымъ для него условіямъ умственной и гражданской жизни, что даже тогда, когда правительствомъ своей курьезъ измѣнилось и стало запрещать и гнать все то, что само разрывало, онъ не отказался отъ свободы помысловъ и отъ общественной работы, но продолжалъ ее при самыхъ неблагоприятныхъ условіяхъ. Только послѣ декабрскаго возстанія, съ переменной царствованія онъ сталъ постепенно впадать въ тотъ гражданскій маразмъ, къ которому былъ издавна приученъ.

Въ какой-же связи съ этой краткой, но знаменательной эпохой нашей культурной жизни стояла поэзія Пушкина? Поскольку отражалось въ ней то движеніе ума, чувства и воли, которое такъ выдѣляетъ александровское царствованіе изъ ряду эпохъ ему предшествующихъ и за нимъ слѣдующей?

Всеобъемлющихъ художниковъ очень мало и кромѣ силы генія нужна еще извѣстная общественная школа, чтобы художникъ въ своемъ творчествѣ какъ въ фокусѣ соединилъ всѣ лучи современной ему жизни. Дантъ—эта поэтическая энциклопедія средневѣковья, Гете и Шиллеръ въ ранній періодъ ихъ дѣятельности, Бальзакъ съ его «человѣческой комедіей», и Викторъ Гюго съ его мировымъ набономъ, объединяющимъ воедино прошлое, настоящее и будущее— вотъ имена, которыя могутъ придти на память, когда думаешь о художникѣ съ многограннымъ талантомъ, который способенъ схватить, вмѣстить въ себѣ, и воплотить въ образѣхъ духовное содержаніе цѣлой эпохи въ развитіи человѣчества. Какъ художника, мы приравниваемъ Пушкина къ великимъ «царямъ мечты и вдохновенія», но, конечно, въ произведеніяхъ нашего поэта мы не будемъ искать того глубокаго религіознаго, философскаго, историческаго и общественнаго смысла, какой остается за памятниками мирового искусства на западѣ. Наша жизнь, хоть и самоубытная и по своему красивая, была еще слишкомъ юна, чтобы дать художнику матерьялъ для созданія мирового памятника искусства. Эта жизнь могла подарить насъ самимъ художникомъ—какъ она и подарила насъ Пушкинымъ,—художникомъ съ гениальной способностью художественнаго воспріятія жизни и ея претворенія въ поэзію, но этому великому мастеру она для обработки не могла дать особенно богатаго матерьяла, такъ какъ сама еще его не имѣла.

Но не предъявляя такихъ широкихъ требованій творчеству Пушкина и при томъ творчеству, только еще формовавшемуся, творчеству совсѣмъ юнаго человека, который еще не вполне нашелъ себя—можно спросить однако, насколько это творчество отразило въ себѣ хоть то относительно скромное содержаніе, какое ему давала жизнь.

Въ Пушкинѣ мы давно привыкли удивляться широтѣ его поэтического созерцанія; онъ умѣлъ рисовать образы и положенія, воспроизводить чувства и настроенія очень разнообразныя. Но у него, какъ у художника, всегда была, какъ мы сказали, какая-то страшная нелюбовь къ переживаемому историческому моменту. Мы могли бы ожидать, что именно онъ, одаренный такимъ даромъ перевоплощенія, всего чаще и подробнѣе будетъ намъ говорить о той жизни, которую онъ вокругъ себя видѣлъ, объ ея идейныхъ теченіяхъ и общественномъ движеніи. Но онъ объ этомъ говорилъ неохотно и рѣдко. Онъ былъ слишкомъ разборчивъ въ томъ матеріалѣ, который онъ привлекалъ для поэтической обработки. Слѣдя традиціямъ и взглядамъ своего времени, онъ многое интересное, живое и достойное исключалъ изъ поля своего художественнаго зрѣнія. И тѣмъ не менѣе, когда ставится вопросъ—кто же изъ нашихъ художниковъ александровской эпохи стоялъ всего ближе къ нашей жизни—придется, конечно, указать на него.

Пушкинъ—единственный изъ нашихъ писателей первой четверти XIX вѣка, который въ своихъ мечтахъ и художественныхъ образахъ намекаетъ намъ на то богатство идей и настроеній, которыя его времени придавали такую пеструю окраску.

Если мы рядомъ съ нимъ поставимъ Жуковского, писателя съ огромными заслугами передъ нашей словесностью, мы сразу замѣтимъ, какъ при всемъ разнообразіи и обилии вариаций поэтической кругозоръ Жуковского узокъ и однообразенъ сравнительно съ кругозоромъ Пушкина. Весь родникъ чистаго сентиментализма безъ всякой примѣси Жуковскій въ своей поэзіи исчерпалъ: много красивыхъ, патристически военныхъ и молитвенныхъ звуковъ въ его поэзіи; много самой интимной любовной лирики и бездонная глубина мечтательнаго настроенія. Но развѣ этимъ исчерпывалось все богатство настроеній того времени? Поэзія Жуковского была художественнымъ выра-

женіемъ лишь одного, правда, широко распространеннаго порядка чувствъ и мыслей, но вѣкъ не нашелъ въ ней своего настоящаго отраженія, потому что одна изъ самыхъ характерныхъ чертъ той эпохи—тревога души, рвущаяся впередъ, рѣзкой, смѣлой въ своей критикѣ настоящаго,—не нашла отклика въ душѣ поэта. Даровитымъ поэтомъ былъ и Баратынскій, но его творчество было связано съ историческимъ моментомъ еще меньшими нитями любви или не любви, чѣмъ поэзія Жуковского. Эстетикъ по преимуществу, пѣвецъ чисто личныхъ чувствъ, реставраторъ античной древности—онъ жилъ въ мірѣ мечты, которая осуждена была ощущать лишь свое противорѣчіе, свою несогласуемость съ жизнью дѣйствительной. Товарищи и сверстники Пушкина, художники разной силы, въ своемъ творчествѣ обнаруживали иногда способность глубокаго проникновенія въ смыслъ той или другой стороны вокругъ нихъ развертывающейся жизни, но каждый изъ нихъ имѣлъ свои излюбленные мотивы и настроенія очень субъективныя, которыя отражали правду души писателя, но не позволяли догадываться о всей правдѣ жизни. Баратынскій могъ намъ дать глубокій анализъ человѣческой грусти, печали и меланхоліи; Языковъ могъ показать намъ, какъ поэтъ бываетъ жизнерадостенъ и веселъ; Веневитиновъ могъ научить насъ мыслить поэтическими образами, а Рыльцевъ могъ учить гражданской доблести—все же эти искреннія и художественныя ибсены были лишь осколками того поэтического зеркала, въ которомъ вся жизнь тѣхъ годовъ могла бы отразиться.

Когда отъ этихъ ибсеновъ свободной мечты переходимъ къ памятникамъ искусства, выросшимъ на почвѣ довольно пристальнаго наблюденія надъ жизнью—къ повѣстямъ, романамъ, драмамъ и комедіямъ, то во всѣхъ этихъ формахъ болѣе или менѣе реальнаго воспроизведенія жизни не досчитывались также той широты замысла, того разнообразія типовъ и положеній, которые позволили бы всѣмъ эти произведенія смѣсть за художественныя картины, достойная оригивала, т. е. цѣлой культурной эпохи. Въ повѣстяхъ и романахъ тѣхъ годовъ очень мало бытоваго и историческаго элемента, а въ тѣхъ изъ нихъ, гдѣ этотъ элементъ есть, какъ, напр., въ романахъ Нарбѣжнаго, онъ подчиненъ шпактической тенденціи самого общаго характера. Театръ тѣхъ годовъ имѣлъ также очень мало то-

чекъ соприкосновенія съ дѣйствительною жизнью. Одна лишь комедія Грибоедова можетъ въ полномъ смыслѣ назваться художественнымъ памятникомъ своего времени, но авторъ комедіи былъ прежде всего сатирикъ, а потомъ уже бытописатель, и все вниманіе свое сосредоточилъ лишь на одномъ, правда, очень существенномъ вопросѣ о столкновеніи стараго поколѣнія съ молодымъ.

Такимъ образомъ, если искать художника, въ которомъ александровское царствование нашло своего пѣвца, если не истолкователя и критика, то хоть возродителя въ образѣ тѣхъ чувствъ и мыслей, какими жили люди этого знаменательнаго въ нашей исторіи момента, то придется, конечно, назвать только Пушкина, но назвать не безъ оговорокъ.

Несомѣнно, что Пушкинъ—тотъ художникъ, въ творествѣ котораго всего больше «духа» его эпохи. Это не значитъ, однако, что въ этомъ творествѣ много бытового современнаго поэту матеріала.

За весь первый періодъ своего развитія, именно за все александровское царствование, Пушкинъ только однажды коснулся современной темы: это было тогда, когда онъ работалъ надъ первыми шестью главами «Евгенія Онегина». Но и въ этой работѣ онъ былъ занятъ не столько художественнымъ воплощеніемъ жизни, сколько разработкой одной психологической задачи, въ рѣшеніи которой онъ самъ былъ очень заинтересованъ.

И все-таки, при всемъ своемъ нежеланіи сблизать свое творчество съ текущимъ историческимъ моментомъ, Пушкинъ—нашъ единственный художникъ слова, въ творествѣ котораго сохранилось въ достаточной полнотѣ и глубинѣ міросозерцаніе и господствующее настроеніе его эпохи. Сохранены были эти черты вѣка потому, неизменно, онъ не задавался цѣлью отбѣгать ихъ, разбираться въ нихъ, дѣлать ихъ предметомъ строгаго обсужденія—онъ, какъ натура чувствая, улавливалъ ихъ и схватывалъ и, овладѣвъ ими какъ художникъ, довольствовался ихъ воспроизведеніемъ. Вотъ почему всякій изслѣдователь чувствуетъ себя такъ неловко и въ такомъ трудномъ положеніи, когда ему приходится рѣшать задачу, какихъ взглядовъ держался Пушкинъ на тотъ или иной вопросъ—религіозный, философскій, общественный или политическій. Эта же трудность возстаетъ передъ критикомъ, когда ему приходится

говорить объ излюбленныхъ настроеніяхъ Пушкина въ эту эпоху. Какъ въ убѣжденіяхъ, такъ и въ настроеніяхъ нашъ художникъ необычайно разнообразенъ и противорѣчивъ. Отъ нихъ владѣть попеременно, или вѣрнѣе, они имъ владѣють и, можетъ быть, эта частая смѣна ихъ есть своего рода откликъ души поэта на «духу» его времени, которая тоже совмѣщала въ себѣ много противорѣчій.

Принючимъ нѣсколько основныхъ вопросовъ жизни, которыми такъ волновались умы и сердца людей въ тѣ годы нашего общественнаго возбужденія.

На первомъ планѣ стоятъ, конечно, вопросы религіозный. Въ александровское царствование онъ принялъ совѣтъ необычное въ Россіи направленіе Свободы вѣроисповѣданія въ настоящемъ смыслѣ этого слова мы никогда не знали. И въ эпоху царствования Александра Павловича такой свободы, конечно, не было, хотя были сдѣланы первые шаги къ ней. Высшее общество съ самимъ царемъ во главѣ допускало тогда вторженіе въ канонъ личныхъ настроеній и мистико-нѣтической мысли. Многие религіозные и догматическіе вопросы стали предметомъ довольно гласнаго обсужденія, и могли они, конечно, проникнуть и въ литературу. Но литература на это движеніе идей не откликалась, за исключеніемъ, конечно, литературы специальной, франкъ-масонской, богословско-философской, богословско-дублицетической или сектантской. На оживленіе религіозной мысли въ эти годы изящная словесность отозвалась только повышеніемъ сентиментальнаго чувства, окрашеннаго въ религіозную краску.

На поэзіи Пушкина это броженіе религіозныхъ идей оставило свой слѣдъ, правда, не очень значительный и говорящій скорѣе о томъ, что Пушкинъ шелъ не со своимъ вѣкомъ по пути углубленія религіозной мысли, а наперекоръ вѣку по пути ея упрощенія. Это все-таки очень характерно, что только его поэзія выиграла отъ той «свободы» въ религіозныхъ вопросахъ, которая временно заступила мѣсто традиціонной крѣпости и неподвижнаго признанія.

Пушкинъ въ свои зрѣлые годы не выходилъ изъ подчиненія обрядовой сторонѣ религіи. Въ его перепискѣ и сочиненіяхъ нѣтъ слѣдовъ, указывающихъ на какой-нибудь религіозный кризисъ: и потому можно предположить, что по натурѣ

своей онъ не былъ антирелигіозенъ, и что только въ Александровскую эпоху онъ поддался искушению свободной мысли, которая, однако, въ отличіе отъ всѣхъ его сверстниковъ, увлекла поэта совсѣмъ не въ сторону мистики или пѣтизма.

Много было говорено о такъ называемыхъ вольныхъ стихахъ Пушкина—вольныхъ въ религіозномъ смыслѣ. Стихи эти находились и до сихъ поръ находятся подъ запретомъ. Самъ поэтъ подчасъ отрицалъ, что онъ писалъ таковыя и отрицалъ, вѣроятно, не только изъ страха подпасть подъ обвиненіе въ кощунствѣ. Вѣроятно, очень скоро эти стихи, въ которыхъ мистическій ученій христіанской церкви трактовались съ откровеннымъ цинизмомъ, стали ему самому не по душѣ и не только какъ христіанинъ, а главнымъ образомъ, какъ поэтъ, былъ онъ самъ оскорбленъ такимъ обращеніемъ съ поэтическими символами. Но какого бы мѣтнія объ этихъ стихахъ ни были, и самъ поэтъ, и его современники, историкъ долженъ ихъ отмѣнить, какъ явленіе очень своеобразное и въ русской литературѣ того времени, сколько намъ извѣстно, единственное. Конечно, стихи эти не оригинальны по основной своей «свободной» мысли, которая пришла къ намъ съ запада изъ Франціи XVIII вѣка и которая могла имѣть въ нашемъ обществѣ, и конечно имѣла, многихъ сторонниковъ, многихъ перешедшихъ въ русскую рѣчь, облечь то, что такъ игриво звучало во французской. Но только подъ перомъ Пушкина такая свободная мысль получила истинно художественное облеченіе и обогащала въ извѣстномъ смыслѣ изящную словесность, свидѣтельствуя въ то-же время томъ, какъ своеобразно нашъ поэтъ воспользовался вновь открывшимся свободнымъ поприщемъ для своей пылливой мысли.

Слѣды этой-же свободной мысли несомнѣнно замѣтны и на «языческихъ» стихахъ, которыхъ Пушкинъ такъ много писалъ за этотъ періодъ своего развитія. Слѣдно было-бы ставить на счетъ религіозной мысли тѣ условныя языческія метафоры, образы, имена и прозвища, которые къ намъ перешли по наслѣдству отъ такъ называемой ложно-классической литературы. Но если у большинства нашихъ поэтовъ того времени эти языческія слова оставались словами или, въ лучшемъ смыслѣ, красивымъ украшеніемъ, то именно у Пушкина, больше чѣмъ у кого-либо, за ними крылся

смыслъ во всякомъ случаѣ отличный отъ христіанскаго... Жуковскій, который тоже любилъ античную древность, всегда приписывалъ къ ней частію христіанской вѣры въ Предопредѣленіе. Для другихъ античное міросозерцаніе совпадало просто съ настроеніемъ веселаго и влюбленнаго человека. Одинъ Батюшковъ умѣлъ цѣнить въ этомъ міропониманіи чувство красоты и въ некоторыхъ антологическую стихотвореній его художественно выразилъ. Пушкинъ унаслѣдовалъ это чутье къ античной красотѣ и отбросилъ его глѣмъ пантеистическимъ, полнымъ довѣрія къ божеству настроеніемъ, какое составляетъ одну изъ отличительныхъ чертъ античной жизни. Въ этомъ бодромъ довѣрїи, не слезливомъ и не пониженномъ, какъ у романтистовъ, въ эту рѣчь полныхъ сознанія своей молодости и силы, въ этомъ участіи равно разлитомъ и въ отзывчивости на всѣ впечатлѣнія бытія, Пушкинъ—язычникъ, насколько, конечно, можетъ быть язычникомъ человекъ нашего времени. Вся мрачная, трагическая сторона античнаго міропониманія осталась нашему поэту чужда и на его религіозную мысль не повлияла, но несомнѣнно, что свободное отношеніе къ господствующимъ сентиментально религіознымъ взглядамъ лежало въ основѣ этой «языческой» жизнерадостности, и эта жизнерадостность чувствовала себя иногда очень неловко, когда ей приходилось въ силу чисто вѣнскихъ условій читать себѣ самой мораль, какъ это случилось въ 1817 г. съ Пушкинымъ, на выпускномъ экзаменѣ, когда онъ читалъ славословіе «вѣрѣ», въ которую не вѣрилъ («Безвѣрїе» 1817 г.).

Такъ, если говорить о томъ, какъ поэзія Пушкина откликнулась на современное ей броженіе религіозной мысли въ Россіи, то этотъ откликъ надо признать слабымъ, но единственнымъ въ нашей изящной словесности, и притомъ очень самостоятельнымъ откликомъ, такъ какъ поэтъ вмѣсто того, чтобы идти со своимъ вѣкомъ по дорогѣ сентиментально-идеистическій и мистически-благочестивыхъ размышленій, пошелъ въ противоположную сторону, и свободу религіозной мысли отождествилъ съ понятіемъ свободнаго обращенія съ символами и догмами господствующаго религіознаго созданія.

На движеніе чисто философской теоретической мысли своей эпохи Пушкинъ совсѣмъ не откликался.

Но за-то общественная мысль въ немъ

онъ опять пансла чуть ли не единственнаго выразителя въ изящной словесности.

Такое сужденіе можетъ показаться страннымъ, если вспомнить, что съ первыхъ же лѣтъ своего зарожденія наша изящная литература была всегда насыщена сатирическимъ элементомъ. Но эта склонность къ сатирѣ была въ большинствѣ случаевъ лишь показателемъ извѣстнаго дидактическаго направленія ума въ писателѣ, и очень мало говорила объ его общественномъ темпераментѣ и его интересѣ къ общественнымъ вопросамъ въ широкомъ смыслѣ слова. Еще задолго до появленія Пушкина общеправдивныя сентенціи стали достояніемъ словесности, и такая сатира общаго характера достигала иной разъ извѣстной высоты идейной и литературной. Въ царствованіе Александра Павловича мысль, направленная на общіе вопросы нравственности, стала яснѣе опредѣляться и дробиться и изъ сферы общихъ разсужденій переходила въ область болѣе частныхъ вопросовъ, вытекавшихъ изъ непосредственнаго наблюденія и смѣлой оцѣнки фактовъ общественной жизни. Писатель изъ моралиста превращался постепенно въ публициста и прерыванія въ концѣ царствованія Екатерины II традиціи Новикова и Радищева воскресали.

Однако, въ изящной словесности Александровской эпохи эти общественные мотивы слышны отнюдь не такъ часто и не съ той силой, на какую мы имѣли бы право разсчитывать. Въ литературныхъ беллетристическихъ произведеніяхъ и въ поэзіи Карамзина они отсутствуютъ; ихъ нѣтъ и въ пѣсняхъ всѣхъ лириковъ, составляющихъ такъ называемую «сплеяду» Пушкина, за исключеніемъ пѣсень Рылѣева; изрѣдка и въ очень обобщенной формѣ появляются они въ нѣкоторыхъ басняхъ Крылова и тонуть среди другихъ басенъ, которыя предостерегаютъ писателя отъ непрошеннаго вмѣшательства въ общественные вопросы. Съ большой силой одинъ изъ общественныхъ вопросовъ, правда очень острый, поднятъ въ комедіи Грибоедова, но смнати и антипати автора проступаютъ въ ней недостаточно ясно. Наконецъ, въ романахъ и повѣстяхъ того времени попадаются кое-какія робкія попытки иллюстрировать тотъ или другой общественный вопросъ бытовой картинкой. Но почти во всѣхъ случаяхъ такая иллюстрація съ настоящимъ художественнымъ творчествомъ имѣетъ мало общаго.

И онъ-таки одна лишь поэзія Пушкина соединяетъ интересъ къ общественности съ высотой художественнаго выполненія. И Пушкинъ Александровской эпохи въ этомъ смыслѣ гораздо болѣе отзывчивый поэтъ, чѣмъ Пушкинъ послѣдующаго времени.

Извѣстная глубина и зрѣлость общественной мысли у молодого поэта сказывается прежде всего на благородствѣ пониманія національной идеи. Эта національная идея служила издавна пищей для литературы. Такъ какъ культурныхъ побѣдъ у насъ было пока очень мало, то естественно, что пришлось выдвигать побѣды военныя, и патриотическая ода XVIII вѣка разыгрывалась преимущественно на бранныхъ трубахъ. 1812 годъ далъ большой толчекъ этому военному патриотизму и болѣе, чѣмъ что-либо въ нашѣмъ военномъ прошломъ, оправдывалъ нашу національную гордость. Для изящной словесности это патриотическое воодушевленіе дало очень много въ смыслѣ количества и очень мало въ смыслѣ качества. За исключеніемъ звучныхъ военно-религіозныхъ пѣсень Жуковского и удалыхъ пѣсень Дениса Давыдова—национальная идея являлась въ своемъ традиціонномъ, трафаретномъ стихотворномъ одѣяннѣ.

Одинъ Пушкинъ придалъ ей красоту художественную и, кромѣ того, особый глубокий смыслъ, который не былъ заглушенъ военными фанфарами. Въ одномъ изъ первыхъ своихъ стихотвореній на эту тему «Воспоминанія въ Царскомъ Селѣ» (1815) поэтъ, совсѣмъ еще юный, удовлетворялся лишь прославленіемъ одержанной нами побѣды, не вникая пока въ тотъ глубокий смыслъ, который она должна была имѣть для нашей общественности. Но уже въ этомъ раннемъ стихотвореніи Пушкинъ отблизилъ «улыбку примиренія и златую оливу», съ какою побѣдитель шелъ на встрѣчу побѣжденному, хищному галлу. Скорбь о нарушенномъ желаніемъ мирѣ и гнѣвъ на властителя, который не хочетъ смириться передъ судьбой, продиктовали Пушкину грозное стихотвореніе «Наполеонъ на Эльбѣ» (1815), гдѣ, воздерживаясь отъ всякихъ патриотическихъ угрозъ, поэтъ съ мистическимъ страхомъ остановился въ раздумьи передъ полнымъ величьемъ послѣдствій событіемъ. Но вотъ, наконецъ, врагъ сокрушенъ навсегда и русскій царь, увѣнчанный славой, вернулся въ отчизну. Поэтъ признаетъ, что царь свершилъ все,

ПЕРВОЕ ГОТОВЫЙ ПОРТРЕТ МОЛОДОГО ПУШКИНА

История искусства. М., 1988. С. 100-101.

что могъ свершить на полѣ брани, и потому встрѣчаетъ его пожеланіемъ, чтобы онъ освѣтилъ вселенную желанной тишиной и чтобы война стала залогомъ широкой и мирной культуры («На возвращеніе Государя Императора изъ Парижа», 1815). Эта мысль о культурномъ значеніи наполеоновскихъ войнъ, высказанная пока лишь въ общей формѣ самаго простого пожеланія мира, крѣпнеть въ поэтѣ и въ знаменитомъ стихотвореніи «Наполеонъ» (1821) достигаетъ большой глубины. Наполеонъ уже не врагъ Россіи, онъ величественная историческая фигура, при оцѣнкѣ которой должны смолкнуть всякія національныя симпатіи. На развалинахъ свободы построилъ Наполеонъ свой престолъ, но лишь затѣмъ, чтобы на развалинахъ его самовласти вновь засіяла свобода. Мы русскіе свергли исполна съ высоты и все наши страданія были необходимы для великаго культурнаго дѣла—для возрожденія свободы на западѣ и у насъ. Міру Наполеонъ завѣщалъ умрака ссылку вѣчную свободу, а намъ указалъ высокій жребій. Последние слова поэта возбуждаютъ, однако, нѣкоторое недоумѣніе. Говорить о вѣчной свободѣ на западѣ послѣ Реставраціи и въ ея разгаръ было нѣсколько странно: нелегко также опредѣлить, что разумѣлъ поэтъ подъ «высокимъ жребіемъ» нашимъ? Если подъ этими словами кроется мысль, что послѣ крушенія Наполеона мы, русскіе, вступили на путь свободы (что съ истиной согласно, то несомнѣнно, что поэтъ обнаружилъ большую зрѣлость мысли въ оцѣнкѣ общественнаго смысла историческихъ событій. Но мысль поэта высказана пока очень глухо. Однако, именно эта мысль не переставала занимать его, какъ видно изъ извѣстнаго «Отрывка» (1823: «Недвижный стражъ дремалъ»). Въ этомъ отрывкѣ «владыка сѣвера», въ минуту уносенія своей властью, въ горделивомъ сознаніи своего торжества, какъ побѣдителя, обрушивается грозной рѣчью на «зидителейъ свободы» и на мудрецовъ и безумную толпу, которая ищетъ «справъ природы». Владыка грозитъ имъ железомъ Россіи и желѣзной своей стоей, т.е. онъ грозитъ свободѣ той самой программой, которая, дѣйствительно, въ годъ, когда стихотвореніе это было написано (1823), восторжествовала у насъ въ Россіи надъ всеми бладами начпаніями. Къ какому окончательному рѣшенію пришелъ владыка сѣвера, мы не знаемъ, такъ какъ Пушкинъ своего стихотворенія не окончилъ и оборвалъ его

на томъ моментѣ, когда «владыкѣ сѣвера» явилась тѣнь Наполеона, очевидно, затѣмъ, чтобы напомнить ему, сколь призрачны всякіе «жезлы» и «желѣзныя стоеи».

Несомнѣнно все-таки, что въ этомъ стихотвореніи кроется глубокий общественный смыслъ, который мы напрасно будемъ искать у другихъ поэтовъ того времени, противопоставлявшихъ «владыку сѣвера» его побѣжденному супостату.

Такое же широкое пониманіе національной идеи обнаружилъ Пушкинъ и въ тѣхъ стихахъ, въ которыхъ онъ говоритъ объ усѣбахъ нашей образованности и культурности въ широкомъ смыслѣ. Эта тема также давно давала поводъ нашимъ поэтамъ говорить о доморощенныхъ Пестонахъ и Платонахъ и о процвѣтаніи всякихъ разсадниковъ наукъ и искусствъ, посаженныхъ властителями или меценатами. Достаточно прочесть извѣстныя «Посланія» Пушкина къ цензору (1824 г.), чтобы увидать, какой тактъ умѣлъ соблюсти поэтъ въ подсчетѣ нашихъ культурныхъ силъ и силъ имъ враждебныхъ, и какъ гармонично въ этихъ стихахъ сочеталось сознаніе своего національнаго достоинства съ сознаніемъ своихъ грѣховъ передъ культурностью.

Что Пушкинъ близко принимаетъ къ сердцу все болѣе или менѣе осязательныя усѣхи этой культурности—это вполнѣ естественно, но должно отмѣтить, что онъ не упустилъ случая заговорить о нихъ въ своихъ стихахъ, и большинство его «посланій» (къ Жуковскому, Батюшкову, Чаадаеву, Мордвинову) могутъ съ полнымъ правомъ назваться такими стихами на общественную тему.

Обыкновенно, когда говорятъ объ этой общественной тенденціи въ стихахъ Пушкина александровской эпохи, то указываютъ на знаменитое стихотвореніе «Дереви» (1819), чуть ли не первое стихотвореніе, въ которомъ русскій писатель откровенно заговорилъ о безобразіи крѣпостного состоянія. Конечно, это стихотвореніе имѣетъ несомнѣнное общественное значеніе, какъ одна изъ первыхъ попытокъ облечь публицистическую тему въ художественную форму, но едва ли его можно признать за пложеніе вполнѣ зрѣлаго взланда на самый жгучій общественный вопросъ своего времени. Въ этомъ стихотвореніи больше силы сентиментальнаго чувства, чѣмъ силы общественной мысли—что, между прочимъ, подтверждается тѣмъ, что поэтъ подѣ

«Деревни» къ этой темѣ больше не возвращался, но всегдѣ вбросягямъ разочарованнись въ той сентиментальной надеждѣ, которую онъ возлагалъ на царя. Но при всей своей недоказанности и общности и это стихотвореніе несомнѣнно свидѣтельствуетъ о чуткости, съ какой поэтъ слѣдилъ за теченіемъ общественной мысли своего времени. И какъ бы вообще ни были незначительны слѣды, оставленные этимъ теченіемъ на стихахъ Пушкина, несомнѣнно, что изъ всѣхъ нашихъ поэтовъ одинъ только Пушкинъ, какъ художникъ, откликнулся на него въ такой, хоть и скромной степени.

Сильнѣе и рѣзче, чѣмъ на общественное движеніе своего времени, отозвался молодой поэтъ на броженіе политической мысли тѣхъ годовъ. Много было говорено объ этихъ политическихъ увлеченіяхъ Пушкина. Несомнѣнно, что это было «увлеченіе» въ томъ смыслѣ, что источникъ политическихъ ибсень Пушкина заключался не въ развитомъ политическомъ темпераментѣ или сознаніи поэта, а въ его впечатлительности и жизнерадостности, съ какой онъ отзывался на все. Видѣть въ этихъ стихахъ безусловное доказательство зрѣющей или созрѣвшей политической мысли и, стало быть, явно оппозиціонной—было бы неправильно. Дальнѣйшая судьба этой мысли въ сознаніи Пушкина показываетъ, что она вытекла скорѣе изъ поэтического отклика на событія, чѣмъ изъ возмущеннаго раздумья надъ ними. Имѣя эта мысль болѣе тѣсную связь со всею психикой поэта, она, конечно, не расплылась бы такъ въ туманностиахъ, какъ это случилось съ ней въ самый рѣшительный моментъ, наканунѣ политическаго возстанія 1825 года. Недостаточно ясное отношеніе Пушкина къ декабрьскому возмущенію (не только въ томъ смыслѣ, что онъ въ подготовкѣ возстанія и въ его осуществленіи не принималъ рѣшительно никакого участія; оно неясно потому, что во всѣхъ его словахъ, письмахъ и стихахъ нѣтъ вообще слѣдовъ какого бы то ни было отношенія къ подготовляемому событію) показываетъ, что полноты подъема политическихъ чувствъ у него не было.

Намъ впрочемъ, въ данномъ случаѣ безразлично, въ какой степени самъ Пушкинъ былъ политикомъ, — импрессионистомъ или убѣжденнымъ, — важно то, что онъ какъ поэтъ на эту сторону нашей тогдашней жизни откликнулся. Одинъ только онъ да Рыльевъ, политикъ по природѣ и по складу ума, не прошли мимо явленій жизни не-

сомнѣнно весьма типичнымъ и знаменательнымъ для той эпохи; и тотъ фактъ, что Пушкинъ, по натурѣ своей мало къ политикѣ склонный, тѣмъ не менѣе воспѣлъ ее въ стихахъ—лишнее доказательство его поэтической отзывчивости.

Количество стиховъ, съ политической тенденціей, написанныхъ Пушкинымъ въ александровскую эпоху, довольно значительно. Написанъ къ поррету Чаадаева (1817) написана еще на школьной скамьѣ. «Вольность» (1819), самое рѣзкое изъ политическихъ стихотвореній Пушкина, но далеко не самое сильное. Продиктовано оно поэтическимъ чувствомъ, которое въ молодыхъ умахъ всегда возбуждаетъ слово «свобода» и политическая мысль замѣнена въ этой одѣ политической экзальтаціей, которая покрываетъ мѣстами совсѣмъ протизорѣчивыя политическіе взгляды. Такая же политическая лирика звучитъ и въ известномъ посланіи къ Чаадаеву (1818), гдѣ поэтъ общается Россіи зарю пѣвительнаго счастья и святой вольности, которая должна восторжествовать на обломкахъ самовластиа. Это посланіе также едва ли можно считать за политическую программу и правъ поэтъ, когда онъ свое томленіе по свободѣ сравниваетъ съ состояніемъ молодого любовника, ожидающаго минуты сладкаго свиданія, т. е. человекомъ, въ которомъ смутное ощущеніе блаженства отъбсняетъ всякія отчетливыя мысли.

Одновременно съ этими стихами Пушкинъ писалъ, какъ известно, немало очень мѣткихъ энциграммъ, которыя и были главной причиной его ссылки на югъ. Видѣть въ этихъ энциграммахъ опять-таки проявленіе какой-нибудь непримиримой политической вражды едва ли возможно; и эти политическіе паскоки были по всей вѣроятности результатомъ вскипѣвшаго поэтическаго чувства, окрыленнаго веселой смѣлостью молодого таланта. Къ энциграммамъ примыкаетъ и знаменитое стихотвореніе «Книжка» (1821), въ которомъ политическій темпераментъ Пушкина (если о такомъ можетъ идти рѣчь) достигъ наибольшаго или наиболѣе рѣзкаго проявленія. Стихотвореніе было самаго общаго типа и нѣтъ основанія думать, что оно мѣтило въ русское правительство, о которомъ въ стихотвореніи не сказано ни одного слова. Оно отражало лишь самое напряженное чувство протеста не останавливающагося передъ самыми крайними средствами. Легко воз-

можно, что въ такомъ повышеніи чувства была не столько виновата обострявшаяся въ Пушкинѣ политическая мысль сколько личное ощущение раздраженія и обиды, которое въ поэтѣ очень повысилось въ дни его ссылки на югъ.—Но вмѣстѣ съ этимъ повышеніемъ личнаго раздраженія, политическій задоръ шелъ въ Пушкинѣ на убыль. Это очень ясно сказалось на стихотвореніи «Андрей Шенье» (1825), которое привнесло Пушкину столько неприятностей, такъ какъ въ немъ усмотрѣли какъ разъ обратное тому, что въ немъ было. Въ стихотвореніи хотѣли видѣть подъемъ политическаго настроенія, тогда какъ въ немъ наоборотъ замѣчалось его успокоеніе. Вмѣсто словъ задора и воинственнаго чувства стихотвореніе полно сожалѣнія и жалости къ людямъ. Призывъ къ борьбѣ за свободу, борьбѣ неотложной, замѣненъ въ немъ пѣснью въ честь надежды на грядущее ея торжество. Поэтъ какъ будто выговариваетъ себѣ за то, что онъ вмѣшался въ политику и взялся за дѣло мало ему свойственное. Но отъ права произносить свой судъ надъ великими событіями, которыя развертываются передъ его глазами, поэтъ всетаки не отказывается. Только лишь прежняя буря страстей и необузданное волненіе замѣняются грустными и строгими итогомъ политической мысли, много поработавшей и утратившей всѣ страсти кромѣ убѣжденности въ своей правотѣ. Стихотвореніе «Андрей Шенье» было такимъ образомъ своего рода поправкой къ написанному два года раньше безнадежному стихотворенію «Свободы свѣтель пустынный» (1823) въ которомъ Пушкинъ, въ очень правду туманныхъ выраженіяхъ, какъ будто подписывался подъ скорбнымъ афоризмомъ, что народы не доросли до свободы, что ея дары имъ не нужны, а нуженъ «бичъ да ярмо съ тремучками».

Мы можемъ быть какого угодно мнѣнія о Пушкинѣ какъ политикѣ, но неизмѣннымъ остается тотъ фактъ, что изъ всѣхъ поэтовъ своего поколѣнія лишь онъ одинъ (если не считать Рылѣева съ его упрямимъ боевымъ настроеніемъ) отразилъ въ своемъ творчествѣ приливы и отливы, подъемы и пониженія политическую взлѣдовъ и страстей, которые тогда пришли въ необычное для нашей жизни движеніе.

Итакъ, если принять въ расчетъ всѣ тѣ слѣды, которые на творчествѣ Пушкина оставила александровская эпоха, столь живая въ движеніи релігіозныхъ, обществен-

ныхъ и политическихъ идей и настроеній, то связь этого творчества со своимъ временемъ станетъ вѣб сомнѣнія. И какъ бы эта связь въ нѣкоторыхъ областяхъ ни была обща и слаба, но она была единственной, которая соединяла дѣльную историческую эпоху съ нашей словесностью—тогда еще совѣмъ молодой и неопытной. Всѣ сверстники Пушкина и работники на нивѣ этой словесности были не то, чтобы разобщены со своимъ временемъ (хотя про многихъ изъ нихъ, какъ, напр., про представителей старой литературной школы, это сказать можно), но они не обладали зоркостью, отзывчивостью, широтой поэтическаго кругозора, безъ которыхъ они не могли стать не только судьями своего времени, но просто его свидѣтелями въ области художественнаго его перевоплощенія... Одно творчество Пушкина было то «эхо», какимъ искусство откликнулось на всѣ событія даннаго историческаго момента.

Но, конечно оно было только «эхо», а не самостоятельный голосъ, который, какъ бы то ни было, могъ вліять на ходъ событій или вообще прибавлять что-нибудь къ идейному богатству своей эпохи. Но требовать такого вліянія отъ еще совѣмъ молодого, только зрѣющаго художника въ эпоху, когда наше словесное искусство только что зарождалось, было невозможно. Достаточно, что поэзія Пушкина всему идейному богатству александровской эпохи придавала художественную форму и тѣмъ самымъ дала ему стоимость, которую до Пушкина оно не имѣло.

III.

Мы выяснили связь поэзіи Пушкина съ ея временемъ, но какова же была ея связь съ самой психикой поэта?

На этотъ вопросъ даютъ очень ясный отвѣтъ лирическія стихотворенія Пушкина. Онъ любилъ ихъ писать и писалъ ихъ много всегда въ нѣхъ откровенный и искренній. Какъ всѣ поэты его поколѣнія, онъ былъ очень занятъ собой, и самонаблюденіе было любимымъ его занятіемъ. Благодаря такой откровенности, мы можемъ теперь съ достаточной полнотой возстановить картину смѣны въ его душѣ разныхъ настроеній. Особенно рѣзкую переломовъ въ настроеніи эта душа не испытала. Жизнерадостная и веселая ветушила она въ жизнь, за-

тѣмъ на короткій срокъ подвала романтической тревогѣ и, быстро поборовъ ее, успоковлась на поэтическомъ созерцаніи житейской суеты. Насколько можно судить по лицейскимъ стихотвореніямъ Пушкина, его душой владѣли попеременно, а можетъ быть, и нераздѣльно два настроенія, очень тогда распространенныя. Онъ былъ настроенъ меланхолически сентиментально и классически весело. Испытывалъ онъ какое-то «столбене души», очень неопредѣленное и туманное, которое вызывало въ немъ слезы надъ ранней его могилой, надъ мимолетной радостью, обманами любви и ея быстрымъ бѣгѣ, которое дѣлало его особенно воспримчивымъ къ красотахъ «оссиановской» души и всѣмъ ощущеніямъ одиночества. Но рядомъ съ этими настроеніями прорывалась въ поэтѣ странная жажда веселія и наслажденія, и въ удивительно звонкіе и красивые стихи облекалась эта жизнерадостность молодой гениальной натуры. Въ такомъ сочетаніи съ виду противорѣчивыхъ настроеній собственно никакого противорѣчія не было, такъ какъ молодая меланхолія, съ явленіями самой реальной жизни ничѣмъ не связанная, сама вытекала изъ скрытаго сожалѣнія о кратковременности и измѣчивости всѣхъ веселыхъ ощущеній и всѣхъ наслажденій жизни. Таковъ именно былъ источникъ этой ранней грусти почти у всѣхъ тогдашнихъ поэтовъ, за исключеніемъ развѣ только Баратынскаго. Пушкинъ въ средѣ этихъ молодыхъ пѣвцовъ своихъ личныхъ чувствъ и настроеній былъ однимъ изъ наибольшихъ весельчаковъ, и его любовныя застольныя пѣсни, веселыя посланія и шутки въ стихахъ, его эпиграммы и экспромты, написанные въ лицей и въ первые годы его жизни въ Петербургѣ—это блистательно доказываютъ. И сами условія жизни поэта складались пока такъ, что должны были поддерживать въ немъ такую жизнерадостность.

Наиболѣе художественное и болѣе полное выраженіе того настроенія, какимъ была охвачена душа Пушкина на счастливой зарѣ его молодости, даетъ намъ его первое крупное поэтическое созданіе—«Русланъ и Людмила»...

Пушкинъ, не смотря на свои юношескіе годы, давно уже мечталъ о созданіи какого нибудь «крупнаго» произведенія, въ которомъ поэтъ не тратился бы на мелочи, а проявилъ-бы всю силу своего вдохновенія. Ожидать, что начинающій поэтъ дѣйстви-

тельно нападеть сразу на крупный и значительный сюжетъ, въ которомъ сочетались-бы оригинальность и сила вдохновенія—было трудно. Пушкинъ выбралъ простую сказку, которая въ тѣ годы ходила въ разныхъ переработкахъ, но, замѣствуя фабулу, онъ вложилъ въ нее свое собственное настроеніе—оригинальное для него самого и для всего его поколѣнія, — почему эта сказка и имѣла такой большой успѣхъ. Поэма была написана въ самомъ веселомъ, мажорномъ тонѣ. Ни въ одномъ изъ современныхъ произведеній веселіе жизни, къ которому такъ чутко относилось тогда молодое поколѣніе, не было слышано въ такихъ яркихъ и пѣвительныхъ краскахъ, какъ въ этой поэмѣ. Она заполняла такимъ образомъ въ искусствѣ очень существенный пробѣлъ. Въ тогдашней поэзіи было мало поэмъ, которыя художественно передавали настроеніе миное и не было такого, въ которомъ-бы лицевая сторона жизни отразилась съ полнотой и яркостью ея достойной. «Русланъ» былъ такимъ жизнерадостнымъ гимномъ въ честь земныхъ радостей и благъ и, кромѣ того, славословіемъ русской старины, русскаго духа, поэмой о доблестномъ русскомъ рыцарѣ, который восторжествовалъ надъ всѣми врагами. Эта патриотическая тенденція поэмы была также въ духѣ того времени—въ духѣ повсюду за «самобытностью» въ изящной словесности. Но главной приманкой поэмы были, конечно, тотъ оптимизмъ, который сквозилъ между всѣми ея строками. Она утверждала торжество всѣхъ видовъ добра надъ всѣми видами зла; торжество свободного чувства надъ насиліемъ, свѣтлыхъ духовъ надъ злыми, истинной убогости надъ лживой, торжество справедливости надъ преступленіемъ; она провозглашала награду добродѣтели и наказаніе пороку. Поэма была выраженіемъ кипучей воли къ жизни, полной юныхъ силъ, была выраженіемъ жажды счастья и довѣрія къ себѣ и къ людямъ. Въ этомъ смыслѣ поэма «Русланъ и Людмила» можетъ быть названа поэтическимъ итогомъ ранней юности Пушкина—тѣмъ беззаботнымъ дѣтвѣ, которая онъ прожилъ въ лицей, въ вихрѣ свѣта, и того товарищескаго круга, который ждалъ его за стѣнами лицея. Мы не ошибемся, если настроеніе «Руслана» примемъ за то основное настроеніе, какимъ тогда былъ охваченъ на зарѣ развѣта его таланта. Конечно, отдавая дань сентиментальному настроенію своего вѣка, а главное, подчиняясь красотѣ

нѣкоторыхъ иноземныхъ образцовъ поэзіи и удачному нѣхъ переложенію у Жуковскаго, онъ позволялъ себѣ иногда отдаваться грусти и поэтической меланхоліи и сочинялъ въ эти минуты довольно жалобные стихи, но все же на жизнь, его манящую и столь много ему обѣщавшую, онъ смотрѣлъ глазами, полными довѣрія, любви и веселія и, если кто умѣлъ облакать это веселіе въ красивый и звонкій стихъ—пока еще не вполне самобытной чеканки — такъ это былъ онъ, тогда уже прославленный поэтъ, которому старшіе дегунали охотно дорогу.

Во всемъ блестяла эта жизнерадостность, и въ любовныхъ и въ застольныхъ пѣсняхъ, и въ посланіяхъ къ друзьямъ и во всемъ, что Пушкинъ говорилъ о себѣ и о своемъ талантѣ, даже въ его политическихъ стихахъ, въ которыхъ истинно политическаго настроенія было меньше чѣмъ истинно веселой смѣлости, съ какой доврчивая юность относится ко всемъ самымъ запутаннымъ вопросамъ жизни.

Настроеніе поэта рѣзко перемѣнилось, хотя на короткій срокъ, когда ему пришлось ѣхать «въ ссылку» на югъ Россіи. Ссылка была почетная, да и совсѣмъ не тягостная, но именно въ ней нужно искать причину той перемѣны, которая произошла въ настроеніи поэта. Первый разъ его жизнерадостность была подвергнута неожиданнымъ испытанію, первый разъ ему пришлось встрѣтиться съ порядкомъ немилосердныхъ, невеселыхъ чувствъ и настроеній, и такое обогащеніе его духа новыми впечатлѣніями должно было обогатить и его творчество новыми поэтическими мотивами.

Перемѣна, происшедшая въ настроеніи поэта, вытекала, главнымъ образомъ, изъ того ощущенія обиды и причиненной ему несправедливости, какое онъ испытывалъ всякій разъ, когда задумывался надъ своимъ положеніемъ подневольнаго человека. Ссылка несомнѣнно подорвала въ немъ его благодушіе и доврчивое отношеніе къ людямъ; она озлобляла его и, конечно, не безъ основанія. Выѣстъ съ тѣмъ это «сизигіаніе» льстило ему и повышало въ немъ его гордость и безъ того большому. Онъ попадалъ въ своего рода герои и начиналъ уваживать за своей личностью. Не должно, однако, преувеличивать этого, на сей разъ дѣйствительно грустнаго и серьезнаго настроенія. Оно не мѣняло поэту быть попрежнему и очень веселымъ и влюбленнымъ, оно отнюдь не настраивало его враждебно по

отношенію къ людямъ вообще, но оно несомнѣнно заставило его заинтересоваться нѣкоторыми психическими состояніями, общечеловѣческими, мимо которыхъ онъ могъ пройти, такъ какъ не имѣлъ съ ними раньше никакой даже отдаленной душевной связи. Это были тѣ состоянія «романтическія», какъ нѣхъ иногда называли, которыя въ началѣ XIX вѣка были очень сильны на западѣ и выражали презрительно гордое, разочарованное, мизантропическое отношеніе человека почти ко всемъ вопросамъ жизни. И у Пушкина срывались иногда очень желчныя рѣчи съ азыка и въ пѣсняхъ и въ стихахъ, но все-таки это мрачное настроеніе было въ немъ наноснымъ, и глубокимъ корнемъ въ его сердцѣ не имѣло.

Часто и долго обдумывался въ критикѣ и въ наукѣ вопросъ, насколько Пушкинъ былъ самостоятеленъ въ обнаруженіи этого мрачнаго настроенія въ своей поэзіи. Одно совершенно случайное обстоятельство запутало эти споры. Дѣло въ томъ, что на югѣ, живя въ семьѣ Раевскихъ, съ которыми онъ былъ очень друженъ, Пушкинъ принялся за серьезное изученіе англійскаго языка и за чтеніе Байрона. Трудно теперь отвѣтить на вопросъ—взялъ ли онъ Байрона въ руки для того, чтобы учиться языку, или желаніе ознакомиться съ Байрономъ въ оригиналѣ заставило его приняться за чтеніе. Вопросъ можетъ показаться совершенно празднымъ, если не принять во вниманіе почти полное отсутствіе интереса къ Байрону у Пушкина до этого времени. Семья и кругъ знакомыхъ, среди которыхъ выросъ Пушкинъ, могли гордиться своимъ литературнымъ образованіемъ: все западныя литературныя новинки попадали всегда во-время въ сферу нѣхъ интереса, и надо думать, что своевременно въ руки близкихъ Пушкину людей попалъ и Байронъ. Конечно, имя это долетѣло тогда и до Пушкина, но только въ началѣ двадцатыхъ годовъ, на югѣ, стало оно говорить его сердцу. Если на такихъ общихъ соображеніяхъ можно что-нибудь строить, то придется предположить, что когда Пушкинъ сѣлся впервые за серьезное чтеніе Байрона, онъ самъ не зналъ, какое его ожидало художественное наслажденіе и что ему готовила эта поэзія. Къ достойной оцѣнкѣ этого наслажденія его подготовила не какая-нибудь литературная тенденція, не идейный интересъ, а именно его личная жизнь со всеми мелочами, которыя казались ему тогда столь важными и которыя такъ оморчали, оби-

жали и оскорбляли его въ годы его «ссылки». Само собою разумѣется, что, открывъ книгу, Пушкинъ остался подъ ея обаяніемъ: поэтъ не могъ не вдохновиться, когда многое, что онъ ощущалъ, онъ нашелъ у другого поэта выраженнымъ такъ сильно и ярко. Но когда внимательно читаешь все такъ называемые «байроническіе» стихи Пушкина, поражаешься одной изъ чертъ, которая совсѣмъ не свойственна всемъ стихамъ, писаннымъ («въ подражаніе»). Въ нихъ несомнѣнно есть то, что родитъ ихъ съ сильнымъ оригиналомъ— есть известное созвучіе въ настроеніи, но ни заимствованныхъ образовъ, ни заимствованныхъ драматическихъ положеній мы не встрѣтимъ. Мы не встрѣтимъ даже основного типа, который Байронъ такъ любилъ рисовать во многихъ повтореніяхъ. Дѣйствительно, наиболее яркіе слѣды оставилъ байронизмъ на поэммахъ, которыя Пушкинымъ были написаны на югѣ, на «Бахчисарайскомъ фонтанѣ», на «Братьяхъ разбойникахъ» и на «Кавказскомъ извѣсткѣ». Нѣтъ сомнѣнія, что все эти произведенія написаны въ байроническомъ ключѣ, но въ большое затрудненіе было бы поставить тотъ историкъ, который пожелалъ бы подобрать у Байрона сходные съ этими поэмами мотивы. «Бахчисарайскій фонтанъ»—пѣснь любви, пѣснь личныхъ интимныхъ воспоминаній—перлъ лирики, вставленный въ оправу художественныхъ описаній природы. Это очень колоритная картина востока, картина, списанная съ натуры, а не съ иностранной гравюры... Мрачный ея колоритъ похожъ на колоритъ поэмъ Байрона, но ходъ драматическаго дѣйствія, сердечная драма двухъ женщинъ, чувства деспота мужичны совсѣмъ не похожи на обычные у Байрона завязки и напоминаютъ скорѣе новеллы сентиментальнаго типа, чѣмъ «романтическаго»... Чаще всего вспоминали Байрона, когда рѣчь шла о «Братьяхъ разбойникахъ». Но въ концепціи этой поэмы большую роль сыграли народныя пѣсни, а самые разбойничьи типы—общеввропейское достояніе, которымъ, однако, Байронъ въ своей поэзіи не воспользовался. Наконецъ, и сходство этой поэмы съ «Шильонскимъ узникомъ» (который будто бы служилъ ей оригиналомъ) чисто внѣшнее и на испанку дѣйствующихъ лицъ не простирается... Ярче «байроническое» проступаетъ въ «Кавказскомъ извѣсткѣ», но фабула разсказа самостоятельна и аналогіи у Байрона не имѣетъ. Только лишь типъ

самого извѣстнаго, неясный, туманный, которымъ самъ авторъ остался очень недоволенъ, какъ будто бы созданный подъ иноземнымъ вліяніемъ. Но за послѣднее время изслѣдователи стали приходить къ выводу, что и за всеми туманностями этого типа кроются также личныя воспоминанія.

Итакъ, едва ли можно говорить о какомъ-нибудь прямомъ непосредственномъ вліяніи Байрона на Пушкина, какъ творца-художника. Можно говорить только о той степени вліянія, какое англійскій поэтъ имѣлъ на Пушкина какъ на колориста, подлюбившаго на время опредѣленные краски, а эти краски Пушкинъ подлюбилъ опять-таки потому, что онѣ очень подходили къ его собственному личному настроенію. Что это было такъ, это доказываютъ лирическія стихотворенія Пушкина, отъ которыхъ тоже какъ будто вѣетъ байроническимъ духомъ. Все такіе стихи были написаны подъ свѣжимъ впечатлѣніемъ пережитаго и выстрадавнаго лично.

Кому бы Пушкинъ какъ поэтъ ни поклонялся, онъ шелъ своей дорогой, и каждое поэтическое увлеченіе только помогало ему красивѣе выразить то, что ему какъ человеку давала сама жизнь. И въ эту пору своего артистическаго развитія, на югѣ, въ началѣ двадцатыхъ годовъ онъ прошелъ черезъ необычную и долготу ему незнакомую полосу настроенія, вызваннаго въ немъ новыми условіями его жизни. Ювешеская жизнерадостность смѣнилась на время ощущеніемъ тревоги, опасности, сознаніемъ незаслуженно полученной обиды, чувствомъ раздраженія противъ общества и людей, а потому и извѣстнымъ горделивымъ самодовольніемъ. Какъ сильное движеніе, это романтическое настроеніе— лишь разновидность настроенія сентиментальнаго, т.-е. тоже ощущеніе недовольства дѣйствительностью, ощущеніе разлада между идеаломъ и жизнью, но только въ болѣе острой формѣ. Въ этомъ романтическомъ настроеніи, кромѣ меланхоліи и томленія, была своя иногда необузданная энергія, порывъ страсти, который могъ раскалить сердце человека и дать его фантазіи самый смѣлый полетъ.

На западѣ это тревожное состояніе духа было необычайно сложное, и самые острые вопросы жизни—вопросы религіозные, философскіе, нравственныя, общественныя и политическіе способствовали росту и расцвѣту романтическаго настроенія, почему оно и отливалось такими разнообраз-

ными красками въ жизни и въ литературѣ у нашихъ соотечественниковъ. У насъ, у русскихъ, въ Россіи эта сердечная и умственная тревога, охватившая людей на западѣ, ощущалась, конечно, очень слабо, но все-таки ощущалась, въ виду все болѣе и болѣе тѣснаго духовнаго сближенія нашего съ соотечественниками. Однако, широкой религіозной, философской или общественной основы романтизмъ у насъ не имѣлъ. Въ немъ были и страстные порывы, и вѣрные движенія сердца, и стремленіе опередить жизнь, и желаніе снагнаться отъ нея въ область видѣній: въ немъ были и слезы меланхолической печали, и слезы досады и гнѣва, приступы большой печали, разочарованія и мизантропіи; но все эти психическія движенія овладѣвали русскимъ романтикомъ какъ то наполовину. Наши романтики вообще скоро успокаивались и до высокаго степени тревоги духа не подымались.

Пушкинъ быстрѣе другихъ пережилъ и поборолъ въ себѣ эту тревогу духа, потому что вообще всякое ощущеніе душевнаго разлада, всякое сознаніе первѣннаго вопроса было ему тягостно. Даже Байронъ—самый сильный вѣнецъ этой тревоги—не могъ заставить Пушкина полюбить ее надолго. Во всѣхъ стихахъ Пушкина, писанныхъ, если не подъ влияніемъ Байрона, то послѣ знакомства съ нимъ, очень мало того, что составляетъ главную прелесть и главный смыслъ байроническаго міропониманія. Ни глубокихъ религіозныхъ вопросовъ, ни философскихъ, ни общественно-политическихъ, надъ рѣшеніемъ которыхъ такъ бился Байронъ, Пушкинъ не затрогивалъ въ своихъ стихахъ: вся идейная основа байронизма осталась какъ бы чужда ему; онъ интересовался, схватилъ и развилъ только самый конечный выводъ этого міропониманія—психику разочарованнаго, разсерженнаго, тревожно настроеннаго чловѣка, мысли и страсти котораго находятся въ напряженіи и бореніи и не приводятъ его ни къ какому соглашенію съ жизнью. И когда Пушкинъ разбирался въ этой психологіи онъ, конечно, имѣлъ въ виду не тотъ міровой типъ, который былъ созданъ Байрономъ, а самого себя, какъ разъ въ эту пору «романтически» настроеннаго.

Тревожный романтическій элементъ сталъ проникать въ поэзію Пушкина въ первые же мѣсяцы его жизни на югѣ. Въ стихотвореніи «Покаждо дневное свѣтло» 1820 мы имѣемъ уже явную всѣ признаки смутнаго душевнаго волненія. О

какой отцвѣтшей и потерянной молодости могъ онъ вспоминать, какъ вспоминалъ въ этомъ стихотвореніи? Когда, какая радость ему измѣнила и онъ бѣжалъ отъ наслажденій? Онъ смутно ощущалъ только, что подъ наплывомъ новыхъ тревожныхъ чувствъ въ немъ начинаетъ пропадать любовь къ беззаботному наслажденію и взглядъ его на жизнь начинаетъ туманиться—и все, что въ душѣ было смутнаго, ему показалось какъ будто бы яснымъ и явнымъ совершившимся.

Такое преувеличеніе «мрачныхъ» сторонъ жизни продолжаетъ расти въ нѣкоторыхъ стихахъ Пушкина. Такъ, напр., въ элегій. «Я пережилъ свои желанія» (1821) мы имѣемъ уже исповѣдь души, совсѣмъ какъ будто подернутой мракомъ. Самовольный изгнанникъ, какъ онъ себя почему-то называетъ, «недовольный и свѣтомъ, и собой, и жизнью», онъ находитъ нѣкоторое утѣшеніе въ той мысли, что были люди, которые не меньше его страдали и такъ же, какъ и онъ, влачили безцѣлленно свои дни въ изгнаніи. Эти мысли диктуютъ ему его «Посланіе къ Овидію» (1821). Наконецъ, жалоба какъ будто начинаетъ утомлять поэта: онъ на свою неволю сердится и въ немъ рождается мысль—хорошо было бы вырваться на свободу. Эту мысль онъ выражаетъ необычайно сильно и поэтично въ стихотвореніи «Узникъ» (1822). Но кромѣ злобной и смѣлой мечты, которая лишь увеличиваетъ раздраженіе, есть еще и другое чувство, въ которомъ утѣшить можетъ найти утѣшеніе. Это—чувство презрѣнія къ толибъ и чувство удовлетворенія въ признаніи со стороны людей, которымъ уваженіе и любовь. Это утѣшеніе доставилъ себѣ Пушкинъ въ посланіи къ Глинкѣ (1822).

Изъ всѣхъ этихъ «байроническихъ» стихотвореній, которыхъ весьма немного и которыя, какъ видимъ, хоть несомнѣнно печальны, но отнюдь не безнадежно мрачны, самое сильное, это извѣстное стихотвореніе: «Демонъ» (1823). Но это стихотвореніе не можетъ быть принято за автобиографическій документъ. Оно—портретъ отнюдь изъ друзей поэта. Но художественная яркость демоническаго типа позволятъ намъ думать, что нѣчто родственное этому типу Пушкинъ носилъ тогда въ своей душѣ и что поэтъ былъ, очевидно, подготовленъ къ тому, чтобы воплѣтить новѣйшій психику такой демонической организаціи.

Изъ обзора всѣхъ тѣхъ стихотвореній, въ которыхъ сказалась эта новая для Пушкина тревога души, видно, что ни о какомъ полномъ, даже сильномъ омраченіи его духа не можетъ быть и рѣчи. Веселое, жизнерадостное настроеніе было нарушено, и разныя немирныя чувства, которыя пришлось испытать самому, заставили человѣка нѣсколько недовѣрчиво взглянуть на многія радости жизни, которыми раньше онъ увлекался безъ всякаго раздумья. Такое обезцвѣненіе, если такъ можно выразиться, земныхъ радостей всего яснѣе сказалось на «Евгеніи Онѣгинѣ», первая пѣсни котораго были написаны Пушкинымъ именно въ эти годы его жизни на югѣ.

«Евгенію Онѣгину» также ставили на видъ извѣстное будто бы его родство съ байроническими типами. Если говорить о такомъ родствѣ, то подъ нимъ слѣдуетъ разумѣть несомнѣнную связь поэмы Пушкина со всею ея эпохой, которая начинала допускать все въ большей и большей степени вторженіе тревоги и разочарованія въ оптимистическое и довѣрчивое сентиментальное міросозерцаніе. Именно это перерожденіе настоящихъ сентиментальныхъ чувствъ въ тревожно-романтическія чувства, именно ихъ столкновеніе другъ съ другомъ и составляетъ характерную особенность того настроенія, которое преобладаетъ въ этой поэмѣ.

«Евгеніи Онѣгинѣ» прежде всего личная исповѣдь автора и затѣмъ уже картина современныхъ нравовъ. Какъ своего рода признаніе, она необычайно богата разсказами изъ жизни автора, воспоминаніями о недавнемъ веселомъ времени, которое теперь стало такъ скудно и однообразно и наводило на раздумье. Съ большой любовью останавливается Пушкинъ на детальныхъ картинахъ молодой и веселой жизни въ столицѣ, жизни, которой онъ самъ жилъ; пѣчтo сходное съ тѣми ощущеніями, которыя онъ испытывалъ на югѣ, заставляя онъ пережить Онѣгина въ деревнѣ, а въ разсказѣ о печальной любви Татьяны и о трагичной дружбѣ Ленскаго—онъ далъ поэтической пересказъ того перехода сентиментальнаго настроенія въ тревожное романтическое, какой онъ самъ пережилъ. И любовь Татьяны и дуэль Ленскаго должны были показать, какъ много горечи могутъ таить въ себѣ тѣ чувства любви и дружбы, которыя не такъ давно считались самыми надежными и общими, согласно сентиментальному міропониманію, такъ много отрад-

наго и веселаго. Окрашивая эти чувства въ такой печальный цвѣтъ, Пушкинъ давалъ понять какъ разочарованіе начинало разъѣдать всѣ главныя основы недавняго благодушнаго и жизнерадостнаго настроенія. Въ этомъ смыслѣ «Евгеніи Онѣгинѣ»—одно изъ самыхъ характерныхъ произведеній этой «тревожной» эпохи въ жизни Пушкина.

Несомнѣнно, что для Пушкина это были тревожныя годы, но этотъ «мятежъ духа» былъ очень кратковремененъ и не мѣшалъ поэту между двумя мрачными минутами переживать поврежнему минуты радости, довѣрія и спокойствія. Тревога души быстро убывала. Но лирическимъ стихотвореніямъ поэта эту убыль такъ же легко прослѣдить, какъ легко было по нимъ же замѣтить нарастаніе тревоги. «Усмиренымъ бурей» называлъ поэтъ свое сердце уже въ 1820 году въ посланіи къ Чаадаеву, и дѣйствительно только миролюбиво настроенный духъ могъ продиктовать знаменитое стихотвореніе «Муза» (1821), въ которомъ говорилось о святомъ очарованіи, наполнявшемъ сердце. Во второмъ посланіи къ Чаадаеву (1821) поэтъ очень откровенно говорилъ о томъ, насколько уже усмирена въ немъ всякая тревога. Онъ говорилъ, что, предавъ проклятію забвенія своихъ враговъ, онъ вкушаетъ новую тишину для сердца: что онъ позналъ тихій трудъ и жажду размышленій; что умъ его друженъ съ порядкомъ; что онъ учится удерживать свои думы; что въ объятіяхъ свободы онъ стремится вознаградить себя за все, что утрачено въ годы мятежной юности; что онъ отдался занятіямъ и что музы—богини мира—ему вновь улыбнулись. Эти строки писались почти въ то же время, когда онъ сочинялъ свои грустные и тревожные стихи—настолько въ сущности былъ онъ свободенъ и независимъ.

Но лучшимъ доказательствомъ того, какъ легко и быстро Пушкинъ усмиривъ тревогу своей души, было то грозное осужденіе романтизма и всякаго мятежа, которое онъ высказалъ въ «Цыганахъ». Человѣкъ, возмущеннѣйшій противъ общества, поклонникъ и искатель свободы былъ преданъ суду за свой страшный эгоизмъ и за неумѣніе пользоваться этой свободой. Поэтъ какъ будто хотѣлъ показать на примѣрѣ, что только тотъ имѣетъ право возмущаться и возставать противъ установленнаго порядка и условій жизни, кто достойно под-

ПУШКИНЪ ВЪ НАЧАЛѢ 1820-ХЪ ГГ.

Литографія Гамбургъ (1825).

готовилъ себя къ этому возстанію личнымъ совершенствованіемъ. Положимъ, Алеко не можетъ быть понятъ какъ воплощеніе всѣхъ романтическихъ чувствъ и настроеній. Онъ очень несовершенный и узкій романтикъ и притомъ экземпляръ съ большимъ изъяномъ. Въѣтъ не всегда же романтическая буря души была такъ насыщена эгоизмомъ. Для насъ, впрочемъ, это неважно—важно то, что поэтъ осудилъ своего героя безъ всякой попытки оправданія и не далъ ему снисхожденія. Это показываетъ, что изъ сферы романтической волнѣній художникъ уже вышелъ, что онъ призналъ себя способнымъ судить нѣтъ даже ускореннымъ судомъ.

И это умпротвореніе души поэта шло очень быстро и неуклонно. Оно продолжалось даже тогда, когда внѣшнія условія жизни Пушкина стали болѣе тяжки для него, чѣмъ это было на югѣ. Какъ извѣстно, ссылка кончилась переселеніемъ въ деревню, и поэтъ, вторично несправедливо оскорбленный, принужденъ былъ жить въ усадьбѣ либо съ родной семьей, съ которой онъ разорвался, либо въ полномъ одиночествѣ. Обстановка была такая, что всякія тревожныя и враждебныя людямъ чувства должны были только разорѣться. Нѣтъ пожару могло способствовать и повысившееся къ тому времени въ русскомъ интеллигентномъ обществѣ политическое броженіе, которое съ 1824 года, когда Пушкинъ съ юга былъ переведенъ на сѣверъ, быстро разгоралось. Оно могло оказать на Пушкина свое вліяніе, такъ какъ среди увлекающихся политикой будущихъ декабристовъ было немало ему близкихъ друзей. Но ни новыя условія личной жизни, ни это политическое броженіе не оказали на поэта никакого давленія: къ нему догнорали послѣднія вѣщанки бурныхъ чувствъ, и, вѣроятно, это-то спокойствіе, конечно, поддѣвленное его друзьями, и было одной изъ причинъ, почему они даже не дѣлали попытки замѣчать его въ политическую атакцію. Мнѣсто своего понаго заключенія Пушкинъ не возненавидѣлъ и даже полюбилъ за тотъ покой и тишину, которая такъ благотворно отозвалась на его вдохновеніи. Въ послѣдній разъ о своемъ изнаніи и о своихъ «закованныхъ дняхъ» говорилъ онъ въ посланіи къ своему другу Языкову (1824) и затѣмъ уже больше не упоминалъ о нихъ. Въ его стихахъ водворилось удивительно гармоничное и величавое спокой-

ствіе, которое такъ и остается въ нихъ до самой смерти поэта. Онъ бываетъ злымъ и острѣе до безпощадности, когда берется за сатирическій бычь или столь любимую имъ эпиграмму, но онъ всегда властвуетъ собой и своей страстью, и нѣтъ примѣра, гдѣ бы тревожное чувство туманило и портило его художественное выраженіе. Это умнѣе владѣть собой ясно сказывается, напр., на извѣстныхъ посланіяхъ къ цензору на развѣтн этой боевой темы, которая, однако, подѣ перомъ Пушкина обратилась въ серьезный трактатъ о нуждахъ просвѣщенія и въ разсужденіе, полное довѣрія къ просвѣтительной власти и негодованія къ тѣмъ, кто этой властью злоупотребляетъ. Тоже умпротвореніе видно и въ стихотвореніи «Андрѣ Шенье» (1825)—въ грустномъ и строгомъ тогѣ политической мысли много поработавшей и въ этой работѣ утратившей всѣ страсти, кромѣ убѣжденности въ своей правотѣ.

Въ особой формѣ этотъ отказъ отъ тревоги или, вѣрнѣе, неприятое ощущеніе, какое она на поэта производила, проявилась въ тѣхъ строкахъ его стихотвореній, въ которыхъ онъ говорилъ о толпѣ и объ его отношеніяхъ къ толпѣ. Тема была для Пушкина—старая: онъ думалъ о ней, когда только что почувствовалъ въ себѣ поэта и тогда уже, не выикая въ ея тонкости, онъ считалъ уединеніе и бѣгство отъ толпы лучшими средствами, чтобы сохранить за поетомъ свободу вдохновенія. Теперь эта мысль углубляется, и тогѣ, взятый по отношенію къ толпѣ, становится болѣе рѣзокъ, какъ это видно изъ стихотворенія «Разговоръ книгопродавца съ поетомъ» (1824). За «свободу» своего искусства заступается въ немъ Пушкинъ, и хоть это понятіе о свободѣ остается очень гуманнымъ, но чувствуется ясно, что поэту хочется какъ можно подальше стать отъ всякихъ житейскихъ тревоженій, т. е. стать не какъ человеку, а именно какъ поэту. Уже въ этомъ стихотвореніи намѣчена та особенность политической атакціи, которая такъ увлечаетъ всѣхъ идеологовъ-дей творчества и жизни Пушкина, а именно его способность принимать очень близко къ сердцу всѣ живые интересы жизни и его упорное желаніе дать этому живннѣо какъ-нибудь захватить его творчество. Пушкинъ журналистъ, публицистъ, критикъ и мыслитель уже въ этомъ «Разговорѣ» прелестералъ поэта отъ изнаннаго интереса къ суетѣ жизни.

И этому правилу стала Пушкинъ слѣдовать въ своихъ стихахъ. Удивительно художественны и спокойны становятся теперь эти стихи, которые Пушкинъ пишетъ въ Михайловскомъ. И все они вытекаютъ изъ чисто личныхъ ощущеній. Первое мѣсто въ нихъ принадлежитъ любви, яснотѣ, лотѣ и грустной минутамъ («Признаніе» 1824. «Сожженное письмо» 1825. «Желаніе славы» 1825. «Къ А. П. Кернъ» 1825) наибольшей душевной теплоты достигаетъ эта лирика въ тѣхъ стихахъ, въ которыхъ свѣтится грусть одиночества. Въ этомъ отношеніи «Зимній вечеръ» (1825) «Буря мглою небо кроетъ» — вервь совершенства художественной передачи въ конкретныхъ образахъ едва уловимаго настроенія. Это настроеніе одиночества, но свѣтлаго и полного надеждъ передано отчетливо и въ знаменитомъ стихотвореніи «19 октября 1825 г.»

Жизнь поэта какъ будто скрылась на время, «подъ сѣнь уединенія», какъ онъ выражался. Не надо только думать, что это уединеніе всегда будило въ художникѣ грустныя чувства. Несмотря на далеко неблагоприятную для веселья внѣшнюю обстановку, Пушкина охватывало иногда удивительно жизнерадостное настроеніе. Оно подсказало ему столь бодрое и спокойное стихотвореніе «Если жизнь тебя обманетъ» (1825, и единственную въ своемъ родѣ по кинучему веселью «Вакхическую пѣснь»: «Что смолкнулъ веселія гласъ?»)

Умиротвореніе души поэта сказалось и въ томъ подборѣ религіозныхъ стиховъ, которые онъ озаглавилъ «Подражаніями Корану» (1824). Пушкинъ очень рѣдко писалъ стихи на религіозныя темы. Но въ «Подражаніяхъ Корану», въ особенности въ великолѣпной картинѣ: «И путникъ усталый на Бога ронцалъ» много религіознаго смысла и настроенія. Если отбросить тѣ строчки, въ которыхъ поэтъ удержалъ мѣстный восточный колоритъ, достаточно чувственный, то весь этотъ маленькій сборничекъ можетъ быть понятъ какъ гимнъ Богу, вознесенному надъ всеми основданіями.

Въ уединеніи села Михайловскаго Пушкинъ написалъ и «Бориса Годунова», пьесу котораго онъ обдумывалъ еще на югѣ, въ періодъ своихъ «бурныхъ стремленій». Эти стремленія вполне улеглись, если судить по тому настроенію, которое возобладало въ драмѣ. Нельзя сказать, что самый сюжетъ драмы располагалъ къ вполне мирной и спокойной ея обработкѣ. Смутное время было въ нашемъ прошломъ эпохой наиболь-

шаго политическаго и общественнаго броженія и самымъ драматическимъ моментомъ нашей старины. Трагедія самодержавнаго деспотизма въ лицѣ Иоанна, безвольнаго мягкосердечія и сентиментальнаго добродушія въ лицѣ Феодора—трагедія Бориса, сильнаго государственнаго ума, который долженъ пройти черезъ преступленіе, чтобы сдѣлать добро и спасти государство отъ преступленія съ понятіемъ о власти, дарованной отъ Бога, и потому недовѣріе народа и ропотъ его на владыку, на царя-узурпатора; Пемезида въ лицѣ какого-то Самозванца и, наконецъ, впереди соборъ народный, который избираетъ себѣ царя и какъ бы вмѣстѣ съ Богомъ ставитъ его на царство,—все эти мысли, образы, картины, и факты не могли не поразить мечты и воображенія художника въ особенности въ тѣ годы. Психологія царя-деспота, царя-просвѣтителя, царя-сентименталиста, психологія народа покорнаго, суевѣрнаго, затѣмъ мятежнаго и, наконецъ, въ извѣстномъ смыслѣ законодательствующаго и выбирающаго себѣ правителя—это были темы, о которыхъ въ Александровское царствованіе много говорилось, и Пушкинъ, затрагивая ихъ въ своей драмѣ, рисковалъ не удержаться на высотѣ спокойнаго художественнаго созерцанія и творчества. Однако, трагедія говоритъ несомнѣнно о спокойномъ духѣ ея творца. Все политическіе и общественные вопросы отодвинуты въ ней на второй планъ. Выдвинутъ, главнымъ образомъ, моральный вопросъ—трагедія души, отягченной грѣхомъ и готовой для покаянія. Конечно, Карамзинъ своимъ освѣщеніемъ трагедіи души Бориса оказалъ на Пушкина извѣстное давленіе; несомнѣнно, что нужно было считаться и съ цензурными условіями, но несомнѣнно также, что надо было умѣть владѣть собой, чтобы «немудрствуя лукаво» написать эту лѣтопись въ драматической формѣ. Подаромъ Пушкину такъ удалось тить Пемеза, и его лѣтописнаго безпристрастія хватило на характеристичныя всѣхъ дѣйствующихъ лицъ, которая совершенно заслонила самого автора. Если къ тому же вспомнить, что какъ разъ въ то время, когда Пушкинъ работалъ надъ «Борисомъ», около него и въ близкомъ разстояніи закипала политическая буря, направленная противъ самодержавія, то основныя политическія идеи пьесы, съ ихъ возмечиваніемъ власти, представляются въ еще болѣе характерномъ освѣщеніи. Передъ нами

будеть еще одно доказательство того мирнаго настроенія, съ какимъ Пушкинъ вступалъ теперь въ самый зрѣлый періодъ своей творческой работы.

И такъ, если обозрѣть бѣглымъ взоромъ всѣ смѣны, которыя испытало настроеніе Пушкина за эти годы, то надо признать, что колебанія эти были незначительны и что никакихъ рѣзкихъ переломовъ въ этомъ настроеніи не было. Но натурѣ своей большой сангвиникъ и очень впечатлительный человекъ, Пушкинъ умѣлъ какъ-то удерживать въ себѣ поэта отъ волненій житейскихъ: въ зрѣломъ періодѣ своего развитія онъ въ этомъ достигъ большого совершенства, единственнаго въ своемъ родѣ, но уже въ Александровскую эпоху онъ умился такому политическому самообузданію артиста и вышелъ объективнымъ художникомъ изъ перваго довольно серьезнаго столкновенія съ житейскою невзгодой.

Жизнерадостнымъ и веселымъ, при особо счастливыхъ условіяхъ вступалъ онъ въ жизнь. Печали и грусти его умилы больше книгъ, чѣмъ люди, которымъ онъ въ общемъ доверялъ и вѣрилъ. Но больше всего доверялъ и вѣрилъ онъ самому себѣ и съ веселой смѣлостью рывалъ онъ всѣ, даже очень трудныя и запутанныя задачи жизни и духа. Въ первыхъ его стихотвореніяхъ, написанныхъ въ лицѣ и за лицейскими стѣнами видна эта жизнерадостная смѣлость, которая развѣвъ подъ напыльвомъ чисто литературныхъ воспоминаній дѣлаетъ иногда уступку грусти. Это ощущеніе увѣренности, силы и въ большой мѣрѣ благоудіе подвергается на югѣ двойному испытанію. Съ одной стороны сама жизнь цѣлымъ рядомъ мелкихъ и обидныхъ для поэта случайностей ставитъ на пробу его довѣріе къ людямъ и его благоудіе: съ другой стороны внимательное чтеніе Байрона поддерживаетъ въ немъ эту тревогу духа, хотя и не можетъ настроить его на тотъ серьезный глубоко скорбный ладъ, который былъ такъ свойствененъ Байрону. Байронистомъ въ настоящемъ смыслѣ слова Пушкинъ не сталъ, потому что ставъ имъ значило почувствовать на себѣ силу тѣхъ историческихъ событій, которыя переживать въ настоящемъ смыслѣ слова русскому человеку не приходилось. Но несомнѣнно, что Байронъ болѣе чѣмъ кто либо внеслъ въ душу Пушкина ту дистармонію, которая, серія человека, воспитывала поэта, такъ какъ открывала ему цѣлую область догола ему незнакомыхъ ощущеній. Но поэтъ шелъ

неохотно на встрѣчу этимъ ощущеніямъ и настроеніямъ: въ годы, когда онъ бывалъ настроенъ всего печальнѣе и тревожнѣе, онъ не переставалъ пѣть свои веселыя и спокойныя пѣсни. Наконецъ, несмотря даже на ухудшеніе условій личной жизни, онъ совсѣмъ успокоился и всѣ «впечатлительныя бытія» превратились для него въ эстетическія эмоціи. Тѣмъ временемъ надвигалась политическая буря и въ одинъ день отступила. Когда Пушкинъ покинулъ свое деревенское уединеніе—уже сама русская жизнь стала враждебна всякой тревогѣ и старалась разными средствами—менѣе всего впрочемъ идейными,—вѣдрить въ людей довѣріе къ окружающему. Пушкинъ пошелъ на встрѣчу новому царствованію, и художественное творчество его остается спокойнымъ вплоть до смерти; но, конечно, умный, порывистый и чуткій человекъ въ немъ не могъ всецѣло подчиниться поэту и искалъ иныхъ способовъ—помимо поэтического творчества—выразить свою мысль публициста, критика и историка.

Въ Александровскую эпоху Пушкинъ былъ исключительно художникъ и притомъ опять такъ единственный среди всѣхъ современныхъ ему поэтовъ,—единственный по всеобъемлемости своей души, которая съ одинаковой красотой и силой отражала всѣ господствующія настроенія его эпохи: веселое, жизнерадостное, доверчивое, патетическое и временами меланхолическое, разочарованное, тревожное и тѣмное, вплоть до мизантропическаго—впрочемъ, очень слабо представленнаго въ этой цѣпи психическихъ состояній.

Но всѣ эти состоянія были подчинены въ Пушкинѣ его поэтическому вдохновенію, и никогда они не нарушали ни вѣншей, ни внутренней формы его гармоничныхъ созданій.

IV.

Мы знаемъ теперь, въ какой пѣсеню и вполной свѣздѣ стояло творчество Пушкина съ идейными теченіями его времени: мы знакомы теперь и съ той богатой отбѣвкой смѣной чувствъ и настроеній, какая совершалась въ душѣ поэта за періодъ его веселой жизни на сѣверѣ, поцѣлованной на югѣ и уединенной въ деревенской глуши.

Намъ осталось отвѣтить на одинъ вопросъ—что стѣлано было художникомъ за эти годы его развитія, какъ поэта для са-

мой поэзии, т. е. для той поэтической формы, въ какую надлежало вложить все, что давала жизнь и психика художника.

Этотъ историко-литературный вопросъ, къ сожалѣнью, еще ожидаетъ своего изслѣдователя. А между тѣмъ несомнѣнно, что онъ одинъ изъ важнѣйшихъ вопросовъ.

Мы привыкли называть Пушкина «учителемъ», насколько, конечно, возможны «учителя» въ дѣлѣ поэзии.

Имѣлъ, конечно, и Пушкинъ своихъ «учителей» и открыто признавалъ ихъ; а эти учителя также были обязаны кое-чѣмъ своимъ предшественникамъ. Вопросъ о Пушкинѣ, какъ о «поэтѣ», сводится, такимъ образомъ, не болѣе, не менѣе, какъ къ вопросу объ эволюціи родовъ и видовъ русскаго художественнаго творчества въ стихахъ и въ прозѣ.

Въ этой эволюціи творчество Пушкина одинъ изъ самыхъ рѣшающихъ моментовъ. Здѣсь не мѣсто изслѣдовать этотъ вопросъ по существу и во всемъ его объемѣ.

Достаточно будетъ, если мы только укажемъ на тѣ формы рифмованной рѣчи, которыя подъ перомъ Пушкина достигли художественнаго совершенства въ этотъ первый періодъ его литературной дѣятельности. Какъ художникъ, Пушкинъ зрѣлъ очень быстро и уже въ александровскую эпоху онъ достигъ той степени художественной техники, выше которой онъ и не могъ подняться. Онъ разнообразилъ форму, но мастерство не могло повышаться, потому что оно было предѣльное, истинное мастерство. Никто, конечно, не можетъ разгадать, какъ это мастерство паростало, каковы были тѣ неудовимые процессы мысли и настроенія, которые вызывали въ творческой фантазіи поэта новые образы и новые поэтическіе замыслы. Эта тайная работа отъ насъ скрыта и намъ видны только ея осязательные, непосредственные результаты, т. е. стихи, которые какъ вѣдн отъбчають пройденные поэтомъ этапы его артистическаго развитія.

Первая и большая побѣда была одержана Пушкинымъ надъ нашимъ художественнымъ языкомъ.

Въ годы, когда выступалъ Пушкинъ, этотъ языкъ имѣлъ за собой поразительно краткую исторію. Не будетъ преувеличеніемъ, если мы скажемъ, что въ XVIII в. онъ еще не вышелъ изъ цѣпенка. Обиліе славянскихъ словъ и оборотовъ, большая примѣсь такихъ же словъ и оборотовъ французскихъ—дѣлали его мало пригод-

нымъ для художественнаго выраженія усложнившихся и разрѣванныхъ мыслей, чувствъ и настроеній. Карамзинъ придалъ этому языку извѣстную гибкость, плавность (хотя и монотонную), очистилъ его отъ устарѣвшихъ архаическихъ формъ и выраженій и, такъ сказать, приготовилъ его для художественной обработки. Прозаическую рѣчь онъ самъ успѣлъ до извѣстной степени обработать: стихотворная ему не давалась и осталась подъ его перомъ той же прозой, втиснутой въ стоны и скрашенной рифмами.

Художественной рифмованной рѣчью мы обязаны прежде всего Жуковскому и Батюшкову. Они, эти два истинныхъ и первыхъ по времени нашихъ художника, создали ту литературную образцовую художественную рѣчь, которая обыкновенно требуетъ столь долгихъ лѣтъ и усилій многихъ людей для своего расцвѣта: у насъ эта рѣчь расцвѣла поразительно быстро еще до появленія Пушкина. Пушкину пришлось только усовершенствовать то, что было уже сдѣлано его учителями, и онъ довелъ рифмованную рѣчь до той степени совершенства, выше которой она не подвигалась и до сего времени. Правда, количество размѣровъ увеличилось, количество словъ, которыя стали укладываться въ стихи также возросло съ того времени, измѣнялись и вновь рождались настроенія, новые сюжеты стали интересовать поэта. Но ясность и простота рифмованной рѣчи Пушкина, удивительно гармоничное въ ней сочетаніе формы и содержанія, мѣткость эпитетовъ, исчерпывающая полнота выраженія, плавность и въ мягкомъ и въ бурномъ теченіи стиха остаются образцомъ и до сихъ поръ: пусть Пушкинъ и былъ своимъ учителямъ очень многимъ обязанъ, но получивъ изъ ихъ рукъ художественную рифмованную рѣчь, онъ одинъ и сразу далъ ей высшее совершенство формы внутренней и внешней. Онъ достигъ этой высоты еще въ александровскую эпоху. Только одного не успѣлъ онъ сдѣлать въ эту первую половину своей жизни: онъ работалъ исключительно надъ рифмованной рѣчью и не писалъ прозой. Прозаическую рѣчь онъ сталъ обрабатывать позже, уже въ зрѣломъ возрастѣ и самостоятельно, безъ всякой помощи какихъ-либо учителей, положилъ ей начало.

Если мы перейдемъ теперь къ вопросу, какія же формы и какіе стили этой рѣчи Пушкинъ успѣлъ разработать въ первый

периодъ своего развитія—го обиліе этихъ формъ и стилей не можетъ не поразиць насъ.

Мимо недавно господствовавшаго ложноклассическаго стиля Пушкинъ прошелъ, его не замѣтивъ—что указываетъ уже на достаточную силу оригинальности. Стиль «сентиментальный» болѣе простой, широко распространенный на западъ со середины XVIII вѣка, держалъ его, однако, и въ некоторое время въ насъ, какъ это видно по его юношескимъ лирическимъ стихотвореніямъ. Шквныя, меланхолическіе, печальные и мечтательные мотивы въ этихъ стихахъ представлены довольно полно, хотя нельзя сказать, чтобы они господствовали. Уже въ этихъ раннихъ стихахъ замѣчается одна особенность творчества Пушкина—художественная искренность его вдохновеній: поэтъ вычитывалъ мотивы своихъ пѣсней не изъ книгъ, а изъ самой жизни и почти каждое стихотвореніе писалъ подъ впечатлѣніемъ живого чувства. Правда, житейскій опытъ Пушкина былъ въ тѣ годы не особенно великъ, но поэтъ какъ то умѣлъ обійтись безъ всякихъ попытокъ читать свою фантазію надуманными или заимствованными темами. Онъ желалъ говорить лишь о пережитомъ и передуманномъ, и вся его юношеская лирика, въ которую онъ иногда любилъ вводить образы, взятые у поэтовъ античной древности, осталась автобиографическимъ признаніемъ и хорошимъ образцомъ «реального» творчества, въ которомъ вымыселъ совпадаетъ съ правдой жизни. И въ «романтичeskій», тревожный періодъ его жизни на югѣ, поэтъ оставался вѣрнѣе этому правилу. Мы видѣли, что все то «байроническое», что хотѣли подчеркнуть въ его стихахъ, какъ ясный примѣръ заимствованнаго, было въ сущности отголоскомъ живого чувства и впечатлѣній, вынесенныхъ поэтъ изъ самой жизни. Когда въ Михайловскомъ на душу его легъ давно желанный миръ, величаво спокойна и проста стала его пѣснь: и опять-таки не было въ ней ни одного звука, который не былъ бы подслушанъ у жизни. Все въ ней была правда и эта правда была облечена въ форму съ виду нейтрную, но на самомъ дѣлѣ труднѣйшую форму художественной ясности и простоты.

Въ первый же періодъ своей литературной дѣятельности, Пушкинъ сразу открылъ намъ цѣлую новую область художествен-

наго творчества. Это была область интимной лирики, столь разнообразной по своимъ олівамъ, по темнѣ и ключамъ, всегда правдивой и даже не эффектной, въ виду необычайной простоты стиха и кристальной прозрачности образовъ. Этой лирикой мы обязаны болѣе всего Пушкину. Лирика Жуковскаго, т. е. его личная интимная исповѣдь, была очень однообразна и монотонна; лирика Батюшкова—несмотря на дватри истинно-художественныхъ образца—была еще болѣе монотонна, а что касается лирической пѣсни современниковъ Пушкина, то она—у некоторыхъ поэтовъ, какъ, напр., у Веневитинова и у Баратынскаго, несомненно оригинальная—давала по частямъ и въ менѣе совершенной формѣ то, что у Пушкина было цѣло, полностью и въ цѣлости.

Одновременно съ лирикой личной поэтъ разрабатывалъ въ тѣ годы и форму лирической поэмы. Это была одна изъ самыхъ эффектныхъ формъ художественнаго творчества, которая допускала красивѣйшее сочетаніе эпического разсказа съ лирической пѣней. У насъ ее пытались насадить весьма многие поэты, современники Пушкина, и самъ Пушкинъ былъ ею увлеченъ со школьной скамьи, когда обдумывалъ и тщательно вырабатывалъ своего «Руслана». На югѣ онъ очень много и усердно трудился надъ этой формой, какъ это показываютъ «Бахчисарайскій Фонтанъ», «Кавказскій Пѣвнникъ», «Братья Разбойники» и «Цыганы». Гений помогъ Пушкину осилить трудности этой формы: поэтъ довелъ ее до возможнаго техническаго совершенства, но все-таки самымъ цѣннымъ въ его поэмахъ остались лирическія части, т. е. та же интимная лирика, въ которой онъ былъ такой мастеръ. Чутье къ реальному мѣшало Пушкину на долгій срокъ облюбовать эти сказки и это же чутье заставило его искать новой формы, въ которой искренняя лирика могла бы гармонично и естественно сочетаться съ столь же правдивымъ эпическимъ разсказомъ въ стихахъ. Исканія такой новой формы, въ русской литературѣ пока невѣдомой и имѣвшей очень мало аналогій на западѣ, увѣнчались неожиданнымъ успѣхомъ и позаряди насъ «романомъ въ стихахъ»—«Евгеніемъ Онегиннымъ».

Какъ литературный памятникъ, «Евгеній Онегинъ» одно изъ вѣчныхъ завоеваній искусства. О техническомъ совершенствѣ выполненія, о фактурѣ стиха, объ его внутрен-

неть строгости—говорить не приходится: говорить объ этомъ само время, которое этотъ романъ не состарило ни однимъ годомъ. Онъ остается на страницахъ нашей словесности, какъ примѣръ перваго художественнаго реальнаго романа, если, конечно, имѣть въ виду технику такого романа и разработку опредѣленныхъ типовъ, а не широту самой картины. Широты картины въ «Евгеніи Онегинѣ» имѣть и въ немъ намъ освѣщенъ только незначительный уголокъ нашей жизни: Пушкинъ, при его не любви къ изображенію современности въ искусствѣ, не расширялъ своего поэтическаго взгляда, а, наоборотъ, суживалъ его въ своемъ «романѣ». Это отсутствіе богатой исторической и современной перспективы хотъ и уменьшаетъ значеніе романа, какъ исторической картины, но не отнимаетъ у него дѣйности свидѣтельскаго показанія одного изъ участниковъ той знаменательной эпохи. Евгенийъ Онегинъ, какъ и Ленскій, какъ и Татьяна, несомнѣнно типа александровской эпохи, хотя съ этой эпохой они не умерли и продолжали жить дальше. Въ нихъ сентиментализмъ, спокойный и романтически-тревожный нашелъ самыхъ полныхъ и колоритныхъ выразителей, и это потому, что самъ авторъ былъ этими настроеніями охваченъ и многое въ этихъ типахъ списалъ съ самого себя. Изъ всѣхъ литературныхъ памятниковъ александровской эпохи, «Евгеній Онегинъ»—самое законченное и самое обобщающее произведеніе—произведеніе и «своящее эпоху» и эпохой сотворенное.

Подъ непосредственнымъ влияніемъ идейныхъ теченій этого же періода нашей исторіи былъ созданъ, какъ мы знаемъ, и «Борисъ Годуновъ», первая наша художественная драма, которая дала намъ право гово-

рить о нашемъ національномъ историческомъ театрѣ. «Борисъ Годуновъ» самобытенъ въ полномъ смыслѣ этого слова, потому что въ немъ имѣть ни общихъ собирательныхъ типовъ, ни чужихъ типовъ, одѣтыхъ въ русскіе костюмы. Пушкинъ могъ старшину идеализировать или подкрасить, но она—русская, а не какая-нибудь иная. Онъ могъ у Шекспира учиться технике построенія исторической хроники, но въ драмѣ имѣть подражанія Шекспиру. Пушкинъ могъ читать пастышечку, проводить извѣстную нравственную идею, но шедъ у него эта идея не давила, не искажала формы, нигдѣ не нарушала правдоподобія въ ходѣ дѣйствія или въ разговорахъ. Съ «Бориса» началась исторія нашего художественнаго театра.

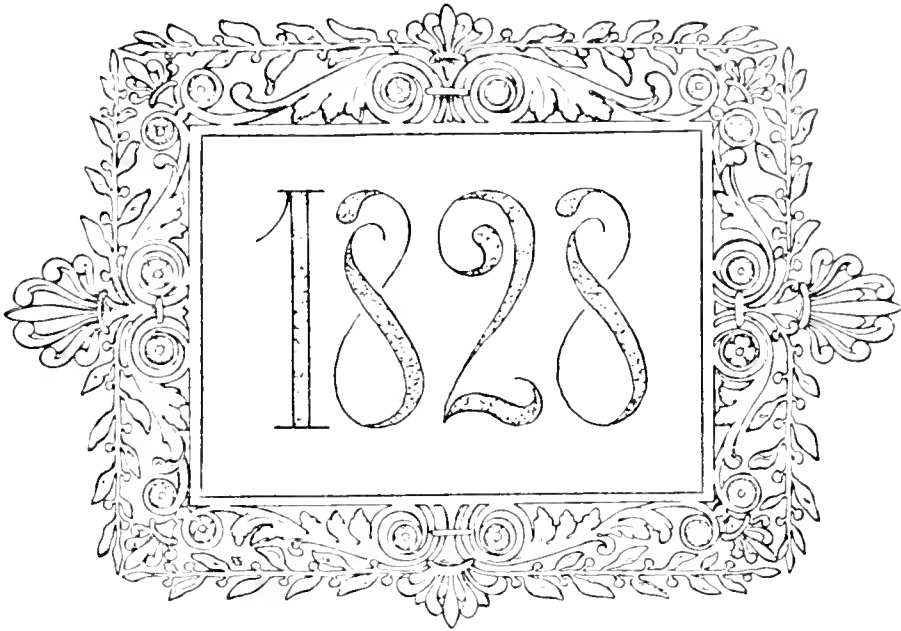
У.

Подводя итогъ всей литературной дѣятельности Пушкина за александровскую эпоху, надо признать въ немъ единственнаго художника, который соединялъ въ себѣ силу артиста съ наибольшей отзывчивостью чловѣка на всѣ идейныя теченія своего времени и на всѣ отбѣики его настроенія. Эти настроенія Пушкинъ пережилъ и перечувствовалъ всѣ, и глубже другихъ; большинство мыслей, которыя были тогда въ оборотѣ, онъ передумалъ; иными увлекался, иныя принялъ къ свѣдѣнію, иныя отвергъ, но мимо нихъ не прошелъ.

И все это богатство идей и чувствъ Пушкинъ претворилъ въ поэзію, всему нашелъ художественную форму, совершенствуя одинъ ея виды и создавая другіе.

Несторъ Котляревскій.

523. ДРУЗЬЯМЪ.

Нѣтъ, я не льстець, когда Царю
 Хвалу свободную слагаю:
 Я смѣло чувства выражаю,
 Языкомъ сердца говорю.
 Его я просто полюбилъ:
 Онъ бодро, честно править намъ:
 Россію вдругъ онъ оживилъ
 Войной, надеждами, трудами.
 О нѣтъ, хоть юность въ немъ кипитъ,
 Но не жестокъ въ немъ духъ державный:
 Тому, кого караетъ явно,
 Онъ тайнѣ милости творитъ.
 Текла въ изгнаньи жизнь моя,
 Влачилъ я съ мильми раздуку,
 Но онъ мнѣ царственную руку
 Полагъ— и съ вами снова я.
 Во мнѣ почилъ онъ вдохновенье,
 Освободилъ онъ мысль мою,
 И я-ль, въ сердечномъ умиленьи,
 Его хвалою не воспую?
 Я льстець! Нѣтъ, братья, льстець лукавъ:
 Онъ горе на Царя накличетъ,
 Онъ изъ его державныхъ правъ
 Одну лишь милость оградитъ.
 Онъ скажетъ: презирай народъ,
 Гнетъ природы голосъ пѣвчий!
 Онъ скажетъ: просвѣщенья плоть-
 Страстей и воли духъ мятежный!
 Бѣда странѣ, гдѣ рабъ и льстець
 Оди приближены къ Престолу,
 А небомъ избранный пѣвецъ
 Молчитъ, потуши очи гоню.

524. ПОСЛАНИЕ КЪ В. [П. Е. ВЕЛИКОПОЛЬСКОМУ].

Сочинителю Сатиры на ироковъ.

Такъ элегическую лиру
 Ты промѣнялъ, нашъ моралистъ,
 На благочинную сатиру?
 Хвалю поэта—дѣльно мѣру!
 Ему полезенъ розги свистъ.—
 Миѣ жалокъ очей твой Аристъ:
 Съ какимъ усердьемъ онъ молился
 И какъ несчастливо игралъ!
 Вотъ молодежь: погорячился,
 Продулся весь и такъ пропалъ!
 Дамонъ твой человѣкъ ужасной.
 Забудь его опасный домъ,
 Едѣ впрочемъ, сознаюся въ томъ.
 Мой другъ, ты вѣдь себя прекрасно:
 Ты никому тамъ не мѣшалъ,
 Эраста нѣжно угѣшалъ,
 Давалъ полезные совѣты
 И ни рубля не проигралъ.
 Люблю: вотъ каковы Поэты!
 А то, уча безумный свѣтъ,
 Порой грѣшишь и проповѣдникъ.
 Послушай, Персеевъ наследникъ,
 Расскажь мой:
 Иѣкто мой собесѣдъ,
 Въ томленьихъ благородной жажды
 Хлѣбнувъ Кастальскіихъ водъ бокалъ,
 На ироковъ, какъ ты, однажды
 Сатиру злую написалъ
 И другу съ жаромъ прочиталъ,
 Ему въ отвѣтъ его пріятель
 Взялъ карты, молча стасовалъ,
 Далъ снятъ, и нравственный писатель
 Всю ночь, увы! поитпровагъ.
 Тебѣ знакомъ ли сей проказникъ?
 По встрѣчѣ съ нимъ была бѣ миѣ праздникъ:
 Я съ нимъ готовъ всю ночь не спать,
 И до полдневаго сѣанья
 Читать моральныя посланья
 И проигрывать его писать.

525. В. С. ФИЛИМОНОВУ.

при полученіи поэмы его: Дурацкой Колнакъ.

Вамъ Музы, милыя старушки,
 Колнакъ связали въ добрый часъ,—
 И, прицѣпивъ къ нему гремушки,
 Самъ Фебъ надѣлъ его на васъ.
 Хотѣлось въ томъ же миѣ уборѣ
 Предъ вами нынче щегольнуть
 И въ окровавленномъ разговорѣ

*Въ пищу вкукъ обѣдаетъ Достойна
Одну цостойной голову.* рис. Зейделя

В. С. ФИЛИМОНОВЪ.
Карикатури-портретъ Зейделя.

Какъ вы, на многое взглянуть;
Но старый мой колпакъ изношенъ,
Хоть и любилъ его поэтъ:
Онъ по неволѣ мной заброшенъ:
Не въ модѣ нынче красный цвѣтъ,
И такъ, въ знакъ мирнаго привѣта,
Синяя шляпу, бью челомъ,
Узнавъ философа-поэта
Подъ осторожнымъ колпакомъ.

526. ГОРОДЪ ПЫШНЫЙ, ГОРОДЪ БѢДНЫЙ

Городъ пышный, городъ бѣдный,
Духъ неволи, стройный видъ,
Сюды небесь зелено-бѣдный,
Скука, холодъ и грашть
Все же мнѣ насъ жаль немножко,
Потому что здѣсь порой
Ходитъ маленькая попка,
Вьется локонъ золотой.

527. КАКОВЪ Я ПРЕЖДЕ БЫЛЪ.

Отрывокъ изъ Андрея Шенье.

Tel j'étais autrefois et tel je suis encore.

Каковъ я прежде былъ, таковъ и нынѣ я:
 Безпечный, влюбчивый. Вы знаете, друзья,
 Могу ль на красоту взирать безъ умиленья,
 Безъ робкой нѣжности и тайнаго волненья.
 Ужъ мало ли любовь играла въ жизни мной?
 Ужъ мало ль бился я, какъ ястребъ молодой,
 Въ обманчивыя сѣтяхъ, разкинутыхъ Кипридой:
 А несправленный стократною обидой,
 Я новымъ доламъ несущи мои мольбы...

528. НЕ НОЙ, КРАСАВИЦА, ПРИ МНѢ.

Не ной, красавица, при мнѣ
 Ты нѣсеши Грузинъ печальной:
 Напоминають мнѣ онѣ
 Другую жизнь и берегъ дальний.
 Увы, напоминають мнѣ
 Твои жестокиѣ наѣвы
 И степь, и ночь, и при лунѣ
 Черты далекой, бѣдной дѣвы!..

Я призракъ милый, роковой,
 Тебя увидѣвъ, забываю;
 Но ты поешь—и предо мной
 Его я вновь воображаю.
 Не ной, красавица, при мнѣ
 Ты нѣсеши Грузинъ печальной:
 Напоминають мнѣ онѣ
 Другую жизнь и берегъ дальний.

529. ЕЯ ГЛАЗА.

Въ отвѣтъ на стихи кн. Вяземскаго.

Она мила—скажу межъ нами—
 Придворныхъ витязей гроза,
 И можно съ южными звѣздами
 Сравнить, особенно стихами,
 Ея Черкесскіе глаза.
 Она владѣетъ ими смѣло,
 Они горять огнемъ живѣй;
 Но, самъ признайся, то ли дѣло
 Глаза О . . . [девиной] моеи!
 Какой задумчивый въ нихъ геній,
 И сколько дѣтской простоты,
 И сколько томныхъ выраженій,
 И сколько нѣги и мечты!..
 Потупишь ихъ съ улыбкой Дея—
 Въ нихъ скромныхъ грацій торжество:
 Подниметь—ангелъ Рафаэля
 Такъ созерцаетъ Божество.

АННА АЛЕКСЬЕВНА ОЛЕНИНА
ВЪ ЗАМУЖЕСТВѢ АНДРО.

Неизменный портретъ, теперь принадлежащій дочери ея А. Ф. Войдо.

530. TO DAWE, ESQR.

Зачѣмъ твой дивный карандашъ
 Рисуешь мой арабскій профиль?
 Хоть ты въкамъ его предашь,
 Его освѣтитъ Мефистофиль.
 Рисуи * * * [Олешиной] черты,
 Въ жару сердечныхъ вдохновеній
 Лишь юности и красоты
 Поклонникомъ быть долженъ тебѣ.

531. ВОСПОМНѢНІЕ.

I.

*(Начало стихотворенія, напечатаннаго Пушкинымъ въ Сб. соч.
 Цѣлостно и въ изд. 1829 г.).*

Когда для смертнаго умолкнетъ шумный день
 И на вѣбьяхъ столбы града
 Полупрозрачная наляжетъ ночь твоѣ
 И сонъ, дневныхъ трудовъ награда,
 Въ то время для меня влечется въ тишинѣ
 Часы томительнаго бдѣнья:
 Въ бездѣйствіи ночномъ живѣи горятъ во мнѣ
 Звѣи сердечной урызенья:
 Мечты князья: въ умѣ, подавленномъ тоской,
 Теснятся тяжкихъ думъ избытокъ;
 Воспоминаніе безмолвно предо мной
 Свой длинный развиваетъ свитокъ:
 И съ оглащеніемъ читая жизнь мою,
 Я трепещу и прокливаю,
 И горько жалуясь, и горько слезы лью,
 Но строкъ печальныхъ не смываю.

II.

*(Конецъ стихотворенія, не отнесенный Пушкинымъ въ собраніе,
 очевидно, по интимности сло.).*

Я вижу въ праздности, въ неистовыхъ играхъ,
 Въ безумствѣхъ гибельной свободы,
 Въ неволѣ, въ бѣдности, въ чужихъ стѣнахъ
 Мои утраченные годы!
 Я слышу вновь друзей предательскіи привѣтъ
 На играхъ Вакха и Киприды,
 И сердцу вновь наноситъ младый свѣтъ
 Неотразимыя обиды.
 И вѣтъ орады мнѣ — и тихо предо мной
 Встають два призрака младые,
 Двѣ твои мнѣ — два даные судьбой
 Мнѣ Ангела во дни былые!
 Но оба съ крыльями и съ пламеннымъ мечемъ,
 И стерегутъ... и мелятъ мнѣ оба,
 И оба говорятъ мнѣ мертвымъ языкомъ
 О тайнахъ вѣчности и гроба!...

532. ТЫ И ВЫ.

Пустое *вы* сердечнымъ *ты*
 Она обмолвись замѣнила,
 И всё счастливымъ мечты
 Въ душѣ влюбленной возбудила.
 Предъ ней задумчиво стою;
 Свести очей съ нея нѣтъ силы;
 И говорю ей: какъ *вы* мила!
 И мыслю: какъ *тебя* люблю!

533. ДАРЬ НАПРАСНЫЙ, ДАРЬ СЛУЧАЙНОЙ.

(26 Мая, 1828).

Дарь напрасный, дарь случайной,
 Жизнь, зачѣмъ ты мнѣ дана?
 Или зачѣмъ судьбою тайной
 Ты на казнь осуждена?
 Кто меня враждебной властью
 Изъ ничтожества воззвалъ,
 Душу мнѣ наполнилъ страстью,
 Умъ сомнѣваемъ взволновагъ?...
 Цѣли нѣтъ передо мною;
 Сердце пусто, празденъ умъ,
 И томить меня тоскою
 Однозвучный жизни шумъ.

534. КОБЫЛИЦА МОЛОДАЯ.

(Изображеніе Анакреону).

Кобылица молодая,
 Честь Кавказскаго тавра,
 Что ты мнѣшься, удаля?
 И тебѣ пришла пора;
 Не косись пугливымъ окомъ,
 Ногъ на воздухъ не мечи,
 Въ полѣ гладкомъ и широкомъ
 Своеравно не скачи.
 погоди; тебя заставлю
 Я смираться подо мной;
 Въ мѣрный кругъ твой бѣгъ направлю
 Укороченной уздой.

535. П. Д. КИСЕЛЕВУ.

Ищи въ чужомъ краю здоровья и свободы,
 Но Сѣверъ забывать грѣшно.
 Такъ слушай: воспѣвай Карасбадскія пить воды,
 Чтобъ съ нами снова пить вино.

Графиня А. О. ЗАКРЕВСКАЯ, урожденная гр. Толстая.

ПОРТРЕТЪ.

Гр. Графиня О. с. Закревской.

Съ своей пылающей душой,
 Съ своими бурными страстями,
 О жена Сибера, межъ вами
 Она является порой,
 И мимо всѣхъ условій свѣта,
 Стремится до утраты силъ,
 Какъ беззаконная комета
 Въ кругу разчисленномъ свѣтилъ.

537. ШАСТЛИВЪ, КТО ИЗБРАНЪ
СВОЕНРАВНО.

Шастливъ, кто избранъ своеправно
Твоей тоскливою мечтой,
При комъ любовью мѣбень явно,
Чьи взоры властвуютъ тобой:
Но жалокъ тотъ, кто молчаливо,
Старая пламенемъ любви,
Погуля голову, ревниво
Признанья слушаешь твои.

538. ПАНЕРСНИКЪ.

Твоихъ признаній, жалобъ пѣжныхъ
Довно я жадно каждый крикъ:
Страстей безумныхъ и мятежныхъ
Какъ унотеленъ языкъ!
Но прекрати свои рассказы.
Так, таи свои мечты:
Бовось нхъ пламенной заразы,
Бовось узнать, что знала ты!

539. ПРЕДУВСТВІЕ.

Снова тучи надо мною
Собралися въ тишинѣ:
Рокъ завистливый бѣдою
Угрожаетъ снова мнѣ...
Сохраню ль къ судьбѣ презрѣнье?
Нонесу ль навстрѣчу ей
Непреклонность и терпенье
Гордой юности моей?

Бурной жизнью утомленный,
Равнодушно бури жду:
Можетъ быть, еще спасенный,
Снова пристаю я найду...
Но, предчувствуя разлуку,
Неизбѣжный, грозный часъ,
Сжать твою, мой ангель, руку
Я свѣшу въ послѣдній разъ.

Ангель кровный, безмятежный,
Тихо молви мнѣ прости:
Опечался: взоръ свой пѣжный
Подыми пль опуститъ:
И твою воспоминаю
Замѣнить душѣ моей
Силу, гордость, упованье
И отвагу юныхъ дней.

540. А ВЪ НЕПАСТНЫЕ ДНИ СОБИРАЛСЬ ОНИ.

Изъ письма къ кн. Вяземскому.

А въ непастьные дни собиравсь они часто,
Гнули . . . ихъ . . . отъ 50-ти на 100
И выигрывали и отисывали мѣломъ,
Такъ въ непастьные дни, занималсь они дѣломъ.

541. АИЧАРЪ. *).

Въ пустынѣ чахлой и скупой,
На почвѣ, зноимъ раскаленной,
Аичаръ, какъ грозный часовой,
Стоитъ, одинъ во всей вселенной.

Природа жаждущихъ степей
Его въ день гнѣва породила,
И зелень мертвую вѣтвей
И корни ядомъ напоила.

* Древо ята.

Идъ каплетъ сквозь его кору,
 Къ полудню растоясь отъ зною,
 И застываетъ ввечеру
 Густой, прозрачною смолою.
 Къ нему и птица не летитъ,
 И тигръ неидеть: лишь вихорь чёрный
 На древо смерти набѣгаетъ—
 И мчится прочь уже тлетворный.
 И если туча ороситъ,
 Буджадъ, листь его дремучий:
 Съ его вѣтвей ужъ ледовитъ
 Стекаетъ дождь въ песокъ горячій.
 Но человекъ человекъ
 Послать къ аичару властнымъ взглядомъ:

И тотъ послушно въ путь полекъ,
 И къ утру возвратился съ ядомъ.
 Принесъ онъ смертную смолу
 Да вѣтъ съ увявшими листьями.
 И потъ по бѣдному челу
 Струился ледными ручьями:
 Принесъ и ослабѣвъ и леть
 Подъ сводомъ шалаша на лыки,
 И умеръ бѣдный рабъ у ногъ
 Необходимого владыки.
 А царь тѣмъ ядомъ нанталъ
 Свои послушливыя стрѣлы
 И съ ними гибель разослалъ
 Къ соседямъ въ чуждые предѣлы.

Рисунокъ А. Арсимова.

542. УТОПЛЕННИКЪ.

Престонарская сказка.

Прибѣжали въ избу дѣти,
 Второныхъ зовутъ отца:
 «Тятя! тятя! наши сѣти
 Притащили мертвеца!»
 Врите, врите, бѣснелта,
 Заворчалъ на нихъ отецъ:
 Оуъ, ужъ эти мѣтѣ ребята!
 Будеть вамъ уже мертвецъ!
 Судь набѣдетъ, отвѣчай-ка:
 Съ нимъ я вѣкъ не разберусь:
 Двѣтъ пѣчегю хозяйка,
 Дай кафтанъ: ужъ поплетусь...
 Гдѣ жъ мертвецъ?—«Вонъ, тятя, э-вотъ!»
 Въ самомъ дѣлѣ при рѣкѣ,
 Гдѣ разосланъ мокрой пелодъ,
 Мертвый видѣтъ на песокъ.
 Безобразно трутъ ужасный
 Носилъ и весь распухъ,
 Горемыка ли несчастный
 Погубилъ свой грѣшнвый духъ,
 Рыболовъ ли взять волнами,

Али хмѣльный молодець,
 Али ограбленный ворами
 Недогадливый купецъ:
 Мужикъ какой дѣло?
 Озираясь, онъ сивннлъ;
 Онъ потопленное тѣло
 Въ воду за пелю тащитъ
 И отъ берега крутато
 Оттолкнулъ его весломъ,
 И мертвецъ внизъ поплылъ снова
 За могилой и крестомъ.
 Долго мертвый межъ волнами
 Плылъ качаясь, какъ живой:
 Проводивъ его глазами,
 Нашъ мужикъ пошелъ домой.
 «Вы, щенки! за мной ступайте!
 Будеть вамъ по калачу,
 Да смотрите жъ, не болтайте,
 А не то поколочу.»
 Въ ночь погода зашумѣла,
 Взволновалася рѣка,

Ужъ лучина догорѣла
Въ дынной ватѣ мужика,
Дѣти спать, хозяйка дремлетъ,
На палатахъ мужъ лежитъ,
Буря востъ: вдругъ онъ внемлетъ:
Кто-то тамъ въ окно стучитъ.

«Кто тамъ?»—Эй, впусти, хозяйка!—
«Ну, какая тамъ бѣда?
Что ты ночью бродишь, Каша?
Чортъ занесъ тебя сюда:
Гдѣ возиться мнѣ съ тобою?
Дома тѣсно и темно.»
И лѣвивую рукою
Подымаетъ онъ окно.

Изъ-за тучъ луна катится —
Что же? голый передъ нимъ:
Съ бороды вода струится,
Взоръ открытъ и недвижимъ.
Все въ немъ страшно ошѣбало,
Опустились руки внизъ,
И въ распухнувшее тѣло
Раки черные вились.

И мужикъ окно захлопнулъ:

Гостя голого узнавъ,
Такъ и обмеръ: чтобъ ты дощулъ!
Проморгалъ онъ задрожавъ,
Сравню мысли въ немъ мѣшался,
Трясся ночь онъ напролѣтъ,
И до утра все стучался
Подъ окномъ и у воротъ.

Есть въ народѣ слухъ ужасный:
Говорятъ, что каждый годъ
Съ той поры мужикъ несчастный
Въ день урочный гости ждѣтъ:
Ужъ съ ура погода злится,
Ночью буря настаётъ,
И утопленникъ стучится
Подъ окномъ и у воротъ.

543. 19 ОКТЯБРЯ 1828.

Усердно помолившись Богу,
Лицею прокрывавъ ура,
Прощайте, братцы. Мнѣ въ дорогу,
А вамъ въ постель уже пора.

544. РЕФУТАЦІЯ БЕРАИЖЕРА.

Приписывается Пушкину .

T'en souviens-tu, disait un capitain
Au vétéran qui mendiait son pain

Ты помнишь-ли, ахъ, ваше благородье
Мусью французъ, г. . . . и капитанъ.
Какъ помятеса у насъ въ простонародѣ
Надъ нехристею побѣды россиянъ?
Хоть это намъ не составляетъ много,
Не изъ вныхъ мы прочухъ, такъ сказать,
По встарь мы васъ наказывали строго,
Ты помнишь ли, скажи

Ты помнишь ли, какъ за горы Суворовъ
Перемахнувъ, панагъ на васъ краснелъ.
Какъ нашъ старикъ тревалъ васъ, живо-
деровъ,
И васъ давилъ на поготкѣ, какъ блохъ?
Хоть это намъ, и пр.

Ты помнишь ли, какъ всю пригналъ
Европу
На насъ одинъхъ вашъ Бонапартъ-буянтъ?
Французовъ мы тогда выдали
Да и твою, г. . . . и капитанъ!
Хоть это намъ, и пр.

Ты помнишь ли, какъ были мы въ Пар-
рижѣ,

Гдѣ нашъ казакъ или полковой нашъ поятъ,
Морочилъ васъ, къ винцу подѣвъ поближе,
И вашихъ жевъ похваливалъ, да . . . ?
Хоть это намъ, и пр.

545. ОТВѢТЪ КАТЕНИНУ.

Напрасно, пламенный поэтъ,
Свой чудный кубокъ мнѣ подносишь
И выпить за здоровье просишь:
Не пью, любезный мой соседъ!
Товарищъ милый, но лукавый,
Твой кубокъ полонъ не виномъ,
Но двойтельной отравой:
Онъ заманитъ меня потомъ
Тебѣ вослѣтъ опять за славою.
Не такъ ли опытный гусаръ,
Вербую рекрута, подноситъ
Ему веселый Вахша даръ,
Пока воинственный угаръ
Его на мѣстѣ не подноситъ?
Я самъ служивый: мнѣ домой
Пора убраться на покой.
Останься ты въ строяхъ Парнасса:
Предъ дѣломъ кубокъ паливай
И лавръ Корнеля или Тасса
Одинъ съ поумѣвля пожинай.

546. ОТВѢТЪ А. П. ГОТОВЦОВОЙ.

И недовѣрчиво и жадно
Смотрю я на твои цвѣты.
Кто, строгій стоиць, приметъ хлатно
Привѣтъ хариць и красоты?
Горжуся имъ, но и роблю:
Твоей недосказанной упрекъ
Я разгадать вполнѣ не смѣю.
Твой гнѣвъ уже ли я навлекъ?

О, сколько бѣ мукъ себѣ готовилъ
Красавиць вѣтренной Зонль,
Когда бѣ прелестельски злословилъ
Сей поль, которому служилъ!
Любви безумствомъ и волненьемъ
Наказанъ былъ бы онъ; а ты
Была всегда бѣ опроверженемъ
Его печальной клеветы.

547. ЗА NETTY СЕРДЦЕМЪ Я ЛЕТАЮ.

А. П. Вульфъ.

За Netty сердцемъ я летаю
Въ Твери, въ Москвѣ—
И R и O позабываю
Для N и W.

548. ПОДЪБЪЖАЯ ПОДЪ ИЖОРЫ.

Е. В. Вельяшевой.

Подъбъжая подъ Ижоры,
Я взглянулъ на небеса,
И вспомнилъ ваши взоры,
Ваши синіе глаза.
Хоть я грустно очарованъ
Вашей двѣственной красой,
Хоть вампиромъ именованъ
Я въ губерніи *** [Тверской]:
Но колѣнъ моихъ предъ вами
Преклонить я не посмѣлъ.
И влюбленными мольбами
Васъ тревожить не хотѣлъ.

Унижаясь неприятно
Хмелемъ свѣтской суеты,
Позабуду, вѣроятно,
Ваши милыя черты,
Легкій шагъ, движеній стройность,
Осторожный разговоръ,
Эту скромную спокойность,
Хитрый смѣхъ и хитрый взоръ.
Если жъ ибѣтъ... по прѣкно сабду
Въ ваши мирные края
Черезъ годъ опять забуду
И влюблюсь до Ноябра.

549. О, ЭГЕЛЬСТРОМЪ! Я ВОСХИЩЕННЫЙ.

О Эгелъстромъ! я восхищенный
Читаю творенія твои:
[Твой стихъ, лишь гениемъ вышешный.]
Блеститъ какъ солнце въ ясны дни!
Когда, соперникъ Ювенала,
Металъ ты громъ твоихъ стиховъ,
Коварна злора трепетала,
Дрожала завистникъ Кошлловъ.
Когда Анакреона лиру
Красѣ предестной посвящала,
Тогда разбѣженному міру
Восторгъ сладостны впушала.
Когда ты Грею подражаешь,
Слезавъ надъ гробовой доской,

Весь свѣтъ ты ибѣню огорчаешь—
Тогда стонаетъ все съ тобой.
Когда комедіей ибѣнять насъ хочешь
Что твой Мольеръ и что Крыловъ
Съ тобой невольно захохочешь...
Сердше какъ хочешь Кошлловъ!
Поэтъ, слышь Феба вдохновенный,
Какъ милъ твой каждый стихъ!
Скажи почто, ибѣведъ смиренный,
Отъ свѣта ты скрываешь ихъ?
Пусти въ печать твои творенія,
Заслужилъ множество ибѣцовъ—
Мы все помремъ отъ восхищенья!
О Эгелъстромъ! Ты царь ибѣцовъ!

550. ЦВЕТОКЪ.

Цветокъ засохшій, бездѣшной,
 Забытый въ книгѣ въ выку ле;
 И вѣкъ уже мечою странной
 Душа наполнилась моя:
 Гдѣ цвѣль? когда? какой весной?
 И долго ль цвѣль? и сорванъ кѣмъ,
 Чужой, знакомой ли рукою?
 И положенъ сюда зачѣмъ?

На память пѣвшаго ль свиданья,
 Или разлуки роковой,
 Или одинокаго гулянья
 Въ тиши полей, въ тѣни лѣсной?
 И живъ ли тотъ, и та жива ли?
 И нынче гдѣ нѣтъ уголокъ?
 Или уже они увяли,
 Какъ сей невѣдомый цвѣтокъ?

551. ЧЕРНЬ.

Procul este, profani.

Поэтъ по дѣрѣ вдохновенной
 Рукой разсѣянной брицаль,
 Онъ пѣль—а ладной и надменной,
 Кругомъ народъ непосвященной
 Ему безмысленно внималь,
 И толковала чернь тѣлая:
 «Зачѣмъ такъ звучно онъ поеть?
 Напрасно ухо поража,
 Къ какой онъ цѣли насъ ведетъ?
 О чемъ бречить? Чему насъ учить?
 Зачѣмъ сердца волнуеть, мучить,
 Какъ своеправный чародѣй?
 Какъ вѣтеръ пѣснь его свободна,
 За то какъ вѣтеръ и безплодна:
 Какая польза намъ отъ ней?»

п о э т ѣ .

Молчи, безмысленный народъ,
 Поденщикъ, рабъ нужды, заботъ!
 Несносенъ мнѣ твой ровотъ держкой,
 Ты червь земли, не слышь небесъ:
 Тебѣ бы пользы все—на вѣсь
 Кумиръ ты цѣпишь Бельведерской,
 Ты пользы, пользы въ немъ не зришь,
 Но мраморъ сей вѣдь богъ!... такъ что же?
 Печной горшокъ тебѣ дороже:
 Ты пищу въ немъ себѣ варишь.

ч е р н ь .

Пѣтъ, если ты небесъ избраницкъ,
 Свой даръ, божественный посланникъ,

Во благо намъ употребляй:
 Сердца собравъ въ неправдѣй,
 Мы малодушны, мы коварны,
 Безстыдны, злы, неблагодарны:
 Мы сердцемъ хладные скопцы,
 Клеветники, рабы, глухцы:
 Гнѣздятся клубомъ въ насъ пороки:
 Ты можешь, ближняго любя,
 Давать намъ смѣлые уроки,
 А мы послушаемъ тебя.

п о э т ѣ .

Подите прочь—какое дѣло
 Поэту мирному до васъ!
 Въ развратѣ каменѣйте смѣло:
 Не оживить васъ лиры гласъ!
 Душѣ противны вы какъ гробы,
 Для вашей глупости и злобы
 Пыли вы до сей поры
 Бичи, темницы, топоры:
 Довольно съ васъ, рабовъ безумныхъ!
 Во градахъ вашихъ съ улицъ шумныхъ
 Сметають соръ—полезный трудъ!—
 Но, позабывъ свое служенье,
 Алтарь и жертвоприношенье,
 Жрецы ль у васъ метлу берутъ?
 Не для житейскаго волненья,
 Не для корысти, не для битвъ,
 Мы рождены для вдохновенья,
 Для звуковъ сладкихъ и молитвъ.

552. П. В. С... [СЛЕНИНУ].

Я не люблю альбомовъ модныхъ:
 Нуль ослѣпительная смѣсь
 Аспазій нашихъ благородныхъ
 Провозглашаетъ только смѣсь.
 Альбомъ красавицы увѣдной,
 Альбомъ домашній и простой,
 Милѣй болтливостью любезной
 И безыскусной пестрогой.
 Ни здѣсь, ни тамъ, скажу я смѣло,
 Являться впрочемъ не хочу:

Но твой альбомъ другое дѣло,
 Охотно дань ему плачу.
 Тобой питомцамъ Аполлона
 Не изъ тщеславья огнь открылъ:
 Царица ты любишь Геликона
 И ими самъ не позабытъ;
 Вхожу въ него прямымъ полотомъ,
 Какъ въ дружескій, пріятный домъ.
 Почтливъ хозяина привѣтомъ
 И даръ молитвеннымъ стихомъ.

553. ЛЮБОВЫТНѢЙ.

Что жъ новаго? «Бѣй Богу ничего.»
 —Эй, не хитри: ты вѣрно что-то знаешь.
 Не стыдно ли, отъ друга своего,
 Какъ отъ врага, ты вѣчно все скрываешь.
 Нѣ ты сердить: помилуй, братъ, за что?
 Не будь упрямъ: скажи ты мнѣ хоть слово...
 «Охъ! отвѣжись, я знаю только то,
 Что ты дуракъ, да это ужъ не ново.»

554. СОБРАНИЕ НАСѢКОМЫХЪ.

Какія крохотны коровки!
 Есть, право, менѣ булавоиной головки.
 Крылатовъ.

Мое собраніе насѣкомыхъ
 Открыто для моихъ знакомыхъ:
 Ну, что за пестрая семья!
 За ними гдѣ не рылся я!
 За то, какая сортировка!
 Вотъ ... [Елишка] Божія коровка,
 Вотъ ... [Каченовскій] злой паукъ,
 Вотъ и ... [Свинынь] Россійскій жукъ,
 Вотъ ... [Олинъ] черная мурашка,
 Вотъ ... [Ранецъ] мелкая букашка,
 Куда ихъ много набралось!
 Опрятно за стекломъ и въ рамахъ
 Они, произведенная насъвозъ,
 Рядкомъ торчать на эниграмахъ.

555. Е. П. УШАКОВОЙ. ЕЛИЗ. НИКОЛ. УШАКОВОЙ.

(Въ альбомъ).

Вы избалована природой:
Она пристрастна къ вамъ была,
И наша вѣчная хвала
Вамъ кажется докучной отой.
Вы сами знаете давно,
Что васъ любить немудрено,
Что пѣвникамъ взоромъ вы Армида,
Что ледкимъ станомъ вы Сильфида,
Что ваши алмазны уста,
Какъ гармоническая роза...

И ваши рифмы, наша проза
Прельзъ вами—шумъ и суета...
Но красоты воспоминанье
Намъ сердце трогаетъ тайкомъ—
И строкъ небрежныхъ начертанье
Вношу смиренно въ вашъ альбомъ.
Авось на память поневолѣ
Придетъ вамъ тотъ, кто васъ пѣвалъ
Въ тѣ дни, какъ Прѣтъ [вѣнское] поле
Еще заборъ не заграждалъ.

556. ВОРОНЬ КЪ ВОРОНУ ЛЕТИТЬ.

(Шотландская пѣсня).

Воронь къ ворону летить,
Воронь ворону кричить:
Воронь, гдѣ бѣ намъ отобѣдать?
Какъ бы намъ о томъ провѣдать?
Воронь ворону въ отвѣтъ:
Знаю, будетъ намъ обѣда:
Въ чистомъ полѣ подъ ракитой
Богатырь лежитъ убитой.
Кѣмъ убитъ и отъ чего,
Знаетъ соколъ лишь его,
Да кобылка вороная,
Да хозяйка молодая.
Сokolъ въ рощу улетѣлъ,
На кобылку подругъ свѣлъ,
А хозяйка ждетъ милова,
Не убитаго, живова.

557. ЛИЦИНСКІЙ ОКОЛЬТЪ.

Лицинский окольть, отечеству бѣда,
Князь Сергій живъ еще - утѣшесь.
Го[спода].

558. НЕВДОМСКІЙ—ПОЭТЬ. НЕВДОМЫЙ НИКѢМЪ.

Невдомскій—поэтъ, невдомый никѣмъ
Печалаетъ стихи, невдомо зачѣмъ.

559. КОГДА СТРОЙНА И СВѢТЛОКА.

Когда стройна и свѣтлока
Передо мной стоитъ она
Я мыслю: «въ день Пльи-пророка
Она была разведена».

Изъ альбома Я. П. Кернъ.

560. ЕСЛИ ВЪ ЖИЗНИ ПОДНЕБЕСНОЙ.

Если въ жизни поднебесной
Существуетъ духъ прелестный,
То тебѣ подобенъ онъ:
Я скажу тебѣ резонъ:
Не возможно!

561. AMOUR, EXIL.

Amour, exil...
Какая сила!

562. НЕ СМѢЮ ВАМЪ СТИХИ БАРКОВА.

Не смѣю вамъ стихи Баркова
Благопристойно перевести
И даже имени такого
Не смѣю громко произнести.

563. КОГДА ПОМНЮЕТЪ НАСЪ БОГЪ.

Когда помнуетъ насъ Богъ,
Когда не буду я повѣшенъ,
То буду я у вашихъ ногъ
Въ тѣни украинскаго черемъ.

Черновые наброски.

564. УВЫ, ЯЗЫКЪ ЛЮБВИ БОЛТЛИВОЙ.

Увы, языкъ любви болтливой,
 Языкъ (и скромный), и простой.
 Своєю прозой перадивой
 Тебѣ докучить, Ангель мой.
 [Ты любишь] мѣрные наѣвы,
 [Ты любишь] рюмы гордой звонъ,
 И сладокъ хуу милой дѣвы
 Честолюбивый Аполлонъ.
 Тебя страшить любви признанье,
 Письмо мое ты разорвешь.

Но стихотворное посланье
 Съ улыбкой вѣжною прочтешь.
 Благословень же будь отнынѣ
 Судьбою вѣреннѣй мнѣ даръ,
 Досель въ жизненной пустынѣ,
 (Во мнѣ нигая сердца) жаръ
 [Одну безплодную] пль лицемѣрную хуу
 Мнѣ навлекать одно тосченье
 Пль клевету, пль заточенье,
 И рѣдко—хладную аваду.

565. ВОЛНЕНЬЕМЪ ЖИЗНИ УТОМЛЕННЫЙ.

Волненьемъ жизни утомленный,
 Оставя заблуждений путь,
 Къ тебѣ прибегль я отдохнуть
 И близъ тебя, мой другъ бездѣвный...

566. РЮМА — ЗВУЧНАЯ ПОДРУГА.

Рюма—звучная подруга
 Вдохновеннаго досуга,
 Вдохновеннаго труда,
 Ахъ, ужель ты улетѣла,
 Измѣнила навсегда?
 Твой привычный, милый лещеть
 Усмирялъ сердечный трещеть,
 Усыплялъ мою печаль!
 Ты ласкалась, ты манила,
 И отъ міра вводила
 Въ очарованную даль!
 Ты, бывало, мнѣ внимала,
 За мечтой моею бѣжала,
 Какъ послушное дитя:
 То—свободна и ревнива,
 Своеправна и лѣнива—
 Съ нею спорила шутя.
 Но съ тобой не разставался,

Сколько разъ повиновался
 Рѣзвой прихоти твоей,
 Какъ любовникъ добродушной,
 Снисходительно послушной,
 Былъ я мумимъ и любимъ.
 О, когда бы ты явилась
 Въ дни, когда еще толпилась
 Олимпійская семья!
 Ты бы съ ними обитала,
 Какъ бы пышно заблестала
 Родословная твоя!
 Взвѣвъ божественную лиру,
 Такъ повѣдали бы міру
 Гезіодъ или Омръ:
 «Фебѣ однажды у Адмета,
 Близъ тѣнцатаго Тайгета
 Сглаго пастъ, угрюмъ и сирѣ,
 «Онъ бродилъ во мракѣ дѣва,

И никто, страшась Зевеса,
 Изъ богишь или боговъ
 Навѣщать его не смѣли—
 Бога лиры и свирѣли,
 Бога свѣта и стиховъ!
 Помня первая свиданья,
 Утолить его страданья
 Мнемозина притекла,
 И подруга Аиоллона
 Въ [тихой] рошѣ Гелликона
 [мучась, дочку] родила...

 И младенца воспріяли
 Боги (Сонъ), Диана (Ночь)
 И отъ гнѣвнаго Зевеса
 сокрыла Ночь...

467. ВЪ СТЕНЯХЪ ЗЕЛЕННЫХЪ БУДЖАКА.

Въ стѣняхъ зеленыхъ Буджака,
 Гдѣ Прутъ (завѣтная) рѣка,
 Обходитъ русскія владѣнья,
 При (бѣдномъ) устьѣ ручейка
 Стоитъ безвѣстное селенье:
 Семействами болгары тутъ
 (Въ убогой дикости) живутъ,
 Храня родительскіе нравы,
 Пытаясь [тягостнымъ] трудомъ,
 И не заботятся о томъ,
 Какъ ратоборствуютъ державы
 И мирно правятъ нхъ судьбой...

568. БРАДАТЫЙ СТАРОСТА АВДѢЙ.

Брадатый староста Авдѣй
 Съ поклономъ барышѣ своей,
 Замѣсто краснаго яичка,
 Поднесъ ученаго скворца.
 Извѣстно вамъ, такая птичка
 Умибѣ много мудреца.
 Скворецъ, [надувшись величаво]
 Вдыхалъ о царствіи небесъ
 И приговаривалъ картаво
 «Христось воскресъ! Христось воскресъ!»
 (Скворецъ мой былъ не пустомеля
 Не врагъ онъ всякой чепухи,
 Онъ былъ ученецъ...)

569. ТЕБЯ ПОЮ НА ТОМНОЙ ЛИРѢ.

[Тебя пою] на томной лирѣ
 «Но гдѣ найду мой (идеаль)
 «И кто пойметъ меня въ семь мірѣ?»
 Но Анатолий не понималъ...

570. ВЪ РЮМКѢ СВѢТЛОЙ ПРЕДО МНОЮ.

Въ рюмкѣ свѣтлой предо мною
 Брызжитъ, пѣвится вино...

ПУШКИНЪ И ДЕКАБРЬСКОЕ ДВИЖЕНІЕ.

I.

Искусство и гражданственность, красота и правда ведутъ въ нашей литературѣ постоянный споръ. У Пушкина—на зарѣ новой литературы—они находятся еще въ состояніи первобытной гармоніи. «Восторги умиленія» передъ божественной природой и радужная игра индивидуальных переживаній не мѣшаютъ ему быть искреннимъ защитникомъ общественной справедливости.

Связь Пушкина съ декабристами многимъ кажется случайной. Ее объясняютъ кнѣвнемъ молодыхъ силъ, некавиншъ выхода, поэтической впечатлительностью, средой, и тѣ чудныя пѣсни о свободѣ, которыя волновали сердца и, дѣйствительно, будили «души высокіе порывы», оказываются, такъимъ образомъ, результатомъ вѣвшихъ воздѣйствій, а не свободнымъ порожденіемъ его творческой индивидуальности.

Пушкинъ обладалъ не только поэтическимъ гениемъ, но и свѣтлымъ, зоркимъ умомъ, который соединился у него съ тонкой способностью критики. Какъ же онъ могъ слѣпо поддаваться настроенію среды и очутиться въ положеніи человека толпы, который наполняется чужимъ содержаніемъ? Съ 16 до 26 лѣтъ Пушкинъ такъ или иначе принадлежалъ либеральному движенію. Неужели 10 лѣтъ въ короткой жизни гения были только случайностью?

Но вѣрно и то, что служба дѣду декабристовъ, Пушкинъ никогда не терялъ своей личности. Идеалы нѣхъ особеннымъ образомъ сходились съ его собственнымъ міросозерцаніемъ. Постороннія вліянія имѣли для него гораздо меньше значенія, чѣмъ для его сверстниковъ—декабристовъ. Любовь къ свободѣ вытекала изъ природныхъ свойствъ его ума и характера и проявлялась у него еще въ дѣтствѣ. Это была мальчишья съ горячимъ сердцемъ и обостренными чувствами личность. Малѣйшій намекъ на принужденіе со сто-

роны родителей или воспитателей вызывалъ въ немъ рѣзкій отпоръ, но на доску онъ отзывался глубокой сердечной привязанностью. Умственная атмосфера, окружающая его дома, воспитала въ немъ свободомысліе. Отецъ былъ тишиный вольтеріанецъ XVIII вѣка. Взрослые въ семьѣ Пушкиныхъ не отличались отъ дѣтей, которыя присутствовали при вѣхъ бесѣдахъ съ гостями, а собирались у Сергія Львовича представители передовой литературы и интеллигенціи того времени: Карамзинъ, Дмиріевъ, начинающій Жуковский, А. Тургеневъ. Къ этому присоединялось чтеніе. Библіотека отца, въ которой были, между прочимъ, вѣхъ сочиненія французскихъ философовъ XVIII вѣка, была въ полномъ распоряженіи мальчика. Еще дома онъ усилъ воспитаться духомъ Вольтера; тогда же познакомился онъ и съ Руссо. Подъ вліяніемъ нѣхъ философской и политической проповѣди у него въ 12 лѣтъ зарождается свои собственныя «философскія мысли» (Шланъ лицейскихъ записокъ). Такимъ образомъ, ко времени поступления въ Лицей Пушкинъ былъ уже готовый вольнодумецъ, который привыкъ обо всемъ разсуждать и полагаться только на собственное мнѣніе.

Царекосевскій Лицей, куда поступилъ Пушкинъ, былъ основанъ съ цѣлью приготовить государственныхъ людей съ широкимъ политическимъ образованіемъ. По этому въ програмѣ важное мѣсто занимали науки нравственно-политическія: этика, философія права и политическая экономія¹⁾. Преподавателемъ этикъ наукъ былъ молодой профессоръ Куницынъ, воспитанникъ Геттингенскаго университета и товарищъ Николая Тургенева²⁾.

¹⁾ Это происходило въ трехъ старшихъ студенческихъ классахъ, причемъ въ послѣдніи годы преподавались также сочиненія на экономическія темы (Селедзевъ, Истор. очеркъ Лицея, 89).

²⁾ Куницынъ пробылъ въ Геттингенѣ 2 года

Лицейскій курсъ естественнаго права, изданный Кунцинымъ въ 1818 и 1820 г., былъ самой смѣлой книгой «конституціонной» эпохи начала XIX вѣка. Это горячій манифестъ въ защиту правъ человѣка и гражданина, насквозь проникнутый идеей всеобщаго равенства. Всѣ правовыя нормы выводятся у него изъ отвлеченныхъ принциповъ справедливости, безъ всякаго компромисса въ пользу историческихъ формъ права. Основаніемъ курса служатъ теорія общественнаго договора Руссо и правственная философія Канта. Переходной точкой является для него категорическій императивъ Канта, по которому всякій человѣкъ самъ для себя цѣль и отнюдь не средство. «Каждый долженъ быть признаваемъ правственнымъ существомъ, цѣлью для себя самого» (Ест. право II, 165). «Каждый человѣкъ и въ самомъ обществѣ остается для себя самого цѣлью. Потому, если цѣль общества иначе не можетъ быть достигнута, какъ съ нарушеніемъ сего права, то она должна быть оставлена» (II, 9). Изъ основнаго принципа, что человѣкъ самъ для себя цѣль, вытекаютъ его прирожденныя, неотъемлемыя права: право личности, право слова и право на свободу совѣсти. Люди соединяются въ общество только для достиженія общей цѣли, и всякая власть есть результатъ договора. «Соединеніе людей для достиженія общей цѣли не можетъ произойти иначе, какъ черезъ договоръ, ибо никто не имѣетъ первоначальнаго права принуждать другихъ желать того, чего онъ самъ желаетъ, и дѣйствовать для цѣлей, имъ назначенныхъ» (II, 4). «По договору соединенія люди приобрѣтаютъ взаимныя права и обязанности только въ разсужденіи цѣли, но остаются въ состояніи равенства. Договоръ, поднаветва слѣдуетъ за договоромъ соединенія, ибо прежде должна быть опредѣлена цѣль, а потомъ уже можетъ быть поручено кому-нибудь исполненіе оной» (II, 23). Власть монарха ограничена «естественными» правами человѣка—свободой личности, слова, совѣсти—и договоромъ, на основаніи котораго общество вручило ему власть. «Употребленіе власти общественной безъ всякаго ограниченія есть тиранство (курсъ Кунцина), а кто оно производитъ, тотъ есть тиранъ (тоже)». (II, 24). Нечего и говорить объ отношеніи

Кунцина къ крѣпостному «праву». Рѣзкій протестъ противъ него проходитъ красной нитью черезъ весь его курсъ. «Никто не можетъ приобрѣсть право собственности на другого человѣка ни противъ воли, ни съ его на то согласія—ибо право личности неотчуждаемо» (I, 86). «Никакими заслугами нельзя приобрѣсти право на свободу и собственность другихъ людей» II, 106. «Никто не имѣетъ права употреблять кого-либо изъ согражданинъ, какъ средство или простую вещь для себя» (II, 105).

Въ 1821 г. книга Кунцина и авторъ ее подверглись гоненію. Рунвичъ, разсматривавшій ее, писалъ, что «Марать былъ не кто иной, какъ искренній и практической послѣдователь той науки, которую преподаетъ Кунцинъ» (Сухомлиновъ, Исслѣдованія I, 205). Какъ будто въ pendant къ этому Пушкинъ въ 1822 г. дупрекаетъ не въ мѣру ревниваго цензора:

Ты чернымъ блѣое по прихоти зовешь:
Глѣзь правды мягежомъ, Кунцина—Маратомъ.

Кунцинъ преподавалъ неровно—былъ увлекателемъ, когда касался душевныхъ убѣжденій, и скученъ, если рѣчь шла о второстепенномъ вопросѣ финансовой или юридической науки. Отсюда различіе отзывовъ о Кунцинѣ. Тѣ, кому не нравилось его направленіе, обращаютъ вниманіе на недостатки его преподаванія, а другіе говорятъ о достоинствахъ. Съ одной стороны—рѣзкое сужденіе злобнаго карьериста Корфа, а съ другой—свидѣтельства Пушкина и Пущина. По словамъ Пущина, Пушкинъ охотнѣе всего занимался у Кунцина—однако, уроковъ не училъ, а довольствовался тѣмъ, что запоминалъ въ классѣ. Интересовали Пушкина только общіе вопросы: подробности были для него скудой (письмо къ Вяземскому 1817 г.)¹⁾ Кунцинъ имѣлъ огромное значеніе для Пушкина. Ученіе о человѣкѣ, какъ самоцѣли, нашло благодарную почву въ природныхъ индивидуалистическихъ стремленіяхъ молодого поэта и сдѣлалось основой его общественныхъ идеаловъ. Кунцину, главнымъ образомъ, Пушкинъ обязанъ пробужденіемъ своей гражданской музы. Естественное право читалось въ 1814—1815 гг., а къ 1815 г. относятся «Бова», «На возвращеніе государя изъ Па-

(1808—1810). См. M. Wischnitzer, Die Univ. Gött. und die liberalen Ideen in Russland, Berlin, 1907.

¹⁾ Этимъ объясняется замѣчаніе Комовскаго, что Пушкинъ не любилъ политическихъ наукъ.

рижа» и «Лицинію»¹). Такимъ образомъ, слова Пушкина о Кунцицѣ:

Она создала насъ, она постигала нашу
пламень,
Поставленъ имъ красутольщій камень,
Имъ чистая лампада возжета.—

далеко не были поэтическимъ преувеличеніемъ.

ИВкоторое вліяніе на Пушкина имѣлъ и «добрый» Галичъ, «аностоль ибги и прохладъ», но, вмѣстѣ съ тѣмъ, свободный мыслитель, пострадавшій въ 1821 г. по дѣлу Петербургскихъ профессоровъ. Пушкинъ говоритъ о немъ, какъ о честномъ гражданинѣ:

Поклоню ты не сродень —
Другъ мудрости прямой
Правдѣ и благо-
роднѣ².

Появленіе первыхъ гражданскихъ мотивовъ у Пушкина отчасти связано съ кратковременнымъ пребываніемъ Галича въ Лицеѣ (1814—1815 гг.)³. Французъ Будри, братъ Марата, своими «демократическими мыслями» и рассказами о революціи тоже внесъ либеральный духъ въ лицейскую атмосферу (TableTalk, XXX).

Сказалось ли возбужденіе эпохи, или компанія подобралась счастливо, но товарищескій кружокъ лицестовъ жилъ интенсивной умственной жизнью. Собирались, сообща читали, говорили о политикѣ (Л. Майковъ, Пушкинъ, 326). Въ Лицеѣ Пушкинъ продолжалъ поощрять книгу за книгой. Онъ читаетъ Вольтера, Руссо, Радище-

ва, Шатобриана, Ювенала, Вольтеръ — «сынъ Мома» — ближе ему въ это время, но онъ цѣнитъ и «сына Минервы» — «Ферейскаго злого крикуна». Скоро заливается самостоятельная литературная дѣятельность. Пишутся стихи, издаются журналы, утѣ, кромѣ любовной лирики и насмѣшекъ надъ «Кюхлей» (Кюхельбекеромъ), есть статьи, показывающія политическія симпатіи лицейской молодежи⁴).

Строгости въ Лицеѣ не было, ученики пользовались почти полной свободой. Все это были дѣти знатныхъ фамилій, съ аристократическимъ чувствомъ личнаго достоинства. Анонимный доносчикъ 1826 г. жалуется, что «начальники, подъ предлогомъ благодушнаго обхожденія, позволяли ученикамъ своевольничать» Р. Ст. 1877, апр. 657). Лицесты жили бокъ-о-бокъ съ Александромъ I и были au courant всѣхъ придворныхъ сплетенъ — это тоже сыграло свою роль. Знакомству съ интимной жизнью дворца А. Тургеневъ приписываетъ раннее развитіе Пушкинскаго либерализма (Ост. Арх. 5 августа 1819 г.)⁵.

Огромное значеніе для Пушкина и его товарищей имѣла героическая эпоха 1812—1815 гг., которую они пережили въ

возрастѣ, когда формируются основныя черты характера и міросозерцанія. Она

Вотъ, напр., какъ Лицестинъ Мудрецъ, вѣдѣвшійся самобытникомъ, пишковаго толка. Сталъ я въ дѣсу и думалъ, какъ бы явилась всѣмъ профессорамъ-чужестранцамъ изъ Россіи, а на мѣсто ихъ поставить въ университеты самодѣловъ и мужеч. Теперь въ классѣхъ говорять о правахъ естественныхъ, а преподають только теорію, а подъ профессорствомъ т. Мухомъ малъ, разирая колѣни мною, любиле, повторилъ бы естественное право на самой душѣи практикѣ.

² В. Н. Карашинъ въ 1820 г. оумѣнть въ мѣстникѣ любовныиши индѣскии обманъ — называть государя дуракомъ — В. Н. Семеновки, Белое 1907 II.

Николай Ивановичъ
ТУРГЕНЕВЪ.

¹ Она изъ главъ романа «Фатама», написанаго въ декабрѣ 1815 г. послѣ заглавія: «Право естественное». Доказательство интереса Пушкина къ лекціямъ Кунцица.

² Въ 1821 г. Галичъ своимъ повѣщеніемъ не оправдалъ этихъ комплиментовъ.

³ Воспом. въ Парк. С. — первое стихотвореніе Пушкина съ общественнымъ содержаниемъ — было написано по совѣту Галича.

возбудила дѣлвй вихрь раздвигающихъ горизонтъ мыслей и чувствъ. Либеральное настроеніе, охватившее русское общество послѣ заграничныхъ походовъ, тоже нашло въ Лицеѣ подходящую почву. Лицейъ сдѣлался хранилищемъ запрещенной литературы (Р. Ст. 1877, апр., 657). Пушкинъ, еще нося лицейскій мундиръ, былъ постояннымъ гостемъ въ «артели» Семеновскаго полка, изъ которой вскорѣ образовалось тайное общество. По словамъ доноса 1826 г., лицеисты «уѣзжали въ Петербургъ и кулачили съ офицерами». Во время пребыванія въ Царскомъ Селѣ гусарскаго полка (1816—1817 гг.), въ которомъ либерализмъ свилъ прочное гнѣздо, между офицерами полка и воспитанниками лицея было постоянное общеніе ¹⁾. Особенно популярны были среди лицейцевъ «Брутъ» и «Периклесъ» Чаадаевъ. Тогда же началась дружба Чаадаева съ Пушкинскимъ (Р. В. 1862 XI, 124). Въ числѣ гусарскихъ друзей Пушкина были еще Николай Раевскій, примыкавшій по взглядамъ къ декабристскому кругу, и Каверинъ, который, хотя и отличался «скпоской жаждой», однако, былъ человѣкъ мыслящій ²⁾. Въ Каверинѣ Пушкинъ видѣлъ доказательство того, что «дружно можно жить и съ книгой и съ бокаломъ» и «умъ высокій можно скрыть безумной наглостію подъ легкимъ покрываломъ». Сношенія съ гусарскимъ кружкомъ не ограничивались «скутежами на распашку», о которыхъ говоритъ Корфъ, — они помогали гражданскому воспитанію Пушкина.

Лицеисты покидаютъ свои «хранительныя сѣни», не зная дѣйствительности, но «сердцемъ чистые, въ правдѣ смѣлые», какъ говорилось въ прощальной пѣснѣ Дельвига. Дельвигъ никогда не отличался гражданскими стремленіями, и декабристскій тонъ его пѣсни только отражалъ настроеніе товарищей:

Мы дали клятву: все родимое,
Все безъ раздѣла—кровь и трудъ!
Готовы въ бой непоколебимо,
Неколебимо правды въ судъ!
Храните, о трудя, храните
То жь къ правдѣ юное стремленье,
Ту жь юную ко славы кровь!

¹⁾ Жихаревъ, В. Е. 1871, июль.

²⁾ Онъ учился въ Геттингенѣ 1810—1812, вмѣстѣ съ младшимъ братомъ П. Тургенева—Сергѣемъ (M. Wischnitzer, Die Univ. Gott.).

Лицей справедливо считался разсадникомъ вольнодумства. «Свободомыслие, вуншенное лицеистамъ въ высочайшей степени,—говоритъ Штейнгель,—поставило ихъ въ совершенную противоположность со всѣмъ, что они должны были встрѣтить въ жизни» (А. К. Бороздинъ, Изъ показаній декабристовъ, 66). Въ 1826 г. была представлена по начальству дѣлая записка о зловредности «Лицейскаго духа»: «Въ свѣтѣ называется лицейскимъ духомъ, когда молодой человѣкъ порицаетъ всѣ мѣры правительства, знаетъ всѣ самыя сильныя мѣста изъ революціонныхъ сочиненій. Онъ долженъ толковать о конституціяхъ и представляться филантропомъ и русскимъ патриотомъ. Вѣрноподанный—значить укоризну на ихъ языкѣ: европеецъ, либераль—почетныя названія» ¹⁾.

Первый выпускъ Лицея далъ нѣсколько лицъ декабристовъ. Пушкинъ былъ принятъ въ тайное общество сейчасъ по окончаніи курса. «Бурцевъ нашелъ, что, по мнѣніямъ и убѣжденіямъ, вынесеннымъ изъ Лицея, я готовъ для дѣла» (Майковъ, 69). Вмѣстѣ съ Пушкинскимъ, былъ принятъ и первый ученикъ Лицея—«Sapientia» и «Суворочка» Вальховскій ²⁾:

Спартакскою душой пѣвляя насъ,
Воспитанный суровою Мисервою,
Нускай опять Вальховскій садеть первый
1825.

«Анахарсисъ-Клоузъ» Кюхельбекеръ вступилъ въ общество передъ самымъ 14 де-

¹⁾ О лицейскомъ либерализмѣ—А. П. Михайловскій-Данилевскій Р. Ст. 1890 XI, 305. В. П. Каразинъ Р. Ст. 1899 V, 279. Гротъ, Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники, 278, В. П. Семеновскій Былое 1907, II.

²⁾ Майковъ 69, Гротъ 252, Зап. вл. Трубецкого 34, Бороздинъ 163 и 176. Участіе Вальховскаго въ тайномъ обществѣ оставалось незамѣченнымъ проф. Довнаръ-Запольскій думаетъ его съ Волконскимъ—напр., на стр. 6 «Тайнаго общества». Какъ видно изъ дѣла его, съ которымъ мнѣ удалось ознакомиться, благодаря любезности В. П. Семеновскаго, Вальховскій проявлялъ малодѣятельности въ качествѣ члена общества, но оставался въ обществѣ до 1825 г. Онъ всегда былъ на сторонѣ конституціонной монархіи (показ. Рылѣва и Назимова). Въ 1823 г. Вальховскій принималъ участіе въ важномъ совѣщаніи у Пушкина, гдѣ рѣшено было усилить дѣятельность Свѣрнаго общества. Тогда же онъ присутствовалъ на чтеніи конституціи Ник. Муравьева на квартирѣ Рылѣва. Въ концѣ концовъ, его освободили отъ суда по незначительности обвиненій. О его службѣ на Кавказѣ—въ запискѣ декабриста Розена. Письмо Пушкина къ нему въ 1835 г.

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ РАХИЛЪ.

кабря, но онъ былъ готовъ для принятія и раньше.

Преподаваніе, либеральныя гусары, товарищи—все это придадо опредѣленныя формы вольнолюбивымъ стремленіямъ Пушкина. Уже со времени перехода въ студенческіе классы (осенью 1814 г.), въ его поэзіи—среди вѣснень «легкокрылаго веселья»—начинаютъ проявляться общественныя интересы. Прежде всего это были отклики на грандіозныя событія 1812—1815 гг. Въ 1836 г. Пушкинъ вспоминалъ, съ какимъ волненіемъ лиценсты провожали войска, шедшія мимо Царскаго Села, и какъ жаждали принять участіе въ великой борьбѣ:

Вы помните: текла за ратью рать,
Со старшими мы братьями прощались,
И въ сѣнь паукъ съ доской возвращались,
Завидуя тому, кто умирать
Шелъ мимо насъ...

Въ это время Пушкинъ далекъ отъ позднѣйшаго своего взгляда на Наполеона. Онъ для него не великій человекъ, который «русскому народу великій жребій указалъ и міру вѣчную свободу изъ мрака ссылки завѣщалъ»,—а «тиранъ», «хищникъ», мелодраматическій злодѣй, свирѣпо шепчущій угрозы, царь, вѣчный коварствомъ и дерзостью. Борьба съ нимъ—это борьба за правду и свободу.

... Воспымалъ свободы прии бой!

Пушкинъ раздѣляетъ всеобщій восторгъ передъ молодымъ царемъ, который далъ святую клятву—«отъ ита оградить страну свою родную».

Тебѣ, вать храбрыи царь, хвала, благодаренье!

Въ Александръ I онъ видитъ «строгаго ангела», подвизающагося противъ тирана и освободившаго Европу:

Какъ былъ великъ, какъ былъ прекрасенъ онъ,
Царювъ зрѣль, спаситель нхъ свобода!

Эту восторженную любовь къ царю переживали тогда вѣб будущіе декабристы. «Подвигаясь впередъ съ оружіемъ въ рукахъ и призывая каждого къ свободѣ, онъ былъ прекрасенъ въ Германіи—но былъ еще прекраснѣе, когда мы пришли въ Парижъ. Въ это время республиканецъ Лавгаръ могъ только ратовать въ дѣйствіемъ своего питомца» (Якушкинъ).

У юнаго Пушкина на первомъ планѣ родина, а царь восхваляется, только какъ

ея слуга и освободитель отъ иноземнаго ига. Въ «Воспоминаніяхъ въ Царскомъ Селѣ»—сквозь грохотъ Державинскаго одоушья слышится голосъ того живого, почтеннаго патриотизма, который привелъ декабристовъ на Сенатскую площадь:

Края Москвы, края родные,
Гдѣ ва дарѣ цвѣтущихъ лѣтъ
Часы безлѣности я тратилъ золотые,
Не зная горестей и бѣдъ,
И вы нхъ видѣли, враговъ мои отечины,
И васъ бадила кровь и пламень пожиралъ!
И въ жертву не принесъ я мщенія вамъ
и жизни—
Вотще лишь глѣбомъ духъ пылалъ!

Пушкинъ вспоминалъ свое прежнее ощущеніе, когда писалъ въ 1821 г.:

Въ Москвѣ не царь, въ Москвѣ Россія!

Тѣмъ же патриотизмомъ декабристскаго отѣвика проникнута ода: «На возвращеніе государя изъ Парижа», полная участливой заботы о благополучіи «селянина», «Громъ побѣды» не соблазняетъ Пушкина... Онъ призываетъ царя—оставить «племя стальное» и склонить «смиренья полный взглядъ» на свой народъ:

Счастливыи селянине, не зная бурныхъ бѣдъ,
Но шивамъ повлечеть плугъ, миромъ плошрешныи:
Сута дегучиа, торговлеи окрыленыи,
Кормами разбѣгутъ свободныи океаны.

И ему рисуется идеалическая картина, какъ молодежь соберется вѣкогда вокругъ старца, который—

Словами истины, свободными, простыми
Нмъ славу прощыхъ лѣтъ въ разсказахъ
озвннть
И тобрато царя въ слезахъ благословить.

Русская интеллигенція—главнымъ образомъ, либеральное офицерство—ждала, что по возвращеніи изъ-за границы Александръ I, «скорифей европейскии либераломъ»¹⁾, примется за реформы—и ода Пушкина явилась выраженіемъ этой надежды.

Одновременно появляются первыя мысли о политической свободѣ. Посланіе «Инципию», написанное въ духѣ классическаго республиканства, кончается знаменательными словами:

Своботой Римъ выросъ, а рабствомъ поубавенъ,

¹⁾ Якушкинъ. См. еще—Зап. Фонвизина, Ост. Арх. I—20—21, предисловіе 35. В. Ся въ его *Traité d'économie politique* (Paris, 1814).

Въ пьесахъ «Другъ истины» Дамета противъ Рима, гдѣ продажно все: «законы, правда, и консулы, и трибуны» — нельзя не видѣть намековъ на русскую действительность. Критическое отношеніе къ действительности обнаруживается и въ «Бонѣ». Советъ «многочислящихъ» бородачей живо напоминаетъ Котомининскую старину, а о Бендокирѣ Слабоумномъ — Людовикѣ XVI — говорится советамъ не въ томъ любителя законной власти.

Слова — свобода, свободный, гордый и т. д. — дѣлаются любимыми понятіями Пушкина. Рядомъ съ идеаломъ политической свободы — созрѣваетъ его идеалъ личной независимости, свободы индивидуалистической. «Другъ истины» Дамета («Индія») уходитъ изъ продажнаго Рима въ деревню. Пушкинъ тоже мечтаетъ о деревенской свободѣ:

... Намъ
Уединеніе и свободу
1817.

Кончая курсъ, Пушкинъ былъ уже пропущенъ декабристскимъ либерализмомъ. По словамъ Пушкина, Пушкинъ всегда мыслить одинаково съ нимъ о «дѣлѣ общемъ» (*res publica*). Прощаясь съ Кюхельбекеромъ, нашъ поэтъ желалъ ему не «разставаться со свободой»,

Самъ онъ тоже хочетъ только свободы:

Не русь я грубою въ капитаны
И не ползу въ ассессора.

Для служебныхъ усѣховъ надо являться «спокорнымъ плутомъ у плута знатнаго въ приходежъ», и Пушкинъ предоставляет это тому, кто «рожденъ быть вельможей» и «любить не честь, а почести». У Пушкина другія желанія, другія мысли. Русскіе порядки заставляютъ его почти ненавидѣть свое отечество и мечтать о западной цивилизации, которую онъ, впрочемъ, по собственному сознанию, мало знаетъ:

Красень думникъ несомнѣнный любитель,
И своего вселеннаго обвинитель,
Я говорилъ въ отечествѣ моемъ
Гдѣ вѣршии умъ, гдѣ тени мы найдемъ?
Гдѣ преданшии съ душою благородномъ,
Возвѣщенномъ и пламенно-свободномъ?
Отечество почти я ненавиждь! 1817.

II.

Въ то время, когда Пушкинъ вступалъ въ свѣтъ, либерализмъ былъ господствующимъ настроеніемъ въ широкихъ кругахъ общества. «Строгость правилъ и политическая экономія были въ модѣ» (Романъ въ письмахъ 1832 г.). Дэнли, въ родѣ Евгенія Олбигна, читали Адама Смита и умѣли разсуждать о томъ,

Какъ государство
богатѣеть,
И чѣмъ живеть, и
почему
Не надо золота ему,
Когда простой продуктъ имѣть.

Даже дамы толковали о Бентамѣ и Сѣѣ (Олбигнъ, гл. I).

Пушкинъ, такимъ образомъ, встрѣчалъ политику повсюду. Духъ времени сказывался и въ шумочныхъ застѣваніяхъ «Арзамаса», членами котораго были тогда Н. Тургеневъ, М. Орловъ, Никита Муравьевъ.

Веселый кружокъ «Зеленой лампы» тоже былъ мѣстомъ политическихъ разговоровъ. Декабристъ Фонвизинъ считаетъ даже его отдѣленіемъ «Союза Благоденствія»²). Дѣйствительно, въ этомъ кружкѣ не только танцли. Въ числѣ лампистовъ были члены тайнаго общества — кн. С. Трубецкой, вовсе не расположенный къ оргастическимъ развлечениямъ.

¹ Написано черезъ полгода послѣ окончанія Лицея.

² Пестель въ своихъ показаніяхъ, ссылаясь на Трубецкого, тоже причисляетъ Зеленою лампу къ танцевальнымъ обществамъ — можетъ быть, не безъ зашипен дѣла.

Кондратій Федоровичъ
РЫБЗЕВЪ.

піямъ, и Яковъ Толстой, «философъ ранній», который, по словамъ Пушкина, «пронмывалъ на лампаду Эпиктета златой Горацийевъ фіалъ»¹⁾. Недолгимъ гостемъ въ кружокъ Всеволожскаго былъ Якубовичъ—будущій декабристъ, а пока—дулистъ и отчужденный кугида²⁾. Пушкинъ потомъ называлъ его «стеремъ своего воображенія»: «въ немъ въ самомъ дѣлѣ много романтизма» (1825 г.). Трубецкому «Зеленая лампа», повидимому, казалась возможнымъ ятромъ тайнаго общества. Участники ея—Всеволожскій, Энгельгардтъ, Мансуровъ, судя по обращеніямъ къ нимъ Пушкина, подумывались либеральнымъ возрѣніемъ эпохи. Любовь, вино, веселые разговоры—перемѣшивались съ язвительными аниграммами

Пасечь длуца, вель-
можи длого,

Пасечь ходопа дн-
шного,

Пасечь небеснаго
царя.

А иногда пасечь д-
многа.

«Поговори мнѣ о себѣ, — пишетъ Пушкинъ Мансурову въ Новгородѣ, — о воспичныхъ поселеніяхъ—это все мнѣ нужно—потому что я люблю тебя—и ненавижу де-снотизмъ — прощай, лапочка». Этотъ тонъ типиченъ для «Лампы». Но иногда бывали и серьезные споры.

И радоралсъ наши споры
Отъ искръ и шутковъ и вина³⁾.

Кружокъ, собиравшійся вокругъ уютной лампы, давалъ просторъ уму и чувству.

Мнѣ во сто разъ милѣе

Объ отношеніяхъ Я. Толстого къ таинному обществу — Н. Е. Щеголевъ, Пушкинъ и его современники, II. Ср. въ I т. настоящаго изд. статьи Н. О. Морозова, Алексѣя Всеволожскаго и Б. А. Модзалевскаго — стр. 486, 542, 560.

¹⁾ Въ 1818 г. Якубовичъ былъ переведенъ на Кавказъ.

²⁾ Письмо къ Я. Толстому 1822 г.

Младшихъ повесть счастливаго семья,

Гдѣ умъ вличетъ, гдѣ въ мысляхъ волонья,
Гдѣ споръ вѣдухъ, гдѣ чувству ютъ силки бѣды.

Пушкинъ былъ чуть ли не ежедневнымъ гостемъ у Тургеневыхъ, гдѣ происходили сборища «высокоумныхъ молодыхъ вольнодумцевъ»—будущихъ декабристовъ Висель, VI, 10; см. также Ост. А. I, 110). Въ Петербургѣ окрѣпла его духовная связь съ Чаадаевымъ: Чаадаевъ двластия его думчима, «единственнымъ» другомъ. Молодой поэтъ живетъ въ тѣсномъ сердечномъ общеніи съ товарищами—

лицеистами Пушкинымъ и Кюхельбекеромъ, изъ которыхъ первый уже успѣлъ послужить въ тайное общество. Среди его друзей находятся—Николай Раевскій, который тогда, по собственному наказанію передъ судомъ, былъ еще противникомъ самодержавія¹⁾, и такой же нестройной декабристъ Кривцовъ, либеральнаго англійскаго типа, заслужившій репутацію якобинца и вольтерянца²⁾. Въ «Зеленой лампѣ», въ «Арзамасѣ», въ «Вольномъ обществѣ любителей россійской словесности», въ свѣтскихъ салонахъ, у Чаадаева, у Н. Тургенева, вездѣ Пушкинъ сталкивался съ членами тайнаго об-

щества или съ близкими имъ единомыш-

³⁾ Онъ съ братомъ Александромъ были пер- вое схвачены на юбѣ.

²⁾ Въ 30-хъ г. Кривцовъ составилъ проектъ освобожденія крестьянъ посредствомъ выкупа, въ общемъ сходнѣ съ положеніями 19 февраля Раевскій, В. Е. 1887, N 12. Это младшій братъ Сергѣи былъ въ числѣ декабристовъ. Въ 1818 г. Кривцовъ уѣхалъ въ Англійю, но и отсюда продолжалъ раз- вращать Пушкина своимъ безбожествомъ и политическимъ вольнодумствомъ. Ост. Арх. I, 117. Крив- цовъ былъ на 8 лѣтъ старше Пушкина, обладалъ солидными знаніями, спеціально по общественнымъ вопросамъ,—и это дало ему руководящую роль въ кружкѣ съ Пушкинскими. Ср. I т. настоящаго изд. стр. 488.

Александръ Алексанровичъ
БЕСТУЖЕВЪ,
Маршальскій.

денниками. Мы видимъ его въ сношеніяхъ съ Грибоедовымъ, А. Бестужевымъ, Рыльцевымъ¹⁾, Якушкинымъ²⁾, М. Орловымъ³⁾. Онъ дружилъ съ поэтомъ Ю. П. Глинкой, однимъ изъ учредителей «Союза Благоденствія». Пушкинъ отдавалъ должное гражданскимъ добродѣтелямъ Глинки и даже позволялъ ему наставлять себя на путь истинный⁴⁾, но при этомъ не могъ удержаться, чтобы не посягнуть надъ его богомольной музой:

Нашъ другъ Онта, Кутейкинъ въ эпюстахъ,
Бормочетъ намъ растянутый псаломъ.—
Поэтъ Онта, не становится фертомъ,
Дычекъ Онта, ты ищца въ поэтахъ 1823.

По поводу этой эниграммы Пушкинъ просилъ Вяземскаго «не выдавать» его: «Онта бо другъ моего сердца, мужъ благъ, незлобивъ, удаляйся всякія скверны»⁵⁾.

Черезъ П. Тургенева Пушкинъ сошелся съ кружкомъ «молодыхъ яковинцевъ», собиравшихся въ домѣ писателя М. П. Муравьева—у его сына Никиты. Тамъ были—Илья Долгоруковъ (одинъ изъ основателей тайнаго общества, потомъ отставной), кн. Сергій Трубецкой, М. С. Лушинъ⁶⁾ и др. («Русскій Пеламъ»). Первенствовалъ здѣсь Никита Муравьевъ—«пылкій и умный молодой человекъ», характеризуетъ его Пушкинъ.

Въ этомъ «обществѣ умныхъ»—по нѣскольку пролическому опредѣленію Пушкина—онъ видѣлъ мало живого пониманія вещей и много доктринерства. Уже тогда опредѣлялась духовная грань между нимъ и декабристами. Они не сходились, напр., въ оцѣнкѣ «Исторіи» Карамзина. Критику Ник. Муравьева Пушкинъ считалъ односторонней и узкой. Какъ поэтъ, онъ былъ очарованъ широкой картиной старины, нарисованной рукой мастера, и прощалъ за это Карамзину его политическую тенденцію, которую, однако, высмѣивалъ въ своихъ эниграммахъ. Точно такъ же Пушкина возмущала патріотическая претензія М. Орлова,

¹⁾ Рыльцевъ прѣхалъ въ Петербургъ около начала 1820 г.; въ тайное общество былъ принятъ въ 1823 г.

²⁾ Они познакомились у Чаадаева, который былъ сослуживцемъ Якушкина по Семеевскому полку.

³⁾ См.—Гершензонъ, Блгое 1906, окт., стр. 368.

⁴⁾ Р. Арх. 1866, ст. 917.

⁵⁾ Потомъ, когда Глинка подвергся ссылкѣ, Пушкинъ хлопоталъ объ немъ Р. А. 1880, т. III—2.

⁶⁾ Лушинъ былъ въ родствѣ съ Ник. Муравьевымъ и Батюшковымъ. На знакомство его съ Пушкинымъ есть указаніе въ Ост. Арх. I, 130.

который нехаль Карамзину, зачѣмъ тотъ не помѣстилъ въ началѣ исторіи какой-нибудь «блестящей» гипотезы о происхожденіи славянъ,—т. е., говорилъ Пушкинъ, требовалъ отъ исторіи романа: ново и смѣло! (1825 г.)

Но среди этихъ мимолетныхъ встрѣчъ и неглубокихъ отношеній дѣйствительно важное значеніе имѣли только духовная связь съ Чаадаевымъ, идейное общеніе съ П. Тургеневымъ и крѣпкая сердечная дружба съ Пушкинымъ и Кюхлей. Пушкинъ и Кюхельбекеръ составляли ту сердечную нить, которая соединяла Пушкина съ декабристами. Мысль о Пушкинѣ играла всегда крупную роль въ его психологіи. Идеальность въ благородѣйшемъ смыслѣ слова, съ кристально-чистой душой и честнымъ, самоотверженнымъ характеромъ, Пушкинъ выискивалъ своему геніальному другу чувство особаго душевнаго уваженія. Дружба съ нимъ не терялась среди многочисленныхъ привязанностей Пушкина, выдѣляясь какой-то сердечной сосредоточенностью, особой серьезностью. Въ обращеніяхъ къ нему всегда слышатся глубокіе душевные звуки. При упоминаніи о немъ у Пушкина точно мѣняется голосъ:

Товарищъ мнѣнй, другъ прямой,
Трахнемъ рукою руку!

Но между друзьями—еще въ лицейскую пору—происходили «размовки дружества», которыя давали только лучше чувствовать «сладость примиренья». «Въ иныхъ случаяхъ, — говоритъ Пушкинъ, — мы рази смотрѣли на людей и вещи; откровенно сообщая другъ другу противорѣчащія наши воззрѣнія, мы все-таки умѣли ихъ сгармонировать и оставались въ постоянномъ согласіи».

Перѣдко и брашмса,

Но чашу дружества намѣмъ—

И тотчасъ пошримса.

Уже тогда намѣчалось расхожденіе, расколъ духовныхъ началъ, воплощеніемъ которыхъ были эти двѣ жизни: великаго альтруизма и великаго, солнечнаго эгоизма. Оба понимали, что не имѣютъ права судить другъ друга. Пушкинъ становился чище въ обществѣ Пушкина, бросалъ съ нимъ тотъ тогъ, въ которомъ, напр., переносывался съ Вяземскимъ, а Пушкинъ просвѣтлялся подъ вліяніемъ его духовной легкости. Говоря о нѣкоторыхъ проявленіяхъ этой легкости, Пушкинъ бросаетъ многозначительныя слова: «Видно, не могло быть иначе: видно, нужна

была и эта разработка, колоновидная намъ, слѣпымъ, глаза». Къ общественному служенію Пушкина, который промѣнялъ военную карьеру на скромное мѣсто надворнаго судьи, Пушкинъ относился съ благоговѣйнымъ вниманіемъ:

Ты освятилъ любовью избранной санъ,
Ему въ очажь общественного мѣшца
Завоевавъ почтеніе гражданъ.

Въ 1820 г. друзья разстались и свидѣлись только въ 1825 г., когда Пушкинъ пріѣхалъ къ опальному поэту въ Михайловское.

... Поэта томъ
опальнымъ,
О Пушкинъ мой, ты
первымъ посетилъ.

Объ этомъ посещеніи говорится и въ прощальныхъ стихахъ, полученныхъ Пушкинымъ въ Сибирь:

И я тотъ день благо-
словилъ,
Когда мой дворъ
уединенъ,
Печальнымъ сіяемъ
занесенъ,
Твой колокольчикъ ог-
ласилъ.

Надъ Кюхлей Пушкинъ много смѣялся—особенно въ юные годы,—но сердечное любилъ его. Онъ называлъ его въ 1825 г. «роднымъ братомъ по мужб. по судьбамъ»—оба они находились въ гоненіи. Участіе Кюхельбекера въ бунтѣ вызывало въ дружеской лицейской компаніи шуливое отношеніе. Дельвигъ писалъ, что Кюхля былъ воспламененъ, какъ длинная ракета, а Пушкинъ парировалъ въ смѣшномъ видѣ, какъ Кюхля стрѣляетъ. Но эти добродушные шутки не мѣшали Пушкину относиться къ Кюхельбекеру съ трогательной сердечностью. Вотъ какъ двойной товарищъ Кюхельбекера—Пушкинъ—писалъ о немъ своему директору Энгельгардту въ 1845 г. изъ Сибиря: «Если бы вамъ разсказать все проѣздки Вильгельма въ день прощешствія и въ день объявленія сеншенцій, то вы просто погибли

бы со смѣху, несмотря на то, что онъ тогда былъ на сценѣ довольно трагической». (Грога). После ссылки Кюхельбекера Пушкинъ хлопоталъ объ его «Шкорскомъ», называетъ его не иначе, какъ «нашъ Кюхля», «мой бѣдный Кюхельбекеръ»¹⁾.

Вліяніе Чаадаева начинается еще съ лицейской поры:

Ты сердце звалъ мое по цѣлѣ юныхъ шепт —

Чаадаевъ только въ 1821 г. былъ принятъ въ тайное общество (Зап. Якушкина; М. О. Гершензонъ, Чаадаевъ, Сиб. 1907), но онъ и раньше былъ декабристомъ по настроенію и взглядамъ. Слышаніемъ его мѣшани, смѣиваясь въ немъ—въ виду своеобразія его характера и міросозерцанія. Чаадаевъ не обладалъ общественнымъ темпераментомъ; онъ былъ уединенный мыслитель. Дѣйствительность была для него предметомъ наблюденія и размышленія, но не мучила его, какъ, напр., Н. Тургенева. Отъ общественного дѣланія онъ какъ то сторонился. Разгадка этого — въ письмѣ къ брату отъ 25 мая 1820 г.: «Меня называютъ демагогомъ. Глушцы! они не понимаютъ, что кто презираетъ свѣтъ, не станетъ заботиться о его исправленіи» (Гершензонъ, 17). О разочарованности Чаадаева говоритъ Пушкинъ: «Чаадаевъ вымылъ мнѣ голову, да Пльшника; онъ находитъ, что онъ недостаточно blasé; Чаадаевъ, по несчастію, знаетъ по этой части. Оживи его прекрасную душу, поэтъ!» Вяземскому, 6 III 1823 г. Отъ Чаадаева — «безстрастнаго наблюдателя въ пре-

Вильгельмъ Карловичъ
КЮХЕЛЬБЕКЕРЪ.

¹⁾ Въ 1827 г. Пушкинъ по дорогѣ въ Петербургъ встрѣтилъ Кюхельбекера, которого переодели изъ одной крѣпости въ другую, и онъ встрѣча странно вѣдывала обоимъ.

²⁾ О своемъ вліяніи на Пушкина именно во времена Лицея свидѣтельствуетъ и самъ Чаадаевъ. Мамъковъ, 328.

ной тоны»—Пушкинъ учился презрѣннѣю къ свѣтской черни:

Ужъ голосъ клеветы не могъ меня обидѣть,
Умъ и предразрѣть...

Но, несмотря на свою пессимистическую складку, Чаадаевъ знаетъ власть мечты. Разговоръ его манилъ куда то, раскрывая невѣдомые горизонты. Въ немъ уже тогда были зародки позднѣйшаго мистицизма. Съ нимъ Пушкинъ отдавался «вольнопобивымъ надеждамъ»:

Всегда мудрецъ, а иногда мечтатель—

Это сочетаніе холода и свѣта, холодной проиы и свѣтлыхъ мечтаній чаровало Пушкина. Несомнѣнно, что, говоря о дружбѣ своей съ Олѣвичымъ, онъ вспоминалъ Чаадаева:

Мнѣ нравились его черты,
Мечтамъ невольная преданность,
Ненужная страшность,
И рѣкѣ, охладившимъ умъ... 1823 г.

И не о Чаадаевѣ ли онъ думалъ, когда писалъ:

Кто злѣе и мзислѣе, тотъ не можетъ
Въ душѣ не презирать людей!¹ 1823 г.

Декабристы цѣнили въ Чаадаевѣ крупную силу. Бенкендорфъ въ запискѣ о тайныхъ обществахъ, поданной Александру I въ 1821 г., говоритъ, что Чаадаевъ «воспитывается для общества» (Шильдеръ, Александръ I, IV). Николай Тургеневъ въ 1820 г. заинтересованный сужденіями Чаадаева объ освобожденіи крестьянъ, пишетъ ему цѣлое письмо, гдѣ убѣждаетъ его сдѣлать «изъ этого своего дѣла предметъ своихъ занятій и размышленій». «Дѣйствуйте, — пишетъ онъ, — «обогащайте насъ сокровищами гражданственности» (Гершензонъ, 2).

Дружба Пушкина съ Чаадаевымъ, какъ и съ Олѣвичымъ, имѣла особенный характеръ. Изъ сблизжали мечты о прекрасной, справедливой жизни и культъ личной независимости. Оба выше всего ставили индивидуальныя запросы духа. Чаадаевъ дѣйствовалъ на Пушкина не столько уметвенно, сколько обаяніемъ всей своей личности. Когда они познакомились, Чаадаеву было едва 22 года. Онъ былъ цѣбно красивъ и цзящно гордъ. Ни о комъ Пушкинъ не говорилъ въ такихъ выраженіяхъ любви, какъ

о Чаадаевѣ. «Получилъ письмо отъ Чаадаева, — записано въ Книжневскомъ шевчикѣ, въ 1821 г. — Другъ мой, упрёки твои жестоки и несправедливы: никогда я тебя не забуду. Твоя дружба замѣнила мнѣ счастье — одного тебя можетъ любить холодная душа моя»:

Ничто не замѣнилъ единственнаго друга:
Одно желаніе: останься ты со мною—
Небесъ я не томилъ моливого другой... 1821 г.

Въ Книжневѣ онъ вспоминаетъ о совместныхъ чтеніяхъ — «живыхъ разговорахъ знакомыхъ мертвецовъ»:

... посмотримъ, перечтемъ!

Въ тихомъ кабинетѣ Чаадаева, въ его манящей, вдумчивой бесѣдѣ—Пушкинъ отдыхалъ отъ «соргій жизни шумной» и отъ буръ чувственности, Чаадаеву Пушкинъ приписывалъ спасеніе лучшихъ своихъ чувствъ—любви къ правдѣ и свободѣ:

Ты былъ цѣлителемъ моихъ душевныхъ силъ,
О, неизлѣпимый другъ, тебѣ я посвятилъ
... чувства, можетъ быть, спасенныя тобою...
Ты видѣлъ, какъ потомъ въ волненій страстей
Я ташо пивывалъ, страдаюцъ утомлен-
нымъ...

Во глубину души винкая строгимъ взоромъ,
Ты оказывалъ се совѣтомъ пль укоромъ,
Твой жаръ воспламенялъ къ высокому любовь.

Воспламенялъ къ высокому любовь—вотъ въ чемъ было значеніе Чаадаева, для Пушкина.

А въ отношеніи идейнаго содержанія Пушкинъ больше былъ обязанъ Николаю Тургеневу.

Николай Тургеневъ былъ тогда весь поглощенъ мыслью объ освобожденіи крестьянъ. Въ 1818 г. онъ издалъ свой «Опытъ теоріи налоговъ», гдѣ проповѣдывалъ идею «представительства народнаго», выводя ее, подобно Куницыну, изъ теоріи общественнаго договора²), и говорилъ о несправед-

¹ И въ 1821 г.: «Съ моимъ Чаадаевымъ читалъ».

² Люди, соединившись въ общество, — говоритъ въ началѣ книги Тургеневъ, — и, вручивъ правительству власть верховную, вручили ему вмѣстѣ съ тѣмъ и право требовать налоговъ. Но не должно смѣшивать право требовать податей съ правомъ налагать ошъ. Если первое вездѣ неоспоримо принадлежитъ правительству, то въ послѣднемъ оно бываетъ иногда ограничено. Во мнѣнхъ государствъ введеніе налога дѣлается съ согласія народныхъ представителей. Тамъ польза сего согласія ощутительна не только для народа, но и для самого правительства. «Опытъ», стр. 11—13.

¹ Другимъ оригиналомъ Олѣвина, кромѣ самогъ Пушкина, могъ быть Александръ Раевскій.

ливости угнетенія одного класса гражданъ другимъ» (стр. II—13, 137, 568). Рабство крестьянъ волнуетъ его и мучитъ. «Единая мысль одушевляетъ меня, — говорится въ письмѣ къ Чаадаеву, — единую цѣль предлагаю себѣ въ жизни, одна надежда не умерла еще въ моемъ сердцѣ: освобожденіе крестьянъ». Онъ скорбнѣлъ, что нельзя публично говорить «о невинности рабствѣ, показывать всю его мерзость и беззаконность» (Ост. А. I, 103). Тургеневъ не ограничивался пропагандой — онъ и на дѣлѣ являлся крестьянскому заступнику (см., напр., Ост. Арх. I, 152). Онъ не теоретически осуждалъ крѣпостное право, но всемъ сердцемъ болѣлъ о немъ.

Связь Пушкина съ П. Тургеневымъ была чисто идейная. Личной дружбы между ними не было и не могло быть. Слишкомъ велика была разность характеровъ, образованія и возрастовъ (Тургеневъ былъ на 10 лѣтъ старше). Пушкину очень импонировали знанія Тургенева. Въ запискѣ о воспитаніи, написанной по заказу Николая I Пушкинъ указываетъ на «справедливость» и «умѣренность» П. Тургенева, какъ на слѣдствіе «петината просвѣщенія» и «положительныхъ познаній». Во время суда надъ декабристами Пушкинъ безпокоился о судьбѣ Тургенева: «Правда ли, что Николая Тургенева привезли на корабль въ Петербургъ? Вотъ каково наше море блаженое!»

Молодой поэтъ со вниманіемъ и любовью прислушивался къ сужденіямъ Тургенева и заражался его пафосомъ. Она «Вольность», написанная, по словамъ Вигеля, на квартирѣ Тургеневыхъ, построена на теоріи общественнаго договора, которую Тургеневъ и Кунцынъ вывели изъ Фейтлина. Подъ явнымъ вліяніемъ Тургеневскихъ мыслей о крестьянахъ написана

«Деревня», проникнутая глубокой скорбью о рабствѣ. П знаменитыя заключительныя строки «Деревни» представляютъ несомнѣнное отраженіе не исчезнувшихъ надеждъ Тургенева на реформу свѣтше:

Увижу ль я, трузья, пароть неуметельный
И рабство, наше по маню царя—
И надъ отечествомъ свободы просвѣщенной
Взойдетъ ли наконецъ прекрасная заря...

III.

Пушкинъ жилъ бурной личной жизнью, но среди мучительнаго угара страстей въ «душевной глубинѣ» его шла серьезная, творческая работа — созрѣвали высокія думы о прекрасной, правдивой, солнечной жизни.

... нечаяно заблужденія
Съ идущими по
души мей—
И возникаютъ въ не
вѣстныя
Первоначальныхъ чи
стыя мей...

Какъ ли смотрѣть на отношенія Пушкина къ декабристамъ, одно остается не пререкаемымъ: Пушкину принадлежатъ самыя полныя и красочныя политическія воплощенія освободительныхъ идеаловъ эпохи. «Это были мечты о свободѣ, величій и счастья отечества,

говорить одинъ изъ младшихъ декабристовъ, А. Бѣляевъ. Все мы мечтали о золотомъ времени народныхъ собраній, гдѣ царствуетъ пламенная любовь къ отечеству, свобода, ничѣмъ и ничѣмъ не ограниченная, кромѣ закона, полное благосостояніе народа. Словомъ, въ нашихъ мечтахъ осуществлялся мучимы идеалъ все совершеннаго — счастья и медовѣческой орода на земля въ». Стихи Пушкина — яркая иллюстрація этого пастроянія. Онъ тоже «любитъ Россію чистю» и горячо вѣритъ въ близкое воцареніе свободы, которая представляется ему въ та-

Кн. Семѣй Генриковичъ
ВОЛКОНСКІЙ.

комъ же осуществительномъ сійии. Конституція это для него не просто форма правленія, а «пльвнительное счастье». Онъ хочетъ побѣдить скептицизмъ Чаадаева и обратиться его силы къ общественной борьбѣ:

Товарищъ, вѣрь, вздохнешь она —
Зара пльвнительнаго счастья—
Россия встанетъ ото сна
И на облачкахъ самовластья
Нашагьдъ наши имена.

Въ одѣ «Вольность» проповѣдуются, какъ сказано, «стептиненскіе» принципы Куницына и И. Тургенева, заимствованные у Руссо и Канта. Законность—вотъ основная идея Пушкина. Только тамъ,—говорить онъ,—

... тамъ царсково главои
Народовъ не дело степенше,
Гдѣ криво съ вольностью светои
Законовои мощныхъ сочеташе...
Владыки тамъ вѣнецъ и тронъ
Даютъ законъ, а не природа...

И горе глѣмъ странамъ,

Гдѣ пль царю, пль царамъ
Закономъ властвовать возможно.

Это не что иное, какъ поэтическое претвореніе идей Куницына о законныхъ правахъ человека, которыхъ не можетъ нарушать никакое большинство (Ест. право II 9). Пушкинъ признаетъ неизбежность катастрофы 11 марта, но она внушаетъ ему отвращеніе, такъ какъ все-таки является незаконіемъ:

О стыгь, о ужасъ нашихъ дней
Какъ дѣбри вторились ямшары—
Падутъ безъ давыне удары,
Потѣбъ увѣчавшныи злодѣи

Такимъ же преступленіемъ противъ закона представляется ему и всенародная казнь Людовика XVI:

Молчитъ законъ—царь молчитъ—
Палеть преступная свѣира...

«И днешъ учигесь, цари»—заключаетъ Пушкинъ—

Ни казаша, ни паграды,
Ни кровь, темищъ, ни алтари—
Не вѣршиа для васъ ограты,
Склонитесь первые главои
Потѣбъ свѣи на тежкуво закона—
И стануль вѣршии стражи трона
Народовъ вольность и покой.

Вопросу объ освобожденіи крестьянъ посвящена «Деревня», написанная лѣтомъ 1819 г. въ «величавомъ уединеніи» Михайловскаго. Зрѣлище рабства мучитъ Пушкина, и онъ восклицаетъ съ искренней скорбью:

О, если бѣ, голосъ мой умѣль сердца тревожитъ!
Почто въ груди моеи горитъ безплодныи жаръ—
И не таишь мѣ въ утѣл, витѣтѣи грозныи царъ.

«Деревня» вродѣ лойальна и написана, вѣроятно, не безъ мысли воздѣйствовать на Александра I. Но разсказу Жихарева, императоръ передалъ черезъ Чаадаева благодарность автору за его добротіи чувства.

Свобода личности, культъ закона и освобожденіе крестьянъ—вотъ основныи общественыи идеи Пушкина. Мы видимъ у него очень ясную политическую систему—составившуюся подъ влияніемъ рационалистическихъ теорій Куницына и И. Тургенева, но продуманную и пречувствованную совершенно самостоятельно. Его политическій идеаль—свобода, ограниченная однимъ закономъ—въ смыслѣ закона естественной справедливости. Онъ любитъ деревенское уединеніе, потому что тамъ можно—

Свободноу душой законъ боготворитъ.

Идеаль политической свободы находитъ поддержку въ сентиментально-романтической мечтѣ о свободѣ на лонѣ природы. На протяжении многихъ лѣтъ повторяется одинъ и тотъ же мотивъ:

Сокроюсь съ тайною свободой,
Съ дѣвищени, пѣтѣи и природой—
Потѣбъ свѣиоу дѣтѣиныхъ лѣсовъ...

Этой же «тайной свободой»—до которой никому дѣла пѣтъ, и которой ни до кого дѣла пѣтъ—онъ хотѣлъ и въ 1836 г.: «Никому отчета не давать—себѣ лишь самому служить и угождать»...

Подобольная стихотворенія Пушкина далеки отъ лойальности его «Деревни». Въ нихъ онъ не очень надѣется на какую бы то ни было свободу («по маію царя»). Остроуміе «Сказокъ» (Noë), написанныхъ по поводу конституціонныхъ обѣщаній Александра I въ Варшавской рѣчи 1818 г., очень колько и выступаетъ изъ обычныхъ границъ острословія того времени:

И людямъ всѣ права дотѣи
Но царскои милости моеи
Отъ тамъ пль доброй воли,
Отъ радости въ постѣи

Раскрылось шло:
 Неужто въ самомъ дѣлѣ,
 Неужто не шумѣ?
 А мать ему: баб-баб! дакрой свои ты глаза!
 Посудавши, какъ дарь-отецъ,
 Рассказываетъ сказки

Стихотворенія 1817—1820 гг. изобилуютъ выходками противъ военщины, большого свѣта и Петербурга —этой «смертвой области рабовъ и капральства». Въ гвсной компаніи одинаково настроенныхъ друзей или наединѣ съ природою — поэтъ спасается отъ «святыхъ невѣждъ» и «почетныхъ полцецовъ» и не завидуетъ тогда «злотно или гдуци въ величій неправомъ». Этотъ духъ протеста сказателъ особенно въ яловитыхъ эпитрамахъ на отдѣльныхъ лицъ — Стурду «библическаго» и «монархическаго», А. П. Голыцина, Фотія Карамзина.

Въ началѣ 1820 г. подъ вліяніемъ извѣстій объ испанской революціи—Пушкинъ въ особенно воинственномъ настроеніи:

Мнѣ бои знакомы—
 люблю я дуэль мечемъ!
 Отъ перахъ дѣтъ
 поклонникъ бранной
 славы
 Люблю войны крова-
 выя забавы.

И смерти мнѣ мила душѣ моеи,
 Во дѣлѣ дѣтъ свободы въ бранной войнѣ,
 Переть собои кто смерти не вѣдѣтъ,
 Тотъ полнато веселья не вѣдуемъ,
 И мнѣхъ дѣтъ лобзаній не вѣдѣемъ.

Онъ полонъ мыслями о революціонномъ дѣлѣ. «Нашъ вѣкъ не вѣкъ поэтовъ жалѣтъ, кажется, нечего.»—пишетъ онъ Вяземскому въ мартѣ 1820 г. Безъ всякой осторожности онъ восхваляетъ убійство Коцебу, показываетъ въ театрѣ портретъ Лувелѣ съ палишею; урокъ царямъ, и намекаетъ, что пора бы начать дѣйствовать (Маиковъ, 71). У него даже мелькаетъ мысль

о царубіествѣ, какъ онъ самъ свидѣтельствуетъ въ черновикѣ письма къ Александру I въ 1825 г. Съ этимъ сходится разсказъ Пушкина о томъ, какъ Пушкинъ по поводу исторіи съ мѣдвѣдемъ, чуть не разстрѣваннымъ императора воскликнулъ: «Пашелся одинъ человекъ — за и то мѣдвѣдъ!» (Маиковъ, 70).

Это все разрывилось рѣзкими эпитрамами на Аракчеева Холодъ вѣнчаннаго солдата — ты стоишь смерти пѣвца Коцебу! — которая, главнымъ образомъ, и была поводомъ ссылки Пушкина на югъ. Его покровитель Карамзинъ сурово писалъ о немъ Вяземскому: «если Пушкинъ и теперь не исправится — то будетъ мормомъ еще до отбытія своего въ ать».

Кн. Семѣй Петровичъ
 ТРУБЕЦКОЙ.

IV.

Южное небо, горы и море, ивжннй семейный уютъ Раевскихъ, новое чувство дѣствичной любви — на время отвлекли Пушкина въ сферу личныхъ ощущеній. Онъ отдался радости покоя и тишины:

Чатаевъ, поминишь ли
 быдѣ?
 Цивно ль съ востор-
 гомъ молодымъ
 Я мыслѣлъ нма роковое
 Претѣтъ раздѣшамъ
 шивымъ!

Но въ сердцѣ бурями смиреннымъ,
 Тенерь и дѣтъ и тишина.

Пушкинъ очутился въ районѣ расположенія 2-ой арміи, при штабѣ которой — въ Тульчинѣ — находилось средоточіе южнаго общества¹. Книшинецъ, гдѣ жилъ Пушкинъ, былъ однимъ изъ важныхъ центровъ либеральнаго движенія на югѣ. Тамъ стояла дивизія Мих. Орлова², гдѣ, кромѣ самого начальника, членами таиннаго

¹ Начальникомъ штаба была Кнестель — прапорщикъ и пѣвчѣтъ, по отъзну Пушкина — и его дѣлѣтаномъ П. П. Пестель.

² Онъ былъ переведенъ въ Книшинецъ въ 1820 г.

общества были офицеры—В. О. Раевскій, К. А. Охотниковъ, П. П. Антрапи¹⁾ и бригадный генералъ П. С. Пущинъ²⁾. Последній былъ основателемъ масонской ложы въ Кишиневѣ, которая отличалась опредѣленнымъ политическимъ направлениемъ. Потому Пушкинъ—въ числѣ своихъ «преступлений»—указывалъ на участіе въ кишиневской масонской ложѣ, за которую, — говорить онъ, — уничтожены все ложи въ Россіи³⁾. Въ Кишиневѣ имѣлись агенты, слѣдившіе за мѣстнымъ либерализмомъ и въ особенности за пропагандой, которую члены тайнаго общества сподвигали вели въ войскахъ. Въ одномъ дописаніи 1821 г. описывается, какъ Антрапи задабриваетъ солдатъ, а Пушкинъ «ругаетъ публично и даже въ кофейныхъ домахъ не только военное начальство (т.-е. корпусное), но даже и правительство» (Р. Ст. 1883 дек., 657).

М. Орловъ, майоръ Владиміръ Раевскій⁴⁾ Охотниковъ, Антрапи⁵⁾ и генералъ Пущинъ — составляли постоянное общество Пушкина. Важнѣе всего была близость его съ «первымъ декабристомъ» Раевскимъ. Но и тутъ настоящей дружбы не было. Былъ большой интересъ, большое уваженіе—и только. Въ Кишиневѣ Пушкинъ чувствовалъ себя душевно одинокимъ—«знакомымъ тѣмъ, а друга нѣтъ» (1821 г.). Въ февралѣ 1822 г. Раевскій былъ арестованъ по обвиненію въ пропагандѣ среди солдатъ и препровожденъ въ Тираспольскую крѣпость (въ Тирасполь былъ штабъ корпуса). Пушкинъ очень волновался судьбой «спартака», какъ онъ прозвалъ Раевского, но въ 1824 г. при проѣздѣ черезъ Тирасполь, отказался отъ свиданія съ арестованнымъ, опасаясь доноса въ Петербургъ. Этого во всякомъ случаѣ не могло бы быть, если бы нѣтъ связывали крѣпкія личныя отношенія. Общество Владиміра Раевского имѣло, главнымъ образомъ, образовательное значеніе

При Николаѣ I онъ былъ спецнастомъ по части политическаго сыска.

¹⁾ Другой кишиневской бригадой командовалъ генералъ Болховской, участникъ убійства Павла. Онъ писалъ воспоминанія и читалъ ихъ Пушкину. О немъ см. Р. Ст. 1881, т. 30, стр. 83; Зап. Фондизина. Библ. дек.—овъ IV, стр. 133; Былое 1906, апр., стр. 189.

²⁾ Ср. В. П. Семевакинъ. Минувшие годы, 1908, мартъ, стр. 162—170, и П. Бульманъ. Ж. М. П. Пр., 1907, окт.

³⁾ О немъ книжка П. Е. Шеголева (Сиб. 1905).

⁴⁾ Онъ нѣтъ добрый пріятель и вѣрная порука за честь и умъ не любимъ нашимъ правительствомъ и не любить его — писалъ о немъ Пушкинъ въ 1822 г.

для Пушкина. Антрапи рассказываетъ, что Пушкинъ нарочно втягивалъ Раевского въ споры, чтобы заставить того выкладывать свои историческія и политическія знанія, а потомъ бралъ книги по затронутымъ вопросамъ. Но тѣмъ же событіемъ не позволяло слишкомъ большое различіе вкусовъ. Мы видимъ Раевского въ постоянныхъ спорахъ съ Пушкинымъ. Темой была большей частью литература. Раевскій былъ патриотомъ въ духъ декабристовъ и проповѣдовалъ архаически-національные сюжеты въ поэзіи; между прочимъ, онъ доказывалъ, что не слѣдуетъ употреблять именъ греческихъ и римскихъ боговъ, когда у славянъ есть собственная мифологія. Пушкинъ не могъ не чувствовать въ этомъ безвкусія—вещь, которую онъ трудно прощалъ—и какую-то узость. Раевскій самъ тоже писалъ стихи—далекіе отъ художественнаго совершенства, но съ гражданскимъ содержаниемъ. Пушкинъ иногда находилъ въ нихъ оригинальнѣе и сильнѣе выраженія, но въ общемъ не очень высоко ставилъ стихотворство Раевского. «Это не въ моемъ родѣ, а въ родѣ Тираспольской крѣпости—а хорошо»,—отозвался онъ объ одной энергичной строфѣ («Пыща въ темницѣ», присланнаго Раевскимъ изъ мѣста своего заключенія. Вообще къ мотивамъ протеста въ произведеніяхъ Раевского Пушкинъ относился внимательнѣе, а все остальное—любовь и другія индивидуальныя переживанія—ставилъ, такъ сказать, вѣкъ предѣловъ его поэтической компетенціи¹⁾. Однако, Раевскій оказалъ своими совѣтами нѣкоторое литературное вліяніе на Пушкина—Пушкинъ взялся за легендарнаго повгородскаго революціонера Вадима. Но эта скучная тема была скоро имъ брошена.

Уваженіемъ и дружескимъ расположеніемъ Пушкина пользовался также Охотниковъ, дѣятельный членъ тайнаго общества, который умеръ до 1825 г. По разсказамъ Антрапи, это былъ человекъ выдающагося ума и образованія, прямой до рѣзкости и всегда невозмутимо спокойный. М. Орловъ называетъ его «воплощеннымъ нравственнымъ совершенствомъ» и «ходячей совѣстью» своихъ друзей²⁾.

Домъ дивизионнаго командира—М. Орлова—былъ какъ бы якобинскимъ клубомъ³⁾. «Сей благодумный мечтатель,—го-

Рус. Арх. 1866, с. 1451.

²⁾ Былое, 1906, окт.—ст. М. О. Гершензона.

³⁾ Объ Орловѣ—М. О. Гершензонъ, Былое

ворить Витель, — болѣе чѣмъ когда бредить въявь конституціями. Прискорбно казалось не быть принятымъ въ его домъ, а чтобы являться въ немъ, надо было болѣе или менѣе раздѣлять мнѣнія хозяина. Два дематога, два изувѣра — адъютантъ Охотниковъ и майоръ Раевскій — съ жаромъ витѣствовали» (VI, 115). «У насъ, — пишетъ жена Орлова, Екатерина Николаевна Раевская, своему брату Александру, — безпрестанно идутъ шумные споры — философскіе, политическіе, литературные и др.: мнѣ слышно изъ дальней комнаты» (1821 г. — Былое 1906, X, 308). Пушкинъ

былъ постояннымъ гостемъ у Орловыхъ. «Съ Орловымъ спорю, мало люблю», — говоритъ онъ о своемъ Киншиневскомъ времяпровожденіи. «Мы очень часто видимъ

Пушкина, который приходитъ спорить съ мужемъ о всевозможныхъ предметахъ», пишетъ Екатерина Николаевна, Орловъ — со своимъ неопредѣленными политическими убѣжденіями, фантастическими планами насчетъ палаты царовъ и патриотизмъ квансного отъѣвика — не могъ обязать замѣтнаго умственногo вліянія на Пушкина и даже не внушалъ ему особеннаго уваженія. «Le seul homme qui est heureux à force de vanité». — отзывался о немъ Пушкинъ (Барятинскій, Р. А. 1866, ст. 1131). «Орловъ умный человекъ, — писалъ Пушкинъ въ 1836 г., — и очень добрый малый, но я до него какъ-то не охотникъ по старымъ нашимъ отношеніямъ. Даже о безспорныхъ заслугахъ Орлова — напр., о его гуманномъ отношеніи къ солдатамъ — Пушкинъ говоритъ нехотѣливо съ шуткой: «Орловъ... дѣлаетъ палки сурьманыя, а палки въ шившіи свои уничтожилъ». Пере-

иска изд. Акад. Наукъ, в. р. Саитова, т. I, 381). Орловъ былъ близокъ Пушкину, какъ родственникъ Раевскихъ — они видѣлись почти каждый день — и этотъ интимный тонъ прикрывать отсутствіе симпатій, какъ это всегда бываетъ между людьми индустриально-чуждыми, но по обстоятельству бывающими постоянно вмѣстѣ.

Пушкинъ чувствовалъ себя какъ-то неуютно въ компаніи своихъ «конституціонныхъ» друзей, но все-таки они составляли единственный интересъ его киншиневской жизни. После ареста майора Раевскаго и послѣдовавшаго вскорѣ увольненія генераловъ Орлова и Пущина, Пушкину Киншинскъ становится невыносимымъ. Здѣсь у насъ молдавано и гошно»: «Кюхельбекерно мнѣ на чужой сторонѣ», — это повторяется съ варіаціями въ его Киншинскихъ письмахъ, начиная съ дѣла 1822 года Раевскій былъ арестованъ въ Варшавѣ, а Орловъ и Пущинъ уволены въ маѣ.

Изъ Киншинева Пушкинъ ѣздитъ въ Тульчинъ — къ Киселеву, котораго знаетъ по Петербургу «XIX вѣкъ», стр. 80. Онъ бывалъ также въ Кіевѣ у Раевскихъ и въ Одессѣ. Это были тоже центры декабристскаго движенія. Наконецъ, онъ часто го-

Михаиль Семеновичъ
ЛУНИНЪ.

стиль въ Каменкѣ — кіевскомъ имѣніи Давыдовыхъ (братъ старшаго генерала П. П. Раевскаго) ². Тамъ была собраны цѣлыя для тайнаго общества. Отинъ изъ хозяевъ — В. А. Давыдовъ — былъ главой отдѣльной «Каменской» управы. «Я въ терренѣ Давыдовыхъ, милыхъ и умныхъ от-

1906, XXV, 10 и 11 и В. П. Семеновскій, Русск. Бюл. 1907, тек. Поклоніяніе Орлова — у проф. Говина Занольскаго. Мемуары декабристовъ.

¹ У Орлова была сурьмная фабрика. Въ этомъ же письмѣ пишется, что Орловъ Пушкинъ прошируетъ, что Ренъ Арзамасское прошире Орлова — ужасно знаетъ сурьму.

² Тамъ, объ этомъ — А. Давыдовъ, Кіевск. Унив. Изв. 1899 г., май, и въ подл. изд. II, стр. 104—118.

шедьниковъ,—писалъ Пушкинъ 4 декабря 1820 г.—Время мое протекаетъ между аристократическими обѣдами и демократическими спорами ¹⁾. Общество наше, теперь разбѣянное, было недавно разнообразная и веселая смѣсь умовъ оригинальныхъ людей извѣстныхъ въ Россіи... Въ 1821 г.—вскорѣ послѣ посѣщенія Каменки—Пушкинъ въ посланіи къ В. А. Давыдову вспоминаетъ, какъ тотъ съ братомъ («рогоношцемъ величавымъ») —

Передъ камшомъ надѣвали
Демократическіи халаты,
Спасенія ману напоявши
Бездѣшномъ мерлою струей
И за здоровье тѣхъ и твои
До па, до канли вышивали...

Подъ тѣмъ и той же Пушкинъ разумѣлъ карбонаріевъ и конституцію.

Съ Александромъ Раевскимъ, своимъ «демономъ», Пушкинъ особенно сблизился во время совместнаго житія въ Одессѣ—въ 1823—1824 гг. Вигель называетъ Раевского человѣкомъ ненавистникомъ, который относился съ презрѣніемъ и къ либераламъ и къ реакціонерамъ.

Не вѣрять онъ любилъ свободѣ...

Однако, «свѣрноподданничество, привязанность къ монархическимъ правиламъ,—по словамъ Вигеля,—казались ему отвратительными и ненавистными. На друзей конституціи—въ томъ числѣ и затѣ своего Орлова—онъ смотрѣлъ съ величайшимъ пренебреженіемъ, но съ нѣкоторою снисходительностью» (VI, 170). Кн. С. Волконскій говоритъ о Раевскомъ, что онъ «какъ человѣкъ умный, не былъ въ числѣ отсталыхъ, но, какъ человѣкъ хитрый и осторожный, видѣлъ, что тайное общество не минуетъ преслѣдованія правительства» (Зап. Волконскаго, 410). Однако, въ 1820 г. Раевскій выражалъ еще готовность вступить въ общество, если оно будетъ составлено, и даже доказывалъ пользу его учрежденія (существованіе общества было ему неизвѣстно) ²⁾.

Черезъ Раевскихъ Пушкинъ познакомился съ кн. Сергѣемъ Волконскимъ, который вскорѣ женился на младшей Раевской (о своемъ сватовствѣ онъ счелъ долгомъ увѣдомить Пушкина, который тогда уже былъ сосланъ

въ Михайловское). Пушкинъ понималъ трагическую красоту исторіи Волконскихъ и съ благоговѣніемъ отнесся къ подвигу княгини Волконской, которая пошла за мужемъ въ Сибирь. Смерть нѣхъ маленькаго сына, оставленнаго на попеченіи родныхъ, дала ему поводъ написать эпитафію. Пушкинъ всегда съ тихой грустью вспоминалъ уютное сибзянско-Каменскіи друзей, уничтоженное грозой 1826 г.

Въ ложиномъ обществѣ, въ атмосферѣ котораго жилъ Пушкинъ, настроеніе было рѣшительное, чѣмъ на сѣверѣ. Тутъ преобладали республиканскіе идеалы и радикальные планы борьбы. Террористическіе проекты составлялись, главнымъ образомъ, на югѣ. Среди «конституціонныхъ» друзей Пушкина только одинъ Орловъ былъ умѣреннѣе въ взглядахъ.—В. Раевскій, В. А. Давыдовъ, Охотниковъ принадлежали къ крайней группѣ декабристовъ. Отчасти подъ вліяніемъ среды, отчасти вследствие петербургнаго и озлобленія—Пушкинъ становится рѣзче и въ своихъ мнѣніяхъ и въ ихъ проявленіи...

Мысль Пушкина постоянно вертится вокругъ революціонныхъ темъ. Въ рукописяхъ 1821—1822 г. разбросаны рисунки фригійскихъ революціонныхъ шапокъ, сидуды Марага, Заида и т. д. Съ водненіемъ слѣдить Пушкинъ за успѣхами революціи на Западѣ—въ Испаніи и Италіи. Старикъ Низовъ, чтобы доставить ему удовольствіе, приходитъ къ нему, когда онъ сидитъ подъ арестомъ за свои сраженія съ молдаванами, потолковать о «гнишанской революціи» и «конституціи кортесовъ» (Переписка, 124). Первостъ, съ какой Пушкинъ относился ко всему этому, сказала въ его недогованіи на Воронцова, который выразилъ удовольствіе по поводу повѣщенія Ріего (1823 г.):

Пристойно ли, скажите, старича
Ругаться такъ надъ жертвой палача!

Въ апрѣлѣ 1821 г. вспыхнуло подъ бокомъ греческое возстаніе. Предводителемъ сдѣлался князь Александръ Ипсиланти, житель Кишинева. «Нашъ безрукій князь»,—зоветъ его Пушкинъ ³⁾. Пушкинъ ждетъ важныхъ послѣдствій отъ греческаго возстанія для всей Европы—и особенно для Россіи (Переп. 24). Онъ съ необычайнымъ вниманіемъ слѣдитъ за всѣми

¹⁾ Образецъ этихъ демократическихъ споровъ приводитъ Якушкинъ въ своихъ запискахъ.

²⁾ Зап. Якушкина.

³⁾ Въ 1812 г. онъ потерялъ руку.

перипетіями борьбы. Еще въ 1823 г. онъ представляетъ грековъ:

Возстань, о Греція, возстань!

Но съ переездомъ въ Одессу, въ центръ гетеріи, наступаетъ разочарованіе. «Греція мнѣ огадила,—пишетъ онъ.—Мы воображали, что каменный народъ, состоящій изъ разбойниковъ и лавочниковъ, есть законорожденный потомокъ Османовъла и Перрика и наследникъ ихъ школьной славы» (дѣло 1824 г.)¹⁾

Въ апрѣлѣ 1821 г. въ Кишиневъ приѣзжаетъ Пестель, командированный Киселевымъ на Бессарабскую границу, чтобы собрать свѣдѣнія о греческомъ возстаніи. На Пушкина онъ произвелъ сильное впечатлѣніе. «Утро» провелъ съ Пестелемъ, — читаемъ мы въ Кишиневскомъ дневникѣ.— Умный человекъ во всемъ смыслѣ этого слова. Мы съ нимъ имѣли разговоръ метафизическій, политическій, нравственный и пр. Онъ одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ умовъ, которыхъ я знаю». Однако, не все въ Пестель Пушкину нравилось. Онъ говорилъ Антрани, что не могъ бы съ нимъ сблизиться. Однажды за столомъ у М. Орлова у него даже явилась мальчишеская охота подразнить серьезнаго и самоувереннаго Пестеля. «Пушкинкъ,—разсказываетъ Антрани,—какъ бы не знаи, что этотъ Пестель сынъ Иркутскаго губернатора, спросилъ: не родня ли онъ сибирскому злодѣю?—Орловъ, улыбувшись, погрозиль ему пальцемъ». Отвѣнокъ недружелюбнаго отношенія есть и въ позднѣйшемъ упоминаніи Пушкина о Пестель. Въ 1823 г.—въ разговорѣ съ Суццо, бывшимъ молдавскимъ господаремъ, знакомымъ Пушкина по Кишиневу — онъ совѣмъ несправедливо приписалъ Пестелю намѣреніе скомпрометировать дѣло гетеріи въ глазахъ Александра I, представивъ ее отраслью карбонаризма²⁾.

¹⁾ О значеніи греческаго возстанія для декабристовъ—В. И. Семевскій, Р. В. 1907, ноябрь, стр. 53—59. См. также Заблодкин-Десятовскій, П. Д. Киселевъ, I, 336 и слѣд.

²⁾ Отчетъ Пестеля о началѣ греческаго возстанія гдѣ онъ, фактически, сравниваетъ гетерію съ карбонаризмомъ, но совѣмъ не съ дѣльно очернить ее, былъ представленъ Киселеву, а не императору. См. Заблодкин-Десятовскій, Киселевъ, I, 138 и В. И. Семевскій, 1907, Русск. Бол., ноябрь, 55.

VI.

Несмотря на вѣнчившее удачество, внутренне Пушкинъ въ Кишиневское время какъ-то серьезнѣе, вдумчивѣе.

Для сердца новую вкушаю тишину,
Въ уединеніи мой свосравнилъ гетіи
Позналъ и гнѣхъ гнѣхъ и жажду размышленія,
Властью днѣмъ моимъ съ порядкомъ дружескъ умъ
Учусь удерживать вниманье, вѣнхъ думъ.

И главнымъ предметомъ этихъ думъ была вопросъ о правильномъ устройствѣ жизни. Ищу вознаградить въ объѣктахъ свободы
Милосерднѣе малостью утраченныя тоны
И въ просвѣщеніи стать съ вѣкомъ паровъ.

Нельзя Пушкинъ склоненъ даже ставить свой Кишиневскій либерализмъ выше прежняго: предыдущіе тоны «Деревни» и «Вольности» — онъ называетъ утраченными для свободы.

О серьезности занятій и размышленій Пушкина свидѣльствуютъ написанныя имъ въ Кишиневѣ «Историческія замѣтки» (1822 г.), гдѣ онъ проводитъ ту мысль, что въ Россіи «политическая свобода перадумна съ освобожденіемъ крестьянъ». Онъ понимаетъ истинное значеніе дѣлавшихся въ XVIII вѣкѣ попытокъ ограничить самодержавіе и считаетъ, что ихъ неудача была счастьемъ для Россіи. «Это спасло насъ отъ чудовищнаго феодализма, и существованіе народа не отдалось вѣчной чертою отъ существованія дворянъ. Если бы гордые замыслы Долгорукихъ и пр. совершились, то владыцѣ думъ, сильныя своими правами, всѣми силами затруднили бы или даже вовсе уничтожили способы освобожденія людей крѣпостнаго состоянія, ограничили бы число дворянъ и заградили бы для прочихъ сословій путь къ достиженію должностей и почестей государственныхъ. Одно только страшное погрѣшеніе могло бы уничтожить въ Россіи законное рабство». Интересны сужденія Пушкина объ Екатеринѣ Великой. Пушкинъ ставилъ ее въ вину раздариваніе государственныхъ крестьянъ и закрѣпощеніе вольной Малороссіи. Личное невѣріе не мѣшаетъ Пушкину признавать важное значеніе духовенства для народнаго просвѣщенія. Онъ упрекаетъ Екатерину за то, что она угрожаля духу времени и своему неограниченному властолюбію, гнала духовенство и отняла у него монастырскіе доходы. Бѣдностью и невѣжествомъ священниковъ Пуш-

кнуть объясняетъ паденіе религиозныхъ чувствъ въ народѣ. «А жаль,—говоритъ онъ,—ибо греческое вѣроисповѣданіе, отдѣльное отъ всѣхъ прочихъ, даетъ намъ особенный національный характеръ». Эти замѣтки, во многомъ обнаруживающія удивительную трезвость и ясность историческаго взгляда, показываютъ въ то же время самостоятельность Пушкина. Въ упрекъ, что Екатерина «сунула духъ дворянства»—мы видимъ начало двухъ дворянскихъ теорій Пушкина, которыя онъ, конечно, не могъ замѣстовать отъ своихъ «конституціонныхъ» друзей. Защищая справедливость въ отношеніи другнхъ сословій, Пушкинъ допускаетъ, однако, существованіе идеальнаго дворянства, основаннаго на чести, и вовсе не стоитъ за уничтоженіе всякихъ гражданскихъ привилегій.

Петербургское ожиданіе революціи и проповѣдь террора становятся преобладающими политическими темами Пушкина. Въ «Книжаль» онъ воспѣваетъ, какъ подвигъ, убійство Марата—своимъ патетическимъ изуродованнаго идею свободы—и убійство Коцебу. Книжаль является «исключительнымъ судіей позора и обиды»—тамъ, гдѣ «дремлетъ мечъ закона», который остается основой политическаго *credo* Пушкина.

Шумитъ подъ Кесаремъ завѣщанъ Рубиконъ.
Державный Римъ ужалъ—славой пощипъ законъ.
Но Брутъ возсталъ вольнолюбивый—
Ты Кесара сразилъ—и мертвъ объемень онъ.
Номее мраморъ горделивыи...

Воспѣвая терроръ и «кровавую чашу» революціи, Пушкинъ въ то же самое время увлекается идеями аббата Сентъ-Пьера о вѣчномъ мирѣ (Былое, 1906, X, 308). Это показываетъ, какъ плохо мирилось его чувство съ принципиальнымъ доущеніемъ насилія. О сербскомъ Карагеоргіи онъ говорилъ, что тотъ «и ужаса людей и славы былъ достоинъ» (1820 г.). Терроръ былъ для Пушкина, дѣйствительно, послѣднимъ, отчаяннымъ средствомъ. Весь «Книжаль»—не что иное, какъ крикъ отчаянія. Пушкинъ былъ правъ, заявляя потомъ, что «бунтъ и революція ему никогда не нравились». Отношеніе его къ революціи можно формулировать такъ, что онъ привѣтствовалъ революцію совершающуюся—пока она борьба за свободу—но не торжествующую, которая сама становится насиліемъ.

Послѣднимъ своимъ «либеральнымъ

бредомъ» Пушкинъ считалъ «Наполеона», написаннаго въ началѣ 1821 г. (Чернышка, 91). Тамъ онъ выражаетъ увѣренность въ томъ, что деспотизмъ неизбежно приводитъ къ революціи.

... На площади мятежной
Во прахъ царскій трупъ лежалъ
И тень великій, и слѣзъ блжнныи,
Свободы аркнй день вставалъ...

Та же вѣра въ переворотъ высказывается въ шутовскомъ обращеніи къ генералу Пущину, товарищу Пушкина по масонской ложѣ:

И скоро, скоро смолкнетъ брань
Средь рабскаго народа—
Ты молодежь возмешь во планъ
И воззовешь: свобода!

Въ стихотворномъ письмѣ къ В. А. Давыдову есть уже начало сомнѣній, но пока надежда побѣждаетъ:

Народъ тишины хотѣлъ,
И только нхъ время не трепетъ.
Ужель патенты лучъ печезь?
Но плѣтъ—мы счастьемъ насладимся,
Кровавой чашей причастимся,
И я скажу: Христосъ Воскресъ!

Арестъ Владиміра Раевского въ 1822 г. и увольненіе генераловъ Орлова и Пущина, повидимому, тяжело подѣйствовали на Пушкина. При видѣ всеобщаго равнодушія онъ начинаетъ сознавать безнадежность революціонныхъ попытокъ въ Россіи. Но онъ еще вѣрнть—и призываетъ освѣжающую грозу:

Кто, волны, васъ оставилъ,
Кто оковалъ вашъ блкъ могучии...
Вы, бури, вѣтры, взорите воды,
Разрушите гнѣбныи оплотъ!
Гдѣ ты, гроза! Символь свободы,
Промчишь поверхъ невольныхъ воды!

Наконецъ, въ 1823 г.—вскорѣ послѣ переселенія въ Одессу—мы видимъ уже полное разочарованіе. Пушкинъ поддается вліянію Александра Раевского и приходитъ къ горькому убѣжденію, что, проповѣдая свободу, онъ только тратитъ время, благія мысли и труды:

Наситесь, мирные народы,
Васъ не пробудитъ чести канць!
Къ чему стадамъ дары свободы
Ихъ должно рвать или стричь.
Наслѣдство ихъ изъ рода въ родъ
Ярмо съ тремухами—да бичъ.

«Я закался». — пишетъ Пушкинъ А. Тургеневу въ декабрь 1823 г. И, дѣйствительно, со времени Одессы въ его произведеніяхъ больше не слышно боевыхъ звуковъ.

Я говорилъ преть хластою толпой,
Но для толпы ничтожной и глухой
Слышнѣе гласъ сердца благороднаго—
Я замолчалъ... (1823).

Но никогда Пушкинъ такъ глубоко не ощущалъ кошмарную тяжесть самодержавія.

Власть свѣра ошнѣ въ своемъ чертогѣ
Безмолвно бодрствовалъ—и зрѣбнъ земли
Въ увѣчанной главѣ
Сѣвешные лежали.
Чредою манатали—
И міру глухую неволю въ даръ несли...
Все модна ждѣть
Угара—
Все пало—но въ время
Склонились всѣ главы...

Мертвую силу свѣрнаго исполина, который накладываетъ на міръ цѣпи «стихой неволи», Пушкинъ сопоставляетъ съ живою энергіей Наполеона, являющагося носителемъ индивидуальнаго начала:

Онъ міру вѣчную
Свободу
Изъ мрака ссылки да
Внѣшалъ¹.

«Гордый идоломъ» индивидуальной свободы неизмѣнно царитъ въ творчествѣ Пушкина. Духомъ этой свободы проникнуто «Кавказскій пѣвнннкъ»:

Свобода! Онъ ошнѣ тебя
Еще искалъ въ полуднѣмъ мрѣ...
И съ вѣромъ пламенной мольбой
Твой горннш иголь обннчалъ.

Бельвъ за Шиллеромъ и Байрономъ, Пушкинъ изображаетъ романтическнхъ разбойниковъ. Декабристъ баронъ Штейнфельдъ

въ письмѣ къ Николаю I причисляетъ «Братьевъ разбойниковъ» къ тѣмъ произведеніямъ Пушкина, которыя пнгалн революціонное настроеніе молодежи. Въ Михайловскомъ Пушкинъ занимается Степкой Разинымъ, о которомъ говоритъ, что это «самое поэтическое лицо въ русской исторіи» (Переи. 141). Тогда же онъ начинаетъ изученіе Пугачева (144). Въ февралѣ 1822 г.—сейчасъ послѣ ареста Владимира Раевского—написанъ «Узникъ». Его содержаніе—жажда свободы и тоска неволи:

... Давай—улетѣмъ!

Мы вольныя птицы—
Пора, братъ, пора,
Гуля, гдѣ свнбодѣ
Морскіе края.

Тогда же написана «Пчншка»:

Зачѣмъ на Бога мнѣ
рошталъ,
Когда хоть одному
творенно
Я моль свободу даровать

Никита Михайловичъ
МУРАВЬЕВЪ.

Вопросъ о свободѣ индивидуальной личности уходитъ въ глубь и превращается въ общую философію жизни. Стихотвореніе: «Къ морю», написанное летомъ 1824 г.—передъ отъѣздомъ въ Михайловское, является уже манифестомъ индивидуалистическаго міросозерцанія.

Только что еще кончивъ Лицей, Пуш-

кинъ рекомендовалъ себя, какъ всендѣшннго защитника своего отечества. Съ годами эта критика вырабаталась въ прочный пессимистическнй взглядъ на русскую дѣятельность. Письма Пушкина пересыпаны ятошностями насчетъ «родной Турціи»: «отечества и грязь сладка намъ и прнятна», «сходите намъ въ Азію писать по окаліи» и т. д. (Переи. 34, 61, 93).

Особенно часто Пушкинъ жалуется на цензуру, которую честитъ всякими словами: сухой, дурой и т. д.

Поклонникъ правды и свободы,
Бывало, что инъ пишншу,
Все для шнхъ не Русью насчетъ.

¹ Вотъ дѣльпка въ записной книжкѣ 1821 г.: «O, disant en 1820 «révolution en Espagne, révolution en Italie, révolution en Portugal, constitution par ci, constituit on par là... Messieurs les souverains, vous avez fait une sottise de détroner Napoléon».

О чемъ цензуру ни прощу,
 Отъ всего Гимковски захотеть.

«Vale, sed delenda est censura» — приписано на письмѣ къ Гиббичу (1822 г.). «Нора дать вѣсь нашему мнѣнію — говоритъ Пушкинъ въ 1823 г. — и заставить правительство уважать наши голоса — презрѣніе къ русскимъ писателямъ нестерпимо». Онъ же требуетъ полной свободы печати («что нужно Лондону, то рано для Москвы») — онъ хочетъ только, чтобы пишущую братію не лишали «последнихъ, жалкихъ правъ». «Дайте намъ цензуру строгую, согласенъ, но не безсмысленную» (1823 г.).

Все сильнѣе и сильнѣе разгорается у Пушкина тоска по Петербургу. Эта тоска начинается еще въ Кишиневѣ — съ того времени, какъ съ Кишиневскаго горизонта исчезли В. Раевскій, Орловъ и П. С. Пушкинъ.

О другъ, Августу молебъ мой несите —

пародируетъ Пушкинъ своего Овидія — («о Августъ смотри, сентябрьскъ»). Въ Одессѣ онъ продолжаетъ тосковать. «Нора промѣнять мнѣ почести изгнанія на радость свиданія» — говорится въ письмѣ къ Дельвигу. Тутъ появляется первая мысль о побѣгѣ. «Осталось одно — писать прямо на его имя — такому то, въ Зимнемъ дворцѣ, что противъ Петропавловской крѣпости — не то взять пихонько трость и шляпу и побхать по-смотрѣть на Константинополь. Святая Русь мнѣ становится четвернежъ. Ubi bene, ibi patria» (письмо къ брату въ янв. 1824 г.). Мечты о томъ, чтобы счастіе заграницу, принимаютъ болѣе опредѣленный характеръ въ Михайловскомъ. Пушкинъ вмѣстѣ съ братомъ подробно разрабатываетъ планъ бѣгства (дек. 1824 — окт. 1825):

Благослови побѣгъ поэта...
 Умолкнеть онъ ночь небомъ дальнимъ,
 Умолкнеть въ чуждой сторонѣ...

Одновременно Пушкинъ пишетъ примиренія съ царемъ и добивается позволенія вернуться въ Петербургъ или убхать заграницу, но «Октавіо — въ слѣпной надеждѣ — молебновъ лести» не поетъ и даже продолжаетъ «подсвистывать» ему эпинраммами (1824 г.). Онъ первичасть и бѣится въ своей кляткѣ, а отъ Якувскаго слышитъ только

* Конечно, это сужденіе не выражаетъ гнѣвительнаго мнѣнія Пушкина — тутъ онъ такъ же «сподичасть благонамѣренно», какъ и во второмъ посланіи къ цензурѣ (Перев. 170).

одно — терпѣніе. Въ сентябрѣ 1825 г. Пушкина посѣтилъ его лицейскій товарищъ Горчаковъ. «Ты ему вбилъ въ голову, — пишетъ Пушкинъ Вяземскому, — что я объѣдаюсь топеніями... Охъ, душа моя, меня тошнить по предлагаемое да идять».

VI.

Пушкинъ жилъ въ атмосферѣ заговора, подозрѣвалъ существованіе таинственной организаціи, рѣшающей судьбу Россіи, и страстно хотѣлъ похастъ туда. Но это было въ первый періодъ его либерализма, когда ни ему, ни другимъ не была еще ясна та идейная и психологическая грань, которая отдѣляла его отъ декабристовъ. Онъ измучилъ Пушкина просьбами о томъ, чтобы тотъ открылся ему и ввелъ его въ тайное общество. Но Пушкинъ медлилъ. Его смущалъ «подвижный и пылкій» характеръ Пушкина, отсутствіе въ немъ выдержки, строгой принципіальности. Онъ не понималъ, вѣрнѣе, его интереса къ людямъ такъихъ мнѣній, какъ Алексій Орловъ, не понималъ его грубыхъ чувственныхъ увлеченій. Кроме того, онъ просто не довѣрялъ конспиративнымъ способностямъ своего друга. Разъ отецъ Пушкина разказалъ ему о какой-то шалости сына; въ ней было столько мальчишества, что мысль о принятіи Пушкина въ число заговорщиковъ какъ-то сама собой исчезла изъ его головы. Но со стороны Пушкина это желаніе было не пустымъ тщеславіемъ — оно было глубокимъ и серьезнымъ. Это видно изъ той сцены, которая произошла въ Каменкѣ въ ноябрѣ 1820 г. Одновременно съ Пушкинымъ тамъ гостили три члена «Союза Благодѣянія» — Якушкинъ, М. Орловъ и Охотниковъ. Такимъ образомъ, вмѣстѣ съ однимъ изъ хозяевъ, В. А. Давыдовымъ, собралось четыре декабриста. Съ цѣлью подразнить Александра Раевского и сбить его съ толку, они затѣяли споръ о томъ, стоить ли основывать тайное общество. Пушкинъ уватился за эту мысль и сталъ съ жаромъ доказывать, что это имѣло бы огромное значеніе. Когда же выяснилось, что весь разговоръ ведется въ шутку, Пушкинъ разволновался почти до слезъ и былъ истинно несчастенъ. «Въ эту минуту онъ былъ точно прекрасенъ», — говоритъ Якушкинъ.

Но вскорѣ наступаетъ охлажденіе — вопросъ о свободѣ переходитъ въ иную плоскость. Въ 1825 г. Пушкинъ уже не боится прямо сообщить Пушкину о своей при-

надлежности къ обществу. Пушкинъ вскакиваетъ со стула: «Вѣрно, это все въ связи съ маіоромъ Раевскимъ, котораго держатъ въ Тираспольской крѣпости!» Но дальнѣйшихъ подробностей онъ не требуетъ и больше не заговариваетъ о томъ, чтобы принять его въ разговоръ. «Можетъ быть, ты и правъ, что не довѣряешь мнѣ, — грустно говоритъ онъ, — вѣрно, я этого довѣрія не стою — но множимъ моимъ слухомъ». «Молча, я крѣпко расцѣловалъ его, — рассказываетъ Пушкинъ, — мы обнялись и пошли ходить: обонимъ, нужно было вздохнуть».

«Чтобы полюбить Пушкина настоящимъ образомъ, — говоритъ Пушкинъ, — надо было взглянуть на него съ тѣмъ полнымъ благо-расположеніемъ, которое знаетъ и видитъ все неровности характера и другіе недостатки, мирится съ ними и кончаетъ тѣмъ, что полюбить даже и ихъ въ другѣ — товарищѣ». Неудивительно поэтому, что на тѣхъ изъ декабристовъ, которые мало знали и мало понимали Пушкина, личность его подчасъ производила очень неблагоприятное впечатлѣніе. «Отъ верховной думы, — говоритъ декабристъ Горбачевскій, — намъ было запрещено знакомиться съ Пушкинымъ: а почему?

Прямо было указано на его характеръ». Такъ же рѣзко отзывъ Мих. Бестужева¹⁾. Басаргинъ, видѣвшій Пушкина въ Тульчинѣ и въ Одессѣ, говоритъ, что, «какъ человѣкъ, онъ ему не понравился — какое-то бреттерство, suffisance, желаніе уколоть, осмѣять». Первое впечатлѣніе Якушкина было такое же: «Пушкинъ былъ чрезвычайно вежоватъ въ обществѣ, корчилъ иногда лихача, при чемъ рассказывалъ про

себя отчаянные анекдоты, и все забѣлъ выходило какъ-то очень пошло». Якушкинъ, однако, сумѣлъ замѣнить и подлинное лицо Пушкина: «суть заходила разговоръ о чемъ-нибудь дальномъ, онъ тотчасъ проявлялся».

Но эти мелочи были только признакомъ болѣе глубокихъ различій. Пушкинъ былъ, подобно своему Модарту, «студяка праздный», и его духовная легкость, эллиническая жизнерадостность, оскорбляла спартацкій нуризмъ декабристовъ. Передъ лицомъ строгій добродѣтели Пушкинъ какъ-то сжимался, и его «слухности» были для него иной разъ предметомъ горькихъ раздумій. Это самоуничиженіе выразилось въ словахъ, сказанныхъ женой П. Муравьева въ 1827 г.: «Я понимаю, почему эти господа не хотѣли принять меня въ свое общество — я не стою этой чести» Якушкинъ.

Въ свою очередь, и Пушкину было какъ-то тяжело, душно съ декабристами. Недалекая Керчь дѣлаетъ одно замѣчаніе по поводу отношеній Пушкина къ женщинамъ: «Живо воспринимая добро, Пушкинъ, какъ мнѣ кажется, не увлекался имъ въ женщинахъ: его гораздо болѣе очаровывало остроуміе, блескъ, красота».

Таковъ былъ вкусъ Пушкина не только относительно женщинъ. Швабная душа поэта откликалась на правду, но выше всего стояла для него свободная, солнечная красота.

Это въ особенности сказывалось въ его литературныхъ разногласіяхъ съ декабристами. Тѣ смотрѣли на искусство исключительно съ гражданской точки зрѣнія, искали въ немъ только гражданского поученія, оставляя въ сторонѣ художественность. Съ этой точки зрѣнія они смотрѣли и на поэзію Пушкина. Владимиръ Раевскій хотѣлъ сдѣлать изъ Пушкина оружіе полн-

Иванъ Дмитріевичъ
ЯКУШКИНЪ.

¹⁾ Р. Ст. 1880, тѣмъ. 130. Редація не рѣшилась даже напечатать цѣлкомъ отзывъ Горбачевскаго и М. Бестужева въ дѣйствиіе ихъ крайности.

гической пропаганды и совѣтовать «составить другимъ пѣвцамъ любовь».

Любовь ли пѣтъ, гдѣ льется кровь,
Гдѣ вѣтъ съ насмѣшкой и улыбкой
Терзаетъ насъ кровавой пыткой.

Кн. Волконскій тоже подкалывалъ Пушкину, на что обратилъ свое поэтическое вниманіе: «Сосѣдство и воспоминанія о великомъ Повгородѣ,—пишетъ онъ ему въ Михайловское,—о вѣчномъ колоколѣ и объ осадѣ Пскова будутъ для васъ предметомъ истинныхъ заботъ, а соотечественникамъ нашимъ трудъ вашъ—памятникомъ славы предковъ и современника». То же самое говорилъ Пушкину и Рылѣевъ, самъ поэтъ и притомъ понимавшій свойства Пушкинскаго дарованія: «Ты около Пскова: тамъ задушены послѣднія вспыхи русской свободы—настоящій край вдохновенія—и неужели Пушкинъ оставитъ эту землю безъ возмезья?»

Но Пушкинъ судилъ о поэтическомъ произведеніяхъ прежде всего по исполненію и не допускалъ и мысли о томъ, чтобы ставить поэзіи какія бы то ни было внѣшнія цѣли, хотя бы и самыя добродѣтельныя. «Вотъ па!—отвѣчаетъ онъ Жуковскому на вопросъ о цѣли «Цыганъ»—цѣль поэзіи поэзія. Рылѣева Думы и цѣлѣтъ, да не впопадъ». Пушкинъ требовалъ, чтобы стихи прежде всего были стихами, и никакая «цѣльность» содержанія не могла въ его глазахъ искупить неудачной формы. «У васъ ересь,—пишетъ онъ брату по поводу разсужденій Рылѣева и Бестужева,—говорять, что въ стихахъ стихи не главное. Что же главное—проза? Должно заранѣе истребить это гоненіемъ, кнутомъ, кольями, пѣнями на голосъ: одинъ сюжетъ во компаніи и т. д.» (Переи. 191). Къ своимъ братьямъ—поэтамъ изъ числа декабристовъ Пушкинъ относился доброжелательно и очень радовался, когда находилъ въ ихъ произведеніяхъ что-нибудь по своему вкусу, но все-таки считалъ, что это—«не въ его родѣ, а въ родѣ Тираспольской крѣпости», какъ онъ отзывался объ одной поправившейся ему строфѣ изъ стихотворенія Владимира Раевского. Думы Рылѣева онъ называлъ дрянью и самое заглавіе ихъ производилъ отъ нѣмецкаго: dumm. Зато «Войнаровскій» ему искренно нравился, и онъ отыскалъ тамъ даже «какого-то палача съ засученными рукавами, за котораго дорого такъ бы»¹⁾. Но съ точкой зрѣнія Бесту-

жева и Рылѣева на искусство онъ рѣшительно не мирился. Переписка его съ ними (1822—1825) представляетъ собой цѣлый рядъ литературныхъ споровъ, гдѣ одна сторона защищаетъ литературное мастерство—«искусство», а другая стоитъ за «вдохновеніе» и «высокіе предметы», способные «колебать душу» и «строгать русское сердце» (Переи. 168, 177, 187)¹⁾.

Были и другія разногласія—общественнаго характера. Поэтическое чувство связи со старинной и разраженіе противъ высокомерія разныхъ Воронцовыхъ сбѣдали изъ Пушкина сторонника родовитаго дворянства, въ которомъ онъ видѣлъ опору для личнаго достоинства. Онъ объяснялъ дворянскимъ происхожденіемъ независимость русскихъ писателей и самое протестующее настроеніе декабристовъ. «Воронцовъ воображаетъ, что русскій поэтъ явится въ его передней съ одой или съ посвященіемъ, а онъ является съ требованіемъ на уваженіе, какъ 600-лѣтній дворянинъ—дьявольская разница». «Преимущество гражданскихъ не должно существовать,—отвѣчалъ на это честный демократъ Рылѣевъ,—да они для поэта Пушкина ни къ чему не служатъ... Чванство дворянствомъ непротестительно—особенно тебѣ. На тебя устремлены глаза всей Россіи—тебя любить, тебѣ вѣрять, тебѣ подражаютъ. Будь поэтъ и гражданинъ».

Тѣмъ не менѣе, Пушкинъ имѣлъ полное право считать себя пѣвцомъ декабристовъ («словцамъ я пѣлъ»—въ «Аріонѣ»). Его политическія стихотворенія расходились въ тысячахъ списковъ—«сообщались и повторялись во всѣхъ дружескихъ кружкахъ» (А. Бѣляевъ). По словамъ Жуковскаго, не было грамотнаго прапорщика, который не зналъ бы ихъ наизусть²⁾. «Въ бумагахъ каждаго изъ дѣйствовавшихъ находятся твои стихи»,—писалъ Пушкину Жуковскій въ 1826 г.

И Пушкина стихи цензуры не видали—
Что нужды имъ и такъ имъ прочитали.

¹⁾ Александръ Бестужевъ-Марлинскій былъ восточнымъ жителемъ Петербурга, и Пушкинъ встрѣчалъ его въ 1817—1820 гг. Рылѣева онъ тоже зналъ лично (можетъ быть по Вольному обществу и даже имѣлъ какой-то случай застрѣлить его—Переи. 73, 196, но знакомство ихъ было очень непродолжительно, такъ какъ Рылѣевъ пріѣхалъ въ Петербургъ только въ концѣ 1819 или въ началѣ 1820 г.).

²⁾ См. еще Р. Ст. 1870, т. III—стихи О. П. Глинки.

Этотъ палачъ потомъ появился въ Полтавѣ.

Вся свободолюбивая поэзія Пушкина дѣйствовала закнгательно на молодежь. «Кто изъ молодыхъ людей не читалъ и не увлекался сочиненіями Пушкина, дышавшими свободою?»—говоритъ декабристъ Штейнфельдъ (Бороздинъ, 70) 1).

... У столба сатиры
Развратъ и злобу я казнилъ,
... развратъ и злобу я казнилъ
Винюныхъ въ утасъ привошью...
... Пламеннымъ волненьемъ
И бурями души моеи,
И жаждаго воды и тоненьемъ
Я сталъ павлетель межъ людей.

УП.

Жажда воли—
вотъ что соединило
и къ то же время
раздѣлило Пушкина
съ декабристами. Они
пришли къ одному и
тому же, къ полити-
ческой свободѣ, но
съ разныхъ сторонъ.
Тѣ были беззаветные
альтруисты, общест-
венники, для которыхъ
«общее благо» было
единственною цѣлю
и единственнымъ
смысломъ жизни, а у
Пушкина рано опре-
дѣлилось то, что онъ
называетъ: «мой эго-
измъ» (Переи. 119,
122). Психологиче-
ской для Пушкина яв-
лялся индивидуализмъ
— «жажда воли» — и

стремленіе къ политической свободѣ было только однимъ изъ частныхъ проявленій этой жажды. Заключаясь въ сферѣ общественныхъ интересовъ Пушкинъ не могъ. Неотразимо привлекали его и прекрасное небо, и любовныя радости и творческія наслажденія.

Мало по малу Пушкинъ теряетъ интересъ къ политической злобѣ тия и даже цитируетъ сочувственно изреченіе, что tout ce qui est politique n'est fait que pour

О значеніи Пушкина для декабристовъ— В. П. Семевскій, Р. Б. 1907 годъ. Генераль Михайловскій-Данилевскій называлъ Пушкина въ 1826 г. «декабристомъ мнѣзднникомъ». Р. Ст. 1890 XI 365.

la canaille. Сентиментально-романтическая мечта о «серебренской свободѣ», пройдя сквозь торнадо политическихъ ученій, спускается въ глубину и претворяется въ индивидуалистическую философію жизни «Цыганы», оконченные въ Михайловскомъ въ 1824 г., представляють собой одну изъ глубочайшихъ въ своей простотѣ трагедій индивидуализма. Обстановка поэмы—цыганская волюность, жизнь на подобіе «птички Божіей», которая не знаетъ «ни заботы ни труда»—отзывается еще романтической идилліей, но въ драмѣ, которая разрывается на этомъ фонѣ между Алеко и Земфирой, заключена глубокая, значительная мысль.

Индивидуализмъ Алеко не знаетъ границъ и переходитъ въ пассивіе надъ личностью Земфиры, которая осуществляетъ идеаль настоящей духовной свободы:

Твои угрозы прокли-
паю,
Твое убійство през-
ираю—
Умру любя!

И въ словахъ старата цыгана, въ его осужденіи «гордаго чело-
вѣка»—ты для себя
лишь хочешь воли —
брезжить широкой
идеаль гармоническа-
го общественнаго
строя, гдѣ индивиду-
альная воля ограни-
чена только закономъ
естественной справед-
ливости по отношенію

къ другой воли:

... шкъ у насъ законы,
Мы не терасемъ, не казимъ,
Но жить съ общенъ не хотимъ.

Это уже Толстовскій анархизмъ. Вотъ когда разгорѣлась солнечнымъ свѣтомъ «сиялая лампата», зажженная Куницынымъ, и подаромъ Пушкинъ въ 1825 г. номинувъ то-
брамъ словомъ своего лицейскаго учителя.

Этотъ «анархизмъ» пѣдалъ непреходимой пропасть между Пушкинымъ и декабристами, все міросозерцаніе, которыхъ основывалось на полномъ номиненіи нравъ личности интересамъ общаго блага. Въ

Александръ Ивановичъ
ЯКУБОВИЧЪ.

«Андре Шенье», написанномъ подъ впечатліемъ разговоръ съ Пущинымъ (январь 1825 г.) и полнымъ загадочнымъ предчувствіемъ, проявляется, если не сознание, то неясное ощущеніе этой органической розни. Что обозначаетъ это отождествленіе себя съ жертвой «убійць и палачей», выбранныхъ въ цари? Зачѣмъ это отграниченіе идеала свободы отъ ужасовъ террора въ устахъ А. Шенье, alter ego Пушкина?

Но ты, священная свобода,

Богиня чистая! Пѣть не видовала ты—

Въ порывахъ буйновъ
свѣтовы.

Въ префрнномъ бѣшенствѣ парода—

Сокрылась ты отъ
насъ...

Пушкинъ самъ придавалъ своему «Шенье» значеніе предзнаменованія. «Суди объ А. Шенье, какъ іезуитъ—но памфрлейю». «Я пророкъ, ей Богу, пророкъ! Я А. Шенье велю напечатать церковными буквами во имя Отца и Сына». О чемъ это пророчество? Пѣть ли тутъ чего-то въ родѣ предвидѣній своей судьбы въ случаѣ успѣха революціи?

Подъ влияніемъ этого настроенія, у Пушкина возникаетъ сомнѣніе, имѣло ли вообще какой нибудь смыслъ его участіе въ политической борьбѣ, и не правы ли Дельвигъ и Вяземскій, которые не видѣли въ его либерализмѣ ничего кромѣ «поддразниванія» правительства (Переи. 104, 133:

И что дѣл оставлю я Забытые слѣды
Бѣлагошю ревности и терзости пычожной!

Но—пѣть!—говорить оны—

Умолки, ропотъ малодушны!

Горше и радуйся, поеть—

Ты не пошкъ главоі послушной

Переть позоромъ нашихъ дѣлъ...

Ты пѣть Маратовымъ жрецамъ

Кншкаль и пѣву—Евменш!

Отрѣзанный отъ міра въ своемъ Михайловскомъ, Пушкинъ точно угадывать надвигающуюся грозу. Передъ самымъ бунтомъ онъ вдругъ собрался въ Петербургъ, и только зацѣпъ, перебѣжавшій дорою, заставилъ его воротиться въ Майкопъ, 420). Извѣстіе о 14 декабря повергло его въ неописанное волненіе. Декабристы сразу подучаютъ въ его глазахъ ореолъ героизма и мученичества. Судженіе Вяземскаго (истиннаго человека голыа, который во время оно велѣлъ за всѣми либеральничалъ насчетъ конституціи о дѣятеляхъ возстанія,

какъ о «сорванцахъ и поддѣцахъ», отзывается острой болью въ сердцѣ Пушкина: «Если ужъ Вяземскій такъ, то что же другіе? Грустно, братъ, такъ грустно, что хоть сейчасъ въ пѣтло». Въ то время, какъ даже сравнительно порядочные люди, въ угоду общему настроенію, считали нужнымъ громко порицать «измѣнничество» мятежниковъ, Пушкинъ, несмотря на свое сомнительное положеніе и страстное желаніе вырваться изъ тюрьмы, нарочно афишируетъ и даже увеличиваетъ свою связь съ декабристами. У него пѣть для нихъ другого названія, какъ — братья, товарищи, друзья ¹⁾. Николаю Гоголю прямо

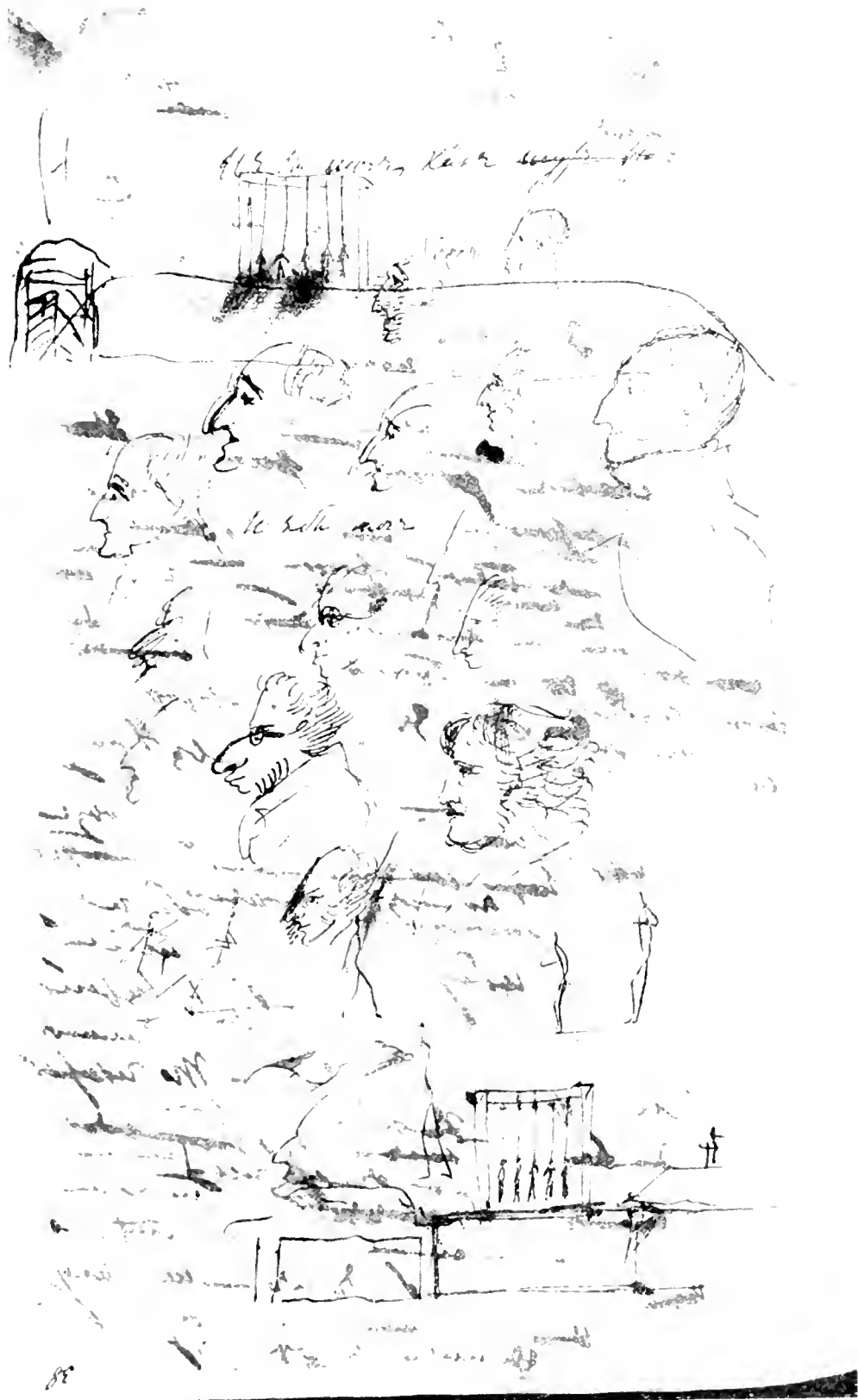
заявляетъ, что былъ бы на площади съ бун-

Павель Ивановичъ

ПЕСТЕЛЬ.

¹⁾ Жуковскому Пушкинъ писалъ, что былъ въ связи съ большою частью заговорщиковъ, между тѣмъ какъ на самомъ дѣлѣ зналъ лично едва ли десятую часть изъ нихъ числа. Ближнихъ же знакомыхъ и друзей его среди привлеченныхъ къ суду было счтеномъ человекъ 10. Надо еще добавить, что большинство декабристовъ принадлежало къ Петербургскому свѣтскому кругу, и личнымъ знакомствомъ съ ними могли похвалиться всѣ бывавшіе въ Петербургскихъ гостиницахъ. Кромѣ тѣхъ лицъ, о которыхъ писалъ выше, можно еще указать на возможное знакомство Пушкина съ А. О. Корниловичемъ, прибывшимъ въ Одессу въ 1824 г. (упоминается въ письмахъ 1824 г. и П. А. Граббе упоминающа

ЛИСТЪ 38-й ИМПЕРИИКОИ ТЕТРАДИ № 2368.

*Деланъетъ на воюваща
Въсправаваща и на срава*

товщикамъ, если бы очутились въ Петербургѣ¹⁾.

Горючія надежды на освобожденіе переплетаются у него съ глубокимъ страданіемъ за декабристовъ. «Съ петербургскимъ рѣшеніемъ участи несчастныхъ и обнаруженіемъ заговора. Твердо надѣюсь на великодушіе молодого нашего царя». И черезъ мѣсяць: «Мнѣ сказывали, что 20-го (февраля) участь ихъ должна рѣшиться—сердце не на мѣствѣ: но крѣпко надѣюсь на милость царскую. Мѣры правительства доказали его рѣшимость и могущество. Большаго подтвержденія, кажется, не требуется... Пушкинъ видитъ трагизмъ совершившагося, и развязка представляется ему роковой неизбежностью: «взглянемъ на трагедію взглядомъ Шекспира». То же повторяется и въ запискѣ о воспитаніи, написанной для Николая I: «Вѣроятно, братья, друзья, товарищи погибшихъ усюкоятся временемъ и размышленіемъ, поймутъ необходимость и простятъ оной въ душѣ своей».

Казнь и каторга декабристовъ поразили Пушкина до глубины души—глубже чѣмъ смерть Дельвига въ 1831 г. «Повѣщенные повѣшены, но каторга 120 братьевъ товарищей, друзей—ужасна. Еще надѣюсь на коронацію». Наканунѣ извѣстія о казни пришло извѣстіе о смерти Рязиныхъ. Оба эти извѣстія стоятъ рядомъ подъ стихотвореніемъ, посвященнымъ ей памяти,—обозначенные понятными инициалами: У. е. л. о. см. 24—У. о. с. Р. П. Б. М. К. 25. Въ тетрадахъ сохранилось нѣсколько рисунковъ: вагы, крѣпость, вѣтъ висѣлицъ съ тѣлами—и сбоку задумчивыя надписи: *и я бы могъ... и я бы могъ, какъ жить на...; вотомъ: видѣть во снѣ...*²⁾.

Мечта Пушкина осуществилась: онъ въ Москвѣ и въ Петербургѣ. Его жизнь превращается въ рядъ триумфовъ. Публика, писатели—все носятъ его на рукахъ. Но его тревожить, мучаетъ мысль о декабристахъ. «Какъ онъ вѣренъ имъ!»—это го-

ворила Смирнова уже въ 30-хъ лѣт. (I, 94). На лицейскомъ праздникѣ 1827 г. онъ, съ рискованъ нажать неприятности (которыя и подучилъ на самомъ дѣлѣ¹⁾), привѣтствуетъ бодрымъ: *Богъ помощь!—товарищій «въ врачьямъ прощайте земли». Онъ посылаетъ прощальные стихи своему Пушкину, полные матающей за сердце ибжности и въ посланіи въ Сибирь предсказываетъ торжество декабристовъ:*

Во глубинѣ сибирскихъ рудъ
Храните горькое терпѣнье—
Не пропадетъ ваша скорбный трудъ
И думъ высокое стремленье...
...Свобода
Васъ приметь радостно у вѣтъ,
И братья мечъ вамъ отдадутъ...

Пушкинъ сравниваетъ ихъ участь со своею:

А я, дашественный пивецъ,
На березѣ выброшенъ грозой
И гимны прекраснѣ пою...²⁾.

14 декабря не было переломомъ въ политическіе взглядахъ Пушкина. Перелома вообще не было—была эволюція, и начало ея восходитъ еще къ 1823 г. Пушкинъ Николаевской эпохи—прежній Пушкинъ, «поклонникъ правды и свободы». Онъ не унизилъ измѣной беззаконной—

Ни горюй совѣсти, ни лиры непреклонной—

остался вѣренъ далекой мечтѣ о разумной правдивой, прекрасной, солнечной жизни:

Ты, солнце святое, гори!
Какъ эта лампада блѣднѣетъ
Предъ яркимъ восходомъ зари.
Такъ ложная мудрость меркнетъ и глѣветъ
Предъ солнцемъ безмернымъ ума!
Да здравствуетъ солнце, да скроется тьма!...

¹⁾ Гротъ, 109.

²⁾ Повѣщеніе Пушкина по отношенію къ декабристамъ отличается вообще прямо рыцарскимъ благородствомъ. Эпитетъ «бушныхъ», который онъ прилагаетъ въ имѣ въ Стансахъ и въ запискѣ о воспитаніи, не заключаетъ въ себѣ ничего особенно обиднаго въ его глазахъ и является условной обстоятельствомъ—слишкомъ ничтожной, въ сравненіи съ тѣми пинтуаціями, которымъ декабристы подвергались со стороны бывшихъ единомышленниковъ, желавшихъ громко засвидѣтельствовать переть правительствомъ свою политическую невинность.

Александръ Слонимскій.

въ письмѣ къ Кривошею въ апр. 1819 г. и къ Вяземскому въ апр. 1825 г. У Чаадаева въ Петербургѣ Пушкинъ, вѣроятно, встрѣчалъ его товарищей—семеновцевъ братьевъ Матвѣя и Сергія Муравьевыхъ-Анотоловъ.

¹⁾ Р. Ст. 1880 апр. 132 и 1899 апр. 310.

²⁾ Ср. замѣтку на стр. 529.

По поводу рисунка Пушкина

на листъ 38 тетради № 2368.

На стр. 527 воспроизведенъ листъ 38-ой пушкинской тетради № 2368. На немъ, какъ говоритъ авторъ предыдущей статьи, «задумчивыя слова» Пушкина:

И я бы могъ, какъ тутъ на

Воспроизведение этой страницы дается въ настоящемъ изданіи въ первый разъ. Но по описанію она известна уже давно. Еще въ 1884 г. В. Е. Якушкинъ въ своемъ прекрасномъ трудѣ о находящихся въ Румянцевскомъ Музее пушкинскихъ рукописяхъ далъ слѣдующую справку («Русская Старина» 1884, июнь, стр. 550):

«Нарисованы: Валъ и ворота [крѣпость], на валу висѣльца и на ней пять повѣшанныхъ, съ боку начала фразы: и я бы могъ, (какъ тутъ на...) Внизу страницы опять повторены тотъ-же рисунокъ, а посреди страницы снова начала фразы: и я бы могъ...—Рисунки эти относятся къ 1826 г. и напоминаютъ смерть Рылѣва, Пестеля, С. Муравьева-Апостола, Беслуженя-Рюмина и Каховскаго. († 13 июля 1826 г.). Въ запискѣ «О народномъ воспитаніи». [«О народномъ воспитаніи» писано въ половинѣ ноября] Пушкинъ высказываетъ надежду, что братья, друзья, товарищи погибшихъ [декабристовъ] успокоятся временемъ и размышленіемъ. Онъ самъ еще не былъ въ это время успокоенъ. Обласканный царемъ, восторженно встрѣченный москвичами, онъ продолжалъ думать о погибшихъ братьяхъ, и не только о живыхъ, но и о мертвыхъ. Такимъ образомъ рисунокъ на этой страницѣ и надпись показываютъ намъ, что сказанное имъ въ письмѣ къ князю Вяземскому «Повѣшанные повѣшаны, но каторга 120 друзей, братьевъ, товарищей ужасна» было невольно искренно, что Пушкинъ, повторяя, думалъ и о мертвыхъ братьяхъ, *мысленно присоединялъ себя къ ихъ судьбѣ*.

Такое толкованіе «задумчивыхъ словъ» Пушкина прочно установилось въ литературномъ сознаніи. На нихъ смотрятъ какъ на одно изъ самыхъ яркихъ проявленій духовной близости Пушкина съ декабристами. Въ нихъ видятъ явнѣе опредѣленное подтвержденіе заявленія Пушкина, что

будь онъ въ Петербургѣ, онъ 14 декабря былъбы и на Сенатской площади. Никто не сомнѣвается, что въ законченномъ видѣ фраза, начатая на 38-мъ листѣ, примѣрно, читалась-бы такъ: и я бы могъ, какъ тутъ на висѣлицѣ погибнуть, пострадать, заплатить жизнью за свои убѣжденія или какъ-нибудь иначе въ томъ же родѣ.

Когда мы, однако, ознакомились съ 38-ой страницей въ подлинникѣ, насъ поразило начертаніе 6 слова верхней строки. Почему В. Е. Якушкинъ прочиталъ *тутъ* когда оно совершенно опредѣленно читается *тутъ?*

Чтеніе *тутъ* съ перваго разу, понятно, очень коробитъ. Получается впечатлѣніе, что Пушкинъ обозвалъ декабристовъ шутами. Приходили на умъ, невольно, даже такія сближенія. Припоминалось намъ, что видѣли мы у покойнаго П. А. Ефремова большой рисунокъ Пушкина¹⁾, въ юмористическомъ видѣ изображающій какъ «Кюхля стрѣляетъ 14 декабря». Кюхля, т. е. Кюхельбекеръ былъ загадочнымъ другомъ Пушкина, былъ уже въ это время, когда рисовалась карикатура на каторгѣ, и это, однако же, не останавливало веселого расположенія духа Пушкина.

Припоминались затѣмъ «Стансы», гдѣ на одну доску поставлены стрѣльцы и декабристы, Николай и Петръ. Припоминалась, наконецъ, вообще «многогранность» Пушкина, и невольно складывалось убѣжденіе, что какъ тамъ Пушкинъ ни сочувствовалъ, по прирожденному благородству, страданіямъ декабристовъ, но, въ общемъ, онъ, все-таки, оказался человѣкомъ толпы, въ глазахъ которой побѣжденный всегда неправъ и смѣшонъ. И переходы-то, въ данномъ случаѣ, такъ естественны: «мятежники»—этажъ первый, «безумцы»—этажъ второй, а тамъ и «шуты».

Отдѣлавшись, однако, отъ перваго впечатлѣнія, которое произвело на насъ неожиданное чтеніе *тутъ*, мы пришли къ рѣ-

¹⁾ Мы не потеряли надежды дать воспроизведеніе этого интереснаго рисунка въ одномъ изъ ближайшихъ томовъ.

менно, что въ этомъ чтеніи никакого пренебреженія къ декабристамъ нѣтъ. Почему если декабристы вѣсятъ на виселицѣ какъ «шуты», то это значитъ, что они и сами шуты? Если я про кого-нибудь скажу: его зарыли какъ собаку, значитъ ли это, что я его считаю собакою? Повѣшеніе педаромъ считается казнью позорною. Сложить голову на плаху — дѣло есть ибчто героически-красивое, а повѣшенный именно болтается какъ шутъ.

Считаемъ нужнымъ привести эти соображенія, чтобы перенести споръ исключительно на объективную почву и лишить его всякой остроты. Если и читать *шутъ*, то никакихъ выводовъ о пренебрежительномъ отношеніи Пушкина къ декабристамъ изъ этого дѣлать не слѣдуетъ.

Но оставивъ въ сторонѣ всякія политическія соображенія, какъ же, все-таки, читать: *шутъ* или *шутъ*?

Мы показывали листъ 38 кое-кому въ подлинной рукописи, показывали очень многимъ фотографію, и въ подавляющемъ большинствѣ случаевъ все читали *шутъ*.

Передавали намъ, однако, изъ авторитетнаго источника, что Пушкинъ и н о г л а будто бы писалъ *ш* какъ *ш*. Принявъ это въ соображеніе, мы стали внимательно присматриваться къ имѣющимся у насъ многочисленнымъ снимкамъ пушкинскихъ ру-

кописей и такого впечатлѣнія не вынесли. Ни на одно такое смѣшеніе мы не наткнулись.

Въ случаѣ, гдѣ рѣчь идетъ объ исключеніи, *onus probandi* никогда не лежитъ на глухъ, кто говорить объ общемъ правилѣ. Вотъ почему пока не будетъ указано, гдѣ именно Пушкинъ писалъ *ш* какъ *ш*, мы должны читать *шутъ*, а не *шутъ*.

Но кромѣ графическаго метода, вопросъ можетъ быть рѣшенъ и чисто-литературнымъ путемъ и притомъ, какъ намъ кажется, совершенно безапелляціонно. Намъ представляется, что чтеніе *шутъ*, если въ него вдуматься по существу, есть просто недоразумѣніе. Какъ въ самомъ дѣлѣ, могло даже въ наброскѣ литературнаго произведенія, притомъ по всей вѣроятности стихотворенія, появиться такое совершенно широкое глго какъ механическое указаніе на рисунокъ? Великій поэтъ даетъ самостоятельный образъ, самъ по себѣ рисующій картину, и кто же ссылается на приложенный рисунокъ? Подпись къ картинкѣ что-ли сочинялъ Пушкинъ? Да и то въ подписяхъ подъ картинками только уже въ очень примитивно-дубочшлхъ пишущихъ: «тутъ изображено» и т. д.

С. Венгеровъ.

Обложка Герасимовской Полярной Звезды. 1861 г.

ПРИМЪЧАНІЯ.

НЕДОНЕДНІЕ В ПРИПИСЫВАЕМЫЕ ПУШКИНУ СТИХИ

1817—1819 гг.

I.

1817 годъ.

131-а. СТИХИ НА П. П. КАВЕРИНА.

Забудь, любезникъ мой Каверинъ,
Минутной рѣзости нескромныя стихи —

писалъ П. П. Каверину Пушкинъ. Эти нескромныя стихи не вошли въ насъ, и о содержаніи ихъ мы можемъ лишь догадываться по посланію Пушкина къ П. П. Каверину — см. примѣчанія къ этой шестѣ, т. I, стр. 408, и шестюкъ «Молитвъ деибъ-гусарскихъ офицеровъ». Предметомъ стиховъ, направленныхъ противъ Каверина, были, конечно, счастливыя грѣхи гусара, котораго Пушкинъ выставлялъ, должно быть, далеко не апостоломъ Зенонова ученья, а любителемъ умно, хотя неосторожно тураться.

139. МОЛИТВА ДЕЙБЪ-ГУСАРСКИХЪ ОФИЦЕРОВЪ.

т. I, стр. 45.

Впервые объ этой шестѣ упоминалъ А. П. Давыдовскій повѣдомилъ П. М. къ, въ своей статьѣ. По поводу послѣднихъ изданій сочиненій Пушкина (Библиографическія Записки 1858 г., ст. 337), отнесши ее къ 1817 г., и сообщивши, что она — на бѣдѣ было большому хлопоту пошу. Намечана она была въ первый разъ въ изданіи Писемъ П. В. Гербедему сборникъ Стихотвореній А. С. Пушкина, не вошедшихъ въ полное собраніе его сочиненій (Берлинъ, 1864 г., стр. 7—8, съ слѣдующимъ примѣчаніемъ, стр. 228—229): «Помянутая молитва, написанная на дежурствѣ Заватовскаго, была пошата Пашковъ въ кнѣзь благотворнымъ, неготованіемъ и грозилъ работѣ Пушкина, Заватовскій, чтобы издать стихи на себя, — и было грядло оконченіемъ тудавъ. Это только до свѣдѣній командира гвардейскаго корпуса князя Васильева, который создалъ офицеровъ для объясненія съ дѣлью помирить ихъ. Все было кончилось тѣмъ, что на съотѣбѣла горадунная партія облавила это тѣло труде съимъ, пустившимъ, а противная бодеъ въ сказанъ, промолвилъ и тѣмъ сообразилъ съ первой. Подъ этихъ словъ отбѣка въ скобкахъ: Сообщилъ Сабуровымъ». Этого скандала касался примечаніе въ Русскомъ Архивѣ 1873 г., III, 406—407, шестюкъ къ П. В. Васильеву къ князю П. М. Волконскому: «У гвардейскихъ гусаръ случилась маленькая пого-

рѣд, и такъ какъ она можетъ войти въ насъ въ превратномъ видѣ, то я вамъ ее разкажу самъ. Графъ Заватовскій, офицеръ этого полка, поволялъ себѣ написать анграмму на своихъ товарищѣхъ въ отношеніи кнѣзь гусарскихъ. Я узналъ это, не подѣривалъ еще, кто авторъ, и принялъ мѣры, чтобы разсказать виновнато. Возвратившись изъ Лангои, я узнавала, что офицеры удвѣли про это обстоятельство и, обиженыя, какъ и должно быть, послали сказать полковнику Крекшину, что желаютъ, чтобы было доведено до моего свѣдѣнія это дѣло. Теперь уже все это кончено, и гусарскіе офицеры очень хорошо поступили въ этомъ случаѣ. Графъ Заватовскій почувствовалъ непріятіе своего поведенія и вѣднделъ переть своими товарищами. Офицеры его прогнали и все меня умоляли не показывать это, а тѣмъ — никакъ не доводить до свѣдѣнія Е. П. В. Гусаря жалость, которая можетъ повредить ему во мнѣніи его монарха. Письмо не татировано и слабено примѣчаніемъ, что въ немъ говорится о графѣ Алексѣандрѣ Петровичѣ Заватовскомъ. Гавескинъ, а за нимъ другіе комментаторы говорятъ, что эта шестя вывала и вѣднделъ Пушкина переть дѣлывамъ въ немъ П. П. Каверинъ, къ которому только обратилась съ просьбой: «Забудь, любезникъ мой Каверинъ, минутной рѣзости нескромныя стихи 1817 г.». Молитва была переиздана В. П. Гавескимъ Современникъ 1863 г., N 8, стр. 392—393, какъ несомнѣнно пушкинское стихотвореніе, и внесена въ изданія П. О. Морозова «Литерат. фонда», т. VII, стр. 114, и Просвѣщенія, т. I, стр. 300, и П. А. Ефремова «А. С. Суворина», т. VIII, стр. 76—77, причемъ послѣднее слово ея дѣлывено: А. П. Машковъ (т. е. академикъ, 2-е изд., прим., стр. 476) не отвергъ этихъ стиховъ, хотя, надо замѣтить, въ тебѣль это тудъ завернень 1817 готомъ, не шестюкъ ихъ. Въ бібліотекѣ Паш. Академіи Паухъ находителъ конца этой шестѣ, ставшая П. В. Анненковымъ по словамъ составителя Описанія прина тѣжащенъ академіи пушкинскѣхъ коллекцій Пушкина и его современники (т. I, вып. IV, стр. 36), только замѣтилъ, замѣчено, что стихотвореніе это помянуто отъ Сабурова, въ концѣ объяснительной къ стихотворенію Пушкина приписка Анненкова.

Въ кнѣзь К. Манзеля «Исторія деибъ-гвардїи гусарскаго полка» (т. III, Сиб., 1839), гдѣ перечислены всѣ офицеры полка, мы не находимъ имени графа Александра Петровича Заватовскаго, а находимъ имя его брата, графа Василья Петровича (стр. 9), который и въ камеръ-интервью Е. П. В. перешелъ въ гусарскій полкъ, корнетомъ 18 февраля 1818 г. А. В. Машковъ, будто бы хотѣвшій познакомиться Пушкина вѣднделъ 1817 г., стр. 38—39, перешелъ въ Гвардїю гусарскій полкъ. Князь Любомірскій въ гусарскомъ полку было поше: одинъ перевелъ въ Преображенскій полкъ 27 октября 1817 г., стр. 13, а тудомъ 26 ноя-

1817 г. вышель в отставку (стр. 73). Барон П. Ф. Кнабену перешел на службу в Старорудбекский кирасирский полк 17 октября 1817 года (стр. 76). Рамаионамъ было въ полку двое юнкерами, а потомъ офицерами, одинъ съ 1819 г., другой съ 1820 г. (стр. 102—103). С. Ф. Гершрофъ былъ въ полку съ 11-го марта 1818 г. (стр. 95). Въ «Мотивъ» упоминается, повидимому, не только наличные офицеры полка, но даже цвкаторые ушедшие изъ него и младшие товарищи-юнкера. Изъ того, что Завадовскій сталъ корнетомъ д.-гв. гусарскаго полка лишь въ 1818 г., видно, что письмомъ князя Волконскаго, гдѣ онъ названъ офицеромъ, могло быть написано, конечно, не ранее этого года. Такимъ образомъ «Мотивъ» позднѣе 1817 г., и, значитъ, въ посланіи къ П. П. Каверину, несомненно, относящемуся къ 1817 г., поэтъ нескромными стихами, которыми Пушкинъ проситъ прощенья, разумеется никакъ не «Мотивъ».

А. П. Афанасьевъ не говорилъ, откуда почеркнуто имъ извѣстіе объ этой пьесѣ и о непріятностяхъ, которая будто бы навлекла она на Пушкина. Гербель, ссылаясь на Сабурова, не указываетъ его имени и отчества; между тѣмъ въ гусарскомъ полку было, судя по сообщенію К. Манжеевъ списку, одновременно четверо Сабуровыхъ (стр. 82, 83—84, 95—96): Яковъ Васильевичъ, Андрей Ивановичъ, Александръ Ивановичъ и Яковъ Ивановичъ. На кого изъ нихъ ссылается Гербель, неизвестно. Съ какимъ-то Сабуровымъ Пушкинъ былъ, по словамъ С. Д. Козловскаго, близокъ въ Царскомъ Селѣ Я. К. Гротъ. «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», Сиб., 1899 г., стр. 220. Объ одномъ Яковѣ Сабуровѣ Пушкинъ писалъ брату въ 1825 г.: «Есть у меня еще друзья: Сабуровъ Яшка, Мухомовъ, Давыдовъ и проч. Эти друзья не въ примѣръ хуже Булгарина...» «если Сабуровъ не ухаживаетъ въ Одессу, то попроси его обо мнѣ тамъ: ничего не врать...» Есть у Пушкина относящійся къ 1824 г. черновой набросокъ.

Сабуровъ, ты оклеветалъ
Мои пріятелья загибъ,
Какъ я съ Каверинымъ гулялъ и т. д.

Какой-то Сабуровъ упоминается въ «Опытъ» (глава 8, стр. XXVI):

Тутъ былъ Сабуровъ, заслужившій
Извѣстность низостью души...

Если гербелевскій Сабуровъ тотъ, о которомъ такъ жестоко отзывался Пушкинъ, то его сообщеніе нужно признать очень сомнительнымъ. Возникаетъ вопросъ: Пушкинъ ли написалъ «Мотивъ» дѣйствительно гусарскихъ офицеровъ? Нѣтъ оснований рѣшительно отвергнуть его авторство, но нельзя положительно признать пьесу принадлежащею ему, тѣмъ болѣе, что ничего специфически-пушкинскаго нѣтъ въ этой слабой вещицѣ.

160-а. КЪ ПОРТРЕТУ И. Х. МОЛОДЦОВА.

Не большой онъ русскій баринъ,
Дуракомъ онъ не былъ въ пѣкѣ
Онъ татаринъ, онъ татаринъ,
Онъ не русскій человекъ.

Эти стихи къ портрету И. Х. Молоцова были впервые напечатаны въ Русс. Архивѣ 1898 г.,

т. II, стр. 332, якобы съ автографа, находящагося на оборотѣ акварельнаго портрета И. Х. Молоцова, хранящагося въ Пушкинскомъ музеѣ Александровскаго лицей. Пьеса эта, не внесенная А. П. Майковымъ въ первое изданіе I т. академическаго Пушкина, появилась во второмъ его изданіи (стр. 246, прим., стр. 370—371; напечатана же и П. О. Морозовъ «Сочиненія П., изд. Просвѣщенія», т. I, стр. 207, 497—498). Но уже П. А. Ефремовъ, «Минуты Пушкинъ въ стихахъ, прозѣ и изображеніяхъ» — Новое Время 1903 г., № 9834 вѣроятно правильно сообщилъ что: «минуты пушкинскія нашия не имѣютъ ни малѣйшаго сходства съ настоящимъ почеркомъ его». Ефремовъ не вѣсь же въ свое изданіе и упоминаетъ о ней лишь въ примѣчаніяхъ «Сочиненія П., изд. А. С. Суворина, т. VIII, Сиб., 1905 г., стр. 77—78», повторяя снова, что «почеркъ не пушкинскій», и вѣроятно основательно нашелъ, что и текстъ не напоминаетъ Пушкина — если татаринъ даже дважды, то, конечно, «не русскій человекъ»; притомъ же и сопоставленіе или противопоставленіе «русскаго барина» и «дурака» что-то слишкомъ неяснато и не подходитъ къ пушкинскому взгляду на дворянъ. Дѣйствительно, написанъ такъ заглавн и скудоумна, что остается только удивляться, какъ эта плохая поддѣлка могла сойти за подлинныя пушкинскіе стихи. Имя Молоцова встрѣчается въ принятаго Пушкину «Мотивъ» дѣйствительно гусарскихъ офицеровъ.

160. КЪ БАБОЛОВСКОМУ ДВОРЦУ.

т. I, стр. 447.

Въ императорской книгѣ Московскаго публичнаго музея № 2395, служившей для посмертнаго изданія произведеній Пушкина, есть л. 773 списокъ этого четверостишія, впервые напечатаннаго В. Е. Якушкинымъ въ его описаніи «Рукописей А. С. Пушкина, хранящихся въ Румянцовскомъ музеѣ» Русс. Стар. 1884 г., декабрь, стр. 376. Печатавъ его, г. Якушкинъ усомнился въ принадлежности его Пушкину, такъ какъ «вся книга составлена очень небрежно, и въ ней дважды помѣщено посланіе на смерть Державина, принадлежащее Дельвигу». Ссылаясь на Якушкина, но не упоминавъ почему-то о высказанномъ имъ сомніи, четверостишіе перепечатали П. О. Морозовъ (изд. «Просвѣщенія», т. I, стр. 206, 495) и П. А. Ефремовъ (изд. А. С. Суворина, т. I, стр. 264, т. VIII, стр. 83), А. П. Майковъ см. 2-ое академ. изд. I т., стр. 242, прим., 362 тоже безъ всякой оговорки печатаетъ четверостишіе какъ подлинную пушкинскую пьесу. Стихи эти относятся къ баронессѣ Софіи Вельо, къ которой, по словамъ графа М. А. Корфа Я. К. Гротъ, «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники», Сиб., 1899 г., стр. 238, 247, «очень благоволилъ императоръ Александръ», бывавшій у Вельо въ Царскомъ Селѣ и наединныхъ свиданіяхъ въ Баболовскомъ дворцѣ. Рассказывая объ этомъ, Корфъ привелъ вторую половину пьески какъ «стихи по этому случаю въ нашей автологіи». Очевидно, Корфъ не помнилъ имени автора стиховъ, которое такъ и осталось неизвѣстнымъ. Приписать Пушкину эту слабую, слащавую вещьцу трудно: она была бы плоха даже для Плишевскаго, этого пріяднаго лицейскаго сочинителя стиховъ на случай.

160-6. СЪ ПОЗВОЛЕНИЯ СКАЗАТЬ...

Въ примблации къ «Couplets» т. I, стр. 48 сказано о литературныхъ вечерахъ, устраивавшихся въ Парскомъ Сель у Тешера де Ферюсона. В. П. Гаевскій «Современникъ» 1863 г., № 8, стр. 386—387 напечатать со словъ товарищей поэта куплеты «*Съ позволенія сказать*», будто бы написанные Пушкинскими для этихъ бесѣдъ. Благодарность этихъ иррипей сразу бросается въ глаза, и настоящее издание въ текстъ ихъ не включило.

СЪ ПОЗВОЛЕНИЯ СКАЗАТЬ.

Съ позволенія сказать,
Я сержитъ на васъ ужасно,
Нить! вы просите напрасно,
Не хочу стиховъ писать;
Можно ль честному поэту
Ставить къ каждому куплету.

Съ позволенія сказать

Съ позволенія сказать,
Москвина ³⁾, по мнѣ, прекрасна
Знаю, что она опасна;
Мужу хочется болать;
Но гусаря, вѣдь, певинны,
Что у мужа роги длинны.

Съ позволенія сказать.

Съ позволенія сказать,
Много въ свѣтѣ промѣдвель,
Все ученыхъ грамотель,
Чтобы векинъ взоръ писать;
Но въ примѣръ и страхъ Европы
Многимъ можно бы влечь...

Съ позволенія сказать.

Н. А. Ефремовъ «Сочинения» П., изд. А. С. Суворина, т. МП, Сиб., 1905 г., стр. 82 вполне основательно замѣчаетъ, что конецъ пьесы евали былъ бы полезенъ для чтенія на семейномъ литературномъ вечерѣ. Но написаннымъ Пушкинскимъ для одной изъ такихъ бесѣдъ французскимъ куплетамъ и отбѣгу на нихъ г-жи Смигъ, по имени намъ лицъ, посѣщавшихъ ихъ, не трудно разгадать, что стихи такого вкуса и тона не могли быть читаны тамъ.

176. ПРО СЕБЯ.

т. I, стр. 481.

Съ какого-то неизвестнаго нить списка эта пьеса была впервые напечатана въ Библиографическомъ Запискѣхъ 1858 г., ст. 370, и, начиная съ изданія 1880 г., т. I, стр. 213, почему то отнесенная ее къ 1818 г., стала входить во все изданія произведеній Пушкина. Редакторъ академическаго изданія говоритъ (т. II, прим., стр. 55) сразу такое стихотвореніе приписано Пушкину списками, разъ оно было напечатано около пятидесяти лѣтъ назадъ и съ тѣмъ поръ получило общее признание, вошло во все авторитетныя изда-

1) Жена одного изъ служившихъ въ царско-сельскомъ ширфовомъ правленіи.

2) Съ одного стараго списка она напечатана, между прочимъ, въ «Пушкинскомъ Сборникѣ», М., 1905 г., стр. 287.

ніа сочиненій Пушкина, безъ всякихъ колебаній даже въ хронологіи, мы тоже должны были его вѣтъ, не имѣя никакихъ основаній отвергнуть его». Съ этими доводами никакъ нельзя согласиться. Извѣстно, что въ спискахъ еще при жизни Пушкина его имя ставилось подъ такими стихами, какихъ онъ никогда не писалъ: заореніе изданій Пушкина разнымъ мусоромъ, въ которомъ почти повсюду, началось именно пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ (см. интересную статью Н. А. Ефремова «Минимъ Пушкинъ въ спискахъ, прозѣ и изображеніяхъ» — «Новое Время» 1903 г., № 9845, 9851). Въ частности, помѣщать настоящее четверостишіе прямо въ текстъ, безъ отговорки, неосторожно. Блудіи Пушкину чужды — писалъ П. А. Вяземскій, прочитавъ четверостишіе въ берлинскомъ изданіи 1870 г., замѣтилъ на поляхъ книги: Евали Пушкина, во всякомъ случаѣ, стихи довольно пошлые. Старина и Новина, МП, М., 1904, стр. 36. Есть пьесы, въ которыхъ сразу узнаешь Пушкина, которыхъ никто другой не могъ написать, вещи, отбѣенныя печатью гонія. — Про себя стихомъ грубая, неуклюжая и прозаическая пьеска, чтобы можно было приписать ее Пушкину. Стоитъ вспомнить, съ какою силою, съ какимъ пафосомъ говорилъ Пушкинъ о своемъ призваніи, о своемъ будущемъ.

... Рѣшился я безъ страха въ трудный путь...
Лечу къ безвѣстному отважною мечтой —

писать онъ Жуковскому (Благородн. поэтъ ...) уже въ 1817 г.

... Пламеннымъ волненьемъ

И бурями туши мочи

Въ жажтой воли и гоненьемъ

Я сталъ извѣстенъ межъ людемъ —

говорилъ онъ въ 1821 г. (Не тѣмъ горжусь я, мой пьесель...)

Горилъ и величавы тѣ строки въ Оубинѣ, тѣ поэтъ разсказываетъ, какъ его «старикъ Державинъ замѣтилъ и, въ гробѣ сходя, благодушно и, вспоминая, какъ Жуковскій ему руку подавалъ и къ славы чистотѣ призывалъ... Вотъ какъ Пушкинъ говорилъ про себя!

177. ОНА ТОГДА КО МНѢ ПРИДЕТЬ...

(т. I, стр. 481).

Съ неизвестнаго нить рукописи это четверостишіе было впервые напечатано въ берлинскомъ изданіи 1861 г., стр. 130 и съ 1880 г. стало входить въ детальные собранія произведеній поэта: оно въ разныхъ изданіяхъ было отнесено то къ 1818, то къ 1819 г.

178. НАЦЕНЬКЪ.

т. I, стр. 481.

Это четверостишіе, нахопившееся въ разныхъ рукописныхъ спискахъ, начиная съ изданія 1880 г., стало входить во все изданія произведеній Пушкина, причемъ было отнесено безъ всякихъ объясненій то къ 1818, то къ 1819 г. П. О. Морозовымъ изд. «Провѣнъ» т. I, стр. 54 впервые указано, будто бы оно появилось впервые въ Библиографіи Запискахъ 1858 г., стр. 370. Но совершенно страннымъ и нѣтъ академич-

ческого издания т. II, прим., стр. 34), не видно точных оснований для отнесения этого четверостишия к тому или другому году, та и самая принадлежность стихотворения Пушкину не представляется вполне установленной. Действительно, для Пушкина очень много эти складные стишочки. Написать их мог человек не даровитые Пелевинского-Мележкого или Василия Пушкина.

II.

ПРИНИСЫВАЕМЫЕ ПУШКИНУ СТИХИ

1818—1819 гг.

Число приписываемых Пушкину стихотворений, начиная с периода 1818—1819 гг., значительно возрастает. Вышли из печати в шумную и разудальную светскую жизнь, почти быстро ставшая оной из дамбных фигур, столичного общества и также «историческим лицом для сибиряков Санктъ-Петербурга»¹⁾; ему стали приписывать всякое слово вольное²⁾. Тогда-то и начала появляться впервые в списках «сообщений, преданных печати», подпись поэта, которую и поклонники, и враги его ставили щедро и неразборчиво под произведениями, далеко достойными его. Это перническое освещение имени талантливого поэта чуть ли не всякого то-то «запретной» литературы было одним из самых колочных шагов к «взлетию его славы. Благодаря этому засорены плохими и псевдо-пушкинскими стихами даже лучшие из вышедших до сих пор сбораний его произведений. Среди приписываемых Пушкину шесть есть вещи различной «вроятности». Принадлежность некоторым из них Пушкину менее достоверна; другие, быть может, написаны им, но да отсутствием точных подтверждений это таных тольконы быть оставлены под сомнением.

179. ЗА УЖИНОМЪ ОБЪЕЛСЯ Я...

т. I, стр. 181).

Эпиграмма на Кюхельбекера сообщена П. П. Баргеновымъ в его статье «Пушкинъ въ Южной Россіи» (Русс. Рѣч. 1861 г., № 94; Русс. Арх. 1866 г., 1161—1162 при слѣдующемъ примѣчаніи: «Кюхельбекеръ хаживалъ къ Жуковскому и отчасти надѣлалъ ему своимъ стихами. Однажды Жуковскій куда-то былъ званъ на вечеръ и не явился. Когда его посты спросили, отчего онъ не былъ, Жуковскій отвѣчалъ: «я еще наканунѣ разстроилъ себѣ желудокъ, къ тому же пришелъ Кюхельбекеръ, и я остался дома». Это разсказывалъ Пушкин, и онъ сталъ представлять неотвѣachable поэта стихами: За ужиномъ ... и т. д. Выраженіе мнѣ Кюхельбекерно» стѣлалось поговоркою во всемъ кружкѣ. Кюхельбекеръ вѣбелся и требовалъ дуэли. Никакъ нельзя было договорить его. Дѣло было дичное. Кюхельбекеръ стрѣлялъ первымъ залъ промахъ. Пушкинъ кинулъ пистолець и хотѣлъ обнять товарища, ко-

торого сильно любилъ, но тотъ неистово кричалъ: «стрѣляй, стрѣляй!» Пушкинъ насилу его убѣдиль, что невозможно стрѣлять, потому что стѣль набился въ стволъ. Пистолекъ былъ отложенъ, и потому они помирились. Съ этимъ разсказомъ, изложеннымъ изъ дански В. П. Дадъ о пушкинскихъ дуэляхъ, вполне сходится разсказъ П. П. Грета «Дански о моей жизни», стр. 384. Выраженіе «Кюхельбекерно» у Пушкина встрѣчается не разъ (см. его письма отъ 27 іюня 1822 г., 30 января и 13 іюня 1823 г., середины іюня 1824 г., 17 августа 1825 г.). Яковъ—слуга Жуковскаго; въ уста послѣднего вложена эпиграмма. Дуэль съ Кюхельбекеромъ произошла, по словамъ Баргенова, около 1818 г. Можно, следовательно, отнести эпиграмму приблизительно къ этому году. Она весела, остроумна, и принадлежность ея Пушкину едва-ли можетъ быть поспорена сомнѣиво.

203. НА П. П. ГИБДИЧУ.

т. I, стр. 335).

Начиная съ издания 1859 г. т. I, стр. 213, въ различныхъ собраніяхъ произведеній Пушкина вносятся это четверостишіе, впервые напечатанное М. П. Лопшиновымъ въ Современникѣ 1857 г., № 4, стр. 267. Въ своихъ «Библиографическихъ Запискахъ» Лопшиновъ перелалъ слѣдующій разсказъ Я. П. Толстого о происхожденіи этой эпиграммы. Члены общества Зеленой Лампы въ 1819 г., по приглашенію П. В. Векслоджскаго въ Москву, собирались у Я. П. Толстого. Однажды, — передаетъ Толстой — Гибдичъ читалъ отрывки изъ своего перевода Илиады. Въ вѣкоторыхъ стихахъ замѣтили мы шероховатость. Пушкинъ морщился и дѣлалъ Гибдичу подонднии къ нему, сказалъ: «Укажите мнѣ, А. С., стихи, которые вамъ не нравятся». Пушкинъ отказался; Гибдичъ настаивалъ; тогда Пушкинъ произнесъ слѣдующій экспромтъ... и т. д.

Трудно признать эту вещь пушкинской. Грубоватая и неуклюжая эпиграмма не вѣдется ни съ тѣмъ, что мы знаемъ объ отношеніяхъ Пушкина къ Гибдичу, ни съ общезвѣстнымъ представленіемъ о блескѣ и остроуміи пушкинской эпиграммы. Да и вообще экспромтистомъ Пушкинъ не былъ, стиховъ на случаи не говорилъ, и почти все разсказы его экспромтавъ наивно-анекдотичны и не заслуживаютъ вѣры.

Говорятъ, что во всякой дѣлѣ есть толя правда. Можетъ быть, Толстому намѣнила память? Если Пушкинъ и сказалъ Гибдичу что-нибудь о его стихахъ, то во всякомъ случаѣ не такъ, какъ передали Толстой и Лопшиновъ. См. Бюлеъ 1906 г., іюнь, 305; Вѣст. 1906 г., іюнь, 38. Русс. Арх. 1906 г., II, 603; Журн. Мин. Нар. Просв. 1906, ноябрь, 199).

Л. П. Машковъ внесъ эту эпиграмму въ свои Матеріалы для академическаго изданія сочиненій Пушкина. П. А. Ефремовъ также не исклочилъ ее изъ своего послѣдняго изданія и внесъ ее въ текстъ, хотя въ примѣчаніяхъ т. VIII, стр. 125, заявилъ, что она ему кажется сомнительною. Академическое изданіе т. II, стр. 175, примѣвъ, защищаетъ подлинность ея и печатаетъ ее тоже въ текстъ. В. Е. Якушкинъ кажется рѣшающимъ то, что разсказъ Лопшинова напечатанъ при жизни

1) Письмо къ Вадемскому въ апрѣлѣ 1820 г.

2) Воображаемый разговоръ съ императоромъ Александромъ I.

Годового. Но раздѣл мало дифференцированъ и не ценно насчетъ Пушкина въ ходѣ при жизни мистификаторовъ.

204—205. ЭПИГРАММЫ НА КАРАМЗИНА.

т. I, стр. 333.

Обѣ эти эпиграммы, относящіяся по содержанию къ 1818—1819 гг., печатаются съ 1880 г. во всѣхъ собраніяхъ произведеній Пушкина. Первая изъ нихъ была впервые напечатана въ сборникѣ М. П. Погодина «Утро», ч. III, М., 1859; вторая—въ анненковскомъ изданіи сочиненій Пушкина, т. VII, стр. 99—100. Потомъ онѣ были напечатаны М. П. Погодинымъ въ біографіи Карамзина («П. М. Карамзинъ», ч. II, М., 1866 г., стр. 204). Автографовъ не существуетъ, и нѣтъ указаній, были ли онѣ когда-нибудь. Въ различныхъ спискахъ тексты неодинаковы.

Моя приписка къ Пушкину еще при его жизни оскорбительную эпиграмму на Карамзина, 28 апрѣля 1825 г. А. П. Тургеневъ, который любилъ Пушкина, писалъ князю П. А. Вяземскому, что чувствуетъ къ Пушкину «омерзение» за то, что онъ потянулъ руку на отца-Карамзина: «Остафьевскій Архивъ», III, 117. По смерти Карамзина (22 мая 1826 г.) Вяземскій обратился къ Пушкину въ письмѣ изъ Петербурга, 12 июня 1826 г., съ упрекомъ, что онъ «принялъ иногда эпиграммы на Карамзина» («Русск. Архивъ», 1879 г., II, 178), но поэтъ отвѣтилъ ему 10 июля, что написалъ на Карамзина только одну эпиграмму. Что ты называешь—спрашивалъ Пушкинъ,—мои эпиграммы противъ Карамзина? Довольно и одной, написанной мною въ такое время, когда К. меня отстранилъ отъ себя, глубоко оскорбивъ и мое честолюбіе, и сердечную въ немъ приверженность. До сихъ поръ не могу объ этомъ пламенно вспомнить. Моя эпиграмма остра и ничуть не обидна, а друга, сколько знаю, глупа и бѣшена; уеди ты мнѣ приписывать! Въ своей статьѣ о Карамзинѣ поэтъ разсказываетъ, что ему приписали «одну изъ лучшихъ эпиграммъ на Карамзина. Статью эту, отъ которой тощія до насъ отрывки, начинающіеся словами: «...[запечатлѣны печально вольноносцы], принято считать «остатками автобіографіи» Пушкина и относить къ 1825 или 1826 г., тогда какъ, по удѣлившимъ наброскамъ и другимъ даннымъ, она, несомнѣнно, представляетъ собою воспоминанія поета о недавно умершемъ Карамзинѣ и относится къ серединѣ 1826 г. Читая,—писалъ далѣе Пушкинъ,—въ журналахъ статьи о смерти Карамзина, бываешь, какъ онѣ золотыя, глупы и низки. Неужто, ни одна русская душа не принесетъ достойной записи его памяти? И поэтъ совѣтовалъ другу написать біографію Карамзина. Вяземскій отвѣчалъ ему 31 июля: «Все русское провидѣніе начнется, вернется и сосредоточивается въ Карамзинѣ. Онъ лучший нашъ представитель на Сеимѣ Европейскомъ. Ты часто хотѣлъ писать провозвѣстныя прекрасныя предметы! Нашии владыки на заслуги Карамзина и характеръ его гражданскій, авторскій и частный. Тутъ будетъ мѣсто и воспоминаніямъ твоимъ о немъ. Можешь писать ихъ въ вѣдь отрывка изъ твоихъ записокъ». Пушкинъ началъ, но статья у него не вышла. 9 ноября онъ писалъ Вяземскому: сейчасъ перечелъ мои стихи о Карамзинѣ—ничего печатать. Въ слѣдующемъ году

Пушкинъ писалъ барону А. А. Дельвигу, которому О. В. Булгаринъ прислалъ да его «Сверныхъ Цвѣткахъ» статью «Вечеръ у Карамзина»—не печатая его въ своихъ Цвѣтахъ. Ен-Богу, перилучно. Конечно, вольно собакъ и на владыку дасть, но пусть дасть она на торфъ, а не у тебя въ комнатахъ. Наше молчаніе о Карамзинѣ и такъ непримучно; не Булгаринъ превращать его; это было бы еще непримучиве. Впрочемъ видъ, поэтъ впечатлѣннѣмъ планета о смерти своего думнаго друга, Дельвигу, Пушкинъ писалъ П. А. Лютневу 21 января 1831 г.: «вои первая смерть, мною оплаканная; Карамзинъ поэтъ, конечно, мнѣ былъ дужь; я глубоко соблазнь о немъ какъ русскій». Въ замѣткахъ, заброшенныхъ на поляхъ берлинскаго изданія стихотвореній Пушкина (1870 г., 2-ое изд., Русскаго—П. В. Гербеда), кн. П. А. Вяземскій, хранившій, конечно, въ памяти отлѣтъ Пушкина, рѣшиительно отбавилъ противъ эпиграммы: Въ его исторіи... ея убавлень, что стихи на Пушкина («Старина и Новина», кн. VIII, М., 1904 г., стр. 37).

Что эпиграмма на Карамзина хошла въ свое время въ свѣтѣ нѣсколько, видно изъ приведенныхъ словъ Пушкина: «другія [эпиграммы] сколько знаю, глупы и бѣшены». П. А. Ефремовъ («Сочиненія», II, изд. А. С. Суворина, т. VIII, 1905 г., стр. 123) сообщаетъ еще одну, приписывавшуюся Пушкину эпиграмму, въ которой диментинъ и торкъ названы «хамомъ». Такъ всѣхъ названныхъ отлѣтовъ Пушкина о Карамзинѣ должно вывести заключеніе, что Пушкинъ не могъ назвать хамомъ, проповѣдникомъ самовластья и дѣшнелемъ престеленію кнута человека, душу котораго считать прекрасною, въ трудъ котораго вѣдь, по словамъ его упомянутой статьи, повтореннымъ въ запискѣ «О царскомъ воспитаніи», не только созданіе великаго писателя, но и поэтъ великаго человека. Если даже отбросить пантеистическія тоиъ дѣихъ словъ, если принять во вниманіе, что Пушкинъ былъ такъ холоденъ къ Карамзину, что не могъ докончить начатой статьи о немъ, все-же приходится думать, что первая эпиграмма, съ точки зрѣнія Пушкина, бѣшена, приписывать не ему.

Возникаетъ вопросъ: Пушкинъ ли авторъ второй эпиграммы, добродушной, веселой, острой и ничуть не обидной? Можетъ быть, и эта эпиграмма не Пушкина,—а подлинная, которую самъ поэтъ признавалъ своею, не тогда до насъ. Точныхъ данныхъ, позволяющихъ считать вторую эпиграмму пушкинскою, не имѣется. Ее приписывали Грибѣдову, но Вяземскій склоненъ былъ считать ея авторомъ Пушкина, который «при всемъ своемъ уваженіи и ибиконъ преданности къ Карамзину могъ легко написать эту шалость; она, впрочемъ, заставила бы удивляться самого Карамзина». Соч. Вяземскаго, VII, 341 «Пала Богатырь», о которомъ въ ней говорится, сказала Карамзину «Пала Муромецъ», написанная въ 1794 г. и оставшаяся безъ окончанія.

206. 161 II Я.

т. I, стр. 333.

Пяса эта, дѣшномъ печатаемая только въ дѣшнннхъ изданіяхъ, была впервые напечатана изъ неизданныхъ нашъ поетинка, въ Автобіографіи, Запискахъ, 1858 г., стр. 369, не вст.

Т. См. «Вѣстникъ» 1906, ноябрь, 135—140.

конечно, а лишь по стиху: «И тебѣ перфию дѣль». Цыпкомъ напечатала ее П. В. Гербелевъ въ берлинскомъ томкѣ 1861 г. П. А. Ефремовъ («Сочиненія» П., изд. А. С. Суворина, т. I, стр. 329) напечатал ее съ подаловкомъ: «На А. П. П. О. Морозовъ изд. литерат. фонда, т. VII, стр. LXI», сначала отнесъ эпитагму къ 1818 или 1819 г. Въ новомъ изданіи «Провѣдѣній», т. I, стр. 262 Морозовъ отнесъ ее определенно къ 1819 г. Принадлежность ея Пушкину ничѣмъ не доказана, хотя нельзя утверждать категорически, что ее написалъ не Пушкинъ и по стиху, и по содержанию она въ духѣ пушкинскихъ шутокъ.

207. НИМФОДОРЕЪ СЕМЕНОВОИ.

т. I, стр. 359.

Эта шулка, появившаяся сначала въ заграничныхъ запрещенныхъ изданіяхъ Пушкина, была напечатана П. А. Ефремовымъ въ его послѣднемъ изданіи «А. С. Суворина, т. VIII, Спб., 1905 г.», стр. 117, въ исправленномъ видѣ. Ефремову ее сообщила племянница Нимфодоры Семеновой, сестры знаменитой Екатерины Семеновой.

208. СОЖАЛѢНІЕ НЕ ПОМОЖЕТЪ...

На графа Д. П. Хвостова.

т. I, стр. 359.

Эта эпитагма была впервые и, по словамъ В. П. Гавескаго «Современникъ» 1863 г., № 8, стр. 359, впервые напечатана въ берлинскомъ томкѣ стихотвореній Пушкина, вышедшемъ въ 1861 г. Русскимъ П. В. Гербелемъ, стр. 110. Въ примѣчаніи ор. с., 234 сообщено, что экземпляръ этого сказанъ Пушкинымъ на одномъ литературномъ вечерѣ, когда Хвостовъ, послѣ чтенія своихъ стиховъ, вышелъ помочиться. Рукописный сборникъ, изъ котораго она была взята Гербелемъ, былъ у П. А. Ефремова «Сочиненія П., изд. А. Суворина, т. VIII, Спб., 1905 г.», стр. 111—112. Трудно, конечно, поручиться за принадлежность ея Пушкину, но и безусловно отвергнуть его авторство нельзя. Съ этою эпитагмой Гавескій сблизилъ стихи изъ Горюка :

Такъ пѣюгда Снѣгова
Въ столицѣ я внималъ.
Когда свои творенія
Онъ съ жаромъ мнѣ читалъ.
Ахъ, видно Богъ пыталъ
Бога дѣе терпѣннѣ!

209. Гр. А. А. ОРЛОВОИ-ЧЕСМЕНСКОИ.

210. РАЗГОВОРЪ ФОТІА СЪ Гр. ОРЛОВОИ.

т. I, стр. 361.

Обѣ эпитагмы, съ неизвѣстнаго намъ оригинала, были впервые напечатаны П. В. Гербелемъ Русскимъ въ его изданіи «Стихотвореній А. С. Пушкина, не вошедшихъ въ послѣднее собраніе его сочиненій». Берлинъ, 1861, стр. 123 и 124. Принадлежность ихъ Пушкину ничѣмъ не доказана, но рѣшительно отвергнуть ее тоже нѣтъ основаній. Вторая нѣсколько тяжеловата, и ее можно приписывать Пушкину съ гораздо

меньшею вѣроятностью, чѣмъ первую, — шривую, легкую и злую. Онѣ, видимо, относятся къ періоду 1818—1820 гг., когда Пушкинъ яростно преслѣдовалъ своимъ перомъ «украшенныхъ душцовъ, святыхъ невѣжъ, почетныхъ полдецовъ» и презиралъ мистика приворнато кривляшю». Фигуры изступленнаго фанатика-архимандрита и его духовной дочери, всегдѣ предавшей ему свою волю и свое огромное богатство, были въ глазахъ русскаго общества столами реакціи. Молодой либеральность, конечно, могла остановить свое вниманіе на этихъ личностяхъ и заклеить ихъ см. также № 201. Клерикальную партію Пушкинъ ненавидѣлъ: въ «Гавриладѣ» Анненковъ «П. въ Александр. эпоху», 146, склоненъ было даже видеть «отвѣтъ на корыстное ханжество клерикальной партіи». Къ удаленію Пушкина изъ столицы она приложила особое стараніе, мета ему за дзвительныя эпитагмы.

210—а. ТЫ ХОЧЕШЬ ЗНАТЬ, МОЯ ДРАГАЯ...

Въ текстѣ мы нашли неудобнымъ включать это четверостишіе:

Ты хочешь знать, моя драгая,
Какая разница межъ Буало и мною!
У Буало была лишь заплата,
А у меня двѣ точки съ запятой.

Четверостишіе впервые было напечатано въ берлинскомъ изданіи стихотвореній Пушкина, вышедшемъ въ 1861 г. Русскимъ (П. В. Гербелемъ), стр. 128. По словамъ П. А. Ефремова, автографъ этой пѣски былъ у М. П. Семеновскаго («Сочиненія» П., изд. А. С. Суворина, т. VIII, стр. 75.—См. примѣчаніе къ эпитагмѣ: «Вотъ Виля,—онъ любовью дышетъ...»)

III.

НЕСОХРАНИВШИЯСЯ СТИХОТВОРЕНІЯ

1818—1819 гг.

210—б. IMPROMPTU ПРИ ПРОВОДАНЪ БАТЮШКОВА,

19 ноября 1818 г. К. И. Батюшковъ уѣзжалъ изъ Петербурга въ Италію. Друзья провожали его до Царскаго Села; въ числѣ ихъ были А. П. Тургеневъ, Гибдичъ, Жуковскій и Пушкинъ. Они—писалъ Тургеневъ князю П. А. Вяземскому («Остафевскій архивъ», т. I, стр. 150)—горевали, плали, смѣялись, спорили, горячились, готовы были плакать, горячились и опять плали. Пушкинъ написалъ impromptu, котораго послать нельзя... 1 декабря 1818 г. Вяземскій просилъ Тургенева прислать ему «Прощаніе Пушкина,—по объясненію В. П. Саитова (ibid., 158, 536), то самое impromptu, о которомъ писалъ Тургеневъ. Оно осталось неизвѣстнымъ. По туманному намеку Тургенева, приходится думать, что эта пѣска была либо очень непринципнаго содержания, либо опасна въ политическомъ отношеніи. Въ слѣдующемъ году Тургеневъ не рѣшился послать Вяземскому пушкинскую оду «Вольность» (ibid., 335, 342).

Побѣднѣлю-ученику отъ побѣднѣскаго-учителя.
 Этотъ въ высочайшей степени. 26-й въ ноябрьск. мѣ. 1820-го года.

Рисуну Русланъ и Любимилу

1820 Мѣсяцъ 26 Великаго патрарха

ЖУКОВСКИИ.

Этотъ портретъ является наиболее яркимъ выраженіемъ огромнаго свѣтлостіи, котораго произвело Русланъ и Любимилу. Стоявший во главѣ литературы Жуковскій присвоилъ себѣ Пирожку свой портретъ съ подписью:

«Побѣднѣлю-ученику отъ побѣднѣскаго-учителя въ томъ высочайшей степени, въ котораго отъ охотнѣлъ свои помы Русланъ и Любимилу, 1820, мѣсяца 26, Великаго патрарха».

210. в. ПОСТАНЕ КЪ НАВЛОВСКИМЪ
ФРЕЙДШАМЪ.

Въ числѣ недопеченныхъ до насъ пушкинскихъ пьесъ есть одно послѣднее, 26 августа 1819 г. А. П. Гурьевъ писалъ князю П. А. Вяземскому «Остафьевскій Архивъ кн. Вяземскихъ», т. I, стр. 296), что Пушкинъ, который былъ съ нимъ на дняхъ въ Навловскѣ у Жуковскаго, «торопя изъ Царскаго Села въ Навловскъ писалъ послѣднее о Жуковскомъ къ навловскимъ фрейдшамъ, но еще не кончилъ». Была ли окончена эта пьеса, судя по заглавию, вѣроятно, нѣтъ, потому что, которая писалъ навловскимъ фрейдшамъ самъ Жуковскій, неизвестно; никакихъ свѣдѣній о ней больше нѣтъ.

210—г. МОНАХЪ.

О другой недопеченной еще пушкинской пьесѣ говорить кн. П. А. Вяземскій, который 4 октября 1819 г. въ письмѣ изъ Варшавы просилъ А. П. Гурьева прислать ему стихотвореніе Пушкина «Монахъ» («Остаф. Арх. кн. Вяземскихъ», т. I, стр. 323). Въ примѣчаніяхъ къ этому письму редакторъ «Остаф. Архива» В. П. Саитовъ замѣтилъ (ibid., 646): подъ «Монахомъ», быть можетъ, разумѣется «Русалка», напечатанная впервые въ изданіи 1826 г., или же поэма «Монахъ», которую кн. А. М. Горчаковъ съжегъ, какъ произведеніе недостойное имени Пушкина («Русс. Арх.», 1883 г., III, 206»). По мнѣнію В. Е. Якушкина (акад. изд., т. II, прим., стр. 80), «Монахъ»—другое названіе «Русалки» (см. выше: «можетъ быть первоначально поэтъ даже такъ и назвалъ свою пьесу, а потомъ измѣнилъ заглавіе ради цензуры» (см. ibid., стр. 98). Что «Монахъ» и «Русалка» не одно и то же, видно изъ разсказа кн. Горчакова, который передалъ кн. А. П. Урусову («Русс. Арх.», I, с.), что это произведеніе «могло бы оставить пятно на памяти» Пушкина. Правда, что цензура коснулась на «Русалку», но едва ли даже чиншій Горчаковъ могъ такъ отзываться о ней. Я. К. Гроту («Пушкинъ, его личныя товарищи и наставники», Сиб., 1899, стр. 268) Горчаковъ разсказалъ, что «когда-то помѣнилъ Пушкину напечатать дурную поему, разорвавъ три пьесы ея». По словамъ В. П. Гасвскаго «Современникъ» 1863 г., № 7, стр. 155, Пушкинъ въ лицѣ, въ 1815—1816 гг., «сочинилъ въ подражаніе Баркову поему «Монахъ», которую уничтожилъ по совѣту одного изъ своихъ товарищей». Ужъ не ошибся ли Гасвскій, отнесъ «Монаха» къ лицейскому періоду? Во всякомъ случаѣ, вѣроятно, что «Монахъ» вовсе не «Русалка»: это была поэма въ нѣсколькихъ пьесахъ, написанная въ стилѣ Баркова. Но нѣкоторые изъ пьесъ, «Монахъ» сохранился до нашихъ дней, и владѣющее рукописью лицо держитъ ее подъ снутомъ.

Н. Лернеръ.

211. РУСЛАНЪ И ЛЮДМИЛА.

Отрывокъ изъ первой пьесы формы появился въ «Певескомъ Зрителѣ» 1820 г., I листъ, стр. 44—52; это было первое появленіе «Руслана и Людмилы» въ печати. О другихъ изданіяхъ см. I т. настоящаго изданія, стр. 372. Черновая рукопись дошла до насъ въ неполномъ видѣ. Она находится во второй половинѣ тетради Румянцовскаго музея № 2364, т. е. черновики поэмы переписаны съ черновыхъ стиховъ 1817—1819 гг. Она чрезвычайно обстоятельно исследована В. Е. Якушкинымъ во II т. академич. изданія), попыткамъ дать возможнѣе точную транскрипцію въ ехъ особенностей и различій отъ печатнаго текста. Ср. въ исторіи текста. Въ той же тетради находимъ первоначальныя наброски эпизода, болѣе полныя черновики котораго находимъ въ записной тетради Пушкина, хранящейся въ Импер. Публ. Библиотекѣ П. В. Анненковъ «Пушкинъ въ Александровскую эпоху», 135) говориль о другихъ черновикахъ «Руслана и Людмилы»,—въ отдѣльныхъ листахъ, составляющихъ дополненіе» къ 2364-ой тетради; эти отдѣльные листы были неизвестны. Вступленіе «У дукморья дубъ зеленый...» появилось въ изданіи 1828 г.; черновики его находились въ тетради Румянцовскаго музея № 2368.

Посвященіе» поэмы красавицамъ напоминаетъ державинское «Приношеніе красавицамъ» анакреонтическихъ пьесъ пѣвца Фелицы: «Вамъ, красавицы младыя, и супруги въ даръ моей пьесы «Ледъ золотыя приношу я въ книжкѣ сей... Быю стихами вамъ челоюмъ...» См. примѣчаніе къ пьесѣ «Разлука (Умьне)», 1816 г. Ученаго кота Пушкинъ могъ взять не только изъ сказокъ няни, но и изъ пьесы Державина «Царь-Дѣвица» Въ саду ея порхали:

по вѣткамъ птички райскы,
Скакивалъ заморскій котъ,
Или соловьи китайскы
И жужжукать водочеть...

Царица гуляла «въ рощахъ значныхъ, въ дукморьѣ». Въ саду Черномора (II пьесы) также «свищеть соловей китайскій во мракѣ трепетныхъ вѣтвей; летятъ алмазные фонтаны... П. О. Анненскій («П. и Царское Село», Сиб., 1899 г., 21—22) справедливо замѣтилъ, что, можетъ быть, «на извѣстное изображеніе волшебныхъ садовъ и чертога во второй пьесѣ «Руслана и Людмилы» не остались безъ вліянія картины царскаго сада и дворца; только, конечно, переработанныя фантазіей на основаніи преданій о золотой рощиши 18-го вѣка».

Описаніе осени въ четвертой пьесѣ напоминаетъ вторую строфу оды Державина «Осень во время осады Очакова»:

Уже стада толпятся птички;
Ковыль серебрится по степямъ;
Шумящи красножелтыя листья
Разстлалась всюду по тронамъ...

Въ поэмѣ здѣсь и тамъ разсыпано множество мелкихъ литературныхъ отраженій—изъ Богдановича, Хераскова, Жуковскаго.

Н. Л.

Черновые наброски 1818—1819 г.г.

Главный источник установления текста первого периода творчества Пушкина — находившаяся ныне в Румянцевском музее черновая тетрадь № 2364, из которой почерпнуты практически все черновые наброски, представляющие из себя в основном огромная трудность — в подборке и датировке построчий. Поэт пользовался ею в течение нескольких дней и заполнял ее не постепенно, страницу за страницей, а как только, то забывая вперед, то возвращаясь к нескольким строчкам назад. Редактор академического издания печатает некоторые наброски между достоверно датированными стихотворениями, среди которых они находятся, но безусловно следовать этому приему нельзя, потому что наиболее наброска между двумя текстами вовсе не доказывает, что они были написаны под влиянием и раньше второго; таких примеров много дают составленное В. Е. Якушкиным описание хранящихся в московском Румянцевском музее рукописей поэта и призывая ко второму тому академического издания. Лишь кое-где удается за и тут же нельзя считать эти выводы надежными — устанавливая даты набросков и обозначить их тонами.

Автор думает и прекрасного, то сих пор единственного общего ордера произведений Пушкина — Фаншески не дала пушкинских набросков, в его времена еще не вышедших в печать.

Первый опубликовать их Анненков, в своих «Материалах» для биографии Пушкина посвятивши им главу XXX-ую, обидею обзорно все их оставшихся стихотворных отрывков Пушкина, обзорно и слишком близко и кратко, но блестящему. Вероятно, — говорит он, — Пушкин считал себя не в праве бросить без внимания эти небольшие произведения грядущей способности, даже в минуты сдвинутого покоя.

Звуки, по собственному его выражению, безпрестанно переливались и жили в нем; но едва успев прибавить, что он внимательно прислушивался к ним, что он наслаждался ими почти без перерыва. Это было важное дело его жизни, несмотря на все усилия его скрыть талант своею откровенностью и уверить других в равнодушии к поэтической своей способности. Отбрасывая листы и страницы его тетрадей, поражаешь, какими стихотворными полами разных метров и разных ячеек, возникшими мгновенно и сбереженными самим хуликинским в минуту их рождения.

Съ благоговящим удивлением обозревая критик эту — капризную тщательность поэта, обширную мастерскую хуликина, с тем нависшими трудными разрозненными материалами съ несными поделками его, и с тем со всех сторон бросаются в глаза рисунки, модели, частности и обломки произведения, иногда возбуждающие внимание, но иногда не имеющие соответствующего. И Анненков первый обращать внимание на необходимость

познакомить читателя со всеми этими материалами, заточенными Пушкинами, из которых много не осталось без употребления. Велики пометы, как важно и как любовательно собрать и сохранить первые проблески поэтического творчества поэта, и стихотворная фраза, набравшая мимоходом, так сказать, на способность воображения и фантазии его. Богатство поэтических средств, обилие творческого материала не мешали Пушкину постоянно донимать мотивы, дарами вышедшие сами собой, звуки, мгновенно возставшие в душе его.

Поэт сам рассказывает об этой стороне своего творческого процесса в стихах: «К моему черновому»:

... поэт вечерь, когда
Перо по калякѣ бродить,
Безъ всякаго труда
Оно въ тебѣ находитъ
Концы моихъ стиховъ
И вѣрность выраженья,
То звуковъ или словъ
Нежданное стеченье,
То бѣгой шумяи соль,
То дуть же словъ сурованъ,
То страшность рвоняи повои,
Неслышанной тоюль...

Пушкинские фрагменты способны доставить высокое наслаждение: — это настоящие ослепительные драгоценные камни, почти хранящие весь блеск и красоту крупных сокровищ. Проблески их, и не раз привлекается внимание

пѣвцаи стихъ,
Безмолвныи памятникъ мечтанья,
Мгновеннои думы легкой слѣтъ...
Завороженныи пушкинскои гармонией, слышавши дойти эти
детуляи слова,
Отрывки безымянныхъ чувствъ и мѣтаний...

212. ПОЗВОЛЬ ДУНЬ МОЕИ ОТКРЫТЬСЯ
ПРЕДЪ ЛЮБОЮ.

г. П., стр. 1.

Этот черновой набросок находится в хранящемся в московском Румянцевском музее тетради Пушкина № 2364 л. 44, оборот. В подлиннике он читается не без труда, так как в нем немало поправок и пометок. Впервые напечатать его В. Е. Якушкин в «Русск.

Обищ», т. XXXIII.

Гермоновъ. Скалка для Пеганъ.

Старше 1884 г., марта, 649; затѣмъ онъ появился въ изданіи литерат. фонда, т. I, стр. 196—197, майковскихъ «Матеріалахъ» для академическаго изданія сочиненій Пушкина», стр. 14, и изданіяхъ «Просвѣщенія», ред. Морозова, т. I, 237, и Суворина, ред. Ефремова, т. I, 311. Во всѣхъ этихъ изданіяхъ даны различные тексты. Въ настоящемъ изд. набросокъ воспроизведенъ по подлиннику. (Ср. въ исторіи текста.)

М. Г. Халанскій «О вліаніи В. А. Пушкина на поэтическое творчество А. С. Пушкина — Харьков. универс. сборникъ въ память Пушкина», Харьковъ, 1900 г., стр. 334, 384 высказали предположеніе, вѣроятно, слѣдуетъ признать, вѣроятно, что эти стихи, въ которыхъ Пушкинъ говоритъ о своемъ дѣствіи, обращены къ подружѣ его двѣстихъ дѣвъ—сестрѣ поэта Ольгѣ Сергѣевнѣ.

Къ 1818 г. набросокъ можно отнести по его положенію среди черновыхъ записей Пушкина.

Десятый стихъ наброска читается также въ другомъ наброскѣ, № 222, который начинается этимъ стихомъ. Противъ конца стихотворенія, съ дѣвой стороны, стихотворная строчка:

Она мила, твоя подружка...

затѣмъ зачеркнуто:

Ей въ презрѣньи.

Можетъ быть, это относится къ «Руслану и Людмилѣ».

243. КАКЪ СЛАДОСТНО, ПО, БОГИ, КАКЪ ОПАСНО...

(т. II, стр. 1.)

Этотъ черновой набросокъ, находящійся въ тетради московскаго Румянцеваго музея, № 2364 (д. 48), былъ напечатанъ впервые въ «Русск. Стар.» 1884 г., марта, стр. 650, а затѣмъ въ изданіи литературнаго фонда, «Матеріалахъ» Майкова и послѣднихъ изданіяхъ П. О. Морозова и П. А. Ефремова. Здѣсь печатается съ подлинника, въ которомъ довольно много помярокъ и поправокъ. См. исторію текста. «Удобную» для чтенія редакцію прежнихъ изданій выдѣляли изъ черноваго текста, одно оставляя, другое отбрасывая, какъ казалось «лучше» тому или другому редактору. Въ такомъ «хозяйничаньи» въ пушкинскомъ текстѣ критика справедливо обвиняла П. А. Шликина (см. статью П. Е. Щеголева «Ненаписанныя стихотворенія А. С. Пушкина» — Историч. Вѣстн. 1904 г., январь, стр. 263—274 и В. Е. Якушкина (см. рецензію В. Я. Брюсова на II томъ академическаго изданія — Золотое Руно, 1906, декабрь).

Къ 1818 г. набросокъ: «Какъ сладостно...» можно отнести по его положенію среди набросковъ второй пѣсни «Руслана и Людмилы».

244. И Я СЫХЛА ГЪ, ЧТО БЪ ВЪНѢ СВѢТЪ...

(т. II, стр. 1.)

Этотъ трудно поддающійся чтенію набросокъ, находящійся въ той же 2364-ой музейной тетради (д. 49, оборотъ), нечерканный и неспешенной небрежными поправками, былъ впервые напечатанъ В. Е. Якушкинымъ въ «Русск. Старше» 1884 г.,

марта, 651, а потомъ вошелъ и въ другія изданія. В. Е. Якушкинъ напечаталъ его въ болѣе неправильномъ видѣ и съ нѣкоторыми дополненіями по II томъ академическаго изданія. Здѣсь дается набросокъ съ нѣкоторыми разночтеніями, о которыхъ см. въ исторіи текста.

Къ 1818 г. набросокъ можно отнести по его положенію среди черновыхъ «Руслана и Людмилы».

Какъ сообщилъ иному настоящія строки извѣстной въ Одессѣ пушкинскаго музея въ Харьковѣ А. Ф. Официнъ въ письмѣ отъ 13 сентября п. с. 1906 г., у него есть подлинная чистовая этого наброска.

Несвязанные общностью мысли съ всею пѣсней и словно вкрапленные въ набросокъ зачеркнутые стихи:

Все неважно становится...

Ситительнъ Аристофанъ...

Ситительнъ большой веселъ мнѣ...

относятся, по всей вѣроятности, мнѣніе П. О. Морозова — изд. «Просвѣщенія», т. I, стр. 342, къ кивизю А. А. Шаховскому.

245. КЪ?? ЧАСТНИКЪ, КТО БЪНѢТЪ ГЕБЯ...

(т. II, стр. 2.)

Этотъ отрывокъ, впервые напечатанный П. В. Анненковымъ въ «Матеріалахъ для біографіи Пушкина», находится въ тетради московскаго Румянцеваго музея, № 2364 д. 41, оборотъ; съ этого подлинника онъ и печатается въ настоящемъ изданіи. Пушкинъ, вѣроятно, хотѣлъ его продолжить слѣдующая въ рукописи за четверостишіемъ буква «К», повидимому, должна была начать собою первый стихъ. Хронологія наброска весьма спорна. П. А. Ефремовъ изд. 1880 г. и 1903 г., изданіе литературнаго фонда и майковскіе «Матеріалы» отнесли его къ 1820 г. Въ изданіи «Просвѣщенія» т. I, стр. 54 П. О. Морозовъ отнесъ его къ концу 1817 или началу 1818 г. Какъ попытается показать В. Е. Якушкинъ академич. изд., т. II, прим., стр. 64—65, четверостишіе это, за которымъ слѣдуютъ въ рукописи на листахъ 42-мъ и 43-мъ стихи: «Я вижу вновь снѣ дубравы», 1818 г. или 1819 г., «На дѣрѣ дикой, благородной», 1819 г., и отрывокъ изъ пѣсмы «Мечтателю», 1818 г., — непосредственно примыкаетъ къ двумъ стихотвореніямъ 1819 г.; и, не имѣя никакихъ другихъ данныхъ, мы можемъ по указаніямъ тетради предположить вѣрнѣе, что четверостишіе это относится также къ 1819 г.» Между тѣмъ, какъ видно изъ приведенныхъ словъ самого комментатора, изъ названныхъ здѣсь трехъ стихотвореній къ 1819 г. относится несомнѣнно только первое — Отвѣтъ на вызовъ написать стихи въ честь императрицы Елизаветы Алексѣевны. Не правды ли будетъ отнести стихотвореніе вообще къ 1818—1819 годамъ?

Анненковъ отнесъ его къ числу тѣхъ «чисто-прическихъ звуковъ, въ которыхъ заключенъ одинъ порывъ души, одна мысль, тревожно мелькнувшая въ головѣ поэта».

На одномъ листѣ съ этимъ наброскомъ Пушкинъ записалъ французскіе стихи:

Je t' aime tant,
Je t' aime tant,
Je ne puis assez te le dire,
Je le répète cependant
À chaque instant que j' respire.

Въ Историч. Вѣстн. 1905 г., июль, 1069, пишущий эти строки выразилъ догадку, что, «можесть быть, Пушкинъ записалъ, балуду перомъ, эти стихи, слышанные имъ въ комической оперѣ или драматическомъ изъ какого-нибудь водевиля изъ моднаго романа». Но сообщеніе П. В. Трескиной, племянницы воевогъ Пушкиныхъ сестеръ Ушаковыхъ, эти стихи—начало очень популярнаго въ старину романа *Селат*.

216. ЭЛЕГИИ.

Воспоминаемъ усопшамъ...

г. II, стр. 2.

Въ первомъ изданіи анненковскихъ «Материаловъ для біографіи Пушкина» появился этотъ отрывокъ, находящійся въ принадлежащей московскому Румянцовскому музею черновой тетради Пушкина № 2367 л. 90. Въ первоначальной редакціи эта пьеса сохранилась въ двухъ черновыхъ наброскахъ въ музейной тетради № 2364 на листахъ 64 и 77 оборотъ. Въ первой тетради она находится среди пьесъ 1824 г., что дало Анненкову поводъ отнести ее въ своихъ «Материалахъ» первое изданіе, стр. 90—91 къ 1821 г., причѣмъ онъ забылъ, что эти стихи шумели пойдкой по Бессарабіи, когда Пушкинъ тохотилъ до самаго границъ имперіи, и свидѣтельствуемъ объ этомъ несомнѣнно. Между тѣмъ набросокъ въ тетради № 2364 л. 77, озаглавленный: Къ Кагульскому памятнику и датированный 1819, 30 мая, ясно указываетъ, что стихотвореніе было написано Пушкину стоящимъ въ Парскомъ Селѣ памятникомъ кагульской побѣды графа Румянцева. Что касается къ наброску на 64 листѣ той же тетради, то онъ представляя собою, повидному, первоначальную работу, постыль больше всего поправль и пзмѣненій. Редакціи 1819 и 1821 г.г., настолько близки другъ къ другу, что пьесу, которую Пушкинъ въ 1821 г. или около этого времени записалъ снова съ незначительными пзмѣненіями, слѣдуетъ признавать произведеніемъ 1819 г. Ср. въ исторіи текста. Въ другой своей книгѣ—Пушкинъ въ Александровскую эпоху (Сиб. 1874 стр. 43) Анненковъ перенесъ эти стихи въ 1819 г.; но ошибочно прочитавъ дату: 30 мая вмѣсто марта и, неизвестно по какимъ соображеніямъ, увидѣвъ въ нихъ «намекъ на одну изъ любовныхъ пашней, которыми была такъ богата первоначальная лирич. П. О. Морозовъ П. изд. Просвѣщенія» т. I, стр. 369, придаетъ это объясненіе «вѣроятнымъ». Въ пьесѣ нельзи найти ни малѣйшаго намека на любовь, ни на лирич.; данное пьесѣ въ послѣдней редакціи названіе «Легія» ничто не говоритъ о любовномъ содержаніи; действительное настроеніе могло быть навѣрно Пушкину вовсе не любовно, а чувствомъ грусти при видѣ близкихъ его сердцу царскосельскихъ картинъ, труда, памятникое, садовъ, среди которыхъ прошли его безмятежные отроческіе дни. Величавы въ своей простотѣ памятникъ румянцевской побѣды не разъ привлекалъ вниманіе Пушкина. Въ Воспоминаніяхъ въ Парскомъ Селѣ Пушкинъ говоритъ:

Въ тѣни густой урюмыхъ сосенъ
Воздвигся памятникъ простонъ.

О, сколь онъ для тебя, кагульскій брѣвъ, поносенъ
И славенъ рошнѣ тратонъ.

Среди набросковъ 1821 г. есть одинъ—о кагульскомъ брѣвѣ см. выше, № 326.

Чугунъ Кагульскій, ты свашень,
Для Русскаго, ты тута славашъ.

Послѣдній Парское Село въ 1829 г., снова поблблбавившесъ, славонъ мраморной и мѣдными хвалами Екатериныныхъ орловъ, поплблбл писалъ:

Садитсѣ призраки героевъ
У посвященныхъ имъ столбовъ;

Едите: волье герои, стѣшитсѣль ратныхъ строевъ,
Черунъ кагульскихъ береговъ.

217. НАПРАСНО, МЛЪВН ДРУГЪ, Я МЫС-
ЛЮГЪ УТАНГЪ...

г. II, стр. 2).

Сохранившіеся на 56 листѣ музейной тетради № 2364 черновой набросокъ этотъ былъ впервые напечатанъ въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., мартъ, стр. 654. Въ изданіяхъ П. О. Морозова (литерат. фонда, т. I, 213, и «Просвѣщенія» т. I, 262 и П. А. Ефремова т. I, 1903 г., стр. 354) онъ напечатанъ, какъ и всѣ остальные наброски, безъ слѣдовъ работы Пушкина надъ этой незаконченной пьесой. Ср. исторію текста.

По положенію своему среди пушкинскихъ черпиковъ—стихи эти, стоящіе передъ началомъ шестой пьесы «Руслана и Людмилы» и «Недоконченной картини», относятся, вѣроятн, къ 1819 году.

218. ДУБРОВЫ, ГДЪ ВЪ ТѢНН СВОБОДЫ...

г. II, стр. 2).

Стихотвореніе это, находящесѣ въ двухъ черновыхъ редакціяхъ въ музейной тетради № 2364 л. л. 42 и 43 оборотъ, было напечатано впервые В. Е. Якушкинымъ въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., мартъ, 648—649. Передъ первымъ наброскомъ, на л. 42-мъ, Пушкинъ написалъ «O, Zauberer der ersten Liebe!... Wieland»; Якушкинъ считаетъ эти слова эпиграфомъ къ пьесѣ.

Въ рукописи стихотвореніе заключаетъ въ себѣ 8 строкъ, очень начерканныхъ. Изъ нихъ приведены первый четвергъ, подпадающій опредѣленному чтенію. Ср. исторію текста.

Въ академическомъ изданіи г. II, прим. стр. 439 стихотвореніе по даннымъ біографіи Пушкина—относено къ июлю 1819 г., между тѣмъ какъ ранѣе, на стр. 65, сказано, что этотъ набросокъ «можесть быть относимъ или къ 1818 г., или къ 1819 г.». Действительно, только такъ и можно его датировать по его положенію между черновыми: Шашлинъ, кто близъ тебя... см. примѣчаніе къ этой пьесѣ и «Облава» по поводу написанія стиховъ въ честь императрицы Елизаветы Александровны.

Но формуль набросковъ стоять въ связи съ

песен 1817 г.: Простите, впрямь дубровник... что стало Н. О. Морозову изд. «Просвещения», т. 4, стр. 519, поворот ошибочно отнеси его к 1817 г. Но мифолог В. Е. Якушкин, онъ представляет обращение къ Михайловскому дубравы, дваконными поля, дваконная сибирей павъ; поэтъ вспоминаеть, какъ онъ провозвалъ уже тутъ время въ пинши и на свободѣ. Съ такимъ объясненіемъ трудно согласиться; мурено видѣть Михайловское въ этихъ общихъ и недѣлихъ прилагавыхъ. Можетъ быть, поэтъ думалъ о Бакушиной, и возмущенія отроческой любви въ немъ пробуишь видѣ Царскаго Села.

219. СКАЖКИ, КАКИЯ ЗАКЛЮЧАЮТЪ...

т. II, стр. 2.

На 70-мъ листѣ музейной тетради № 2364 сохранился начертанный, съ неразборчивыми поправками, этотъ черновой набросокъ. Впервые онъ былъ напечатанъ въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., мартъ, стр. 639. Впрочемъ, еще Н. В. Анненковъ въ первомъ изданіи своихъ «Материаловъ для биографіи Пушкина», 1833 г., стр. 347—348, привелъ изъ него, не совсемъ точно, два стиха, какъ примѣръ «стихотворныхъ фразъ, записанныхъ Пушкинымъ на дѣту, для памяти. Они не относятся къ какому-либо вначальнѣю извѣдъ или къ душевной его повѣсти, а представляютъ только подробности, орнаменты, части созданія, замысленныхъ въ тиши кабинета. Работавшая фантазія поэта тотчасъ помѣчала оборотъ или идею, мелькнувше въ головѣ, для употребленія ихъ въ дѣло, когда наступитъ часъ творчества». Въ изданіяхъ Н. О. Морозова, майковскихъ «Материалахъ для академическаго изданія и самомъ академическомъ изданіи тексты мѣстами различны. Тотше всего переданъ онъ въ академическомъ изданіи т. II, стр. 66. Въ наст. изданіи напечатанъ съ небольшою поправкою ср. исторію текста.

Судя по положенію стиховъ среди пушкинскихъ черновиковъ, гдѣ они помѣщаются между окончаніемъ «Руслана и Людмилы» и наброскомъ «Штъ, пѣть, мой дружка...» онъ относится къ 1819, если не къ 1820 году. Но переданному Н. А. Ефремовымъ «Сочиненія» Н., изд. А. С. Суворина, т. VIII, Сиб., 1905 г., стр. 136 мифолог Н. В. Анненкова, этотъ набросокъ— попытка перевода изъ «Фауста», хотя, по вѣрнѣйшимъ, подлинная [1820 г.]. Въ такомъ случаѣ,—замѣчаетъ Ефремовъ,—не признать ли это скорѣе не переводомъ, а наброскомъ для сцены изъ «Фауста»? Указаніе Анненкова разъясняетъ не совѣтъ почитаніе содержаніе отрывка. В. Е. Якушкинъ думаетъ, что это «первый опытъ той демонической сатиры, которую потомъ Пушкинъ писалъ и не докончилъ въ Кишиневѣ» (см. ниже № 314—318). Въ эти предположенія довольно проблематичны, такъ какъ содержаніе наброска слишкомъ неясно и туманно.

220. ВСЕ ПРИЗРАКЪ СМЕТА...

т. II, стр. 3.

Этотъ черновой набросокъ, сохранившійся на 77 листѣ музейной тетради Пушкина, пѣть принадлежатъ Руманцовскому музею и посвященъ

№ 2364, былъ впервые напечатанъ въ «Русс. Стар.» 1884 г., мартъ 661. В. Е. Якушкинъ, съ пѣтьотречными ошибками и произвольными измѣненіями ср. исторію текста.

Первое четверостишіе написано отъ дѣтны отъ остальныхъ стиховъ, приписанныхъ сбоку. За этимъ наброскомъ слѣдуютъ стихи Къ Кауцескому памятнику дослѣднѣ поэмѣ: 1819, 30mars.

221. ДАВНО ЛИ ГАННЫМИ СУДЬБАМИ...

т. II, стр. 3.

Черновой набросокъ этотъ напечатанъ впервые въ академическомъ изданіи сочиненія Пушкина, т. II, стр. 67. Онъ находится на 71 листѣ музейной тетради № 2364. В. Е. Якушкинъ напечаталъ его съ пѣтьотречными произвольными конъектурами ср. исторію текста.

По положенію среди пушкинскихъ черновиковъ, стихи эти, написанные на отной страницѣ съ черновыми письмомъ къ Кривцову, относятся къ дѣту 1819 г., могутъ быть датированы этимъ годомъ. См. ниже набросокъ «Штъ, пѣть, мой дружка...»

222. Я МАЛО ЖИТЬ...

т. II, стр. 3.

Этотъ набросокъ находится въ 2364-ой тетради Руманцовскаго музея л. 78 об. и впервые напечатанъ въ «Русс. Стар.» 1884 г., мартъ 662. В. И. Бросовъ «Литерские стихи Пушкина», М., 1907, стр. 78—79 устанавливаетъ, что эти стихи не составило начало самостоятельной пѣсы и относится къ первоначальному варианту посланія 1817 г. къ Н. П. Кривцову «Не пугай насъ, милый другъ...» Ср. въ исторіи текста. Въ тетради этому наброску предшествуютъ стихи 1819 г.—Къ Кауцескому памятнику и Платонидѣ. Первый стихъ встрѣчаемъ также въ наброскѣ № 212. Позволь, душѣ моей открыться прѣть тобою...

223. НЕДАВНО ПУХНѢТЬ ВЕЧЕРКОМЪ...

т. II, стр. 3.

Это четверостишіе, находящееся въ 2364-ой музейной тетради л. 66 об., впервые было напечатано въ «Русс. Стар.» 1884 г., мартъ, 658, и затѣмъ перешло въ изданіе «Просвещения», т. 4, 264. Разбирая послѣнее, В. Е. Якушкинъ «Еще новое изданіе сочиненія Пушкина—Русс. Вѣдом., 1903 г., № 120 замѣтилъ объ этихъ стихахъ: въ рукописи можно прочесть—въ черновомъ, неотфранномъ пѣть—гораздо больше, и тутъ, несомнѣнно, видно, что приведенные четыре стиха составило часть тридцати начатой и недописанной картины: поэтъ припоминаеть, какъ онъ пощловалъ свѣдѣющую Натану, и она позволяла себя щловать, притворяясь спящей. Все это относится къ Руслану и Людмилѣ и соответствуетъ стихамъ 236—239 пѣтны пѣсны.

Стихи эти слѣдующіе:

Я помню маленькую дубовку
Среди березовой дубравы,
Я помню темный вечерок,
Я помню Лиды сошь дубавицу...

224. ЗА СТАРЫЕ ГРЪБИ...

т. II, стр. 3.

На 64 листе мусетной тетради № 2364, переплет черновыми наброском стихов о казачьем памятник в Воспоминаньем уносимый ... находим неперечтанные стихи, начинающиеся словами:

За старые гръби наказанья судьбы...

Напечатаны они впервые в Русс. Старинѣ 1884 г., мартъ, стр. 657, П. О. Морозовъ. Сошл. П. изд. Просвѣщенія, т. I, стр. 330—331 и В. Е. Якушкинъ акад. изд., т. II, прим., стр. 83—84 относят эти стихи къ болдину, перенесенной самимъ Пушкинымъ; первый—въ нояб. 1819 г., а второй—всюду этого года. Между тѣмъ нѣтъ никакихъ оснований думать, что поэтъ дѣлалъ посылку о себѣ. П у лирическаго поэта, даже столь субъективнаго какъ Пушкинъ, а и интуици это «я», вовсе не всегда одно и то же. Я стражду» вовсе не значитъ, я, Пушкинъ, страдаю, тѣмъ болѣе, что въ разбираемыхъ стихахъ говорится о Меркуріи, а Пушкинъ, какъ извѣстно, былъ очень здоровъ. Хотя мнѣ кажется, и едва ли шварцъ той болдину, отъ которой дѣлать рукопись.

Сходство, указанное В. Е. Якушкинымъ, конечно, несомненно. Но то, что отрывокъ пошлѣнъ писателю, какъ нечто постороннее ср. историю текста), говорить о чемъ-то самостоятельномъ отъ общаго состава поэмы. Притомъ, сейчасъ цитированные стихи изъ этой поэмы представляють собою совершенно чуждый эпизодъ, и вполнѣ возможно, что Пушкинъ выѣхалъ изъ нея для самостоятельной разработки. Вотъ почему и намъ, издавшемъ болѣе осторожнымъ издатель четверостишие изъ простыхъ вариантовъ поэмы. Р е с.

Набросокъ относится къ 1819 г., по положенію его среди пушкинскихъ черновинокъ.

225. ПО Я НЕ ГОЛЮ...

т. II, стр. 4.

Автографъ отрывка неизвестенъ. Впервые онъ былъ напечатанъ въ изданномъ П. В. Сушковымъ сборникѣ Раутъ, кн. III, М., 1834 г., стр. 249, въ качествѣ продолженія посланія къ князю А. М. Горчакову: Изгнанный мотъ, большого свѣта другъ... Въ изданіи Ашценкова, т. VII, стр. 24—27 онъ вошелъ какъ самостоятельный отрывокъ изъ другого, неоконченнаго стихотворенія. Въ Раутѣ онъ былъ, по словамъ С. П. Гешади

Приложенія къ сочиненіямъ А. С. Пушкина, изданнымъ Я. А. Писаковымъ, Спб., 1860, стр. 38, сообщенъ изъ списка; при этомъ Гешади говоритъ, что Ашценковъ не считалъ его приматомъ Пушкину. Этому показанію противорѣчить то, что Ашценковъ не исключилъ его изъ своего изданія П. Ефремова, Сочиненія П., изд. Суворина, т. VIII, стр. 133 и В. Е. Якушкинъ акад. изд., т. II, примеч., 146 не рѣшается считать эти стихи посланнымъ къ Горчакову. За приматомъ ихъ Пушкину ручается авторитетъ Ашценкова, толькото строго критикованнаго матеріала въ этомъ отношеніи. Въ изданіи 1880 г. I, 226, текстъ шесты нѣсколько двѣдненъ. Ср. историю текста.

226. ПОСЛАНІЕ КЪ А. П. ТУРГЕНЕВУ.

т. II, стр. 4.

2 апрѣля 1819 г. А. П. Тургеневъ писалъ изъ Петербурга князю П. А. Вадковскому по поводу своего показанія въ камергеры, состоящагося въ концѣ февраля, что Пушкинъ началъ посланіе:

Въ себѣ въбѣдла дѣлоуца
и т. д. Остафьевъ, Архивъ I, 210. Неизвѣстно, была ли шестя продолжена или такъ и осталась незаключенною.

Ключи отъ разъ — намекъ на судьбу Тургенева по вѣдомству духовныхъ дѣлъ, которая часто поговаривала Пушкину поговѣ къ муткамъ. Пушкинъ въ письмахъ препоручалъ себя молившимъ Тургеневу, называя его муфти и титуловалъ пресвященствомъ.

Н. Лернеръ.

Черновики 1818—1819 гг., совершенно неотдѣланные.

Въ тетради Румянцеваго музея № 2364 есть еще нѣсколько черновыхъ набросковъ, но только мало разобранныхъ или неотдѣланныхъ, что въ нихъ грубо удивитъ мысль и стихъ. Не внося ихъ въ текстъ, мы даемъ ихъ дѣлать въ примечаніяхъ и располагаемъ ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, на сколько можно было приблизительно установить его. Относятся они къ періоду 1818—1819 гг.

226а. НАДЕЖДА НАИДЕЛА...

Надежда Наидела
Самъ Объя
Амуръ тебя обреть
Тебя готовилъ

На слуху для славы къ славы нашей сдана
Ты Ты будешь надеждою
Моя Слава нашей сдана
Вездѣ готовится
Коль ты въ слуху
Гордость готовится

Явилась
 На пыльных прахъ Мельномени
 Явилась въ ты
 На пыни, пр. Мел.
 [У тихихъ] алтарей любви
 Когда явилась ты предъ нами въ первый разъ.

Въ 2364-ой музейной тетради л. 48 находится совершенно неотделанный, густо исчерканный черновикъ этого стихотворенія, изъ котораго В. Е. Якушкинъ, избравъ веб показавшій ему удобный слова, чрезвычайно произвольно составилъ такое неотделанное еще стихотвореніе :

Самъ Фебъ тебя готовилъ
 На славу нашей сцены
 На пыльных прахъ Мельномени
 Явилась ты предъ нами въ первый разъ.

Русс. Стар. 1884 г. мартъ, 651; академич. изд., т. II, прим. стр. 49. Это нескладное четверостишіе, приписанное Пушкину, которымъ въ немъ недоволенъ, Ефремовъ Сочиненія П., изд. А. С. Суворина, т. VIII, Спб., 1905 г., стр. 116—117, даже нашелъ возможнымъ отнести «впрямую къ Екатериѣ Семеновнѣ Семеновоу»; судя по упоминанію въ этихъ строкахъ о Мошѣ, рвѣ и петь, можетъ быть, объ А. М. Колосовоу (см. ниже, примѣч. къ стихамъ П. А. Катенцу). Кто мнѣ пришлетъ ся портретъ ... , 1821 г. См. Г. т. настоящаго изданія, стр. 304.

226-6. ЧУДЕСНЫИ АНГЕЛЬ, ГЕНИИ МОИ...

Чудесныи Ангель, Гении мой
 Предъ... И ты, которая навѣкъ
 Не тыль любви бедумно жестокою пр мена
 меня страд побор.
 Меня къ умнью причила
 Меня къ умнью безуми, стр.
 И хладной...

На листѣ 43 музейной тетради № 2364 сохранился этотъ черновой набросокъ, сильно исчерканный. Онъ впервые напечатанъ въ академическомъ изданіи сочиненій Пушкина, т. II, прим. стр. 140—141. Судя по положенію среди пушкинскихъ черновиковъ, онъ относится къ концу 1818— началу 1819 г., такъ какъ находится между стихотвореніемъ «Дубровы, гдѣ въ тиши свободы...» и наброскомъ «Позволь душѣ моей открыться предъ тобою...». Въ академическомъ изданіи эти стихи слишкомъ категорически включены въ число набросковъ 1819 г. Но содержанію они принадлежатъ къ тѣмъ, въ которыхъ, какъ замѣнилъ Анненковъ, бываетъ совершенно невозможно уловить мысль и стихъ: замѣтки эти авторъ писалъ только для самого себя и о нихъ знаетъ настоящій смыслъ и форму ихъ.

226 -в. ОНА МНѢ...

Она мнѣ
 Не знаешь. Она она я вѣдьль
 Она она она при мнѣ
 (Шѣла вчер красою ѣвкой раздѣвгала
 Въ удивленной тишинѣ

Потомъ любви моя
 Я вѣдьль другъ удивленнай
 Ея млагенесства (своботы
 (З. Знакомъ... воще протинъ.
 Въ тѣни пыльнелъннхъ) дубравъ
 Я былъ свидѣтелемъ (жаслнвымъ) удивленнай
 Ея млагенесскихъ забавъ
 Ея пыльнелъннхъ весны
 Я былъ я сердцемъ вѣдьль
 (И пыльннмъ сердцемъ обозалъ.
 Она цѣла передо мною
 И волшебн...
 Ея чудесной красоты
 (Ловиль я пыльнелъннхъ душою, мечгою
 Уже отпывалъ
 Еще неясныя черты—
 (Она мена одушевела мнѣ ввухила,
 И мнелъ обѣ ней одушевела
 Влюбленной лиры моеи цѣвнцы первый
 ЗВУКЪ
 (И серд. страсть причила
 И гаша сердца)...

Этотъ черновой набросокъ, находящійся въ музейной тетради №2364, л. 43 оборотъ, непосредственно за наброскомъ: «Чудесныи Ангель, Гении мой...» впервые напечатанъ въ академическомъ изданіи сочиненій Пушкина, т. II, прим. стр. 141—142. Онъ очень исчерканъ и читается съ трудомъ. Звѣкъ воспроизводится онъ съ возможной точностью съ некоторыми отлнчїями отъ чтенія В. Е. Якушкина. См. Исторію текста. Слнхи эти принадлежатъ къ тѣмъ небрежнымъ наброскамъ, которыми Пушкинъ пользовался впоследствии какъ своего рода поэтическимъ запасомъ для новыхъ произведеній; такіе примѣры попадаются у него часто. Шѣлы рядъ стиховъ изъ этого наброска вошли впоследствии въ вторую главу «Евгенія Онегина», строфы XXI—XXII, въ которыхъ поэтъ знакомить читателя съ Ольгой Лариной.

Собственнo съ наброскомъ: «Дубровы, гдѣ въ тиши свободы...» и особая красноватая чернилка, которыми писаны эти стихи и сблана она направлена въ «Дубровахъ», такъ въ возможность отнести ихъ къ 1818—1819 годамъ. В. Е. Якушкинъ съ извннен точностью отнесъ ихъ опрѣбленно къ 1819 году.

226—г. ТАКЪ ТОЧНО! ЭТО ОНѢ!

Такъ точно! Это онѣ! не правда ли не прав-
 даль,
 Не Схошце нѣтъ. Подъ подъ шланой съ
 розами
 И грудь открытая и эти кружева
 И на одно [плечо.] (и опущенная накинута
 шаль...

На 50-мъ листѣ об. 2364-ой тетради Румяндовскаго музея среди черновиковъ начала четвертой пѣсни «Руслана и Людмила», находится этотъ черновой набросокъ, напечатанный впервые въ Русс. Старинѣ 1884 г. мартъ, стр. 652, и приведенный поэтиче въ академическомъ изданіи, т. II, прим., стр. 89. В. Е. Якушкинъ л. с. отмѣтилъ, что въ этомъ наброскѣ, судя по описанію паружности, рѣчь идетъ о женщинѣ, но въ 1-мъ стихѣ написано четко: «Это онѣ!». Можетъ быть, онѣ означаетъ портретъ.

Но положению наброска среди черновиков Руслана и Людмила его можно отнести к концу 1818 или началу 1819 г.

226—г. ФЕБЬ И ГЕРКУДЕСЬ...

На сохранившемся клочке 62 листа музейной тетради № 2364, среди черновых Руслана и Людмила, есть слабо начерканный черновой набросок, начинающийся зачеркнутыми словами: Фебь и Геркудесь...

Прочтению в нем поддаются только отдельные слова. Фебь, онь, привождетъ въ томъ видѣ, въ какомъ его можно прочитать:

(Фебь и Геркудесь
Сегодня
Ожидаетъ своня
Шасливыхъ, повбсь
Вахъ и
(Юнъ юнан) Геркудесъ
Вахусъ [будеть] тома
Придашасть онь
Три бубылки рома
Съ бойкою

Впервые набросокъ былъ напечатанъ во II томъ Академич. издания сочинений Пушкина, прим., стр. 85. Библейские повбсы, Вахусъ, бубылки рома, создаютъ картину, напоминающую обетание Девонной Лампы.

226—д. ЛАНСА, Я ЛЮБЮ...!

Часть этого наброска, находящаяся на 63 листе об. музейной тетради № 2364, была впервые напечатана В. Е. Якушкинымъ въ Русс. Старинѣ 1884 г., мартъ, стр. 656, заглавие повторена пьмъ въ акат. изд. II, прим., стр. 85. Приводимъ его такъ, какъ онъ сохранился въ пушкинскомъ черновой тетради, не была при этомъ никакихъ изменений, какъ бы они ни казались соблазнательными.

Ланса, я люблю твой смѣланъ вольный
взоръ радоторь
взоръ радоторь
Твой пьмые выдова жаръ желанья
твой частья непрерывная добанья
И страсти полнай пылкии жизни радоторь
Любно горящихъ хсть твоихъ очей я выдова
пьмые
Любно восторги пылкие бурные, живые

Указавъ все поправки, все зачеркнутая въ пятой шесте слова, т. Якушкинъ привлекаетъ изъ черновой шесте строкъ стихотворения, — по его больше пьмы спорному мнѣнию, — такъ, какъ оно складывалось у Пушкина.

Получилось стихотворение довольно строное:
Ланса, я люблю твой смѣланъ взоръ
Жаръ огровеннаго желанья
И непрерывная добанья
И страсти полнай радоторь
Любно твоихъ очей я пылова пьмые
Восторги бурные, живые.

Но почему же мы право признать строность тому, что не строно?

Черновые наброски Пушкина интересны блестящими пушкинскими вдохновения, удачными косятъ стихами, счастливыми шплетами и, конечно, являются высокое научное значение какъ материалъ для пушкинскаго словаря, но, все-таки, это только поэтическая руна. Привлекать изъ этой руны то, что тому или другому редактору кажется больше стронымъ, значитъ, часто, говорить за Пушкина. Возьмемъ напр. 4 стихъ.

И страсти полнай пылкии жизни радоторь — привлекаетъ т. Якушкинъ. А въ подлинникъ читаемъ въ скобки заключены зачеркнутая слова. И страсти полнай пылкии жизни радоторь. Почему изъ двухъ эпитетовъ въ слову радоторь, подный и пылкии, равно зачеркнутыхъ Пушкинымъ, т. Якушкинъ избралъ второй?

226—ж. КРАСПОРЪЧИВЫИ ЗАБЬЖКА...

Къ кому относится находящийся на 64 листе музейной тетради № 2364 зачеркнутый подномъ набросокъ, впервые напечатанный въ Русс. Старинѣ 1884 г., мартъ, стр. 657, и состоящий изъ двухъ стиховъ:

Краспоръчивыи забьжа,
Повбса, пламенный подъ...

неизвестно. Впрочемъ, это начало задуманнаго посланія къ кому-нибудь изъ друзей поэта. Но положению среди черновиковъ эти два стиха относятся впрочемъ къ 1819 г.

226—з. ТЫ МНѢ ВЕЛИЧЬ ОТКРЫТЬСЯ
ПРЕДЪ ТОБОИ...

На 65 листе черновой тетради Пушкина, принадлежащей пьмъ московскому Румяновскому музею, № 2364, находится этотъ черновой набросокъ, одинъ стихъ котораго былъ напечатанъ В. Е. Якушкинымъ въ Русс. Старинѣ 1884 г., мартъ, стр. 657. Въ академическомъ изданьи, т. II, прим., стр. 164, онъ напечатанъ со всею возможной тщательностью и на этотъ разъ безъ произвольныхъ изменений. Воспроизводимъ его во всей полнотѣ и точности. Наше чтение почти совпадаетъ съ чтениемъ В. Е. Якушкина. Ср. еще въ исторіи текста:

Ты мнѣ величье открыться предъ тобой
Не знаемъ тебѣ любить безвѣстнаи я
перзаль
Но я назовуь, чего и подъ перзаль я обь
Я Но на чего
Но можешь ты ошно повѣдыва мною
Увы почему
За осмѣлане любить

Но положению среди черновиковъ пятый пьмы Руслана и Людмила, набросокъ относится, впрочемъ, къ 1819 году.

226—и. ОСТАВЬ О ЛЮБИМЪ, О ПИДЕБИ

Оставь о любима, свѣ дамъ оу
Вашъ дожа тухова любви

Этотъ маленький черновой набросокъ нахо-

дится на 67 листъ оборотъ музейной тетради Пушкина № 2364. В. Е. Якушкинъ напечаталъ его впервые въ Русс. Старинѣ 1884 г., мартъ, 638, а затѣмъ въ академическомъ изданіи сочиненій Пушкина, т. II, прим., стр. 164—165. Какъ уже отмѣнилъ В. Е. Якушкинъ, это, очевидно, начало антологическаго стихотворенія.

Судя по положенію среди черновиковъ конца пятой пѣсни «Руслана и Людмила», набросокъ относится къ 1819 году.

226—к. ПЬТЬ, ПЬТЬ, МОИ ДРУЗЬЯ ...

Пять, пять, мои друзья напрасны ваши пѣни
Дни наши, милые, милые
Я васъ люблю, все то же и
Ну с — Златые наши дни милые
Будутъ какъ утренній туманъ
Какъ воды быстро ручья
Мы наслаждаемся, цвѣтемъ,
Но часто сердцемъ душою ищемъ
Въ минувшемъ времени живемъ
Помнить ищемъ [жизнями]
Но чувство любить забывается
Но сердце глупымъ своимъ
Въ минувшемъ любить забывается

На одномъ листѣ съ наброскомъ «Давно ли тайными судьбами ...» (№ 221 въ музейной тетради № 2364 л. 71) сохранился этотъ нескранный набросокъ, изъ котораго нѣсколько словъ напечаталъ впервые г. Якушкинъ въ Русс. Старинѣ 1884 г., мартъ, 639. Гораздо полнѣе напечатано оное въ академическомъ изданіи сочиненій Пушкина, т. II, прим., стр. 163—164, видъ текста, такъ какъ съ трудомъ поддается разбору. Мы воспроизводимъ его со всею возможною точностью. Къ чтенію г. Якушкина мы прибавляемъ досаду чтенія въ II-ой строкѣ одного переделаннаго имъ слова: «жизнями».

Но вполне справедливому замѣчанію г. Якушкина, «вѣстная близость приведенныхъ двухъ набросковъ сама по себѣ еще не означаетъ внутренней связи между ними», хотя, конечно, нельзя согласиться съ нимъ, что оно содержанію надо признать болѣе вѣроятнымъ, что эти наброски самостоятельныя, между собой не связанные. Полная чаша жизни, изъ которой «мы пьемъ восторгъ и любовь», и наши дни, которые «будутъ какъ утренній туманъ» — только разные образы, но имѣютъ въ основѣ одну и ту же мысль — о скоромъ переходѣ земномъ счастьѣ.

277. ДОРЦЕДЬ,

т. II, стр. 61.

Напечатано впервые въ Певскомъ Зрителѣ въ 1820, ч. I, янв., стр. 96, съ подписью: А. П. Оттуда перепечатано въ Новостяхъ Литературы 1823, кн. V, № 34, стр. 128, и затѣмъ въ изд. 1826 и 1829 гг., причемъ обоими этими

226—л. ТАКЪ Я БЫВАЮ, НОВБРЯТЬ...

Находясь на 52-мъ листѣ музейной тетради № 2364 черновой набросокъ этотъ былъ впервые напечатанъ В. Е. Якушкинымъ въ Русс. Старинѣ 1884 г., мартъ, 633, въ черзурь строимомъ извлеченіи, а поодиночно воспроизведенъ имъ же въ академическомъ изданіи, т. II, прим., стр. 264. Но имѣю В. Е. Якушкина, оны относятся къ эпиллогу «Руслана и Людмила», начало котораго эти стихи действительно напоминаютъ. По своему положенію среди пушкинскихъ черновиковъ, они должны быть отнесены къ 1819 г. или началу 1820 г. Записывая эти безпорочныя строки, Пушкинъ, можетъ быть, и не имѣлъ еще въ виду эпиллога, написаннаго имъ лишь въ июлѣ 1820 г. и сохранившагося въ другой черновой тетради. Можетъ быть, это были, говоря словами Анненкова «Материалы», изд. 2-ое, стр. 339, первый проблескъ поэтическихъ и темъ развитыхъ вносѣтвствій вторымъ имъ.

Вотъ этотъ набросокъ, который мы въ нѣсколькихъ мѣстахъ читаемъ иначе, чѣмъ В. Е. Якушкинъ:

И Такъ я бывало (провождаль?) повтаряль
забывать, а оки
въ. Опообра претаня праздной свободы
празд
претаня разказы небылицы небылицы
Умѣль И мой твои И свой досугъ однооб-
разный Златые дни
Веселон притвой дитрой оживляль —
Я пѣль — и вымысловъ живые
И сладострастїя.

Среди напечатанныхъ В. Е. Якушкинымъ въ Русс. Стар. 1884 г. набросковъ Пушкина есть три стиха (ор. с., мартъ, стр. 660):

О, если бѣ моль достигнуть гласъ

Участїя и увлеченя

Къ душѣ, не спешен оскорбленья...

Пушкинъ записалъ эти строки на 75 листѣ тетради, приналежащей вышѣ московскому Румянцовскому музею, № 2364. Перепечатавъ эту «поэтическую замѣтку» въ академическомъ изданіи сочиненій Пушкина т. II, прим., стр. 173 г. Якушкинъ воспользовался ею для заключенія, что черновая тетрадь отражаетъ намъ противоположныя настроенія, влѣтвшія поэтомъ. Тутъ произошла ошибка: приведенные три стиха только записаны Пушкинымъ, а написалъ ихъ Жуковскій, въ посланіи 1814 г. къ кн. П. А. Вяземскому и В. Л. Пушкину; въ нихъ говорится объ Озеровѣ, См. П. Ерштеръ, Труды и дни Пушкина, 2-ое изд., стр. 440; Русс. Стар., 1908 г., мартъ, 657.

Ред.

СТИХОТВОРЕНІЯ 1820 ГОДА.

изданіями отнесено къ 1820 г., подъ которымъ и печаталось въ позднѣйшихъ изданіяхъ. Л. П. Майковъ въ Материалахъ для акад. изд. соч. Пушкина 1902 г. вслѣдъ за нимъ Морозовъ и Ефремовъ въ изд. 1903 г. перенесли это стихотвореніе въ 1819 г., на томъ основаніи, что книжка журнала, въ которой оно впервые появилось, уже вышла изъ цензуры 6 января 1820 г., а слѣдовательно,

въ цензуру была представлена не раньше половины декабря 1819 г. В. Е. Якушкинъ, во II-мъ томѣ акад. изд., помещаетъ стихотворение опять подъ 1820 г., на томъ основаніи, что такъ оно было датировано въ изданіяхъ самого автора .

Еще Анненковамъ (Соч. Пушк., I, 312) было замѣчено, что послѣдній стихъ этой пьесы представляеть буквальный переводъ стиха Шенье:

Et des noms caressants la mollesse enfantine

Стихъ этотъ взятъ изъ XXV дѣсти Шенье, остальные стихи которой не имѣютъ ничего общаго съ содержаниемъ пушкинскаго стихотворенія.

Рукопись этого стихотворенія была известна Анненкову и Машкову, которые, сообщая, что пьеса «Доридъ» помещена въ ряду стиховъ, озаглавленныхъ «Пораженіемъ превнимъ», не указываютъ, есть ли это автографъ или списокъ. Но какъ въ томъ, такъ и въ другомъ случаѣ приводимый отсюда вариантъ послѣдняго стиха:

И ласковыхъ рѣчей младенческая пѣвность
нато снѣгать просто ошесокъ, такъ какъ слово рѣчей — уже имѣется въ предъидущемъ стихѣ.

228. ДОРИДА.

Впервые напечатано въ Шевскомъ Зрителѣ 1820, ч. I, февр., стр. 92, съ подписью: Д. // и подъ заглавіемъ: Доридъ. Съ неправильнымъ заглавіемъ явилось въ изд. 1826 и 1829 гг., гдѣ помещена между стихотвореніями 1820 г. Есть у меня какаго-то Доридъ, писалъ Пушкинъ въ 1825 г. своимъ издателямъ — Писевну и брату: если достоинъ тишенія, — отыщи те се .

Находится въ рукописи Моск. Музея N 2364 (л. 53 об. среди произведеній 1819 г., къ которому Морозовъ и относитъ это стихотвореніе; но въѣмъ прочими изданіями, въ томъ числѣ и настоящимъ, помещается подъ 1820 г.).

Въ рукописи I-й стихъ читается:

Мнѣ въ Лизѣ В. Е. Якушкинъ пишетъ въ
Лизѣ ⁴ пріятель...

Подобный же стихъ есть и у Батюшкова:

Въ Лизѣ пріятель улыбка на устахъ.

3-й стихъ можетъ быть, принесть на память Пушкину, когда онъ писалъ въослѣдствіи въ Ал. бонѣ Оубина :

Вчера, у X оставя ипрѣ,
R. C. дѣла какъ зефиръ...

1 В. Е. Якушкинъ представилъ показателъ ства, что въ книжку Некъ зрителя попало кое-что и позде цензурной затѣ. Такимъ образомъ, имѣя основанія отступать отъ датировки автора. *Ред.*

2 Мы не видѣли никакого основанія отступать отъ пушкинскаго датировки. То, что Доридъ находится среди набросковъ произведеній 1819 года совершенно не показательно. Пушкинъ пользовался своими тетрадами всего меньше листъ за листомъ. *Ред.*

3 Мы тоже присоединяемся къ чтенію Лизѣ. Кромѣ безспорнаго, какъ намъ кажется, начертанія имени *д*, а не *з*, за Лизу говорить и то, что это было одно изъ обычныхъ тогда нарицательныхъ женскихъ именъ. Лиза звучитъ слишкомъ реально. *Ред.*

229. МНѢ БОИ, ЗНАКОМЪ...

т. II, стр. 6.

Впервые напечатано въ изд. 1839 г. сконибковъ языкъ меней, вм. языкъ меней, повторенной въ послѣдующихъ изд. до 1887 г. и въ

Матеріалахъ Л. Машкова. Къ 1820 г. отнесено на основаніи показаній П. А. Ефремова, итѣннато полинноту рукописи, инакъ уже утраченную стихотвореніе нахитано на четверть еипен бумажн съ волниатымъ знакомъ 1819 г., а на оборотѣ нѣкто-то рукою набросано нѣтълнши репертуаръ на двѣ нѣтълн, относящіяся къ 5-17 апрѣля 1820 г. Изд. 1882 г., т. I, стр. 307. Выходитъ, такимъ образомъ, что стихотвореніе напншано въ началѣ апрѣля 1820 г.

В. Е. Якушкинъ, замѣчая, что по свойствамъ это стихотвореніе, конечно, стоитъ въ связи съ воинственными помыслами Пушкина, только въ половинѣ 1819 г., откалншася отъ мысли о мумирѣ, обрабааетъ, однако, вниманіе на то обстоятельство, что въ апрѣлѣ 1820 г. никакой войны не было, почему и затрудняется принимать это стихотвореніе въ буквальный смыслъ. Быть можетъ, воинственность, какую высказываетъ здѣсь «свободы вѣрныи войны», его осторожность, предъ смертельною опасностью, находится въ связи съ тою серьезною опасностью, какою именно въ это время подвергся Пушкинъ изъ-за своихъ стиховъ. Это предположеніе редактора академическаго изданія находитъ себѣ какъ бы косвенное подтвержденіе въ томъ обстоятельствѣ, что на- стоящее стихотвореніе является послѣднимъ произведеніемъ петербургскаго періода жизни поэта: въ началѣ мая Пушкину пришлось уже уѣхать на югъ...

230. ОЛЕНЬКЪ МАССОНЪ.

Впервые напечатать это стихотвореніе П. В. Анненковъ въ своемъ изданіи сочиненій Пушкина VII, 26—27, подъ заглавіемъ: Олень и съ отнесеніемъ къ 1820 г., въ дѣ 14-го и 15-го стиховъ о рѣзвомъ разрывѣ и пріаиическихъ дѣтъяхъ, въ составленннхъ въ Библіографіи, запискахъ 1858 г., N II, ст. 347. Въ полномъ видѣ пьеса вошла въ первое изданіе Гешана 1859 г., I, 312—313. Заглавіе: Оленькъ Массонъ, или ефремовскимъ заглавіемъ 1880 г., I, 312—313. П. А. Ефремовъ разсказываетъ Русс. Стар., 1879 г., декабрь, 729, что рукопись VII тома анненковскаго изданія была вана для просмотра княземъ П. А. Ваземскимъ, бывшимъ тогда товарищемъ министра народнаго просвѣщенія. Ваземскій поручилъ просмотрѣ поэту П. О. Щербинѣ, ислѣднелмуся при немъ итѣнншкомъ особахъ порученіи Щербина составилъ о немъ докладную записку. Повстѣннъ можно было шннннса его прн- нрнчнвостн, ибо, напрнмѣръ, онъ прнзнавалъ не- возмознннмъ печатаніе прерваннаго стихотворенія. Олень, крестница Кнррнннн, потому только что въ этомъ стихѣ сѣмнанъ правоплаваннн, обра- къ мнототнческою боппнею. Впрочемъ, князь Ваземскій не прнннвалъ ни одного замѣчанія Щербнннн. Разсказывая о послѣднннрской запискѣ Пушкина, Анненковъ П. въ Александровѣ, шому, глава Большая свѣтъ, 64, сообщаятъ фамнннно героннн этой пьесы Массонъ. Но указанно Ан-

пенкова, стихотворение все-таки относится к 1820 г., по Морозову изд. Просвещения, т. I, 241—242, 348 перенесъ его къ 1819 г., на основаніи письма А. П. Тургенева къ кн. Н. А. Вяземскому отъ 18 июня 1819 г. Осташевск. архивъ I, 233, гдѣ говорится, что Пушкинъ просидѣлся, дожидаясь у двери одной....., которая не пускала его въ тожь къ себѣ изъ дому, чтобы не заразить его своею болѣзью...¹

231—232. НА АРАКЧЕЕВА.

т. II, стр. 7.

Объ эпиграммы впервые напечатаны въ изданіи Н. П. Огарева въ Лондонѣ, въ 1861 г., сборникъ: «Русская поэтическая литература XIX столѣтія», въ русскихъ же изданіяхъ становится известными съ 1880 г. Автографовъ, конечно, нѣтъ, но подлинность обоихъ эпиграммы шибко не оспаривается, хотя первая изъ нихъ—Всей Россіи приписатель—какъ будто несомнѣно принадлежить къ пушкинскому складу стиха и выраженія. Въ поясненіи предисловія стиха этой эпиграммы слѣдуетъ замѣтить, что девизомъ Аракчеева, вырваннымъ на его именной печати, были слова: «Бѣдъ дести преданъ». Въ послѣднемъ стихѣ вмѣсто начального слова: «Просто», въ иныхъ спискахъ встрѣчается другое, нестрогое слово изъ пяти буквъ, характеризующее возлюбленную всемогущаго претенщика, известную Настасью Минкину.

Что касается второй эпиграммы, то кн. Н. А. Вяземскій на поляхъ берлинскаго изданія стихотвореній Пушкина сдѣлалъ о ней такое замѣчаніе:

«Вовсе не на Аракчеева, а на Стурдзу, написаннаго современно смерти Коцебу политическую записку о пивецкихъ университетсахъ. Второй стихъ пропущенъ:

Благословн свою судьбу,

1 Основаніе это слишкомъ шатко чтобы поколебать анненковскую датировку: стихи могли быть написаны и гораздо подлѣе самаго случая, разсказаннаго Тургеневымъ, если они не вызваны другимъ случаемъ. Лишь недавно отыскался подлинникъ этихъ стиховъ, хранящійся въ принадлежащей академіи наукъ майковской коллекціи автографовъ Пушкина см. II т. академич. изданія сочиненій Пушкина, примѣч., стр. 369; Пушкин и его современн., выш. IV, стр. 8, № 28. Настоящему изданію онъ былъ недоступенъ. Но словамъ цитированныхъ источниковъ, на немъ есть дата: 22 Июн., и онъ записанъ на большомъ листѣ, гдѣ набросано еще нѣсколько стихотвореній приблизительно шестидесяти годовъ. В. Е. Якушкинъ акад. изд. I, с. поэтому рѣшилъ, что и разбираемая пьеса написана подлѣе 1820 года. II для такого вывода нѣтъ достаточныхъ основаній.

Среди набросковъ 1818 г. есть одинъ тетрадь московскаго Румянцеваго музея № 2361, л. 47 об., неопубликованнй и весь зачеркнутый, немного напоминающій конецъ нашей пьесы акад. изд. II, прим., стр. 50:

Ты мнѣ

Ты не внемлешь.

Въ часъ восторговъ уносила и забвела
(Ишь, Другъ мой, А.

Послѣдніи послѣ прибавленъ, а, можетъ быть, и не Пушкинскимъ. Когда эти стихи ходили по рукамъ, шитаго стиха не было. Старина и Поэзия, выш. VIII.

Двѣстишительно, мы знаемъ, что современники Пушкина говорили не о пятиштиннѣ, а о четверостишнѣ къ Аракчееву, въ рукописяхъ же эпиграмма встрѣчается то съ пропускомъ 2-го, то съ пропускомъ 3-го стиха. Мнѣніе кн. Вяземскаго о томъ, что, можетъ быть, этотъ послѣдній стихъ, заключающій въ себѣ русскій титулъ, прибавленъ къ римамъ къ 4-му и не Пушкинскимъ, представляется, пожалуй, вѣроятнымъ; но относительно всей эпиграммы на счетъ Стурдзы, вопреки утвержденію всѣхъ ея списковъ, ставилъ есть основаніе.²

233. ВЪ ЖИЗНИ МРАЧНОЙ И ПРЕЗРЬВОЙ

На О. Толстого, т. II, стр. 7.

Впервые напечатано въ Русскомъ Архивѣ 1865 г., стр. 4352, по дамской книжкѣ Пушкина 1820—1821 гг., находящейся теперь въ Имп. Публ. Библиотекѣ.

Графъ Оскаръ Ивановичъ Толстой, род. 6 февр. 1782, ум. 24 окт. 1846, племянникъ известнаго собирателя рукописей гр. О. А. Толстого, пріятель В. А. Пушкина и кн. Вяземскаго, участвовалъ въ кругосвѣтномъ плаваніи адмирала Крузенштерна 1803—1806 и за непослушаніе былъ выслазанъ на берегъ русской колоніи въ Сѣв. Америкѣ. Оттуда онъ отправился на Алеутскіе острова, посѣтивъ дикія племена колоній и вернулся въ Россію сухимъ путемъ, черезъ Сибирь. Съ этихъ поръ,—говорить въ своихъ воспоминаніяхъ Бугаринъ,—его прозвали американцемъ. У себя дома онъ одѣвался по-алеутски, и стихи его увѣнчаны были оружіемъ дикарей. Въ 1808 г. Толстой, въ чинѣ поручика Пенсильскаго тарнозоннаго батальона, участвовалъ въ шведской кампаніи, за что два раза былъ награжденъ въ солдаты «за дуэль и разныя безчиства» и съ 1809 г. проживалъ частнымъ человѣкомъ въ Москвѣ. Въ войну 1812 г. онъ былъ ратникомъ ополченія и своею отчаянною храбростію слова заслужилъ офицерскій чинъ. По окончаніи войны поселился въ Москвѣ и въ 1821 г. женился на штанкѣ Антоніи Максимовнѣ Тугасовой, отъ которой имѣлъ двухъ дочерей. Старшая изъ нихъ, Сарра 1821—1838 получила въ послѣдствіи нѣкоторую литературную известность. См. о немъ Осташевскій Архивъ, I, 318—319; Записки Вяземскаго, II, 43—44 и III, 43—44, 74—75; Соч. В. А. Пушкина, изд. 1893 г., стр. 86—88; Соч. кн. Вяземскаго, III, 161 и IV, 8; Воспоминанія М. О. Каменской въ Историч. Вѣстникѣ 1894, т. 37, стр. 41—43.

Плотникъ, сильный, небольшого роста брюнетъ съ смуглымъ лицомъ и черными блестящими глазами, Толстой по натурѣ былъ эксцентрикъ, любившій во всемъ отиѣ крайности. Отчаянный

1 Едва-ли Пушкинъ сталъ-бы съ такою силою выступатьъ противъ какого-нибудь Стурдзы. Стурдза былъ маленькій человѣчекъ, и его достаточно было прищелкнуть эпиграммой, провъ я вокругъ Стурдзы хожу (т. I, стр. 329), а не угрожать ему книжкою. Ред.

головоръжь и храбреть, оны то страсти любить души, въ которыхъ не смотря на слабость характера, отличался замѣчательнымъ хладнокровіемъ. Это же хладнокровіе никогда не покидало его въ сраженіяхъ и въ карточной игрѣ. Побѣждая имъ своихъ противниковъ, оны постоянно вытравлялъ огромныя суммы, которыя безумно тратилъ на кутежи, предаваясь всевозможнымъ излишествамъ. Живя открыто и роскошно, оны въ особенности любилъ задавать обѣды, отличающіеся тончайшею гастрономіею. Поэтому кн. Вяземскій, въ своемъ посланіи къ нему, и называетъ его: Обжоръ, властитель, другъ и богъ... Съ прекраснымъ образованіемъ оны соединялъ знаніе нѣсколькихъ языковъ, любилъ музыку, литературу, много читалъ и охотно общался съ артистами и писателями — В. П. Сапоговъ, въ Остаф. Арх., I, 519—520).

Кн. Вяземскій, въ посланіи, написанномъ 19 октября 1818 г., даетъ такую характеристику Толстому:

Американецъ и цыганъ.
На свѣбѣ нравственномъ—загадка,
Котораго, какъ лихорадка,
Мтежнѣхъ склонностей дурманъ.
Нши страсти кивающихъ сватка
Всегда изъ края мететь въ край,
Изъ рай—въ адъ, изъ адъ—въ рай;
Котораго душа есть пламень,
А умъ, холоднаго атома;
Потъ бурей рока—твердыя камень,
Въ водиченьи страсти—легкій листъ.

Два послѣдніе стиха этого посланія понравилась Пушкину, который хотѣлъ поставить ихъ эпитафіемъ къ Кавказскому Шайхуну — по несогласіи съ Толстымъ изъ за какой-то нескромности кн. Шаховскаго, отбросилъ этотъ эпитафіи и издалъ свою тоску въ эпитафіи, въ результатѣ почти дословно повторенной въ посланіи 1821 г. къ Чаадаеву:

Или философа, который въ прежнй дѣтъ
Развратомъ изумилъ четыре части свѣта,
Но, просвѣтивъ себя, заглашалъ свой позоръ
Отъизкуль отъ вина и сталъ картежннхъ воргъ?

Въ эпитафіи третій стихъ былъ сперва начатъ такъ:

Долно всѣ четыре

по затѣмъ слово четыре зачеркнуто и вмѣсто него написано: концы вселенной. Ср. Петрію текста.

Толстой отбѣждалъ также эпитафіемъ, о которомъ Пушкинъ упоминаетъ въ письмѣ къ брату отъ 22 апрѣля 1825 г.: Толстой пишетъ у меня во всемъ блескѣ въ 4мъ пѣснѣ Оубина, если его пасквилъ этого стонъ, и посему попроси его эпитафію и пр. отъ кн. Вяземскаго непременно.

Къ Толстому относится пѣвѣтная слова Ренетидова въ IV актѣ Гора отъ ума

Почти разбоиникъ, худощавъ,
Въ Камчатку соданы были, вернудеа длеу-
томъ.

И крѣико на руку не чистель...

Впоследствии Пушкинъ помирится съ Толстымъ, который уже принялъ на себя роль порешника въ счастливѣ поэта къ П. П. Гаврилову.

23. ПОГАСЛО ДНЕВНОЕ СВѢТЛО...

г. II, стр. 8.

Напечатано впервые въ Сынѣ Отечества въ 1820, г. 65, № 16, стр. 271, подъ заглавіемъ: Дневнъ, безъ пошши и съ помѣтою: Черное море, 1820, Сентябрь. Въ письмѣ къ брату отъ 24 сентября того же года Пушкинъ говоритъ, что изъ Θεοοσίи моремъ отправилась мы мимо студенныхъ береговъ Гавриды въ Юрзуфъ, гдѣ находилось семейство Раевскаго. Ночью на кораблѣ написала я длетію, которую тебѣ прислала; отослалъ ее Гречу безъ пошши. Въ дашенной книжкѣ поэта, сопровождающей его въ этомъ путешествіи и находящейся теперь въ Публ. Публ. Б.—къ, находится крайне неточная копія этого стихотворенія, писанная чернилами по почти стертному уже карандашному черновику другихъ стиховъ, не имѣющихъ отношенія къ длетіи см. въ статьѣ: Исторія пушкинскаго текста. Въ тетради, съ которой печаталось изданіе 1826 г., стихотвореніе, по словамъ Анненкова, имѣло заглавіе: Черное море и эпитафію къ Чанльдъ-Гарольду: Good night, my native land's! Но въ печати какъ заглавіе, такъ и эпитафія были откинута, и только въ оглавленіи поставлено: Погасило баирону. Въ такомъ же видѣ стихотвореніе перепечатано и въ изд. 1829 г.

При первомъ появленіи этого длетія въ печати А. П. Турецкѣй спрашивалъ кн. Вяземскаго: Читалъ ли Черное море Александра Пушкина въ послѣднемъ Сынѣ Отечества — Не только читалъ Пушкина, отбѣждалъ Вяземскій, — но съ ума сошелъ отъ его стиховъ. Что за шельма! Не я ли патоворилъ ему эту баироновщину:

Но только не къ берегамъ печальнымъ,
Гуманной роины моеи.

Мыбъ жалъ, что въ этотъ длетіи что о любви отиош. Заѣмъ не упомянуть о другихъ неулачь сердца? Тутъ было гдѣ порадуваться. См. Арх., II, 104, 107.

Дѣйствительно, въ этомъ стихотвореніи мы видимъ первые слѣды вліанія Баирона на пушкинскую поэзію: зѣкъ, въ общемъ, воспроизводитъ мотивы знаменитаго Прощанія Чанльдъ-Гарольда и также нѣкоторыя отбѣвныя выраженія изъ этой пѣсни: Еи стихъ близокъ къ баироновскому:

You sun that sets upon the sea

Четверостопіице, начинающееся стихомъ: Дети, корабль, неси меня къ предѣламъ дальнимъ, довольно близко перенять соответствующее мѣсто въ Чанльдъ-Гарольдѣ:

With thee, my bark, I'll swiftly go

Atwart the foaming brine;

No care what land thou bearst me to,

So not again the mine.

Но далье существо не имѣтъ, ограничиваясь такими образами, только аналогичностью обидато настроенія. Комментаріями упоминалось, что стихъ: Волнуея вѣсто мною, утрированъ океанъ, представляетъ воспроизведеніе 4го стиха 179ч строфы IV пѣсни Чанльдъ-Гарольда

Roll on, thou deep and dark blue sea—

который у Ватюшкова переведенъ съ дѣль, же значетомъ: утрированъ

Шуми же ты, шуми, утрированъ океанъ.

1. У Баирона — My native land, good night

Едва ли, однако, Пушкинъ, въ пору сочиненія своихъ элегій, могъ такъ хорошо знать и помнить поему Байрона: вѣдь известно, что въ то время онъ еще совсѣмъ не думалъ по-англиски, а о Байронѣ имѣлъ только общее представление — изъ бесѣды хотя бы съ тѣмъ же Вадомскимъ. Скорѣе можно предположить, что стихи, о которомъ шла рѣчь, явились безсознательнымъ воспоминаніемъ изъ Батюшкова, переводъ котораго хотя и появился въ печати только въ «Свердловъ Цвѣтахъ» 1828 г., но написанъ былъ въ 1819 г. и могъ быть извѣстенъ Пушкину по рукописи.

Слѣдуетъ прибавить, что элегія Пушкина является первымъ, по времени своего появленія въ печати, отголоскомъ Чапльды-Гарольда въ русской литературѣ. Рядомъ съ нимъ должны быть поставлены упомянутыи незаконченныи отрывокъ переложенія Батюшкова изъ IV-й пьесы и прозаиче Чапльды-Гарольда въ переводѣ Ив. Коллона, подъ заглавіемъ «Добрая ночь», въ «Свердловъ Цвѣтахъ» 1825 г. Подробности см. въ Библиотекѣ великихъ писателей, подъ ред. Венгеровъ, Соч. Байрона, т. I, стр. 382—394.

На слова этой элегіи была сочинена впоследствии музыка извѣстнымъ въ свое время композиторомъ Геденштромъ, «въ Москвѣ», писалъ кн. Вадомскій, «домъ княгини Зинаиды Волконской въ 20-хъ годахъ былъ извѣстнымъ сборнымъ мѣстомъ всѣхъ замѣчательныхъ и отборныхъ личностей современнаго общества. Вокругъ артистовъ и во главѣ ихъ стояла сама хозяйка дома. Слышавшимъ ее нельзя было забыть впечатлѣніе, которое производила она своимъ полнымъ и звучнымъ контрапунктомъ. Помните и слышите еще, какъ она, въ присутствіи Пушкина и въ первый день знакомства съ нимъ 1826, пропѣла элегію эту, положенную на музыку Генингою. Пушкинъ былъ живо тронутъ...» Рус. Арх. 1873, т. 4086.

235. МНѢ ВАСЬ НЕ ЖАЛЬ.

т. II, стр. 8.

Впервые напечатано, по записной книжкѣ Пушкина 1820—1821 г., находящейся въ Имп. Публ. Б.—кб. въ вид. Литературнаго Фонда, 1887 г., т. 230.

Настроеніе, выраженнае въ этомъ стихотвореніи, особенно сильно сказалось у Пушкина два года спустя — см. черновые наброски 1822 г., Школьные стихи близко напоминаютъ соотвѣствующія выраженія въ элегіи: «Пока слю дневное свѣтло... паримъ: // И въ забытыи миги, измѣнивши младья... и въ посланіи 1817 г. къ Дельвину. Но здѣ же въ минуты уносной, неизлечимой сердца жары, одушевленнаго труда и слезы вдохновенья». Варианты см. въ Исторіи пушкинскаго текста.

236. ЧААДАЕВУ.

т. II, стр. 9.

Напечатано въ «Свердловъ Ичель» 1825, № 42, подъ заглавіемъ: «Къ Ч.» и съ пошлюю: А. И.; въ «Свердловъ Цвѣтахъ» на 1826 г. № 1, стр. 104—105, въ статьѣ: «Отрывокъ изъ письма А. С. Пушкина

къ Д. и въ изд. 1826 и 1829 гг. Въ обоихъ послѣднихъ изданіяхъ посланіе отнесено къ 1820 г. и сопровождается пошлюю: Съ морского берега Тавриды, которая была дана также и въ Слв. Ичель.

Въ письмѣ къ Дельвину изъ Михайловскаго, написанномъ въ срединѣ декабря 1824 г. и напечатаномъ въ Слв. Цвѣтахъ, Пушкинъ, вспоминая о своемъ пребываніи въ Крыму, между прочимъ, говоритъ: Георгиевскій монастырь и его крутая дѣлщина къ морю оставилъ во мнѣ сильное впечатлѣніе. Тутъ же видѣлъ я баснословныи развалины храма Даны. Вѣрно, мифологическіи преданія смесились для меня воспоминанія историческіи: по краешку мѣрѣ, тутъ побывалъ мѣя рюмы. Я думалъ стихами. Вотъ они. И затѣе приводится посланіе, написанное, очевидно, подъ вліяніемъ воспоминаній объ Ифигеніи, Орестѣ и Илладѣ, дружба которыхъ напоминала поэту его собственныи отношенія къ Чаадаеву. Въ черновомъ текствъ того же письма соотвѣствующая фраза звучитъ еще опредѣленнѣе: «Тутъ поблдилъ мѣя рюмы на памятникъ дружбы». Странно только, что Пушкинъ тутъ же прибавляетъ: Я думалъ стихами о Г—: буква Г— не выжета съ именемъ Чаадаева. А между тѣмъ, посланіе, несомнѣнно, относится къ Чаадаеву и находится въ тѣсной связи съ законченными стихами посланія къ нему 1818 г.:

Россия вперанеть отъ сна
И на обломкахъ самодластья
Напишетъ наши имена.

Нѣсколько загадочнымъ представляется также то обстоятельство, что единственная дошедшая до насъ и несомнѣнно первоначальная черновая тетрадь посланія къ Чаадаеву находится въ тетрад. Моск. Музея № 2369 лл. 44 об. и 45: среди произведеній, написанныхъ въ началѣ 1824 г., стихотвореніе къ М. А. Голыциной и письмо къ Бутузову отъ 12 января 1824 г., почему А. П. Майковъ рѣшительно относилъ это посланіе не къ 1820, а къ 1824 г., вопреки показанію самого поэта, а В. Е. Якушкинъ, желая примирить это противорѣчіе, указалъ на обычнаи для Пушкина пріемъ: давать окончательную отдѣлку раннимъ стихотвореніямъ нѣсколько дѣтъ спустя. Наконецъ, нельзя не обратить вниманія и еще на одну странность: посланіе распадается на двѣ части, раздѣленныи между собою строкомъ точкой; въ первой части говорится объ Ифигеніи и Орестѣ и о «святомъ торжествѣ» дружбы, памятникомъ котораго служатъ развалины храма Даны; вторая часть заключается въ себѣ обращеніе къ Чаадаеву, имя котораго поэтъ пишетъ рядомъ съ своимъ, два камнѣ, дружбой освещенномъ. Черновое стихотвореніе въ рукописи Моск. Музея представляетъ только первую часть; во второй относится только два стиха:

Хотѣлъ развалинамъ шпаль
Оставить имя роковое.

Не объясняется ли эта загадка слѣдующимъ образомъ: въ 1820 г., въ Крыму, Пушкинъ написалъ къ Чаадаеву посланіе, въ которомъ несомнѣнно находились стихи, слѣдующіе въ извѣстной намъ редакціи за строкомъ точкой: «Чаадаевъ, поминишь ли былое» и пр. Но начиналось ли это посланіе тѣмъ же, или такимъ же, стихамъ, какъ нынѣ извѣстное, — это утверждать трудно; быть можетъ, начало было и другое. Затѣмъ, въ январѣ

1824 г., вл. Одесск., поэтъ вспомнилъ о другомъ своемъ другѣ,—кн. Маріи Аркадьевнѣ Голицыной—и, можетъ быть, началъ писать ей посланіе съ воспоминаніями объ Пфитеніи и Орестѣ и о торжествѣ Пилатовой дружбы. Можетъ быть, именно Голицыну посвящаетъ таинственная буква G—, появившаяся подъ перомъ Пушкина въ черновомъ письмѣ къ Дельвигу? Какъ бы то ни было, въ началѣ 1824 г. Пушкинъ, видимо, желалъ дать своему преземному посланію новую обработку или даже написать новое посланіе—уже не къ Чаадаеву, а къ другому лицу, но потомъ оставилъ это намереніе, и начатый черновикъ остался въ тетради неотдѣланнымъ. Въ декабрѣ, уже въ Михайловскомъ, желалъ напечатать въ Сѣв. Цѣльгакъ свое посланіе къ Чаадаеву, Пушкинъ къ пискору переѣзданной первой части прибавилъ старую вторую часть, которую, конечно, хорошо помнилъ, а для того, чтобы отстранить упрекъ въ недостаточной связности обѣихъ частей, поставилъ между ними строку лозунга, какъ будто указывающую на какой-то пропускъ. Это претъ положене представляется правдоподобнымъ, потому что оно объясняетъ указанная выше несообразности.

Варианты Мусешной рукописи см. въ Исторіи пушкинскаго текста.

237. О ДЪВА-РОЗА Я ВЪ ОКОВАХЪ.

г. II, стр. 9.

Впервые напечатано въ изд. 1826 г., подъ заглавіемъ: «Возраженіе турецкой пѣснѣ». Въ изд. 1829 г. это заглавіе находится только въ отдѣлѣ левѣ. Въ обѣихъ изданіяхъ отнесено къ 1820 г., но черновой стихотвореніи, несомнѣнно—первоначальная, какъ и вѣкъ предыдущихъ, находится въ тетради N 2370, почему Морозовъ отнесъ ее къ 1824 г.

Считая, что стихотвореніе написана въ 1820 г., некоторые комментаторы предположили, что оно относится къ Ел. Ник. Раевской, и что Пушкинъ воспользовался заглавіемъ: «Возраженіе турецкой пѣснѣ» чтобы устранить всякія намекъ на личность, вызвавшую это произведеніе. Такое толкованіе, однако, представляется слишкомъ искусственнымъ.

Н. О. Сумцовъ—А. С. Пушкинъ, издѣлованія, и пр., Харьк. 1900 сопоставляетъ это стихотвореніе съ пѣсней 1827 г. Соловьевъ, гдѣ также говорится о любви соловья къ розѣ, со стихами въ Бахчисаранскомъ Фонтанѣ:

И съ милой розой неразлучны
Во мракѣ соловья поютъ,

съ мотыльками бабочка въ Еурѣ, Шаридѣ, Абисинской Пѣснѣтѣ, съ подобными же сравненіями, общими въ восточной поэзіи, и пр. В. Е. Якушкинъ указываетъ другія параллели въ стихахъ самого Пушкина,—напр. въ Пѣснѣ:

Только весною
Зефиръ младую
Розой пѣвнечей.

а также—выраженія: Розы, Дѣва красоты, въ «Летѣ», Дѣва-роза пѣемъ пачанье твѣ, Ширь во время чумы.

Варианты см. въ Исторіи пушкинскаго текста.

Г. Стр. дальше примѣч. къ N 242 и 243. *Роз.*

238. МЫБѢ, ЗАЧѢМЪ ОНА БЫЛО СЛАБѢ.

г. II, стр. 9.

Впервые напечатано въ Подарки и Звѣзды 1823 г., стр. 33, подъ заглавіемъ: «Детя и съ пошлостью: А. Пушкинъ», и тогда же переиздано Воевокомъ въ Псковск. вѣд. Литературѣ 1823 г., N 1, стр. 43. Заглавье воспроизведено, уже безъ заглавія, въ изд. 1826 и 1829 гг., гдѣ отнесено къ 1819 г. Между тѣмъ, въ рукописи Моск. Музея, N 2367, л. 2 об. и 3, это стихотвореніе помѣчено: 1820. Юрдуфъ, а въ записной книжкѣ поэта, гдѣ есть также помѣтка: Юрдуфъ, введено послѣднее четверостишіе съ двумя помѣтками: 8 февраля 1821. Киевъ и 9 fév. apr. d. l. г. е., очевидно: 9 févriet après diner. Относительно, однако, послѣднихъ записей именно къ дѣтѣмъ сказать трудно. Во всякомъ случаѣ можно сказать, что дѣтѣя написана, безъ сомнѣнія, въ Юрдуфѣ, по окончательному отбѣку получила, можетъ быть, въ Киевѣ. Перенесене ея къ болѣе раннее время находить себѣ объясненіе въ личнахъ отношеніяхъ Пушкина. Но претѣмю, въ дѣтѣхъ и въ рѣчь объ одной изъ дочерей герцога Н. П. Раевскаго, у котораго поэтъ состоялъ въ Юрдуфѣ, именно—объ Еленѣ Николаевнѣ, которая была очень болѣзненная, такъ что состояніе ея здоровья постоянно возбуждало опасеніе, рождалъ старшая сестра ея, Екатерина Николаевна, вышла въ 1821 г. за М. О. Орлова, а младшая—Марія Николаевна—за князя С. Е. Волконскаго, впоследствии—декабриста. См. выше статью: Пушкинъ и Раевскіе. Пушкинъ не хотѣлъ, чтобы въ семьѣ Раевскихъ узнали, къ кому относится его стихотвореніе, что было бы неволя помѣтки: Юрдуфъ, 1820, и потому помѣтилъ эту пѣсню 1819-мъ годомъ, т. е. отнесъ ее ко времени ранне знакомства съ Раевскими.

Не смотря на свою болѣзненность, Ел. Ник. Раевская, однако, нѣдолго пережила поэта: она скончалась въ 1831 г.

Варианты см. въ Исторіи пушкинскаго текста.

239. ХАВРОНОСТЬ, РУКАТѢЛЬ ЗАКОСИТЬ ПЬНИ.

г. II, стр. 10.

Впервые напечатано, по записной книжкѣ Пушкина, въ Русскомъ Архивѣ 1865 г., ст. 1331, откуда перешло въ изд. 1880 г. и послѣдующія. Относится, несомнѣнно, къ Каченовскому, съ его журнальнымъ шумомъ, столь враждебнымъ Пушкину.

Варианты см. въ Исторіи пушкинскаго текста.

240. КОГДА БѢ ПИВАТЬ, ТЫ ПИЧАТЬ СЛАДУ.

г. II, стр. 10.

Впервые напечатано, по записной книжкѣ Пушкина, въ Русскомъ Архивѣ 1865 г., ст. 1329.

Въ рукописи 4-й стихъ первоначально читался:

Своякъ нашу удкую депъ хуръ

дѣлѣмъ слово—удкую—дѣчернато и сверху написаное—дѣбную.

241. КАКЪ БРАНЬ ТЕБЬ НЕ НАДОБНА

т. II, стр. 10.

Впервые напечатано в изд. 1826 г., откуда перешло в изд. 1829 г. Находите в той же домашней книжке, что и первая двѣ эпиграммы всѣ три написаны на одной и той же страницѣ и объединены общимъ заголовкомъ: Эпиграммы. Стихъ 3-й первоначально былъ написанъ такъ:

Я не бездѣльникъ, хоть бездѣла:
дѣлѣть первая 4 слова зачеркнуты и сверху написано:

Ты правъ, я правдѣнъ, я
и наконецъ, слова. Ты правъ зачеркнуты и рѣзъ помѣщено. Ну, такъ!

242. ВИНОГРАДЪ.

т. II, стр. 10.

Впервые напечатано в изд. 1826 г., откуда перешло в изд. 1829 г. Въ обоихъ изданіяхъ помѣщено подъ 1820 г., но первоначальная черновая находится въ тетради Моск. Музея № 2370 л. 38, и на этомъ основаніи отнесено Морозовымъ къ 1824 г. П. А. Ефремовъ, въ своихъ примѣчаніяхъ къ этому стихотворенію, говоритъ, что въ Кшиневѣ къ тому Низова, въ которомъ жилъ Пушкинъ, примыкала большой садъ, расположенный на скатѣ, съ виноградникомъ, такъ что любоваться виноградомъ Пушкинъ могъ изъ своего Кшиневского дома, а въ Михайловскомъ виноградъ не растетъ. Но неудачи для того, чтобы написать стихи о виноградѣ, нужно непременно къ это время смотрѣть на виноградникъ¹.

243. ФОНТАНУ БАХЧИСАРАЙСКАГО ДВОРЦА

т. II, стр. 11.

Впервые появилось в изд. 1826 г., откуда перешло в изд. 1829 г. Въ обоихъ изданіяхъ помѣщено среди стихотвореній 1820 г. Но въ рукописи Моск. Музея № 2370, л. 38 гдѣ находится первоначальный черновой текстъ этого стихотворенія, чѣлѣ на одной страницѣ, събитанной раньше 1824 г.: нѣсколько стиховъ изъ шеста 1815 г. Гробъ Анакреона является здѣсь въ новой редакціи старатаго текста. На этомъ основаніи я, ведѣя да А. П. Марковскимъ «Материалы», 224, отношу настоящее стихотвореніе къ 1824 г., именно—къ осени этого года, когда на Пушкина, только что устроившагося въ Михайловскомъ и еще не успѣвавшего привыкнуть къ своему вынужденному одиночеству послѣ шумной петербургской жизни, съ особенной силой нахлынули воспоминанія о крымскія воспоминанія. Въ декабрѣ 1824 г. поэтъ написалъ Дельвину подробное письмо о своихъ крымскія впечатлѣніяхъ, гдѣ, между прочимъ, рассказываетъ и о своемъ побѣдѣ въ Бахчисарай.

Въ Бахчисарай прибывалъ я болной, Я прежде слышалъ о странномъ памятникѣ влюблената

¹ См. ниже, прим. къ стихотворенію: Фонтану Бахчисарайскаго дворца.

хана. Къ Екатерина Николаевна Раевская, влюбленная влюблената да М. О. Орлова поэтически описывала мѣлъ его, называя его la fontaine des larmes. Воистинѣ въ дворцѣ, убитый и истощенный фонтанъ изъ зараженной желѣзной трубки по каплямъ падала вода. Я обошелъ дворцѣ съ большой доскою на небреженіе, въ которомъ онъ устанавливалъ, и на полу-европейскія передики и восточныхъ комнатахъ. X. X. П. Раевскій почти насильно повелъ меня по вѣдохъ лестницѣ въ развалины гарема и на ханское кладбище.

По не дѣлѣ

Въ то время сердце полно было

лихорадка меня мучила. Что касается до памятника ханской влюблената, о которомъ говорить М. П. М. Муромцевъ-Апостолъ—я о немъ не вспомнилъ, когда писалъ свою поему, а то бы непременно имъ воспользовался. Расголку мѣлъ теперь почему поудешены беречь и Бахчисарай имѣють для меня предельно невозможному? Отчего такъ сильно во мѣлъ желаніе вновь посетить мѣста, оставленная съ такимъ равнодушіемъ? Или воспоминаніе—самая сильная способность души нашей, в имѣ отаровано все, что покаянно ему.

В. Е. Якушкинъ в академическомъ изд. т. II, прим., стр. 347—348 несогласенъ съ моимъ приуроченіемъ этого стихотворенія какъ въ двухъ дружнахъ: Виноградъ и О два-роза къ 1824 г. и въ опроверженіе ссылается на то, что самъ Пушкинъ дважды напечаталъ эти стихотворенія подъ 1820 годомъ. Но, вѣдь, вѣдѣно, что Пушкинъ вовсе не строго относился къ датированію своихъ произведеній, особенно—мелкихъ, и нерѣдко ставилъ поэтъ ими помѣты, неоправдываемыя рукописями. Указаніе на то, что въ тетрадяхъ поэта очень часто матеріалъ идетъ въ хронологическомъ смѣшеніи непримѣнимо къ тетради № 2370, въ которой записаны исключительно произведенія и черновыя письма 1824—1826 гг. Больше важнымъ было бы другое указаніе—на тотъ общезвѣстный фактъ, что поэтъ нерѣдко значительно передѣлывалъ стихотвореніе, написанное раньше, оставляя поэтъ имѣ дату перватаго созданія, какъ было и наоборотъ, что онъ бралъ прежнюю черновую, передѣлывалъ ее и отмѣчалъ новой датой. Но дѣло въ томъ, что черновыя стихотворенія Фонтану въ тетради № 2370—несомнѣнно—первоначальная, а не передѣлка болѣе ранней, какъ тутъ же написанная строфы Наполеона или Гроба Анакреона. Именно этотъ характеръ черновой и долженъ, кажется мѣлъ, имѣть рѣшающее значеніе при датированіи стихотворенія. Поэтому я, несмотря на опроверженіе г. Якушкина, все-таки остаюсь при раибѣ высказанномъ убѣжденіи, что настоящее стихотвореніе написано не въ 1820, а въ 1824 г.

Г. Соображенія П. О. Морозова можно было бы подкрѣпить еще однимъ: Пушкинъ определенно говорить не только о Маріи, но и о Заремѣ, а вѣдь Заремѣ-то онъ выдумалъ, и о пей въ легендѣ о Маріи Потоцкой ничего не говорится. Откуда же Зарема могла появиться въ стихотвореніи 1820 года, когда еще Пушкинъ не приступалъ къ поэмѣ?

Можно, однако, провести и соображеніе въ пользу 1820 г.: поэзія Пушкина въ огромномъ большинствѣ случаевъ—дневничье переживаніи, и почти немѣлѣнно допустить, чтобы четыре года спустя ему вдругъ пришла охота вернуться къ

244. ДОЧЕРИ КАРАГЕОРГІЯ.

т. II, стр. II.

Впервые напечатано в изд. 1826 г., откуда перешло в изд. 1829 г. Черновое—вк. записной книжки, с 66 имевшей пометку: Кишиневъ, 5 окт. О вариантах см. Исторію пушкинскаго текста.

Кара-Георгій—Георгій Петровичъ, преданной турками карагетъ, значить черныя, за то, что убилъ своего отца, не захотѣвшаго присоединиться къ сербскому воеванію см. Писемъ западныхъ славянъ, ред. въ 1760-хъ гг., участвовавъ въ восстаніи сербовъ противъ турецкаго владычества, затѣмъ трагед. съ турками въ 1788—1790 гг., подъ австрійскими знаменами и въ припадкѣ гнѣва повѣсилъ своего брата. Въ 1804 г. онъ подпалъ въ Сербію новое воеваніе противъ турокъ, въ 1806 г. овладѣвъ Бѣлградомъ и направилъ Сербію, какъ госнозари, до 1813 г., когда турки снова завоевали эту страну. Тогда Кара-Георгій, разбитый турками, бѣжалъ въ Россію и поселился въ Молдавію, подкупуясь покровительствомъ и пенсіею отъ русскаго правительства; но въ 1817 г. опять тайно вернулся въ Сербію. Узнавъ объ этомъ, сербскій князь Милошъ Обреновичъ, по приказу турокъ, посылалъ къ нему убійцу: Кара-Георгій зарѣзалъ и голову его отогналъ къ султану. Семья сербскаго воеводы долго еще жила въ Хотинѣ, недалеко отъ Кишинева; но, какъ увидѣлъ П. П. Антраци и А. О. Вельяминъ Рус. Арх. 1866, ст. 1265 и Мавковъ, Пушкинъ, 133, дочери Кара-Георгія Пушкинъ никогда не видѣлъ, а рассказы объ ея отцѣ могъ слышать отъ сербскихъ воеводъ, съ которыми встрѣчался у Антраци: впоследствии онъ даже принимался записывать отъ знакомыхъ сербовъ ихъ юнацкія пѣсни. Въ черновомъ настоящаго стихотворенія въ записной книжкѣ подъ поим. заглавіемъ: Дочери Чернато Георга, написано чужою и, судя по почерку, нерусскою рукою: *Kara-Georg*. Можетъ быть, это имя вписано по просьбѣ Пушкина, какимъ-нибудь сербомъ.

245. ЧЕРНАЯ ПЯТНА.

т. II, стр. 12.

Впервые напечатано въ Сынъ Отечества 1821, ч. 69, N 7, апрѣль, стр. 34, съ пометкою: Молдавская пѣсня и съ вариантами въ ст. 4-мъ: Гляжу я безмолвно на черную пятну. 4-мъ: Гречанку мѣстную я страстно люблю, и 17-мъ: Вхожу въ отдаленныя покои я одинъ.

Вмѣстѣ съ стихотвореніемъ относится и въ 1820 и въ 1824 г. Начало въ 1820, отбѣлено въ 1824—25 г., да изданъ 1826 г.

Но для редактора изданія, во всякомъ случаѣ, колебаваясь не только былъ Пушкинъ, гдѣ же онъ датировалъ стихотвореніе 1820-мъ годомъ, и мы считаемъ, что просто права не имѣемъ повторять столь категорически императивъ. Ред.

Эти варианты Пушкинъ не призналъ своими и перепечаталъ стихотвореніе въ Бѣлградѣ мѣсячно въ 1821, ч. 14, N 10, май, стр. 142 съ примѣчаніемъ. Напечатана съ ошибками въ въ 15-мъ N Сына Отечества, Прим. Союз. Заглавнѣ стихотвореніе вошло, въ нѣсколько исправленномъ видѣ, въ изд. 1826 и 1829 гг. Черновое стихотвореніе находится въ записной книжкѣ 1820—1821 гг. О вариантахъ см. въ Исторію пушкинскаго текста.

Окончательно отъ Панагии, бывшей автографъ Собраніе П. П. Антрацова носитъ пометку: 14 ноября 1820, Кишиневъ.

О пророческомъ преданіи о пѣсни В. Г. Теняковъ въ своихъ запискахъ Общеземлемельскія Вѣстникъ 1837, N 1, стр. 125 и Антраци сообщаютъ, что Пушкинъ въ Кишиневѣ первію захотѣлъ въ Зеленыя трактиръ, гдѣ продаживала молодая молдаванка Маріюшля или Маріуда, со словъ которой онъ и записалъ тему этой пѣсни; по словамъ Вигеля Записки, изд. Рус. Арх. 1891—1893, ч. VI, стр. 153 пѣсня записана со словъ гречанки Калисы Похрони, о которой см. ниже, въ примѣчаніи къ стихотворенію Гречанка; но это извѣстіе невярно, потому что Калиса пріѣхала въ Россію только въ половинѣ 1821 г.

А. П. Ягмурскій, въ статьѣ Черная пятна А. С. Пушкина и румынская пѣсня.

Извѣстія Отд. рус. яз. и словесн. Имп. Ак. Наукъ, 1906, т. XI, кн. 4, стр. 372—378, указываютъ источникъ стихотворенія Пушкина въ румынской пѣснѣ, то стихъ порьхъ распѣваемой въ Бессарабіи. Дословный переводъ этой пѣсни, записанной г. Ягмурскимъ съ живого голоса, действительно очень близко походитъ къ пушкинскому переделанію. Вотъ этой переводъ:

Безмолвно гляжу я на черную пятну, и душа моя холодна и неутѣшна. Когда я былъ молодъ, съ наследіемъ люблю я молодую гречанку съ кудрявыми волосами, съ черными рѣсницами, румынскімъ лицомъ и пѣкнымъ обличьемъ. Я чувствовалъ себя счастливымъ у своей красивой гречанки, которую сильно любилъ. Однакожъ я принадлежалъ къ столу нѣсколькихъ друзей, съ которыми бесѣдовалъ, какъ вѣрять входилъ ко мнѣ одинъ изъ вѣрныхъ и шепчетъ мнѣ: Господинъ, твой гречанка, которую ты сильно любилъ, подбиваетъ тебѣ и коварно обманываетъ тебя, коварно тебя обманываетъ: шуче и не думай! Тогда я сейчасъ же поджалъ своего раба, подарилъ ему денегъ и двинулъ его. И тогда я вѣрять ожесточился, быстро, словно мысль, бросаюся на конопію, невольно на своего кова Ажера и, откусивъ уха, подѣлать, словно вѣтеръ. Не чувствовалъ я ни боли, ни состразанія: быть погребъ камню. Но егда я взглянулъ заглянулъ я вѣрять гречанки, какъ потерялъ мужество и силы. До бранился во ворота, я слѣлъ съ коня, а когда посмотрѣлъ въ окно, то увидалъ—поверъ въ объятіяхъ армянца мой измѣнница, доблесте стнѣмъ уха въ уста. И тогда я сразу свѣрбно ожесточился, вытаскилъ палани въ съ поленъ, де стокомъ утаромъ повалилъ ее на землю и тихо толкалъ ногами ее готову. Я помню, теперь ее горючую мольбу. Открытыя губы просили подѣлать, просили подѣлать въ ту минуту. Черной пятно матеря я палани. Нѣмъ трунилъ я вѣрять въ оханку и вѣрять нѣмъ въ туманѣ вѣ вѣрять. Вотъ какъ окончилось съ красной гречанкой, съ красной гречанкой съ вѣрными волосами.

Любопытно, что видѣло вѣрять друга, вѣрять

ранъ въ пьесѣ предостерегаеть герой, у Пушкина является предпринятый еврей, которому герой съ проклятіемъ даетъ деньги; въ пьесѣ онъ даетъ деньги вѣрному рабу и при этомъ его «заклинаеть», т. е. беретъ съ него клятву молчать. Трудно сказать, принадлежать ли эта рѣчица самому Пушкину или, быть можетъ, тому варианту пьесы, которой стали публцировать поэту 80-ю годами раише г. Яцимирскіимъ. Возможны также и общіи вопросы: не пьесамъ ли мы тутъ дѣлаемъ обратнымъ вліаніемъ, т. е. нельзя ли разсматривать записанную г. Яцимирскимъ пьесу какъ вольное переделаніе пушкинской?

Стихотвореніе Пушкина быстро получило публциность въ книжномъ обществѣ. Антраци разсказываетъ, что Пушкинъ, охотно читалъ свою «Черную палъ», а оишь армянинъ, Арт. Мак. Х., «дѣтъ за 30, смѣиной парубкисти, принявъ на свою счетъ армянина» пьесы. Шуткики похвѣрили это, и оишь давали понимать, что дѣйствительно обидѣли кого-то у Пушкина. Этотъ, узнавъ, не давалъ ему покоя и, какъ только увидѣвъ Х—ва,—что случалось очень часто,—начиналъ читать «Черную палъ». Ссора и неудовольствіе между ними обыкновенно оканчивались смѣхомъ и примиреніемъ, которое завершалось тѣмъ, что Пушкинъ бросалъ Х—ва на диванъ и садился на него верхомъ оишь изъ любимыхъ; тогда пріговаривалъ: «Не отбивай у меня грѣшнчки!» Это правило Х—ву, воображавшему, что оишь можетъ быть соперникомъ Рус. Арх. 1886, ст. 1230.

Въ іюнь 1821 г. Пушкинъ писалъ брату: «Черная палъ тебѣ нравится,—ты правъ; но се чертъ, знать какъ начатали пахнеть Гашкичъ. Выше приведены оидишія поэтки; очевидно, его неудовольствіе относилось только къ стику 1-му, гдѣ слова: «какъ безумный» были замѣнены словомъ: «безмолвно».—Другія два некаженія заключаются только въ перестановкѣ словъ.

Въ 1823 г. «Черная палъ» была положена на музыку А. П. Верстовскимъ и, подъ названіемъ кантаты, исполнялась на московской сценѣ публцинымъ въ то время пѣвцомъ Булаховымъ: «Запаньсь поднимается, представляется комната, убранная по-молдавански; Булаховъ, обѣтый по-молдавански, сидитъ на диванѣ и смотритъ на лежащую передъ нимъ черную палъ; ритуриель, праятъ печальную, оишь поеть...» Рус. Арх. 1866, ст. 814; 1901, № 3, стр. 30. Публика была въ восторгѣ болѣ этой пьески. Вѣстникъ Европы посвятилъ кантатамъ Верстовскаго особую статью, восхваляющую ихъ музыкальннми достоинствами: кантата было три—одна на слова Пушкина, а двѣ другія— Три пьесы, и «Бѣлнй пѣвецъ» Жуковскаго. Здѣсь по поводу «Черной палы», между прочимъ, было сказано: «Зрители съ удовольствіемъ замѣтили, что сіи кантата, вопреки обыкновенію, была пѣта въ приличномъ костюмѣ и съ приличными декорациями. До сихъ поръ ведѣ выводится дѣйствующія лица паиръ въ Галеновомъ. Сотворенія міра или въ другой какой-либо ораторіи, во фракахъ и съ поэтами въ рукахъ. Подобныя недѣлиности не только уничтожаютъ половину наслажденія зрителемъ, но сковываютъ руки самому актеру, не позволяя ему совершенно войти въ роль, имъ изображаемую.» Вѣстн. Евр. 1824, февр., стр. 68. Слѣва Ш—сколькю словю о кантатахъ г. Верстовскаго. Писемю къ Редактору.

Въ другой болѣ обширной статьѣ по поводу «Черной палы» криликъ того же журнала писалъ:

«... Шлось, наконецъ, на публциную пьесу А. Пушкина «Гашку и безмолвно», которую съ обыкновеннымъ своимъ, всегда публцительнымъ некуствомъ поеть г. Булаховъ и которой музыка откраваетъ въ господишъ Верстовскомъ великую способность дѣйствовать на сердца посредствомъ могущественныхъ, потрясающихъ блуковъ гармоній.

Я слышалъ многе оидишія сѣмь оидишнмъ провиденіи музыки, и все оишь были въ полду любителя и опытнаго знатока въ оишь, господина Верстовскаго; удивительнымъ образомъ выразилии остатки сильной любви, тоску по красотѣ пѣрибисѣ, раскаяніе въ нанесеніи ей смертнаго удара, непреодолимую злобу на соблазнителя, оишь показала намъ, что все сретива музыки находится въ полной оишь власти. Я желаю бы, однако, получить разрѣшеніе на слѣдующіе вопросы:

Почему господишъ Верстовскій возель простую пьесу на сценѣ кантата? Какого ли содержания бываютъ кантаты, собственно такъ называемыя? Такимъ ли мы находимъ ихъ у Драйдена, у Жанъ-Батиста Руссо и у другихъ поэтовъ знаменитыхъ? Нестоишь средства свои на страсти, буиующія въ душѣ бездѣтнаго человека, что употребить оишь, когда нужно будетъ силою музыки возвысить значительность словъ въ тѣхъ кантатахъ, гдѣ историческія или мифологическія, во мношнхъ отношеніяхъ намъ публциныя и для всѣхъ просвѣдненныхъ людей занимательныя лица страдаютъ или торжествуютъ? Видѣишь господина Пушкина представляеть намъ какой-то Молдаванши, убившии какую-то любимую имъ красоту, которую соблазнилъ какой-то Арменишъ. Достоино ли это того, чтобы некусный композиторъ изыскивалъ средства потрясать сердца слушателей, чтобы для пьесы тратилъ сокровища музыки? Не значиль ли это водвигать огромный педесталь для маленько красивой куклы, хотя бы она сдѣлана была на Сербской фабрикѣ? Угладываю причины, побудившия г. Верстовскаго къ сему подвигу, и знаю напередъ оидишіе отиговъ: Господишъ А. Пушкинъ принадлежитъ къ числу первоклассныхъ поэтовъ нашихъ. Что касается до стихотворенія, сама оидишь ему совершенно справедливость. Стихи его оидишно гладки, плавны, чисти; не знаю, кого изъ нашихъ сравнить съ нимъ въ некуствѣ стихотворенія; скажу болѣе: господишъ Пушкинъ неохотникъ щеголять еиштетами, не бросаетъ ни въ сентиментальность, ни въ таиштвенность, ни въ надутость, ни въ пустословіе; оишь живѣ и стремителенъ въ разсказѣ, употребляетъ слова въ надлежащемъ ихъ смѣсѣ, наблюдаетъ умную соразмѣрность въ раздѣленіи мыслей; все это составляетъ иишнюю красоту его стихотворенія. Гдѣ же, однако, тѣ качества, которыя, по словамъ Горациа, составляютъ поэта? гдѣ mens divini? гдѣ os magna sonaturum? Малыя дѣти, забавляясь куклами, остаются довольны блестящею парубкистнмъ своихъ игрушекъ, не заботясь о прочемъ, не спрашивая, кого оишь представляють, на кого походятъ, иишнмъ ли приличную выразительность, соблюдена ли соразмѣрность въ ихъ формахъ. И мы—такія же дѣти, если осдѣлываемся блестящею парубкистнмъ, если, остановившии надъ тѣмъ, что называется у насъ хорошии слогъ, считаемъ уже за лишнее повѣрять все прочее на всѣмъ здраваго вкуса и ученой критики, если, наконецъ, красивою бездѣлкѣ при-

пысьмаемъ достоинствъ, ея непринадлежности». Вестн. Евр. 1824, авг., стр. 69—72; Московскія записки. Театръ. Статьи П. Д.

246. КЪ ПОРТРЕТУ КН. ВЕЗЕМСКАГО.

т. II, стр. 14.

Впервые напечатано в Подарковъ Звѣздѣ 1824 г., стр. 319, подъ заглавиемъ: Надпись къ портрету и съ надпискою вмѣстѣ подлинн; но въ оглавленіи указана принадлежность этого четверостишия Пушкину. Затѣмъ переиздано въ изд. 1826 и 1829 гг., гдѣ вмѣстѣ имени Вяземскаго поставлены три дѣйствит. Черновые наброски находятся въ записной книжкѣ 1820—1821 гг. и въ рукописи Моск. Музея № 2367, л. 3. См. Исторію пушкинскаго театра.

247. ПЕРЕЦА.

т. II, стр. 14.

Впервые напечатано в Подарковъ Звѣздѣ 1824, стр. 29, откуда переиздано в Литературныхъ Листкахъ Буларина 1824, № 4, съ полною пописью автора. Затѣмъ вошло въ изд. 1826 и 1829 гг.

Въ Подарковъ Звѣздѣ стихотвореніе было помѣщено съ опечаткой въ 5-мъ стихѣ: Какъ ясной впадоу ям. Надъ ясной впадоу; опечатка была поущена также и въ другомъ, тутъ же помѣщенномъ стихотвореніи: Простишь ли мнѣ ревнивая мечта. Раздосадованный Пушкинъ отослалъ объ этомъ Буларину 4 февраля 1824 г., при письмѣ, въ которомъ писалъ: «Вы очень меня обидете, если помѣстите въ своихъ Листкахъ здѣсь прилагаемый дѣйств. стихъ. Онъ быдъ съ ошибками напечатанъ въ Подарковъ Звѣздѣ, отчего въ немъ нѣтъ никакого смысла. Это въ дѣлахъ бѣда не большая, но стихи не лишъ».

Текстъ стихотворенія въ изд. 1826 г. отличается отъ исправленнаго текста Листковъ только однимъ словомъ: въ первоначальномъ видѣ ст. 3-й читался: Сократый межъ одинокъ, а въ позднѣйшей редакціи онъ читается: Сократый межъ терекъ. Стихотвореніе написано въ Каменкѣ, въ одно время съ дѣтиемъ Рѣбеть облаковъ... и оба имѣютъ одинъ общій заголовокъ: Эпиграмма во вкусѣ тревшихъ. Въ статьѣ Морозова: Пушкинъ и Парижъ, наст. изд. т. I, стр. 391 указано сходство Перевца съ началомъ картины ХИ изъ Перевѣланн Венеры.

248. РѢБЕТЬ ОБЛАКОВЪ ЛЕДУЧАЯ ТРЯДА.

т. II, стр. 15.

Напечатано впервые в Подарковъ Звѣздѣ 1824 г., стр. 198 съ полною пописью автора. Затѣмъ явилось въ изд. 1826 и 1829 гг. съ пропусками трехъ подлѣшнихъ стиховъ, за напечатаніе которыхъ Пушкинъ събѣдалъ выговоръ Вестужку въ письмѣ отъ 12 января 1824 г.: Конечно, ага тебѣ сердить, писалъ поэмъ, и готовъ съ твоего позволенія, обратиться хоть то дворянъ.

Ты напечаталъ именно тѣ стихи, объ которыхъ именно я просилъ тебя: ты не знаешь, до какой степени это мнѣ важно. Ты пишешь, что безъ трехъ подлѣшнихъ стиховъ дѣтиемъ не имѣлъ бы смысла. Великая важность!

Мѣсяць спустя, Пушкинъ опять писалъ Вестужку и, между прочимъ, говорилъ о новомъ поэмѣ Бахчисаранскій Фонтанъ, дѣйствит.: неостатокъ плаща—не мой плащ. Я съвѣрно перекладывалъ въ стихи разсказъ молодой женщины:

Aux douces lois des vers je pliais les accents
De sa bouche aimable et naïve.

Именно эти строки о поэмѣ Пушкина были напечатаны Буларинами въ Литературныхъ Листкахъ. Богъ тебѣ проститъ!—писалъ Пушкинъ Вестужку 29 июня 1824 г.: по ты обранилъ меня въ пѣвнѣйшей Звѣздѣ, напечатавъ три подлѣшніе стиха моего дѣтиемъ. Чортъ дернулъ меня написать еще нестатки о Бахчисаранскомъ фонтанѣ: какія то чувствительныя строчки и припоминалъ тутъ же дѣтскую мою красавицу. Вообрази мое оглашеніе, когда я увидалъ ихъ напечатанными! Журналъ можетъ попасть въ ея руки; что же она подумаетъ, видя, съ какою охотою безстыду объ ней съ однимъ изъ петербургскихъ пріятелей? Обладана ли она знаетъ, что она много не названа, что писемо распечатано и напечатано Буларинами, что проклятая дѣтиемъ доставлена тебѣ чортъ знаетъ къмъ, и что никто не виноватъ! Придишись, отнюдь мыслю, этой женщины дорожку и бодѣ, чѣмъ мнѣйшимъ вѣсѣмъ журналистовъ на свѣтѣ и всенъ нашей публики. Голова у меня закружилась. Я хотѣлъ просто напечатать въ Вѣстникѣ Европѣ единственномъ журналѣ, на который не имѣю права жаловаться, что Буларинъ былъ не въ правѣ пользоваться перенескою духъ частныхъ лицъ, еще живыхъ, безъ согласія ихъ собственнаго. Но, не-рекрестясь, предать это все дѣйствию.

Нѣтъ этого письма дѣлаютъ заключеніе, что «дѣтская красавица», воспѣтая Пушкинами, была та же самая особа, которая разсказывала поэмѣ о Бахчисаранскомъ Фонтанѣ, т. е. Екатерины Николаевны Раевскій.¹

Стихотвореніе Рѣбеть облаковъ, дѣтучая градь первоначально имѣло заглавіе: Таврическая дѣвѣта, впоследствии отброшенное авторомъ. Въ рукописи Моск. Музея оно имѣетъ еще поэмѣ: Каменка,—дѣйствіе поэмѣе Давидовыхъ въ Чиринскомъ уѣздѣ Кіевской губ. Изображенная въ стихотвореніи картина природы соответствуетъ описанію Каменки: А. М. Лобода, въ статьѣ Пушкинъ въ Каменкѣ. Памяти Пушкина, сборникъ Кіевскаго университета, 1899 г., II, 82 говоритъ, что берега Таврицы здѣсь товольно возмашенны; въ одномъ мѣстѣ они нѣсколько сближаются и образуютъ навѣснѣ

¹ Какъ уже указано выше, въ статьѣ Пушкинъ и Раевскіе (стр. 104 и слѣд.), вопросъ объ «дѣтской красавицѣ» не поддается опредѣленію поэмѣ рѣшительно. М. О. Гершензонъ (Вѣстн. Евр. 1908, № 4) недавно выдвинулъ теорію «свѣршию любви», съ которою Пушкинъ пріѣхалъ будто бы изъ Петербурга. Но тогда вопросъ олицетвленію дѣтучаеца, потому что въ дѣловинахъ стихотворенія 1820 г. опредѣленно говорится о любви, заронившейся въ Крыму на берегу Чернаго моря между хатъ татаровихъ. *Ред.*

насть рѣкою скадшныя утесы, отъ которыхъ и самое мѣстечко получило свое названіе; особенно красивы утесы и съ рѣки. Такимъ образомъ, замѣчаетъ г. Якушкинъ, мы можемъ думать, что въ дѣтѣхъ описанъ дѣлнвъ р. Тясмина и округившіе ея утесы.

Варианты см. въ статьѣ Исторія пушкинскаго текста. Здѣсь же упомянемъ только объ одномъ изъ нихъ, въ свѣдѣніи съ первоначальнымъ дѣланіемъ пѣснь. Именно въ ст. II-мъ было сначала: таврическаѣ волна, а потомъ поставлено болѣе общій эпитетъ: полуострова. Можетъ быть, поэтъ сдѣлалъ ему замѣчу, а также и уничтожилъ дѣланіе: Таврическаѣ вѣвѣтѣ ради того, чтобы затуманить мѣстную окраску.

249. АНТЕКУ ПОЗАБУДЬ.

г. II, стр. 16.

Впервые напечатано Морозовымъ въ изд. 1903 г. съ ошибкою въ послѣднемъ стихѣ: утѣшай вмѣсто утѣшали, но заглавной книжкѣ Пушкина 1820—1821 гг., причемъ отнесено, предположительно, къ доктору Рудяковскому, дѣланію поэта на Кавказѣ и въ Крыму. Такое предположеніе, возможное при чтеніи: «утѣшай», конечно, является неумѣстнымъ въ неправомерной редакціи двухстишій.²

250. ТАМЪ, НА БРЕГУ, ГДѢ ДРЕМЛЕТЪ ДѢСЬ СВЯЩЕННЫИ.

г. II, стр. 16.

Подлинной рукописи нѣтъ, отрывокъ изъ вѣ-

д. П. О. Морозовъ сообщаетъ съ указаніемъ В. Е. Якушанина Акад. изд. т. II, примѣч., стр. 335 и беретъ свое чтеніе: утѣшай, обратнo. Мы съ этимъ новымъ чтеніемъ не согласны и оставили въ текстѣ: утѣшай. Карандашная даннѣ Пушкина почти неслѣда, но все таки, по нашему мнѣнію, можно установить чтеніе: утѣшай.

Ред.

тень во Матеріалахъ Анненкова 1-ое изд. стр. 346. У Анненкова первый стихъ напечатанъ:

Тамъ, на берегу, гдѣ дремлетъ дѣсь священныи.

Ошибки или опечатки ясна и разные издатели пошеволь, толкни были ее исправлять Ефремовъ въ изд. 1880 г. и позднѣе, опускаетъ тамъ и печатаетъ: На берегу. Морозовъ принял это чтеніе, Машковъ, въ Матеріалахъ, В. Е. Якушкинъ во II т. акад. изданія и настоящее изд., оставляютъ тамъ и вмѣсто берегу пишутъ: брегу. Это чтеніе не можетъ, однако, считаться вполнѣ правильнымъ: предложеніи надеждъ отъ слова брегъ, будетъ: набрегъ да не: на брегу, и этой послѣдней формѣ мы ни гдѣ у Пушкина не встречаемъ. Грамматически-правильной поправкой было бы устраненіе начального слова: Тамъ, закъ явно лишннѣ. Такія лишнія слова въ стихахъ не разъ попадаются у Анненкова: напр. въ тѣхъ же Матеріалахъ онъ напечаталъ: Счастливъ тотъ кто близъ тебя, любовникъ уносннн ...

Къ 1820 г. отнесено П. А. Ефремовымъ, индвнннмъ въ этомъ наброскѣ связь съ юрауфскими воспоминаніями поэта.

П. Морозовъ.

251. Я ВЦДЬ ГЪ АЗН БЕЗЦЮДНЫЕ ПРДЪБЫ.

(г. I, стр. 16)

Рукопись заглавной книжки, хранящаяся въ Публич. Библиотекѣ) очень исчеркана. Здѣсь взяты только болѣе законченныя и разборчивыя строки (ср. исторію текста). Отрывокъ этотъ введенъ въ литературу П. О. Морозовымъ въ его изд. 1903 г. Онъ относитъ его т. III, стр. 111—112 къ первоначальнымъ наброскамъ Кавказскаго Пѣвннншка. Трудно согласиться съ этимъ. Мотивы, дѣсь, набросанные, въ поэмѣ совершенно не встрѣчаются. Поиндвннмому, мы дѣсь имѣемъ дѣло просто съ отрывкомъ посвященія Пятигорска.

Ред.

СТИХОТВОРЕНІЯ 1821 ГОДА.

252. ЗЕМЛЯ И МОРЕ.

г. II, стр. 22.

Автографъ этой пѣснь находится въ рукописи Румиловскаго музея № 2367 д. I об. и 2, гдѣ она озаглавлена: Морскои берегъ, и шлннн Москва и носнть помѣчу. 8 февраля 1821. Кіевъ: въ альбомъ друга поэта П. П. Раевскаго-младшаго (А. Машковъ, Матеріалы для академич. изданія сочиненій П., стр. 78—79; Пушкинъ и его современники, вып. II, стр. 14—16); въ рукописи, принадлежавшей графу П. П. Кашинству, на д. 5, отнѣченъ первый стихъ пѣснь уже съ заглавіемъ: Земля и море. Автографы П., принадлежашіе гр. П. П. Кашинству, сообщеніе А. Машкова, Сибл., 1896 г., стр. 3. Впервые она была напечатана въ: Новостяхъ литературы 1825 г., январь, стр. 27;

здѣсь въ собраніяхъ стихотвореній Пушкина 1826 г., стр. 113, и 1829 г., ч. I, стр. 129—130; въ озаглавленіяхъ обоихъ изданій было сказано, что это—пшлнн Москва. Въ Новостяхъ литературы, это указаніе отсутствовало, и Пушкинъ писалъ брату: надѣ или подѣ Муремъ и землею: болѣе было поставнть: Пшлнн Москва. Отъ этого я бы не удивленъ, а Бюнь старикъ при своемъ, остался бѣ. Перенеска Пушкина, академич. изд. I, 183. Пушкинъ въ шутку назвалъ издателя: Новостей литературы А. О. Воейкова, своего друга, Бюньомъ, другомъ Москва. Стихотвореніе воспроизведено здѣсь по тексту изданія 1829 г.

Съ сиракузскимъ и шлннкомъ П. вѣвѣа то Р. X. Москвомъ Пушкинъ, вѣроятно, познакомленъ еще въ дѣтѣхъ: профессоръ П. О. Котанскн въ 1811 г. издалъ книгу: Пшлнн греческой поэзн., въ ко-

терой были похищены переводы изъ Бюна и Мюха и, между прочимъ, переводъ этой псалми. Пушкинъ не переводилъ ее, а переработалъ со своей обычной теплительною. Она сохранила безмятежно-спокойное и псалмическое чувство, но сократила шесю, глубоко пропитала ее духомъ субъективности и замѣнила ея терой, поселенишиа, поэтюмъ, который любить песедую дѣвицъ и забываетъ пѣсни музъ, убавокашнши величавымъ спокойствіемъ моря. Сравнншиа пушкинское стихотвореніе съ псалмнмъ греческаго поэта, С. Любомудровъ. Античные мотивы въ поэмѣ Пушкина, изд. 2-ое, Сиб., 1904, стр. 8, 34—36, замѣчаютъ объ особенностяхъ взаимоотноенна пушкинскаго перевода: картина тихой погоды распространена, впечатлѣніе бури усилено упоминаніемъ о блесущей молніи; наоборотъ, сокращено описаніе контраста въ дѣятельности рыбака и мирной дѣвицъ поселенишиа,—но во великомъ случаѣ стоить сравннть ранннй экскурсъ въ область оригинальной античной поэзіи отъиенъ какъ бы пдѣлнтною тономъ уваженія къ оригиналу. Артистическая натура поэта выручила его здѣсь, замѣнивъ изученіе чуждымъ красотѣ, тапшамъ, отъ природы. Слѣдншиа стоить свойственншо Пушкину и овалнвшнше имъ въ спокойнншиа минуты чувство духовнаго мира, навнваемое тихонъ сельскою обстановкою. Поэтю дѣйствуетъ для выраженія этого чувства у греческаго пѣвца черты юзатон природы, нетъ зарюющнмъ влншнмъ которон Пушкинъ былъ послѣ своего пребыванія въ Курзурфъ ... См. также Н. Чернаева, Н. какъ любнтель античнаго мнра и переводчикъ трехъ-класическихъ поетювъ. Казань, 1899, стр. 30—31.

Блннскій отъиенъ Землю и море къ шесду дѣвицъ шесю Пушкина, дѣви присутствують простота и ешнство мысли, способнн выразнться въ небольшомъ объемѣ, простотнше и возвышенность въ тоиѣ, пластичность и граціа форма—одннчелнтельные прнзнаки антологическаго стихотворенія. Сочин. Блннскаго, изд. Веттерова, VI, 266. Въ своемъ общемъ обзорѣ пушкинскаго творчества величнн критнкъ выдѣлнлъ это стихотвореніе изъ ряда переходныхъ какъ чнсто-пушкинскую шесю, отличающуюся уже оригинальностью и самостоятельностью. Отну изъ дѣвицъ, въ которыхъ выете шесую поодню, безкоррнзнтное искусство, поодне художество. Блннскій, VIII д. изданія Солдатовскаго, Б. Никольскій вннлъ въ ней отраженіе псаломъ дншною пеллншнстою, которую такъ любнлъ Пушкинъ. Поэтю и читатель въ днрнкъ Пушкина, Сиб., 1899 г., стр. 30. См. объ этой шесѣ Русск. Архнвъ, 1899 г., III, 431, 612. Другіе современнше Пушкину переводы псалми—Мосальскаго въ Свнтеръ, Пнблнхъ, на 1825 г., изданіе 1881 г., стр. 278—279; Г. С.—на въ Свнтерон Мнстерѣ, 1832 г., февр., X III, стр. 213—214.

благотворенія, 1825 г., ч. 29, X 3, стр. 295, безъ заглавіа; поэтю заглавіемъ пошла въ сборнншиа стиховъ Пушкина 1826 г., стр. 130, и 1829 г., ч. 1, стр. 127. Здѣсь она воспроизведена по редакціи, тождественной въ обонхъ стнхъ псалмншамъ.

Пушкинскон Дѣвою, Л. Н. Машковъ, Пушкинъ, 1899 г., стр. 103—106, badly склоненъ считать къшнншевую красавицу Пулкхерію Варфоломеи, которон, по словамъ А. О. Вельманна, поэтю посвнтилъ нѣсколькю восторженншихъ стнховъ. Дюгачка Машкова шншѣмъ не подтверждаетъ, и пѣтъ основаній искать въ этой шесѣ автобнграфическн элементъ. Какъ нѣтъ была значнтельна субъектнвшность Пушкина, пеллнш дѣвицъ въ какомъ-душевномъ переживаннн его отраженія реальныхъ событнн его дншною жзнн. Пулкхерія Варфоломеи, какъ разказываетъ Вельманъ, іbid., 122—124, была существомъ холодномъ, безстрастномъ, совершенншнше проявленіе, не природы, а искусства, паномннвшнше автоматъ. Въ пен мало походить на образъ пушкинскаго Дѣвицъ, которая не безстрастна, а чувствна пенавшнть. Вельманъ, іbid., 124 не могъ припомнть стнховъ, которые Пушкинъ ей посвнтилъ. Конечно, эти стнхн не Дѣвицъ, которая была не разъ намечана, когда Вельманъ псалмъ свои воспоминашя о Пушкинѣ и которую онъ не могъ бы не вспомнть. О стнхахъ, посвнщенныхъ Пулкхеріи и припсываемыхъ Пушкину, будетъ сказано шнше.

Хладная красота, неоступающа модѣямъ и следамъ,—отннъ изъ самыхъ пѣвшнтельныхъ образювъ въ поэмѣ Пушкина, не разъ занимавшнн его воображеніе. Въ этомъ смнслѣ въ Дѣвицъ особенно блндал стнхъ 1827 г. Соловнн, стнхон розъ, не сдущающнй страстнато соловшннаго пѣвца,—она не сдущается, не чувствуетъ поета; глншнш—она дѣвицѣкъ; влнваетъ—пѣтъ отвѣта ... Благородная пластнка шесю отъиена нѣкоторымъ влншнмъ Шенъ, въ этомъ случаѣ снова превозлетнша Пушкиншамъ. Разматрнвалъ пушкинское поодню переходнаго перноа, Блннскій выдѣлнлъ Дѣвицъ изъ ряда, какъ чнсто-пушкинскую шесю. Строгое спокойствіе тона шесю, написанной словно отъ лнца старнаго труда, совшнющаго младшему берегуе шаръ Дѣвицъ млонъ, совершенно въ антологическомъ духѣ, и Аншенковъ справедливо упомннлъ Дѣвицъ въ перенѣ дѣви художественно-спокойныхъ образювъ, въ которыхъ уже очень поодню отражается артистическая натура Пушкина. Матеріалы для бнграфн Н., 2-ое изд., стр. 83. Сблнженн Дѣвицъ съ Красавицею, 1831 г., сдѣлнше Пеллншншамъ. Н. въ его поэмѣ, Сиб., 1882 г., стр. 85, неуачно и непріемлемо въ Красавицѣ пѣвшнщнвшн черты Дѣвицъ—ея холодностн; Красавица съ душевною стороно шншакъ не охарактернзована.

251. КРАСАВИЦА ВЕРТЕТЬ ЗЕРКАЛОМЪ

т. II, стр. 23

252. ДѢВА

т. II, стр. 22.

Автографъ Дѣвицъ нахонлся въ тетради Румановскаго музея, N 2367 г. 4 об., и въ рукопншѣ графа Кашнста. Автографъ Пушкина, при подлѣжакѣ гр. Н. П. Кашнсту, сообщенъ Л. Н. Машковъ, Сиб., 1896 г., стр. 3. Впервыа она была напечатана въ Современнтель, провлнעתнн и

въ тетради московскаго Румановскаго музея N 2367 г. 2 дѣта шесю записана Пушкиншамъ безъ заглавіа, а въ рукопншѣ графа Кашнста—съ зашншамъ заглавіемъ. Автографъ Пушкина, принадлежакте гр. Кашнсту, сообщенъ Л. Н. Машковъ, Сиб., 1896 г., стр. 4. Копнлнана она была впервыа въ псалмншесую послншншамъ обществомъ, побнжденъ словесною нѣ. Современнтель провлнעתнн и благотворенія, 1825 г., ч. 29, X 3.

стр. 295, безъ заглавія и съ поэмкою: «А. Пушкинъ», а затѣмъ съ заглавіемъ—въ позднѣйшихъ стихотвореніяхъ 1826 г., стр. 134, и 1829 г., ч. 1, стр. 131. Здѣсь воспроизведенъ текстъ обонумъ послѣднихъ изданій, шлодѣ тождественный.

Пушкинская «Красавица передъ зеркаломъ»—представляетъ такую рекал статуэтка Въ «вѣрномъ стеклѣ» пушкинскаго вдохновенія не мимолетно отразилась ея красота, но закрѣпидась навѣки—кавъ одно изъ лучшихъ сокровищъ въ богатой сокровищницѣ великаго поэта. «Въ четырехъ строкахъ»—говоритъ С. Любомудровъ—«какой портретъ: какъ мѣтко схвачены приемы, удочки и вся тонкая психологія кокетства» («Античные мотивы въ поэзіи Пушкина», изд. 2-ое, Сиб., 1901, стр. 30). Въ этой пьесѣ, говоря словами отбѣившаго ее Бѣлинскаго «Сочиненія», изд. Венгерова, VI, 266, «въ простомъ и немногосложномъ образѣ схвачена одна изъ тѣхъ картинъ жизни, которая надолго свое выраженіе только на языкѣ боговъ, въ поэзіи». Въ своемъ обзорѣ Бѣлинскій называетъ эту пьесу «чисто-пушкинскою»—титулъ, который далъ Бѣлинскій далеко не въѣмъ произведеніямъ этого періода.

255. ДОНЕЯ.

г. II, стр. 23.

Эта пьеса дошла до насъ въ тетрадяхъ московскаго Румянцеваго музея № 2365 (л.л. 34 и 39 об.) и № 2367 (л. 9 об.), въ послѣдней она озаглавлена: «Псалмъ») и въ рукописи гр. Кашинева («Автографы Пушкина, принадлежащія графу П. П. Кашинству», сообщеніе А. Маикова, Сиб., 1896 г., стр. 3). Въ музейной рукописи и въ «Новостяхъ литературы» 1825 г., II, апрѣль, стр. 50, гдѣ пьеса озаглавлена: «Антологическій отрывокъ»,—первая редакція см. исторію текста. Въ тетради графа Кашинева и въ сборникахъ стиховъ Пушкина, 1826 г., стр. 128, и 1829 г., ч. 1, стр. 126, гдѣ пьеса озаглавлена «Доней»,—вторая редакція, которая здѣсь и воспроизводится. Въ первой редакціи пьеса состояла не изъ шести стиховъ, а изъ десяти; но Пушкинъ отбросилъ начальныя четыре стиха. М. В. Юзефовичъ расказываетъ («Русск. Арх.» 1880 г., III, 440), будто онъ сдѣлалъ это потому, что Александръ Раевскій пародировалъ при другихъ второй стихъ: «Ты вышнненъ весной отъ нашихъ вторъ удрада», вмѣсто «отгада». Пало думать, что Пушкинъ отбросилъ эти стихи не потому, чтобы пенуагелся плоской и певниной пародіи, извѣстие о которой, въ тому же, довольно сомнительно, а просто оттого, что, отбавляя свои произведенія, пнался не за количествомъ, а за качествомъ и быть безпощадно строгъ къ себѣ. На пьесѣ лежитъ печать вліанія Шенье.

С. Любомудровъ «Античные мотивы въ поэзіи Пушкина», изд. 2-ое, Сиб., 1901, стр. 30 усмотрѣлъ связь «Доней» съ изображеніемъ Шенье, 1824 г., «Ты ванень и молчанье...» онъ обннхъ схвачены приѣмъ влюбленнаго. Если высказанная догадка справедлива, то это даетъ намъ возможность сдѣлать интересное наблюдение относительно пораженія Пушкина: онъ переживалъ ихъ, настолько усвоивъ ихъ себѣ, что онъ, иногда не подумавъ еще сами опредѣленной формы, опредѣленнаго вараженія, становились источниками

вдохновенія, вызывая въ душѣ поэта отбѣвные образы». Бѣлинскій отнесъ «Доней» къ «чисто-пушкинскимъ» пьесамъ переходнаго періода, къ тѣмъ антологическимъ произведеніямъ, которые всегда любилъ Пушкинъ, особенно въ молодости: «содержаніе любви и наслажденія жизни въ духѣ древнихъ особенно соответствуетъ эпохѣ юности каждаго человека». Анненковъ «Матеріалы для біографіи П.», 2-ое изд., стр. 83 причислялъ ее къ «художественно-спокойнымъ образамъ» пушкинскаго творчества.

256. МУЗА.

г. II, стр. 24.

Оригъ автографъ «Музы» находится въ тетради московскаго Румянцеваго музея № 2367 л. 4, съ датой: «14 февраля»; другой, очевидно, тотъ, снимокъ съ котораго помѣщенъ въ приложеніи къ анненковскимъ «Матеріаламъ для біографіи П.», принадлежитъ теперь великому князю Константину Константиновичу; онъ носитъ ту же дату: «1821, февр. 14». Въ рукописи гр. Кашинева «Автографы Пушкина, принадлежащія графу П. П. Кашинству», сообщеніе А. Маикова, Сиб., 1896, стр. 3 приведенъ заглавіе и первый стихъ. Напечатана была «Муза» впервые въ «Сынѣ Отечества» 1821 г., ч. 70, № 23, стр. 132—133, съ поэмкою: «Киншневъ, апрѣль 5, 1821»; эта поэмка обозначаетъ вѣроятно, день, когда пьеса была отбавана или переписана начисто, или отправлена въ журналъ. Затѣмъ «Муза» вошла въ собранія стиховъ Пушкина, 1826 г., стр. 123, и 1829 г., ч. 1, стр. 125.

Образъ Музы зародился въ душѣ Пушкина самостоительно, но самая пьеса была внушена отрывкомъ изъ одной пьесы Шенье: «*Toujours ce souvenir m'attendrit et me touche...* У французскаго поэта ребенка учитъ играть учитель, у Пушкина замѣненный Музой. «Самый образъ Музы»—говоритъ А. Польшановъ—«у Пушкина не описанъ, но намѣченъ улыбкою и двумя движеніями: яснаго изображенія ея улыбки, но, читая стихотвореніе, чувствуешь ея присутствіе». Вся техника музыкальнаго урока, описанная у Шенье: прикладываніе фленты къ его губамъ, самое складываніе его губъ, пощипаніе и опусканіе его юныхъ пальцевъ разъ по двадцати, чтобы научить последовательно затыкать отверетія фленты,—у Пушкина исклочена; его Муза только по временамъ беретъ изъ его рукъ фленту, чтобы сыграть ему очаровательную пѣсню: онъ учитъ только тѣмъ, что внимаешь прилежно ея пѣсанямъ, а играть уже самъ слабыми перстами своимъ. Тогда Муза слушаетъ его дѣтскіе опыты съ улыбкою: для него достаточно этой улыбки Музы, достаточно слушанія ея шри, чтобы научиться искусству». Образъ Музы былъ нашему поэту родной и близкій. Ея прообразъ—толь гении «Городокъ», который певнинойю леталъ въ его лицеской компаньѣ, она—та богиня «Мечтатель», которая обншла его «на слабомъ утрѣ дни златыхъ... и горнищъ свѣтомъ озарясь, влетала въ скромну келью и чуть дышала, преклонясь надъ тѣлою козлабелью...». Векорѣ мы опять встрѣтимся съ воспоминаніями о ней—«веселой старушкѣ», «наперенивъ волшебной старини: она «юныи слухъ навѣвала илннла и межъ плечей оставила свирѣль», волшебную свирѣль, завороченную губами Музы.

Блдинский выдвигал Музу как «историческую» задачу из числа произведений «переходного» периода. На восточной стороне печати видны Батюшкова, которую признавал сам П. Пушкин, сказавший однажды об этом стихотворении: «Я люблю его — оно отзывается стихами Батюшкова» («Москвитинский», 1872 г., № 3, стр. 147). По Пушкину, знавший гораздо дальше всех своих учителей, и в этом отношении предпочел Батюшкова. «Посмотрите — сказали о «Музе» Блдинский. — как эллинист или как артистически это оно и то же рассказал Пушкин о своем художественном признании, почувствованном им еще в зрета отрочества... Несмотря на счастливые опыты Батюшкова в антологическом роде, таких стихов еще не бывало на Руси до Пушкина». Можно прибавить, что и после Пушкина не было таких стихов в русской поэзии. Нельзя не заметить — продолжает Блдинский — в особенности тому, что он умел сделать из неестественного языка, этого несчастного стиха, предназначенного по пошлости русскими эвниками и трагиками «обратно старому времени». За него уже было отчаяние, как за стих неуклюжий и монотонный, а Пушкин воспеивался им, словно дорогим пароским мрамором для чудных изваяний, видными в слухомь... П. А. Плетнев «Сочинения», т. I, 1885 г., стр. 53, разбирал Музу и говорит: «полнота звуков для взятой мысли необыкновенная. Он в 14 стихах все заключил, чего может требовать воображение и чувство. Шло ни одного слова лишнего, ни одного стиха невыдержанного, ни одной картины неточной». Можно ли прибавить, что гармоничный стихов в своем сочинении составлять приятливую музыку для слуха... Какая впрямь в выраженных и свядельств в поборх эпитетов... Это стихотворение в русской антологии останется отпечатком первых картин природы, которые питали юное воображение поэта. Читая свое, как-то почувствуешь, что стихотворец ухватил в первый раз свою Музу не в блестящей столице, не в шумном круже света, но в мирном сельском уединении... В 8-ой главе «Опытна» Пушкин как будто вспоминает ласковые уроки «въ нѣмой тишинѣ дубовъ — въ таинственныхъ долинахъ, весной, при вихжахъ дубиныхъ, близъ воды, сившихъ въ тишинѣ, является Муза стала мифъ... Для Блдинского тайная дѣла, съ обрамленнымъ доками мильмъ человекомъ, незлобно стала символомъ пушкинскихъ поэзии. Муза Пушкина — сказали они — «это — гвухка-аристократка, въ которой ободствительная красота и грациозность непосредственности сочеталась съ плацествомъ тона и благородной простотой, и въ которой прекрасная внутренняя качества развиты и еще болѣе возвышены виртуозностью формы, то того усвоенной ею, что эта форма сдѣлалась ея второй природой». Кохановская. Стихотворения на мотву Пушкина — Русск. Вѣстн. 1859 г., № 3, стр. 20, вполняя стих: тамъ яблани меня теревъ прохлала, я пречаладъ мечлалъ мой слабый умъ, и прально мѣстны было мнѣ отрата. Въ началѣ жизни шлоу поому я..., говорить: у трного это бы и остало однимъ пральноидеямъ дѣлства, но къ этому рещену явилась шал единственная наставница — Муза. Стоять о мѣстны мнѣе Владимира Соловьева об этомъ стихотворении. Оно, при всей своей художественной прелести, не можетъ быть причислено къ настоящимъ выражениямъ поэтического само-

сознания Пушкина, хотя сущность поэзии уже указана здесь въ самой общен своей чертѣ. Но именно слишкомъ общен. Въ началѣ 1821 г., когда создлось это стихотворение, Пушкинъ создалъ для художественнаго творчества, но не для удлубления въ его смыслъ. Онъ шелъ впередъ къ соединению многихъ тематическихъ произведений, но за нимъ, въ прошедшемъ, нѣтъ было еще слишкомъ мало его поэтически опытъ не могъ быть еще слишкомъ великъ и ясенъ. Онъ и самъ, въ этотъ первый годъ своего совершенствования, обращался назадъ къ прошлому, вить только Музу своего младенчества. Впрочемъ, прибавить здѣсь действительное воспоминание о чемъ-нибудь определенно пережитомъ душою поэта въ его младенчество, — точное, отрочество или ранней юности, — было бы очень рискованно, тѣмъ болѣе, что литературный истощикъ этого произведения валидо... Пушкинъ двадцатилѣтнн бралъ у Шенье и содержание вѣстѣ съ формой, хотя въ настоящемъ случаѣ онъ такъ своему потраканно такое поэтическое совершенство, то потраканно талого его образцу. Это есть, однако, совершенство классической формы, заключающей, для русскаго поэта XIX вѣка, непременно и вѣковоую школьную условность: муза, боги, цѣница, фриискіе пастухи, что опытъ такъ мѣстны пользоваться этимъ стихотворениемъ какъ документомъ поэтическаго опыта. Вѣстн. Европа 1899 г., декабрь, 674—675.

237. КАВКАЗСКИ ПѢВНИКЪ.

п. II, стр. 39.

Поэма известна въ четырехъ автографахъ Пушкина. Въ хранящихся въ Импер. Публичной Библиотекахъ ланшней тетради Пушкина 1820—1821 г., находится ея первоначальная редакція, несущая следы очень тщательной работы, озаглавленная: «Кавказъ, поэма». Въ тетради московскаго Румянцеваго музея № 2365 (лл. 1—24 текстъ блдвой, но въ него внесены разныя поправки. Въ пушкинскомъ музѣ Александровскаго лица хранится списокъ поэмы, близкій къ музеевому; онъ подробно описанъ В. О. Вадьяновскимъ. Памяти Л. П. Машкова, Сиб., 1902 г., стр. 469—488. Блдвой списокъ, посланный Пушкинымъ издавшему поэму Гибичу, находится въ Имп. Публичной Библиотека. О вариантахъ см. въ статьѣ о текстѣ.

Къ свдѣніямъ, сообщеннымъ въ статьѣ П. О. Морозова, можно прибавить, что въ альманахѣ Новья Аония Москва, 1823 г., были перепечатаны семь отрывковъ изъ Кавказскаго Пѣвника: первое свиданіе съ черкешенкой, свиданіе пѣвника черкешенкой, — описание Кавказа, разсказъ о жизни горцевъ, признание черкешенки, черкешская пѣсня и обосовѣщеніе пѣвника. Дешево отдавъ, чтобы товаръ не залежался, писалъ Пушкинъ Гречу, предлагая ему продать поэму. Гибичъ, уже успѣвшимъ обработать Пушкина на планѣи Рудана и Лютмына, сумѣлъ повлечь на редактацию поэта, который отдалъ ему новую поэму. Пушкинъ снова сталъ жертвой безсовѣстной эксплуатаціи: издавалъ. Опытъ въ стихахъ и прозѣ Батюшкова, Гибичъ не поспеетъ издѣлать Батюшкову, который къ тому же бралъ на себя денежную свдѣтельность въ случаѣ, если книга не будетъ убавлена, являла мѣ-

тысячи, самъ варуновъ на этомъ изданіи то пачтати тысячь. С. А. Венгеровъ. Критико-биограф. словарь. т. II, стр. 242—243. Поплатился за свою добровольность и Пушкинъ. Когда Гиббичъ предлагалъ ему, въ 1823 г., выпустить второе изданіе Руслана и Лявнишка, поэтъ писалъ Вяземскому, прося его взглянуть за это: «Поэтическое Радаос... т. е. боюсь, чтобы онъ со мною не поступилъ какъ прежде». Черезъ нѣсколько дней Пушкинъ писалъ брату: «Въясни отцу моему, что я буду его деньги жить не могу... Все и все меня обманываютъ... Когда Вяземскій вышло прозвалъ Бахчисарайскій Фонтанъ, принесшии Пушкину гонораръ, какого онъ никакъ и не ожидалъ, поэтъ, думая, что Вяземскій не вычелъ изъ этихъ денегъ своихъ расходовъ на изданіе, журить его: «ты пакостникъ со мною, дарить меня... Ты задорникъ издателя, а Гиббичъ, хоть и невѣрный другъ, зато ужь койбики не подарить».

По поводу складнаго выше, на стр. 38, объ ольдеконовской контрафакціи «Лявнишка» можемъ привести слова самого Пушкина, который писалъ Вяземскому 13 июля 1824 г.: Я было хотѣлъ събѣять съ рукъ Лявнишка, но плути Ольдекона мѣлъ помѣшалъ. Пушкинъ попробовалъ черезъ Вяземскаго остановить продажу хищническаго изданія, но это не удалось см. Перешиску П., академикъ, изд. I, 135, 144—145, и Пушкинъ вкорѣ писалъ Вяземскому: «плонемъ на него, и кинуть!» *ibid.*, 150—203. Впрочемъ, матеріальнаго вреда Ольдеконъ причинилъ Пушкину меньше, чѣмъ Гиббичъ. 3 марта 1825 г. П. А. Плетневъ сообщалъ Пушкину, что Кавказскаго Лявнишка уже пѣтъ въ книжныхъ лавкахъ; вкорѣ 18 июля Плетневъ снова писалъ, что «перваго изданія шибѣ пѣтъ», будучи вынужденъ послать другу ольдеконовскую переписку.

Въ числѣ находящихся въ библиотекѣ Академіи Наукъ набросковъ Пушкина—есть одинъ, начинающійся словами: «Мой лявнишкѣ вовсе не любезенъ... Пушкинъ и его соврем.» IV, 20, № 81. Новѣйшему наброску, какъ и все Майковскія матеріалы, недоступенъ, въ немъ выражена та же мысль, что въ цитированныхъ выше, на стр. 32, стихахъ поэта къ В. П. Горчакову и Вяземскому.

Николай Николаевичъ Раевскій (1801—1873 г.), которому Пушкинъ посвятилъ «Кавказскаго Лявнишка и Андреа Шемяка», былъ младшій сынъ генерала П. П. Раевского, члена той семьи, которая прославилась важною ролю въ жизни Пушкина (см. статью «Пушкинъ и Раевскіе»). Объ отношеніяхъ Пушкина и Раевского см. Л. П. Машкова въ его сборникѣ «Пушкинъ». Спб., 1899. Посвященіе «Кавказскаго Лявнишка» — памфлетъ этой юношеской дружбѣ, которую Пушкинъ характеризуетъ такъ полно и съ такимъ благодарнымъ удивленіемъ. Когда Пушкинъ лежалъ больнон въ Екатеринбургѣ, Раевскій отвесалъ его и устроилъ ему побѣдку на Кавказъ и въ Крымъ. Ты знаешь — писалъ Пушкинъ брату 24 сентября 1820 г. — нашу Тѣсную свѣдь и вѣщныя услуги, для меня вѣчно незабвенная. Что это были за услуги, въ точности неизвѣстно. Можетъ быть, это была та приветливая поддержка, о которой поэтъ говоритъ въ посвященіи: «когда я болѣлъ, и близь тебя еще спокойство находилъ». Посвященіе указываетъ, что въ поэмѣ отразилась не только душевная переживанія Пушкина, но и вѣщныя впечатлѣнія, таинва Кавказомъ. Сравнивая счастливую жизнь друга съ своей,

недовоно которой Пушкинъ нѣсколько преувеличилъ въ порывѣ душевнаго восторга, поэтъ вспомнилъ объ извѣстномъ эпизодѣ глѣства своего друга, котораго отелдъ въ битвѣ погѣ, Дашковомъ взялъ да руку, вмѣстѣ съ старшимъ братомъ Александромъ, и повелъ впередъ десятилѣтній мальчикъ, приналь казавшійся яраза мачи и плакати, когда его отнесли погальше отъ опасности. Объ этомъ см. также стихи Пушкина 1819 г. т. I, 529, 536.

Метислава третій посылкъ, упоминаемый въ эпизодѣ поэмѣ, заималъ тогда воображеніе Пушкина. Другая поощрала поэта, Вяземскій говорилъ въ своей статьѣ о Кавказскомъ Лявнишкѣ: съ какою поспѣшностью и прилежанностью выискиваемъ въ книгу литературныхъ употреблѣнн оббѣгание поэта... Слѣшкомъ много поэзія русская дождалась природныхъ своихъ источниковъ и допернала въ постороннихъ рошнкахъ жизнь дамную, въ коей оказывалось оцто искусство, но не оказывалось чувству бѣшене чего-то родного и близкаго. Гиббичъ упрекалъ его за то, что «ты въ Святослава скитаешься не воспѣвая»; взять сюжетъ изъ романъ исторіи ему совѣтовали кн. С. Г. Волконскій и К. Ф. Рылѣевъ. Перешиска П., акад. изд. I, 138, 166, 182. На эти послѣданія Пушкинъ скорбно отвѣтилъ Борису Мухомовымъ.

Князь Пав. Дим. Цицѣановъ (1754—1806), покоритель Дардинъ и мширельцевъ, присоединилъ къ Россіи Птеретію; онъ былъ адмѣнишески убитъ при сражѣ Баку. О немъ см. Жизнь кн. Цицѣанова (М., 1824; Деятельнцатн Вѣкъ П. П. Баренцева, II, 1—2). Петръ Степ. Котляревскій (1782—1851) былъ однимъ изъ самыхъ популярныхъ героевъ Кавказа; звалъ Ленкорань. О немъ см. гр. В. Солдатовъ въ «Биографіи генерала Котляревскаго», Изд. 1854; 2-ое изд. Спб., 1901; Ф. Ф. Витъ етъ, «Записки», IV, 182; VII, 166.

О талантливомъ А. П. Ермоловѣ Пушкинъ писалъ брату въ 1820 г.: Ермоловъ исполнилъ [Кавказъ] своимъ именемъ и благотворнымъ гениемъ. Дикіе чересы наустаны; тревная дерзость нуть исчезаетъ. Дороги становятся чашь отъ часу безопаснѣе, многочисленныя коновъ—вдлинннми». Внеслѣдствіи Пушкинъ былъ близка знакомъ съ Ермоловымъ. По дорогѣ на Кавказъ въ 1820 г. Пушкинъ побывалъ въ Орлѣ, гдѣ жилъ тогда вѣнникъ въ немплотѣ покоритель Кавказа,—поэтъ «сдѣлалъ двѣсти версты длинншхъ, зато увѣтилъ Ермолова»; въ Путешествіи въ Арзумъ Пушкинъ посвятилъ Ермолову тѣдную, сочувственную страницу.

Стихи Памфила, гибель Россіи...—вишнвы Пушкину, между прочимъ, воспоминаніемъ о гибели генерала Зазарева, которому Цицѣановъ поручилъ вывести изъ Тифлиса царя Марію, вдову грузинскаго царя Георгія, и котораго царца убила въ 1803 г.; царца за это увели на житьельство въ Воронежъ.

238—259. ПРИМІЕ ПОВЮ ТЕТРАДЬ...

О ВЫ КОТОРЫЕ ЛЮБИШЬ...

т. II, стр. 38.

Этотъ черновол набросокъ находится въ 2365-ой тетради московскаго Румянцевскаго музея (л. 23), первоначально вельдѣ за эпизодомъ «Кавказскаго Лявнишка»; почему со времени П. В. Анненкова, впервые помѣстившаго его въ своемъ

издании т. VII, стр. 85, она печатается как приписка къ Кавказскому Псалнику. В. Е. Якушкинъ. Русск. Стар. 1884 г., апрѣль, 90, перепечатать и дополнить анненковскій текстъ. Обѣ строфы, судя по содержанию и по виду подлинника, представляютъ очень набросокъ. Трудно видѣть въ немъ связь съ Кавказскимъ Псалникомъ. Намъ уже было указано Бессар. Губерн. Вѣдом. 1902 г., № 88, что разумно предложить эти строки къ Кавказскому Псалнику. Проталительную любовь черкешенки къ псалнику нельзя назвать проказами библейской любви, исторія которыхъ принадлежала архивовъ ата. Сочетанія свѣтлого съ важнымъ мы не найдемъ въ Кавказскомъ Псалникѣ. Непонятно также, почему надо просить своихъ поклонниковъ спасти его. Таинная мечта — отъ рукъ невѣжества свѣтлого: чѣмъ могли невѣжество свѣлое и косая зашнурь пролить этой поэмѣ, такой чистой и чистому трепету? Съ этимъ согласился В. Е. Якушкинъ (академикъ, изд. II, прим. 188), отъ псалника въ своемъ изданіи приписки отъ поэмы. Но всенъ вѣроятности, рѣчь идетъ о Гавриловѣ или отрывкахъ изъ этой поэмы (стр. 85—87).

Услышавъ нашъ журналъ — замекъ на статью о Русаѣнъ и Фотинаѣ, помѣщенныя въ Вѣстникѣ Европы.

260. Я ПЕРЕЖИТЬ СВОИ ЖЕЛАНИЯ...

т. II, стр. 38.

Детя и известна въ несколькихъ автографахъ. Въ рукописи московскаго Румянцевскаго музея № 2365 (д. 13 среди черновыхъ Кавказскаго Псалника) находится первоначальный набросокъ ей. Въ 2867-ой музейной тетради (д. 3) такъ уже болѣе совершенный и полный текстъ; эта редакція озаглавлена Детя (изъ поэмы Кавказъ), и носитъ пометку: Каменскъ, 22 февр. 1821. Въ пѣвственной рукописи графа П. П. Каменска, описанной Л. П. Матковичемъ, текстъ вѣроятно согласенъ съ изданіями 1826 и 1829 г., и поэмта 1821. Впервые пьеса напечатана въ Повестяхъ литературы 1823 г., кн. VI, № 48, стр. 144, подъ заглавіемъ: Детя и съ полною поименовкою поэта; дабы вошла въ сборникъ стиховъ Пушкина 1826 г., стр. 14 и 1829 г. (ч. I, стр. 107). Печатается здѣсь въ окончательной редакціи.

Судя по положенію первоначальнаго наброска дѣти среди черновыхъ Кавказскаго Псалника, она должна была войти въ рѣчь героя подѣ словомъ: Безъ упованія, безъ желанія и вѣну жертвою страсти... По смыслу и по настроенію она вводитъ примыкаетъ къ грустной рѣчи псалника, въ которой Пушкинъ выражаетъ свои личные переживания. Отъ псалника набросокъ отъ поэмы, подѣ развивъ его въ отвлеченное юридическое стихотвореніе, въ которомъ выражены не разъ охватывавшее имъ тогда чувство скуки и недовольства прощадью. Библейски отнесъ дѣтию къ числу еще не рѣшыхъ, переходныхъ стихотвореній Пушкина по вытѣшатъ ее изъ длиннаго ряда такихъ пьесъ. Совѣстно пушкинскимъ элементъ въ пьесѣ — складка Библейскій — составляетъ элегическая грусть, преобладающая въ пьесѣ. Изъ переходныхъ пьесъ дѣтия тѣ, въ которыхъ болѣе или менѣе проявляются чувство грусти; при немъ и незначительная пьеса получаетъ значение. Такъ, напримѣръ,

вѣркъ пьесы. Я пережить мои желанія... какъ ни слаба она, довольно останавливаетъ вниманіе читателя своимъ послѣднимъ звукомъ. Дѣтия проникнута чувствомъ тоски и апатии. Неготичекъ дѣтъ тушихъ страсти — сердечная пустота, душевная усталость, такъ рѣдко расхоющаяся съ общимъ бодрымъ и радостнымъ взглядомъ поэта на жизнь. Въ пѣвственныхъ стихахъ 1828 г. Дѣръ нарасныи, дѣръ случившійся... жаждуешь на томъ-вищу его тоску. Пушкинъ андларовалъ себя: сердце пусто, прѣдѣть умъ...

261. КОКЕТКА. Къ Аглаѣ

т. II, стр. 39.

Въ пожертвованной знакомымъ Пушкина и членомъ онеки пѣтъ его пѣтъ П. П. Тарасенко-Орфинковъ къ Пам. Публичному Библиотеку зашеной книгъ Пушкина 1820—1821 г., находится т. д. 46—47 эти стихи, озаглавленные: Къ Аглаѣ. Въ рукописи московскаго Румянцевскаго музея № 2367 (д. 23—24) есть другой автографъ этой пьесы, озаглавленный: Кокетка. Ни въ оной, ни въ другой рукописи мы не находимъ окончательно отъ псалника авторомъ текста. Въ музейной рукописи стихи значительно сокращены; и по тексту пьесы, и по положенію ей въ 2367-ой тетради можно заключить, что эта редакція пошла библиотечной рукописи. Пушкинъ пьеса не печаталъ, и впервые появилась она въ изданіи Анненкова т. VII, стр. 27—29. Анненковъ выработалъ для нея свои текстъ, взявъ въ основу библиотечную рукопись и пьеса въ некоторыя поправки изъ музейной, т. е. произвольно свѣншая обѣ редакціи. Зѣтъ пѣтъ поименная редакція; о разночтеніяхъ см. въ статьѣ о текстѣ.

Стихи написаны въ Каменскѣ, гдѣ Пушкинъ гостилъ у Раевскихъ приблизительно въ тепеніе октября 1820 г., яшара и февраля 1821 г. Кокетка Аглаѣ, жена Александра Львовича Давыдова, единюгробнаго брата генерала П. П. Раевского, Аглая Антонова, по проноскоющей французскаго, рожденная герцогиномъ Граммонъ, ставилась общепризнанной и пылнншанной дѣткостью своего поведенія. Современникъ разсказываетъ, что Аглая Антонова, весьма хорошеющая, вѣтрная и кокетливая, какъ и пѣтъ французскаго, пѣкала въ шумѣ развлеченій среднство не умереть со скуки въ варварскю Россіи. Она въ Каменскѣ была манитомъ, привлекаящимъ къ себѣ вѣбухъ желанныхъ вѣндекъ александровскаго вѣмя. Отъ главкомандующихъ по корнѣтовъ все жидо и диковато въ себѣ Каменскѣ, но главное — умирало у покъ прѣдѣстной Аглаи. Д. В. Давыдовъ востѣвалъ се въ стихахъ: Если Боги милосердые и дѣтъ пробужданъ... Русск. Стар. 1872 г., т. V, стр. 632. Судя по послѣднію Къ Аглаѣ Пушкинъ не только умирало у покъ красавицы, но зашелся къ себѣ тридцать дѣтъ, желанюму тощѣвъ уже слишкомъ дѣткою для сердечныхъ увлеченій. Очевидно, подѣтъ развратъ, конечно, приговорившись, влюбленнымъ, то бедумія и пѣтъ пообѣщавъ умереть отъ любви; свѣншая свѣтъ, которую устроила ему о пѣтъ на прививалъ фаръ, а драму Аглаи, заставляла его покориться съ этой забавной исторіей и съ комическою худотою пѣтъ прочитавъ поволнго ярошное нагадленіе о пѣтъной кокеткѣ. Дѣтотолчущий мухетъ Аглаи, Александръ Львовичъ,

сладко присяжнымъ рогоносцемъ и въ званіи величанаго рогоносца» попалъ на страницы Евгения Онегина. Пушкинъ любилъ добродушнаго Александра Львовича и посвятилъ ему въ 1821 г. небольшое посланіе. О немъ см. въ примѣчаніи № 380. Супружеская жизнь Алаи и Александра Львовича вликала у Пушкина остроумную эпиграмму: «Иночъ имѣлъ мою Алаю...» № 328. Надо думать, что она же—предметъ грубой выходки Пушкина: «Остава честь, судьба на произволь». См. примѣчаніи № 287, 311. Дочь Алаи Антоновны—та Аделя, которой въ 1822 г. Пушкинъ написалъ стихи: «Шрай, Аделя...» Въ 1822 г. П. П. Липранди посвятилъ въ Петербургѣ А. Л. Давыдова и Алаю Антонову и «забылъ», что жена Давыдова въ это время не очень благоволила къ Александру Сергѣевичу, и ей видимо было неприятно, когда мужъ ее съ большимъ участіемъ о немъ разспрашивалъ... Потомъ уже узналъ я, что между ней и Пушкинымъ вышла какаа-то размолвка, и послѣдній подарилъ ее стихами! Русс. Арх. 1866 г., 1483.

262. ДРУГЪ ДЕЛЬВИГЪ, МОИ ПАРНАССКІИ БРАТЪ.

т. II, стр. 60.

Этими стихами начинается письмо Пушкина, изъ Кишинева, 23 марта 1821 г., къ барону А. А. Дельвигу. Одинъ автографъ ихъ находится въ тетради Московскаго Румянцеваго музея № 2367 (т. 19). Впервые они были напечатаны, вмѣстѣ со всѣмъ письмомъ въ «Москвитинѣ» 1854 г., т. II, № 5; затѣмъ были перепечатаны П. В. Анненковымъ въ его «Матеріалахъ для биографіи П.» (Сочин. П., I, 81—82). В. Е. Якушкинъ («Русс. Стар.» 1884, май, 342) и П. О. Морозовъ (Соч. П., изд. «Просвѣд.» VIII, 418—419) опубликовали варианты музейной рукописи, представляющей собою, вѣроятно, черновикъ стиховъ, вошедшихъ въ письмо къ Дельвигу, подлинникъ котораго неизвѣстенъ. Объ этихъ разночтеніяхъ см. въ статьѣ о текстѣ. Цѣлкомъ музейная редакція воспроизведена въ майковскихъ «Матеріалахъ для академическаго изданія сочиненій П.», стр. 93—94. Весьма характерно, что въ «Москвитинѣ» и у Анненкова (даже во второмъ изданіи его «Матеріаловъ», стр. 76) слово «свободы» въ Ю-мъ стихѣ замѣнено точками.

«Проза» Дельвига, на которую Пушкинъ отвѣтилъ стихами, изъ неизвѣстна. Это письмо было получено Пушкинымъ, какъ видно изъ его письма къ П. П. Гибдичу отъ 24 марта, приблизительно 20 марта. «Теперь я, право, чуть дышу, отъ воздержанія муза чахнетъ», жаловался Пушкинъ въ стихахъ, но тутъ же писалъ въ прозѣ: «кончилъ я новую поэмю Кавказскіи Пльишкѣ». Дѣйствительно, мѣсяцъ назадъ Пушкинъ закончилъ эту поэмю; въ началѣ 1821 г. онъ написалъ нѣсколько стихотвореній,—но усердному молодому автору это казалось мало, и онъ не прочь былъ упрекать себя въ лѣности, хотя писалъ другу: «у меня въ головѣ бродятъ еще поэмь». «Я перевариваю воспоминанія и надѣюсь набрать вскорѣ новыхъ чѣмъ намъ и жить, душа моя, но въ старость нашей молодости, какъ въ воспоминаніямъ! Стихи, написанные Дельвигу, полны этихъ

сердечныхъ воспоминаній. Ихъ вскорѣ найдемъ цѣлымъ рядъ—въ стихахъ Катенину, Чаадаеву, «Къ моеи чернышницѣ», «Къ Овидію»...

263. П. П. ГИБДИЧУ ВЪ СТРАНЬ, ГДѢ ЮЛЕНЪ РЫБЧАШЫНЪ.

т. II, стр. 60.

Этими стихами начинается письмо Пушкина, изъ Кишинева, 24 марта 1821 г., къ П. П. Гибдичу. Впервые оно было напечатано въ сборникѣ «Складчина» 1874 г., въ статьѣ Я. К. Грота «Первенцы лица и его преданія», вошедшей потомъ, съ нѣкоторыми измѣненіями, въ его сборникъ «Пушкинъ, его лифевскіе товарищи и наставники». Автографъ стихъ принадлежитъ известному собирателю рукописей П. Я. Дашкову.

Пушкинъ отвѣчаетъ Гибдичу на его «вдохновенное» письмо, которое не дошло до насъ. Приблизительно 20 марта Пушкинъ получалъ отъ Гибдича отпечатанную поэмю—«Русланъ и Людмила». Вскорѣ Пушкинъ понялъ (см. примѣчанія къ «Кавказскому Пльишкѣ»), что Гибдичъ былъ издатель-кулакъ и «невыгодный пріятель», но первая книга обрадовала молодого поэта. Онъ благодарилъ Гибдича за «платежъ, сдѣланъ на Руслана и Людмилу», а также «за воспоминаніе, за дружбу за хвалу, за упреки... Пушкинъ тогда уже, конечно, читалъ Овидія, съ судьбою котораго любилъ сравнивать свое положеніе, не разъ называя «бославаго его государя Августомъ». «Вольный глазъ дѣвничью», водноившій кишиневское общество, конечно, намекъ на сенсацию, которую производили стихотворныя выходки Пушкина. «Сонныхъ молдованъ»—очень мѣткая характеристика: въ «Путешествіи Онегина» Пушкинъ отзывается «молдована тяжелаго», грузная фигура котораго не разъ попадалась настрѣчу поэту на улицахъ Одессы. Генералъ М. Ф. Орловъ, одна изъ тѣхъ немногихъ личностей, которыя оставили по себѣ свѣтлыя слѣды въ биографіи Пушкина, былъ его постояннымъ собесѣдникомъ въ Кишиневѣ. Его семья (онъ былъ женатъ на Ек. П. Раевской) была той средой, въ которой Пушкинъ находилъ въ Кишиневѣ всего больше пищи для души и отдыхалъ отъ окружающей пустоты. Въ Каменкѣ у Раевскихъ время Пушкина проходило «между аристократическими обѣдами и демагогическими спорами» (письмо къ Гибдичу, 4 декабря 1820 г.). Эти споры продолжались въ Кишиневѣ, у Орловыхъ. Въ томъ же 1821 г. Е. П. Орлова писала своему брату А. П. Раевскому: «У насъ безпрестанно идутъ шумные споры—философіе, политическіе, литературные и др.; мнѣ слышно ихъ изъ тальной кошати». Въ этихъ спорахъ Пушкинъ иногда, по выраженію Орловой, «корчилъ изъ себя жестокаго» («Былое» 1906 г., октябрь, 308). «Дружбѣ легкихъ посланій» шло въ 1821 г. изъ-подъ пера Пушкина много. Слова «Ахилла призракъ величавый» и слѣд. относится къ работѣ Гибдича надъ переводомъ Илиады, часть которой онъ, продолжая трудъ Е. П. Кострова, къ тому времени передалъ въ александрійскіе стихи, но, оставивъ ихъ, сталъ переводить Гомера гекзаметромъ. «Я сокрылся отъ гоненья»... говорить о себѣ Пушкинъ. Ту же мысль встрѣчаемъ въ письбѣ «Къ Овидію», гдѣ Пушкинъ называетъ себя «изгнанникомъ самовольнымъ»;

ссылка на то, что совпала с желанием самого поэта, уставшего от петербургских празд, сидеть и переуслов. В апрѣль 1820 г. онъ писалъ князю П. А. Вяземскому: «Петербургъ дурень для поэта; я заказу краевъ чужихъ; авось подумешный воздухъ оживитъ мою душу» (Черепица П., академикъ, изд. 1, 15). Слова Пушкина объ уединеніи, спасающемъ его отъ хаизы и гордаго глумца», напоминаютъ пьесу 1819 г. «Уединеніе» см. т. 1, стр. 479, 484). Последние стихи выражаютъ взглядъ Пушкина на личную полемику, на борьбу перомъ съ врагами, которая не должна захватывать дѣлькомъ вниманіе поэта и привлекать его только на мновеніе. Намъ можно взять эпитафюмъ къ пушкинскимъ эпитафюмамъ, этимъ быстрымъ, меткимъ ударамъ «поучительной дозой».

264. КАТЕНИНУ КТО МНѢ ПРИИМЕТЬ ЕЯ ПОРТРЕТЪ...

т. II, стр. 60.

Пьеса известна въ трехъ автографахъ. Несколько нечерканныхъ стиховъ есть въ хранящейся въ Импер. Императорской Библиотекѣ записной книжкѣ 1820—1821 г. Шесть послѣднихъ стиховъ находится въ тетради московскаго Румянцеваго музея № 2367 (л. 5), съ поэмтой: «5 апр.». Вся пьеса записана на 8-мъ листѣ известной тетради графа Кашиста. Автографы Пушкина, принадлежащея гр. П. П. Кашисту, сообщеніе Л. П. Маикова, Спб., 1896, стр. 4). Судя по ея положенію въ музеевой рукописи, она относится къ 1821 г. Въ илетневскомъ спискѣ стиховъ Пушкина, предназначеннаго для изданія сборника 1826 г., она датирована 1823 г. Черепица П., академикъ, изд. 1, 296; та же дата повторена въ кашистовской тетради, но Пушкинъ, зачеркнувъ ее, проставилъ 1821 г. Последне появилось впервые въ сборникѣ 1826 г., стр. 135, а затѣмъ въ изданіи 1829 г., I, 135—136. Воспроизводится здѣсь въ его послѣдней редакціи.

Въ 1819 г. Пушкинъ обидѣлъ А. М. Колосову незадуманной эпитафюмой: «Все пльнеть насъ въ Эоирисъ...» см. т. 1, 304, 305). Генеръ онъ жалдѣть объ этомъ и пдвинулъ переть артисткой. Стихи, написанные въ толь періодъ, когда Пушкинъ любилъ писать труднымъ посланіи въ стихахъ, были отправлены Катенину, но не толли до него. Катенинъ прочиталъ ихъ въ собраніи стихотвореній Пушкина 1826 г., гдѣ они были сдлавлены: К...ну, и въ письмѣ 3 февраля спрашивалъ его: «Скажи, пожалуйста, къ какому К...ну ты пишешь пьесу о Колосовой? Многие думаютъ, что ко мнѣ; но я въ первый разъ прочелъ эти стихи въ печатной книжѣ. Пушкинъ отвѣчалъ: «Стихи о Колосовой были написаны въ письмѣ, которое до тебя не толло. Я не выставлялъ полного двояго имени, потому что съ Катенинымъ говорить стихами только о ссорѣ моей съ актрисой покаталось бы лишнего страннмъ» (Черепица П., академикъ, изд. 1, 322, 326). Очевидно, Пушкинъ послалъ эти стихи Катенину толь же, когда они были написаны, и думалъ, что Катенинъ ихъ получилъ 28 августа 1822 г. Катенинъ писалъ Колосовой: Саша Пушкинъ пишетъ ко мнѣ пдѣ. Книшница и на счетъ вась тастъ мнѣ тысячу порученій: пишетъ, про-

сить прощенья и расхваливать на чьемъ свѣтѣ стоить» Русск. Стар. 1893 г., мартъ, 635). Колосова очень интересовалась Пушкинмъ; въ 1824 г. Катенинъ сообщалъ ей слухъ, будто Пушкинъ, живши тогда въ Олесеб, подарилъ пдѣ сылки ор. с., апрѣль, 182—183. Въ 1827 г. Пушкинъ встрѣился съ Колосовой въ первый разъ послѣ его ссылки на югъ; привелъ его къ ней ея неизвѣстная поклонникъ—Катенинъ. Она встрѣила поэта привѣтливо, со смѣхомъ повторила слова его старой эпитафюмы: Рымалеваный бровь...—Полноте, Бога ради, перебилъ онъ меня, конфузель и дѣлаю мою рубу—кто старое помянуть, тому слава конь! Подвохте мнѣ влѣтъ съ вась честное слово, что вы школа не будете вспоминать о моей глумности, о моемъ мальчишескѣ... Слово было тако; мы влодѣи примирились» (Русск. Стар. 1880 г., июль, 371; см. также ея воспоминанія въ Русск. Вѣстн. 1881 г., №№ 4 и 5).

Объ исполненіи Колосовой роли Мошны, одной пдѣ первымъ ея ролей, см. цитированное примѣчаніе въ Гомбъ стр. 304). Въ роли Седмичной въ «Мизантропѣ» Мольера, перевезенномъ на русскій языкъ, Седмичная была определена (Предсѣстною) Колосова впервые выступила 27 ноября 1823 г., и пдѣла пушкинъ успѣхъ П. Араповъ, «Извѣстия русскаго театра», Спб., 1861, стр. 346—347). Эту роль она пучила въ Парижѣ, подѣ руководствомъ знаменитой Марсь дѣид, и П. П. Божеряновъ, «Иллюстрированная исторія русскаго театра XIX вѣка», I, Спб., 1904, примѣч., стр. 21. Въ двѣнадцатый стихъ посланія къ Катенину, который въ рукописяхъ и въ изданіи 1826 г. читается: «Предѣ Медномелонъ, и Мошной», Пушкинъ, готовя изданіе 1829 г., впись дѣстными намекомъ на успѣхъ Колосовой въ этой роли, замѣнилъ Медномелону Седмичной.

265. В. А. ДАВЫДОВУ.

т. II, стр. 61.

Посланіе дошло до насъ въ нечерканомъ черновикѣ, находящемся въ 2365-ой тетради московскаго Румянцеваго музея, лл. 30—31. Впервые оно было напечатано П. В. Анненковымъ въ его изданіи Пушкинъ въ Александровскую эпоху. Вѣстн. Европы 1874 г., № 1; отдѣлъ изданіе, стр. 183—184; исполненіи анненковскіи текстъ В. Е. Якушкинъ. Русск. Стар. 1884 г., апрѣль, 92—93; П. О. Морозовъ, изд. литерат. фонда, VII, 20—21; Л. П. Маикова. Матеріалы для академич. изданія сочиненій П., 101—103 и П. А. Ефремовъ. Сочиненія П., изд. А. С. Суворина, I, 433—435, VII, 31; VIII, 172—174. Здѣсь впервые появляется почти въ полномъ видѣ. Анненковъ не рѣшился напечатать весь пьеса. Передалъ содержаніе стиховъ о смерти митрополита. Анненковъ говоритъ, что подробностей о его похоронахъ находится въ печатныхъ изданіяхъ Пушкина, но толь печатной замѣтки, конечно, значительно различна отъ толь посланія, постолюю отличающагося характеромъ раздвоеніи то неиранича шутокъ. Рѣшился, что посланіе доходить до послѣднихъ предѣловъ глумленія. Анненковъ зачеркнулъ и также совѣтъ замалеть черпками нѣсколько стиховъ въ рукописи поэта.

30 марта съобщилъ я въ Книшницѣ митрополитъ.

Гавриил Банудеско-Бодоин о немъ см. книгу А. Стадишкато, Кишиневъ, 1894 г., и 1 апрѣля Пушкинъ выдѣлъ его похороны, о которыхъ записать въ своемъ дневникѣ 3 апрѣля. Значитъ, посланіе написано въ началѣ апрѣля. М. О. Орловъ женился на Е. П. Раевской 15 мая Бѣлаго 1906 г., октябрь, 307. «Безрукинъ князь — Александръ — посланецъ 1783—1828», поданный въ 1821 г. на Дунабъ во время войны Турокъ; въ битвѣ подъ Дрезденомъ онъ лишился руки, «демократическій хазатъ», въ который облачился Давыдовъ, — воспоминаніе о тѣхъ демократическихъ спорахъ въ Каменкѣ, о которыхъ Пушкинъ сообщалъ Гибдому въ письмѣ 4 декабря 1820 г. В. Л. Давыдова и его брата Александра Львовича, мужа красавицы Адаи, Пушкинъ рекомендуетъ въ этомъ письмѣ какъ смѣлыхъ и умныхъ отшельниковъ. Чаша спасенія, бутылки аниса, бесѣда шумная, напоминаютъ слова этого письма: много шампанскаго, много острыхъ словъ. Ты и такъ, но вѣрному объясненію Анискова, — итальянскіе карбонаріи и Франція, въ которой снова утвердились Бурбоны. Пушкинъ уже мучилъ торжество реакціи, когда писалъ: «пародія тишины хотѣть и долго въ яремъ не треснетъ», хотя самъ еще готовъ былъ надѣяться — счастьемъ насладиться...».

«Умный проказникъ», одинъ изъ братьевъ Каменки, Василий Львовичъ Давыдовъ, однолюбивый братъ генерала П. П. Орлова, родился въ 1792 г.; получилъ французское воспитаніе, пятнадцать лѣтъ поступилъ въ лейбъ-гусары, участвовалъ въ отечественной войнѣ, былъ раненъ подъ Козельскомъ и Лепицкомъ. Въ 1820 г. Давыдовъ вышелъ въ отставку подполковникомъ. Принадлежа къ Южному тайному обществу, Давыдовъ служилъ однимъ изъ самыхъ крѣпкихъ звеньевъ, связавшихъ его съ Сѣвернымъ обществомъ, и состоялъ председателемъ камерской управы тудьянской думы. Причисленный къ виновнымъ I разряда, онъ былъ приговоренъ къ каторжнымъ работамъ на 20 лѣтъ. Умный и добрый, онъ, вѣсть съ тѣмъ, былъ человѣкъ безхарактерный. Скончался въ Красноярскѣ 25 октября 1855 г. О Давыдовѣ см. сборникъ «Декабристы», 86 портретовъ, М. 1906, стр. 93—94. Давыдовъ былъ человѣкъ незаурядный по образованію, уму и остроумію. По разсказу П. А. Якушкина «Записки Лепицы», 1874 г., 68—70, «демократическіе споры и вольнолюбивыя бесѣды происходили на половинѣ Василя Львовича. В. П. Горчаковъ, знававшій его, отмѣняетъ, что онъ щеголялъ какими-то особымъ пріемомъ простоводства». «Москвитинъ» 1850 г., № 2, январь, кн. 2, стр. 152, 2.

266. ЧААДАНЕВЪ. — Въ странѣ, гдѣ я забылъ...
т. II, стр. 62.

Черновикъ этого посланія, нечерканный и неразборчивый, находится въ тетради московскаго Румянцеваго музея № 2365 лл. 26—29; въ болѣе обработанномъ видѣ оно записано въ 2367-ой музейной тетради (лл. 5—7, гдѣ озаглавлено: «Къ

1 Ср. статьи Пушкинъ и Раевскіе и Пушкинъ и декабрьское движеніе.

2 Помѣщаемый здѣсь портретъ Давыдова въ молодости изъ сборника «86 декабристовъ» вполнѣ подтверждаетъ сообщеніе Горчакова, Давыдовъ одѣтъ тутъ, пошлѣнному, малороссійскимъ парубкомъ. *Ред.*

Чадаеву и помѣчено: «6 апрѣля 1821. Кишиневъ». Впервые оно было напечатано въ Слѣбѣ Отечества 1821 г., ч. 72, № 35, стр. 82—84, подъ заглавіемъ: «Къ Ч—ву», съ подписью имени и фамиліи автора и съ помѣткой: «20 апрѣля 1821. Кишиневъ». П. П. Бартевель «Русск. Арх.» 1866 г., ст. 1142 высказалъ по поводу датировки шессы весьма вѣроятное мнѣніе, что посланіе было сначала 6-го, конечно 20 апрѣля; радужется, такая большая шесса, подтверждаемая тщательнымъ перепровереніемъ, не могла быть написана въ одинъ день. Съ нѣкоторыми измѣненіями она была напечатана Пушкинымъ въ сборникѣ его стиховъ 1826 г., стр. 169—172, и 1829 г., I, 177—180. Подробно о текстѣ и о вариантахъ см. въ статьѣ о текстѣ.

Здѣсь укажемъ только, что въ изданіи 1826 г., восемь стиховъ, сдѣлованныхъ за словами: «Умѣлъ я презирать, умѣя ненавидѣть», были замѣнены строкою точекъ, а въ концѣ книги (стр. 191) было сказано: «въ пропуски въ стихотвореніяхъ, означенные точками, сдѣланы самимъ авторомъ». Въ изданіи 1829 г. точекъ уже нѣтъ и не видно слѣдовъ сдѣланнаго пропуска. Происхожденіе этого пропуска таково: четыре стиха о «философѣ» и «картежномъ ворѣ» повторяютъ слова эпиграммы 1820 г., на графа О. П. Толстого (Американца) «Въ жили урядной и презрѣтой...» см. выше, № 233), гдѣ Толстой уже былъ названъ картежнымъ воромъ. О причинѣ ихъ ссоры А. П. Вульфъ разсказывалъ М. П. Семеякову «Прогулка въ Тригорское», Сибурск. Вѣдом. 1866 г., № 139; А. Манковъ, Пушкинъ, Слѣб., 1899 г., стр. 222, что, судя въ Михайловскомъ, Пушкинъ ураздился въ стрѣльбѣ въ дѣлѣ и отговаривалъ стрѣляться съ Толстымъ, такъ называемымъ американцемъ Толстымъ. Гдѣ-то въ Москвѣ Пушкинъ встрѣтился съ Толстымъ за карточнымъ столомъ. Была игра, Толстой передернулъ, Пушкинъ замѣтилъ ему это. «Да я самъ это знаю.» — отвѣчалъ ему Толстой, — «но не люблю, чтобы мнѣ это замѣчали». Велѣдствіе этого Пушкинъ намѣревался стрѣляться съ Толстымъ и, готовясь къ этой дѣлѣ, ураздился въ стрѣльбѣ. Разсказъ не внушаетъ особаго довірія въ томъ отношеніи, что едва ли Толстой и Пушкинъ поссорились изъ-за карточной исторіи; замѣтимъ, что Вульфъ или Семеяковъ, ошибся, указывая, что игра происходила въ Москвѣ; тамъ Пушкинъ не бывалъ почти съ дѣтства до возвращенія изъ Михайловскаго. Отношенія ихъ остались съ виду дружескими, хотя это не помѣняло Пушкину написать на Толстого извѣстную эпиграмму. 18 октября 1822 г. Пушкинъ писалъ брату, укоряя его за то, что тотъ показалъ одно его письмо Плетневу: «вся моя ссора съ Толстымъ происходить отъ нескромности К. Шаховскаго». М. П. Лопшиновъ Русск. Арх. 1866 г., ст. 1752) думалъ, что, «вѣроятно, первая эпиграмма Пушкина дошла до графа Толстого черезъ нескромность князя А. А. Шаховскаго». Въ первой печатной редакціи посланія о Толстомъ было напечатано: «глуца—философа». Поэтъ, увидѣвъ это въ печати, писалъ П. П. Гречу 21 сентября 1821 г.: «зачѣмъ глуцезъ? стихи относятся къ американцу Толстому, который вовсе не глуцезъ, по лишній брать не бѣда». Тутъ же Пушкинъ задѣлъ М. Т. Каченовскаго — «не изъ ненависти къ нему, — признался поэтъ въ письмѣ къ Вяземскому 2 января 1822 г., — но чтобы поставить съ нимъ на одномъ ряду Американца Толстого, котораго презирать мудренѣе». Эпиграфомъ въ Кавказскомъ Пѣвнникѣ Пушкинъ хо-

ВАСИЛИ ЛЬВОВИЧЪ ДАВЫДОВЪ
въ молодости.

Тебѣ было вѣсть стихи изъ посланія князя Н. А. Вяземскаго къ Толстому: «подъ бурей рока—твердый камень, въ волненьяхъ страсти—легкій листъ», но отъ этого эпитрафа Пушкинъ откасался, хотя онъ ему очень понравился: «понимаешь, почему не оставилъ его?»—писалъ онъ Вяземскому 14 октября 1823 г.; очевидно, поэтъ болелъ почитать читателямъ новость къ сравненію и сопоставленію популярнаго Американца съ павлинкою, а Толстому—къ какому-нибудь новому вранью и хвастовству. Вяземскому очень не понравились стихи о Толстомъ въ посланіи къ Чаадаеву, и, готовя сборникъ своихъ стихотвореній, Пушкинъ, по совету друга, исключилъ эти стихи изъ посланія: «вымарать я стихи, которые тебѣ не понравились»,—писалъ онъ Вяземскому въ серединѣ апрѣля 1825 г.—единственно для тебя, изъ уваженія къ тебѣ, а не потому, что они другимъ не по вкусу. Вяземскій былъ очень друженъ съ Толстымъ и въ стихахъ своихъ и разказалъ объ американцѣ выказавъ глубокую симпатію къ нему. Сочин. Вяземскаго, III, 161—163; VIII, 58—60. Брату, который вѣдѣлъ съ Плетневымъ хлопоталъ по плану, Пушкинъ писалъ тогда же: о посланіи къ Ч. скажу тебѣ, что поощренія повторять не нужно. Толстой пишетъ у меня во всемъ блескѣ въ Епифанѣ Обишша, если его насквиль этого, стонъ, и посему попроси его эпитраму и пр. отъ Вяземскаго (непрѣменно). Эта эпитрама насквиль намъ недовѣстна. Можно думать, что она-то эта и не стала причиной дули между Толстымъ и Пушкинымъ, который немедленно по приѣздѣ въ Москву хотѣлъ драться съ Толстымъ; но противниковъ помнили общие пріатели, и бывшіе прати поэту

жилъ. Впрочемъ, несмотря на обшакеніе съ Толстымъ, который въ 1829 г. былъ даже сънотомъ поэта, Пушкинъ отвѣтъ ему обшакеніе мѣсто въ Обишнѣ, безъ злобы и раздраженія придалъ нѣкоторымъ его чертамъ секретанту Денекато Зарѣцкому П. Тернеръ. Съ кого Пушкинъ писалъ Зарѣцкаго?—Русск. Стар. 1908 г., февр., 419—427.

Два слѣдующіе стиха направлены противъ литературнаго противника всего карамзинскаго кружка—М. Е. Каченовскаго, который въ «Вѣсти. Европа» поощивалелъ иногда неслышаннымъ: «Дужницкіи старецъ»; имя «Дужниковъ» можетъ быть разематриваемо или какъ родительная надежъ слова Дужники—часть Москва, гдѣ жилъ Каченовскій, или какъ пуготная фамилія, ясно намечающая на Дужницкаго старца. Стихи: П слетелъ разбиратъ шривую затѣю... обидѣлъ Н. А. Катенина, который, не понимая, что дѣлеть рѣчь петь о слетѣннхъ, отравившихъ существованіе Пушкина въ послѣдніе мѣсяца перель его высылкой изъ Петербурга, увидѣлъ намекъ на свою коменію Сидетни и попеналъ на это Пушкину изъ петрошевнхъ, но такъ писалъ. Пушкинъ отвѣталъ ему 19 июля 1822 г.: Ума не приложу, какъ ты можъ вѣсть на свои счетъ стихи... Это простительно всякому другу, а не тебѣ. Развѣ ты не знаешь несчастныхъ опеченей, коихъ я былъ жертвою, и не двоилъ ли дружѣй по крайней мѣрѣ такъ понималъ я тебя, обладая я первымъ извѣстемъ объ опечнхъ? Черезъ два дня Пушкинъ писалъ брату: Если увидиши Катенина, увьри его, ради Христа, что въ посланіи моемъ къ Чаадаеву нѣтъ ни одного слова объ

немь». В письмах и стихах Пушкина 1820—1821 гг. часто встречаются жалобы на «слезливую шумную глумову», «шопот клеветы»...

Известно, как Пушкин в молодости любил Чаадаева. Разбираемое послание к нему — отчет младшего друга старшему, друму-му другу, высокому литературному и нравственному авторитету в словах поэта. Это настоящая исповедь высоко настроенного сердца и просвещенной уморной работоподатель собою души. Пушкин одишавать пережитая им неавно впечатлѣній. Чужане изъ Петербурга совпадало съ желаніями самого поэта, который писалъ въ 1820 г. «Погасло дневное свѣтло...; Некапель новыхъ впечатлѣній, я васъ бѣжалъ, отечески край; я васъ бѣжалъ, интомы наслажденій, минутной младости минутные друзья... Эти стихи стоятъ въ связи съ словами разбираемаго посланія о бездумцахъ молодыхъ и о «сѣбѣхъ», разорванныхъ поэтотъ, который вскорѣ, въ стихахъ «Къ Овидію», называетъ себя цѣланикомъ самовольнымъ». Поэтъ съ наслажденіемъ, съ чувствомъ нравственнаго удовольствія разсказываетъ другу о своей новой жизни; это мѣсто посланія даетъ очень важныя свѣдѣнія о тогдашней душевной жизни Пушкина, о его старинныхъ «статѣхъ съ вѣкомъ параній», познать «заботы, дѣлы и системы». Пушкинъ тогда много читалъ; книгами его снабжали М. Ф. Орловъ, П. П. Пизовъ, П. С. Пущинъ, П. П. Липранди (Русс. Арх. 1866 г., III, 1260—1261). Послание проникнуто дружеской любовью и благодарностью. Чаадаевъ не только былъ для Пушкина нравственной опорой, но въ 1820 г. въ критическую минуту сумѣлъ придти ему на выручку и своимъ внимательствомъ помочь ему поспѣть изъ Петербурга на югъ, а не въ менѣе теплые края. «Стройнѣе възоръ, сочетающійся съ внутреннимъ жаромъ, всегда мудреца, а иногда мечтателя, вътреной толпы безстрашный наблюдатель» — эти черты даютъ великолѣпный обликъ Чаадаева. Только съ нимъ, «единственнымъ другомъ», Пушкинъ могъ говорить о «системахъ и дѣлахъ», которыми такъ страстно доискивался Чаадаевъ. Внеслѣдствіи Пушкинъ охладѣлъ къ Чаадаеву, и благотельное вліяніе этого человека на Пушкина изсякло, но Чаадаевъ не пересталъ гордиться своей ролью въ жизни Пушкина; когда, въ началѣ тридцатыхъ годовъ, П. П. Барнецевъ въ своихъ статьяхъ о молодости Пушкина не сказалъ о немъ ни слова, Чаадаевъ обидѣлся и жаловался С. П. Шевырѣву: «это умышленное забвеніе отношений моихъ къ Пушкину глубоко тронуло меня... Барнецевъ находить, что до этого шикому нѣтъ дѣла... Надвось, однако жь, что будущее біографіи поэта заглянуто и въ его стихотворенія... Неужто г. Б. думаетъ, что встрѣча Пушкина въ то время, когда его могучія силы только что стали развиваться, съ человекомъ, котораго впоследствіи онъ называлъ своимъ лучшимъ другомъ, не имѣла никакого вліянія на его развитіе?» (А. Майковъ, Пушкинъ, Спб., 1899, стр. 327—328). Въ томъ же 1821 г. Пушкинъ записалъ въ своемъ дневникѣ, отъ котораго до насъ дошелъ одинъ листокъ: «Получилъ письмо отъ Чадаева. Другъ мой, упрки твой жестоки и несправедливы; никогда я тебя не забуду. Твой дружба мнѣ замѣнила счастье, — одного тебя можетъ любить холодная душа моя...»

Вольнолюбивыя надежды, напоминающія известное посланіе къ нему же 1818 г.; съ общаіями сочизнѣ посвящать души высокіе порывы.

Отвѣтимъ кстати, что въ поступившемъ въ Импер. Публичн. Библиотеку бумагахъ П. П. Шильдера отыскалась копія этого посланія, относящаяся къ тому же году и добытая, вѣроятно, путемъ почтовой перлюстраціи. Это слово, «вольнолюбивый», заставило цензуру вычеркнуть изъ

Слова Отечества: весь стихъ, вошедшій въ пьесу впервые въ изданіи П. А. Ефремова, 1880 г.). По этому поводу Пушкинъ писалъ Гречу 21 сентября 1821 г.: «Ужъ эта мнѣ цензура! жаль мнѣ, что слово вольнолюбивый ей не нравится, оно такъ хорошо выражаетъ наибѣшее liberal, оно прямо русское, и вѣрно почтенный А. С. Шинковъ дастъ ему право гражданства въ своемъ словарѣ, вмѣстѣ съ шаротыкомъ и съ тонгашичемъ». Такъ какъ этотъ стихъ былъ выброшенъ, то пришлось для связи предыдущаго стиха съ послѣдующимъ замѣнить слово Писъ въ послѣднемъ другимъ словомъ, и редакціи придумалась глупая, что вызвало см. выше ибкаторе невольность Пушкина. Шеншинъ, о которомъ упоминается въ послѣднемъ стихѣ и имя котораго Пушкинъ въ печати замѣнилъ ***, должно быть, явился въ глазахъ Пушкина и Чаадаева символомъ скуки и пошлости. О немъ Пушкинъ упоминаетъ въ посланіи къ кн. А. М. Горчакову, 1819 г., какъ о «царѣ вилато, бездумнаго собранья», т. е. Бутурлинѣ, неавно законодатель, а скука — председатель. О баронѣ Дим. Андр. Шеншинѣ (1790—1874 г. г., см. Остаф. Архивъ кн. Вяземскихъ), III, прим. В. П. Сапжова, стр. 685—686; «Вѣсти Европы» 1887 г., декабрь, 436; Сочин. Пушкина, изд. Суворина, ред. Ефремова, VIII, 137; «Былое» 1906 г., апрѣль, 188—189; Русс. Арх. 1906 г., III, 616—617; Черешневъ Я. К. Грота съ П. А. Пастернакомъ III, 301, 312; Сб. П. Р. Пст. Об., т. 78, стр. 249. А. О. Смирнова «Русс. Арх.» 1895 г., II, 197 говоритъ о немъ какъ объ извѣстномъ слезникѣ. 3)

Вѣднскій отнесъ посланіе къ Чаадаеву къ числу «чисто-пушкинскихъ» пьесъ, въ которыхъ найдете чистую поэзію, безукоризненное искусство, полное художество». П. В. Анненковъ «Материалы для біографіи П.» 2-е изд., стр. 82—83, говорить, что оно «по твердости кисти, мѣткости анкетовъ и простотѣ поэтическаго языка есть первообразъ знаменитаго посланія «Вельможѣ». Слова Анненкова Пушкинъ въ Александровскую

1 Мы даемъ мѣсто этимъ свѣдѣніямъ о Шеншинѣ, потому что, за исключеніемъ П. О. Морозова и насъ, всѣ редакторы *** замѣняютъ фамилію Шеншинъ, П. О. Морозовъ въ изд. «Провѣщенія» 1903 г., т. I, стр. 366, первый определенно записалъ:

«Въ черновой рукописи посланія къ Чаадаеву 1821 г. (моск. публ. музей № 2367, л. 7 оборотъ), вполнѣ четко написано: Гош ты Шеннига отъ нашего порога».

Мы привѣряли указаніе Морозова по рукописи и вполнѣ его подтверждаемъ. Поэтому мы тоже въ текстѣ посланія къ Чаадаеву приняли чтеніе Шеннига, а не Шеннингъ, хотя въ пушкинской литературѣ ничего о Шенингѣ неизвѣстно. Вполнѣ определенныя указанія и пушкинскаго текста считаемъ для себя обязательными. Въ посланіи къ Горчакову (т. I, стр. 577) мы, на этотъ разъ не соглашались съ П. О. Морозовымъ, приняли чтеніе Шеннингъ, потому что тамъ рукописи Пушкина нѣтъ, а въ черновоточникѣ Шенингъ. Ред.

эпоху», стр. 156), что «спокойная, мудростическая тонкость» находится в совершенном противоречии со всем, что мы знаем о быстрой жизни Пушкина в эту эпоху, вызвали справедливое возражение В. А. Микотина «Из пушкинской эпохи — Сборник Русс. Богатства», II, 1900 г., стр. 209: осторожность дивела в дипломатический биографа чересчур далеко и сообщила ему некоторую благодарность... Если бы даже у нас не было бы никаких сведений о подробностях жизни Пушкина в Кишиневе, одного перечня созданных и задуманных там здесь произведений было бы достаточно, чтобы видеть, как энергична и плодотворна была его работа за это время.

267. КЪ МОЕЙ ЧЕРНИЛЪНИЦѢ.

Т. II, стр. 61.

Пьеса находится в рукописи московского Румянцева музея (№ 2365 лл. 31 и 33). Впервые она была напечатана в посмертном издании т. IX, стр. 245—248, с пропусками и ошибками, поэмному возстановленным и исправленным Аппенковым, Ефремовым, Якушкиным, Морозовым и Я. Маиковым. В тетради, где записаны эти стихи, недостает двояка листа 32-го, и поэт стиха: «В немъ быстрый чередою... слышеть пробѣгъ, впрямую, довольно значительный. В концѣ пьесы помѣна: «Кишиневъ, II апрѣля 1821». Печатается здесь с подлинника; о вариантах см. въ статьѣ о текстѣ.

Стихи «Къ моей чернилъницѣ» написаны, по видимому, одновременно съ посланиемъ Чаадаеву, о которомъ такъ тепло и вѣжливо упоминаетъ Пушкинъ въ концѣ пьесы. Они вводятъ насъ въ тайны пушкинскаго творчества и знакомятъ съ филологией поэзии. Пушкинъ самъ рассказываетъ, какъ часто случалось ему добавлять съ перомъ въ рукѣ и забывать назначенныя друзьями чашъ похмѣля. Можно горько пожалѣть, что то насъ не дошло, впрямую, находившееся на вырванномъ листѣ описание «мира воображенна», и поэтъ не рассказалъ намъ, какія видѣния носились передъ нимъ въ волшебной дымкѣ, окутывавшей его чернилъницу въ эти вихорливые часы. Рассказъ о такихъ видѣнияхъ онъ оставилъ въ «Осенн», 1830 г.: «Душа стѣбается лирическимъ волненьемъ... И дуть ко мнѣ идетъ незримый роиствен, знакомцы давние, плоды мечты моей... И поэтъ рисуетъ дѣкую галерею видѣний—тутъ и Русландъ, и Скауной Рыцарь, и Ольга съ Татьяной. Можетъ быть, и здѣсь, передъ нимъ «быстрою чередою пронеслись подобная видѣния. Въ такіе минуты ему шлолось свободно и детко, и онъ самъ дивился той простотѣ и легкости, съ какою ему давались новое сочетаніе словъ, новая странная рима. Въ Домикѣ въ Колодежѣ онъ съ мулаткой удивительно скакалъ: «Вдѣ рюмы запросто со мной живутъ: дѣв притутъ сами, третью приведутъ». Въ этомъ небрежномъ наброскѣ —замѣтилъ П. Ф. Сумцовъ (Харьковск. университет. сборникъ въ память П., 1900 г., 62.— заслуживаетъ вниманіе признаніе поэта, что концы стиховъ открываютъ иногда нежданное стеченье звуковъ или словъ, другими словами—открываютъ для ума новые перспективы и для сердца новые источники сильного чувства). Сти-

хотворение бросаетъ свѣтъ на поэтѣ Пушкина о «дѣвн», томъ казущемся бездѣтствѣ, въ лицахъ которого явнотъ творческая думка, которое поэтъ призываетъ Сопѣ, 1816 г.: «Приди, о дѣвн, приди въ мою пустыню!.. Уми меня, воли моей рукою: все, все твое: волю, красоту, кротость и дѣра!» Пушкинъ обозрываетъ въ небесныхъ словахъ свое творчество, ставшее свободоу, радости жизни и природоу, каемнншнее дѣбу и пощдотъ веселой антрамомъ и не заматншнее — ни дѣство, ни пѣвнотъ. Отвѣчая на удрекн друзей, ожидавшихъ отъ него письма, поэтъ превосходно характеризуетъ свою переписку съ ними, живо и полно отражающую всю его жизнь. П. П. Бартевевъ

Русс. Арх., 1866 г., 113—114, цитируя это мѣсто, обращаетъ вниманіе на чрезвычайную силу сознанія, которая проявляется у Пушкина въ самыхъ мелочахъ. Кто читалъ внимательно его письма къ близкимъ людямъ, тотъ вѣрно замѣтитъ, что въ послѣднихъ трехъ стихахъ слышеть характеръ его дружеской переписки. Пьеса произошла «расточнымъ и свѣдлымъ» духомъ, и очень трогательно переходитъ къ Чаадаеву, которому поэтъ добавляетъ свою чернилъницу, вѣра, что дружба сохранитъ ее неприкосновенной, что она останется вѣкъ живая.

Ближескіе, пользовавшіеся посмертнымъ изданиемъ, гдѣ стихи были вѣрнотъ помѣщены въ числѣ лирическихъ, удивлялся, какъ рано проснулся въ Пушкинѣ артистическіе элементъ. Еще отрокомъ... и т. д. Аппенковъ см. его пдате сочин. П., II, 308 — удивилъ въ нихъ послѣдній отголосокъ длинныхъ и деткихъ посланій во вкусѣ Батюшкова, которыми Пушкинъ началъ свое литературное поприще.

268. ХРИСТОДЪ ВОСКРЕСЪ...

т. II, стр. 65.

Автографъ этой пьесы находится въ тетради московскаго Румянцева музея (№ 2365 лл. 24 и № 2367 лл. 8); въ послѣднемъ болѣе отдѣланнн текетъ, вышезначенное заглавіе и дата: «12 апрѣл». Судя по положенію вьсреди черновиковъ, она написана въ 1821 г.; Ефремовъ Сочиненія П., изд. А. С. Суворина, I, 452; VIII, 181) вѣрнотъ описъ ее въ 1822 г., а Морозовъ Сочиненія П., изд. «Проевѣщенія», I, 289, по ошибкѣ помѣтилъ ее 12 февраля. Въ первый разъ она была напечатана, съ вѣрнотъ списка, въ берлинскомъ томикѣ стихотвореній Пушкина, изданномъ въ 1861 г. Русскимъ П. В. Гербелемъ, стр. 26, 228, 236, съ примѣчаніемъ: «написано къ одной кишиневской сирѣткѣ, бывшей въ 1821 г. предметомъ вѣжнотъ привязанности нашего поэта». Аппенковъ «Пушкинъ въ Александровскую эпоху», 178) говоритъ: «лирическія эпиграмы къ сирѣткѣ, сохранившеюся отъ одного постояльца дома, довершаютъ рядъ застольныхъ эпиграммъ... и произведеній... оставшихся у Пушкина отъ кишиневской жизни и написанныхъ для похмѣи пріятелей». Еврейска упоминается въ началѣ Гайрильда; о немъ говорится въ наброскахъ о кишиневскихъ дамахъ: «Вотъ Еврейска съ Тодорашкой» и въ вариантахъ посланія къ Алексѣеву (№ 270). Есть извѣстіе, что Еврейска называли М. Е. Эйфельтъ; за сея воображаемое сходство съ Релеккой изъ романа Вальтера Скотта «Авенго».

О Гренкѣ Пушкинъ иногда спрашивалъ И. С. Алексеева, который писалъ ему 30 октября 1826 г., въ отрывкѣ на разспросъ о кишиневскихъ знакомыхъ: «дева кишиневская оупетъ была... одна Гренка осталась на своемъ мѣстѣ... Гренка, отъѣзжая Алексееву, Пушкинъ вспомнилъ Гренку. Упоминаніе въ письмѣ Пушкина къ Алексееву, 26 декабря 1830 г., объ Гренкѣ, которую такъ долго и такъ упорно гонять ты отъ меня, показываетъ, что этой Гренкой была именно М. Г. Фихфельдъ, о ней см. ниже, № 282. Отвѣчая на это письмо, Алексеевъ извѣдывалъ Пушкина, 14 января 1831 г., что Гренка отъѣздила. Мужъ М. Г. Фихфельдъ скончался въ 1827 или 1828 г. (см. дѣла Архива умразвѣщеного Поворосса и Бессарабск. генералъ-губернаторъ управленія, №№ 190—192, 1825 и 1828 г.). Можеть быть, дѣлькъ рѣчь итеть о настоящей евреинкѣ корчешнѣ, а не объ Фихфельдѣ. Сообщая въ письмѣ Валеевому въ концѣ декабря 1822 г. или началѣ января 1823 г. нѣсколько пакостей, Пушкинъ послалъ другу въ числѣ ихъ и эти стихи, В. И. Боровой. Письма П. и къ П.-ну, стр. 13—15) напечаталъ ихъ со старинной копіи.

269. ПАНЕРСНИЦА ВОЛШЕБНОЙ СТАРИНЫ...

(Г. II, стр. 65)

Автографъ этой пьесы, бывшій у П. В. Анненкова, находится въ библиотекѣ академіи наукъ, въ мажорковской коллекціи, по словамъ описанія которой Пушкинъ и его современники (IV, 3, № 5), это блондон списокъ, съ цѣнными поправками, на четвертушкѣ синей бумаги. Съ этого подлинника впервые напечаталъ ее Анненковъ въ своихъ Материалахъ (1-е изд., стр. 35, 40—41), съ замѣчаніемъ, что въ ней Пушкинъ соединилъ въ одной, удивительно изысканной рамѣ лицейскія воспоминанія съ воспоминаніями своего младшечества, видѣнія семнадцатого года съ портретомъ бабушки, Марьи Алексеевны, занимавшей его ребячскія дѣла. Автографъ неостуденъ см. Пушкинъ и его современ., IV, 1—2; Анненковъ не датировалъ пьесы. Геннади въ своемъ изданіи (Г. I, стр. 258) напечаталъ ее подъ 1821 г., и съ тѣмъ поръ она такъ и датируется. Геннади руководствовался, вѣроятно, близостью этой пьесы по духу и содержанию къ Музѣ, посвященъ поѣздѣ 14 февраля 1821 г., и съ пѣвотворнымъ приключеніемъ, можно принять гениальское опредѣленіе И. С. Авакьянъ (сб. Пушкинъ, II, М., 1885, стр. 189) обратилъ вниманіе на ея зрѣлое художественное совершенство. Несомнѣнно, она не могла принадлежать къ раннему періоду пушкинскаго творчества. О Музѣ, такъ напоминающей это стихотвореніе, Пушкинъ сказалъ, что она отъзывается стихами Батюшкова. Ты была младенцемъ, и тебѣ дѣлалъ весь Парнасъ, и

3) Головка, которую мы дали на стр. 65, какъ будто говорить о томъ, что Пушкинъ заинтересовался въ Кишиневѣ настоящею евреинкою. Перехвативъ конецъ стихотворенія, обращенія Ревенка, указавша на Моисея, противоположенія Христа, все это обилие указаній на евреинство, только призываетъ къ мысли, что тутъ рѣчь итеть о настоящей евреинкѣ. *Ред.*

Музѣ, съ дѣтскими и бѣди, качая колыбель у сурь, обо рукахъ.

Всѣмъ, что возможно, что поэтъ действительно вспоминаетъ о своей бабушкѣ, хотя изъ самого стихотворенія прямо этого не видно. Описанная дѣвчонка старѣе, чѣмъ она могла быть и итней. Въ письмѣ Соколову, 1816 г., поэтъ подобными чертами описалъ своего маменьку, разказывавшую ему сказки, отъ которыхъ онъ въ вымыслахъ носился юныи умъ. Вѣрнѣе будетъ думать, что дѣвчонка не опредѣленная, реальная фигура, не портретъ одного, а не другого лица, а сущее явленіе черты двухъ старухъ, попутно его младенца. Ученства въ одномъ образѣ, въ которомъ поэтъ увидѣлъ въ первое воплощеніе своей музы. Когда изыскано ома, тованіе старухъ-сказочницъ, муза сумѣла явиться роизоизу въ новомъ видѣ, еще пѣвотворнѣе и краше, — какъ дѣва таинная, и учила его подлинъ въ сдѣланной гонѣ любви. Муза, въ таинственности, дахъ долинахъ, весной, при кликахъ лебединыхъ, была, ить вотъ, сдѣланныхъ въ жизни съ Евгеніи Фигининой, 1809. Описание красавицы-Музы въ разбираемыхъ стихахъ такъ реально и конкретно, при удивительной чистотѣ и изысканности, что можно думать, ить ли въ ея образѣ чертъ какой-нибудь красавицы, пѣвотворнѣе молодого поэта. Въ галереѣ созданій пушкинскаго вдохновенія эти подурндраричные, воздушные лики Музы-старушки и Музы-красавицы принадлежатъ къ самымъ прекраснымъ, вызывающимъ радость и удивленіе. Удающаяся и талантливая Кохановская стѣлаа два товодно рѣвотворныхъ предположенія. Первое: что эта пѣснь о Музѣ была задушевною пѣснью Пушкина, которую онъ не сбились подѣлаться съ публикою, и такимъ образомъ она забылась и затерялась въ его бумагахъ. И второе: что она написана послѣ Музы: Въ младенчествѣ моемъ... Высокохудожественный, но вводя классическій образъ этой Музы, по всей вѣроятности, не удовлетворилъ живыхъ ощущеній поэта, принимавшихъ подлинъ и многообразіе его душою въ наитіи ласкающаго вдохновенія; и потому еще: онъ не удовлетворилъ самобытности творческаго представленія Пушкина въ образахъ его фантазии. И вотъ, отвергнувъ имя и самую память преданій древняго классицизма, является намъ эта панерсница волшебной старины, со всею душою предсталою простою и жизненнымъ образомъ, со всею самобытностью народнаго представленія поэта... Какая трагія въ преображеніи этого образа! Дѣвчонка все фантазия, начиная отъ мысли до поэтическаго образа, придаваемого ей. И въ самомъ этомъ мѣстѣ восторженнои поэтической грезѣ Пушкинъ могъ внести такіе различные образы, что биографъ его въ состояніи назвать ихъ по имени... (Русск. Бесѣды, 1859 г., № 5, стр. 53—55).

270. АЛЕКСЕЕВУ.

(Г. II, стр. 66).

Посланіе къ Алексееву находится въ тетради московскаго Румянцеваго музея № 2367 л. 13—14, подъ заглавіемъ: А—ву и съ тѣмъ: 1821 г. Оно было напечатано, въ болѣе обработанномъ видѣ, чѣмъ въ музейной рукописи, въ Подарной Заблѣдѣ на 1825 г., стр. 109—110, и въ сборникѣ стиховъ Пушкина, 1826 г., 133—134, и 1829 г., 1.

132—134). В рукописи оно гораздо пространнее, чем в печатной пушкинской редакции: там последнюю, осылая читателя, интересующуюся парантами, как статья о телеги.

О Николае Степановиче Алексееве, имя которого едва-едва известно его друзьям с Пушкиным, сохранилось очень немного, в разговорах П. П. Антрапи и Ф. Ф. Вигеля, знававших обоих друзей в Кишиневе. П. С. Алексеев был старше Пушкина лишь на десять; он родился в Москве, учился в французском пансионе Форесвиля, был одно время в военной службе и участвовал в борюцком бою. Он приходился родственником П. Д. Киселеву, начальнику штаба второй армии; Киселев описывал его в статье памфлетчика Бессарабской области Бахметова. Пушкин застал его в Кишиневе, где он жил уже с 1818 г. Ф. Ф. Вигель (Записки VI, 114—116) говорит, что это был типичный москвич, со «столичным», благородным видом». Он бывал у Орлова, куда приходил посредством летошного московского оппозиционного духа. Для него, по крайней мере, знакомство сие было полезно, ибо оно сблизило его с Пушкиным, который и писал к нему известия послания в стихах. Они подружились и одно время жили вместе; у Алексеева, разказывая Вельтману, была полная сборка произведений Пушкина, многиа из которых не могли быть изданы (С. Маинов, Пушкин, стр. 124, 125). Он, по словам Антрапи, был вполне достойн дружеских к нему отношений Александра Сергеевича. У них были общие знакомые в Петербурге и Москве; и в Кишиневе Алексеев, будучи старожитом, имел Пушкина во всеобществе. Русская и французская литература не были ему чужды. Словом, он из гражданского чиновников был оный, в лице которого Пушкин мог видеть в Кишиневе подобие образованнм столичным людям, которых он привык видеть. Он обладал хлещковремем и тактом; при столкновении Пушкина с подкомником С. П. Старовым он способствовал примирению противников и успокоил Пушкина во время скандала с боярином. Говором Балшем, в Петербурге Алексеев навещал Пушкина. В середине марта 1824 г. Пушкин прибыл в Кишинев и прожил дв недѣли у Алексеева (Вигель VI, 152). В его бумагах сохранился отрывок известной статьи Пушкина о русской исторіи XVIII вѣка. Впоследствии он переписал всь. В концѣ 1826 г. Алексеев обратил Пушкина сердечным, теплым письмом, в котором вспоминал трехлѣтнее пребываніе поэта в Кишиневѣ, разказалъ ему о кишиневских знакомых. Пушкин отгадилъ ему всь всь дружеским письмом 1 декабря 1826 г. В 1827 г. Алексеев писал Пушкину, сержива пропуски, в которых полагал к нему было начертано: Я намеренъ объявить тебѣ лавнище мое нехудо, вольте на фигуру и на издательск. литер. А не показывается еще Алексеева, а выкинутые лучшие стихи испорчили всю вещь. Намеком всьго проку тебѣ—исправь эту ошибку; мое самодовольное желаніе было, чтобы черезъ нѣсколько лѣтъ сказали: Пушкинъ былъ пріятель Алексеева, который не равнялся съ нимъ ни въ славу, ни въ позаняхъ, превосходилъ всьхъ чувствами привязанности къ нему. Тамъ же менѣе, въ изданіи 1829 г. стихотвореніе было начертано такъ же, какъ и прежде. В его бумагах Алексеева на

разѣ встрѣчаются цитаты изъ Еврипиды. Въ послѣдній разѣ Алексеевъ подалъ Пушкину въсть писемомъ 23 января 1835 г.: въ скоромъ времени я общию тебѣ сообщу нѣкоторую часть моихъ лависокъ, то есть эпоху кишиневской жизни. Онъ самъ по себѣ ничтоженъ, но, съ присоединеніемъ къ своимъ, могутъ представить нѣчто занимательное, потому что волею или неволею, по нашей участи не разѣ должны столкнуться на пути жизни сѣ. Пушкинъ, I, М., 1881, стр. 86. О лавискахъ Алексеева намъ ничего не известно. Пушкинъ собрался писать свои воспоминанія о жизни въ Кишиневѣ и, намечая на нихъ, сообщалъ Алексееву 26 октября 1830 г.: пребываніе мое въ Бессараби не оставило послѣ никакихъ слѣдовъ, ни поэтическихъ, ни прозаическихъ. Для срока, навѣсь, что когда-нибудь ты увидишь, что много мною не дано. Вь это черновомъ остался слѣдь программы эпикъ лависокъ, относящаяся къ 1833 году (см. Русск. Стар. 1884, сентябрь, 618), но Пушкинъ ихъ не осуществилъ. Умеръ Алексеевъ въ концѣ пятидесятыхъ или первой половинѣ шестидесятыхъ годовъ. О немъ см. въ Русск. Арх. 1866 г., статья П. П. Баранова и П. П. Антрапи россійск. Москвитинъ 1850 г., № 2, январь, кн. 2, стр. 150—151, 156—157. Выдержки изъ писемъ В. П. Горюкова; Моск. Вѣст. 1838 г., № 19, стр. 80. П. П. Антрапи, Записки на воспоминанія Ф. Ф. Вигеля, М., 1873, стр. 120, 113, 186—187; Пересыска Я. К. Гроза съ П. А. Плетневымъ, III, 401—412.

Последніе два-три слѣдующимъ обстоятельствамъ Алексеевъ былъ въ связи съ М. Е. Жуковскимъ (о немъ см. №№ 268 и 282), разѣ которъ остался на долгое жителство въ Кишиневѣ, не желая воспользоваться заманчивою возможностью перейти на службу въ Одессу къ Воронцову (Вигель VI, 116; Антрапи, 1225). Но мнѣнію Антрапи, Пушкинъ, зная связи Алексеева, не посмѣлъ бы на его права. Но самъ Алексеевъ былъ другого мнѣнія и не желалъ даже познакомиться Пушкина съ женою Жуковской. Пушкинъ и увѣрялъ Алексеева, что не можетъ быть ему опаснымъ, такъ какъ уже неостанетъ удовлетв. Письма 1822 г. Принадлео служить продолженіемъ на ту же тему: она—прекестная Лаура, та и въ Петрарки не дождетъ,—говоришь Пушкинъ. Въ вариантахъ есть стихи: Натѣжъ и Еврипидъ върь; Еврипидъ продался М. Е. Жуковской. Въ письмѣ къ Алексееву 26 октября 1830 г. начинающемся первымъ стихомъ этого посланія, Пушкинъ вспоминаетъ о Еврипидѣ, которую такъ долго и такъ упорно гонялъ ты отъ меча. Стихи о старомъ инвалитѣ, иллюстрирующие ту же мысль объ осторожномъ наперешивѣ, почти тождество повторены въ Еврипидѣ Онѣишѣ г. 2, XVIII; см. также В. Брюсовъ Письма П и въ П-ву, стр. 150, 163. Были еще отнесъ эти стихи къ нѣско пушкинскимъ, въ которыхъ «честая и дѣя, бедужориченное искусство, полное хукожество, безъ матившей прирмѣи проза».

271. III ТАВНО Я ВЪ ЧАСЫ СВОБОТЫ

г. II, стр. 67

Автографъ этого письма находится въ принадлежаніи академика Павла Михайловича Котельни рукописей Пушкина. Онъ написанъ на двѣхъ листѣхъ бумаги, со многими поправками, безъ заглава

Пушкин и его современники IV, 4, № 7. В первый раз шеса была напечатана в посмертном издании IX, 128), под заглавием: «Слованіе». Вдоль до второго «фремовского» издания во всем стих выбрасывался и замещался точками; П. А. Ефремов, Социн, П., изд. А. С. Суворина, т. 397; АИ, 626 впервые восстановили его. В 1861 г. П. В. Гербель, Русскій шикакъ не могъ узнать этого стиха — см. его издание стихотворений Пушкина, Бердичъ, 1861 г., стр. XI—XII; не знает его и П. Н. Баргневъ — Русск. Арх., 1866 г., II 44.

Послание къ Денше Вас. Давыдову, известному партизану 12-го года, было выдано его книжкою «Опытъ теоріи партизанскихъ дѣйствій» М., 1821 г. Пушкинъ знаетъ Давыдова, вбродитъ, еще какъ члена «Арамаза», потому могъ встрѣтиться съ нимъ въ Кіевѣ и Каменкѣ, у тамошнихъ Давыдовыхъ, его родственниковъ. Талантъ его Пушкинъ не только цинично, но даже переосиивалъ, говоря, что оригинальностью своею обязать Давыдову: «онъ далъ мнѣ почувствовать, что можно быть оригинальнымъ» (Русск. Арх., 1874 г., II, 732. В разбираемыхъ стихахъ Пушкинъ тоже говоритъ о «неодолимомъ словѣ». Вращаясь въ военной средѣ, самъ едва не ставши военнымъ, Пушкинъ не считалъ себя чуждымъ военному дѣлу; и тема, взятая Давыдовымъ, и личность теоретика и практика партизанской войны интересовали его, и онъ прочиталъ «уставъ» наѣзника. О Давыдовѣ и объ его отношеніяхъ къ Пушкину см. въ III т. примѣч. къ посланію къ нему 1836 г. Весьма вбродитно, что къ этому стихотворенію относится черновой набросокъ, также 1821 г., «Я слушаю тебя и сердцемъ молодью...» см. ниже, № 301. Бурцовъ, тѣмъ, котораго Пушкинъ закликаетъ Давыдова не унывать до прозы, — боевой товарищъ Давыдова, которому поэтъ-казакъ написалъ нѣсколько замкнутыхъ стихотвореній. О немъ см. замѣтку Е. Г. Вейденбаума въ «Кавказской поминкѣ о Пушкинѣ», Тифл., 1899 г., стр. 54—55. Быть можетъ, эта шеса и вызвала «Отвѣтъ» Денше Давыдова, который писалъ: «Я не поэтъ—я партизанъ, казакъ; я иногда бываю на Пиндѣ, но наскокомъ, и беззаботно, кое-какъ раскидываю передъ кастальскимъ токомъ мой независимый бивакъ»...

Ближній указываетъ на «Слованіе», какъ на одно изъ доказательствъ, что Пушкинъ, «взвѣсивъ за перо по водѣ или по вѣду», уже не могъ не быть художникомъ даже въ свѣтскомъ комментѣ, въ привѣтствіи, возложенномъ приличіемъ».

272. ЖЕЛАНІЕ.

(т. II, стр. 68.)

Стихотвореніе это, появившееся впервые въ посмертномъ изданіи IX, 125, известно въ трехъ автографахъ. Одинъ находится въ хранящейся въ Императ. Публичн. Библиотекѣ записной книжкѣ 1820—1821 гг., лл. 43—45; другой—въ рукописи московскаго Румянцеваго музея № 2365 л. 25; третій, тоже со многими поправками, въ принадлежащей академіи наукъ манускриптъской коллекціи автографовъ Пушкина, на двухъ листахъ. Пушкинъ и его современники IV, 4, № 6. Дата устанавливается по подожженію шесы среди черновинокъ П. Н. Баргневъ — Русск. Арх., 1866 г.,

1137 безъ всякаго основанія отнести ее къ январю или февралю 1821 г., рѣшивъ, что она очевидно (?), выдана свидѣлемъ съ Раевскимъ въ Каменкѣ. Часть мушкетнаго автографа воспроизведена въ стихѣ въ Русск. Вѣстн. 1899 г., ноябрь, 385; на 396—397 стр. таже транскрипція этого снимка.

«Желаніе» полно воспоминаній о Крымѣ и о женщинѣ, которую любилъ тамъ Пушкинъ. Ея имя онъ скрывалъ пощепливо, парадательнымъ именемъ Эльвины; оно встрѣчается и въ лирическихъ стихахъ см. шесы Наѣзника «Къ ней», 1816 г., и въ Оубнѣнѣ т. I, XXXII. Въ эту женщину Пушкинъ влюбился въ Крымѣ. Это видно изъ того мѣста въ Путешествіи Оубнѣна, гдѣ Пушкинъ, описывая Крымъ, говоритъ:

А тамъ, межъ хиженокъ Татарь...
Какой во мнѣ проснулся жаръ!
Какой волшебноею тоскою
Сдѣлалась пламенная грусть!
Но, Муза! прошлое забудь.

Въ концѣ Баухисарскаго Фонтана, гдѣ почти дословно повторены дѣльныя стихи изъ «Желанія», Пушкинъ такъ же останавливаетъ себя, говоря объ этой женщинѣ, и не хочетъ «пророку нескромно свое безумство разглашать». Въ «Разговорѣ» книгопродавца съ поэтомъ 1824 г. Пушкинъ говоритъ:

Одна была—преть ни одной
Дышала я чистымъ умомъ емъ
Люби поэзи святую,
Тамъ, тамъ, гдѣ тыи, гдѣ шесъ чудесный,
Гдѣ льются вѣчная струи,
И находилъ огонь небесный,
Сгорая жаждою любви...

Такая любовь въ жизни Пушкина была, но его признаніе, одна, и судя по обстановкѣ, въ которой протекала она, поэтъ знаетъ эту женщину въ Крымѣ. Эта любовь отразилась въ разбираемой шесѣ и въ другихъ произведеніяхъ Пушкина, между прочимъ въ «Баухисарскомъ Фонтанѣ». Это подтверждаетъ ошибку М. О. Гершензона, искавшаго предметъ этой любви въ Петербургѣ и пытавшагося найти его въ лицѣ княгини М. А. Голциной см. ниже, примѣч. къ №№ 275, 276, 378. Побывать въ Крымѣ Пушкину больше не пришлось, и, когда въ 1824 г. А. Ж. Давыдовъ звалъ его туда, Пушкинъ отвѣтилъ: «Нельзя, мой голетый Аристиппъ!... Въ этихъ пемнои тлущихъ, томныхъ, словно уставахъ строкахъ, гдѣ отражаются «ясныя, какъ радость, небеса» Крыма, отразилась и душа молодого поэта, съ ея жаждой мира и сладкаго содержательнаго покоя, въ тиши котораго зрѣютъ творческія думы, съ ея вѣчнымъ стремленіемъ къ прекрасному, съ глубоко затаенной въ ней жаждою самой чистой, вѣркой вношеской любви».

273. ГРОБЪ ЮНОНИ.

(т. II, стр. 69.)

Известны три автографа этой шесы. Самая ранняя редакція находится въ 2365-й тетради московскаго Румянцеваго музея лл. 43—45, безъ заглавія; другая, съ нѣкоторыми замѣненіями, — въ 2366-й музейной тетради лл. 2—3, гдѣ озаглавлена: «Элегическій отрывокъ» окончательная редакція находится въ тетради гр. Кашиста лл. 2—3, подъ заглавиемъ: «Гробъ юности отрывокъ».

написанным вместо другого, затерянутого: Отрывок из Элегий, и сь помѣтокъ: 1821. — Л. Машковъ. Автографъ П., принадлежаще графу П. П. Кашинову, Сиб., 1896, стр. 3; Материалы для академич. издания сочиненій П., стр. 121—124. Последнній текстъ почти одинаковъ съ печатнымъ. Пушкинъ напечаталъ пьесу въ своихъ сборникахъ 1826 г., стр. 16—18, и 1829 г., ч. 1, стр. 109—111.

Превосходное стихотворение — говоритъ Анненковъ въ своемъ изданіи 1, II, стр. 311 — на видѣно, быть можетъ, известіемъ о смерти одного изъ лицескихъ товарищей Пушкина. Кореяковъ, скончавшагося во Флоренціи, по частнымъ слухамъ, какой бы онъ ни былъ, является здесь въ свѣтломъ отраженіи поэзіи и искусства. Николай Александровичъ Кореяковъ, лицескій товарищъ Пушкина, былъ вынужденъ въ 1817 г. изъ лица опшимъ изъ лучшихъ воспитанниковъ, съ правомъ на серебряную медаль и съ званіемъ коллежскаго ассессора. Онъ умеръ во Флоренціи, секретаремъ нашего посольства въ Римѣ, 26 сентября 1820 г. Въ Италию онъ ухаживалъ уже болонно; прельстившись имъ занималъ на память въ альбомѣ Е. А. Аннедмарту: Боги знаютъ, вернусь ли; Боги знаютъ, увижу ли мѣста, гдѣ провелъ много счастливыхъ и прѣтнхъ дней... Онъ, по словамъ барона М. А. Корфа, былъ однимъ изъ самыхъ даровитыхъ, блестящихъ молодыхъ людей нашего выпуска. Прекрасный музыкантъ, пріятный и острый собесѣдникъ, напнтанный ученіемъ, которое давалось ему очень легко, съ даромъ слова и пера, онъ утѣхъ въ самыхъ молодыхъ дѣтяхъ... Это одна изъ самыхъ чувствительныхъ потерь, которую понесъ нашъ выпускъ, и имя Кореякова, если бы Провидѣніе пролѣзло его жизнь, было бы вѣрно однимъ изъ лучшихъ нашихъ перовъ.

Русс. Стар., 1894 г., № 6, стр. 352. О Кореяковѣ см. т. 1, 138; Н. Селезневъ, Историческіе очерки Пущ. Александр. Лицея, Сиб., 1861, стр. 167, прилож. 147; Русс. Стар., 1902, августъ, 358; Д. Ф. Кабеко, Шесть удивительныхъ мѣствъ «Пушкинъ и его современники», вып. V, стр. 77—78. Въ 1825 г. Пушкинъ возмудилъ Кореякова телло и пѣвко: Онъ не пришелъ къ правымъ нашъ пѣвцы... и т. д. см. выше, стр. 382. Кореяковъ пожелалъ на музыку стихи Пушкина и Падичевского. О Делія драга!... Въ Пирюющихъ ступеняхъ Пушкинъ назвалъ его малымъ нашимъ пѣвцы, любимымъ Аполлономъ...

Изъ переходныхъ пѣснь Пушкина — сказалъ Бѣлинскій — думнхъ тѣ, въ которыхъ болѣе или менѣе протлѣивается чувство грусти... Сколько этой поэтической грусти, этого поэтическаго раздумья въ предѣстномъ стихотвореніи Гробъ юности! Все окончаніе этой прекрасной пѣснн, заключающее въ себѣ картину гроба юности, такъ въ такой свѣтлой, ясной и отрадной грусти, какую знала и дала жить миру только — поэтическая душа Пушкина. А. П. Селезеву, II, въ его поэзи, Сиб., 1882 г., стр. 109, почему-то безъ всякихъ основаній въ тому, субъективное чувство — въ словахъ о женитбѣ, любимицѣ умершаго юности, В. В. Шкодекинъ. Поэтъ и читатель въ лирикѣ Пушкина, Сиб., 1899 г., стр. 9 пишутъ, что матеріаломъ для этой дѣтн послужила лицеская пѣснн Павлышкинъ, 1816 г.; съ этимъ, конечно, нельзя согласиться, но сходство между обоими стихотвореніями есть. Слова: Пришлюкъ толькѣ и будетъ то, что нашъ мы... напоминаеть вариантъ конца пѣсннн Алевсева

№ 270: Прощайъ любви мечтавъ, и будетъ то, чѣмъ я теперь... Вопросъ: Къ чему? — которымъ Пушкинъ обрываетъ рассказъ о скорби той, которая любила юности, предельно характерно для императорскаго мироощущенія Пушкина, который не любилъ по долгу задерживаться на тяжелыхъ чувствахъ и, отъ нихъ имѣя толковое, легко и просто отходить духъ. Такъ же въ Оубитибъ 7, XIV обрываетъ онъ слова о томъ, что о Лесковѣ — на сердца, можетъ быть, еще грустнть... на что грустнть. Вся пѣснн проникнута жаждою мира и покоя. Смерть юности такъ же прекрасна и дѣтла, какъ была дѣтла и прекрасна его жизнь, въ которой не товедетъ ему удаляти измѣны въ дружбѣ и любви, ни ходою чертвонъ старости.

274. КНИЖКА.Ъ.

1, II, стр. 70.

Первоначальная редакція «Книжка», неполная и безъ заглава, находится въ Урашненска въ Пущер. Публичной Библиотекѣ дашенной книжки 1820—1821 г., дд. 45—46 и 64. Вторая редакція, переписанная чужою рукою, находится въ принадлежащемъ московскому Руминовскому музею сборникѣ С. Д. Подгорацкаго № 3015, стр. 104—106; въ этой рукописи конецъ пѣснн, отъ слова: О Зантъ, твои вѣкъ утѣхъ... отписанъ самимъ авторомъ, который, очевидно, въ рукоку, тутъ же подписалъ: *Н. Д. Пушкинъ*. Впервые пѣснн была напечатана въ Подарокъ Звѣздѣ, 1836 г., II, стр. 8—9, затѣмъ переиздана въ Русс. Библиотекѣ 1838 г., 4, 11—12 и въ Русс. Архивѣ 1876 г., III, 211—212. Зѣтъ принятъ текстъ рукописи Подгорацкаго, авторизованной рукою самого поэта.

Пѣснн написана въ 1821 г., какъ видно изъ составленнаго Пушкинымъ списка произведеній 1821 г. Руминов. муз., № 2365, л. 33; Русс. Стар., 1884 г., апрѣль, 103; П. О. Морозовъ, Сочиненія П., изд. Просвѣд., т. 593 безъ объясненія причины отнесъ ее къ году 1821 г. М. П. Ломонозовъ, Русс. Арх., 1866 г., 1749 говоритъ, что это пѣснорымъ известнымъ стихотвореніе «Книжка» написано или, думне сказать, импровизировано Пушкинымъ позже 1821 г., но это сообщеніе, конечно, невѣрно. Въ концѣ мая или въ началѣ юнн 1825 г. Пушкинъ писалъ Жуковскому: «я общалъ П. М. [Карамзину] на годъ ничего не писать противу правительства и не писать. Книжка не противу правительства писать, и хоть стихи и не совѣмъ чисты въ отношеніи слова, но намѣреніе въ нихъ безрѣшио» см. Писма П. М. Карамзина къ П. П. Дмитриеву, Сиб., 1866 г., стр. 290. Общаніе, данное Карамзину, относится къ апрѣлю 1820 г., когда Карамзину пришлось хотѣстновать — переть властимъ до Пушкина, которому грозила хульная участь, желая высылка на югъ. Книжка, тщательно написанъ въ этотъ общаній Карамзину переть затннн Пушкинкой политико-сатирической музы. Графъ Д. П. Якутовъ рассказывалъ П. П. Бартенева, что Пушкинъ предложилъ Карамзину — не раньше 1821 г. изъ Бессарабіи, безъ подписи, стихи свои Книжка. У Карамзинихъ тотчасъ воцарилсь, кто актеръ... Русс. Арх., 1866 г., 1099. Рассказъ П. П. Якушина, Дашиски, изд.

2-ое. М., 1906 г., стр. 50, что уже в 1820 г. не было сколько-нибудь грамотного прапорщика, который бы не дал Кнжале надежды, явно основанной на ошибке памяти. На 64 листке записной книжки с черновым наброском Кнжала находится дата 22 июня 1822 г., но к Кнжалу она, очевидно, не относится. Сборник стихов с автографов русских писателей, изд. ред. Русс. Стар. и О. К. Опошнина, СПб., 1873 г., снм. N 62; прилож., стр. 49.

1821 год еще был временем пушкинских вольнолюбивых надежд, когда они мечтали кровавой чаше причаститься, и имени князю, по вполне справедливому уверению самого поэта не имевшим прямого отношения к русскому правительству, были внушены Пушкину и весьма строгим, его политическим мыслям и связанным воспоминаниями о недавних громких революционных выступлениях в Европе. 23 марта 1819 г. студент юбшпенского университета Карль-Юганъ Заццъ закованъ въ Мангеймъ известнаго писателя Августа Коцебу, бывшаго однимъ изъ столповъ реакціи и не безъ основанія подозрѣвавшаго въ сношеніяхъ съ всемогущимъ тогда русскимъ правительствомъ. 20 мая 1820 г. в. ст. Заццъ былъ казненъ. Онъ долженъ стать однимъ изъ любимыхъ героевъ воображенія поэта, возторгавшагося позитивомъ юнаго правителя.

Ты стоишь даровъ Герострата иль смерти пьнца Коцебу, — писалъ онъ въ эпиграммѣ 1820 г. Такъ же восхищался Пушкинъ Пьеромъ Лувелюмъ, который, рѣшивъ, что родъ Бурбоновъ долженъ быть искорененъ, убилъ 13 февраля в. ст. 1820 г. наследника французскаго престола герцога Берринскаго, отца известнаго впоследствии претендента на французскую корону графа Шамбора Генриха V. А. Е. Родзико разсказывалъ историчу отечественной войны Михайловскому-Дашлевскому, что видѣлъ самъ, какъ Пушкинъ, сидя въ театрѣ въ креслѣ, показывалъ находящимся подъ него лицамъ портреты убійца герцога Берринскаго, Лувеля, съ его нациею: Урокъ царямъ... Онъ привооудилъ, что служба въ гваріи съ 1816 по 1820 годъ, онъ видѣлъ, что духъ либерализма чрезвычайно усиливался между молодыми людьми, и что слѣдующій стихъ, помещенный въ одной изъ его писемъ: Гимнъ Заццу на устахъ, въ рукахъ портреты Лувеля... Пис. и издан. стиховъ В. П. Туманскаго. Черниг., 1891, стр. 11, 147. Въ его права — можетъ быть, намекъ на отчужденность и тѣ Пушкинъ провозглашаетъ непорушимость правъ гражданина и провозноситъ твердость законовъ. См. ст. П. Дериера П. и Родзико. Русс. Арх. 1900, III, 145—148. Среди рисунковъ, встречающихся въ пушкинскихъ бумагахъ 1821 г., есть Рум. муз., N 2365, л. 46; красивая юношеская голова, съ нарисованъ Sand; тутъ же, подъ другою головою, въ почтой повязкѣ, подписано: Magat. Русс. Стар. 1884 г., апрѣль, 100; Русс. Вѣстн. 1899 г., июль, 398 см. снимокъ выше, стр. 139. Но слѣдъ гражданскаго чувства, по днершмъ стиха Кнжала среди всѣхъ вольнолюбивыхъ произведеній Пушкина стоитъ на первомъ

мѣстѣ: много дѣлать хотѣлъ онъ по Россіи въ тысячахъ списковъ; маленькіи Герценъ, танкомъ переписывалъ его въ свою тетрадку. Благое и думное, Сочиненія Герцена, II, СПб., 1905 г., 44. Самъ Пушкинъ смотрѣлъ на эти стихи, какъ на послѣднюю лань увлеченій молодости, и въ цитированномъ выше письмѣ къ Жуковскому, вступающа на путь компромисса съ правительствомъ, и объясняя своему заступнику, что эта пьеса направлена не противъ правительства, говоритъ: теперь же все это мнѣ издало. По словамъ О. П. Смирновой, отъ которыхъ отчасти взяты выше сочинительствомъ, Пушкинъ сказалъ ей матери о Кнжалѣ: Это плохо, высокомерно! На самомъ дѣлѣ есть только два-три хорошихъ стиха, но теперь я гораздо требовательнѣе. Мнѣ кажется, что это стихотвореніе я написалъ на хотѣлахъ, такъ оно наипущенно. Какъ человѣкъ думать, когда онъ молодъ! Въ другой разъ онъ будто бы сказалъ А. О. Смирновой: Увѣривъ, что Кнжалъ мое credo, мое политическое и религіозное исповѣданіе въбра, Точно у мальчика, дватридцати-двадцати лѣтъ можетъ быть, серьезные символы въбра, Это ребячество! Зашеки А. О. Смирновой, I, 19, 94. Силою чувства Кнжала напоминаетъ знаменитый монологъ Кассія въ шекспировскомъ Юліи Цезарѣ, который схожъ по содержанию съ 4—5 строфами Кнжала. 6—7 строфы навѣяны одной Шенье А. Charlotte Corday, дѣвѣ Евменій, убившей Марата; на это указалъ В. С. Спасовичъ. Вѣстн. Евр. 1888, N 3, стр. 61; сочин. Спасовича II, 307.

275. УМОЛКНУ СКОРО Я...

г. II, стр. 72.

Детія известна въ трехъ автографахъ. Два черновика находятся въ тетрадяхъ московскаго Румянцеваго музея N 2365 л. 7 и N 2367 (л. 10), съ пометкой въ обоихъ: 23 августа 1823 г. и съ датированіемъ во второмъ: Детія. Бѣловая редакція находится въ тетради графа Кашиста л. 48, съ пометкой: 1821. Автографы Пушкина, принадлежащіе графу П. П. Кашисту, сообщ. Л. П. Маюкова, СПб., 1896, стр. 7. Въ этой редакціи Пушкинъ напечаталъ детію въ своихъ сборникахъ 1826 г., стр. 15, и 1829 г., I, 108.

Изъ словъ самого Пушкина, который, подготавливая въ 1825 г. сборникъ своихъ стихотвореній, писалъ 27 марта брату: Тиснуть еще стихи Голлицъ-Суворовой; возьми ихъ отъ нея, можно шѣтъ, къ кому относится детія, шитвительно, какъ сказано выше, подвинулася въ изданіи 1826 г. О княгинѣ Маріи Аркадьевнѣ Голлицкой извѣстно очень мало. Она была внучка знаменитаго Суворова, родилась 26 февраля 1802 г., 9 мая 1820 г. вышла замужъ за князя Мих. Мих. Голлицина, 1799—1836), дватѣля 12-го года и военнаго писателя, и умерла 6 февраля 1870 г. О ней см. В. П. Сантовъ, Петербургскій Некрополь. М., 1883 г., 36 и прим. къ Остафу Архиву III, 476; князь П. П. Голлицинъ, Матеріалы для исторіи родословной россиен кн. Голлициныхъ. Кіевъ, 1880, 31. Въ Сѣверн. Пчелгахъ на 1825 г. были напечатаны стихи, посвященные ей П. П. Козловымъ.

Съ разсматриваемымъ стихотвореніемъ тѣсно связано слѣдующее: Мои друзья, забыты мной. Въ 1823 г. Пушкинъ написалъ ей стихи: Давно

объ ней воспоминаешь... (см. выше, № 378, М. О. Гершензон). Северная любовь Пушкина: — Вестн. Европы 1908 г., январь, 288 сл. пытался истолковать посвященные ей стихи как историю любви Пушкина к Голлицыной и нарисовать ей образ. Это была очень молодая женщина, еще подросточек, с ясным духом, диким умом, пылкой и полной участья, неопытная в страсти и злб. Пушкин давно ее любил: «дивился долготому любви моея мучению... Любиди ли она его? Онь этого додо не знала. Была только одна минута, когда ему показалося, что онь любимы; онь узнала, оть ней самой или чрезь другое лицо, что ей понравилсь какое-то определенное его стихи, и что она твердила их про себя. Вь августѣ 1821 г., случилось что-то, что почти уверило его в ея взаимности; возможно, что это было именно тотъ случай съ его стихами. Какъ бы то ни было, 23 августа онь пишетъ первую длетню: онь единкомъ поздно узнала, о ея любви, онь червь духомъ, жизнь кончена для него. Вторую пьесу онь пишетъ черезъ два дня: она просила его разсказать ей о его бурной молодости, о томъ, сколько разъ и въ кого онь была влюбленъ до нежнѣты, онь не разскажетъ ей этого; его разсказъ омырала бы ея свѣтлымъ духомъ, ее испугала бы его любовь, въ которой—его постыжене наслажденіе. Но о ея любви къ нему онь все время, въ первомъ пьесѣ, и во второмъ, говоритъ неуверенно: въ первомъ— «если я любимъ», а во второмъ— «ни разу о ея любви, все только о свое ея...» Эти два стихотворенія составляютъ, очевидно, одну длетню. Они написаны въ Киншперѣ 23—25 августа 1821 г. и свидѣтельствуютъ, что предметъ его любви былъ туль же, въ этомъ не можетъ быть никакого сомнѣнія. Пушкинъ былъ единкомъ правдивъ и единкомъ конкретенъ въ своемъ творчествѣ, чтобы выдумывать сюжеты для своихъ стихотвореній. П. Г. Гершензонъ считаетъ Голлицыну той самой женщиной, которая въ Петербургѣ разсказала Пушкину длетню о бахчисарайскомъ фонтанѣ слезъ.— Северная любовь Пушкина, той особен. имя которой Пушкинъ ревниво скрывалъ, таинственной красавицей, она мысль которой была ему дороже мнѣны всѣхъ журналовъ на свѣбѣ и всенпашен публики. Въ всякаго сомнѣнія, будь Голлицына этой женщиной, Пушкинъ не сталъ бы направлять брата а также и Наестева, хлопотавшаго по изданію прямо къ ней за двумя стихами. Вообще вброянно, что стихи были лишь поарены Голлицыной, посвящены ей, посвящены ей, но нельзя искать въ нихъ зеркально-точнаго отраженія чувствъ, внутреннихъ ея подуу. Художественная правда и конкретность въ творчествѣ—и точное изображеніе случившейся действительности не одно и то же, и часто взаимноисключительны; корни въ действительности, корни въ художественную правду. Поэзия не протоколъ.

Еще въ 1830 г. въ петербургской французской газеткѣ «Le Furet», № 24, 23 марта, стр. 95, по поводу вынужденнаго къмъ-то, обозначившимъ себя инициалами Е.—G. D.Z., сборника переводовъ «Almanach littéraire r'ouais, russes et franais», гдѣ были помещены очень неурной и близки къ полнѣннику переводы длетни Умолку скоро я... было замечено, что въ послѣднихъ стихахъ пьесы имела *reminiscentia* изъ Ламартина:

Et qu'au moins tu puisses me dire,
Ces vers qui m'ont eum c'est moi qui les inspire,
L'ets muse est mon s'uyant.

Близости причислить пьесу къ чисто-пушкинскимъ произведеніямъ, въ которыхъ цаете чистую поэзию, безукоризненное искусство, полное художество, безъ малѣйшихъ примѣсовъ прозы. Аппенковъ находитъ, что дѣлкъ ддувоемъ музство выразилось въ удивительно величавой и спокойной формѣ. Матеріалы для биографіи П., 2-ое изд., 83. Пьесство вышнихъ формъ.— писалъ Аппенковъ въ своихъ примѣчаніяхъ. Сочиненія П., II, 314, — находится въ удивительной гармоніи съ свѣтлымъ, краткимъ чувствомъ, какое приназначено ей сохранять.

276. МОИ ДРУГЪ, ЗАБЫТЫЕ МНОЮ...

(п. II, стр. 72.)

Въ тетрадахъ Румянцеваго музея № 2365 лл. 47—48 и № 2367 л. II находится черновыл дтой пьесы, съблужной несовершенство за черпункомъ длетни Умолку скоро я... тѣсно связанной съ пьесо по содержанию. Въ первомъ рукошпѣнѣ заглавія, и есть дата: 24 авг. въ ночь; во второмъ заглавіи длетни и дата: 25 авг. 1821. Блѣтая редакція находится въ тетради гр. Кашиста л. 16, съ датой 1821. Автографъ П.—на, принадлежаше графу П. П. Кашисту, сообщ. Л. П. Машкова, Сиб., 1896, стр. 6. Пушкинъ напечаталъ пьесу въ Новостяхъ литературы 1825 г., кн. XI, мартъ, 149, подъ заглавіемъ: Къ... и въ сборникахъ своихъ стихотвореній 1826 г., стр. 8, и 1829 г., I, 103—104; въ обоихъ сборникахъ— безъ заглавія.

На тѣсно естество между дтой пьесой и предыдущей, написанной дтемъ раньше, указать П. В. Аппенковъ въ своемъ изданіи сочиненій Пушкина II, 313—314. Новшному, дду длетню Аппенковъ въ своихъ Матеріалахъ для биографіи П., 2-ое изд., 83 обозначилъ инициалами М. А. Е., говоря о ней въ связи съ преступною длетней, посвященной князю М. А. Голлицыной. Близости отнесъ ее къ числу думныхъ, пушкинскихъ пьесъ. См. также Сочиненія Блдинскаго, изд. С. А. Венерова, VII, 285. М. О. Гершензонъ см. предыдущее примѣчаніе и раньше его А. Н. Педзельновъ II, въ его подлин., Сиб., 1882 г., стр. 107—108 усматриваютъ въ длетн разсказъ о личномъ переживаніи Пушкина, о строго реальномъ фактѣ.

277. ЧАНО.ЕОНЬ.

(п. II, стр. 73.)

Два автографа оны находятся въ тетрадахъ московскаго Румянцеваго музея № 2365 слл. 62—63 и № 2370 (л. 20—22). Первый представляетъ собою черновыл набросокъ, безъ заглавія и съ анграфомъ: Ingrata patria и съ программой (на оборотѣ 62 г. л. 1: Пароль спрашивать, толь ли ты, который... Етъ онь... Умскъ толь, который то и го—и Россію... Но на не упрекнуть его русскімъ. Россія славна—блѣна. Франція въ удивленіи: онь объ ней мыслить отровъ. Елены—тамъ онь думалъ объ Россіи... Эту программу напечаталъ П. В. Аппенковъ (Сочин. П., изд. 1885 г., I, 140). Въ этомъ черновыл много помярокъ, часть наброска иривна, вышность его

нести английскому посланцу) выразили мысль, что «по слухамъ его свобода съ дарами жизни протекла»; Пушкинъ написалъ эти стихи (2370-ая музейная тетрадь, л. 8). Байронъ въ «Ode to Napoleon Bonaparte», по поводу падения Наполеона, говорилъ: «Прекрасная свобода! Мы можемъ теперь наслаждаться тобою, гордая, когда твои могущественнѣйшіе враги такъ малодушно неуважали... О послѣдней стрѣфѣ пѣснь Пушкинъ писалъ А. П. Тургеневу въ концѣ 1823 г.: «Эта строфа нѣтъ не имѣетъ смысла, но она пѣсана въ началѣ 1821 года, впрочемъ, это мой послѣдній либеральный бредъ; я закалялся... Пусть поэтъ привелъ стихи Свободы свидѣль пустыни»... Въ немъ уже совершился поворотъ, и мечта объ общемъ мирѣ теперь казалась ему бредомъ, когда онъ отрезвился и сталъ заключать компромиссы съ действительностью, такъ не похожая на его юношескія мечты. Самыя сносныя строфы оды, которыя онъ послалъ Тургеневу, 4, 5 и 6-я, не могли появиться въ это время въ печати: въ 1825 г. онъ писалъ брату: «богатая мысль панеп. Нарк. та цензура... Лучшія строфы потонуть». Но какъ бы ни пѣзвилась пѣзвѣтъ Пушкина на свое произведеніе, его идея вошла въ литературное и историческое сознаніе. Вотъ какъ объясняетъ основную мысль ода А. П. Поницковъ (см. его изданіе сочин. П., 4, 124): «Наполеонъ въ произведеніи Пушкина получилъ значеніе личности, некупившей грѣхъ властолюбія своимъ паденіемъ и страданіемъ и чья послѣдствіями для человечества, которое онъ такъ презиралъ (строфа 5). Поэтъ это презрѣніе поставилъ въ трагическую вину героя. Наряду съ нимъ, въ одѣ выступаетъ и другой герой—русскій народъ, въ которомъ, согласно возвышенному патристическому чувству, поэтъ видитъ высокій образъ самопожертвованія. Глубокая мысль ода въ этомъ неожиданномъ соединеніи общаго жертвы побижденной и самопожертвованіемъ, на пользу одной цѣли—открывается въ историческомъ фактѣ борьбы Россіи съ Наполеономъ, вѣлкомъ смѣлѣ, чѣмъ и ставитъ это произведеніе по нѣтъ въ число глубокомысленныхъ откровеній, какъ можно назвать многія произведенія Пушкина позднѣйшихъ эпохъ его творчества. Этою было сказано слово действительно новое. Притомъ слово было сказано о событій, столь близкомъ ко времени ея появленія, что даже люди послѣдующаго поколѣнія не вѣдѣли оубыли всю правдивость его, и принимали за холодную декламацию. Причиной этого, конечно, было по 1-хъ несовершенство формы стихотворенія—несообразность частей его, а именно: растянутое изложеніе тѣмъ памятныхъ событій въ строфахъ 1, 3, 7, 8, 9, 10, 11 и 12, которыя и самъ Пушкинъ отнесъ къ слабымъ (см. упомянутое письмо къ А. П. Тургеневу: по 2-хъ то, что строфа 4, 5 и 6 были исключены изъ печати въ 1858 г., между тѣмъ какъ въ другихъ строфахъ принципа только излагается самый процессъ возникновенія подобной исторической личности, какъ слѣдствія разъяренныхъ страстей революцій, и тѣмъ тонкое психологическое освѣщеніе героя трагедій, сдѣланнаго разочарованіемъ красной самовадсты». Глубокая мысль поэта, достойная драматическаго произведенія, не удалась въ форму ода; въ самой этой формѣ поэтъ не вѣдѣлъ отрезка отъ общаго мѣста произведенія этого рода—и она не произвела впечатлѣнія, какого заслуживала бы по и дѣл своей.

1) Такъ въ подлинникѣ. Это, конечно, ошибка.

Свѣршно шепчущій Наполеонъ на Эльбѣ» показана Байронскому заблужденіемъ и, составивъ его съ послѣдними стихами Наполеона, критикъ сказалъ: «эти стихи и особенно этотъ вѣдѣтъ на Наполеона, какъ освѣдательная гроза, раздавшая въ 1821 году надъ полемъ русской литературы, заросшимъ сорными травами общаго мѣста, и многие поэты, престарѣлые и возмужалые, придушившись въ немъ съ удивленіемъ, пошлись встревоженными тобою вверхъ, словно души на грому... О вѣдѣтъ стрѣфѣ пѣснь Байронскій замѣтилъ, что она не чужда декламации и риторической напряженности: это стихотвореніе действительно въ нѣкоторыхъ куплетахъ его вѣдѣтъ Пушкина самобытнаго, а въ нѣкоторыхъ другихъ чувствуется что-то переходное... Впрочемъ, и тутъ много оригинальнаго, что было въ Пушкина неслыхано и невидано въ русской поэзіи». Въ «Литературныхъ мечтаніяхъ» Байронскій назвалъ «Наполеона» «ду» «поэтическую тризну надъ урной великаго», «вѣдѣтъ туму», «помощь этимъ словомъ онъ опредѣлялъ торжественность пѣснь». Катковъ («Катковъ о Пушкинѣ», М., 1900 г., 15—16) указалъ на нее, какъ на образецъ душевнаго вѣдѣтъ и благородства, несомнѣнною тѣмъ полнотности, зрѣлаго сознанія, кроющаго дѣтства при мысли объ общемъ блазѣ, высокой любви къ родинѣ; онъ отнесъ поэтъ въ мирѣ не вѣдѣтъ такъ достойно смерти. Наполеона» В. Я. Стоюнинъ («Пушкинъ», Сиб., 1881 г., 141—144) отмѣчаетъ «вѣдѣтъ, пѣтничан, человѣколюбивый патристизмъ» Пушкина: въ качествѣ безпристрастнаго потомка, какъ гениальнаго представителя того народа, который храбро отстаивалъ собственными силами свободу свою и другихъ народовъ, онъ могъ произнести самыя честныя приговоры... Онъ хочетъ возвысить народный патристизмъ не пѣтничан и дубокъ, которая въ свое время были причиной, а прекраснымъ чувствомъ освѣдителя народовъ. Поэтъ кажется, что новое твореніе народовъ невозможно благодаря жертвамъ, принесеннымъ русскимъ народомъ... Человѣчество и уваженіе взаимной свободы должны соединить все народы и ошестить патристизмъ отъ грубыхъ вѣдѣтъ и своскорыстныхъ раздѣловъ».

Хотя отблески пушкинскаго Наполеона сверкаютъ тамъ и самъ въ русской поэзіи, но равнано ему по высотѣ идеи нѣтъ ничего. Пушкинъ научилъ Лермонтова преклоняться передъ величьемъ героя, который пѣтъ въ свѣтъ съ «русскимъ витяземъ», но пѣтъ грозно,— въ даль немъ морѣ, на невѣдомой границѣ, тамъ, гдѣ бури на просторѣ пѣтъ шумно шумить... Два великана... ульскъ одинъ, замученъ мщеніемъ бездѣтнѣмъ, бездомною и горюю досокъ... Последнее новоселье... Стихи о Наполеонѣ Хомякова, Тютчева и Брессова говорятъ о немъ какъ о громадной и вѣдѣтъбной силѣ. И лишь Пушкинъ сказалъ его тѣмъ слово мира и прощенія: только Пушкинъ выдѣлся такъ благородно осмыслить это поразительное историческое дѣленіе.

Какъ для Генриха Гейне, Наполеонъ былъ для Пушкина предметомъ удивленія и поклоненія, раздѣлявшася въ томъ гонимымъ перетѣвямъ покореніемъ. Въ кабинетѣ Гейнеи Оубына (л. 7, XIX) рядомъ съ портретомъ Байрона стоялъ «стойникъ съ куклою мушкетера, поэтъ шлепалъ съ пасмурнымъ челою, съ руками, скатыми крестомъ». Прощаясь съ Чернымъ моремъ (1824 г.), и не вѣдѣтъ крутомъ штею, что бы стояло вѣдѣтъ и жалѣтъ, Пушкинъ говорилъ:

О чемъ жалеть? Куда бы шайбъ
Я пухъ бесцельный устремлять?
Одинъ предметъ въ твоей пустынь
Мою бы душу поразишь.
Одна скала, гробница славы...
Тамъ погрузаешь въ лавины сонъ.
Воспоминанья величавы!
Тамъ угасалъ Наполеонъ...

Пушкинъ любилъ рисовать Наполеона см. «Русс. Стар. 1884 г., подбр. 371; Русс. Вѣстн. 1899 г., июль, 387, 398; «Н. и его современники. IV, 9, № 31; у него была чернильница, изображавшая гробницу Наполеона» Каталогъ Пушкина, выставки, Спб., 1880, стр. 32). Пушкинъ порицалъ «надменнаго» тирана за его презрѣніе къ человечеству—и это же чувство не имѣло въ виду Петру Великому за его стремленіе ко благу, за то, что онъ не страшился народной свободы, хотя презирать человечество можетъ быть болѣе, чѣмъ Наполеонъ. Величіе Наполеона было, по убѣжденію Пушкина, вмѣстѣ съ тѣмъ «славною Европы». Почти одновременно съ одой онъ записалъ остроумное замѣчаніе вѣроятно М. Ф. Орлова: «О... говорилъ въ 1820: революція въ Испаніи, революція въ Италіи, революція въ Португаліи, конституція здѣсь, конституція тамъ... Господа государя, даю поступили вы, лишивъ Наполеона престола». Слова 10-ой строфы: «Немедн, краткии памъ позоръ! Благослови Москву, Россія!» напоминаютъ патристическую XXXVII строфу 7-й главы «Фигица». Объ отношеніи Пушкина къ Наполеону также говорится ниже, въ примѣчаніяхъ къ стихамъ «Недвижный стражъ дремалъ...» № 376.

278. ВОЙНА.

1. II, стр. 75.

Извѣстны три автографа этой пьесы. Одинъ, принадлежавшій П. В. Анненкову, находится въ манковской коллекціи рукописей Пушкина, хранящейся въ академіи наукъ; по словамъ описанія этой коллекціи «Н. и его современники», вып. IV, 4, № 9, это отрывокъ, съ немногими поправками, сохранившій не все стихи пьесы; на пемъ дата: 29 ноября 1821 прежде было: окт., и подпись-монограмма: А. П. Другой автографъ находится въ 2367-ой тетради московскаго Румянцеваго музея л. 12), съ поэмтой: 1821. Третій, съ той же поэмтой, на 17-мъ л. тетради графа Кашиста (Автографы П—на, принадлежавшіе гр. П. П. Кашисту, сообщ. А. П. Манкова, Спб., 1896, стр. 7). Впервые стихотвореніе было напечатано въ «Сборникѣ образцовыхъ русскихъ сочиненій и переводовъ въ стихахъ», 2-ое изд., ч. IV, Спб., 1822, стр. 221—222, безъ поэмты и подъ заглавіемъ: Мечта война. Подъ тѣмъ же заглавіемъ и съ двумя звѣздочками въверху поэмты оно было перепечатано въ «Полярной Звѣздѣ» на 1823 г., стр. 338—339, а подъ заглавіемъ «Война вошла въ сборникъ стиховъ Пушкина 1826 г., стр. 12—13, и 1829 г., 1, 105—106. Воспроизводится здѣсь по этому послѣднему изданію. Въ забавно-прошескомъ письмѣ, 30 января 1823 г., къ брату, благоразумному Левинкѣ Пушкинъ,

будучи самъ, видно, неважскаго мнѣнія объ этой пьесѣ, говорилъ по поводу ея появленія въ «Полярной Звѣздѣ»: Рати Бога, любви тѣхъ звѣздочки; онѣ обидаютъ достойнаго соперника знаменитому Павлову, знаменитому Рылѣву и прочимъ знаменитымъ нашимъ полкамъ. Мечта война пришла въ задушевность война, что служить въ иностранной коллегіи и находится шайбъ въ бессарабской канцеляри. Эта Мечта напечатана съ ошибочнаго списка...

П. В. Анненковъ въ своемъ изданіи сочиненій П. П. 311 сообщилъ дату своей рукописи—29 ноября 1821 г., повторенію въ послѣдующихъ изданіяхъ; по А. П. Манкову, Пушкинъ, II, 9—120, примѣд, не зналъ объ анненковскомъ автографѣ, рѣшилъ, что сообщеніе Анненкова «не вѣрно», и что пьеса должна относиться къ первому мѣсяцъ 1821 г.; первая строка намекаетъ (?) на освященіе знамени Нисланди въ Яссахъ, о чемъ Пушкинъ писалъ А. П. Раевскому еще въ мартѣ 1821 года; эти слова повторилъ П. О. Морозовъ (Сочин. П., изд. Просвѣд., I, 392). Между тѣмъ осенью 1821 г., въ Кишиневѣ послышался слухъ о предстоящемъ объявленіи войны Турціи (П. П. Баргелевъ, П. въ Южн. Россіи — Русс. Арх. 1866 г., 1159—1160; этой войны тогда нѣсколько разъ оказали П. за границей, и у насъ все были увѣрены, что наши наилучшія отношенія съ Турціей должны неминуемо повести къ взрыву, и что императоръ Александръ открытымъ образомъ вступитъ за грековъ... Трудно угадать причину, заставившую автора скрыть свое имя,—говоритъ Анненковъ (д. с.). Но причина могла лежать въ томъ, что цензура тогда была вообще напутана именемъ Пушкина, и онъ это зналъ. Затѣмъ, можетъ быть, Пушкину, какъ чиновнику, служившему въ странѣ, едва не ставшей театромъ войны, неудобно было своей подлинно прямо указать, о какой именно войнѣ говорилось здѣсь, и, такимъ образомъ, выходило, что рѣчь идетъ вообще о войнѣ.

Военная служба и война всегда интересовали и привлекали Пушкина. Попавъ въ Бессарабію, онъ жадно слѣдилъ за ходомъ греческаго возстанія см. примѣч. къ пьесѣ «Возстаніе о Греціи...» и др.). Въ томъ же 1821 г. онъ просилъ А. П. Тургенева хлопотать о прекращеніи его ссылки, но искорбъ 21 августа писалъ его брату, Серг. Иван.: если есть надежда на войну, ради Христа, оставьте меня въ Бессарабіи». Въ томъ же августѣ на сѣверѣ М. П. Погодина и Ф. П. Тютчева занималъ слухъ о зримомъ побѣдѣ Пушкина въ греческомъ повстаніи (В. Я. Брюсовъ, «Почтенъ жизни Тютчева»—Русс. Арх. 1903, III, 486), и Погодинъ сообщалъ объ этой вѣсти В. Д. Корнякову П. П. Барсукову. «Жизнь и труды Погодина», I, 109. Тогдашняго Пушкина Анненковъ (П. въ Александровск. эпоху, 209) вѣрно характеризуетъ слѣдующими словами: «ему нужно было дать исходъ природной удали и отвѣтъ, который, по справедливому замѣчанію П. П. Аннранца, такъ преобладали у него, что давали ему видъ военнаго человѣка, не отгадывающаго своего настоящаго призванія. Онъ даже не могъ слушать разсказа о какомъ-либо подвигѣ мужества безъ того, чтобы не разгорѣлись его глаза и не выступила красна на лицѣ... Пушкинъ,—говоритъ Аннранца (Русс. Арх. 1866 г., 1453—1454, всегда восхитался подвигомъ, въ которомъ жизнь ставилась, какъ онъ выражаетъ, на карту. Онъ съ особеннымъ вниманіемъ слушалъ разсказы о

военных эпизодах; лицо его красиво и изображало жажду узнать какой-либо особенный случай самоотвержения, глаза его блистали, и вкруг часто он задумывался. По моему суждению о степени его славы в поэзии, по моему утверждению сказать, что он создан был для поприща военного и на нем, конечно, он был лицом замечательным... Война всегда казалась ему прекрасной. Люблю я звуки мечей,—писал он в 1820 г. (см. № 229)—отъ первыхъ днѣхъ поклонникъ бранной славы, люблю войны кровавыя забавы, и въ эпизодѣ «Кавказскаго Павлишка» уносно воспѣвъ Котларевскаго, мечъ котораго, «какъ черная зарзца, дубина, ничтожилъ племена», и Ермолова, предъ которымъ смиряется Кавказъ и покажется сибирскою главою. Мальчикомъ 1813 г., «Послание къ Юдну» онъ мечталъ: Трещеть брашно трутъ мой, при блескѣ брашнаго булата огнемъ пылаетъ взоръ, и я лечу на гибель сусудата... Въ 1817 г., выйдя изъ лагеря, онъ писалъ дядѣ «что восхитительныя живнн войны, сраженій и пожаровъ, кровавыхъ и пустыхъ полей, бивака, рыдарицкихъ ударовъ». Въ 1819 г. онъ общался А. О. Орлову: «Въ шатрахъ, средь снѣгъ, средь пожаровъ съ мечемъ и дройю боевой сражаться буду предъ тобой и славу иль твоихъ ударовъ». Зимъ въ 1820 г. удалось ему побывать въ бою. Беззащитно-храбрымъ, онъ и ночью смертью бойца—«на поединкѣ твердый, хладный, встрѣчалъ гибельный свинець... Объ отношеніи его къ войнѣ см. т. I, № 140, примѣч., и ст. С. Анненскаго «И. и война» въ «Мирѣ Бож.» 1899 г., июль. «Война» свидетельствуетъ о тогдашней душевной неудовлетворенности Пушкина, искавшаго новыхъ впечатлѣній, чтобы въ нихъ шумъ заглушить свои мучительныя думы, развѣять овладѣвавшую имъ агонию, которая казалась ему горше смерти. Ему близка была жажда гибели, то таинственное чувство, о которомъ онъ говорилъ впоследствии («Ниръ во время думы»): «Есть уносно въ бою... Все, все, что гибелью грозитъ, для сердца смертнаго таитъ неизяснимыя наслажденія»...

Близникъ увидѣвъ въ «Войнѣ»—«еще не Пушкина, еще не самостоятельнаго поэта, а только даровитаго ученика достойныхъ учителей» (Сочин. Б., изд. Венгеровъ, VI, 32—33), и включилъ ее въ число «переходныхъ» пьесъ, еще не «чисто-пушкинскихъ» (VIII-й томъ сочиненковск. издания). Стоитъ отмѣтить курьезный отзывъ А. П. Федосеева (И. въ его поэзии, Сиб., 1882, стр. 125), что пьеса Пушкина—«холодна и напыщенна», что «жажда участвовать въ бою пушкинская, вызвавшая, должно быть, подражаніемъ Байроу», что эти слабые стихы—довольно явное подражаніе «монологу Орлеанской Дѣвы Шиллера»...

279. КЪ ОВИДИЮ.

т. II, стр. 75.

Черновая этого стихотворенія находится въ тетради московскаго Румянцевакаго музея № 2365 д.л. 33 об.—36, безъ заглавннхъ, передѣланныхъ и болѣе полнаго текста—въ тетради № 2367 д.л. 17 об.—16, съ заглавіемъ: Овидію и съ поэмтою: 1821 дек. 26. Олдѣвныя стихи находятся въ 2365-ой тетради д. 66 об.) и 2366 д. 18. Въ библиотекѣ Академіи Наукъ хранится блѣдовая автографъ, принадлежавшій Е. А. Масаевскои-Сури-

ной, рожд. Шахматовой (описание см. въ II, и его соврѣм., IV, 40—41). Текстъ 2365-ой тетради, очевидно, первоначальный: въ немъ много поэморокъ и нетонизанныхъ словъ и строкъ. О вариантахъ см. ниже, въ статьѣ о текстѣ и «Материалахъ для академ. изд. сочин. П., I, II, Матковъ, стр. 134—136. Стихотвореніе было впервые напечатано въ «Полярной Звѣздѣ» на 1823 г., стр. 81—84, съ двумя звѣздочками вѣдѣто поэтическ; затѣмъ Пушкинъ включилъ его въ свои сборники стиховъ, изд. 1826 г., стр. 39—43, и 1829 г., I, 112—117. Последніе два стиха пьесы, которые Пушкинъ, по личнымъ соображеніямъ и по цензурнымъ условіямъ своего времени, дѣлалъ стихами:

Но чуждые холмы, поля и рощи соны,

И музы мирныя мнѣ были благословны,—

были сообщены въ Библиографич. Запискахъ 1838 г., № 11, ст. 342.

Последній стихъ А. А. Бестужеву для Полярной Звѣзды, Пушкинъ прибавилъ цензуры и писалъ ему 21 июня 1822 г. изъ Копенгега: «Клянитесь отъ меня Цезарю, старинной моей пріятельницѣ казется, голубушка еще поумнѣла... Предшаго превратенія въ напечатанннхъ стиховъ къ Овидію, по старушку можно и должно обмануть, ибо она очень глупа,—по возможности, ее настраивали моимъ именемъ; не называйте меня, а поднесите ей мои стихи подъ именемъ кого-либо угодно (напримѣръ, услужливаго Шлетнева или какого-нибудь пбкакаго путешественника, скитающагося по Га и р и т б. Повторю вамъ, она ужасно блѣдноква, но, впрочемъ, довольно створчица. Глазное дѣло въ томъ, чтобы имя мое до нея не дошло, и все будетъ слажено». Пушкинъ самъ очень дѣлалъ эту вещь, и когда она появилась въ «Полярной Звѣздѣ», писалъ брату: «Каковы стихи мои къ Овидію?... Душа моя, и Русланъ, и Павлишка, и Noë, и все—дрннь въ сравненіи съ ними». 4 сентября 1822 г. онъ просилъ брата переписать одно мѣсто въ пьесѣ, а въ октябрѣ, рассказывая о своей попыткѣ добиться освобожденія изъ ссылки, шутилъ надъ самимъ собою: «О други, Августу мольбы мои несите! По Августу смотреть сентябрьемъ... и дуть же спрашивалъ: Кетати: получено ли мое посланіе къ Овидію? Кетати: ли напечатано?... Анненковъ (Сочин. П., II, 315; «Материалы для биографіи П., 2-ое изд., 83) рассказываетъ, что Пушкинъ былъ этимъ стихами болѣе доволенъ, чѣмъ «Наводономъ».

Сильный поэтъ интересовался судьбой другого ссыльнаго поэта, и Пушкинъ любилъ сравнивать сберную ссылку съ Римомъ, русскаго дари съ цезаремъ Августомъ, а себя съ Овидіемъ. Письмо къ Гибичу, 24 марта 1821 г., онъ началъ словами о «странѣ, гдѣ Юліей ввѣчаннаи и Холръямъ Августомъ признанный Овидіи мрачны дни владитъ... Такъ же онъ вскорѣ обращался къ Чаадаеву съ посланіемъ изъ страны, гдѣ прахъ Овидіевъ пустынями мои сосѣдъ». Пушкину — говорить П. В. Анненковъ (И. въ Александроп. эпоху», 166—167 — приятно было думать, что на разсѣяній пьесѣхъ духъ днѣхъ онъ исподволь принималъ участіе и страдалъ, одинаковыми нравственными страданіями съ паванннскомъ первомъ римскаго императора. Онъ олдѣвлялъ судьбу Овидія, трогательно издѣвалъ къ его днѣхъ и, не довольствуясь спорами о мѣстѣ погребенія его, совершилъ поѣздку въ общество Антракты къ предположаемому мѣсту Овидіевой провинціи. Все

это факты вполне определенные, но остается за-темь неразрешенным вопросом: как мог горделивый образ Байрона широко уживаться в душе Пушкина рядом с образом бѣднаго римскаго деида, лишеннаго всякой нравственной энергій, разливашагося постоянно въ дести, жалобахъ и мольбахъ къ Августу изъ надежды возвратиться опять въ Римъ, къ мѣсту своихъ прежнихъ подвиговъ? Дѣло въ томъ, что и Байронъ, и Овидій были олицетвореніе противоположныхъ стремленій самаго Пушкина въ ту эпоху. Онъ жилъ тогда двойною жизнью, именно — потребностью отрицанія современнаго условія общественнаго быта, которая въ отдаленіи отъ главныхъ административныхъ центровъ находила себѣ болѣешии просторъ. Это настроеніе хорошо уживалось съ Байрономъ, питалось душою и мыслью британскаго поэта, но вмѣстѣ съ тѣмъ Пушкинъ жилъ еще надеждами и планами, прямо противоположными атому настроенію, диаметрально исключившими его. Пушкинъ жаждалъ именно, на подобіе своего предшественника, Овидія, наслажденій столичнаго жителя, свѣтскихъ и блестящихъ литературныхъ успѣховъ, которые тащали его въ Петербургъ, гдѣ онъ преимущественно обрѣтался и раздвигался. Но коренную разницу между собою и Овидіемъ Пушкинъ отлично понималъ. Онъ указалъ ее, сказавъ объ Овидіи, что римскій поэтъ «лирическому своему кумиру мало душино посвятилъ», и гордясь тѣмъ, что самъ онъ, «суровій славыишь, слезы не проливаль» и «не унизилъ вѣкъ измѣной беззаконной ни гордой совѣсти, ни дѣръ непреклонной». Тѣмъ не менѣе, онъ въ рецензій (1836 г.) на стихотворенія В. Г. Тендрякова съ явнымъ несочувствіемъ процитировалъ слова одного французскаго поэта, который писалъ, что «перестаетъ уважать» Овидія за его длиннѣя, плаксивыя дачентагій, и благодарилъ русскаго поэта, который (въ стихахъ о гробницѣ Овидія «не шлетъ блистать душевной твердостью на счетъ бѣднаго изгнанника, а съ живостью заступается за него»). Особенно нравились Пушкину «Поитійскія Элегіи» Овидія: «сколько яркости въ описаніи чуждаго климата и чуждой земли! сколько живости въ подробностяхъ! и какаго грусть о Римѣ! какія трогательныя жалобы! Овидій добродушно признается, что онъ и смолоду не былъ охотникъ до войны, что тяжело ему подъ старость покрывать сѣдину свою шлемомъ и трепетной рукою хвататься за мечъ при первой вѣсти о набѣгѣ (см. Trist. lib. IV, El. I). Какъ пѣвица любви, Пушкинъ давно зналъ Овидія и еще въ 1814 г. совѣтовалъ Батюшкову: «Ирай, тебѣ младой Назонъ, Эроть и Граціи вѣчаши... Пускай любовь Овидія поютъ, мѣнъ не дасть покой Цитерей...» писалъ онъ въ 1816 г. («Сонъ»). На югѣ Овидій сталъ для него также пѣвцомъ изгнанья, и онъ говорилъ «Келадіе», 1821 г.: Въ мнѣхъ рукавъ Овидіева лира, счастливая пѣвица красоты, пѣвица пѣвъ, пѣванья и раздуки... Баратынскому Пушкинъ писалъ въ 1822 г.: «Еще донынѣ тѣнъ Назона дунайскихъ шлетъ береговъ... И съ нею часто при дунѣ брѣжу вдоль берега кругого»...

«Овидій» — разсказываетъ П. П. Антради («Русс. Арх.» 1866 г., 1267 сл., — очень занималъ Пушкина; не знаю, читалъ ли онъ его прежде, но знаю то, что первая книга, мнѣ у меня взятая, была Овидій, по французскомъ переводѣ, и книги эти оставались у него съ 1820 по 1823 годъ. Впрочемъ, Пушкинъ тогда же читалъ его и въ

по длиннѣхъ. Поемая Гибдичу въ 1822 г. «Кавказскаго Пѣвника», онъ началъ письмо латинскою цитатою изъ Овидія, умачно и остроумно примѣняя ее къ себѣ самому. Овидія онъ считалъ гениемъ, да еще такимъ, который никогда не шлетъ «стойбовою торогою подражанія» письмомъ къ А. А. Бестужеву въ концѣ мая или началѣ іюня 1825 г. Пушкинъ, по словамъ Антради, зналъ, что легенда о томъ, что Овидій былъ сосланъ въ мѣннѣшнюю Бессарабію, не заслуживаетъ довѣрія: «зналъ положительо, что Овидій не могъ быть сосланъ Августомъ на лѣвѣйшій берегъ Дуная. Въ предисловіи къ стихотворенію, оставшемся въ рукописи и внесенномъ потомъ въ первую главу «Евгенія Онегина», какъ приложение къ МП строфф, гдѣ говорится о Назонѣ, «кончившемъ свой вѣкъ блестящій и матежнѣй въ Молдавіи, въ глуши стеной», Пушкинъ писалъ: «Мнѣніе, будто бы Овидій былъ сосланъ въ мѣннѣшній Аккерманъ, ни на чемъ не основано. Въ своихъ азетіяхъ Ex pento онъ ясно означаетъ мѣстомъ пребыванія городъ Томъ, при самомъ устьѣ Дуная. Столько же несправедливо и мнѣніе Волытера, полагающаго причиною его изгнанія тайную благосклонность Юліи, дочери Августа. Овидію было тогда около пятидесяти лѣтъ, а развратная Юлія десять лѣтъ тому прежде была сама изгнана ревнивымъ своимъ родителемъ. Прочія догадки ученыхъ — не что иное, какъ догадки. Поэтъ сдержалъ свое слово, и тайна его съ нимъ умерла: Aletius facti culpa silenda mihi». Объ Овидіи онъ часто бесѣдовалъ съ В. О. Раевскимъ и К. А. Охотниковымъ (Анар., 1268). Преданія, которымъ, какъ мы видимъ, Пушкинъ не вѣрилъ, считая мѣстомъ ссылки и кончины Овидія Бессарабію и въ частности берега Днѣстра (см. А. П. Якимирскій, «Румынскіе параллели и отрывки въ вѣкторныхъ произведеніяхъ А. С. Пушкина», Варш., 1891, стр. 8—16), вслѣдствіе чего имя Овидія связывали то съ Аккерманомъ, то съ расподѣленнымъ на противоположномъ берегу Дунаевского лимана городкомъ, который назвали Овидіополемъ. «Близость Овидіополя напоминала Пушкину объ Овидіи», говоритъ П. П. Бартеманъ («Русс. Арх.» 1866 г., 1140), который даже думалъ, что Пушкинъ «былъ въ Овидіополь» (ibid., 1163). Описывая въ Одесскомъ Альманакѣ на 1840 г. свою поѣздку по Бессарабіи, П. П. Надеждинъ (стр. 332), сообщаетъ: «Мой чичероне, одинъ изъ учителей уважнаго училища, указалъ мнѣ прибрежную башню, въ которой Пушкинъ провелъ будто бы однажды цѣлую ночь, погруженный въ созерцаніе; я атому очень вѣрю. Прибавляютъ, что эта башня съ тѣхъ поръ называется Овидіевою»... Антради сообщаетъ надъ этимъ разсказомъ и подробно передаетъ о своемъ путешествіи съ Пушкинымъ по Бессарабіи въ 1821 г. Отправившись въ служебную поѣздку, онъ взялъ съ собою Пушкина, который не безъ труда отпросился у Низова; они провели въ поѣздкѣ двѣ недѣли и побывали между прочимъ, въ Аккерманѣ, гдѣ Пушкинъ осматривалъ тамошній замокъ, развалины котораго возвышаются надъ лиманомъ, но не ночью, а днемъ. «Въ эту поѣздку» — говоритъ Антради (ст. 1271—1272, 1273, 1280) — «Пушкинъ не производилъ ночи на прибрежной аккерманской башнѣ; можетъ быть, это было въ слѣдующемъ году, когда я увѣжалъ на пять мѣсяцевъ изъ Бессарабіи, но и въ такомъ случаѣ мнѣ пришлось бы узнать о томъ». По дорогѣ изъ Аккермана дальше Пушкинъ «что то писалъ по обычаю на маленькихъ

доскутках бумаги и как бы пошало складывали их по карманам, вынимали опять, просматривали и т. д. Помню очень хорошо, что он жалел, что не давалить съ собой какого-то тома Овидия». Въ Аккерманѣ они были приблизительно 11—12 декабря, 24-го вечеромъ вернулись въ Киншисевъ (Ипр, 1276, 1284), и помѣта подь стихотвореніемъ въ 2367-ой музеевскій тетради, конечно, означаетъ день окончательной отдѣлки пьесы, начатой, можетъ быть, въ эту побѣду. Н. О. Морозовъ изд. «Прозвѣдъ», I, 615 ошибается, говоря, что Пушкинъ «въ этотъ день поѣхалъ въ Аккерманъ», и приписывая Ишраци извѣстие, набраное — опровержимое имъ, будто бы поэтъ «старался отыскать гробницу Овидія».

Судьба римскаго поэта и его дегія глубоко трогали Пушкина, и русскій поэтъ, проводя строгое различіе между собою и безхарактернымъ Овидіемъ, сумѣлъ удержаться на высотѣ гуманнаго прощикновенія въ дужое страдающее сердце и не позволялъ себѣ упрекнуть его тѣмъ, за это ивѣдствіи похвалилъ онъ и Тевлякова. Тѣмъ избавленнаго римскаго аристократа, заброшеннаго на сѣверъ, воображался ему среди суроваго дикнато пейзажа, выдвигала особенное сочувствіе. Въ той же выдвигающей жалость обѣтацкѣ является у Пушкина Овидій въ детенѣ, которую рассказываетъ Алеко отецъ Зезфиры. «Участію я равенъ былъ тебѣ», обращается къ Овидію Пушкинъ. Но тутъ же нашъ поэтъ назидалъ себя «изгнашикомъ самовольнымъ». Въ 1820 г., незадолго до высылки, онъ писалъ Вяземскому: «я жажду кровь чужихъ, авось подуденный воздухъ оживитъ мою душу... Векорѣ онъ снова говорилъ № 234».

Искатель новыхъ впечатлѣній, я вѣсь бѣжалъ отечески край»...

Гибничу № 263 онъ писалъ о своемъ уединеніи, «гдѣ сокрылся отъ гонимы ханжи и гордаго глупца». Отъмъ же настроеній говорить его признаніе въ стихахъ Чаадаеву № 266, что онъ «въ объятіяхъ свободы» не жалветъ ни о чемъ, кромѣ общенія съ другомъ. Позиціе совпадало съ его собственными желаніями, чего никакъ нельзя сказать объ авторѣ «Fristium», который никогда не могъ примириться со своей ссылкой. Хотя и страна, бывшая для римскаго поэта суровымъ сѣверомъ, русскому казалась благодатнымъ югомъ, но Пушкинъ умѣлъ понимать слезы Овидія. Высокое чувство человечности — говоритъ Л. И. Подшиваловъ (Соч. II, I, 434 — «проникающее сквозь всю тонкую ткань дегія, составляетъ ея главное достоинство».

Бѣднскому посланіе казалось «переходнымъ» произведеніемъ, гдѣ «на еще видете не Пушкина, еще не самостоятельнаго поэта, а только даровитаго ученика достойныхъ учителей» (Сочин. Б., изд. Венгеровъ, VII, 32—33) ; повторивъ черезъ нѣсколько дѣтъ эту неудачную одѣвку и прибавивъ, что стихотвореніе «въ цѣломъ сбншается нѣсколько на старинныя диалектскія» — тогъ посланіи, великий критикъ все-таки замѣтилъ, что «въ немъ много прекраснаго... и лучшую сторону составляетъ его дегическій тонъ». Сомнѣніе въ самомъ себѣ, въ своемъ гениі — писалъ В. Стоюнинъ «Пушкинъ», 1881, стр. 140—141 — рѣдко оказывался душою поэта; гдѣ бы больше эти минуты были для него тяжелыми. Пушкинъ и не подозревалъ, что гениі его выше того, что за волеюцать столѣтій страдалъ на дунаискихъ

берегахъ... Онъ только страдалъ, свдывая свою мысль съ воспоминаніемъ о родинѣ странѣ и объ оставленныхъ трудахъ, и, какъ артистъ, нашелъ выраженіе своей души въ образѣ, прославленномъ исторіей».

Въ такую минуту тоски и сомнѣній онъ и повторилъ о себѣ «среди толпы, затерянный пивецъ и стухъ, уже складанный пивъ въ отномъ изъ посланій къ кн. А. М. Горчакову, 1816 г. Стихъ: «Златой Итали роскошныи гражданинъ» напоминаетъ начало наброска 1829 г.: Критонъ, роскошныи гражданинъ очаровательныхъ Аоній... «Великодушныи грекъ... въ концѣ пьесы можетъ означать либо вообще греческій народъ, либо вождя тогдашняго восстанія Ишпелани. Къ стиху: Но если гивныи богъ досель неуломимъ» Пушкинъ въ рукописи приписалъ замѣчаніе: Овидій провелъ 9 дѣтъ въ своемъ изгнаніи, а не 20, какъ говоритъ Шатобрианъ. Тѣмъ Овидія тогю была спутницей Пушкина, и онъ любилъ выдвигать ее: «она дегитъ на сладкій зовъ пивомцевъ Мудъ и Аполлона», писалъ онъ Баратынскому въ 1822 г. Въ посланіи къ Языкову, 1824 г., онъ влился Овидіевой тѣнью, что «издревле сладостныи союзъ поэтовъ междъ собой свдзаться».

280. ВЪ КРОВИ ГОРИТЬ ОГОНЬ ЖЕЛАНІЯ... (г. II, стр. 78.)

Черновой набросокъ этой пьесы находится въ 2365-ой тетради московскаго Румянцеваго музея л. 33, съ слѣдующей программой: Пивъ пивей Соломона. Да лобзаетъ меня лобзаніемъ устъ своихъ. Переп твои пріятіе вина. Запахъ мура твоего дужне всѣмъ ароматовъ, имъ твое сладостно какъ [издѣльное] миро, для того юнаи возлюбилъ я тебѣ. Слова эти представляють собою передоженіе двухъ начальныхъ стиховъ «Пивей Пивей». Этотъ черновикъ былъ впервые напечатанъ въ Русс. Старинкѣ 1884 г., апрѣль, 103. По его положенію среди другихъ черновиковъ вино, что онъ относится къ 1821 г. Пушкинъ напечаталъ это стихотвореніе вмѣстѣ съ другимъ: «Вертоградъ моеи сестры...» въ «Московск. Вѣстн.» 1829 г., ч. I, стр. 44, подь общимъ заглавіемъ «Потражаніа», и вивсъ его, безъ всякихъ перемѣнъ и безъ заглавія, въ своей сборникъ изданныи въ 1829 г., ч. I, стр. 56, подь 1825 г. По внодѣ «вѣрному замѣчанію В. Е. Якушкина. Новые изданія текстовъ Пушкина» — Русс. Вѣстн. 1903 г., № 66, мы можемъ сказать, что Пушкинъ сдѣлалъ первый набросокъ этой пьесы еще въ 1821 г., но отбавилъ его въ 1825 г.).

I. Весьма трудно назвать наброскомъ то, что находимъ въ тетради № 2365, на листѣ 33.

Лобзай меня, твои лобзанія
Мнѣ слаще мура и вина
Въ крови горитъ огонь желанія
Душа тобой уноена.

Если не считать перестановки строкъ, то тутъ различа прогивъ «окончательнаго текста» всего въ одномъ словѣ уноена, вмѣсто уздѣнена.

Н. О. Морозовъ первый въ изданіи Интер. фонда 1887 г. помѣстилъ въ слѣдующее стихотвореніе среди стихотвореній 1821 года. Намъ это ка

ложки мода быть значительной. По словам Аннранти Русс. Арх. 1866 г., 1238, Пушкин неоднократно подсмывает над Пушкиным, в особенности послѣ исторіи съ болгарскимъ архимандритомъ. Эта исторія разказана Аннранти выше ст. 1248—1249. Анненковъ выразилъ мнѣніе, что въ одномъ изъ кишиневскихъ рисунковъ Пушкина 1821 г. Рум. муз., № 2363, л. 68; воспроизведена выше, стр. 176 воспроизведена разказанная Аннранти протѣка съ архимандритомъ; В. Е. Якушкинъ Русс. Стар. 1884 г., апрѣль, 109 въ этомъ весьма основательно сомнѣвается.

Имя Пушкина встрѣчается въ перепискѣ Пушкина еще разъ, въ относящемся къ тридцатымъ годамъ письмѣ поэта къ П. А. Осиповой, которая сущаясь съ Пушкинымъ, собѣтовъ ея по пѣнію. Пушкинъ тогда писалъ ему по этому адресу: письмо не только не послѣ. Бѣлое 1906 г., декабрь, зам. П. Вернера. О Пушкинѣ см. также Пушкинъ Л. П. Мещкова, стр. 82.

282. М. Е. ЭИХФЕЛЬДТЬ.

т. II, стр. 78.

Выше, въ примечаніяхъ къ письмамъ Христовъ покрестъ... № 268 и Алексѣеву № 270 упоминаю объ М. Е. Эйхфельдтѣ, бывшей въ свидѣніи съ другомъ поэта П. С. Алексѣевымъ. Стихи, обращенные къ ней, сообщены кишиневскимъ знакомцемъ Пушкина В. П. Горчаковымъ въ Выдержки изъ шевки объ А. С. Пушкинѣ Москвитинѣ 1850 г., ч. I, кн. I, № 2, стр. 157—159, 176), отрывки изъ которыхъ приведены П. П. Бартевевымъ Пушкинъ въ Южной Россіи — Русс. Арх., 1866 г., 1157. Въ своихъ замѣчаніяхъ на статью Бартевева П. П. Аннранти разказываетъ о четвѣ Эйхфельдтѣ ibid., 1225: Пушкинъ былъ любезенъ со всѣми хорошенькими, а Эйхфельдтъ... дѣйствительно была хороша и хорошо образована; мужъ ея не соответствовалъ ей ни тѣмъ, ни другимъ; и чуть ли не Пушкинъ первый далъ этой парѣ кичку — Земля и Азоръ, сдѣлавшюся скоро общен. Образование Пвана Пвановича Эйхфельдта состояло въ тяжелой учености горного дѣла... Онъ, никакъ не сдѣлалъ жены, жилъ, какъ пчмечъ, безъ общества у себя... Пванъ Пвановичъ Эйхфельдтъ былъ, въ чинѣ статскаго совѣтника, оберъ-берггауптманомъ, занимался минералогіей. Молодая жена его, можетъ быть, для того, чтобы немного замаскировать свои отношенія къ Алексѣеву, по словамъ Бартевева, окружала себя разными родственниками, молдованами и греками — она была рожденная Мило, желала казаться равнодушною къ русской молодежи. Пушкинъ въ своемъ эпиграммѣ и шарадѣ насмѣшливую надежду найти путь къ ея сердцу, ставъ ея родственникомъ черезъ Зою, ея некрасивую племянницу. Стихи топилъ то насъ не дѣлками; Горчаковъ говоритъ, что они оканчивались такими подробностями, что отнать ихъ Маріѣ Егоровѣ было уже невозможно впродолженіи, по той же причинѣ Горчаковъ не напечаталъ конца эпиграммы.

281. ЛЕДЪ СТРАННО ПО ЛЮБИТЬ...

т. II, стр. 78.

Пьеса находится въ тетради московскаго Румянцеваго музея № 2367 л. 10 и № 2370

л. 11; во второй она занесена безъ первыхъ трехъ стиховъ и начинается словами: Дѣва, новая Дѣва пришла... и т. д. Впервые напечатана ея П. В. Анненковъ въ своемъ изданіи сочиненій Пушкина УИ, 100, съ замѣчаніемъ: эпиграмма изъ времени пребыванія поэта на югѣ. Но подоженію ея въ первоизданіяхъ Пушкина опредѣльть годъ, когда она была написана, зѣтъ напечатана по тетради № 2367.

284. ВСЕГДА ТАКЪ БЫ ДЕТЬ И БЫВАЛО.

т. II, стр. 78.

Эта грустная сентенція, оригиналь которой неизвѣстенъ, была впервые напечатана въ альманахѣ Лестки Грацій, М., 1829, стр. 36; въ собраніи сочиненій Пушкина вошла въ изданіи Анненкова т. VII, стр. 97. Въ альманахѣ четвертое слово перваго стиха было не и, а какъ.

Пушкинъ любилъ и цѣнилъ своихъ настоящихъ друзей какъ Жуковскія, П. Раевскія, Чаадаева. Въ эпитафій Русскаго и Английскаго онъ писалъ, вспоминая услуги Чаадаева: Я погубилъ... Святой хранитель первоначальныхъ бурныхъ тѣнъ, о друзья, плавая утѣшителъ болѣзненной души моей! Ты умолила непоготу, ты сердцу возрала миръ; ты сохранила мнѣ свободу... Въ посвященіи Кавказскаго Пѣвника П. Раевскому онъ говорилъ: счастье моихъ друзей мнѣ было слакимъ утѣшеньемъ... Такихъ друзей въ пушкинскомъ поэзіи много. Но есть и другіе отлывы, проникнутые скептицизмомъ. У поэта было мало истинныхъ друзей. Большинство было изъ тѣхъ, кто онъ называлъ — минутной младости минутные друзья, кругъ товарищей презрѣнныхъ, и о комъ писалъ въ Онегинѣ, что нѣтъ презрѣннѣй ключевъ, на чердакѣ вратемъ рожденной и свѣткою черною ободренной, что нѣтъ пельницы такой, ни эпиграмы площадной, которой бы нашъ другъ съ улыбкой, въ кругу порядочныхъ людей, безъ всякой злобы и злѣбы, не повторилъ стократно ошибкой; а впрочемъ, онъ за насъ горой; онъ насъ такъ любитъ... какъ родной! Любопытныя слова Пушкина о другѣхъ перелѣ П. А. Плетневъ Я. К. Гроту Черепица Грота съ Плетневымъ II, 221—222.

285. К. ЛЕВЕТНИКЪ БЕЗЪ ДАРОВАНЫЯ.

т. II, стр. 78.

Эпиграмма написана на М. Т. Каченовскаго, какъ видно изъ письма Пушкина къ брату отъ 24 января 1822 г. Въ концѣ декабря 1822 г. или въ началѣ января 1823 Пушкинъ послалъ ее князю П. А. Вяземскому въ числѣ нѣсколькихъ писемъ по въ заглавіемъ: Эпиграмма. Она вошла то насъ въ тетради московскаго Румянцеваго музея № 2367 л. 3; по этому источнику зѣтъ и

А Анненковъ даты подъ стихотвореніемъ не выставилъ. Геннадіи въ изд. 1859 г. отнесъ его къ 1821 г., не привелъ, однако, для этого никакихъ мотивовъ. Дата была принята въ немъ позднѣйшими изданіями. Приняты и мы ее, но только потому, что у насъ нѣтъ данныхъ опровергать ее.

Ред.

напечатана, подъ тѣмъ же заглавіемъ, въ хранищемся также въ музеѣ упомянутому письмѣ къ брату и въ рукописи графа Капниста (л. II, гдѣ озаглавлена «Письмо къ портрету», но зачеркнуто карандашомъ Л. П. Маікова, Автографы Пушкина, принадлежашіе графу П. П. Капнисту, Сиб., 1896 г., стр. 3). Очевидно, Пушкинь хотѣлъ ее напечатать въ своемъ сборникѣ стиховъ, вышедшемъ въ 1826 г., но раздумать и при его жизни она не печаталась, а впервые появилась въ Библиографич. Запискахъ 1858 г., № 1, ст. 6, и вошла во второе изданіе Гейнади, 1870 г., I, 262.

Объ отношеніяхъ Пушкина къ Каченовскому еще будетъ рѣчь въ предстоящемъ изданіи; см. также т. I, № 169. Находящаяся подъ вліяніемъ вѣрнаго напечатана Карамзина—книга П. А. Вяземскаго, Пушкинь видѣла въ ней однимъ изъ неудачныхъ, слишкомъ усердныхъ ревнителей славы Карамзина, и эпиграмма не свидѣтельствуетъ ни о справедливости поэта, ни о самостоятельности его сужденій. Это скорѣе ругань, чѣмъ эпиграмма на литературнаго противника. О подобныхъ недозрѣлыхъ нападкахъ вспоминалъ Бѣлинскій въ «Литературныхъ мечтаніяхъ» Сочин. Б., изд. Венгеровъ, I, 345: Помните ли, какъ пришлись Л. Каченовскому его замѣчанія на Исторію Государства Россійскаго, эти замѣчанія старца, въ конѣ было высказано почти все что говорили потомъ объ исторіи Карамзина юности? Да, много, слишкомъ много нужно у насъ безкорыстной любви къ истинѣ и силы характера, чтобы осмѣлить даже на какой-нибудь авторитетикъ, не то что авторитетъ... Влад. Соловьевъ привелъ эпиграмму Клеветникъ безъ дарованія... какъ образецъ такихъ выходовъ Пушкина, которые столько же посылки для автора, сколько оскорбительны для его сюжетовъ» («Судьба Пушкина», Сиб., 1898, стр. 27—28).

286. СОСТАВЛЕНЪ ОНЪ ИЗЪ ПОДЛОИ СНЕСИ.

(т. II, стр. 78.)

Эпиграмма эта, находящаяся въ черновомъ наброскѣ въ принадлежавшей Имп. Публич. Библ. записной книгѣ 1820—1821 гг., л. 39, была впервые напечатана П. О. Морозовымъ въ изданіи литерат. фонда I, 263). Она имѣетъ въ виду опредѣленное лицо, имя котораго неизвестно. Письма озаглавлена «К. Г. и въ началѣ ея стоять зачеркнутыя слова: Мишурный князь. Князь шутъ пародій упоминается въ черновикѣ эпиграммы «Хоть, впрочемъ, онъ поэтъ изрядный», № 288. Въ рѣкомъ закончѣннѣ и вѣнательной лани чарности закончѣннѣхъ и аркихъ опредѣленій эпиграммы слышнѣнъ свѣтъ сатирической лозы, введеннаго изъ себя Пушкина.

Г. Еще разъ присмотрѣвшись къ этому карандашному наброску, отчасти уже стершемуся, мы пришли къ убѣжденію, что въ эпиграмѣ не 4, а 5 строкъ и что читаться она должна вотъ какъ:

И не видать негоднѣи снѣви
Составленъ онъ изъ подлости и снѣви
Но подлости побольше снѣви
Въ сраженнѣи трусь, въ трахтирѣи онъ бурдакъ,
Въ передней онъ подлець, въ гостиной онъ дуракъ.

Ред.

287. ОСТАВИ ЧЕСТЬ СУДЬБѢ.

(т. II, стр. 78).

Находящаяся въ 2367-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея л. 4 эпиграмма эта впервые была напечатана въ Русс. Стар. 1884 г., май, 350; затѣмъ вошла въ изданіе литерат. фонда VII, дополнит. примѣч., стр. LVIII. Судя по ея положенію среди черновиковъ, она относится къ 1821 г. Л. П. Маіковъ «Материалы для академ. изд. сочин. П.», 180 помѣстилъ ее 1822 г., съ чѣмъ согласенъ и П. А. Ефремовъ Сочин. П., изд. А. С. Суворина, VIII, 178. Послѣднѣя князь П. А. Вяземскому въ концѣ декабря 1822 г. или началѣ января 1823 г. нѣсколько эпиграммъ, въ числѣ которыхъ были «Иной имѣлъ мою Адаю... и «Оставя честь судьбѣ...», Пушкинь писалъ: «Никто изъ насъ не показывалъ никому—ни Денису Давыдову, Перещику П., академикъ, изд. I, 62, Денису Давыдову, приходилъ родственникомъ мужу каменской Мессалинѣ, А. А. Давыдову. Очевидно, эпиграмма написана на Адаю Антоновну Давыдову о ней см. №№ 261, 311, 328). Среди пушкинскихъ эпиграммъ она выделяется своей исключительной грубостью.

288. ХОТЬ ВПРЧЕМЪ ОНЪ ПОЭТЪ ИЗРЯДНЫЙ.

(т. II, стр. 78.)

Эпиграмма находится въ первоначальной редакціи въ 2367-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея (л. 5 и въ рукописи графа Капниста (л. IV, гдѣ приведена цѣлкомъ, причѣмъ зачеркнувъ послѣдній стихъ, тотъ же, что въ первой редакціи: «Ты положи глупости большой...» («Автографы П.—на, принадлежашіе графу П. П. Капнисту», сообщеніе Л. П. Маікова, Сиб., 1896 г., 7). Она была напечатана въ сборникѣ стихотвореній Пушкина 1826 г., стр. 114, и 1829 г., ч. I, стр. 163, въ числѣ пьесъ «разныхъ годовъ». Къ 1821 г. она относится по положенію черновика среди другихъ черновыхъ. Л. П. Маіковъ «Материалы для академич. изд. сочин. П.», 180 неправильно отнесъ ее къ 1822 г., а П. О. Морозовъ (изд. «Просвѣщенія» I, 316, 622 напечаталъ вмѣсто бѣлаго текста, даннаго самимъ Пушкинымъ, первоначальную черновую редакцію, объявляя, что въ прежнихъ изданіяхъ печаталась «измѣненная» редакція В. Е. Якушкинъ, «Еще новое изданіе сочиненій Пушкина»— Русс. Вѣд. 1903 г., № 120. Противъ кого эпиграмма направлена, неизвестно; въ черновикѣ это лицо названо—«мой князь». «Мишурный князь» упоминается въ черновикѣ эпиграммы «Составленъ онъ изъ подлости и снѣси...» (№ 286. Вмѣсто «Эмилій» во второмъ стихѣ въ первой редакціи было «Юдмилій»—намекъ поэта на самого себя, автора Руслана и Юдмиліи).

289—295. (КНИЖНИЧЕВСКИЯ ДАМЫ).

(т. II, стр. 79.)

Куплеты находятся въ 2363-ой тетради московскаго Румянцовскаго музея—первые шесть на 37 листѣ, а послѣдній—на 43-мъ, 1-й, 3-й, 4-й, 6-й и 7-й были впервые напечатаны въ Русс.

Архивъ 1881 г., № 1, и вошли въ сборникъ Бумаги А. С. Пушкина, т. М., 1881, стр. 129—130, 131. Остальные два напечаталъ В. Е. Якушкинъ въ своемъ описаннй румиловскихъ рукописей Пушкина («Русс. Стар.», 1884 г., апрѣль, 96—97), причемъ сообщилъ поправки къ тексту, напечатанному въ Русс. Архивѣ и въ первомъ изданнй Ефремова.

Пушкинъ написалъ ихъ въ темѣ джюка, молдавской плясовой пѣсни. Подобныя стихи писали еще и другіе; примѣры ихъ приведены П. П. Баргелевымъ («Русс. Арх.», 1866 г., 1138—1139), П. П. Анраиди (*ibid.*, 1411—1412), А. Мадлевичемъ, см. сборн. В. Яковлева «Отзывы о Пушкинѣ съ юга Россіи», Од., 1887, стр. 81—82. Куплеты Пушкина вступаютъ въ коммундально-распутную сферу вертепа, т. е. скучать три года, цѣль, какъ писалъ оны Ф. Ф. Вигель въ 1823 г. изъ Одессы, сравнивая Кишиневъ съ Содомомъ, этимъ библейскимъ Парижемъ.

П. А. Ефремовъ, пользовавшійся собственноручными записками П. В. Анненкова, въ своемъ второмъ изданнй (т. I, стр. 144—145; VIII, 177—178) привелъ изъ нихъ примѣчанія К. К. Данзаса, — что Катакази (въ подлинникѣ—К— губернаторъ Бессарабіи, женатый на Писцантѣ; что Маврогеній въ подлинникѣ М— молдаванинъ, женатый на Стурдзѣ; что «крутая собѣлка»—м-ше Богданъ, вдова молдавскаго боярина—содержала открытыя дома, гдѣ также играли; что въ 5-мъ куплетѣ «кадетъ, дѣло идель тоже о пей», что Тодоранка—Федоръ Крулевскій, братъ кишиневскаго вице-губернатора Овренкѣ въ 4-мъ куплетѣ сказано, что «одна сиренка содержала въ старомъ городѣ *chambres garnies*, и дочка ея была предметомъ стиховъ и страсти Пушкина и многихъ его пріятелей». Константинъ Антоновичъ Катакази, по профессіи юристъ, былъ бессарабскій губернаторъ; оны была жена въ дочери молдавскаго господара Писцантѣ о немъ см. записки Вигеля, VI, 112—113; «Русс. Арх.» 1866 г., 1225, 1226, 1235. Петракъ Маврогеніи, крупный бессарабскій помещикъ, женатый на дочери старшаго молдавскаго бояра Георгія Стурдзы, жилъ очень широко, и домъ его былъ открытъ съ утра до вечера (Вигель VI, 160; П. П. Анраиди, «Записанія на воспоминанія Вигеля», 151; «Р. Арх.» 1866 г., 1227, 1243, 1244). Госпожа Богданъ, почти старуха, но молодившаяся, богатая молдавская аристократка, часто устраивала у себя танцовальныя вечера (Вигель VI, 194; Анраиди, *op. cit.*, 151; «Р. Арх.» 1866 г., 1242—1244). Епрешка—можетъ быть, М. Е. Эмфельдъ (о пей см. выше, примѣч. №№ 268, 270, 282). Тодоранка—Федоръ Егоръ Крулевскій, братъ вице-губернатора, титулярный совѣтникъ; въ 1818 г. въ его томъ, сохранившемся повѣсть, бессарабское поранство принимало Александра I («Русс. Арх.» 1866 г., 1411; П. Халипина, Герольдъ Кишиневъ, время жизни въ немъ А. С. Пушкина, т. I; А. П. Машковъ, Пушкинъ, т. 104, 118). Гаресь—сестра Катакази, по словамъ Анраиди («Русс. Арх.» 1866 г., 1235), дѣва лѣтъ сорока, некрасивая, но образованная, и прозванная Кишиневская Жанна д'Аркъ. Греческія брѣшни (въ 3-мъ стихѣ 1-го куплета, вбродно, намекъ на воеводу П. П. Хмблянцкаго Греческія брѣшни или Пфагеша въ Галиціѣ на изнанку—Собр. сочин. X, т. II).

296. ДОБРА ЧУЖБОГО НЕ ЖЕЛАТЬ...

(т. II, стр. 80).

Безъ послѣднихъ восьми стиховъ эта пѣснь была впервые напечатана въ «Библиографіи, Запискамъ» 1858 года, № 11, ст. 342, а заглавіе, въ болѣе полномъ и исправленномъ видѣ, появилось въ «Атенѣ» 1858 года, III, 396—397. Заглавіе П. В. Гербель «Русскій» напечаталъ ее въ берлинскомъ томикѣ запрещенныхъ тогда (1861 г.) въ Россіи стихотвореній Пушкина, стр. 27—28, подъ заглавіемъ «Десятаязановья», и съ примѣчаніемъ стр. 217, что «последніе восемь стиховъ, по мнѣнію публичныхъ, не принадлежатъ Пушкину (Новидному, и вся пѣснь приписывается Пушкину безъ достаточныхъ основаній. Она прѣсна и весьма мало остроумна. Издатель печаталъ ее, оговариваясь, что принадлежность ея Пушкину сомнительна. (См. также письмо П. О. Морозова въ «Образованнй» 1903 г., ноябрь, отд. III, стр. 162). Мнѣніе Г. С. Миркова—Бумаги А. С. Пушкина, т. М., 1881 г., 99, что это стихотвореніе превосходитъ—остается единственнымъ.

297. ПОВѢРЬ МНѢ, БЫТЬ ТЕБѢ ПАНЦЮ-СОМЪ¹⁾

(т. II, стр. 80).

Эта шутка находится въ 2365-ой тетради московскаго Румиловскаго музея (д. 41, об.), среди чернишковъ 1824 г. Пушкинъ въ концѣ 1822 г. или началъ 1823 г. послалъ ее Валескому (Перси, II, академ. изд. I, 62; есть различія въ текстѣ). Впервые она была напечатана въ Русс. Архивѣ 1881 г., № 1; см. также сборникъ «Бумаги А. С. Пушкина», т. М., 1881 г., стр. 131, и въ собраннй сочиненій Пушкина писана П. А. Ефремовымъ изд. 1882 г., I, 325). Ученый докторъ Панцлюсъ—одинъ изъ героевъ популярной сатирической повѣсти Вольтера «Кандидъ или оптимизмъ», преподаватель метафизико-теологическо-космо-психологіи; оны страдаетъ той болѣзью, которая влечетъ за собою разрушеніе носового хряща.

298. ЗАВИДУЮ ТЕБѢ, ПИТОМЕНЬ МОРЯ СМЪЛЫИ.

(т. II, стр. 81).

Стихи эти находятся въ 2369-ой тетради московскаго Румиловскаго музея (д. 12), безъ заглавія, и были напечатаны (первые пять стиховъ П. В. Анненковымъ въ его изданнй т. I, стр. 353) какъ примѣръ посланія къ одному изъ товарищей поэта, подъ заглавіемъ: Къ М. — Матюшкину, какъ сказано въ алфавитномъ указателѣ цитир. изд., VIII, 166. Это, конечно, ошибка; О. О. Матюшкинъ (о немъ см. примѣчаніе № 456), лирическій товарищъ Пушкина, не могъ быть названъ, подъ сѣбно парусовъ и въ буряхъ послѣднимъ... Можетъ быть, Пушкинъ самъ относилъ ихъ не къ опредѣленному лицу, а къ типу старика моряка, морскаго волка. Они находятсѣ среди чернишковъ первой главы Евгения Онегина, начатой въ 1823 г. и, можетъ быть, ихъ съ болѣющимъ основаніемъ можно датировать 1824 годомъ, гдѣмъ 1824.

¹⁾ Въ подлинникѣ написано «Эпиграмма». Но несогласности въ этомъ написаннй, заглавіемъ его первымъ стихомъ. *Рос.*

299. ПАНЕРСНИЦА МОИХЪ СЕРДЕЧНЫХЪ
ДУМЪ.

(т. II, стр. 81).

Этотъ набросокъ, находящийся въ хранящейся въ Императорской Публичной Библиотеке записной книжке Пушкина (д. 36), впервые былъ напечатанъ Н. О. Морозовымъ¹⁾ въ изд. «Просвещения» I, 306. Морозовъ (ibid., 617—618) сблизилъ его со второй строфою пьесы «Раздука» («Умиліе» см. выше, т. I, № 98):

И ты со мной, о дѣра приуныла,

На персница души моей болыной...

О, вѣрная, грусти, грусти со мной!

Своихъ стиховъ 1816 г. Пушкинъ не печаталъ, и можно думать, что набросокъ 1821 г. представляетъ собою попытку переработанныхъ, остановившихся въ самомъ началѣ.

300. ВЕЧЕРНЯ ОГОЩА ДАВНО.

(т. II, стр. 81).

Этотъ набросокъ находится въ хранящейся въ Императорской Публичной Библиотеке записной книжке Пушкина 1820—1821 гг. (д. 31—32). Впервые онъ былъ напечатанъ въ изданіи «Просвещения», I, 305—307, гдѣ былъ разобранъ не безъ ошибокъ («жена» вмѣсто «монаха» и др.; см. исторію текста); впрочемъ, мѣстами онъ разбирается съ большимъ трудомъ. Стихи 19—21 напоминаютъ одно мѣсто въ окончаніи «Бахчисарайскаго Фонтана», для котораго Пушкину пришлось этотъ «запасъ»:

Безумецъ! полно, перестань...

Милейшимъ снамъ любви несчастной

Заплачена тобою дань...

301. Я СЛУШАЮ ТЕБЯ И СЕРДЦЕМЪ
МОЮ ДЬВУ.

(т. II, стр. 81).

Черновой набросокъ находится въ тетради московскаго Румянцеваго музея № 2365 д. 38; впервые онъ былъ напечатанъ въ «Русс. Архивѣ» 1881 г. см. также сборникъ «Бумаги А. С. Пушкина», изд. I, М., 1881 г., 130 и вошелъ въ ефремовск. изданіе 1882 г. I, 324. Затѣмъ онъ появился въ изданіи литерат. фонда I, 264. Рукопись вся исчеркана и очень неразборчива; поэтому текстъ, даваемый разными изданіями, далеко не тождественны²⁾. Весьма возможно, что это набросокъ посланія къ Д. В. Давыдову см. выше, № 271, пѣвцу любви, бутылки и усюкъ. Въ одномъ изъ своихъ посланій къ знаменитому «ѣрз-забѣякъ» Бурцову Давыдовъ писалъ: «Пусть мой усъ, краса природы, чернобурый, въ завиткахъ, прѣсѣчетъ въ вѣны годы... Къ 1821 г. набросокъ относится и по связи съ посланіемъ. «Недавно я въ часы свободы...» и по положенію среди черновиковъ.

¹⁾ Нашъ текстъ отличается отъ этого текста тѣмъ, что зачеркнутыя въ рукописи слова мы поставили въ скобки. *Рео.*

²⁾ Майковъ (Материалы, 112) произвольно выбросилъ начало. Наша редакция менѣ стройна, но и въ подробности приражаивать черновой набросокъ. *Рео.*

302. НЕ ТѢМЪ ГОРЬКУ СЪ Я, МОИ ДѢВЦЕЦЪ.

(т. II, стр. 81).

Черновой набросокъ этотъ находится въ хранящейся въ Им. Публичной Библиотеке записной книжке Пушкина 1820—1821 гг. (д. 38—39). Впервые онъ былъ напечатанъ въ изданіи литературнаго фонда I, 264—265. Рукопись мѣстами неразборчива — ср. исторію текста. Къ кому обращается Пушкинъ, неизвѣстно. Набросокъ чрезвычайно интересенъ какъ выраженіе взгляда Пушкина на свое призваніе: въ поэзіи для него заключается нечто выше и славы, и любви, и плодотворной роли общественнаго дѣателя, дающаго высокое нравственное удовлетвореніе; все это — ничто въ сравненіи съ радостью творчества, съ его думами и мечтаніями. Высшей горькостью для него была не мзрующая прелесть стиха, смывавшая непокорное дѣвичье сердце, не сила наводимаго страху сатирическаго бича, не широкая извѣстность его имени, а поэтический даръ самъ по себѣ. Въ «Разговорѣ» кн. опрощающа съ поэтомъ (1824 г. мы находимъ слова поэта, взятые Пушкинымъ изъ «запаса», даваемого этимъ наброскомъ: «Мои слова, мои пѣнныя коварной силой шлода смывать умѣли въ сердцѣ дѣвы волненіе страха и стыда... Книгопродавецъ говорить своему собесѣднику: «Завидѣвъ вашу удѣлу: поэтъ казнитъ, поэтъ вѣнчаетъ, злодѣвъ громомъ вѣчныхъ стрѣлъ въ потопствѣ дальномъ поражаетъ... Слава замѣнила вамъ мечтанія гашающа отрады... Поэтъ отвѣчаетъ: «Блаженъ кто молча былъ поэтъ... Тѣ же мысли и много общаго въ выраженіяхъ. Въ стихахъ «Къ моему чернышницѣ» Пушкинъ вспоминалъ: «Съ глушцовъ сорвали одежду, я вѣло клемилъ зюла и невѣжду».

303. ВЪ ТВОЮ СВѢТЛИЦУ.

(т. II, стр. 82).

Этотъ набросокъ сохранился въ тетради московскаго Румянцеваго музея № 2365 д. 42 оборотъ; первые четыре стиха находятся въ хранящейся въ Импер. Публичной Библиотеке записной книжке 1820—1821 гг. (д. 49). Впервые напечаталъ его В. Е. Якушкинъ въ своемъ описаніи румянцевскихъ рукописей поэта («Русс. Стар.» 1884 г., апрѣль, 99). Въ предисловіи стихъ онъ вставилъ по догадкѣ, вполнѣ, впрочемъ, вѣрнотной, слово «лучей», рѣшающее съ послѣднимъ словомъ — «свѣчей»; третій стихъ былъ прочитанъ невѣрно; Н. О. Морозовъ въ изданіи литературнаго фонда I, 265 исправилъ его, сохранивши, однако, вставленное слово «лучей»¹⁾.

Стихотвореніе не закончено поэтомъ, но и въ неотдѣланномъ наброскѣ оно поражаетъ художественной цѣлностью, гениальной простотою, теплою и вѣжностью. Повидимому, въ немъ говорится о разлукѣ, предстоящей «любленнымъ», и чувство щемящей тоски превосходно выражено тѣмъ, что послѣдній, короткій стихъ жалобно обрываетъ пьесу, — словно внезапно порвалась стру-

¹⁾ Придерживаясь тетради № 2365, гдѣ стихотвореніе разработано, мы не помѣстили «лучей» даже какъ догадку, потому что на это и намѣка нѣтъ въ рукописи. Ср. въ исторіи текста. *Рео.*

на... У полузабытого поэта Н. Г. Цыганова, имени которого еще живуть в народе, есть стихи, начало которых приводим как параллель шесть Пушкина:

Не сиди, мой друг, поздно вечером,
Ты не жи сивбу воску драго,
Ты не жи мена до полуночи...

304. ВО ВРЕМЕНА ЦАРЯ ДОДОНА.

(т. II, стр. 82).

Извлечено из нечерканного наброска, находится в 2365-ой тетради московского Румянцева музея л. 43, который впервые пробовал разобрать В. Е. Якушкин в «Русс. Стар.» 1884 г., апрель, 99). Видимо, представляет собою начало шутливого стихотворения. К в 1821 г. набросок относится по положению среди черновиков. Ср. историю текста.

305. ВОТЪ МУЗА, РЕЗВАЯ БОТМУНЯ.

(т. II, стр. 82).

Этот набросок находится в 2365-ой тетради московского Румянцева музея (л. 39). Впервые он был напечатан П. П. Бартевым в «Русс. Архив» 1881 г.; см. сборник «Бумаги А. С. Пушкина», т. II, 1881, стр. 130. В собрание сочинений Пушкина внесены П. А. Ефремовым изд. 1882 г., т. I, 324. Н. О. Морозов изд. Просвещения I, 308 напечатал его в исправленном виде. К в 1821 г. он относится по положению среди черновых этого года. Новичному, это начало дружеского послания. Ср. историю текста.

306. ПРИМИ ВЪ ЗАЛОГЪ ВОСПОМНАНЬЯ.

307. НЕ УДИВЛЯНЬЯ, МВЬНЫИ МОИ

(т. II, стр. 82).

Оба наброска, относящиеся, может быть, к в одному лицу, но неподданному стихотворению, находятся в очень нечерканном, неразборчивом черновик в 2365-ой тетради московского Румянцева музея л. 39. Впервые их напечатал В. Е. Якушкин в «Русс. Стар.» 1884 г., апрель, 97. П. А. Ефремов Соч. П. изд. А. С. Суворина, VIII, 185), связывая эти стихи вместе, считает их наброском послания к в П. С. Алексееву (3), при котором Пушкин собирался сообщить другу Гавриладу (начатое, быть может, еще в 1821 г. П. О. Морозов) расценивать наброски, относя первые к в Гавриладу (изд. Просвещения III, 199), а второй диатир. изд. I, 603 к в шесть Христось, подростъ, мой Ревекка... (см. выше, № 268). По содержанию они, пожалуй, могут относиться к в Гавриладу, героиня которой—еврейка и т. д. действительно, есть опасные стихи, и проч. П. Лернеръ, «Что новое о Пушкин в Кишинев»—Бессар. Губериск. Вѣстн. 1902 г., № 88).

308. ГРЕЧАНКА, Я ЛЮБЮ ТЕБЯ.

(т. II, стр. 82).

В в 2365-ой тетради московского Румянцева музея л. 34 находится этот набросок, который впервые попробовал разобрать В. Е. Якушкин в «Русс. Стар.» 1884 г., апрель, 94. Позднее разобрал его П. О. Морозов в изд. Просвещения I, 631—632 (3). Как Морозов, так и Ефремов изд. А. С. Суворина, VIII, 186 относят эти стихи к в той же женщине Калисе Полихрон, которой Пушкин в в 1822 г. посвятил стихотворение «Гречанка». Между тем, судя по имени гречанки—*Ελεθερα*, свобода, здесь под в эпон. Элеферией разумеется свобода, в в толь греческого воззатия олицетворенная поэтом в образ в прекрасной гречанки, пышной южной красот в которой вретна холодная Россия. Образом в женщины, внешне, прикрыта абстракция, и искать здесь ст в ову сердечного увлечения Пушкина нет в достаточных оснований.

309. ВЪ ЮРЗУ ФЪ БЪДЪНЫИ МУЗУЛЪМ АНЪ.

(т. II, стр. 82).

Черновой набросок, находящийся в в 2365-ой тетради московского Румянцева музея (л. 34—35), был впервые разобран и напечатан В. Е. Якушкиным в «Русс. Стар.» 1884 г., апрель, 94—95; позднее он был напечатан в издании литературного фонда (I, 266—267), еще позднее—в маюковских «Материалах в для академического издания сочинений Пушкина», стр. 143—145. Рукопись вся нечеркана и м в етами, особенно в в конце, очень неразборчива (ср. историю текста). Б в дыни Музулманъ в в одном м в еть назван Махмутъ, а в в другом—Мехметъ; жена его в в одном м в еть—Сейма, а в в другом—Фатима. Новичному, это начало шутливого рассказа из в быта крымских татаръ, который полюбилъ Пушкину. В в известном письме в в Дельвину декабрь 1824 г. поэт живо описывает картину пленительную Крыма—плоския в в ови х в ижия татарскихъ... тополи, как в зеленая колонны... синее чистое небо, и в в ельное море, и в в еськ в в и воздух в в подуханный... В в шест в в токе 1821 г., «Желание. Кто в в еть в в раи... (см. выше, № 272) упоминаются б в дыни простых татаръ семьи, которые среди забот в в с в в дружбео взаимной по в в кровлею живуть гостеприимной...

310. КРАСЫ ДАНСЪ, ЗАВЪТЪНЫИ ШИРЫ.

(т. II, стр. 83).

Неотбыданное стихотворение это находится в в тетради московского Румянцева музея № 2365 л. 36 оборотъ, и впервые было напечатано в «Русс.

3) В в чтении П. О. Морозова не м в то произвольного (ср. историю текста). Наму редакцию с в в еть дополнить. Мы не обратили внимания, что наверху л. 34 можно еще прочитать совершенно отчетливо:

Живи сама Элеферия
красот в в
Вретна холодная Россия
(Привыкнешь там в в

Ред.

Стар. 1884 г., апрѣль, 95—96, а затѣмъ вошло въ изданіе П. О. Морозова 1887 г., I, 287, съ отнесеніемъ къ 1822 г., повтореннымъ Морозовымъ въ слѣдующемъ его изданіи Провидѣя, I, 335, съ зѣвомъ согласенъ и П. А. Ефремовъ (сочин. П., изд. А. С. Суворина, I, 173). Вѣрнѣе будетъ отнести пьесу по ея положенію среди пушкинскихъ черновиковъ къ 1821 г., J. П. Машковъ «Материалы для изслѣч. изд. сочин. П.», стр. 176—177 считаетъ ее частью или вариантомъ стиховъ 1822 г. «Ты правъ, мой другъ...» ниже, № 364. Уже и онъ казался прежде мнѣ... № 365 и Вездѣ время, свѣира или вѣнецъ... № 366. Но эстетическому настроенію¹⁾ стихи повѣстительно допускаютъ такое сбавленіе, но настроеніе это слишкомъ общее; оно отъ времени до времени не разъ навѣдало Пушкина. Къ тому же эти стихи находятся въ разныхъ тетрадахъ П. О. Морозовъ изд. Провидѣя, I, 640—641 отмѣчаетъ сходство пьесы съ слѣдующими строфами посланія Батюшкова «Къ другу» 1816 г.:

Сказки, мудрость младой,—что прочно на землѣ
Гдѣ постоянно жизни счастье?
Мы области призраковъ обманчивыхъ прошли,
Мы ищи чашу сладострастья...
Но гдѣ минутный шумъ веселья и широкъ,
Въ вѣкъ потопления чашъ?
Гдѣ мудрость свѣтская сіяющихъ умовъ,
Гдѣ твой фалернъ и розы чашъ?

311. A SON AMANT EGLE.

(т. II, стр. 83).

Эпиграмма эта находится въ 2365-ой тетради московскаго Румянцеваго музея л. 39 оборотъ. Впервые она была напечатана въ Русс. Архивѣ 1881 г., № 1; см. сборникъ Бумаги А. С. Пушкина—I, М., 1881 г., 130. П. А. Ефремовъ внесъ ее въ оба свои изданія Пушкина первое, I, 524; второе, VIII, 173—176. П. О. Морозовъ въ обоихъ своихъ изданіяхъ цитировалъ ее, очевидно, считая не принадлежащей Пушкину, а только записанной имъ. Пьеса Eglé приводить на память Алаю Антоновичу Давыдову, въ которой эпиграмма по содержанию могла относиться см. №№ 261, 287, 328. Въ рукописи есть поправки, но и онѣ не свидѣтельствуютъ объ авторствѣ Пушкина, который могъ поправить воспоминаемые имъ чужіе стихи, желая возстановить ихъ какъ можно точнѣе въ своей памяти. Пушкину случалось записывать чужіе французскіе стихи; см. выше, прим. къ № 90 Г. т. и 213. Но и категорически отрицать его авторство нѣтъ основаній²⁾. Можно предположить, что французскіе стихи должны были скорее дойти до Давыдовой, чѣмъ русскіе; вопросъ, зна-

ла ли она по-русски; въ ея кругу всѣ говорили по-французски, и Пушкинъ даже издаловался однажды брату шестю 27 іюня 1821 г.; «съ моими конституціонными друзьями я скоро позабуду русскую азбуку». Весьма возможно, что это-то, а не другіе, стихи и были причиной ея гибели на Пушкина, который подумывалъ эмиграціи см. выше, примѣч. къ № 261. Осторожнѣе было-бы эту эпиграмму отнести къ числу приписываемыхъ Пушкину стиховъ.

312. ПРОГРАММА И ОТРЫВОКЪ КОМЕДИИ ВЪ СТИХАХЪ.

(т. II, стр. 83).

Программа и отрывокъ комедіи находятся въ 2365-ой тетради московскаго Румянцеваго музея л. 40—41. Программу впервые напечаталъ П. В. Анненковъ «Пушкинъ въ Александровскую ашеу», стр. 160—163, причемъ не сообщилъ, что въ рукописи непосредственно за программой находится и начало комедіи, сначала въ прозѣ, потомъ въ стихахъ. Часть стиховъ (отъ Казармы правится... до конца) напечаталъ впервые П. П. Баргневъ въ Русс. Архивѣ 1881 г., № 1 см. также сборникъ Бумаги А. С. Пушкина, I, М., 1881, стр. 130—131, но перелатъ текстъ небрежно. Всю неопубликованную Анненковымъ часть напечаталъ В. Е. Якушкинъ въ своемъ описаніи румянцевскихъ рукописей поэта Русс. Стар. 1884 г., апрѣль, 98—99. На оборотѣ 40-го листа тетради, между словами: Конецъ и Бр. Рам. С. есть поэмта: 4 іюня ночью, 5 іюня поутру» и меншою ниже: Децилье—фамилія французки, съ которымъ у Пушкина было столкновение, быть можетъ, служащая датой набросковъ комедіи; въ настоящемъ изданіи—первый абзацъ, а затѣмъ— все остальное Анненковъ (т. с.) даетъ слѣдующее объясненіе: «Пушкинъ хотѣлъ написать комедію или драму потрясающаго содержанія, которая могла бы выставить въ позорномъ свѣтѣ безобразіе крѣпостничества, а вмѣстѣ съ тѣмъ показать и темныя стороны самаго образованнаго общества нашего. Программа такой комедіи или драмы, затерянная въ бумагахъ поэта, изложена въ довольно странной формѣ. Всѣ дѣйствующія лица будущей драмы названы въ ней по именамъ предполагаемыхъ ее исполнителей на сценѣ, т. е. фамиліями тогдашнихъ знаменитыхъ актеровъ петербургскаго театра... Изъ сличенія обихъ программъ оказывается возможность предположить правдоподобное изъясненіе всего плана будущей комедіи. По нашему мнѣнію, пьеса должно было заключаться въ томъ, что аристократическая вдова (Валберхова), имѣющая любимаго ею брата, жаждетъ спасти его отъ несчастной страсти къ шпрѣ. Она совѣтуется съ своимъ любовникомъ, тоже изъ высшаго свѣта и тоже проворомъ, но уже опытнымъ и знакомымъ съ продвѣжами шудера. Любовникъ обѣщаетъ ей содѣйствіе и на первомъ же игорномъ вечерѣ Сосницкаго встрѣчаетъ полнаго (?) шудера, Рамазанова, узнаетъ его и принуждаетъ обыграть хозяина, пополамъ съ собою, но въ шутку. Такъ и дѣлается. Ночь конецъ сеанса они заставляютъ Сосницкаго поставить на варту своего стараго дядьку Величина. Происходить разрывающая сцена, кончав-

1) Мы ввели въ текстъ зачеркнутыя въ 5 стихѣ усталыя слова (Все скучно мнѣ) и тогда стихотвореніе получаетъ цѣльность. Въ редакціи В. Е. Якушкина, принятой Морозовымъ и Ефремовымъ, между 1 и 2 куплетами нѣтъ связи. Реда.

2) Мы задумывались надъ вопросомъ о томъ, сочинилъ-ли Пушкинъ это стихотвореніе или только вписалъ въ тетрадь. По обилію поправокъ какъ будто говорить о творчествѣ. Характерно именно для творчества то, что Eglé первоначально названа у Пушкина *Lais*—дма постоянно тогда вѣрившееся подъ перомъ Пушкина. Реда.

щася наставлениями и поучениями и проч. Вотъ какого рода обвинительную комедию задумывалъ Пушкинъ въ Кишиневѣ». Действительно, начало программы (первый абзацъ) представляетъ собою небрежный очеркъ того, что несколько подробнѣе развивается далѣе, по Анненкову, довольно правдоподобно истолковывая предполагаемое содержание пьесы, безъ достаточныхъ оснований придалъ ей своеобразное политическое истолкованіе, рѣшивъ, что Пушкинъ имѣлъ въ виду обвиненіе. Между тѣмъ мы имѣемъ дѣло, повидимому, съ комедіей нравовъ. Но имена актеровъ, впрочемъ, нельзя заключить, что авторъ надвѣлся провести комедию на сцену; въ его представленіи эти имена, выражавшія каждое особое амбуа, могли просто служить краткими символами намѣченныхъ характеровъ.

Въ комедіи есть бытовая и политическія черты. Главный герой пьесы Сосницкіи, типичный представитель тогдашней передовой молодежи, о которой Пушкинъ писалъ впоследствии («Отрывки изъ романа въ шельмахъ»): «Въ то время строгость правилъ и политическая экономія были въ модѣ. Мы являлись на балы, не снимая шляпъ; намъ неприлично было танцовать и некогда занимался дамами». Евгений Онегинъ тоже отдавалъ дань этому духу времени: онъ считалъ Адама Смита и былъ глубокой «экономъ»... Отвѣты молодого «либералиста» (Сосницкаго) сестрѣ (Валберховой), что въ свѣтѣ «всѣхъ брашнышекъ—скушно», «не найдешь живого человѣка въ обширномъ обществѣ», напоминаютъ слова самого Пушкина въ посланіи 1819 г. къ кн. А. М. Горчакову:

... Признаюсь, мнѣ во сто кратъ милѣе
Младыхъ повѣсь счастливая семья,
Гдѣ умъ кипитъ, гдѣ въ мысляхъ волея а...
Чѣмъ вялое, бездушное собранье,
Гдѣ умъ хранитъ певольное молчанье,
Гдѣ холодомъ сердца поражены...
Гдѣ глушьюю единой всѣ равны.

Усматривая въ задуманной комедіи духъ политическаго протеста, Анненковъ видитъ въ ней необходимую ступень къ политическому трагедіи

Вадимъ, которая тоже остановилась въ самомъ началѣ. Комедія отражаетъ также интересъ Пушкина къ театру, гдѣ «ночь свайю кулись златыя ши мои несидеть», какъ писалъ онъ въ Онегинѣ.

Яковъ Григ. Бринскіи (Григорьевъ, 1790—1833) поступилъ на сцену 11 сентября 1811 г. О немъ см. «Репертуаръ и Пантеонъ» 1833 г., № 6, и воспоминанія А. Я. Головачевой-Нанаевой

Русскіе писатели и артисты, Сиб., 1890 г., стр. 1—30. Марья Иван. Валберхова (1788—1867), дочь балетмейстера Императорскихъ театровъ, ученица кн. А. А. Шаховскаго, была выдающейся величиной на русской сценѣ первой половины XIX вѣка; она счастливо соизначала съ Е. С. Семеновою П. П. Божерановъ, Падюстрип, ист. русск. театра XIX вѣка, I, отд. III, стр. 13—14).

Мих. Васил. Величанинъ (1783—1848)—комикъ, подвизавшійся на петербургской сценѣ въ 1815—1819 гг. Александръ Никол. Рамазановъ (1797—1828) былъ хорошимъ актеромъ на амбуа служб. Боженковъ игралъ вторяя роли. Пв. Пв. Сосницкіи (1794—1874), съ которымъ Пушкинъ былъ близко знакомъ, шестьдесятъ лѣтъ подвизался на сценѣ и сыгралъ болѣе 360 ролей: Арестантъ въ «Молодыхъ супругахъ» Грибоьева, Арестантъ,

Гартофль, Городничій, Фальстафъ. (Божерановъ I, вып. 2, отд. III, 45—47).

Жюмпи (1779—1860)—известный французскій восточный писатель, бывшій тогда въ большой модѣ; образованные восточны увлекались имъ, и на это жаловался Денисъ Давидовъ, слова котораго: Жюмпи да Жюмпи, а объ подкъ—ни под-слово» вошли въ поговорку. Ошибки, которыя были, по мнѣнію свѣта «ученыи малки, но незантъ», могли поговорить и поспорить о карбонарахъ, о Париж, объ генералѣ Жюмпи.

313. ВСЕ ЖАЛОБЫ, УПРЕКИ, СЛѢЗЫ.

т. II, стр. 84.

Автографъ этого отрывка, недоступный для общаго пользованія, находится въ принадлежавшей академіи наукъ майковской коллекціи рукописей Пушкина «Писемъ современники IV, 4, № 8; по словамъ описанія коллекціи, неперканныи карандашныи черновикъ пишется стихомъ, который Анненковъ вынулъ»:

Она меня зоветъ, поѣду или ибѣтъ...

Конечъ также не приведенъ Анненковымъ. Вероятно, съ этого подлинника впервые напечаталъ его Анненковъ въ первомъ изданіи своихъ Матеріаловъ для біографіи Пушкина, 1835 г., стр. 352, съ замѣчаніемъ: «можетъ быть этотъ добротный отрывокъ порожденъ какой-нибудь близкашней причиною, которая уже для насъ потеряна». Впоследствии Анненковъ (II, въ Александровскую эпоху, стр. 163) думалъ, что эти стихи принадлежатъ къ той же мысли о комедіи въ крѣпостномъ и шудеркаго міра (т. е. къ № 312, С. В.), только планъ ея уже измѣнился несколько, и вмѣсто брата и сестры является на сцену мать и сынъ.¹

314—318. ОТРЫВКИ АД. КОМ. ПОЭМЫ

т. II, стр. 85.

Изъ этихъ отрывковъ впервые появился въ печати тотъ, который обозначенъ у насъ № 2, опубликованныи П. В. Анненковымъ въ VII томѣ

1) Попытку Анненкова установить связь между отрывками, обозначенными у насъ №№ 312 и 313 мы признаемъ совершенно произвольной и потому ихъ раздѣлили. Въ самомъ дѣлѣ благодаря программѣ, оставъ комедіи, отрывки которой обозначены у насъ № 312, вошли десять: преть нами и всѣхъ действующихъ лица и ось пьесы—картежъ. Въ отрывкѣ же № 313 совершенно нова лица: мать, Адель, мужъ и семейство; иные мотивы: постылая жена, исканіе новыхъ связей, увлеченіе свѣтскою жизнью.

Недостаточно критически отнесшись къ попыткѣ Анненкова, П. О. Морозовъ и вслѣдъ за нимъ Ефремовъ печатають оба отрывка какъ части якобы одного дѣлано, что явно ошибочно. Проблематична и датировка второго отрывка, такъ какъ рукопись «Все жалобы, упреки» пока недоступна. Собственно говоря, всякое приуроченіе къ какому-нибудь году тутъ не обосновано. Помѣщаемъ оба отрывка рядомъ, чтобы подчеркнуть, что преть нами два творческихъ замысла, а не одинъ, какъ то слыхъ порѣ считалось. Ред.

своего издания, стр. 88—89, съ слѣдующимъ примечаніемъ: «Представляемъ одинъ нѣсколько свидѣній отрывокъ изъ сатирической поэмы, какую задумалъ Пушкинъ въ Кишиневѣ и бросилъ послѣ нѣсколькихъ стиховъ. Дѣйствіе поэмы должно было происходить при дворѣ сатана, а дѣйствующими назначались люди, события, понятія той эпохи съ приличной обстановкой, но онъ еще былъ молодъ для большой насмѣлки, да и сатира не лежала никогда въ свойствахъ его таланта. (Объ этомъ отрывкѣ см. въ ст. П. П. Баргенева «П. въ Южной Россіи» — Русс. Арх. 1866 г., 1179.). Другіе отрывки Анненковъ напечаталъ въ своей книгѣ «П. въ Александровскую эпоху», стр. 176—178. Наброски сохранились въ тетрадахъ московскаго Румянцеваго музея № 2365 л. 50 и № 2370 (л. 54 об.), и нѣсколько стиховъ изъ нихъ привелъ В. Е. Якушкинъ въ описаніи румянцовскихъ рукописей Пушкина — Русс. Стар. 1884 г., апрѣль, 102; июль, 28—29, и П. П. Баргенева — Русс. Арх. 1881 г., № 1; Бумаги А. С. Пушкина, I, М., 1881, стр. 131.

Якушкинъ II т. академич. изданія, прим., стр. 161 видитъ первый опытъ этой поэмы въ черновомъ наброскѣ 1819—1820 гг. Скажи, какія заклятыя... см. выше, № 319, примѣч.

Разсказывая о «Бисовскомъ» циклѣ рисунковъ Пушкина (образцы ихъ см. выше, на 86 и 87 страницахъ), Анненковъ выражаетъ мнѣніе, что они были предтечами и, такъ сказать, живописной пробой серьезнаго литературнаго замысла — именно большой политической и общественной сатиры, которая и начинается въ средѣ ихъ, какъ въ своемъ настоящемъ источникѣ. Дѣйствіе ея должно было происходить тоже въ аду, при дворѣ сатаны. Если судить по нѣсколькимъ стихамъ или думамъ, по нѣкоторымъ обложкамъ стиховъ, вырванымъ нами изъ хаоса и то съ великимъ усиленіемъ ея перемаранныхъ строчекъ, поэма началась у Пушкина довольно торжественно. Путь сомнѣнія, что слѣдующія строчки отзываются чѣмъ-то торжественнымъ: Во тѣхъ кровинной... и т. д. Приемы эти, однако же, скоро пропадаютъ, и уже въ отрывкахъ, добытыхъ нами изъ второго пристѣпа Пушкина къ своей поэмѣ, они смѣняются прозой и шуткой, обнаруживая гораздо большую развязность вѣсти, чѣмъ прежде. Считаю нужнымъ еще разъ повторить, что стихи, которые мы приводимъ, никакъ не могутъ (?) считаться стихами въ настоящемъ смыслѣ слова, и о томъ, что бы вышло изъ нихъ у Пушкина, не даю ни малѣйшаго (?) понятія». Привелъ отрывокъ, помѣщенный въ наст. изданіи № 4, Анненковъ замѣчаетъ: «Кто этотъ отбѣтчикъ, мы не знаемъ. Разговоръ между посетителемъ, ади его руководителемъ, неизвѣстнымъ. Виргиліемъ поэма, продолжается еще далѣе въ томъ же тонѣ... Процитировавъ отрывки, обозначенные въ наст. изданіи № 5 и № 3, предполагаю, что упоминаемый въ послѣднемъ докторъ Ф. — не Фрикель ли, извѣстный кишиневскій врачъ того времени», Анненковъ заключилъ: «Итакъ, вотъ всѣ осколки какого-то литературнаго замысла. Но отсутствію программы, на этотъ разъ совершенно недостающей, сверхъ обыкновенія, сатирической поэмѣ Пушкина, всякія догадки о ея содержаніи, конечно, становятся невозможны, но, однако же, позволительно, думаемъ, слѣдять предположенію, что въ числѣ грѣшниковъ, варируясь въ аду, и въ сомнѣніяхъ, созданныхъ на праздникъ тещина, явились бы у Пушкина нѣкоторые лица городского

кишиневскаго общества и наиболее знаменитыя политическія имена тогдашней Россіи, приемъ которыхъ въ подземномъ царствѣ соответствовалъ бы, разумѣется, представленію актора о ихъ былой или текущей земной дѣятельности... По роду своего таланта Пушкинъ не могъ тольо выдерживать, несмотря на нѣ искусственныя возбужденія духа, чисто-сатирическаго настроенія. Вотъ почему сатанинская поэма, задуманная имъ, была брошена послѣ нѣсколькихъ приемовъ и уступила мѣсто другой, не менѣе сатанинской, но болѣе чувственной и страстной поэмѣ. (Речь идетъ о «Гавриладѣ» д. Анненковъ такъ же неправильно оцѣниваетъ содержаніе и значеніе этихъ отрывковъ, какъ и особенности таланта Пушкина, будто бы недоступнаго долготу сатирическому настроенію. Почему Анненковъ рѣшилъ, что поэма должна была имѣть политическій замыселъ, понять трудно. Самъ же биографъ правильно пишетъ, что о содержаніи ея можно лишь смутно догадываться.

319. ТЕКНТЕ МЕДЛЕННѢИ ВЪ МОЕМЪ ВОСПОМНАНІИ

(т. II, стр. 88.)

Исчерканный и неоконченный набросокъ этотъ находится въ 2365-ой тетради московскаго Румянцоваго музея л. 43. Впервые онъ былъ напечатанъ въ «Русс. Старинѣ» 1884 г., апрѣль, 100¹. Своимъ общимъ тономъ и грустнымъ лиризмомъ эти два стиха приближаются къ нѣкоторымъ мѣстамъ нѣсѣе «Чадаеву» (№ 266 и «Къ Овидію» № 279), гдѣ Пушкинъ говоритъ о себѣ или намекаетъ на свою судьбу.

320. НАПРАСНО РОИЦУ ОГЛАШАЕТЪ.

(т. II, стр. 88.)

Эти два стиха единственные, которые можно разобрать въ исчерканномъ черновикѣ, находящемся на оборотѣ 45 л. 2365-ой тетради московскаго Румянцоваго музея. Они впервые напечатаны въ «Русс. Стар.» 1884 г., апрѣль, 100.²

321. ОДНА ЧЕРТА РУКИ МОЕЙ.

(т. II, стр. 88.)

Эти два вѣжливые, ласковые стиха записаны въ 2365-ой тетради московскаго Румянцоваго музея (л. 46). Впервые они были напечатаны В. Е. Якуш-

1 Въ собраніе соч. Пушкина до сихъ поръ не вводился. Наша редація нѣсколько разнится отъ редакціи В. Е. Якушкина, который читаетъ: медленно, безнечной радости. Реда.

2 Въ собраніе соч. Пушкина до сихъ поръ не вводился. Ср. исторію текста.

Эти сами по себѣ совершенно незначительные стихи имѣютъ интересъ какъ указанія на замыселъ какого-то произведенія эпическаго характера. Реда.

книжкѣ въ Русс. Стар. 1884 г., апрѣль, 100¹. См. снимокъ съ рукописи выше, на стр. 159.

322. ДО МЕНЯ ДОХОДИТЬ.

т. II, стр. 88.

Эти строчки находятся въ черновикѣ въ 2365-ой тетради московскаго Румянцеваго музея д. 48. Впервые онѣ были напечатаны В. Е. Якушкинымъ въ Русс. Стар. 1884 г., апрѣль, 101². Быть можетъ, онѣ составляютъ одно цѣлое съ идущими за ними на той же страницѣ и на слѣдующей черновыми стихами: «Молвой поны-
путли извѣстникъ ... Непримиримою судьбою ...
Младыхъ пировъ утихли смѣхи ...»

323. МОЛВОЙ ПОКНУТЫИ НЕЗНАНИКЪ.

324. НЕПРИМИРИМОЮ СУДЬБОЮ.

325. МЛАДЫХЪ ПИРОВЪ УТИХЛИ СМѢХИ.

(т. II, стр. 88.)

Черновые наброски эти, представляющіе собою, и по виду рукописи и по содержанию, одно цѣлое, находятся на той же обратной страницѣ 48 д. 2365-ой тетради московскаго Румянцеваго

1. Въ собраніи соч. Пушкина до сихъ поръ не вволился. Ред.

2. Въ собр. соч. Пушкина не вволилось. Съ поправками набросокъ имѣеть такой видъ:

до меня доходятъ—
мѣхъ

И мѣхъ звукъ знакомыхъ струвъ
Печаль на душу мѣхъ навонитъ.

Ред.

музея, гдѣ записаны прѣдидущіе набросокъ. До меня доходятъ ... и на слѣдующей страницѣ 49 д. Пушкинъ воспользовался кое-чѣмъ изъ этихъ для стиховъ: Горнишъ дѣтъ, замчатъ наша ... которые послалъ И. П. Голостому въ письмѣ 26 сентября 1822 г. Ихъ напечаталъ В. Е. Якушкинъ въ Русс. Стар. 1884 г., апрѣль, 104—102, кромѣ двухъ стиховъ, обозначенныхъ въ настоящемъ изд. № 323, появившихся въ московскихъ Материалахъ для академическаго изданія сочиненій П. д., стр. 164³.

326. ЧУГУНЪ КАДУЛЬСКИИ, ТЫ СЪВЯЩЕНЪ.

т. II, стр. 88.

Этотъ набросокъ, находящійся въ тетради московскаго Румянцеваго музея № 2365 д. 30, былъ впервые напечатанъ въ Русс. Стар. 1884 г., май, 334, а затѣмъ вошелъ въ изданіе литературнаго фонда 1. 265. Здѣсь говорится, очевидно, о битвѣ при Кадуль. Бессарабія являлась Пушкина героическими воспоминаніями. Въ 1822 г. онъ писалъ Баратынскому: Слѣдующая страна священна для души поэта, она Державинымъ воспѣвана славой русскаго поэта. Въ лиричѣ Цыганѣ Пушкинъ говоритъ о ней, какъ о странѣ, гдѣ долго, долго брани уважаемый дулъ, не умолкать, гдѣ поведительная брани Стамбуду Русскій указать, гдѣ старинъ царь Орель двудавный еще шумитъ эндувиенъ славой ... См. выше, примѣч. къ № 216.

1) № 325 гдѣ мы кое-что читаемъ не такъ какъ Манковъ, ср. исторію текста очень характерна для изученія пушкинскаго творчества. Въ такой же мѣрѣ, въ какой Пушкинъ былъ медитателенъ въ окончательной отбавкѣ, онъ былъ быстръ въ первоначальной концепціи: начать строчку, онъ ее не доканчиваетъ, у него уже сложилась слѣдующая строка и онъ быстро къ ней переходить, чтобы затѣмъ съ тою-же быстротою переходить къ слѣдующимъ. Ред.

Н. Лернеръ.

СТИХОТВОРЕНІЯ 1822 ГОДА.

327. У КЛАРИСЫ ДЕНЕГЪ МАЛО.

т. II, стр. 119.

Появилось первоначально въ изд. 1826 г. стр. 101, затѣмъ повторено въ изд. 1829 (II, 158). Рукопись въ тетради Румянц. музея № 2367, д. II обор., гдѣ эпитаграмма читается такъ:

Эпитаграмма.

У Кларисы денегъ мало,
Ты богатъ *ищи-жь* къ лицу;
И богачею *къ ней* пристаю
И рога тебѣ къ лицу,
1822 Генив.

Въ печатной редакціи неправильно вѣсто и въ жъ—и ти и вѣсто къ ней—си, что, конечно, совершенно необходимо, потому что «къ ней пристаю» — оный смѣль, а «ей пристаю» —

совѣль шои. Но недоразумѣно, мы оставили во 2 строкѣ редакцію рукописи, между тѣмъ какъ слѣдовало держаться редакціи изд. 1826 и 1829 гг.

Возможно, что и эта эпитаграмма направлена противъ потери разореннаго эмигранта Аглан Давыдова и ея злободушнаго мужа (ср. прим. № 261, 287, 311, 328). Ред.

328. ПИОНЪ МѢГЪ МОЮ АЛЛАЮ.

т. II, стр. 119.

Вотъ тебѣ еще эпитаграмма, которую, ради Христа, не распускай, въ ней важныи стихи— правда, говоритъ Пушкинъ въ письмѣ изъ Киншеша къ брату, 24 января 1822 г., сообщая ему эту шесу; подлинникъ не къмъ находится въ московскомъ Румянцевакомъ музѣ. Въ издѣ гдѣ

колькихъ пакостей, посланныхъ Пушкинымъ Вяземскому въ концѣ 1822 или началѣ 1823 г., есть и эта эпиграмма, которую авторъ просить не показывать никому—ни Денису Давыдову, родственнику мужа Аглаи, Пушкинъ было хотѣлъ напечатать эпиграмму, но потомъ раздумалъ; въ тетради гр. Капниста, въ списекъ пьесъ, предназначенныхъ для почитовавшихся Пушкинымъ сборника 1826 г., написано д. 19: «Шонъ имѣлъ мою Даваяю а не Аглаю», и затѣмъ эта строка зачеркнута. Л. Майковъ, Автографъ П., принадлежатіе гр. П. П. Капнисту», Сибл., 1896, стр. 7. Стихи появились впервые въ «Библиографич. Запискахъ» 1858 г., т. I, № 1, ст. 6, и навлекли на журналъ зару. «Истор. Вѣдомости» перепечатали ихъ № 31, и тогда цензурный чиновникъ обратилъ вниманіе министра нар. проsv. А. С. Норова, что «содержаніе эпиграммы — безразличное, и выраженіе, въ ней употребленныя, весьма неблагопріятны». Редактору «Библ. Зап.» П. М. Щенкину и цензору фонъ-Круде было объявлено «строгое замѣчаніе». Пушкинъ и его современ., вып. VI, 37—38.

Объ Аглаѣ Антон. Давыдовой, противъ которой направлена эпиграмма, см. примѣч. №№ 261, 287, 311, 327 саму же А. А. Давыдовъ — № 380.

В. Д.

329. МОИ ДРУГЪ УЖЕ ТРИ ЦИЯ 1

т. II, стр. 119.

П. О. Морозовъ полагаетъ, что Орестомъ Пушкинъ называетъ П. С. Алексѣева, съ которымъ поэтъ близко сошелся ср. прим. № 270. Предположеніе это впрочемъ правдоподобно, такъ какъ трудно указать другое лицо среди Киншневскихъ знакомыхъ поэта, къ которому П. относился бы съ большою пріязнью, чѣмъ къ П. С. Алексѣеву.

Пушкинъ рассказываетъ въ этой пьесѣ о своемъ арестѣ, которому подвергъ его Пв. Никит. Низовъ. Смиренный Іоаннъ за дикую расправу съ молдавскимъ бояриномъ Теодоромъ Балшемъ. Дѣло заключалось въ слѣдующемъ.

У Балша была довольно пріятная, острая и словоохотливая супруга, женщина лѣтъ подь тридцать, Марія Маріола Егоровна.

Она хорошо владела французскимъ языкомъ и была дама съ претензіями. П. былъ не прочь

1 Ср. выше статьи А. Н. Яцимирскаго Пушкинъ въ Бессарабіи.

Настоящее стихотвореніе впервые издано въ пушкинскомъ тетрадѣ № 2366, д. 8, В. Е. Якушкинымъ. Русс. Ст. 1884, май, стр. 326. Версия уголь листа 8 оборота, и получилъ перерывъ, обозначенный въ текстѣ строчкою точкой. Наше чтеніе отличается отъ чтенія В. Е. Якушкина тѣмъ, что 1 въ строкѣ 10 мы читаемъ *нашь*, а не *наль* (чтеніе *наль* принято также Майковымъ и Морозовымъ и 2 Въ 9-ой Яскови, а не Яскови. Майковъ въ своихъ «Материалахъ», вѣроятно по недосмотру, пропустилъ стихъ 7. Законовъ, провозвѣстникъ.

Ред.

поболтать съ ней. Она могла иногда доходить до рѣчей пестра свободныхъ, что ей очень нравилось, и она въ этомъ случаѣ не оставалась въ долгу... Оценило, Марія Егоровна склонна была думать, что П. ею сильно заинтересованъ. Въ это время появилась въ киншевскихъ салонахъ пьеса «Албрехтина: дама была тогами цимя старше Балшь, но красивы; много читала романовъ, была очень любезна и въ общемъ отовинила Балшь на второй планъ: она умѣла поддерживать салонныя разговоры съ П. и то извѣстной степени увлекала его. У Балшь зародилась ревность; она начала шквароваться съ П., а получивъ отъ него отвѣтъ, что Албрехтина женщина низкой страсти, надумалъ окончатально. Пушкинъ сталъ съ нею сдержаннѣе и задумалъ любезничать съ ея дочерью. Аншою, столь же острою на словахъ, какъ и мать ея, но любезничалъ такъ, какъ можно было любезничать съ двнадцатилѣтнимъ ребенкомъ. Оскорбленное самолюбіе матери и ревность къ Албрехтинѣ она пошла любезничать съ ея дочерью: ребенокъ такъ, что будто-бы П. ждалъ этимъ показать, что она имѣетъ уже взрослую дочь, тошнито аютея. Отважилъ въ томъ Крушия е некаго, въ разговорѣ съ Маріей Егоровной, П. сказалъ: «Жакъ тоска! Хоть бы кто началъ подражать за себя!» П. намекалъ этимъ на обычай молдованъ пользоваться наемниками для расправы съ оскорбителями. Молдованка взыгнула. Да вы деритесь лучше за себя, возразила она.—Да съ кѣмъ-же?—

Вотъ хоть съ Старовыми; вы съ ними, кажется, не очень хорошо кончили. Это была претензійная дама; П. страдался съ компаніею егерскаго полка Сем. Никит. Старовымъ; обоими противниками было вышито по двѣ пули, но митель съ спыннымъ вѣтромъ не давала возможности прицѣлиться какъ должно, и дуэль не дала никакихъ результатовъ; ее отсрочили на некоторое время, а пріятель П. и Старова помирили ихъ.

П. почувствовалъ себя оскорбленнымъ словами М. Ег.: онъ замѣтилъ ей, что если бы на ея мѣстѣ былъ ей мужъ, то онъ сумѣлъ бы поговорить съ нимъ; поэтому ничего не остается больше дѣлать, какъ узнать, такъ ли и онъ думаетъ. Прямо отъ нея П. идетъ къ карточному столу, за которымъ сидѣлъ Балшь, вызываетъ его и объясняетъ, въ чемъ дѣло. Балшь пошелъ разсрочить жену, но та ему отвѣтила, что П. наговорилъ ей дерзостей. Какъ-же вы требуете отъ меня удовлетворенія, а сами позволяете себѣ оскорблять мою жену —сказалъ возвратившійся Балшь. Слова эти были произнесены съ такимъ высомѣршемъ, что П. не вытерпѣлъ, тутъ-же схватилъ подвѣвчникъ и замахнулся имъ на Балша. Подосѣвшій П. С. Алексѣевъ удержалъ его. Разумется, суматоха вышла страшная и противниковъ кое-какъ развелъ. На другой день, по настоянію Круцанскаго и П. С. Пущина, Балшь согласился извиниться передъ П., который нарочно для этого пришелъ къ Круцанскому. Но каково-же было П-ну, когда Балшь вмѣсто извиненія началъ: Меня упростили извиниться передъ вами. Какое извиненія вамъ нужно? П., не говоря ни слова, талъ Балшу пощечину. Низовъ послалъ за это П. подь арестъ на двѣ недѣли. См. Бартевевъ, П. въ южн. Россіи. Р. Арх. 1866 ст. 1166—1169; П. П. Анрапанъ, Р. Арх. 1866 г. ст. 1146—1143.

Г. К.

330. БАРАТЫНСКОМУ ИЗЪ БЕССАРАБИИ.

т. II, стр. 120.

Напечатано впервые в «Северныхъ Вѣздахъ» на 1826 г., стр. 29; вошло в издание соч. П. 1829 г. О докторейн Бессарабиѣ Державинъ говоритъ въ одѣ На влѣтѣ Измаила 1790 г.

О тѣсной дружбѣ Пушкина и Баратынскаго еще будетъ рѣчь въ настоящемъ изданіи.

331. ДРУЗЬЯМЪ

т. II, стр. 120).

Напечатано это стихотвореніе впервые въ «Полярной Звѣздѣ» на 1824 годѣ, стр. 24 и перепечатано въ томъ же году въ «Новостяхъ Литературы» № 10, стр. 139. Здѣсь печатается по изд. 1829 г. О вариантахъ см. въ исторіи текста.

Въ стихотвореніи говорится о прощальной ирушкѣ, устроенной М. А. Подгорскимъ по поводу отъѣзда свѣтскаго офицера Вадеря Тимофеевича Кека: на ирушкѣ П. «отличил почетной чашей, т. е. пошедил ему вино въ самомъ большомъ изъ скляннхъ походныхъ стакановъ, вставившихся одинъ въ другой, Горчаковъ, Моск. Вѣд. 1838 г., № 19, Бартевскъ, Р. Арх. 66 ч., ст. 188—89. Бѣлинскій отнесъ это стихотвореніе къ переходнымъ, въ которыхъ П. является счастливымъ ученикомъ прежнихъ мастеровъ особенно Батюшкова, — ученикомъ, побѣдившимъ своихъ учителей. Образомъ такихъ стихотвореній Бѣлинскій считаетъ ишею «Друзьямъ». Отмѣчая въ ней переходъ отъ веселости къ грусти, критикъ говоритъ, что «дружба Пушкина не есть сладенское чувствованіе ибаконъ, но слабон души: это всета грусть души мощной и криконъ, и тѣмъ обладающе дѣйствуетъ она на читателя, тѣмъ глубже и сильнее отзывается въ самыхъ сокровенныхъ таннхкахъ его сердца и тѣмъ гармоничне потрясаетъ его струны. Пушкинъ никогда не расканвается въ грустномъ чувствѣ; оно всета зенить у него, но не затуманя гармоніи и трупнхъ звуковъ души и не допуская его то монотонности. Иногда, затуманившись, онъ какъ-будто вдругъ встряхиваетъ голову, какъ левъ тривою, чтобъ отогнать отъ себя облако унынія, и мощное чувство бодрости, не издавая совершенно грусти, таетъ еи какои-то особенной оебѣжительности и укрѣпляющн души характеръ. Такъ и въ приведенномъ нами сейчасъ ишеѣ вѣдательное чувство мнновенной грусти тотчасъ же смѣнилось у него бодрымъ и широкимъ размахомъ проявившей души...»

Соч. В. Бѣлинскаго. М. 1892, т. I, VIII, стр. 329—330 (33—30, 331—33, 38.)

Стихотвореніе было отослано П. въ Петербургъ: А. А. Бестужевъ прочелъ его въ публичномъ заѣданіи Вольнаго Общества Любителен Россійской Словесности 22 мая 1824 г. (см. Грива В. О. А. Р. С., ч. XXII, стр. 296—297.)

Г. К.

332. БРАТЪЯ РАЗБОЙНИКН.

т. II, стр. 127.

Полная блговая редакція поэмы не дошла до насъ въ автографѣ, а сохранились лишь прилетенные выписки на стр. 122, планъ 2365-аа тетрадь московскаго Румянцовскаго музея, л. 46 и черновые наброски (вып., лл. 31, 32; тетрадь № 2366, л. 19; тетрадь 1820—1821 г., ураничался въ Имп. Публичной Библіотекѣ. Мой отрывокъ напечатанъ въ концѣ 821 года. — писалъ Пушкинъ Вадемскому 11 ноября 1823 г., но мы находимъ эту поему въ спискѣ произведеній 1822 г. Румянц. муз., № 2365, л. 33, что, вѣроятно, указываетъ годъ окончанія. Сначала онъ не хотѣлъ печатать этихъ стиховъ, о чемъ П. А. Мухомовъ 13 апрѣля 1824 г. писалъ К. О. Рылѣеву: авторъ ихъ назначилъ къ истребленію и потому не хотѣлъ, чтобъ ходили по рукамъ и даже говорили объ оныхъ... Деятельности въкъ, I, М., 1872, стр. 368—369, но потомъ раздумалъ и писалъ 13 іюня 1823 г. А. А. Бестужеву: Одинъ отрывокъ удавалъ въ рукахъ Николая Раевскаго; еси отечественные звуки: харчевня, кнутъ, острогъ не испугаютъ ибаконъ умен читательницъ «Полярной Звѣзды, то напечатан его». Въ сабуушемъ году Пушкинъ увѣдомилъ Бестужева, что не согласенъ поступиться «резамъ» и «харчевней», но уступалъ «иона» и лишь на этомъ условіи соглашался на напечатаніе поэмы, которая появилась въ «Полярной Звѣздѣ» на 1825 г. Въ 1827 г. вышла въ Москвѣ два изданія: одно 15 стр., цѣна 105 коп., процензуровано 28 марта, другое 14 стр., ц. 42 коп. — 9 июня: это были продѣлки будаковъ-издателен (см. замѣтку В. П. Чернышева въ «Пушк. и его современ.» VI, 133—136). Затѣмъ поэма вошла во II часть «Поэмъ и повѣстей» Спб., 1835). Въ издаваемыхъ изданіяхъ цѣтъ послѣднихъ 16 стиховъ, появившихся впервые въ посмертномъ изданіи П., 202, и ориципаль ихъ неизвѣстны. Но надо помнить, что мы знаемъ не всю поему, а лишь «отрывокъ изъ поэмы», какъ гласитъ подзаголовокъ въ «Полярной Звѣздѣ».

Бѣлинскому Братья Разбойники не нравились: въ нихъ все должно, все падауто, все мелодрама, и ни въ чемъ нѣтъ истины, отчего поэма очень приодна для народа... Поэма бѣдна еще поэди... Есть даже плохе стихи и прозаическіе обороты... Вопреки мнѣнію П. А. Котляревскаго (см. выше, стр. 125, 126), Педелевъ (П. въ его поэди, 1882 г., стр. 100—104) думаетъ, что Пушкинъ прямо подражалъ Байрону. О подражаніи Байрону говорить и Л. Маиковъ «Пушкинъ», Спб., 1899 г. Изъ споненія П. съ П. И. Раевскимъ: Мало вниманія удѣлила поэмѣ даже критика двадцатыхъ годовъ. Слнхъ Отечества 1827 г., № 16, стр. 399, подчеркнул моральную сторону поэмы: медовка, таетъ въ крайнемъ уныженіи своемъ, не вовсе еще отмегаемъ отъ чувствованія, которое милосерднн Промыселъ вложилъ въ душу его при самомъ рожденіи». Самое произведеніе думне оцѣнила «Северная Пчела» (1827 г., № 101): многие считаютъ это стихотвореніе «лишь однимъ изъ новон поэмъ», но это — самостоятельная, дѣйствительная вещь, полная тѣмъ же, живости картинъ и разнообразія ощущеній, попеременно превослающихъ душу читателя. П. В. Кирѣевскій (Соч. I, 12) писалъ, что «Братья Разбойники —

больше карриатура Байрона, нежели поэтическая.

3—6 стихи поэмы напоминают стихи Державина («На рождение царицы Греческая»):

Какие разные вароты,
Язык, оязы, лица, станы!

Слова разобщива: Въ товарищи себѣ мы звали будатный поекъ за темну ночь, приводить на память пьесно. Не шуми, мати зеленая дубровишка... которую поють въ Капитанской дочкѣ пугачевцы за столомъ у самозванца:

Еще первый мой товарищъ—темная ночь,
А второй мой товарищъ—будатный поекъ.

Въ сороковых годах поэму пародировал П. П. Куликовъ, написавши «Братевъ Моченичковыхъ или Братевъ Журналитовъ»; пародія была направлена противъ Буларина и Греча (см. Русс. Арх. 1884 г., 237—239, «Русс. Стар.» 1885, февраль, 471—473). Она очень правдлась Бблинскому Пышникъ, Бблинскій, изд. 1876 г., II, 189; переписка Я. К. Греча съ П. А. Плетневымъ, II, 38, 638). Н. Д.

333. ПЬЕСНЬ О ВЪЩЕМЪ ОЛЕГѢ.

г. II, стр. 132.

Черновикъ пьесы находится въ 2366-ой тетради московскаго Румицовскаго музея, д. 4, 6, по тем даннымъ заглавіемъ и съ помѣтой въ концѣ: 1 марта 1822. На 4 листѣ къ слову «щить», въ 4-мъ стихѣ 3-ей строфы, сдѣлана сбоку выноска: но не съ гербомъ Россіи, какъ нѣкто сказалъ (сли рѣшмы къ Византіи), но-первыхъ потому, что во времена Олега Россія не имѣла еще герба. Нашъ двуглавыи оредъ есть гербъ Римской имперіи и знаменуетъ раздѣленіе ея на Западную и Восточную; у насъ же онъ ничего не значить. Въ музейной рукописи есть варианты, о которыхъ см. въ статьѣ о текствѣ. Впервые стихотвореніе было напечатано въ «Свершымъ Цвѣтахъ» на 1825 г., стр. 253—257; затѣмъ въ сборникахъ стиховъ 1826 г., стр. 59—64, и 1829 г., I, 145—150, причемъ введу въ той же редакціи, безъ измѣненій, только съ дѣшвыи некоторыхъ прописныхъ буквъ строчными. М. Л. Мухомовъ (т. СХХIII, 1854 г., январь, отд. VI, литерат. вѣстникъ, Старыя книги), стр. 50 замѣтилъ, что стихъ Пушкина въ «Пьеснѣ о вѣщемъ Олегѣ»: «И внемлѣтъ отвѣту...» былъ сначала написанъ такъ: «И внемлѣтъ отвѣту...». Въ альманахѣ, гдѣ была впервые напечатана эта баллада, стихъ, напечатанныи такъ, какъ печатается онъ до сихъ поръ во всѣхъ изданіяхъ сочиненій Пушкина, былъ исправленъ въ спискѣ опечатокъ; но Пушкинъ, найдя, что съ опечаткою онъ и сильнѣе, и выразительнѣе, оставилъ его безъ поправки или, лучше сказать, съ поправкою наборщика. Дѣшвыи, и въ «Свѣ. Цвѣтахъ», и въ сборникахъ стиховъ Пушкина 1826 и 1829 г. введу—внемлѣтъ, но, начиная съ помертнаго изданія, появляется—внемлетъ. Сказки [Дельвигу] писалъ въ началѣ 1824 г. авторъ брату, — чтобы онъ взялъ у Тургенева Олега Вѣщато и напечаталъ... Въ плетневскомъ спискѣ стиховъ, предназначеннаго для сборника 1826 г., баллада помѣчена 1823 г. Переписка П., академич. изд., I, 296, но Пушкинъ переписъ ее въ 1822 г.

Эпидоль Кавказскаго Пышника содержитъ обиданіе поэта, что его муза, богиня пьеснъ и разсказа... быть можетъ... разскажетъ... Мстислава древній поедшюкъ, и Владимѣкин вѣсь это обиданіе въ «книгу литературныхъ унованій» (см. примѣч. N 257). Въ 1882 г. Пушкинъ очень интересовался русской исторіей, много думалъ о ней и, было, пришелъ за составленіемъ плана поэмы изъ древне-русской жизни; набросокъ этого плана сохранился въ 2366-ой тетради московскаго Румицовскаго музея, д. 8, об.—9, 10. Въ немъ фигурируютъ и князь Владимѣръ, имя котораго записано на заглавномъ листѣ первоначальнаго черновика «Кавказскаго Пышника», и Мстиславъ. Пушкинъ, судя по программѣ поэмы, думалъ ввести въ нее сказочный элементъ; впрочемъ, изъ приводимаго имъ списка славеней и пѣсѣшниковъ Владимѣра видно, что поэтъ внимательно изучалъ исторію. Къ этому его, по словамъ Липранди (Русс. Арх. 1866 г., 1255—1256, «подстрекать» его книшескій другъ В. Ф. Раевскій, который утверждалъ, что въ русской поэзи не должно приводить имена ни изъ мифологіи, ни историческую лицъ древней Греціи и Рима, что у насъ и то, и другое есть—свое и т. п.; впрочемъ, Пушкинъ съ этимъ не соглашался. Поэма интересовала и русскія сказки, и В. П. Горчаковъ привезъ ему изъ Кіева отъ П. П. Раевскаго двѣ-сдюко книжекъ русскихъ сказокъ (ibid., 1140). Эти интересы не остались безплодными, и 1822-й годъ отмѣченъ, кромѣ Пьеснѣ о вѣщемъ Олегѣ и программы поэмы о Мстиславѣ, попыткой разработать сюжетъ о любимомъ героѣ русской исторіи XVIII вѣка. Быть можетъ, на «русскую» балладу Пушкина навели бесѣды съ В. Ф. Раевскимъ, главнымъ проповѣдникомъ національной самобытности. Баллада осталась единственнымъ, изъ всѣхъ предпринятыхъ тогда, законченнымъ произведеніемъ Пушкина съ русскимъ содержаніемъ. Къ поэмѣ съ сказочнымъ сюжетомъ поелъ «Руслана и Людмила» ему уже нечѣмъ было возвращаться; что же до исторической стороны, то онъ не раздѣлялъ гражданскаго пабоса Влад. Раевскаго и Рыдѣева во всей его силѣ и глубинѣ. Больше къ этимъ темамъ Пушкинъ не возвращался, предоставляя ихъ другимъ, и въ 1825 г. совѣтовалъ Гибичу взяться за нихъ. Я жду отъ васъ эпической поэмы. Пьеснѣ Святослава скитается не воскреситъ, писалъ вы мѣтъ когда-то. А Владимѣръ? а Мстиславъ? а Донской? а Ермакъ? а Покарской? Исторія народа принадлежитъ поэту? Князь С. Г. Водковскій писалъ ему, когда онъ былъ вѣсланъ въ Михайловское: «содѣство и воспомнанія о Великомъ Новгородѣ, о вѣщевомъ колоколѣ и объ осадѣ Пскова будутъ для васъ предметомъ истическую занятій... Такъ же писалъ векорѣ и Рыдѣевъ: «ты около Пскова, тамъ задучены посѣднія вѣшники русской свободы; настоющій край вдохновенія,—и неужели Пушкинъ оставитъ эту землю безъ поэмъ?» Но остывающаю Пушкина уже привлекала не эта Русь, гортая и свободолюбая, а другая, дарская Русь, и онъ пришелъ за «Бориса Годунова», стараясь создать трагедію «въ хоронемъ духѣ», хотя въ то же время заботливо спряча уши подъ колымакъ юршвано.

На мысль о балладѣ, помимо разговоровъ съ Раевскимъ, направлявшихъ его общій интересъ къ исторіи, Пушкина легко могла навести и вѣроятно наведла дума Рыдѣева «Олегъ Вѣщій».

Что Пушкин, зная ее, видно из расширенного замечания в черновики Шени, направленного против Рылеева, у которого Одетя приобрела свой шить с гербом России к царьградским воротам»: в начале 1823 г. Пушкин писал брату, что нехорошо было завести *«Revue des Voyages»*, куда вошел бы Рылеевский герб, россиеской на пратах византиеских и проч. Фабулу баллады поэт взял из известнаго разсказа Лютонши, приведеннаго Карамзинцамъ. Въ величано-спокойномъ раздѣрѣ Пушкинъ вкладываетъ мрачную легенду о силѣ непреодолимой судьбы. Все въ балладѣ—темныя дѣла, да точныя иу весники, суровые труженики, смурое чело Одетя, угрюмый холмъ надъ Дибиромъ, все дышитъ таинственностью, прошикнуто тревогомъ преть неизбежными рокомъ. И лишь она теплая черта въ балладѣ—правдивость князя къ товарищу-гюне. Товарищеская любовь старато князя къ своему коюю—пишетъ Пушкинъ Бестужеву и заботливость о его судьбѣ есть черта трогательнаго простоты, та и проществи само по себѣ въ своей простотѣ имѣеть много поэтическаго.

Когда баллада явившаяся въ печати, Силья Одетева рѣшилась, что она холодна, безъ чувств и воображенія, а Иветинскій Група Волны, Общ. доброт. росс. словеси, у писальца: пестички тени съ перваго раза чувствуетъ поэзию своего новаго предмета, поэзию его изложенія, не отнимая у него красоты, времени и мѣста... Имѣла личн. вѣрность проществию, мѣсто дѣствій, упоминаемая въ стихотвореніи, только прозаически члаловаго его національнымъ... Кто въ состояніи оживить все это и оживить цѣлую картину необходимыми для поэзии подробностями, обращающаю имъ времени и мѣста, тотъ не напрасно будетъ поскрывать таиню минувшія событія: они сдѣлаются священными для современниковъ и потомковъ. Таково стихотвореніе Пушкина — Бѣликинскі, снтаншіи Шени о вѣщемъ Одетѣ — превосходнымъ образомъ парощности воздѣлать и выраженіи. Сочин. Бѣл., изд. С. А. Венгерова, VI, 103; выдѣлать ее изъ переходныхъ ищесъ Пушкина: поэтъ умѣлъ набрести какую-то поэтическую гуманность на ду бодле ирическую, чѣмъ эническую ищесу — гуманность, которая очень гармоничуется съ историческою отдаленностью представлемаго въ ней героя и событія и съ неопредѣленностью духаго преланія о нихъ. Оттого ищеса эта позволена поэтической прелести, которую особенно возмнщаетъ разлитыи въ ней дечическій тонъ и какой-то чисте-русскій складъ изложенія... Вся ищеса удивительно вытеракана въ тонѣ и въ содержаніи; послѣдній куплетъ удачно замыкаетъ собой поэтическій смыслъ цѣлаго и оставляетъ на умѣ читателя полное впечатлѣніе... Изъ позднѣйшихъ критиковъ А. Н. Педзленовъ — Н. въ его поэзи, 1882 г., стр. 120) пришелъ къ курьезному выводу, что, вопреки Байрону, Пушкинъ провозитъ ишею, что: личная гордость человека должна уступать нравственному закону. Н. А. Котларевскій — Литературнаи на правленія въ Александрове, эпоху — 85—86, увидѣвъ въ балладѣ, съ ея фалдическою тенденцией, отраженіе той тревоги духа, о которой разсказалъ поэтъ въ своемъ Темоиѣ. В. В. Сиповскій — Пушкинъ, жизнь и творчество, с. 25, неправильно тумалъ, что баллада въ ряду другихъ стихотвореній, написанныхъ въ это время, стоитъ совершенно одиноко и по содержанию и по строе-

нію, какъ будто тогда не были да тумана и даже начата поэма о Валтѣ и Владимирѣ и Метр славѣ, написана въ этомъ жеомъ доказательство, что созданіе его не было результатомъ прозаическимъ настроенія или интересовъ, а было случайнымъ, произвешеніемъ написаннымъ подъ впечатлѣніемъ печальнаго влестуишии ишеи.

Одетя и Одетовъ шить патристическое члвство Пушкина вспомнило въ 1829 г., когда Россия была близка къ окладѣнію Константинъ-пелемъ.

Н. Д.

331. ПРИМѢЧАНІЯ.

т. I, стр. 136.

Примѣчанія впервые напечатаны въ изданіи 1826 года, отнесенномъ имъ къ пострѣжаніямъ цревниамъ.

По своему мнѣнію Примѣчанія напоминаютъ начало стих. Деренія 1819 г. и стих. Домовому 1819 г.; по исполненію—близи стихотвореніямъ На статуи 1836 г.

И. любовь антологическій рокъ творчества и кисти въ немъ удивительно художественности какъ въ отношеніи стиля, такъ и стиха; предшественники и современники И. создавая стихотворенія антологическаго характера, обыкновенно сильно насыщали свои дѣлкъ славянскими словами и оборотами, что давало возможность притать стихамъ античная пошлѣ. И. шель, той же торои, по въ его передачѣ античныхъ мотивовъ не чувствуется прозаичности и тяжести библѣскаго языка. Какъ отмѣтилъ уже Подшиваловъ, Пушкинъ нашель на дѣлзаніи для антологическаго подліи дѣлкъ, пользуясь собранными прилагательными, но весьма осторожно, и со свойственнымъ ему вкусомъ избиралъ изъ церковно-славянскаго словаря такия слова, которыя не имѣли бы картину античнаго кодорита и не выдѣленили бы его кодоритомъ библѣсскимъ, лекуно сплавляя имъ съ чисте-русскими словами. Подив. изд. Пушк. т. I, стр. 104.

Бѣликинскі, пришедши, Примѣчанія къ антологическимъ стихотвореніямъ, даель возможность отнести къ нимъ его слова объ антологіи Пушкина: ... Обратимъ внимание, говоритъ Бѣликинскій, на тѣ маленькія ищеса, которыя, и по содержанию и по формѣ, отличаются характеромъ античности и которыя съ перваго раза должны были показатъ въ Пушкинѣ худольника по преимуществу. Простота и обилие дѣл красоты выше всѣхъ выраженія, это мѣла въ стихахъ и скульптурѣ въ поэзи. Пластическая рельефность выраженія, строки классическій ритмичекъ мѣри полнота и оконченность цѣлаго, извнко съ и малюсть отпака въ дѣлкъ ищесахъ обнаруживаются въ Пушкинѣ сластивнаго умения мастеровъ древняго искусства. А между тѣмъ, онъ не даель пострѣсскі, и вообще многосторонній дѣлгои художественно иштиннаи дѣлбитъ, ему иу мнѣше прѣшности, въ шель, которой достигивается въ европейскихъ поэзи. Этой пострѣсскіи иштурѣ въ что не стоило бытъ, традициомъ всего мира и въ какой сферѣ дѣл ии балла, какъ у себя дома, дѣлкъ и природа, тѣл онъ не вѣрнѣтъ, онъ имъ,

свободно и охотно дожились на подолѣхъ подъ его князью» — Собр. Бѣлинскаго М. 1892 г. ч. VIII стр. 368—369; 371 и сл. Ср. Анненк. Магэр. 1855 г. стр. 83; А. Педелевъ, Пушкинъ въ его поэзіи. Спб. 1882 г. стр. 117. Добромъ провъ. Англич. мотивы въ подлѣи II. 23—24. Г. К.

335. ВАДИМЪ (т. II, стр. 136).

I.

Образъ Вади́ма въ русской литературѣ.

Событія и думы пня претанія, сохранившіася о личности повородца Вади́ма Храбраго.

Никоновская дѣтонисъ называется Вади́ма вожакомъ неудачнаго возстанія, пошатата повороцами противъ власти одного изъ первыхъ варяго-русскихъ князей, Рюрика.

Того же дѣта 863, говоритъ эта дѣтонисъ, оскорбился Повородецъ дѣтонисше: яко были намъ рабыми, и много дѣа вѣчески пострадани отъ Рюрика и отъ рода его. Того же дѣта уби Рюрикъ Вади́ма Храбраго и шнхуь многихъ изби Повороцше въ совѣтникахъ его¹.

Татищевъ, повторилъ свѣдѣніе Нестора о томъ, что послѣдуюманутого возстанія славяне бѣжали отъ Рюрика изъ Поворода въ Кіевъ, затѣ убили Вади́ма Храбраго, Князя Славянскаго, яке не хотѣли яко рабы были Варягомъ²; сообщается, что «сеи Вади́мъ, вѣдомо, по сказанію Іоакимову, былъ сынъ большой дочери Гостомысла, Князь Изборскій и по старшинству матери его наследникъ престола, и по той вѣражѣ бубить»³. Но такъ какъ Татищевъ также считаетъ Рюрика, Спехуса и Трувора вудами славянскаго князя Гостомысла, то Вади́мъ приходится двоюроднымъ братомъ первымъ варяго-русскимъ князьямъ⁴; его же борьба съ Рюрикомъ, приобретаѣтъ смыслъ обычнаго спора о власти между младшеи и старшеи дѣтими одного и того же рода, сильно расходится съ характеромъ той борьбы, о которой говоритъ никоновская дѣтонисъ.

Если эти полувѣсторическія, полудѣтонисарныя сообщенія склонны различно объяснати столкнове Вади́ма съ Рюрикомъ, то объ походѣ его они говорятъ согласно: Вади́мъ и его приверженцы были убиты Рюрикомъ.

Не освѣщаемая никакими другими дѣтонисами или дѣтонисарными сказаніями, личность Вади́ма съ самаго своего появленія въ произведеніяхъ русской литературы должна была носить на себѣ печать раздвоенности, такъ какъ обрисовка правственаго облика Вади́ма воплѣдъ пхощала въ зависяности

отъ того, какое изъ двухъ объединеніи мотивовъ его борьбы съ княземъ Рюрикомъ будетъ принято: тѣмъ или инымъ писателемъ. Создате въ лицѣ Вади́ма защитника повороцшевъ, угнетенныхъ княжеской властью, или же владолюбиваго соперника—было лишь дѣломъ личнаго вѣдѣтвѣ и вкуса нашихъ писателей XVIII и XIX столѣтій.

Образъ Вади́ма впервые появлется въ Пѣсторическомъ представленіи пѣа жизни Рюрика, драматическомъ произведеніи императрицы Екатерины II⁵. Это произведеніе императрицы, написанное въ 1786 году подъ вѣчатѣдѣиомъ чтеніи Шекспира въ пѣмедкомъ переводѣ Эшенбурга,— явилось плотомъ интереса Екатерины къ тревней русской исторіи. Сюжетомъ Пѣсторическаго представленія является уже диаконая пѣа борьба Вади́ма съ Рюрикомъ въ освѣщеніи, данномъ еи Іоакимовскои дѣтонисомъ и Татищевыми; Екатерина измѣнила только ея конечныи пѣасти.

Іоакимовское объединѣніе борьбы Вади́ма съ Рюрикомъ, вѣдомо, было гораздо удобнѣе для основнаи мысли еи произведенія, и она дѣтонискалась отъ двухъ историческихъ вѣашихъ, которые были еи занесены въ ея Записки касательно русской исторіи. Въ шихъ она говоритъ о Гостомыслѣ, Рюрикѣ и Вади́мѣ, тѣлая отъ мысли свѣдѣти пѣа дѣлами фантастическаго роства; о столкновеніи же Вади́ма съ Рюрикомъ она записываетъ слѣдующія строки. Показавши Рюрикъ старела о безопасности своихъ границъ, въ Повороцѣ началася безпакоействіа, по сказаніямъ писателей, отъ дѣасти Повороцшевъ противъ Варяжъ. Начальникъ оныхъ былъ мужъ Храбрый и шнхуь Вади́мъ, князь Славянскій. Мысль, что злодѣи состояли въ томъ, будто народъ Славянскій униженъ, и мало дѣа възнатности Славянъ пхоща; но допросы Варяги посылаются и употребляются. Но великій князь Рюрикъ вѣкорѣ усмирилъ дѣа безпакоействіа и пачинщиковъ накадѣа. Въ сии времена многие Славяне бѣжали отъ Рюрика изъ Поворода въ Кіевъ не хотѣли яко бы рабы были Варягомъ⁶.

Задуманное драматическое произведеніе не позволило Екатеринѣ остановиться на той обрисовкѣ Вади́ма и Рюрика, которую давали этимъ будущимъ героямъ ея историческаго представленія: елже собственныя Записки касательно русской исторіи. Рюрикъ, наказывающій зачинщиковъ возмущенія и въ числѣ ихъ, конечно, Вади́ма; Рюрикъ, отъ котораго бѣгутъ славяне изъ Поворода въ Кіевъ— не могъ приключи къ себѣ симпатіи Екатерины, которая хотѣла создать въ его лицѣ образъ гуманнаго правителя. И выборъ ея пѣа на Іоакимовскую легенду. Правда, іоакимовская легенда говорила объ убіеніи Вади́ма Рюрикомъ, но императрица сочла необходимымъ сохранити въ своемъ произведеніи Вади́му и жизнь. Въ ея произведеніи Вади́мъ борется съ Рюрикомъ за обладаніе княжеской властью, которая, по завѣщанію его дѣда Гостомысла, перешла къ его двоюродному брату, князю Рюрику. Онъ подымается противъ Рюрика повороцкихъ гражданъ, но возстаніе оказывается для него неудачнымъ.

Приведенная, послѣ пораженія, на сѣчь къ Рюрику, въ рукахъ котораго его сущба, Вади́мъ выказываетъ героическое мужество и стоикость.

¹ Собраніе сочин. Имп. Екатер. II, изд. Ак. Наукъ. Т. II, стр. 219—252.

² Ibid. I, VIII, стр. 27.

¹ О вариантахъ см. въ исторіи текста. Изд. 1826 и 1829 г. повѣстели «Примѣтїа» среди стихотвореній 1821 года, но въ составленномъ самимъ Пушкинымъ спискѣ своихъ стихотвореній Рум. муз. № 2365, л. 33 въ числѣ пѣснь 1822 г. находимъ «Старайся прѣ». Рѣчь очевидно о «примѣтїахъ». И такъ какъ этотъ спискъ находится въ киншевской тетради 1822—1823 гг., то, конечно, даты ея достовѣрнѣе. Тѣмъ даты изд. 1826 и 1829 гг.

Пред.

² Полное Собр. Р. Дѣтонисей. Спб. 1862 г. I, IX, стр. 9.

³ Исторія Россійская В. Н. Татищева. 1773 г. кв. II, стр. 13.

⁴ Ibid. стр. 365.

⁵ Ibid. кв. I, ч. I, стр. 31.

Правительственная мощь Ватима располагает в его пользу Рюрика, который великодушно прощает редетвенника, провинившагося против него.

Расстроеным Ватим бросается на колени пред князем и восклицает:

О государь ты къ побѣдамъ рожденья, ты милосердьямъ правыхъ вѣвухъ побѣдннхъ, ты дерзости дѣмъ-же обуздатель... Я вѣрныи твои потаннлн вѣчно .

Центральной фигурой этого произведения, такимъ образомъ, является не Ватимъ, а Рюрикъ, въ лицѣ котораго Екатерина II желала создать образъ гуманнаго правителя въ духѣ просвѣщеннаго абсолютизма и идеи своего Наказа. Грѣша противъ децентра, она сохранила Ватиму жизнь, чтобы конкретно показать всю правительственную милосердія, показать благотворительные результаты гуманной политики правителя.

Въ историческомъ представленіи императрицы Екатерины II Ватимъ не является типичнымъ противникомъ Рюрика. Какъ принципиальный противникъ князя онъ является въ трагедіи Я. К. Княжнина Ватимъ Новгородскій, который ванда въ свѣтъ въ 1793 году¹. Въ этой трагедіи онъ является послѣднимъ республиканскимъ и идею самоотверженнымъ защитникомъ былой волиности повнородцевъ.

Судьба этого произведения Я. К. Княжнина была очень печальна. Еще въ 1789 году Княжнинъ отдалъ въ распоряженіе директора театра Стрекалова, который успѣлъ распространить роль между актерами и сдѣлать нѣсколько репетицій; но события французской революціи убили Княжнина, что стоило ему трагедіи нѣсколько несвоевременно, и онъ взвѣлъ ее обратно, не думая ее опубликовать. Въ 1791 году Княжнинъ умеръ, и книгопродавецъ Иванъ Петровичъ Глазуновъ купилъ у наследниковъ его многія рукописи покойнаго писателя и въ числѣ ихъ трагедію Ватимъ Новгородскій. Въ 1793 году она была отпечатана отдѣльнымъ изданіемъ въ академическомъ типографіи, а президентъ Академіи, княгиня Е. Р. Дашкова, видимо, выговорилъ у Глазунова право переиздать эту трагедію въ Россійскомъ Театрѣ². 1793 г., ч. XXXII, издававшимся въ пользу Академіи³. Сначала трагедія не обратила на себя большого вниманія, и въ Санктъ-Петербургскомъ Меркуріи успѣлъ появиться довольно странный отзывъ, принадлежавшій перу А. Клушина, но вѣкоръ удивившіе люди извѣстили Екатерину о появлении вредной пьесы. Графъ Иванъ Петровичъ Салтыковъ, при содѣйствіи фаворита императрицы князя Платона Александровича Зубова, сообщилъ Екатерину о новомъ французскомъ дарѣдъ. У Екатерины въ рукахъ вѣкоръ появился экземпляръ Ватима Новгородскаго, и она была крайне удивлена, замѣтивъ, что вредное произведение Княжнина было отпечатано въ академическомъ типографіи. Она сильно разсердилась на кн. Е. Р. Дашкову и грозилъ съечь трагедію рукою палача⁴. Дашкова, какъ могла, оправдывалась, и Екатерина, въ

концѣ концовъ, простила ее. Но трагедія было рѣшено ислать изъ обращенія. Въ академическомъ книжномъ магазинѣ была сдѣлана обложка и изд. Россійскаго Театра были вырваны страницы, на которыхъ было помѣщено донотуное произведение. Далѣе было поручается генералъ-прокурору Александру Николаевичу Самойлову, который въ слѣдующихъ выраженіяхъ извѣщаль сенатъ о нецриветливой трагедіи покойнаго Я. К. Княжнина:

Въ сей трагедіи помѣжены нѣкоторыя слова, не токмо соблазны познющія и къ нарушенію благосостоянія общества, но также есть изреченія противу цѣлости законной власти, что усмотритъ правительствующій сенатъ изъ самой той трагедіи. Въ концѣ своего донесенія генералъ-прокуроръ просилъ стоить съ держими словами трагедію разсмотрѣть и сдѣлать объ ней надлежащее рѣшеніе. Сенатъ же рѣшилъ: оную книгу, яко напечатанную терками и дворянскими противу законной самодержавной власти выраженіями, а потому къ обществу Россійской имперіи нестерпимую, съечь—въ дѣвннемъ столичномъ городѣ публично...⁵. Рѣшеніе сената, однако, не было приведено въ исполненіе. Нѣкоторую нецриветливость испытала также и Глазуновъ; его, по приказанію генералъ-прокурора изъ Петербурга, топрашивать въ Москвѣ главнокомандующій кн. А. А. Прозоровскій и отобрать много экземпляровъ Ватима Новгородскаго⁶.

По основному идеѣ своей, трагедія Княжнина, однако, не задумывала клятификаціи вредности. Симпатіи Княжнина, какъ и императрицы Екатерины, были на сторонѣ гуманнаго князя Рюрика, который своею разумной властью спасъ Новгородъ отъ анархіи; но писатель такъ ярко изобразилъ два противоположныхъ политическихъ міросозерцанія, что личныя его взгляды какъ то ступивались, и ихъ невольная неясность тогда, дѣйствительно, ввела въ заблужденіе относительно истинныхъ убѣжденій автора трагедіи. Намъ кажется, что, помимо общихъ неблагоприятныхъ условій пощленія Ватима Новгородскаго, эта объективность автора сыграла немаловажную роль въ донотуной судьбѣ трагедіи.

Грудно было рѣшить, кто изъ двухъ противниковъ, князь или граждининъ, тословны дѣятели моральной побѣды:

И первенствою осталася борьба
Величья царскаго съ величьемъ граждинина⁷.

Но Княжнину, въ то время, какъ Ватимъ долго и успѣшно воевалъ въ далекихъ странахъ, въ самомъ Новгородѣ происходила крупная государственная переворотъ, рѣзко измѣнившій весь складъ жизни. Въ его отсутствіе въ Новгородѣ раздалася кровопролитная междоусобная война, копей которой положила старшинна Гостомысль воспользовавшись помощью викария своего, парализованнаго князя Рюрика. Желая чѣмъ-либо отбавитъ отъ викария да оказавшую имъ услугу, умиривши Гостомысль совѣтуется новгородцамъ, передать послѣ его смерти дѣло управленія страной Рюрику. Желаніе его было исполнено, и болѣе свободное самоуправленіе смѣнила самодержавная власть.

¹ Переиздана Н. А. Ефремовымъ въ Р. Стар. 1871 г., т. III, № 6, стр. 723—781.

² В. Соловьевъ. Еще о К. и его трагедіи Ватимъ Р. Вѣстникъ 1860 г., т. XXVII, стр. 104; Зиниенъ кн. Е. Р. Дашковой, Лондонъ, 1839 г., стр. 237—241.

³ Зиниенъ кн. Е. Р. Дашковой, стр. 238 и сл.

⁴ Р. Ст. 1871 г., т. 4, стр. 91—92.

⁵ Р. Арх. 1863 г., вѣстникъ 6, стр. 467—471.

⁶ А. О. Воспомы. В. Евр. 1819, ч. IV, стр. 232.

Возвратившемуся Ватиму тяжело видеть свою родину, но, оковавъ чуждою ей властью, онъ не понимаетъ, какъ могли его сораздѣле добровольно съдѣлать нать собою неограниченную власть, добровольно обречь себя на рабство.

Онъ думаетъ, что чувство истинной любви къ родинѣ не получало еще въ сердцахъ повороццевъ, что любовь къ отцовѣмъ заставить ихъ на путь выданъ родной жизни. Ему, конечно, известно, удастся поднять противъ Рюрика повороццевъ, но восстание не побѣдетъ, желаннаго успеха, побѣдителемъ останется Рюрикъ и его воиновъ. Ватимъ, привлеченный на путь къ Рюрику, съдѣлаетъ на свою печальную судьбу, послышавъ ему близкое пеняданіе быть сдѣланымъ, подмано проравненіи своихъ завѣтныхъ и преданныхъ стопомъ изъ груди выражается у него восклицаніе:

Свершилось все теперь, рабами стали мы!

Въ послѣднемъ актѣ трагедіи князь Рюрикъ падаетъ немалому пытку покоряетъ свободолюбивая ублаженія Ватима, покоряетъ въ немъ орташическую ненависть къ синаполитной власти. Призвавъ царя въ суды между собою и Ватимомъ, Рюрикъ продвигаетъ дѣшную рѣчь о своей гуманной политикѣ, защищая свое правительственное право на управление страной; но такъ какъ власть его, видимо, не вѣдомъ, утосна, онъ снимаетъ съ головы княжескую корону и дѣлаетъ самымъ дѣлать повороццамъ, въ возможности, переменить свое первоначальное рѣшеніе—или вовсе удрезнить княжескую власть или обдѣлать его Ватима.

Ватимъ дѣлается, что, несправедливо рабство, онъ не можетъ стать княземъ—олицетвореніемъ дѣла рабства. Народъ на колѣняхъ проситъ Рюрика править по-прежнему. Отказаніе овлаживаетъ Ватимомъ:

Ты хочешь рабствовать, но ты скипетромъ поправишь.

Штъ бодь у меня отечества драктанъ!—говоритъ онъ повороццамъ. Оправданный подданными, Рюрикъ и не думаетъ покарать Ватима; но для Ватима жизнь уже потеряла свою цѣнность, и онъ закалывается на глазахъ князя, бросивъ ему въ лицо торжвы вызовы:

Въ срединѣ твоего побѣтоносна воиска

Что ты противъ того, кто смѣетъ умереть.

Такимъ образомъ, Екатерина II и Княгининъ, рисувъ борьбу повороццевъ съ княземъ Рюрикомъ и подводя къ ней съ аналогичной цѣлью, создали два противоположныхъ нравственныхъ облика Ватима.

Въ произведеніяхъ русской литературы начала XIX столѣтія образъ Ватима сохраняетъ свою родственную связь съ Ватимомъ. Княгинина и неоднократно дѣлается свободолюбивой француженъ вѣнскихъ поэтовъ, становясь воплощеніемъ духа гражданскаго протеста.

Такъ, въ 1803 году, въ Вѣстникѣ Европы появилось начало историческаго повѣсти Вадимъ Новгородскій, принадлежащей перу начинавшаго свое литературное поприще В. А. Жуковскаго¹.

Редакторы журнала, Карамзинъ, рекомендовали читателямъ автора этой повѣсти, какъ своего хорошаго пріятеля, уже начинавшаго себя прекраснымъ переводомъ Сельскаго Кладбища Грея. Въ концѣ отрывка говорилось, что продолженіе

и конецъ этой повѣсти будутъ напечатаны особымъ . Продолженія повѣсти, однако, не появились, да, видимо, она и не была окончена писателемъ, но по началу повѣсти вырисовывается довольно яркій образъ Ватима.

Повѣсть написана по въ сѣннимъ плѣненіемъ Флоріана—по параклетису своему, моралиста, по формѣ и стилю².

Какъ Ватимъ, такъ и Гостомысль—герои повѣсти—окружены той сентиментально-романтической атмосферой, которая была такъ близка личнымъ наклонностямъ начинавшаго писателя. И если какъ думъ, Гостомысль, и юный бездѣлственно-красивый Ватимъ обречены на полную уединенія жизнь въ безлюдной пустынь у Ладожскаго озера; славянскій князь Гостомысль бездѣлливо-хорошо сражался за своихъ соратниковъ, повороццевъ противъ шведоменишниковъ, но вражда сила оставила—мощіе повороццы, нати, швед соратниковъ . Вѣкъ уже семь дѣтъ, какъ Гостомысль живетъ въ жалкой хижинѣ на безлюдной равнинѣ, его силы слабѣютъ, и близко часъ его смерти. Въ мукахъ арфа онъ вспоминаетъ свою юность и скорбь о погибшей родинѣ, о закатышене ея славы... Застигнутый бурей Ватимъ идетъ на зовъ арфы и попадаетъ въ лапы Гостомысли, который рѣтъ страннику, какъ свидѣому вѣншно, жившемуся ему въ его мрачной жизни, и ратушно предлагаетъ ему жалкіи ужинъ и поелеть. На утро Ватимъ разсказываетъ Гостомыслу о своей несчастной судьбѣ; послѣ поражения повороццевъ, онъ съ отцомъ своимъ, Радцастомъ, покинулъ Новгородъ и тоно жилъ въ пустынной мѣстности; но отецъ уже умеръ, и онъ теперь совсѣмъ одинокъ; онъ не хочетъ оставить своей вольной жизни, не хочетъ покинуть родину мѣста, гдѣ поконитъ прахъ его родителей. Разсказъ Ватима глубоко тронулъ Гостомысла; Радцасть, отецъ Ватима, былъ его браннымъ товарищемъ. Между старикомъ-дѣланникомъ и юношей, умивающимъ отъ гостеприимнаго старца, что онъ Гостомысль, происходитъ важная сцена. Прелестьному юношѣ кажется, что сдѣлать, обильно-пынчивая изъ глазъ старика—следы горькихъ мукъ, на котораго обрѣка его судьба. Но Ватимъ заблуждается: Гостомысль уже давно привыкъ со своею одинокой, но свободной жизнью; среди утосовъ онъ свободенъ, среди дѣлныхъ утосовъ онъ не дѣлаетъ властелина; онъ дѣлаетъ слезы о погибшей славы, о горестной отчизнѣ, нать бездѣллемъ которой смѣется шведоменишкъ, о давнихъ друзьяхъ. Ватимъ бережно хранитъ память объ отцѣ, и въ его юношеской головѣ живетъ мечта объ освобоженіи Новгорода, его фантазія рисуетъ ему заманчивыя картины.

И воображалъ себя гражданскимъ Великимъ Новгородомъ, воиномъ, побѣдителемъ, видѣлъ Гостомысла въ его величій, грознымъ полководцемъ; видѣлъ слезы, благословляющимъ память на панника Радцаста; видѣлъ вѣнца, летящія къ ногамъ его сына; славу, блаженствіе могучаго царя, ужасъ враговъ его...

Замѣта слезы на глазахъ Гостомысла, онъ прерываетъ свои разсказы и на этомъ кончается отрывокъ повѣсти.

Созданный Жуковскимъ сентиментальный образъ Ватима, значительно различается отъ предшествовавшихъ ему изображеній этого противника

¹ В. Гир. 1803 г., часть 23 и 24.

² Ср. П. Затаринъ, В. А. Жуковскій и его произведенія. М. 1883 г., стр. 48.

Юрника, но все-де сквозь пачку поэтического вымысла, окулающего сына Ратгаста, чувствуется его родственная связь с Вашиным Кириллина—капритомъ и защитникомъ узурпаторщины.

Несколько позже В. А. Жуковский окрестилъ героя второй части «Двадцати епископъ» дѣломъ, повтораца Вашима, но кромѣ имени, оно ничѣмъ не напоминаетъ собою деспотическаго Вашима.

Въ 20-хъ годахъ вопросъ о первоначальномъ строе русскаго государства живо интересовалъ наиболѣе передовую часть общества. Фантазия либерально-настроенной молодежи, изъ среды которой вскорѣ выйдутъ декабристы, рисовала себѣ въ творчествѣ Руси существованіе республиканскаго образа правленія, и многие мечтали о возстановленіи древней политической свободы. Этою молодежи была сухо принята по вольнѣмъ политическимъ принципамъ, исторія Государства Россійскаго Карамзина. Сибирская эрмитажъ усматривала въ старыхъ порабощенныхъ тѣлахъ нашего быта высокіи черты общественнаго и политическаго существованія, достойнаго возстановленія и подражанія. — вольнѣ правильно констатируетъ Анненковъ.¹

Это стремленіе къ вольной старинѣ, къ народной свободѣ—дѣлалось не только отголоскомъ освободительнаго Европа, но вмѣстѣ съ нимъ и тѣсно связанной тому романтизму, который съ большимъ увлеченіемъ обращался къ старинѣ вообще.

Для такого круга идей—вольнѣмъ Новгорода и защитникъ его свободы, Вашима, конечно были стать благородно-теплой. Яркимъ выразителемъ этого литературно-историческаго теченія является поэма-декабристы К. Ф. Рыльцевъ.

Все его революціонная туша была поэма образовъ древнихъ республикъ Новгорода и Пскова; къ нимъ обращается онъ за покровленіемъ своего политическаго міросозерцанія. Его свободолюбивая мысль ежилась съ вольными городами древней Руси и не порвала съ ними связи вплоть до трагической кончины поэта.

Еще въ началѣ 1825 года Рыльцевъ писалъ Пушкину, жившему тогда въ с. Михайловскомъ. Тамъ около Пскова: тамъ дахнувши послѣдній востанки русской свободы: настоящіи край влхновенія—и неужели Пушкинъ оставитъ эту землю безъ поэмы?

Она изъ историческихъ думъ Рыльцева, поднимавшая въ печати лишь въ 1871 году, но относящаяся по всей вѣроятности къ 1823—1824 гг. рисуетъ намъ Вашима.

Въ ней деспотичнаго защитникъ Новгорода произноситъ пламенную рѣчь о самостоятельномъ князѣ.

До какого насъ бездѣлія
Довели вражьи грабѣны,
Насъ дѣлать Славянѣмъ
Въ извѣстномъ для Славянъ,
Грозенъ князь самовластный,
Но наступитъ зракъ почтенъ,
И наступитъ часъ рѣшительный,
Часъ для грабѣнъ роковой.

И этотъ часъ ознаменуется, конечно, борьбою новгородцевъ съ угнетителемъ-княземъ.

И. Анненковъ, А. С. Пушкинъ въ Ахскъ эпоху. Спб. 1871 г., стр. 93 и сл.

Иль ночь пера революціонера-романтика Рыльцева долженъ былъ вылиться образъ Вашима—борца за свободу.

II.

Письмо Рыльцева и несколько записокъ, чтобы склонить Пушкина къ созданію тенденціонной поэмы, о которой мечталъ самъ поэтъ-декабристы и которая такъ родственна была его общественно-литературнымъ взглядамъ. Были моменты въ творчествѣ Пушкина когда его влекла къ себѣ и общительная комедія и тенденціонная драма и поэма; когда его вольнолюбивая туша останавливалась на трещинахъ Новгорода и Пскова, отъ такой впечатлѣнности не стоило въ кишиневскій періодъ его жизни. Въ это время онъ написалъ свою записку о царствованіи Екатерины II, въ которой рѣдко раскритиковалъ ея чудовищную политику и восторжествованію, будто въ ея туманное правленіе пошла ночь рѣдами Шенковскаго авторъ трагедій Вашима Новгородецкіи Я. В. Кириллинъ; къ Кишиневу онъ весь кишиневскій романтизмомъ и гражданственностью и тогда онъ безъ всякихъ предостереженій со стороны думалъ политическую драму изъ жизни древняго Новгорода. Однако, этой драмѣ не посчастливилось. Вскорѣ она была забыта поэмой аналогичнаго содержанія. Но какъ и драма, поэма, въ концѣ концовъ, остается тоже неоконченною.

Драма Вашима, конечно была иль нехоть оппозиціонному духу Пушкина, такъ какъ и славянскіи племена и индоевропейскіи, о которыхъ говорится въ отрывкахъ этого произведенія составляли весьма прозрачную аллегорію, за которой легко было разобрьти настоящихъ дѣятелей и настоящихъ враговъ, пограбленыхъ трагедіей Пушкинъ такъ ясно хотѣлъ выразить свою вѣстину дѣломъ, что въ сценѣ трагедіи, написанной въ извѣстныхъ его сочиненіи, слыкъ, вложенный имъ въ уста Ротана, оного изъ заговорщиковъ, описывающій всеобщій ропотъ новгородцевъ:

Къ привилегіямъ нехашеть.

Я дрѣтъ на каждой вѣрѣтъ.

первоначально была выразить такъ, какъ будто было ило о событіи очень близкомъ и современнымъ.

Вражду къ привилегіямъ.

Я дрѣтъ на каждой вѣрѣтъ.

Удѣливши отрывокъ Вашима Пушкина рисуетъ намъ этого героя свободаго Новгорода—уже знакомыми штрихами, но кое-что есть въ немъ и оригинальнаго пушкинскаго. Созтаніе отрывка относится къ 1822 году т. е. къ тому времени, когда Пушкинъ былъ особенно сильно увлеченъ Байрономъ, это увлеченіе сказалось на образѣ Вашима, который очень несимпатически относился къ голѣмъ, къ са-добрѣ, къ са-враждѣ. И Вашима и Ротана не повѣдали преклонить своихъ головъ подъ ярмо чуждеземной власти и были и тѣсно въ Новгородѣ въ тоъ моментъ, когда дѣлать чужаки.

Въ отрывкѣ торжественномъ и вѣстительномъ чужаки. Но новая власть уже дѣлать новгородцевъ торговцевъ, индоевропейскіи старинно вольнѣтъ, мостовки, князь и негодуетъ и съ жесткою проаносилъ имя Вашима. Вашима, и славянскіи уже на себѣ невѣрною поводу, тогда, не особенно много дѣлать и настоящіи привилегіи своихъ со-

отечественников. Но любовь къ родинѣ заставляла его забыть объ оскорбителяхъ-соотечественникахъ, изгнавшихъ его изъ Новорота, и вновь отдалась дѣлу освобожденія родины.

Что же касается до отрывка изъ поэмы Вадимъ, то онъ уже не даетъ возможности сколько-нибудь ясно представить себѣ образъ Вадима; не помогаетъ въ этомъ отношеніи также и планы поэмы, набросанныя поэтомъ. Мистическія и историческія подробности дѣлать почти исчезъ.

Въ общемъ сюжетъ, видимо, не захватить Пушкина.

Отрывки поэмы въ первый разъ были напечатаны въ альманахѣ Б. Острова «Памятникъ Отечественныхъ Музъ», 1827 г., стр. 263. Здѣсь были помѣщены стихи отъ словъ: Промыть ночь до Межъ тѣмъ привычная забота; въ томъ же году въ Московскомъ Вѣстникѣ 1827 г., стр. 3—7 были помѣщены болѣе полныя отрывки, но съ пропускомъ 25 стиховъ отъ стиха: Онъ видитъ Новоротъ до Межъ тѣмъ привычная забота... Ср. въ исторіи текста.

Посмертное изданіе отнесло стихи, пропущенные М. Вѣстникомъ къ лирическимъ, а въ нѣмъ оставленнымъ стихамъ дало заглавіе: Два путника. Ср. Незеленовъ, Пушкинъ, стр. 127—128; Памяти А. С. Пушкина, сборникъ киевскаго университета, статья Владимірова, стр. 42—43; Н. П. Коробка, Личность въ русскомъ общ. и литер. началѣ XIX вѣка. Сиб. 1903 г., стр. 25—26; Бз. В. Г. Бѣлинскій, Сочиненія М. 1892 г., часть VIII, стр. 332—333.

Г. Карасикъ.

36. УЗНИКЪ

т. II, стр. 139.

Впервые появился въ III части Стихотвореній Александра Пушкина 1832 г. О вариантахъ см. въ исторіи текста.

Узникъ является стихотвореніемъ автобиографическаго характера. Пушкинъ, покинувшій съверъ съ опредѣленною на то скорое возвращеніе въ Петербургъ, въ кругу своихъ друзей, сильно сталъ тосковать въ Кишиневѣ своею невольническою судьбою, срокъ которой становился все болѣе и болѣе вѣроятнымъ; онъ сѣдуетъ на друзей, забывшихъ его, на измѣнившую любовь, и жаждетъ водн объеменить его. Въ посланіи къ О. Н. Елизикъ 1822 г. читаемъ: Пускай мнѣ дружба измѣнила, какъ измѣнила мнѣ любовь; въ черновомъ наброскѣ того же года къ ???, имѣется такая фраза: И свѣтъ, и дружбу, и любовь! Въ нѣмъ напоетъ отнынѣ вижу... Въ письмахъ поэта за 1822 годъ часто встрѣчаются тѣ же мысли: сѣлованіе на друзей, забывшихъ его, и желаніе побывать въ Петербургѣ. Представъ себѣ,—пишетъ П. брату Льву, 24 января 1822 г.—что до меня пустыни не ходитъ ни одинъ дружескій толкъ—что друзья мои, какъ нарочно, рѣшились оправдать эгоистическую мою мизантропію—и это состояніе несчастно. Затѣмъ, напоминая брату о какихъ-то прероченіяхъ, самыхъ важныхъ въ отношеніи къ нему, прибавляетъ: чортъ съ ними: постараюсь тамъ быть у васъ на нѣсколько дней—тогда дѣла пойдутъ иначе. Радость моя, хочеть мнѣ съ

вами увидѣться: мнѣ въ Петербургѣ дѣла есть. Не знаю, будутъ ли къ намъ, а постараюсь,—читаю въ письмѣ поэта къ брату отъ 21 июля того же года. Отвѣчая И. И. Голышину на его письмо объ изданіи стихотвореній, Пушкинъ говоритъ въ письмѣ отъ 26 сентября: Давнымъ друзьямъ позволю еще два, три мѣсяца. Какъ знать. Можетъ быть, къ новому году мы свѣтнемся, и тогда дѣло пойдетъ на дѣло. Но къ концу года скорѣи прѣхать въ Петербургъ становится для Пушкина маловероятнымъ, и онъ его назначаетъ на будущій годъ, причемъ вновь сознаетъ, что надо объ этомъ подумывать не въ Кишиневѣ, а въ Петербургѣ. Попытки въ этомъ направленіи были сдѣланы поэтомъ.

И карабкаюсь и, можетъ быть, явлюсь у васъ. Но не прежде будущаго года быть мнѣ на мѣстѣ Жуковскому я писалъ, онъ мнѣ не отвѣчаетъ: министру я писалъ—онъ и въ усъ не дуетъ. О друзья, Августу молитвы мои несите! но Августъ смотритъ Сентяремъ! Изъ письма къ А. С. Пушкину, Кишиневъ, 6 октября 1822 г. Въ минуту унынія Кишиневъ могою покладаясь поэту темницею сарои и заронить въ его душу страстное желаніе, упокоившись ору, улетѣть туда, гдѣ свиють морские края, гдѣ гуляетъ лишь вѣтеръ, да свободный царь птицы.

Очень близко, по своему мотиву, къ Узнику—стихотвореніе Птичка, въ которомъ поэтъ чувствуетъ нравственное удовлетвореніе въ томъ, что онъ хоть одному творенію могою даровать свободу. Когда Пушкинъ съживетъ мыслью о неволѣ, онъ заставляетъ невольника-чужака забыть и роцъ и свободу, зерно клеветы и брызгать воду и тѣшиться живою пѣснью. См. № 422.

Г. К.

37. ПТИЧКА

т. II, стр. 139.

Впервые напечатано въ Литературныхъ листкахъ Булгарина 1823 г., № 2, стр. 28, за подписью А. П. и съ слѣдующемъ примѣч. изд. журнала: Сіе относится къ тѣмъ благодѣтелямъ человечества, которые употребляютъ свои достатки на выкупъ изъ тюрьмы невинныхъ, толкннковъ и проч.—Изд. Здѣсь напечатано по изд. 1829 г. О вариантахъ см. въ исторіи текста.

Стихотвореніе это П. сообщилъ П. П. Глѣбичу въ письмѣ своемъ изъ Кишинева отъ 13 мая 1822 года:

Знаете-ли вѣтрогательный обычай русскаго мужика въ Свѣдлѣ Воскресеніе вынуждать на волю птичку.—писалъ поэтъ. Вотъ вамъ стихи на это. Затѣмъ, выписавъ стихотвореніе, П. спрашивалъ П. П., напечатать ли его безъ имени въ Слѣбѣ Отечества. О сказавшемся здѣсь настроеніи Пушкина см. примѣч. къ Узнику. № 336.

Г. К.

338. ДНОБЮ ВАНЬ СЪМУРАКЪ ПЕЦЗВЪСЛ-
НЬИИ.

т. II, стр. 139.

Впервые появился в Московском Телеграфѣ 1826 года, часть VII, № 1, стр. 3—6, под заглавием: *Днобю*. Первоначальный текст, помещенный в изд. 1838—1841 г., т. IX, 168 у Анненка, VII стр. 324—326, почти на себя сама больше яркого непосредственного чувства, чьей подлинная его обработка, по основной мысли о тлениости тела и безсмертн души остается почти неизменной. В данном случае складывается характеристическая особенность творчества П.—выраженный при окончательной обработке, под своим произведением все, что открыто говорило о его личном переживании. В первоначальном наброске сердце поэта не может примириться с гуманностью небития: по его горьким умь не шьет смерти, ибо смерть думает мыслями человека: если дух его безсмертен, то неужели сэрзном дробной душа его не сохранитъ минутныхъ жизни впечатлѣній? неужели образъ милой не останется вѣчной собственности его духа? Чувствуется, что в духѣ поэта готова утвердительная отвѣтъ на все эти вопросы.

В окончательной обработкѣ этихъ стиховъ вопросы чьей, чувствуется неопредѣленность настроенія, отчетливо проступаютъ слѣды ходоной раздумности. Образъ милой, который рѣшительнѣ всего заставляетъ вбрызнуть поэта въ безсмертн духа, не фигурируетъ вовсе въ окончательной редакціи стихотворенія. Ср. А. Неладеновъ, Пушкинъ въ его поэзии, СПб. 1882, стр. 97, 109—110. Бѣлинскій, изд. Венгеровъ т. VI, 101, 102; изд. Соболевскова т. VIII, 332, 333, 377, 378.

Намъ кажется, что не слѣдуетъ слишкомъ бѣдно сопоставлять содержание этого стихотворенія съ какимъ-либо определеннымъ фактомъ изъ жизни поэта въ Кишиневѣ, какъ это стѣлалъ Бартевевъ, предполагивъ, что стихи эти можели быть, были написаны накануне одного изъ послѣднихъ Р. Арх. 1886 г., ст. 1189—1190. Мысли о смерти, дробной жизни, какъ и о чьей жизни земной слишкомъ часто дистрибуируются въ лирическихъ стихотвореніяхъ П., чтобы нуждаться въ потыкниваніи велики разь специфическаго повода. Черновому наброску очень близки по содержанию стихи въ Везибри: Умъ шьетъ Божества, а сердце не находитъ 1817 г. и французская фраза, связанная по всей вѣроятности. Пестелемъ о Пушкинѣ, который и записалъ ее въ свой кишиневскій шевчикъ 1821 г.: *Mon coeur est matérielle, mais ma raison s'y refuse*. Сербцевъ я матеріальствъ, но умъ противится этому. Все стихотвореніе сильно напоминаетъ стихи 20—25 Воинъ 1821 г.

Г. В.

339. ГОРННЬ ЛН ТЫ, ЛАМНАДА ПАННА...

т. II, стр. 140.

Первый приступъ къ этимъ стихамъ находится въ 2365-ой тетради московскаго Румашовскаго музея л. 49; имъ кончается находящаяся на этой страницѣ музѣной тетради, относящаяся

1. Умъ воспроизведено по изд. 1820 г. Первоначальную редакцію см. въ исторіи гетьмана. Фед.

еще къ 1821 г. набросокъ: Младыхъ шровъ умилн смѣхитъ... (см. выше, № 325). Другой, тоже черновой, но уже довольно обработанный отрывокъ находится въ архивѣ въ Пин. Публичн. Библиотекѣ записной книжки Пушкина 1820—1821 гг., лл. 60, 60 об., 63. Въ отбѣльномъ видѣ стихи вошли въ письмо Пушкина къ Я. П. Голдстоу отъ 26 Сентября 1822 г. Принадлежащая П. В. Анненкову, списанная Я. П. Голдстымъ копія находится въ манковской коллекціи академіи наукъ.

П. в его современникѣ, IV, 36. Впервые посланіе было замечано П. В. Анненковымъ («Материалы для біографіи П. В. Анненкова», № 1, сѣбск. стр. 265, и воспроизведеннымъ Анненковымъ въ VII томѣ его изданія, стр. 38—39. Въ полномъ видѣ посланіе вошло въ первое изданіе Г. П. Генина, 1839 г., т. 1, 271—272. Стихи музѣной рукописи были сообщены въ Рус. Стар. 1884 г., апрѣль, 102, а библиотечной—въ изданіи литерат. фонда, VII, 40—41.

О Я. П. Голдстоу см. его отношенія къ Пушкину см. ст. Б. А. Модзалевскаго въ Г. д. настоящаго изданія, прим. № 194. Сфера, въ которой протекали эти отношенія, и о которой Пушкинъ вспоминаетъ такъ тепло и весело,—общество «Зеленая Лампа» о немъ см. въ Г. д. статьи Алексея Веселовскаго и П. О. Морозова; см. также «Общества незрелости въ Россіи» Г. А. Мартенъ-цова—Историч. Вѣстн. 1903, апрѣль, и записку Бенкендорфа о тайныхъ обществахъ—М. К. Лежко, Николаевскіе зацартары и литература 1826—1835 гг., СПб., 1908, стр. 376. Вино кометы было тогда очень популярно, Пушкинъ упоминаетъ о немъ въ Евгений Онегинѣ I, XVI:—вина кометы брызнула токъ... Приятель Пушкина поэтъ-гурманъ В. С. Филмоновъ упоминаетъ о немъ въ своей извѣстной гастрономической поэмѣ Обѣдъ (СПб., 1837 г., стр. 73): «еже въ бокалахъ цѣна бьетъ, еще кометная ливда на водѣ изъ бутылки рвется... Есть повѣрье, что лучшее вино бьвается изъ винограда, уродившагося въ толь появленія выходящей кометы» см. Соч. Герцена, СПб., 1905, т. 1, 154. Казмыкъ былъ мальчикъ, друга Веселовскаго, прислуживавши въ заветныхъ Зеленой Лампы. Последний стихъ посланія намекаетъ на курьезный обманъ лампистовъ, о которомъ Голдстонъ писалъ Жоинцову (Соврем., 1866, 226: какъ скоро кто-нибудь отпущивалъ пошлое красное слово, казмыкъ нашъ улыбаелся шевфидно, и наконецъ мы рѣшили, что этотъ мальчикъ велики разь, какъ услышишь пошлое слово, долженъ потонн къ тому, кто его отпустилъ, и сказать: «здравя желаю!» Съ удивительной смѣлностью казмыкъ исполнялъ свою обязанность. Впрочемъ, Пушкинъ ни разу не подтверждалъ казмыцкому желанію здравія. Онъ иногда говорилъ: «Казмыкъ мѣшъ балуетъ, Азя протектируетъ Африку... Вспоминай къ шевфѣ къ брату, 27 нояб. 1821 г., о Зеленой Лампѣ, Пушкинъ писалъ, пожелавъ здравія Казмыку. Отбѣлъ Пушкину на вопросъ, затаннн въ первый стихамъ посланія, Голдстонъ писалъ ему:

Умъ Лампа полого
Не стадо къ немъ мѣло.

Въ біографическихъ вѣриваніяхъ см. такъ въ статьѣ о текетѣ упоминается предостереженіе Антонова, добиваясь вѣриванія Лампъ... 210. Лам-

письм О. Ф. Юрьевъ, первое посланіе Пушкина къ которому такъ и начинается: «Любимецъ вътряпыхъ Лансъ»! о немъ см. замѣтку Б. Л. Модзалевскаго въ I т. настоящаго изданія, стр. 188, 182. Н. Д.

340. ЦАРЬ НИКИТА.

т. II, стр. 140.

Въ подлинномъ автографѣ поэта, сохранившемся въ 2366-ой тетради московскаго Румянцеваго музея л. 9 об., находятся только первые двадцать шесть стиховъ сказки, переданные В. Е. Якушкинымъ «Русс. Стар.» 1884 г., май, 328—329 и напечатанные въ настоящемъ изданіи выше, въ I столбцѣ стр. 140-ой. Дальше въ рукописи недостаетъ нескольких листовъ, можетъ быть сохранившихся продолженіе сказки. Начальные 22 стиха были напечатаны въ «Библиограф. Запискахъ» 1839 г., № 4, ст. 107, но не совсѣмъ точно; еще съ меньшей точностью эти стихи да еще 33 слѣдующіе отъ стиха: Какъ бы это изъяснить до стиха: «Провишиъ жена моя!» еще ранѣе появились въ «Русс. Библиотекѣ» 1838 г., I, 29—32, и были перепечатаны Н. В. Гербелемъ «Русскимъ въ берлинскомъ томѣ запрещенныхъ стихотвореній Пушкина, 1861 г., стр. 30—33; въ своей библиографической замѣчательной bibl., 167—173 Гербель сообщилъ съ какого-то списка конецъ сказки, восстановленный къ-то на память, причемъ, конечно, только немногіе стихи Пушкина уцѣлвали во всей первобытной своей чистотѣ; все остальное, очевидно, присочинено самимъ восстановителемъ текста и передать одно первое содержаніе сказки, не передавая ея поэтическую красоту... Среди множества сора попадаются чисто-пушкинскіе стихи, горящіе подобно алмазу среди павоидной кучи. Н. А. Ефремовъ «Минимы Н.» — «Нов. Время» 1903 г., № 9831 тоже полагаютъ, что въ окончаніи «Царя Никиты» много совершенно-пушкинскихъ стиховъ (см. также его послѣднее изданіе сочин. Н. УНН, 184). Впрочемъ, сказка действительно была закончена Пушкинымъ, который, готовя свой первый сборникъ стиховъ, писалъ 15 марта 1825 г. брату Льву Сергѣевичу и Н. А. Плещеву: 60 শেষ' Довольно-ли будетъ для I тома! Не приедать ли вамъ для напечатанія Царя Никиту и 40 его дочерей!» Впрочемъ — говорить Ефремовъ Н. сс. — «она не однажды читалась Языкову, Вульфъ и брату, который могъ запомнить и впоследствии записать ее по памяти. Конечно, и образованная память Льва Сергѣевича могла иногда измѣнять, и этимъ можно объяснить, что въ окончаніи «Царя Никиты» много совершенно-пушкинскихъ стиховъ, а на ряду съ ними встрѣчаются стихи не совсѣмъ удачные и непушкинскіе... Правда, Левъ Пушкинъ славился своею удивительною памятью, и его называли «живымъ издѣніемъ» сочиненій брата, но нужно помнить, что онъ самъ писалъ иногда стихи и любилъ поместифицировать знакомыхъ. Влад. Соловьевъ Сочин., УНН, Спб., 1903, стр. 348, почему-то утверждалъ, что Царь Никита и Гавриида остались незаконченными, писалъ: попытки записать поэзіею въ армо сложнаго порнографическаго остролювія не удалась Пушкину... Более справедливо мнѣніе А. Брикнера «Русская литература въ ея историческомъ развитіи», I, Спб., 1906 стр. 113, считающая «Царя Никиту» вещью остроумною.

Жалобами на дуру Цензуру¹ напечатаны пушкинскія письма 1822 г. Переписка П., академич. изд., I, 43, 45, 46—47, 54, 60—61. Въ «Царѣ Никитѣ» впервые встрѣчается тотъ раздѣлъ стиха, которымъ впоследствии Пушкинъ написалъ рядъ сказокъ. Н. Д.

341. ГРЕЧАНКЪ.

т. II, стр. 141.

Напечатано впервые въ альманахѣ «Полярная Звѣзда» 1823 г., стр. 107. Зѣвѣе печатается по изд. 1829 г. Ср. исторію текста.

Стихотвореніе это относится къ одной изъ знакомыхъ П. по Кишиневу — гречанкѣ Калиско Подухроно, которая, быть можетъ, интересовалась поэзіею не столько благодаря сомнительной ея красотѣ, сколько благодаря ореду любовницы Байрона, окружавшему ее; знакомство съ Калиско произошло такъ разъ въ періодъ наиболѣе сильнаго увлеченія П. милой Байрона и личною самого поэта.

О Калиско, очевидно, говоритъ П. въ письмѣ своемъ отъ 3 апрѣля 1823 г. изъ Кишинева къ кн. П. А. Вяземскому. Приданная Вяземскаго, собиравшаяся въ Одессу, завернула въ Кишиневъ, поэтъ общасть познакомить его съ гречанкою, которая цѣловалась съ Байрономъ.

Въ стихотвореніи своемъ Пушкинъ все время свидѣваетъ гречанку съ Байрономъ, «страстнымъ вдохновеннымъ». Очевидно, только поэтическимъ оборотомъ является обращеній къ весьма доступной Калиско, вопросъ: не ели ли изображать «пѣвецъ Аенды», создавая «свой неизбитый идеаль», не ели ли образъ заимъ въ душу его «ночь небомъ Греціи священною», не ели ли искушалъ онъ своей апроп, и она, обѣтая «невольнымъ трепетомъ», «склонилась къ его плечу»... Слѣдовъ, глубокаго чувства П. къ гречанкѣ цѣвъ въ этомъ стихотвореніи; стихи о «сламени ревншюи мечты», о труппе по недопловѣности счастья, по вѣрному замѣчанію П. Бартечева, сравнительно холодноу Р. Арх. 1866, ст. 1188.

Калиско Подухроно бѣжала вмѣстѣ со своею матерью изъ Константинополя послѣ возстанія гетерівъ въ Одессу, а оттуда около половины 1821 года переселилась въ Кишиневъ. Мать ея, вдова догофета, потеряла все, что имѣла во время

В) Мы оставили замѣчаніе П. О. Лернера относительно «дуры цензуры», по тому что въ публикѣ наиболѣе распространена такая версія конца I-го отрывка:

Чтобы намъ не прогнѣвить

Богомольной важной дуры,

Нашей чопорной цензуры.

Въ подлинномъ рукописи, однако, которю мы руководствовались, печатая I отрывокъ, Пушкинъ дѣлаетъ двѣ вылазки: одну противъ предподанасмой «богомольной дуры» и особо противъ «чопорной цензуры»:

Богомольной важной дуры

Или чопорной цензуры.

Власть именуемъ «богомольными дурами» кнѣбли гѣ голы великаго ханжества и господства Голыциныхъ, Фотіевъ и графинѣ Орловыхъ-Давытовыхъ.

Ред.

блестна. Мать и дочь жили очень близко въ Кишиневѣ, занимая двѣ маленькія комнаты. Кишиневского общества они не посещали, но молодежь, видимо, заглядывала къ нимъ; бывали у нихъ и Пушкины. П. П. Антрацитъ, Р. Арх. 66 т. ст. 1246.

Рассказъ Ф. Ф. Вителя о матери Калшисо мало вѣроятенъ. Она рисуетъ ее даровитой, умной и различными затовами смягчать сердца неостуженныхъ женщинъ и обезпечивать успѣхъ отчаявшимсяъ любовникамъ... Зап. Вителя, VI, стр. 152—153.

Калшисо была чрезвычайно маленькаго роста, съ ства дамѣной тучи; у нея было длинное сухое лицо, всета, по обычаю некоторыхъ мѣсть Турціи, паруманиное; огромный носъ, какъ бы сверху то плу, развѣсивъ ей лицо; у Калшисо были густые длинные волосы; огромные оренныя глаза, которыми она еще болѣе притавала сластолюбствія употребленіемъ сурьме.

Она хорошо знала сластолюбствія турецкія и бѣжи на восточныя дѣти, въ носъ, что добавляло Пушкина П. П. Антрацитъ, Р. Арх. 66 т. ст. 1246. Ф. Ф. Витель въ описаніи паруманина Калшисо не расходится съ П. П. Антрацитомъ. Огромный астрѣбитый носъ, по его словамъ, не портилъ ей пріятнаго лица, и она многимъ нравилась.

Особенно нравственностью, видимо, она не отличалась. Ф. Ф. Витель говоритъ о ея любовной связи съ княземъ Телемахомъ Хаибкеромъ, объ отсутствіи въ ея обращеніи и поведеніи строгости и предполагаетъ, что если бы она жила въ вѣкъ Перикла, исторія сохранила бы ея имя вмѣстѣ съ именами Францы и Ланса. Зап. Ф. Ф. Вителя, VI, стр. 152—153.

Болѣе близкими штрихами рисуетъ образъ Калшисо румынскій писатель Петруци, познакомившійся съ Калшисо и П. въ Кишиневѣ, въ отрывкѣ Калшисо, вошедшемъ въ его сборникъ *Rasatele Energetilor* (Грѣхи юности).

Въ отрывкѣ этомъ, написанномъ много лѣтъ спустя послѣ встрѣчи Петруци съ Пушкинымъ, (румынскій писатель упоминаетъ въ немъ о трагической участи нашего поэта, много фантастичности и особенно въ послѣдней его части, рисующей странную судьбу Калшисо.

Калшисо, въ изображеніи Петруци,— красавица-гречанка, женщина англеской красоты; она дуляетъ всегда одна; Пушкинъ сопровождать ее иногда, когда встрѣчается на дуляши; Калшисо владѣетъ только греческимъ и румынскимъ языками; Пушкинъ не знаетъ ни того, ни другого, но, впрочемъ, двадцати двухъ-лѣтній возрастъ поэта и восемнадцатилѣтній куртизанки не пугается въ переводѣхъ. Въ гороскопѣ саду, въ обществѣ Калшисо и Петруци, Пушкинъ декламируетъ свои стихи, переводить тутъ же на французскій языкъ, очевидно, болѣе понятный его слушателямъ. Въ 1823 году Петруци побывалъ Кишиневѣ, вернулся въ Молдавію и потерялъ изъ виду и Калшисо и Пушкина.

О дѣвятилѣтней сибѣ Калшисо мы узнаемъ изъ окончанія того же самаго отрывка. Утѣвъ все лико сохнело.

Выходъ ея очень романтиченъ. Мы узнаемъ, что въ монастырѣ Наму, въ Молдавіи, дѣвятилѣтняя сирота послѣ встрѣчи Петруци съ Калшисо въ Кишиневѣ, внезапно умираетъ юноша-послушникъ, крушии сирота, оглушавшійся строгимъ бдѣніемъ. Она прожила въ монастырѣ три года, вышла въ немъ пріять въ одну изъ богатѣйшихъ осеннихъ почей... При потребеніи, на груди ея нашли слѣдующую

записку: Согревшомъ, Господи! беззаконнахомъ, Господи, и пѣснь твою въ воздѣхъ на высоту славы Твоея Господи, прости и помилуй грѣшную Калшисо!

Юноша-послушникъ была Калшисо; черепъ этой красавицы-гречанки, какъ говоритъ Петруци, можно было видѣть въ это время въ катакомбахъ монастыря... Ср. X. С. Куровъ, Пушкинскія Гречанка Пет. Вѣстникъ 1884 г., № 2, стр. 336—340.

Чувство П. къ Калшисо, рожденное для нея томной и упоенія страстей, было явно мимолетно. П. П. Антрацитъ свѣдѣтельствуетъ о томъ, что Пушкинъ не былъ влюбленъ въ Калшисо, такъ какъ были дѣмевиръ несравненно лучше и, какъ онъ полагаетъ, ни одна изъ всѣхъ бывшихъ тогда въ Кишиневѣ не могла въ немъ порозвать ничто болѣе временнаго каприза. Р. Арх. 66 т. ст. 1246. Ф. Ф. Витель, прибавившій въ Кишиневѣ въ 1822 году, былъ представленъ, потому Калшисо и ея родственникѣ въ Пушкинѣ онъ не замѣтилъ и оставилъ любовнаго заара, которымъ онъ презрѣе торбалъ въ Калшисо. Зап. VI, стр. 152—153. Ср. Анненк. Матер., стр. 79. Неделеновъ, *ibid.* стр. 142—143. Бѣлинскій, 331—333, 338. Мазкъ 1843 г. XI, № 4, стр. 45—46. Г. В.

342. БАРАТЫНСКОМУ.

т. II, стр. 141.

Четверостишие находится въ тетради московскаго Румицовскаго музея № 2367 л. 25 и было впервые напечатано въ Сибирскихъ Цвѣтахъ на 1826 г., отд. II, 29, а затѣмъ внесено Пушкинымъ въ сборникъ его стиховъ 1829 г., т. 167, подъ 1822 г. Но весьма вѣроятному предположенію П. П. Баргелова (Русск. Арх. 1866 г., 1193), стихи эти указываютъ на подомешія до насъ шлемъ Пушкина къ Баратынскому, хотя, замѣтимъ, Пушкинъ могъ послать ихъ Баратынскому не прямо, а при шлемѣ къ кому-нибудь другому, напримеръ, къ брату. 13 мая 1822 г. поэтъ изложилъ П. П. Гибдичу: «отъ брата давно не получалъ извѣстія, о Дельвигѣ и Баратынскомъ, также,—но я люблю ихъ и дѣлываю», а 27 сентября писалъ ему: Баратынскому буду писать. Можетъ быть, Баратынскій общалъ прислать Пушкину тетрадь своихъ стиховъ. Н. Д.

1 Настоящее стихотвореніе всѣ издатели помещаютъ рядомъ со стихотвореніемъ Баратынскому изъ Бессарабіи № 330, потому что такъ помѣтили ихъ самъ Пушкинъ сначала въ Сиб. Цвѣтахъ, а потомъ въ изд. 1829 г. Но несомнѣнно, однако, что стихотворенія написаны въ разное время: черновики въ разныхъ тетрадяхъ творческаго настроенія тоже совершенно разные. Баратынскому изъ Бессарабіи—это въ отдаленныя поѣздки по Бессарабіи конецъ 1821—претя влѣтъ себѣ серьезное поэтическое произведеніе, а четверостишие—просто записка въ стихахъ.

Разъѣтничекъ № 330 и 342, мы не могли оставить Пушкинскаго давала. Ему же, и поэтому назвали его Баратынскому, но такъ какъ заглавіе не пушкинское, то и помѣтили его въ скобкахъ. Ред.

343. АДЕЛЫ.

т. II, стр. 142.

За письмо, впервые напечатано в Поларном Звезде на 1824 г., стр. 60 под заглавием: «Въ Альбомъ малюткѣ». Перепечатано въ изд. 18.6 и 1829 г. под заглавиемъ «Адела». Черновикъ въ Румниц. тетради № 2367, л. 8 оборотъ. Въ подготовительной для изд. 1826 г. тетради, принадлежащей гр. П. П. Кашикету на л. 9 об., см. Машковъ, Автографы П., принадл. гр. П. П. Кашикету, стр. 4, есть пометка Пушкина: «Адела а не въ альбомъ малюткѣ». «Адела» названо стихотворение и въ рукоп. № 2367, изъ чего можно заключить, что мало подошедшее къ содержанию письма заглавие «Въ Альбомъ малюткѣ» дано не Пушкинымъ, а редакцією. О вариантахъ см. въ исторіи текста.

О странной исторіи указания Пушкина на 12-лѣтней Аделю Давыдову см. выше, стр. 114—115.

Пушкинъ оказался плохимъ пророкомъ, когда утверждалъ:

Для наслажденія
Ты рождена.

«Дальнѣйшая судьба Девочки не оправдала пожеланій поэта. Агая Антоновна, послѣ смерти мужа, перебралась въ Парижъ: ревностная католичка, она обратила двухъ своихъ дочерей въ католичество, и Адела, вѣсто наслажденій большого свѣта, выпала на долю уединенія монастыря». А. М. Лободя, Пушкинъ въ Каменкѣ. Памяти Пушкина, сборникъ. Кіев. унив. Кіевъ 1899, стр. 98. Ред.

344. ПРИГЪНО.

т. II, стр. 142.

Впервые напечатано въ изданіи 1826 г. Вѣстн. относится къ П. С. Алексѣеву, съ которымъ поэтъ былъ очень друженъ. Ср. выше, стр. 568—69. Черновикъ въ тетради № 2367 л. 24). Зѣвъ только одинъ вариантъ противъ печатнаго текста, въ 7 стихѣ:

Она къ несчастію не дуря:

Ред.

345. ГАВРИЛАДА

т. II, стр. 143.

I.

Въ бумагахъ Пушкина сохранился такой набросокъ, относящійся къ началу 30-хъ годовъ:

На это скажутъ мнѣ съ улыбкою цѣвѣрною:
Смотрите, вы поэтъ, уклонный, лицемер-
ный,

Вы насъ морочите, Вамъ слава не нужна!
Свѣтлою и суетною вамъ кажется она!
Зачѣмъ же пишете? И для себя? За

что же
Печтаете вы? Для денегъ? Ахъ, мой
Боже!

Какъ стыдно! — Почему жь...

Раньше, въ 1824 г., Пушкинъ высказалъ ту же мысль въ письмѣ къ кн. П. Вяземскому 8 марта: «Я пишу для себя, а печатаю для денегъ, и повторилъ ее не разъ въ другихъ письмахъ, въ Разговорѣ Кипиторавца съ Подомъ, въ Ролословномъ моемъ терое».

И, дѣйствительно, Пушкинъ всю жизнь оставался вѣренъ этому афоризму: «Пишу для себя, печатаю для денегъ», притомъ не только второй его половинѣ, но и первой. Пушкинъ прогавалъ бросалъ толкѣ, рабѣнъ суеты, лишь «плоть» своего труда, а не самъ трудъ, и въ этомъ смыслѣ называлъ свою лиру «свободною». Начиная новое произведеніе, Пушкинъ никогда не думывался надъ тѣмъ, напечатается ли оно, его или принужденъ будетъ оставить въ своихъ тетрадяхъ и соburnъ лишь близкимъ друзьямъ. Известно, что даже Евгенія Онегина Пушкинъ началъ безъ надежды увидѣть его въ печати, и тогда писалъ кн. Вяземскому: «О печати и думать нечего, брату: Бирюковъ ея поэма не увидитъ», А. А. Бесухову: «Если когда-нибудь она и будетъ напечатана, то вѣрно не въ Москвѣ и не въ Петербургѣ».

Число стихотвореній Пушкина, не напечатанныхъ при его жизни, огромно. Здѣсь есть и лирическія строфы, слишкомъ интимныя для печати, и эпиграммы, слишкомъ для нея кокия, и политическія оды, слишкомъ вольныя, и цѣлыя поэмы. Замѣчательно, что художественный уровень этихъ произведеній несколько не ниже, чѣмъ стиховъ, предназначенныхъ для широкаго распространія. Пушкинъ работалъ надъ тѣми своими стихами, которыхъ оны мотъ остаться единственными читателемъ, тѣми же самыми методами, съ тѣми же упорствомъ и вниманіемъ, какъ и надъ всѣми другими своими созданіями, и по праву приписалъ оны къ себѣ стихи Андрѣ Шенье:

... безъ отдыва утѣшно я пою,
И тайные стихи обдумывать люблю.

Только однимъ правиломъ «пишу для себя, только этой любовью — обдумывать тайные стихи» можно объяснить созданіе «Гаврилады», поэмы, напечатать которую полностью невозможно еще и теперь, черезъ семьдесятъ лѣтъ послѣ смерти Пушкина, и самое существованіе которой едва не поклекло за собой глѣзкія бѣды для автора. Черновыя Гаврилады до насъ не тогда оны были, вѣроятно, истреблены Пушкинымъ, но мы знаемъ, что такіе плавные, безукоризненные стихи тавадъ Пушкину только послѣ упорной работы, и мы не можемъ сомнѣваться, что существовало два или три варианта поэмы, прежде чѣмъ она приняла свой окончательный видъ. Въ тотъ самый годъ 1822, когда Пушкинъ писалъ въ отпоръ письмѣ на конченную свою поему я смотрю какъ саможизнь на пару своихъ самогъ, и прощаю съ барышомъ, — оны же работалъ надъ поэмою, которую, конечно, не мотъ протать ни за грошь, и которую самъ приписывалъ опасными стихами. Пушкино ли большее доказательство, что искренно были написаны стихи о поэтѣ:

Твой трудъ
Тѣбѣ награда; имъ ты пишешь...

II.

Гаврилада — занимаетъ среди сочиненій Пушкина особое положеніе, такъ какъ авторъ принужденъ былъ отъ нея отречься.

Въ ноябѣ 1828 г. дворянскіе люди нѣкоего штабъ-капитана Митыкова принесли петербургскому митрополиту, что господинъ ихъ разрѣшаетъ ихъ въ понятіяхъ православной вѣры, читая имъ по рукописи развратное сочиненіе подъ заглавіемъ Гавриіады. При томъ была предложена и рукопись поэмы. Дѣло было поведено по государя, который повелѣлъ вести его генералъ-губернатору и образовать для разбора особую комиссію изъ гг. В. Кочубевъ, гр. П. Толстого и вл. А. Голыцина.

Къ отвѣду вскорѣ были привлечены и Пушкинъ, потому ли что на рукописи стояло его имя, или потому, что на него, какъ на автора поэмы, указывалъ Митыковъ. При первомъ спросѣ, въ августѣ 1828 г., Пушкину были поставлены вопросы: а имъ ли была писана поэма Гавриіады? въ которомъ году? и имѣли ли они у себя оную? Пушкинъ какъ указано въ официальном отвѣдѣ, на эти вопросы рѣшительно отвѣчалъ, что сія поэма писана не имъ, что она въ первый разъ видѣна имъ въ Либѣ въ 1815 или 1816 году, и переписана имъ по не помнитъ куда бывавъ сей списокъ, и что съ того времени онъ не видѣлъ ее.

Этотъ отвѣдъ не удовлетворилъ государя, и онъ повелѣлъ Толстому вновь призвать Пушкина и спросить у него: отъ кого получили они въ 15-мъ или 16-мъ году, находясь въ Либѣ, упомянутую поэму, и възиная, что открытіе автора уничтожитъ всякое сомнѣніе по поводу обращающихся къ милости его сочиненія, поэтъ имени Пушкина. Отвѣдъ Пушкина на этотъ новый запросъ пошелъ по насъ въ подлинникѣ поэтъ онъ:

1828 года Августа 19, шкенописавшіяся 10 класса Александръ Пушкинъ въслѣдствіе вышеописаннаго повелѣнія, объявленнаго Е. Главнокомандующимъ въ С.-Петербургѣ и Кронштадтѣ, бывъ призвавъ къ С.-Петербургскому Военному Губернатору, спрашиваемъ, отъ кого именно получилъ поэму подъ названіемъ Гавриіады, показалъ: Рукопись оная между офицерами Гусарскаго полка, по отъ кого идѣ, имъ именно я получила оную, я никакъ не упомяну. Мои же списокъ сдѣлалъ я, впрямую, въ 20-мъ году. Обмѣливаясь прибавить, что не въ ономъ имъ моихъ сочиненіи, каже изъ Губы, въ кону я наиболѣе раскаиваюсь, имѣя стѣловъ духа бездѣрія или кощунства имѣть религію. Темъ при скорбиѣ для меня имѣние, приписывающее имъ произведеніе какое и поспѣное.

28 августа отвѣдъ Пушкина былъ доложенъ государю. На докладѣ, съ словъ государя, рукою Бенкендорфа написано такое рѣшеніе: Гр. Толстому призвать Пушкина къ себѣ и сказать ему моему именемъ, что, зная лично Пушкина, а его слову вѣрю. Но желаю, чтобы онъ помогъ правительству открыть, кто могъ сочинить подобную мерзость и обидѣть Пушкина, выпуская оную подъ его именемъ. Поелѣ этого Пушкинъ былъ призванъ къ запросу въ третій разъ.

Дальнѣйшіи ходъ дѣла доложенъ въ протоколѣ Комисіи отъ 7 октября такъ: Главнокомандующій въ С.-Петербургѣ и Кронштадтѣ, петопивъ вышеописанную собственноручную Его Величества отвѣду, требовалъ отъ Пушкина, чтобы онъ, видя такое къ себѣ благосклоненіе Его Величества, не отговаривался отъ объявленія истины, и что Пушкинъ по повелѣнію молчанія и размышленія спрашивать: позволено ли будетъ

ему написать прямо Государю Императору, и получивъ на сіе удовлетворительный отвѣдъ, тутъ же написать къ Его Величеству письмо и запечатать оное вручить графу Толстому. Комисія положила, не раскрывая письма сего, претставить оное, Его Величеству, поелѣ и о томъ, что графомъ Толстымъ комисіи сообщено.

Содержаніе письма Пушкина къ государю въ точности неизвѣстно. Но дѣло послѣ этого письма было прекращено.

Замѣтимъ еще, что Пушкинъ во время хода этого дѣла, 1 сентября, писалъ въ частномъ письмѣ къ П. Вяземскому: Ты доведи меня въ Пензу, а того и дляи, что я побѣду имѣю. Прямю, прямо на востокъ. Мнѣ навязалась на шею прелудная шутка. До Правительствъ толпа, наконецъ, Гавриіады: приписываютъ ее мнѣ; тоисли на меня, и я, впрямую, отвѣду за чужія проваива, если Ки. Дм. Горчаковъ не явится съ тою свѣдѣ отставать права на свою собственность. Это та булетъ между нами.

III.

Такъ, Пушкинъ, нѣсколько разъ, определенно отрекся отъ Гавриіады и также указалъ, какъ на ея автора, на другое лицо.

Можемъ ли повѣрить этому отреченію.—Рѣшительно нѣтъ.

Хотя у насъ нѣтъ ни одной строчки Гавриіады, писанной Пушкинымъ, но есть нѣчто болѣе убѣдительное: программа этой поэмы, составленная Пушкинымъ, какъ составлялъ онъ обычно программы и другихъ своихъ большихъ произведеній (см. факсимиле на стр. 133). Рукопись Гавриіады—руки Пушкина можно было бы выдвигать за списокъ, съданный имъ съ чуждою оригинала, но одно существованіе этой программы въ Кишиневской тетради уже неопровержимо доказываетъ принадлежность Гавриіады Пушкину.

Замѣтъ въ той же Кишиневской тетради Пушкина есть набросокъ стихотворенія, которое нельзя не считать иначе, какъ намекомъ на Гавриіаду. Среди беззвучныхъ, неоконченныхъ строфъ мы читаемъ дѣтъ такіе стихи.

Прими въ залогъ воспоминанья
Мои для вѣчныхъ стиховъ...
И пошь печатью погасенной
Прими онасныя стихи,
Не утѣшався, мильны трупъ,
или: (Не не утѣшався, мильны мои
Ея вѣраи въскому платю...
Вотъ Муза, рѣвая богинья,
Которую ты такъ любила,
Она раскаялась надумавъ
Престыжъ твора ея пѣвиль...
или: Притворный токъ ея пѣвиль...
или: Ея все свѣтъ и о себинды...
Своеи и себе си онъ бѣдала тѣль...
Она ту . . . ому занатю
Опасной жертвуешь твора!

Въ стихъ наброскахъ еще трудно удовлетвить общій условъ статическаго стихотворенія, но основная мысль его совершенно дѣла, это обращеніе, спущъ къ кому то къ Вяземскому? П. С. Алексѣеву? при поэмѣ Гавриіады.

Авторъ Гавриіады въ концѣ поэмы называетъ себя:

Трупъ, тѣло, пошла и претатети.

Выражения эти вводят походить к Пушкину. «Предателем», т. е. предателем в любви, мог бы называть себя Пушкин, вспоминая коварную старшую преступную юности своей; «повесой» называл он себя и в других стихотворениях, как, напр., «я повеса дивно праданый». Другое «тема» было бы как у друга А. Н. Раевского.

Кн. П. А. Вяземский, 10 декабря 1822 г., послал А. П. Тургеневу значительный отрывок из Гаврилады, писал про нее вводит определенно, как про поему Пушкина: Пушкин в прелести миф одну свою прекрасную шалость.

Уже веху этих «формальных» и «тематических» доказательств совершенно достаточно, чтобы установить авторство Пушкина¹⁾.

Но, быть может, еще убийственнее доказательство, так сказать, внутреннего, почеркаемая из самой поэмы, ее строений, ее языка.

Форма Гаврилады вводит соответствует обычным формам поэм Пушкина, с фабулой, развивающейся скачко и быстро, со смелыми лирическими отступлениями, при необыкновенной строгости составных частей. Стих Гаврилады — прозрачный, кристальный стих Пушкина, танной которого владеть он один и «поддвигать» который мог бы только поэт, не уступающий Пушкину по дарованию. Образы поэмы четки и ярки, эпитеты точны и обдуманы, много отдельных мест полнотой составляют драгоценный жемчужины русской поэзии.

Наконец, весь стиль, вся манера в Гавриладу чисто Пушкинская. Вот несколько примеров:

Пушкин любил называть глаза — «томными» или «внимательными». Мы читаем у него: И томных дель устремлены на вась внимательныхь очей, или: Нухь томный взоръ, привитный лещеть. В Гавриладу соответственно этому:

Но что же такь вознуеть и манить
Ея къ себѣ внимательныхь очей.

Высокий станъ, взоръ томный и стыдливый.

Вообще слово «томный» встречается у Пушкина очень часто; столь же часто встречается оно и в Гавриладу. Вот еще пример:

жилась на дождь томной дщи.

Этот стих в том же напоминает другой из стихотворения «Желание»: Душой заснуь на дождь мирной дщи.

1) Есть еще известие, будто несколько стихов Гаврилады принадлежали потом для стихотворения (19 октября 1825 г.) (см. Гротъ, «Пушкинъ», 2 изд., стр. 280). Но известие это, сообщаемое одним С. Д. Козловским, по справедливости подвергается сомнению. Полагаю, что Козловский, оторченный дель, что Пушкин ни разу не упоминал его имени в своих стихах, полагался сам пополнить этот пробел и смастерил из стихов Гаврилады будто бы новую, пропущенную строфу (19 октября 1825 г.) (см. Сочинения Пушкина, изд. Ефремова, том VIII, стр. 223).

Пушкин любил красоте придавать эпитет «стыдливый». Напр.: Она покорится стыдливо въ крабъ торжественной своей. Стидливо холодно, восторгу моему ства отбвствуешь. В Гавриладу читаем:

И къ радостямъ, на доже наслаждений,
Стыдливую склонили красоту.

В послании П. С. Алексееву Пушкин упоминает «току чудивую мать»; тот же эпитет встречается и в Гавриладу:

При матери току чудивой и строгой.

В Бахчисаранскомъ Фонтану есть стих. Языкъ мучительныхъ страстей; в Гавриладу это выражение повторяется буквально:

... таннымъ языкъ мучительныхъ
страстей.

В Русдану и Любману есть выражение «Любви готова тарь»; в Гавриладу сказано почти так же:

Его любви готова повин тарь.

Таких же параллелей можно было бы привести немало. Вот еще несколько выражений Гаврилады, которые трудно не признать Пушкинскими:

И скоро жеть и дльнительного сна.

Въ тѣ дни, когда отъ отценнато взора
Мы чувствуемъ волнение въ крови.

Когда тоска обманчивыхъ желаний
Объемлетъ насъ...

Скучивъ была нхъ тиен однообразность

Въ объятияхъ дльвиной тишины.

И счастлива въ прелестной палотѣ.

Можно утверждать одно: если Гаврилада написана не Пушкинымъ, то одновременно с нимъ жилъ в Россіи другой равный ему по дарованию поэт, обладавший къ тому же поразительнымъ даромъ имитации.

IV.

Какъ же должны мы относиться къ отречению Пушкина отъ своей поэмы?

Прежде всего надо вспомнить положение Пушкина въ то время, когда возникло дель о Гавриладу (августъ, 1828 г.). Не прошло еще и двухъ дель, какъ Пушкинъ былъ возвращенъ изъ ссылки. Ему были очень памяты мѣсяцы, «слезянные» глаза на глаза со старои нашей, въ Михайловскомъ. Правительство имѣло не мало поводовъ смотреть на него косо. Втомъ 1827 г. разыгралось дель о стихахъ Андрей Шенье. В октябрь того же года на бала шумя встрѣча Пушкина съ Кюхельбекеромъ.

Съ другой стороны, незадолго передъ тѣмъ Пушкинъ впервые повстрѣчался съ П. П. Гоцкаровои. Новая, могущественная любовь наполнила его душу. Новая надежда велала передъ его воображениемъ. Ввѣсть съ тѣмъ Пушкинъ былъ

уже далеко от негритя своей юности. Близились тогда религиозных радумий, привенших къ такимъ стихотвореніямъ, какъ Отцы-пустыяшники.

Какъ съ тѣмъ сорвался «Галубъ». Въ 1828 г. Пушкинъ былъ уже авторомъ «Бориса Годунова», уже создавалъ «Полтаву».

И вдругъ на него падаетъ обвиненіе, что онъ— авторъ кощунственной поэмы, которую государь называетъ «мерзостною», обвиненіе въ преступленіи противъ первыхъ параграфовъ нашего законодательства. «Что могло грозить Пушкину? Только ли немилость цвора? а, можетъ быть, и въ самомъ дѣлѣ побѣда «прямо на востокъ», «рушится» «выстрѣкъ». Во всякомъ случаѣ все знаніе пѣкото-рано споконъ лѣтъ и пѣкото-рано недавности, возмущаетъ съ такимъ трудомъ, рушится. Рушится и надежда на бракъ съ П. П. Голыцаровой.

Врѣзано, по тѣмъ вѣдннмъ, такъ въ невеселымъ думѣ Пушкинъ и писать тогда:

Слова тучи падо мною
Собрался въ тишинѣ
Рокъ завистливый бѣтою
Утrophаетъ снова мнѣ.
Сохраню ль къ судьбѣ презрѣннѣ?
Пощесу ль на ширбу ей
Непреклонность и терпѣннѣ
Гортой юности моеи

Пушкинъ не сохранилъ «презрѣннѣ» къ судьбѣ, не пощесу ей на ширбу— непреклонность своей гортой юности. Онъ помыслился обмануть своимъ судей, отшараетъ по выраженію кн. А. П. Голицына, «сваливать свою вину на другого—сначала на какихъ-то офицеровъ гусарскаго полка», потомъ письмо къ кн. Вяземскому на кн. Д. П. Горчакова. И только, такъ сказать, «принертилъ къ судьбѣ» лично выраженнымъ неговѣрнѣмъ государю, рѣшилъ, наконецъ, приблизиться къ его великодушнѣ.

Первое увѣреніе Пушкина, что онъ получилъ Гавриладиу въ Лицѣ, въ 1813 или 1816 г., отъ офицеровъ гусарскаго полка, не заслуживаетъ опроверженія. До 1815 г., т. е. до пошва совершешаго самимъ Пушкинымъ, никто не могъ написать такой поэмѣ по-русски: не существовало для того ни языка, ни стиха.

Столь же неправдоподобно и увѣреніе, что авторъ Гавриладины кн. Д. П. Горчаковъ. Хотя самъ Пушкинъ хвалитъ въ его сатирахъ «слога чистоту» («Горюкъ», по стиху Горчакова, во всѣхъ его пошвахъ произведеній), характерныи въ Пушкинскии стихъ, также болѣе близкии къ стиху XVIII вѣка, чѣмъ къ стиху Жуковскаго и Батюшкова. (Ср. т. I, стр. 189 и слѣд.).

Кромѣ того, Пушкинъ не могъ серьезно увѣрять кн. Вяземскаго, что авторъ Гавриладины кн. Горчаковъ, когда самъ послалъ кн. Вяземскому Гавриладу какъ своею плагіатъ. То мѣсто въ письмѣ Пушкина, гдѣ говорится о кн. Горчаковѣ, нельзя считать ничѣмъ инымъ какъ косвеннымъ предупрежденіемъ кн. Вяземскому: опровергать въ обществѣ слухи объ авторствѣ Пушкина. Описавъ обычнѣ въ тѣ дни перло-страдаи письмѣ, Пушкинъ не рѣшился выразить опредѣленнѣ, по кн. Вяземскии пошадъ его, и написать ему въ отвѣтъ: «Сердечно радую о твоемъ хлопотѣхъ по поводу Гаврилади, по пѣтѣннѣ, что пошва твои хлопотъ не будутъ».

Замѣнимъ, что, намѣкая какъ на автора Гавриладины, именно на кн. Горчакова, Пушкинъ

поступалъ очень осторожно. Горчаковъ и рѣше былъ пѣтѣннѣ, какъ авторъ разныхъ пещенурныхъ стиховъ. Новая такая поэма не пѣтѣннѣла ничего въ его хутор или доброй славы. Душно же кн. Горчакову никакихъ неприятностей угрожать не могло, онъ былъ уже шѣтъ дѣшного суда, такъ какъ скончался четыре года назадъ, въ 1821 г.

Что касается письма Пушкина, которое было передано государю перепечатаннымъ, то, какъ мы говорили, содержаніе его пѣтѣннѣ. Возможны два предположенія: Пушкинъ въ этомъ письмѣ называлъ или того же кн. Д. П. Горчакова или себя. Есть косвенное указаніе въ пользу второго предположенія.

Въ программахъ дашеокъ, противопавшии кн. А. П. Голицынамъ, членомъ Комисіи по разбору пѣдъ о Гавриладиѣ и лицомъ, очень близкимъ къ Николаю Павловичу, по тѣ 30 декабря 1837 г. занисано слѣдующее: Гавриладиа Пушкина. Отшарательство Пушкина. Пришаніе. Обращеніе съ нимъ государя. Важныи отдѣлы самого князя, что не пѣтѣннѣ осуждать умершихъ. Не слѣдннѣ слова добавлены тѣмъ лицомъ, которому кн. А. П. Голицына пѣтѣннѣ свою программу.

Кн. Голицына, по позвоженію своему, могъ шить лично о тѣмъ гари съ терзаніеи письмѣ Пушкина. Только это, пѣтѣннѣ намъ, письмѣ Пушкина и могло быть тѣмъ «пришаніемъ», о которомъ говоритъ Голицына: веб труднѣ показанія Пушкина были именно «отшарательствомъ». Заключительныи «отдѣлы князя» можно пѣтѣннѣ такъ: онъ желалъ оставить себѣ пѣтѣннѣ (на то время, когда будетъ обрабатывать свою программу, что не только осуждать уже пошваго 1837 г. Пушкина за преступленіе его молодости).

Если въ письмѣ къ государю Пушкинъ, дн-ствительно, назвалъ авторомъ Гавриладины себя, съ чего то пѣкото-рано степени снимается и обвиненіе въ создательствѣ пѣдъ, которое очень многими казалось несовмѣстимымъ съ образомъ Пушкина.

X.

Время написанія Гавриладины—опредѣляется тѣмъ, что программа ей написана среди черноваго наброска посланія къ Чаадаеву, помѣшанаго 6 апрѣлемъ 1821 г. Въ декабрь 1822 г. Гавриладиа была уже въ рукахъ кн. Вяземскаго. Такимъ образомъ Гавриладиа была создана съ пошваи 1824 по конецъ 1822 г.

За это время въ пошва Пушкина встрѣчается дѣтѣннѣ рать, созданнѣ, отвѣтъхъ къ «параднское пѣтѣннѣ», дѣтѣннѣ рать «образу», пошвару пѣтѣннѣ изъ Библіи. Тогда были написаны: «Десять Заповѣдѣхъ», «переводъ изъ Пѣснн Пѣсннѣ», «Ермѣкъ», «Свобода Бѣтѣннѣ, пустышникъ и пѣтѣннѣски» и др. «пошва», пѣтѣннѣ которою только было пѣтѣннѣ хотѣть въ виду. Слѣди по стихамъ, пѣтѣннѣ можно шить, что тогда среди «царннѣ» «сердце» у Пушкина была такая го «вреннѣ»³⁾, къ которой относителъ обращение «моя Ревекка». Возможно, что и вса Гавриладиа «обращена» къ ней, по крайней мѣрѣ такъ позвоженно думать стиху.

Дѣтѣннѣ же ты, ерѣнка, хитроушнѣ,
И по лицу румянецъ, пробѣтѣннѣ,
Я не себя... ошарать.
Ахъ, мнѣ, ты, право обманулась.

Шекспирѣ пошва—въ пѣтѣннѣ 1824 г. Пушкинъ.

Г. Ср. вѣтѣннѣ прим. къ № 268, 282.

вить в письмах, послужившем поводом к его ссылке, писал: «Читаю Библию, святой дух иногда мнѣ по сердцу...»

Литературные образцы для «Гавриляды» Пушкин мог найти в поэмах и в библейские сюжеты любимца своей юности — Парш. Отдельные стихи «Гавриляды» довольно близко напоминают некоторые места этих поэм.

«Гавриляда» написана пятистопным ямбом, притом пятистопным ямбом первого периода Пушкинского творчества. До 1830 г. Пушкин в пятистопном ямбе всегда строго соблюдал мужскую цезуру после второй стопы. Так написаны стихотворения «Желание» (1821 г., 19 октября 1825 г.), переводы отрывка «Известия» (1825 г.), «Иванъ любить» (1829 г.), лирияммы на Каченовского (1829 г.), пьес «Борисъ Годуновъ» и «всѣ Гавриляды». В «Домикъ в Коломнѣ» Пушкинъ самъ говорил:

Признайся намъ, я въ пятистопной строчкѣ
Люблю цезуру на второй стопѣ.

Но начиная съ 1830 г. Пушкинъ начинает позволять себѣ некоторыевольности в этомъ стихѣ. Не только онъ допускаетъ женскую цезуру после второй стопы, естественные примѣры чего встрѣчаются у него и раньше, но и цезуру после третьей стопы, и даже стихи безъ определенной цезуры. Такихъ стиховъ сколько угодно в отрывкѣ. В началѣ жизни, в трамахъ 1830 г., в «Русалкѣ» и в томъ самомъ «Домикѣ в Коломнѣ», въ которомъ прослаждается «въ пятистопной строчкѣ цезура на второй стопѣ». Вотъ несколько примѣровъ:

Но видѣшь величавая жена. Въ началѣ жизни.

Другой женообразныи, сластолюбивый. Ibid.

Видъ рюмы занросто со мной живутъ. «Домикъ в Коломнѣ».

Нѣз мелкой сволочи пербую рать. Ibid.

Онъ сутки замертво лежалъ, и врядъ ли. (Скудной Рыцарь).

Мнѣ дамъ и герцога, Проклятыя графъ. Ibid.

Ребенкомъ будучи, когда высоко. Моцартъ и Сальери.

Послѣдней въ Андаудн крестянки. «Каменный гость».

Да поповаривать васъ, бѣдншихъ дурь. Русалка.

Этотъ списокъ изъ стиховъ 1830—1837 г., можно было бы сдѣлать очень длиннымъ. Напротивъ, до 1830 г. у Пушкина пятистопные ямбические стихи безъ мужской цезуры на второй стопѣ составляютъ исключеніе. Если мы не ошибаемся, во всемъ «Борисѣ Годуновѣ» только одинъ подобный стихъ: въ «Гаврилядѣ» ни одного⁷, и это можетъ служить длиннымъ доказательствомъ, что ея авторъ — Пушкинъ.

⁷ Въ «Борисѣ Годуновѣ»:

Ты, отецъ патриархъ, въ вѣв, бояре. Сд IV.

Въ «Гаврилядѣ» (по изд. П. Огарева) есть одинъ пятистопный стихъ:

Сказалъ Бездумныи вранъ небесной красоты.

Остается сказать о датѣ этой поэмы. Въ официальномъ письмѣ она воздѣ называется «Гавриляда». Въ письмѣ къ кн. Вяземскому такъ называется ее и Пушкинъ. Кн. Вяземскій въ отзывномъ письмѣ говоритъ о «Гаврильѣ». Въ письмѣ къ А. А. Бестужеву, отъ 13 июня 1823 г., Пушкинъ говоритъ о какомъ-то «Благовѣщеніи». Можетъ быть, это первоначальное названіе его поэмы.

Исторія распространения «Гавриляды» среди читателей еще не изучена. Если въ письмѣ къ А. А. Бестужеву поэтъ «Благовѣщеніемъ» разумеется именно «Гавриляда», то будетъ признано, что Пушкинъ самъ сообщилъ свою поэму по меньшей мѣрѣ двумъ лицамъ: кн. Вяземскому и А. Бестужеву. То обстоятельство, что «Гавриляда» оказалась въ рукахъ штабсъ-капитана Митькова, человека вообще чуждаго литературѣ, доказываетъ, что поэма въ 20-хъ годахъ получила уже широкое распространеніе. Въ позднѣйшіе годы жизни Пушкинъ такъ рассказываетъ кн. Вяземскій не только даже упоминаетъ о «Гаврильѣ» въ своемъ присутствіи.

Критика текста «Гавриляды» находится еще въ зачаткѣ. Отрывки изъ поэмы печатались П. Гербелемъ, П. Ефремовымъ и П. Бартевскимъ на основаніи неизвѣстныхъ списковъ. Но неизвѣстному же списку напечатанъ и полный текстъ поэмы въ изданіи П. Огарева «Русская поэтическая литература», Лондонъ 1861 г., съ котораго перепечатывается другія изданныя изданія. Сколько-нибудь достовернымъ, въ отношеніи текста, можетъ почитаться только отрывокъ, переписанный кн. Вяземскимъ для А. П. Тургенева «Остафьевскій Архивъ», II, 287.

Полный списокъ поэмы имѣется въ собственной Его Величества библиотекѣ — см. «Новое Время» 1903 г., № 9874 и 9877. Кроме того, есть всѣ основанія предполагать, что въ архивахъ Остафьева еще сохраняется собственноручная рукопись Пушкина. На экземплярѣ «Стихотвореній А. С. Пушкина» изд. 1870 г., Берлинъ, есть такая надпись кн. П. А. Вяземскаго: «У меня долженъ быть въ старыхъ бумагахъ полный собственноручный Пушкина списокъ Гавриляды, имѣ мнѣ присланный. Должно сказать его, что и завѣщаю сдѣлать списку моему». Будемъ надѣяться, что варварскій актъ сожженія Пушкинскихъ рукописей, когда она будетъ разыскана, не состоится, и что эта находка дастъ намъ достоверный текстъ одного изъ значительнѣйшихъ составовъ Пушкина⁸.

Валерій Брюсовъ.

34. О. ГИШКЪ.

г. II, стр. 149.

Послѣднее было сообщено Пушкинымъ брату Льву въ письмѣ конца 1822 года или начала 1823; но это письмо не дошло до брата, и поэтъ вновь повторилъ свои стихи О. Гинскѣ въ письмѣ отъ начала января 1823 г. Отрывокъ послѣдній былъ напечатанъ Бартевскимъ въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1853 г., № 143, стр. 592; полностью—

Надо полагать, что это мѣсто испорчено. Можетъ быть, слѣдуетъ вовсе выпустить, какъ лишнее, слово: «сказалъ».

Г. Ср. еще въ исторіи текста. Тамъ же указанія на литературу предмета. Ред.

въ Современ. 1836 г. № 7 и у Анненк. т. VII, стр. 29.

Это послание къ Одету Николаевичу Глинка было отпечатано П. на стихи Ф. П., появившіяся въ Сибирь Отечества 1820 г. ч. 64-ая, стр. 231; перепечатано у В. В. Калаша. Русскіе поэты о Пушкинѣ. М. 1899 г. стр. 6; въ стихъ Глинки приписывалась Пушкина, восторгавсь его чудесными стихами, обоимъ братьямъ молодого пѣвца и предсказалъ ему великое будущее:

Слѣды печальнѣе поводовъ
По живы талантъ, безсмертенъ гений!

П. сообщая брату свое послание къ Ф. П., просить его показать стихи Глинки, обнять его да себя и сказать ему, что онъ все-таки почетнѣйшимъ человекомъ дѣйствителю міра. Когда же порученіе его было исполнено, и объ этомъ онъ получилъ уведомленіе отъ брата съ отзывомъ Глинки объ адресованномъ къ нему стихахъ, П. остался доволенъ. Я радъ, что Глинка полюбилъ мои стихи—это была моя цѣль, писалъ П. брату 15-го 30-го янв. 1823 года. Ср. Стоюнинъ, Пушкинъ, стр. 103.

Съ Ф. П. Глинкой Пушкинъ близко сошелся вкорѣ послѣ выхода своего изъ Лицея, одившись его нравственнымъ достоинству. Къ нему же онъ обратился за совѣтомъ, когда получилъ предложеніе явиться на допросъ къ петербургскому генералъ-губернатору гр. М. А. Милорадовичу. Ф. П. состоялъ въ то время атыютантомъ генералъ-губернатора. См. т. Гетр. 500—501. Пушкинъ встрѣчался съ Глинкой въ Волы. Общ. Любит. Россійской Слово. предсѣдателемъ котораго съ 1819 года состоялъ Ф. П. Впрочемъ, П. не особенно высоко цѣнилъ литературное дарованіе Глинки въ посланіи къ В. А. Пушкину 1817 г., поэтъ называетъ его «толькою плоскимъ пѣвцомъ».

Будучи дѣтъ на 10—11 старше Пушкина, Глинка могъ поняти уключенія молодого поэта и отнесшійся къ нему совершенно безпристрастно, не подумавъ о одностороннимъ токамъ. Видимо, не все пріятель П. выказали такую самостоятельность въ сужденіяхъ своихъ о литературныхъ и иныхъ грѣхахъ поэта; вошь почему Пушкину были «отрапои» стихи «великодушнаго гражданина» Ф. П.; вошь почему оправданіе Аристеда Глинки вѣсть ему возможность забыть несправедлива общія публичность поэту дружеск.

Ф. П. Глинка родился въ 1788 году въ ворянской семьѣ Смоленской губерніи. По окончаніи Перваго Казанскаго Корпуса, былъ дивизионъ прапорщикомъ въ пѣхотномъ Анненковскімъ полку; онъ принималъ участіе въ дѣйствительныхъ походахъ 1805—1806 годовъ состоялъ атыютантомъ при гр. М. А. Милорадовичѣ, былъ въ сраженіи при Аустерлицѣ. По возвращеніи изъ похода, Глинка вышелъ въ отставку, поселился въ Смоленской губерніи и привнесъ за литературныя занятія свои стихотворныя и прозаическія опыты онъ помѣщалъ въ Русскомъ Вѣстникѣ, издававшемся его братомъ, Сергіемъ. Въ 1808 г. Ф. П. выдвинулся въ свѣтъ въ двухъ частяхъ: Шиньма Русскаго Офицера о Польнѣ, Австрійскихъ владѣніяхъ и Венгріи; съ подробнымъ описаніемъ похода Россійскъ провъ Французовъ въ 1805—1806 годахъ, оставившій ему большую пѣвность. Отечественная война вновь приввала Ф.

П. въ ряды дѣйствующей арміи. Онъ вернулся въ Россію въ 1814 году и да отлѣнне былъ переведенъ въ Петербургъ въ Иммануилскій полкъ и прикомандированъ къ квартирному штабу. Въ 1815—1816 годахъ Глинка издалъ шовошюю письма о походахъ 1805—1806 годовъ, обавиши къ нимъ еще подробное описаніе отечественной и дѣйствительной войны. Патристическіи подвѣтъ, и вмѣств съ тѣмъ легкость разсказа обезначилъ новымъ письмамъ большой успѣхъ; молодежк восторгалась описаніемъ Бородинскаго битва и знала его наизусть. Живя въ Петербургѣ, Ф. П. вкорѣ сталъ своимъ человекомъ въ литературномъ кругу; онъ былъ членомъ Волы. Общ. Любит. Росс. Слово. а съ 1819 года и его предсѣдателемъ. Въ этомъ Обществѣ онъ встрѣчался часто съ Пушкинымъ, Дельвиномъ, Николаемъ и Александромъ Бестужевыми, съ К. О. Рылѣвымъ, см отрывокъ посланія его къ Ф. П. Глинкѣ. Соч. К. О. Рылѣва. Сиб. 1874 г. стр. 167 и пр. Глинка не чувствъ былъ либеральнаго теченія, давативши олучную часть квартирному молодежи. Онъ принималъ участіе въ созданіи Слуда благотвѣнства въ первые годы его дѣятельности; въ январѣ 1821 г., Ф. П. былъ отправленъ «союзомъ» въ Москву на совѣщаніе представителей «Северной и южной тѣшюи организаціи». См. Зап. П. Д. Якушкина М. 1905 г., стр. 32, 32; Зап. бар. А. Е. Розена. Сиб. 1907 г., стр. 48, 50. Въ это же самое время Ф. П. состоялъ правителемъ канцеляріи сѣпетербургскаго генералъ-губернатора гр. М. А. Милорадовича (съ 1819 г.). Въ периодъ времени отъ 1816 г. по 1821 годъ онъ издалъ: «Шиньма къ другу», содержащій въ себѣ замѣчанія, мысли и разсужденія о разныхъ предметахъ съ присовокупленіемъ историческаго повѣствованія: Зиновій Богданъ Хмельницкій или Освобожденная Малороссія? 3 ч. Сиб. 1816—1817 г.; «Лука да Марья; пародія похвѣтъ» Сиб. 1818 годъ и Мечтанія на берегахъ Волги. Сиб. 1821 г.

Въ Петербургѣ Глинка, по природѣ склонный къ эстетизму, полюбилъ также масонскую дожку «Избраннаго Михаила», основанную Ф. П. Толстымъ въ 1815 году; здѣсь онъ встрѣчался съ П. П. Ершелемъ, В. К. Кюхельбекеромъ и пр. По всеи вброитности, послѣ московскаго съѣзда 1821 г. Ф. П. отстранился отъ «Слуда благотвѣнства». Тѣмъ не менше 14 декабря отозваловъ на его дѣйствительную судьбу. Вкорѣ послѣ окончанія службы пять лѣтъ бригадъ онъ былъ исключенъ изъ военной службы и сосланъ въ Петропавловскъ. Здѣсь онъ дивиль должность совѣтника Олонедскаго губернскаго правленія, а въ 1830 году перешелъ на ту же должность въ Тверь, гдѣ женился на подгосѣ Авдотѣ Павловнѣ Голенищевой-Кутузовѣ 26 июля 1863 г. Авд. Павл. была товодно дѣвственною переводчицей перевода Шиньма о Колоколѣ Шиллера, изд. въ М. 1832 г., и духовной писательницей (Жизнь Пресвятый Богородицы М. 1840 г., а 7-ое изд. М. 1869 г.; Жизнь великомуч. Анастасіи, М. 1863 г.). Она пострадала въ музѣ релігиозности, подумившему дрясе выраженіе въ его Опытѣ Священнаго поева 1826 г. Въ 1833 г. Ф. П. вышелъ окончательно въ отставку и переселился въ Москву, гдѣ домъ его въ опредѣленные дни собиралъ пошь свои крокетъ мношныя писатели, поэты, и ученые. Въ 1839 г. онъ издалъ Духовный Стихотворенія и Очерки Бородинскаго Сраженія съ тѣшеніемъ времени эстетическое благооче всеболѣе и болѣе увлекло его, результатомъ чего

1. О рукописи и вариантахъ см. въ исторіи текста.

авинсь (въ 1809 г.). Тѣмъ, свободное по трагическіи книгъ Гюга и поэма, написанная въ сотрудничествѣ съ женою, «Ганнеленная канля», изд. въ Берлинѣ въ 1861 году и въ 1871 г. въ Москвѣ въ 2 ч.). Съ конца 50-хъ годовъ О. П. поселился въ Европѣ и принималъ живое участіе въ общественныхъ дѣлахъ. Политическіи таланты О. П. съ этого времени въ чемъ себя не проявляли, и интересы его сосредоточивались на археологіи. Когда въ 1866 году Общ. Люб. Росс. Слов. при Импер. Московск. Универ. хотѣло торжественно отпраздновать 50-лѣтіе изданія О. П. въ члены общества, онъ отговорился нездоровьемъ и прислалъ письмо, въ которомъ довольно живо изобразилъ путь своей литературной дѣятельности.

Было время, когда съ пламеннымъ увлеченіемъ и весь преданъ былъ Отечественнои Словесности и самъ много дѣлъ послѣ дѣланіе предсѣдателя въ отношеніи къ С.-Петербургскимъ Обществ. Словесности, въ которомъ между многими современными извѣстными членами были и дѣлали: Пушкинъ, Дельвигъ, Николаи и Александръ Бестужевы... и три брата Князевичи. Тогда и писать и печатать много. Въ послѣдствіи и какъ-то печально замѣнились все прежнія обязательства, и я поставленъ былъ далеко отъ круга литераторовъ и въ отношенія, не дружившія литературѣ. Между тѣмъ поэты и писатели, оставившіе заслуженную славу, оны за друими, сходили съ поля словесности. Замолкали соловьи въ нашихъ прирассныхъ рощахъ, и я, едва ли не одинъ, оставалъ запозданнымъ колодомъ на нивѣ, зеленѣвшей уже новою жатвою... Но радуясь и сочувствуя прогрессу и новымъ торопаніи, я не покидалъ еще труда и пера... Буря жизни не сломила бы и подлѣ упорная стремленія къ прекращенію му, но оно ослабѣвало, улетѣло глубоко на дно души, когда едва ли не развѣчанная поэма уступила мѣсто, конечно почтенной, но выветъ и утробной прозѣ сухой разлетѣ въ разочарованной жизни, замѣнилъ безотчетная стремленія сердца и вывелъ изъ обязательнаго міра надежды и мечтаній.

Теперь пришедшій къ запятаннымъ горюкамъ литературы, я въ лишній и усмиреніи слажу пладали на разнѣе живущей жизни и радуюсь за новыхъ читателей въ литературѣ и обществѣ...

О. П. умеръ въ Европѣ въ февралѣ 1880 года.

Ср. Библѣ въ Общ. Люб. Р. Сл. 1867 г. т. I стр. 33 и сл.—А. П. Милоковъ Изв. Вѣстн. 1880 № 3 и № 7.—А. К. Жилевскій О. П. Глинка, Европ. 1890 г.—Русскій Художественный Институтъ 1858 г. № 7. біографія.—В. Г. Бѣлинскій сочин., М. 59 г. ч. III стр. 205—251. Другіе петрошки см. у Венгеровъ, Петровичи: словарь рус. писателей т. I, Общ. Авт. Павли Глинки:—Московскія Вѣдомости, 1863 г. № 198; О жизни и концѣ Авт. Павли Глинки, С.-Петербургъ, 1863 г. 8° 25 стр. и у Венгеровъ, Петоч. Словаря рус. писателей.

Г. К.

317. ПЕРВОЕ ПОСЛАНИЕ ЦЕНЗУРУ.

т. II, стр. 150.

Первое посланіе, какъ и второе, было впервые напечатано, по вънужденнымъ заданіемъ первое посланіе къ Аристарту, и съ большими пропусками, Анненковымъ т. VII, стр. 30, и отнесено къ 1824 году. На повѣрность этой даты обратилъ вниманіе П. О. Морозовъ въ изд. Провѣдѣнія—1903 г. Морозовъ указываетъ, что

Пушкинъ упоминаетъ о стихотвореніи Пецзурѣ въ своемъ реферѣ произведеніи 1822 г. тетрадь Моск. Публ. Муз. № 236, л. 33 и несомнѣнно говоритъ о настоящемъ посланіи въ письмѣ своемъ къ кн. Вяземскому отъ 6 февр. 1823 г.: «Читалъ ли ты мое посланіе къ Вирюкову? Если нѣтъ,—вытребуи его отъ брата или отъ Гиббича».

Это установленіе новой хронологической даты для перваго посланія разбиваетъ толкованія, данная посланію біографами Пушкина, пытавшимися установить связь посланія съ наступившимъ въ 1824 г. усвоеніемъ поэта. Въ дѣйствительности, общій тонъ посланія и отдаленная мысль таковы важными матеріалами для сужденія о политическомъ міросозерцаніи Пушкина, въ толы относительно очень бурные.

Если оставить въ сторонѣ рѣзкія, по индивидуальной напѣткѣ на цензора Вирюкова, къ которому относится это посланіе, и постараться обрисовать взглядъ П. на цензуру, выводы получаются болѣе и болѣе умѣренные.

Поэтъ не въ силахъ въ самомъ институтѣ цензуры: онъ и не думаетъ предѣлаться должной мыслью и повесить цензуру худой неосторожной; она намъ, рускимъ, нельзя приравнивать въ этомъ отношеніи Россію къ Западу, мы не дошли до Западу: что нужно Лондону, то вредно для Москвиты; вреда цензура не принесетъ, если она будетъ поручена цензору-гражданину съ посвященнымъ умомъ, если цензоръ будетъ благороденъ, твердъ, свободенъ, справедливъ и самостоятеленъ... Писатели съ чистой душою всега будутъ правы перелѣ цензурой, цензурная расправа не будетъ вѣснить ихъ мысленъ, а тѣ—что осмѣиваютъ законы, правительство и права, не отдадутъ стоишь творенія на судъ цензуры: рукописи ихъ будутъ раздуваться въ свѣтѣ безъ разрѣшительной пошнѣ цензора...

Впрочемъ, эти основныя положенія не особенно устойчивы: въ концѣ посланія поэтъ отмѣчаетъ полную зависимость цензора отъ вѣнній преміи. На все есть мѣта, вкусъ. Бѣдала, напримѣръ, У насъ въ большой части Бенгаль, Руссо, Вольтеръ, Аманъ и Миллотъ попали въ наши сѣти, умалываетъ на прекрасное начало именъ Александровыхъ и указывается при мысли о возможности возвращенія времени Павла I, когда никто не смѣлъ отечества назвать: все это умалываетъ личную вину цензора и разбиваетъ иллюзію П. о цензорѣ-гражданинѣ.

Нельзя также не отмѣтить раздѣленіе писателей на два разряда: на чистыхъ душою и на осмѣивающихъ правительство, законы и права. Съ послѣдними, очевидно, дерзываются шечето.

По мнѣнію Анненкова первое, какъ и второе посланіе, ообщенное отъ намековъ, касавшихся современныхъ поэту лицъ и событій, терять всякіи признаки сатирическаго или полемическаго направленія и только могутъ служить образцомъ строгаго и высокаго пошманія одного изъ вѣнннхъ общественныхъ служеній (т. VII, стр. 35). Анненкову, за и всѣмъ послѣдующимъ издѣлователямъ творчества П., относившимъ посланіе къ 1824 году, не приходило задумываться надъ примирительнымъ тономъ стихотворенія: отъ тѣмъ находили въ ихъ глазахъ оправданіе въ душевномъ затннѣ, наступившемъ для поэта въ Михайловскомъ. См. Анненк. Пушк. въ Алекс. эпоху СПб. 74 г. стр. 297—298; Педленовъ, П. въ его послѣд. СПб. 1882 г. стр. 204—205.

Такое объяснение разбивает покаяние хронологическая дата. То-то и характерно, что приematривался къ сѣтованіямъ П. на цензуру, разбившимъ въ его письмахъ изъ Кишинева и Одессы, мы увидимъ, что поэтъ еще до своего успокоенія относился безъ особенной злобы къ цензурѣ и готовъ былъ признать ея необходимость. Vale, sed defenda est censura. Прощай, но цензуру надо уничтожить, пишетъ поэтъ П. П. Губичу, 13 мая 1822 г.:—и отъ этой строчки вѣтъ юношескимъ даторомъ; но не прошло и года, какъ П. говоритъ: дайте намъ цензуру строгую,—согласенъ, но не безъмилостивую изъ письма къ П. А. Вяземск. отъ 6 февр. 1823 г. Серьезныхъ столкновеній у Пушкина съ цензурою не было. Если онъ не шѣлъ въ ней серьезно общественно вѣтъ, то это объясняется тѣмъ, что цензура, по крайней мѣрѣ, за время его скитанія на югѣ, скорѣе призывала глубокую боль его эстетическому, чѣмъ гражданскому чувству; ея не правили, права, отдѣльная слова и выраженія, иногда выбрасывались изъ стихотвореній до 10 стиховъ, но съ этимъ можно было мириться. См. письма: къ П. П. Гречу отъ 21 сент. 1821 г., къ П. П. Губичу отъ 27 июня и 27 сент. 1822 г.; къ кн. Вяземск. отъ 4 окт. 1823 г.

Во времени написанія посланія 1822 г. цензура, въ рукахъ объ руку съ слушавшимся атомъ сферой мистической реакціи конца царствованія Александра I, свирѣпѣла все болѣе и болѣе. Литературная братія въ столицѣ воднона даясь у ней назрѣвать планъ массовой жалобы на дѣятельность цензуры.

Объ этомъ планѣ писалъ Пушкину столь умѣреннымъ кн. П. А. Вяземскн, но опальнымъ поэтъ не одобрилъ плана.

Слѣдѣя милость, писалъ онъ кн. Вяземскому въ концѣ 1822 г., изъ Кишинева, нашими мнѣ обстоятельно о тѣхъ своихъ съ цензурой: это касается всей православной кучки. Твое предположеніе собрать намъ вѣтъ жаловаться на Бирюковыхъ можетъ имѣть дурная послѣдствія. На основаніи военнаго устава, если болѣе двухъ офицеровъ въ одно время подадутъ рапортъ,—такою послуюкъ приеѣтся за бунтъ. Не знаю, подтвержены ли писатели военному суду; но общій жалоба съ нашей стороны можетъ навѣтъ на насъ указаное поощрѣніе и причинить большій бедноконства. Соединись тѣмъ, но явно дѣятельствовать въ отношюкъ кажется вѣрнѣе. Думаю скоро сражаться съ Бирюковымъ, и стану добывать его въ этомъ смѣлѣ, но да 2000 верстъ мудро шедать его по посу.

Сраженіе Бирюкову было дано въ первомъ посланіи, которое дошло по назначенію. См.

Второе посланіе къ цензурѣ 1824 г.: Свои посланія хоть очень я люблю, Хоть знаю, что прочесть ты жалоба мою...

Александръ Степановичъ Бирюковъ 1772—1844 былъ цензоромъ Сиб. Цензурнаго Комитета съ 2 апр. 1824 г. по 2 окт. 1826 года.

Посредственная поэтесса Анна Петровна Бунина 1774—1828, дочь прапорщика Петра Максимовича и Анны Ивановны Лапшиной, род. 7 янв. 1774 г. въ с. Урусовѣ, Рязанскаго уѣзда, Рязанской губ. Матери она имѣлась въ дѣтствѣ и воспитаніе свое получила въ домѣ тетки. Съ 13 лѣтъ стала писать стихи. Съ 1798 года она часто посѣщаетъ Москву, гдѣ заводитъ литера-

турный знакомства; дѣтъмъ переезжаетъ въ Петербургъ съ дѣлью покончить свое образованіе. Въ 1808 году напечатала. Правила поэды; сокращенный переводъ аѣ. Батте съ присовокупленіемъ Русскаго слонословенія. Въ 1809 году вышедъ сборникъ ея стихотвореній. Неопытная Муза: въ 1811 г. издала Сельскіе вечера и дидактическую поэму. О счастіи: одно изъ стихотвореній, помѣщеннахъ въ ея сборникѣ Сельскіе вечера — Падающій фатонъ,—согласно ея извѣстности; государыня Елизавета Алексѣевна, уже наднявшая ея годовую пенсію въ 400 р. да первый сборникъ, наградила ее за указанное стихотвореніе додотомъ днромъ, усыпаннымъ брилліантами для пошеія на плечѣ въ торжественныхъ случаяхъ. Въ 1812 г. вышла вторая часть. Неопытная Муза. Съ 1811 года была членомъ архангелскаго Бесѣды Любителей Русскаго Слова. Близость къ Пушкинскимъ сферамъ доставила ей милости великаго рода. Такъ, доболь въ 1815 году ракомъ, она была отправлена на казенный счетъ вѣтъ въ Анлію; возвратилась въ 1817 г. въ Петербургъ, гдѣ жила до 1821 года. Въ 1819—1821 г. г. издала въ трехъ частяхъ собраніе своихъ стихотвореній, которое было пошеено имп. Александромъ I, названнашему Буниной ежегодной пенсіонъ въ 2000 рублей. Остальную часть своей жизни провела въ Рязанской и Тамбовской губерціяхъ. Последние годы жизни перевела проповѣди Влера, которыя были изданы уже послѣ смерти ея въ 1829 году изданіемъ Православнаго и философскаго бесѣды имп. Влера. М. 1829 г. Ср. М. Д. Хмаровъ, «Русскія писательницы прошлаго времени»—Рязань 1861 г., N II, стр. 213—229; Венгеровъ, Пестовники Словаря писателей.

Александръ Петровичъ Кунциль 1783—1841, извѣстный лпенскій профессоръ, Пушкина и проф. Петербургскаго университета. О немъ см. выше стр. 303—305. Шведъ Пиронъ—Баранцскн, написавшій поэму Пиря.

Милость Claude François Millet, 1726—1783, аббатъ, историкъ. Его всеобщая исторія была въ первый разъ переведена въ 1783 г. въ Москвѣ. Въ 1819—1820 г. вышло на нтаій: оно въ 11 частяхъ, въ Москвѣ, другое въ 14 частяхъ, въ С.-Петербургѣ 1820 г. Г. Караскъ.

348. ЖАЛОБА.

г. II, стр. 132.

Эта эпиграмма, направленная противъ Дмитрія Петровича Свѣрица, была впервые напечатана въ поем. изд. ч. IX, стр. 131.

П. не жаловалъ Дм. Петр. и поссорился съ нимъ, по всей вѣроятности, еще до своего переезда въ Одессу, гдѣ онъ съ нимъ встрѣтился.

Здѣсь Свѣрица,—писалъ П. кн. Вяземскому изъ Одессы 14 окт. 1823 г.,—но я съ нимъ поссорился и не вѣднестъ.

Дмитрій Петровичъ Свѣрица родился въ 1792 г. Отець его Петръ Ивановичъ, старейшій ашпиль, былъ въ началѣ прошлаго столѣтія вѣтъскимъ губернаторомъ, а затѣмъ сенаторомъ. Мать, воспитанница А. С. Строгановой, Анна Ер. Брашма, Не съ одной стороны дѣтъ порции и вѣтъповарь.

Дм. Петр. воспитывался въ педагогической кондеціи съ 1807 по 1809 г. онъ служилъ въ москов-

скомъ архивъ иностранныхъ дѣлъ; затѣмъ перешелъ въ министерство юстиціи, по тамъ, видимо, пробылъ недолго и перекочевалъ въ министерство иностранныхъ дѣлъ. Во время конгрессовъ въ Троннау и Лаубахъ, Свверинъ состоялъ при министрѣ иностр. дѣлъ, гр. Нессельроде, находился въ свитѣ императора Александра I. Подлинно бывшій посланникомъ въ Швейцарію и Баварію.

Школьнымъ товарищъ кн. П. А. Вяземскаго по Юдунской коллегіи, пріятель Жуковскаго, Данкова, Баудова, В. А. Пушкина, Свверинъ былъ дѣятельнымъ членомъ Арзамаса, гдѣ послалъ кличку Рязаню Кота. Ср. Соинъ, Вяземск., т. I, стр. XXV—XXVII, Р. Арх. 1899 г. № 7; Р. Стар. д. 87, июль, стр. 83—98, т. CX, апр., стр. 137—166; июль, стр. 311—319. Г. В.

349. ПЬТЬ ПИ ВЪ ЧЕМЪ ВАМЪ БЛАГОДАТЦ.

т. II, стр. 152.

Первоначально напечатано въ альманахъ Погодина Урапія на 1826 г. подъ заглавіемъ «Мадриаль». Затѣмъ вошло въ изд. 1829 г.

1. Въ посмертномъ изд. эпиграмма напечатана въ такомъ видѣ: варианты подчеркнуты:

Вашъ дѣтъ портной, вашъ дѣтя поварь,

А вы, вы *модный* господинъ—

Таковъ объ васъ народный говоръ

И оца пить—не вы одинъ.

Потомъ о кѣ у предковъ благородныхъ, и т. д.

Текстъ посмертнаго изданія перепечатывался всѣми изданіями, вплоть до Ефремовскаго изд. 1880 года, который ввелъ текстъ, напеч. Гербедемъ въ Берлинскомъ изд. 1861. Съ тѣхъ поръ печатается всѣми изданіями берлинско-гербедевскій текстъ, взятый изъ какихъ-то неизвестныхъ источниковъ. Взяти его и мы, потому что текстъ посмертнаго изданія явно не исправленъ: что значить: не вы одинъ, потомукъ предковъ благородныхъ? Въ берлинскомъ текстѣ и въ сейчасъ приводимомъ подлинникѣ *потому* не шьютъ фраквъ и т. д., а затѣмъ, потому что замѣна всего 4-го стиха прямымъ обращеніемъ къ Свверину слишкомъ важна, чтобы ею пренебречь. Теперь, однако, насъ беретъ сомніе, точно-ли эпиграмма направлена противъ Свверина? Почему его имени совсѣмъ нѣтъ въ оригиналѣ? Почему Пушкинъ сталъ-бы стѣсняться хотя-бы инициалами обозначить Свверина. Достаточно-ли авторитетенъ источникъ, изъ котораго взяли новую строку о Свверинѣ Гербеде.

На всякій случай приводимъ полную транскрипцію эпиграммы тетради Рум. Муз. 2369, л. 22 оборот., оставшаяся неизмѣненной и въ музейномъ текстѣ, и въ Берлинскомъ:

Вашъ дѣтъ портной, вашъ дѣтя поварь

А вы вы *(значитъ)* модный господинъ—

Таковъ объ васъ народный говоръ

И дива пить—не вы одинъ—

Потомъ о кѣ у предковъ благородныхъ—

Я бѣиень увви *(за то)* нитко и въ мои

Нитко не шьютъ мнѣ *портъ* паромъ фраквъ

И не варить обѣда мнѣ *модныхъ*.

Отбѣимъ еще кстати, что Жалоба, написанно внизу страницы, а на верхней подлинно за-

350. РУССКОМУ ГЕСПЕРУ.

т. II, стр. 153.

Впервые эта эпиграмма появилась въ «Опытѣ Русской Анноцины 1828 г., изданномъ лицейскимъ товарищемъ Пушкина—Мих. Яковлевымъ» ср. т. I, стр. 138; М. П. Лопшиновъ вновь напечаталъ ее въ Московскихъ Вѣдомостяхъ 1836 г. № 153 стр. 633; у Анненъ, VII, 101. Эпиграмма направлена противъ Владиміра Ивановича Панаева, довольно известнаго идиаллика, почитователя нѣмецкаго поэта Соломона Геспера 1730—1787.

Идиалли стали появляться въ русскихъ временныхъ изданіяхъ съ конца XVIII столѣтія; идиалли Геспера переводили Фонвизинъ и Княжичъ; но въ первой четверти XIX столѣтія этотъ родъ подлинно умиралъ естественною смертю: искусственность его слишкомъ была въ глаза. Панаевъ, не обладавшій серьезнымъ талантомъ, не могъ внести свѣжую струю въ отживавшую свои вѣкъ форму литературнаго творчества, и модное поколѣніе отнеслось къ его идиаллямъ отрицательно. Не только Пушкинъ посмѣялся надъ бѣдностью въ изобрѣненіи, надъ сухостью и холодностью, надъ бѣдшимъ и холоднымъ языкомъ русскаго Геспера. Еще раньше нашего поэта не болѣе достойный приговоръ В. П. Панаеву былъ произнесенъ Батюшковымъ:

Кто такой Панаевъ.—Ишадъ еъ подѣ 1817 года Батюшковъ П. П. Гиблицу.—Совершенно пастушеское имя и очень напоминаетъ мнѣ медъ, патоку, молоко, творогъ, Шадикова и тминъ, спривнутый водою. Сочин. К. П. Батюшкова т. III, стр. 437.

В. П. Панаевъ родился 6 ноября 1792 г. въ Казанской губерніи, въ приволжскомъ городкѣ Тетюхалъ, въ дворянской семьѣ. Среднее образование получилъ въ Казанской гимназіи, гдѣ въ то время были и Сергій Аксаковъ. Еще въ гимназіи, Панаевъ сталъ писать стихи и свое первое стихотвореніе (Зима) посвятилъ Аксакову, съ которымъ былъ въ пріятельскихъ отношеніяхъ. По окончаніи Казанскаго Университета со степенью кандидата словесности, переселился въ Петербургъ и поступилъ въ 1816 г. въ Департаментъ Юстиціи. Съ 1817 году стали появляться въ «Сынѣ Отец» и «Благонамѣренномъ» его идиалли.

Въ «Благонамѣренномъ» 1818 г. № 10—было имя напечатано Разсужденіе о пастушеской поэзіи. Въ 1820 г. онъ издалъ отдѣльнымъ изданіемъ свои «Идиалли». Идиалли соч. Владиміра Панаева Сиб. въ типогр. Греча 1820 г. Академія Наукъ удостоила Панаева за его стихотворные труды малой золотой медали (Пет. Ак. П. т. VIII стр. 244—247). Трудолюбие и административныя способности обезпечили ему быструю чиновничью карьеру. В. П. служилъ по Министерству Народнаго Просвѣщенія при министрахъ А. П. Голицынь и А. С. Шишниковѣ; онъ много приложилъ старанія и труда

кончена 1 глава Евгенія Олѣгина съ такою датой:

Octobre 22

1823

Одесса.

Такимъ образомъ, приурочиваніе Жалобы къ 1822 г. тоже терять почву подъ собой.

Ред.

для разоблачения дельтельности печально-известнаго Матвеевскаго въ роли ревизора Казанскаго Университета.

Изъ Министерства Народноу Просвѣщенія Панаевъ перешелъ въ Министерство Удѣловъ министерство двора, гдѣ дослужился до чина статскаго-секретаря. Умеръ въ 1859 году Ср.: Воспоминанія В. П. Панаева, В. Евр., 1867 г., № 9 и № 12; Р. Стар., 92 г., № 11 и № 12; Р. Стар., 93 г., № 2 и № 5; Федоровъ, В. П. Панаевъ, Воспоминаніе съ одобреніемъ его и шлалій, Спб., 1860 г., Воспоминанія Пв. Пв. Панаева, М. Мадаевъ, Дружеское литературное общество С. Д. Пономаревой Спб., 1892 г. 1 Г. В.

331. ПИРЫ, ЛЮБОВНИЦЫ, ДРУЗЬЯ...

т. II, стр. 133.

Впервые напечатано В. Е. Якушкинымъ въ Р. Стар., 1884 г., т. 42, стр. 332. 2

П. О. Морозовъ, Сочин. Пушкин., изд. Просвѣщ., Спб., 1903 г., т. I, стр. 641 объясняетъ эти стихи съ содержаніемъ 166 строфы 2-й пѣсни Донъ-Жуана Байрона; намъ кажется, что въ такомъ объясненіи нѣтъ никакой надобности, такъ какъ мотивъ стиховъ не является единичнымъ въ этотъ промежутокъ творчества П.; они отражаютъ то же настроеніе, что подѣльные стихи различныхъ произведеній, относящихся къ 1822 г.: въ стихотвор. «Друзьямъ» П. сны любви воспоминають Меня смѣшила пухъ измѣна, къ О. П. Глинкѣ Пушкинъ мнѣ друзья измѣнила, какъ измѣнила мнѣ любовь. Къ? (П. свѣтъ, и дружбу, и любовь. Въ пухъ наготѣ отъишь вѣку)

Разочаровавшись въ любви и дружбѣ, П. почувствовалъ себя одинокимъ: «одинъ, одинъ остался я!»—воскапцаетъ поэтъ. Г. В.

1 Приурочиваніе настоящаго эпиграммы къ 1822 году свидѣли не есть результатъ ошибки или опечатки Анненковскаго изд. Въ дополнительномъ VII т. этого изданія Анненковъ помѣстилъ эпиграмму, не давъ ей никакой даты и сказавъ въ примѣчаніи: «напечатана въ Опытѣ Русской Аннедотіи 1822, изд. М. Яковлевимъ» (стр. 101). Въ дѣйствительности «Опытъ» Яковлева вышелъ не въ 1822, а въ 1828. Гепнади не только не замѣтилъ ошибки Анненкова, но принялъ ее за нѣкоторую базу и поставилъ подъ стихотвореніемъ дату 1822. Поставилъ, впрочемъ, довольно робко; съ вопросительнымъ знакомъ, такъ: 1822?). Во второмъ Гепнадевскомъ изданіи 1870 г. соблюдена та же осторожность. Ефремовъ, не проѣхавъ указаній Анненкова, вслаку робость, однако, отбросилъ и вопросительный знакъ уничтожилъ. Морозовъ (изд. «Просвѣщеніе»), правильно указываетъ годъ изд. Опыта Рус. Аннедотіи, но продолжаетъ относить эпиграмму къ 1822 г. Не имѣя данныхъ опровергать эту дату, мы ее принимаемъ, но вполнѣ допускаемъ, что эпиграмма могла быть написана и позже. Ред.

2 П. О. Морозовъ, а вѣсть за нимъ Ефремовъ относятъ стихотвореніе къ черновымъ наброскамъ. Формально они имѣють на это извѣстное право, потому что послѣдніе 2 стиха не имѣють соответственныхъ рѣмокъ. Но по мысли и образамъ стихотвореніе совершенно закончено, и мы поэтому помѣстили его въ отдѣлѣ законченныхъ произведеній. Ред.

332. ПИЗНАНЬЕ СЛАВНО

т. II, стр. 134.

Изъ Румянцеваго тетради № 2366, д. 1 оборотъ, впервые извлечено В. Е. Якушкинымъ въ «Рус. Ст.» 1884, май, стр. 323. Зѣвъ воспроизведено нѣсколько точнѣе и вѣрно въ скобки, потому что въ подлинникѣ замѣчено? Ред.

333. ПѢЗЪ ПОФЪМЪ ПІИ СКАЗКИ О ЦАРЬ ЗЕНЗЕВѢ)

т. II, стр. 134.

Впервые извлечено В. Е. Якушкинымъ изъ Румянц. тетради № 2366, дд. 18 обор. и 33 обор. «Рус. Ст.» 1884, май, стр. 323 и 325. Къ этимъ извлеченіямъ, вошедшимъ затѣмъ въ изданія Ефремова и Морозова, въ настоящемъ изд. прибавлены еще стихи 8 и 17.

Сами по себѣ совершенно не интересные, эти наброски, однако, очень любопытны, какъ приступъ къ какому-то большому замыслу. Ред.

334. ПѢЗЪ ЗАПИСКИ КЪ ПРІЯТЕЛЮ.

т. II, стр. 134.

Подъ заглавіемъ «Записка къ пріятелю» напечатано въ VII, дополнительномъ томѣ изд. П. В. Анненкова, стр. 84—85. 1

Къ кому изъ пріятелей П. относится отрывокъ этой стихотворной записки, сказать сколько-нибудь достоверно нѣтъ возможности. Событіямъ у П. было много; поэтъ любилъ проводить время въ теплои компаніи за стаканомъ вина и принимать участіе въ различныхъ шутовскихъ. Сколько я поималъ Пушкина,—говоритъ П. П. Липранди,—то я думалъ вѣтвить въ немъ всегда готового покутить за стаканами... Р. Арх., 66 г., ст. 1412.

Упомянутымъ здѣсь Тартифъ—извѣстный въ то время петербургскій рестораторъ, судьба котораго не лишена извѣстнаго интереса. Французъ по рожденію, Тартифъ до начала отечественной войны держалъ ресторанъ «Hotel de Europe», который помѣщалъ въ зданіи шайбшаго Главнаго Штаба, занимая двѣю его половину къ Адмиралтейству. Роскоши, богатство убранства и пространство помѣщенія были огромны. Два посланика, Баварскій и Шведскій, постоянно жили тутъ. По внезапномъ вступленіи гвардіи въ мартѣ 1812 года, на квартиръ осталось много денегъ; это было еще ничто, но Тартифъ былъ купилъ прелестная жена его варту печала съ кирасирскимъ полковникомъ, забравъ все, что было цѣннѣе, и всю кассу. Тартифъ скрылся отъ жены и былъ уведенъ татно однимъ фельдшеремъ къ собрату своему Отону, въ Осеесу, но уже совершенно спившимся и чуть не доходя. Онокъ пробовавъ брать мѣста по его вилонани, Отонъ время онокъ былъ у Пав. Дв. Киселева въ Тульчинѣ, и

1 Анненковъ неправильно отнесъ Записку къ 1820 г. Тартифъ поживаетъ въ Квиншевѣ только въ 1822 году Ред.

отъ него была прогнана, посидѣвъ прежде на гауптвахтѣ. Въ 1822—1823 г. г. онъ проживалъ въ Кишиневѣ. Служилъ поваромъ, въ которое время у Ф. Ф. Вигеля, В. П. Горчакова, П. П. Антрапи, по его страсти къ вину впадалъ причиною отказа отъ мѣста. Недавно еще очень богатый человекъ, Тартифъ получалъ у Ф. Ф. Вигеля за свое кушарное искусство двадцать пять рублей ассигнаціями въ мѣсяцъ, у Антрапи—червонецъ. Тартифъ, любимецъ Кома, часто приглашался въ кишиневскіе дома готовить званые обѣды и ужины. Въ 1825 году ему помогли открыть въ Кишиневѣ одну комнату для завтраковъ по Тартифу икороѣ сильно зашла и пропала безъ вѣсти. Ср. П. П. Антрапи, Р. Арх. 66 т., ст. 1438—1439; Вигель, Записк. VI, стр. 103. П. В. Анненковъ VII т., стр. 85 въ примѣчаніи къ одной запискѣ говоритъ, что Тартифъ «подъ конецъ свладалъ и стихотвореніемъ», что онъ писалъ для своихъ Русскимъ знакомымъ въ Парижѣ пышіные и плохіе стихи и выдавалъ себя за литератора, путешествовавшаго по Россіи для изученія ея. Сообщеніе Анненкова, такимъ образомъ, сильно расходится съ указаніями Антрапи. Г. К.

333. БРАТЬ МНѢШНІ, ОТРОКОМЪ РАЗСТАЛСЯ ТЫ СО МНОЮ.

(г. II, стр. 134).

Впервые напечатано въ Матер. Анненк. 1833 г., стр. 234. 1

Пушкина сильно интересовала судьба брата Льва, которого онъ оставилъ юношею [Отрокомъ разстался ты со мной... Скажи мнѣ—выросъ ли ты? Я оставилъ тебя ребенкомъ, найду молодымъ человекомъ? Изъ письма отъ 21 июля 1822 г.]; ему казалось, что окружающіе «будутъ стараться издѣлать его изъ сердца Льва», позаботятся о томъ, чтобы лишить его, поэта, вродѣ попятнаго нравственнаго вліянія на младшаго брата. Предполагая въ себѣ достаточный запасъ житейскаго опыта, Пушкинъ даетъ брату въ письмахъ различныя совѣты о выборѣ поприща и службы.

«Что ты дѣлаешь? Въ службѣ ли ты? Пора, еи-богу, пора. Ты меня въ примѣръ не бери—если удасться время, послѣ будешь тужить—въ русской службѣ должно непремѣнно быть 26 лѣтъ поновизномъ,—пишетъ поэтъ брату, 21 июля 1822 г.

Въ письмѣ отъ 4 сентября того же года поэтъ совѣдуетъ брату, если онъ избересть военную карьеру, не вѣсти въ гвардію, а опредѣлиться въ какой-нибудь полкъ корпуса Раев-

скаго, что ускорило бы производство его въ офицеры; будучи же офицеромъ, онъ легко сможетъ перевестись въ гвардію Раевскій или Киселевскій—оба не откажутъ въ содѣйствіи. Брату же, который начиняетъ шибети для радости, для свободы и вѣдраться любви, онъ адресуетъ пространное письмо на французскомъ языкѣ, гдѣ, излагая свои житейскіе принципы, добытые торжкимъ опытомъ, пренебрегаетъ его отъ ложныхъ шаговъ въ свѣтъ, покаиваетъ ему пятанку жизни и человѣческимъ отношеніемъ злобленности и разочарованіемъ радито по всему шесмы порта:

«Vous êtes dans l'âge ou l'on doit songer à la carrière que l'on doit parcourir; je vous ai dit les raisons pourquoi l'état militaire me paraît préférable à tous les autres. En tout cas votre conduite va décider pour longtemps de votre réputation et peut être de votre bonheur.

Vous aurez affaire aux hommes que vous ne connaissez pas encore. Commencez toujours par en penser tout le mal imaginable; vous n'en rabattez pas de beaucoup. Ne les jugez pas par votre cœur, que je crois noble et bon et qui de plus est encore jeune; méprisez les le plus poliment qu'il vous sera possible... Soyez froid avec tout ce monde. J'aurais voulu vous prémunir contre les séductions de l'amitié, mais je n'ai pas le courage de vous endurcir l'âme dans l'âge de ces plus douces illusions... etc.»

Такъ говорилъ Пушкинъ съ братомъ изъ Кишинева въ прозѣ и не исключена возможность, что въ дальнѣйшемъ развитіи настоящаго посланія нашлись бы отзвуки тѣхъ же принциповъ, добытыхъ торжкимъ опытомъ, которые изложены въ приведенномъ французскомъ письмѣ. Но пока онъ говоритъ другимъ языкомъ и оставиваетъ только на радостной и поэтической сторонѣ жизни. Г. К.

336. НА ПИПНХЪ БЕРЕГАХЪ.

г. II, стр. 133.

Напечатано впервые В. Е. Якушкинымъ въ Р. Стар. 1884 г., т. 42, стр. 333¹⁾. Н. О. Морозовъ указалъ на существованіе стиховъ со стихами въ послѣдній Батюшкова къ Д. В. Дашкову. Соч. Бат. 3-ое Общед. изд. Спб. 1887 г., стр. 62—64.

И тамъ, гдѣ мирно почивали
Останки шюковъ святыхъ,
И мимо вѣки протекали,
Святыхъ не касался ихъ...

Противъ этихъ стиховъ Н. отбѣдилъ въ своемъ экземплярѣ Осыповъ Батюшкова: Прелесть! Машковъ, Пушкинъ, стр. 297. Г. К.

1 Нечерканный черновикъ въ московской тетради № 2369, л. 4. Подробнѣе въ исторіи текста. Пока отбѣдимъ только, что въ 3 стихѣ, подалуй, будетъ правильнѣе принять Майковское, хотя и спорное, чтеніе о дѣрзлосѣ вмѣсто безудовно зачеркнутого Пушкинскимъ отъ вѣрзлосѣ.

Анненковъ относитъ посланіе къ 1821 году. Но, помимо того, что тетрадь № 2369 позднѣе 1821 года, противъ этого года, какъ указывалъ Ефремовъ, говорить стихъ въ разлукѣ протекли медлительные годы. Въ 1821 протекъ всего одинъ годъ. Ред.

1 По рукописи Рум. Музея № 2366, л. 18 оборотъ. Въ нашемъ текстѣ, согласно чтенію Майкова, прибавленъ 9-ый стихъ. Остальные 3 зачерпнутыхъ стиха не поддаются чтенію. Конечъ листа оборванъ и Майковъ поэтому пишетъ: Черновой отрывокъ, со многими пометками, продолженіе котораго было ввиду листа оборваннаго» (Матеріалы, 179). Но намъ по виду оторваннаго конца) кажется, что никакого «продолженія» тутъ не было. Ред.

357. КН. П. А. ВЯЗЕМСКОМУ.

т. II, стр. 153.

Впервые напечатано в изд. Литерат. Фонда, СПб. 1887 г., т. I, стр. 283¹. Отрывокъ, можетъ быть, имѣть въ виду выступленія кн. П. А. Вяземскаго противъ Каченовскаго и его сторонниковъ: объ этихъ выступленіяхъ, какъ роняющихъ сатирической талантъ кн. Вяземскаго, говорить П. въ письмѣ своемъ къ П. А. изъ Киншинева отъ 2 янв. 1822 г. «Благодарю тебя за всѣ твои сатирическія, пророческія и вдохновенныя творенія. Они прелестны... Браюсь съ тобой за одно. Послание къ Каченовскому. Какъ могъ ты сойти въ арену и вѣсть съ этимъ хлыщамъ кулачнымъ бойцомъ? Ты билъ его съ погъ, но онъ билъ бездланнн твою вѣнокъ кровью, жезломъ и сиулои. Какъ съ нимъ связыватся? Довольно было съ него духова хлыста, а не сатирической твои палки... Кн. Вяземскій помѣстил свое посланіе, подное сильныхъ выраженій, въ Слѣбъ Отечества 1821 г., ч. 67, стр. 76; но Каченовскій не остался въ долгу и въ томъ же духѣ отвѣтилъ своему противнику въ Вѣстн. Евр. 1821 г., ч. 118, № 6, стр. 12.

Г. К.

358. КАКЪ НАШЕ СЕРДЦЕ СВОЕНРАВНО.

т. II, стр. 156.

Напечатано впервые в Р. Стар. 1884 г., т. 42, стр. 336. В. Е. Якушкинымъ по Рум. тетради № 2366, л. 34 и 34 оборотъ. Пропускъ въ началѣ 2-го стиха въ оригиналѣ. Не буди этого пропуска, мы бы имѣли почти законченное, превосходное стихотвореніе. Поправокъ въ рукописи не много ср. исторію текста.

Ред.

359. КТО ВОЛНЫ ВАСЪ ОСТАНОВИТЬ.

т. II, стр. 156.

Помѣщено впервые В. Е. Якушкинымъ въ Рус. Ст. 1884 г., т. 42, стр. 553; по рукоп. Рум. Музея 2369, л. 9 оборотъ. Первые 4 стиха писаны карандашемъ и теперь почти стерлись. Ср. въ исторіи текста.

Ред.

360. ВЕНЕРЬ, ФЕБУ И ФЕМЦДЪ.

т. II, стр. 156.

Впервые напечатано въ Р. Ст. 1884 г., т. 42, стр. 566. В. Е. Якушкинымъ по рукоп. Рум. музея № 2469, л. 35 об. Находится среди отрывковъ II главы Евгенія Онегина, но ничто общаго съ нею не имѣетъ. Ср. въ исторіи текста.

Ред.

1. По рук. Рум. Музея № 2563, л. 36. Нашъ текстъ точнѣе передаетъ орфографію по длинникъ. У Машкова Матеріала, совершенно неправильно второй стихъ читается такъ:

И смѣлой козкостью, и шутками богатыи.
Эти слова зачеркнуты, зачеркнута и часть нашего текста (козкихъ словъ), зачеркнута по наше чтеніе взято изъ того, что надъ и с а по надъ 2-ымъ стихомъ, следовательно это текстъ несомнѣнно позитивный.

Ред.

361. ДОГОРАЛА МОЛОДАЯ.

т. II, стр. 156.

Первоначальномъ текстѣ является Библ. Зап. 1838 г., № 1, ср. въ исторіи текста).

Мотивъ этого наброска стоитъ совершенно одиноко среди всѣхъ стихотвореній П. до 1822 г. и не находитъ себѣ параллели во всемъ последующемъ творчествѣ поэта; весьма отдаленное сближеніе даннаго отрывка въ смыслѣ экзотичности возможно съ Пеллазскимъ романсомъ 1824 г., Я дѣлѣ Пеллаза и Прель пеллазкой благородной... 1831 г. Случайность даннаго мотива даетъ возможность предположить, что онъ былъ навѣянъ чтеніемъ венеціанскихъ продолженій Бафрона. Продолженіе даннаго отрывка написалъ А. Н. Машковъ. См. Подл. собр. сочин. А. Н. Машкова, изд. Маркса, СПб., 1893 г., т. II, стр. 125—128.

Г. К.

362. ВЪ ЛѢСАХЪ ГАРГАРИИ ЦАСЛЕНВОИ²

т. II, стр. 156.

Впервые напечатано у Ашеникова, МП г., стр. 84¹. По характеру своему только быть отнесено къ антологическимъ стихотвореніямъ.

Въ дѣльшемъ развитіи этого наброска, быть можетъ, поэтъ обрисовалъ бы сказаніе о гибели Актеона, охотничкаго героя.

Гаргарія истоникъ былъ Платонъ; Актеонъ былъ превращенъ развѣшанной Артемидой въ оленя и растерзанъ собственными собаками; гибель боини была вызвана тѣмъ, что А. подмочилъ ее во время кушанья съ нимфами. Фиринтъ объявляетъ гибель Артемиды тѣмъ, что А. затѣялъ самоубіе, властясь своимъ превосходствомъ въ искусствѣ охотничьяго дѣла.

Г. К.

363. ТАВРИЦА.

т. II, стр. 156.

Впервые напечатано В. Е. Якушкинымъ въ Р. Стар. 1884 г., т. 42, стр. 334.²

Время, проведенное на Кавказѣ и въ Крыму въ семьѣ Раевскихъ, Пушкинъ вспоминалъ всегда съ восторгомъ. Н. вспоминаетъ о немъ въ стих. Желаніе 1821 г., которое близко по содержанию къ данному отрывку. Ср. наше статью Пушкинъ и Раевскіе.

1. Ашениковъ отнесъ отрывокъ къ 1820 г., и эта датировка перешла къ Морозовскому изданію 1903 г., гдѣ отрывокъ отнесенъ къ 1822 г. Съ этимъ выводомъ можно согласиться, потому что черновикъ находится въ концѣ киншиневакской тетради № 2363, листъ 56 оборотъ. Въ стихѣ 4-мъ мы имѣемъ съ Машковымъ, читаемъ дѣмонъ, а не эстивонъ, какъ у Ашеникова и Морозова. Ср. исторію текста.

Ред.

2. По рукоп. Рум. музея л. 43 и 46. Ср. въ исторіи текста.

364. ТЫ ПРАВЬ, МОИ ДРУГЬ.

т. II, стр. 157.

Напечатано впервые в Матер. Анненкова 1855 г., стр. 88. Здесь напечатано по рукописи. Рум. музей, № 2365, л. 57 и 58. Ср. историю текста.

Анненков высказал предположение, что отрывок этот был ответом на утешение, подушенное полгом от одного из его почитателей, безпрестанно требовавших от него деятельности и предкававших ему славную будущность в отечестве. Утешение, написанное на французском языке, сохранилось в бумагах П.; оно гласит:

«Когда видишь того, кто должен покорить сердца людей, работавшего перо обычаями и привычками толпы, человек останавливается посреди пути и спрашивает самого себя: почему прервать тебе дорогу тот, который впереди меня и которому следовало бы двигаться мною вожатаем. Подобная мысль приходила мне в голову, когда я думаю обь васъ, а думаю я обь васъ много, даже до усталости. Возьмите же мне в подп. сдѣлайте милость. Если некогда вамъ удаваться требованія наши, углубитесь въ самого себя и въ собственной трудн почерните огонь, который несомненно присутствуетъ въ каждой такой душѣ, какъ ваша.» Г. К.

365. УЖЕЛИ ОНЪ КАЗАЛСЯ ПРЕЖДЕ МНѢ.

т. II, стр. 157.

Отрывки этии свидетельствующей о моментахъ прилива горькой обити у П. на людей, не оправдавшихъ его доверчивыхъ ожиданій, сдѣли оскорбленнаго чувства трагизма.

Хладная толпа не повила глаза его благороднаго сердца. Вездѣ онъ видитъ насиліе, «зловѣвъ» людей сознательно кривящихъ своею душою въ угоду сильнымъ мира сего—или «малодушнымъ», людей, боищихся сказать свое слово, «послушнымъ» рабовъ предразсужденія. Душевное состояніе П. въ Кншневѣ могло его привести къ такому печальному выводу. Если онъ могъ разочароваться въ своихъ близкихъ пріятеляхъ, въ ихъ дружбѣ и привязанности, сътовать на нихъ измѣну, то съ тѣмъ большимъ основаніемъ могъ отнести тѣ-же чувства свои на окружающее его общество и заклеймить русскую действительность за ту жизнь, на которую она его обрекла. Г. К.

366. ВСТРѢЧАЛСЯ МНѢ НАВЕРСНИКН
МОЛВЫ.

т. II, стр. 157.

Этотъ набросокъ находится въ 2365-ой тетради московскаго Румянцеваго музея, л. 58, непосредственно вездѣ за предыдущимъ (см. выше, № 365) наброскомъ: «Я говорилъ предъ младною

Г. Довольно запутанный вопросъ о текстѣ настоящаго отрывка см. въ исторіи текста.

Ред.

толпой ... вторая часть его, отъ словъ: «Вездѣ время, сѣкира или вѣнецъ...» была впервые напечатана В. Е. Якушкинымъ «Русс. Старь» 1884 г., апрѣль, 105, который нашелъ, что это «замѣтки, въ родѣ программы, О коньенатурѣ Л. П. Маюкова см. въ исторіи текста.

Въ настоящемъ, маленькомъ наброскѣ отразилось тогдашнее политическое настроеніе Пушкина. Въ немъ уже слышны усталость и разочарованіе, сказавшіяся такъ полно и резко въ публичной притчѣ 1823 г. о пустынномъ сѣвѣ «Къ морю». Еще черезъ годъ поэтъ повторилъ «Къ морю»: Судьба людей повсюду та же: тѣ благо, тамъ уже на стражи или просвѣденіе, или тиранья... Л.

367. О ГЕМОСЬ.

т. II, стр. 157.

Напечатано впервые въ изд. Провѣщ., подъ редакціей П. О. Морозова, т. I, стр. 339, по рукоп. Моск. Муз. № 2366 л. 37—38. Какъ указано Морозовымъ, отрывокъ этотъ представляетъ собою черновой набросокъ перевода идилли А. Шенье («Слѣпецъ»). Пушкинскимъ переведены слѣдующіе стихи:

«Dieu dont l'arc est d'argent, dieu de Claros, écoute
«O Sminthée-Apollon! Je périrai sans doute,
«Si tu ne sers de guide à cet aveugle errant». C'est ainsi qu'achevait l'aveugle en soupirant,
Et près de bois marchait, faible, et sur une pierre S'asseyait. Trois pasteurs, enfants de cette terre,
Le suivaient, accourus aux abois turbulents
De molosses, gardiens de leurs troupeaux bé-

lants.
Ils avaient, retenant leur fureur indiscrete,
Protégé du vieillard la faiblesse inquiète;
Ils l'écoutaient de loin, et s'approchant de lui:
«quel est ce vieillard blanc, aveugle et sans appui?»

«Serait-ce un habitant de l'empire céleste?
«Ses traits sont grands et fiers; de sa ceinture agreste

«Pend une lyre informe, et les tous de sa voix
«Émeuvent l'air et l'onde, et le ciel, et les bois». Mais il entend leurs pas, prête l'oreille, espère,
Se trouble, et tend déjà les mains à la prière.

«Ne crains point, disent-ils, malheureux étranger,
«(Si plutôt, sous un corps terrestre et passager,
«Tu n'es point quelque dieu protecteur de la Grece,

«Tant une grâce auguste ennoblit la vieillesse!)
«Si tu n'es qu'un mortel, vieillard infortuné,
«Les humains près de qui les flots t'ont amené,
«Aux mortels malheureux n'apportent point d'injures

«Les destins n'ont jamais de faveurs qui soient pures

Г. К.

СТИХОТВОРЕНИЯ 1823 ГОДА.

368. ЗИМА МНѢ РЫДЛОЮ СЪБНОЮ...

т. II, стр. 179.

Автографъ этихъ стиховъ неизвестенъ. Ихъ сообщили В. П. Горчаковъ въ статьѣ «Воспоминаніе о Пушкинѣ», помѣщенной въ «Москов. Вѣдомостяхъ» 1838 г., № 19, литерат. отд., стр. 81. Въ концѣ января 1823 г., въ четвергъ, рассказываетъ Горчаковъ (ibid., 80, 83), Пушкинъ былъ на вечерѣ у Е. К. Варфоломея. Тамъ же былъ и оставишъ полковникъ А. П. Алексѣевъ, хорошии знакомый Пушкина. Когда началъ «раздѣдъ», Алексѣевъ объявилъ секретъ... Но связями съ ходиномъ Алексѣевъ провѣдалъ, что въ первый понедѣльникъ Варфоломея намѣренъ дать балъ на славу... На другой день мы видѣлись съ Пушкинымъ, потюковали объ импровизированномъ вечерѣ и общаиномъ Алексѣевымъ балѣ; по состоянию дн самымъ балѣ, мы несколько не были увѣрены. Встрѣваясь съ Пушкинымъ всакии день и по нѣскольку разъ, мы въ остальную часть этого дня почему-то не видѣлись, а на другой день я подумалъ его записку съдѣствующаго содержания: «Зима мнѣ рыдлою събною...» и т. т. Продолженіе этой записки принадлежитъ собственно къ дневнику нашему... Гдѣ пахонится дневникъ Горчакова, неизвестно.

Съ Владиміромъ Петровичемъ Горчаковымъ Пушкинъ познакомился въ Кишиневѣ вскорѣ послѣ своего прѣзлзатуа; Горчаковъ, питомецъ основаннаго П. П. Муравьевымъ училища колонновожатыхъ, былъ тогда прапорщикомъ генеральнаго штаба. Они встрѣтились сначала въ театрѣ, потомъ у начальника Горчакова, М. О. Орлова, гдѣ продолжали видѣться часто. Есть свѣдѣніе, что Горчаковъ самъ поощрялъ стихи; послѣдн Пушкина онъ искренно восхищался. Онъ вѣдѣлъ съ П. С. Алексѣевымъ — разсказываетъ Аипранци, у котораго часто были Пушкинъ и Горчаковъ — были пералучны съ Пушкинымъ, оба были поклонниками политическнхъ дарованій и прекрасной душевной натуры, и онъ не оставался къ нимъ равнодушнымъ. Бывали пріатели и у Варфоломея о немъ см. примѣч. № 375, который хотѣлъ женить его на своей Пульхеріи и очень забавно уговаривалъ: «Мусье Горчаковъ, вы можете положиться на мою любовь и уваженіе къ вамъ... Помидите, я очень дѣвно вашу привязанность, но мнѣ не съ вами жить... Понѣрите мнѣ, что она васъ любитъ», говорилъ Варфоломея. Но товарищъ мой не вѣрнть вѣтваемъ одесскимъ», разсказываетъ А. О. Вельманъ («П. П. Майковъ», Пушкинъ», 1899 г., стр. 122). П. П. Раевскій маэшинъ, преемдлъ отъажды Пушкину съ Горчаковымъ, възвншимъ въ Кіевъ, нѣсколько книжекъ русскихъ сказокъ.

Какъ и многіе, Горчаковъ цррекалъ Пушкина да холодноста. Кавказскаго Шавинка къ черкешекѣ отдалъ Пушкина на замѣваніи Горчакова — единственное дошедшее до насъ письмо поэта къ нему. «Моя радость», обращается къ нему Пушкинъ, часто называвшии такъ своего пріателя. Въослѣдствіи они встрѣчались на свѣрбѣ, и въ 1831 г. Горчаковъ былъ кредиторомъ Пушкина. Письма ему черезъ П. В. Падюкина посылбана частію тогда, Пушкинъ писалъ: «оставь съ моей сердечной благотарностаю моему любедному дамюпауду». Горчаковъ отвѣчалъ прнникомъ къ письму Падюкина: «будь дторокъ и не добавляи

преташаго Горчакова». Перечисла П., изд. акад. наукъ П., 238, 243, 258, 286, 291, 296, 304, 315. Оставивъ службу, Горчаковъ поселился въ Москву, занимался благотворительностію и усердно посядал англнскн клубѣ. Горчаковъ былъ интереснаи собесѣдникъ и любилъ вспоминая о М. О. Орловѣ, о московской старинѣ, о Пушкинѣ. Свои воспоминанія о жизни поэта въ Кишиневѣ онъ напечаталъ въ «Москвитинѣ» 1850 г., шп., кн. 2, 136—182; февр., кн. 1, 233—261; апр., кн. 1, 169—198. «Выдержки изъ дневника зль Москуе, Вѣдомостяхъ» 1838 г., № 19, стр. 79—84. «Воспоминанія о Пушкинѣ», Умеръ онъ 18 февраля 1867 г. въ Москвѣ. О Горчаковѣ см. Русс. Арх., 1866 г., 1132, 1133, 1134, 1130, 1177—1178, 1211, 1223, 1238, 1249, 1254, 1255; Москов. Вѣдом. 1867 г., № 42 тр. С. Шереметевъ, В. П. Горчаковъ, Спб., 1891.

Объ отставномъ гусарскомъ полковникѣ А. П. Алексѣевѣ, съ которымъ у Пушкина отажио было столкновение, см. Русс. Арх., 1866 г., 1113—1116; П. П. Аипранци, Забвчана на воспоминанія Внела, 143, Сборн. Пис. Русс. Истор. Общ. т. 78, стр. 85. Братъ его жены П. П. Павловичъ въослѣдствіи женился на сестрѣ Пушкина, Ольгѣ Сергѣевнѣ.

369. ВОЗСТАИЪ, О ГРЕЦІЯ, ВОЗСТАИЪ...

т. II, стр. 179).

Поэтъ заданіемъ. Планъ стихотворенія въ честь Греціи П. В. Анненковъ впервые напечаталъ эти стихи въ своемъ изданіи сочиненій Пушкина т. VII, стр. 87—88, отнеса нль къ 1823 г. и сдѣлавъ примѣчаніе, что они — изъ эпохи пребыванія Пушкина на югѣ, когда глаза всего края были обращены на прощесствію ю Греціи. Но цензурнымъ условіямъ изъ седьмого стиха было выброшено слово «Святые», появившееся въ изданіи Г. П. Гейшпа 1859 г., т. 282. Въ бумагахъ Анненкова сохранился автографъ Пушкина, приадежащни шавъ П. А. Шаликину.

Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина, стр. 18—19; онъ написанъ на бумагѣ 1830 г. и претавляетъ столь существенныя отличія отъ напечатаннаго Анненковымъ текста, что, для точности этого издателя, приходится заключить, что Анненковъ напечаталъ стихи съ другою орипвала, который намъ шавъ неизвестенъ. П. А. Шаликинъ склоненъ отнести приадежащую ему редакцію къ 1829 г., что, дабыиимъ, неосуднмо въ виду того, что бумага, на которой она написана, носитъ воляное клеймо 1830 г. Около 1830 г. — предпологаеть съ бодншимъ вѣроятіемъ В. Г. Якушкинъ. Новая изданія текстовъ Пушкина —

Русс. Вѣдом. 1903 г., № 72 — Пушкинъ могъ вспомнить эту псеу и задумать отбавить ее отъ претрннятаго тогда изданія своихъ стихотвореній. О текстѣ псеу см. въ концѣ тома, въ статьѣ о текстѣ Якушкинъ. Е. С. сообщается съ анненковской татировкой, приадежащю буми издателямъ поэдъ Анненкова. На самомъ дѣлѣ претерзавался существовавшю прнрнсогоннка — Анненкова, только помѣтнлно стихотвореніе поэтъ 1823 г. Есть, однако, всакая довода къ полку перенесенія его въ 1821 г. Не говорю уже о томъ, что въ стихахъ рѣчь идетъ о началѣ греческаго возстанія, вспахнуващаго въ 1821 г., едѣ еще драматическаго пованна отношн.

нью именно къ 1821 г. Дѣло въ томъ, что въ 1823 г. Пушкинъ совершенно пѣзвилъ своему прежнему антиазиатскому отношенію къ грекамъ и греческому движенію. Въ 1824 г. Пушкинъ говорилъ о греческомъ возстаніи съ сочувствіемъ и восторженно писалъ о «прекрасномъ и блестящемъ патрѣ» селазидива Ипполитѣ Перепискѣ П., академич. изд., I, 25, 26). Поэтъ вѣдь было, журналъ греческаго возстанія и записалъ въ своемъ дневникѣ 2 апрѣля 1821 г., что въ одномъ книшневскомъ обществѣ, гдѣ говорили объ Ипполитѣ, онъ «между нѣсколькими греками одинъ говорилъ какъ грекъ: всѣ отчаялись въ успѣхъ предприятія грековъ. Я твердо увѣренъ, что Греція восторжествуетъ, и 2,500,000 дурговъ оставявъ дѣвственную страну Эллады законнымъ наследникомъ Гомера и Омиротокла». Въ душѣ поэта еще были живы вольнолюбивыя патенты — въ тѣ дни, какъ на берега Дуная великодушный грекъ свободу вызывать. Въ 1823 г. революціонныя движенія уже не возбуждали въ Пушкинѣ, на глазахъ котораго происходило крушеніе революціи въ Германіи, Австріи, Пешавѣ, Неаполѣ (см. стихи 1823 г.). Певнижныи страхъ зрѣмалъ ...—выше, стр. 208—209, прежнего пламеннаго сочувствія, и онъ скептически писалъ:

Паситесь, мирные народы,
Васъ не пробудитъ чести князь!
Къ чему стадамъ дары свободы?
Ихъ должно рѣзать или стричь;
Наслѣдство нѣхъ изъ рота въ ротъ—
Яро съ грешниками за бичъ.}

Въ 1824 г. Пушкинъ писалъ о позвѣншемъ ничтожествѣ «въ вѣнскихъ нѣхъ въ Одессѣ и Кишиневѣ «современныхъ Леонидовъ», динешныхъ антидуализма, не имѣющихъ понятія о чести. Правда, онъ говорилъ, что «очень интересуются греческимъ дѣломъ»—но прежняя восторга, которымъ дышуть его отзывы о грекахъ 1821 г., уже не слышно, и ему даже приходилось защищаться противъ чьихъ-то упрековъ во враждѣ къ освобождающейся Греціи и въ симпатіи къ турецкому игу. Переписка П., I, III—113). Тогда же онъ писалъ Вяземскому: о судьбѣ грековъ позволено разсуждать какъ о судьбѣ моей братьи негровъ: можно тѣмъ и другимъ желать освобожденія отъ рабства востершимого, но чтобы всѣ просвѣщенные европейскіе народы бредили Греціей,—это непростибельное рабство. Тезуисы патологовали намъ о Омиротоклѣ и Периклѣ, а мы воображали, что пакостный народъ, состоящій изъ разбойниковъ и лавочниковъ, есть законнорожденный нѣхъ потомковъ и наследниковъ нѣхъ школьной славы. Ты скажешь, что я перемѣнилъ свое мнѣніе. Врѣхаль бы ты къ намъ въ Одессу посмотреть на соотечественниковъ Милыада, и ты бы со мною согласился» (ibid., 418—419). Очевидно, пытки призывъ къ возстанію не могъ сорваться съ пера Пушкина въ концѣ его пребыванія на югѣ, когда онъ былъ уже подъ вліяніемъ совсемъ иныхъ чувствъ и думъ. Другое дѣло—1821 г., къ которому поэтъ самъ относилъ свой «последній либеральный брѣть» (ibid., 91). И по настроенію, и по мыслямъ стихи: «Возстань, о Греція, возстань ... внонѣ гармонируютъ съ отношеніемъ Пушкина къ греческому движенію 1821 г. и только въ 1821 г. и могли быть написаны. Русс. Стар., 1908 г., мартъ, 661—662, зам. П. Тернера.

Горелъ—спартакеинъ поэтъ VII вѣка до Р. X.,

авторъ воинственныхъ гимновъ. Константинъ Ригальди Ригась, казненный турками въ Бѣлардѣ въ 1798 г., написалъ греческую національную пѣсню: «Δεσφ, πατρίε σου Ήλλησων...». Пушкинъ зналъ этотъ гимнъ, впрочемъ, по переводу Байрона (см. Чапмъ-Гарольдъ, пѣснь II, строфы XLIV и LXXIII).

370. БАХЧИСАРАЙСКІИ ФОНТАНЪ.

т. II, стр. 193.

Черновикъ текста поэмы находится въ хранищемся въ московскомъ Румянцовскомъ музеѣ тетради № 2366 д.л. 20—29; много изъ него вырвано неизвестно кѣмъ. Въ румянцовскихъ тетрадяхъ № 2365 д.л. 49 об., 50, 69) и № 2369 д.л. 3 об. есть стихи, относящиеся къ Бахчисарайскому Фонтану. «Въ бумагахъ Пушкина — говоритъ П. В. Анненковъ — Материалы для биографіи П., 2-ое изд., 98—99 — есть неизданное стихотвореніе, которое сперва назначено было служить вступленіемъ къ поэмы. Откинутое при окончательной переработкѣ и совсемъ забытое впоследствии, оно подтверждаетъ свѣдѣтельство о происхожденіи поэмы. Это свѣдѣтельство—письмо Пушкина къ Дельвигу декабря 1824 г., гдѣ поэтъ разсказываетъ: «Я прежде слышалъ о странномъ памятникѣ влюбленнаго хана. Къ политически описывала мнѣ его, называя la fontaine des larmes ... Вотъ стихи, приведенные Анненковымъ они начинаются стихомъ, который Пушкинъ впоследствии повторилъ въ Мѣдномъ Ведникѣ».

Печалью будетъ мой разсказъ!
Давно, когда мнѣ въ первый разъ
Любви повѣдали преданье,
Я въ шумѣ радостнымъ ушамъ—
И на минуту позабылъ
Роскошныхъ оргій ликование,
По быстротѣ, быстротѣ чередой
Тогда смѣнялись впечатлѣнья!
Веселье—тихою тоской,
Печаль—восторгомъ уносенья.

Политическая передача разсказа — продолжатель Анненковъ — должна была, какъ легко понять, возникнуть изъ вида развитія драмы и только сохранивъ тонъ и живость впечатлѣній, которыми пораженъ былъ самъ поэтъ-слушатель. И дѣйствительно, въ поэмѣ существенное одно: стихи и благоуханіе женскаго чувства, которымъ она проникнута отъ начала до конца. Конца этихъ стиховъ, съ зачеркнутымъ заглавіемъ: «Эпиграфъ», сохранилась въ бумагахъ Анненкова, принадлежащихъ нѣмъ П. А. Шляпкину («Изъ неизданныхъ бумагъ Пушкина», 66), а подлинникъ нѣхъ, на оборотѣ отрывка конца поэмы, находится въ майковской коллекціи автографовъ Пушкина, принадлежащей академіи наукъ. И. и его современникъ, IV, 4, № 10; онъ озаглавленъ: «Вступленіе», но кѣмъ это слово написано, въ описаніи коллекціи не сказано, а подлинникъ недоступенъ (см. ibid., 1—2). Черновикъ набросокъ этихъ стиховъ находится въ 2369-ой румянцовской тетради д.л. 1 об. и впервые былъ напечатанъ В. Е. Якушкинымъ въ Русс. Стар. (1884 г., июнь, 331; воспроизводимъ его полностью, такъ какъ онъ довольно отличается отъ приведеннаго, перепечатаннаго текста:

Исполню я твоѣ желанье,
Начну общанный разсказъ.

Давно, когда миф в первый раз
Повыдал сіе преданье,
Тогда я грустью озрачился,
Но не надолго юный умъ,
Забывъ всемыхъ орій шумъ,
Въ унынье, думы углубился.
Какою быстрою чередою
Тогда сменялись впечатлѣнья,
Восторги—тихую тоску,
Печаль—порывомъ уносилъ...

Изъ того, что эти стихи находятся на одномъ листѣ съ отрывкомъ поэмы, Анненковъ сдѣлалъ выводъ, что они должны были служить вступленіемъ или эпилогомъ къ «Бахчисарайскому Фонтану». Между тѣмъ слова Пушкина: «Я прежде слышалъ о памятникѣ влюбленнаго хана, Къ поэтически описывала мифъ его ... не даюль намъ никакихъ существенныхъ подробностей, и имѣть рѣшительно ни малѣйшихъ основаній свидѣвать поэтическии рассказъ Къ о памятникѣ съ тѣмъ преданіемъ любви», о которомъ такъ неясно и глухо говорится въ предполагаемомъ вступленіи; послѣднее, быть можетъ, имѣло свое особое значеніе, имѣть едва ли и могущее быть выясненными. Въ «Бахчисарайскомъ фонтанѣ» рассказано о любви преданья, но имѣно объ этомъ преданіи говорится въ приведенныхъ стихахъ. Но предположеніе Анненкова, какъ и многа дотакъ этого галантливаго біографа, никогда никакъ не было подтверждено соображеніемъ; слѣдуетъ, другіе читатели считали эти стихи свидѣаніемъ съ «Бахчисарайскимъ фонтаномъ», и лишь недавно М. О. Гершензонъ («Сверная любовь Пушкина» — Вѣстн. Евр. 1908, январь, 288) писалъ: «влюбленному шибко, что о Бахчисарайскомъ Фонтанѣ Пушкинъ впервые услышалъ въ Петербургѣ, отъ женщины, побывавшей въ Крыму; объ этомъ съ полною ясностью свидѣтельствуетъ черновой набросокъ начала «Бахчисарайскаго Фонтана»: «Давно, когда мифъ въ первый разъ ... и т. д. Авторъ «Сверной любви Пушкина» смель не забыло установленнымъ и неопровержимымъ то, что можно разсматривать лишь какъ болѣе или менѣе вѣроятное предположеніе Анненкова.

Нужно думать, что Пушкинъ со времени своего прѣезда изъ Крыма въ Киншисель внимавалъ мысль о поэмѣ, къ которой пробовалъ приступить еще въ 1821 г. Среди набросковъ этого года въ 2365-ой румянцевои тетрадѣ (л. 48 об., есть одинъ, написанный на вѣстоиномъ размѣрѣ, но напоминающій начало Бахчисарайскаго Фонтана) впервые онъ пошелъ въ «Русс. Арх. 1881 г., № 1; см. также Бумаги А. С. Пушкина», т. М., 1881, стр. 131; поэмѣ—въ «Русс. Стар. 1884 г., апрѣль, 101»:

Девлетъ Гирей задумчиво сидѣть,
Драгонъ ягваръ въ устахъ его тамитъ,
Ужасныи царь крутомъ его молчитъ...

Одно четверостишіе, вѣщнее внослѣдствіи въ поему, находится въ хранящейся въ Императ. Публичной Библиотецѣ записной книжкѣ Пушкина 1820—1821 гг.:

Чей голосъ выразитъ желаніи
И вѣзности и тоску желанія
Чей страстныи поцѣлуй живи
Твоихъ язвительныхъ добданій

Нѣсколько стиховъ, начинающихся словами: «Одинъ въ своихъ чертогахъ онъ ... воедичимъ въ начало поэмѣ, находится въ той-же 2365-ой румянцевои тетрадѣ л. 50; Анненковъ П. въ Александровскую эпоху, 176) связать ихъ съ задкими набросками Пушкина и предполагать, что это въ снѣ — снѣгана... Л. П. Поливановъ (см. его изданіе сочиненій П., П., 93) склоненъ видѣть снѣрвой замыселъ поэмѣ въ наброскѣ 1822 г. «Таврита» (см. выше, № 363), но именно никакого замысла и имѣть въ этомъ наброскѣ, посвященномъ впечатлѣніямъ Крыма и не имѣющемъ никакого отношенія ни къ Бахчисарайскому фонтану, ни къ свидѣанію съ нимъ детей.

Въ VII, окончательно томѣ своего изданія стр. 86—87 Анненковъ напечаталъ Отрывокъ:

Блеститъ дуга, недвижимо море сидѣть,
Молчатъ сады роскошныя Гассана;
Но кто же тамъ во тѣмъ сидѣть
На мраморѣ печальнаго фонтана?
Арабъ-снѣухъ, гарема стражи съвою,
И съ нимъ его товарищи молодой,
Недумъ любви, не туть тоски душевной,
Не отъ меня сокровишь ты
Твой мрачный взоръ, твой роночъ и вѣщанъ,
Твой свирѣпый мечтъ
Уже давно мифъ все складанъ...

«Трудно угадать», говоритъ Анненковъ, — съ какому изъ извѣстныхъ стихотвореній принадлежитъ этотъ мотивъ, быстро промелькнувшій въ головѣ поэта. Мы полагаемъ, что этотъ отрывокъ имѣеть съ трудми, совершенно безвѣзными въ томъ же роѣ, составляетъ первую пробу Бахчисарайскаго Фонтана». Подлинникъ этихъ стиховъ не вѣно оказался въ манковской коллекціи авторграфовъ Пушкина, по словамъ описанія которои (П. и его современники, IV, 7, № 24) написанъ на бумагѣ съ клеиномъ 1822 г. и поетъ дату: 22 июля 1823. Предположеніе Анненкова тоже было безъ оговорки принято въ внослѣдующи изданіи, но едва ли оно вѣрно; противъ него говорить не только дата, о значеніи которои, впрочемъ, нельзя судить лишь по какому-то описанію подлинника, наброска нето студень, но и содержание этихъ стиховъ; можетъ быть и такъ, что въ 1823 г. Пушкинъ хотѣлъ использовать черновой «запасекъ», оставшіися послѣ образбски «Бахчисарайскаго Фонтана». Въ той-же манковской коллекціи, по словамъ описанія (ibid., 5, № 11) находится набросокъ послѣдненія Бахчисарайскаго Фонтана — кнзю П. А. Вадемскому; въ печати поэмѣ поавидаетъ безъ всякаго посвященія.

Стихъ: Но вѣра матери моеи ... въ радо-ворѣ Заремы съ Маріей, быть можетъ, испраленъ Вадемскому, которому Пушкинъ писалъ поаврь 1824 г.: «Но вѣро матери моеи была твоа» — Если запеть уаичнуе перемибу, то поаври мѣнъ ево; если же шибъ, оставъ такъ, оно товоишо поавно ... Въ томъ-же письмѣ, по поводу стиха о «Мадоннѣ своиѣ», котораго Пушкинъ сначала было уничтожить изъ уваженія къ таиной вѣстоивности А. Л., снѣмшюи тегишии поав, снѣррои двѣи Анны Львовны Пушкиной, поетъ писатк: мѣнъ введъ въ дѣбужденіе; Воронкъ; онъ говоритъ въ своей Тавритѣ. Но въ снѣра же ево екоиде въ Гарема. Мифъ хотѣлось что-нибудь у него удрать, а къ тому-же я дѣдатель-бы оставишь русскому языку вѣсторичноу библиескую вѣхоиность». О Воронкѣ см. настоящее примѣаніе, т. 1.

стр. 69, 70. Связующие знаки стихов: Символь, конечно, переводенный. Недостаток какой-либо двести замечание Пушкина в письме к Вяземскому 20 декабря 1824 г.: *Vierge, cifra, faute, symbole ténébreux, faute déplorable de l'ignorance*. У нас слово *vierge* и на ивритъ два значенія: одно из них, здесь не имело бы смысла. Конечно, помыслить перифразу нескольких строк шесты 1824 г. Желание выше, № 272; см. также Евгений Онегин, гл. III.

О Татарской шесте см. Харьков. Универс. Сборн. в память Пушкина. 1900 г., стр. 179—181, ст. П. О. Сумцова. Упомянутая выше стр. 185, 186 статья Вяземского о «Бахчисарайском Фонтане», не вошедшая в издание гр. С. Д. Шереметьевым собрание его сочинений, переизданы В. П. Сажоновым в Осташкове. Архив, т. III, примеч., стр. 392—393, 399—402, 405—413, 415—417; там же, стр. 422—423, переиздана замечка Булгарина в «Литерат. Известиях» 1824 г., VII, стр. 280—282.

371. ДЕМОНЪ.

г. II, стр. 205.

Подъ другимъ заглавьемъ, прямо и рѣзко опредѣляющимъ интимно-личнѣйшій характеръ стихотворенія—«Мой Демонъ», оно появилось впервые въ извѣстномъ сборникѣ вл. В. О. Одоевскаго и В. К. Кюхельбекера «Мнемозина», М., 1824 г., ч. III, стр. 11—12, съ ошибками, за которыя Пушкинъ въ письмѣ 4 декабря 1824 г. къ брату бранилъ Кюхельбекера: «Не стыдно-ли Кюхль печатать съ ошибками моего Демона! моего Демона! После этого онъ и вѣрною начекается ошибкою... Изъ этихъ словъ видно, какое значеніе придавалъ Пушкинъ своему стихотворенію. Затѣмъ въ исправленной и несколько измѣненной редакціи оно было начекано въ «Сверныхъ Цвѣтахъ» на 1825 г. и вошло въ сборники стихотвореній Пушкина здѣсь воспроизведено по изданію 1829 г., I, 178—179. Блгого автографа шесты не существуетъ, но нечерканный черновикъ ея находится въ 2366-ой тетради московскаго Румянцеваго музея, л. 41 об.—42. Черновикъ этотъ очень важенъ для уясненія характера Демона. Отбрасывая шесту, Пушкинъ отбросилъ несколько архаич., сильныхъ стиховъ, но трбно говорившихъ о идее Демона; приведемъ этотъ набросокъ, начеканный В. Е. Якушкинымъ въ «Русс. Стар.» 1884 г., май, 337:

Таковъ онъ былъ...
Мое стоконное познанье
Страстями... возмущалъ
И я его существованье
Съ своимъ невниманьемъ сочеталъ...
Я видѣлъ миръ его глазами
Онъ общалъ...
Истолковать мнѣ все творенье
И разгадать добро и зло...
Неостыжимое волненье
Меня къ дукавому влекло...
И я мое существованье
Съ его навѣкъ соединилъ...
...Я сталъ вглядѣть его глазами,
Мнѣ жизни дался бѣдный кладъ,
Съ его неясными словами
Моя душа звучала въ ладъ...

Не только по духу, но и по содержанию тѣсно связаны съ этими стихами XIV—XIV строфы 4-й главы Евгения Онегина, гдѣ поэтъ разсказываетъ о своемъ знакомствѣ съ героемъ романа:

Мнѣ нравились его черты,
Менялъ невольная претанность,
Неопрятательная странность
И рѣзкій, охладительный умъ.
И былъ одоленъ, онъ утромъ;
Страстенъ яру мы знали оба;
Томилъ жизнь обоимъ насъ,
Въ обоимъ сердца жаръ погасъ;
Обоимъ ожидала дѣла
Слѣпой Фортуны и леди
На самомъ утрѣ нашихъ шеп.
Кто жилъ и мыслилъ, тотъ не можетъ
Въ душѣ не презирать мечей.
Кто чувствовалъ, того тревожить
Призракъ невозвратныхъ дней—
Тому ужъ нѣтъ очарованій,
Того дмѣ воспоминаній,
Того расканье грезеть.
Все это часто припасть
Большую предеть разговоръ,
Сперва Онегина языкъ
Меня смущалъ, но я привыкъ
Къ его извительному спору,
И въ шумѣ, съ желаньемъ пополамъ,
И къ злости мрачныхъ антраммъ...

Здѣсь же относится и сообщеніе П. В. Анненковымъ («Материалы для биографіи П.» 4-ое изд., 229 стихъ (въ 2369-ой тетради московск. Румянц. музея, л. 29 об., съ пометкой: «1 Novembre») — Русс. Арх.» 1881 г., № 1; Бумаги А. С. Пушкина, I, М., 1881, стр. 139; Русс. Стар., 1884 г., нояб., 562:

Мнѣ было грустно, тяжело, больно...
Но одолѣвъ меня въ борьбѣ
Онъ сочеталъ меня невольно
Своей таинственной судьбѣ;
Я сталъ вглядѣть его очами;
Съ его печальными рѣчами
Мои слова звучали въ ладъ...

Анненковъ говоритъ: Синтаксическая ошибка въ четвертомъ стихѣ доказываетъ, что это не болѣе, какъ бѣдная черновая замѣтка, но она содержитъ основную мысль Демона и важна еще для насъ сознаниемъ Пушкина, что представляемый имъ итеаль дѣйствовалъ болѣзненно на него самого. Дѣйствительно, въ жизни поэта влияние подобной личности могло быть только минутнымъ, скоропреходящимъ случаемъ.

Есть еще одинъ подходящий къ «Демону» набросокъ въ 2369-ой тетради московск. Румянц. музея, л. 40 об.:

Мое задумчивую младость
Онъ для восторговъ охладилъ,
Я неопсанную сладость
Въ его бесѣдахъ находилъ.
Я сталъ вглядѣть его очами;
Съ его печальными рѣчами
Мои слова звучали въ ладъ;
Открылъ я жизни бѣдный кладъ,
Въ замѣну прежнихъ заблужденій.
Въ замѣну вѣры и надеждъ
Для легкомысленныхъ невѣждъ...

Наброски эти относятся к 1823 г.; 1823 г. датировал Пушкин своего «Демона», 29 ноября этого года А. П. Тургенев писал из Петербурга, кн. П. Вяземскому: «Он написал пьесу: Мой Демон». Ее хвалят больше всех других его произведений» (Остафьев, Архивы, II, 368).

При появлении своем — говорит Анненков (ibid., 94) — пьеса породила живейший восторг. О ней журнал, в Москве, хотевший посвятить ей главную статью, но не стерпевший обидания; другой, называя произведение гениальным, искал объяснения ему в двистичном существовании подобно характера. В слухающем, IV кн. изд. Мнемозины Отоевский «Новый демон», стр. 35, пытается разъяснить общее значение пьесы: «с какими сумрачными наслаждениями читатель и произведение, и в сердце России так живо олицетворяет дв непонятный чувствования, которая холодит нашу душу посреди восторгов, самых пламенных. Глубоко проникнув оны в сокращенную сердца человеческого, из нее похитила ткани, неприкосновенны для простодушия, которыми одеты оны своего гениальнейшего Демона. Но не только шурши существовать сей дробный Гений, оны находится и в нас; последние не так опасны, как первый, но не менее мучительны». Эти слова служат предисловием к изданию Отоевского, терю которого, все отрицающий, все презирающий, похож на пушкинского демона. В образ Демона читатели сразу увидели не только олицетворение духа отрицания, духа сомнения, не только идею реально-возможного человека, но также прямо портрет определенной личности. Эта личность — Александр Раевский. Мы сейчас скажем несколько слов о нем и об его отношении к Пушкину, а пока ограничимся лишь указанием, что в Демон сразу узнали Раевского не только знавшие и Пушкина, и его жену М. П. Раевскую, князь Г. Волконский писал Пушкину 18 октября 1824 г.: «получило вам письмо от Мельмота... Неправильно вы сказали о Мельмоте, что оны в природе ничего не имеет следствия; прежде а были с вами солдаты, но по опыту знаю, что оны имеют чувства дружбы — благородной и неизменной общительности». Случай о том, что Демон связан с живым лицом, были неприятны Пушкину; они не только показаны в общественном мнении истинное, главное значение пьесы, но стали ему пищу для разных толков об отношении поэта к человеку, жившему на него сильное влияние, и слишком близко касались интимной жизни Пушкина. Чтобы разбить эти слухи, Пушкин приготовил для печати, но не опубликовать, вероятно, более опроверженем, только усилить нежелательные толки, замбтку о своем стихотворении, написанную будто бы от чужого лица. Нам известна часть ее, впервые напечатанная П. В. Анненковым. П. в. Александров, эпоху, 132—133. Многие были того же мнения и также указывали на лицо, которое Пушкин будто бы хотел изобразить в этом странном стихотворении... Кажется, они неправы, но крайней мбры я вижу в Демон, идея более нравственную. Не хотел ли поэт олицетворить сомнения. В душе према жизни — сердце, не охлажденное опытом, то гнило гл. прекрасно. Оно легковерно и пылко. Мало по малу вбывля противоречия существования рождает в нем сомнения; чувство мучительное, но непроизводительное... Оно не может, уничтожить наши

души и политические предрассудки души... Неизречен великий Гете плавающие вечною прага человечества — духом отрицания и мбл. П. Пушкин не хотел бы допустить Демон олицетворить сей дух отрицания или сомнения и померять вл и притягив о картин незначительное влияние его на нравственность нашего века. Анненков, который находит, что будто бы не было никаких фальшивых оснований для обвинения Демона с Александром Раевским, указывает на индивидуальность языка и некоторых слов (декабрьской этой замбтки, обусловливаемые той же причиной. Конечно, Анненков неправ. Сл. декабрьской стороны замбтки Пушкина о Демон, также и в то время ничего не могло против, потому что в ней, как и в самой пьесе, не было оговения дробного гения. На вопрос, вбры ли Пушкину в этой замбтке, мы можем ответить: и да, и нет. Черты живого человека в стихотворении так же несомнительны, как и символическая облика Демона.

Восторг, вызванный пьесой, был всеобщим. Обиждаю тебя за двою демона — писал Пушкину Жуковский 1 июня 1824 г.: «Къ порту порта! Вотъ пока твой дивилъ. Ты создашь понасть въ Богъ — впередъ. Крылья у души есть! влишня она не побоятъ, тамъ настоящій элементъ! мн свободу этимъ крыльямъ, и небо твоё. Вотъ моя вбра. Когда подумаю, какое можешь сосрратить для себя будущее, то сердце разрывается надеждою за тебя... Пришеть въ восхождение и Демонъ и писалъ Пушкину (10 сентября 1824 г. о томъ, которая не пометъ всей красоты Демона... Другой прекрасный цвитель — Милевский рассказывал, что, прочитав Демона, оны впервые получил высшее понятие о Пушкине» (Соч. П., ред. П. А. Ефремова, изд. А. С. Суворина, VIII, 191).

Не раз оставался на Демон Блшнский. Впервые оны упомянул о Демон, лишь мимоходом, как о примбры, мбл въ подлин. рецензия на стихи Бенедиктова — Телеского, 1835 г., т. XXVII, указав, что въ этом стихотворении неизмбрым, глубоко выражена идея сомнения, рано или поздно бывающего утломъ великого чувствующего и мыслящего существа. Черты, несколько збры оны говорил о нем, подробно и глубоко по поводу выхода собрания стихотворений Демонтова (Отеч. Записки 1841 г., т. XIV), со времени появления Пушкина въ нашей литературе пока залес какой то несамостоятельной аяловы на жизнь, пошло въ оборотъ новое слово — разочарование... Этимъ смбшила оны и стала господствующимъ ролюмъ подлин... Литература въ первый разъ еще начала быть выражениемъ общества. Это новое направление литературы вводитъ выражение въ динюмъ создания Пушкина Демон... Это темъ сомнения, это духъ размышления, рефлексии, разрушающей всякую подлогу жизни, отравляющей всякую радость. Странное дело: пробудившая жизнь, и съ нею объ руку пошла сомбнивание, вразъ жизни Демон. Пушкина съ П. с перь осталас у насъ вбрыми гостемъ и съ нею вбрыми смбшивною утлбкою пока являея в госте, то тамъ. Мало этого оны привелъ другого демона, более страшного, более перзиданного... И тутъ великий критикъ переходилъ къ мбму Демонтовской подлин. О геробъ пьесы Пушкина, являющейся, по словамъ Блшнского, Раевские посли на роля и вбры... (Отеч. Зап., т. XV), оны изъ душихъ, разрушительныхъ создани

лирической музы Пушкина, В. П. Боткинъ тогда же писалъ Бѣлинскому: въ молодости демонъ на мнѣнiе являлся Пушкину, но крохал, ибѣная, святая душа Пушкина трепетала этого страшнаго духа, и онъ съ тоскою говорилъ о печальныхъ встрѣчахъ съ нимъ. Демонъ въгляднулъ ему прямо въ глаза, сдруснялся съ нимъ и сбѣдалъ его царемъ своей фантази... Бѣлинскій отвѣчалъ: Совершенно согласенъ съ тобою. Особенно поразили меня страхъ и боязнь Пушкина къ демону: печальны были наши встрѣчи; именно отсюда и здѣсь его разнижа съ Демонтовымъ.

А. П. Нышнѣ, Бѣлинскій, 2-ое изд., 403, 407). Въ слѣдующемъ году, говоря о Баратынскомъ, Бѣлинскій снова повторилъ свою мысль (Отеч. Зап. 1842 г., № 12: Пушкинъ, какъ первый великiй поэтъ русскiй, котораго поэзи выходила изъ жизни, первый и встрѣтился съ демономъ... Таинство было ему его знакомство, и печальны были его встрѣчи съ нимъ... Онъ не палъ отъ него, но и не удалялъ, не понималъ его... Выше Бѣлинскiй говорилъ о демонѣ, какъ о вѣчно движущей силѣ духа человѣческаго и историческаго, которая сама «уважаетъ силу и сторицею воздастъ ей за временное зло, которымъ ее терзаетъ». «Для Пушкина—продолжаетъ Бѣлинскiй—демонъ такъ и остался таинною, страшною стороною бытiя, и такимъ является онъ въ его созданiяхъ. Поэтъ любилъ обходить его, сколько было возможно, и потому онъ не высказалъ весь и унесъ съ собою въ могилу много непроизданныхъ струнъ души своей... Прошли еще два года, и пушкинскiй Демонъ сталъ еще мизернѣе въ представленiи Бѣлинскаго, который въ своемъ обзорѣ пушкинскои поэзи писалъ: «пѣса, которая при своемъ появленiи поразила всѣхъ плуменiемъ по глупости высказанной въ ней мысли и по совершенству художнической формы,—сказать ли? эта пѣса теперь пережила свою славу, и время изрекло надъ ней свой судъ. Есть что-то простодушно-юношеское въ ея выраженiи, и теперь нельзя читать безъ улыбки этихъ, вѣкогда столь дивныхъ стиховъ... Самъ этотъ демонъ давно уже поступилъ въ разрядъ демоновъ средней руки... Сердца возмущались и умы опытные теперь уже не страшатся, и другого демона, пострашнѣе пушкинскаго... Далѣе Бѣлинскiй говоритъ: «Пушкинскiй демонъ не изъ самыхъ опасныхъ; это скорѣе чертенокъ, нежели чортъ... И не будучи демоническимъ поэтотомъ, Пушкинъ имѣлъ право и не могъ не знать иногда муки сомнѣнiя, ибо этой муки совершенно чужды только натуры мелкiя, ничтожныя, сухiя и мерзвыя... Сравнивая «Демона» со Снегой изъ Фауста, въ которой онъ видѣлъ развитiе и распространѣнiе идеи «Демона», возвращаясь къ мысли о вѣчномъ возрожденiи, высказанной въ статьѣ о Баратынскомъ, Бѣлинскiй отзывается о пушкинскомъ демонѣ еще рѣзче: знакомое съ демономъ другого поэта наше время съ улыбкой смотритъ на пушкинскаго чертенка, которому критикъ противопоставляетъ иного демона; онъ «отрицаетъ для утверждѣнiя, разрушаетъ для созданiя», а вовсе не «отрицаетъ все для одного отрицанiя», вовсе не старается представлять существующее не существующимъ», какъ поступаетъ будто бы пушкинскiй демонъ. Ясно, что Бѣлинскiй здѣсь приписалъ Пушкину то, чего поэтъ не говорилъ. Пушкинскiй демонъ отрицаетъ, но для чего, во имя чего поэтъ видѣвъ намъ не сказалъ, и великiй критикъ обрушился здѣсь на свою же мысль, про-

извольно предположенную имъ въ основѣ пушкинскаго стихотворенiя. Этотъ отзывъ не можетъ быть признанъ критическимъ взглядомъ на пѣсу, которая служила тутъ Бѣлинскому не объектомъ изслѣдованiя, а орудiемъ теорiи, поставившимъ ему подъ руку и самовластно примененнымъ къ дѣду. Увлекшись, Бѣлинскiй забылъ, что писалъ самъ когда-то о значенiи пѣсы, утратилъ историческую перспективу, не выявилъ роли стихотворенiя въ поэзи Пушкина и въ историческомъ ходѣ литературы. Гораздо правнѣе были Боткинъ, увидѣвши въ пушкинскомъ демонѣ все то же, вѣчно «страшнаго духа», котораго, по мнѣнiю Бѣлинскаго, Пушкинъ «не понималъ и «обонялъ».

Не обонялъ Демона Пушкинъ, а преодолѣлъ—таковъ смыслъ вывода Анненкова («Материалы», 94—95: изъ произведенiя относительно превосходнаго вышелъ онъ не въ подчиненности къ нему, а, напротивъ, съ другимъ и болѣе обширнымъ взглядомъ на мiръ—процессъ, безпрестанно повторявшiйся съ нимъ и оправдывающiй мнѣнiе тѣхъ людей, которые поэзи Пушкина считаютъ по преимуществу существовнною, реальною, приносящею съ собою бодрость для духа и свѣжесть для мысли). Анненковъ заинтересовался и генезисомъ Демона, въ которомъ виднѣтъ «осколокъ неудавшагося образа Кавказскаго Пѣвнника. Ibid., 99. Въ черновыхъ Кавказскаго Пѣвнника есть сходные съ началомъ «Демона» варианты:

Когда роскошныхъ дѣвъ пѣселя
Малыши розами вѣсцалъ
И жаръ безумнаго похмѣля
Минутой страсти посвящалъ...

Въ тѣ дни, когда луна, дубравы,
Морен и бури вольный шумъ,
Движiй голосъ, гимны славы
Еще пѣвали жадный умъ...

Подробно изслѣдоваль вопросъ о происхожденiи Демона и набросалъ его родословную, прослѣдивъ развитiе мысли о немъ въ пушкинскомъ творчествѣ Л. П. Поливановъ въ известной статьѣ «Демонъ Пушкина» («Русс. Вѣст. 1886 г., августъ, 827—850). Критикъ рассмотрѣлъ постепенное развитiе чувства усталости и разочарованiя въ пушкинскои поэзи 1821—1823 гг., связывающагося въ цѣломъ рядѣ стихотворенiй и набросковъ, какъ-то: «Я пережилъ мои желанiя... Ты правъ мой другъ, напрасно я презрѣлъ... Ужели онъ казался прежде мнѣ... «Я говорилъ предъ младвою тобою... «Свободы свѣтлыя пустыни... По сквозъ это тлѣное, удрученное настроенiе мелькають проблески иного, свѣтлаго чувства; душа поэта борется съ мрачнымъ скептицизмомъ, живущимъ въ ней могучимъ идеализмъ протестуетъ противъ духа отрицанiя. Объ этой борьбѣ говорятъ стихи: Ничтожество, пустой призракъ, не жажду твоего покровла... Счастливыхъ дней не знавъ отъ вѣка, я все не вѣрую въ тебя. Ты чуждо мысли челоуѣка, тебя страшится гордый умъ... Этотъ духъ недоло владѣвъ поэтомъ, который скоро справился съ нимъ и, въ свою очередь его «одолѣвъ въ борьбѣ», одолѣлъ окончательно и безповоротно. Мятельный титанъ Демонтовъ пенялъ на себѣ его силу и разсказалъ «Сказка для дѣтей» о своей борьбѣ съ нимъ: «Мой юный умъ, бывало, возмущалъ могучiй образъ... И душа тоскою сжималася,—и этотъ дикiй бредъ преслѣдовалъ мой разумъ много дѣтъ,

Но а, разставшись с прочими мечтами, и отъ него отблудая стихами ... Такъ же отблудая и Пушкинъ, передавъ кое-что Ойбину, Ни Анненкову, ни Подливанову не замѣтили, что съ этимъ духомъ Пушкинъ познакомился задолго то Баирона, до Кавказскаго Илѣищика—еще въ началѣ жизни, когда въ «великолѣпномъ мракѣ чуждаго сада его пѣливалъ двухъ бѣсовъ изобразенныя: одинокъ, Дельфійскій пѣтукъ, лишь младой, былъ тѣлесень, полонъ гордости ужасной и весь дынать оны силой подземной; дружокъ—жепообразный, сладострастный, сомнительный и живыи идеаль, волшебный демонъ—живыи, но прекрасный ... (Въ началѣ жизни школу помню я ... Въ двѣдѣти поета пѣливала поднебная краса этого духа, таинственней, ирраціональней стороны бытія; въ юности оны вступили съ нимъ въ борьбу, были побѣждены, пережили періодъ подчиненія ему и, наконецъ, сломали его власть и мочь съ trustнымъ спокойствіемъ разсказать объ этомъ. Подливановъ пришелъ къ выводу, что «Демоны»—прекрасныи эскизы великаго художника, выброщанной имъ при созданіи одной изъ значительныхъ картинъ своего романа; усиленіе чертъ Ойбина; оны довелъ искусительныя чары этого лица со всею послѣдовательностью до крайнихъ предѣловъ, некрещно холодна въ непонятной то ебѣ передъ этимъ порожденіемъ своего артистическаго каприза,—и вышель Демонъ». Въ самостоятельномъ значеніи «Демону» Подливановъ, такимъ образомъ, отказываетъ. Ошибка критика, очевидно, въ томъ, что, увлекающійся сходствомъ Демона съ Ойбинымъ, оны рѣшилъ, что оны всегда тождественны. Между тѣмъ какъ не подходить къ «московичу въ тарольдовомъ плащѣ», скажуащему «дудку», выступающему уже въ первой главѣ романа въ подуирощескомъ освѣщеніи, этотъ обликъ «любимаго гения», съ его мочучеи властью виезанной точки. Въ смыслѣ демонизма Ойбинъ относится къ демону какъ маленькая часть къ огромному цѣлому.

Въ Демонѣ великомъ ирокъ абстрактныи символизмъ, чтобы можно было назвать его чимъ-нибудь портретомъ; но Александръ Раевскій изъ всѣхъ, кого зналъ Пушкинъ, ближе всѣхъ подходитъ къ этому образу. Обь этомъ разсказывалъ для Раевского, А. А. Давыдовъ, М. Ф. де-Рибасу см. сборн. В. Яковлева, «Отзывы о П.—нѣ съ Юга Россіи», стр. 115—116; то же говорить и Висель, Записки, VI, 169. Членъ славной семьи Раевскихъ, оставившей въ жизни Пушкина такой глубокой слѣдъ, см. выше Пушкинъ и Раевскіе Александръ Николаевичъ, былъ четьрьма годами старше Пушкина. Когда оны познакомились, неизвѣстно; вѣроятно, еще въ Петербургѣ, до выѣзда Пушкина на югъ. Впервые Пушкинъ упоминаетъ о немъ въ томъ письмѣ къ брату, гдѣ описываетъ свою побѣду 1820 г. на Кавказѣ и въ Крымѣ и приобщаетъ его семье; старшинъ слѣдъ будетъ больше нежеди извѣстенъ. Въ Путешествіи къ Арзумъ Пушкинъ вспоминаетъ, какъ на берегу Поллума съ нимъ бывало епикивалъ А. Раевскій, придушивающій къ медотн востѣ. Умный, начитанныи и многое витавшій на своемъ еще негодномъ вѣку, Раевскій мочь многое разсказать Пушкину. Съ пятнадцати лѣтъ оны участвовалъ вмѣстѣ съ отцомъ въ походахъ, побывалъ во Франціи атыоантомъ при Воронцовѣ, жена котораго привошлась ему роженю. Ему еще не было двадцати двухъ лѣтъ, когда Воронцовъ провидѣ о его про-

павствіѣ въ полковника и собирался готовить его къ командирю полка. Въ 1818—1819 гг. оны служили на Кавказѣ при Ермоловѣ, который замѣтилъ, что оны съиль привязаны къ Воронцову, что не мѣшало ему вѣрно и мѣтко опредѣлать Воронцова какъ служакаго рас. excellence, и больше ничего. Сб. П. Русск. Ист. Общ., т. 73, стр. 353, 387, 489). Въ 1820 г. оны вѣбѣлъ съ Чаадаевымъ, служивъ атыоантомъ при князѣ П. Васильчикоѣ, Гостя въ Бѣлой Церкви у графини Гранцкои и встрѣчавшій тамъ съ ея дочерью Елизаветой Ксаверьевной Воронцовой. Раевскіи полюбилъ ее. Въ 1823 г. Воронцовъ поселился въ Одессѣ, къ а любовь къ Воронцовои привела и Раевскаго, бывшаго тогда полковникомъ въ отставкѣ. Знѣсь оны съ Пушкинымъ встрѣчались снова, хотя отношеніи, повидному, не прерывали и равныи. Сохранился черновикъ одного письма Пушкина 1821 г. отнесенномъ возстанию—думаясь, что оно писано къ Раевскому. По словамъ Анненкова (С. П. въ Александръ эпоху, стр. 151), Пушкинъ говорилъ о немъ какъ о человѣкѣ, которому предъназначено, можетъ быть, управлять ходомъ весьма важныхъ событий. Этотъ отзывъ можетъ быть связанъ съ отношеніями Раевскаго къ танному обществу. Но Пушкинъ ошибался: Раевскій былъ свенщескій содердатель и въ двѣдѣти не годился. Оны, по разсказу декабриста, князя С. Е. Волконскаго (Записки, 1902, стр. 410—не былъ въ числѣ отсталыхъ), хотя «какъ человекъ умныи и осторожныи, видѣлъ, что тайное общество не мнуетъ пресѣдованій правительства». Современнику, А. В. Кашинцу прѣдлагая въ память оригинальнана наружность Раевскаго: высокин, худой, даже кривизной съ небольшой круглой и коротко обстриженнои головой, съ лицомъ темно желтаго цвѣта, съ множествомъ морщинъ и складокъ,—оны всегда аи думаю, даже когда спать сохранялъ саркастическое выраженіе, чеду, быть-можетъ, немало способъ творить его очень широкій съ толстыми губами ротъ. Оны по обычаю двадцатыхъ годовъ, всегда былъ близко избрять и хотя носилъ очки, но оны ничего не отнимали у его глазъ, которые были очень характерныи. Маленькіе пажетта-карие, оны всегда блестящи иабсолютельно-живыи и смѣлымъ вилгаюмъ, съ отѣвкомъ насмѣшливости, и напоминали глаза Вольтера... Вообще, оны были скорѣе безобразны, но это было безобразіе личное, породистое...

Русск. Стар. 1899 г., май, 241. Оны не мѣшало Раевскому, притомъ еще отбывавшемуся небрежно, производить сильное впечатлѣніе на женщинъ. Обязательно дѣйствовало оны на всѣхъ окружающихъ, и Пушкинъ въослѣдствіи самъ увидѣлся быломъ вліанію на него этого человека. Блестящан образованности, Раевскій, таинственнана репуація опаснаго человека (Висель, VI, 170—171) его холоднаи, насмѣшливыи умъ не могли не привлечь Пушкина. О провидѣніяхъ свенщима и сарказма Раевскаго мы знаемъ очень мало. Опыавши, читая «Донюю» Пушкина, оны паро провалъ онынъ стихъ такъ: ты вышѣнней весной отъ нашихъ вѣръ утратилъ, вѣбѣто отстала см. выше, стр. 358; Пушкинъ понималъ, какъ оны холодно и пащѣ стихами о Грѣбѣ, который часто въ свѣдахъ ровновахъ подметель, саблю ... и т. д., и смѣлился какъ характеромъ Кавказскаго Илѣищика. Е. П. аи Раевскій всегда говорилъ некрещно и отъ души; рошныи знали за нимъ мистификаторскую слабостъ, такъ мало соответствующую настоящему, демоническому характеру. Ек. П. Орлова разсказывала П. В.

Грому см. его сборник «Пушкины», изд. 1899 г., стр. 52, что брат, «забывив свое влание на Пушкина, издумал погнущить на д'ньмъ и стать представлять из себя ничьмъ не товопято, разочарованнаго, на въ вѣмъ думящаго человека. Но въ поддале искусной мистификаціи и написавъ своего «Демона», Раевскій доидо оставилъ его въ заблужденіи, но, наконецъ, призналъ въ своей шуткѣ и послѣ онъ часто и много събавилъ, перечитывая вмѣстѣ это стихотвореніе». Мы знаемъ, что «Демонъ» произонелъ не такъ просто, но для понизанія личности Александра Раевского разсказъ его сестры не терлетъ своего значенія. Крайности соприкасаются, а Раевскій во многомъ не походилъ на Пушкина, приближивающа въ немъ тѣмъ, чего неоставало натурѣ самого поэта. Одинъ чувствовалъ, другой разсуждалъ. Одинъ былъ поэтъ съ погѣ до товова, другому, по вѣрному опредѣленію Вигеля (ibid, 171), «подія была дѣло повсе чуждое, равномѣрно и дивная чувства, въ которыхъ видѣлъ онъ одно смѣнное сумасбродство, это видно изъ его отдыва о Горѣ отъ ума»: «такая пѣса, отратительная во всѣхъ отношеніяхъ... отсутствие плана... нецѣльность характеровъ... жестокость и безнорядочность верификаціи, достойной Третьяковскаго... Гроббодовъ, съ его острымъ умомъ, становится глупель и цѣль, лишь только возьметъ въ руки перо». М. Гершензонъ, «Исторія Молодой Россіи», 1908 г., стр. 41. Пушкина тянуло къ оригинальному человеку, но онъ не могъ выносить взгляда этихъ прощическихъ глазъ, и поэтъ любилъ беседовать съ Демономъ вногъмахъ, безъ сибѣи. Рус. Арх. 1880 г., III, 140. Сухой, холодный анализъ Раевского не встрѣчалъ значама въ Пушкинѣ никакого противорѣчія: въ немъ, самомъ, накопилось немало недовольства жизнью и людьми, — но въ корнѣ имъ была до дна исчерпана вся неглубокая мудрость Демона. «Кладъ жизни» оказался «бѣднымъ кладомъ», ничтожнымъ таромъ. Въ Пушкинѣ стало что-то возставать противъ діалектики Демона, съ вѣду такой мучеи, а въ сущности дающей своему обладателю такъ ничтожно мло, противъ этого односторонняго міропониманія, обещающаго все объяснить, все осмыслить, но не дающаго отвѣга ни на одинъ изъ проклятыхъ вопросовъ — жизни и вызывающа ея цѣльность до дула, до «пустой и дудной шутки». Но въ панномъ великомъ язычникѣ Пушкинѣ, какими бы приуотливимы изворотами ни шла его мысль, всегда было много мудраго жизнелюбія; что-то говорило ему если не о прямахъ цѣляхъ жизни, то о ея высокой, радостной цѣности, о ея безконечной сложности, которую не привести къ той унылой плоскости, что раскрывали передъ нимъ уроки Демона. Но едва ли не сильнее всего на Пушкина долженъ былъ подѣйствовать урокъ факта. Въ перонницаемой, казалась бы, стѣнѣ прощія и скептицизма, да которой такъ уютно долженъ былъ стараться чувствовать себя Демонъ, открывалась широкая брешь. Не все онъ въ мірѣ предиралъ, Демонъ любилъ Вороцова.

Выше см. нашу статью П. въ Одессѣ, стр. 273—276, 279—280) мы разсказали объ увлеченіи Пушкина Вороцовою и о томъ, какъ Раевскій воспользовался своимъ другомъ и соперникомъ въ качествѣ трюмавода, на который и обрушился шибъ Вороцова, и безъ того не удивнаго причинилъ быть довольнымъ наваданнымъ ему чиниошникомъ-сѣдлымъ. Разсказу двухъ современниковъ, Вигеля и Кашкета, нельзя не доврять. Правда, по мнѣнію П. Н. Антрапа «Замѣчанія

на воспоминанія Вигеля», стр. 163, «Вигель поспѣуетъ о причинахъ отдыки Пушкина изъ Одессы съ отклоненіемъ отъ истины», но зтѣмъ разумеется, очевидно, какая-нибудь частная ошибка Вигеля, и будь разсказъ невѣренъ въ главномъ, Антрапа, подробно и строго разработавши записки Вигеля, конечно, прямо и категорически опровергъ бы его. 30 июля 1824 г. Пушкинъ былъ увезенъ изъ Одессы, а въ августѣ Раевскій послалъ ему письмо, быть можетъ въ отвѣтъ на письмо поэта къ самому Раевскому или къ кому-нибудь другому, но дѣй говорилось о Раевскомъ. Строки Раевского очень теплыя и дружескія, особенно для такой себѣлюбивой и холодной натурѣ. Знаи, должно быть, объ «атеистическомъ» письмѣ Пушкина, послужившемъ близаннимъ поводомъ къ высылкѣ поэта. Раевскій два раза, въ началѣ и въ концѣ письма, настаиваетъ его — уважать религію. Демону, конечно, то религіи мало было гѣла, но онъ просто хотѣлъ предостеречь отъ какой-нибудь новой бѣды Пушкина, зная невоцерковность его, зыка насчетъ религіозныхъ темъ (см. Анненкова «П. въ Асканіи эпоху», 170. «Пельзы» писалъ Раевскій — «прожить вмѣстѣ столько времени беззаказнаго». Это слово очень характерно для Раевского, стыдлившаго проявленія сердечнаго чувства). «Не говоря уже о разныхъ поводахъ, имать къ тебѣ истинную дружбу, достаточно ошнн привычки, чтобы создать крѣпкую связь между нами... Знаи, что помимо твоего прекраснаго и великаго таланта, я давно поклалъ въ братской дружбѣ къ тебѣ, и ни да что не отступлю назадъ... Но Пушкинъ вскорѣ понялъ глубокую грань между ними. Раевскій уже не былъ дорогъ ему какъ другъ и пересталъ быть интересенъ въ качествѣ Демона. Связи между ними уже не могло быть, какъ между цзоошимъ, однокимъ листкомъ, у Лермонтова, и молодой чинарой, которая отвѣчала на призывъ скитальца: «Пш себѣ дальше о странникъ! тебѣ я не знаю. Я солнцемъ побима, цѣвту для него и бадасто... Отвѣчали Пушкинъ ему, неизвѣстно; единственный свѣтъ имъ перенески — это письмо. Въ немъ Раевскій говорить о «Татьянѣ»: она приняла живое участие въ твоей бѣдѣ и поручаетъ мнѣ передать тебѣ объ этомъ. Нишу съ ея согласія пѣзана и добраа душа ея сознаеть тутъ только несправедливость, жертвой которой ты стала; она мнѣ высказала это съ чувствомъ и градей, свойственной характеру Татьяны». Имя это приводитъ на мысль о героинѣ «Ойбшнн»: напрашивается такаа параллель: Ойбшнн и Татьяна—Раевскій и Вороцова. Въ этой параллели много внодѣи вброитнаго, если вспомнить, что въ началѣ романа поэтъ говорилъ объ Ойбшнн въ выраженіяхъ, повторенныхъ въ вариантахъ «Демона», что въ концѣ Пушкинъ словно проговаривается, что Ойбшнн прослѣды Демонномъ (а въ «Демонѣ» всѣ видны Раевского), что поэтъ встрѣчается со своимъ героемъ въ Одессѣ. Слова Раевского о характерѣ Татьяны совпадаютъ съ его отдывомъ 1822 г. о Вороцовой: характеръ—самый очаровательный какой я знаю» Гершензонъ, ор. с., 44. Замѣтлимъ, что письмомъ помѣчено Бѣдон Церковью, имѣвшимъ матери Вороцовой. Далѣе говорится о дочкѣ «Татьянѣ»: по словамъ графа М. Д. Бутурлина («Русс. Арх.», 1897 г., II, II), дѣти Вороцовыхъ весь 1824 г. прожили у бабушки въ Бѣдон Церквѣ. Данное «Татьяноу» Раевскому по влволенію е сообщилъ Пушкину ея слова о несправедливости.

жертвой которой стала, поэт можно сказать только в виду особой близости этой женщиной къ высказанному Пушкину изъ Одессы генералъ-губернатору. Сочувствуя поэтѣ, она этимъ самымъ осуждала Воронцова, и не будь это графиня Елизавета Кеарверевна, для чего было бы Раевскому писать Пушкину именно съ свидѣнью или позволеніемъ? Слѣдуетъ ясно, что эта Татьяна — Воронцова, вѣроятно, гостившая тогда у матери въ Бѣлой Церкви, куда за нею посѣдѣли и влюбленный Раевскій. Очевидна связь между «Демономъ» и «Ангеломъ». 1827 г. Демонъ, который прежде «сичто въ всей природѣ благословити не хотѣлъ и не вѣрвалъ любви», вѣра чистота ангела, долженъ былъ сознаться: «Не все я въ мірѣ ненавижу, не все я въ мірѣ презираю». Это исторія любви Раевскаго къ Воронцовой, поведенная въ символическіи перлы поэзіи. Воронцова была любима и Пушкинымъ, и еще Анненковъ, ор. с. 170 обратилъ вниманіе, какъ часто повторяется въ его одесскихъ бумагахъ — профили прекрасной женской головы, споконнато, величавата тина, такъ походяща къ Ангелу.

«Оттодосокъ лирическихъ писемъ прошло года, т. е. 1823, услышавъ Анненковъ въ письмѣ 1824 г. «Копарность» Человѣкъ, отъ руки котораго другъ оттеривать свою «какъ отъ змѣи»; который «завѣсивши адидъ пудливое его воображеніе и гордую забаву находилъ въ его тоскѣ, рыданіяхъ, уныаніи; дѣлъ ему какнудъ, и сонатаго врату предѣлъ со смѣхомъ», — какъ этого человекъ и эти стихи напоминаютъ Раевскаго и штрипу, жертвой которой былъ Пушкинъ въ Одессѣ! Копарность, подтверждаетъ разсказъ Вителы и Карниста, П. Раевскій былъ въ душѣ Пушкина «осужденъ послѣднимъ приговоромъ». Близости между ними съ тѣмъ поръ не было.

Воронцовъ, прежде благословившій къ Раевскому, теперь ненавидѣлъ его (см. Записки Вителы, VI, 172, 188). Ночь 14 декабря были арестованы дѣтя Раевскаго, М. О. Орловъ и кн. С. Г. Волконскій, братъ Николай былъ взятъ и Александръ. Сообщая А. А. Закревскому объ арестѣ его дѣтей съ порочной партіи мудрецовъ 2-ой армии, Воронцовъ писалъ не безъ доразсказа: сожалѣю о немъ; но не удивляюсь, ибо въ послѣднее время я столько въ немъ замѣтила страннаго и неурочнаго, что пересталъ почти съ нимъ и говорить» (Сб. П. Р. Ист. Общ., т. 73, стр. 506). Арестъ Раевскаго встревожилъ доброго и недоуманнаго Пушкина. Однако, вскорѣ осторожный Раевскій былъ отпущенъ, да еще съ званіемъ камергера, и вернулся въ Одессу. Романъ продолжался, и Воронцовъ, выведенный изъ терпѣнія, наконецъ это было въ 1828 г. грубо оборвалъ его, выславъ Раевскаго изъ Одессы и клеветнически вставивъ его, какъ чепухе, тогда владѣть Пушкина, неблагодарнымъ въ политическомъ отношеніи. Отецъ Раевскаго прямо жаловался государю на докныи доносъ Воронцова («Русск. Стар. 1883 г., ноябрь, 402—403; Пушкинъ, Собраніе, IV, М., 1905, стр. 296—297; Русск. Арх. 1908 г., I, 315—316, 317). Пушкинъ интересовался этимъ скандаломъ, присѣвшимъ мало чести независимому имъ Воронцову (см. письмо къ Вяземскому 4 сентября 1828 г.).

Покинувъ Одессу, Раевскій долго жилъ въ деревнѣ; въ тридцатѣхъ годахъ онъ посѣдилъ въ Москвѣ, тѣмъ значительна встрѣчался Пушкинъ. Последніе годы жизни провелъ въ Ниццѣ, тѣмъ и умеръ 23 октября 1868 г. (Ср. № 394).

372. ПРОСННННЪ ДН МНЪ РЕВШНВЫИ МЕЧТЫ.

т. II, стр. 206.

Существуютъ три автографа этой пьесы. Одинъ, первоначальный, находится въ 2369-ой тетради московскаго Румянцеваго музея, дд. 45 об., — 16; другой, болѣе отбѣланный, принадлежалъ прежде Е. А. Масальской (Суриной, рожд. Шамаговой, теперь хранится въ библиотекѣ академіи наукъ; онъ данъ намъ на отбѣльномъ листкѣ, тѣмъ образомъ съ нимъ данъ въ Переизд. 1820 года).

II, и его современники, IV, 41—42; третій находится въ тетради стиховъ, подготовленныхъ Пушкинымъ для сборника, изданнаго въ 1826 г. издѣлной поэтъ именемъ тетради гр. Карниста, дд. 1—2 (Л. Манковъ, «Автографы Пушкина, принадлежащіе графу П. П. Карнисту», СПб., 1896, стр. 3; здѣсь редакція уже болѣе отбѣланныя, но еще не окончательная, и помѣта: 1823). Иерный автографъ не помѣтъ заглавія, а два другіе озаглавлены: «Летія». Первоначальный патросокъ въ румянцеваго тетради находится на одной страницѣ съ черновикомъ письма къ Вяземскому, бѣловикъ котораго датированъ 14 октября 1823 г.; вѣроятно, около этого времени написана и летія. Впервые она появилась въ «Ноларной Звѣздѣ» на 1824 г., стр. 314—315, поэтъ заглавіемъ «Летія», съ одной звѣздочкой въверху поднеси и съ досадными, грубо некажущимъ смысломъ опечатками, которыя заставили Пушкина вскорѣ перепечатать ее. Пушкинъ торко пеналъ Бесудужеву за опечатки и писалъ ему 12 января 1824 г., жалудясь на допущенную безсмыслицу: «я данно уже не сераюсь за опечатки, но въ старину мнѣ случалось забавляться стихами, и мнѣ грустно видѣть, что со мною поступаютъ какъ съ умершимъ, не уважая ни моеи воли, ни бѣтвой собственности». Прося Буларина перепечатать эти стихи, Пушкинъ вскорѣ 4 февраля писалъ ему: «они были съ ошибками напечатана въ Ноларной Звѣздѣ, отчего въ нихъ и нѣтъ никакого смысла. Это въ моихъ бѣда не большая, но стихи не мои; Буларинъ исполнилъ просьбу; летія появилась въ его «Литературныхъ Листкахъ» 1824 г., февраль, № IV, стр. 134—135, съ примѣчаніемъ издателя: «Авторъ стиховъ прислалъ оные ко мнѣ для помѣщенія въ «Литературныхъ Листкахъ» по той причинѣ, что они были напечатана въ другомъ изданіи съ нѣкоторыми ошибками; стихи 26—28 здѣсь пропущены, хотя въ «Ноларной Звѣздѣ» они были сохранены. Забѣтъ, съ поэмми исправленіями, соответствующими тексту тетради гр. Карниста, летія была напечатана Пушкинымъ, безъ заглавія и поэтъ 1823 г., въ сборникѣ стиховъ 1826 г., стр. 19—20 и 1829 г., I, 173—175.

Эта пьеса — сказала П. В. Анненковъ — см. его изданіе сочин. П., II, 345—346 — принадлежить съ двумя слѣдующими здѣсь у Анненкова издѣлу. Неостатки рекъ поухудъ, и Пень, и въ лирическихъ пьесамъ Пушкина, выразившимъ сильно возбужденное состояніе души съ Анненковъ. Материала для биографіи П., 2 об. изд., стр. 88, причисляетъ «Простенькіи мнѣ дѣтъ, тѣмъ немотоисленнымъ, прощеньямъ» Пушкина, которая, наполненна буръ сердца, соиниши страсти и сильнаго драматическаго движенія. Какъ ни некоротко еще поэтъ Уралцы, увлеченнаго сердца въ несчастномъ своемъ направ-

вспени, но дѣсь, какъ и всегда у Пушкина, порывы его умѣряются требованиями искусства, и выражение его столь же изящно, какъ и выражение дѣлительности и традиционныхъ образовъ въ другихъ произведеніяхъ поэта. Бѣлинскій «Раздѣленіе поэзии на романъ и эпосъ» Сочин., изд. Венгеровъ, VI, 101—102) выдѣль въ этомъ стихотвореніи одно изъ лучшихъ, дѣлительнѣйшихъ созданій лирической музыки Пушкина, большая часть изъ безъ названія и означаетъ первыя строкомы: это свойство лирическихъ произведеній, содержание которыхъ неудобно для опредѣленія, какъ музыкальное ощущеніе. Та великая умѣренность въ выраженіи дѣлительнаго порыва страсти, которая такъ пѣвнула Ашпенкова, была Бѣлинскому (Сочин., I, с. 268) возможность причислить эту также къ антологическимъ произведеніямъ: «но дѣль можетъ вносить въ антологическую поэмю содержание совершенно новаго и, следовательно, чуждаго классическому міру, лишь бы только моль выразить его въ рельефномъ и замкнутомъ образѣ, однимъ полнѣйшимъ, какъ струя мрамора, стихомъ, съ этою печатью виртуозности, которая была принадлежностью только древняго рѣдья». Въ общемъ обзорѣ пушкинскаго творчества Бѣлинскій упоминаетъ «Простивши мнѣ...» въ числѣ чисто пушкинскихъ пѣсень, а въ этотъ разрядъ Бѣлинскій внеслъ лишь дѣлительнѣйшія вещи Пушкина: «власть стиха» — сказалъ онъ, — послушайте въ этотъ стихъ, въ этотъ оборотъ мысли, въ эту игру чувства, во всемъ найдете чистую поэзію, безукоризненное искусство, полное искусство....»

К. П. Зеневскій, первый собиратель свѣдѣній о жизни Пушкина въ Одессѣ, написавшій по показаніямъ одесскихъ старожиловъ, знававшихъ Пушкина въ 1823 г., известныя очерки «Евѣ Ризницѣ и Пушкинѣ» («Одесс. Вѣстн.», 1836 г.; «Русс. Вѣстн.», 1836 г., т. III, № 11, июль, в. 1, соевр. дѣтство, 203—209); «Отзывы о Пушкинѣ съ Юга Россіи», сборн. В. А. Яковлева, Од., 1887, стр. 137—138, въ которомъ разсказана исторія увлеченія Пушкина одесскою красавицей, писалъ: «первое стихотвореніе, въ которомъ, по нашему мнѣнію, Пушкинъ высказалъ свои отношенія къ Евѣ Ризницѣ, есть «Детля» 1823 года... Стихотвореніе это носитъ на себѣ самыя рѣзкія и очевидныя слѣды своего возникновенія изъ фактъности» — говоритъ Зеневскій и указываетъ эти слѣды въ пѣсень, оправдывая свои указанія собранными имъ свѣдѣніями о Ризницѣ. Въ концѣ сороковыхъ годовъ или въ началѣ пятидесятыхъ братъ поэта, замѣтнымъ жившій тогда въ Одессѣ, писалъ въ спонсѣ воспоминавшій о немъ, что поэтъ, получившій любовь овладалъ сильнѣе его душою. Она предстала ему со всею заманчивостью шитрия, соперничества и кокетства. Она давала ему минуты восторга и отчаянія. Однажды, въ обществѣ ревности, онъ пробавилъ пять верствъ съ обнаженной головой подъ палачимъ «создаемъ по 35 традусамъ жару» см. Л. П. Машковъ, «Пушкинъ», 9. Левъ Пушкинъ, конечно, разсказывать о любви къ Ризницѣ, потому что ни шитрия, ни кокетства не было въ другомъ одесскомъ, чистомъ и возмужномъ увлеченіи Пушкина см. влнщ. П. въ Одессѣ примѣч. № 371. Единственнымъ издѣвателемъ, усомнившимся въ возможности относить дѣлню 1823 г. къ Ризницѣ — П. О. Морозовъ по его мнѣнію Сочин. П., изд. Провѣдн., I, 651—652, дѣлня потому не можетъ относиться къ ней, что

дѣль говорится о матери той особы, къ которой обращено стихотвореніе, а Ризницѣ жила въ Одессѣ не съ матерью, а съ мужемъ». Между тѣмъ, по украинскому показанію Зеленецкаго, мать Евѣ Ризницѣ въ первые шесть мѣсяцевъ жила съ нею, а привезъ Ризницѣ свою молодую жену, вывѣтъ съ ее матерью, въ Одессу весною 1823 г.

Нашъ издѣль на біографическое значеніе дѣлня мы высказали въ статьѣ о жизни Пушкина въ Одессѣ влнщ. стр. 278—279; во всякомъ случаѣ, повторяемъ, дѣлня есть возможность сущности о любви Пушкина къ красавицѣ, но не объ отношеніи ея къ нему. Судя по тону пѣсень, по робкимъ и первичнѣйшимъ, молящимъ ланоминанціямъ: ты мнѣ вѣрна... я люблюмъ... нае шитъ го мною ты такъ пѣвнула... любилъ твою... слова твою любви... онъ самъ не былъ увѣренъ въ любви этой женщины, которая хотѣла для всѣхъ казаться милою... Идно только одно: что онъ любить и страдалъ. Амаля Ризницѣ уже не было въ живыхъ, когда Пушкинъ писалъ въ шестой главѣ «Оублнша» о германіяхъ ревности и, думая о своей одесской любви, о своемъ жестокомъ другѣ, выдѣль въ воспоминашіи ея мучительную тѣнь:

Да, да, пѣль ревности припадки—
Большая, такъ точно, какъ чума,
Какъ черная сплннь, какъ лихорадка,
Какъ похореніе ума...
Мучительнѣй пѣль въ мнѣ казнь
Ея германіи роковыхъ...
Я не хочу вустой уморон
Могла возмущать покой;
Тебя ужъ шитъ,—о ты, которой
Я въ бурямъ жизни молодой
Обязанъ опытомъ ужаснымъ.
И рай мноюмъ сластоустраннымъ.
Какъ учать слабое шитъ,
Ты, дуну шквную муть,
Учила горести глубокой;
Ты шитой водновала кровь,
Ты восплавила въ пей любовь.
И пламя ревности жестокой.
Но онъ прошелъ, сей тяжкій день;
Пошн, мучительная тѣнь!

Цикль Ризницѣ въ творествѣ Пушкина — говоритъ П. Е. Щеголевъ. Амаля Ризницѣ въ поэмю Пушкина — Вѣстн. Евр., 1904, январь, 327, — обнимаетъ дѣлню 1823 г. («Простивши ли мнѣ ревнивая мечты...» дѣлню 1825 года. Подъ небомъ голубымъ...» и XV—XVI строфы шестой главы «Оублнша», оставшіся въ рукописяхъ). Осторожнѣй авторъ этого интереснаго издѣдованія старался избѣгнуть весьма возможной въ данномъ случаѣ ошибки и, строго издѣдовывая вопросъ, ограничилъ ризницескій циклъ тремя пѣснями. Краткій списокъ г. Щеголева дѣлствительно нельзя уменьшить, но, намъ думается, къ нему слѣдуетъ прибавить дѣлню «Для береговъ огнилы тальной». Вопросъ, какіе стихи Пушкина относятся къ Ризницѣ, очень запутанъ, и разные издѣлователи рѣшаютъ его каждый по своему. Въ примѣчаніяхъ къ дѣлнш «Для береговъ огнилы тальной...» мы вернемся къ нему.

373. НОЧЬ.

т. II, стр. 206.

Автографы находятся в тетради московского Румянцеваго музея № 2367 л. 23, без даты, впа и сь помѣтой передъ началомъ пьесы: 26 окт. 1823. Одесса, и вь рукописи графа Кавшета, сь датнымъ датавіемъ: А. П. Машковъ. Автографы Пушкина, принадлежащіе гр. П. П. Кавшету, Сиб., 1896, стр. 3. Пушкинъ напечаталъ пьесу вь своихъ сборникахъ стиховъ, изд. 1826 г., стр. 131, и 1829 г., т. 282. Текстъ вь рукописяхъ и вь прижизненныхъ изданияхъ одинаковъ.

Вь изданіи 1826 г. пьеса была напечатана вь отдѣлѣ Поэзіи гревниимъ. Блашскіи, разсуждая вь своей статьѣ по поводу Римскихъ элегии Гете объ антологическомъ поэзи и говори о пушкинскомъ антологіи, упоминалъ: *Ночь* вь числѣ антологическихъ стихотвореній, отличительные признаки которыхъ— простота и снщество мысли, способной выразити вь небольшомъ объемѣ, простота и возвышенность вь тонѣ, пластичность и грація вь формѣ. Тутъ объективно, вь краткой рѣчи, воплощено и вьскачанномъ оборотѣ, вь простыхъ и нежноосложненныхъ образахъ, свазывается одно изъ тѣхъ ощущеній сердца, одна изъ тѣхъ картинъ жизни, для которыхъ нѣтъ слова на всеиномъ языкѣ человеческомъ, и которая находитъ свое выраженіе только на языкѣ поэзи вь поэзи. Сочин. Бѣд., изд. Венгрова, VI, 266. Вь своемъ обзорѣ пушкинскихъ поэзи Блашскіи слова вспоминаетъ о *Ночи*, перечисляя антологическія стихотворенія Пушкина.

Шакость и грація этой пьесы, не разь привлекали къ ней вниманіе композиторовъ. С. К. Будильъ П. и русская музыка—Памяти П., сборн. стат. проноги, и слушат. и.—фил. фак. СПбургск. Унив., Сиб., 1900, стр. 87—88, насчитываетъ шесть романсовъ на тему *Ночи*. Ношата пруренитъ ее къ той или иной особѣ произвольна, и С. Юсаковъ *Любовь и счастье вь произведеніяхъ П.*, Од., 1895, стр. 34, а за нимъ В. Синовскіи *Пушкинъ, жизнь и творчество*, Сиб., 1907, стр. 201, свазываютъ ее съ Ризничъ безъ всякихъ основаній къ этому. Глубокая субъективность дирекки Пушкина все же не даетъ права поговаривать какое нибудь историческое изданіе его сердца какъ отраженіе определенно-реального факта.

374. СВОБОДЫ СЛІЯТЕЛЬ НУСТЫННННН...

т. II, стр. 207.

Черновые наброски пьесы находятся вь тетрадахъ московскаго Румянцеваго музея № 2366 л. 41, 2367 л. № 25 об.) и № 2369 л. 25. Четвертый и пятый автографы находятся вь черновомъ шкамѣ Пушкина къ А. П. Гургану 1 декабря 1823 г., принадлежащемъ Имп. Александр. Лицею (Соч. П., ред. Ефремова, изд. Суворина VIII, 198, и вь бѣловикѣ этого шкама, принадлежащемъ П. Я. Даншкору синожкомъ вь Петерб., Вѣстн., 1899, май; отд. отд.). Автографы рукописи А. С. Пушкина, Сиб., 1899, стр. 5, 16—17; вь этой редакціи мы ее воспроизводимъ. Впервые стихи были напечатаны вь Герденевомъ Подареніи, изданъ

на 1836 г., кв. II, стр. 116, и переизданы вь Русской Библиотекѣ 1858 г., т. 33, а даткомъ вь изданіи Русского П. В. Гербелемъ беринскимъ томикѣ апрельскихъ стихотвореній Пушкина 1861 г., стр. 51, 224. Вь России они впервые появились вь шкамѣ къ А. П. Гургану, помѣщенномъ вь Русс. Арх., 1866 г., 655—656, а вь собраніи сочиненія Пушкина стали известны сь 1880 г. Рядомъ съ первоначальнымъ черновкомъ приложи вь 2366 вь тетради на той же страницѣ, находится черновое стихотвореніе, свазанное сь пьесой снщественно мысли— впервые напечатана вь Русс. Стар., 1884 г., май, 347.

Увидѣлъ вьхъ надменныхъ, иль вьхъ.

Глушцовъ, всегда къ дѣлству бѣдъ вьхъ...

Преть болашии вьхъ тошотъ

Ничто [и] оныя вьхъ вьхъ...

Напрасно...

Соказава о своемъ неаппетитѣ либеральномъ бредѣ, Пушкинъ писалъ Гургану: я заказалъ и написалъ на тѣхъ поираженіе басы умфренпато Демократа Ч. Х. вь лице свателъ свателъ свенна свои. Вь черновикѣ шкама поль, говоритъ о своемъ настроеніи поиребѣ: на тѣхъ я заказалъ, смотри и на дѣлѣ Эфронъ, и докрути себя, образился къ свателъскому нещотнику, прописалъ сѣо притму въ поираженіе басы вьхъ вьхъ вьхъ. Что настроеніе это было неимодетнымъ, объ этомъ свидѣельствуютъ прежде всего три первые наброска прити вь трехъ разныхъ тетрахъ. Вь политическихъ подрѣвахъ Пушкина вь то время прощаніи переломъ. Онъ уже надушался рѣчей Демона, который невѣрилъ свободѣ и открывалъ поду жизни бѣтанъ каать. Первые наброски прити вь 2366-ая тетр., находится рядомъ съ черновкомъ Демона. Вь 1821 г., еще на тѣхъ, кровавонъшии притастился, онъ писалъ В. А. Давытову № 265: Пароны динныи хотѣли, и доно вьхъ время не древетъ, Ужель надежна думъ нечелъ. По—вѣтъ мы свателъкъ наладимъ... Косность Европы, успокоившеса на доиѣ рѣзакіи (см. № 376), шуншла поду чувство предрѣвня къ паронамъ, догопшныи своей участіи, и оиъ разодралса вь томъ, во что дѣтано вѣрлѣи оставшесъ демократомъ, свдѣдаса умфренпаты. Оиъ дѣлѣхъ стиховъ вѣтъ хотѣтомъ глубокаго скепцизма. Но вь отшаково предрасть и длуныхъ оиць, покорно даошыхъ бить себя и стричи, и усерно стричушыхъ вьхъ нащирей. Это стихотвореніе ярко и точно опредѣляетъ отшаиѣ отношеніе Пушкина къ политикѣ: прежній политический романтизмъ окончательно оставленъ имъ. Рѣшительно и прямо вступается онъ на поишъ нушъ. Было бы крайне ошибочно, свдѣдаса Б. В. Шакоискии, Поесть и читателъ вь лирикѣ Пушкина, Сиб., 1899, стр. 44,—какъ много, видѣвъ вь этой жедной пьесѣ отреченіе отъ свободы. Ничуть не бывало. Ни отъ свободы декларированнаго переломъ, ни отъ свободной свободы Пушкинъ ниоткуда не послаблѣно своего духана, не отрелателъ, но мысль о трибунальѣ отъ дѣлствително вѣтъ вьхъ. Разочарованныи трибуни, вьррогастѣ вь му прѣо, вьнутренне-свотышато гравлѣшана.

375. ПРОКЛЯТЫЙ ГОРОДЪ КИШИНЕВЪ...

т. II, стр. 207.

Этими стихами, изъ которыхъ первый вошелъ въ поговорку, начинается черновое письмо Пушкина къ Ф. Ф. Вигелю, находящееся въ 2369-ой тетради московскаго Румянцеваго музея (д. 23—24). Впервые они были напечатаны въ «Русс. Архивъ» 1863 г., ст. 384, съ замечаніемъ, что были записаны не совсемъ вѣрно, что преданіямъ кишиневскихъ жителей; дополнение къ нимъ явилось въ «Русс. Арх.» 1876 г., III, 234; затѣмъ стихи появились, съ музейной рукописью, въ «Русс. Стар.» 1884 г., нояб., 358—359, и въ академическомъ изданіи переписки Пушкина, редактируемомъ В. П. Сантовымъ (I, 80—81). Въ хранящихся въ библиотекѣ академіи наукъ майковской коллекціи бумагъ П. В. Анненкова находится копія этихъ стиховъ П. и его современника IV, 37, № 5, но Анненковъ, по цензурнымъ условіямъ, ихъ не напечаталъ.

Письмо, начинающееся этими стихами, относится къ октябрю или ноябрю 1823 г. Съ Ф. Ф. Вигелемъ Пушкинъ былъ знакомъ еще въ Петербургѣ: въ концѣ поля 1823 г. они встрѣтились въ Одессѣ («Записки» Вигеля VI, 97). Съ половиною сентября до Рождества 1823 г. Вигель жилъ въ Кишиневѣ (ibid., 103, 119; письмо Пушкина къ кн. П. А. Вяземскому 14 октября 1823 г.). Кишиневъ ему очень не понравился, и онъ, вѣроятно, ждался Пушкину въ подошвомъ до насъ письмѣ, на которое поэтъ и отвѣчалъ стихами, причемъ писалъ: «это—стихи, слѣдственно, шутка—не сердитесь и усмѣхнитесь. Вы скучаете въ вертепѣ, гдѣ скучалъ [я] три года». Вигель звалъ Пушкина въ Кишиневъ; добрый Цызовъ желалъ видѣть своего бывшаго подчиненнаго. «Я писалъ къ Пушкину» говоритъ Вигель (ibid., 152),— что непростительно ему будетъ, если онъ не пріѣдетъ погостить старика, умолялъ его именемъ всѣхъ женщинъ, которыхъ любилъ онъ въ Кишиневѣ, навѣстить насъ. П. онъ въ половинѣ марта [1824 г.] пріѣхалъ недѣлю на двѣ, остановился у Алексѣева и многихъ, разумеется въ томъ числѣ и меня, обрадовалъ своимъ пріѣздомъ». Должно быть, объ этомъ-то пріѣздѣ и писалъ Пушкинъ: «лишь только будетъ мнѣ досугъ, прощусь съ Одессою, явлюсь... Вигель, вѣроятно, эти стихи хотѣлъ послать своему старому другу А. П. Тургеневу, который 29 ноября писалъ кн. П. А. Вяземскому: «я получаю отъ Вигеля прѣмлюе письмо о Пушкинѣ и стихи его, изъ коихъ двѣ послѣ тебя послано, третью...» («Остаф. Архивъ» II, 368; надо думать, что эти стихи, которыхъ Тургеневъ не рѣшился послать по почтѣ, и были—Проклятый городъ Кишиневъ...

Филиппъ Филиппъ Вигель 12 ноября 1786 г. — 20 марта 1856 г., начавшій службу съ А. П. Тургеневымъ службу въ архивѣ министерства иностранныхъ дѣлъ, служившій по администраціи въ Новороссіи, гдѣ былъ бессарабскимъ областнымъ вице-губернаторомъ и потомъ керченскимъ градоначальникомъ, а впоследствии занимавшій постъ инспектора департамента духовныхъ дѣлъ иностранныхъ исповѣданій, оставилъ явные мемуары. Путь вѣрно оцѣнилъ князь П. А. Вяземскій—какъ «любопытное и трагическое приобращеніе для нашей народной и общественной литературы: онъ писалъ умно и мѣстами довольно

художественно...—но «слѣдуетъ говорить имъ съ большою осторожностью... Ничего имъ не прощено, не издѣвано критически... Ужестъ понятій, малое чинопочитаніе, доводившее самолюбіе его до малодушія, замечали свѣтлый умъ его. Способный любить и уважать достойныхъ людей, онъ былъ злопамятенъ въ бездѣлицахъ и за бездѣлицы... Все это отражается въ запискахъ его и лишаетъ ихъ того зрѣлаго и внушающаго довѣренности характера, который составляетъ прямое и главное достоинство историческихъ и личныхъ записокъ» («Русс. Арх.» 1866 г., 219—220). Забѣты въ нихъ П. П. Антраци написалъ «Замѣчанія на воспоминанія Ф. Ф. Вигеля» (М., 1873). Вигель въ политикѣ былъ узкій реакціонеръ; когда, въ 1836 г., появилось извѣстное «Философическое письмо Чаадаева, Вигель, какъ вѣрный сынъ отечества и православной церкви, исполнилъ съ злобнымъ гонимомъ на Чаадаева («Русс. Стар.» 1870 г., I, 164, Гоголевскаго Ревизора» онъ разбранилъ за «наглость и цинизмъ» («Русс. Стар.» 1902 г., № 7, 101). Въ тридцатыхъ годахъ, бросивъ «либеральный брегъ», Пушкинъ сблизился съ Вигелемъ, Ср. П. А. Шлякинъ, «Изъ неизданныхъ бумагъ А. С. Пушкина», Спб., 1903, стр. 146—149, 280—283, 293—294; В. П. Сантова, прим. къ «Остафьеву. Архиву», III, 622—623; М. П. Лонгинова въ «Соврем. Извѣстия» 1863 г., № 46.

«Пестрый домъ Варволомея», явивъ не существующія П. Халипина, Города Кишиневъ временъ явлія въ немъ А. С. Пушкина», Кишиневъ, 1899, стр. 48, упоминается въ запискахъ Вигеля VI, 104, 105, 166; въ полудикомъ Кишиневѣ этотъ домъ, съ мебелью обитой атласомъ и бархатомъ, съ расшитыми стѣнами, считался образцомъ вкуса и роскоши. Хозяинъ его, молдаванскій бояринъ Егоръ Кирилловичъ Варволомей, членъ областного совѣта, давалъ балы и вечера, на которыхъ часто бывалъ Пушкинъ. Его привлекали гостеприимство хозяйки и красота херсонскаго куколки Пудльщицы, дочери Варволомея, къ которой Пушкинъ былъ одно время неравнодушенъ; ея имя онъ внесъ въ свой «молдаванскій списокъ» въ ушаковскомъ альбомѣ. О Варволомѣ см. статьи П. П. Бартенева и Антраци о пребываніи Пушкина въ южной Россіи («Русс. Арх.» 1866 г., 1125, 1158—1159; 1217, 1227, 1238, 1243—1244; 1253—1254; Антраци, «Замѣчанія на воспоминанія Вигеля», 1131; Записки Вигеля, VI, 140—143; бессарабскія воспоминанія А. Ф. Вельмана Л. П. Майкова, «Пушкинъ», 1899, стр. 124—124 и повѣсть Вельмана Два маіора Москвитянинъ 1848 г., № 1; П. Гербановскій, «Школько словъ о пребываніи Пушкина въ Кишиневѣ» В. Яковлевъ, «Отъѣзды о Пушкинѣ съ юга Россіи», Од., 1887, стр. 108—109). См. также примѣч. къ № 368.

Больше пространная характеристика Кишинева-Содома находится въ наброскахъ 1824 г. о кишиневскихъ домахъ (см. выше, № 289—295) и въ отрывкахъ «александринской» поэмы № 314—318; въ письмѣ къ Вяземскому 14 октября 1823 г.—Содомомъ Пушкинъ называетъ Кишиневъ. О «трехъ красавцахъ» говорится далѣе, въ томъ же письмѣ Пушкина къ Вигелю. Тамъ же можно найти объясненія послѣдняго стиха; также въ извѣстныхъ аниграммахъ С. А. Соболевскаго на Вигеля, въ «Замѣчаніяхъ» Антраци, стр. 193, въ одномъ письмѣ Пушкина къ жѣнѣ 21 октября 1833 года.

376. ПЕДВИЖНЫЙ СТРАЖЬ ДРЕМАТЬ...

т. II, стр. 208.

Черновой набросок первых двух строф находится на обороте 41 л. 2369-ой тетради московского Румановского музея, веденый за стихами XXXIX и XL строф второй главы «Евения Овигина», помеченный 8 декабря 1823 г. На первой странице листа находится черновик письма к кн. П. А. Вяземскому, написанного между 4 и 11 ноября 1823 г. На первой странице 42-го листа тетради записан один стих четвертой строфы: «Но вновь свободою Гитания кинута...». В академической библиотеке хранится автограф, на двух листах, уже переделанный, но с рядом новых поправок и передысок. Пушкин и его современники. IV, 3, № 14. На обороте хранится в той же коллекции черновое письмо Пушкина к А. П. Раевскому находится набросок, начинающийся словами: «По ты предвидишь...», приведенный автором описания коллекции *ibid.* 33, № 2 в связи с повестью Педвижный стражъ дремать... Повесть долго не могла быть напечатана цѣликомъ. Часть ея, отъ словъ: «И шкѣли тухъ...» до конца, съ пропусками внутри, была напечатана въ «Современникѣ» 1857 г., № II. Библиографическія записки М. П. Ломоносова, стр. 45—46, откуда ее перепечаталъ Ашениковъ въ VII, дополнителномъ томѣ своего изданія сочиненій П., стр. 108—109, и Г. П. Геница изд. 1839 г. I, 255—256. Цѣликомъ стихъ появился въ «Полярной Звѣздѣ» на 1839 г., кн. V, стр. 21—22, въ изданіи Русскимъ П. В. Гербедеу въ бердичевскомъ томѣ запрещенныхъ стихотвореній Пушкина, 1861 г., стр. 22—23, 149—150, въ Русск. Архивѣ 1876 г., III, 232—234, и наконецъ, вошли въ первое ефремовское изданіе 1880 г., I, 442—444. Ср. въ исторіи текста.

Ашениковъ приносилъ стихамъ такое замѣчаніе: отрывокъ этотъ написанъ, по нашему мнѣнію, на югѣ Россіи, около 1821, вѣроятно послѣ извѣстія о смерти Наполеона и усмиреніи итальянскихъ волненій. Поэтъ вызываетъ гнѣвъ Наполеона и, кажется, намѣревается влѣзть въ уста ея трагическую и поучительную рѣчь. П. П. Баргачевъ П. въ южной Россіи — Русск. Арх., 1866 г., 1153, 1171, соглашаясь съ Ашениковымъ, что стихотвореніе написано несомнѣнно въ 1821 г., и вызвано извѣстіемъ о смерти великаго человека. М. П. Ломоносовъ въ своихъ замѣчаніяхъ на статью Баргачева говоритъ *ibid.*, 1750: меня всегда удивляло, какимъ образомъ стихотвореніе могло быть относимо къ 1821 году. Въ немъ говорится о волненіи революціонныхъ движеній и поютель не только въ Италіи и Германіи — тогда еще можно бы допустить такое покаяніе, но и въ Испаніи, гдѣ революція была побѣждена лишь въ концѣ 1823 года, при помощи французскихъ войскъ. Я убѣжденъ, что означенное стихотвореніе написано Пушкинымъ въ 1824, а можетъ быть даже и въ 1825 г. Судя также по черновику, повесть должна быть датирована декабремъ 1824 г.

Этотъ годъ былъ временемъ гнѣбнаго торжества всеевропейской реакціи. Александръ I, въ 1818 г. провозгласивъ въ Варшавѣ правительственную конституціонную рѣчь, въ 1820 г. закрылъ сенатъ и заявивъ, что польская національность пошлѣна; въ Швейцаріи революція была давлена, и Европу облетѣло крылатое слово Меттерниха:

Италія только географическое названіе. Въ Германіи несмѣханныя теменія обрушились на печать и науку, были закрываемы газеты и университеты. Послѣ конгрессовъ въ Лайбахѣ 1821 г., и Веронѣ 1822 Австрія кала на себя обязанность искоренить оруженіе въ Италіи, доклина ученія и преступнаго сообщества, и Россія общадала въ случаѣ необходимости прислать ей на подому свои войска. Въ Испаніи возстаніе Риго см. ниже, примѣч. № 402 окончилось тоже бѣлымъ терроромъ и казнями вождя подстанія, Священнаго Союза не оставившаго ни перья чѣмъ и на время достигъ своей цѣли. Россія уже вступала на поприще международнаго жандарма. Въ самой Россіи все спарула казатою споконно, только гдѣ-то несладно надбавило невольство, разрывившееся врывомъ 14 декабря 1825 года.

Императоръ Александръ много нанесъ намъ бѣдствія: писалъ Николаю Павловичу изъ Петровпавловской крѣпости энтузіастъ П. Е. Каховскій, вѣкорѣ повѣщенный: — не имъ ли раздуты въ сердцахъ нашихъ свѣтоу свободы, и не имъ ли она была послѣ такъ жестоко давлена не только въ отечествѣ, но и во всей Европѣ? Онъ помолъ Фердинанду задавить законнаго права народа Испаніи и не притѣлять да, гнѣвъ причиненнаго вѣмъ тронамъ. Съ тѣхъ поръ Европа въ одинъ толосъ воскликнула: гнѣвъ договора съ царями... Въ вошу съ Наполеономъ что царя не общали, и кто же изъ нихъ что исполнять?... Писемъ Каховскаго, напечатанное въ Вильдомѣ 1906 г., № 4, стр. 148—152 — поразительно арка филиппика противъ тогдашней русской политики, яющая выветъ съ гнѣмъ вѣрною картиню кроваваго замѣренія Европы. Но то, что только раздало пламенную, терзновенную натуру природженнаго революціонера Каховскаго, и идеаломъ котораго были Бруль и Зантъ, совѣмъ иначе поубѣствовало на Пушкина. Онъ охладѣлъ и разочаровался и, труппно смотря на дапать Европы и вокругъ себя, преталелъ политическому светничеству, оставилъ навсегда прежній либеральный бредъ и адвизательно рѣшился: «Наситесь, мирные народы! Къ чему ставимъ црды свобода?» См. примѣч. № 374.

П. А. Колларевскій Литературныя направленія Александровскій эпохи, Спб., 1907 г., стр. 87 готовъ видѣть въ отрывкѣ Педвижный стражъ... ту же идею, что въ Наполеонѣ, 1821 г. То же тумалъ и П. П. Баргачевъ Русск. Арх., 1866 г., 1153: и идею о невозможности послѣ Наполеона всемірнаго владычества, Пушкинъ тумалъ развить въ особомъ стихотвореніи, которое не кончено имъ... Наполеонъ, сопоставленъ съ императоромъ Александромъ и, какъ можно извѣрно догадываться, долженъ былъ перелать ему завѣщаніе о свободѣ мира... Александръ, упоенный своимъ могуществомъ, — самодержавный владыка, не знающій границъ своей воли. Это слова о народахъ, которые свергли Великаго Кумирь, чтобы цѣловать жеждъ самодержца и податъ у его казѣнныхъ стоицъ подомъ гнѣбни и презрѣнія, — но на него вѣтъ, мелочнншимъ хлатомъ, когда поавняется традиція при ракъ, не дамбаемнн стражен, и преталелъ предъ нимъ — словно молчаливое напоминаніе о бурѣ, готовой подстаню пошлѣть изъ глубины народныхъ. Пушкинъ не кончить повесть и, быть можетъ, вывотъ изъ гонѣдальной антистелы ему самому не было вѣсны. Онъ извѣтъ сѣбладъ бѣзъ тотъ или иной вывотъ, но не мотъ его стихамъ степен-

тишь. Онъ не осуждаетъ Владыку Сивера, но не видно, чтобы онъ отдалъ свое сочувствіе «хладному кровинощѣ», смиренному «матеежко вольницу». Отрывокъ поражаетъ величавымъ, суровымъ бездвѣстіемъ, и напрашивается мысль, не хотѣлъ ли Пушкинъ сказать, что на волюю силу, посягающую на «права природы», падетея своя гора... Эта морально-философская строгая трезвость не мѣшала ему преклоняться передъ величіемъ героя, черты котораго набросаны такъ торжественно, рѣзко и отчетливо.

«Права природы» — отголосокъ ученія о естественномъ правѣ, первое понятіе которымъ далъ Пушкину лекціи А. П. Кушницянъ въ лицей.

Стіхъ: «Сей царь, несезувившій какъ сонъ, какъ тѣнь зарю» — напоминаетъ стіхъ изъ «Воспоминаній въ Царскомъ Селѣ»: «Исчезъ, какъ утро въ странной сонъ». Въ Герояхъ, 1830 г., Наполеонъ названъ: «приндець сей брашны, предъ кѣмъ смирялся царь, сей ратникъ, вольностью вѣнчанный, исчезнувшій какъ тѣнь зарю». Въ этой же пьесѣ говорится, что Наполеонъ былъ «мучимъ кадию покоемъ» — стіхъ, напоминающій конецъ 8-й строфы разбираемыхъ стіховъ.

Въ 2370-ой музейной тетради (д.д. 6 об.—7, среди записей 1824 г. находится набросокъ стіховъ о Наполеонѣ, разработанный который пробоваи В. Е. Якушинъ («Русс. Стар.» 1884 г., июль, 3, Н. О. Морозовъ (изд. литерат. фонда, I, 234—235; «Просвѣдъ», I, 611), А. П. Майковъ «Матеріалы для академ. изд. сочин. П., 119:

Зачѣмъ ты посланъ былъ, и кто тебя послалъ?

Что — добралась — ты чудный былъ свершитель
Земли чудесный побѣдитель?

.....
Видали книжники, тревожились цари,

Разоблаченные чувства алтари,
Свободы буря подымалась

И вдругъ награна,ла,
Свободы тѣнь ушла въ прахъ,
Разбѣлись ветви скрежатали...
Ишлся мужъ земныхъ судьбы...

По тону эти стіхи — въ несомнѣнной связи съ отрывкомъ «Недвижный стражъ»... Морозовъ, Майковъ и Ефремовъ связываютъ ихъ съ одой Наполеонъ» 1821 г., къ которой они, однако, не могутъ быть отнесены по положенію въ рукописи и по бросающейся въ глаза близости ихъ къ отрывку «Недвижный стражъ»... Ср. въ исторіи текста.

377. ТЕЛѢГА ЖИЗНИ.

г. II, стр. 209.

Подлинникъ пьесы дошелъ до насъ въ письмѣ Пушкина къ кн. П. А. Вяземскому отъ 20 ноября 1824 г. Она, повидимому, сначала не предназначалась для печати, и сообщаяе Вяземскому, авторъ писалъ: «можно напечатать, пропустивъ русскій титулъ» въ восьмомъ стіхѣ. Составляя планъ сборника 1826 г., онъ спрашивалъ: «Телѣгу жизни напечатать ли?» (А. П. Майковъ, «Автографы Пушкина, принадлежащіе графу П. П. Кашинету», Сиб., 1896, стр. 5). Несмотря на эти колебанія, пьеса появилась сначала

въ «Московск. Телеграфѣ» 1825 г., ч. V, № 1, стр. 49, а затѣмъ въ обонхъ сборникахъ стихотвореній Пушкина—1826 г., стр. 90, и 1829 г., I, 180—181, въ числѣ произведеній 1823 г. (см. также пестневскій списокъ пьесъ, вошедшихъ въ изданіе 1826 г.—Перевиска П., академич. изд., I, 294). Но послѣднему приближенному изданію и напечатана пьеса въ настоящемъ изданіи. Въ «Московскій Телеграфѣ» она была отдана, вѣроятно, Вяземскимъ, котораго Пушкинъ, въ письмѣ 25 января 1825 г. спрашивалъ: «Прочелъ я въ Швабидѣ объявленіе о Телеграфѣ. Что тамъ моего? Море или телега?»

Вяземскій причислялъ «Телѣгу жизни» къ «переходнымъ» пьесамъ Пушкина; лучшими изъ нихъ онъ считалъ стѣ, въ которыхъ болѣе или мене проглядываетъ чувство грусти. «Телѣга жизни — именно такого. А. П. Полубиновъ отмѣтилъ простоту избранной поэмою аллегоріи и народнаго языка. . . . Избранная Пушкинымъ форма какъ нельзя лучше соответствуетъ безстрастному взгляду, брошенному здѣсь поэтомъ на предметъ, служащій темою стихотворенія. Намѣренная грубость аллегоріи сообщаетъ стихотворенію характеръ глубокой ироніи, обнажающей жизнь отъ всякой иллюзіи; такая иронія не чужда русскому народному воззрѣнію. А. П. Пестелеву («И. въ его поэзіи», изд. 1882 г., стр. 158) здѣсь послышалась скептическая пога; «насмѣливо-отрицательно и оттого даже цинически относится поэтъ къ земному существованію человѣка». Въ ряду другихъ тогдашнихъ стихотвореній «Телѣга жизни» звучитъ далеко не случайнымъ мотивомъ; въ ней отразилось тогдашнее настроеніе поэта, уже склоннаго скептически смотрѣть на жизнь — какъ на дорогу, которая становится съ каждымъ шагомъ все скучибе и скучибе. Такія пьесы, какъ «Недвижный стражъ дремалъ»... и «Свободы сѣтель пустынный»... говорятъ намъ о пушкинскомъ скептицизмѣ въ политикѣ; «Демонъ» въ сильной и яркой степени отражаетъ скептицизмъ общаго міроотношенія Пушкина въ то время, и мене сильно, но зато спокойибе и проще выразился этотъ взглядъ въ «Телѣгѣ жизни».

Глубокій сдѣтъ «Телѣга жизни» оставила и въ русской поэзіи. Баратынскій, которому не стать занимать было мотивовъ грусти и разочарованности, написалъ подражаніе ей — «Прогонъ жизни». Подражалъ и Полонскій («Въ телѣгѣ жизни»).

378. Кн. М. А. ГОЛЫЦЫНОЙ.

г. II, стр. 209.

Черновикъ этой пьесы, оладавленный «Къ М. А. Г.», находится въ 2369-ой тетради московскаго Румянцеваго музея д. 44 обор. Впервые она была напечатана въ изданіи В. П. Олшнмъ «Карманной книжкѣ для любителей русской старины и словесности» на 1830 г., стр. 30—31, подъ заглавіемъ: «Книжнѣ Голицыной, урожденной Суворовой», и съ поэмтой: 1823. Одесса. Пушкинъ не далъ ей мѣста въ своихъ сборникахъ стіховъ, вошедшихъ въ 1826 и 1829 гг., и она вошла въ посмертное изданіе (IX, 156), подъ заглавіемъ: «М. А. Г.». Въ посмертномъ изданіи въ 9-мъ стіхѣ вмѣсто «тайной муки», было, какъ въ музейной рукописи, «хладной скуки». П. В. Анненкову «Матеріалы для біографіи П.», 2-ое изд., 144—145 были извѣстны пушкинскій списокъ стихотвореній, гдѣ упоминалась эта пьеса.

Е. П. Гешаги в своем издании 1839 г. (I, 281; прилож., 55) относит стихи к князине Е. А. Голицыной, рожденной свбл. князине Салтыковой, бывшей в первом браке за кн. В. С. Голицыным, а во втором за кн. А. А. Суворовым; слыш ея, кн. П. П. Голицынк, указать «Русс. Стар.» 1878 г., декабрь, 779, что стихи относятся не к его матери. Конечно здесь панорамает послѣднія слова посвященных кн. М. А. Голицыной въ 1821 г. стиховъ «Умолкну скоро я... см. выше, № 275»: «онъ мнѣ былъ одолженъ и пѣсенъ, и любви послѣднимъ вдохновеньемъ... М. О. Гершензонъ («Свершая любовь А. С. Пушкина — Вѣсти Евр.» 1908, январь, 292, истолковывающей, какъ мы говорили выше, прим. №№ 272, 275, 276), связавшее съ именемъ Голицыной стихи какъ точную исторію ея отношеній къ поэту, говорить объ этомъ стихотвореніи: оно написано чрезъ два года послѣ первыхъ пѣсенъ. Чувство Пушкина уже остыло. Онъ вспоминаетъ тотъ давній, памятный ему случай, когда онъ узналъ, что его стихи ее очаровали: теперь слышишь пѣвца другое—объ этомъ второмъ случаѣ Пушкинъ говоритъ неясно. Возможно, что она чрезъ сестру Башмакову, съ которой Пушкинъ верѣялся у Воронцовыхъ, прислала ему какіе-нибудь свои, вѣроятно французскіе, стихи въ отвѣтъ на его поэтическія пѣсені: вновь дѣрѣ следъ и тайной муки она съ участіемъ видала и пѣнь ей передала свои пѣвительныя звуки». Это послѣднее стихотвореніе онъ, конечно, чрезъ Башмакову, передалъ Голицыной. По крайней мѣрѣ, въ 1825 году, готовя планіе своихъ стихотвореній, онъ поручаетъ брату взять эту пѣсену у Голицыной. Удивительно, что, признавая «ясность» пѣсенъ, Г. Гершензонъ думаетъ, что Голицына прислала Пушкину свои стихи, и поэтому-то французскіе... Перелать дѣрѣ Пушкина «свои пѣвительныя звуки» она могла и иначе—своими стихами Пушкина, сказавъ имъ извѣстны «такъ мило его повтореній»)». Почему думать, что Пушкинъ передалъ ей свое стихотвореніе? Къ тому же въ 1825 г. онъ поручаетъ брату взять у Голицыной не эту пѣсену, а другую—«Умолкну скоро я...», дѣйствительно вошедшую въ сборникъ 1826 г. Мысль Г. Гершензона о романѣ Пушкина и Голицыной далеко не нова. Ее высказывали еще А. П. Недедцовъ (П. въ его поэзіи, Сиб., 1882, стр. 151—152), по мнѣнію котораго чувство Пушкина къ ней удержало его въ Одессѣ отъ побѣга изъ Россіи: «могучей страстью очарованъ у береговъ остался я... Разбираемая пѣсенъ показала къ критику сдѣлательной, и онъ пытался разрѣшить загадку, такъ же, какъ и Г. Гершензонъ, видя въ этихъ стихахъ выраженіе любви поэта къ Голицыной: «серьезность тона всего произведенія, сдержаннаго, но тѣлко не холоднаго, пока извѣстны, что слова: въ горюсти моея я мыслить буду... и т. д., сказаны не на вѣтеръ, не въ видъ простой любезности, мадригала. Но они не совсѣмъ понятны, потому что темно и, только быть, Пушкинъ стѣлалъ это съ намѣреннымъ выраженіемъ: вновь дѣрѣ следъ и т. д.»— гдѣ Недедцовъ приводитъ четверостишіе, показавшееся неяснымъ и Г. Гершензону. Къ Голицыной Недедцовъ (ibid., прим.) склоняетъ отнести и «Ночь», и «Ненастный день потухъ...» и даже находящій упоминаніе о ней въ черновомъ письмѣ Пуш-

кина, вѣроятно къ А. П. Раевскому (Черешка Н., изд. акад. наукъ, I, 79), стѣлговорится о какой-то М. С., которую Недедцовъ считаетъ М. Суворовой, думая, что она тогда уже болѣе трехъ дѣтъ зналась по фамиліи мужа Голицыной. Конечно, Недедцовъ гораздо болѣе правъ, чѣмъ М. О. Гершензонъ, желающій, во что бы то ни стало, видѣть въ Голицыной «первую» любовь Пушкина, предметъ самаго вѣрнаго и прекраснаго увлеченія поэта, предметъ, дѣлательнымъ, можетъ быть, принадлежавшій болѣе мечтательному воображенію, чѣмъ реальной дѣйствительности. Въ данномомъ Пушкинымъ въ ушаковскомъ альбомѣ «дожуданскомъ спискѣ» поэта, гдѣ названы имена тѣхъ, кого онъ любилъ, упоминается Марія; вѣроятно, Пушкинъ дѣлѣе думалъ о Голицыной; но чѣмъ-то имя, несомнѣнно то, которое такъ ревниво скрывалъ отъ всего міала, въ этомъ спискѣ обозначено: X. X., Кн. Авдотью Голицыну, Аглаю Давытову, Пухерию Варволомю, Амалію Родичъ, Элизу Воронцову, Калисю Польшхонн, Софію Пушкину, Аграфену Загребскую въ спискѣ легко узнать. Не названо только имя X. X., а два раза въ отномъ спискѣ М. А. Голицына, конечно, упоминается не могла, и очевидно, не она была той таинственной страстью Пушкина, которую М. О. Гершензонъ влотноетъ съ сѣверомъ, между тѣмъ какъ самъ Пушкинъ опредѣленно и ясно указалъ, что любилъ эту особу въ Крыму, «гдѣ сдѣлательно шумитъ таверическія волна,—тамъ нѣкогда въ горахъ...» («Рѣветъ облаковъ дѣлущая гора...» и назвавъ ее «двон юною», чего онъ не могъ сказать о Голицыной, влѣдешен въ май 1820 г. замужъ. См. также примѣч. № 272.

Влѣдешен въ своемъ обзорѣ упоминалъ стихи М. А. Г. въ чредѣ лучшихъ пѣсенъ, вошедшихъ въ IX томъ посмертнаго изданія.

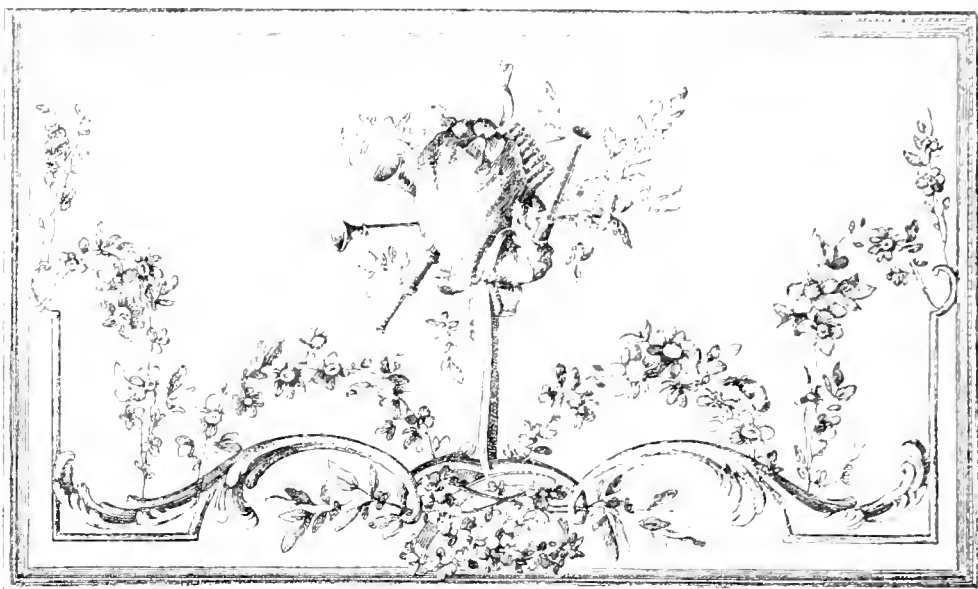
379. НАДЕЖДА НА ДНѢСЬ БНЗДЮ А. П. ГОЛИЦЫНУ.

т. II, стр. 209.

Съ неизвѣстнаго намъ оригинала князь П. П. Голицынк, братъ умершаго ребенка, напечаталъ эту пѣсенъ въ «Библиографіи дѣлскихъ» 1838 г., т. I, № 46, ст. 496. Зѣлскъ воспроизвелъ по изданію Гешаги (1839 г., I, 282), который напечатать ее въ томъ видѣ, какъ она была записана на памятникѣ въ Александрѣ-Невской Лаврѣ.

Князь Александръ Голицынк, слыш кн. Пнк Борисъ Голицына и князине Елены Александровны, рожденной свбл. князине Салтыковой, родился по показанію кн. П. П. Голицына въ «Библиографическихъ дѣлскихъ» I, с., въ Парижѣ 22 апрѣля 1822 г., а умеръ въ Петербургѣ 18 мая 1823. Принадлежность пѣсенъ Пушкину утверждается только показаніемъ князя П. П. Голицына. Въ Петербургскомъ Некрологѣ В. П. Солова М., 1883, сѣ пѣнь. Въ собраніяхъ княземъ П. П. Голицынымъ «Матеріалахъ для полнаго ролюсовнаго роста» князю Голицынахъ, коррект. изд. Киевъ, 1880 г., млатенецъ А. П. не упоминается, равно какъ и въ Ролюсовномъ спискѣ кн. Колорубова.

Томъ достать предѣлочно объема и потому примѣчанія къ стихотвореніямъ 1821—1828 и, и статьи о текстѣ, перекладаетъ въ слѣдующе томахъ.

Рисунки второго тома.

I.

Фотографии и хромофотографии.

12. Кавказский Илбишник. Пензенный рисунок Г. Кондратеичи	стр. 43
13. Письмо в Вичемь Олень. Акварель В. Васнецова	134
14. Бахчисарайский Фонтанъ. Картина К. Брюдова	194
15. Земфира. Пензенная акварель В. Суреньянда	243
16. Продаи свободная стихія. Картина Р. Бинца и А. Павловскаго	244
17. Сцена въ корчмѣ Борисъ Годуновъ. Картина Г. Мясоѣдова	332
18. Борисъ Годуновъ, (портретъ XVII в. изъ «Корня Великихъ Государей и великихъ князей российскихъ»)	338
19. Пушкинъ въ Михайловскомъ посѣщеніе Пушкина. Картина Ге	422
20. Книжница Зинаида Волконская. Съ миниатюры Isabeu, теперь принадлежащей П. Н. Дурново	434

II.

Автографии на отдельныхъ листахъ.

9. Пушкинъ въ 1820 г. Карандашный портретъ Ж. Верне	стр. 32
10. Черкешенка. Пензенный рисунокъ кн. Г. Г. Гагарина	48
11. Пушкинъ въ Крыму. Картина А. Павловскаго	96
12. Пушкинъ въ Бахчисараѣ. Картина В. Суреньянда	184
13. Графиня Елизавета Ксаверьевна Воронцова (Воронцовскій дворецъ въ Одессѣ)	273
14. Памятникъ Пушкину въ Одессѣ. Сооруженъ по проекту А. К. Васильева. Бюсть работы Ж. А. Нодонской (открытъ въ 1889 г.). Съ фотографіи 1907 г.	280
15. Шатобрианъ	433
16. Байронъ. Съ портрета Сандерса 1809 г.	449

III.

17. Не вполне достоверный портретъ молодого Пушкина. Историческій музей въ Москвѣ. Подпись—Генденъ 1821)	стр. 473
18. Пушкинъ въ началѣ 1820-хъ гг. Литографія Гиншуса (1823)	481
19. Анна Алексеевна Оленина, въ замужествѣ Антро. Пензенный портретъ, теперь принадлежащій дочери ея, А. Ф. Войто	490
20. Иванъ Ивановичъ Пушкинъ. Изъ акварельной группы, принадлежащей Т. Б. Сьмечкиной)	507

III.

Рисунки и автографы въ текстъ.

238. Графъ Ф. П. Толстой. Америванецъ.—Съ портрета Рейхеля 1817 г.	стр. 7
239. Графъ А. А. Аракчеевъ.—Съ гравированнаго портрета Уткина.	7
240. Храмъ Дианы въ Тавридѣ.—Рисунокъ-реконструкція А. Шмидта. А. Schmitz	9
241. Пушкинъ у Бахчисарайскаго фонтана.—Рисунокъ В. Суреньянда	11
242. Черная шаль. Любимая картина второй половины XIX в. Изъ пушкинской коллекціи П. Е. Ренбота	13
243. Кн. П. А. Вяземскій.—Съ гравюры 1820-хъ гг.	14
244. Рѣдъетъ облаковъ летучая града.—Рисунокъ П. Левитана.	15
245. «Колосъ двуглавыи». Эдльбрусъ съ Манукомъ. Съ фотогр. Ф. Г. Беренштама.	17
246. Изъ рисунковъ Пушкина въ черновой «Кавказскаго Илбишника» тетрадь Румицевскаго музея № 2365; воспроизводится въ первый разъ	21
247. Заглавный листъ Кавказ. Илбишника. Спб. 1822	39
248. Николай Николаевичъ Раевскій-младшій.—Рисунокъ 1819 г., кн. П. Долгорукаго, въ альбомѣ М. П. Раевской въ замужествѣ Орловой, нынѣ принадлежащемъ внучкѣ ея, Е. П. Орловой	41

СТРАИ.

СТРАИ.

249. Письмо Чегодаевской рукописи «Кавказского Павлишка», письмо принадлежавшей Александровскому лицу. Но подлинной рукописи воспроизводится здесь впервые. 43

250. Павлишник Черкешенка. — Рисунки Галактионова «Подарная Звезда» (1824 г.). 45

251. Письмо рукописи «Кавказского Павлишка», находящейся в Румянцевском музее тетрадь № 2365. 47

252. Горный Аудь. — Рисунки из Г. Г. Гагарина. 49

253. Павлишник. — Рисунки из Г. Г. Гагарина. 51

254. Письмо итальян. перевода «Кавказского Павлишка» Roschigiani (Неаполь, 1834). (Пушкинская коллекция П. Е. Рейнбота) 52

255. Кн. П. Д. Цицианов. 53

256. Генерал П. С. Котляревский. 54

257. А. П. Ермолов. — Сь портрета Дюу вь Зимнем Дворге. 55

258. «Кавказский Павлишник» вь дубочных картинках. — Письмо пушкинской коллекции Академии Наук. Число дубочных картин, посвященных Кавказскому Павлишнику, очень велико. Здесь взята серия из 4-х картин, сравнительно лучших. 57

259. Одна из вблжкь обнаженной трепещеть запоздалый листь. — Рисунки Левитана. 58

260. Азия Антоновна Давыдова. 59

261. Декабристь В. А. Давыдов вь старости. 61

262. Одна изь головок пушкинской тетради № 2365, по видимому, евренка. Воспроизводится впервые. 65

263. Денись Давыдов. — Сь портрета Орловского. 67

264. Николай Александрович Корсаков — лицевский товарищ Пушкина. Предполагають, что стихотворение «Гробь юности» вызвано известием о его смерти во Флоренции 1820 г. 69

265. Karl Ludvig Sand. 70

266. Занць прощается сь родиною 70

267. Занць убиваеть Коцебу 70

268. Занць вь темнице 71

269. Чтение смертного приговора 17 мая 1820 г. 71

270. Занца отвозить на место казни 20 мая 1820 г. 71

271. Занць на плаху. 71

272. Казнь Занца. Кроме гравюры портрета Занца, все остальные картинки, иллюстрирующие подвиг Занца, кьмь-то какь видно изь русских помбток, рисованы или срисованы, акварелью, вь ноябрь и декабрь 1835 г. вь Либави. Гравюры и акварели были доставлены на Московскую Пушкинскую выставку 1899 г. П. А. Ефремовым. 71

273. Наполеон на смертном одре. — Картина Ораса Верне 73

274. Монья Наполеона на остров Св. Елены. 74

275. Листь 43 книжневской тетради № 2365. Воспроизводится впервые. Вь крайних двухх паросках Пушкинь, видимо, изображиль какь-то книжневцев; подлин мужчина можеть быть Голоранка Крупенский или Маурогений 79

276. Письмо книжневских смутотворень пушкинской тетради № 2365. Воспроизводится впервые. 85

277. Письмо Адевику рисунковь книжневской тетради № 265. Листь 50 (обороть); воспроизводится впервые. Чтобы ради метрических рисунков, надо повернуть книгу боком. 86

278. Письмо Адевику рисунковь Пушкина вь книжневской тетради № 2365 (листь 49, обороть). Воспроизводится впервые. 87

279. Аю-Дага. Сь очень редкой автографин (Брауна и Вигати 1820-х гг., изь собрания П. А. Ефремова). 89

280. Гурзуфь Юрдуфь во времена Пушкина. — Сь очень редкой автографин Вигати вь Одессе 1820-х гг., изь собрания П. А. Ефремова. 90

281. Пушкинь сь Раевским на южном берегу Крыма. — Картина Авазовского. 91

282. Пушкинь на южном берегу Крыма. Картина Авазовского. 92

283. Пушкинь на Ап-Петри. — Картина Авазовского 93

284. Пушкинку у скалы Аю-Дага. — Картина Авазовского. 94

285. Домь Риннеме вьосаждетив Губонина вь Гурзуфь, гдѣ жаль Пушкинь. Картина Г. П. Кондратенки. Воспроизводится впервые. 95

286. Платачь Пушкина вь Гурзуфь, передь домомь, гдѣ жидь Пушкинь. — Сь фотографин, снятой вь 1907 г. 97

287. «Скала Пушкина» вь Гурзуфь. — Сь фотографин, снятой вь 1907 г. 99

288. Греть Пушкина вь Гурзуфь. — Сь фотографин, снятой вь 1907 г. 100

289. Любимый кинарь Пушкина вь Гурзуфь. — Сь фотографин, снятой вь 1907 г. 101

290. Пушкинь вь Крыму. — Автопортреть, рисованный Пушкинымь во время его пребывания вь Крыму, Румянцевский музей 103

291. Гранюра Картели 1812. Визу изображень эпизод изь Отечественной войны, воспѣтый Жуковскимь вь его Пѣснь во станѣ Русскихь Воиновъ:

Раевский, слава нашихъ дней,
Хвала, передь рѣдами
Онь первый тру вь противъ мечей
Сь отважными сынами.

Отважные сыны — Александр и Николай Николаевичи. 105

292. Каменка. Сь рисунка, сделанного вь 1833 г. 106

293. Александр Раевский вь 1813 г. — Письмо альбома Е. П. Раевской-Орловой. 107

294. Инк. Николаев. Раевский младший вь гусарскомь муницфр. 108

295. Софья Алексевна Раевская. Жена генерала П. П. Раевского 109

296. Софья Николаевна Раевская, младшая изь дочерей Раевского 110

297. Екатерина Николаевна Раевская, вь замужестве Орлова. — Сь портрета, принадлежачаго теперь ся внуку Е. П. Орловой 111

298. Михаил Осетерович Орлов. Сь портрета, принадлежачаго теперь его внуку Е. П. Орловой. 112

	СТРАН.		СТРАН.
299. «Рекрутъ Гименей». Орловъ въ стро- гомъ подчиненн у сюзи «Марфа Песа- ница». Силуэта каррикатура въ альбомъ Ек. Ник. Раевской-Орловой.	113	324. Пушкинскій таборъ у Чугуревнхъ воротъ на Прутѣ. Съ снимка архитектора А. И. Смирнова	173
300. Екатерина Николаевна Давыдова.	115	325. Остатки Аккерманской крѣпости. Съ фотографическаго снимка А. П. Яцимирскаго	175
301. Александръ Львовичъ Давытовъ.	116	326. Кишиневскіе типы, зарисованные Пушкинымъ Каравашинымъ рисунокъ въ ки- шиневской тетради № 2365. Должно быть, сцена въ церкви. Воспроизводител впервые	176
302. Пушкинскія гробы въ Каменкѣ. Съ фотографіи, хранящейся въ библіотекѣ Кіевского Университета.	117	327. Кишиневскіе типы, зарисованные Пушкинымъ. — Очевидно, греки-повстанцы. Воспроизводител впервые. Изъ кишиневской тетради № 2365.	177
303. Изъ кишиневскихъ портретовъ пуш- кинскои тетради № 2365; воспроизводител впервые.	119	328. Памятникъ Пушкину въ Кишиневѣ. Снимокъ 1907 г.	178
304. Заглавный листъ «Братьевъ раз- бойниковъ». Москва, 1827.	124	329. Изъ нащесъ Бахчисарайскаго дворца. Рис. В. Суреньянца	180
305. Разбойники у костра.—Рисунокъ Га- лактіонова («Новиріяя Завѣда» 1825 г.).	127	330. Фонтанъ слезъ въ Бахчисарайскомъ дворцѣ. — Съ рѣдкои литографіи изъ коллекціи Н. А. Ефремова	192
306. Братья разбойники. — Литографія Тима (Рус. Худож. Листокъ) 1859 г.).	129	331. Рисунокъ Галактіонова 1827 г. съ подлинника, принадлежащаго теперь Импер. Александровскому Лицею	193
307. Нойбѣ братьевъ-разбойниковъ.—Ри- сункомъ К. Трутовскаго. («Сверное Сіише» 1862 г.).	130	332. Рисунокъ Галактіонова 1827 г. съ под- линника	194
308. Младшій изъ братьевъ-разбойниковъ въ бреду. Рисунокъ С. Панаова.	131	333. Рисунокъ Галактіонова (1827), съ под- линника	196
309. Одежда и кушечникъ. — Акварель В. Вас- нецова.	132	334. Зарема и Марія. Рис. Зичи. По фо- тографіи съ оренбургской литографіи Пола Пети, должно быть, 1830-хъ гг. Изъ Пушкин- ской коллекціи П. Е. Рейнбога)	197
310. Одежда прощается съ коземь. — Аквар- ель В. Васнецова.	133	335. Рисунокъ Галактіонова (1827), съ под- линника	199
311. Тризна по Одеждѣ. — Акварель В. Вас- нецова.	135	336. Входъ въ «лабенью брошеннѣй» дворца. Рис. В. Суреньянца	200
312. Гречанка двоихъ Бапрона. — Портретъ ашикой Душманн, относящійся къ 1813 г. По наброску Кокерилл рис. Члонида для Вугон Gallery, London 1833).	141	337. Хазетин гаремъ Бахчисарайскаго двор- ца. (Литографія Киротена. Изъ коллекціи П. А. Ефремова)	201
313. Адель Александровна Давыдова позд- нѣйшій портретъ ея, когда она перешла въ католичество и стала монахиней)	142	338. Садъ Бахчисарайскаго дворца. Рису- валъ съ натуры и за камнѣ Пав. Св. т. е. Пав- ель Сивильн. Рѣдкая литографія 1829 г. изъ коллекціи П. А. Ефремова	202
314. Листъ 28 кишиневской тетради № 2365 съ отрывкомъ программы Гавриляцы	143	339. Гробница Маріи Потоцкой въ Бахчиса- раѣ. — Съ рѣдкои литографіи, рис. М. Дарага- номъ, изъ коллекціи П. А. Ефремова)	203
315. Отецъ Николаевичъ Глинка	149	340. Александръ Николаевичъ Раевскій	205
316. Владимиръ Ивановичъ Панаевъ.	153	341. Ф. Ф. Вигель	207
317. Кн. П. А. Вяземскій.—Портретъ, ри- сованный Пушкинымъ, повидимому, въ 1826— 27 гг. Изъ собранія П. С. Остроухова. Воспро- изводител впервые	155	342. Иванъ Осиповичъ Тимковскій. Лито- графія Эстерейха, 1823 г.	211
318. Листъ 46 кишиневской тетради № 2366. Воспроизводител впервые. Тутъ представле- ны основныя интересы кишиневского періода: увѣщаніе древне-рус. исторіей программы; изображеніе Одыи, греческимъ восстаніемъ портретъ Нисзантн, настроеніе Кншала портреты Занда и Марата. Тутъ же про- грамма «Братьевъ Разбойниковъ» и нѣсколько кишиневскихъ портретовъ.	159	343. «Процѣй, свободная стихія». Картина Анжозовскаго. (Художникъ ошибочно поста- вилъ годъ: 1827—вмѣсто 1824)	213
319. Домъ Ницова около 1840 г. — Одес- скій Альманахъ на 1840 г.	161	344. Алексѣй Николаевичъ Вудьфъ.	215
320. Развалины дома Ницова въ 1854 г. Литографія 1864 г.	163	345. Николай Михайловичъ Языковъ. Портретъ церковнаго періода	217
321. Иванъ Пиквиичъ Ницовъ. Литогра- фія Песоцкаго	165	346. Михаилъ Леонтьевичъ Магшицкій	220
322. Старо-молдавскіи боярскіи костюмъ. Тудоръ Владимирскы	169	347. Александръ Шишковъ	221
323. Рисунокъ Пушкина изъ кишиневской тетради № 2365 г. 42. Воспроизводител впервые. Относится къ малозвѣдыванному эпизоду бессарабскаго періода. Пушкинъ вы- звалъ на дуэль бывшаго французскаго офи- цера-авантюриста Дедина, а годъ струнды, спиралася за жену, и дуэль не состоялась. См. перенеску Пушкина 1822 г.	171	348. Заглавный листъ Цыганъ. Москва, 1827.	223
		349. Цыганка. Изъ Description ethnogra- phique des peuples de Russie Nauin.	224
		350. Цыганскій таборъ.—Рѣдкая гравюра по рисунку Т. Г. Шевченко для несостоява- гося пѣданій соч. Пушкина. Воспроизводител впервые. Съ экземпляра коллекціи П. А. Ефре- мова	241
		351. Земфира поетъ пѣсню «Старый мужъ, грошій мужъ». Рисунокъ Микѣшина	245
		352. Алеко у трупа Земфиры.—Рис. К. Трутовскаго	248

	СТРАИ.	СТРАИ.
353. Оставь насъ, горькии челоувѣкъ. Рис. Зизи	249	
354. Орнаментъ мусульманскихъ рукописей. (L'art arabe, par Prisse d'Avennes, d'apres les monuments de Caïre. P. 1877)	251	
355. Орнаментъ мусульманскихъ рукописей. (L'art arabe par Prisse d'Avennes)	252	
356. Орнаментъ мусульманскихъ рукописей. (L'art arabe par Prisse d'Avennes)	253	
357. Орнаментъ мусульманскихъ рукописей (L'art arabe par Prisse d'Avennes)	254	
358. Орнаментъ мусульманскихъ рукописей. (L'art arabe par Prisse d'Avennes)	255	
359. Испанская серенада. — Пензатипная акварель Николая Бролова. Библиотека Академии Художества.	257	
360. Подарная Завѣта. С.-Петербургъ 1825.	259	
361. Графъ Ошаръ. Силуэтъ въ альбомѣ Е. П. Раевской-Ораовой. Воспроизводится впервые	261	
362. Видъ Одессы съ моря въ 1824 году. — Рисунокъ тушью А. Мантони. Принадлежитъ Одесской Городской Публичной Библиотекѣ. Изъ собранія М. М. Голубова. Воспроизводится впервые	263	
363. Видъ входа въ Риншельевскую улицу г. Одессы. Съ литографіи тридцати годовъ, принадлежащей Одесской Городской Публичной Библиотекѣ. Воспроизводится впервые	265	
364. Домъ, гдѣ жилъ Пушкинъ въ Одессѣ на Пушкинской улицѣ, бывшій Спиръ, нынѣ Александровскій. Съ фотографіи 1907 г.)	269	
365. Графъ, поэтъ и князь, М. С. Воронцовъ. Портретъ Дюу	277	
366. Старинная Генуэзская баня у входа въ Одесскій портъ	280	
367. Женихъ. Рисунокъ К. Трутовскаго. (Сверное Сіице 1862)	283	
368. Андрей Шенье	285	
369. Графиня Е. К. Воронцова. Портретъ Дюу (George Daw Esq.)	287	
370. Иванъ Ивановичъ Козловъ	290	
371. Анна Петровна Кернъ. Силуэтъ въ 1825 г. Воспроизведенъ по подлиннику	291	
372. Графъ Дмитрій Ивановичъ Хвостовъ	293	
373. Заглавный листъ Бориса Годунова. Спб. 1841.	315	
374. Портретъ Карамзина, принадлежавшій къ 2-му изд. «Исторіи Государства Россійскаго» (Спб. 1818)	316	
375. Одно изъ первоначальныхъ заглавій Бориса Годунова». Рамка взята изъ рукописи XVII вѣка, изданіи Гольдштемма; надпись стилизована Ф. Г. Беренштамомъ	317	
376. Шуйскій и Воротыньскій. — Постановка Шишкова 1870	318	
377. Москва XVII вѣка. (Изъ плана XVII вѣка, воспроизведеннаго въ изд. Пантелова. Красная площадь обозначена № 10)	320	
378. Новотычинъ монастырь. По рисунку Де-Бруна 1792 года	321	
379. Борисъ Годуновъ. — Со стариннаго портрета въ кунсткамерѣ Академіи Наукъ рисов. Зеленскій. (Висковатовъ, Описание одежды и вооруженія русскихъ войскъ)	322	
380. Постановка Московскаго Художественнаго театра 1907—1908. Кремлевскія палаты	323	
381. Нименъ-дѣвоищецъ. Трагедія Галактионова въ «Шевскомъ Альманахѣ» на 1828 г. (Спб. 1827.)	324	
382. Нименъ-дѣвоищецъ. Рис. В. Васнецова	325	
383. Нименъ-дѣвоищецъ. Картина К. Лебедева (Музеи Академіи Художества)	327	
384. Патриархъ Іовъ. Трагедія Дочапаньева изъ собранія Платона Векетова	328	
385. Шалашникъ въ родѣ Бориса.	329	
386. Ваенлій Шуйскій царемъ; старинный портретъ изъ «Описанія одежды и вооруженія рус. войскъ» Висковатова	333	
387. Старинный кабинетъ въ Кремлевскомъ теремномъ дворцѣ. Фотографія Барщевского	335	
388. Царевичъ Осетеръ показываетъ Борису карту Россіи Картина Кинишви	337	
389. Самозванецъ въ Курскѣ. Постановка Моск. Художественнаго театра 1907—1908.	339	
390. Дмитрій Самозванецъ. Наибольше достоверный изъ его портретовъ, гравированный въ 1606 г. Лукой Биланомъ	341	
391. Уборная Маринъ. Постановка Моск. Художественнаго театра 1907—1908	342	
392. Историческая Маринъ Мишкевъ. Современная (1605) портретъ Сидяцкаго	343	
393. Польскіе костюмы XVII в. Рисунки Матейки	344	
394. Сцена у Фонтана. Постановка Шишкова 1879 г.	345	
395. Самозванецъ обаяется въ любви Маринѣ. (Рис. Галактионова къ роману Булгарина «Дмитрій Самозванецъ»)	347	
396. Маринъ Мишкевъ. Портретъ, находившійся въ Самборскомъ замкѣ, теперь въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ	348	
397. Дмитрій Самозванецъ. Портретъ, находившійся прежде въ Самборскомъ замкѣ; теперь въ Историческомъ музеѣ въ Москвѣ)	349	
398. Постановка Москов. Художественнаго театра (1907—1908)	350	
399. Польское войско начала XVII вѣка (Рисунки Матейки)	352	
400. Борисъ Годуновъ и Юрчицкая. Постановка Москов. Художественнаго театра 1907—1908	353	
401. Царскій вихоть въ XVII вѣкѣ. Изъ атласа къ путешествію Менерберга	354	
402. Любное мѣсто. Рисунокъ XVII вѣка, изъ атласа къ путешествію Менерберга	360	
403. Дмитрій Наръ. Визыетка Галактионова къ роману Булгарина Дмитрій Самозванецъ	361	
404. Домъ Борисовъ. Постановка Шишкова (1869—1870)	362	
405. Убиеніе Осетера Годунова. Рисунокъ Константина Маковского. (Сверное Сіице 1862 г.)	363	
406. Село Михайловское. Литографія 19 вѣка, готовъ изъ коллекціи П. А. Ефремова. Средняго дома, въ которомъ жилъ Пушкинъ, въ настоящее время не существуетъ	367	
407. Пушкинъ въ томѣ Прушиа Ротонновы. Картина В. Максимова. Домикъ сохранился до настоящаго времени	369	
408. Любное мѣсто Пушкина въ окрестности Михайловскаго и Григорьевска. Губа Соротъ и озеро. Картина В. Максимова. 1899	371	
409. Домъ П. А. Ошарова въ Григорьевскомъ. Снимокъ 1899 г.)	373	

	СТРАН.
410. Остатки Григорьевой башни, въ которой жилъ Пушкинъ. Картина В. Максимова (1898)	375
411. Крестьянинъ изъ окрестностей Михайловскаго. Этюдъ В. Максимова (1872)	377
412. Типъ крестьянъ окрестностей Михайловскаго. Старикъ Алексѣй, хорошо поминившій 1899 Пушкина. Портретъ В. Максимова	379
413. Прима Родионова. Картина В. Максимова	380
414. Осенній вечеръ въ Михайловскомъ. Рисунокъ Анолиннарія Васнецова	381
415—21. Миниатюры: 1 Корсаковъ, 2) Яковлевъ, 3 Пущинъ, 4) Горчаковъ, 5) Дельвингъ, 6) Кюхельбекеръ, 7) Пушкинъ	381—383
422. Графъ Пущинъ. Рисунокъ К. Трутовскаго. «Сѣвер. Сибирь» 1862	395
423. Епифанъ Абрамовичъ Баратынскій. Съ портрета, рисов. на камнѣ Шевалье	398
424. Николай Семеновичъ Мордвиновъ	399
425. «Невскій Альбомъ». Сиб. 1826.	400
426. Серафимъ влагаетъ уль въ грудь Пророка. Гравюра по рис. пдвѣтнаго французскаго иллюстратора 18 вѣка Marillier. Изъ Пушкинскон коллекціи П. А. Ефремова. При популярности иллюстрацій Марилье, весьма возможно, что Пушкинъ видѣлъ эту гравюру	405
427. Вишѣтка къ «Сценѣ изъ Фауста». Иллюстрація О. Г. Беренштама	417
428. Вишѣтка къ «Сценѣ изъ Фауста». Иллюстрація О. Г. Беренштама	418
429. Вишѣтка къ «Сценѣ изъ Фауста». Иллюстрація О. Г. Беренштама	419
430. Вишѣтка къ «Сценѣ изъ Фауста». Иллюстрація О. Г. Беренштама	420
431. Вишѣтка къ «Сценѣ изъ Фауста». Иллюстрація О. Г. Беренштама	421
432. Декабристы въ Рудникахъ. Акварель Брюдова. Каторжникъ — кн. Сергій Волконскій, которому предлежитъ его молодое счастье	431
433. Перстень-талисманъ Пушкина. Пушкинскій музей при Аншевъ. Подарокъ Пушкину гр. Воронцова	432
434. Графиня Е. К. Воронцова	433
435. Арионъ. Русская гравюра 1809 г. Изъ Пушкинскон коллекціи П. А. Ефремова	435
436. Кн. Марія Николаевна Волконская. Урожд. Раевская съ сыномъ Николаемъ († 1827). Гравюра Ушера съ акварельнаго портрета П. О. Соколова (1826)	439
437. О. А. Книренскій	461
438. Итальянскіе виды русскихъ художниковъ начала XIX вѣка. Видъ Сорренто. С. Шедрина	463
439. Филимоновъ, В. С. Карриатура-портретъ Зенцеля	489
440. Графиня А. О. Закревская, урожденная гр. Толстая	493

	СТРАН.
441. Утопленникъ. Рисунокъ А. Архипова	495
442. Николай Ивановичъ Тургеневъ	505
443. Кондратій Фесторовичъ Рыльцевъ	508
444. Александръ Александровичъ Бестужевъ. Маршискій	509
445. Видѣльничъ Карловичъ Кюхельбекеръ	511
446. Кн. Сергій Григорьевичъ Волконскій	513
447. Кн. Сергій Петровичъ Трубецкой	515
448. Михаилъ Семеновичъ Лунинъ	517
449. Пикета Михайловичъ Муравевъ	521
450. Иванъ Дмитриевичъ Якушкинъ	523
451. Александръ Ивановичъ Якубовичъ	525
452. Павелъ Ивановичъ Пестель	526
453. Листъ 38-й пушкинскон тетради № 2468. Декабристы на виселицѣ. Воспроизводится впервые	527
454. Обложка Герценовскон «Полярной Звѣзды» 1861	530
455. Жуковскій. Этотъ портретъ является наиболѣе яркимъ выраженіемъ огромнаго впечатлѣнія, которое произвело «Русланъ и Людмила». Стоявший во главѣ литературы, Жуковскій присылаетъ Пушкину свой портретъ съ надписью: «Побѣдителя-ученику отъ побѣденнаго-учителя въ тотъ высокотожественный день, въ который онъ окончилъ свою поэмѣ Русланъ и Людмила. 1820, марта 26. Великая пятница	537
456. Василий Львовичъ Давыдовъ въ молодости	565

IV.

Орнаментъ.

Заставки и концовки начала XIX вѣка.

457—495. На стр. 1, 4, 16, 22, 23, 60, 63, 77, 81, 88, 102, 118, 119, 139, 154, 158, 179, 209, 210, 240, 250, 258, 281, 383, 386, 393, 397, 401, 403, 408, 416, 423, 450, 451, 464, 487, 503, 635.

Вишѣтки и боковики начала XIX вѣка.

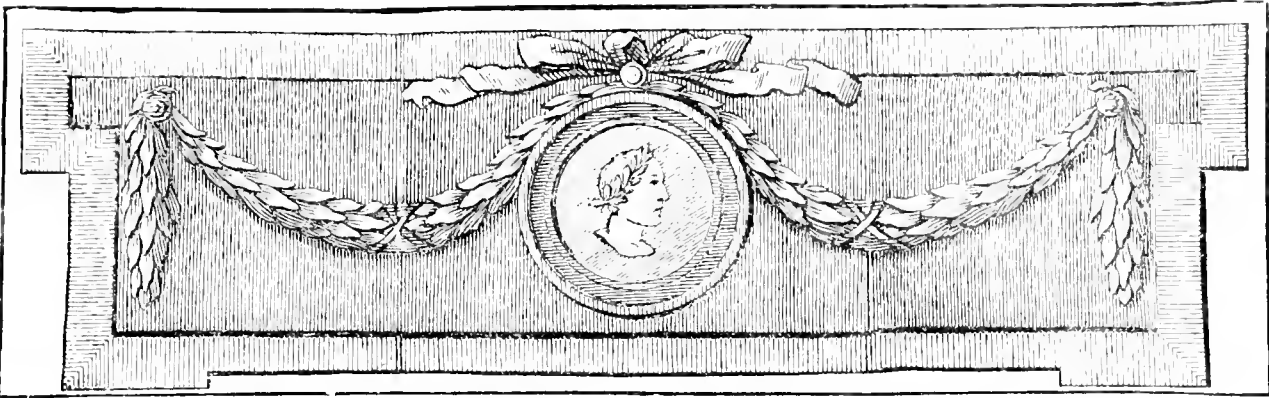
496—497. На стр. 5, 288.

Орнаментъ XVIII вѣка.

498—499. На стр. 152, 630.

Старорусскій орнаментъ и мелкія изображенія быта.

500—509. На стр. 136, 137, 137-бис, 138, 326, 333, 356, 358, 364.

Оглавленіе II тома.

I. СТАТЬИ И ЗАМѢТКИ.

	стр.		стр.
1. Пушкинъ на Кавказѣ въ 1820 году. Е. Вейденбаума	17	16. Отголоски увлеченія Байрономъ въ поэзіи Пушкина. Академика Н. Н. Дашкевича	424
2. «Кавказскій пѣвнникъ». Н. О. Моро- зова	24	17. Пушкинъ въ Александровскую эпоху. Проф. П. А. Котляревскаго	465
3. «Аджикіе рисунки». С. В.	87	18. Пушкинъ и декабрьское движеніе. Александра Слонимскаго	503
4. Пушкинъ въ Крыму. Валерія Брюсова	89	19. По поводу рисунка Пушкина «Де- кабристы на вѣсѣлахъ». С. Вейгерова	529
5. Пушкинъ и Раевскіе. Проф. А. Лободы	104	20. Недошедшіе и приписываемые Пуш- кину стихи 1817—1819 г. Н. О. Дернера	531
6. «Братья-разбойники». Проф. П. А. Котляревскаго	122	21. Черновые наброски 1818—1819 г. Н. О. Дернера	539
7. Пушкинъ въ Бессарабіи. Прив. доц. А. Н. Яцимирскаго	158	22. Черновики 1818—1819 гг., совер- шенно неотдѣланные. Ред.	543
8. «Бахчисарайскій фонтанъ». Ю. П. Айхенвальда и Н. О. Дернера	180	23. Примѣчанія къ стихотвореніямъ 1820 года. Н. О. Морозова	546
9. «Цыганы». Вячеслава Иванова	225	24. Примѣчанія къ стихотвореніямъ 1821 года. Н. О. Дернера	556
10. Пушкинъ въ Одессѣ. Н. О. Дер- нера	263	25. Примѣчанія къ стихотвореніямъ 1822 года. Г. П. Карасикъ, Н. О. Дернера и Ред.	589
11. «Борисъ Годуновъ». О. Д. Батюш- кова	296	26. Гаврилада. Валерія Брюсова	602
12. Народъ и царь въ трагедіи Пуш- кина. П. Павлова-Сильван- скаго	308	27. Примѣчанія къ стихотвореніямъ 1823 года Н. О. Дернера	615
13. Пушкинъ въ селѣ Михайловскомъ. Проф. Е. Пѣтухова	366		
14. «Графъ Нулинъ». Н. О. Моро- зова	387		
15. «Сцена изъ Фауста». А. Г. Горн- фельда	408		

II. СТИХОТВОРЕНИЯ.

ЦЕЗЬ ЧЕРНОВЫХЪ НАБРОСКОВЪ		СТРАН.
и подшевные произведения 1818 - 1819 гг.		
	СТРАН.	
212. Позволь душѣ моей открыться предъ тобой	1 » 539	
213. Какъ сладостно!.. но, Боги, какъ опасно.	1 » 540	
214. Н я слышалъ, что бѣлый свѣтъ	1 » 540	
215. Къ	2 » 540	
216. Элегія (къ Кагульскому памятнику).	2 » 541	
217. Напрасно, мнѣй другъ, я мыслить учить	2 » 541	
218. Дубровы, гдѣ въ тиши свободы	2 » 541	
219. Скажи, какія заклинанья	2 » 542	
220. Все призракъ, суета	3 » 542	
221. Давно-ли тайными судьбами.	3 » 542	
222. Я мало жилъ и наслаждался мало	3 » 542	
223. Недавно тѣхъ-въ вечеркомъ.	3 » 542	
224. За старые грѣхи наказанной судьбой.	3 » 543	
225. Но я не тотъ! Мои златые годы (Кв. А. М. Горчакову).	4 » 543	
226. Посланіе А. Н. Тургеневу.	4 » 543	
ЧЕРНОВИКИ 1818—1819 гг., СОВЕРШЕННО НЕОТЪДѢЛАННЫЕ.		
226—а. Надежда Нариса.	543—544	
226—б. Чудесный (Ангель, Гений мой).	544	
226—в. (Она мнѣ).	544	
226—г. Такъ точно! Этого—онъ!	545	
226—д. (Фебъ и Геркулесъ).	545	
226—е. Ланса, я люблю.	545	
226—ж. Краснофлечивый забѣлка.	545	
226—з. Ты мнѣ велишь открыться предъ тобой.	545	
226—и. Оставь, о Лезбія.	545—546	
226—к. Пѣть, пѣть, (моя друзья).	546	
226—л. Такъ я бывало, повѣрлялъ.	546	
СТИХОТВОРЕНИЯ 1820 г.		
227. Доридѣ.	6 » 546	
228. Дорида.	6 » 547	
229. Мнѣ бой знакомъ.	6 » 547	
230. (Оленькъ Массонъ).	6 » 547	
231—232. На Аракчеева	7 » 548	
233. Въ жизни мрачной и презрѣнной (на О. Толстого).	7 » 548	
234. Погасло дневное свѣтло. Подражаніе Байрону.	8 » 549	
235. Мнѣ васъ не жаль, года вѣсны моей.	8 » 550	
236. Чаадаеву. Съ морского берега Тавриды	9 » 550	
237. Одва-роза, я въ оковахъ. Подражаніе турецкой пѣснѣ.	9 » 551	
238. Увы, зачѣмъ она блистаетъ.	9 » 551	
239. Хавроніосъ, ругатель зако-снѣбный (На Каченовскаго).	10 » 551	
240. Когда-бъ писать ты началъ сдору	10 » 551	
241. Какъ брань, тебѣ не подо-бла.	10 » 552	
242. Виноградъ	10 » 542	
243. Фонтану Бахчисарайскаго дворца.	11 » 543	
244. Дочери Карагеоргія	11 » 553	
245. Черная шаль	12 » 553	
246. Къ портрету Вяземскаго	14 » 555	
247. Черенда	14 » 555	
248. Рѣдвѣгъ облаковъ летучая града	15 » 555	
249. Антеку позабудь	16 » 556	
ЦЕЗЬ ЧЕРНОВЫХЪ НАБРОСКОВЪ.		
250. Тамъ на берегу, гдѣ дремлетъ лѣсъ священный	16 » 556	
251. Я видѣлъ Азію безлюдные предѣлы	16 » 556	
СТИХОТВОРЕНИЯ 1821 г.		
252. Земля и море. Падлія Москва	22 » 556	
253. Дѣва	22 » 557	
254. Красавица передъ зеркаломъ	23 » 557	
255. Дюнея	23 » 558	
256. Муза	23 » 558	
257. Кавказскій пѣвищкъ	40 » 559	

	СТРАИ.		СТРАИ.
258. Примите новую тетрадь . . .	58 » 560	302. Не твѣмъ горжусь я, мой пбвецъ	81 » 584
259. О знд, которыя любилн . . .	58 » 560	303. Въ твою свѣтлицу, другъ мой пбжный	82 » 584
260. Я пережилъ свои желанья . .	58 » 561	304. Во времена царя Дотона . .	82 » 585
261. Кокеткѣ (къ Аглаѣ)	59 » 561	305. Богъ мудра, рѣвая болтуня .	82 » 585
262. Къ Дельвигу	60 » 562	306. Прими въ златѣ воспоми- нанья	82 » 585
263. Къ Гибдичу	60 » 562	307. Не удивляйся, милый мой .	82 » 585
264. Катевину	60 » 563	308. Грезанка, я люблю тебя . .	82 » 585
265. Вас. Льв. Давыдову	61 » 563	309. Въ Юрауфѣ бѣдный Му- зильманъ	82 » 585
266. Чадаеву	62 » 564	310. Красы лишь, завѣтные пны	83 » 585
267. Къ моеи чернильницѣ . . .	64 » 567	311. A son amant Eglé sans rasi- stance	83 » 586
268. Христось воскресъ. Еврей- кѣ	65 » 567	312. Программа и отрывокъ изъ комедии въ стихахъ	83 » 586
269. Паперница волшебной ста- рины	65 » 568	313. Все жалобы, упрекн, слезы .	84 » 587
270. Алексѣеву	66 » 568	314—318. Орывки «адской» по- эмы	85 » 587
271. Недавно я, въ часы свободы, Свѣтованн)	67 » 569	319. Теките медленнѣи въ мо- емъ воспомнанья	88 » 588
272. Желанье	68 » 570	320. Напрасно рошу ослабѣеть .	88 » 588
273. Гробъ юности	69 » 570	321. Одна черта руки моеи . . .	88 » 588
274. Книжкаль	70 » 571	322. До меня доходить	88 » 589
275. Умолкну скоро я	72 » 572	323. Молвой покнутый изнан- никъ	88 » 589
276. Мой другъ, забыты мной . .	72 » 573	324. Непримириую судьбою . .	88 » 589
277. Наполеонъ	73 » 573	325. Младыхъ пировъ угнали сѣхн	88 » 589
278. Война	75 » 576	326. Чудуль Кагульскнй, ты свя- щенъ	88 » 589
279. Къ Овидию	75 » 577		
280. Въ крови горить огонь желанья (Подражанье Швѣф Швееи)	78 » 579	СТИХОТВОРЕННЯ 1822 г.	
281. П. С. Пушкину	78 » 580	327. У Кларисы денеть мало . . .	119 » 589
282. М. Ф. Эйфельдтъ	78 » 581	328. Нной пбвль мою Аглаю . .	119 » 589
283. Изъ страшно полюбить . . .	78 » 581	329. Мой другъ, уже три ма . . .	119 » 590
284. Всегда такъ будетъ и бы- вало	78 » 581	330. Баратынскому изъ Бесса- рабн	120 » 591
285. Клеветникъ безъ дарова- нн) (на Каченовскато)	78 » 581	331. Друзьямъ	120 » 591
286. Составленъ онъ изъ подлой снеси	78 » 582	332. Братья-равнопники	127 » 591
287. Остави честь судьбѣ	78 » 582	333. Шень о пбщемъ Огетѣ . . .	132 » 592
288. Хоть впрочемъ онъ поэтъ изрядный	78 » 582	334. Примѣты	136 » 593
289—295. (Кншннчевскн) дамы) .	79 » 582	335. Вадимъ	136 » 594
296. Добра мужаго нежелать. Де- сятая заповѣдь)	80 » 583	336. Узникъ	139 » 598
297. Повѣрь мнѣ, быть тебѣ Нацлосомъ	80 » 583	337. Птичка	139 » 598
		338. Люблю лишь сумракъ не- извѣстной	139 » 599
ИЗЪ ЧЕРНОВЫХЪ НАБРОСКОВЪ 1821 г.		339. Горннльн ты, дамнла пшн «Я. П. Толстому»	140 » 599
298. Завидую тебѣ, пшометъ моря сѣвннй	81 » 583	340. Царь Никита	140 » 600
299. Паперница моихъ сердеч- ныхъ думъ	81 » 584	341. Грезанкѣ	141 » 600
300. Вечерня отошла давно . . .	81 » 584	342. Баратынскому	141 » 601
301. Я слушаю тебя и сердцемъ молотью	81 » 584	343. Ацели	142 » 602

	СТРАН.
344. Пріятелю	142 » 602
345. Гаприліада	143 » 602
346. О. Елинка	149 » 606
347. Первое посланіе цензору	150 » 608
348. Жалоба	152 » 609
349. Штъ иш въ чемъ вамъ благодати	152 » 610
350. Русскому Гесперу	153 » 610
351. Нирѣ, любовницы, трузя	153 » 611

ИЗЪ ЧЕРНОВЫХЪ НАБРОСКОВЪ.

352. Изгнанье славно	154 » 611
353. (Изъ поэмы или сказки о царѣ Зензевѣ)	154 » 611
354. Записка къ пріятелю	154 » 611
355. Братъ милый, отрокомъ раз- стался ты со мной	154 » 612
356. На тихихъ берегахъ Москвы	155 » 612
357. (Кн. П. А. Вяземскому)	155 » 613
358. Какъ наше сердце свое- правно	156 » 613
359. Кто, волны, вась остано- вилъ	156 » 613
360. Венерѣ, Фебу и Фемидѣ	156 » 613
361. Догорала молодая. Въ голу- бомъ зѣвря полѣ)	156 » 613
362. Въ дѣвахъ Гяргаринъ щастли- вой	156 » 613
363. Таврида	156 » 613
364. Ты правъ, мой другъ	157 » 614
365. Ужели онъ казался прежде миѣ	157 » 614
366. Встрѣчалась миѣ напер- сники молвы	157 » 614
367. О. Геліосъ, внемли	157 » 614

СТИХОТВОРЕНІЯ 1823 г.

368. Зима миѣ рыхлою стѣною (Изъ записки В. П. Гор- чакову)	179 » 615
369. Возстанъ, о Греція, возстанъ!	179 » 615
370. Бахчисарайскій фонтанъ	193 » 616
371. Демонъ	205 » 618
372. Простилъ ли миѣ ревни- вые мечты	206 » 623
373. Ночь	206 » 625
374. Свободы свѣтель вустынный	207 » 625
375. Проклятый городъ Книви- щевъ	207 » 626
376. Недвижный страждь дремалъ	208 » 627
377. Тѣлѣа жизни	209 » 628
378. (Кн. М. А. Голицыной)	209 » 629
379. Надробная надпись. Кн. А. П. Голицыну	209 » 629

СТИХОТВОРЕНІЯ 1824 г.

	СТРАН.
380. Давыдову	210
381. Иностранцѣ	210
382. Полу-герой, полу-невѣжда	210
383. Саранча летѣла, летѣла	210
384. Тимковскій царствовалъ	211
385. Къ морю	211
386. Прозерпина	214
387. А. П. Вульффу	215
388. Разговоръ книгопродавца съ поэтомъ	215
389. Къ Языкову	217
390. Аввилонъ	218
391. Туманскій правъ	218
392. Печальный день потухъ	219
393. Второе посланіе къ цензору	219
394. Козарность	222
395. Ты ванешь и молчишь	222
396. Цыганы	224 и 241
397. Привѣтъ Алеко сыну	250
398. Подражанія Корану	251
399. Признаніе А. П. Осиповой)	257
400. Почной зефиръ струить эфиръ	257
401. Прости, украинскій мудрецъ	258
402. Сказали разъ царю	258
403. Воспитанный подъ бараба- номъ	258
404. Охотникъ до журнальной драки	258
405. Лихой товарищъ нашихъ дѣдовъ	258
406. Миѣ жаль великія жены	258
407. Напрасно ахнула Европа	259

ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ И ОТРЪВКИ

1823—1824 гг.

408. Блестить луна, недвижно море синъ	260
409. Бывало въ сладкомъ ослѣп- ленья	260
410. Все кончено: межъ нами связи нѣтъ	260
411. Швецъ Давидъ былъ рос- томъ малъ	260
412. (На одесскихъ дамъ)	260
413. Ты издалъ дядо моего (П. А. Плетеву)	260
414. Въ пещерѣ тайной, въ день гоненья	260
415. Слабъ в робокъ человекъ	260
416. Что-же, будетъ ли вино?	260
417. Презрѣвъ в шопотъ уко- ризы	261
418. Сабуровъ, ты оклеветалъ	261

	СТРАН.
419. Едва уста красноречивы	261
420. Графу О... (Олizarу)	261
421. Пока супругъ тебя, красавицу младую	262
422. Забыть и рожд., и свободу	262
423. Младенцу	262
424. Привѣтъ любви, оны вѣчно полны	262
424-а. У моря подь скалой	262

СТИХОТВОРЕНИЯ 1825 г.

425. Приятельмъ	281
426. Вашъ другъ Онта Па. О. П. Глиску	281
427. Жениль	281
428. Андрей Шенье. Посвящено П. П. Р. (Раевскому)	284
429. Сожженное письмо	287
430. Дружба	288
431. Вакхическая пьеса	288
432. Ветроградъ моей сестры	288
433. Къ именищю	288
434. Живъ, живъ курликъ! (На М. Т. Каченовскаго)	289
435. Семейственной любви и пѣкной дружбы ради	289
436. Почтенія, любви и пѣкной дружбы ради	289
437. Элегія на смерть Анны Львовны	289
438. Если жизнь тебя обманеть	290
439. Сафо	290
440. Козлову	290
441. П. А. О... (Осиповой)	290
442. Ex ungue Leonem	290
443. Къ... (А. П. Кериль)	291
444. Желаніе славы	292
445. «Послание А. Г. Родзянкѣ»	292
446. Она Его Святельству Гр. Д. П. Хвостову	293
447. Прозанкъ и поэтъ	294
448. Движеніе	294
449. Соловей и кукушка	294
450. Событъ	294
451. Сатирикъ и поэтъ любовный (Кн. Вяземскому)	295
452. Брови царя пахмура	295
453. Борисъ Годуновъ	315
454. Въ глуши, измучася жизнью постной	381
455. Послѣдніе цвѣты	381
456. 19 октября	381
457. Перель рыцаремъ блестящъ, воза Пль «Orlando Furioso»	384
458. Съ португальскаго	385

	СТРАН.
459. Я не рожденъ свящыннъ славословить	386
460. Графъ Пудинъ	393
461. Пль А. Шенье	397
462. Къ Б... (Баратынскому)	398
463. Подъ небомъ голубымъ страны своей родной	398
464. (П. С. Мордвинову)	399
465. Зимній вечеръ	400
466. П. П. При посѣлкѣ ей Невскаго Альманаха	400
467. Буря	401
468. Все въ жертву памяти твоей	401

ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ.

469. Я былъ свидѣлемъ злойтой твоей весны	402
470. Шумить дустарникъ	402
471. Жизнь розы увядаетъ	402
472. Скажи мнѣ ночь	402
473. Стрекогуля бѣлобока	402
474. Сосѣдство ваше намъ опасно	402

СТИХОТВОРЕНИЯ 1826 г.

475. Съ тобой мнѣ вновь считаткъ довелось	403
476. Вотъ, Зина, вѣзь собѣтъ	403
477. Такъ море, древній душегубецъ	404
478. Пророкъ	404
479. Я видѣлъ васъ, я нѣкъ митатъ (Е. А. Тимашевой)	406
480. Зачѣмъ безвременнуюскую	406
481. У Гальани пль Кольони	406
482. Процай, отшельникъ бессаравскій	407
483. Зимняя дорога	407
482-а. Сцена пль Фауста	417
483-а. Душа моя Навель	422
484. Одыкъ О. А. Туманскому	422
485. Мой первый другъ, мой другъ бездѣльный П. П. Пушкину	422
486. Оны, которыи сочнатъ	422
487—89. Стансы	423

СТИХОТВОРЕНИЯ 1827 г.

490. Во глубинѣ Сибирскихъ руть	451
491. Соловей	452
492. Талисманъ	452
493. Лукъ звониль, стрѣла трепещеть	452

	стр.
494. Ангель	453
495. Есть роза дивная	454
496. Когда бывало, встарину (Е. П. Ушаковой)	454
497. Въ отдаленнй отъ насъ (Е. П. Ушаковой)	454
498. Къ тебѣ собрался я давно	454
499. Кн. З. А. Волконской	454
500. Къ Князю Хованской	455
501. Арюнь	455
502. Три ключа	455
503. Поэтъ	456
504. Къ Язъ (Языкову)	456
505. Близъ мѣстъ, гдѣ царствуютъ Венеція златая	456
506. 19 октября 1827 г.	456
507. Червь. Посланіе къ Дъ (Дельвину)	457
508. Въ сіяній и въ радостномъ покоѣ	459
509. Изъ Alfieri	460
510. Золото и булатъ	460
511. Сто лѣтъ минуло, какъ Тев- тонъ	460
512. Не знаю гдѣ, но не у насъ	460

ОТРЫВКИ И НАБРОСКИ.

513. Земли достигнувъ	461
514. Любимецъ моды легкры- лой (О. А. Кипренскому)	461
515. Какая ночь! Морозъ трес- кучій	461
516. Подруга дней моихъ суро- выхъ	462
517. Толпа холодная поэта окру- жала	462
518. Блаженъ въ злагомъ кругу вельможъ	462
519. Кто знаетъ край, гдѣ небо блещетъ	462
520. Чистотой, прислугой и пош- ломъ	463
521. Таняся пещера	464
522. Сводня грустно за столомъ	464

СТИХОТВОРЕНІЯ 1828 г.

523. Друзьямъ	487
524. Посланіе къ В. (Н. Е. Ве- ликонольскому)	488
525. В. С. Филлимонову	488
526. Городъ пышный, городъ бѣдный	489
527. Каковъ я прежде былъ	490
528. Не пой, красавица, при мнѣ	490
529. Ея глаза	490
530. To Dawe Esqr	491

	стр.
531. Воспоминаніе	491
532. Ты и вы	492
533. Даръ напрасный, даръ слу- чайный	492
534. Кобылица молодая	492
535. П. Д. Киселеву	492
536. Портретъ (Гр. А. О. Зак- ревской)	493
537. Псалтирь, кто избравъ своеправно	494
538. Наперсникъ	494
539. Предчувствіе	494
540. А въ несчастные дни соби- рались они	494
541. Анчаръ	494
542. Утопленникъ	495
543. 19 октября 1828 года	496
544. Рефугадія Беранжера	496
545. Отвѣтъ Катенину	496
546. Отвѣтъ А. П. Готовцовой	497
547. За Netty сердцемъ я летаю (А. П. Вульфъ)	497
548. Подъбзжая подъ Пжоры (Е. В. Вельяшевой)	497
549. О, Эгельстромъ! я восхи- щенный	497
550. Цвѣтокъ	498
551. Червь	498
552. П. В. С (Сленну)	499
553. Любопытный	499
554. Собраніе насѣкомыхъ	499
555. Е. П. Ушаковой Е. П. Уша- ковой)	500
556. Воронъ къ ворону летитъ	500
557. Лицинскій окопѣль	500
558. Невѣдомскій поэтъ, невѣ- домый никѣмъ	500
559. Когда стройна и свѣтлоока	500
560. Если въ жизни поднебесной	500
561. Amour exil	500
562. Не смѣю вамъ стихи Бар- кова	500
563. Когда помилуетъ насъ Богъ	500

ЧЕРНОВЫЕ НАБРОСКИ.

564. Увы, языкъ любви болтли- вой	501
565. Волненьемъ жизни утомлен- ный	501
566. Рнома-звучная подруга	501
567. Въ стѣнахъ зеленыхъ Буд- жака	502
568. Братый староста Авдѣй	502
569. Тебя пою на томной лирѣ	502
570. Въ рюмкѣ свѣтлой предо мною	502

PG Pushkin, Aleksandr Sergeevich
5540 Pushkin
A1
1907
t.2

PLEASE DO NOT REMOVE
CARDS OR SLIPS FROM THIS POCKET

UNIVERSITY OF TORONTO LIBRARY

